

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

ИОНЦ «Русский язык»

Филологический факультет

Кафедра современного русского языка

Современный русский язык (лексикология)

Хрестоматия

Проректор по учебной работе
Рогожин С. А.

Екатеринбург
2007

I. РУССКАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

1.1. Слово в семиологическом аспекте

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике Т. 1–2. М., 1958

Введение

I. Что такое слово

Что такое слово? Определение отдельного слова как единства членораздельного звука и значения, по-видимому, противоречит обычному утверждению, что «одно и то же слово не только в различные времена или по различным наречиям одного и того же языка», но и в одном и том же наречии в определенный период «имеет различные значения» (Буслаев, Гр., § 112).

Говоря так, представляем слово независимым от его значений, т.е. под словом разумеем лишь звук, причем единство звука и значения будет не более единства дупла и птиц, которые в нем гнездятся. Между тем, членораздельного звука без значения не называем словом. Такой звук есть искусственный фонетический препарат, а не слово.

Для разъяснения этого и подобных недоумений полезно иметь перед глазами хоть небольшой отрывок истории слова. Вот, например, что мы знаем о слове **верста**. Прежде всего оно не заимствовано ни из готского, где *rasta*, *milliare* (Срезневский. Мысли об ист. рус. яз., 137), ни откуда бы ни было. Далее, оно не имеет ничего общего со взятыми из немецкого **верстать** (сущ., ж.), **верстак**, польского *warsztat*, литовского *warksztotas*. При нем стоит **верс-тва**, несмотря на различие в суффиксах, не представляющее заметных отличий в значениях. Перед суф. **-та** и **-тва** С — из Т, что делает возможным сродство с **вертеть**. Что это сродство действительно существует, в этом убеждает сравнение с литовским и латинским. Литов. *wars-ta-s* (м.р.) — собственно поворот (плуга), длина борозды, проведши которую плуг **поворачивают**, мера расстояния, <...> в **верста** находим следующие значения: а) из предполагаемого «поворот плуга» — борозда, сохраненное в сербском (*врста*), б) обыкновенная, впрочем, различная в разных местах длина борозды становится путевой мерою (напр., Новг. лет., 1, 14 под 1168 г.: воротилася отъ города за 30 версты); <...> Потг (*Zeitschr. f. vergl. Spr.*, VIII, 21) предполагает, что в основании рус. **верста** в этом значении лежит представление **равных** пространств, обозначаемых столбами <...> Значение меры в **верста**, конечно, древние этого времени, когда стали ставиться верстовые столбы, в) рус. **верста**, верзила, высокорослый человек (презрительно) — не непременно от значения «верстовой столб», а и от меры пути. <...> г) рус. **верста**, верстовой столб ... получает значение версты, как предела нивы, д) от значения борозды, как прямой, длинной, — верста, ряд предметов по прямой линии, напр., кирпичей в стене, камней в мостовой. <...> е) от значения борозды, как идущей рядом с другою и равной с нею, ст.-рус. и ст.-ел. **вьрста**, **вьрста** и соврем. **верста**, пара, ровня; «божьствыная и свѣтозарыная **вьрста Борисе и Гл(ять)бе**» (до 1163 года Срезн., Пам. рус. п.; там же «Борисе и Глѣбе мученика святая и супруга (пара, как пара волов в ярме). Отсюда вр. **верстать**, ровнять, ж) от значения версты, как длины (пройденной), согласно с обычным представлением времени пространством и жизни путём, идёт ст.-рус. и ст.-слав. **вьрста**, **вьрста**, возрастает («отъ млады вьрсты», «юнь верстою»). **Свьрстьникъ** (срб. **врник**) — имеющий одну версту с другим, однолеток и в этом смысле ровня, и, как жена, муж называются ровнею, так в следующем **свьрстьница**, жена: «мужи плакахуся съверстьницъ своихъ» (Ип. л., 200). Из этих значений не менее 3-4 живёт в одно время в русском языке... Совершенно случайно, что они не сохранились все. Итак, слово верста, по-видимому, многозначительно; но таково оно лишь в том виде, в каком является в словаре. Между тем действительная жизнь его и всякого другого слова совершается в речи. Говоря «пять верст», я разумею под «верст» не ряд, не возраст и пр., а только меру расстояния. Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения. Сравнивая отдельный акт речи «пять верст», «отъ млады вьрсты» и т.п. и отвлекая общее, находимое в этих актах, мы должны считать это общее лишь сокращением, а не неизменною субстанцией, окруженною изменчивыми признаками. В действительности не только верста=500 сажений есть слово отдельное и отличное от верста=возраст, верста=пара, но и **верста** в одном из этих значений есть иное слово, чем **версты**, **версте** и т.д. в том же лексическом значении, т.е. малейшее изменение в значении слова делает его другим словом. Таким образом, пользуясь выражением «многозначность слова», как множеством других неточных выражений, сделаем это выражение безвредным для точности мысли, если будем знать, что на деле есть только односторонность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки.

Однозначность эта частью оправдывается единством происхождения слов, частью же происходит от уравнивающего действия звуковых стремлений языка, действия, в общем имеющего психологическое основание, но независимого от особенности значения слова. <...>

Откуда бы ни происходила родственная связь однозвучных слов, слова эти относятся друг к другу как предыдущие и последующие. Без первых не были бы возможны последние. Обыкновенно это называют развитием **значений слова** из одного основного значения, но, согласно со сказанным выше, собственно это можно назвать только появлением **целого слова**, т.е. соединения членораздельного звука и **одного** значения, из слова предыдущего.

II. Представление и значение

Когда говорим, что А значит или означает Б, напр., когда, видя издали дым, заключаем: значит, там горит огонь; то мы познаём Б посредством А. А есть знак Б, Б есть означаемое этим знаком, или его **значение**. Знак важен для нас не сам по себе, а потому, что, будучи доступнее означаемого, служит средством приблизить к себе это последнее, которое и есть настоящая цель нашей мысли. Означаемое есть всегда нечто отдалённое, скрытое, трудно познаваемое сравнительно со знаком.

Понятно, что функции знака и значения не раз навсегда связаны с известными сочетаниями восприятий и что бывшее прежде значением в свою очередь становится знаком другого значения.

В слове также совершается акт познания. Оно значит нечто, т.е., кроме значения, должно иметь и знак. Хотя для слова звук так необходим, что без него смысл слова был бы для нас недоступен, но он указывает на значение не сам по себе, а потому, что прежде имел другое значение. Звук **верста** означает меру долготы, потому что прежде означал борозду; он значит «борозда», потому что прежде значил «поворот плуга», и так далее до тех пор, пока не остановимся на малодоступных исследованию зачатках слова. Поэтому звук в слове не есть знак, а лишь оболочка, или форма знака; это т.ск. **знак знака**, так что в слове не два элемента, как можно заключить из вышеприведённого определения слова как единства звука и значения, а три. Для знака в данном слове необходимо значение предыдущего слова, но знак не тождествен с этим значением; иначе данное слово, сверх своего значения, заключало бы и все предыдущие значения.

Я указываю начинающему говорить ребёнку на круглый матовый колпак лампы и спрашиваю: «Что это такое?» Ребёнок много раз видал эту вещь, но не обращал на неё внимания. Он её не знает, так как сами по себе следы впечатлений не составляют знания. Я хочу не столько того, чтобы он дополнил впечатления новыми, сколько того, чтобы он объединил прежние и привел их в связь со своим запасом сознанных и приведенных в порядок впечатлений. На мой вопрос он отвечает: «Арбузик». Тут произошло познание посредством наименования, **сравнение познаваемого с прежде познанным**. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом. Назвав белый стеклянный шар арбузом, ребёнок не думал приписывать этому шару зелёного цвета коры, красной серединки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса; между тем под арбузом в смысле плода он разумел и эти признаки. Из значения прежнего слова в новое вошёл только один признак, именно шаровидность. Этот признак и есть **знак значения** этого слова. Здесь мы можем назвать **знак** и иначе: он есть **общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами**, или **основание сравнения**, *tertium comparationis* в слове.

Так и в прежде приведённых примерах: кто говорит «верста» в значении ли определённой меры длины, или в значении ряда или пары, тот не думает в это время о борозде, проведённой по полю плугом или сохой, парю волов или лошадей, а берёт из этого значения каждый раз лишь по одному признаку: длину, прямизну, параллельность. Одно значение слова вследствие своей сложности может послужить источником нескольким знакам, т.е. нескольким другим словам. Итак, знак по отношению к значению предыдущего слова есть лишь указание, отношение к этому значению, а не воспроизведение его. Согласно с этим не следует смешивать **знака** в слове с тем, что обыкновенно называют **собственным** значением слова, противопоставляемым значению переносному. <...> Собственное значение слова есть **всё** значение предыдущего слова по отношению к последующему, а где не требуется особенной точности — даже совокупность нескольких предыдущих значений по отношению к нескольким последующим. <...> В том, что мы относительно называем собственным и что, в свою очередь, есть переносное по отношению к своему предшествующему, может быть несколько признаков, между тем как в знаке только один. <...> Так как в данном слове, рассматриваемом как действительное явление, а не отвлечение, находим всегда только одно значение, то, не применяясь к принятой терминологии, а видоизменяя её по-своему, мы не можем говорить ни о собственном, ни о переносном значении данного слова: предыдущее значение есть для нас значение не только слова, которое рассматриваем, а другого. Каждое значение слова есть собственное, и в то же время каждое, в пределах нашего наблюдения, — произ-

водное, хотя бы то, от которого произведено, и было бы нам неизвестно. И с другой стороны, по отношению к значению последующего слова знак есть только указание. Он только намекает на это значение, даёт возможность в случае надобности остановиться на нем и постепенно привести его в сознание, но позволяет и не останавливаться.

Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; он есть **представитель** того или другого в текущих делах мысли, а потому называется **представлением**. Этого значения слова **представление**, значения, имеющего особенную важность для языкознания и обязанного своим происхождением наблюдению над языком, не следует смешивать с другим, более известным и менее определенным, по которому представление есть то же, что восприятие или чувственный образ, во всяком случае — совокупность признаков. В таком значении употребляет слово **представление** и Буслаев: «отдельным словом означаются представления и понятия» (Грам., § 106). В том смысле, <...> представление не может быть означаемым: оно только означающее.

Представление, тождественное с основанием сравнения в слове или знаком, составляет непременную стихию **возникающего** слова; но для дальнейшей жизни слова оно не необходимо. Как известно, есть много слов, связь коих с предыдущими не только не чувствуется говорящим, но неизвестна и науке. Почему, напр., **рыба** названа рыбой, или иначе говоря: как представляется **рыба** в этом слове? Значение здесь непосредственно примыкает к звуку, так что кажется, будто связь между ними произвольна. Говорят, что представление здесь есть, но оно совершенно пусто (бессодержательно). <...> Кажется, однако, что таким образом лишь напрасно затемняется значение термина «**представление**». В слове **рыба** содержание не представляется никак, а потому представления в нем вовсе нет, оно потеряно. Значение имеет здесь только внешний знак, т.е. звук. <...>

Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Напр., говоря о значении слова **дерево**, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова **причина** или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем **ближайшим**, другую, составляющую предмет других наук, — **дальнейшим значением слова**. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова. Когда я говорю «сиду за столом», я не имею в мысли совокупности отдельных признаков **сидения, стола, пространственного отношения** за и пр. Такая совокупность, или **понятие**, может быть передумана лишь в течение ряда мгновений, посредством ряда умственных усилий и для выражения своего потребует много слов. Я не имею при этом в мысли и живого образа себя в сидячем положении и стола, образа, подобного тому, какой мы получаем, напр., когда, закрывши глаза, стараемся мысленно изобразить себе черты знакомого лица. Несмотря на отсутствие во мне полноты содержания, свойственной понятию и образу, речь моя понятна, потому что в ней есть определение места и мысли, где искать этой полноты, определение, достаточно точное для того, чтобы не смешать искомого с другим. Такое определение достигается первоначально посредством представления, а затем и без него, одним звуком. Пустота ближайшего значения, сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что **слово** называется **формой мысли**.

Ближайшее значение слова, **одно** только составляющее предмет языкознания, формально вовсе не в том смысле, в каком известные языки, в отличие от других, называются формальными, различающими вещественное и грамматическое содержание. Формальность, о которой здесь речь, свойственна всем языкам, всё равно, имеют ли они грамматические формы или нет. Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга. В говорящем и слушающем чувственные восприятия различны в силу различия органов чувств, ограничиваемого лишь родовым сходством между людьми. Еще более различны в них комбинации этих восприятий, так что когда один говорит, напр., «это не клен» (дерево), то для другого вещественное значение этих слов совсем иное. Оба они думают при этом о различных вещах, но так, что мысли их имеют общую точку соприкосновения: представление (если оно есть) и формальное значение слова. Для обоих в приведенном примере отрицательная частица имеет одинаковый смысл, именно такой, какой в отрицательных сравнениях: это — клён, но в то же время и не клён, т.е. не обыкновенный клён и не черноклён. Для обоих словом не клен назначено для татарского клена одно и то же место в мысли подле

обыкновенного клёна и черноклёна, но в каждом это место заполнено различно. Общее между говорящим и слушающим условлено их принадлежностью к одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее у каждого различное по качеству и количеству элементов — лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т.е. языка и средств, создание коих условлено существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, с другой — с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности.

В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л., 1947.

С.8-21.

Смысловая структура слова

Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова и содержание категории слова исторически менялись. Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще останется много неясного. «До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными», – заявлял Ф. де-Соссюр, касаясь вопроса о слове. Лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова. При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. <...>

Фонетические границы слова, отмечаемые в разных языках особыми фонологическими сигналами (например, в русском языке – силовым ударением и связанными с ними явлениями произношения, оглушением конечных звонких согласных и отсутствием регрессивной ассимиляции по мягкости на конце), бывают в некоторых языках (например, в немецком) не так резко очерчены, как границы между морфемами (т. е. значимыми частями слов – корневыми или грамматическими элементами речи). С другой стороны, фонетическая грань между словом и фразой, т. е. тесной группой слов, во многих случаях также представляется неустойчивой, подвижной. Например, во французском языке «слова фонетически ничем не выделяются», в звуковом потоке обособляются "группы слов, выражающие в процедуре речи единое смысловое целое", так называемые "динамические, или ритмические группы".

Если рассматривать структуру слова с грамматической точки зрения, то целостность и единство слова также оказываются в значительной степени иллюзорными. А. Noreen определял слово так: это "независимая морфема <...>, которую наше языковое чутье воспринимает как целое по звуку и значению, так что она или ощущается неразложимой на более мелкие морфемы (например, здесь, почти, там), или – в случае, если это можно сделать, – она воспринимается независимо от значения этих более мелких, составляющих ее морфем". В этом последнем случае, при понимании и употреблении слова, по мнению Нореина, не думают или не хотят думать о значении его составных частей. Но и это определение чересчур шатко. В высказывании *надо было приоткрыть сундук, а не открывать его совсем* приставка при- очень заметно выступает как значимая единица речи.

Кроме того, под определение Нореина решительно не подходят служебные слова, но легко подводятся целые словосочетания.

Проще всего в грамматической плоскости рассматривать слово как предельный минимум предложения (Sweet, Sapir, Щерба). "Слово есть один из мельчайших вполне самодовлеющих кусочков изолированного смысла, к которому сводится предложение", – формулирует Сепир. Однако не все типы слов с одинаковым удобством укладываются в эту формулу. Ведь "есть очень много слов, которые являются только морфемами, и морфем, которые иногда еще являются словами». Слово может выражать и единичное понятие, конкретное, абстрактное, и общую идею отношения (как, например, предлоги от или об или союз и), и законченную мысль (например, афоризм Кузьмы Пруткова: "Бди!"). Правда, глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, сходящие в состав слова,

обычно неподвижны (однако ср., например, *лизоблюд* и *блюдолиз*, *скалозуб* и *зубоскал* или *любомудр* и *мудролюб*; но *щелкопер* и *перощелк* – величины разнородные).

Способность слова передвигаться и менять места внутри предложения различна в разных языках. Следовательно, и этот критерий самостоятельности и обособленности слова зыбок, текуч. В таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другие слова или словосочетания внутрь одним и того же слова. Но все эти признаки имеют разную ценность в применении ж разным категориям слов. Например, *никто*, но: *не к кому*; *некому*, но: *не у кого*; *потому что*, но: *я потому не писал, что твой адрес потерял* и т. п. (ср. *есть где*,. но: *негде*, *нездоровится*, но: *не очень здоровится* при отсутствии слова *здоровится* и т. п.).

Такие модальные («вводные») слова и частицы, как *знать* (*Ай, Моська, знать, она сильна, что лает на слона*), *дескать*, *мол* и т. п., вовсе неспособны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения. В этом отношении даже союзы и предлоги счастливее. Например, у Тургенева в повести "Бреттер":

" – Лучков неловок и груб – с трудом. выговорил Кистер: – но ...

– Что: но? Как вам не стыдно говорить: но. Он груб и неловок, и зол, и самолюбив... Слышите: и, а не но". <...>

Таким образом, и с грамматической (а также лексико-семантической) точки зрения обнаруживается разнообразие типов слов и отсутствие общих устойчивых признаков в них. Не все слова способны быть названиями; не все являются членами предложения. Даже формы соотношений и отношений между категориями слова и предложения в данной языковой системе очень разнообразны. Они зависят от присущих языку методов образования слов и методов связывания слов в более крупные единства. Чем синтетичнее язык, иначе говоря, чем явственнее роль каждого слова в предложении указывается его собственными ресурсами, тем меньше надобности обращаться, минуя слово, к предложению в целом. Но, с другой стороны, в структуре самого слова смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг к другу в строго определенной последовательности. А это значит, что слово, состоящее не из одного корневого элемента, а из нескольких морфем, "есть кристаллизация предложения или какого-то отрывка предложения".

На фоне этих противоречий возникает мысль, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи. Оно есть «нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от "духа" данного языка». Удобство этой формулы состоит в том, что она широка и расплывчата. Под нее подойдут самые далекие грамматические и семантические типы слов: и слова-названия, и формальные, связочные слова, и междометия, и модальные слова. Ей не противоречит и употребление морфем в качестве слов. Например, у Белинского: "Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других манов". <...>

Однако формула Сепира удобна, но малосодержательна. Она не уясняет ни предметно-смыслового содержания слова, ни способов выражения и кристаллизации этого содержания в слове. Она лишь направляет и обязывает к уяснению всех элементов смысловой структуры слова. Очевидно, что, при всем многообразии грамматико-семантических типов слов, в их конструктивных элементах много общего. Различны лишь сложность и соотношение разных смысловых оболочек в структуре слов, а также функциональное содержание и связанное с ним грамматическое оформление разных видов слов. Недаром Ф. де-Соссюр писал: "Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка".

<...>

При описании смысловой структуры слова рельефнее выступают различия между основными семантическими чипами слов и шире уясняется роль грамматических факторов в разных категориях слов.

Пониманию строя слова нередко мешает многозначность термина "значение". Опасности, связанные с недифференцированным употреблением этого понятия, дают себя знать в таком поверхностном и ошибочном, но идущим исстари и очень распространенном определении слова: "Словами являются звуки речи в их значениях" (иначе: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово»). Если бы структура слова была только двухсторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления, для всякого нового оттенка в мыслях и чувствованиях должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова.

В действительности же дело обстоит не так. "Великим заблуждением, – говорит Ф. де-Соссюр, – является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определить его так – значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов".

Но в языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены. На это указывал еще В. Гумбольдт.

Правда, "лишь в редких случаях, – говорил В. Гумбольдт, – можно распознать определенную связь звуков языка с его духом <...>. Только в относительно редких случаях звукоподражаний, звуковых метафор и своеобразных звуковых жестов естественная связь звука и значения очевидна непосредственно. Но опосредствованная внутренними отношениями языка как системы разнообразных смысловых элементов, она может быть открыта по разным направлениям. Само понятие фонем и фонологической системы языка основано на признании громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка вообще и слова в частности. <...>

Еще сложнее и разнообразнее те воплощенные в звуковой комплекс слова элементы мысли или мышления, которые прикрываются общим именем «значения».

Общеизвестно, что прежде всего слово выполняет номинативную, или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логической мысли, тогда оно – научный термин.

Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения, слова, в сущности, еще лишены соотносительных языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически. С точки зрения вещественных отношений связь между *стол* и *столовая*, между *гость*, *гостинец* и *угостить*, между *дуб* и *дубина*, между *жила* в прямом номинативном значении и глаголами *зажилить*, *ужилить* и т. д., оказывается немотивированной и случайной. «Значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью» <...>.

Однако легко заметить, что далеко не все типы слов выполняют номинативную или дефинитивную функцию. Ее лишены все служебные слова, в смысловой структуре которых преобладают чисто грамматические значения и отношения. Номинативная функция чужда также междометиям и так называемым "вводным" словам. Кроме того, местоименные слова, хотя и могут быть названиями, но чаще всего являются эквивалентами названий.

Таким образом, уже при анализе вещественных отношений слова резко выступают различия между разными структурно-семантическими типами слов.

Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи. В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например, *живые мощи*, *колтак* – в применении к человеку, *баба* – по отношению к мужчине, *шляпа* – в переносном значении и т.п.).

В этом плане слово выступает как система форм и значений, соотносительная с другими смысловыми единицами языка.

"Слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений, часто называется лексемой".

Вне зависимости от этого данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому зову всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым, оно обычно не распадается на отдельные слова-омонимы.

Семантической границей слова является омоним. Слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом.

Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов. Когда затронут один член цепи, откликается и звучит целое. Возникающее понятие оказывается созвучным со всем тем, что связано с отдельными членами цепи до крайних пределов этой связи.

Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом или отдельных его стилей. Изучение изменений в принципах сочетания словесных значений в «пучки» не может привести к широким обобщениям, к открытию семантических законов – вне связи с общей проблемой истории общественных мировоззрений, с проблемой языка и мышления.

При иной точке зрения, "само значение слова продолжало бы оставаться темным и непонятным без восприятия его самого в общем комплексе всего миропонимания изучаемой эпохи».

Русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи занятий, их группировки, их расслоения и их объединения в "пучки", в комплексные единства. Объем и содержание обозначаемых словами понятий, их классификация и дифференциация, постепенно проясняясь и оформляясь, существенно и многократно видоизменяются по мере развития языка. Они различны на разных этапах его истории.

Характерной особенностью русского языка является тенденция к группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений.

Слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка.

Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей. Поэтому самый характер объединения лексических и грамматических значений в строе разных типов слов неоднороден. Например, в формальных, связочных словах (как предлоги и союзы) грамматические значения составляют сущность их лексической природы. Структура разных категорий слов отражает разные виды отношений между грамматикой и лексикой данного языка.

В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку не приложимо; В. Гумбольдт писал: "Грамматические отношения могут быть присоединены мысленно <...>, если даже они не всегда имеют в языке знаки; и строй языка может быть такого рода, что неясность и недоразумения избегаются при этом, по крайней мере до известной степени. Поскольку, однако, грамматические отношения имеют определенное выражение, в употреблении такого знака существует грамматика собственно без грамматических форм. Тому же учил Потебня.

Итак, понятие о слове как о системе реальных значений неразрывно связано с понятием грамматических форм и значений слова.

Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собою внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексического значения слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями. <...>

Понятно, что и семантический объем слова, и способы объединения значений различны в словах разных грамматических категорий. Так, смысловая структура глагола шире, чем имени существительного, и круг его значений подвижнее. Еще более эластичны значения качественных прилагательных и наречий. <...>

Грамматические формы и отношения между элементами языковой системы определяют грань, отделяющую слова, которые представляются произвольными, не мотивированными языковыми знаками, от слов, значения которых более или менее мотивированы. Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы. "Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немислимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между двумя крайними точками – наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью – обретаются всевозможные разновидности".

Различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, область так называемых "внутренних форм" слова.

"Внутренней формой" слова многие лингвисты, вслед за В. Гумбольдтом и Штейнталем, называют способ представления значения в слове, «способ соединения мысли со звуком».

"Слово как творческий акт речи и мысли, – учит Потебня, – включает в себя, кроме звуков и значения, еще представление (или внутреннюю форму), иначе «знак значения". Например, в слове арбузик, которым ребенок назвал абажур, признак шаровидности, извлеченный из значения слова арбуз, и образует его внутреннюю форму, или представление". <...>

Слово с живым представлением – образное, поэтическое слово. <...>

По определению А. Марти, внутренняя форма слова есть "сопредставление" или «созначение", которое образует посредствующее звено между звуками и значениями. Это – образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими или культурно-историческими особенностями общественной среды и эпохи. Внутренняя форма слова ни в какой мере не совпадает со значением слова (ср. внутреннюю форму и значение слова *тупой* в выражении *тупое упорство*), хотя она и помогает уяснить идеологию и мифологию языка или стиля, связи и соотношения идей, образов и представлений в языке.

<...>

Во внутренних формах слова отражается «толкование действительности, ее переработка для новых, более сложных, высших целей жизни». <...>

«Внутренние формы» слов исторически изменчивы. Они обусловлены свойственным языку той или иной эпохи, стилю той или иной среды, способом воззрения на действительность и характером отношений между элементами семантической системы.

«Внутренняя форма» слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, может уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов.

<...>

Легко заметить, что «внутренние формы» в разных категориях слов проявляются по-разному. На такие типы слов, как слова служебные, слова модальные, до сих пор понятие внутренней формы, в сущности, и не распространялось, хотя и в их образовании и употреблении сказывается громадная роль внутренних форм.

Во внутренних формах слова выражается не только «толкование» действительности, но и ее оценка.

Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта – коллективного или индивидуального. Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений.

Экспрессивная оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных смысловых элементов высказывания. «Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя" – говорил Георг фон Габеленц.

<...>

Этот круг оттенков, выражаемых словом, называется экспрессией слова, его экспрессивными формами. Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична – от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры.

<...>

Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике. В стилистической оценке выступает сфера смысловых оттенков слов, связанных с их индивидуальным "паспортом». Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу его функциональных и жанровых разновидностей (письменный язык, устный язык, их типы, язык художественной литературы и т. п.).

Дело в том, что развитой язык представляет собою динамическую систему семантических закономерностей, которыми определяются соотношения и связи словесных форм и значений в разных стилях этого языка. И в этой системе смысловых соотношений функции и возможности разных категорий слов более или менее очерчены и индивидуализированы.

Индивидуальная характеристика слова зависит от предшествующей речевой традиции и от современного соотношения смысловых элементов в языковой системе и в ее стилевых разновидностях. В этом плане слова и их формы получают новые квалификации, подвергаются новой группировке, новой

дифференциации, распадаясь на будничные, торжественные, поэтические, прозаические, архаические и т. п. Эта стилистическая квалификация слов обусловлена не только индивидуальным положением слова или соответствующего ряда слов в семантической системе литературного языка в целом, но и функциями слова в структуре активных и живых разновидностей, типов этого языка. Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом.

<...>

От значений слова необходимо отличать его употребление. Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление – это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова.

А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956.

С.20-21.

Слово как основная единица языка

Не случайно человеческий язык нередко называют языком слов: ведь именно слова, в их общей совокупности, как словарный состав языка, являются тем строительным материалом, без которого невозможен никакой язык; и именно слова изменяются и сочетаются в связной речи по законам грамматического строя данного языка. Таким образом, слово выступает как необходимая единица языка и в области лексики (словарного состава), и в области грамматики (грамматического строя), и поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово.

В области словарного состава слово является той единицей, которая представляет собой отчетливо выделимый, в связи с достаточной его оформленностью, кусок строительного материала языка, как бы своего рода "кирпич", по выражению Л. В. Щербы. Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже самого слова; словосочетания же, как правило (т.е. если оставить в стороне известные готовые сочетания — фразеологические единицы), уже выходят за пределы словарного состава языка: для них характерна принадлежность их

к определенным речевым произведениям, создаваемым в процессе применения языка, а не к языку как таковому, как применяемому средству <...>.

В области грамматического строя слово является той единицей, к которой в первую очередь относятся закономерности этого строя, прилагаются грамматические правила.

Слово, таким образом, будучи основной единицей языка и с точки зрения словарного состава, и с точки зрения грамматического строя, представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны.

Слово как единица языка с лексической и с грамматической точки зрения

Каждое слово с лексической точки зрения выступает как данная, конкретная, индивидуализированная единица, отличная от других единиц того же порядка, т.е. от других

слов: так, например, в нужных случаях берутся именно слова: house дом, horse лошадь, red красный, а не слова: mouse мышь, source источник, bad плохой и пр.

Наоборот, для грамматики характерным является отвлечение от какой-либо конкретности слова.

<...>

С.26-30.

Проблема отдельности слова

Для того чтобы определить, вернее, выяснить, что такое слово как единица языка, необходимо уточнить самую постановку вопроса и должным образом расчленить его. Думается, что решение этой задачи нередко дополнительно затрудняется именно тем, что к нему приступают, если можно так выразиться, не разобравшись как следует "в условиях самой задачи" и не выделив в ней отдельных вопросов. Поэтому, прежде всего, нужно хотя бы в общих чертах рассмотреть, с какими более специальными, более частными вопросами приходится иметь дело при попытке выяснить, что такое слово как единица языка.

Представляется, что отдельные более частные, более специальные вопросы, связанные с задачей определения слова как единицы языка, лежат в плоскости одной из следующих двух проблем: (1) проблемы отдельности слова и (2) проблемы тождества слова.

В самом общем виде эти проблемы могут быть сформулированы так: (1) что такое одно отдельное слово в каждом данном случае его употребления в связной речи; (2) что такое одно и то же, то же самое слово в различных случаях его употребления.

Следовательно, ставя первую проблему, мы имеем в виду отыскание и определение тех признаков, которыми слово характеризуется как таковое, как особая языковая единица, в каждом данном, отдельно взятом случае его употребления.

Ставя вторую проблему, мы имеем в виду отыскание и определение тех признаков, которыми некоторые единицы, выделяемые в различных отрезках речи в качестве слов, характеризуются как лишь отдельные случаи употребления одного и того же слова, а не как разные слова.

Отсюда ясно, что вторая проблема всегда предполагает сопоставление по меньшей мере двух единиц, из которых каждая выделяется как слово с точки зрения первой проблемы. Существо различия между этими проблемами прекрасно показано академиком В. В. Виноградовым на примере стиха Пушкина: "Глухой глухого звал на суд судьи глухого". В этом стихе "каждый русский грамматик готов найти, — пишет В. В. Виноградов, — семь или, по крайней мере, шесть отдельных слов (если на суд считать за одно целое). Но, с другой стороны, "глухой", "глухого" воспринимаются как формы одного и того же слова". Делится ли приведенный стих на семь или шесть отдельных слов — конкретный вопрос, относящийся к первой проблеме — проблеме отдельности слова. Представляют ли собой три единицы — 'глухой', 'глухого' (1) и 'глухого' (2) одно и то же слово (или два, или три разных слова) — конкретный вопрос, относящийся ко второй проблеме.

Слово, в каждом конкретном случае употребления его в связной речи, само является известным отрезком речи. Для того чтобы выступать в качестве отдельной особой единицы, этот отрезок, представляющий собой слово, должен характеризоваться, с одной стороны, определенной и достаточно легкой выделительностью из потока речи, т.е. по отношению к соседним аналогичным отрезкам, а с другой стороны, значительной внутренней цельностью.

В самом деле: определенная и, притом, именно достаточно легкая выделительность слова в речи, т.е. его отделимость от смежных единиц, от соседних слов, необходима для того, чтобы слово отличалось как некоторое целое, от той или иной осмысленной составной части слова; вместе с тем, значительная внутренняя цельность слова необходима для того, чтобы оно отличалось именно как одно отдельное слово от словосочетания.

Таким образом, проблема отдельности слова расчленяется на два основных вопроса: (а) вопрос выделительности слова, представляющий собой вместе с тем вопрос о различии между словом и частью слова (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); и (б) вопрос цельности слова, являющийся вместе с тем вопросом о различии между словом и словосочетанием.

Прежде всего необходимо поставить вопрос выделительности слова и выяснить, чем отличается целое слово от какой-либо части слова.

Давно уже известно, что выделение слова по фонетическим признакам часто не приводит к удовлетворительным результатам: выделяемые таким образом куски речи по своему характеру могут слишком резко расходиться с тем, что в жизненной практике понимается под словом, и вместе с тем различные фонетические признаки могут противоречить друг другу <...>

Нельзя, конечно, отрицать того, что в известных случаях те или иные фонетические моменты служат для выделения слова, для отграничения его от соседних слов, и тем самым способствуют выражению его законченности. Так, например, отсутствие ударения на полнозначной единице, имеющей субстантивное значение (не местоименного характера), в германских языках обычно является показателем того, что мы имеем дело лишь с частью слова: ср. английские railway, blackboardblackboard и пр., немецкие Eisenband, Schwarzbrot и пр., где отсутствие ударения на -way, -board, -bahn, -brot показывает, что эти единицы в данных случаях не представляют собой отдельных слов, но являются лишь компонентами слов.

<...> Самое важное, на что следует обратить внимание в связи с вопросом о фонетических признаках слова, — это на то, что выделение слова по одним фонетическим признакам неправильно, недопустимо методологически, поскольку при таком выделении слово рассматривается так, как если бы оно представляло собой только звуковой отрезок. Между тем слово, как единица языка, представляет собой образование, имеющее как звуковую сторону, так и сторону смысловую, семантическую. <...>

Исходя из понимания слова как основной единицы словарного состава <...> и вместе с тем как такой единицы, которая способна грамматически изменяться и грамматически соединяться в предложения, в связную осмысленную речь с другими единицами того же порядка, мы должны искать основные, существеннейшие признаки законченности и выделяемости слова в сфере этих его особенностей как единицы языка.

Изменяемость слова предполагает известную его оформленность: поскольку одно и то же слово (именно слово как таковое, а не одна его звуковая оболочка) изменяется, постольку в нем выделяется нечто основное, собственно словарное, лексическое, остающееся тем же самым при различных изменениях слова, и, с другой стороны, — нечто дополнительное, переменное, принадлежащее вместе с тем не данному конкретному слову, а известному классу или разряду слов, отвлекаемое от конкретных слов — грамматическое, связанное с использованием слова в различных произведениях речи. Таким образом, основное, лексическое значение слова оказывается дополненным, осложненным теми или другими грамматическими значениями, которые являются материально выраженными во внешних, звуковых различиях между отдельными разновидностями — грамматическими формами слова: это и придает слову определенную оформленность.

Далее, необходимо помнить также, что различные классы и разряды слов характеризуются не только определенной изменяемостью (частным, "нулевым" случаем которой является неизменяемость), но и определенными закономерностями, правилами соединения с другими словами. Этим в них также могут выделяться и выражаться известные более общие, более отвлеченные значения (например, значения частей речи, определенных классов в пределах той или другой части речи: ср. грамматический род у существительных, переходность / непереходность у глаголов и пр.).

Таким образом, индивидуальное, собственно лексическое конкретное значение того или другого слова оказывается как бы облеченным известными более общими, более абстрактными объективно выраженными дополнительными значениями, в связи с чем различным словам как бы отводится определенное место в словарном составе языка с точки зрения их отношения к грамматическому строю языка. Это значит, что слова оказываются грамматически, как морфологически, так и синтаксически, оформленными, определенным образом приспособленными к их совместному функционированию в связной осмысленной речи. Этой оформленностью слова ему и придается известная законченность, позволяющая достаточно легко и отчетливо выделить его из речи. <...>

с. 33-37.

Теперь возможно перейти к другому вопросу, относящемуся к проблеме отдельности слова, — вопросу цельности слова и выяснить, чем определяется цельность слова, отличающая его от словосочетаний.

Если слово вообще выделяется в речи как таковое специфической для него оформленностью, с которой связана и определенная его законченность (причем данное слово может выделяться, главным образом, вследствие соответствующей оформленности и законченности сочетающихся с ним слов), то в отличие именно от словосочетания слово может быть охарактеризовано как обладающее цельюоформленностью. Это нужно понимать так, что даже наименее цельное по своему строению слово все же оказывается по существу более близким, в самом своем оформлении, к несомненно простому, монолитному слову, чем любое сочетание слов.

Цельнооформленность слова выявляется в специфических особенностях внутреннего строения слова сравнительно со строением словосочетания, в особенностях, которые определяются меньшей законченностью и оформленностью частей слова сравнительно с частями словосочетания, т.е. с отдельными словами. В отличие от слов как цельнооформленных образований словосочетания могут быть определены как образования раздельнооформленные.

Сказанное можно пояснить следующим примером. Если сопоставить языковое образование *shipwreck* кораблекрушение и языковое образование *(the) wreck of (a) ship*, включающее те же самые корневые элементы, что и первое образование, то легко увидеть, что они, обозначая одно и то же явление объективной действительности и существенно не отличаясь по своему значению, принципиально различаются по своему отношению к грамматическому строю, по своей оформленности. Это различие состоит в том, что в первом языковом образовании — *с л о в е* — оба компонента оформлены единожды <...> ; между тем как во втором языковом образовании — словосочетании — имеется самостоятельное грамматическое оформление для каждого компонента <...> Иначе говоря, образование *shipwreck* является цельнооформленным, а образование *(the) wreck of (a) ship* — раздельнооформленным.

<...>

Цельнооформленность слова, естественно, сама по себе выражает известную смысловую цельность: она подчеркивает, что данный предмет или явление мыслится прежде всего как нечто одно, особое целое, даже если при этом и отмечается сложность его строения или выделяются отдельные его признаки. Так, говоря *shipwreck*, мы обращаем основное внимание на обозначаемое этим словом явление в целом, хотя и имеем в виду отдельные его стороны: (а) крушение, аварию и (б) отнесение этой аварии к кораблю. Напротив, если мы говорим *(the) wreck of (a) ship*, на первый план выдвигаются отдельные стороны обозначаемого явления, а уже через восприятие отдельных сторон этого явления осознается и явление в целом.

Однако эта большая смысловая цельность, как уже указывалось выше, выступает в слове не сама по себе, а является следствием его цельнооформленности. Поэтому в качестве самостоятельного критерия разграничения сложного слова и словосочетания она быть выделена не может. <...>

Возможность тождества слова в двух разных случаях его употребления, т.е. в двух отдельных актах речи, скажем, в речи одного и в речи другого лица или в разных отрезках речи одного и того же лица, — есть другой аспект возможности повторения слова, или его воспроизведения.

Возможность повторения, воспроизведения слова, или, короче говоря, воспроизводимость (повторимость) слова в речи, представляется само собой разумеющейся, самоочевидной и является как бы одной из аксиом языка. Таким образом и возможность тождества слова при различии конкретных случаев его употребления, являющаяся лишь другим аспектом, другой стороной воспроизводимости слова в речи, в самом общем виде выступает как не подлежащая сомнению, если только не подходить к явлениям языка с позиций крайнего субъективного идеализма или метафизического эмпиризма.

Воспроизводимость слова, — и вообще любой единицы или составной части языка, — является необходимым условием самого существования и функционирования языка как средства общения, а следовательно, таким условием является и возможность того, что фактически разные отдельные отрезки речи, произнесенные или воспринятые разными людьми, в разное время и в разном месте, будут представлять собой одни и те же составные части языка, в частности одни и те же слова. Если бы слово представляло собой в каждом отрезке речи, выделяемом в качестве слова, нечто совершенно неповторимое, неповторимое, не тождественное тому, что мы находим в каких-либо других отрезках речи, то никакого обмена мыслями между людьми посредством слов не существовало бы: ведь чтобы понять чужую речь, необходимо заранее знать, если не все, то по крайней мере большинство составных ее частей, т.е. воспринимать ее составные части как воспроизводимые единицы, как уже известные; иначе говоря, необходимо отождествлять их с определенными знакомыми единицами.

Проблема тождества слова возникает, таким образом, в связи с тем, что, в процессе применения языка, слова вновь и вновь воспроизводятся как некоторые определенные уже существующие в составе языка единицы и каждое действительно существующее в данном языке слово регулярно наблюдается в различных отдельных случаях его употребления, в разных конкретных его воспроизведениях. При этом различные конкретные случаи употребления (воспроизведения) одного и того же слова, объединяясь тождеством этого слова, вместе с тем противопоставляются всей возможной массе случаев употребления других слов, хотя бы и очень близких к данному и имеющих с ним много общего. Поэтому центральным вопросом всей проблемы тождества слова в специально лингвистической (т.е. не общепсихологической) плоскости является вопрос о том, каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т.е. какие различия между такими случаями совместимы и какие, напротив, несовместимы с тождеством слова.

Особое значение имеют отношения между разновидностями слова в грамматическом плане. Эти отношения не только являются в высшей степени распространенными, но они особенно важны еще и потому, что в них проявляется грамматический строй языка, его грамматика, которая придает языку стройный, осмысленный характер.

Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности. С этой особенностью грамматики связано и то, что грамматические различия между отдельными разновидностями слова сами по себе совершенно не затрагивают лексического содержания слова. Неудачной, поэтому, представляется такая характеристика грамматических различий в слове, согласно которой они являются различиями между "оттенками" значения слова. Грамматические значения являются качественно отличными от лексических и не представляют собой никаких оттенков последних. <...>

Качественно отличаясь от лексических значений, являющихся семантическим ядром слова, различные грамматические значения, естественно, сами по себе не расщепляют единства этого ядра, и тем самым различия между грамматическими формами слова совершенно беспрепятственно соединяются с его тождеством. <...>

С.40-42.

Прежде чем перейти от рассмотрения грамматических разновидностей слова к его другим разновидностям, необходимо сделать терминологическое уточнение. Представляется целесообразным, во избежание недоразумений, избегать слова "форма" для обозначения каких-либо иных, нежели грамматических различий, и формулировать вопрос так: имеем ли мы в случае неграмматических различий два разных слова или лишь два варианта одного и того же слова. Этим будет четко отражено различие между отношениями в двух разных плоскостях: в грамматической и лексической.

Что касается лексических разновидностей слова, то для того чтобы эти разновидности представляли собой варианты одного и того же слова, необходимо:

Во-первых, чтобы, различаясь, они имели общую корневую часть, а следовательно — материально, в их звуковой оболочке выраженную лексико-семантическую общность.

Во-вторых, чтобы, вместе с тем, не было соответствия между материальными, звуковыми различиями и различиями лексико-семантическими, т.е. чтобы первые не выражали последних.

Из сказанного в пункте первом следует также, что различие между вариантами слова как в звуковой оболочке, так и в лексико-семантическом ядре может быть только частичным (поскольку и в той, и в другой стороне должна быть общность).

При этом, если хотя бы одна корневая морфема из выделяемых в данной сложной лексической разновидности отсутствует в другой лексической разновидности, то эти лексические разновидности представляют собой разные слова (ср. railway железная дорога и railroad с тем же значением).

Из сказанного в пункте втором следует, что различие между вариантами, не являющееся различием грамматических форм, может быть либо лексико-семантическим, не выраженным во внешней стороне слова, либо, напротив, внешним, но тогда не выражающим никакого лексикосемантического различия.

Таким образом, в вариантах слова мы находим материально, в звуках объективированную, выраженную лексико-семантическую общность либо при внешне не выраженном лексико-семантическом различии, либо при внешнем различии, не выражающем никакой лексико-семантической дифференциации. Именно благодаря такому соотношению между общностью и различиями единство оказывается преобладающим над разностью — и данные лексические разновидности выступают как варианты одного слова. <...>

Варианты одного и того же слова могут быть весьма разнообразными. Обозначив их общим термином структурные варианты, представляется целесообразным провести дальнейшую классификацию и подразделить их следующим образом:

1. Варианты лексико-семантические — такие, как *shadeshsh shade* тень (не освещенное место) и *shade* оттенок, *man* человек и *man* мужчина, *get* получить и *get* становиться, превращаться и т.п.

2. Варианты фонеморфологические, которые можно в свою очередь подразделить на:

а) Варианты фонетические, или звуковые <...>

б) Варианты морфологические — с дальнейшим делением на:

(1) грамматико-морфологические, или, попросту, грамматические, — такие, как *learn* — *learnt* и *learn* — *learned* учиться, *bandit* — *banditi* и *bandit* — *bandits* бандит и т. п.

(2) лексико-морфологические, или словообразовательные — такие, как, например, некоторые прилагательные с суффиксом *-al* и без него, не различающиеся по своему лексическому значению.

При этом, однако, надо заметить, что здесь возможно и известное объединение отдельных различительных признаков названных выше структурных вариантов слова. Так, в частности, варианты грамматические и варианты словообразовательные могут часто сопровождаться изменением произношения корневой части слова, а тем самым выступать одновременно и в качестве фонетических вариантов.

С. 144-147.

Рассматривая вопрос о двусторонности слова, следует кратко остановиться на самом характере связи между звучанием слова и его значением.

Связь между звучанием и значением слова в принципе условная, произвольная, или немотивированная: она не определяется природой самих звуков и характером значения. Марровцы объявили признание

этого положения идеалистической "знаковой теорией", не понимая, что, говоря об условности связи, мы имеем в виду отношение между звуковой оболочкой слова и его значением, а не отношение между предметом и понятием о нем, — отношение, которое действительно не может быть признано условным и произвольным, так как оно основано на отражении предмета в сознании, на "снятии слепка" с него. Условность связи между звучанием и значением слова есть условность с точки зрения природы самих явлений, с их физико-физиологической и логико-психологической стороны, т. е. с точки зрения отсутствия необходимости соединения определенной артикуляции с определенным значением. <...>

Для проблемы отношения слова и его значения признание принципиальной условности связи между звучанием и значением слова особенно важно, в частности, потому, что эта условность делает связь между звучанием и значением исключительно тесной и непосредственной. Именно вследствие условности рассматриваемой связи, нельзя полагаться на то, что нечто в звучании слова укажет нам, с каким значением оно, это звучание, связывается в данном языке, и нельзя полагаться на то, что мы найдем в значении слова что-либо такое, что укажет на связанные с этим значением звуки.

Поэтому, попросту говоря, необходимо усвоить звучание вместе со значением как некий целый комплекс, как нечто неразрывное: ведь стоит только разорвать это соединение, разрушить этот комплекс — и восстановить его окажется невозможным (с помощью сопоставления разъединенных его частей), так как ни та ни другая его часть не имеют в себе ничего, что само по себе указывало бы на ее соединение с другой из этих частей. <...>

Условность связи между звучанием (и, следовательно, звуковым образом) слова и значением слова является некоторым общим принципом, который обнаруживается во всяком языке и без которого невозможен ни один сколько-нибудь развитый язык.

Вместе с тем, однако, существование и развитие языка базируется и на другом принципе, на принципе мотивированности и рациональной оправданности связи между звучанием и значением, и этот принцип не менее важен, чем первый. Язык может существовать и развиваться лишь при условии сочетания обоих этих противоположных друг другу принципов.

Принцип мотивированности связи между звучанием и значением проявляется не в звукоподражательных и квазизвукоподражательных образованиях. Эти особые, частные случаи не заслуживают того, чтобы задерживать на них внимание. Принцип мотивированности, который является одним из основных в строении и функционировании языка, состоит в другом. Он состоит в том, что соединение отдельных звучаний предполагает рациональное соединение соответствующих этим звучаниям значений; и обратно: для рационального соединения значений требуется соединение соответствующих им звучаний. Это и значит, что звучание сложного по значению отрезка речи мотивируется тем, какие значения выражаются в этом отрезке речи, а выделение в общем, совокупном значении такого отрезка отдельных составляющих его значений мотивируется тем, какие связанные со значением отдельные звучания выделены в звучании всего отрезка. <...>

Итак, принцип условности относится к простым, неразложимым единицам; полностью, собственно, — к морфемам. В сложных образованиях выступает уже принцип мотивированности — наряду, конечно, с принципом условности, поскольку в сложные образования входят простые единицы.

Кроме того, нужно иметь в виду, что возможны различные переходные и смешанные случаи, где как условность, так и мотивированность связи звучания и значения может быть лишь относительной. Рассмотрим, например, слово blackboard классная доска. Мотивированность здесь, конечно, есть, но она очень относительна, даже если и отвлечься от условности связи значения и звучания в отдельных компонентах. В самом деле, почему blackboard не годится, например, для обозначения любой черной доски, а не только школьной?

Всякий момент идиоматичности в каком-либо образовании (в словосочетании, в сложном или производном слове, в грамматической форме слова) ограничивает мотивированность его строения и может сводить ее на нет.

С. 148-150.

Вопрос о значении слова принадлежит, с одной стороны, к проблеме слова как такового, но с другой стороны, он относится к такой важной проблеме общего характера, как проблема соотношения мышления и языка.

Тем самым изучение этого вопроса оказывается заслуживающим самого серьезного и пристального внимания.

Может прежде всего возникнуть вопрос: а нельзя ли и не следует ли семантику слова рассматривать как нечто необходимо связанное со словом, но не входящее в состав самого слова, не являющееся какой-либо его стороной или одним из конституирующих его моментов? Иначе говоря: не проходит ли грань между языком и мышлением именно таким образом, что языку принадлежит лишь сама звуковая материя, а вся семантика относится к области мышления?

Из всего, о чем говорилось выше, думается, следует, что, поскольку связь между звучанием (звуковым образом) и значением слова является столь тесной и прочной, столь важной для самого существования и полноценного функционирования слова, для самого его конституирования как языковой единицы, постольку ее никак нельзя рассматривать как связь между чем-то, входящим в состав самого слова, и чем-то, находящимся вне его. При этом, конечно, следует принять как само собой разумеющееся, что значение слова, во всяком случае, не есть его звучание или какая-либо часть или составной элемент этого звучания.

Значение слова не есть и тот предмет, к которому данное слово относится и который он обозначает. Это представляется столь же очевидным, как и то, что значение слова не есть его звучание. Когда мы производим, перевозим, покупаем, потребляем те или иные предметы, мы производим, перевозим, покупаем, потребляем не значения соответствующих слов, а нечто другое — сами предметы. Также и когда мы ходим, говорим, смеемся, спим, мы производим известные действия, процессы, а не осуществляем значения определенных глаголов. Об этом, казалось бы, можно было и не говорить, если бы на практике не наблюдалось довольно часто бессознательное смешение слова и его значения с самим обозначаемым предметом, явлением, процессом. Поэтому, может быть, не лишним будет обратить внимание на то, что существуют слова, не обозначающие каких-либо предметов, явлений и пр., хотя и имеющие совершенно определенное значение: ср. *mermaid* сирена, *наяда*, *русалка*, *goblin* домовый, *centaur* кентавр, *witch* ведьма и проч. Правда, можно возразить, что эти слова обозначают известные психические предметы, известные фантастические представления, мифологические понятия, и эти-то представления или понятия и следует считать предметами-значениями соответствующих слов. Но тогда, естественно, возникает вопрос: а почему под значением слова 'стол' понимать самые предметы — столы (деревянные, металлические и др.), а не соответствующие представления или понятия стола? К этому можно прибавить, что и такие слова, как *nobody* никто, *nothing* ничего, которые нельзя назвать мифологическими, вряд ли могут быть безусловно признаны обозначающими какой-либо предмет, если не считать таким предметом понятие об отсутствии какого бы то ни было лица или предмета. <...>

С.151-153.

Сказанное выше не позволяет принять, во всяком случае, без серьезных оговорок и то довольно распространенное воззрение, согласно которому значение слова есть лишь отношение слова к обозначаемому этим словом предмету или явлению, лишь самая связь с обозначаемым куском действительности.

Если признать, что слова имеют различные значения, т. е. различаются (по крайней мере как общее правило) своими значениями, то значение слова не может быть только самой связью или наличием связи звучания слова с чем-то вне слова: помимо самой такой связи, помимо самого ее факта или наличия значение должно включать в себя или то, что обозначается (предмет, явление и пр.) или нечто, соответствующее этому обозначаемому, нечто, отличающее данное значение от другого и позволяющее узнать, с каким именно предметом или явлением связывается данное слово.

Но выше уже было также обращено внимание и на то, что самый предмет или явление, с которым связывается данное слово, не может составлять значения слова или включаться в значение слова. Следовательно, в значение слова должно включаться нечто, соответствующее обозначаемому предмету или явлению, а не сам этот предмет или это явление.

Что такое это "нечто"? Очевидно, что это "нечто" — психическое, известное отражение, некоторое изображение в сознании того предмета или явления, о котором идет речь, его более или менее верная или неверная копия, некоторый слепок с него. Важно отметить, что вообще известное отображение обозначаемого предмета или явления составляет по крайней мере часть значения слова.

Учитывая все сказанное выше, значение слова можно было бы определить как известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конституированное из отображений отдельных элементов действительности — *mermaid*, *goblin*, *witch* и т.п.), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для

выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития.

Внутренняя сторона слова, его значение, на первый взгляд представляет собой как будто сферу исследования, безраздельно отведенную лексикологии. Однако в языках со сколько-нибудь развитой грамматической оформленностью слов, хотя бы в таком языке как английский, более углубленный анализ значения приводит лексикологию на каждом шагу к столкновению с грамматикой.

В самом деле: слова в английском языке, как и во многих других языках, распределены по крупным грамматическим категориям — частям речи. С точки зрения лексикологии это прежде всего значит то, что, наряду со специфическим значением (значениями) какого-либо слова, в его семантику входит и значение той категории — части речи, — к которой оно отнесено теми или иными признаками. Или другими словами: полное конкретное значение слова (или совокупность его значений) расчленяется на специфическое значение (значения) данного именно слова и общее значение соответствующей части речи.

Так, например, английское *big* большой значит собственно нечто вроде большой размер и т.п. как признак, принадлежащий некоему предмету — в отличие от *bigness* большой размер как признак отвлеченный от предмета и сам рассматриваемый как особый предмет.

Следовательно, грамматическая классификация слов, выражающаяся в их определении как частей речи, с лексикологической точки зрения является особой семантической их классификацией — классификацией по наиболее общему и абстрактному элементу в составе их значения.

Таким образом, семантика слова оказывается разделенной на две части: особую, принадлежащую данному индивидуальному слову, и общую, принадлежащую всему данному разряду слов и выступающую в каждом отдельном слове как некоторая "категориальная оболочка", в которую заключена особая, индивидуальная часть семантики слова. <...>

с. 154-155.

Сложным образованием представляется и собственно лексическая часть значения слова. Используемое для осмысления предмета (явления) слово выражает определенный смысл, содержание известного практического или теоретического понятия, которое и выступает как смысловое значение слова. Имея определенное семантическое образование, слово может еще иметь структурное значение, отличное от его смыслового значения: она может структурно значить не то, что оно выражает, что оно значит как заключающее в себе определенный смысл, как база для мысли.

Названный момент в значении слова выделяется потому, что значение слова очень часто оказывается не монолитным, но структурно сложным, и притом выделяющим в своем составе такие компоненты, которые могут и не соответствовать каким-либо признакам предмета, выделенным в смысловом значении слова, или соответствовать последним лишь приблизительно или условно. Иначе говоря, значение слова может иметь сложный состав и определенное строение, не являющиеся или являющиеся не полностью и не в точности моментами смыслового значения слова, т.е. моментами выражаемого словом теоретического или практического понятия. В значениях отдельных морфем слов могут находить отражение те или иные признаки и стороны предмета или явления, обозначаемого данным словом в целом, но не обязательно это будут существенные его признаки и важные его стороны. Иногда же дело может обстоять и так, что значение отдельной морфемы в составе слова оказывается лишь очень отдаленно и косвенно связанным с общей лексической его семантикой, не способствующим ее раскрытию или даже более или менее препятствующим этому.

Ср. такие различные случаи, как: *triangle* треугольник, где корневыми морфемами *-tri-* *-тре-* и *-angle-* *-уголь-* отмечаются существенные признаки предмета, хотя нельзя признать, что таким образом предмет оказывается полностью определенным в самом его названии (в обозначающем его слове); *steamer steamer* пароход, где целое еще в меньшей степени оказывается определенным его частями (с точки зрения того, что дает семантика отдельных морфем слова *steamer* собственно нельзя понять, почему оно обозначает пароход, а не, например, паровоз, который также движется при помощи пара); <...>

Семантическое образование слова (которое также называют внутренней формой слова) может иногда долго сохраняться в языке в данном своем виде — даже и тогда, когда оно существенно расходится с самим смыслом слова, будучи понимаемо как некоторая условность.

Ф. П. Филин О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.—Л., 1963. // Норман Б. Ю., Павленко Н. А. Введение в языковедение. Хрестоматия. Минск, 1984. С. 144–147.

Проблема определения слова как речевой единицы решалась и решается главным образом в плане отграничения слова от других речевых единиц — фонем, морфем, словосочетаний, в плане различения полисемии и омонимии и т. д., установления особенностей, которые свойственны слову, его структуре. Поиски специфики слова, идущие в этом направлении, вполне законны и, конечно, будут продолжаться, поскольку проблема отдельного слова и его границ принадлежит к числу «вечных» проблем языковедения.

Есть еще одна сторона той же проблемы, которая хотя и постоянно ставилась языковедами, но которая все же оставалась и продолжает оставаться на втором плане. Я имею в виду весьма многочисленные в языке случаи, когда одно и то же лексическое значение имеет различное оформление, причем различные показатели этого оформления не вносят каких-либо новых оттенков значения. Например: *ноль* и *нуль*, *лиса* и *лисица*, *скирд* и *скирда*, *искренний* и *искренней*, *закалять* и *закаливать*, *машу* и *махаю* и т. д. и т. п. Какие объективные признаки существуют в языке, которые позволили бы говорить, что в одних случаях разное оформление слова не нарушает единства слова и лишь создает варианты одного и того же слова, а в других случаях разное оформление приводит к образованию двух или нескольких самостоятельных слов. Недавно эта проблема была поставлена О. С. Ахматовой (Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 192–233). О. С. Ахманова излагает очень интересные наблюдения, подкрепленные многими показательными примерами. Намечая различные типы фонетико-морфологического варьирования слова, О. С. Ахманова считает, что пределом такого варьирования является синонимия, причем под синонимией понимается обозначение одной лексико-семантической общности разными корнями (при наличии двух и более корневых морфем синонимия предполагает расхождение хотя бы в одной корневой морфеме). (Сводку типов синонимов см.: О. С. Ахманова. Ук. соч., стр. 230—232.) С этой точки зрения такие пары, как *лиса* и *лисица*, *волчица* и *волчиха*, *дед* и *дедушка*, *обвенчаться* и *повенчаться* и т. п., являются не разными словами, а вариантами одного и того же слова. <...>

С моей точки зрения то, что О. С. Ахманова считает равноправными вариантами слова, представляет собой принципиально различные явления. Различие это связано с различными функциями фонем, грамматических форм и словообразовательных аффиксов в строении слова. Нельзя одинаково считать вариантами слова такие пары, как *весной* — *весною* и *напилек* — *напильник*. Варианты одного и того же слова можно разделить на следующие типы: 1) варианты фонематические, 2) варианты акцентологические и 3) варианты грамматические. Разумеется, когда речь идет о вариантах слова, имеется в виду тождественность их по значению (А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова называют различия между вариантами слова «пустыми»). <...>

<...> Как известно, в русском языке имеется очень большое количество колебаний в материальных средствах грамматического оформления слова, относящегося не только к флексии, но и к так называемым формообразующим морфемам: *машу* и *махаю*, *нести* и *несть*, *продрог* и *продрогнул*, *закалять* и *закаливать*, *ягнята* и *ягненки*, *опята* и *опенки*, *объедки* и *объедья* и т. д. и т. п. Куда относить эти колебания в формах, к словоизменению или к словообразованию? На этот счет в лингвистической литературе нет единства мнений. <...>

Мне представляется, что при решении этого вопроса следует исходить из того, какие значения выражают эти морфемы в современном русском языке — грамматические или лексические, хотя в определенных случаях, конечно, нелегко провести границу между грамматической и лексической семантикой. Колебание морфем в пределах обозначения лица, числа, падежа, времени, наклонения и т. п. не разрушает тождества слова, а создает лишь его вариант, поскольку в слове, кроме лексического значения, имеется единство и обуславливающих друг друга грамматических значений, системы этих значений.

Суффикс *-енк-*, как и суффикс *-яг-*, в паре *утенки* — *утята* означает только множественное число по отношению к единственному числу. Соотношение «ед. число — мн. число» — факт чисто грамматический, а не лексико-семантический. Исключение будут представлять супплетивные образования: *человек* — *люди* — два разных слова, поскольку их фонематический состав и происхождение совершенно различны. Несколько в особом положении находятся колебания в грамматическом роде, поскольку разли-

чия в грамматическом роде обычно не имеют какого-либо грамматического содержания и в этом смысле произвольны. Однако различия слов в грамматическом роде имеют формально-грамматическую функцию, поскольку они теснейшим образом связаны с группировкой слов по типам склонений и больше ничего другого в системе имен не выражают.

Таким образом, *зал — зала — зало, санаторий — санатория* и т. д. и т. п., если они не имеют каких-либо оттенков лексических значений, должны быть признаны вариантами одного слова, а не разными словами. Разумеется, когда за различиями в грамматическом роде кроется различие по полу, мы имеем дело с разными словами, имеющими свое особое лексическое значение.

Принципиально иными являются соотношения типа *лиса — лисица, обвенчаться — повенчаться, обжог — ожог, обжигала — обжигальщик* и т. д. Назначение словообразовательных морфем — создание новых лексико-семантических единиц, которые включаются в различные части речи. Вряд ли кто будет сомневаться в том, что однокоренные образования типа *мил — милость — умилоствивить* и пр. являются разными словами. Лексическая функция словообразовательных морфем, несмотря на то что эти морфемы одновременно несут и грамматическую нагрузку, совершенно очевидна. Даже в тех случаях, когда грамматическое значение явно преобладает над лексическим (например, в некоторых префиксах, которые как будто выражают только категорию вида), сохраняются элементы лексического значения или следы лексической самостоятельности. При определенных (различных) обстоятельствах словообразовательные аффиксы как бы десемантизируются при одном и том же корне (*варение — варка, диалектный — диалектальный, канонизировать — канонизовать* и т. п.), но не выпадают из общей системы их употребления, не теряют своей словообразовательной функции. Следовательно, образования типа *лиса — лисица*, несмотря на их лексико-семантическое тождество и наличие общей коренной морфемы, принципиально невозможно приравнивать к формам типа *ноль — нуль, зал — зала* и пр., нельзя считать вариантами одного и того же слова. Это самостоятельные, отдельные слова. Между прочим, если в показе, вариантов слов в словарях имеется много разнобоя, то в показе отдельных слов указанного типа расхождений обычно не бывает. <...>

Проблема границ слова, его тождества и распада имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение: от того или иного ее решения зависит техника показа большого количества слов в словаре. <...>

Исследование теоретических основ проблемы слова и его вариантов на базе детального изучения отдельных групп слов — одна из важных очередных задач лексикологии.

М. В. Панов **О слове как единице языка** // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1956, т. 51, вып. 5 // Введение в языкознание. Хрестоматия. Минск, 1984. С. 132—143.

Морфема, слово, словосочетание, предложение простое, предложение сложное — вот единицы языка, связанные со значениями. Они налицо во всех фузионных языках (только об этих языках в дальнейшем и пойдет речь).

Чем же слово отличается от других значимых единиц? Несомненны различия функциональные: морфемы передают понятия, слова называют (имеют номинативную функцию); предложение сообщает (имеет коммуникативную функцию). <...>

Кроме того, есть и количественные различия. Слово может состоять из нескольких морфем, а морфема не может состоять из нескольких слов. Предложение иногда состоит из нескольких слов, а слово никогда не состоит из нескольких предложений. Иначе говоря, всякая высшая единица = n низших (причем n может быть равно 1).

Из этих единиц, казалось бы, самая ясная и простая — слово. С каким упорством и трудом обучают детей морфологическому анализу, а словесному не учат — это дается без всякой науки. В бытовом, разговорном языке нет ни слова *предложение* (в грамматическом его значении), ни тем более слова *морфема*. Попросите человека, не знающего школьной премудрости, сказать какое-нибудь предложение — он не поймет вас. На просьбу же сказать какое-нибудь слово отзовется всякий. Такая простая и ясная вещь: слово.

Но она же оказывается самой трудной, неясной, загадочной. Сколько усилий потрачено, чтобы научно определить эту единицу, а конец работы еще далек. Вполне очевидно, что одного функционального определения мало, оно требует дополнения, или разъяснения, или развития. А это-то как раз и не да-

ется. Создано много определений слова, они разнообразны, но у всех есть одна общая особенность: эти определения требуют по самому существу своему небольшого дополнения в скобках:

Слово — это то, что называет (по иногда слово и не называет: *ах, за, бы*).

Слово — это то, что передает понятие (а иногда и не передает: *это, Сидор Павлович*).

Слово — то, что легко выделяется в предложении (иногда — не очень, о чем говорят частые ошибки малограмотных: *аунего изавтра временно можетбыть ненайдется*).

И т. д. и т. д. Все определения, очевидно, улавливают только отдельные, причем обычно даже не самые существенные стороны слова. Поэтому и встречаются нередко слова, которые не отвечают ни одному из этих определений — и все же являются несомненными словами.

В том-то, очевидно, и трудность, что у всех у нас есть уже сложившееся практически представление о слове и все наши теории приходится сверять с этим общепринятым и устойчивым представлением. Есть строгий и бескомпромиссный контролер, чье мнение высоко авторитетно. Вы, например, пришли к выводу, что предлоги — не слова. Но с этим не согласится любая старая неграмотная бабушка. Попросите ее сказать по словам такое выражение: *он ехал впереди своего отряда* — и она разделит все выражение на 5 слов, отдельно произнеся предлог *впереди*. С этим нельзя не считаться, тем более, что и в каждом исследователе сидит такая же «внутренняя бабушка», которая часто не приемлет тех построений, на которые готов был пойти ученый.

Нельзя не считаться также и с явлениями графики. Слова пишутся отдельно друг от друга (сейчас, по крайней мере, во всех европейских языках). Отдельное написание их — результат длительного стихийного процесса, внутренне, однако, очень закономерного и разумного. Графическое выделение слов — опять проявление (крайне резкое и очевидное) все того же массового инстинктивного чувства слова. Нельзя, разумеется, фетишизировать это «интуитивное чувство»: не все то, что отдельно написано, — слово. Но и объявить абсурдом, например, традиционное раздельное написание предлогов (в принципе общее у всех народов с данной системой письма) тоже весьма затруднительно. <...>

Все теории, выдвинутые для объяснения слова, не вполне ладят с этим «чувством слова», и поэтому они содержат отступления, оговорки, готовы идти на компромисс с этим чувством. Поэтому у определения слова и появляются «довески» в скобках.

В нашу задачу не входит анализировать все разнообразные определения слова. Остановимся только на ... интересной работе проф. А. И. Смирницкого, на его статье «К вопросу о слове» <...>

А. И. Смирницкий считает, что определяющим моментом при выделении слова из текста (следовательно, моментом, характеризующим единство, целостность и специфичность слова в речевом потоке) является его грамматическая оформленность. Грамматически «слово оформляется определенным образом именно как таковое, как целое: части слова, вообще говоря, лишены той степени оформленности, какую имеет слово, почему они и не обладают необходимой законченностью и воспринимаются именно как части слова, а не как отдельные слова...» (стр. 191).

Это — центральное положение статьи. Оно-то и вызывает серьезные сомнения. Допустим, что грамматическая оформленность — действительно определяющее для слова. Возьмем сочетание *буду писать*. Сколько здесь слов? *Буду* — единица вполне грамматически оформленная. Чем этот служебный глагол отличается от полнозначного глагола *буду* (чья полная грамматическая оформленность не вызывает сомнений)? Только лексической ненаполненностью, грамматически же он оформлен не в меньшей степени. *Писать* — инфинитив; его грамматическая оформленность не менее бесспорна. Следовательно, это два слова. Но ведь нельзя не принять во внимание, что здесь *буду* — элемент грамматического оформления инфинитива *писать*. Те же грамматические значения, которые в слове *напишу* выражены флексией, здесь вынесены за скобки, даны в другом слове. В одном случае грамматическая оформленность выражается флексией с префиксом, в другом — отдельным служебным словом. Грамматическую оформленность имеет каждая единица — и *буду* и *писать*; следовательно, это отдельные слова. Единая грамматическая оформленность более высокого порядка есть и у всего сочетания — значит, это слово. Таким образом, слово состоит из слов... Какова же должна быть степень грамматической оформленности, достаточная для слова? Та, которая есть у связки *буду* и инфинитива в отдельности, или та, которая есть только у их сочетания? На этот вопрос не только нет, но и не может быть ответа.

Ведь есть служебные слова, которые вносят грамматическую оформленность в другие слова; следовательно, они — фактор (и факт) грамматической оформленности другого слова, т. е. (по взглядам А. И. Смирницкого) эти слова — часть другого слова. Здесь т у п и к .

<...>

Автор статьи выдвигает такой принцип: «...если в каком-либо языковом образовании *AB* единица *A* (или *B*) есть часть слова, то и единица *B* (или *A*) также есть часть слова, и, напротив, если *A* (или *B*) есть слово, то и *B* (или *A*) есть по меньшей мере слово (т. е. либо слово, либо более сложное образование...» (стр. 192—3).

Пример: *на суд*. *Суд* — слово, значит и *на* — слово (стр. 192). Все это не так просто, как кажется. Ведь с точки зрения, которую отстаивает А. И. Смирницкий, здесь *суд* — явно не слово (значит и *на* — тоже не слово). В сочетании *на суд* винительный падеж дан не только нулевой флексией, но и предлогом (ср. грамматическую форму предложного падежа, где предлог во всех случаях обязателен). Есть ли у нас основания считать элементом грамматического оформления только флексию? Никаких. Итак, в сочетании *AB B* — не слово (грамматически «недооформлено»); поэтому и *A* — не слово. Вот что вытекает из взглядов проф. А. И. Смирницкого. Если же он этот пример анализирует по-другому, то только в результате непоследовательности, отказа от своей исходной точки зрения в пользу простого чувства слова. <...>

Итак, остается нерешенным вопрос о служебных словах, которые: 1) могут быть сами грамматически оформлены и создавать оформление других слов (*буду писать, самый* большой); 2) сами могут быть совершенно не оформлены, но создавать грамматическое оформление других слов (*на столе, пришел бы*) (как только нам заявят, что предлоги и частицы грамматически оформлены (так как это особая часть речи), то мы принуждены ответить, что и флексии в таком случае ничуть не меньше оформлены).

Факты принуждают признать, что «реально встречаются случаи, в которых одна из двух соединенных друг с другом единиц имеет положительные признаки слова, другая же таких признаков не имеет. В таких случаях решение вопроса о том, имеем ли мы два отдельных слова (например, *на суд*) или одно слово, состоящее из двух частей (например, *овцебык*), зависит от того, как данное соединение укладывается в систему языка» (стр. 194). Пример: в сочетании *на суд* «качество слова у второго компонента (т. е. *суд*) представляется совершенно несомненным с точки зрения всей системы русского языка. Образование *на суд* входит в ряд таких образований, как *под суд, к суду, для суда, ввиду суда, в целях суда, для совершения суда* и пр. Во всех этих образованиях слов *суд* в различных его формах (*суда, суду*) выступает как в достаточной мере оформленная и законченная единица...» (стр. 194—195). Но в таком случае *отдернуть* — тоже два слова, ср.: *от-дернуть, за-дернуть, про-дернуть, выдернуть*. <...> Во всех случаях второй компонент выступает как вполне законченная грамматически единица. Она скорее лексически не закончена, по лексическое значение приставки *от* — в принципе то же, что предлога *от*. Ср. также: *при + говаривать, дез+организующий, не + правда* и пр. <...>

Итак, ссылки на систему языка оказались не вполне убеждающими. Поэтому этот раздел статьи заканчивается так (стр. 195): «Яд, не выделяясь достаточно положительно как отдельное слово, вместе с тем не противопоставлено слову как именно незаконченная единица, как часть слова. Скорее наоборот: *на* в *на суд* явно отличается большей выделительностью от *на* — в *надавить, нажать* и пр., где оно, несомненно, представляет собой часть слова». Здесь вместо доказательств — просто констатация факта, объяснить который выдвинутая теория явно не помогает. Не вызывает спора, что в отрезке *нажать на* — часть слова, а в *на суд* — самостоятельное слово. Это подсказано чувством языка; задача теории осмыслить и проверить этот «подсказ». Ссылка на «систему языка» не помогает этому. <...>

Если из фразы убирать одно слово за другим, то в конце концов ничего не останется. Фраза эта может вызвать улыбку: настолько наивно-просто ее содержание. Это аксиома. Следовательно, любой текст делится на слова нацело, без остатка. Повторяем, что это — общепринятое мнение, которое никогда не было (и, кажется, не будет) предметом научного доказательства. И это общее мнение оказывает давление на исследователя. Определили слово; вычитаем («вынимаем») из текста то, что подходит под это определение. Остается еще что-то... что же делать? Придется и этот остаток считать словами. *Он явился на суд. Он, явился, суд* — подходят под определение; это слова. *На* — остаток, не подходит под определение (не выделяется достаточно положительно как отдельное слово), но — все-таки слово. <...>

Следовательно, слово — это то, что грамматически оформлено, а также и то, что грамматически не оформлено. Представим, что у нас в корзине яблоки и камни. Мы начинаем искать определение тому, что в корзине: вкусное, сочное, румяное... Выбираем все, что подходит под это определение. В корзине остаются камни. Неожиданный вывод: ничего не поделаешь: будем и их считать яблоками...

Разве не ясно, что если получается остаток, то самое наше определение неверно. Определи мы общие признаки всех предметов в корзине верно (круглое, относительно твердое), не получилось бы никакого остатка. Определение слова прямо требует признать предлоги чем угодно, только не словами. Но

исследователь на это решиться не может, так как этого не позволяет общее, всем присущее живое чувство слова. <...>

Итак, фактический материал не подтверждает справедливости взглядов на слово, высказанных в работе проф. А. И. Смирницкого. Но к этому же вопросу можно подойти и с более общей точки зрения. Слово — это то, что грамматически оформлено, т. е. то, что имеет грамматическую форму... Грамматическая форма всегда связана с передачей определенного грамматического значения. <...> А что такое грамматическое значение? Это такое значение в слове, которое... Оказывается, определяя грамматическое значение, выделяя аффиксы, мы исходим из слова, как установленного понятия. До сих пор не найдено иного пути определить грамматическое значение и грамматический способ. <...> Есть один путь: идти от слова, в слове что-то выделить как вещественное и что-то как грамматическое значение.

Определяя грамматическое значение и, следовательно, грамматическую форму, идем от слова; определяя слово, идем от грамматической формы как от данности, уже известной. Это логический круг (что такое слово? То, что находится в таком-то отношении к грамматической форме. А грамматическая форма? То, что в таком-то отношении находится к слову).

Если при анализе речевого отрезка *безработица* мы утверждаем, что *-иц-а* — аффиксы, то мы уже решили, что они связаны с определенным корнем, вместе с ним составляют слово; мы из этого исходим. После такого исходного допущения неуместен вывод: следовательно, *безработица* — слово, так как у корня есть аффиксы. <...> Если *-иц-а* — а ф ф и к с ы, то они принадлежат определенному слову; следовательно, без них корень неполон и не является словом. Далее нам остается повторять то же самое и вертеться в колесе: если к о р е н ь перед ними (а это и означает, что они аффиксы), то они, разумеется, все за ним. <...>

<...> При определении слова через грамматическую форму мы упускаем специфику лексики; лексему определяем как нечто не лексическое, слово определяем через ч а с т ь с л о в а — притом через лексически как раз менее всего характерную часть (через аффикс).

Морфолого-грамматические приемы определения слова несостоятельны. Таков вывод. <...>

Несостоятелен и синтаксический критерий — определение слова через предложение. <...>

Фонетическое определение слова тоже не оправдывает себя. <...> И здесь камень преткновения — служебные слова.

Не останавливаясь на анализе иных теорий и определений слова, отметим, что уже Ф. Ф. Фортунатов упоминал... фразеологичность, как нечто связанное с понятием слова. <...> Мы остановимся на этой стороне слова. Первоначально... следует четко определить понятие фразеологического сочетания единиц в языке.

II

В языке меньшие смысловые единицы могут объединяться в большие на основании двух противоположных принципов.

Первый принцип. Объединение меньших единиц в большие совершается на основании законов, общих для огромного (преобладающего) большинства сложных единиц данного типа.

Схематически это можно показать так. А и Б объединяются в одну сложную языковую единицу N. Это объединение возможно лишь в том случае, если и А и Б обладают некоторыми определенными свойствами.

<...> П р и м е р ы :

1. Существительное *день* и глагол прошедшего времени *прошел* объединяются в предикативное словосочетание *день прошел*. Для такого объединения существительное должно быть в именительном падеже, а глагол — согласоваться с существительным. Существительное *солнце* и глагол прошедшего времени *взошло* объединяются в предикативное словосочетание *солнце взошло*. <...>

2. Смысловая единица *пол* и другая единица *яблоко* могут сочетаться в одну сложную единицу *пол-яблока*. Эту сложную единицу образуют составляющие, которые обладают определенными свойствами, признаками: необходимо наличие у второго компонента флексии, омонимичной (вариант: тождественной) флексии родительного падежа.

В сложных единицах того же типа: *полсутки, полмира, полдня, полздания* — находим составляющие части, которые обладают теми же свойствами, что были проявлены единицами *пол* и *яблоко* при объединении их в одно целое данного типа. Если этих признаков у составляющих нет, то сложная еди-

ница данного типа, типа IV, образована быть не может (хотя могут быть созданы единицы другого типа — ср.: а) *полдень, полночь*, б) *полуокружность, полупризнание*).

3. В сложных единицах: *буду писать, буду докладывать, буду заниматься* и пр. налицо сочетание двух составляющих. Чтобы получить сложную единицу такого типа (сложная форма будущего времени), необходимо наличие у составляющих особых качеств: единица Б должна быть полпозначным глаголом в форме инфинитива, притом глаголом несовершенного вида. Единица А — всегда определенная спрягаемая форма служебного глагола (*буду, будешь*). При наличии таких составляющих образование будущего сложного всегда возможно.

Вот первый принцип объединения меньших смысловых единиц в большие.

Второй принцип противоположен первому. Объединение совершается на основании законов, которые являются действительными только для некоторых или даже для одной сложной единицы данного типа.

Есть сложная единица — слово *сумасшедший*. Она разлагается на составляющие ее компоненты. Эти компоненты обладают определенными признаками; наличие этих признаков и делает возможным существование целого (например, 'окаменевшая флексия -а у первого компонента—сума и пр.). Других конструкций, включающих компоненты подобного типа, не существует. Нет слов *безвестипропавший* ..., *отгоряонемевший*... и пр.

Есть сложная единица: *шутка сказать*. В литературном языке не встречаем других единиц данного типа, состоящих из А (именительный падеж существительного) + Б (инфинитив переходного глагола). Законность сочетания именительного падежа существительного и инфинитива переходного глагола существует только для этой единицы.

В приведенных примерах закономерности, существующие в пределах одной данной единицы, не поддержаны, не мотивированы подобными же закономерностями в ряде других однотипных единств. Самого этого ряда нет.

<...>

Общий вывод: если качественная определенность элемента А в данном единстве N^* не поддержана преобладающим большинством сочетаний такого же типа (тина N), то такое сочетание N^* будем называть немотивированным... Противоположный смысл придается слову «мотивированный».

Легко заметить, что различие между немотивированными и мотивированными сочетаниями — это различие между единицами фразеологическими и нефразеологическими...

<<...>

III

Слово как целое почти всегда значит больше, чем его части. <...> Это признак фразеологизма. В свободном словосочетании целое также больше, чем простая сумма частей, целое — скорей произведение частей, но это произведение целиком определяется значением частей. Если мы ни разу не слышали сочетания *вертолет парит*, но знаем значение всех частей сочетания, то поймем и целое. В слове не то: целое есть не только произведение частей, но и еще добавочно некая величина: АХБ+(Х"). Зная части слова *змей-* и *-овик*, понимая их смысл (*-овик* — суффикс предметности; обозначает предмет по качеству того объекта, на который указывает корневая часть; часто этот суффикс можно рассматривать как производный, из двух частей: *-ов-ик*), — мы все же не понимаем целого.

Действительно, есть несколько разных слов (омонимов) *змеевик*.

*Змеевик*¹ — горная порода зеленого цвета (похожа по окраске на змеиную кожу);

*Змеевик*² — растение... имеет змеевидные стебли;

*Змеевик*³ — трубка витками (используется для теплообмена с окружающей средой);

*Змеевик*⁴ — подвесной амулет с изображением головы, окаймленной змеями (Византия и пр.)

Морфемы не указывают, что в первом случае именуется горная порода, во втором растение и т. д. Это не вытекает из смысла соединенных морфем, не вытекает из их смыслового соединения. Это добавочно дано в слове. Если бы все змееподобное можно было назвать словом *змеевик*, то оно не было бы фразеологично: значение слова полностью определялось бы значением составляющих частей (*-овик* — означало бы: «похожий на»). Но чучело змея, змеевидный отрезок каната, змеевидное колебание волны не есть *змеевик*.

Между смыслом частей и смыслом целого получается зазор, люфт. Это обычно для слова, это норма для него.

<...>

Та общая наметка слова, которая дается морфемами, уточняется в контексте, и слово, раз использованное в контексте, уже несет нечто, что идет не от значения составляющих его морфем, а дано сверх этого. Поэтический неологизм, созданный «на один раз», конечно, закрепляет тот довесок, который дан его единственным контекстом; обычное же слово, встречающееся в тысячах контекстов, не столь податливо к требованиям данного единичного контекста — и не только подчиняется ему, варьируя свое значение, но и само создает в словосочетании контекст для других слов; оно и в контексте, оно и контекст... Общее значение его уже не создается только в данном контексте — оно создано и в массе предшествующих. В одном случае зазор между значением частей слова и значением целого слова создан у нас на глазах, в другом случае он давно стал законом, стабилизирован. Но и в том, и в другом случае он есть.

Образования с суффиксом *-тель* продуктивны в русском языке. Суффикс обозначает: нечто, производящее действие, которое указано образующей основой.

Но в контексте других морфем к этому могут быть добавлены уточняющие смысловые оттенки, которые самим суффиксом и корнем не указываются. То, что *выключатель* — прибор, *истребитель* — самолет, *указатель* — столб с надписью или книга, а *водитель* — человек, состав слова не указывает. Более того, состав слова не указывает, что *выключатель* столько же выключает, сколько и включает; что *водитель* водит не детей из детского сада, а автомашину, и т. д. Состав слова допускает *выключателем* назвать человека, потушившего свет в комнате; *истребителем* — самолет, истребляющий саранчу, а также морителей мышей, обжору, печь и т. д.; *водителями* — детей, которые любят водить хоровод, и т. д. <...> Все эти возможные значения не являются действительными. Возможный круг значений, вытекающих из состава слова, ограничен, сужен действительным значением этого слова. Это характерно даже для продуктивных образований.

Слово называет. С помощью слова из бесчисленного множества выделяется ряд предметов, обладающих общими признаками. Но эти признаки не могут быть даны сколько-нибудь полно составом слова. Ведь тогда слово превратилось бы в описание... Поэтому-то слово, называя, сообщает больше, чем его составные («описывающие» предмет) части.

Однако известное количество слов все же имеет значение, непосредственно складывающееся из значения его частей.

Ср. слово *безвредный*; значение его полностью определено значением составляющих его морфем... Но таких слов, несомненно, меньшинство. <...> Все же вряд ли есть хотя бы одна словообразовательная модель, которая гарантирует, что все слова, образованные по ее законам, будут значить только то, что заложено в самой модели и в производящей основе. <...> Следовательно:

1) преобладают словообразовательные модели, которые дают лишь намек на значение слова;

2) редки модели, целиком определяющие значение слова, и эти модели никогда не бывают последовательно неидиоматичны.

Таким образом, идиоматичность слова — закон, а неидиоматичность — отступление. Но в таком случае эта неидиоматичность сама идиоматична. Если в большинстве слов целостное их значение не определено в полной мере их частями, а в некотором ограниченном количестве — определено, то они сами попадают в число исключений, у которых совпадение морфемного и словесного значений пемотивировано, так как не поддержано всей массой слов.

<...>

Так как фразеологичность слова закономерна, то самое отступление от нее является фразеологичностью. Морфемы, входя в состав одного слова, должны иметь еще какой-то смысловой довесок, если его нет — значит, они не выступают в своем обычном качестве.

<...>

Взгляд на слово как на единицу, части которой не находятся в соотношениях свободно сочетающихся единиц, позволяет легко понять, почему предлоги, союзы, частицы — отдельные слова. Они свободно, т. е. не фразеологически, сочетаются с другими элементами языка. Напр. если есть *в городе* — то есть и *в деревне, в селе, в доме, в саду, в лесу*. <...>

Слово называет — это его функциональное определение. Слово фразеологично — это его конструктивное свойство. Кроме этих признаков, есть еще и другие, второстепенные:

фонетические и грамматические.

<...>

Слово — минимальная значимая единица, вступающая в свободные сочетания. Это значит, что между частями слова или несвободная, фразеологическая зависимость, или же оно вообще не членится на части.

Это значит, что слово не производится в речи, а воспроизводится. Образование нового слова — языковая дерзость, допустимая лишь постольку, поскольку между частями определенной модели фразеологическое взаимодействие ослаблено, т. е. поскольку эта модель продуктивна. Но абсолютно продуктивными являются только свободные сочетания, т. е. словосочетания.

Фразеологичность, индивидуальность, «особливость» слова обусловлена номинативной функцией, ему присущей... Именно эта индивидуалистичность и отличает слово от свободного грамматического единства. <...>

Вопрос о слове — это вопрос о системе языка. Является ли сочетание *радиомачта* единым словом? Это зависит от того, есть ли в языке сочетания *радиопесня*, *радионелепость* и пр.

Считается, что в речевой цепи все — если не слово, то часть слова — и ничего помимо этого. Это верно, так как отношения между мельчайшими значимыми элементами могут быть или фразеологическими или нет. Но в сфере фразеологичности есть бесконечная шкала убывания этой фразеологичности. Отношения между морфемами то абсолютны, то относительны — и в разной степени — фразеологичны. <...>

С. О. Карцевский Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. 3-е изд. Ч. 2. С. 85–93

Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно, т.е. он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений.

Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное), абстрактное и конкретное.

С одной стороны, язык должен служить средством общения между всеми членами лингвистической общности, а с другой стороны, он должен также служить для каждого члена этой общности средством выражения самого себя, и какими бы «социализированными» ни были формы нашей психической жизни, индивидуальное не может быть сведено к социальному. Семиологические значимости языка будут непременно иметь виртуальный и, следовательно, общий характер, для того чтобы язык оставался независимым от настроений индивида и от самих индивидов. Такого рода знаки должны, однако, применяться к всегда новой, конкретной ситуации.

Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе.

Независимо от того, направляется ли наше внимание в данной конкретной ситуации на новое, неизвестное, или на старое, одновременное присутствие этих двух элементов неизбежно для всякого акта понимания (или познания). Новое включается в старые рамки, оно осмысливается как новый род старого вида. Но это всегда род, а не индивид. Познать или понять явление — это значит включить его в совокупность наших знаний, установить координаты, на скрещении которых его можно будет найти. И все же действительно новыми являются не сами координаты, а их взаимоотношение, их скрещение. Само собой разумеется, что акт познания не может затронуть «индивидуальное» в собственном смысле слова. Реальное бесконечно, и в каждой данной ситуации мы удерживаем только некоторые элементы, отбрасывая остальное как не имеющее значения с точки зрения наших интересов. Мы приходим тем самым к понятию, схематическому продукту интеграции, призванному с самого своего зарождения служить общим типом.

Лингвистический знак по своей внутренней структуре соответствует скрещению координат различных степеней обобщения в зависимости от семиологического плана, которому он принадлежит. Истин-

но новым, например, в слове, которое только что создалось, является скрещение координат, а не координаты как таковые. Иначе и не могло бы быть, так как всякое слово с момента своего появления обозначает род, а не индивид. Если мы являемся свидетелями перемещения границ между семой и морфемой внутри слова, что часто имеет место в этимологизировании детей, например, *tamagei*, *rapont* и т. д., то это явление возможно только благодаря существованию в языке таких слов, как *rapagei* и *tam-mouth*, которые и оказываются затронутыми смещением координат. В момент ее «изобретения» координата является непременно общей, а не индивидуальной, созданной *ad hoc* для единичного явления. Можно было бы утверждать, что невозможно создание только одного слова и что можно создать по крайней мере лишь два слова одновременно.

Общее и индивидуальное даны во всякой семиологической системе не как сущности, а как взаимоотношения двух координат или двух рядов семиологических значимостей, из которых одна служит для дифференциации другой. Однако не следовало бы слишком настаивать на дифференциальном характере лингвистического знака. В введении к нашей «Системе русского глагола» мы говорили следующее: «Стало обычным утверждение, что лингвистические значимости существуют только в силу своего противоположения друг к другу. В такой форме эта идея приводит к абсурду: дерево является деревом, потому что оно не является ни домом, ни лошастью, ни рекой... Чистое и простое противоположение ведет к хаосу и не может служить основанием для системы. Истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия. Мыслимые явления образуют ряды, основанные на общем элементе, и противопологаются только внутри этих рядов... Таким образом, оправдывается и становится возможной омофония, когда две значимости, принадлежащие двум различным рядам... оказываются обладающими одним звуковым знаком».

Бессмысленно спрашивать, например, какова в русском языке значимость *-a* как морфемы. Прежде всего нужно установить ряды общих значимостей, внутри которых это *-a* проявляется. Например, *стол*, *стола*, *столу...*, *паруса*, *парусов...*, *жена*, *жены...* и т.д. Только тогда, учитывая ряд, мы можем понять, какова дифференциальная значимость этой морфемы.

Если один и тот же звуковой знак, как мы видели, в разных рядах может служить для передачи различных значимостей, то и обратное оказывается возможным: одна и та же значимость внутри различных рядов может быть представлена разными знаками; ср. имя существительное множественного числа — *стола*, *паруса*, *крестьяне* и т.д. Омофония — явление общее, омонимия же является ее частным случаем и проявляется в понятийных аспектах языка;

противоположное ей явление (гетерофония) проявляется в понятийных аспектах как синонимия. Однако это не что иное, как две стороны одного и того же общего принципа, который можно было бы сформулировать, хотя и не очень точно, следующим образом:

всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к ряду переносных, транспонированных значимостей одного и того же знака и к ряду сходных значимостей, выраженных разными знаками. Это логическое следствие, вытекающее из дифференциального характера знака, а всякий лингвистический знак непременно должен быть дифференциальным, иначе он ничем не будет отличаться от простого сигнала.

Омонимия и синонимия в том смысле, в каком мы их здесь понимаем, служат двумя соотносительными координатами, самыми существенными, поскольку они являются самыми подвижными и гибкими; они более всего способны затронуть конкретную действительность.

Омонимический ряд является по своей природе скорее психологическим и покоится на ассоциациях. Синонимический ряд имеет скорее логический характер, так как его члены мыслятся как разновидности одного и того же класса явлений. Однако число членов этого ряда не определено, ряд остается всегда открытым: даже если он существует в потенции, возможность введения данного значения в состав класса обязательно сохраняется. Именно эта идея класса в контакте с конкретной ситуацией становится центром излучения сходных значимостей.

Омонимический ряд также остается открытым, в том смысле, что невозможно предвидеть, куда будет вовлечен данный знак игрой ассоциаций. Однако в каждый данный момент мы имеем только два звена, относящихся друг к другу как знак транспонированный, знак в переносном смысле, к знаку «адекватному» и сохраняющихся в контакте в силу принципа *tertium comparationis* ((лат.) — «третий из сравниваемых»). Центром излучения омонимов является совокупность представлений, ассоциируемых со значимостью знака; их элементы изменяются в зависимости от конкретной ситуации, и только конкретная ситуация может дать *tertium comparationis*.

В «полном» знаке (таком, как слово, которое сравнивается с морфемой) имеется два противоположных центра семиологических функций; один группирует вокруг себя формальные значимости, другой — семантические. Формальные значимости слова (род, число, падеж, вид, время и т.д.) представляют элементы значений, известные всем говорящим; эти элементы не подвергаются, так сказать, опасности субъективного истолкования со стороны говорящих; считается, что они остаются тождественными самим себе в любой ситуации. Семантическая часть слова, напротив, представляет некий род остатка, противящегося всякой попытке разделить его на элементы такие же «объективные», каковыми являются формальные значимости. Точная семантическая значимость слова может быть достаточно установлена лишь в зависимости от конкретной ситуации. Только значимость научных терминов зафиксирована раз и навсегда благодаря тому, что они включаются в *систему* идей. Между тем еще очень далеко до того, чтобы говорить о системе в отношении совокупности наших идей, соответствующих тому, что можно было бы обозначить «идеологией обыденной жизни».

Поэтому всякий раз, когда мы применяем слово как семантическую значимость к реальной действительности, мы покрываем более или менее новую совокупность представлений. Иначе говоря, мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую ценность знака. Но мы начинаем замечать это только тогда, когда разрыв между «адекватной» (обычной) и случайной ценностью знака достаточно велик, чтобы произвести на нас впечатление. Тождество знака тем не менее сохраняется: в первом случае знак продолжает существовать, потому что наша мысль, склонная к интеграции, отказывается учитывать изменения, происшедшие в совокупности представлений; во втором случае знак, видимо, продолжает существовать, потому что, вводя *tertium comparationis*, мы тем самым мотивировали новую ценность старого знака.

Какой бы конкретной ни была эта транспозиция, она не затрагивает индивидуальное. С момента своего появления новое образование представляется как знак, т.е. оно способно обозначать аналогичные ситуации, оно является уже родовым и оказывается включенным в синонимический ряд. Предположим, что в разговоре кто-то был назван *рыбой*. Тем самым был создан омоним для слова «рыба» (случай переноса, транспозиции), но в то же время прибавился новый член к синонимическому ряду: «флегматик, вялый, бесчувственный, холодный» и т.д.

Другой центр семиологических значимостей слова, а именно группировка формальных значимостей, может быть также транспонирован, использован в переносном смысле. Вот пример транспозиции грамматической функции. Повелительное наклонение выражает волевой акт говорящего, перед которым ступеньвается роль собеседника как действующего лица (*Замолчи!*). Однако эта форма появляется в другой функции: «*Только посеяли, а мороз и ударь*» (*tertium comparationis*: действие неожиданное, следовательно, «произвольное», независимое от действующего лица), или: «*Смолчи он, все бы обошлось*» (*tertium comparationis*: действие, навязанное действующему лицу); наконец, мы находим омофоны: «*То-го и гляди*» и «*То и знай*» и т.д. Повелительная форма обладает, естественно, и синонимами, например: «*Замолчать! Молчание! Тес!..*» и т.д. В своих основных чертах грамматическая транспозиция подобна семантической транспозиции. Обе они осуществляются в зависимости от конкретной действительности. Мы не можем останавливаться здесь на том, что их различает. Заметим все же основную разницу между ними. Формальные значимости, естественно, более общи, чем семантические значимости, и они должны служить типами, из которых каждый включает почти неограниченное число семантических значений. Поэтому грамматические значимости более устойчивые, а их транспозиция менее часта и более «регулярна». Сдвиг, смещение грамматического знака либо по омонимической, либо по синонимической линии можно если не предвидеть, то по крайней мере зафиксировать. Но невозможно предвидеть, куда повлекут знак семантические сдвиги, смещения. Однако в области грамматики подразделения происходят всегда попарно, и две соотносительные значимости противопоставляются как контрастные. Впрочем, мы знаем, что в зависимости от некоторых конкретных ситуаций такие различные значимости, как совершенный и несовершенный вид, могут потерять свое противоположение. Следовало бы, таким образом, чтобы в «синтаксисе» не только изучались омонимические и синонимические сдвиги каждой формы (что, впрочем, является единственным средством для понимания значения функции каждой формы), но и были сделаны попытки определить, в какой конкретной ситуации и в зависимости от каких понятий значимость знака приходит к своей противоположности.

<...>

Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы вы-

разить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны;

будучи парными (ассоир1ё5), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.

С. 15–25

Глава II. Слово как единица лексической системы.

§ 1. За многие годы своего развития наука о языке накопила очень много определений слова. В лингвистической литературе существуют попытки анализа и классификации самих этих определений. Так, И. Е. Аничков распределяет имеющиеся определения по шести группам и приходит к неутешительному выводу о том, что «каждое из этих определений содержит большую или меньшую долю истины: каждое из них недостаточно и само по себе несостоятельно». Широта и разнообразие этих определений породили даже сомнения в возможности и целесообразности определения слова вообще. Дело, однако, заключается не в неопределимости слова, а в его особой сложности, многогранности.

Единица языка, называемая словом, является основной, «узловой», по определению А. И. Смирницкого, с которой так или иначе связаны все остальные единицы. Отсюда особая многогранность слова, порождающая возможность его разноплановых характеристик. Такие характеристики зависят от того, с какой стороны мы подходим к слову, в каком аспекте его рассматриваем. Имея в виду ф о н е т и ч е - с к о е слово, мы вправе определить его как комплекс звуков, объединенных ударением. Применительно к м о р ф о л о г и ч е с к о м у слову возможно его определение как цельнооформленного комплекса морфем, обладающего самостоятельным значением. Говоря о с и н т а к с и ч е с к о м слове, мы определяем его как член предложения, обладающий относительно самостоятельным значением. Каждое из определений, объективно верное в рамках какого-либо одного аспекта, все-таки оказывается односторонним и недостаточным. Попытки создания глобальных определений слова, учитывающих максимум его признаков, неизбежно приводят к громоздким формулировкам, которые также дают достаточно оснований для критики.

Очевидно, определение слова, которое охватывало бы все его собственные функциональные и формальные особенности и одновременно все его связи с другими единицами языка, не является (в рамках лексикологии) столь необходимым. Для лексикологии более ценным является определение слова с точки зрения лексической системы языка.

§ 2. Слово как единица лексической системы языка может быть охарактеризовано, во-первых, с точки зрения его собственных, только ему присущих функций, во-вторых, с точки зрения тех особенностей, которые обусловлены его взаимоотношениями с единицами других уровней, непосредственно связанных с лексическим.

Начнем рассмотрение признаков именно с этих взаимоотношений. В языковой системе лексический уровень лежит выше морфологического уровня и предшествует уровню синтаксических единиц. В соответствии с общими законами строения системы слово связано с единицами нижележащего уровня, морфемами, по своей форме. Морфемы являются средством построения слова, и потому — с формальной точки зрения — оно может быть охарактеризовано как комплекс морфем. При этом слово существенно отличается от морфем своей выделительностью, обусловленной самостоятельностью его значения.

С основной единицей вышележащего, синтаксического уровня — предложением — слова связаны функционально. Одна из важнейших языковых функций слова — это функция члена предложения. Слово участвует (в качестве средства) в построении предложения, внося свой вклад в его общий смысл. Главным структурным отличием слова от синтаксических единиц, предложения и словосочетания, является его цельнооформленность. Именно эти признаки — выделительность и цельнооформленность — были сформулированы выдающимся советским лексикологом А. И. Смирницким в качестве важнейших для слова [3]. Главный смысл этих признаков в том, что они дают возможность отграничить слово от других, ближайших и тесно связанных с ним единиц — морфем и предложения, выявляя специфику слова.

Как единица собственно лексического уровня, слово определяется прежде всего по своей уникальной функции — быть средством н о м и н а ц и и . Слова существуют прежде всего как наименования различных явлений действительности благодаря тому, что в их значениях содержатся обобщенные образы этих явлений, информация о них.

Рассмотренные существенные признаки слова являются важнейшими для определения слова как единицы лексического уровня, так и основной единицы языковой системы в целом. Ср. определение, данное в работах Д. Н. Шмелева: «Слово — это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [5, 53].

Признак идиоматичности был выделен в качестве важнейшего признака слова М. В. Пановым. Суть его сводится к тому, что «слово как целое почти всегда значит больше, чем его части» [2, 140]. Применительно к производным словам это означает, что их значение не равно простой сумме значений морфем, из которых состоит их основа, не «выводится» из них. Это положение М. В. Панов убедительно иллюстрирует четырьмя омонимами: *змеевик*¹ — 'горная порода', *змеевик*² — 'растение', *змеевик*³ — 'труба особой формы', *змеевик*⁴ — 'амулет', которые одинаковы по морфемному составу, но имеют разные значения. В той или иной мере идиоматично большинство производных слов.

Но в языке есть и непроемные слова (корневые или заимствованные). Какой смысл имеет для них признак идиоматичности, коль скоро он признается одним из важнейших признаков слова? Нам представляется, что более подходящей для всех слов является та характеристика особенностей слова, которая дается М. В. Пановым в той же работе: «Фразеологичность, индивидуальность, «особливость» слова обусловлена номинативной функцией, ему присущей» [2, 143]. Именно «особливость», уникальность семантики слова, ее целостная и неповторимая «привязанность» к определенному комплексу морфем и составляет самую существенную отличительную черту слова.

Итак, выделим основные признаки слова как единицы лексической системы:

а) признак функциональный: слово служит для наименования отдельных предметов и явлений как само по себе, так и в составе предложения;

б) признак формальный: с внешней стороны слово представляет собой комплекс морфем, фонетически связанных единым ударением;

в) признак семантический: значение слова целостно и уникально, оно существует только в единстве с определенным внешним оформлением.

§ 3. Слово — знаковая единица. В нем органически слиты две стороны — форма и значение. Форма слова, которая представляет собой чаще всего комплекс морфем, манифестирует (выражает) определенное содержание — лексическое значение слова. Именно лексическое значение дает возможность слову выполнять основную номинативную функцию и должно быть подробно рассмотрено при характеристике слова как лексической единицы.

Лексическое значение слова определяется рядом факторов внелингвистических и внутрилингвистических. Внелингвистические факторы являются наиболее важными. К ним относятся: 1) связь лексического значения слова с явлениями реальной действительности (денотатами); 2) связь лексического значения слова с понятием как формой мышления, отражающей эти явления действительности. Оба фактора тесно между собой связаны, хотя преломление их в содержании слова различно.

Слова создаются для того, чтобы называть, именовать все то, что существует в реальной действительности. Отдельные явления реальной действительности, подлежащие именованию, принято называть денотатами, или референтами. Денотативный фактор (связь слова с миром реальных явлений) прежде всего обуславливает номинативную функцию слова, возможность его использования как названия применительно к любому реальному предмету определенного типа. Например, словом *окно* может быть названо любое окно, в любом помещении, в любом оформлении (ср. *окно избы*, *окно гостиницы*, *окно самолета* и т. п.), если оно соответствует определенной совокупности признаков (часть поверхности, ограничивающей помещение; в виде отверстия; из стекла или другого прозрачного материала; для проникновения света и воздуха). Слово *окно*, таким образом, является единым, обобщенным наименованием бесконечного количества реальных предметов, отвечающих данному определению.

Следует отметить, что денотатами слова могут быть не только объекты, доступные нашему непосредственному восприятию (предметы типа дом, дорога, книга и т. п.; качества типа красный, твердый, узкий; действия типа бежать, кричать, бросать и т. п.), но и так называемые «идеальные предметы» —

отвлеченные понятия определенной степени абстракции (например, труд, цель, защита, мир; общий, будущий, ценный; победить, приобрести, соответствовать).

Обобщенность значения слова — это результат действия другого и важнейшего фактора: связи языка с мышлением. Язык в целом служит орудием и средством оформления, хранения и передачи содержания человеческого сознания во всем его многообразии. Слова являются средством манифестации таких важнейших форм мышления, как понятия и представления. В процессе познания действительности, рассматриваемом в самом общем виде, представления и понятия разграничиваются в соответствии с двумя этапами этого процесса. Познание начинается с восприятия, которое порождает формирование представлений, обобщающих данные восприятия, но имеющих наглядно-образный характер. В понятии, представляющем высший этап познания-отражения, наглядно-образные компоненты как бы «снимаются» в процессе дальнейшего обобщения и отвлечения мыслительной конструкции от реальных явлений, охватываемых ею. Мыслительный аналог класса однородных явлений, называемых словом, как компонент его значения называется с и г н и ф и к а т о м , или д е с и г н а т о м . В этом компоненте совмещены обе указанные выше формы мышления — представление и понятие. «Слово через свое понятие обобщенно указывает на определенный предмет, признак, процесс, состояние и т. д. Однако за словом закреплено также чувственное отражение предмета (имеются в виду предметные слова), некоторое представление о предмете, называемое словом» [4, 31]. В речевой деятельности слово может использоваться то как выразитель понятия, то как репрезентант представления, ср.: *В дороге нас застал сильный дождь* (представление о конкретном дожде); *Дождь — обычное явление в этих местах* (обобщенное понятие).

Внутрilingвистические (внутриязыковые) факторы — это связи, которые существуют между словами и которые также участвуют в формировании лексических значений. Одни связи проявляются в контексте в зависимости значения слова от его синтаксического окружения, другие — во всякого рода ассоциациях слов, обладающих тем или иным сходством. Так, например, значение слова *заклятый* мы не можем осмыслить вне его связи с постоянным контекстным партнером — словом *враг*, а значение слова *ластиться* — без опоры на его синоним — слово *ласкаться*.

Иллюстрацией того, что все эти факторы действительно участвуют в формировании лексических значений слов, может стать наблюдение над практикой составления кроссвордов, в частности над тем, каким способом задаются в них значения слов. Кроссворды представляют собой задачи, в которых искомыми являются лексемы, а известными, заданными — семемы, точнее — некоторые сведения о них. Задание в кроссворде может быть представлено в виде изображения предмета. Так составляются кроссворды в журналах для самых маленьких читателей. И то, что от изображения мяча, зайца, чашки можно прийти к их названиям-словам, убедительно свидетельствует о действии денотативного фактора, связывающего слово с предметами реальной действительности.

Чаще всего значение слова задается в виде определения, в котором указаны (с большей или меньшей полнотой) признаки понятия, составляющего основу его значения. Так, искомое слово *стакан* может быть задано перечнем следующих признаков: 1) сосуд, 2) стеклянный, 3) цилиндрической формы, 4) без ручки, 5) служащий для питья. От таких заданий легче всего прийти к словам, в особенности если перечень признаков в них достаточно полный, и это является прямым свидетельством того, насколько важен для слова понятийный (сигнификативный) фактор.

Но в кроссвордах могут использоваться и такие виды заданий, которые рассчитаны не столько на знание содержания значения слова, сколько на знание его внутриязыковых связей с другими словами. Например, заданным может быть синоним искомого слова: *непогода* при искомом *ненастье*, *довод* при искомом *аргумент* и т. п. Выполнение такого задания гарантируется знанием синонимических связей слов, представляющих собой чисто лингвистическое (внутриязыковое) явление.

Наконец, задание может иметь вид фразы, в которой искомое слово оказывается пропущенным, например, фраза *«Картина была написана масляными ...»* при искомом слове *краска* или *«На столе стоял чайник и несколько граненых...»* — при искомом *стакан*. Возможность «отгадать» слово в этом случае свидетельствует о соотношенности в нашем сознании одних слов с другими, типичными для них контекстными партнерами. И в этом также проявляется действие внутрilingвистических факторов формирования значений слов.

Ведущая роль в процессе формирования лексических значений слов принадлежит, безусловно, внелингвистическим факторам, но без семантического взаимодействия с другими словами внутри самого языка слово как единица лексической системы немислимо. Следует также иметь в виду, что указанные факторы по-разному проявляются в словах различного типа. Так, в именах собственных (*Москва, Урал, Волга, Сахалин* и т. п.) ведущим, естественно, является денотативный фактор, связь слова с тем уни-

кальным явлением действительности, именем, названием которого оно выступает. В терминах различных наук и вообще в словах с достаточно общим, абстрактным значением, например *фонема, морфема, акцентология, графика* или *движение, безопасность, сила, борьба, разум, прогресс*, главным для формирования их значений является фактор логический, связь слов с соответствующими понятиями.

В основе стилистических и экспрессивных синонимов лежат связи с нейтральными доминантными словами. Так, слова *длинный, высоченный, долговязый* являются стилистическими синонимами к слову *высокий* (человек), употребительными в разговорной речи. По основному, понятийному содержанию они соотносены с прилагательным *высокий*, подчинены ему, осмысляются как его дублиеты, обладающие дополнительными оттенками экспрессивно-стилистического характера. Ср.: слова *очи, буркалы, зенки, гляделки*, являющиеся экспрессивно-стилистическими синонимами слова *глаза*.

В словах, которые, как правило, употребляются в одном и том же контексте, важнейшим фактором формирования их значений является именно связь с постоянными партнерами, вне которой они не могут быть осмыслены. Например, прилагательное *трескучий* имеет значение 'сильный' только в сочетании со словом *мороз* и без указания на *мороз* охарактеризовать содержание этого значения невозможно. Значение глагола *лаять* трудно объяснить без ссылки на *собаку*, обозначение которой всегда имеется в контексте этого глагола, так же как значение глагола *мурлыкать* — без упоминания *кошки*.

В целом же факторы вневлигвистические и внутривлигвистические действуют совместно, точнее сказать, взаимодействуют и разграничить их применительно к каждому отдельному слову довольно трудно, да и вряд ли целесообразно.

§ 4. С учетом всех связей лексического значения слова: с действительностью, с мышлением, с индивидуальной и социальной психологией, со значениями других слов — в нем можно выделить некоторые аспекты или макрокомпоненты. Одни из них являются самыми важными и обязательными для всех слов, другие присутствуют в значениях не всех слов, и потому их можно трактовать только как возможные. К обязательным относится понятийный компонент, который называют также денотативным, или сигнификативным. Ко вторым относят такие компоненты, как эмпирический, мотивировочный и коннотативный.

Понятийный компонент составляет основу лексического значения слов. Проблема соотношения слова и- понятия является объектом внимания двух наук: лингвистики и логики, интересы которых максимально сближаются именно при решении вопроса о том, как соотносятся между собой основная единица языка (слово) и одна из основных форм мышления (понятие). В разных концепциях, выдвинутых и выдвигающихся в науке, слово и понятие то сближаются, вплоть до отождествления, то разводятся, вплоть до противопоставления.

Советское языкознание исходит в трактовке этого вопроса из следующих общетеоретических положений. Во-первых, логические понятия являются мыслительными коррелятами (аналогами) лексических значений слов или языковых понятий. Во-вторых, первичной для тех и других понятий является реальная действительность, обобщенно отраженная в их содержании. В-третьих, понятие и представление являются первичными по отношению к слову. Именно понятия определяют многие особенности значения слов. Рассмотрим их вкратце.

Понятие — это одна из основных форм мышления, с помощью которой реальная действительность обобщенно отражается в нашем сознании. Каждое понятие имеет две основные характеристики — объем и содержание. Объем понятия — это класс определенных явлений, обобщенных в нем, а содержание — совокупность существенных признаков этих явлений.

Лексические значения слов определяются прежде всего содержанием понятий. Содержание понятия имеет сложную структуру, поскольку оно состоит из признаков (обобщенных, существенных), определенным образом связанных друг с другом внутри этой структуры. Соответственно и в значениях слов выделяются компоненты, семантические признаки, соотносённые с содержательными признаками понятий. Формальное понятие 'дерево' включает в себя такие признаки, как 1) растение, 2) многолетнее, 3) имеющее ствол и ветви, 4) покрытое листьями. Сравним определения значения слова *дерево*:

'многолетнее, крупное или мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону' (БАС, 3, 712); 'многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону' (МАС, 1, 388). Содержание словарных определений с очевидностью убеждает нас в том, что элементы, из которых складывается лексическое значение слова, соотносены с признаками соответствующего понятия.

Между объемом понятия и его содержанием существует определенная зависимость: чем шире объем понятия, тем беднее его содержание, уже круг признаков, из которых оно состоит. Так, объем понятия 'дерево' шире, чем объем понятия 'береза', ибо первое понятие охватывает деревья всех видов, а второе — только деревья определенного вида. Соответственно содержание понятия 'береза' богаче содержания понятия 'дерево', так как в нем содержатся такие специфические признаки, как 'лиственность', 'белая кора'.

Отмеченная закономерность находит свое отражение и в значениях слов, в частности в том, что содержательность лексических значений закономерно соотносена с уровнем их абстрактности, обобщенности. Чем более обобщенным является значение слова, тем менее оно содержательно, тем меньше в нем семантических компонентов. Для сравнения проведем наблюдение над словами:

вещество — качественная определенность материи, то, из чего состоит физическое тело;

жидкость — вещество, обладающее свойством течь и принимать форму сосуда, в котором оно находится;

напиток — жидкость, специально приготовленная для питья;

лимонад — сладкий, прохладительный напиток с соком ягод или фруктов.

По мере того как от слова *вещество* к слову *лимонад* понижается уровень абстрактности слов, повышается содержательность их значений. Это проявляется в том, что в определении значения каждого последующего слова входит предшествующее слово со всем его содержанием. Но в определениях помимо выделенных слов есть и другие компоненты, наглядно свидетельствующие о том, что определение значения каждого последующего слова содержательнее определения значения предшествующего слова, составляющего только его часть.

В русском языке имеются слова различной степени абстрактности и, следовательно, различной степени содержательности. Крайними точками являются, с одной стороны, местоимения, обладающие предельно обобщенными значениями, с другой — имена собственные, названия единичных предметов. В значениях имен собственных содержатся все, в том числе и уникальные признаки соответствующих единичных предметов (ср.: *Урал, Кавказ, Памир*), в то время как значения местоимений минимально содержательны, ср.: я — любое говорящее лицо, *это* — любые предметы, явления, действия, события, о которых идет речь.

И еще одна особенность понятий существенно важна для характера лексических значений слов. Мы имеем в виду подвижность понятий, их гибкость, способность изменять глубину своего содержания <...>

Понятия изменяют свое содержание в процессе познания, ведущего нас от чисто внешних впечатлений о предметах к их глубинной сущности. В связи с этим в логике различаются понятия формальные и научные. В формальных понятиях содержатся те признаки явлений, которые как бы лежат на поверхности и прежде всего осмысливаются в качестве главных всеми, кто сталкивается с этими явлениями в своей обычной жизни, в своем непосредственном опыте.

Научные понятия складываются в сфере науки, объектом которой становится явление. В процессе научного познания в явлении открываются глубинные, наиболее существенные признаки, скрытые от взгляда тех, кто не подходит к этим явлениям как к объектам научного изучения. При этом оба понятия — формальное и научное — выражаются с помощью одного и того же слова, содержание значения которого различно. Наглядно эти различия можно проиллюстрировать, сопоставив данные общих толковых словарей и словарей специальных, терминологических. Определения значений одних и тех же слов в них не совпадают. В обычных толковых словарях раскрывается общепринятое значение слова, которое, содержит минимум признаков понятия, известный всем. Например, слово *сорока* определяется: 'птица сем. вороновых, с белыми перьями в крыльях, издающая характерный крик — стрекотанье' (МАС, 4, 203); в однотомном «Советском энциклопедическом словаре» дается определение: 'птица сем. вороновых. Дл. 45—47 см. Распространена в Евразии. Сев.-Зап. Африке и на с.-з. Сев. Америки. Истребляет вредных насекомых, разоряет гнезда мелких птиц' (с. 1246). В языковом значении отражены внешние, непосредственно воспринимаемые органами чувств признаки птицы, в понятии класс сорок характеризуется по признакам, имеющим значение для орнитологии (науки о птицах).

Гибкость и подвижность понятий находит свое отражение в известной «неопределенности» лексических значений в том смысле, что значения слов как бы не имеют жестких границ, содержание этих значений может быть различным у разных людей, в зависимости от уровня их образования, особенностей профессии, житейского опыта. Имея в виду эту особенность слов, Д. Н. Шмелев отмечает: «... в

значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью...» [5, 21]. Это наглядно проявляется в том, что значения одних и тех же слов в толковых словарях современного русского языка даются неодинаково. Обратимся к примерам:

- Мгла* — 1) непрозрачный воздух (от тумана, пыли, сумерек) (СО, 295);
 2) завеса тумана, пыли (СУ, 2, 167);
 3) пелена тумана, пыли, дыма и т. п. (МАС, 2, 241);
 4) 2. Непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами; туман.
 3. Воздух, насыщенный мельчайшей пылью, дымом; сухой туман (БАС, 6, 741).

Итак, основными моментами, в которых проявляется связь слов с понятиями, составляющими стержень их лексических значений, являются: 1) зависимость содержания слов от признаков, составляющих содержание понятий; 2) соотношенность степени абстрактности слов и степени содержательности их значений с объемом и содержанием понятий; 3) семантическая неопределенность слов как отражение подвижности понятий.

Связь слов с понятиями имеет характер взаимообусловленности, единства двух явлений, существование которых невозможно вне этой связи. Слова неразрывно связаны с понятиями по своему содержанию, понятия не могут существовать не будучи оформленными с помощью слов. Понятия объективируются в словах и могут быть переданы с помощью слов в виде информации в процессе общения людей.

1.2. Лексическая семантика в семасиологическом аспекте

Н.И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1968.

С. 353-354.

С л о в о в семасиологическом аспекте — единство лексемы (звукоряда) и семемы (значения). В знаковых терминах это — единство десигнатора и десигната, которое по отношению к внеязыковым сущностям определяется как денотатор. "Внеязыковые сущности (явления или отношения объективной реальности) являются денотатами языковых знаков».

Таким образом, при подходе от знака к предмету возникает следующее соотношение:

референт – денотат – денотатор	}	десигнатор
		десигнат
предмет – предметная – слово		лексема
соотнесенность		семема
предмет – понятие – слово	}	звуковая оболочка
(реалема) (объем понятия)		значение

При подходе от предмета к знаку, вероятно, окажется целесообразной следующая терминология:

предмет – сигнификат — сигнификатор	}	лексема
		семема
Референт — знаковая — слово	}	лексема
(реалема) соотнесенность (понятие; объем понятия)		семема

В принципе лингвисты почти во всех случаях могут довольствоваться первой терминологией от знака к предмету или несколько упрощенной системой терминов: предмет (реалема) – предметная соотнесенность – слово (распадающееся на лексему и семему).

Для понимания характера ряда семантических процессов существен тот факт, что два предмета могут иметь одну знаковую соотнесенность (одно понятие) и обозначаться одним денотатором (словом) и, наоборот, один и тот же предмет внешнего мира (реалема) может иметь две знаковых соотнесенности (два сигнификата) и обозначаться двумя сигнификаторами (словами). Иначе говоря, один денотатор может относиться к двум и более референтам и в то же время два денотатора могут быть соотнесены с одним референтом.

Так, напр., <иней на деревьях> и <иней на траве, земле> обозначается в русском языке одним словом иней, в то время как в болгарском это соответственно — скреж и слана. С другой стороны, <болото> или <пойма> могут восприниматься как географические объекты болото и пойма, но могут быть восприняты как объекты геоботанические и даже сельскохозяйственные — луг, сеножать и т. п. Так же, как одно и то же <бревно> (по-полесски деревина) в зависимости от функции, которую оно будет выполнять или выполняло, может называться столбом (полесск. стоўп), кладкой (полесск. берва и кладка), балкой (полесск. балька и трам) и т. п.

То звено соотношений, которое многие определяют как понятие, иные — как предметную соотнесенность, или как денотат (наконец, при ином подходе — и как сигнификат), следует, вероятно, воспринимать как некий ключ или р е г и с т р а т о р, связующий знак с той или иной внеязыковой (т. е. относящейся к реальной действительности) функциональной сферой подобно тому, как к о н н о т а т можно трактовать в виде ключа к стилистической (экспрессивной и т. п.) сфере. Ключ этот необходим при наличии двух и более возможных регистров, для остальных же случаев, как, например, для части номенклатурной лексики, имеющей довольно строго терминологический характер, целесообразно, очевидно, говорить об его отсутствии и оперировать непосредственно одним звеном соотношения — связью предмета (реалемы, референта) и знака (слова).

Во всех случаях, тем не менее, следует различать понятие п р и з н а к а, относящееся к знаковой стороне соотношений, к десигнату (семеме), и понятие с в о й с т в а, присущего предмету (референту, реалеме) как таковому, как объекту реального мира, вне отражающей его знаковой (языковой) системы. Совокупность семантических дифференциальных признаков (СДП) отражает свойства предмета (референта). Однако число свойств референта, соответствующих признакам десигната (семемы), меньше общего числа свойств предмета. <...>

с. 362-365.

<...> Наши предварительные выводы сводятся к следующему:

1. Семемы делятся на разложимые на семы (на ряд семантических ДП) и неразложимые (или уникальные). Разложимые семемы состоят из двух или более сем, неразложимые — из одной семы.

Неразложимыми являются, например, такие семемы, как 'береза' 'дуб' 'ольха', 'липа' и т. п. Такие же семемы, как 'березка', или 'березничек', разложимы на семы: березка = береза + малая величина"; 'березничек' = "береза" + "лес" + "молодость" + "малая величина" и т. п.

2. Сема или дифференциальный семантический признак устанавливается обычно путем вычитания одной семемы из другой. Например, при последовательном вычитании семем (второй из первой третьей из второй) 'молодой сосновый лес', 'сосновый лес', 'лес' могут быть выделены семы молодой, сосновый. <...>

3. В семемах, разложимых на несколько сем, наблюдается иерархия сем (семантических ДП), которую можно предварительно формулировать как наличие о с н о в н о й семы и ряда (одной или более) дополнительных — с о п у т с т в у ю щ и х.

Основная сема чаще всего конкретна и терминологична, она обычно совпадает с семемами, состоящими из одной семы (с неразложимыми семемами), сопутствующие — в большинстве случаев более абстрактны и более универсальны. Например, в семеме 'березничек' основной семой можно считать сему "береза", а дополнительными "лес", "малая величина", "молодость". В числе наиболее универсальных сем (семантических ДП) можно отметить "малую величину" — "большую величину", "положительность (качества и т. п.)" — "отрицательность", "интенсивность" — "неинтенсивность" и т. п. <...>

4. Основная сема может стать сопутствующей, а затем и исчезнуть вовсе, в то время как сопутствующая нередко становится основной <...>. Этот процесс можно назвать изменением иерархии сем внутри семемы. Как правило, он ведет к изменению состава сем внутри семемы.

5. Изменение состава сем (семантических ДП) происходит обычно в результате десемантизации одной из сопутствующих сем (исчезновения семы) или появления новой сопутствующей семы (семантизация), наконец, в результате замены одной сопутствующей семы другой (транссемантизация).

6. Разложимая семема имеет ограниченное число сем, из коих одна является основной, а остальные сопутствующими. Обычно число сопутствующих сем не превышает четырех, пяти. <...> Наличие одной основной и трех дополнительных сем означает, что семема выступает как маркированный член корреляции по отношению к трем другим семемам, т. е. может образовывать три минимальные семантические пары (в противном случае наблюдалось бы неразличение). Естественно, что и эти три немаркированные семемы могут выступать в качестве маркированных по отношению к другим семемам.

Неразложимую семему следует считать всегда немаркированной, т. е. не способной входить в привативные оппозиции.

7. Проблема максимально возможного числа сем и их соотношений в пределах семемы, герс. семем, от носящихся к разным семантическим группам и разрядам, не только не решена, но и не поставлена с должной четкостью. А между тем она, вероятно, связана с проблемой устойчивости семемы (устойчивости значения и потенциальных возможностей ее изменения. Из самых предварительных наблюдений можно отметить только одно: неразложимые (уникальные) семемы более устойчивы, чем разложимые.

<...>.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995. Т. 1.

С. 28-30.

<...> Нам остается рассмотреть еще один вопрос, прежде чем перейти к изложению способов фиксации глубинной структуры и правил ее перевода в поверхностную. Речь идет о втором нововведении Ч. Филмора, состоящем в том, что он предложил более тонкую, чем традиционная, концепцию лексического значения. Традиционная концепция значения <...> исходит из представления о том, что содержательная сторона языковых единиц многослойна. Помимо значения в собственном смысле слова <...> в нее включаются еще побочное значение, или оттенок значения <...>, а также стилистические и эмоционально-экспрессивные элементы значения <...>; оценка этих аспектов значения с помощью специальной системы стилистических помет давно стала азбукой лексикографической работы. Ч. Филмор идет дальше своих предшественников в том отношении, что расщепляет на две сущности прежде единое понятие собственно значения. Этими сущностями являются значение и пресуппозиция. Поясним последнее понятие.

Под пресуппозициями понимаются условия, которые должны быть удовлетворены, чтобы предложение могло функционировать как вопрос, приказ, утверждение и т. п. Пресуппозиции просьбы *Откройте, пожалуйста, дверь* складываются из двух предположений говорящего о знаниях, которыми располагает адресат речи: 1) адресату известно, какую дверь имеет в виду говорящий, 2) адресат знает, что эта дверь закрыта. Говоря *Гаррис обвинил Мэри в написании передовой статьи*, субъект речи предполагает, что Гаррис отрицательно оценивал деятельность Мэри, и утверждает, что Гаррис утверждал, что Мэри была тем человеком, который написал передовую. Говоря *Гаррис критиковал Мэри за написание передовой статьи*, субъект речи предполагает, что Гаррис считал Мэри автором передовой, и утверждает, что Гаррис отрицательно оценил написание статьи. Употребление глагола *chase* 'преследовать' предполагает, что жертва преследования передвигается с большой скоростью, а употребление глагола *escape* 'совершить побег' – что в какое-то время, предшествовавшее побегу, его субъект был насильно задерживаем в каком-то месте. *Tall* 'высокий, рослый' и *short* 'низкий, приземистый', в отличие от *high* 'высокий' и *low* 'низкий', предполагают, что предмет, которому приписаны эти свойства, расположен в вертикальной плоскости и имеет контакт с землей. *Blame* 'осуждать' предполагает, что осуждающим является лицо, а *accuse* 'обвинять' – что лицом является и обвиняющий и обвиняемый.

Различие между пресуппозицией и значением в собственном смысле слова проявляется, например, в том, что они по-разному реагируют на отрицание: в область действия отрицания попадает только значение, но не пресуппозиция. В силу этого принципа оказывается, например, что в толковании слова *холостяк* – 'взрослый мужчина, никогда не состоявший в браке' – только те семантические компоненты, которые стоят направо от запятой, образуют собственно значение: именно они отрицаются в предложении *Петр не холостяк*. Два остающихся компонента – 'взрослый мужчина' – образуют пресуппозиции *холостяка*, потому что предложение *Петр не холостяк* ни при каких условиях нельзя понять как отрицающее тот факт, что Петр был взрослый мужчина. Иными словами, под отрицанием меняется только значение высказывания, но не его пресуппозиции.

Этот беглый обзор примеров пресуппозиций показывает, что в их число включаются три принципиально различных класса семантических элементов: 1) элементы энциклопедического знания, то есть знания «текущей ситуации», которые ни при каких условиях не могут быть включены ни в толкование лексических значений слов, ни в описание их сочетаемости (ср. самый первый пример – пресуппозиции просьбы); 2) элементы, которые могут быть включены непосредственно в толкования, но не в описание сочетаемости (ср. анализ глаголов *accuse* 'обвинять', *criticize* 'критиковать', *chase*

'преследовать', *escape* 'совершить побег', прилагательных *tall* 'высокий' и *short* 'низкий'); к их числу относятся и элементы, образующие модальную рамку толкования (ср. учение о модальной рамке высказывания, разработанное польскими лингвистами А. Богуславским и А. Вежбицкой <...>); 3) наконец, элементы, которые могут быть включены скорее в описание сочетаемости слова, чем в толкование его значения (ср. пресуппозиции одушевленности Агента для глаголов *accuse* и *blame* 'винить', 'осуждать').

С. 56-60.

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК И ПОНЯТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Соссюровской концепции языкового знака как двусторонней единицы, характеризуемой означающим и означаемым (Соссюр 1916), противостоит знаковая теория Ч. Морриса (Моррис 1947), которая первоначально сложилась в семиотике, а в недавнее время, в существенно пересмотренном и дополненном виде, была перенесена в лингвистику (Мельчук 1968). В рамках этой теории языковой знак характеризуется не только именем (означающим) и семантикой (означаемым), но и еще двумя параметрами — синтактикой и прагматикой (ср. Вейнрейх 1966а: 417).

Понятие имени мы будем считать достаточно очевидным и поэтому оставим его без пояснений. Под семантикой в большинстве случаев понимаются сведения о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений. Под синтактикой знака понимается информация о правилах соединения данного знака с другими знаками в тексте. Под прагматикой знака понимается информация, фиксирующая отношение говорящего или адресата сообщения к ситуации, о которой идет речь. Рассмотрим семантику, синтактику и прагматику знака подробнее, но только в том объеме, который необходим для экспликации понятия лексического значения.

Семантика языкового знака отражает не а и в н о е понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п. Простейший пример расхождения между наивными и научными представлениями дал еще Л.В. Щерба, полагавший, что специальные термины имеют разные значения в общелитературном и специальном языках. «Прямая (линия) определяется в геометрии как 'кратчайшее расстояние между двумя точками'. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» (Щерба 1940: 68). Отделяя «обывательские понятия» от научных, Л.В. Щерба там же говорит, что не надо «навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые – главное и решающее – не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения». Впоследствии Р. Халлиг и В. Вартбург, разрабатывая систему и классификацию понятий для идеологического словаря, поставили себе целью отразить в ней «то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка и основано на донаучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжение языком» (Халлиг и Вартбург 1952). Это представление о мире они назвали «наивным реализмом». Те же идеи легли в основу рассмотренных нами в первой главе лексикографических опытов ряда московских лингвистов (Машинный перевод 1964, в особенности Щеглов 1964; см. также Бирвиш 1967, А. Богуславский 1970, Вежбицка 1969, Филмор 1969 и многие другие современные работы).

Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка и поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях.

Во-первых, наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках. Наивная психология, например, как об этом свидетельствуют значения сотен слов и выражений русского языка, выделяет сердце, или душу, как орган, где локализуются различные эмоции. Можно сомневаться в том, что это соответствует научным психологическим представлениям.

Чтобы правильно истолковать значение слова *цепенеть*, относящегося к *замирать* приблизительно так же, как *исступление* относится к *возбуждение*, *экстаз* – к *восторг*, *паника* – к *страх*, мы должны мысленно нарисовать более сложную картину человеческой психики, включающую представление о двух типах принципиально различных устройств: а) устройствах, с помощью которых мы чувствуем (душа, или сердце), логически осваиваем мир (ум) и физически ведем себя (тело); б) устройствах, следящих за нашим поведением и контролирующих его (воля). Глагол *замирать* значит, по МАС, 'становиться совершенно неподвижным', глагол *цепенеть* обозначает родственный замиранию процесс,

с тем, однако, уточнением, что физическое поведение выходит из-под контроля следящего устройства; ср. *Вдруг телеграмма; одна бомба разворотила экипаж, другая – царя. Натурально все цепенеют, гробовое молчание* (Ю. Давыдов).

Для описания значений семантически более сложных лексических единиц, обозначающих внутренние состояния человека (*Волосы встают дыбом от страха, Мурашки ползут по спине от ужаса, Комок подступает к горлу от волнения* и т. п.), требуется, как показала Л. Н. Иорданская (1972), дополнение к модели психики в виде перечня физических систем человека, рассматриваемых в качестве манифестантов определенных классов чувств, и перечня типов их реакций (*Глаза полезли на лоб от удивления – 'экстраординарное функционирование', Дыхание прерывается – 'остановка функционирования'* и т. п.).

Задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований. Первые попытки в этом направлении показали, насколько непростой является эта задача. Казалось бы, употребление русских слов *высока*, *высокий*, *низкий* вполне регулируется следующими словарными толкованиями: *высота* = 'протяженность предмета снизу вверх', *высокий* = 'большой в высоту', *низкий* = 'небольшой в высоту'. Однако анализ связанной с ними наивной геометрии показывает, что в языке существует более сложная система правил употребления этих слов, отражающая разные особенности их значения, которой превосходно владеют и интуитивно пользуются в речевой практике носители русского языка. <...>

Во-вторых, наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается. С «русской» точки зрения диван имеет длину и ширину, а с «английской», по свидетельству Ч. Филмора, – длину и глубину. По-немецки можно измерять ширину дома в окнах (*zenn Fenster breit* 'шириной в десять окон' – пример М. Бирвиша), а в русском такой способ измерения по меньшей мере необычен, хотя и понятен. Долгое время предполагалось, что, несмотря на различия в членении цветового спектра в разных языках, система дифференциальных признаков, на основе которой выделяются цвета, одна и та же в разных языках и складывается из тона, насыщенности и яркости (см. Келлер и Макрис 1967). В европейских языках дело действительно обстоит именно таким образом. Существуют, однако, языки, которые не только иначе, чем европейские, членят спектр, но которые пользуются при этом совершенно другими признаками. В языке хануноо (Филиппины) есть четыре цветообозначения: они различаются по признакам 'светлый' – 'темный' (белый и все светлые хроматические цвета – черный, фиолетовый, синий и т. п.) и 'влажный' – 'сухой' (светло-зеленый, желтый, кофейный – каштановый, оранжевый, красный). Оказывается, таким образом, что признаки тона, насыщенности и яркости не универсальны: «...противопоставления, в терминах которых в разных языках определяется субстанция цвета, могут зависеть главным образом от ассоциации лексических единиц с культурно значимыми аспектами предметов окружающей действительности. Кажется, что в примере со словами из хануноо одно из измерений системы подсказано типичной внешностью свежих, молодых ('мокрых', 'сочных') растений» (Лайонс 1968: 431). Факты такого рода не столько опровергают гипотезу об универсальности элементарных значений (см. с. 38), сколько свидетельствуют о пользе принципа, выдвинутого в уже упоминавшемся сборнике *Машинный перевод 1964*, в силу которого абстрактная и конкретная лексика должны описываться по-разному. В частности, лучшим описанием и европейских цветообозначений, и цветообозначений хануноо были бы картинки, а не толкования с помощью дифференциальных признаков: ведь и носителю русского языка розовый вряд ли представляется как цвет красный по тону, высокой степени яркости и низкой степени насыщенности. Положения о наивной и научной картине мира (и, естественно, о наивной и научной физике, психологии, геометрии, астрономии) имеют принципиальный смысл. Дело в том, что программа описания значений слов с помощью конечного и не слишком большого набора простейших неопределяемых понятий, провозглашенная еще Лейбницем, в новейшее время подверглась критике, как совершенно утопическая (см., например, *Семантические проблемы 1962*: 158 — 160), поскольку она равносильна описанию всего энциклопедического свода человеческих знаний. Применительно к Лейбницу эта критика, может быть, справедлива, но различение наивной и научной картины мира с дальнейшим лексикографическим описанием только первой из них делает эту критику беспредметной.

До сих пор, говоря о семантике знака, мы никак ее не расчленили. Между тем в логической литературе, начиная с классической работы Г. Фреге о значении и смысле, семантику знака принято рассматривать на двух уровнях — денотативном (референционном) и сигнификативном (см., например,

Куайн 1953, Черч 1960). Денотатом знака называется класс обозначаемых им фактов, а сигнификатом – общие признаки всех фактов этого класса. Возможно, таким образом, денотативное тождество знаков при их сигнификативном различии. Классическим примером этого расхождения являются фразы *центр тяжести треугольника* и *точка пересечения медиан*: эти имена задают реально один и тот же объект действительности, но позволяют мыслить его по-разному.

Не пытаясь перечислить всех возможных типов сигнификативных различий, совместимых с денотативным тождеством, мы отметим лишь тот из них, с которым нам постоянно придется иметь дело. Речь идет о различиях в логических акцентах, примером которых могут служить активная и пассивная формы глагола и различные типы лексических конверсивов.

В дальнейшем, смотря по обстоятельствам, мы будем пользоваться либо нерасчлененным понятием семантики знака или производным от него понятием лексического значения, либо более тонкими понятиями денотата и сигнификата, памятуя о том, что два лексических значения могут различаться не только на денотативном, но и на сигнификативном уровне и что это различие – тоже семантическое.

С. 67-69.

Рассмотрим, наконец, прагматику знака. К ней относится широкий круг явлений, начиная от экспрессивных элементов значения, которые в разное время или разными авторами назывались <...> семантические ассоциации, ассоциативные признаки, коннотации и т. п., и кончая теми модальными компонентами значения (связанными не с описываемой ситуацией, а с ситуацией общения), которые А. Вежбицка описывала как модальную рамку высказывания, а Ч. Филмор – как пресуппозиции. Все эти признаки обладают тем общим свойством, что характеризуют отношение говорящего или адресата сообщения к описываемой знаком действительности. Однако разные прагматические элементы надо, по-видимому, фиксировать в разных зонах описания знака.

Начнем с семантических ассоциаций, или коннотаций, – тех элементов прагматики, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы. Они очень капризны, сильно различаются у совпадающих или близких по значению слов разных языков или даже одного и того же языка. Со словом *ишак*, например, ассоциируется представление о готовности безропотно работать (ср. *работает, как ишак; хороший ишачок, Я вам не ишак тянуть за всех (Не стану ишачить за всех)*), а со словом *осел* – его точным синонимом в главном значении – представление об упрямстве и тупости (*упрямый или глупый, как осел; Ну и осел же ты; Довольно ослить!* и т.п.). У существительного *собака* есть коннотации тяжелой жизни (*собачья жизнь, жить в собачьих условиях*), преданности (*смотреть собачьими глазами*) и плохого (*Ах ты, собака!, собачья должность*); у существительного *пес* – холопской преданности (*сторожевой пес царизма*) и плохого (*песий сын*); у существительного *сука* – плохого (*сучьи дети*); наконец, у существительного *кобель* – похоти (*Когда же ты образумишься, кобелина проклятый?*).

Такие признаки, несмотря на то что они не входят непосредственно в семантику слова, представляют для нее первостепенный интерес, потому что во многих случаях именно на их основе слово регулярно метафоризируется, включается в сравнения, участвует в словообразовании и других языковых процессах. В результате признаков, являющийся ассоциативным и прагматическим в одном лексическом значении, выступает в качестве существенного и семантического в другом. Так, например, обстоит дело с глаголами *резать* и *пилить*. При всем внешнем сходстве обозначаемых ими действий (вплоть до возвратно-поступательного движения острого инструмента по объекту, которое имеет целью разделение на части всего объекта или его поверхности) с ними связаны совершенно различные коннотации – резкости и боли для глагола *резать*, и монотонности и нудности для глагола *пилить*. Свидетельством этого являются их переносные значения: *Свет режет глаза, У меня в боку режет, режущая слух какофония* в противоположность *Вечно она его пилит*. Интересно, что в богатейшей номенклатуре типов боли – *режущей, колющей, стреляющей, ломающей, тянущей, жгучей, саднящей, ноющей* и т. п. – нет боли *пилящей*. Аналогичным образом *лакей* и *слуга* являются близкими синонимами в прямых значениях, но из-за различия в коннотациях резко расходятся в переносных; ср. *окружить себя л а к е я м и подхалимами, но с л у г а народа*.

Коннотации должны записываться в особой прагматической или коннотативной зоне соответствующей словарной статьи и служить опорой при толковании таких переносных значений слова, которые не имеют общих семантических признаков с основными значениями.

Что касается тех прагматических элементов знака, которые были названы модальной рамкой и в которых отражена оценка описываемой ситуации говорящим или слушающим, то они, как это было предусмотрено А. Вежбицкой, должны включаться непосредственно в толкование слова: Даже *А действовал* = 'Другие действовали; А действовал; говорящий не ожидал, что А будет действовать'. *Целый X* (в предложениях типа *Он съел целых два арбуза*, *Ему целых три года*, *Он принес целых 10 книг*) = 'X, и говорящий считает, что это много'. *Только X* (в предложениях типа *Он съел только два арбуза*, *Он только капитан*, *Он принес только 10 книг*) = 'X, и говорящий считает, что это мало'. Как видим, необходимым элементом лексического значения всех этих слов является оценка говорящим ситуации; она-то и образует в данном случае модальную рамку значения.

Значения других слов имплицитно содержат в себе ссылку не на говорящего или слушающего, а на воспринимающего, наблюдателя – еще одно лицо, тоже постороннее по отношению к непосредственным участникам описываемой ситуации. Сравним, например, словосочетания *выйти из чего-л.* и *выйти из-за чего-л.* в их основном пространственном значении. Употребление первого из них совершенно не зависит от положения наблюдателя относительно движущегося предмета. Он может сказать *Мальчик вышел из комнаты* и в том случае, когда сам находится в комнате, и в том случае, когда находится вне ее (например, в коридоре). Не то со вторым словосочетанием. *Мальчик вышел из-за ширмы* можно сказать только в том случае, когда воспринимающее лицо само не находится за ширмой и наблюдает не исчезновение, а появление мальчика. Следовательно, в интерпретацию словосочетания *выйти из-за чего-л.* и других подобных должно быть в какой-то форме включено указание на положение наблюдателя (воспринимающего) относительно движущегося предмета и преграды. Такие указания тоже разумно включать в модальную рамку.

Введение в толкование модальной рамки, конечно, усложняет его, но утрата простоты в данном случае отражает реальную сложность, многослойность объекта.

Различие между семантикой знака и той частью его прагматики, которая хотя и включается в толкование в виде модальной рамки, но представляет собой объект принципиально другой природы, проявляется объективно. Отметим, в частности, что одно и то же смысловое различие порождает совершенно различные семантические отношения между знаками в зависимости от того, входит ли оно в семантику знаков или в их прагматику (модальную рамку). Противопоставление 'больше' – 'меньше' порождает антонимию, если оно входит в семантику знаков; если же оно входит только в их прагматику (см. выше толкование слов *целый* и *только*), то антонимического отношения не возникает <...> .

Теперь мы можем эксплицитно определить понятие лексического значения: под лексическим значением слова понимается семантика знака (наивное понятие) и та часть его прагматики, которая включается в модальную рамку толкования, Лексическое значение слова обнаруживается в его толковании, которое представляет собой перевод слова на особый семантический язык. <...>

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995. Т. 2.

С. 157-163.

КОННОТАЦИИ КАК ЧАСТЬ ПРАГМАТИКИ СЛОВА (лексикографический аспект)

<...>

В данной работе прагматика будет пониматься уже, чем сейчас принято. С нашей точки зрения лингвистический интерес представляет лишь та прагматическая информация, которая лексикализована или грамматикализована, т. е. приобрела постоянный статус в языке. В соответствии со сказанным мы будем называть прагматикой закрепленную в языковой единице оценку говорящим следующих трех вещей: действительности, являющейся предметом сообщения, содержания сообщения и адресата <...>.

Очевидно, что языковой единицей в указанном здесь смысле может быть и слово. Поэтому в типовой словарной статье толкового словаря под описание прагматической информации должна быть выделена особая зона. Она подразделяется на ряд подзон, в зависимости от типа лексикографически существенной прагматической информации. К числу основных типов такой информации относятся прагматические стилистические пометы, прагматические признаки (например, перформативность), оценка статусов собеседников в возрастной, социальной или иной иерархии, иллокутивные функции лексем и ее коннотации. <...>

2. Понятие коннотации

Трудно проследить, когда слово "коннотация" было впервые употреблено в лингвистике терминологически. Можно, однако, утверждать, что уже в середине XIX века оно было в ходу в английской лексикографической литературе, связанной с теорией синонимических словарей и практикой их составления <...>. К этому времени сложились два разных смысла термина "коннотация".

С одной стороны, коннотациями назывались "добавочные" (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слова. Так, сравнивая слова *righteous* 'праведный' и *just* 'справедливый', Э. Дж. Уотли писала в своем предисловии к знаменитой в XIX веке книге *Selection of Synonyms* (1851): «*Righteous* сейчас используется исключительно для обозначения этики поведения, опирающейся на принципы религии, между тем как *just* обозначает просто высокоморальное поведение. Язычника или атеиста можно назвать *just*, но не *righteous*» <...>.

С другой стороны, о коннотациях говорили и тогда, когда имели в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, не входящую непосредственно в лексическое значение слова <...>

Принципиальное различие между двумя пониманиями "коннотации" не всегда осознавалось, и традиция неотчетливого использования термина сохранилась до наших дней <...>. Более того, к двум рассмотренным значениям термина "коннотация" в XX веке добавилось еще несколько: 1) "коннотация" – интенционал, смысл, в противоположность "денотации" (логиико-философская традиция, восходящая к работам Дж. С. Милля); 2) "коннотация" – синтаксическая валентность слова (психо-лингвистическая традиция, восходящая к работам К. Бюлера); 3) "коннотация" – "переносное значение, основанное на фигуральных элементах" [Isačenko, 1972б, с. 84 – 85]; 4) "коннотация" – факультативный элемент лексического значения [Tokarski, 1988]; и ряд других <...>

Понятно, как исторически может возникнуть такая неоднозначность термина, тем более в ситуации, когда он рождается в недрах сразу нескольких дисциплин. Труднее объяснить, почему этот разброс значений сохраняется внутри одной дисциплины – лингвистики. Ведь почти для всех значений термина "коннотация" нынешняя лингвистика располагает более детальными и логически более четкими понятиями: интенционал, модальная рамка, пресуппозиция, оценочный компонент значения (как в словах *застрельщик* = '...относись хорошо' и *зачинщик* = '...относись плохо' – на фоне нейтрального *инициатор*), факультативный, или слабый, компонент значения, семантическая и синтаксическая валентность. Именно эти термины и следует использовать для обозначения соответствующих понятий.

Тогда на долю термина "коннотация" останется ровно одно значение – "узаконенная в данном языке оценка объекта действительности, именем которой является данное слово". Именно в этом и только в этом смысле термин "коннотация" будет использоваться в данной работе. Более точно, коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него. <...>

Рассмотрим подробнее два основных свойства коннотаций <...> .

Первое свойство состоит в том, что в коннотациях лексемы воплощаются несущественные признаки выражаемого ею понятия. Возьмем слово *петух* в его основном значении, которое во всех словарях русского языка толкуется совершенно единообразно как 'самец курицы'. Это толкование действительно исчерпывает собственно лексическое значение слова; в него не могут быть включены указания на то, что петухи рано засыпают и рано просыпаются, что они задиристы и драчливы, что они как-то по-особенному, подобострастно ходят. Все это – несущественные для наивного понятия 'петух' признаки. В частности, есть основания думать, что петухи засыпают и просыпаются не раньше большинства птиц и не более задиристы и драчливы, чем самцы других биологических видов.

Вместе с тем перечисленные признаки отличаются от других несущественных, хотя и бросающихся в глаза признаков петухов, например, таких, как величина гребешка, форма или окраска хвоста. Первые выделены в сознании говорящих на русском языке людей и имеют устойчивый характер, многократно обнаруживая себя в разных участках языковой системы. Будучи ассоциативными и несущественными для основного значения слова *петух*, они оказываются семантическим ядром его переносных значений, производных слов, фразеологических единиц. Признак задиристости, например, лежит в основе переносного значения слова *петух* 'задиристый человек, забияка', а также значений производных слов *петушинный* 'задиристый', *петушиться* 'горячиться, вести себя задиристо'. Ср. *Горн увидел Меншикова, – этот петух во весь конский мах скакал к шведам (А. Н. Толстой); У обоих характер был петушинный;*

При нападении защищайся, однако не пугайся без толку (В. Ажаев, БАС). Признаки 'рано засыпают и рано просыпаются' лежат в основе фразеологических единиц *до первых петухов, с петухами вставать <просыпаться>, с петухами ложиться <засыпать>*. Именно такие несущественные, но устойчивые, т. е. многократно проявляющие себя в языке, признаки и образуют коннотации лексем, фиксируемые в прагматической зоне ее словарной статьи.

Возникает вопрос, как отличить такие несущественные, но устойчивые признаки понятий от тех смысловых элементов, которые входят непосредственно в лексическое значение слова. Известны два экспериментальных теста для разграничения элемента лексического значения и коннотации, предложенные в [Иорданская, Мельчук, 1980, с. 201 — 202]. Рассмотрим их.

Первый тест. Пусть у лексемы L есть гипотетическая коннотация C. Если присоединение к L элемента со смыслом 'не C' не порождает противоречия, то C – коннотация. Если же противоречие возникает, то C должно считаться элементом значения. Так, признак 'глупость' для лексемы *осел 1* = 'животное' составляет коннотацию, потому что высказывание типа *У Насреддина был умный осел* непротиворечиво. Тот же признак для лексемы *осел 2* = 'человек' составляет часть ее лексического значения, потому что высказывание типа *'Эмир был умным ослом* абсурдно. Равным образом не являются коннотациями оценочные элементы в значениях таких слов, как *пресловутый* или *вояж*; ср. аномальность *'пресловутые подвиги* или *'вояж национального героя*'.

Второй тест. Пусть C называет некоторую функцию объекта, обозначенного лексемой L. Если из того, что этот объект находится не в порядке, естественно заключить, что он плохо выполняет функцию C, то C – элемент лексического значения L; в противном случае C – коннотация. Например, для лексемы *голова 1* = 'верхняя часть тела человека...' такой функцией будет 'думать', а для лексемы *сердце 1* = 'внутренняя часть тела человека...' – 'чувствовать'. Для фразы *У меня голова уже давно никуда не годится* продолжение *и поэтому я не могу как следует думать* звучит вполне естественно. Значит, 'думать' в той или иной форме (например, в форме 'орган мысли') входит в лексическое значение лексемы *голова 1*. Для фразы *У меня сердце давно никуда не годится* продолжение *и поэтому я не способен испытывать какие бы то ни было чувства* совершенно не подходит. Значит, 'чувствовать' в той или иной форме (например, в форме 'орган чувств') образует коннотацию лексемы *сердце 1*.

Добавим к этому третий тест. Пусть лексеме L приписано толкование 'Т', не включающее элемента C, который является, по предположению, коннотацией. Если по 'Т' можно однозначно идентифицировать лексему L, и только эту лексему (не считая ее точных синонимов), то C – коннотация L. Так, толкование 'мать жены' дает возможность однозначно выбрать в словаре русского языка лексему *теща*. Следовательно, все другие ассоциируемые с *тещей* признаки, каковы бы они ни были, образуют ее коннотации, а не часть значения.

Ни один из этих тестов не является абсолютно надежным. Для каждого из них без труда находятся отдельные слова и большие классы слов, к которым он либо в принципе неприменим, либо дает антиинтуитивный результат.

Первый тест неприменим, например, к словам *правый 1* с коннотацией честности и *ветер 1* с коннотацией несерьезности, легкомыслия. Нельзя сказать **моя бесчестная правая рука* или *'вдумчивый <глубокомысленный> ветер*, но не потому, что 'честность' входит в значение *правый*, а 'легкомыслие' — в значение *ветер*. Просто пары смыслов 'честный'+ 'правый', 'легкомысленный'+ 'ветер' онтологически несовместимы.

Кроме того, первый тест не дает возможности разграничить коннотацию и факультативный (слабый) смысл. Действительно, смысл 'не C', если он выражен явно, может оказаться сильнее имплицитно выраженного и, следовательно, более слабого смысла 'C', входящего в значение лексемы L. Тогда происходит подавление, вычеркивание смысла 'C', и результирующее словосочетание, несмотря на принципиальную несовместимость смыслов 'C' и 'не C', оказывается непротиворечивым. Рассмотрим фразу *Голова <котелок> варит у кого-л.*, лексическое значение которой в словарях толкуется как 'голова хорошо работает у кого-л.' Хотя, как видно из этого толкования, компонент 'хорошо' входит в лексическое значение фраземы, он является слабым (факультативным) и снимается, не порождая никакого противоречия, при столкновении с явно выраженным и тем самым более сильным смыслом 'плохо'; ср. *Что-то у меня голова плохо варит*.

Второй тест предназначен лишь для существительных, причем только тех, референты которых имеют определенные функции. Даже с учетом этих запланированных ограничений он оказывается неприменимым к большому по объему и богатому коннотациями классу названий животных, используемых человеком для получения различных пищевых продуктов и сырья (молока, мяса, сала,

кожи, шерсти, меха, пера и т. п.). Возьмем, например, типичное толкование лексемы *свинья* 'парнокопытное млекопитающее, домашний вид которого разводят для использования его мяса, сала, щетины, шкуры' (Ушаков). Аналогичные указания на функции (для чего используют) включаются в толкование этого слова во всех без исключения толковых словарях русского языка — в МАС'е, БАС'е, словаре С. И. Ожегова. Ср. также [Мельчук, Жолковский, 1984, с. 722] и [Bartminski, 1984, с. 10]. Не принимать в расчет эту удивительно последовательную лексикографическую интуицию, ведущую к включению указания на функцию в лексическое значение слова, нельзя. Между тем, если применить к этому случаю второй критерий коннотативности, получится, что указание на функцию — не часть лексического значения, а коннотация. В самом деле, ход мысли в предложении *Наша свинья сломала передние ноги, и поэтому ее нельзя резать на сало <использовать для получения сала>* нельзя признать естественным. Наоборот, такая травма домашнего животного как раз считается бесспорным основанием для того, чтобы его немедленно заколоть и использовать все, что можно.

Третий тест, как нетрудно заметить, ориентирован на "дифференциальные" толкования, т. е. толкования, дающие возможность отличить одно слово от другого. Но идеалом лексикографа являются исчерпывающие толкования, фиксирующие и такие смысловые компоненты, по которым данное слово не противопоставлено другим словам. Известно немало случаев, когда исчерпывающее толкование намного превосходит дифференциальное по составу компонентов. По толкованию 'женщина, родившая X-а' абсолютно однозначно опознается слово *мать*. Из этого не следует, что другие смыслы, вызываемые в нашем сознании словом *мать*, заведомо относятся к области коннотаций. Остается неясным, например, как быть со смыслом 'выращивает и воспитывает X-а' — является ли он коннотацией или частью лексического значения? <...>.

Аналогичные вопросы возникают по поводу сотен, если не тысяч других слов, особенно имен природных объектов. Достаточно вспомнить рассуждения А. В. Исаченко о толковании слова *мышь* [Isachenko, 1972б, с. 82] <...>. Верно ли, например, что *мышь* для обыденного сознания — это 'небольшой грызун из семейства мышиных, с острой мордочкой, черными глазами и длинным, почти голым хвостом' (Ушаков)? А. В. Исаченко отвергает это толкование как чересчур энциклопедичное. "С точки зрения языка — это прежде всего очень мелкое животное, тихое (*тихий, как мышь*), быстрое (*юркнуть, юркий, как мышь*), серое (*мышинного цвета, мышастый*)" [цит. соч.]. Являются ли эти свойства коннотациями или элементами лексического значения? А. В. Исаченко считал их частью лексического значения слова *мышь*; нам же представляется, что по крайней мере свойства 'тихий' и 'быстрый' образуют коннотации *мыши*.

Из того, что экспериментальные критерии коннотативности ненадежны или дают антиинтуитивные результаты, а интуитивные оценки расходятся, совсем не следует, что само понятие коннотации лишается смысла.

Во-первых, имеются канонические случаи противопоставленности коннотаций и элементов лексического значения; ср., например, слова *теща* (оценочные элементы являются бесспорно коннотативными) и *пресловутый* (оценочные элементы безусловно входят в лексическое значение). Естественно, что между бесспорными коннотациями и бесспорными компонентами лексических значений есть широкая полоса промежуточных случаев. Однако в этом отношении дело о коннотациях ничуть не отличается от других лингвистических казусов, связанных с определением природы языковых единиц; ср. пресловутую "проблему слова".

Во-вторых, интуитивное понятие коннотации может быть объективировано в большей степени, если существенно пополнится арсенал экспериментальных приемов распознавания коннотаций. Возможность оценивать меру коннотативности спорного элемента с помощью многих тестов создает основу для взвешивания аргументов за и против и принятия сбалансированных решений.

В-третьих, и это самое важное, ничто не обеспечивает теоретического продвижения в большей мере, чем полное лексикографическое описание объекта. Лингвисты могут до бесконечности спорить о том, что такое слово, но их решения должны быть согласованы с лексикографической трактовкой соответствующего материала в авторитетных толковых словарях. Точно так же теория коннотаций будет более надежно обеспечена, когда (и если) будет завершена эмпирическая работа по составлению достаточно полного словаря хотя бы одного языка, содержащего последовательное описание коннотаций лексем на основе интуиции хотя бы одного лексикографа.

4. Свойства коннотаций

Первое и главное внутриязыковое свойство коннотаций, отчетливо представленное в большинстве рассмотренных выше примеров, может быть условно названо компаративностью. Наличие коннотации у слова можно фиксировать только в тот момент, когда несущественный признак обозначаемого им объекта действительности стал семантическим компонентом в толковании какой-то другой единицы языка. Коннотация, таким образом, становится связующим звеном между двумя разными единицами языка, и отношение, в которое она ставит эти две единицы, есть отношение уподобления. <...>

Другие важные свойства коннотаций связаны с особенностями их формирования. На формирование коннотаций лексемы решающее влияние оказывают тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст ее существования, этимология, или, по удачному выражению В. И. Абаева [1948], "этимологическая память слова" и другие внешние по отношению к ее непосредственной жизни в языке факторы. Приведем примеры на каждый из этих случаев.

Тип использования объекта. Ср. различие коннотаций у русского *коза* и немецкого *Ziege*, хорошо описанное А. В. Исаченко. В немецком языке козе приписывается набор неприятных свойств – глупости, любопытства, разборчивости и т. п.; ср. переносные значения и устойчивые сравнения *dumme Ziege* 'глупая коза', *alte Ziege* 'старая коза', *madder wie eine Ziege* 'худая, как коза', <...> Этот набор коннотаций объясняется тем, что "в Западной Европе коза до недавнего времени была символом негативного (социального) статуса, «коровой бедняков». Поэтому исторически сложилось пренебрежительное отношение к этому животному" [Isačenko, 1972б, с. 79]. В русском быту любое домашнее животное, в том числе и коза, было скорее приметой достатка, что создавало основу для положительных коннотаций. Для *козы* это прежде всего коннотации подвижности и привлекательности. В некоторых славянских поверьях коза может выступать даже как символ плодородия (см. [Толстой, 1984, с. 117]); ср. *Где коза рогом, там жито стогом*.

Традиции литературной обработки лексемы. Можно не сомневаться в том, что коннотации таинственности, мистической силы, вечности у таких слов, как *весть* (в отличие от *известие*), *знак* (в отличие от *символ*), *письмена* (в отличие от *буквы*), *слово* (в отличие от *речение*) сложились в значительной мере под влиянием их многовековой литературной истории. На таких коннотациях построено (и такие коннотации поддерживает) известное стихотворение Н. Гумилева: *В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо Свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города*. Ср. также у Анны Ахматовой: *Ржавеет золото, и истлевает сталь. / Крошится мрамор. К смерти все готово. / Всего прочнее на земле – печаль / И долговечней – царственное слово*.

Исторический, политический, религиозный или психологический контекст существования лексемы или ее референта. Для иллюстрации роли исторических и политических факторов в формировании коннотаций приведем выразительный пример из английского языка. Известно, какую большую коннотативную нагрузку могут нести названия национальностей. В английском языке едва ли не самым коннотативно насыщенным из них является прилагательное *Dutch* 'голландский'. Его огромный коннотативный потенциал особенно отчетливо проявляется во фразеологии, отчасти, правда, устаревшей. Ср. *Dutch bargain* 'сделка, заключаемая за бутылкой вина', <...> *Dutch concert*, 'кошачий концерт' = 'кто в лес, кто по дрова', <...>. Отрицательные коннотации лексемы *Dutch* восходят к XVII веку – времени ожесточенного политического и военного противоборства Англии и Голландии за господство на морях и колониальные приобретения. <...>.

Различие коннотаций у лексем *Бог* (ср. *божественный*, *по-божески*, *боготворить*, *дай Бог*, *с Богом*) и *черт* (ср. *чертов*, *чертовщина*, *черт возьми*, *черт дернул за язык*, *откуда черт принес*) объясняется различием статусов их референтов в системе религиозных представлений. Точно так же обстоит дело с лексемами *небо* (ср. *небесная душа*, *небесные черты*, *быть <чувствовать себя> на седьмом небе*) и *земля* (ср. *земные заботы*, *персть земная*, *небо и земля*, *отличаться как небо от земли*, *сойти с неба на землю*).

Роль психологических факторов в формировании коннотаций ясна из практики табуирования имен гениталий и лексики, описывающей половую жизнь человека. Почти все такие слова приобретают многочисленные отрицательные коннотации.

Этимологическая память слова. У прилагательного *правый* имеются коннотации основного, хорошего, честного, надежного; ср. *Иван — его правая рука*. У прилагательного *левый* — коннотации неосновного, плохого, *бесчестного*, ненадежного; ср. *встать с левой ноги*, *писать левой ногой*, *Делает*,

что его левая нога захочет, левачить, работать налево, левые заработки. Оказывается, что это различие в коннотациях уходит своими корнями не только в антропологическое различие функций правой и левой руки, но и в различие этимологий этих двух слов. Сошлемся на работу [Шайкевич, 1960], в которой на основании материалов нескольких десятков языков, в том числе и генетически не связанных друг с другом, был установлен следующий любопытный факт. В абсолютно подавляющем большинстве случаев слово со значением 'правый' (о руке) имеет этимон со значением 'сильный', 'прямой', 'правильный', 'честный', 'надежный', 'хороший' и т. п., а слово со значением 'левый' (тоже о руке) – этимон со значением 'слабый', 'кривой', 'неправильный', 'нечестный', 'ненадежный', 'плохой'.

Этимологические данные А. Я. Шайкевича хорошо согласуются с типологическим материалом, приводимым в работах [Иванов, Топоров, 1974, с. 260—266] и [Толстой, 1987, с. 171]. В частности, в работе Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова на материале славянских языков, ряда африканских, древнекитайского и кетского было установлено, что оппозиция *правый-левый* входит в систему оппозиций *мужской – женский, старший – младший, верхний – нижний, белый – черный, жизнь – смерть, здоровье – болезнь, свет – тьма, небо – земля* и т. п., где первый член имеет устойчиво положительную оценку, а второй – отрицательную.

Прямым следствием всех этих превратностей возникновения коннотаций является их второе, лексикографически очень важное свойство – капризность и непредсказуемость. Свое наиболее рельефное выражение оно находит в том, что синонимичные или тематически близкие слова языка могут иметь совершенно разные коннотации. <...>

Тесть – теща, отчим – мачеха. В этих парах имена родственников мужского пола лишены или почти лишены коннотаций, а имена родственников женского пола насыщены ими. Как уже говорилось, *теща* запечатлена в сознании носителей русского языка как существо несправедливое, злобное, мелочно-придирчивое и болтливое; ср. устойчивые речения типа *не теща, а мать родная* и название игрушки *тещин язык*. С мачехой ассоциируется представление о злобе, несправедливости, жестокости, на основе которого развилось переносное значение 'что либо враждебное, причиняющее неприятности', ср. *Жизнь оказалось злою мачехою*.

Мальчик – девочка. Здесь наоборот, более насыщено коннотациями имя ребенка мужского пола: незрелость, неопытность, подчиненность, возможность помыкать. Ср. *мальчишеский поступок, мальчишество, мальчик на побегушках, Мальчишка, как он посмел! У девочки есть только коннотации незрелости и юности*.

Свинья – боров. У *свиньи*, по-видимому, нет коннотаций тучности и неповоротливости, а у *борова* они есть и семантизируются в переносном значении 'толстый и неповоротливый человек'. Ср. *Не понимаю, как этот боров мог забраться на вторую полку (спать на такой узкой лавке)*. С другой стороны, у *борова* нет ни одной коннотации *свиньи*. Очевидно, что фактические физические различия между *боровом* (= 'кастрированным самцом свиньи') и *свиньей* никак не могут объяснить столь разительного несходства их коннотативных потенциалов.

Коза – козел (пример из [Isačenko, 1972б, с. 79]). Коза, как уже было сказано, оценивается в русском языке как существо подвижное и привлекательное (ср. *коза-егоза, козочка*), а козел – как существо бесполезное, неуклюжее, с неприятным голосом и запахом (ср. *как от козла молока, прыгать козлом, козлетон, пахнет <разит, несет> козлом*). Добавим к этому, что в коннотациях *козла* никак не отражен тот факт, что в хозяйстве он используется как умное и смелое животное; именно за эти его реальные свойства его ставят во главе стада овец.

Другой стороной капризности и прихотливости коннотаций является несогласованность, доходящая иногда до противоречивости. Мы уже говорили об отрицательных коннотациях *тещи*. Но у нее есть и положительные коннотации; ср. *к теще на блины*. У *пса* есть коннотации преданности (*смотреть, как пес*) и *подлости (гитлеровские псы)*. Те же две коннотации есть и у *собаки*; ср. *смотреть собачьими глазами* и *как собака на сене*. *Ходить петушком* значит, как мы уже отмечали, и 'ходить подобострастно' и 'ходить, хорохорясь'.

Отметим, наконец, что в силу тех же свойств коннотации обладают выраженной национальной спецификой. В этой связи, помимо уже приведенных выше примеров, уместно вспомнить сложную символику цветообозначений в разных языках. Приведем еще следующее замечательное по тонкости наблюдение Л. В. Щербы [1958, с. 86]: "Французское *eau*, как будто, вполне равно русской *воде*; однако образное употребление слова *вода* в смысле 'нечто лишнее содержания' совершенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее можно передать русским 'отвар' (*eau de ris, eau d'orge*). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие

воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд".

Приведенный материал позволяет составить представление и об основных разрядах коннотирующей лексики. Это – имена терминов родства, животных, частей и органов тела, природных объектов и явлений, физических действий, цветообозначений, – словом, всего, что можно воспринять пятью органами чувств. Существенно при этом, что коннотируют обычно родовые слова (*ветер*, но не *сухой*, *свежак*), достаточно употребительные (*резать*, но не *нарезать*, *стрелять*, но не *палить*), не являющиеся терминами (*ветер*, но не *бора*, *бриз* и т. п.). <...>

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.

с. 90-113.

СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЙ И ТИПЫ ИХ КОМПОНЕНТОВ

В живой речи мы имеем дело не с абстрактными значениями (лексическими, грамматическими или словообразовательными), а с конкретными значениями словоформ, т.е. с семемми (если под семеммой понимать все содержание словоформы).

Семеммы, особенно глагольные, имеют обычно очень сложную внутреннюю структуру. Прежде всего в них выделяются такие макрокомпоненты (или аспекты), как эмпирический, или денотативный («идеальный денотат») <...>, рациональный, или сигнификативный (в иных терминах — сигнификат, концепт, понятийное содержание) и коннотативный, или прагматический <...>. Эмпирический компонент значения — это результат конкретного понятийного и образно-чувственного мышления, отражающего действительность одновременно в форме понятий и представлений (ср. слова типа *береза*, *дуб*, *дом*, *лес*, *сладкий*, *красный*, *сидеть*, *спать*). Рациональный компонент значения — это результат абстрактного понятийного мышления (ср. слова типа *причина*, *следствие*, *отношение*, *материя*, *форма*). Наконец, коннотативный компонент значения – это результат логически слабо расчлененного отражения действительности, связанного с чувственно-ситуативным мышлением. К коннотациям относят обычно экспрессивно-образное, эмоционально-образное, эмоционально-оценочное и модально-оценочное содержание (ср. коннотации слов типа *осел*, *собака*, *дуб*, *береза*, *прикорнуть*, *фифа*, *цаца*, *величественный подвиг*, *придется*). Иногда как коннотации трактуются также стилистические свойства слов (так называемые стилистические значения), например книжность, разговорность, просторечность и т.п., однако при том понимании языкового значения, которое принято нами, последние следует отнести к сфере значимостей.

По другим основаниям можно выделить следующие макро- и микрокомпоненты семем: 1) лексические, в том числе словообразовательные, и грамматические; 2) эксплицитные и имплицитные; 3) парадигматические и синтагматические; 4) доминирующие и зависимые; 5) ядерные и периферийные; 6) идентифицирующие и дифференцирующие; 7) категориальные и идеосинкретические; 8) обязательные и факультативные. При этом под компонентами семем понимаются и семы (элементарные компоненты, «семантические примитивы»), и семантические множители (непосредственно составляющие семем), и семантические признаки (гиперсеммы, или родосеммы), и их конкретизаторы (гипосеммы, или видосеммы).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

Проблема лексических, словообразовательных и грамматических компонентов семеммы — традиционная проблема лексического, словообразовательного и грамматического значений. Изучению этой проблемы, особенно выяснению природы указанных типов значения и критериев их разграничения, уделялось немало внимания. В результате было установлено, что, во-первых; грамматические и словообразовательные значения могут быть только абстрактными, а лексические — и абстрактными и конкретными и что, во-вторых, абстрактные лексические значения (например, слов типа *отношение*, *причина*, *следствие*, *направление*, *место*) по своему логическому содержанию могут совпадать с соответствующими словообразовательными и грамматическими значениями (ср.: *зачать* — *начать петь*; *Останьтесь*. — *Прошу вас остаться*). Это заставило ученых отказаться от поисков существенных различий между лексическими, словообразовательными и грамматическими значениями в плане содержания и обратиться к более тщательному исследованию их внешнеформальных и структурных (реляционных, системных) различий. В ходе этих исследований было выяснено, что с формальной точки зрения, т.е. с точки зрения соотносительности языковых значений с единицами плана

выражения, собственно грамматическими следует считать такие языковые значения, которые находят свое внешнее выражение в грамматических средствах, т.е. проблема грамматического значения сводилась, по существу, к вопросу о том, что следует относить к грамматическим средствам языка.

<...>

К бесспорным различиям между лексическими и грамматическими значениями (при узком понимании последних) можно отнести лишь следующие: 1) грамматические значения в отличие от неграмматических (лексических и словообразовательных) не соотнесены прямо с конкретными предметами, они выражают обычно самые общие отношения, связанные с номинативным, модально-предикативным и коммуникативным планами высказывания; 2) грамматические значения в принципе присущи всем словам данной части речи, а неграмматические – лишь отдельным ее словам или группам слов (тематическим, лексико-семантическим, лексико-грамматическим, словообразовательным, синонимическим и т.п.); 3) грамматические значения не допускают, как правило, толкований с помощью отдельных словосочетаний и предложений, то свидетельствует об их нечеткой логической вычленимости, об их связанности и автоматизированности, подсознательности; 4) грамматические значения выражаются с помощью особых грамматических средств, составляющих специфику грамматических категорий тех или иных частей речи (в содержательном плане эта особенность является факультативной, в формальном – основной).

Словообразовательные значения тоже понимаются и определяются по-разному. Одни ученые отождествляют их со значениями словообразовательных морфем, другие видят в них тот остаток, который получается вследствие вычитания значения мотивирующего (непроизводного) слова из значения мотивированного (производного) слова, третьи понимают под ними значения словообразовательных моделей. В любом случае словообразовательное значение представляет собой выраженное в структуре производного слова отношение между семантикой мотивирующей и мотивированной основ, т.е. «словообразовательное значение формирует лексическое значение производного слова на базе лексического значения производящего слова, ставя его в определенные отношения и сливаясь с ним в новое значение» <...> В отличие от собственно лексических значений словообразовательные значения (семы), как правильно отмечали многие ученые, всегда являются «групповыми», «серийными», «классными», т.е. они делят слова на определенные группы, классы, словообразовательные типы. Но «классными» могут быть и категориальные компоненты лексических значений (такие, как 'одушевленность', 'собираемость', 'субъект', 'объект', 'лицо', 'адресат' и т.п.). От них словообразовательные значения отличаются только своей эксплицитной производностью, т.е. выраженностью в формальной структуре слова, словообразовательной или морфемной. На эту особенность словообразовательных значений ясно указал Г.О. Винокур: «...есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами. Вот почему значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» <...>.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

Эксплицитные и имплицитные компоненты значения (семемы) различаются по способу представленности в плане выражения. Эксплицитными (явно выраженными) называют такие компоненты, которые имеют явное словообразовательное (морфемное), формообразовательное (морфологическое) или синтаксическое (лексико-семантическое) выражение: *учить* — *учитель* — *учительство* (дополнительные семантические компоненты в производных словах *учитель*, *учительство* выражают с помощью словообразующих морфем *-тель*, *-ство*); *стол* — *стола* (дополнительный семантический компонент 'множественное число' в производной словоформе *стола* выражается окончанием *-ы*); *быстро* + *быстрее* (дополнительный семантический компонент сравнительной степени в производной словоформе *быстрее* выражается формообразующим суффиксом *-ее*); <...> Таким образом, эксплицитными являются все словообразовательные и грамматические значения в узком их понимании, а экспли-

цироваться могут также виртуальные (имплицитные) лексические семы (случаи типа *поступать скромно, говорить быстро, кричать громко* <во весь голос> и т.п.; ср.: *скромничать, тараторить, орать*). К эксплицитным относят, конечно, и такие лексические семы, которые составляют основное понятийное содержание тех или иных лексем (*отрицание, условие, причина, человек, растение* и т.п.).

Имплицитные (скрытые) компоненты значения не имеют самостоятельного явного выражения в формальной лексико-грамматической структуре языка. Они выражаются синкретически, т.е. представлены вместе с другими компонентами одной и той же словоформой (лексемой) или морфемой (*человек* мужчина — имплицирован компонент 'человек', *мужчина* — *юноша* — имплицированы компоненты 'человек' и 'мужской пол', *говорить* — *тараторить* — имплицирован компонент 'быстро', *прыгнуть прыг* — имплицированы компоненты 'быстро' и 'внезапно' и т.д.). Таким образом, имплицитные компоненты значения выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах и синтагмах, т.е. через лексико-семантические оппозиции и контекст, и относятся поэтому к так называемой скрытой грамматике [195]. Конкретизация скрытых семантических компонентов осуществляется обычно путем различных синтаксических преобразований, путем лексико-семантического развертывания, перифразирования семем (*юноша* — *юный человек мужского пола; клеветать* — *сообщать кому-либо о ком-либо ложь с целью опорочить, скомпрометировать; грубить* — *говорить грубости, вести себя грубо* и т.д.); этот прием широко используется, например, в толковых словарях. Однако перифразы (семантико-синтаксические синтагмы), получаемые в результате таких преобразований, далеко не всегда эквивалентны по своему содержанию исходным лексемам (например, *вести себя скромно* не равно по значению *скромничать, говорить быстро* не равно *тараторить*). Чаще всего не поддаются полной экспликации коннотативные (экспрессивные) компоненты языковых значений.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По типу отношений, в основе которых они лежат, компоненты языковых значений могут быть синтагматическими (синтагмемами) и парадигматическими. Так, семы субъектности и локативности (места) в значении словоформы *находится* (например, в предложении *Он находится здесь*), обуславливающие соответствующую ее семантическую сочетаемость (ее «семантическое согласование»), являются синтагматическими, а остальные семы (лексическая сема 'быть' и грамматические семы лица, времени, наклонения в их конкретной реализации: 3-е лицо, настоящее время, изъявительное наклонение) — парадигматическими. Первые обуславливают взаимосвязь семем в составе синтагм, из-за чего их часто называют также семантическими валентностями, а вторые — их взаимосвязь в составе лексических и грамматических парадигм.

<...> Естественнее противопоставлять в значении предиката собственно предикатные и аргументные компоненты, аргументные же компоненты, в свою очередь, могут подразделяться (в соответствии с классификацией Л. Теньера) на актантные и сирконстантные (обстоятельственные).

От семантической сочетаемости лексических единиц, обусловленной синтагматическими компонентами их значений («синтагмемами»), необходимо отличать формальную сочетаемость словоформ, лексическую и грамматическую, обусловленную традицией, нормами употребления (ср., например, допустимость сочетания *прекратил работу* и недопустимость сочетания *'перестал работу*, логически вполне возможного).

ДОМИНИРУЮЩИЕ И ЗАВИСИМЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

Доминирующие (господствующие) и зависимые семантические компоненты значения выделяются по характеру их отношения внутри семем. Например, компонент 'каузировать, быть причиной чего-либо' у глаголов *стыдить, сердить, волноваться, вести, показывать, кормить, убивать* и т.п. является доминирующим, а все остальные — зависимыми. При этом зависимые компоненты семемы тоже связаны между собой иерархически, т.е. подчинены (или соподчинены) друг другу. Например, значение словоформы *вспугнуть* можно истолковать как 'воспрепятствовать, помешать кому-либо осуществить, сделать что-либо, вызвав боязнь, страх' (каузативная сема является в этом толковании зависимой от семы контрдействия и вместе с тем господствующей по отношению к семантическому множителю 'страх'); в значении глагола *завидовать* сожалеть, что не имеешь того, чем обладает другой' еще более сложная иерархия компонентов. Возможность вычленения доминирующих и зависимых компонентов в составе семем свидетельствует о том, что их структура сходна во многих отношениях с семантической структурой предложений (пропозиций). Не очень ясен статус грамматических сем в составе семем: в

отличие от лексических сем и семантических множителей они не укладываются обычно в толкование значения словоформы посредством отдельного словосочетания (перифразы) или предложения, т.е. «ведут себя» примерно так, как вводные компоненты в структуре предложения, и являются, следовательно, сопутствующими.

ЯДЕРНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По отношению к идентифицирующему значению (идентификатору) того или иного семантического класса целесообразно разграничивать ядерные и периферийные компоненты семемы (Н.И. Толстой выделяет соответственно основную и сопутствующие семы [191]). Например, компонент 'говорить (осуществлять речь)' в значениях глаголов *говорить, произносить, разговаривать, тараторить, мямлить, бурчать, бубнить, ворчать* и т.п. является ядерным, а компоненты 'взаимный (речевой контакт)', 'быстро', 'медленно', 'невнятно' и др. - периферийными. Ядерные компоненты образуют инвариантное значение данного семантического класса слов (ядро семантического поля), периферийные ее компоненты могут неограниченно варьироваться в его составе.

Ядерные и периферийные компоненты выделяются не только в составе семемы, но и в составе отдельных ее макрокомпонентов: лексического, грамматического, словообразовательного, денотативного, сигнификативного, коннотативного. Например, грамматическая сема завершенности (сов. вид) в глаголах *рвануть, резануть, садануть, звездануть* является ядерной (и доминирующей), а семы однократности, мгновенности и экспрессивные семы — периферийными; словообразовательная сема лица в существительных с суффиксами *-тяй, -ач, -ун, -ень* и др.. (*слунтяй, бородач, летун, несун, увалень* и т.п.) является ядерной, а экспрессивные компоненты, тоже связанные с указанными суффиксами, — периферийными и т.д.

Периферийными могут быть не только зависимые, но и доминирующие компоненты семем (в этом главное различие между ядерными и доминирующими семемами). Например, каузативные компоненты в значениях глаголов *ставить, сажать, класть* 'делать так, чтобы кто-то стоял <сидел, лежал> или чтобы что-то стояло <сидело, лежало>' являются доминирующими, но периферийными по отношению к ядру семантического класса глаголов пространственного положения.

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ И ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По своей функции в составе различных лексических, слово-образовательных и грамматических парадигм компоненты семем подразделяются на идентифицирующие и дифференцирующие (Д.Н. Шмелев называет идентифицирующие компоненты значений семантической темой [213]). При этом одни и те же компоненты значения по отношению к одной семантической парадигме выполняют идентифицирующую функцию, а по отношению к другой - дифференцирующую. Так, компонент 'быстро' по отношению к парадигме *говорить — разговаривать — тараторить — мямлить...* является дифференцирующим, а по отношению к парадигме *тараторить — строчить* (в переносном значении) — *мчатся — нестись — шнырять — ринуться — броситься — кинуться — устремиться...* — идентифицирующим, хотя сема 'быстро' в последнем случае имеет в соответствующих лексико-семантических группах периферийный характер. Практически, правда, парадигмы второго типа выделяются редко (например, при выявлении и типологии периферийных компонентов в значениях слов, входящих в различные семантические поля). Нельзя, однако, идентифицировать слова и фразеологизмы одной лексико-семантической группой (при определении ее объема) и по ядерным и по периферийным компонентам их значений, как иногда делается. Идентификатором лексико-семантической (тематической) группы должны быть только ядерные компоненты, носителем которых является обычно имя семантического поля. Идентифицирующие семы и семантические множители составляют инвариант, константу семантической структуры поля или отдельных его частей (микрочастей).

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ И ИДЕОСИНКРЕТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По степени повторяемости, регулярности и соответственно по степени абстрактности, обобщенности выделяются категориальные и идеосинкретические компоненты значения (С.Д. Кацнельсон называет идеосинкретические компоненты идеоэтническими, Д.Н. Шмелев — интегральными семантическими признаками). Например, компоненты 'растение', 'дерево' и все грамматические семы в

значении слова береза являются категориальными, а остающиеся за их вычетом компоненты — идеосинкретическими, т.е. входят в эмпирический макрокомпонент значения и не поддаются четкому понятийному членению. Категориальными являются все грамматические и словообразовательные семы, а также лексические гиперсемы (или родосемы, архисемы). Но и гипосемы (или видосемы) могут быть категориальными, если они имеют абстрактный характер. Такова, к примеру, гипосема 'дерево' (гипосемой этот компонент является по отношению к гиперсеме 'растение') в значении слова *береза*.

Категориальные компоненты значения соответствуют синтаксическим и семантическим маркерам, а идеосинкретические — дистинкторам в работах американских ученых <...>. Под синтаксическими маркерами здесь понимаются общекатегориальные грамматические значения синтаксических классов слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий) и общие значения их подклассов (например, значения одушевленности, абстрактности, счетности у существительных, значение переходности у глаголов и т.п.), под семантическими маркерами — различные лексические значения обобщенного характера ('объект', 'человек', 'животное', 'взрослый', 'мужской пол' и т.п.), повторяющиеся в других значениях, а под дистинкторами — тот семантический остаток, который не поддается дальнейшему разложению на составные компоненты (является «идеосинкретическим») и который не повторяется в других значениях, так как является сугубо индивидуальным признаком данного значения.

<...>

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ И ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ

По степени фиксированности, закреплённости за определенными значениями различаются обязательные и факультативные семантические компоненты. Первые относятся к сигнификативному (семиотическому) аспекту значения и поэтому совершенно необходимы для его существования как единицы языка, а вторые — к плану пресуппозиций и поэтому способны реализоваться лишь в речи. Так, синтагматическая сема локативности для значения глагола *находиться* является обязательной (ср. недопустимость конструкции *Он находится*), а для глагола *быть* она факультативна (допустимо и *Он был там* и *Он был* — утверждение существования, наличия). Факультативные компоненты значения расширяют его семиотические возможности, так как обуславливают его способность выражать в речи различное содержание. Например, глагол *сообщить*, включающий в свое значение факультативный компонент (гиперсему) способа передачи информации, может выражать также значения, обозначаемые глаголами *сказать, написать, позвонить, телеграфировать, сигнализировать* и т.п.

<...>

Факультативные компоненты значения называют также потенциальными или ассоциативными. Первый термин уместен лишь в тех случаях, когда мы хотим подчеркнуть, что факультативные семы могут быть актуализированы в речевом смысле соответствующих значений (синхронный аспект) или закреплены в системе, языка в качестве переносных значений (диахронический аспект). Например, факультативный компонент способа передвижения в глаголе *прибыть* может быть потенциально реализован в целом ряде его возможных смыслов (ср.: *Он прибыл вчера самолетом; Он прибыл вчера поездом* и т.д.), а факультативная сема отрицательной эмоциональной окраски основного значения прилагательного *горький* исторически реализовалась в переносных значениях этого слова (ср. сочетания типа *горькая жизнь, горький урок, горькая правда*). Второй термин неудобен тем, что он связывается обычно с различного рода коннотациями, а факультативные компоненты семем могут и не иметь коннотативного характера.

Подведем некоторые общие итоги типологического анализа структурных компонентов значения (семемы)1.

1. Значения словоформ представляют собой не «пучки» семантических признаков, а их более или менее сложные «конфигурации». Каждый компонент в такой конфигурации наделен определенными функциями.

2. Целесообразно разграничивать в структуре семемы, с одной стороны, макрокомпоненты («блоки») и микрокомпоненты — ингредиенты макрокомпонентов (например, ингредиенты денотативного макрокомпонента, ингредиенты коннотативного макрокомпонента и т.д.), а с другой — семантические признаки (гиперсемы) и их конкретизаторы (гипосемы).

3. Структурные компоненты значений имеют в большинстве своем относительный характер: о доминирующих и зависимых компонентах значения допустимо говорить лишь по отношению к определенной семеме, ибо один и тот же компонент в составе разных семем может быть и доминирующим и зависимым (ср.: бояться 'испытывать страх', *пугать* 'заставлять испытывать страх' и

вспугивать 'мешать кому-либо сделать что-либо путем внушения страха'); о ядерных и периферийных компонентах, равно как об идентифицирующих и дифференцирующих, -лишь по отношению к определенным семантическим классам; о парадигматических и синтагматических компонентах — лишь по отношению к определенным парадигмам и синтагмам и т.д.

4. Внутренняя структура семем обуславливает, таким образом, в значительной мере внешние связи единиц языка (парадигматические, синтагматические и деривационные). Например, предикаты (предикатные значения) содержат в своей структуре виртуальные модели различных типов предложения, взаимно предполагают друг друга антонимы (*хороший* — *плохой*, *добрый* — *злой*, *широкий* — *узкий*) и конверсивы (*покупать* — *продавать*, *проигрывать* — *выигрывать*), родо-видовые отношения между значениями предопределяются частичным тождеством их компонентного состава и т.д. Следовательно, семемы благодаря своей внутренней расчлененности выполняют наряду с отражательной системообразующую функцию. Однако и их речевая актуализация, и их историческое формирование обусловлены, в свою очередь, местом в составе семантических полей (парадигм) и семантико-синтаксических моделей.

5. Членимость значений является теоретической и фактической основой так называемого компонентного анализа. У этого метода есть и достоинства и недостатки. Главным достоинством является то, что с помощью компонентного анализа удалось показать дискретность всех единиц языка, обуславливающую их системные связи и обусловленную их системными связями. Существенный недостаток этого метода — субъективизм в его применении. Это серьезный недостаток. Но он в не меньшей мере присущ и другим синхронным лингвистическим методам, опирающимся или непосредственно на интуицию говорящих, или на данные, полученные с их помощью. Поэтому трудно согласиться с теми учеными, которые считают компонентный анализ малоэффективным и даже научно несостоятельным. Его плодотворность уже подтверждена конкретными исследованиями значительных лексических массивов и грамматических категорий в целом ряде языков. Небесполезны также результаты теоретической разработки принципов компонентного анализа.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

<...> Демонстрация (теории) проводится на сквозном примере (слово ДОМ и круг его производных). Выбор именно данного слова обусловлен тем, что оно имеет обширный и развитый лексический фон, весьма разнообразный с точки зрения качественного состава СД (СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОЛИ — элементарные понятия в составе общего понятия, обозначаемого словом. — *Примечание составителей*): на материале одной-единственной лексической основы оказалось возможным показать значение всех теоретических положений, развитых в работе, и показать практически.

Сопоставления предпринимаются, как правило, с английским и немецким языками.

Теоретические итоговые сведения даем в тезисной форме. <...>

1. <...> Слово *дом* в понятийном отношении эквивалентно англ. *house* и нем. *Haus*. Для этого достаточно сопоставить толкования словарей. В них наличествуют формулировки, содержательно совпадающие с семантизацией слова, например, в Словаре Ожегова: «жилое (или для учреждения) здание, а также люди, живущие в нем»; «квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство».

Таким образом, слово *дом* выражает межъязыковое лексическое понятие. Лексическое понятие называется межъязыковым, если оно присутствует (хотя бы) в двух этнокультурных общностях и без потери информации адекватно выражается на разных языках.

2. Семантика слова, однако, лексическим понятием (совокупностью СД, обеспечивающих узнавание и именование соответствующего предмета или явления) не ограничивается. Непонятные СД, входящие в семантику слова, в своей совокупности были названы нами лексическим фоном. С точки зрения лексических фонов, слова *дом* — *house* — *Haus* уже не могут считаться эквивалентными.

В самом деле, для англичанина *Boize* ассоциируется, например, со словом *agent*; *house agent* (в американском варианте *realtor*) — это *someone who lets, buys or sells houses for others for fee* (человек, который сдает, покупает или продает дома для других за вознаграждение). В «Словаре ассоциативных норм...» (1977), естественно, нет ассоциации *дом* — *агент*, равно как кажется странным словосочетание типа *домовой агент* и тем более *домашний агент*.

Немецкий (производный от *Haus*) глагол *hausieren* означает *Waren von Haus zu Haus feilbieten* (разносить товары по домам, заниматься торговлей вразнос). И эта ассоциация отсутствует в отечественной национально-культурной общности и никак не представлена в русском языке. Такой вид торговли считается, вероятно, делом постыдным и недостойным, что выражено, например, в устойчивой формуле

Betteln und Hausieren verboten (запрещается нищенство и торговля вразнос) или в образном выражении типа *er muss mit seinen Fähigkeiten formlich hausieren gehen* (буквально: он прямо-таки должен торговать вразнос своими способностями, т.е. предлагать их унижительным образом).

С другой стороны, те ассоциации, которые слово *дом* вызывает у русских, далеко не всегда совпадают с английскими или немецкими. Например, по данным «Словаря ассоциативных норм...», у этого слова имеются ассоциаты *изба, домовый, обитель, хата*, и поскольку все они отражают подробности специфического традиционного быта, их трудно перевести на другие языки. Собственно, их можно передать словами другого языка (например, *изба* в словарях обычно описывается как *peasant's house* или как *Bauernhaus*), но они не имеют точного, устойчивого эквивалента (поэтому в словарях, как правило, указываются многочисленные синонимы: *cottage, cot, hut*). Если же обратиться к современному нашему быту, то для носителя других языков могут оказаться непонятными ассоциаты *дома* типа <...> *домоуправление, кооперативный дом, детский дом* <...> и т.д.

Таким образом, как английский или немецкий язык имеет «лишние» фоновые доли по сравнению с понятийно-эквивалентным русским словом, так и русское слово, в свою очередь, обладает фоновой семантикой, выходящей за пределы семантики сопоставимых иноязычных слов.

Из этого вытекает, что часть СД лексического фона отражает национально-культурную специфику.

Однако одновременно в лексическом фоне присутствует известное количество межъязыковых СД. Например, ассоциаты *деревянный, кирпичный, высотный*, даже *блочный* и *панельный* по отношению к слову *дом* вполне сопоставимы с ассоциатами *Holz-, Ziegel-, Hochhaus*.

Следовательно, при сопоставительном подходе лексический фон оказывается состоящим как из межъязыковых, так и национально-культурных СД. Термины «межъязыковой» и «национально-культурный» — это, конечно, не внутренние качества СД, а атрибуты, приписываемые им наблюдателем, поэтому для каждой пары сопоставляемых языков разделение СД на межъязыковые и национально-культурные окажется своим, своеобразным.

3. Судить о СД, входящих в лексический фон слова, можно путем опроса информантов, с помощью ассоциативного эксперимента, благодаря данным толковых (и, с осторожностью, энциклопедических) словарей, на основе свидетельств иностранцев или соотечественников, побывавших за границей, а также и другими прямыми и косвенными способами. Тем не менее, если не считать словарей, описывающих предшествующее состояние языка (историко-литературные комментарии к художественным произведениям, европейская традиция словарей античных реалий), лексический фон слова никогда не был предметом целенаправленного лексикографического отражения (тем более с синхронных позиций).

4. Хотя по своей природе лексический фон прежде всего отражает не внутриязыковую, реляционную семантику, а связь внеязыковых предметов и явлений в действительности, он все же должен быть признан «частью языка» и отнесен к сфере ведения лингвистики и, шире, филологии. Фон ответственен за ассоциативные (парадигматические и синтагматические) связи слова. Именно фон определяет место слова в лексико-семантическом поле. Таким образом, лексический фон, наряду с лексическим понятием, — это способ существования общественного сознания, способ фиксации внеязыковой действительности преимущественно на обыденном, массовом, традиционном уровне её отражения.

5. Если под коммуникацией понимать индивидуальное сочетание социальных средств выражения, то роль лексического фона в коммуникативном акте заключается, как ни парадоксально, в социализации индивидуального сочетания слов. Лексический фон очерчивает границы осмысленной сочетаемости слов: индивидуальность выбора действует только в пределах этих границ.

Например, с точки зрения материала *дом* может быть *деревянным, глинобитным, кирпичным, каменным, блочным, панельным*, но если *дом* назван *ледяным* (из сказки: у зайца была избушка лубяная, а у лисы *ледяная*; ср. также название исторического романа И. И. Лажечникова *Ледяной дом*), то этим нарушением границ возможного выбора, необычностью словосочетания достигается не сугубо прагматический, а художественный, метафорический эффект. (Метафора, кстати, регулярно модифицирует словосочетаемость. Ср. некогда невозможные сочетания: *лист* бумаги (а не березы), *стальное* (а не птичье) *перо*.) Подобные экспрессивные «неправильные» словосочетания, как любое исключение, только подтверждают правило.

Лексический фон очерчивает не только границы осмысленной коммуникации, но и её языковую форму.

Например, прилагательные *домашний* и *домовой*, казалось бы, должны означать одно и то же (что подтверждается, если не учитывать стилистических различий, возможными вариантами *домашний* и *домовый врач*, *домашняя* и *домовая церковь*, но в фоне слова *кухня* оба прилагательных содержательно противопоставлены друг другу (*домовая кухня* — это магазин, где можно купить обед, а *домашняя кухня* — это пища, приготовленная в семье, дома). Кроме того, в некоторых случаях избирательная сочетаемость имеет не содержательный, а чисто узувальный характер: так, лишь *домашняя* аптечка (*домовая* невозможно), *домашние* задания, *домашнее* воспитание, *домашние* животные, а с другой стороны — только *домовая* мышь, *домовый* сверчок и *домовая* книга.

В акте коммуникации СД фонов непосредственно сочетающихся слов согласуются между собой, поэтому можно говорить о *моносемности* всего (непосредственного) словосочетания.

6. Различаются два принципиально различных вида коммуникации: личностная и метаязыковая.

Личностный акт коммуникации сообщает некоторые сведения применительно к данному конкретному предмету или явлению, и в результате в сознании адресата не возникает преобразований его индивидуального лексического фона (некоторого слова, употребленного в речевом общении). Например: наш дом — девятиэтажный.

В метаязыковой коммуникации, т.е. в высказываниях, устанавливающих тождество некоторых сведений или форм выражения, индивидуальный лексический фон непременно изменяется, в его состав входит новая СД.

Например, из литературы XIX в. нам известны словосочетания *работный дом* и *странноприимный*. Однако что стоит за выражениями? Из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона можно узнать, что *работный дом* доставлял «неимушим прокормление» и привлекал для принудительных работ «праздношатающихся» и что *странноприимный дом* — это собирательное название для *богадельни* и *больницы* в одном помещении.

Оба акта коммуникации передают информацию не о конкретном явлении, а о классе предметов и явлений и формируют лексические понятия у адресатов. Следовательно, метаязыковая коммуникация — это формирование семантики слова для второго участника речевого общения.

В результате модификаций индивидуального лексического фона говорящий меняет как парадигматические, так и синтагматические связи соответствующего слова.

7. В метаязыковой коммуникации переданные знания подвергаются процессу свертывания, они (за редкими случаями заучивания метаязыкового текста слово в слово) никогда не фиксируются в исходном виде.

Ср. для примера выписку из Лингвострановедческого словаря «Народное образование в СССР» (Денисов, 1978) <...>

Дом (дворец) пионеров

Внешкольное учреждение, которое ведет массовую учебно-воспитательную работу, направленную на развитие творческих интересов и индивидуальных способностей детей.

Первые Дома пионеров были открыты в 1923-1924 гг. в Москве. В 30-е гг. они появились в Ленинграде, Свердловске, Тбилиси и других городах. В 1959-1962 гг. в Москве, на Ленинских горах, был построен крупнейший в СССР Дворец пионеров и школьников. Сейчас в столицах всех республик, краев и областей СССР имеются Дворцы пионеров, а во многих городских и сельских районах открываются Дома пионеров.

В каждом Доме или Дворце пионеров работают различные кружки (шахматный, математический, химический, литературный) <...>, многочисленные спортивные секции. <...>

В Доме пионеров организуются и проводятся пионерские праздники, слеты, конференции, смотры, конкурсы, выставки детского творчества, олимпиады по предметам школьной программы <...>, туристические походы. <...>

Данный метаязыковой текст, несомненно, формирует у адресата (иностранца, потому что для нашего соотечественника сообщаемые сведения могут иметь лишь уточняющее значение) семантику словосочетания *Дом (Дворец) пионеров*. Однако информация свертывается вплоть до отдельных слов-ассоциатов: *кружки, секции, слеты, олимпиады, туристические походы*.

Вопросы преобразования исходной формы метаязыкового текста не изучались нами, однако теория лексического фона позволяет понять именно слово в качестве фиксатора метаязыковой информации. Лексический фон, подобно лексическому понятию, накапливает и хранит СД, однако он включает в себя несравненно больше СД (и по этой причине оказывается в немалой степени индивидуальным у членов языковой общности).

Сказанное означает, что лексический фон, с одной стороны, направляет коммуникацию, а с другой — в метаязыковой коммуникации формируется сам.

8. В составе лексического фона СД могут рассматриваться с самых разных точек зрения.

С точки зрения генезиса СД индивидуального лексического фона разделяются на личностные (возникшие в результате собственного опыта человека, его творческой работы) и социальные, т.е. те, которые носитель языка разделяет со своими соотечественниками и современниками.

Социальные СД, если их рассматривать с позиций принадлежности национальной культуре, разделяются на межкультурные (и, соответственно, межъязыковые) и национально-культурные. Первые представлены по крайней мере в двух национальных культурах, а вторые уникальны и отражают неповторимую специфику опыта определенной этнокультурной общности людей.

Можно к противопоставлению межъязыковых и национально-культурных СД подходить и относительно, путем попарного сопоставления двух языков или даже русского языка и другого языка в его региональном употреблении <...>: в этом случае одна и та же СД может оказаться для одной пары межъязыковой, а для другой — национально-культурной.

Например, СД *каменный* для слова *дом* является межъязыковой, а СД *домостроевский* — национально-культурной. «Домострой» — это русский письменный памятник XVI в., содержащий свод житейских правил и наставлений, в нем требуется беспрекословное подчинение главе семьи; это слово впоследствии стало нарицательным обозначением консервативного семейно-бытового уклада. Отсюда *домостроевские нравы*, *домостроевский быт*. У русского возникают ассоциации, идущие к нравам косного купечества, вспоминаются персонажи А. Н. Островского (например, Кабаниха из «Грозы»), а также, может быть, строгий старообрядческий быт.

Национально-культурные СД должны учитываться в преподавании русского языка иностранцам в качестве возможных учебных единиц.

9. В понятийно-эквивалентных словах лексические понятия всегда совпадают полностью, но при сопоставлении даже близких языков лексические фоны никогда не совпадают до конца.

Например, хотя *дом* — Haus — house понятийно целиком одинаковы, для русского некоторые особенности устройства немецкого или английского дома непривычны и отражающие их формы языка непонятны. <...>

Несмотря на представленность расходящихся СД в составах лексических фонов понятийно-эквивалентных слов разных языков, в них одновременно наличествует немалое число межъязыковых СД (чем ближе друг к другу национально-культурные общности, тем больше совпадают лексические фоны эквивалентных слов).

При изучении иностранного языка эквиваленция лексических понятий обычно сопровождается переносом лексического фона слова родного языка на лексему изучаемого языка. Так возникает особая, лингвострановедческая интерференция. Она же наблюдается и во всех случаях перемещения человека, прошедшего социализацию в культуре А, в культуру Б.

Для предупреждения лингвострановедческой интерференции, совершенно аналогично предупреждению интерференции фонетической или грамматической, необходимы сопоставительные описания лексических фонов понятийно-эквивалентных слов, в частности, с помощью процедуры компарации.

10. Если рассматривать лексический фон в динамике, то легко заметить меньшую стабильность фонных СД по сравнению с понятийными. <...> Ср.<...> СД, с течением времени вышедшие из актуального лексического фона: *питейный дом*, *желтый дом*, *казенный дом*, *воспитательный дом*, *ночлежный дом*, *архиерейский дом*, *вдовий дом*, *дом призрения*. <...>

Правда, состав лексического фона обладает определенной инерцией, которая поддерживается читаемыми произведениями художественной литературы прошлого, поэтому мы <...> знаем о *мертвом доме* (безусловно, благодаря «Запискам из мертвого дома» Ф. М. Достоевского). Тем не менее сам факт полного выхода некоторой СД из лексического фона демонстрируется без труда: в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1809, ч.2) 2) *домостроитель* определяется как «надзиратель, смотритель дома»<...>; сейчас сложное слово понимается лишь в буквальном смысле составивших его корней, т.е. «тот, кто строит дома», отсюда *домостроительный комбинат*<...>

С другой стороны, по сравнению с предшествующими периодами слово *дом* постоянно включает в свой состав все новые и новые СД.

Например, <...> если ещё два-три десятилетия тому назад дома по материалу исполнения разделялись на *деревянные* и *каменные (кирпичные)*, то сейчас говорят о *блочных* или *панельных (сборных)* домах. <...>

Динамика СД в составе лексического фона может иметь место на протяжении не только жизни одного поколения, но и в значительно более короткие сроки. <...> Можно подумать, что на протяжении примерно десяти лет фоны большинства ключевых, центральных слов претерпевают более или менее существенные изменения. Поскольку эти изменения не фиксируются (например, лексикографически), новым поколениям приходится восстанавливать «контекст культуры».

Остается добавить, что накоплению СД в фоне слова способствует художественная литература (*дома новы, но предрассудки стары; дом с мезонином; все смешалось в доме Облонских*), в том числе иностранная (*холодный дом; дом, который построил Джек*) и детская (*кошкин дом*), а также архитектура (*дом Пащикова, круглый дом*), живопись, театр, кино и т.д.

Следовательно, учебная семантизация лексического фона должна проводиться с диахронических позиций, отражая не только актуальные, действенные на сегодня СД, но и исторические доли, если они, конечно, ещё не вышли из семантики слова.

11. СД (как понятия, так и фона) не имеют языковой природы в индивидуальном сознании говорящего, и именно поэтому при билингвизме возможен их перенос из языка в язык. Из этого вытекает, — надо учитывать также мысль о «свертывании» метаязыкового текста при формировании лексического фона (см. 7-й тезис) и тем самым об отрыве образуемой СД от исходной формы, — что для формирования лексического фона слова языка А можно использовать семантизирующий текст на языке Б.<...>

Конкретные способы опоры на родной язык обучающихся с целями формирования лексических фонов русских слов (а такая опора очень важна на начальном этапе обучения иностранцев русскому языку) уже были предложены (как в литературе вопроса, так и авторами этой книги), однако весьма актуальны и дальнейшие разыскания.

12. Изучая природу лексического фона, мы вывели за его пределы экзотерические СД, т.е. те доли, которые не принадлежат исключительно некоторому конкретному слову, а одновременно определяют семантику и других слов.

Например, <...> оценка — *красивый, безобразный*, <...> окраска — *белый, светлый, темный*, <...> время постройки — *новый, старый, допотопный, довоенный*; все эти характеристики являются для дома общими и с другими предметами. Перечисленные прилагательные приложимы и к другим словам — *завод, кинотеатр, магазин, стол, диван*...

Хотя, как можно думать, СД оценки, субъективного отношения все же принадлежат к лексическим фонам слов, тот факт, что они присутствуют в семантике едва ли не любого номинативного слова и выражаются примерно одинаково (*хороший или плохой* представляют собой всеобщие оценки), заставляет нас эти экзотерические СД выводить за пределы семантики конкретного слова.

В противоположность им эзотерические СД относятся только к данному слову или к весьма ограниченному кругу близких или сопряженных по смыслу слов. Например, *флигель или мезонин* — понятия, предполагающие лишь соположенное слово *дом*.

Можно думать, что вся тематическая лексика манифестирует эзотерические СД родового слова: *карниз, окно, балкон, ставень, крыльцо, парадный (черный) ход, подъезд, кровля, первый (второй) этаж* и т.д. Эзотерические доли усматриваются в избирательной сочетаемости слова: *рубить* (деревянный) дом, *строить* (каменный) дом или *класть* (кирпичный) дом.

Эзотерические доли в составе лексического фона значительно уступают в количественном плане экзотерическим, но с лингвострановедческой точки зрения особенно ценны: именно они отражают, концентрируют в себе не столько общечеловеческую, сколько национальную культуру. Поэтому эзотерические доли, как правило, отражают не объективные признаки или свойства предмета или явления, а его функционирование, бытование, «жизнь» в определенной национальной культуре.

В самом деле, *домострой* восходит к древней русской литературе, *мертвый* и *ледяной* дом — к литературе XIX в., *рабочий* и *ночлежный* дом отражают дореволюционный быт, а *Дом Союзов* и *дом отдыха*, напротив, принадлежат к числу слов-советизмов. Естественно поэтому, что лингвострановедческая семантизация касается преимущественно эзотерических долей лексического фона.<...>

Заметим, что роль семантизации эзотерических СД фона состоит в подготовке изучающего язык к чтению классической русской литературы. <...>

Наконец, сугубо эзотерическими являются СД коннотации — те значения, не мотивированные рационально, которые развиваются у слова. <...>

Эзотерические СД, в противоположность экзотерическим, объективируют собственную семантику слова и фиксируют в ней историю и современное состояние того класса предметов, который называется

данным словом. Эзотерические доли, опять-таки в противоположность экзотерическим, перечислимы и могут быть отражены в семантизирующем (метаязыковом) тексте исчерпывающе.

13. Лексический фон включает в себя (в качестве СД) не только вербальные компоненты (или доли, способные к вербальному выражению), но и невербальные. Теория лексического фона позволяет провести различие между общей семантизацией лексики путем зрительной наглядности и семантизацией лингвострановедческой. <...>

14. Теория лексического фона полностью применима ко всем единицам лексического уровня языка, в том числе и специфическим группам лексики — к терминам и именам собственным. <...> Лингвострановедческий подход вполне пригоден и по отношению к топонимике.

<...> Вслед за данным сокращенным, тезисным представлением семантической концепции, <...> мы хотели бы еще больше «сжать» ее главный смысл, свести его, может быть, даже до одного подходящего слова.

<...> Итоговое высказывание в виде предикативной суммы гласит: слово как отдельная языковая единица ВМЕЩАЕТ в себе и в себя знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию.

Это же высказывание в виде номинативной суммы гласит: слово как вместилище знания. <...>

Хотя выражение «слово как вместилище знания» хорошо отражает существо концепции лексического фона, от суммирующего имени затруднительно и, пожалуй, даже невозможно образовать атрибут в виде прилагательного, а такой атрибут нужен для удобного, рабочего обозначения новой семантической концепции в связном изложении.

В поисках пригодного обозначения мы приняли во внимание традицию терминообразования, существующую в лингвистике, и остановились на самостоятельно сконструированном термине, производном от иноязычного корня.

Вмещать, заключать в себя, *охватывать, присоединять* к себе, а в переносном смысле *помнить* по-латыни *continere* (от глагола конкретного значения *tenere* держать, удерживать). <...> *Continere* имеет несколько производных, более или менее соответствующих русским производным от глагола *вмещать*: *continentia* (главное содержание, суть); *continentivus* (содержащий, вмещающий). Если же латинский корень оформить средствами русского языка, то по аналогии с принятыми в лингвистике терминами *грамматический, лексический, синтаксический, парадигматический* и т.д. легко образуется нужный нам атрибут-прилагательное *континический*. На нем и остановимся.

Итак, оба значения русского ключевого слова: *вмещать* — *содержать в себе* (результат) и *вмещать* — *включать в себя* (процесс) — существенны для выдвигаемой нами континической концепции слова.

Итоговая формулировка «слово вмещает знания — в себе и в себя», с одной стороны, позволяет увидеть и осознать то новое, что несет с собой континическая теория, а с другой стороны, она не дает возможности смешать нашу точку зрения не только с далекими, но и с близкими научными воззрениями.

В самом деле, различие статики и динамики лексического фона весьма существенно не только в общенаучном плане, но прежде всего для практики преподавания русского языка иностранцам.

Взгляд на лексический фон как на вместилище, которое стабильно и прочно удерживает в себе совокупность единиц общественного знания, т.е. СД, позволяет считать слово важным носителем информации о внеязыковой действительности, в том числе — этот вид информации интересен для нас в первую очередь — и об особенностях национальной культуры страны изучаемого языка. Считалось, что только текст (в минимальном случае фраза) может быть источником любых, следовательно, и страноведческих, сведений для иностранца; континическая концепция лексического фона (с массовой, социальной точки зрения и в ее синхронном аспекте) прибавляет к этому важному источнику еще один, не менее важный. <...>

Ясно, что выделение статичного и динамичного аспектов в лексическом фоне тесно сопряжено с различием его двух планов социального, общественного, и индивидуального, личностного. Будучи единицей языка как общественного феномена, слово оказывается для изучающего язык носителем и источником сведений о действительности. Являясь одновременно единицей индивидуального речевого механизма, иноязычное слово становится для обучающегося аккумулятором сведений о действительности, особенно о новой социальной действительности, о традиционной и актуальной национальной культуре.

<...> «Общественное» слово не равно «индивидуальному». В процессе метаязыковой коммуникации (в учебных условиях такая коммуникация проводится сознательно и называется семантизацией) «общественное» слово как бы отдает «индивидуальному» свои национально-культурные СД. <...>

В дополнение к хорошо известному пониманию семантизации слова как разового учебного акта континентальная концепция лексического фона выдвигает представление о длительном процессе семантизации (одного и того же) слова изучаемого языка.

<...> Лишь та семантизация, которая заключается не в переносе лексической семантики из языка в язык, а в формировании нового лексического фона, только эта, по необходимости продолжительная, семантизация приводит ко включению в лексический фон «индивидуального» русского слова все новых и новых национально-культурных СД, разрушает ложное отождествление расходящихся фонов понятийно-эквивалентных слов и превращает слово из чисто коммуникативного (номинативного) средства также и в орудие познания — познания новой для обучающегося национальной культуры. <...>

Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 30–35.

Как известно, слово - носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера [1]. Такая информация и составляет социальноисторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова. Это объективно существующее понятие. «У каждой эпохи, - писал К. Чуковский, - есть свой стиль, и недопустимо, чтобы в повести, относящейся, скажем, к тридцатым годам прошлого века, встречались такие типичные слова декадентских девяностых годов, как настроения, переживания, искания, сверхчеловек... В переводе торжественных стихов, обращенных к Психее, неуместно словечко сестренка... Назвать Психею сестренкой - это все равно что назвать Прометея братишкой, а Юнону – мамашей» [2]. Этот компонент смысловой структуры слова участвует (чаще имплицитно) в процессе повседневной речевой коммуникации, объективно учитывается в словоупотреблении.

Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох, сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоев общества, профессий, политических групп и т.п. Обычно это находит свое выражение в так называемых оценках речи, в более развернутом виде - в комментирующих контекстах, в детализированных толкованиях слов. Культурный компонент значения слова становится очевидным при сопоставлении, столкновении автором художественного произведения социально-речевых характеристик персонажей.

Н. Ю. Шведова выдвинула и обосновала продуктивную мысль о языковых условиях существования слова как об одном из важнейших (наряду с внутренними свойствами слова) факторов его многоаспектного описания. "...лексическая единица всегда существует одновременно в контексте класса, в контексте текстовой последовательности и в содержательном ("обстановочном") контексте речевой ситуации" [3]. Как представляется (и это подтверждает освещение данной проблемы Н.Ю. Шведовой), для выяснения и описания культурного компонента смысла слова актуальны именно «обстановочные» (содержательные) контексты.

«Обстановочный» контекст - исходный, опорный момент при характеристике, описании слов, культурный компонент смысла которых обусловлен политическим, идеологическим осмыслением соответствующих понятий и явлений действительности, литературными реминисценциями и ассоциациями. "Из чисто содержательных ситуаций, из "контекстов обстановки", которые проецируются на слово и концентрируются в компонентах его значения, - отмечает Н.Ю. Шведова, - складывается описание таких слов, как золушка 'о том, кто несправедливо гоним, кого не любят, обижают' или уже имеющее право на место в словарях сочетание поручик Кижэ "выдуманная личность, выдаваемая и принимаемая за реально существующую" [4].

Культурный компонент смысла слова неоднороден. Он может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку. Такой его характер выявляется полнее всего в "обстановочных" контекстах, в непосредственных комментариях конкретного слова, вернее, его словоупотребления. Это больше всего и в первую очередь распространяется на

слова общественно-политической и философской сфер, культурный компонент смысла которых имеет интеллектуальное содержание.

Уточнение смыслового содержания слов, обозначающих важные, ключевые понятия социологии, политики, этики, философии, происходит чаще всего в ходе политической борьбы. Такими уточнениями, разъяснениями терминов политического, философского, мировоззренческого характера, публицистических номинаций, за которыми стояли важные понятия, определявшие принципиальные позиции, кредо политических партий, группировок, того или иного деятеля, сопровождается развитие русской общественной мысли нового времени. Именно этим объясняется тот факт, что в текстах русской публицистики, отчасти русской литературы мы встречаем немало "обстановочных", содержательных контекстов употребления общественно-политической, философской и публицистической лексики. Вот, к примеру, свидетельство Н.Г. Чернышевского: "Как все высокие слова, как любовь, добродетель, слава, истина, слово патриотизм иногда употребляется во зло не понимающими его людьми для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом, потому, употребляя священное слово патриотизм, часто бывает необходимо определять: что именно мы хотим разуметь под ним" [5]. Особенно большое внимание к содержательной стороне понятий, смысловой стороне соответствующих слов присуще марксистской литературе, большевистской публицистике.

Культурный компонент коннотативного характера приобретает различный статус в смысловой структуре разных слов. И в зависимости от этого для его описания требуются "обстановочные" контексты неодинакового объема и структуры или непосредственный комментарий. Следует при этом подчеркнуть, что необходимость в таких контекстах и комментарии возникает прежде всего при сопоставлении обычно двух национальных культур при обучении неродному языку, в переводческой деятельности.

Говоря о различном статусе культурного компонента в смысловой структуре коннотативно значимых слов, мы имеем в виду следующие ряды лексико-семантических явлений.

Первый ряд составляют слова, в том числе имена собственные, коннотация которых опирается на ассоциации. При этом важно различать ассоциации, в основе которых лежат традиционные, социально-исторически обусловленные осмысления определенных реалий, представлений, понятий как национально-самобытных, присущих только носителям данного языка, и ассоциации литературного происхождения. Например, черемуха ассоциируется у русского человека с проявлением любви юноши к девушке. Это отражается и в контекстах употребления слова черемуха. Так, в одной из песен поется: "Все равно, любимая, отцветет черемуха", т.е. любовь кончится. Не случайно и один из рассказов Пантелеймона Романова 20-х годов называется "Без черемухи". А, скажем, цветок незабудка в русском восприятии связан с поэтическим образом целомудренной голубоглазой девушки. См. также национально-самобытные ассоциации в русском языке таких слов, как береза, березка, зорюшка, таких имен собственных, как Москва, Волга, Иван.

Особенно рельефно такого рода ассоциации выявляются при сопоставлении национальных культур или различных социально-исторических ареалов, в частности, на основе анализа переводов художественного произведения на разные языки. В этом отношении большой интерес представляют наблюдения А. А. Брагиной над переводами "Анны Карениной" Л. Толстого на некоторые западноевропейские языки. В бальном наряде Анны Карениной - аютины глазки. Их название, пишет А. А. Брагина, созвучно имени Анна. Этот цветок широко известен в народе: он имеет много названий: трехцветка, полуцвет, брат-и-сестра, Иван-да-Марья. Цветок овсян легендами и сказками. Одна из них, наиболее известная, о запретной роковой любви брата и сестры, не знавших о родстве и поженившихся. Двухцветье напоминает о двух несчастливо влюбленных.

Однако длинный ряд разнообразных наименований и сложившиеся в русском языке коннотации чужды другим языкам. В немецком языке аютины глазки называют *Steifmutterchen* 'маленькая мачеха'. Видимо, поэтому в некоторых переводах появляется цветок с другой символикой: *einen kleinen offenen Kranz von blauen Sammetveilchen* 'маленький венок синих фиалок' или *eine kleine Girlande von Vergeßmeinnicht* 'маленькая гирлянда незабудок'. Во французских переводах фигурирует одно из наименований аютиных глазок - *pensée* 'цветок воспоминаний'. В английской речевой традиции, в разговорном употреблении цветок аютины глазки означает 'женственный мужчина'. Переводчики ищут соответствия, не отягощенные ненужной коннотацией. В переводах появляется резеда (*a wreath of mignonette* 'веночек, гирлянда резеды'). Она вызывает у англичан ассоциацию с изящным французским кружевом [6].

Приведем небезынтересное наблюдение над своеобразием восприятия одинаковых или аналогичных ситуаций представителями разных национальных культур (соответственно - разных языков) и социально-культурных ареалов: "В свое время о человеке, склонном проявлять излишнее старание там, где это не нужно, говорили, что он "собирается в Тулу со своим самоваром"... Французы со свойственным им легким юмором выражают эту мысль словами "зажечь факел, чтобы увидеть солнце". Но, пожалуй, эффектнее всех говорят об этом индонезийцы: "Греби вниз по течению, и над тобой будут смеяться крокодилы". Кстати, обратите внимание, что на экваторе смеются крокодилы, в то время как в наших широтах это делают куры" (Юность. 1955. № 7).

Ассоциации литературного происхождения возникают на основе конкретных литературных произведений (и отчасти публицистических), например: недоросль, Митрофанушка, маниловщина, обломовщина, пошехонцы, корчагинцы. Ср. в чешском языке глагол *svajkovat*. Сюда относятся ставшие устойчивыми такие сочетания, как золотая рыбка, дым отечества, лишние люди, путевка в жизнь и т.п. Слова и словосочетания фольклорного происхождения (добрый молодец, красна девица, три богатыря, соловей-разбойник, Иванушка-дурачок, Михаил Топтыгин и т.п.), очевидно, занимают промежуточное положение между указанными разновидностями национально-самобытных ассоциаций, поскольку, будучи плодом поэтического творчества, они представляются устойчивыми обозначениями художественных образов национальной народно-поэтической традиции.

Второй ряд лексико-семантических явлений составляют слова, употребляемые в переносно-расширительном смысле. При таком употреблении они утрачивают соотносительность в основных значениях со своими лексическими эквивалентами других языков. Например, к слову гриб "Большой академический словарь" дает только "ботанические" значения. Однако, говоря с оттенком иронии, насмешки и недоброжелательства о старом человеке, сгорбленном, слабом, небольшого роста, с морщинистым лицом, нередко прибегают к слову гриб или к сочетанию старый гриб. См. также переносно-расширительное употребление таких слов, как голубь, бык, устаревшее брильянтовый. Ср. рус. гусь как негативную характеристику человека с намеком на его плутовство, необязательность и немецкое *Ganz* как характеристику глупой медлительной женщины; лапочка как нежно-ласкательное обращение к женщине, ребенку, заяц - к ребенку при *Maus, Müuschen* 'мышь, мышка' в немецком языке. К последнему ряду явлений относятся слова, коннотативный культурный компонент смысла которых выступает в качестве переносно-метафорического значения данной лексической единицы. Например, шляпа наряду с прямым значением имеет переносно-метафорическое: о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке. В немецком языке эквивалент слова шляпа в этом значении - *Slappschwanz* 'вялый хвост'. Слово тряпка наряду с предметными значениями выступает в разговорной речи с переносно-метафорическим значением (с оттенком пренебрежительности): о бесхарактерном, слабовольном человеке. Ср. эквиваленты этого значения слова тряпка во французском языке: *roule mouillé* 'мокрая курица', в английском: *milksop* - букв. 'хлеб, размокший в молоке'.

Здесь отмечались только те слова, коннотация которых национально-специфична и национально-уникальна. Конечно, есть слова, которые заключают в себе аналогичные по содержанию коннотации, наблюдающиеся у эквивалентных слов разных языков. Это относится, скажем, к культурному компоненту смысла слов роза, красный, левый, заря во многих языках европейского ареала или к словам типа донкихот, золушка, Хлестаков, ловелас, красная шапочка.

Наиболее явственно культурный компонент смысла слова проявляется при сопоставлении национальных культур, в частности при изучении неродного языка. Вот почему проблема культурного компонента смысла слова, - будучи включенной в социолингвистическую проблематику, весьма существенна для лингводидактики, теории и практики перевода, в контрастивно-типологических лингвистических исследованиях.

Примечания

1. Концепция слова как вместилища знаний развивается в работах: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980; Они же. К развитию концепции слова как вместилища знаний // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1980; ср. также: Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

2. Чуковский К. Высокое искусство. М., 1961. С. 118-119.

3. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения XI. М., 1982. С. 143-144.

4. Там же. С. 153.

5. Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 136. 32

6. См.: Брагина А. А. Эстетическая функция предметных слов у Л. Н. Толстого // НДВШ. Филол. науки. 1984. № 2. С. 21.

Апресян Ю.Д. О ЯЗЫКЕ ТОЛКОВАНИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИМИТИВАХ // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

стр. 464-477

Ведущая с 1991 г. работа над объяснительным словарем синонимов русского языка потребовала широких теоретических исследований в области семантики, в частности нового подхода к языку толкований, на котором описывается общая часть значений синонимов.

Вопрос о языке толкований, или семантическом метаязыке, обсуждается последние 30-40 лет во всех развитых лексикографиях мира. Для целей данной работы наибольший интерес представляют идеи, выдвинутые на этот счет в двух современных школах семантики — Московской и Польской.

1. Подход Московской школы семантики к языку толкований.

1.1. Состав и структура семантического метаязыка.

Основные идеи Московской семантической школы были сформулированы еще в 60-х годах в пионерских работах [4-7], а затем развиты в [8-11]. Их можно суммировать следующим образом:

1) Значения слов описываются на специальном формальном метаязыке, имеющем свой словарь и синтаксис.

Вплоть до начала 80-х годов считалось, что основу словаря семантического метаязыка (список семантических примитивов) составляют искусственные слова, слова-конструкты. Они либо заимствуются из точных наук (ср. 'множество', 'сила', 'функция'), либо придумываются исследователем (ср. 'каузировать', 'поток фактов'), либо извлекаются из слов естественного языка в результате отсеечения ненужных элементов смысла ('вещь', 'количество', 'часть', 'норма' и т. п.). Помимо таких относительно простых смыслов в словарь мета языка включались и многие «промежуточные понятия», т. е. семантически более сложные слова, сводимые в один или несколько шагов к примитивам.

Что касается синтаксиса семантического языка, то он от начала и до конца конструировался. В идеале это был синтаксис семантических графов или деревьев зависимостей, и лишь в качестве паллиатива использовался упрощенный и унифицированный фрагмент синтаксиса естественного языка.

Подчеркнем, что в эпоху безраздельного господства компонентного анализа был провозглашен принципиальный отказ от "дифференциальных семантических признаков" как слишком слабого и неадекватного средства представления смысла языковых единиц. Лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность "значений дифференциальных семантических признаков", а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис.

2) Поскольку семантический язык конструировался исследователем как своего рода логический язык, использующий инвентарь простейших общечеловеческих понятий, он мыслился как универсальный в двух отношениях. Во-первых, постулировалось, что он пригоден для описания любых типов языковых значений, включая значения морфологических категорий, синтаксические конструкции и других содержательных единиц языка. Во-вторых, постулировалось, что он пригоден для описания семантического материала любых языков. В связи с этим в многоуровневой лингвистической модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И. А. Мельчука семантика, в отличие от всех прочих уровней, не делилась на подуровни (поверхностный и глубинный): непонятно, чему бы мог соответствовать поверхностно-семантический уровень.

Исследования, которыми я занимался последние два десятилетия, привели меня к выводу, что изложенная концепция нуждается в некотором уточнении. В частности, была высказана мысль, что каждый естественный язык располагает большими классами лексических значений, которые, как и грамматические значения, выражаются в обязательном порядке, т. е. независимо от коммуникативных намерений говорящего. Так, в русском языке глаголы перемещения типа *выйти*, *вылететь*, *выползти*, *выплыть* обозначают, помимо прочего, способ перемещения. Носитель русского языка должен воспользоваться одним из этих глаголов даже тогда, когда ему совершенно неважно, каким способом какое-то существо перестало находиться в определенном месте. Ср. *Собака вышла из конуры*, *Птица вылетела из гнезда*, *Змея выползла из норы*. *Рыба выплыла из грота*. Нельзя сказать **Собака покинула конуру*, **Птица покинула гнездо*, **Змея покинула нору*, **Рыба покинула грот* — это звучало бы смешно, напы-

щенно, неестественно, шутливо или имело бы другой смысл ('навсегда оставила'). Между тем француз во всех этих случаях употребит один и тот же глагол *sortir*, по составу семантических компонентов более или менее соответствующий глаголу *покидать*. Только если для него почему-то важно указать, каким способом кто-то перемещался, он добавит соответствующую видовую модификацию.

В любой лингвистической модели, претендующей на достаточную полноту описания семантики естественных языков, должен быть предусмотрен уровень, на котором описываются такие автоматически выражаемые смыслы. Поэтому было предложено расщепить семантический уровень представления высказываний на поверхностный и глубинный подуровни. Первым из них ведаёт поверхностно-семантический компонент модели. Он имеет в качестве предмета национальную семантику естественных языков.

В связи с этим в качестве метаязыка поверхностно-семантического уровня было предложено использовать не искусственный язык, а определенным образом сокращенный и унифицированный подъязык языка-объекта, т. е. реально существующие слова и синтаксические конструкции в их обычных значениях, как это принято в традиционной лексикографии. Предположительно именно такой метаязык наиболее пригоден для описания национальной семантики. Однако, в отличие от традиционной лексикографии, к нему были предъявлены эксплицитно сформулированные и более жестко применяемые требования, вытекающие из общей концепции Московской семантической школы. Ниже они для простоты будут изложены лишь на лексическом материале, хотя в принципе они целиком приложимы и к синтаксису метаязыка.

1. Словарь метаязыка сокращается на несколько порядков по сравнению со словарем русского языка; в частности, из него устраняются все сложные лексемы (например, *шантаж*, *инсинуация*, *присяга* и т. п.), не участвующие в толкованиях других языковых единиц. В нем остается два типа слов — семантически примитивы, т. е. неопределяемые слова, не допускающие дальнейшей семантической редукции, и семантически более сложные слова (ср. выше «промежуточные понятия»), которые в один или несколько шагов сводятся к примитивам.

2. Словарь метаязыка унифицируется в соответствии с требованием взаимнооднозначного соответствия имен и смыслов. Это значит, что в нем избегаются синонимы и омонимы. Обычно из ряда синонимов в словарь метаязыка отирается тот, который стилистически и семантически наиболее нейтрален в данном ряду. *Глаза* и книжн. *очи* (а также *буркалы*, *зенки* и другие разговорно-сниженные синонимы слова *глаза*) обозначают один и тот же объект, но в толкованиях таких слов и выражений, как *зрачок*, *радужная оболочка*, *белок*, *брови*, *веки*, *ресницы*, *трахома*, *конъюнктивит*, *катаракта*, *глаукома*, участвует, естественным образом, лишь слово *глаза* (или его синтаксическое производное *глазной*). Никому не придет в голову толковать, допустим, *зрачок* как 'часть ока' или *глаукому* как 'болезнь очей'. Глаголы типа *брести* 'идти с трудом или тихо', *плестись* 'идти медленно, вяло', *шествовать* 'идти торжественно', *семенить* 'идти частыми, мелкими шагами', *петлять* 'идти не прямо, делая петли' и т. п. толкуются с помощью глагола *идти*, а не его синонимов (*ступать*, *шагать* и т. п.).

В результате, как будет ясно из дальнейшего изложения, используемый нами метаязык существенно сблизился с метаязыком А. Вежбицкой.

1.2. Теория толкований: требования к толкованиям и их функции.

В последние годы, уже в ходе работы над Новым объяснительным словарем синонимов русского языка, были внесены некоторые уточнения и в теорию толкований.

Для синонимического словаря исключительное значение имеет процедура объяснения сходств и различий между синонимами. Очевидно, что при объяснении того, в чем состоит семантическое отличие данной лексемы от других лексем, можно пользоваться любыми приемами, в частности любыми перифразами. В связи с этим перифразы лексем (и других содержательных единиц языка) были разделены на дефиниции (толкования в собственном смысле слова) и более свободные дескрипции.

Толкование — лишь одна из перифраз языковой единицы, правда, самая привилегированная. Оно выполняет следующие четыре функции: (а) объясняет значение данной языковой единицы; (б) служит основой для установления ее места в семантической системе языка; (в) является семантическим правилом, применяемым при переходе от синтаксического представления высказывания к его (поверхностно-) семантическому представлению, и наоборот; (г) служит основой для правил семантического взаимодействия данной единицы с другими единицами в составе высказывания.

Только толкование способно выполнять функции (б), (в) и (г) и тем самым обслуживать нужды лингвистической теории. Однако первую из названных функций — метаязыковую функцию объяснения того, что данная единица значит, — могут выполнять и другие перифразы, которые мы предлагаем на-

зывать дескрипциями. Если, например, моему собеседнику непонятен глагол *элиминировать* (*противоречия <препятствия>*) и если у меня есть основания думать, что слово *устранять* он знает, я могу сказать: «Это — то же самое, что *устранять* (*противоречия <препятствия>*)». Поскольку неизвестное слово сведено к известному, объяснение можно считать состоявшимся, хотя оно и не имеет формы толкования. Для тех же целей можно использовать и другие средства передачи языковых знаний, например, прямые указания на объекты действительности, являющиеся референтами тех или иных выражений, сравнения и метафоры, сообщение прагматических условий употребления данного выражения и т. п. Носители языка в своей каждодневной речевой практике реально используют соответствующие приемы, если возникает необходимость сообщить собеседнику, что значит непонятная ему языковая единица. Так они осуществляют свою метаязыковую деятельность.

Что касается толкований в собственном смысле, то к ним, в связи с функциями (б) — (г), были предъявлены следующие четыре требования: 1) нетавтологичность, 2) необходимость и достаточность, 3) ступенчатость и 4) эксплицитность.

Первые два требования являются чисто логическими: толкование не должно содержать порочных кругов (нетавтологичность) и должно быть семантически эквивалентным толкуемой языковой единице (необходимость и достаточность). Они имеют приоритет перед вторыми двумя требованиями — следствием определенных лингвистических установок.

Как ясно из сказанного выше, наличие в метаязыке промежуточных слов открывает возможность альтернативных, хотя и синонимичных толкований. Их можно строить с помощью меньшего числа крупных семантических блоков или с помощью большего числа мелких семантических блоков. На семантические блоки можно, следовательно, налагать ограничения сверху (каково их минимальное число) и снизу (каково их максимально допустимое число). Требования ступенчатости и эксплицитности как раз и позволяют сформулировать эти ограничения.

1.2.1. Требование ступенчатости

Требование ступенчатости значит, что толкуемая единица должна быть представлена в виде возможно более крупных семантических блоков. Их, однако, не может быть менее двух: в противном случае нельзя будет соблюсти требование нетавтологичности. В результате получается постепенная декомпозиция более сложных значений во все более простые, вплоть до элементарных.

Рассмотрим в качестве примера толкование глагола *обещать*, принадлежащее М. Я. Гловинской и автору. *X обещает У-у, что сделает Р* = 'зная или считая, что V или какое-то третье лицо заинтересованы в Р [пресуппозиция], X говорит У-у, что сделает Р, несмотря на возможные трудности [ассерция]; X говорит это, потому что хочет, чтобы ему поверили, понимая, что если он не сделает Р, ему перестанут верить' мотивировка].

Комбинирование дефиниций и дескрипций полезно не только в синонимическом словаре. Оно должно стать обязательным принципом любых претендующих на полноту описаний семантики естественных языков. Только тогда будет положен конец затянувшемуся спору о том, допустимы ли тавтологические круги в описании значений: они недопустимы в толкованиях, но ничто не мешает прибегать к ним при более свободном объяснении значений. Свободные перифразы, равно как и любые другие приемы объяснения значений, моделируют только метаязыковую практику говорящих, а толкования — еще и научно-лингвистическое знание языка.

К числу семантических примитивов в этом толковании относятся компоненты 'считать', 'знать', 'говорить' и 'делать'. Заметим уже здесь, что все эти смыслы используются в качестве примитивов в упомянутых выше семантических исследованиях А. Вежбицкой. Остальные фигурирующие в толковании компоненты непримитивны и, следовательно, нуждаются в дальнейшей декомпозиции. К их числу относятся, в частности, слова *заинтересован*, *несмотря на*, *трудно* (ср. компонент 'трудность'), *верить*, *понимать*. Все они в один-два шага сводятся к семантическим примитивам. Вот соответствующие толкования: *A заинтересован в B* = 'А считает, что В хорошо для него, и хочет, чтобы В существовало' (достигнут уровень примитивов); *Р несмотря на К* = 'нормально, если существует К, Р не может произойти; в данной ситуации Р произошло или произойдет' (если исключить относительно простой и семантически прозрачный смысл 'произойти', достигнут уровень примитивов); *Р трудно для А* = 'Когда А делает Р, ему необходимо прилагать усилия, значительно превышающие норму'; *Р необходимо для К* = 'К не может произойти, если Р не существует' (достигнут уровень примитивов); *X верит У-у* = 'X считает, что У говорит правду; единственной причиной того, почему X так считает, является мнение X-а, что У не может говорить ему неправду' (достигнут уровень примитивов); *X понимает, что Р* = 'X знает, что

Р; источником этого знания является знание нормальных свойств ситуаций того класса, к которому относится данная ситуация' (достигнут уровень примитивов).

Свидетельством того, что в ходе семантической декомпозиции достигнут уровень примитивов, является невозможность истолковать полученные на последнем шаге декомпозиции семантические компоненты без порочного круга. *Видеть*, например, можно истолковать как 'воспринимать глазами', *слышать* — как 'воспринимать ушами' и т. п. Если считать 'воспринимать' семантическим примитивом, то 'глаза' и 'уши' тоже надо будет признать семантическими примитивами: их нельзя истолковать без упоминания 'зрения' и 'слуха' соответственно, т. е. без возвращений к словам *видеть* и *слышать*. Заметим в скобках, что в таких случаях на роль примитивов выбираются слова, чьи референты могут быть продемонстрированы остенсивно (т. е. *глаза* и *уши*).

Итак, важной особенностью принятой нами общей стратегии толкований является принцип ступенчатости, т. е. постепенного сведения сложного значения к составляющим его семантическим примитивам. С учетом того, что в семантическом метаязыке не допускаются синонимы, такая стратегия дает возможность непосредственно продемонстрировать все системные семантические связи данной единицы с максимальным числом других единиц в рамках всего словаря. В самом деле, чем крупнее семантические блоки, из которых складывается ее значение, тем больше число промежуточных шагов до уровня семантических примитивов и, следовательно, тем больше число слов, с которыми она будет явным образом связана. Рассмотрим несколько примеров.

Обычные словарные толкования слов *ультиматум* и *шантаж* не подтверждают интуитивного ощущения, что семантически между ними есть много общего. Если, однако, истолковать эти два слова с соблюдением сформулированных выше несложных условий, в их лексических значениях обнаружится довольно большая пересекающаяся часть. Действительно, и в *ультиматум*, и в *шантаж* входит 'требование, чтобы адресат сделал что-то нужное для субъекта, хотя и очень нежелательное для адресата, сопровождаемое угрозой причинить адресату в случае невыполнения им этого требования такое зло, которое, по мнению субъекта, намного превосходит нежелательность выполнения требования'. Различия в семантике *ультиматума* и *шантажа* сводятся к тому, что в *ультиматум* входит указание на (небольшой) срок, в течение которого адресат должен выполнить требование субъекта, а в *шантаж* — указание на безнравственную угрозу разоблачить нечто постыдное или незаконное в жизни или деятельности адресата, что он скрывает. Как ясно из этих формулировок, общая часть значений *ультиматума* и *шантажа*, в которую входят и такие богатые смыслы, как 'требование' и 'угроза', превышает сумму их различий.

Очевидно, что все семантические связи между разными лексемами должны вещественно отражаться в их толкованиях не только в тех случаях, когда они принадлежат разным словам, как в только что разобранным примере, но и в том случае, когда они принадлежат одному (многозначному) слову. Рассмотрим с этой точки зрения лексемы *привыкнуть 1* (рано вставать <делать по утрам зарядку>) и *привыкнуть 2* (к постоянному шуму станков <к новой обстановке>).

Различие между этими двумя значениями глагола *привыкнуть* (собственное действие становится привычкой — происходит привыкание к какому-то внешнему по отношению к субъекту фактору) отмечается всеми толковыми и синонимическими словарями русского языка. Однако из обычных толкований остается неясным, каковы в точности семантические сходства и различия этих двух лексем. Ср., например, следующие толкования: *привыкнуть 1* 'приобрести привычку (делать что-л., поступать каким-л. образом и т. п.)', *привыкнуть 2* = 'освоиться, свыкнуться с чем-л.' (МАС); *привыкать 1* = 'усваивать, приобретать привычку к чему-либо; приучаться что-либо делать, как-либо поступать'; *привыкать 2* = 'осваиваться, свыкаться с кем, чем-либо' (БАС).

Использование метаязыка и принципов толкования значений, которые были описаны выше, позволяет естественным образом разрешить эту трудность. *Привыкнуть 1* = 'много раз на протяжении нескольких периодов наблюдения повторив какое-л. действие или побывав в каком-л. состоянии, измениться в результате так, что делать это или быть в таком состоянии стало нормой поведения или существования субъекта'. *Привыкнуть 2* = 'проведя некоторое время в необычных для себя условиях, измениться в результате так, что эти условия стали нормой или перестали восприниматься как необычные'.

Одновременно решаются еще две задачи.

Во-первых, именно толкования, построенные из относительно крупных блоков, наиболее приемлемы психологически, так как они сохраняют свойство 'прозрачности'. Если достаточно сложное лексическое значение сразу сведено к примитивам, оно, при всей своей точности, может стать практически неузнаваемым. Ср. следующее толкование, в основном (но не во всех деталях) сведенное к примитивам:

X обещает *У*-у, что сделает *P* = 'зная или считая, что " или какое-то третье лицо считает, что *P* хорошо для него, и хочет, чтобы *I* существовало, *X* говорит *У*-у, что сделает *P*; *X* знает или считает, что ситуации может быть такой, что нормально *P* не может произойти и что *X* сможет сделать *P*, только если приложит усилия, превышающие норму; *X* говорит это потому что хочет, чтобы *У* считал, что *X* говорит правду, считая, что *X* не может говорить ему неправду; *X* знает, что если он не сделает *P*, то *У* или другие люди перестанут считать, что *X* говорит правду; источником этого знания *X*-а является знание нормальных свойств ситуаций того класса, к которому отно сится данная ситуация'.

Во-вторых, создается основа не только для качественной оценки системных связей между различными единицами языка, но и для более тонких количественных оценок. Такие оценки желательны по крайней мере в двух случаях при установлении факта многозначности (в отличие от омонимии) и синонимии (в отличие от более свободных тематических связей между лексемами).

Вернемся в этой связи к толкованиям слов *ультиматум* и *шантаж*. Достаточно беглого взгляда на них, чтобы убедиться, что пересекающаяся часть их значений почти вдвое больше суммы различий. Казалось бы, этого достаточно для признания их синонимами. Тем не менее *ультиматум* и *шантаж*, равно как и соответствующие им слова других языков, ни в каких синонимических словарях синонимами не признаются. Объясняется это семантической содержательностью и семантической ценностью несовпадающих частей.

Чтобы дать более ясное представление о семантической содержательности семантической ценности и одновременно ввести какую-то меру этих свойств мы для простоты освободим толкования от внутреннего синтаксиса и зададим каждое лексическое значение перечнем входящих в него смысловых компонентов. В нашем случае это будут такие компоненты, как 'угроза' (или 'угрожать') 'цель' (ср. *чтобы*), 'требование' (или 'требовать'), 'аморальный', 'разоблачение' 'постыдность', 'незаконность', 'короткий', 'срок' и т. д. Каждый из них, как ясно из сказанного выше, имеет двоякую природу.

С одной стороны, в него входят какие-то более элементарные смысловые компоненты, которые в конечном счете сводятся к самым элементарным (неопределяемым) смыслам — семантическим примитивам. 'Требовать', например, сводится к таким семантическим примитивам, как 'хотеть' (чтобы кто-то сделал что-то), 'говорить' (что субъект хочет, чтобы он это сделал), 'считать' (что он должен это сделать), 'делать' и ряд других. Аналогичным образом можно было бы представить 'угрозу', 'цель', 'срок' и все остальные компоненты в составе толкования шантажа и ультиматума.

С другой стороны, каждый такой компонент входит в состав более сложных единиц языка-объекта. Компонент 'требование', например, входит в состав лексических значений таких слов, как шантаж, вымогать, ультиматум, забастовка ('прекращение работы работниками какого-то предприятия, сопровождаемое рядом требований к администрации предприятия или государственной власти, выполнение которых объявляется условием возобновления работы'), и ряда других.

Следовательно, каждый компонент количественно может быть охарактеризован двумя числами: числом семантических примитивов, которые входят в него, и числом единиц языка-объекта, в которые входит он сам. Назовем первое число его семантической содержательностью, а второе — его семантической ценностью. Семантическая содержательность данного компонента прямо пропорциональна числу элементарных смыслов, которые входят в его состав. Напротив, его семантическая ценность обратно пропорциональна числу лексических значений, в которые он входит. Чем чаще он встречается, тем он тривиальней. Именно редкость компонента, как редкость золота в породе или жемчужины в раковине, сообщает ему повышенную семантическую ценность.

Применим эти соображения к нашему примеру. Непосредственно очевидно, что 'аморальность', 'разоблачение', 'постыдность' и 'незаконность' в составе лексемы шантаж — исключительно содержательные смысловые компоненты. Их совокупный вес, выраженный числом входящих в них элементарных смысловых компонентов, весьма велик.

Гораздо менее содержателен временной компонент в толковании ультиматума. Действительно, 'срок' естественно интерпретировать как 'отрезок времени', а 'отрезок' и 'время', по-видимому, семантические примитивы. Смысл 'короткий' в словосочетании короткий срок сводится к трем примитивам — 'меньше нормы времени'.

Следовательно, если компонент 'срок' в толковании ультиматума и обладает каким-то весом, то этот вес определяется не столько его семантической содержательностью, сколько его семантической ценностью. Семантическая ценность компонента, как было сказано выше, обратно пропорциональна числу лексических значений, которые его содержат. Число лексических значений, в которые входит представление о сроке, крайне невелико. Нам известны три небольших класса слов такого рода: слова

со значением приобретения чего-л. на время или во временное пользование (арендовать, снимать, сдавать, одалживать, занимать, вербовать и их семантические производные), и слова со значением перерыва в какой-то деятельности (перерыв, перебой, перемена, перекур, перемирие и т. п.) и предлоги типа на (на два года). В связи с этим компонент 'срок' приобретает весьма высокую ценность и, следовательно, вес.

Сравнивая веса совпадающих и различных компонентов в составе различных лексических и грамматических значений, мы получаем возможность более тонко определять меру их семантической близости.

1.2.2. Требование эксплицитности.

Перейдем ко второму лингвистическому требованию, которое предъявляется к толкованиям, — требованию эксплицитности. Оно гласит, что толкование должно непосредственно содержать все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических или грамматических единиц данного высказывания. Если, например, какое-то семантическое правило устанавливает взаимодействие лексемы А с семантическим компонентом 'Х', то этот компонент должен быть эксплицитно выделен в составе толкования, даже если при этом нарушается требование ступенчатости. Следовательно, требование эксплицитности имеет приоритет перед требованием ступенчатости и задает нижнюю границу семантической редукции: семантических блоков в составе толкования должно быть столько, сколько нужно для правил семантического взаимодействия.

Рассмотрим пример. Фраза типа *хорошая рецензия* неоднозначна. Чаще всего она выражает высокую оценку рецензируемого произведения; ср. Он написал хорошую рецензию, но эта книга заслуживает лучшей. Принципиально возможно использование той же фразы и для выражения высокой оценки литературных и аналитических достоинств самой рецензии; ср. Он написал очень хорошую рецензию: теперь всем будет ясно, что эта книга никуда не годится. Ср. однозначные фразы положительная рецензия (только похвала книге) и интересная рецензия (только похвала самой рецензии).

Возникает вопрос: с какой степенью подробности должно быть истолковано слово рецензия, чтобы объяснить эту неоднозначность? Как кажется, этому условию отвечает следующее толкование: рецензия (У-а на Z) = 'письменный анализ научного или художественного текста Z, составленный У-ом, в котором У дает оценку Z-у'. Оценочное прилагательное хороший может относиться, по специальному правилу для слов типа хороший, плохой, положительный, отрицательный, блестящий, прекрасный и некоторых других в контексте существительных типа рецензия, к компоненту 'оценка'. Тогда получается первое осмысление — 'хорошая оценка'. С другой стороны, по общему правилу для всех качественных прилагательных, хороший может относиться к любому компоненту со значением действия или результата действия. Тогда получается второе осмысление — 'хороший анализ'. Тем самым неоднозначность словосочетания хорошая рецензия получает формальное объяснение.

Подытожим сказанное. Метаязыком лексикографии является подъязык языка-объекта, составленный из относительно небольшого и унифицированного словаря и синтаксиса. Фундаментов этого метаязыка являются семантические примитивы. С помощью метаязыка сложные семантические единицы языка-объекта (не только лексические, но и грамматические) в процессе ступенчатой декомпозиции сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Получающиеся при этом толкования (дефиниции) имеют определенный теоретический статус: на их основе устанавливаются системные парадигматические связи между различными единицами словаря и формулируются правила взаимодействия языковых значений.

А. Вежбицка Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика. Антология. – М., 2001.

С. 242-244.

ВВЕДЕНИЕ

<...> Семантика представляет собой деятельность, которая заключается в разъяснении смысла человеческих высказываний. Ее цель состоит в том, чтобы выявить структуру мысли, скрытую за внешней формой языка. («Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме скрытой за ней мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела»).

Традиционная семантика занималась довольно бессистемно то значениями индивидуальных выражений, то изменениями значений. Что касается современной семантики, то основным предметом ее

внимания является *семантическое представление*: вместо того чтобы говорить о значениях (и изменениях значения), она стремится моделировать их и представлять в виде эксплицитных формул.

В настоящее время широко распространен взгляд, что основной целью семантики должно быть моделирование значений. Однако меньше согласия обнаруживается в отношении того, какой «язык», какую форму записи следует использовать для этой цели. То чего можно надеяться достичь, необходимо является производным от нашего выбора – семантического метаязыка. По моему мнению, наиболее плодотворный подход состоит в том, чтобы попытаться сделать *репрезентацию* значений одновременно их толкованием. Этот тип семантической репрезентации – «экспликация» – возможен только тогда, если запись является, по существу, самоочевидной. Семантический метаязык только в том случае будет по-настоящему «объясняющим», если он является настолько ясным и непосредственно понятным, чтобы в свою очередь не требовать «толкования». В частности, по этой причине формулы символической логики и матрицы дифференциальных признаков не могут рассматриваться в качестве экспликаций.

Если семантика, описывая содержание производимых людьми высказываний, призвана воспроизвести структуру человеческого сознания, то она не может использовать аппарат, чуждый такому сознанию. Семантический язык, претендующий на объяснительную силу, должен делать сложное простым, запутанное – понятным, неясное – самоочевидным. Искусственные языки не делают свое содержание самоочевидным. Будучи производными от естественного языка, они в конечном счете могут быть поняты только на его основа. Непосредственных точек соприкосновения с интуицией искусственные языки не имеют, тогда как естественный язык, напротив, с ней неразрывно связан.

Следовательно, для того чтобы естественный язык был пригоден в качестве семантического метаязыка, он должен быть соответствующим образом «упорядочен». Семантический анализ неизбежно связан с *упрощением* <...>. Суть проблемы состоит в том, чтобы выделить возможно меньшую часть естественного языка и, в частности, определить тот минимальный список слов и выражений, который оказался бы достаточным для того, чтобы представить значения всех остальных слов и их взаимосвязь.

Построение минимальных или базовых словарей не является само по себе чем-то совершенно новым. Существуют, например, хорошо известные словари Огдена и Гугенхейма, использующие соответственно только 900 и 1500 неопределяемых («базовых», «фундаментальных») слов для всех толкований. Очевидно, что такая величина группы «неопределяемых» слов может быть обоснована только с точки зрения практической целесообразности. Конечно, в задачу упомянутых авторов не входило обнаружение и эксплицитное моделирование всех различий и сходств в значении между разными словами во французском или английском языке. В их «неопределяемых» единицах неизбежно смешивались совершенно различные степени сходства. Для более адекватного их освещения следовало бы сначала истолковать эти «неопределяемые» слова.

Теоретическая семантика, если она действительно стремится к познанию и подробной фиксации семантической структуры человеческой речи, не может остановиться на полпути. Она должна довести минимизацию (*reduction*) до конца, до тех пор, пока она не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, которые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению.

Анализ лингвистических фактов с целью получить список выражений, извлеченных из естественного языка, на основе которых можно было бы адекватно описать все интуитивно ощущаемые семантические связи между различными словами, предполагает предварительную постановку следующего теоретического вопроса: существует ли объективно какая-либо одна группа неопределяемых элементарных выражений, общих для всех естественных языков?

Создатели и исследователи искусственных языков подчеркивают обычно произвольность выбора *элементарных терминов* (*primitive terms*). «Термин выбирается в качестве элементарного, – пишет Нельсон Гудмен, – не потому, что он является неопределяемым; скорее, он является неопределяемым в силу того, что он был выбран как элементарный... Вообще термины, принятые в качестве элементарных для данной системы, вполне могут поддаваться определению в какой-либо другой системе. Не существует ни абсолютных элементарных терминов, ни такого их выбора, который был бы единственно правильным».

Лингвисты склонны применять это рассуждение также и к области естественных языков. Я полагаю, что для этого нет никаких оснований. Семантическая интуиция обычных носителей языка представляет собой эмпирическую реальность, и семантическое изучение естественного языка является поэтому эмпирической наукой. В принципе не существует причин, по которым бы разрыв между теорией и эмпирическим фактом должен быть в семантике сколько-нибудь большим, нежели в физике или химии.

Если установление списка химических элементов не может считаться произвольным, почему произвольный выбор должен иметь место в отношении семантических «элементов»?

«Нельзя требовать, – писал Фреге, – чтобы все формально определялось: ведь не считаем же мы, что химик должен уметь разложить любое вещество. То, что просто, не может быть разложено; а то, что логически просто, не может быть, собственно говоря, определено. Логически простое так же, как и большинство простейших химических элементов, обычно не наблюдается в чистом виде, а обнаруживается в результате научных исследований».

С. 247-248.

По-моему, все согласны, что определение есть не что иное, как «указание значения одного слова при помощи нескольких других не синонимических терминов». Значения слов – это лишь те идеи, которые обозначает этими словами тот, кто их употребляет, а потому значение какого-либо термина указано и слово определено тогда, когда посредством других слов идею, знаком которой является связанное с ней слово в уме говорящего, как бы представляют или предлагают взору другого, и таким образом устанавливается ее значение. Это единственная польза и цель определения и потому единственное мерило того, является ли определение хорошим или нет.

Сделав эту предпосылку, я утверждаю, что «названия простых идей», и только они, «не могут быть определены». Причина этого в том, что различные термины определения обозначают различные идеи и потому все вместе никак не могут представлять идею, которая вообще не является составной. Вот почему определение (которое есть не что иное, как указание значения одного слова при помощи нескольких других, не обозначающих каждое одного и того же) не имеет места у названий простых идей».

Определение того, «какие слова могут и какие не могут быть определены», подготовка «Алфавита человеческих мыслей» – это, мне кажется, является или должно быть центральной задачей современной семантики.

С. 254-255.

<...> Неопределяемые элементы представляют собой кирпичики, из которых строятся все человеческие высказывания, и в качестве таковых они не могут относиться к научному или элитарному жаргону какого бы то ни было рода, а скорее должны быть известны всем, включая детей. Рассматриваемые с этой точки зрения, такие понятия, как «прежде», «после», «ниже», «выше» или «двигаться» (также не являющиеся неопределимыми), оказываются очевидным образом более элементарными, нежели «пространство», «время» или «точка». Если имеются более простые слова, то более «ученые» слова должны быть отброшены.

Неопределяемые элементы должны соответствовать разговорным словам (выражениям), извлеченным из естественного языка. Однако характерно, что, в противоположность научному словарю, взаимнооднозначное соответствие между разговорными словами различных языков является относительно менее частым. Могут ли в таком случае неопределяемые элементы быть ясными, универсальными человеческими понятиями, которые в то же время выступают в качестве отдельных слов во всех естественных языках?

Нет оснований не принимать положительный ответ на этот вопрос в качестве рабочей гипотезы. Чтобы проверить ее, можно просто собрать вместе группу выражений, которые удовлетворяют прочим упомянутым критериям (выражений, а не слов; нельзя предполагать, что неопределяемые элементы во всех языках будут представлены словами, а не словосочетаниями).

В течение семи лет, потраченных мною на поиски элементарных смыслов, число предполагаемых кандидатов систематически уменьшалось. В настоящее время я придерживаюсь мнения, что их число колеблется приблизительно от десяти до двадцати. Вот перечень кандидатов, представляющихся мне наиболее подходящими в настоящее время:

<i>хотеть не хотеть</i>	<i>нечто некто (существо)</i>
<i>чувствовать</i>	<i>я ты</i>
<i>думать о... представлять себе</i>	<i>мир (Вселенная)</i>
<i>сказать становится</i>	<i>это</i>
<i>быть частью</i>	

В пользу данного перечня свидетельствует то, что все элементы, приведенные в нем, являются общепонятными и твердо укоренились в опыте каждого человека и что с их помощью можно истолковать очень большое число разнообразных выражений таким способом, который интуитивно кажется удовлетворительным как для объяснения значения самого выражения, так и для описания различий и сходств, связывающих его с другими, смежными выражениями и отграничивающих его от них.

Моя гипотеза состоит в том, что с помощью этих элементов (или их эквивалентов в любом другом естественном языке) окажется возможным истолковать все речевые высказывания и описать все семантические отношения, существующие между различными выражениями.

Это отнюдь не значит, что я рассматриваю приведенный выше перечень как окончательный. Наоборот, может оказаться необходимым пересмотреть его в каких-то частностях. Но в принципе, я полагаю, он соответствует реальности.

<...>

С. 263-264.

Настоящая работа стремится к построению эксплицитной семантической теории. Она неизбежно должна быть теорией языковой интуиции. Но в то же время она должна удовлетворять основным требованиям современной научной теории, т. е. она должна объяснять наблюдаемые факты и быть в состоянии предсказывать факты, еще не обнаруженные. (Единственное требование научного метода, которое мы не стремимся удовлетворить в настоящей работе, – это требование формализации. Можно полагать, что для этого еще не пришла пора. Пока не разработана полная семантическая модель естественного языка, пока делается радикальная попытка разрешить загадку семантической системы, любая попытка формализации только затемнила бы картину и затруднила бы, если не сделала невозможным, понимание. Нет необходимости говорить, что в настоящей работе любая формализация избегается исходя из стратегических, а не принципиальных соображений.)

Суммируем основные положения нашей теории. В сознании каждого человека в качестве необходимой части имеется семантическая система, т. е. набор элементарных понятий, или «логических атомов», и правил, по которым эти атомы участвуют в построении более сложных комплексов – ментальных предложений или мыслей. Семантическая система, или *lingua mentalis*, в отличие от различных видов *linguae vocales* (эти термины принадлежат Оккаму) является универсальной. Используя естественный язык, мы в действительности делаем перевод на этот естественный язык с языка *lingua mentalis*. Для любого предложения из *lingua mentalis* можно построить эквивалентное предложение на естественном языке, используя исключительно те элементарные единицы, которые непосредственно сопоставимы с элементами семантической системы, имеющейся в сознании. Это предложение на естественном языке затем может быть перефразировано в соответствии с грамматическими правилами, специфическими для данного языка («трансформационными правилами»). Грамматика – будь то грамматика английского, венгерского или китайского языков – представляет собой просто систему трансформационных правил, в результате применения которых предложения, изоморфные мысли, превращаются в предложения, явным образом не изоморфные мысли. Предложениями, эквивалентными по значению, независимо от того, принадлежат ли они одному и тому же естественному языку, являются предложения, имеющие один и тот же эквивалент в *lingua mentalis*. <...>

М. А. Кронгауз «Семантика»

с. 125–148

СЛОВО

В европейской лингвистической традиции слово считается основной единицей языка. Под этим обычно подразумевается и то, что на нем основана реальная языковая компетенция, и то, что слово находится в центре лингвистических описаний. Проверка первого предположения относится к ведению психолингвистики и нейролингвистики, поэтому имеет смысл сосредоточиться на втором. Большинство лингвистических описаний! ориентировано на слово. Именно списки слов, называемые словарями, считаются основой описания языка. Другие единицы порождаются с помощью особых процедур либо разложения слов, либо их комбинирования. Так, морфемы появляются в результате анализа слова, называемого морфологическим, а предложения – в результате правил комбинирования, которые и представляют собой грамматику (в широком смысле слова) данного языка. Можно сказать, что слово существует изначально, а остальные языковые знаки порождаются с его помощью. (Справедливость этого

тезиса относительна. Он может считаться лишь статистически верным. Подробнее о его границах пойдет речь в главе 11, посвященной семантике морфем).

Все сказанное по отношению к слову как знаку может быть распространено и на его значение. Так, значение морфемы мы устанавливаем в результате семантического анализа слов, содержащих данную морфему. Значение же предложений получается в результате использования специальных правил семантического комбинирования. Последний тезис эксплицитно выражен в упомянутом в главе 3 принципе композиционности (композициональности) (Этот принцип также называется принципом Фреге, хотя авторство Г. Фреге и оспаривается, например, Дж. Лайонзом. Как утверждает А. фон Штехов, ответственный редактор немецкого энциклопедического труда по семантике (см. Введение, п. 0.2), Г. Фреге никогда эксплицитно не формулировал этот принцип, однако имплицитно он содержится в его работах). Суть его состоит в следующем:

значение сложного выражения есть функция значений его частей и синтаксических правил, их соединяющих (или функция значений его частей и способа их синтаксической связи).

Исходя из этого принципа описание языка может быть сведено к описанию словаря и грамматики в широком смысле слова.

4 Особую роль лексика играет и в построении языковой картины мира. Лексикализация понятия, как уже говорилось, свидетельствует о его особой значимости (ценности) и фундаментальности для данной культуры. Так, большое количество отдельных слов для разных видов снега в эскимосском языке означает важность понятия 'снег' и его разновидностей для эскимосов. В целом можно сказать, что членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается прежде всего в (лексике).

Лексическая семантика ставит перед собой две основные задачи. Первой является задача семантического представления всех слов данного языка. Ее решают, в частности, толковые словари. Вторая задача состоит в установлении семантических отношений между словами или, иначе говоря, описании системы лексических значений. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этих задач, необходимо прояснить главное, а именно то, что же имеется в виду под термином "слово". В зависимости от различного понимания этого термина весьма ощутимо изменяется и интерпретация понятия "значение слова".

10.1. Лексема и словоформа

В лингвистической литературе часто отмечается, что за термином "слово" скрываются разные понятия. Одним из самых важных следует считать противопоставление лексемы и словоформы. Оно актуально для частей речи, имеющих словоизменительную парадигму. Противопоставление лексемы и словоформы, основанное на грамматическом признаке, имеет важные следствия на семантическом уровне.

Лексема, являясь по существу множеством словоформ, обладает Лирическим значением (собственным специфическим значением). Кроме того, лексема обладает некоторыми грамматическими значениями, прежде всего так называемым частеречным значением, т. е. грамматическим значением, характеризующим в целом часть речи, которой принадлежит данная лексема, а также, возможно, обладает значениями различных более частных словоклассифицирующих категорий, например совершенного или несовершенного вида для русского глагола или же "качественности" или "относительности" для русского прилагательного. Лексическое значение характеризует собственно данную лексему, а различные грамматические значения характеризуют целые классы слов, к которым данная лексема принадлежит и которые выделены по некоему грамматическому (а не по чисто семантическому) принципу. Такова семантическая характеристика лексемы.

Можно считать, что словоформа наследует все семантические характеристики лексемы, к которой она относится. Но при этом словоформа характеризуется еще одним типом грамматического значения — словоизменительным, например значением категории падежа и числа для существительного в русском языке. Разные словоформы одной и той же лексемы имеют разные словоизменительные характеристики и соответственно разные словоизменительные значения. Носителями этих значений при морфологическом (не-аналитическом) словоизменении служат специальные грамматические морфемы — флексии (окончания).

В самом общем виде можно сказать, что лексическое значение, как правило, более конкретно, а грамматическое значение более абстрактно, поскольку характеризует множество слов, часто достаточно разнородных по лексическому значению. Однако семантический критерий различения лексического и грамматического значений не является строгим. Таким образом, различаются они в первую очередь тем,

какой языковой объект характеризуют — лексему или же некоторое множество словоформ или лексем, выделенных по грамматическому принципу. Следует также оговорить, что термин "грамматическое значение" в стандартном лингвистическом словоупотреблении может характеризовать не только класс слов, но и класс синтаксических конструкций, порядок слов и т. д., а именно все то, что может получить в лингвистическом описании грамматический статус.

В этой главе слово понимается исключительно как лексема и соответственно рассматриваются только лексические значения. Впрочем, и лексические значения настолько разнообразны, что приходится задавать определенные ограничения. Так, принципиально различаются между собой значения служебных и знаменательных слов, но даже и внутри этих классов семантические различия огромны. Достаточно сравнить значения имен и глаголов среди знаменательной лексики или предлогов, частиц и междометий среди служебной. Наиболее традиционными и одновременно продвинутыми являются семантические описания имен (прежде всего существительных) и глаголов. Особый интерес, в том числе с точки зрения теории референции и прагматики, представляет семантическое исследование такой разнородной по грамматическим характеристикам группы слов, как местоимения в широком смысле слова (включая местоименные слова типа *где, когда, настолько* и т. д.).

Семантика слов, относящихся к упомянутым частям речи, рассматривается в дальнейшем наиболее подробно.

10.2. Значение в речи и в языке

Другое противопоставление, связанное с термином "слово", касается его актуализованности или, иными словами, того, какое слово становится предметом исследования: слово, употребленное в процессе коммуникации, или слово как элемент языковой системы.

В главах 6 и 21 подробно обсуждается двойная природа значения. Наиболее наглядно она отражена в треугольнике Огдена — Ричардса. Слово как языковой знак, т. е. знак, относящийся к системе естественного языка, обладает определенным значением. Это значение может по-разному проявляться в речи и вступать в различные отношения со значениями других слов. Кроме того, в речи слово или словосочетание (прежде всего имя существительное или именная группа), как правило, соотносится с объектами внешнего мира. Знание этого соотношения, т. е. референциальных характеристик, может существенным образом повлиять на понимание текста. Так, чтобы понять, истинна или ложна фраза *Твои друзья любят тебя*, необходимо знать, кто имеется в виду, кого обозначают именные группы *тебя* и *твои друзья*.

В главе 21 анализируются трудности, возникающие при интерпретации фраз типа *Банк ищет кассира* и др. Для понимания этого высказывания необходимо знать, что скрывается за существительным *кассир*. Это может быть конкретное лицо, по-видимому, сбежавшее с деньгами банка, или кто-либо неопределенный, точнее, кто угодно, имеющий соответствующую профессию. Очевидно, что словарное толкование слова *кассир* не должно отражать эти различные возможности хотя бы потому, что они в принципе есть почти у любого существительного с предметным значением: ср. *Я ищу камень, часы, жену, утюг* и т. д.

Тем самым можно утверждать, что полная референциальная характеристика есть только у слова в речи, но никак не у слова в языке. Слово в языке может иметь лишь определенный потенциал, позволяющий приобретать ту или иную референциальную характеристику. Для описания референции слова в речи (актуализованного слова) используются термины **референт** и **тип референции** (реже **денотативный статус**).

Референтом имени называется объект внешнего мира, который соотносится с этим именем, употребленным в речи. Так, референтом слова *старик* из фразы *В комнату вошел старик* будет конкретный человек, поведение которого описывается в высказывании. При наличии у имени референта можно говорить о конкретной референции. Однако существуют и другие типы соотношения. Например, имя может соотноситься со свойством:

Я — старик, В этом случае можно говорить о предикатной референции. Для описания различных типов соотношения имен с внешними по отношению к языку объектами вводится понятие "тип референции". Кроме уже упомянутых типов референции (конкретного и предикатного), существуют и другие, например автонимный, когда слово соотносится с самим собой: *Старик -имя существительное*. Более подробно типы референции и различные их классификации описываются в главе 21.

Для описания семантики слова в языке (неактуализованного слова) используются разные термины. Чтобы избежать многозначности, заложенной в словах "значение", "смысл" и подобных им, можно ис-

пользовать логические термины, сравнительно недавно пришедшие в лингвистику — "Интенционал" и "экстенционал". Интенционал — это свойство, выражаемое именем, а экстенционал — это множество объектов, которые могут обозначаться именной группой.

Референты актуализованных имен являются элементами экстенционала. Так, референт имени *старик* во фразе *В комнату вошел старик* принадлежит экстенционалу этого имени, т. е. множеству объектов, которые могут быть названы *стариком*.

Знание интенционала и экстенционала имен необходимо для понимания их в речи, или, говоря более конкретно, для соотнесения актуализованных имен с объектами внешнего мира. Интенционал может пониматься как своего рода инструкция для определения экстенционала. Референты, экстенционалы и интенционалы определяются не только для имен существительных, но и более широко — для именных групп. Так, экстенционал и интенционал есть не только у существительного *лошадь*, но и у именных групп *белая лошадь* или *большая лошадь*.

Экстенционалы и интенционалы именных групп представляют собой функцию экстенционалов и интенционалов их составляющих (частный случай правила композиционности, рассмотренного выше). Иногда правила комбинирования достаточно просты, как, например, в случае именной группы *белая лошадь*. Экстенционалом данной именной группы — множеством белых лошадей является пересечение двух множеств — множества лошадей и множества объектов белого цвета. Интенционал *белой лошади* включает в себя интенционал *лошади*, уточненный специальным образом: *белая лошадь* — это 'лошадь белого цвета', т. е. 'лошадь' + 'белый'.

Принципиально иначе, причем сложнее, устроены экстенционал и интенционал именной группы *большая лошадь*. Неверно было бы утверждать, что экстенционал данной именной группы является пересечением множества лошадей и множества больших объектов, хотя бы потому, что последнее множество определено недостаточно четко. Больших объектов вообще, по-видимому, просто не существует. Бывают большие лошади, люди, жирафы и так далее, но всякий раз реальный размер меняется, поскольку он определяется относительно некоей нормы, значительно различающейся для людей, лошадей, жирафов и т. д. Так же ведут себя и другие оценочные прилагательные *высокий*, *хороший* и т. п.

Те правила, которые использовались при построении экстенционала именной группы *белая лошадь*, оказываются неприменимы к именным группам типа *большая лошадь*, *большая мышь*, *маленький слон* и т. д. В соответствии с такими правилами объект, попадающий в пересечение множества больших объектов с множеством мышей, попадал бы в пересечение этого множества с множеством животных, так как оно включает в себя множество мышей. Точно так же маленький слон должен был бы попасть в пересечение маленьких объектов с множеством животных. Иначе говоря, большая мышь являлась бы большим животным, а маленький слон — маленьким, но ни то, ни другое неверно. Более того, и это совершенно очевидно, маленький слон больше большой мыши. Это объясняется тем, что нормы величины у мышей, слонов и просто животных различаются.

Но, независимо от того, по каким правилам строятся интенционал и экстенционал сложной именной группы, сохраняются определенные соотношения между ними и интенционалом и экстенционалом вершинного для данной именной группы имени существительного (или вершинной именной группы). Так, экстенционалы *белой лошади* и *большой мыши* включены в экстенционалы имен *лошадь* и *мышь* соответственно. И напротив, их интенционалы включают в себя интенционалы имен *лошадь* и *мышь*.

Таким образом, существует простой логический закон, который связывает соотношение интенционалов и экстенционалов именных групп. Его можно сформулировать следующим образом:

если интенционал именной группы А включает в себя интенционал именной группы Б, то их экстенционалы соотносятся обратным образом, т. е. экстенционал именной группы Б включает в себя экстенционал именной группы А.

Действие этого закона можно продемонстрировать еще на одном примере. Сравним слова *муравей* и *насекомое*. Интенционал слова *муравей* включает в себя интенционал слова *насекомое*, т. е. *муравей* — это 'такое насекомое, которое...' С их экстенционалами имеет место совершенно обратная ситуация. Если некое существо относится к множеству муравьев, то оно относится и к множеству насекомых, но далеко не все насекомые являются муравьями.

Лингвистическое описание семантики слова касается прежде всего, если не исключительно, интенционала. Таким образом, главные задачи в описании именной семантики состоят в представлении интенциональной части значения и включении этих представлений в общую систему.

Лексическая семантика вообще по преимуществу интенциональна, она описывает не отношения слов с внешним миром, а, скорее, свойства, ими выражаемые. Иначе говоря, лексическую семантику как

раздел семантики интересует в первую очередь, что слова значат, а не то, что они обозначают во внешнем мире. Более того, если речь идет не о существительных и именных группах, говорить о референции часто оказывается затруднительно. Так, еще можно говорить о референции глаголов, т. е. соотношении глагола, употребленного в речи, с некоторой ситуацией. Соответственно можно говорить и о своего рода экстенционале глагола или глагольной группы, т. е. множестве ситуаций, которые данный глагол может обозначать. Но уже расширять понятие референции на множество служебных слов, по-видимому, не имеет смысла.

Впрочем, даже среди существительных понятие референции оказывается недостаточно четким, если мы выходим за границы множества существительных с предметным значением. Достаточно трудно определить, что является референтом и экстенсионалом абстрактных имен или же отглагольных существительных, например слов *гнев*, *любовь*, *бег* и т. д. Основной областью использования понятий теории референции являются конкретные имена существительные. Однако, кроме этой группы слов, теория референции необходима и для описания артиклей и местоименных слов, поскольку многие из них являются маркерами различных типов референции и в том числе операторами над экстенционалами имен. Например, именная группа *все собаки* означает, что имеются в виду все элементы экстенционала слова *собака*, а именная группа *эта собака* означает, что речь идет об одном определенном элементе экстенционала или, иначе говоря, конкретном референте. Таким образом, представление семантики артиклей и многих местоимений требует обращения к понятиям теории референции, таким, как экстенционал и референт.

10.3. Формы представления значения

Поскольку далее речь пойдет только об интенциональной составляющей значения, можно вернуться к более распространенным, чем "интенционал", терминам, а именно к терминам «значение» и "смысл", которые в лингвистической традиции, как правило, используются именно в этом понимании.

Семантическое описание лексики подразумевает фиксированный метаязык и стандартную форму описания конкретного слова. Только при наличии единого метаязыка и указанной формы можно говорить о сравнении значений разных слов и установлении системности лексических значений. Классификация метаязыков и форм представления значения приводится в главе 7. Здесь же более подробно рассматриваются лишь такие основные формы представления лексического значения, как **набор семантических компонентов, толкование и прототипическое описание**.

Представление значения слова в виде набора семантических компонентов достаточно традиционно. Таков, в частности, наиболее стандартный способ представления семантики близких по значению слов. Разложение значения слова на простейшие составляющие восходит к идеям Л. Ельмслева и Р. О. Якобсона и структурной лингвистики в целом. Наиболее ярко и последовательно этот способ семантического описания реализовался в рамках подхода, называемого **компонентным анализом**. Компонентный анализ развивался в работах таких европейских и американских лингвистов, как А. Греймас, Дж. Лайонз, Ю. Найда, Б. Поттье. Особую роль в истории компонентного анализа сыграло его включение в рамки порождающей грамматики. Наиболее значительный вклад в интеграцию формального синтаксиса и лексической семантики, а также в создание теоретической концепции внесли Дж. Катц, автор так называемой теории Катца (именуемой также теорией Катца — Постала), а также Дж. Фодор и П. М. Постал. Компонентный анализ первоначально использовался в генеративной грамматике для семантической интерпретации грамматически правильных предложений, в более поздней версии теории, называемой порождающей семантикой, компонентный анализ получает более высокий статус. Правила компонентного анализа встраиваются в порождающую модель языка и являются основной составляющей по сути особого семантического компонента (подробнее см. главу 18).

Компонентный анализ не только один из методов лингвистики, о чем говорилось в главе 8. Он предполагает также существование особого метаязыка. Процедура разложения «смысла» слов на более простые составляющие подразумевает определенный заранее заданный набор семантических компонентов. Как правило, предполагается, что в основе такого описания лежит набор элементарных, далее не разложимых элементов смысла. Такие минимальные и элементарные смыслы называют также **семантическими множителями**, или **семами**. Из минимальных компонентов составляются более сложные. Различные компоненты связываются между собой семантическими отношениями, которые, по сути, являются фрагментом системы постулатов значения, предложенных Р. Карнапом (см. также главу 7). Однако в рамках компонентного анализа в этом случае говорят о **правилах избыточности**:

'человек' —> 'живой'

'состоящий в браке' —> 'взрослый'

'живой' —> 'физический объект'

Правила избыточности позволяют, в частности, упрощать и сокращать представления значения одного отдельного слова. Так, компонент 'состоящий в браке' подразумевает наличие компонента 'взрослый', поэтому в сокращенной записи последний можно опустить.

В другой разновидности компонентного анализа используются бинарные признаки типа [+мужской пол] — [-мужской пол]; [+человек] — [- человек]; [+ взрослый] — [- взрослый] и т. д.

Сами компоненты лучше всего выделяются при сопоставлении слов, значения которых различаются тем или иным простейшим смыслом. Таковы, например, пары *женщина* — *мужчина*, *жена* — *вдова*, *муж* — *холостяк*, *отец* — *сын* и т. п. Такие пары являются своего рода минимальными парами для выделения элементарного компонента значения. Сопоставление слова со всеми возможными минимальными парами позволяет представить его значение достаточно полно. Впрочем, говорить об абсолютной полноте, достигнутой в результате такого метода, для всех слов не приходится, поскольку нет никаких гарантий, что минимальная пара найдется для каждого компонента значения данного слова.

В качестве примера простых и в то же время полных представлений значения можно привести следующие:

холостяк — [мужской пол] [взрослый] [человек] [не состоящий в браке]

жена — [женский пол] [взрослый] [человек] [состоящий в браке]

женщина — [женский пол] [взрослый] [человек]

Одно из самых знаменитых семантических описаний в рамках компонентного анализа принадлежит Дж. Катцу и Дж. Федору. Они предложили следующее семантическое представление многозначного английского существительного *bachelor*:

1. [физический объект] [живой] [мужской пол] [взрослый] [человек] [никогда не состоял в браке] — 'холостяк'

2. [физический объект] [живой] [мужской пол] [молодой] [человек] [рыцарь] [служащий в подчинении другого рыцаря] - 'молодой рыцарь-вассал'

3. [физический объект] [живой] [человек] [окончивший четыре курса колледжа] — 'бакалавр'

4. [физический объект] [живой] [мужской пол] [молодой] [животное] [котик] [не имеющий пары в период спаривания] — 'молодой самец котика, не имеющий пары в период спаривания'

Ниже при рассмотрении структуры значения мы еще вернемся к этому описанию.

Другим, еще более традиционным, способом представления значения слова является **толкование**. Термин "толкование" используется в семантике по-разному и, как правило, без строгого определения. В самом широком смысле слова толкованием называется любое семантическое представление слова. При таком понимании термина набор элементарных компонентов также следует считать толкованием. В более узком смысле толкованием называют прежде всего традиционные лексикографические описания слов на естественном языке, а также другие описания, достаточно похожие на них. Степень этой похожести, впрочем, обычно никак не определяется. Все же одной из главных характеристик "узкого" понимания толкования следует считать использование не столько естественного языка (в некоторых типах толкований вводятся элементы, нехарактерные для естественного языка), сколько естественного синтаксиса, т. е., тем самым, неэксплицитность семантических отношений между фрагментами толкования.

К толкованиям предъявляются определенные требования, которые, впрочем, выполняются далеко не всегда.

И. А. Мельчук пишет о четырех требованиях:

1. В толкованиях не должно быть круга — толкования А через В, а В через А. Все толкования сводятся в конечном счете к комбинациям простейших (неопределяемых) смысловых единиц.

2. Каждое толкование должно строиться не непосредственно из простейших единиц, а из максимально крупных, какие только есть в словаре, т. е. из семантических "непосредственных составляющих".

3. Толкуемое слово и толкование должны быть тождественны по смыслу. Это значит, что все элементы толкования должны быть необходимы и достаточны. Тогда толкования будут обеспечивать различение любых двух интуитивно различных слов и отождествление любых двух интуитивно синонимичных слов.

4. В случае слов с "предикатным" значением толкуется не просто заглавное слово, а предикатное выражение, или сентенционная форма, в которую оно входит.

В отличие от первых трех требований четвертое является значительно более частным, так как касается не толкования вообще, а толкования определенной, хотя и важной, группы слов.

О четырех требованиях к толкованию говорит и Ю. Д. Апресян, называя их: 1) нетавтологичность; 2) необходимость и достаточность; 3) ступенчатость; 4) эксплицитность.

1. "Нетавтологичность" означает, что толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений — слов семантического языка, что позволяет избегать тавтологического круга в толкованиях. Таким образом, определяемое слово должно истолковываться не менее чем через два других слова, каждое из которых должно быть семантически содержательно. Это требование совпадает с первым признаком И. А. Мельчука.

2. "Необходимость и достаточность" означает, что определяющие значения должны быть необходимы и достаточны для определяемого значения, т. е. должны быть перечислены все семантические компоненты толкуемого слова и только они. Это требование совпадает с третьим признаком И. А. Мельчука.

3. Требование "ступенчатости" означает, что толкуемая единица должна быть представлена в виде возможно более крупных семантических блоков, и совпадает со вторым признаком И. А. Мельчука.

4. Наконец, требование "эксплицитности" отличается от четвертого признака И. А. Мельчука, поскольку в отличие от него универсально, распространяясь на любое толкование. Это требование означает, что толкование должно непосредственно содержать все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических и грамматических единиц высказывания. Оно может противоречить требованию ступенчатости и имеет приоритет над ним.

Сформулированные требования не только часто нарушаются в конкретных лексикографических описаниях, но и подвергаются сомнению с теоретической точки зрения. Особую теоретическую дискуссию вызывает требование нетавтологичности. Так, И. Б. Шатуновский полагает, что логический круг в описании не только неизбежен, но и необходим. Это вытекает из того факта, что описывается система — совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Нельзя закончить описание такой системы, пока не замкнут круг, так как не все элементы связаны друг с другом. И. Б. Шатуновский отмечает, что, как бы подробно ни описывались внешний вид и расположение уха, толкование останется принципиально неполным, пока не будет указано, что ухо является органом, которым слышат. Но точно так же определение слова *слышать* не будет полным без указания на то, что существуют специальные органы слуха, т. е. на то, что слышат именно ушами.

Таким образом, можно сформулировать две принципиально противопоставленные позиции. Согласно одной, восходящей к философам аналитической школы (Б. Рассел, Л. Витгенштейн и другие), лексическая семантика, а в действительности и семантика языка вообще, сводима к относительно небольшому множеству атомарных (далее *не* разложимых)-единиц, а все многообразие значений получается благодаря различного рода комбинированию этих единиц. Соответственно семантическое представление лексики должно отражать эту конструкцию. Согласно другой точке зрения дело обстоит не так. Системность семантики заключается не в том, что все значения, кроме атомарных, разложимы на более простые и в конечном счете сводимы к атомарным, а в том, что любое значение существует, не изолированно, а находится в определенных отношениях с другими значениями. При этом далеко не всегда имеет смысл говорить о направленности этих отношений и большей простоте одного значения по отношению к другому. Толкуемость одного слова через другое не запрещает и обратную процедуру. При таком взгляде целью семантического представления оказывается не сведение семантики слов к конечному набору значений, а максимальное отражение существующих в языке семантических отношений.

Другая проблема, не имеющая однозначного решения, связана с гипотезой о единственности толкования. Так, в рамках Московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук и другие) по существу утверждается принцип единственности толкования. Точнее говоря, из-за наличия в метаязыке промежуточных (неэлементарных) слов допускается наличие альтернативных толкований, но при этом утверждается, что они всегда синонимичны. Однако, поскольку строгих методов "выведения" единственного толкования нет и, по-видимому, не может быть, остается довольствоваться сравнением толкований с точки зрения их адекватности, полноты, экономичности и т. д.

Специального комментария требует четвертый пункт в приведенном выше списке И. А. Мельчука. Речь идет о толковании не всех слов, а только о толковании слов с предикатным значением. Практически этот пункт означает введение в толкование особых переменных — семантических валентностей. **Семантической валентностью** слова называется переменная в толковании слова, отражающая его спо-

способность вступать в семантические отношения с другими словами. Таким образом, семантические валентности являются способом описания семантического взаимодействия слов. Подробнее об этом говорится в п. 10.9.

Необходимо отметить, что толкование в узком смысле слова не дает исчерпывающего представления о значении слова и не определяет все его возможные употребления. Именно поэтому толкование дополняется другими способами описания значения. Это приводит к тому, что семантическое описание слова состоит из нескольких частей (иногда называемых зонами). Толкование в узком смысле является лишь одной, хотя и главной частью полного семантического описания.

Из остальных частей отметим **коннотацию**, или **семантическую ассоциацию**. Существует множество различных определений коннотации (в том числе и в относительно недавних работах Ю. Д. Апресяна, Е. Бартминьского, Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, Г. Е. Крейдлина, В. Н. Телии и других).

Обычно **коннотацией** называются дополнительные элементы значения определенного типа — экспрессивные, стилистические, оценочные. В соответствии с таким пониманием выражением коннотаций можно считать стилистические пометы, используемые в толковых словарях. В этом определении ключевым оказывается слово *дополнительный*, которое может интерпретироваться как «дополнительный по отношению к предметно-понятийному значению, а по существу модальный» или как 'необязательный и потому не входящий в основное значение'. Понятие коннотаций близко к понятию стереотипа представлений, связанных с данным словом. Термин "стереотип" в данном смысле использует Дж. Лакофф, а Е. Бартминьский с его помощью строит определение коннотаций. Формальное определение коннотаций было предложено Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчуком: "Лексическая коннотация лексической единицы Б есть некоторая характеристика, которую Е приписывает своему референту и которая не входит в его толкование". Определение сопровождается двумя тестами, позволяющими различить лексическое значение и коннотацию:

Тест 1. У лексемы L есть гипотетическая коннотация C. Если присоединение к лексеме L элемента со смыслом 'не C' не порождает противоречия, то C действительно коннотация. По этому тесту смысл 'глупость' оказывается коннотацией слова *осел* со значением 'животное', поскольку словосочетание *умный осел* непротиворечиво.

Тест 2. Гипотетическая коннотация C называет функцию объекта, обозначенного лексемой L. Если из того, что этот объект находится не в порядке, естественно заключить, что он плохо выполняет функцию C, то C — элемент лексического значения L, в противном случае C — коннотация. По этому тесту 'думать'⁵ для *головы* часть значения, а 'чувствовать' для *сердца* — коннотация.

Оба эти теста, однако, имеют весьма ограниченное применение. Исходя из различных теоретических подходов, приходится признать, что строгой границы между толкованием (предметно-понятийным или, в другой терминологии, — лексическим значением) и коннотацией не существует.

Тем не менее коннотация является полезным инструментом для описания употребления слов и механизма образования новых значений. Наличие коннотаций может быть никак не связано с основным значением. Так, слова *ишак* и *осел*, обозначающие одно и то же животное, имеют разные коннотаций. Для *ишака* — это 'готовность безропотно трудиться на благо другого', а для *осла* — это 'упрямство' и 'глупость'. Наличие этих коннотаций позволяет объяснить естественность и понятность таких употреблений этих слов, как *работать, как ишак* или *упрямый, как осел*. Эти же коннотаций позволяют объяснить и образование разных переносных значений у этих слов.

Коннотаций и соответствующие им вторичные переносные значения вообще характерны для названий животных. Ср. употребление по отношению к людям таких слов, как *баран, кобель, козел, корова, лиса, лошадь, медведь, слон* и др. Наличие коннотаций характерно также и для названий профессий (*мясник, пастушка* и т. п.), терминов родства (*брат, мать, сестра* и т. п.) и некоторых других семантических групп. Существование коннотации не обязательно приводит к образованию соответствующего значения. Так, у слова *волк* есть коннотация 'злость' и 'одиночество', однако его употребление по отношению к человеку считается окказиональным (не конвенциализованным) и не выделяется как отдельный лексико-семантический вариант.

Коннотация обусловлена также языковой и культурной спецификой. Так, очень яркие коннотации есть у русского слова *тёща*. Они отсутствуют у переводов этого слова на английский, немецкий, французский и другие языки. Именно коннотация удерживает слово *тёща* в активном лексическом запасе. Оно значительно более частотно, чем близкие по смыслу слова *тесть, свёкор, свекровь*, часто заменяемые на соответствующие словосочетания *отец жены* и т. д. Вообще, отношения между тещей и зятем, их душевные свойства и прочее настолько подробно отражены в языке, в пословицах и поговорках,

анекдотах и — шире — в фольклоре и культуре, что достаточно трудно выразить это в качестве компонента толкования. Для подобных трудно формализуемых представлений используются не только "термины **коннотация** или **стереотип** (чаще **культурный стереотип**). Чтобы подчеркнуть трудноуловимость, неформализуемость и немотивированность (невыводимость из семантики) этой информации, говорят о **семантической ауре** слова.

Среди связанных со словом значений и не описываемых с помощью толкования следует упомянуть и **внутреннюю форму слова**. Теорию внутренней формы слова развивал русский филолог А. А. Потебня. В том же значении Ю. С. Маслов использовал термин **мотивировка**. Речь идет о семантической соотношенности морфем, составляющих данное слово, с морфемами данного языка, своего рода осознаваемой этимологии. Ю. С. Маслов говорил об указании на причину, по которой данное значение оказалось выраженным данным сочетанием звуков. Наглядным примерам внутренней формы являются слова, образованные несколькими морфемами, сумма значений которых не равна целому. Так, название подосиновик (*под + осин + овик*) указывает на нечто, находящееся под осиной (ср. *подоконник, подснежник*). Однако этот прозрачный словообразовательный смысл, по-видимому, не должен включаться в толкование. Тем не менее внутренняя форма, как и коннотация, может обыгрываться в текстах и влиять на употребление слова. Внутренняя форма утрачивается, если семантическая связь перестает осознаваться носителями языка. Так, едва ли современные носители русского языка связывают слово *немец* с корнем *нем-*, тем самым идея безъязыкости никак не может быть связана с названием народа.

Совершенно особый подход к исследованию семантики продемонстрировала американский психолог Э. Рош и ее последователи. Этот подход лег в основу современной когнитивной психологии. Центральным для Э. Рош является понятие **прототипа**, поэтому и сам подход часто называют прототипическим. Хотя Э. Рош непосредственным объектом исследования называет "природные" (цвет, форма и под.) и "семантические" (фрукты, птицы, болезни, мебель и под.) категории, результаты исследования могут быть распространены на семантику соответствующих слов: *красный, фрукт, птица* и т. д. Психологические опыты Э. Рош показали, что любая категория имеет внутреннюю структуру, состоящую из **центра** (прототипа) и **периферии**. Можно сказать, что прототипом является эталонный член данной категории, в котором воплощены наиболее характерные ее признаки. По прототипу можно опознать всю категорию в целом, а его центральная позиция, по мнению Э. Рош, вытекает из его роли в объективной структуре мира.

Так, наиболее типичной мебелью в результате эксперимента был признан стул, а наиболее типичной птицей — малиновка. Для каждой категории можно сформулировать набор характерных признаков, максимально полно воплощенный именно в прототипе. Причем признаки выстраиваются в определенную иерархию. Для птиц можно говорить о таких признаках, как: 1) живой; 2) летает; 3) имеет крылья; 4) имеет перья; 5) имеет клюв; 6) откладывает яйца; 7) питается червяками и зерном; 8) поет; 9) живет на воле и т. д. Иерархия признаков позволяет описать структуру категории, ее центр и периферию, т. е. интуицию носителя языка, проявляющуюся в ходе эксперимента. В соответствии с этим набором признаков, отражающим представления о птицах обычных носителей языка, соловей оказывается в большей степени птицей, чем орел, а тот, в свою очередь, больше птица, чем страус. Точно так же мертвая птица или рисунок птицы в меньшей степени птицы, чем живые существа. Тем не менее, обладая частью признаков, они попадают на периферию данной категории и могут называться данным словом. В зависимости от того, сколькими и насколько важными признаками обладает тот или иной вид птиц или даже конкретный объект, может быть построена соответствующая иерархия: 1) малиновка, воробей...; 2) орел, сокол...; 3) курица, индюк...; 4) пингвин, страус...; 5) мертвая птица, чучело птицы...; 6) скульптура или рисунок птицы. Интересно, что некоторыми из перечисленных признаков обладают объекты, обычно не относимые к птицам. Например, для самолета характерны два "важных птичьих" признака: он летает и имеет крылья. Именно это и делает, по-видимому, возможным появление метафоры *стальная птица* по отношению к самолету.

Следует отметить, что выделение того или иного прототипа обусловлено языковыми и культурными особенностями. Так, едва ли малиновка, достаточно редкая в России птица, может считаться наиболее типичным представителем данной категории. Для русского языка прототипом безусловно окажется воробей. Так же различается выделение прототипа фрукта в русской и американской культурах. Для русских наиболее типичный фрукт — яблоко, а для американцев — апельсин.

Еще одним важным результатом исследований Э. Рош стало выделение базисного уровня категоризации и соответственно объектом базисного уровня. Эти понятия сыграли особую роль в исследовании семантического отношения гипонимии (см. п. 10.8.3).

В лингвистике прототипический подход получил развитие в работах Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора и других. Концептуально близки к нему и экспериментальные исследования семантики конкретной лексики русского языка, проводимые под руководством Р. М. Фрумкиной.

Описание значения слова в рамках прототипического подхода строится следующим образом. Слову сопоставляется его прототип, описание которого представляет собой так называемый **пучок (кластер)** семантических признаков. Кроме прототипа выделяется периферия, представляющая различные отклонения от центрального понятия и объясняющая различные употребления данного слова.

В качестве иллюстрации приведем ставшее уже классическим описание слова *mother* 'мать', сделанное Дж. Лакоффом. Прототипом называется *мать*, которая является в данный момент и всегда была женщиной и которая родила ребенка, отдала половину своих генов будущему ребенку, вынянчила его, является женой его отца, принадлежит к поколению, непосредственно предшествующему поколению ребенка, и является законным блюстителем интересов ребенка. К периферии относятся, например, *мачеха*, которая не рожала ребенка и не была поставщицей генов, но в настоящее время замужем за отцом ребенка, или *приемная мать*, которая не рожала ребенка и не была поставщицей генов, но является законной блюстительницей интересов ребенка, и на ней лежит обязательство вырастить его. Отдельные признаки из целого кластера характерны и для других случаев периферии: *мать-кормилица*, *биологическая мать*, *суррогатная мать*, *мать-одиночка* и т. д.

Кроме того, Дж. Лакофф говорит еще об одном возможном прототипе, включающем не базисные признаки, а стереотипы представления о матери. Такой стереотип включает, в частности, понятие 'домохозяйка', что объясняет нормальность фразы *Она мать, но не домохозяйка*, и странность *Юна мать, но она домохозяйка*. Последняя фраза не вполне нормальна именно потому, что противоречит стереотипу матери, прежде всего, как домохозяйки. Понятие стереотипа, предлагаемое Дж. Лакоффом, близко к понятию коннотации, о котором сказано выше.

Принципиальное отличие прототипического описания от толкования связана не с метаязыком (метаязык может быть один и тот же), а со статусом включаемой информации. Толкование подразумевает необходимость и достаточность этой информации. Это означает, что все употребления слова в данном значении должны описываться данным толкованием. Если же это не так, приходится вводить новое значение. Так, традиционное определение *матери* как 'женщины, которая родила ребенка', очевидным образом, не может соответствовать всем употреблениям данного слова: *матерью*, как уже сказано, можно назвать, например, приемную мать. Следовательно, для таких употреблений придется вводить новые значения.

Прототип же представляет собой объединение всех возможных признаков, причем в каждом конкретном употреблении может реализоваться только часть из них. Более того, теоретически допускается ситуация, когда ни один из признаков не является необходимым. Именно так обстоит дело и с прототипом *матери*. Даже важнейший признак 'родить ребенка' может отсутствовать в периферийном значении.

Различия в типах лексических толкований, как видно из сказанного, обуславливаются, во-первых, объектом описания, во-вторых, методом или, если говорить более конкретно, свойствами интерпретируемой лексемы (об этом см. п. 10.10), а также теоретическим подходом и выбранным метаязыком. Даже при достаточно близких теоретических позициях могут возникать значительные отличия в их лексикографическом приложении. Это видно, в частности, при сравнении толкований А. Вежбицкой и толкований, сделанных в рамках Московской семантической школы.

10.4. Типы информации в толковании

В п. 10.3 речь шла форме представления значения. Однако не менее важной является проблема, связанная с содержанием толкования. Она касается типа информации, которая должна учитываться и включаться в толкование. Можно выделить два основных параметра оценки информации в целях ее использования в семантическом описании. Во-первых, информация делится на **лингвистическую и экстралингвистическую**. Экстралингвистической считается информация, получаемая не из анализа языка и употребления слов, а из изучения внешнего по отношению к языку мира. Подразумевается, что она практически не влияет на употребление (сочетаемость) слов. Экстралингвистическая информация чаще называется **энциклопедической**. Во-вторых, информация делится на **обыденную и научную**. В этом случае также говорят о **наивной и научной картинах мира**. Принципиальный постулат современной семантики (Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая и другие), восходящий к лингвистической философии (см.

главу 2), состоит в том, что в толковании должна использоваться **лингвистическая информация, отражающая наивную картину мира**.

Два названных параметра не являются абсолютно независимыми. Энциклопедическая информация, как правило, является научной, хотя научность информации не влечет за собой автоматически ее энциклопедической ориентации. Противопоставление лингвистической и энциклопедической информации проще всего продемонстрировать на примере статей из толкового словаря и энциклопедии. Так, слово *слон* описывается в СРЯ следующим образом:

1. Крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями, обитающее в тропической Африке и Азии.
2. *Разг.* О высоком, толстом, неуклюжем человеке.
3. Шахматная фигура, передвигающаяся на любое число клеток по диагонали.

В СЭС есть статья *Слоны*:

Семейство млекопитающих отряда хоботных. Самые крупные наземные животные (высота до 4-4,5 м, весят до 5, иногда до 7,5 т). Кожа почти голая, лишь вымерший мамонт имел густой волосистой покров. 1 вид (2 подвида) в лесах тропической Африке и 1 вид в Юго-Восточной Азии. Питаются растительной пищей. Численность африканских слонов сокращается из-за разрушения местообитаний и браконьерской охоты ради бивней (слоновая кость). Индийский слон легко приручается и используется для различных работ. Оба вида в Красной книге МСОП.

Сравнение словарной и энциклопедической статей достаточно красноречиво. В энциклопедии представлена подробная информация о видах слонов, их внешнем виде, пище, участии в жизни человека и, наконец, приводится факт занесения в книгу вымирающих животных. В словаре же представлена система значений, включающая переносное (по сходству) второе значение. Включение его в энциклопедию невозможно. Показательным было бы и сравнение словников словаря и энциклопедии. -1 В энциклопедию обычно включаются только существительные (или именные группы, среди которых присутствуют и имена собственные. В словарь включаются только отдельные слова, причем имена собственные отсутствуют (правда, не во всех лексикографических традициях). Кроме того, в энциклопедии значения слов часто иллюстрируются рисунками. Правда, чистота разграничения словарей и энциклопедий соблюдается далеко не во всех лексикографических традициях и даже не во всех словарях (см., например, словари Вебстера, словари для иностранцев или для детей, включающие иллюстрации и информацию энциклопедического типа).

При попытке дать строгое и операциональное определение лингвистической и энциклопедической информации возникнет ряд проблем. Обычно говорят, что лингвистическая информация — это информация о понятии (интенционале), а энциклопедическая — о денотате (потенциальных референтах). Очевидно, что провести здесь строгую границу не удастся. Так, информация о внешнем виде, хотя и является энциклопедической, существенна и для понимания текстов со словом *слон*. Объяснить появление переносного значения, а также многих выражений типа *Как слону дробина* или *Делать из мухи слона* невозможно, если ничего не знать о поведении слона, его характере и размерах. Иначе говоря, язык отражает определенные знания человека о слоне как об объекте реального мира. Эти знания скорее наивны, чем научны, хотя и эту границу провести трудно. В частности, язык может отражать некоторые научные представления об объекте, относящиеся к разным периодам истории человечества. Например, слово *солнце* интерпретируется в языке и как шар, движущийся в пространстве, и как диск или круг, движущийся по плоскости, называемой *небом* (или *небосклоном*).

Таким образом, лингвист сталкивается с проблемами, которые он должен решать практически. Существуют аргументы и в пользу включения в словари имен собственных. Это нужно хотя бы для интерпретации выражений типа *второй Пушкин* или *новый Моцарт*, понятных многим носителям русского языка. Часто за счет энциклопедической информации расширяется и само толкование. Радикальный подход исповедует А. Вежбицкая она предлагает включать в толкование предметных имен максимум информации, которая может оказаться полезной в речевой коммуникации. При этом она подразделяет толкование на две части — обязательную и факультативную. Необходимо отметить, что все же главным критерием включения в толкование той или иной информации являются так называемые **языковые свидетельства** (или **языковые данные**). Так, в словарную статью о кошке следует, по мнению А. Вежбицкой, включить информацию о том, какие звуки она издает. Основным аргументом оказывается сле-

дующее языковое свидетельство. В английском языке (как и в русском) существует специальный глагол и звукоподражательное слово. Следовательно, то, какие звуки издает кошка, важно для языка и должно быть отражено в толковании.

В связи с этим подходом можно привести фрагмент словарной статьи русского слова *забор*, написанной под определенным влиянием А. Вежбицкой, хотя и в рамках Московской семантической школы. Ее автор Е. В. Рахилина.

Забор

Забор вокруг X-a = 'сооружение по периметру участка земли, на котором находится X, созданное с целью препятствовать проникновению постороннего человека на этот участок земли';

1. Части: *калитка (в заборе)* — приспособление для входа и выхода на огороженный участок в виде одностворчатой двери; *ворота* — то же в виде двустворчатой двери, предназначаются для скота и машин (сочетания *ворота забора / в заборе* затруднены);

2. Обычный способ строительства: вертикально расположенные одинаковые деревянные доски скреплены друг с другом вплотную (*глухой забор*) или так, что между ними остаются равные промежутки, сравнимые с шириной досок (*штакетник*). Устойчивость забора обеспечивается врытыми в землю опорными столбами. Ср. также *забор из колючей проволоки, бетонный забор*';

3. Форма: забор имеет вертикальные внутреннюю поверхность (обращенную к X-у), противоположную ей внешнюю (фасадную) поверхность и узкую верхнюю поверхность; нижняя поверхность соприкасается (или почти соприкасается) с землей. Ср. *афиша на заборе* 'на одной из его вертикальной поверхностей', *галка на заборе* 'на его верхней поверхности', *под забором* 'внизу рядом с забором', а также *за забором, перед забором* и др.;

4. Размер: высота забора обычно сравнима с ростом человека;

5. Обычный материал изготовления: дерево; возможны также жезь, бетон, металлическая сетка и под. Ср. *деревянный забор, бетонный забор* и т. д.

Подводя итог, можно сказать, что строгой границы между лингвистической и энциклопедической информацией не существует. По-видимому, неточно само противопоставление. Энциклопедическая информация может быть и лингвистической в том смысле, что она необходима для понимания и порождения некоторых выражений с данным словом. И именно такая лингвистическая информация должна включаться в толкование.

Для иллюстрации различия наивного и научного взгляда на мир достаточно привести один яркий пример. Обычный носитель языка знает, что *малиновка* и *овсянка* — это птицы, причем разные. Однако, по-видимому, никакой другой информацией о них он не обладает, разве что об их размере (это маленькие птички). Это знание и должно отражать лингвистическое толкование. Естественно, что научное толкование должно быть значительно более подробным. Впрочем, если лингвист ставит перед собой задачу описать языковую компетенцию специалиста, он также должен использовать научное знание.

Если вернуться к вопросу о единственности толкования, затронутому в п. 10.3, то придется признать, что практическая лексикография предоставляет серьезные аргументы в пользу множественности. Объем толкования, определяемый количеством и качеством используемой информации, обусловлен не только внутренними, но и внешними по отношению к семантике слова причинами. Очевидно, что он зависит также от типа словаря, его адресата и некоторых других параметров.

Поскольку критерий отбора информации является не абсолютно строгим, на отбор могут влиять и практические требования, предъявляемые к толкованию. Едва ли кто-то станет спорить с утверждением, что при семантическом описании языковых единиц можно использовать разные степени приближения к объекту. Если рассматривать семантический анализ как своего рода увеличительный инструмент, то так же метафорически можно говорить о разных степенях увеличения, отражающихся в учете различного рода факторов, контекстов и т. д. В общетеоретической работе увеличение должно стремиться к максимальному. При реализации же различных прикладных задач степень "семантического увеличения" (или приближения) варьирует довольно сильно. Так, в обычном толковом словаре русского языка едва ли уместны подробные описания слов, значительно превышающие по размеру и по количеству некий привычный стандарт.

1.3. Лексическая семантика в ономаσιологическом аспекте

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977

I

Проблема значения слова, проблема смысловой стороны слов и выражений чрезвычайно существенна для <...> языкознания. От правильного решения этой проблемы во многом зависит понимание объема, предмета и задач семантики или семасиологии в общей системе науки о языке. Изучение закономерностей развития словарного состава языка также невозможно без глубокого проникновения в существо исторических изменений значений слов. <...> Выяснение сущности значения слова, анализ качественных изменений в структуре значений слова — в их историческом движении, — является одной из основных задач лексикологии. Определение или толкование значений слов — главная цель составления словарей, прямой объект лексикографии.

Одним из путей подхода к решению сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов, является выяснение разных типов и видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова.

<...> Слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значения, а иногда и целой системы значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств.<...>

Между рядами предметов, действий, качеств, обозначаемых словами, существуют разнообразные взаимодействия и соотношения. Предмет, названный словом, может оказаться звеном разных функциональных рядов, разных сторон действительности, включенных в общую широкую картину жизни. Слово помогает осмыслить и обобщить эти отношения. Все это находит отражение в развитии значений слова в языке того или иного исторического периода. <.. >

<...> формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала. Это понимание, воплощаясь в значение слова, становится элементом смысловой структуры данного языка в целом.

Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений.

При отношении к слову только как к названию нельзя установить принципиальной разницы между разными значениями одного и того же слова и между различными словами-омонимами.

Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова <...>; оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова.

II

Отсутствие разработанной семантической теории слова сказывается в том, что у нас не обобщены и не систематизированы наблюдения над качественным своеобразием значений и форм их связи, их внутреннего объединения у слов, относящихся к разным грамматическим классам <...>. Внутреннее своеобразие лексических значений, например, предлога в соотношении с семантическими свойствами глаголов, прилагательных и других частей речи не определено. <...>

Для того чтобы уловить потенциальные тенденции смыслового развития слов, целесообразно исследовать и способы их индивидуально-творческого применения и преобразования <...>

Изучение образного применения слова особенно важно для полного и широкого воспроизведения истории так называемых фразеологически связанных значений, для понимания их генезиса. Например, слово *когти* в русской литературе XIX века употреблялось как образ хищнического насилия, цепкого и мучительного властвования. Оно повлекло за собой в круг переносного употребления многочисленную группу слов и фраз. Когтями образно наделяются в русской художественной литературе болезнь,

смерть, нищета, горе и горестные чувства<...>, изуверство, фанатизм, ложь, разврат и другие отрицательные, но стихийные страсти, эмоции и явления. <...>

Таким образом, семантическая сторона языка составляет часть его структуры и определяет его качество так же, как звуковая система языка, его грамматический строй или словарный состав.

III

<...> Под лексическим значением слова обычно разумеют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка.

<...> Наблюдения над способами объединения разных значений в слове, а также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. <...>

В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений.

Основные номинативные значения слов... очень устойчивы. Эти значения можно назвать свободными, хотя их свобода обусловлена социально-исторически и предметно-логически. Функционирование этих значений слов обычно не ограничено и не связано узкими рамками тесных фразеологических сочетаний. В основном, круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов, явлений действительного мира.

У слова может быть несколько свободных значений. <...>

Однако по отношению к основному номинативному значению все другие значения этого рода в слове являются производными. Эту производность вторичных номинативных значений нельзя смешивать с метафоричностью и образностью. В той мере, в какой эти значения не отрываются от основного, они понимаются соотносительно с ним и могут быть названы номинативно-производными значениями. Часто они бывают уже, теснее, специализированнее, чем основное номинативное значение слова. Таково, например, у слова *капля* — *капли* номинативно-производное значение «жидкое лекарство, принимаемое по числу капель». Оно свойственно формам множественного числа — *капли*. <...>

Два или больше свободных номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них являются производными от основного (по крайней мере, понимаются как такие в данный период развития языка). Если же такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами. <...>

<...> Необходимо обратить внимание еще на то обстоятельство, что свободные номинативные значения, за исключением значений терминологических, препарированных, могут быть опорными или исходными пунктами синонимических рядов.

У многих слов <...> есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность. Например, глагол *облечь* является книжно-торжественным синонимом слова *одеть* и употребляется прежде всего для выражения значения *одеть* в соответствующем стилистическом контексте. Его основное значение не свободно-номинативное и не производно-номинативное, а экспрессивно-стилистическое, опосредованное его отношением к глаголу *одеть*. <...>

<...> На основе экспрессивно-синонимического значения могут развиваться другие, но только фразеологически связанные значения и употребления слова (ср. *облечь* властью, доверием, полномочиями и совсем изолированно: *облечь* тайной).

<...> Своеобразия экспрессивно-синонимических значений многих слов определяются характером и видами их соотношений с номинативными значениями опорных, исходных слов соответствующего синонимического ряда. Между тем фразеологически связанные значения слов вообще не могут служить базой, основой синонимического ряда. <...>

IV

Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. <...> Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления. Многие слова в современной языковой системе вообще не имеют прямых номинативных значений. Они существуют лишь в составе немногочисленных фразеологических сочетаний. Их значение выделяется из этих сочетаний чаще всего путем подстановок синонимов. <...>

Таким образом, многие слова или отдельные значения многих слов... ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т.е. в узкой сфере семантических отношений. <...>

Фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода — «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями.

Например, глагол *отрасти*, хотя и определяется в толковых словарях общей формулой «достигнуть в росте каких-нибудь размеров», обычно применяется лишь по отношению к волосам, усам, бороде, ногтям. В других случаях говорится в *ырасти*.

V

Различие свободных и фразеологически связанных значений слова помогает точнее и яснее представить как семантические границы, так и смысловой состав слова, систему всех его значений. Разграничение свободных и фразеологически связанных значений особенно важно для теории и практики лексикографии. <...>

При смешении свободных и фразеологически связанных значений неизбежны подмены семантических характеристик отдельного слова описанием общего смысла тех фраз, в которые входит это слово. <...>

В толковых словарях русского языка, например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, постоянны такого рода подмены. <...>

Количество фраз, группирующихся вокруг того или иного связанного значения слова и образующих своеобразную замкнутую фразеологическую серию, может быть очень различно — в зависимости от семантических потенциалов, от вещественно-смысловой рельефности этого значения, от характера его выделяемости. Кроме того, степень тесноты, замкнутости и слитности фраз, характер образности, а вследствие этого и степень несамостоятельности словесных компонентов фраз также могут быть очень различными. <...>

Крайнюю степень в ряду фразеологических сочетаний занимают обороты, включающие слова с единичным употреблением. Например, книжное слово *преклонный* встречается только в выражениях «преклонный возраст», «преклонные лета» или «года».

VI

Кроме качественных различий между значениями свободными и значениями фразеологически связанными, несвободными, в лексической системе русского языка очень рельефно выступают специфические особенности значений, осуществление которых обусловлено синтаксически. <...>

Своеобразный тип значений синтаксически обусловленного характера формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная функция в составе предложения. Функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику. Например, ср. в разговорной речи слово *молодец* при выражении похвалы, одобрения в функции сказуемого: Она у нас молодец. <...>

<...> Предикативно-характеризующее значение у имени существительного может реализоваться в сказуемом или в составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении.

<..> Синтаксически ограниченное значение слова с семантической точки зрения часто представляет собой результат образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики. <...>

Есть слова, которым присуще только функционально-синтаксическое значение. Например, слово *загляденье*. <...>

Начиная с XIX в., слово *загляденье* обозначает все то, на что можно заглядеться, чем можно любоваться; в этом значении оно употребляется только в функции сказуемого; черты имени существительного в нем стираются, падежные формы ему уже не свойственны. <...>

Функционально-синтаксически ограниченные значения свойственны главным образом именам существительным, прилагательным (особенно их кратким формам), а также наречиям, которые переходят в этих условиях в категорию состояния. <...>

VII

Гораздо более сложной... является сфера значений конструктивно организованных или конструктивно обусловленных. Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами. <...> Дело в том, что структура некоторых типов словосочетания обусловлена принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию. Например, немногочисленный ряд глаголов внутреннего состояния, эмоционального и волевого переживания — *плакаться*, *сетовать*, *жаловаться* и некоторые другие — выражают свое значение обычно в сочетании с предлогом *на* и формой винительного падежа существительного, обозначающего объект соответствующего состояния или переживания.

Конструктивно обусловленное значение характеризуется предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах самого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной ему синтаксической конструкции — в сочетании с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. Возможная неограниченность связей с другими словами в рамках строго определенной синтаксической конструкции является существенным признаком конструктивно обусловленного значения. И этим признаком оно резко отличается от значения фразеологически связанного, для которого типична замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами...

Разграничение основных типов или видов лексических значений слов помогает установить ясную перспективу в семантической характеристике слов и содействует правильному определению омонимов и синонимов в лексической системе языка. Разные виды значений слов по-разному служат отражению и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.

с. 90-113.

ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ИХ СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИИ

Общее определение значения может быть признано удовлетворительным лишь в том случае, если оно учитывает все его типы, существующие в языке. В связи с этим важное значение имеет разработка типологии значений — на материале как одного, так и нескольких языков.

Вопрос о типах лексических значений слов впервые был поставлен В.В. Виноградовым. Он выделяет следующие типы значений: 1) основные, или первичные, и производные, или вторичные, номинативные значения (по типу деривационных отношений внутри многозначного слова) (*капли дождя* и *глазные капли*); 2) прямые и переносные значения (по характеру их предметно-понятийной соотношенности); 3) прямые номинативные и экспрессивно-синонимические значения (по парадигматическим связям слов, по их месту в составе парадигмы) (*одеть-облечь*); 4) синтаксически свободные и несвободные значения: фразеологически связанные (*отрастишь* волосы <усы, бороду>), функционально-синтаксически ограниченные (*Она у нас молодец*; *Окна выходят в сад*) и конструктивно-обусловленные (*плакаться* на что-либо, *разобраться* в чем-либо). Типология лексических значений, разработанная Виноградовым, развивалась и уточнялась впоследствии многими учеными. Интересную ее интерпретацию дает О.П. Ермакова. Она предлагает такую классификацию лексических значений: 1) прямые и переносные (по наличию и характеру мотивированности); 2) номинативные и неноминативные (по предметной отнесенности); 3) свободные и несвободные (по «синтаксическому поведению»), подразделяющиеся, в свою очередь, на фразеологически связанные

(немотивированное ограничение лексической сочетаемости) и синтаксически ограниченные (неполный набор синтаксических функций). «Эти характеристики совмещаются следующим образом: и прямые, и переносные значения могут быть номинативными и неноминативными; и прямые, и переносные могут быть свободными и несвободными; у некоторых типов слов фразеологическая связанность может сочетаться с синтаксической ограниченностью» [78, 72]. В итоге получаются следующие противопоставления: 1) прямое номинативное (*осел, дипломат, актер*) — прямое неноминативное (*подлец, отъявленный*) 2) переносное номинативное (*город, страна — о людях*) — переносное неноминативное (*осел о человеке, дипломат — не о профессии*); 3) прямое свободное (*осел — о животном, город — о населенном пункте, рыбацкий*) — прямое несвободное: а) фразеологически связанное (*гнедой, крошечный, отъявленный*), б) синтаксически ограниченное (*подлец, мучитель, спящий — о лице*) — переносное несвободное: а) фразеологически связанное (*щекотливый вопрос, волчий аппетит*), б) синтаксически ограниченное (*осел — о человеке, дипломат — не о профессии, город, страна — о людях*).

Существенной особенностью классификации языковых значений, предложенной Виноградовым, и аналогичных ей классификаций является их многоаспектность: при классификации значений принимаются во внимание самые разнообразные признаки слова (семантические, функционально-синтаксические, формально-грамматические, деривационные и др.). Возможна, однако, и чисто семантическая или, по крайней мере, функционально-семантическая типология значений. Исходными ее единицами должны быть семемы как содержательные аналоги словоформ (или эквивалентных им по функции фразеологизмов и перифраз, «фразеосочетаний»), включающие в свое содержание и лексические, и словообразовательные, и грамматические значения. Общие контуры такой типологии уже намечаются.

Основные функциональные типы языковых значений должны выделяться с учетом деления слов на части речи. К таким типам относятся, во-первых, значения знаков-десигнаторов и знаков-форматоров, во-вторых, предметные (непредикатные) и признаковые (предикатные) значения, в-третьих, номинативные (денотативные) и указательные (дейктические) значения.

ЗНАЧЕНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ И СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Деление слов на знаменательные (полнозначные) и служебные освящено давней традицией. Основное различие между этими двумя разделами словесных знаков состоит в том, что знаменательные слова, «выполняя репрезентативную функцию, способны обозначать окружающую действительность, т.е. служить наименованиями отдельных предметов, фактов, явлений». Служебные слова (слова-заместители, слова-указатели, слова-актуализаторы, слова-связки, слова-квантификаторы, логические и прагматические операторы), напротив, обслуживают «сферу коммуникативно-речевой деятельности», переводя «системы виртуальных средств в актуальные, в речевые единицы» [1Яб, 35].

В составе знаменательных слов выделяются имена собственные и нарицательные («характеризующие»), различающиеся не только грамматически, но и семантически, по типу значений. В свою очередь, имена нарицательные подразделяются (по характеру репрезентативной функции) на предметные и признаковые. Предметные имена выполняют преимущественно номинативную (идентифицирующую и классифицирующую) функцию и имеют соответственно номинативные (в узком смысле) значения, а признаковые-преимущественно сигнификативную (предикативную и атрибутивную) функцию и имеют сигнификативные значения.

Вместе с тем значения знаменательных слов различаются по своей логико-психологической природе: они могут быть конкретными и абстрактными, экспрессивными и предметно-понятийными (нейтральными). Конкретные значения включают наряду с категориальными также идеосинкретические компоненты (ср. слова типа *дом, сад, горький, кислый, сидеть, спать*), а абстрактные значения состоят только из категориальных компонентов (ср. слова типа *отношение, иринина, условие, находиться, присутствовать*). Экспрессивные значения отличаются от нейтральных тем, что они включают в свое содержание логически нечленимые (коннотативные) компоненты, т.е. такие компоненты, которые связаны с семантическими категориями языка (например, с категориями оценки, количества, качества) лишь в самом общем плане, но не соотносятся со строгими по объему и содержанию логическими понятиями (ср. слова типа *прикорнуть, примоститься, взгромоздиться швырнуть, буркнуть, величественный, цаца, мымра*).

Служебные слова, как правило, абстрактны по своему значению и нейтральны в экспрессивно-эмоциональном отношении (за исключением некоторых частиц). Лишенные номинативной функции, они выступают в роли «фиксаторов» специфических языковых значений, близких по своей природе к грамматическим.

Традиционному противопоставлению знаменательных и служебных слов в современной семиотике соответствует деление языковых знаков на десигнаторы и форматоры. «Языки обладают знаками двух типов: одни знаки являются десигнаторами (designators), а другие — форматорами (formators)... Десигнатор состоит из имеющего физическую природу означающего и означаемого-десигната; форматор из такого же показателя и имплицитного указания на операцию, такую, как отрицание, обобщение и т.п.». Следовательно, главным отличием форматоров от десигнаторов является наличие в их семантике указания на логическую операцию. К форматорам, или «логическим» знакам, У. Вейнрейх относит: 1) прагматические операторы, т.е. 'утверждение', 'вопрос', 'повеление', 'отношение к содержанию высказывания' (оценка) и подобные им значения; 2) дейктические знаки (личный дейксис, временной дейксис, пространственный дейксис, анафору, возвратность и др.); 3) логические операторы (отрицания, конъюнкции, дизъюнкции, импликации, эквивалентности); 4) кванторы (всеобщности, существования, исчисляемости — неисчисляемости, определенности — неопределенности и др.); 5) знаки, определяющие организацию выражений («чисто синтаксические» знаки): некоторые аспекты порядка слов, согласование, отдельные элементы склонения и спряжения и т.п. Специфической семантикой (семантическими значимостями), организующей содержание высказываний, обладают только первые четыре типа формантов; последний тип является лишь структурно значимым. Особое место среди первых четырех типов занимают дейктические знаки: в отличие от других форматоров им свойственна способность к референции, но их связь с референтом имеет иной характер, чем у десигнаторов (знаменательных слов). На этом различии основано противопоставление номинативных («характеризующих») и дейктических средств языка.

ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАТИВНЫХ И ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Значения номинативных единиц языка (и предметных и признаковых) прямо направлены на действительность: они являются непосредственными психическими коррелятами («идеальными денотатами»), умственными моделями предметов, явлений, их свойств, отношений, действий, состояний. Напротив, значения дейктических знаков всегда опосредованы структурой акта речи: дейктические знаки — это знаки (или части знаков), отсылающие к тому акту речи, в котором они используются. «В противоположность называющим словам, значение которых носит абсолютный характер в том смысле, что оно детерминировано строго закрепленной за знаком предметной и/или понятийной отнесенностью, знаки относительного указания, т.е. дейктические слова, выделяют и дифференцируют предметы, явления, лица относительно координат речевого акта: актуального момента речепроизводства (временной дейксис), участников коммуникативного акта (говорящего, слушающего), так называемый личный дейксис, местоположения лиц, предметов в конкретной ситуации не только относительно субъекта речи, но и относительно друг друга (пространственный дейксис)».

Основной набор дейктических знаков (микросистему средств субъективного указания) составляют местоимения {в широком их понимании). Но к ним относятся и некоторые другие разряды слов (близко, далеко, сейчас, только что, следовать, последующий, упомянутый и т.п.), образующие микросистему средств «объективного относительного указания».

У. Вейнрейх определяет дейктические знаки как имеющие референты, но не имеющие десигнатов. Это не совсем верно. Местоимения (а они являются типичными дейктическими знаками), считает Е.М. Вольф, «имеют свое собственное означаемое, причем построенное довольно сложным образом. Его можно представить в виде комбинации дифференциальных признаков, которые отражают разные аспекты функционирования местоимений и находятся в сложных соотношениях друг с другом. Некоторые из этих признаков отражают собственно местоименные характеристики и определяют особенности функционирования данной формы как дейктического средства (определенно/неопределенно-личность, лицо и др.), другие связаны с синтаксической ролью местоимений в именных и глагольных конструкциях (автономность/неавтономность, субъектность/объектность), третьи — с отношением местоимения к категориям замещаемого имени или соотносительного элемента текста (предметность/непредметность, род, одушевленность). Каждая местоименная форма включает общий для всех местоимений признак, который можно условно назвать признаком "прономинальности", и признак соответствующего местоименного подкласса, например: 'персональность' для личных местоимений или

'демонстративность'-для указательных, а также не менее одного из каждой подгруппы признаков — собственно местоименных, синтаксических и связанных с категориями замещаемых элементов» [64, 4].

Видимо, не все названные признаки можно признать компонентами языковых значений местоименных слов (некоторые являются лишь их формальными значимостями), но сам факт наличия значений у местоимений не подлежит сомнению (я 'указание говорящего на самого себя', *ты* 'указание на лицо, к которому обращается говорящий', *кто* 'вопрос о живом существе — человеке или животном', *что* 'вопрос о предмете или явлении, действии', *некто* 'неопределенное лицо', *нечто* 'неопределенный предмет или явление' и т.д.). С конкретным референтом местоимения соотносятся лишь в актах речи, причем референт может меняться от ситуации к ситуации (в связи с этим местоимения называют иногда шифтерами). В число обязательных компонентов таких ситуаций входят говорящий и его адресат, время и место речи, идентичность — неидентичность данного акта речи другому акту речи. Этот набор, по мнению Вейнрейха, представляет собой яркую языковую универсалию. На нем основаны две главные функции местоименных слов — собственно дейктическая и ана. форическая: первая «включает два элемента — дейктический знак и его референта», а вторая «относит данный акт речи к другому акту речи, у которого есть общий с ним референт, и строится на соотношении трех элементов — двух языковых обозначений, из которых по крайней мере одно представляет собой дейктический знак или включает дейктический показатель, и референта, к которому относятся оба эти обозначения»

Н.Д.Арутюнова Язык и мир человека. М., 1999. С. 1 – 5.

Часть 1. Логико-коммуникативная функция и значение слова.

1. Типы идентифицирующих и предикатных слов

Логико-коммуникативный подход к значению предполагает, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении. Если, отвлекаясь от отношений, предваряющих высказывание, т.е. от номинации и экзистенции, считать, что в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции – идентификация предметов, о которых идет речь, и предикация, вводящая сообщаемое, то можно ожидать, что значение слов приспосабливается к выполнению одного из этих двух заданий. Известно, что такая связь действительно существует: имена и местоимения специализируются на выполнении функции идентификации, а прилагательные и глаголы по типу своего значения (выражение признака) обычно берут на себя роль сообщаемого.

Различаясь по своей первичной синтаксической функции, эти классы слов различны и по своим общим семантическим характеристикам.

Среди идентифицирующих слов (или терм), позволяющих адресату речи выбрать нужную вещь из поля его непосредственного или опосредованного восприятия, обычно выделяются следующие семантические разновидности.

1) **Дейктические слова**, своего рода «подвижные определители» (shifters), приложимые к любому референту. Содержание этих слов всецело обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкретного речевого акта.

2) **Именасобственные**, обладающие свойством уникальной референции. Их наполнение также обусловлено признаками денотата, выбор которого, однако, независим от условий коммуникации (если отвлечься от возможности существования нескольких носителей одного имени). Собственные имена, подобно дейктическим словам, семантически ущербны. Сами по себе они не передают какой-либо объективной информации. (...) Собственное имя не характеризует объект, не сообщает о нем ничего истинного или ложного. Оно не переводится и не перифразируется. <...>

3) **Имен нарицательные**. Слова этого разряда обладают полной семантической структурой, складывающейся из некоторого понятия (коннотации, по Дж. Миллю, смысла, по Г. Фреге, сигнификата, десигната, концепта), образуемого общими признаками класса реалий, и конкретного, индивидуального содержания, создаваемого при их употреблении в речи свойствами денотата, или референта. Имена нарицательные приложимы к любому предмету, относительно которого истинно их значение. Последнее представляет собой стабильный элемент их семантической структуры, ее костяк, в то время как приобретаемое в речи денотативное содержание варьируется, дополняя понятийный «скелет» до индивидуальных и индивидуализируемых образов конкретных предметов. <...>

Денотативные возможности имен нарицательных обеспечиваются тем, что их значение описывает некоторые свойства предметов. <...>

Здесь нелишне напомнить, что все идентифицирующие слова образуют знаки-субституты, замещающие в процессе коммуникации предмет (или класс предметов), о котором делается сообщение. Это отражено и в самом термине *sub-jectum* 'под-лежащее', т. е. то, что лежит *под* (скрыто *под*) словом. Сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соотв. событию), а не к слову, его называющему. Отнесенность к действительности поэтому и принято считать основным свойством предикации. Выражаемое предложением суждение есть суждение о действительности, фиксирующее результаты ее познания человеком, а не о слове, ее обозначающем. Идентифицирующие слова должны быть, следовательно, наилучшим образом приспособлены к тому, чтобы называть.

Идентифицирующие слова являются своего рода сигналом, вызывающим у собеседников субъективные представления. Денотативные значения уместно сравнить с изображениями одной и той же модели, выполненными разными художниками. Варьирование образа допустимо в тех пределах, в которых оно не создает препятствий к отождествлению изображения с натурой. Возможные различия в восприятии конкретных реалий нисколько не мешают языковому общению: для «счастливого» исхода акта коммуникации нужно только, чтобы имя было правильно отнесено к референту. Эта цель в принципе достижима при помощи знаков, лишенных понятийного содержания. <...>

Среди предикатных знаков, или семантических предикатов, выделяются: 1) слова, обладающие только понятийным содержанием, сигнификатом, и сами по себе не приспособленные к денотации (прилагательные и глаголы) и 2) слова, в принципе наделенные полной семантической структурой, т. е. способные получать как сигнификативное, так и денотативное содержание (имена нарицательные).

Для предикатов, несущих функцию сообщения, важна прежде всего способность обозначать, т. е. иметь социально закрепленное значение, обеспечивающее взаимопонимание участников коммуникации. Выступая в роли предиката, слово не получает денотативного наполнения. Оно имеет значение, но лишено референции, т. е. не служит знаковым заместителем предмета. Предикатные слова относятся к категории знаков-понятий. Знаковая функция слова (означающего) реализуется в этом случае только по отношению к сигнификату.

Таким образом, в языке могут быть выделены *м о н о ф у н к ц и о н а л ь н ы е* знаки, осуществляющие либо только идентифицирующую (имена собственные, дейктические слова), либо только предикатную функцию (нереферентные слова), и *б и ф у н к ц и о н а л ь н ы е* знаки, способные играть любую из этих ролей. Семантика этих последних приспособлена и к тому, чтобы *н а з ы в а т ь*, и к тому, чтобы *о б о з н а ч а т ь*. <...>

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995. Т. 2.

С. 199-209.

ПЕРФОРМАТИВЫ В ГРАММАТИКЕ И В СЛОВАРЕ

1. Понятие перформативности и основные группы перформативов

Понятие перформативности в контексте других аналогичных понятий было введено Дж. Остином <...>. Ему же принадлежит и самое детальное исследование перформативности. Однако само это явление было замечено раньше, в работах Э. Кошмидера <...> и Э. Бенвениста <...>. Мысли Э. Кошмидера по поводу перформативности настолько современные и интересны, а с другой стороны, в отличие от мыслей Дж. Остина и Э. Бенвениста, настолько мало известны, что их стоит коротко воспроизвести в качестве введения к теме.

«Под коинцидентией (нынешней перформативностью. – Ю. А.), – писал Э. Кошмидер, – я подразумеваю совпадение слова и действия... в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие» <...>. Я пишу, разъясняет он дальше, есть сообщение об акте писания, а не самый акт писания. Между тем Я прошу – это самый акт просьбы, а не сообщение о нем. «Очевидно, что лицо, высказывающее ту или иную просьбу... вовсе не стремится представить действие просьбы в процессе его "протекания". Напротив, лицу этому важно только выполнить самый акт просьбы, и выполнить его одним произнесением слова, так что момент произнесения является моментом "наступления" просьбы, моментом реализации действия, выраженного глаголом».

Идея совпадения слова и действия присутствует и во всех позднейших определениях перформативности. Обычно глагол считается перформативным, если для него возможно такое употребление формы первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия. Ср.

Благодарю вас. Вы доставили нам настоящее наслаждение (Е. Шварц). Употребления, в которых такое совпадение не имеет места, называются дескриптивными, или констативными, т. е. просто описывающими действие. Ср. *Я работаю, как лошадь. Я бегаю, хлопочу, очаровываю, ходатайствую, требую, настаиваю* (Е. Шварц).

Приведенное определение не охватывает всех слов, способных к перформативному употреблению <...> Однако оно дает возможность выделить основные группы собственно перформативных глаголов, или канонических перформативов. Лексикографически и грамматически именно канонические перформативы представляют принципиальный интерес.

При их систематизации мы воспользуемся несколько расширенной номенклатурой иллокутивных актов. Эта номенклатура не совпадает с существующими классификациями перформативов <...>, но учитывает фигурирующий в них лексический материал.

(1) Специализированные сообщения и утверждения <...>, ср. ДОКЛАДЫВАТЬ, ДОНОСИТЬ, ЗАЯВЛЯТЬ, ИЗВЕЩАТЬ (но не РАССКАЗЫВАТЬ), НАПОМИНАТЬ, ОБЪЯВЛЯТЬ, ОТРИЦАТЬ, ПОДТВЕРЖДАТЬ, ПОДЧЕРКИВАТЬ, ПРОВОЗГЛАШАТЬ, СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ, УВЕДОМЛЯТЬ, УВЕРЯТЬ (но не УБЕЖДАТЬ), УДОСТОВЕРЯТЬ, УТВЕРЖДАТЬ, обычно с управляемыми формами ВИН и ЧТО; например: *Я подтверждаю свое приглашение; И вот я вам докладываю, что тот, кого именовали Иуда из города Кириафа, несколько часов тому назад зарезан* (М. Булгаков); *Поможет, уверяю тебя. Я это испытал на опыте* (Е. Шварц).

Способность к перформативному употреблению у этих глаголов коренится в их специализации, в том, что они обозначают не говорение вообще, а определенные виды говорения. Именно необходимость уточнить характер иллокутивного акта мотивирует появление эксплицитной перформативной приставки к высказыванию. Основной неспециализированный, т. е. родовой, глагол речи – ГОВОРИТЬ – не является перформативным <...>

(2) Признания, ср. ВИНИТЬСЯ, КАЯТЬСЯ (но не ИСПОВЕДОВАТЬСЯ), ПРИЗНАВАТЬСЯ, СОЗНАВАТЬСЯ (но не ОТКРЫВАТЬСЯ), например: *Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти* (П. А. Вяземский).

(3) Обещания <...>, ср. ГАРАНТИРОВАТЬ, ДАВАТЬ ОБЕТ, ДАВАТЬ ОБЕЩАНИЕ, ДАВАТЬ (ЧЕСТНОЕ) СЛОВО, ЗАВЕРЯТЬ, ЗАРЕКАТЬСЯ, КЛЯСТЬСЯ, ОБЕЩАТЬ (но не СУЛИТЬ), ОБЯЗЫВАТЬСЯ, ПРИСЯГАТЬ, например: *Обещаю <обязуюсь> помочь тебе во всем.*

(4) Просьбы, ср. ЗАКЛИНАТЬ, МОЛИТЬ, ПРОСИТЬ, УМОЛЯТЬ (но не УПРАШИВАТЬ), ХОДАТАЙСТВОВАТЬ. Ср. перформативное *Умоляю тебя подумать о детях* и чисто дескриптивное *Чем ты занят? – Да вот, упрашиваю его выступить у нас на семинаре* при неправомерности *"Упрашиваю тебя выступить у нас на семинаре"*.

В литературе о перформативах рядом с просьбами иногда упоминаются вопросы – просьбы об информации <...>. Заметим в этой связи, что русский глагол СПРАШИВАТЬ, как и глагол ГОВОРИТЬ, никогда не бывает чистым перформативом <...>

(5) Предложения и советы <...>, ср. ВЫЗЫВАТЬ (*Я вызываю тебя на бой, слышишь ты, дракон!* – Е. Шварц), ЗВАТЬ (*к себе*), ПРЕДЛАГАТЬ 1 (*пройтись*), ПРИГЛАШАТЬ, ПРИЗЫВАТЬ (*к порядку*); РЕКОМЕНДОВАТЬ 1, СОВЕТОВАТЬ (*Рекомендую <советую> еще несколько дней полежать в постели*), но не КОНСУЛЬТИРОВАТЬ.

(6) Предупреждения и предсказания, ср. ПРЕДОСТЕРЕГАТЬ, ПРЕДУПРЕЖДАТЬ; ПРЕДРЕКАТЬ, ПРЕДСКАЗЫВАТЬ, в меньшей мере ПРЕДВЕЩАТЬ, но не ПРОГНОЗИРОВАТЬ, ПРОРОЧИТЬ. Ср. *Предсказываю вам, что вас ждет неудача при сомнительности Пророчу вам неудачу.*

(7) Требования и приказы, ср. НАКАЗЫВАТЬ (*Наказываю тебе беречь себя*), НАСТАИВАТЬ (*Я настаиваю на открытом обсуждении вопроса*), ПОРУЧАТЬ (*Поручаю вам сопроводить груз до столицы*), ПРЕДЛАГАТЬ 2 (*Предлагаю вам немедленно явиться в комендатуру*), ПРИКАЗЫВАТЬ (но не КОМАНДОВАТЬ и РАСПОРЯЖАТЬСЯ), СТАВИТЬ УСЛОВИЕ, ТРЕБОВАТЬ (но не СПРАШИВАТЬ (*с кого-л.*)).

(8) Запреты и разрешения, ср. ВОСПРЕЩАТЬ (но не ВОЗБРАНЯТЬ), ЗАПРЕЩАТЬ (но не ЗАКАЗЫВАТЬ), НАКЛАДЫВАТЬ ВЕТО (но не ТАБУИРОВАТЬ); ДАВАТЬ ПРАВО, ПОЗВОЛЯТЬ (но не ДОПУСКАТЬ), РАЗРЕШАТЬ, САНКЦИОНИРОВАТЬ.

(9) Соглашения и возражения, ср. ПРИЗНАВАТЬ, СОГЛАШАТЬСЯ (также в форме СОГЛАСЕН); ВОЗРАЖАТЬ (но не ПЕРЕЧИТЬ, ПРЕКОСЛОВИТЬ, ПРЕРЕКАТЬСЯ, ПРОТИВОРЕЧИТЬ), ОСПАРИВАТЬ, ОТКАЗЫВАТЬСЯ (*делать что-л.*), ПРОТЕСТОВАТЬ, СПОРИТЬ (*что, в*

противоположность *спорить о чем*). Примеры: – *Послушайте, православные, – громко сказал Илья. – Соглашаюсь* (И. Бунин); *Хлебников подумал немного и потом просто сказал: – Ну что ж, я согласен* (А. Андреевский).

(10) Одобрения, ср. БЛАГОСЛОВЛЯТЬ (кого-л. на подвиг), ОДОБРЯТЬ, РЕКОМЕНДОВАТЬ 2 (Очень рекомендую вам Семенова – исключительно расторопный человек), УТВЕРЖДАТЬ (ср. «Утверждаю» на официальной бумаге), ХВАЛИТЬ (но не ВОСХВАЛЯТЬ, НАХВАЛИВАТЬ, ПРЕВОЗНОСИТЬ, РАСХВАЛИВАТЬ, СЛАВОСЛОВИТЬ, ХВАЛИТЬСЯ, ХВАСТАТЬСЯ).

(11) Осуждения, ср. ОБВИНЯТЬ (но не ПЕНЯТЬ, УПРЕКАТЬ), ОСУЖДАТЬ (но не КРИТИКОВАТЬ; <...>), ПОРИЦАТЬ (но не БРАНИТЬ, РУГАТЬ и ОСКОРБЛЯТЬ), ПРИГОВАРИВАТЬ, ПРОКЛИНАТЬ.

(12) Прощения, ср. ОПРАВДЫВАТЬ, ОТПУСКАТЬ (*грехи*), ПРОЩАТЬ (но не ИЗВИНЯТЬ, СНИМАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ).

(13) Речевые ритуалы <...>, ср. БЛАГОДАРИТЬ, ЖЕЛАТЬ УДАЧИ, ИЗВИНЯТЬСЯ, ПОЗДРАВЛЯТЬ, ПРИВЕТСТВОВАТЬ, ПРОЩАТЬСЯ, СОБОЛЕЗНОВАТЬ, например: *Поздравляю вас с праздником, ваше сиятельство, с благодатью господней* (И. Бунин).

(14) Социализированные акты передачи, отчуждения, отмены, отказа и т. п., ср. БРАТЬ НАЗАД СВОЕ СЛОВО, ВОЗВРАЩАТЬ (кому-л.) СЛОВО, ДАВАТЬ ОТВОД, ДЕЗАВУИРОВАТЬ, ДЕНОНСИРОВАТЬ, ДОВЕРЯТЬ (кому-л. представлять себя на переговорах), ЗАВЕЩАТЬ, КАПИТУЛИРОВАТЬ, ОТВЕРГАТЬ, ОТВОДИТЬ (*возражение адвоката*), ОТКАЗЫВАТЬСЯ (*от чего-л.*; ср. неперформативное ОТСТУПАТЬСЯ), ОСВОБОЖДАТЬ (кого-л. от слова), ОТЛУЧАТЬ (кого-л. от церкви), ОТРЕКАТЬСЯ (*от престола*), ПОДАВАТЬ В ОТСТАВКУ, ПОРУЧАТЬ (кому-л. своих детей), ПОСВЯЩАТЬ, СДАВАТЬСЯ, СНИМАТЬ (*свое предложение*), УПОЛНОМОЧИВАТЬ.

(15) Названия и назначения <...>, ср. НАЗНАЧАТЬ (*Назначаю вас своим представителем на переговорах*), НАЗЫВАТЬ, НАРЕКАТЬ, ОБЪЯВЛЯТЬ (*собрание закрытым*), ПОСВЯЩАТЬ (кого-л. в рыцари), ПРОВОЗГЛАШАТЬ (*Францию республикой*).

2. Языковые проявления перформативности

Займемся теперь основными морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, семантическими и прагматическими проявлениями перформативности. По-видимому, все они мотивируются немногими первичными свойствами перформативных высказываний (недлительностью, равносильностью действию, интенциональностью, уникальностью). В тех случаях, когда такая более глубокая семантическая мотивировка рассматриваемого проявления перформативности *не* вызывает сомнений, мы будем ее указывать.

Языковые проявления перформативности интересны потому, что показывают диапазон лингвистических правил, в которых необходима ссылка на это свойство.

2.1. Морфологические и словообразовательные проявления

(1) Как следует из приведенного в разделе 1 определения, перформативы в своей перформативной ипостаси имеют неполную словоизменительную парадигму. Правда, нельзя принимать это определение чересчур буквально и считать, что у перформативов есть только форма первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива. Некоторое (небольшое) число перформативных глаголов имеет еще несколько грамматических форм, но предсказать их наличие у конкретного глагола из общих соображений нельзя. Поэтому для каждого такого глагола допустимый в перформативной функции набор словоизменительных форм должен указываться непосредственно в словаре. Назовем эти формы <...>

а) Первое лицо единственного числа простого будущего времени активного залога индикатива; ср. *Попрошу ваши билеты; Пожелаю вам удачи; Покаюсь <признаюсь, сознаюсь>: это сделал я.*

б) Третье лицо настоящего времени активного залога индикатива в неопределенно-личных предложениях; ср. *Тебя прощают. Не будут больше подавать платок* (сцена прощения Фриды Маргаритой из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова); *Пассажиры просят пройти на посадку.*

в) Третье и второе лицо настоящего времени пассивного залога индикатива; ср. *Отпускаются тебе грехи твои, Пассажиры приглашаются на посадку, Настоящим вы утверждаетесь в должности директора.*

г) Третье лицо единственного числа настоящего времени активного залога индикатива; ср. *Местком ходатайствует о предоставлении Борисуville жилплощади <рекомендует предоставить Борисуville жилплощадь в первую очередь> (в устах председателя месткома на собрании).*

д) Сослагательное наклонение при глаголах типа ПРОСИТЬ, РЕКОМЕНДОВАТЬ, СОВЕТОВАТЬ; ср. *Я бы просил <попросил> вас не забывать о посторонних, Я бы не рекомендовал вам спорить с ним; Но я бы советовал тебе решить дело как можно скорее, – продолжал Облонский, доливая ему бокал* (Л. Н. Толстой).

е) Инфинитив в составе «вежливых» перформативных высказываний <...>, ср. *Позвольте <разрешите, должен, хочу> вас предупредить, Осмелюсь доложить, Смеею вас уверить; Честь имею покорнейше вас поздравить... с приездом до нас, в нашу тихую местность* (К. Паустовский). Впрочем, в составе таких высказываний возможен и неперформативный глагол, ср. *Не смею противоречить*.

В связи с последними примерами необходимо подчеркнуть, что перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом. Поэтому в отдельных случаях в составе таких формул перформативными становятся и другие глагольные формы и даже неглагольные лексемы. Ср. *Прости* как эквивалент *Прошу у тебя прощения*, *Шах* как эквивалент *Объявляю тебе шах*, *Честное слово* как эквивалент *Даю тебе честное слово*, *Спасибо* как эквивалент *Благодарю*, *С праздником* как эквивалент *Поздравляю вас с праздником*, *Идет <ладно, хорошо>*, как выражение согласия. Кстати сказать, все они возможны только в прямой речи, что лишний раз подчеркивает их перформативный статус.

(2) Поскольку перформативы несовместимы с актуально-длительным значением, от них не образуются делимитативы и пердуративы. Точнее говоря, когда у данного перформативного глагола такие производные есть, они не могут употребляться перформативно; ср. *Он поспорит с вами некоторое время, а потом согласится; Ты без толку поспоришь с ним полдня*.

2.2. Синтаксические проявления

(3) В перформативном употреблении могут существенным образом меняться особенности глагольного управления. Укажем две интересные модификации канонических моделей управления.

а) Если у перформативного глагола есть обязательная валентность адресата действия, она становится факультативной в перформативном употреблении; ср. *Прошу покинуть помещение; Вы мне очень помогли, благодарю*. В неперформативном употреблении валентность адресата у лексем ПРОСИТЬ и БЛАГОДАРИТЬ обязательна. Ср. неправомерность *'Что ты там делаешь? – Прошу покинуть помещение <благодарю>*. Это и естественно. Перформативное высказывание в большинстве случаев обращено к непосредственному собеседнику говорящего, который тем самым настолько однозначно определен, что нет необходимости называть его. Недаром высказывание утрачивает перформативность и превращается в чисто дескриптивное, если вместо непосредственного собеседника в позиции адресата появляется третье лицо; ср. *Я прошу его уйти*.

б) Если глагол может в принципе управлять двумя «изъяснительными» формами – придаточными предложениями с союзом *что* и предложноименной группой *о чем-л.*, то свою перформативную функцию он обычно реализует в первом случае. Управляя формой *о чем-л.*, он легче интерпретируется как чисто дескриптивный; ср. *Я заявляю вам <предупреждаю вас> об этом, исходя из ваших же интересов*. Любопытно, что различие в управлении *что VS о чем-л.* и в других случаях сопровождается небольшим, но принципиальным сдвигом в семантике глагола; ср., например, <...> различие между статичным *думать, что P* и динамичным *думать о P*.

2.3. Семантические проявления

(4) Вследствие особенностей видо-временного значения перформативов они гораздо менее свободно сочетаются с различными обстоятельствами времени, чем те же глаголы в дескриптивном употреблении.

а) Поскольку у них нет актуально-длительного значения НЕСОВ, они не сочетаются с обстоятельствами длительности (ДОЛГО, НЕДОЛГО, ВСЕ ЕЩЕ, ЦЕЛЫЙ ЧАС, С ТЕХ ПОР), обстоятельствами градуальности (МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО) и союзами со значением одновременности (КОГДА, ПОКА). Высказывания типа *Все уже успели позавтракать, пока я прошу тебя встать* могут быть осмыслены только как дескриптивные.

б) Хотя перформативы всегда результативны, или перфективны по смыслу, они отличаются от форм СОВ тем, что не сочетаются с обстоятельствами точности типа В ЭТОТ МОМЕНТ, НЕМЕДЛЕННО, СЕЙЧАС ЖЕ, СРАЗУ ЖЕ, ТОТЧАС ЖЕ, ТУТ ЖЕ. Ср. невозможность недескриптивного понимания высказываний типа *Я сразу же <тут же, немедленно> обещаю <предлагаю> купить вам шляпу* (конечно, при условии, что областью действия обстоятельства является перформативный глагол, а не инфинитив).

в) Перформативы не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени. Высказывания типа *За три минуты я прощаюсь со всеми и ухожу* понимаются, конечно, как чисто дескриптивные. Этим, в частности, перформативы отличаются от форм СОВ.

(5) Хотя перформативное высказывание обладает свойством уникальности, т. е. «может быть осуществлено только в конкретных обстоятельствах, один и только один раз, в определенное время и в определенном месте» <...>, оно не может быть модифицировано такими дейктическими указаниями времени и места, как СЕЙЧАС и ЗДЕСЬ. Если высказывание *Сейчас я прошу тебя уйти* понимается как перформативное, то происходит это только за счет того, что областью действия СЕЙЧАС становится глагол УЙТИ: 'Я прошу тебя, чтобы ты ушел сейчас'. Если этого не происходит, то оно допускает только дескриптивное осмысление, например: 'сейчас прошу, а потом могу и потребовать'. Ср. также *Здесь и сейчас я только отстаиваю и утверждаю абсолютные, непререкаемые права естественнонаучной мысли всюду и до тех пор, где и куда она может проявлять свою мощь* (И. П. Павлов).

(6) Перформативы являются интенциональными предикатами по преимуществу. Перформативное высказывание не является описанием действия, хотя и равносильно выполнению действия. Поэтому перформативы не сочетаются с теми обстоятельствами, основной функцией которых является характеристика действий. Назовем наиболее интересные ограничения такого рода.

а) Перформативы не сочетаются с обстоятельствами, обозначающими способ выполнения действия: ВЕСЕЛО, КИСЛО, КРАТКО, НЕБРЕЖНО, ОСТОРОЖНО, С ЭНТУЗИАЗМОМ, ТЩАТЕЛЬНО, УМЕЛО, ХОЛОДНО, ЭНЕРГИЧНО и т. п. Так, в приводимом ниже высказывании В. Хлебникова обстоятельство *в краткой форме* полностью разрушает перформативность глагола УТВЕРЖДАТЬ: *В этой строчке в самой краткой форме я утверждаю свою убежденность в пульсации всех отделенностей мироздания и их сообществ* (А. Андриевский). Это высказывание допускает только дескриптивное осмысление. В состав перформативной формулы могут входить лишь такие модификаторы со значением способа, которые обозначают конвенциализованные (официальные, ритуальные, этикетные) разновидности иллокутивных актов. Примеры: *Я торжественно клянусь <перед лицом своих товарищей обещаю, заклинаю тебя всеми святыми, официально вас предупреждаю>; На сей грамоте клянуся моему брату Магмет Гирею дружить его друзьям, враждовать неприятелям... даю слово вместе с ним объявить ей (Астрахани) войну* (Н. М. Карамзин).

б) Перформативы не сочетаются с оценочными обстоятельствами типа ХОРОШО, ПЛОХО и т. п. Высказывания типа *Я плохо благодарю вас <прощаюсь с вами>* либо неправильны, либо понимаются дескриптивно.

в) Перформативы не сочетаются с обстоятельствами цели. Если при перформативном глаголе есть обстоятельство цели, относящееся к нему и по смыслу (т. е. семантически подчиняющее его), то соответствующее высказывание может быть понято только дескриптивно. Ср. *Я прошу вас об этом с другой целью; Я настаиваю на этом, чтобы пресечь кривотолки*. Если перформативный глагол семантически не зависит от обстоятельства цели, восстанавливается возможность перформативного осмысления высказывания. Таково осмысление высказывания *Я настаиваю на 'открытом обсуждении вопроса, чтобы пресечь кривотолки, с фразовым ударением на открытом*. Здесь от предиката 'цель' зависит не 'настояние', а 'гласность обсуждения'.

<...> Заметим, что перформативы могут быть семантически подчинены весьма ограниченному кругу предикатов. Е. В. Падучева относит к их числу основные модальные слова и союзы со значением причины, условия, уступки и следствия: *Должен вам сообщить, что поезд уже ушел; Поскольку разговор долгий, прошу вас сесть; Если это вас же устраивает, прошу сказать прямо; Я устал, так что прошу вас пойти без меня*. Прибавим к ним еще предикаты счетности, степени и т. п. Ср. *Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти* (Л. Н. Толстой); *Я вас очень прошу не кричать на меня* (Е. Шварц); ср. также *Убедительно тебя прошу <серьезно вас предупреждаю, категорически требую, полностью признаю, искренне благодарю>*.

(7) Перформативы, как мы уже сказали, всегда 'результативны', т. е. сближаются по смыслу с основным значением СОВ. Этому способствует присущее им свойство уникальности, или однократности. Поэтому сочинительные цепочки перформативов обычно обозначают последовательные, а не одновременные действия; ср. *Благодарю вас за внимание и прошу принять от меня этот скучный подарок, Извиняюсь и обещаю больше так не поступать*. Ср., Однако, следующий пример: *Умираю, прошу, умоляю приехать*. (Л. Н. Толстой). Здесь второй перформатив обозначает не отдельный, более поздний акт, а дублирование того же акта в более интенсивной форме.

(8) Будучи интенциональными предикатами по преимуществу, перформативы не сочетаются с экстенциональными предикатами, т. е. обозначениями физических действий типа БРАТЬ, ПЛАКАТЬ, СМОТРЕТЬ и т. п. Нельзя сказать *'Я обещаю исправиться и плачу, хотя можно Она обещает исправиться и плачет*. В этом отношении перформативное значение сближается с «фактообразующим», как оно описано Н. Д. Арутюновой <...>

(9) Перформативы избирательно сочетаются с некоторыми разрядами вводных слов. Так, по наблюдениям А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой <...>, вводные слова КОНЕЧНО, РАЗУМЕЕТСЯ и ряд других совместимы с эксплицитным перформативным контекстом: *Разумеется, я требую от вас послушания; Конечно, я советую вам отказаться от своего намерения*. Другие вводные слова, тоже выражающие оценку сообщаемого с точки зрения достоверности, таким свойством не обладают. Таковы наречия ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО; ср. *Вероятно <несомненно>, я требую от вас послушания; Очевидно, я советую вам отказаться от своего намерения*.

Эти наблюдения должны быть уточнены в двух отношениях.

Во-первых, наречия ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО не сочетаются не только с перформативами, но и с другими предикатами в форме первого лица единственного числа настоящего времени индикатива; ср. неправильность или сомнительность *'Я, вероятно, считаю <думаю>, что дело обстоит не так просто; Я, очевидно, пишу статью <работаю, отдыхаю>*. Таким образом, их несовместимость с перформативным контекстом является следствием более общего свойства – несочетаемости с предикатами, характеризующими говорящего в момент высказывания. В свою очередь, эта несочетаемость объясняется тем, что ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО являются средствами объективной оценки достоверности сообщения. Чтобы использовать их по назначению, необходимо иметь возможность взглянуть на ситуацию со стороны. Между тем говорящий в момент речи не может смотреть на себя со стороны. Такая возможность возникает, когда ситуация с его участием отодвинута от момента речи в прошлое или будущее или когда говорящий цитирует чужие суждения или высказывания о ней. Ср. *Я, вероятно, считал <думал>, что дело обстоит не так просто; Я, несомненно, буду отдыхать; Он решил, что я, очевидно, работаю*. Эти примеры показывают, что сочетаемость наречий ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО регулируется весьма общим правилом (толкованием), не требующим никаких ссылок на понятие перформативности.

Во-вторых, наречия КОНЕЧНО и РАЗУМЕЕТСЯ не всегда совместимы с перформативностью. Перформативное осмысление приведенных выше предложений с этими наречиями возможно в том случае, когда они произносятся с нисходяще-восходящим акцентом (точнее, падением на ударном слоге и подъемом на безударном). Если же они произносятся с восходяще-нисходящим акцентом (точнее, подъемом и падением на ударном слоге), то перформативное осмысление оказывается недопустимым.

Высказывания типа *Разумеется <конечно>, я требую от вас послушания* воспринимаются как подтверждение, эмфатическое повторение того, что уже было однажды сказано, и тем самым не являются перформативными.

(10) Перформативы ведут себя идиосинкретично под отрицанием. Не входя в детали весьма сложного вопроса о перформативном отрицании <...>, обратим внимание на следующие факты.

а) Значительная группа перформативов утрачивает под отрицанием перформативную функцию. Ср. высказывания *Я не заверяю вас, что заказ будет исполнен в срок; Я не называю эту вершину «Бригантина» (только потому, что одна вершина с таким названием уже есть); Я не клянусь: ведь вы знаете, что мы никогда друг другу не солгали бы (А. Куприн); Я не хвалю моих земляков и не порицаю их, а только говорю вам, что они себя отстоят, – и умом ли, глупостью ли, в обиду не дадутся (Н. С. Лесков)*.

б) Имеется небольшое число перформативов, которые сохраняют под отрицанием свое обычное лексическое значение и при этом не утрачивают перформативности. Это в основном такие перформативы, которые в сочетании с отрицательной частицей НЕ близки по смыслу к другим эксплицитным перформативам <...>; ср. *не запрещать* = 'разрешать', *не разрешать* = 'запрещать', *не советовать* = 'возражать', *не требовать* = 'просить' (в ряде случаев). Примеры: *Я не разрешаю тебе выходить без шапки; Во всяком случае, советую решить вопрос скорее. Нынче не советую говорить... Поезжай завтра утром, классически, делать предложение...* (Л. Н. Толстой).

в) Во многих случаях сочетание НЕ с перформативом обрастает семантическими нюансами, не выводимыми непосредственно из значений составляющих его слов. Оно лексикализуется, превращаясь, по существу, в новый перформативный глагол. Ср. НЕ ОБЕЩАТЬ, НЕ СПОРИТЬ, НЕ ОДОБРЯТЬ, НЕ ОТКАЗЫВАТЬСЯ и т. п. Действительно, *Я не обещаю сдать статью завтра* не значит 'Неверно, что я

обещаю сдать статью завтра'. В первом приближении эту фразу можно истолковать следующим образом: 'Я сообщаю, что считаю маловероятным, что сдам статью завтра, хотя понимаю, что от меня этого ждут'. Ср. также *Я не спорю, что P* = 'Я согласен с вами, что P; я имею в виду не P, а другие факты (возможно, связанные с P), которые я оцениваю иначе, чем вы'. Ср. *Я не спорю – в этих проектах много романтики. Но осуществите ее – и она превратится в реальность* (К. Паустовский). В рассмотренных здесь случаях семантические модификации значений перформативных глаголов, возникающие в отрицательном контексте, меняются от глагола к глаголу и должны описываться индивидуально для каждого из них.

В контексте проблемы перформативного отрицания полезно упомянуть, в особенности под лексикографическим углом зрения, и тот факт, что некоторые неперформативные глаголы смещаются в сторону перформативности под отрицанием; ср. *Я не жалею, А я и не перечу, Я не шучу* в значении 'Я говорю серьезно'.

2.4. Прагматические проявления

(11) В тех достаточно редких случаях, когда перформативы употребляются в формах будущего времени или сослагательного наклонения, они не имеют никаких собственных значений этих форм. Ср. семантические (видо-временные и модальные) различия между *Он просит VS не просит VS просил бы VS не просил бы вас выйти* и их полную нивелировку в перформативных высказываниях *Я прошу <не прошу, просил бы, не просил бы> вас выйти*. Различия между этими перформативными высказываниями лежат не в области семантики вида, времени или наклонения, а в области прагматики и сводятся к различиям в степени вежливости: сослагательное наклонение – самая вежливая форма просьбы, а совершенный вид – самая жесткая.

(12) Перформативные высказывания, как писал еще Дж. Остин <...>, не обладают семантическим (или логическим) свойством истинности – ложности'. Его аналогом у перформативов является прагматическое свойство удачности (уместности) или неудачности (неуместности). Дж. Остин объяснял это тем, что человек, произносящий перформативное высказывание, «скорее выполняет определенное действие, чем просто что-то говорит», а действия, разумеется, не могут быть ни истинными, ни ложными. В самом деле, высказывание типа *Посвящая вас в рыцари нельзя* подтвердить или опровергнуть. Однако оно может быть уместным (если говорящий облечен нужными полномочиями и произносит эту формулу с соблюдением правил соответствующего ритуала) или неуместным (если говорящий не облечен нужными полномочиями, или нарушает ритуал, или выполняет его не целиком, так что посвящение в рыцари не может состояться). <...>

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и А. М. Журинской. М., 1990. С. 387–390.

I

Мир понятий, окружающий нас

Для большинства людей метафора — это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка — то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Именно поэтому большинство людей полагает, что они превосходно могут обойтись в жизни и без метафор. В противоположность этой расхожей точке зрения мы утверждаем, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути.

Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также нашей повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные ее детали. Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой.

Однако понятийная система отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. Один из способов их выявления

состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественноречевое общение базируется на той же понятийной системе, которую мы используем в мышлении и деятельности, язык выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет.

Наш вывод о том, что наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути, опирается на лингвистические данные. Благодаря языку, мы получили также доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление в наши действия.

Для того чтобы дать читателю наглядное представление о том, что такое метафорическое понятие и как оно упорядочивает повседневную деятельность человека, мы рассмотрим понятие ARGUMENT 'СПОР' и понятийную метафору ARGUMENT IS WAR 'СПОР—ЭТО ВОЙНА'. Эта метафора представлена в многочисленных и разнообразных выражениях обыденного языка:

ARGUMENT IS WAR 'СПОР ЕСТЬ ВОЙНА'

Your claims are *indefensible*

'Ваши утверждения не выдерживают критики (букв. *незащищаемы*)'.

He *attacked every weak points* in my argument

'Он *напал на каждое слабое место* в моей аргументации'.

His criticism were *right out target*

'Его критические замечания *били* точно в цель'.

I *demolished* his argument

'Я *разбил* его аргументацию'.

I've never *won* an argument with him

'Я никогда не *побеждал* в споре с ним'.

You disagree? Okay, *shoot!*

'Вы не согласны? Отлично, ваш *выстрел!*'

If you use that *strategy*, he'll *wipe you out*

'Если вы будете следовать этой *стратегии*, он вас *уничтожит*'.

He *shot down* all of my arguments

'Он *разбил* (букв. *расстрелял*) все мои доводы'.

Крайне важно иметь в виду, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны. Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Мы захватываем территорию, продвигаясь вперед, или теряем территорию, отступая. Мы планируем наши действия и используем определенную стратегию. Убедившись в том, что позиция незащитима, мы можем ее оставить и принять новый план наступления. Многое из того, что мы реально делаем в спорах, частично осмысливается в понятийных терминах войны. В споре нет физического сражения, зато происходит словесная битва, и это отражается в структуре спора: атака, защита, контратака и т. п. Именно в этом смысле метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА принадлежит к числу тех метафор, которыми мы «живем» в нашей культуре: она упорядочивает те действия, которые мы совершаем в споре.

Постараемся вообразить другую культуру, в которой споры не трактуются в терминах войны, в споре никто не выигрывает и не проигрывает, никто не говорит о наступлении или защите, о захвате или утрате территорий. Пусть в этой воображаемой культуре спор трактуется как танец, партнеры — как исполнители, а цель состоит в гармоничном и красивом исполнении танца. В такой культуре люди будут рассматривать споры иначе, вести их иначе и говорить о них иначе. Мы же, по-видимому, соответствующие действия представителей этой культуры вообще не будем считать спорами: на наш взгляд, они будут делать нечто совсем другое. Нам покажется даже странным называть их «танцевальные» движения спором. Возможно, наиболее беспристрастно описать различие между данной воображаемой и нашей культурами можно так: в нашей культуре некая форма речевого общения трактуется в терминах сражения, а в той другой культуре — в терминах танца.

Разобранный пример показывает, каким образом метафорическое понятие, а именно метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА, упорядочивает (по крайней мере частично) наши действия и способствует их осмыслению в ходе спора. *Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода.* Дело вовсе не в том, что спор есть разновидность войны. Споры и войны представляют собой явление разного порядка — словесный обмен репликами и вооруженный конфликт, и в каждом случае выполняются действия разного порядка. Дело в том, что СПОР частично упорядочивается, понимается, осуществляется как война, и о нем говорят в терминах войны. Тем самым

понятие упорядочивается метафорически, соответствующая деятельность упорядочивается метафорически, и, следовательно, язык также упорядочивается метафорически.

Более того, речь идет об обыденном способе ведения спора и его выражения в языке. Для нас совершенно нормально обозначать критику в споре как атаку: *attack a position* 'атаковать позицию'. В основе того, что и как мы говорим о спорах, лежит метафора, которую мы едва ли осознаем. Эта метафора проявляется не только в том, как мы говорим о споре, но и в том, как мы его понимаем. Язык спора не является ни поэтическим, ни фантастическим, ни риторическим: это язык буквальных смыслов. Мы говорим о спорах так, а не иначе потому, что именно таково наше понятие спора, и мы действуем в соответствии с нашим осмыслением соответствующих явлений.

Наиболее важный вывод из всего сказанного выше состоит в том, что метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеем мы в виду» когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах типа СПОР — ЭТО ВОЙНА, соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты).

<...>

Скляревская Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания. // Вопросы языкознания. 1987. № 2.

Как только метафора была осознана, вычленена из ряда других языковых явлений и описана, сразу возник вопрос об ее двоякой сущности: быть средством языка и поэтической фигурой. «Подобно тому как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения», — читаем у Цицерона. Из этого высказывания видно, что именно языковая метафора первоэданна и первична, однако в дальнейшем ученые пошли по пути исследования «украшений» и «знаков отличия» — вслед за Аристотелем, разработавшим поэтическую теорию метафоры, — и так вплоть до XX в., когда метафора впервые была выведена из области поэтики и описана уже не как фигура художественной речи, а как феномен языка.

Сейчас никем не оспаривается существование двух типов метафор — поэтической и языковой; первая является объектом поэтики и одной из ее основных эстетических категорий, вторая исследуется в лингвистике и понимается как комплексная проблема, имеющая отношение к разным специальностям: лексикологии, семасиологии, теории номинации, психолингвистике, лингвистической стилистике.

Различия между языковой и художественной метафорой могут быть сведены к следующему. Семантические различия в том, что языковая метафора отражает очевидный признак (*кисель* — липкая грязь) или выражает «ходячие коннотации» [Ш. Балли] (*осел* — упрямый человек). В художественной метафоре происходит сближение самых отдаленных сущностей, устанавливается нетривиальное подобие (так как из бесчисленных связей между элементами реальной действительности избираются самые неявные), что придает такой метафоре алогичный характер и создает впечатление семантической аномалии [*Глупая вобла воображения* (Маяковский); *Стекло стрекоз сновало по щекам* (Пастернак); *Приливы и отливы рук* (Мандельштам)]. Различия в номинативном аспекте таковы: языковая метафора воспроизводима, в то время как художественная представляет собой единичный акт наименования. Это в свою очередь обуславливает их функциональные различия: языковая метафора выполняет коммуникативную функцию, художественная — эстетическую. Таковы различия языковой и художественной метафоры в разных аспектах.

В последние десятилетия языковая метафора всесторонне исследуется лингвистами. В отечественном языкознании, кроме известных фундаментальных работ Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, В. И. Королькова, В. Н. Телии, Д. Н. Шмелева, лингвистическую теорию метафоры в совокупности составляют материалы многочисленных статей, посвященных частным проблемам: месту метафоры в семантической структуре слова, соотношению денотативного и коннотативного компонентов в метафорическом значении, синтаксическим позициям, сочетаемости, функционально-стилистическим и экспрессивным

особенностям и т. д. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях обращает на себя внимание взгляд

на метафору как на нестандартное языковое явление, противостоящее стереотипности и не подчиняющееся логике. Еще Ш. Балли считал, что метафорические сближения «обычно основываются на смутных аналогиях, порой совершенно нелогичных». Н. Д. Арутюнова также характеризует языковую метафору как «постоянный рассадник алогичного в языке». Х. Касарес, описывая фигуральные выражения в словаре, отметил непредсказуемый и нелогичный характер метафорического переноса: по-испански высокого художника называют «вермишель». «Почему не проволока?» — недоумевает Х. Касарес и не находит ответа на этот, как и на другие подобные вопросы. <...>

«Нелогичность» метафоры особенно отчетливо обнаруживается при сравнении с метонимией, регулярность которой такова, что дает основания безошибочно предугадывать, предвидеть развитие семантики в определенном направлении. Так, регулярный метонимический перенос «помещение — люди, находящиеся в этом помещении» (*Вся школа вышла на субботник; Зал встает* и т. п.) можно моделировать применительно практически к любому слову, обозначающему некое вместилище, в котором могут (или могли бы) находиться люди: *вагон, магазин, салон* (самолета) и т. п., — настолько очевидна и постоянна близость («смежность») реалий, объединенных в метонимическую пару.

Метафора имеет другую природу. Врожденное чувство аналогии заставляет человека отыскивать сходство между самыми отдаленными сущностями: не только между предметами чувственно воспринимаемого мира, но и между конкретными предметами и отвлеченными понятиями. При этом нам действительно не удастся обнаружить закономерностей в процессе образования каждой конкретной метафоры. В самом деле, почему русское коллективное языковое сознание избирает для обозначения и характеристики высокого художника такую реалию, как *жердь* (ср. польск. *dyl* 'половица', исп. *fideo* 'вермишель')? И почему такие общеизвестные свойства лошади, как физическое совершенство и способность к стремительному бегу не трансформировались в коннотацию, формирующую переносное значение, а, наоборот, коллективным языковым сознанием были объективированы совсем другие признаки: «неповоротливый», «неуклюжий»? Вероятно, объективные причины выбора того или иного признака все же есть — иначе как объяснить способность метафоры выражать «устойчивое подобие», одинаково воспринимаемое всеми членами языкового коллектива (Н. Д. Арутюнова), — но эти причины не лежат на поверхности, а скрыты в сути вещей.

Итак, очевидно, что источник метафоризации часто непредсказуем, а мир ассоциаций, формирующих семантическое переосмысление, практически беспределен, поэтому не удивительно, что совокупность языковых метафор на первый взгляд представляется беспорядочным хаосом, не поддающимся систематизации.

Тем не менее языковая метафора широко представлена в толковых словарях: едва ли не каждое многозначное слово содержит переносные значения и оттенки (известно, что по лексикографической традиции помета «*перен.*» ставится не при всех видах переносов, а только при метафорических). Следовательно, будучи описана в словаре, языковая метафора эмпирически уже систематизирована и классифицирована — ведь словарь не может оставить за пределами систематизации ни одного своего элемента. Как же разрешается противоречие между систематизирующей функцией словаря и сущностью метафоры, казалось бы, противостоящей стереотипности?

Это противоречие снимается, если при анализе отчетливо разграничивать динамику и статику языковой метафоры. Под динамикой понимается сам процесс метафорического переосмысления, проявляющийся в выборе того, а не иного признака (или комплекса признаков) как символа переноса. Говоря о статике, мы имеем в виду уже сформировавшуюся и функционирующую в языке метафору. Идея такого разграничения, известная в лингвистических работах и отчетливо сформулированная В. Н. Телией, представляется чрезвычайно продуктивной для дальнейших исследований: разграничив динамику языковой метафоры (процесс ее образования) и статику («готовое» семантическое образование), а также определив отнесенность каждого из этих явлений к той или иной сфере исследования (динамику исследует лексическая номинация, а «готовое» значение — семасиология), мы тем самым разделим в языковой метафоре «нелогичное», непредсказуемое и не всегда объяснимое, с одной стороны, и «логичное», стандартное и потому поддающееся систематизации, с другой. Первое всецело относится к динамике образования метафоры, второе — к «готовой» метафоре. В «готовой» метафоре легко обнаруживаются «предметно-логические связи, отражающие языковой опыт говорящих». Именно «готовая» метафора — объект описания словаря. <...>

В исследованиях, посвященных метафоризации значений, обычно используются самые общие схемы переносов: живое → неживое; живое → живое; неживое → живое; конкретное → абстрактное. Кроме того, были описаны некоторые общие закономерности: физическая лексика служит для характеристики психических состояний человека, атрибут предмета преобразуется в атрибут абстрактного понятия и т. п.

Наша задача — обнаружить и описать все возможные типы и направления переносов в языке в их взаимной связи и зависимости. Для этого были использованы материалы Словаря русского литературного языка (в 17-ти томах) с привлечением данных других словарей. Рассмотрены метафорические существительные.

Ассоциативный признак, служащий основанием метафоризации (а в некоторых случаях это может быть совокупность признаков, создающих единое впечатление), мы называем *символом переноса*. Этот рабочий термин удобен потому, что связывает субъект и объект метафоры и представляет их в единстве. Ведь признак, который в семантической структуре исходного слова является коннотативным, существует в виде «потенциальной семы» [В. Г. Гак], в метафорическом слове выдвигается на передний план и становится ведущей, дифференциальной семой. Таким образом, символ переноса — это коннотативный признак исходного слова, преобразованный в процессе метафоризации в определяющий признак метафоры.

В ходе анализа было выделено шесть глобальных семантических сфер (представляющих как область вещественных существей, так и область абстракций), в пределах которых и совершаются метафорические переносы.

I. Объекты реальной действительности: 1) совокупность неодушевленных предметов; 2) мир животных; 3) человек во всех аспектах своей сущности и существования.

II. Абстрактные понятия: 4) физические явления и процессы; 5) психические явления и процессы; 6) отвлеченные категории.

Оказалось, что метафорический перенос в языке подчинен достаточно жесткой закономерности и осуществляется в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой. Самый элементарный случай метафоризации — перенесение наименования с одного предмета на другой, когда символ переноса, отражая эмпирический, чувственный признак, обозначающий форму, размер, цвет, консистенцию и т. п., формирует перенос типа *предмет → предмет*. *Каша* → полужидкая масса (*снежная каша, бетонная каша*). *Кисель* → вязкая полужидкая масса (*кисель дороги; колеса увязли в киселе*). *Конура* → тесная, неудобная комната (*поселиться в тесной конуре*). *Корыто* → судно, лодка, непригодная для плавания (*утонешь на этом корыте*). *Крошка* → предмет маленького размера (*деталь-крошка*).

Близок к этому типу переноса (хотя и не так продуктивен) другой тип: человек → человек. Признак лица, наделенного какими-либо особенностями, переносится на другое лицо, характеризуя его. *Актер* → притворщик [*Ты всегда был немножко актер* (Гончаров)]. *Барин* → тот, кто уклоняется от труда, перекладывая свою работу на других [*Батманов... уж очень был параден... — Наверно, позер и барин, — невесело подумал Алексей* (Ажаев)]. *Идиот* → ограниченный, тупой человек [*Через все его [Блока] пьесы — от «Балаганчика» до «Розы и креста» — проносятся целые стада идиотов, которые блеют тошнотворные слова* (Чуковский)]. *Иезуит* → лицемер [Чеглов: *Ты иезуит: показывая при людях к ней [жене] ласковость и доброту, ты мучил ее ревностью* (Писемский)]. *Именинник* → герой дня [*Началось испытание. Оно заняло всего несколько минут, полностью подтвердив предложения Бориса Зиновьевича. Все трое почувствовали себя именинниками* (Гранин)]. *Клоун* (*актер, паяц, фигляр, шут*) → тот, кто кривляется, ломается с целью вызвать смех [*Клоун, паяц, грошовый актер, — сказал он, вслух... Да что это? Из меня прет какое-то паясничание* (Бондарев)]. *Коновал* → невежественный врач [*Человек, лечившийся в столице даже у очень дурного врача, считает, что на периферии к его услугам одни коновалы* (Павленко)]. *Королева* → женщина, выделяющаяся своей красотой [*Вот это так подобрал [жену]. Это же королева!* (Егоров)].

Эмпирические признаки, как мы видим, утрачивают свое значение, и на передний план выдвигаются рациональные — обусловленные социальным положением лица (*королева*), профессией (*артист, клоун*) или ситуацией (*именинник*). В названных группах переосмысление происходит в пределах одной категории денотатов — неодушевленных предметов в первом случае и людей — во втором. Символ переноса совершает самый короткий путь — один шаг от исходной реалии до «именуемой».

В следующей группе субъект и объект метафоры также достаточно близки, хотя и относятся к разным семантическим разрядам: признак животного характеризует человека. Тип метафоры *животное → человек* играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, обычно такие на-

именования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской (исключения единичны: *голубь*, *орел*, *лев* и др.). *Баран* → «бестолковый»; *бирюк* → «угрюмый, нелюдимый»; *ериш* → «задира»; *жук* → «ловкий, плутоватый»; *змея* → «коварный, хитрый, злой»; *индюк* → «глупый, заносчивый, надменный»; *ишак* → «упрямый или глупый»; *кабан* → «грузный, толстый»; *клуша* → «неуклюжая, неповоротливая или неряшливо одетая»; *лиса* → «хитрый»; *медведь* → «неловкий, неповоротливый, неуклюжий»; *петух* → «задира, забияка, драчун»; *рыба* → «бесчувственный, холодный»; *червяк* → «ничтожный, презренный»; *щенок* → «молодой, неопытный» и т. д. Животный мир дает очень большое число коннотаций, при этом метафорическая характеристика может быть не только одноплановой, когда в метафоре реализуется один признак (*лиса* → «хитрый»), но и разноплановой, когда символ переноса содержит несколько признаков (*индюк* — «глупый + заносчивый + надменный»), а в отдельных случаях в процессе метафоризации участвует целый набор символов переноса, создавая дифференцированные характеристики: *свинья* 1) «неопрятный»; 2) «низменный»; 3) «невежественный»; 4) «непорядочный»; 5) «неблагодарный». При этом даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть широкий диапазон «зооморфных» характеристик: это может быть подобие внешнего вида (*клуша*), характера поведения (*петух*), свойств личности (*индюк*) и т. п.

На дальнейшем пути абстрагирования символ переноса окончательно «отрывается» от исходной реалии и «прикрепляется» к реалии другой. семантической категории — признак неодушевленного предмета используется для оценки физического, психического или нравственного качества человека. Происходит процесс, противоположный олицетворению, когда физические качества неживой природы приписываются не только внешности (как следовало бы ожидать), но и духовному миру человека. Так формируется перенос типа предмет → человек. Случаи чисто внешней характеристики сравнительно редки: *каланча* → человек высокого роста [*В доме восемь дробь один У заставы Ильича Жил высокий гражданин По прозванию «Каланча»* (Михалков)]. Обычно даже тогда, когда символ переноса отражает внешнее сходство, намечается тенденция к психологической характеристике. *Квашня* → неповоротливый, медлительный человек [*Пять минут сбегать, а ты полчаса ползешь! Квашня!* (Вересаев)]. *Колода* → неповоротливый, неуклюжий человек [*А сам думает на Костылина: «И черт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел* (Л. Толстой)]. *Кряж* → крепкий, коренастый, здоровый человек [*Ешь, Фомушка, ешь! Вишь, какой кряж вырос! Есть куда хлеб-соль класть* (Салтыков-Щедрин)]. Значительно чаще признак предмета используется для характеристики психического или нравственного качества человека: *кремень* → человек сильной воли, твердого характера (*Он далеко пойдет с такой волей. — Действительно, парень — кремень* (Саянов)]. *Кувалда* → грубая, неуклюжая или невоспитанная женщина [*Бабы фотьянские... ступить не умеют по-настоящему. Смешно на них глядеть-то: кувалды кувалдами супротив наших балчужовских* (Мамин-Сибиряк)]. *Кукла* → а) пустая, бездушная женщина [*Что вы нашли в этой глупой, ничтожной девчонке? Ведь я вас любила за ум, за душу, а этой фарфоровой кукле нужны только ваши деньги* (Чехов)]; б) человек, слепо действующий по воле другого [*Бояре видели в самозванце свою ряженую куклу* (Ключевский)]. *Кипяток* → вспыльчивый человек [*Егорша схватил его за рукав. — Да погоди ты, кипяток!* (Абрамов)]. *Кисель* → вялый, бесхарактерный человек [*Она, брат, молодчина! Я даже не ожидал! Думал, кисель-девка, а она что надо.* (Е. Мальцев)].

На следующем этапе метафоризации преодолевается граница, извечно разделяющая мир объектов реальной действительности и мир абстракций. И здесь тоже самым мощным источником метафоры становится сфера предметов — именно из нее черпаются коннотации для наименования таких абстрактных категорий, как физические явления, психические явления и отвлеченные понятия.

Предмет → физическое явление. *Базар* → шум, беспорядок (*базар в классе; прекратить базар*). *Бойня* → битва, побоище (*кровавая бойня*). *Кабак* → безобразие, беспорядок (*кабак на улице; устроить кабак*). *Каскад* → быстрое чередование чего-либо (*каскад ударов; каскад звуков*). *Карусель* → быстрая, стремительная смена чего-либо (*карусель дел; карусель событий*). *Каторга* → непосильно тяжелый труд, тяжелая жизнь (*жизнь превратилась в каторгу*). *Комок* → спазм (*комок в горле*).

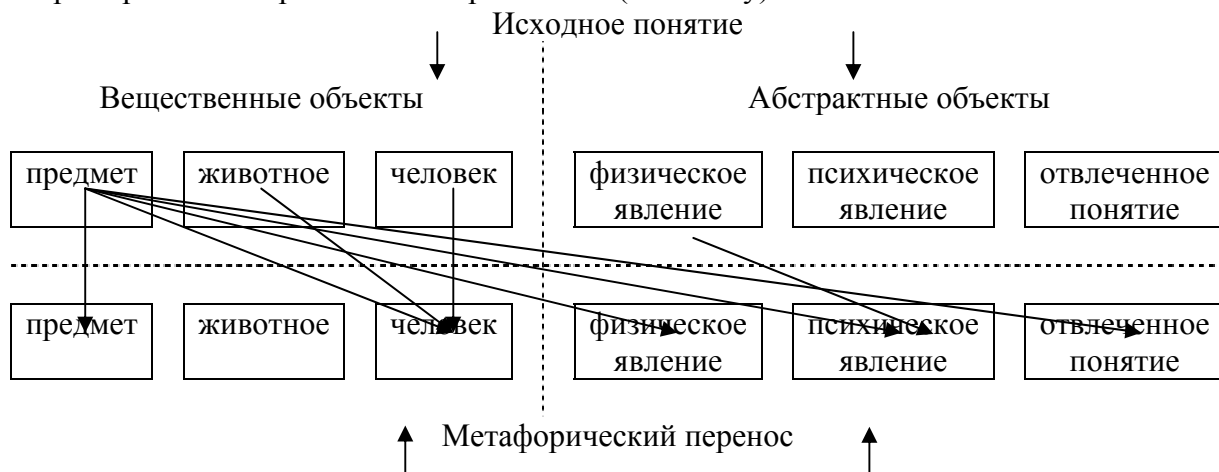
Предмет → психическое явление. *Грязь* → что-либо низменное, безнравственное (*грязь жизни; душевная грязь*). *Клеймо* → знак, свидетельство чего-либо порочащего, позорящего (*клеймо позора; клеймо на всю жизнь*). *Клубок* → запутанное сцепление, переплетение (*клубок противоречий; клубок мыслей*). *Клочки (обрывки)* → разрозненные, вырванные из целого куски, части (*клочки сновидений; обрывки воспоминаний*). *Хомут* → тягостная обязанность, забота (*надеть на себя хомут; снова этот хомут*). *Шпилька* → язвительный намек, двусмысленное замечание (*шпильки в разговоре*).

Предмет → отвлеченное понятие. Груда (куча, гора) → очень много (груда дел. забот; куча новостей). Капля (крупница, крупинка) → очень мало (капля жалости). Изнанка → скрытая отрицательная сторона (изнанка жизни; изнанка факта). Канва → основа, общие черты (канва событий; канва романа). Каркас → организующая, стержневая часть (каркас сценария). Каша → путаница, беспорядок (каша в голове; сплошная каша). Козырь → обстоятельство, факт, являющиеся преимуществом (козырь в споре; козырь в борьбе). Тормоз → препятствие, помеха (тормоз в работе). Тупик → а) безвыходное положение (жизнь зашла в тупик; отношения в тупике); б) состояние неразрешимых противоречий (мысль зашла в тупик). Цепь → последовательный ряд (цепь событий; цепь фактов).

Возможен еще один тип переноса — в пределах абстрактных категорий: физическое явление → психическое явление. Взлет → активное проявление (взлет творческой мысли; взлет фантазии). Взрыв → внезапное бурное проявление (взрыв смеха, негодования). Искра (проблеск) → зачаток, признак (искра любви, таланта; проблеск мысли, надежды). Комедия → а) смешное событие, происшествие (ну и комедия!); б) притворство (прекратите эту комедию). Крушение → гибель, крах (крушение надежд, планов). Пытка → мучение (жизнь — пытка).

Итак, системный подход к языковой метафоре помог обнаружить следующие регулярные типы метафорического переноса: 1) предмет → предмет; 2) предмет → человек; 3) предмет → физическое явление; 4) предмет → психическое явление; 5) предмет → отвлеченное понятие; 6) животное → человек; 7) человек → человек; 8) физическое явление → психическое явление.

Каждая из выделенных семантических сфер является источником метафоризации и в то же время — как бы зеркально отраженная — ее объектом. При этом перенос совершается всегда в определенных, строго регламентированных направлениях (см. схему).

Таковы пути образования языковой метафоры. Такие типы переносов придают метафоре те свойства, которые и воспринимаются как «общеязыковые». Они воспроизводимы в процессе языкового общения и по своей регулярности могут быть причислены к семантическим моделям. По сути дела рассмотренные здесь типы метафорических переносов отражают сближение элементов действительности, характерное для коллективного языкового сознания. Другие типы переносов представляют индивидуальное языковое творчество и принадлежат сфере художественной (особенно поэтической) речи, например: животное → физическое явление [Раненым медведем мороз дерет (Асеев)]; животное → психическое явление [Тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения (Маяковский)]; человек → психическое явление [Стих встает, как солдат (Слуцкий)]. Более того, в художественной метафоре возможны переносы «справа — налево» и даже в направлении от абстрактных категорий к конкретным, например: животное → предмет [Мельница — бревенчатая птица (Есенин)]; психическое явление → предмет [Два крыла — как два огромных горы (Заболоцкий)].

Интерпретированный с этих позиций материал дает основания для следующих выводов.

1. Языковая метафора, как и любая другая лексическая категория, подчинена определенным закономерностям, и эти закономерности носят системный характер. Система метафор в языке, подвижная и незамкнутая, как система лексики в целом предполагает дальнейшее дробление и установление внутрисистемных связей и отношений, таких, как объединение в тематические группы, в синонимические ряды и антонимические пары, в деривационные гнезда и т. д.

2. Между языковой и художественной метафорой существуют различия принципиального характера: языковая метафора образуется по строго регламентированным направлениям, только «слева — направо», от имени предмета к имени абстракции, при этом выбор источника метафоризации и символа

переноса ограничен и связан достаточно устойчивыми нормами и закономерностями коллективного языкового сознания. Образование художественной метафоры свободно, не связано никакими канонами и совершается произвольно в любых направлениях.

1.4. Лексическая эпидигматика

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., Едиториал УРСС, 2003. С. 81–97

Употребление слова в различных по смыслу словосочетаниях не разрушает семантического единства и тождества слова, опирающегося на тождество его звуковой формы. Как уже говорилось об этом выше, способность одного и того же слова быть применимым в разных речевых ситуациях, так или иначе видоизменяющих его значение, но не превращающих тем самым данное слово в ряд отдельных самостоятельных лексических единиц, является сама по себе одним из важных условий функционирования языка. По существу, каждое новое употребление слова зависит от возможности проявления тех сторон его значения, которые соответствуют данному контексту. Употребление глагола *любить* в словосочетаниях *любить жену* и *любить шашлык по-кавказски* связано, естественно, с его различным осмыслением в этих словосочетаниях (ср. в английском языке употребление разных слов *to love* и *to like, to be fond of*). Однако это различие не нарушает семантического единства глагола *любить* в русском языке, поскольку и то и другое его употребление не выходит за пределы общих семантических контуров данного слова.

Видоизменение семантики слова, связанное с его употреблением в разных лексико-семантических позициях, то есть в сочетании с различными семантическими группами слов, делает возможным установление различных лексико-семантических контекстов употребления данного слова или отдельных его значений.

За одним и тем же словом может, таким образом, быть закреплено не одно, а несколько взаимосвязанных и определенным образом отграниченных друг от друга значений. Например, семантическое содержание слова *земля* следующим образом раскрывается в «Толковом словаре...» под редакцией Д. Н. Ушакова:

1. *только ед.* Планета, на которой мы живем.
2. *перен., только ед.* В мифологии и поэзии—реальная действительность, в противоположность миру идеальному, небу (книжн., поэт. устар.). «...*Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше*» (Пушкин).
3. *только ед.* Суша (в отличие от водных пространств).
4. *только ед.* Почва, верхний слой коры нашей планеты. Ц Рыхлое рассыпчатое вещество темного бурого цвета, входящее в состав коры нашей планеты (разг.). *Песок с землёй. Вырвать растение с землей. Засыпать ров землей.*
5. *только ед.* Твердая поверхность, почва, по которой мы ходим, на которой стоим.
6. Страна, государство (устар.). ... || *перен.* Народ (старин.).
7. Территория с находящимися на ней угодьями, состоящая в чем-нибудь владении, в собственности кого-нибудь.
8. Название различных красок (спец.). Разграничение указанных значений находит отражение в неодинаковой их соотнесенности с различными производными от слова *земля*. Так, например уменьшительное *землица* соответствует 4-му и 7-му значениям; прилагательное *земной* относится к существительному *земля* в 1-м, 2-м и 3-м значениях, *земляной* – в 4-м значении, *земельный* – в 7-м значении и т. д. Ср. соотнесенность с разными значениями сложных слов: *землевладение, земледелие, землекоп, землемер, землетрясение, землеустройство, землепроходец* и т. п. Вместе с тем очевидна связь этих значений друг с другом, их распределение внутри единого семантического целого.

Это не значит, что следует искать «общее значение», которое рассматривалось бы как семантический инвариант или как некоторое неизменное смысловое ядро, сохраняющееся при употреблении слова в разных значениях. Существование подобного «общего значения» у слова сомнительно хотя бы потому, что свойственные слову значения во многих случаях соотносят его с неоднородными «реалиями» и с разными семантическими группами слов. Часто они воспринимаются (независимо от их исторического развития) как «первичные» (с синхронической точки зрения) и переносные, возникающие в результате метафорических и метонимических перенесений наименований (например, обозначение предмета по его части, результата действия по самому действию и т. д.—см. об этом выше), то есть заведомо не могут быть сведены к какому-то более широкому «общему значению».

Семантическое единство слова заключается, таким образом, не в наличии у него некоего «общего значения», как бы подчиняющего себе более частные, выделяемые обычно в толковых одноязычных словарях значения, а в определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком. Семантическая структура многозначного слова, если бы изобразить «значение» графически в виде круга, должна бы была выглядеть, следовательно, не как круг («общее значение»), поделенный на секторы («варианты» этого «общего значения»), а как ряд соприкасающихся друг с другом – и отчасти наложенных друг на друга – кругов <...>

Семантическое единство слова подтверждается, как об этом только что говорилось, взаимопроницаемостью его отдельных значений в некоторых контекстах, то есть своего рода нейтрализацией присутствующих им особых дифференциальных признаков; оно предопределено единством звукового выражения, поскольку внешняя и внутренняя стороны слова (его звуковая «оболочка» и его смысл) прочно объединены друг с другом в сознании говорящих, так что даже случайные звуковые совпадения или сближения различных слов нередко приводят к их семантическому сближению (см. об этом дальше). Однако асемантической структуре слова *земля* было бы затруднительно выделить главное, или «первичное», значение. Стержнем слова здесь оказывается не какое-то отдельное его значение, а те семантические элементы, которые оказываются общими для всех значений слова. Эта общность опирается на тождество материального знака, обуславливая взаимопроницаемость объединённых значений, в ряде случаев реального употребления слова как бы незаметно переходящих друг в друга.

Авторы толковых и исторических словарей, основанных на сплошной выборке из различных литературных источников, могли бы подтвердить, что при составлении словарной статьи, посвящённой многозначному слову, целый ряд цитат допускает различное толкование и в связи с этим может быть отнесено то к тому, то к другому из выделяемых значений слова. Отсутствие подобных цитат среди иллюстративного материала словаря создаёт иногда видимость более или менее отчетливой отграниченности различных значений слова. Не касаясь здесь вопроса об оправданности, неизбежности или желательности такой подачи литературных иллюстраций в словарях разных типов, следует все же заметить, что в одном отношении она недостаточна: многие случаи реального применения слова остаются незафиксированными, что способно привести к мысли о невозможности промежуточных «значений» или употребления слова в таком смысле, который создается как бы совмещением двух или даже нескольких из выделённых значений.

<...>

Подобная «диффузность» отдельных значений не создаёт затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью «совмещения» некоторых из них в определенных контекстах.

Если условно воспользоваться терминологией, применяемой главным образом в фонологии, то можно сказать, что значения многозначного слова находятся в отношении комплементарной дистрибуции (дополнительного распределения) друг к другу, то есть проявление тех или иных значений зависит от употребления слова в различных лексико-семантических позициях. Применение терминологии, употребляемой в фонологии, не должно восприниматься в данном случае как установление какой-либо аналогии между фонетической и лексико-семантической позицией. Принципиальное их различие заключается уже в том, что единство фонемы обеспечивается именно несовместимостью в той же позиции разных ее вариантов, в то время как семантическое единство слова опирается на тождество материального знака.

Вместе с тем, как известно, тождество звукового комплекса не непременно обеспечивает семантическое единство слова. В таких случаях говорят об омонимии, то есть звуковом тождестве самостоятельных слов, имеющих различные, не связанные друг с другом значения.

Омонимия возникает, во-первых, как следствие звукового совпадения различных по происхождению слов (в результате фонетических изменений, совершившихся в языке, заимствования одного из слов и т. д.; например, *кошка* «животное» и областное – севернорусское – заимствование из финно-угорских языков *кошка* «песчаная или каменистая отмель в море, видимая при отливе» и т. д.); во-вторых, как следствие распада многозначного слова (в результате семантического расхождения отдельных его значений, некоторых функциональных переносов и т. д.; например, глагол *чинить* «делать», «устраивать» имеет в современном языке стилистически ограниченную сферу употребления, причем в сочетании лишь с ограниченным числом слов: *чинить препятствия*, ср. *учинить скандал*, *учинить расправу* и т. п.; *чинить* «исправлять» — с формой совершенного вида *починить* — выступает в

языке как отдельное, только фонетически совпадающее с первым, слово); в-третьих, как следствие разновременного или независимого параллельного словообразования от одной и той же основы и в соответствии с одной и той же словообразовательной моделью (например, *стан* «туловище» и *стан* «место стоянки, лагерь» или *тройка* как обозначение чего-то, состоящего из трех единиц, и *тройка*—школьная отметка); в-четвертых, как следствие словообразования при помощи омонимичных словообразовательных аффиксов (например, многие глагольные префиксальные образования, ср. *отстоять* «простоять до конца», *отстоять* «защитить» и *отстоять* «находиться на каком-то расстоянии» и т. п.) — и т. д.

Чем бы исторически ни была вызвана омонимия, она должна быть определена синхронически, то есть с точки зрения данного состояния языка,

По поводу омонимии, ее отличий от полисемии (многозначности слов) было высказано немало разнообразных, иногда противоположных мнений. Наиболее часто встречается указание на то, что значения многозначного слова семантически связаны, одно из значений как бы переходит (синхронически) в другое по той или иной формуле семантических ассоциаций, в то время как значения слов-омонимов отражают явления действительности независимо друг от друга, между ними не существует какой-либо ассоциативной связи. Само по себе такое определение не вызывает возражений, но его недостатком является то, что при установлении семантической связи между значениями приходится в основном полагаться на так называемое языковое чутье, то есть в значительной мере на субъективные критерии разграничения.

В качестве объективных критериев многозначности, с одной стороны, и омонимии, с другой, иногда выделяются словообразовательные и синтагматические показатели. Показателем того, что перед нами не разные значения одного и того же слова, а разные значения, закрепленные за разными словами, считается тогда соотношенность этих значений с различно оформленными производными, а также их реализация в различных по синтаксической форме словосочетаниях.

<...>

Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство, благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность). Однако именно характер этих отношений не позволяет усматривать в слове какое-то «общее значение», а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого «общего значения». Поэтому утверждение, что каждое слово может иметь только одно значение, если оно не связано с простой терминологической заменой (вместо термина «значения слова» употребляется в «расширительном» смысле термин «омонимы» или вводится термин «семантические варианты» слова и т. п.), а опирается на понятие «общего значения», кажется, по существу, неправильным. Значения слов *земля*, *дом* и т. п. объединены не как варианты какого-либо присущего этим словам более общего смыслового содержания, а на основе того, что в смысловое содержание отдельных значений этих слов входят одни и те же семантические элементы, которые и сами по себе, и в своей совокупности остаются именно элементами значений и не могут составить более общего семантического целого. Какое единое «общее значение» можно приписать, например, слову *земля*, значение, которое могло бы выступать в разных «вариантах»? Если сказать, положим, что это «планета, на которой мы живем и по которой ходим и т. д., ее твердая поверхность, верхние слои, различные части поверхности» и т. п., то мы все-таки придем к определению не «общего значения» слова, а как раз к (нерасчлененному) указанию на отдельные семантические элементы, которые по-разному сочетаются в разных значениях слова, вступая в различные ряды противопоставлений и сопоставлений с другими лексическими единицами, а следовательно, приобретая и новые элементы значения. Позиционная обусловленность отдельных значений слова имеет, таким образом, принципиально иной характер, чем позиционная обусловленность тех или иных видоизменений фонемы.

Об «общем значении» слова представляется возможным говорить только в тех случаях, когда обозначения явлений связаны с указанием на такой их признак, который объединяет различные группы явлений, причем само название не закрепилось за одной определенной группой явлений, а достаточно свободно переносится на явления, имеющие данный признак. Ср. слово *временка* («временное сооружение, устройство и т. п.»), которое может служить для обозначения разнородных предметов (печка, барак и т. п.), объединяемых только на основе признака, раскрываемого внутренней (этимологической) формой слова. С точки зрения современного состояния языка, несущественно, для обозначения каких конкретных предметов первоначально было использовано данное образование и явилось ли его перенесение на другие предметы результатом аналогии или же следствием того, что яркая внутренняя форма слова оказалась более значимой для семантической структуры слова, чем его «специализированная»

предметная отнесенность. Внутренней формой слова здесь, собственно, и конструируется его «общее значение», определяющее возможности применения слова. Понятно, что «общим значением» в таком понимании обладают сравнительно немногие лексические единицы. По существу, самое название «общее значение» имеет здесь иное содержание, чем в применении к многозначным словам, так как общим оно является не по отношению к различным частным значениям слова, а в том смысле, что оно соотносится с разнородными группами предметов на основе общего признака, который составляет основное семантическое содержание самого слова и который не закреплен в языке как сигнализирующий только об одной группе предметов, обладающих данным признаком.

Признание многозначности слов, основанное как на непосредственном применении языка (ср. вопросы вроде, «В каком смысле вы употребили это слово?» и т. п.), так и на длительной лексикографической практике, не означает, однако, того, что между многозначностью и омонимией объективно существует какая-то четкая и ясно очерченная граница, которую лингвистам следует только по возможности последовательно описать. Ведь самое признание того, что омонимы могут образоваться вследствие семантического расщепления многозначного слова, предполагает признание определенного семантического процесса, приводящего к переходу многозначности в омонимию. Вряд ли оправданно представлять этот процесс как какой-то мгновенный акт, после которого вместо одного слова с двумя разными значениями в языке появляются два различных слова, совпадающих только своей звуковой формой. Поэтому, конечно, в языке в каждый период его существования могут быть промежуточные, переходные случаи, однозначная характеристика которых оказывается затруднительной. Ср. *ручка* (уменьшительное к *рука*) и *ручка* (двери); *мостик* (уменьшительное к *мост*) и капитанский *мостик*; *ежик* (уменьшительное к *еж*) и *ежик* (прическа); *огонь* (пламя) и *огонь* (стрельба); *палить* (обжигать пламенем) и *палить* (стрелять залпами), *вязать* (стягивать веревкой) и *вязать* (спицами, крючком); *махнуть* (чем-нибудь) и *махнуть* (отправиться куда-нибудь) и мн. др. Колебания в толковых словарях по отношению к таким случаям наглядно показывают возможность их неодинаковой трактовки.

Нужно заметить, что прочность семантической связи между значениями, закрепленными за тем же звуковым комплексом, может вообще по-разному восприниматься различными группами говорящих.

Понятие лексической многозначности может быть противопоставлено не только понятию омонимии, но и понятию однозначности, то есть закрепленности за данным звуковым комплексом лишь одного устойчивого лексического значения. Например, такие слова, как *боль*, *грусть*, *дикобраз*, *заводь*, *мгла*, *палка*, *шпага*, *ситец*, *надменный*, *сиплый*, *завидовать*, *веселиться*, *тачать* в др., характеризуются однородной предметной направленностью, семантической одноплановостью. Определение соотношения, существующего в том или ином языке между однозначными и многозначными словами, а также того, какие семантические группы слов более тяготеют к многозначности, а какие — к однозначности, представляет безусловный интерес для лексикологии. Вопрос этот требует, однако, специального исследования.

Вместе с тем очевидно, что именно лексическая многозначность слов во многом определяет своеобразие словарного состава отдельных национальных языков, поскольку характер объединения значений в границах одного слова, виды связей между разными значениями того же слова во многом различны в разных языках.

Курилович Е. Заметки о значении слова // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. Сб. статей. М., 1962. С. 237–250.

§ 1. Предпринимавшиеся доньше попытки определения семантических систем¹, по крайней мере относительно некоторых семантических категорий, следует рассматривать как исходную точку для дальнейших исследований, которые решат и вопрос о правильности этих определений. Общим для всех этих попыток является, по-видимому, понятие противоположности (*opposition*). Вопрос состоит в том, можно ли считать противоположаемые друг другу значения элементарными единицами, иначе говоря, вправе ли мы, и на каком основании, принимать для слова или для грамматической категорий (напри-

¹ Семантические в противоположность синтаксическим. Термин же лексический относится к изолированным фактам в отличие от фактов, подчиняющихся законам грамматических явлений языка. Ср. лексикализация и грамматикализация. Эти две противоположности скрещиваются.

мер, множественного числа) одно общее значение, заключающее несколько частных, т. е. значение, осуществляемое в нескольких употреблениях. Многие современные языковеды (главным образом представители так называемых структуралистических направлений) дают на этот вопрос положительный ответ. Если они правы, возникает проблема метода, позволяющего определить общее значение на основе непосредственных данных, т. е. памятников языка, диалектологических записей, наблюдений над фактами разговорного языка и т. д.

Р. Якобсон пользовался терминами «основное значение» (*Grundbedeutung*) и «частные значения» (*spezifische Bedeutungen*), среди которых он выделял еще «главное значение» (*Hauptbedeutung*). Нетрудно понять, что «основное значение» соответствует здесь термину «общее значение». Начиная с 1935 г. автор настоящей статьи употребляет термины «первичная» и «вторичная» (семантическая) функция. «Первичная функция» совпадает с «главным значением» у Якобсона, «вторичные функции» тождественны с прочими «частными значениями». Употребляемые в разговорном языке выражения «собственное (буквальное) и переносное значение» (*sens propre, sens figuré*) предполагают существование какой-то иерархии между разными употреблениями слова. Понятно, что непосредственно данными являются значения «частные» выступающие в конкретных условиях (в контексте).

§ 2. Важность контекста издавна признавалась не только языковедами, но и авторами практических словарей. В известных словарях издательства Туссэна-Лангеншейдта применялся целый ряд условных знаков, определяющих обстановку, ситуацию, контекст, в которых данное слово встречается в специфическом употреблении. Например, изображения цветка, якоря, зубчатого колеса, скрещенных молотов, ноты и т. п. обозначали соответственно область ботаники, судоходства, техники, горного дела, музыки и т. п. (по Словарю Ушакова: бот., мор., тех., горн., муз.). Тот факт, что значение слова составлено из элементов самостоятельных плюс элементов, придаваемых ему контекстом («полем употребления») К. Бюлер иллюстрирует («*Sprachtheorie*», 1934, стр. 186—181) следующей аналогией: долгота/музыкального тона дана с самого начала формой ноты, но высота его обусловлена позицией ноты в отношении к окружающим нотам.

Под контекстом в широком смысле мы разумеем, здесь не только словесную обстановку, но и те элементы внешней ситуации, которые определяют значение. Контекст в этом значении играет иногда решающую роль, например, при местоимениях и местоименных наречиях. Такие слова, как *я, ты* и т. п. получают свое полное содержание только в отношении к внешней ситуации; с другой стороны, *этот, тот* и подобные могут или обозначать какой-либо предмет, или относиться к слову (существительному) контекста. Те элементы ситуации или контекста, которые позволяют нам определить содержание местоимений, мы называем указательным контекстом (*Zeigfeld* Бюлера).

В данном случае мы имеем в виду не указательные функции местоимений, но семантические функции других частей речи, имеющих самостоятельное коммуникативное (символическое) содержание. Следует строго различить семантические и синтаксические контексты. Синтаксическое употребление слов влечет за собой рамочное изменение значения, как бы переход в другую часть речи. В предложении *Слепые увидят, глухие услышат* прилагательные употреблены самостоятельно, без поддержки определяемого или существительного, и хотя по форме остаются прилагательными, все-таки их синтаксическая самостоятельность подвергает их влиянию семантических факторов, придающих им значение, свойственное существительным (слепые, глухие люди). Существительные, употребляемые исключительно в синтаксической функции определения глагола, переходят в наречия; ср. старые формы творительного падежа *верхом, кругом*.

Что же касается семантического контекста, то самое главное здесь то, что некоторые – именно вторичные – употребления слова определяются посредством семантической обстановки – в противоположность первичной функции, которую нельзя определить контекстом.

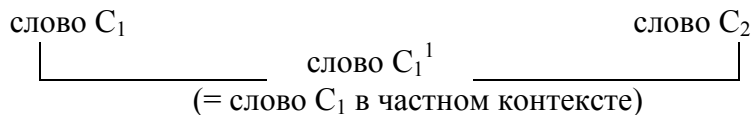
<...>

§ 3. Определение же семантического контекста лексических единиц – дело гораздо более сложное. Систематическое исследование этой проблемы — одна из важнейших будущих задач языковедения, особенно семантики. Мы здесь оставляем ее в стороне, чтобы перейти к другому вопросу: все ли называемые семантическим контекстом оттенки значения интересуют языковеда или только некоторые из них?

Одним из важнейших принципов языковедения является следующий: из того факта, что данное слово отражает две или несколько разных физических или психических действительностей, не всегда следует делать заключение о его многозначности (полисемии). Никто не сомневается в том, что с лингвистической точки зрения значение слова *есть* в сочетаниях *есть яичницу* и *есть яблоки* тождествен-

но, хотя физиологическая разница между этими двумя действиями довольно значительна. Разницы между *мыть* и *стирать* не существует в немецком и английском языках, в которых соответственный термин (нем. waschen, англ. wash) о д н о з н а ч е н . Руководствуясь контекстом, говорящий механически добавляет или отнимает от общего значения слова семантические элементы, являющиеся составной частью не данного значения, а контекста. Здесь мы имеем дело лишь с м н и м ы м влиянием контекста на значение.

В каком же случае можно говорить о действительном влиянии контекста на значение? Изменение смысла слова внутри контекста заметно тогда, когда оно совпадает со значением другого, существующего в языке слова (или оборота) или когда образуется семантическое отношение между данным словом и другим словом, повторяемое в системе данного языка. Схема этого отношения примерно такая:

Слово C_1^1 – это, с одной стороны, C_1 с вторичной семантической функцией, с другой стороны, синоним слова C_2 или слово, играющее по отношению к C_2 роль производного (конечно, только по смыслу, а не по звуковой форме). Формально C_1^1 совпадает с C_1 , семантически же — с C_2 .

Пример: слово *морда*. В первичном значении оно употребляется по отношению к животным, во вторичном, более или менее обусловленном контекстом и внешней ситуацией, – по отношению к человеку. Это вторичное значение является стилистически сильно подчеркнутым вариантом (синонимом) слова *лицо*.

<...>

§ 5. Что касается мотивированных (производных) слов, то здесь вопрос вторичных семантических функций более сложен, так как, с одной стороны, семантический контекст влияет на смысл слова как целого, с другой же стороны, основа производного слова часто модифицирует значение аффикса. Основа является тогда семантическим контекстом аффикса.

Пример на первый случай: *вьюн* (< *виться*) 1) длинная, юркая рыба; 2) переносное значение, синоним к «юркий, вертлявый человек». Этот случай не отличается от вышеприведенных примеров (*морда*, *тля*).

Рассматривая, с другой стороны, например, производные на *-щик* (*-чик*), мы убеждаемся, что главной (первичной) функцией этого суффикса является образование о т ы м е н н ы х названий лиц. На каких же объективных лингвистических фактах основано это наше убеждение или языковое чутье? Закон словопроизводства допускает образование посредством суффикса *-щик* (*-чик*) названий лиц и от имен, и от глаголов: *суконщик*, *угольщик*; *покупщик*, *переписчик*. Это, конечно, влечет за собой и разницу в семантическом оттенке производного слова. В первом случае подчеркнуто отношение к обозначаемому основным словом предмету (*сукно*, *уголь*), во втором — деятельность (*покупать*, *переписать*). Возникает вопрос, важны ли эти оттенки с лингвистической точки зрения или нет. Сопоставление синонимов (*покупщик* — *покупатель*, *переписчик* — *писатель*, при чем *-тель* обозначает исключительно деятельность) показывает, что 1) оттенок деятельности, вызванный глагольной основой, следует считать самостоятельным, находящимся и в других суффиксах, и что, следовательно, 2) оттенок этот является в т о р и ч н о й семантической функцией суффикса *-щик*, стилистически подчеркнутого (разговорного), и сопоставления с *-тель*.

Серии производных слов, объединенных общим суффиксом (вообще аффиксом), разбиваются, таким образом, на несколько групп, причем внутри каждой из них суффикс сохраняет единство своей функции. Но между этими функциями существует иерархия, хотя в конкретных случаях ее иногда трудно определить.

§ 6. <...>

В о б щ е м определении значения слова *осел* должны, таким образом, отпасть как частные понятия «животное» и «человек», вместо которых мы подставляем понятие «живое существо, глупое и упрямое». Но слово *осел* вряд ли употребляется в применении к другим животным.

Что касается суффиксов, обозначающих деятеля, снабженные ими слова часто обозначают в разных языках не только лица, но и животных и предметы (орудия). Таким образом, о б щ е е значение этих производных было бы: «тот или то, что делает что-либо».

О б щ е е значение – это абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее. Наше личное возражение против введения этого понятия основано

на невозможности интеграции качественно различных элементов, а именно – коммуникативного содержания и аффективных (стилистических) оттенков. По нашему мнению, самое важное — главное значение, то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста. Обогащая этот контекст, мы получаем дальнейшие частные оттенки частных значений и т. д. Известно, что это семантическое разветвление иногда довольно усложнено.

§ 7. <...>

Калькируя иностранный термин, мы придаем родному слову, уже существующему или нарочно для этой цели образованному, значение которого совпадает с первичным значением иностранного, вторичное (переносное, производное) значение последнего. Именно это подразумевает под «передачей внутренней формы» иностранного слова Л. А. Булаховский («Введение в языкознание» И, 1953, стр. 125).

Есть два главных источника обновления родной лексики: с одной стороны, изменение значений, т. е. употребление существующих уже слов в новом смысле, а с другой стороны, образование новых слов по законам словопроизводства. Те же две возможности существуют по отношению к кальке. Нуждаясь в родном слове, в которое можно бы вложить специфическое иностранное содержание, мы или ищем и находим подходящую форму в актуальной лексике, или ее образуем. Единственная разница между внутренней эволюцией и заимствованием значения та, что в последнем случае мы подбираем форму (старую или новую), первичное значение которой совпадает с первичным значением иностранного образца, и придаем ей вторичное значение последнего.

§ 8. Различие между первичной и вторичными семантическими функциями слова и их определение, без сомнения, важно для практической работы лексиколога. Но еще важнее внутренняя связь, существующая между многозначностью (полисемией) слова и его синонимами. Две области проблем, какими являются для лексиколога полисемия и синонимика, образуют одно целое. Рассматривая схему, мы замечаем, что переход от C_1 до C_1^1

<...>

совершается для одного и того же слова; это переход от первичного к вторичному значению. С другой стороны, C_1 и C_1^1 – две разные лексические единицы, но с общим коммуникативным содержанием и стилистическим оттенком в C_1^1 . Если C_1^1 представляет собой вторичную функцию C_1 то в случае отношения C_2 : C_1^1 можно говорить о первичной и вторичной форме (с тождественным содержанием) или о стилистическом чередовании форм.

И в грамматике наряду с первичными и вторичными функциями мы различаем первичные и вторичные формы. Значение сравнительной степени связано в английском языке или с морфемой *more* (+ положительная степень), например *more convenient* «удобнее», или с суффиксом *-er*, например *cleaner* «чище». Но эти два приема не равноправны: суффикс *-er* прибавляется только к прилагательным односложным или несущим ударение на последнем слоге. Прилагательные же с другим местом ударения, не поддающимся положительному определению, образуют сравнительную степень посредством прибавления *-er*. Итак, первичной формой является описательное (перифрастическое) образование сравнительного.

Ю.Д. Апресян // Апресян Ю.Д. Избранные труды. т.1. Лексическая семантика.

с. 176-193

Типы неоднозначности в языке и речи

1. Синтаксическая и лексическая неоднозначность. Представление о синтаксической неоднозначности, или синтаксической омонимии, дают фразы типа *наблюдения над языком маленьких детей, разбиение такого типа*. Мужу изменять нельзя и т. п., допускающие два осмысления не из-за многозначности входящих в них слов (легко убедиться, что ни в одном из приведенных примеров лексическая многозначность не реализуется), а из-за того, что им можно приписать по две разных синтаксических структуры; например, словосочетанию *разбиение такого типа* соответствуют структуры с объектной и определительной связью между существительными. Неоднозначность указанного типа детально и глубоко исследована в работах Л. Н. Иорданской (см., например, Иорданская 1967, с дальнейшей библиографией).

Во фразах типа *катать шарики* ('делать' и 'перемещать'), *вытравить рисунок* ('сделать' и 'уничтожить'), *проехать остановку* ('покрыть расстояние' и 'миновать точку'), наоборот, синтаксическая структура при альтернативных осмыслениях одна и та же, а лексические значения глаголов (в последнем случае — и существительного) различны. Иными словами, в них реализуется лексическая многозначность.

Наконец, во фразах типа *обивка мебели*, *эмалировка тазов* возможность двоякого осмысления создается и синтаксическим, и лексическим фактором: первое и второе существительное могут быть связаны объектным отношением, и тогда *обивка*, *эмалировка* обозначают действие; кроме того, они могут быть связаны определительным (посессивным) отношением, и тогда *обивка* и *эмалировка* обозначают результат действия. В дальнейшем мы будем заниматься вторым и третьим случаями, т. е. лексической неоднозначностью, не- независимо от того, связывается она с синтаксической омонимией или нет.

2. Языковая и речевая многозначность. Все рассмотренные выше примеры могут быть названы случаями языковой многозначности: явления, которые ее порождают, коренятся либо в грамматике языка (неоднозначность синтаксических конструкций), либо в его словаре (лексическая многозначность). <...>

В дальнейшем вас будут интересовать только факты языковой многозначности.

3. Метонимически и метафорически мотивированная многозначность. Метонимически мотивирующие друг друга значения типа *кастрюля* — 1. 'сосуд', 2. 'жидкость, находящаяся в таком сосуде', 3. 'количество вещества, способное поместиться в таком сосуде' (ср. *В бочке было не больше кастрюли воды*) достаточно хорошо согласуются с обычным определением лексической многозначности как способности слова иметь несколько разных, но связанных друг с другом значений (если понимать под связанностью наличие в их толкованиях общих компонентов). Это относится и к тем типам метафорически мотивированных значений, при которых метафоризация достигается либо вычеркиванием одного из компонентов исходного значения, либо заменой одного компонента другим, при сохранении у исходного и производного значений достаточно большой общей части (см. Шмелев 1969: 26). Примерами могут служить *виновник* ≅ 1. 'тот, из-за кого произошло неприятное событие', ср. *виновник пожара* и 2. 'тот, из-за кого произошло событие', ср. *виновник торжества*; *спутник* ≅ 1. 'лицо, перемещающееся вместе с другим лицом' и 2. 'небесное тело, перемещающееся вокруг другого небесного тела' <...>

Сложнее обстоит дело с такими метафорически мотивированными значениями, словарное толкование которых не обнаруживает даже частичного сходства со словарным толкованием исходного значения; это — случай уподобления на основе семантических ассоциаций, или коннотаций, ср. *громкий голос* — *громкий процесс*, *гребень* (для волос — *горный*), *комкать* (*бумагу* — *изложение*), *Молния сверкнула* — *Редколлегия выпустила молнию*. К ним обычное определение многозначности, при существующей практике описания семантических аспектов слова в толковых словарях, в своей буквальной редакции неприменимо. Имеется два способа привести определение многозначности в соответствие с фактами, обычно, хотя и без достаточных формальных оснований, под него подводимыми: во-первых, можно изменить определение многозначности; во-вторых, можно уточнить общую схему семантической характеристики слова в толковом словаре таким образом, чтобы сходство в толкованиях обнаруживалось и в случаях типа *громкий голос* — *громкий процесс*. Предпочтительнее второй путь. <...>

5. Топологические типы многозначности. Было выделено и изучено три таких типа (впервые — на диахроническом материале в работе Дармстетер 1887); 1) радиальная полисемия, все значения слова мотивированы одним и тем же — центральным — значением, ср. *клапан мотора VS. клапан фагота VS. сердечный клапан VS. клапан кармана* с общим компонентом 'часть предмета, прикрывающая отверстие в нем'; 2) цепочечная полисемия (в чистом виде редка): каждое новое значение слова мотивировано другим — ближайшим к нему — значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов, ср. *левая рука VS. в левую сторону* (= 'расположенную со стороны левой 1 руки') VS, *левая тумба стола* (= 'расположенная с левой 2 стороны, если наблюдатель повернут лицом к лицевой стороне предмета') VS. *левые фракции парламента* (= 'сидевшие на скамьях слева 3 относительно председателя парламента и политически радикальные') VS. *левые партии* (= 'политически радикальные') VS. *левый уклон*, (= 'политически радикальный только внешне'); 3) радиально-цепочечная полисемия (наиболее обычный случай), например, *класс* 1. 'разряд', ср. *класс объектов*, 1,1. 'общественная группа', ср. *рабочий класс*; 1,2. 'группа однородных объектов в рамках определенной систематики', ср. *класс млекопитающих*, *класс миноносцев*; 1,3. 'подразделение учащихся', ср. *Советская средняя школа имеет десять классов*, 1,3,1. 'группа учащихся класса 1.3, обучающихся совместно', ср. *Класс дружно захохотал*; 1,3,1.1. 'комната для занятий класса 1.3.1', ср. *просторные, светлые классы новой школы*; VS. 'тип ваго-

на или каюты с определенной степенью удобств', ср. *каюты первого класса*; 2. 'степень'; 2.1. 'мера качества', ср. *игра высокого класса*; 2,1,1. 'высокое качество', ср. *показать класс*; 2,2 'степень некоторых гражданских званий', ср. *чиновник девятого класса, советник юстиции первого класса*. <...>

В связи с топологическими типами многозначности полезно рассмотреть еще одно различие — различие между непосредственной и опосредствованной многозначностью. В случае непосредственной многозначности сходство между двумя значениями вскрывается на первом же шаге семантического описания, ср. *выпарить 1* = 'кипятя, выделить' (*выпарить соль из еды*) и *выпарить 2* = 'кипятя, уничтожить' (*выпарить пятна*), в случае опосредствованной многозначности сходство между двумя значениями обнаруживается на втором (третьем и т. д.) шаге семантического описания, ср. *сечь 1* ≅ 'бить', *сечь 2* ≅ 'рубить', *бить* ≅ 'ударять X много раз подряд, стараясь причинить X-у боль', *рубить X* = 'с размаху ударять острым инструментом по X-у, возможно, деля X'. Ср. также следующие примеры опосредствованной многозначности: *фрегат 1* = 'военный парусный трехмачтовый корабль' (при *корабль* ≅ 'судно, преимущественно морское...') и *фрегат 2* ≅ 'крупная морская птица,..', *подножка* ≅ 'удар ногой по ноге...' и *подножка 2* ≅ 'ступень для входа' (при *ступень* ≅ 'поперечная плитка...', на которую ступают при подъеме', и *ступать* ≅ '...становиться ногой куда-л.').

6. Многозначность и омонимия. До недавнего времени многозначностью интересовались преимущественно, в плане отличия ее от омонимии — чисто внешнего совпадения двух или более слов, в значениях которых нет ничего общего. Опору для соответствующих оценок пытались найти в объективных фактах языка.

В некоторых словарях объективным критерием омонимии иногда считается различие в наборе грамматических категорий для двух лексических значений (ср. *час(и)*¹ — 'отрезок времени' и *часы*¹ — 'инструмент для измерения времени' — без формы единственного числа) или различие в способах выражения грамматических категорий при разных значениях (ср. *пестреть* — *пестреют*, например, *Вдали пестреют цветы* и *пестреть*² — *пестрят*, на- пример, *Пестрят афиши на стеноя*). В ряде случаев такие грамматические или морфонологические различия действительно сопутствуют полному несхождению лексических значений, но этот параллелизм имеет место далеко не всегда. В частности, и в значениях существительных *час* — *часы*, и в значениях глаголов *пестреют* — *пестрят* есть несомненные общие части — 'время', 'пестрое'; поэтому оценка соответствующих единиц как омонимичных приходит в противоречие с определением омонимии.

Объективным критерием омонимии считалось и наличие у слова разных производных одного словообразовательного класса (Фалькович 1960), например, *бунт*¹ 'кипа' — *бунтовой*, *бунт*³ 'восстание' — *бунтовской*. Этому противоречат гораздо более обычные примеры типа *земля* — *земной (тар)*, *земляной (вал)*, *земельный (участок)*, где никакой омонимии нет. К. Эрдман осторожнее и справедливее полагал, что различие в производных — свидетельство различия в значениях, и только. <...>

Следовательно, более надежный способ строго различить полисемию и омонимию состоит в том, чтобы формализовать понятие семантического схождения-несхождения значений — единственный фактор, непосредственно отражающий существо этих двух явлений (см. Мельчук 1968). Здесь прежде всего полезно обратить внимание на то, что значения слов, единодушно признаваемых омонимичными, могут иметь общие семантические компоненты; ср. элементарный компонент 'каузировать' у омонимов *тонить*¹ = 'каузировать тонуть' и *тонить*² 'каузировать становиться жидким путем нагревания'. Повидимому, связь между двумя значениями ощущается говорящими тогда, когда общая часть этих значений неэлементарна. Такую общую часть будем называть нетривиальной, и наличие ее будем считать обязательным для многозначности (ср. Вейнрейх 1966 а; 402).

Как следует из этих замечаний, многозначность и омонимия оказываются понятиями относительными. Так, омонимы *тонить*¹ и *тонить*², имеющие тривиальную общую часть, менее омонимичны, чем омонимы *брак*¹ ('супружество') и *брак*² ('несоответствие норме качества'), не имеющие даже такой общей части. С другой стороны, можно говорить о типах полисемии, по-разному удаленных от омонимии.

Наиболее близки к омонимии некоторые типы метафорически мотивированной полисемии: ср. *лопатка 1* — 'часть тела' и *лопатка 2* — 'орудие для копания', *пленить 1* — 'взять в плен' и *пленить 2* — 'очаровать', *трогать 1* — 'прикасаться' и *трогать 2* — 'вызывать в ком-л. сочувствие'. Характерно, что в словарях такая полисемия иногда трактуется как омонимия; так *сокрушить* = 'нанести полное поражение, уничтожить' (*сокрушить врага*) и *сокрушить* = 'привести в состояние печали, в отчаяние' (*сокру-*

шить тяжелым известием) трактуются в СО как омонимы, а *уничтожить* 1 = 'прекратить существование...' (*уничтожить врагов*) и *уничтожить* 2 = 'унизить, оскорбить' (*уничтожить кого-л. язвительным замечанием*), с аналогичным соотношением значений, — как значения многозначного слова: *трогать*¹ и *трогать*² (см. выше) — омонимы, а *задеть* 1 = 'коснуться кого-чего-н...' (*Пуля задела кость*) и *задеть* 2 = 'взволновать, возбудить какое-н., чувство' (*задеть чье-н. любопытство*), квазисинонимичные *трогать*¹ и *трогать*², — разные значения одного слова.

Метонимически и функционально мотивированная полисемия, вообще говоря, отстоит от омонимии дальше; однако и здесь выделяется один тип многозначности, а именно опосредствованная многозначность, который довольно близко подходит к омонимии и часто трактуется в словарях (в особенности в СО) именно таким образом. Примерами могут служить *натопить* 1 — 'нагреть топкой' (*натопить квартиру*) и *натопить* 2 — 'кипятя или растапливая, приготовить в каком-нибудь количестве' (*натопить воску*), *отвалить* 1 — 'валя, ...отодвинуть' и *отвалить* 2 — 'отплыть от берега', *сечь* 1 — 'бить в наказание ...' и *сечь* 2 — 'рубить на части' (*бить* и *рубить* — разновидности *ударять*) и т. п. Любопытно, что соответствующие значения глаголов *топить* и *привалить* объединены в СО в рамках одного слова.

8. Определение лексической многозначности. Лексическая многозначность будет определена через понятие сходства значений. Значения a_i и a_j слова А называются сходными, если существуют такие уровни семантического описания, на которых их толкования (семантические деревья) или коннотации имеют нетривиальную общую часть, и если она выполняет в толкованиях одну и ту же роль относительно других семантических компонентов.

В свете фактов опосредствованной многозначности становится ясным, почему в определении сходства фигурирует понятие уровня семантического описания: несущественно, обнаруживается ли нетривиальное сходство семантических деревьев (толкований) на первом же уровне описания или нет; важно только, чтобы оно обнаруживалось хоть на каком-нибудь уровне. Понятно и то, почему общая часть должна выполнять одну и ту же роль относительно других элементов толкования: примеры типа *топить*¹ и *топить*² свидетельствуют о том, что если одинаковые семантические компоненты находятся на существенно разных местах в семантических структурах двух значений, то такие значения могут и не обнаруживать сходства.

Определим теперь многозначность. Слово А называется многозначным, если для любых двух его значений a_i и a_j найдутся такие значения $a_1, a_2, \dots, a_k, a_l$, что a_i сходно с a_1, a_1 — с a_2 и т. д., a_k — с a_l ; и a_l — с a_j . Как видим, определение не требует, чтобы общая часть была у всех значений многозначного слова; достаточно, чтобы каждое из значений было связано хотя бы с одним другим значением. Таким образом, определение охватывает не только случаи радиальной полисемии, но и случаи цепочечной полисемии.

Следует обратить внимание на то, что многие языковые факты могут быть полно и непротиворечиво описаны либо как факты лексической полисемии, либо как факты моносемии. В настоящей работе из двух альтернативных типов описаний предпочитают обычно описания первого типа.

Многозначность и словообразование

Если подходить к лексической полисемии как одному из синонимических средств языка, то наиболее интересным ее свойством является ее внутренняя близость к словообразованию, — близость, давшая основание говорить о «семантической деривации» как особом типе словообразовательных процессов.

Первоначально (см., например, Виноградов 1952: 143—152) семантическое словообразование понималось именно как образование нового слова, происходящее в результате распада многозначного слова на омонимы (*осадить*¹ город — *осадить*² соль), вытеснения старого значения новым (*довлеть*¹ = 'быть достаточным' — *довлеть*² = 'давить'), образования двух формально разных слов на основании одного этимона (*машина* — *махина*). Впоследствии О. С. Ахманова, пытаясь расширить круг подводимых под «семантическое словообразование» фактов, но оставляя неизменным введенное В. В. Виноградовым понятие, стала рассматривать в качестве омонимов значения типа 'действие' — 'результат действия' (ср. *бой*¹ посуды — *стекло* <яйце>-*бой*²), 'действитель' — 'орудие действия' и т. п. (см, Ахманова 1957: 126 и сл.). Достичь этой цели можно было только ценой отказа от обычного понятия омонимии: несомненно, что в значениях существительных названных О. С. Ахмановой типов, в частности, в значениях существительного *бой*, есть общие смысловые части. Поэтому развитие понятия семантического словообразования пошло другими путями, из которых мы назовем два основных.

Одни исследователи пытаются трактовать полисемию как чисто словообразовательное явление, т. е. явление, подобное словообразованию не только в семантическом, но и в формальном отношении, хотя и не связанное с возникновением лексических омонимов <...>

Другие исследователи видят в полисемии явление, подобное словообразованию семантически, но не формально. Занимаясь регулярными семантическими отношениями между значениями многозначных слов, Д. Н. Шмелев показал (Шмелев 1966: 100, 1968а: 104-110, 1969: 12), что во многих случаях такого рода имеет место производность, которая лишь формально отличается от производности при словообразовании. В частности, анализируя повторяющиеся пары значений типа 'область <район>' — 'главный город этой области <этого района>' (ср. *Председатель уехал в район <= в райцентр>*), 'орган' — 'заседание этого органа' (ср. *Три часа просидел на бюро <на дирекции, на месткоме>*) и ряд других, Д. Н. Шмелев заметил, что дело здесь не в изменении значения данного конкретного слова... а в реализации некоторой обобщенной семантической формулы (модели)» (Шмелев 1968: 107), причем действие формулы может сохраняться и при смене наименований (*губерния — область, уезд — район*). Не настаивая на том, что факты такого рода суть факты словообразовательные, Д. Н. Шмелев использовал для их обозначения более осторожный термин «семантическая деривация», который вместе с тем достаточно определенно отражает их близость к явлению производности в широком смысле слова. <...>

Заметим, во-первых, что аналогия между словообразованием и многозначностью простирается настолько далеко, что к ней оказываются применимыми такие типично словообразовательные понятия, как регулярность-нерегулярность, продуктивность-непродуктивность и др. под.

Полисемия слова *A* со значениями a_i и a_j называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово *B* со значениями b_i и b_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как a_i и a_j и если $a_i — b_i$, $a_j — b_j$ попарно несинонимичны. Так, у многих (но не у всех) прилагательных, имеющих значение типа 'являющийся тем, что обозначено основой', имеется и значение типа 'приводимый в действие тем, что обозначено основой', например, *водяной (капля — турбина), воздушный (поток — тормоз), паровой (облако — двигатель), ртутный (капля — выпрямитель)*. Полисемия называется нерегулярной, если семантическое различие между a_i и a_j не представлено больше ни в одном слове данного языка или если представлено только в синонимах; ср. *лопатка* — 'плоская широкая треугольная кость в верхней части спины' и 'орудие для копания земли с длинной рукояткой и широким плоским отточенным концом', *подножка* — 'удар ногой по ноге' и 'ступенька для входа' <...>

Регулярность — отличительная черта метонимических переносов (см. Шмелев 1969: 12); нерегулярная полисемия более характерна для метафорических переносов. С другой стороны, регулярность обычно свойственна непосредственной полисемии; опосредствованная полисемия чаще бывает нерегулярной.

Кроме метонимических переносов регулярную полисемию закономерно порождает семантическая аналогия (ср. *взять книгу — схватить книгу, взять кого-л. на вокзале — схватить кого-л. на вокзале*), компрессия словосочетаний (*пишущая машинка — машинка, машинка для бритья — машинка*) и различные словообразовательные процессы (ср. *пробежать <проехать, пройти, пролететь, проползти> мимо пограничного столба — пробежать <проехать, пройти, ...> 100 километров*). Многозначность, возникающая в результате различных словообразовательных процессов, является побочным продуктом этих процессов и в качестве вторичного явления не нуждается в самостоятельной характеристике. В дальнейшем мы исключаем ее из рассмотрения, причем признаком несловообразовательного происхождения многозначности будем считать наличие в языке слов разной словообразовательной структуры, в особенности производных, с данной комбинацией значений.

Регулярная многозначность подобна словообразованию и в том смысле, что многие ее типы продуктивны. Обычно (см., например, АГРЯа) продуктивность того или иного словообразовательного средства оценивается числом фактически имеющихся новообразований. Это понятие продуктивности трудно адаптировать для целей изучения многозначности, так как в семантике «новообразование», получившееся в результате диахронического процесса, неотличимо от «новообразования», являющегося результатом действия определенной синхронической модели. <...>

Развивая эту идею, мы будем называть данный тип 'А' — 'В' регулярной полисемии продуктивным, если для любого слова, имеющего значение типа 'А', верно, что оно может быть употреблено и в значении типа 'В' (если 'А', то 'В'). При этом в обоих случаях может быть необходимо, чтобы слово А обладало определенными формальными (не семантическими) признаками.

Примеры: всякое существительное со значением 'сосуд' может обозначать также 'количество вещества, входящего в сосуд', ср. *ложка, стакан, чашка, кастрюля, ведро (В бачке оставалось не больше*

ложки <стакана, чашки, кастрюли, ведра> воды); любое относительное прилагательное, производное от существительного со значением 'отрезок времени', может иметь, помимо основного значения 'равный этому отрезку времени', еще и значение 'созданный за время, обозначенное основой', ср. *часовой* <суточный, недельный, месячный, годовой> интервал — *часовая* <суточная, недельная, месячная, годовая> выработка; любой глагол со значением 'воздействовать острым инструментом' может иметь и значение 'создавать, действуя острым инструментом', ср. *бурить* <копать> землю — *бурить* <копать> скважину в земле, *пилить* доску — *пилить* фигурки из доски, *рубить* дерево — *рубить* избу, *сверлить* подол — *сверлить* отверстие в подошве, *точить* дерево — *точить* ложки из дерева.

Продуктивность определяется, следовательно, только полнотой охвата единиц с заданной совокупностью свойств; сам класс таких единиц может быть очень невелик. Отходя несколько в сторону от непосредственно занимающей нас темы, напомним, что в русском языке существует родительный дательный, встречающийся только в сочетании с названиями месяцев, которых, как известно, всего двенадцать. Замкнутость этого класса может навести на мысль, что родительный дательный непродуктивен, поскольку предшествующей речевой практикой класс исчерпан и новообразования невозможны. С точки зрения нашего определения родительный дательный обладает стопроцентной продуктивностью, так как полностью охватывает все единицы соответствующего класса, а именно — названия месяцев. Эта точка зрения находит неожиданное подтверждение в том факте, что любые другие названия месяцев (исторические, шуточные или фантастические, ср. *десятого термидора, четырнадцатого нисана¹, сорок восьмого мартабря на стенке в желтом доме*) свободно дают родительный дательный. Регулярная полисемия, не отвечающая сформулированному условию, называется непродуктивной. <...>

Е. В. Падучева (Москва) О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1 Сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. — М.: «Азбуковник», 2000. С. 395–417.

1. Регулярная многозначность и семантическая деривация

Слову в естественном языке свойственна многозначность (полисемия), и прежде всего — регулярная многозначность.

Во многих случаях регулярную многозначность можно представить как следствие так наз. семантической деривации. Термин «семантическая деривация» известен из книги Д. Н. Шмелева. Данный термин удобен потому, что он приравнивает, в семантическом плане, соотношение между двумя значениями многозначного слова к соотношению между словом и его словообразовательным дериватом; семантическая деривация предстает как частный случай обычной деривации — словообразования. В самом деле, семантическая деривация отличается от словообразования только тем, что не требует формальных показателей: одно и то же семантическое соотношение может быть в одном языке словообразованием (ср. *расти* и *выращивать*), а в другом — семантической деривацией (ср. *grass grows* и *to grow melons*).

Семантическая деривация имеет направление, так что в тех случаях, когда регулярная многозначность моделируется деривацией, из двух значений многозначного слова либо одно предстает как семантический дериват другого, либо оба они производны от какого-то третьего. Первый тип соотношения представлен примером (1), где *растаять* в значении восприятия производно от прямого значения того же глагола:

(1) а Снег *растаял*; б. *Корабли растаяли* в тумане

Второй — примером (2), где *показаться-1* в (2а) и *показаться-2* в (2б) (нумерация значений — по МАС) не являются дериватами один другого, а оба производны от *показать*:

(2) а На дороге *показался* всадник, б Почему же ты не *показался* врачу?

См. также пример (3), где *наполнять* в значении процесса, как в (3а), и в значении состояния, как в (3б), не образованы одно от другого, а оба производны от парного глагола СВ *наполнить*, акцентируя разные семантические компоненты в семантике СВ:

(3) а Вода постепенно *наполняет* бассейн, б. Вода *наполняет* бассейн до краев

В самом деле, глагол СВ обозначает и процесс перехода (из одного состояния в другое), и наступившее состояние; глагол НСВ *наполнять* в (3а) фиксирует внимание на процессе, так же как, скажем, *таять*, семантически производное от *растаять*; а *наполнять* в (3б) — на наступившем состоянии, так же как, например, *понимать*, образованное от *понять*.

Можно думать, что множество разных моделей семантической деривации хотя и велико (как и множество словообразовательных моделей), но все-таки обозримо, и тогда основная масса значений слова создается за счет определенного, в какой-то мере универсального, множества семантических переходов, затрагивающих не отдельные слова, а классы — достаточно крупные, если соответствующие модели деривации продуктивны.

В терминологии модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» разные значения слова, в том числе, такие, которые связаны отношением регулярной многозначности, — это разные лексемы, и в словаре им соответствуют отдельные словарные статьи. Иногда разные лексемы одного слова отличаются друг от друга очень незначительно. Но чтобы значение слова во всех допустимых для него контекстах было представлено с достаточной полнотой, нужны максимально дробные лексемы (если уже принято, что контекстно обусловленные значения отражаются в словаре). Сама по себе дробность членения слова на лексемы не является недостатком. Она становится таковым в том случае, если ведет к разрушению единства слова; но это нежелательное последствие мы имеем полную возможность предотвратить.

В традиционных толковых словарях, а также и в словарях, которые следуют канонам Московской семантической школы, значения лексем одного слова описываются независимо одно от другого — как если бы они совершенно случайно оказались имеющими общую ^ звуковую оболочку. <В некоторых работах> вообще отрицается слово как лингвистически полезная сущность — есть только «вокабула». Но для говорящих слово — это несомненная реальность. Представляется возможным такое семантическое описание лексики, при котором сохранено деление слова на лексемы-значения, но преодолены сопутствующие ему отрицательные последствия.

Восстановление единства слова лежит не на пути объединения дробных лексем в более крупные — объединить даже два частно контекстно обусловленных значения в одно общее невозможно без потери информации; так, в [Мельчук, Жолковский, 1984] слово *резать* (описанное Л. П. Крысиным) расчленено на двадцать две лексемы. и каждая словарная статья содержит какие-то лексикографически существенные сведения.

Восстановлению единства слова не поможет и идея инварианта: если связи между лексемами имеют не радиальную, а цепочечную структуру, общего компонента в значении «крайних» лексем может и не быть. «Семантические мостики» между лексемами не решают проблемы, поскольку могут быть наведены разными способами. Так, в [Апресян, 1998] в множестве лексем глагола *выбрать* обнаружен мостик ‘использовать’. Между тем внутренняя форма слова *выбрать* отсылает и к другим «мостикам» или даже инвариантам: один — это идея отделения одного элемента множества от других или части от целого, выражаемая приставкой *вы-* и объединяющая ментальные значения *выбрать* с физическими; другой — это идея контакта, выражаемая корнем *брать* (контакт может принимать разные формы, от физического до идеального, от обязательного до потенциального, ср. *выбрать из связки ключей нужный* и *выбрать ценку*).

Однако инвариант (даже если он есть, как в случае с *выбрать*), решая проблему восстановления единства слова, никак не продвигает нас вперед в описании каждого отдельного значения. Сам вопрос об инварианте может быть поставлен только тогда, когда все варианты — частные значения — уже найдены, т. е. самая трудная часть работы проделана. Предлагаемый нами путь восстановления единства слова кажется более эффективным, поскольку он решает одновременно обе задачи, а именно: единство слова может быть достигнуто за счет того, что толкования частных значений будут строиться одно из другого <...> Слово может быть представлено как парадигма его лексем, связанных одна с другой через семантическую деривацию. Модель семантической деривации — это правило, которое позволяет получить толкование производной лексемы из толкования более исходной (аналогично тому, как это требуется от словообразовательной модели).

Итак, представляется плодотворным подход к семантическому анализу лексики, основанный на следующих положениях.

1) В множестве лексем полисемичного (но не омонимичного) слова, как правило, можно найти корневую лексему — такую, что все остальные являются ее прямыми или опосредованными семантическими дериватами. Смысл слова предстает тем самым как деривационная структура — множество лексем с заданным на нем отношением семантической производности.

2) Далее возникает задача — исчислить модели семантической деривации, порождающие производные значения из более исходных. Одни и те же модели деривации должны повторяться в парадигмах разных слов — что и служит доказательством существования этих моделей. Семантические деривации

вации позволяют представить совокупность значений как единую структуру — такую же, как парадигма грамматических форм у слова заданной части речи или грамматического разряда.

Если бы модели деривации обладали абсолютной продуктивностью, то семантика корневой лексемы позволяла бы предсказать парадигму семантической деривации, единую по крайней мере для тематического класса или подкласса.

<...>

Парадигма лексем слова строится по образцу парадигмы грамматических форм — ее устройство определяется набором параметров (например, для грамматической парадигмы прилагательного такими параметрами являются род, число, падеж, одушевленность). Различие в том, что в грамматической парадигме параметров мало и у каждого слова набор параметров тот же, что у всех других слов того же грамматического класса. А в семантической парадигме, с одной стороны, общее число разных потенциально участвующих параметров гораздо больше, а с другой стороны — имеется много семантических классов, для каждого из которых набор релевантных параметров свой. Но сходства важнее различий.

<...>

2. Параметры семантической парадигмы глагола

Имеется четыре параметра, по которым значения глагола — его лексемы — могут отличаться друг от друга: 1) тематический класс глагола; 2) Т-категория; 3) диатеза; 4) таксономический класс того или иного участника обозначаемой глаголом ситуации (семантического актанта) — а также, быть может, денотативный статус и прочее.

Тематический класс (иначе — семантическое поле) объединяет слова с общим нетривиальным семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре. Различаются, например: бытийные глаголы; глаголы обладания, физического действия, движения, речи; передачи сообщения («семиотические» в широком смысле, как *постучать* <в дверь>), восприятия, чувства, волеизъявления (*выбрать, назначить, решить*), издавания звука; ментальные глаголы приобретения/утраты знания (*вспомнить, выяснить, догадаться, забыть, напомнить, помнить, объяснить, понять, решить* <задачу>, *узнать, осознать*). Полезных тематических классов может быть несколько десятков.

Тематический класс у одних глаголов неподвижный (так, глагол *прогнозировать* всегда ментальный), а у других флективный. Например:

ВЫБРАТЬ I — ментально-волитивное действие (*Он выбрал местом отдыха Ялту; выбрал для прогулки тихую улицу; из всех баранов выбрал самого жирного <барана>; выбрал в качестве наблюдательного пункта чердак: выбрал, где поставить кровать; Он пока не выбрал между виллой в Испании и на Лазурном берегу; ср. НСВ: Выбирай, я или он*);

ВЫБРАТЬ II — социальное действие (*выбрали председателем Иванова: выбрали председателя; выбрали тайным голосованием*),

ВЫБРАТЬ III — физическое действие (*выбрать картофель из борозды; выбрать незрелые ягоды [и выкинуть]; выбрать якорь*).

Тематический класс часто имеет характерные проявления в синтаксисе — как следствие того, что он имеет своего характерного (диагностического) участника. Так, у глагола передачи сообщения обязательно имеется Адресат; у глагола создания — Результат; у глагола движения обычно есть участник, характеризующий Среду (*плыть по реке*).

Таксономическая категория (Т-категория) глагола объединяет два противопоставления, связанные между собой — аспектуальный класс по Вендлеру и контролируемость. Различаются Т-категории: действие (*открыть*), деятельность (*гулять, прыгать*), процесс (*кипеть*), состояние (*голодать*), происшествие (*испугать, уронить*), свойство-соотношение (*совпадать*); и под. Т-категория слова может быть в разных употреблениях разной; например, *соединять* может быть действием (*Соедините концы веревки*) и соотношением (*Дорога соединяет Феррапонтова с Вологдой*); глагол *напомнить* может обозначать действие и происшествие:

Она *напомнила* мне, что завтра праздник [действие];

Бой часов *напомнил* мне, что пора уходить [происшествие].

Диатеза. Мы апеллируем к понятию диатезы из [Мельчук, Холодович, 1970], но пополняем диатезу указанием на коммуникативный ранг участника ситуации. Тем самым диатеза — это набор участников ситуации с их коммуникативными рангами: Субъект и Объект имеют наивысший ранг

— Центр; обстоятельства имеют ранг Периферия; участники, которым не соответствует никакой синтаксической позиции при глаголе, имеют низший ранг – За кадром.

Диатеза слова тоже может меняться. Так, у глагола *ударить* в (16) участник *камень* в Центре — он Субъект, а в (1а) — на Периферии; у глагола *вытереть* в (2а) участник Лишнее в Центре, в позиции Объекта; а в (2б) на это место приходит другой участник, а Лишнее уходит За кадр:

(1) а. ударил *каменем* в ветровое стекло; б. *камень* ударил в ветровое стекло;

(2) а. вытер *пот* со лба; б. вытер *лоб*.

Мена диатезы – это смещение фокуса внимания, которое естественно интерпретируется как метонимический сдвиг.

Наконец, последняя из мишеней семантической деривации – таксономический класс участника. Значение лексемы существенно зависит от таксономического класса участников обозначаемой ситуации. Так, *входить в комиссию*, ‘быть членом’ – не то же, что *входить в чемодан*, ‘вмещаться’, и различие значений определяется таксономическим классом участника – в одном случае это МНОЖЕСТВО (состоящее из элементов), а в другом – ВМЕСТИЛИЩЕ. Поэтому спецификация класса участника, т. е. замена класса, исходного для данного глагола, на несвойственный, меняет значение глагола и является одним из видов семантической деривации. Так, в контексте *назначить* <больному> *хвойные ванны* <в качестве лечебного средства> глагол *назначить* имеет иное значение, чем в *назначить свиданье* или *консультацию*; фразеологически связанное значение *выбирать* в контексте *выбирайте выражения* получается спецификацией участника Критерий: ‘выбирайте более приличные выражения’.

Помимо таксономического класса, для семантики глагольной лексемы могут быть существенны и другие характеристики участников — например, определенность имени.

Толкование описывает набор обязательных участников ситуации и их роли. Наше толкование состоит из отдельных синтаксически независимых компонентов. Компонент обычно описывает роль в ситуации одного из ее участников. В толковании отражена также коммуникативная структура значения – в представлении ситуации различается передний план, с центральными участниками, и периферия. Центральным и периферийным участникам соответствуют центральные и периферийные компоненты толкования. Например, в сочетании *бросать камни* участник *камни* — Объект; он на переднем плане, и соответствующий ему компонент центральный в толковании; а в *бросать камнями* этот участник периферийный. В ходе семантической деривации семантический компонент может становиться из главного периферийным и обратно, т.е. менять актуализацию.

3. Метонимия и метафора как основные механизмы семантической деривации

Парадигма регулярной многозначности в существенной степени предопределена тематическим классом его исходной лексемы. Тематическому классу в целом соответствует некая обобщенная ситуация, выражаемая, в той или иной форме, всеми словами этого класса. Так, глаголы звука (*звенеть*, *греметь*, *стучать* и под.) обозначают следующую обобщенную ситуацию: нечто пришло в движение; это движение передалось предмету, способному в этом случае издавать звук; возник звук. Точнее будет сказать, что тематическому классу соответствует своего рода концептуальная структура, поскольку обобщенную ситуацию тематического класса мы получаем не из наблюдений над ситуациями действительности, а путем обобщения толкований соответствующих слов.

Имеется исходная, или базовая, концептуальная структура, которая свойственна лишь ядерной части тематического класса и только исходным значениям глаголов. Базовая структура подвергается разного рода модификациям, причем одни и те же модификации порождают как производные значения слов, так и новые слова. Так, англ. *bake* может иметь и каузативное, и медиальное значение, а в русском это различие маркируется возвратной частицей, ср. *печь* <пирог> и *печься* (*пирог* *пекутся*).

Основная часть моделей семантической деривации относится к одному из двух крупных классов – 1) метонимические сдвиги и 2) метафорические переносы.

1) Модификация концептуальной структуры может получаться за счет перемещения центра внимания с одного участника на другой — происходит повышение в ранге одного и понижение другого. Это диатетический сдвиг (мена диатезы) — семантическая деривация, которую можно отнести к ряду метонимических переносов. Так, в (1а) *листья* на периферии внимания говорящего, а в (1б) они перешли в Центр:

(1) а. Ветер шелестит *листьями* в аллее; б. *Листья* шелестят в аллее. Аналогичное соотношение между *солдаты грохочут сапогами* и *грохочут сапоги*.

Соотношения в примерах (2), (3) мы тоже трактуем как диатетический сдвиг. Так, (2а), (3а) прямая диатеза — в Центре, в позиции Объекта, значение, принимаемое некоторым параметром; а в (2б), (3б) — параметрическая, или косвенная; в Центре, т.е. в позиции Объекта, сам параметр, и какое значение он принял в ходе выбора, мы не знаем (см. подробнее о прямых и косвенных диатезах в [Падучева, в печати]):

(2) а. выбрал в жены *Марию*; б. выбрал себе *жену*,

(3) а. выбрал местом свидания *Кистеневскую рощу*:

б. выбрал *место* (для) свидания.

Перемещение фокуса внимания возможно и на уровне семантических компонентов толкования: компонент, который в толковании исходной лексемы имел статус необязательного следствия, в производной может стать ассертивным, т.е. поменять актуализацию. Обычно при этом меняется тематический класс лексемы.

(4) а. Банка *треснула*; б. Где-то ветка *треснула*.

Лексема *треснуть* в (4а) относится к тематическому классу глаголов деформации; но деформация этого типа обычно сопровождается характерным звуком, и в (4б) *треснуть* фактически обозначает уже не деформацию, а только этот звук.

У слов *тарахтеть*, *свистеть* первичное значение — издавание звука; однако этот звук может сопровождать движение, и в контексте синтаксического актанта, выражающего Среду движения, у глагола возникает вторичное значение; движение становится центральным компонентом, а издавание звука — его последствием:

(5) а. Где-то *тарахтел* мотоцикл; б. Мотоцикл *тарахтел* по деревне.

(6) а. Ветер *свистит* за окном; б. Только пули *свистят* по степи.

Семантический компонент может иметь в исходном употреблении слова статус тривиального (логического) следствия, а в производном стать центральным. Так, например, большое число глаголов предполагает существование своего Субъекта в качестве тривиального следствия — по принципу «*cogito ergo sum*»:

Соловьи поют => Соловьи существуют.

В то же время глагол может допускать, в качестве производного, бытийное употребление, когда, в определенной коммуникативной позиции, существование Субъекта становится центральным компонентом смысла глагола:

(7) а. Голос ее *звенел* [обычное значение]; б. Вдали *звенели* голоса [бытийное значение].

2) Другой вид модификации базовой концептуальной структуры – спецификация таксономического класса участника. Это, в широком смысле, метафорический перенос. Так, в (8) меняется таксономический класс участника-Субъекта, что влечет изменение Т-категории глагола — действие становится происшествием:

(8) а. *Отец разбудил* ребенка; б. Шум в коридоре *разбудил* ребенка.

Таксономическая спецификация участника может менять и тематический класс глагола. Так, глаголы звука в исходном значении обозначают нецеленаправленный процесс. Но если Каузатор специфицирован как целеполагающий субъект, то глагол может обозначать действие этого лица, при котором звук используется для достижения определенной цели. Так, в случае глаголов звука это, как правило, семиотическая цель: Агенса производит звук с целью подачи сигнала или для передачи кому-то своего сообщения. Производная лексема попадает в класс семиотических глаголов, ср.

(9) а. Дождь *стучит* по крыше; б. Откройте, кто-то *стучит* в дверь.

Такое же соотношение между *хлопать* в значении издавания звука (*ветер хлопал флагами*) и *хлопать артисту* (с целью выразить одобрение);

Изменение тематического класса глагола как результат таксономической спецификации участника-Субъекта можно проследить на глаголе *звучать*. У этого глагола Субъектом является не Каузатор (как в *солдаты грохочут сапогами*) и не Источник звука (как в *грохочут сапоги*), а сам звук (*В парке звучала музыка*). Глагол *звучать* сменил свой тематический класс на протяжении последнего столетия, а именно: он утратил диагностическое для глаголов звука участника Источник звука. Сочетания типа *звуча саблями*, *звуча цепями*, обычные для Пушкина или Некрасова, в современном языке стали невозможны. Сейчас *звучать* относится уже к глаголам восприятия — с Экспериментом «в Рамке».

Переменный тематический класс имеет глагол *решить* – он может обозначать волю (*решил ≈ ‘стал иметь намерение’*) и мнение (*решил ≈ ‘подумал’*):

(10) Я *решил* поехать в Крым;

(11) У вас не горел свет, и я *решил*, что вы уехали.

В одной модели семантической деривации могут сочетаться несколько разных семантических модификаций исходной концептуальной структуры. Так, следствием спецификации участника может быть его инкорпорирование (т. е. переход в ранг За кадром), как в (12); а иногда при этом происходит еще и мена диатезы, как в (13):

(12) выпить *спиртного* => выпить; рыба не клюет *наживку* => рыба не клюет;

подкинь ему *дополнительную карту, которую он должен покрыть* => подкинь ему;

(13) выделить *сестре долю в общем хозяйстве* => выделить сестру (пример из МАС).

Семантические деривации соединяют значения слова в единое иерархически устроенное целое. Например, у глагола *тонуть* значение корневой лексемы – ‘погружаться в воду’ (*укреплял полавки, чтобы сеть не тонула*). При спецификации (таксономическом расширении) участника Среда возникает значение ‘вязнуть’ (*лыжи глубоко тонули в рыхлом снегу*). Иная спецификация (таксономическое сужение: Субъект — живое существо) дает лексему со значением ‘гибнуть’; тот же процесс теперь имеет пределом прекращение существования. Далее на базе компонента ‘прекращение существования’ возникает значение ‘быть невидимым / неслышимым’ (*окрестности тонули в туманном сумраке; хлопки выстрелов тонули в свисте ветра*) – в силу общей связи (не)существования с (не)восприятием.

В следующем разделе мы рассмотрим на примере одного глагола все параметры его семантической парадигмы.

<...>

Динамический подход к семантике слова позволяет справиться с некоторыми из ^ трудностей, порождаемых регулярной многозначностью, а именно, рассмотрели семантические деривации, порождающие новые употребления или значения и имеющие более или менее регулярный характер.

Задача описания механизмов семантической деривации предъявляет дополнительные требования к толкованию: толкование – это своего рода «семантическая формула» лексемы (подобная химической формуле вещества); она должна предсказывать не только сочетаемость, но и парадигматику — заложенные в слове возможности модификации его значения и порождения новых значений.

1.5. Лексическая парадигматика

1.5.1. Теория лексических парадигм. Классы слов как макропарадигмы.

Ф. П. Филин. О лексико-семантических группах слов. // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. – София, 1957. // Норман Б. Ю., Павленко Н. А. Введение в языкознание. Хрестоматия. Минск, 1984. С. 147–153.

<...> Лексико-семантические группы слов представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям. Для ясности следует сказать, что под лексическим значением мы понимаем предметное (в широком смысле) содержание слова, соотношенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений и т. п. В основе лексического значения лежит понятие, которое, однако, не тождественно значению. Лексические значения слов могут быть близки друг другу (ср. *облако* и *туча*, *дождит* и *моросит* и т. д.), могут и вовсе не иметь друг с другом никаких связей (напр. *яблоко* и *черепаха*, *кровь* и *дрова* и т. п.). Разумеется, это относится как к прямым, так и к переносным значениям слов, также и образным их употреблениям. Связи между словами по их лексическим значениям весьма разнообразны и обусловлены различными причинами.

Чтобы попытаться определить, что такое лексико-семантические группы слов, как явление языковое, как продукт исторического развития конкретного языка или диалекта, необходимо наметить границы этих групп, отделяющие их от других соприкасающихся категорий.

Прежде всего оказываются неясными границы между тематической классификацией словарного состава и лексико-семантическими группами слов. В практике лексикологических исследований, когда изучается не отдельное слово, а совокупность многих слов, словарный материал по разным соображениям обычно классифицируется по содержанию обозначаемых им понятий, иначе по темам или сферам употребления, почти безотносительно к тому, в каких отношениях друг к другу находятся слова по их значениям. Примеров тому можно привести очень много как из старой, так и из новой лингвистической литературы. О. Шрадер в своем известном труде «*Reallezikon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzu(s) двумя точками)ge einer Kultur und Vo(s) двумя точками)lkergeschichte alteuropas*» выделяет, например, в особый раздел названия частей человеческого тела. Однако, в каких семантических связях

между собой могут стоять такие слова, как зуб (*Zahn*), спина (*Ru(c* с двумя точками)*sken*), печень (*Leber*) и другие, относящиеся к этой обширной лексической теме? Объединяет эти слова только то, что они являются названиями определенной группы реалий. Р. Ф. Брандт в статье «Черты доисторического быта славян по данным языка» (сборник «Памятка Смольнская». Смоленск, 1911) выделяет разделы: жилище, земледелие, огородничество, скотоводство, охота и рыболовство, одежда, портняжное дело и обувь, плотничье дело и другие. В моей работе «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (Ученые записки Ленинградского педагогического ин-та им. Герцена, т. 80. Л., 1949) имеются разделы: слова, обозначающие полевые и садово-огородные культуры, слова, обозначающие состояние и технику земледелия, термины скотоводства, пчеловодства, охоты и рыболовства и др. Такого рода объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами. Изучение словарного состава по тематическим группам законно не только по причине методических удобств при изложении разнородного лексического материала. Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе, что не требует особых доказательств. Поэтому оно и обычно в практике лексикологических работ. <...>

Классифицировать лексику по тематическим группам можно с самыми различными целями, и в каждом таком случае состав группы будет изменяться почти независимо от лексико-семантических связей слов. Например, можно выделить в особую тематическую группу названия рыб, а можно эту же группу влить в более обширную группу названий жаберных животных, в которую, кроме рыб, входят раки, моллюски, земноводные в начальном периоде их развития и др. Классификационные комбинации могут быть самыми различными. Тематические группы слов нередко совпадают или могут совпадать с отраслевой лексикой, например с лексикой отдельных видов производства, науки, и т. п. Различие здесь будет заключаться в наличии или отсутствии специального, терминологического употребления слов и степени их распространенности в языке. Этим самым, конечно, не отрицается специфика термина и терминологических систем. Речь идет не об этой специфике.

При сопоставлении тематических, обычно обширных, групп с лексико-семантическими группами слов, обычно ограниченных по своему составу, как будто становится ясным различие между ними. В самом деле, если рассмотреть тематическую группу — названия частей человеческого тела, то можно легко обнаружить, что семантические отношения между этими названиями будут неодинаковыми. Слова *спина* и *печень*, *голова* и *кожа*, *зуб* и *локоть* и т. п. обозначают различные, не сходные друг с другом реалии, и объединяются в одну тематическую группу потому, что представляют собою названия частей человеческого тела. Если в истории языка по тем или иным причинам в пределах тематической группы происходит замена одного слова другим, то такая замена не приводит к каким-либо изменениям в значениях, стилистической окраске и т. п. слов той же группы, что само по себе свидетельствует почти о «нейтральных» или «нулевых» семантических связях между словами группы, точнее, почти о полном отсутствии таких связей в каком-либо языке на данной ступени его развития. Если древнерусское слово *хръбѣть* (спина) в результате семантического уточнения в современном русском языке в основном своем значении означает «позвоночник» и постепенно вытесняется этимологически неясным *спина*, то это изменение никак не отражается на значениях и употреблении слов *голова*, *колѣ(ять)но*, *ротъ* и т. п. Между тем совершенно очевидна тесная семантическая связь в современном русском языке между словами *спина* и *хребет*. В просторечии оба эти слова в определенном речевом контексте взаимозаменяемы: ср. «взвалить мешок на *хребет*» и «взвалить мешок на *спину*». Ср. также устойчивое соединение слов *руки* и *ноги*, просторечное *руки-ноги* (= конечности тела), *без рук*, *без ног* (о калеке, потерявшем конечности), или переносно *глаза* и *уши* кого-либо («разведчики — *глаза* и *уши* командира») и т. д. Следовательно, в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собою лексико-семантические группы слов.

И все же только одно эмпирическое сопоставление тематических и лексико-семантических групп не может решить проблемы. Например, когда мы имеем дело с ограниченной по своему составу и неделимой или почти неделимой тематической группой слов, положение очень осложняется. Трудность разграничения тематических и лексико-семантических групп слов обусловливается прежде всего сложностью разделения словарного состава, как специфического явления языка, и внеязыкового содержания.

<...> Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что и те, и другие группы отражают познannую объективную действительность. В этом смысле любая лексико-семантическая группа слов всегда имеет свою «тему», пусть даже будет идти речь о группе очень близких друг к другу синонимов. В этом плане не может быть разделения слов па тематические и лек-

сико-семантические группы. Более того, любая лексико-семантическая группа слов входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь ее составной частью. Тематическая соотнесенность — один (но не единственный и не решающий!) признак лексико-семантической группы слов. Различие между этими типами связей слов определяется тем, что лексико-семантические группы слов представляют собою продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-нибудь языке, их состав, зависят только от уровня знаний того или иного народа — создателя и носителя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения. Если мы не считаем, что значение слова тождественно понятию, то мы также не должны отождествлять связи между значениями слов и связи между понятиями. Такой подход к делу, как нам представляется, позволяет наметить особенности лексико-семантических групп слов, их языковую специфику, включая и те многочисленные случаи, когда в поле зрения исследователя попадает ограниченная по своему составу группа слов, которая одновременно может быть и тематической и лексико-семантической.

Возьмем для примера нарицательные названия населенных пунктов. В современном русском языке это слова *город, пригород, предместье, селение, поселение, поселок, село, сельцо, слобода, посад, станция, деревня, хутор, выселок, починок* и некоторые другие. Можно ли относить эти слова к категории тематических групп слов? Несомненно, можно, если иметь в виду лишь классификацию реалий, обозначаемых указанными словами. Однако между этими словами имеются такие семантические связи, которые отсутствуют в типичных (обычно обширных) тематических группах слов. Наричательные названия населенных пунктов имеют одно общее название — *населенный пункт*, которое, обозначая родовое понятие, может в речи заменять собою все другие слова этой группы, как слова, обозначающие видовые понятия. Всё же лексико-семантические группы слов отличаются от тематических групп не только и не столько по наличию в них родовых и видовых соотношений. Слово *сосна* и слово *абрикос* обозначают видовые понятия по отношению к слову *дерево*, так же, как слово *карась* и *камбала* по отношению к слову *рыба*, но если бы в русском языке не было слова *абрикос* или слова *камбала*, то в обширных группах названий деревьев и рыб, в значениях этих названий ничего не изменилось бы, за исключением количественной убыли в этих тематических группах слов. Также и рост словарного состава в тематических группах не оказывает сам по себе какого-нибудь влияния на соотношение уже установившихся родовых и видовых понятий. Наличие в лексико-семантической группе слов слова, обозначающего родовое понятие, даже и не обязательно. Ср., например, в антонимах типа *свет* и *тьма*, семантическая связь между которыми совершенно очевидна.

Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причем при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чем-либо существенном их значения.

Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собою внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Яркий пример тому синонимические разряды слов. Каждая синонимическая группа слов в определенном языке на определенной ступени его истории настолько тесно семантически спаяна, что ее компоненты не могут произвольно классифицироваться без нарушения существующих между ними отношений. Это и понятно, поскольку слова-синонимы имеют одно значение (независимо или в зависимости от «контекста речи», типов словосочетаний, фразеологических сращений и т. п.), осложняемое эмоционально-экспрессивной окраской, различными стилистическими признаками, или несколько значений, которые в основном совпадают друг с другом и отличаются только оттенками. Иначе, синонимическая группа слов обозначает одно понятие. Ср. *лингвистика* — *языкознание* — *языковедение*, *самолет* — *аэроплан*, *около* — *рядом* — *поблизости*, укр. *баба* — *старуха* — *бабка* — *старенька* — *бабуся*, древнерусск. *конь* — *комонь* — *лошадь* ... и т. д. Синонимические отношения нарушаются, если сопоставляются различные значения одних и тех же многозначных слов. Ср. *родной* (в значении находящийся в кровном родстве) и *милый*, которые не являются синонимами и даже вовсе могут не иметь в определенных речевых контекстах непосредственных семантических связей («родной отец был ему враг»). Между прочим, недостаточный учет или непонимание того, что синонимы обозначают одно понятие, приводит к многим недоразумениям в определении синонимических групп слов, примеров чему можно было бы привести множество. Ср. типичные примеры такого рода недоразумений в учебнике «Современный русский литературный язык» Финкеля и Баженова. В этом учебнике, например, включаются в одну синонимическую группу слова *дом* — *хата* — *изба* — *палатка* и др., обозначающие различные реалии. В «Словаре русских синонимов» Абрамова очень нередко объявляются синонимами произвольно объединенные группы слов (типичный пример:

дерево — балка — бревно — дубина — былка — полень — головешка и еще другие подобным же образом подобранные слова). <...>

Не менее ярким примером тесных семантических связей между словами являются антонимы, которые немислимы один без другого, без противопоставления значений, так же, впрочем, как и немисливо существование отдельно взятого, ни с чем не сопоставляемого, изолированного синонима. Синонимические и антонимические отношения — два важных вида семантических связей слов в рамках той или иной лексико-семантической группы, однако этими связями дело не ограничивается. Существуют и другие, несомненно, разнообразные семантические взаимосвязи слов. Слова *сказать* и *говорить* не являются синонимами, поскольку ими обозначают хотя и очень близкие, но разные понятия. К тому же имеют в отдельных своих значениях различия по глагольному виду. Взаимозаменяемость слов (обычная при синонимах) в данном случае резко ограничена, если вовсе не невозможна. «Он отлично *говорит* по-русски» — вообще прекрасно владеет русской устной речью, а «он отлично *скажет* это по-русски» — произнесет речь, выскажется и т. п., пользуясь устной русской речью, в каком-либо конкретном случае. Оба слова, обозначая близкие понятия, дополняют друг друга так, что существование одного без другого в современном русском языке немисливо. В то же время к *сказать* и *говорить*, обозначающим исходные понятия, примыкают тесно связанные с ними *рассказать*, *произнести*, *выговорить*, *разговаривать*, *болтать*, *молвить* и др., дополняющие их в семантическом и стилистическом отношении. Все эти слова составляют одну лексико-семантическую группу, в которой *сказать* и *говорить* являются опорными, доминирующими компонентами, поскольку они выражают основные значения. <...>

Слова *день* и *ночь* в известной мере контрастны по своим значениям, но вряд ли являются в полном смысле антонимами, поскольку выступают как частные величины по отношению к слову *сутки*. Вместе с семантической контрастностью здесь выступают отношения видового к родовому, имеющие ^1данной лексико-семантической группе, ввиду ограниченности состава ее компонентов, существенный характер.

Отношения между словами *сказать* и *говорить*, *день* и *ночь* можно определить, как отношения такой непосредственной близости их значений, без которой немисливо само существование этих слов, по крайней мере, на определенном этапе развития языка. Это своего рода лексико-семантические сращения в языке.

Отношения между словами *сказать* и *говорить*, с одной стороны, и словами *рассказать*, *разговаривать*, *выговорить*, *поговорить*, *произнести*, *болтать* и другими им подобными можно определить, как отношения между близкими значениями, которые дополняют и уточняют друг друга, причем вторые и исторически, и по состоянию на данное время являются как бы производными от первых. Разумеется, речь здесь идет не о словообразовательной, а о семантической производности, поскольку к ведущим значениям могут примыкать значения, совсем не обязательно выражаемые однокорневыми словами. Лексико-семантического сращения в данном случае нет, но налицо семантическая зависимость вторых слов от первых, как, впрочем, и обратно. Без опорных слов не была бы выражена общая семантическая идея лексико-семантической группы, а без производных слов эта идея была бы обеднена.

Отмеченных связей (связей собственно языковых) или вовсе нет в тематических объединениях слов, или они могут быть случайными, неустойчивыми, вызванными лишь какими-либо частными конкретными обстоятельствами. Впрочем, как уже было сказано выше, пропасти между тематическими и лексико-семантическими группами нет и не может быть. Каждая лексико-семантическая группа имеет свою «тему», но далеко не каждое классификационное объединение слов по той или иной теме представляет собою данное в самом языке объединение значений (синонимических, антонимических, взаимосвязанно уточняющих и др.). <...>

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

С. 23–34.

§ 2. Собрание определений семантического поля

2. 0. Цель и принципы отбора дефиниций

Определения отбирались с таким расчетом, чтобы в своей совокупности они возможно полнее характеризовали понятие поля. Второстепенным критерием отбора было стремление не повторять те из них, кото-

рые уже приводились в различных обзорах. В частности, на этом основании из коллекции были исключены почти все определения, цитированные в упомянутой книге Щура (Г. С. Щур. Теории поля в лингвистике, стр. 24—30, 35, 41, 44, 46, 49, 65, 96, 114).

Собранные здесь определения с известной долей условности классифицированы в три группы по признакам, указанным в названии соответствующих разделов (2.1, 2.2, 2.3). Сравнение их внутри групп и самих групп друг с другом позволяет извлечь и сформулировать основную проблематику теории поля (см. 2.4).

2. 1. Общие определения поля как «единицы» лексико-семантической системы

«...под системой значений понимается взаимоупорядоченность некоторого ограниченного числа выражений, рассматриваемых под каким-то одним углом зрения» (R. M. Meyer. Bedeutungssysteme. «Zeitschrift für deutsche Wortforschung», Bd. 43, 1910, стр. 359).

«Словесное поле представляет собой группу слов, которые в содержательном отношении тесно связаны друг с другом и, будучи взаимозависимы, предопределяют значения друг друга» ().

«Лексические поля, являясь промежуточным уровнем между отдельным словом и словарем в целом, представляют собой тесно объединенные разделы словаря, где определенная сфера опыта разделяется особым образом, который может варьироваться от языка к языку или от одного исторического периода к другому» (S. Ulmann. Semantics. «Current Trends in Linguistics», v. 9. The Hague–Paris, 1972, стр. 370; аналогичные определения Ульман дает в других своих работах; Он же. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 20; Он же. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford, 1962, стр. 157).

«Понятийное поле» на деле совпадает со значением слова в словаре, и, как будет показано в самом исследовании слов fair, foul, etc., значения и понятийные поля почти покрывают друг друга и в терминологическом смысле могут употребляться недифференцированно» (A. Rudskoger. Fair, foul, nice, proper. A contribution to the study of polysemy. Stockholm, 1952, стр. 12).

«...лексические значения объединяют слова в лексико-семантические группы (или разряды) слов по вполне определенным правилам...»

Группировка слов по их лексическим значениям основывается на той или иной связи понятий, которые выражаются словами и которые выражают связи предметов и явлений действительности» (В. И. Кодухов. Лексико-семантические группы слов. Л., 1955, стр. 4—5).

«Семантическое (словесное) поле представляет собой в структурном плане лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка. Эти отрезки— слова непосредственно противопоставлены друг другу на основе простых смысловых различительных признаков. Например, в немецком языке ряд jung (молодой) — neu (новый) — alte (старый) составляет словесное поле. Одно словесное поле может включаться в другое поле более высокого уровня. Всякая языковая единица, существующая в форме простого слова, является с точки зрения содержания лексемой. Единица, соответствующая всему содержанию словесного поля, является архилексемой. Но так как словесные поля относятся к разным уровням, то и архилексемы могут быть разных уровней» (Э. Косериу. Лексические солидарности. «Вопросы учебной лексикографии». М., 1969, стр. 95).

«ПОЛЕ... 1. Совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта... Поле семантическое ...1) Частичка («кусочек») действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной микросистемы» (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 334).

«Словарь языка не является хаотическим нагромождением единиц. Он распадается на некоторое число «полей», объединяющих слова на основе их семантической общности. Каждое семантическое поле... присущим только данному языку способом членит тот кусок действительности, который оно отражает» (Ю. Д. Апресян. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. «Лексикографический сборник», вып. V. М., 1962. стр. 52; аналогичное определение — С. Г. Бережан. Теория семантических полей и синонимия. «Проблемы языкознания». М., 1967, стр. 166)

«...поле является отражением инвариантного принципа группировки элементов и способом их существования... Возможно, что в качестве полей оправданно рассматривать группы элементов (фонем) с общим лингвистическим интегральным признаком и способностью притягивать к себе новые элементы, обладающие таким признаком. Следовательно, для таких групп должна быть характерна аттракция» (Г. С. Щур. Указ. соч., стр. 206, 219; ср. аналогично стр. 234).

«Семантическое поле — это совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями. Для сигнификативного слоя упомянутое сходство трактуется как связь с некоторым (одним и тем же) набором понятий, для денотативного слоя — как связь с одним и тем же набором объектов внешнего мира, для экспрессивного слоя — как связь с одним и тем же набором условий речевого общения, для синтаксического слоя — как связь с одним и тем же набором синтаксических отношений между частями речевых отрезков. Таким образом, в каждом семантическом слое имеются семантические поля. Может рассматриваться объединение в семантические поля и для архиединиц (например, нерасчлененно для сигнификативно-денотативных единиц)» (Б. Ю. Городецкий. К проблеме семантической типологии. М., 1969, стр. 173).

«...семантическое поле представляет отдельную небольшую лексическую подсистему, имеющую относительную самостоятельность. Автономность ее относительна, поскольку данное семантическое поле может иметь разнообразные семантические связи с другими полями. Именно такое разнообразие семантических связей и создает трудности как при определении его границ, так и при установлении состава его компонентов.

Всякое семантическое поле имеет специфичную структуру. Различия в структуре отдельных семантических полей зависят от культуры и развитости сознания языкового коллектива, от уровня развития материальных условий, в которых протекает общественная жизнь, от принципов, по которым осуществляется сегментация действительности. Принцип сегментации представляет собой внеязыковое содержание данного семантического поля. Но он тесно переплетается со специфичными чертами языковой системы. И поэтому когда изучается структура всей лексико-семантической системы и структура отдельного семантического поля, нельзя не учитывать тесного взаимодействия внеязыковых (культура, общественные условия, географическая среда и др.) и языковых факторов» (Р. Мутафчиев. Анализ за лексиката по семантичните полета. «Език и литература», т. 26, кн. 2, София, 1971, стр. 30).

«Системный характер словарного состава обнаруживается, в первую очередь, в распределении слов по некоторым семантически объединенным лексическим группам — лексико-семантическим парадигмам. Каждое слово языка входит в определенную лексико-семантическую парадигму, причем чаще всего, вследствие своей многозначности, не только в одну. Индивидуальная семантика слова раскрывается через его противопоставление другим членам парадигм, в которые оно входит, по определенным существенным признакам» (Э. М. Медникова. Значение слова и методы его изучения. М., 1974, стр. 48.— Эта трактовка поля близка к пониманию его в кн.: J. Lyons. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968, стр. 443).

«Возможность различных подходов при исследовании семантических полей подтверждает гипотезу о наличии нескольких уровней абстракции при переработке, хранении и передаче семантической информации. На более высоких подконтрольных уровнях структуры языка в качестве единиц переработки и хранения информации выступают, видимо, некие единицы смысла. На этом уровне слово можно рас-

сма­три­вать как ком­би­на­тор­ный ва­ри­ант этих еди­ниц, и смыс­ло­вые свя­зи между сло­ва­ми объ­яс­ня­ются на­ли­чием в их со­ста­ве об­щих еди­ниц смыс­ла или сход­ством струк­ту­ры их ком­би­на­ций, что не все­гда до­ступ­но не­по­сред­ствен­но­му на­блю­де­нию и ин­ту­и­ции.

На од­ном из бо­лее низ­ких уров­ней, пред­шес­т­вую­щем за­клю­чи­тель­ным эта­пам поро­жде­ния тек­ста (ре­чи), в ка­че­стве еди­ницы уже вы­сту­пает сло­во, как не­кая об­раз­но-мыс­ли­тель­ная еди­ница. Сло­ва груп­пи­ру­ются в со­зна­нии го­во­ря­щих в се­ман­ти­че­ские по­ля на ос­но­ве тематической близости или на ос­но­ве при­над­ле­ж­ности к одной об­ла­сти ло­гиче­ских по­ня­тий их ре­фе­рен­тов. На этом уров­не аб­страк­ции смыс­ло­вые свя­зи между сло­ва­ми од­но­го се­ман­ти­че­ского по­ля опре­де­ляются ас­со­ци­атив­ными свя­зя­ми между об­оз­на­чае­мыми» (Е. Л. Кри­е­чен­ко. К по­ня­тию «се­ман­ти­че­ское по­ле» и ме­то­дам его изу­че­ния.— НДВШ, фи­лол. на­уки, 1973, № 1, стр. 100—101).

«...сло­ва, яв­ляю­щие­ся ком­по­нен­тами ря­да, на­хо­дятся в опре­де­лен­ной ие­ра­рхии, т. е. со­от­но­сятся как вы­шие и низ­шие по от­но­ше­нию друг к другу, так что су­ще­ство­вание ка­ко­го-ли­бо из них тре­бует неиз­мен­но­го на­ли­чия, ска­жем, двух дру­гих опре­де­лен­ных слов то­го или ино­го ря­да, су­ще­ство­вание дру­го­го — на­ли­чия трех слов и, на­ко­нец, су­ще­ство­вание n-го сло­ва тре­бует на­ли­чия всех без ис­клю­че­ния чле­нов ря­да (ядер­ное сло­во)» (М. М. Ма­ков­ский. Те­о­рия лек­сиче­ской ат­трак­ции. М., 1971, стр. 21).

2.2. Опре­де­ле­ния по свой­ствам

«...язы­ко­вое по­ле есть фраг­мент (Ausschnitt) про­ме­жу­точ­но­го ми­ра в род­ном язы­ке, ко­то­рый, ор­га­ни­че­ски рас­чле­няясь на вза­им­о­дей­ст­вую­щие груп­пы язы­ко­вых зна­ков, ха­рак­те­ри­зуется извест­ной це­ло­ст­но­стью. Та­кое чле­нение оста­ется дей­ст­вен­ным и в том слу­чае, если оно неочевидно для носителя и носитель не осоз­на­ет его» (L. Weisgerber. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft, 2. neubearbeitete Aufl. Heidelberg, 1964, стр. 70. (1 Aufl.: «Das Gesetz der Sprache», 1951); ана­ло­гич­ное опре­де­ление та­к­же: L. Weisgerber. Grundzu(s двумя точками)ge der inhaltbezogenen Grammatik. Du(s двумя точками)sseldorf, 1962, стр. 100).

«Лек­сико-се­ман­ти­че­ские груп­пы слов пред­ста­вляют со­бой соб­ствен­но язы­ко­вые еди­ницы, про­дукт исторического развития того или ино­го язы­ка. Сло­ва, выра­жая свои соб­ствен­ные зна­чения, в рам­ках од­ной лек­сико-се­ман­ти­че­ской груп­пы в то же время ока­зывают­ся свя­зан­ными между со­бою от­но­ше­ниями, не без­раз­лич­ный для их соб­ствен­ных зна­чений. Это от­но­ше­ния сино­нимии, ан­то­нимии, вся­кого ро­да уточ­не­ния, диф­фе­рен­ци­ации, об­об­ще­ния близ­ких или со­пре­дель­ных зна­чений и т. д. Обус­ло­в­лен­ные раз­ными при­чи­нами из­ме­не­ния этих от­но­ше­ний ока­зывают воз­дей­ствие на раз­ви­тие зна­чения от­дель­но­го сло­ва (зна­чения рас­ши­ряются, как можно видеть на примере сло­ва *ска­зать*, су­жи­ваются, ср. *по­гост*, или так или ина­че ви­до­из­ме­няются), на самый со­став лек­сико-се­ман­ти­че­ской груп­пы и ее даль­ней­шую судь­бу (рост или су­же­ние ко­личества ком­по­нен­тов груп­пы и даже ее рас­пад, за­мена од­них слов дру­гими)....

Лек­сико-се­ман­ти­че­ские груп­пы слов, ко­неч­но, не изо­ли­ро­ваны друг от дру­га.

Можно по­ла­гать, что свя­зи между ними осу­ществ­ляются двумя ос­нов­ными спо­со­бами: во-пер­вых, путем свое­об­раз­но­го парал­ле­лиз­ма или со­при­кос­но­ве­ния всего круга зна­чений од­ной груп­пы с кругом зна­чений дру­гих груп­п; во-вто­рых, по­сред­ством раз­но­об­раз­ных се­ман­ти­че­ских свя­зей од­но­го члена груп­пы с дру­гими сло­ва­ми, не вхо­дя­щими в дан­ную груп­пу. Эти спо­со­бы могут ре­а­ли­зо­ваться и в ком­би­ни­ро­ван­ном ви­де» (Ф. П. Фи­лин. О лек­сико-се­ман­ти­че­ских груп­пах слов. «Ези­ко­вед­ски на­сле­до­вания в чест на ака­де­мик Сте­фан Мла­де­нов». Со­фия, 1967, стр. 535, 536).

«Язы­ко­вое по­ле не просто рав­но­знач­но со­во­куп­ности сино­нимов; для по­ни­ма­ния по­ля в точ­ном смыс­ле бо­лее важ­ны сле­ду­ю­щие его чер­ты: со­дер­жа­тель­ная зна­чи­мость слов не может быть по­ня­та, ис­хо­дя из от­дель­но­го сло­ва; в со­дер­жа­тель­ном плане ка­ждое сло­во за­висит от всего со­ста­ва по­ля близ­ких по смыс­лу слов. Смысл сло­ва опре­де­ляется со­дер­жа­нием его сосе­дей по по­лю. Как толь­ко хотя бы од­но сло­во вклю­чается в по­ле или вы­па­дает из него, тем самым затра­гивается ка­ждое дру­гое сло­во этого по­ля, из­ме­няются со­дер­жа­тель­ные гра­ницы ка­ждого сло­ва в по­ле. В ре­зу­ль­тате для ка­ждого кон­крет­но­го язы­ка и для ка­ждого его носителя вы­ри­со­вывается не­ко­то­рое плот­ное, без про­пус­ков по­кры­тие. Яв­ле­ния внеш­не­го ми­ра упорядочены в этой по­ня­тий­ной системе так, что не за­мет­но ни­ка­ких пробелов. Это смыс­ло­вое чле­нение вы­сту­пает как язы­ко­вая спо­соб­ность (Sprachbesitz) носителя язы­ка, опре­де­ляет его

понимание (Auffassen), мышление и речь. Иное членение на поля в иностранных языках или в другие исторические периоды родного языка осуществляется по-другому, но в основе его тоже лежит упорядочение без пробелов. Сказанное можно свести к следующим взаимосвязанным пунктам:

принцип целостности (das Ganzheitsprinzip),
принцип упорядоченности (das Prinzip der Geordnetheit),
принцип взаимоопределяемости (das Prinzip der Wechselbestimmtheit),
принцип полноты (das Vollständigkeitsprinzip),
принцип произвольности границ (das Prinzip der Wohlgeschiedenheit),
принцип сплошности (das Prinzip der Lückenlosigkeit)» (G. Kandler. Die «Lückenlosigkeit» im sprachlichen Weltbild. «Sprache—Schlüssel zur Welt». Düsseldorf, 1959, стр. 258—259)

«...можно выделить 4 определяющие черты поля:

1. Присутствие (Präsenz). Когда слово — член поля — используется говорящим или бывает понято слушающим, то каким-то образом оказываются в наличии все другие члены этого поля. Ни одно слово не должно выпасть, если мы хотим правильно понять содержание какого-то из слов в поле. Отдельное слово может быть понято только на основе всей совокупности (у Г. Кандлера это принцип полноты — Vollständigkeit), и только через эту совокупность и воспринимается вообще его содержание (у Г. Кандлера это принцип взаимоопределяемости — Wechselbestimmtheit). Не вполне ясным остается, следует ли это присутствие понимать в прямом психологическом смысле, или оно лишь имплицитно присутствует в смысле структуралистской трактовки понятия поля.

2. Непрерывность (Kontinuität). Язык покрывает реальность без пробелов и пересечений; члены поля взаимосвязаны сплошным образом. Исключается как возможность того, чтобы смысловые зоны двух полей перекрывали друг друга, так и возможность того, чтобы одно слово принадлежало двум полям.

3. Целостность (Totalität). Языковое поле полностью воспроизводит реальный мир, т. е. понятийную картину данной языковой общности. (NB. Этот принцип не касается того, что у Г. Кандлера названо принципом полноты — см. выше: «присутствие»).

4. Историчность (Historizität). Поле — это не только факт языковой структуры, но и факт языковой истории: языки развиваются в границах их расчлененности, а это членение имеет исторический характер» (L. Seiffert. Wortfeldtheorie und Strukturalismus. Stuttgart, 1968, стр. 28).

«Словесное поле в смысле Трира—Вайсгербера вовсе не является закрепленным в языке феноменом, который будто бы играет решающую роль в определении значения (Inhalt) слов. Точное содержание слова определяется только его взаимосвязями с другими словами. Само же словесное поле — это, безусловно, полезное научное понятие, имеющее вспомогательную ценность, с помощью которого мы размышляем о нашем языке с целью постичь его свойства и возможности и восстановить языковое содержание прошедших эпох» (H. Rupp. Wortfeld und Wortinhalt. «Festgabe für F. Maurer zum 70. Geburtstag». Düsseldorf, 1968, стр. 49).

«...лексические единицы в словаре идей обладают довольно высокой степенью семантической самостоятельности, хотя последняя и носит весьма специфический характер и не всегда бесспорна: вне контекста или скрытой связи идей каждая из этих единиц вызывает в сознании некоторую понятийную реальность с довольно расплывчатыми контурами, плохо сводимую к ясному определению, однако четко отграниченную от других, соседних с ней понятийных реальностей... Природа словаря идей требует при формировании соответствующего поля учитывать особенности индивидуальной культуры носителей языка. Так, например, семантические корреляции типа poésie—rhétorique (отношение интердетерминации) существуют в сознании лишь отдельных носителей; корреляции типа poésie—prose воспринимаются всеми, но имеют разную значимость для разных индивидуумов (для нас — это отношение оппозиции, для других — абстрактно-научное, а в итоге асемантическое противопоставление); наконец, корреляции типа poésie—philosophie имеют объективную и общую значимость, образуя оппозицию в собственном смысле. Кроме того, характер и удельный вес этих отношений меняются с течением времени для одной и той же единицы» (P. Zumthor. Note sur les champs sémantique dans le vocabulaire des idées. «Neophilologus», XXXIX, стр. 177).

«Понятийные поля (les champs conceptuels) представляют собой лексические множества, организованные на основе единой семантической значимости и включающие все слова, которые подразумевают определенное понятие (например, «дерево» или «храбрый»); при этом неважно, является ли это понятие семантической доминантой для входящих в поле слов или только одним из вторичных понятийных элементов. Такие поля состоят из ядра, представленного термином (или терминами), наиболее широко

употребляющимся для выражения данного понятия, и нескольких областей, из которых одни могут располагаться в непосредственной близости к ядру, а другие — на периферии поля. Равным образом возможно, чтобы какая-то область пересекалась с ядром, включая несколько общих с ним членов, или выходила за пределы данного поля, пересекаясь с другими полями» (О. Ducháček. *Précis de sémantique française*. Vrnо, 1967, стр. 34).

«Единство семантического поля основано на специфических корреляциях, связывающих семантические единицы. К этим корреляциям относятся: синонимические корреляции; гипонимические корреляции (например, *багровый — красный*); корреляции несовместимости (*красный — зеленый*); антонимические корреляции; корреляции следования (*изучать — знать*); конверсивная корреляция (*продавать — покупать*); агентивная корреляция (*гео-купать — покупатель*) и др... Специального исследования требуют более дробные виды этих корреляций. Например, под общим названием «антонимические корреляции» кроются весьма различные семантические отношения (ср. *высокий — низкий, живой — мертвый, черный — белый, вперед — назад* и др.)» (Б. Ю. Городецкий. К проблеме семантической типологии. М., 1969, стр. 202).

«Семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент, например *величина, вес, вместимость, высота, глубина, длина, интенсивность, количество, объем, площадь, размер, рост, сила, скорость, температура, толщина, число, ширина, яркость*, а также все их семантические и иные производные, включая слова других частей речи (ср. *горячий, теплый, холодный, нагреваться, охлаждаться, раскалять* и т. п.), или *брызги, детали, капли, комья, крошки, куски, ломти, лоскуты, обрезки, обрывки, осколки, отрывки, фрагменты, части, щепки*. Уже эти примеры показывают, что от элементов семантического поля не требуется, чтобы они обнаруживали большее семантическое сходство друг с другом, чем с другими элементами словаря.

В силу указанного свойства семантические поля суть классы пересекающиеся; единственного разбиения словаря на семантические поля, если не принимать искусственных принципов классификации и не подменять семантические компоненты бинарными или иными дифференциальными признаками, не существует; из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» (Ю. Д. Апресян. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М., 1974, стр. 251-252).

2.3. Определения по принципам внутренней организации

«...Собственные слова некоторого языка не стоят в языке изолированно, но всегда упорядочены в семантические группы (*Bedeutungsgruppen*); при этом имеются в виду не этимологические объединения, построенные вокруг иллюзорных «корней», а такие, в которых реальное смысловое содержание слов связано с таким же содержанием других слов. Однако эта связь понимается не как бесконечно тянущиеся друг за другом ассоциативные нити, а таким образом, чтобы вся эта группа очерчивала границы определенного поля значений (*Bedeutungsfeld*), которое в свою очередь само членится: как в мозаике соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка, не опускаясь до гнилой абстракции» (G. Ipsen. *Der Alte Orient und Indogermanen. «Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streitberg»*. Heidelberg, 1924, стр. 225).

«Отдельное слово получает определенность, исходя из численного состава и расположения (*Zahl und Lagerung*) значений, противостоящих ему в общем поле, и правильность понимания отдельного слова зависит от психического присутствия этого общего поля и от его специфической структуры.

Чтобы понимание осуществилось, численный состав и расположение языковых знаков этого понятийного поля должны имплицитно (*unausgesprochen*) быть в наличии у слушателя» (J. Trier. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Bd. 1. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts*. Heidelberg, 131, стр. 7).

«Все, что в пределах некоторого обязательного отношения является взаимозаменяемым, принадлежит к одному и тому же полю» (W. Porzig. *Das Wunder der Sprache*. Bern, 1950, стр. 84).

«Языковое поле представляет собой множество слов, связанных определенными взаимоотношениями и образующих иерархически организованное структурное целое» (O. Ducháček. *Précis de sémantique française*. Brno, 1967, стр. 32).

«'Поле' при этом не следует представлять в виде двухмерной структуры, уподобляемой в этом смысле словесной мозаике; оно скорее похоже на силовое поле, причем этим названием подчеркивается, что слова существуют не изолированно, а связаны определенными взаимоотношениями» (H. Gipper. *Der Inhalt des Wortes und die Gliederung des Wortschatzes*. «Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache». Mannheim, 1959, стр. 415).

«Последовательность компонентов при этом вообще не играет никакой роли. Компоненты, задающие значение лексемы, позволяют выявить не что иное, как принадлежность ее к различным, имманентно присущим языку семантическим классам.

...Понятие поля значений, по крайней мере для глаголов, предполагает в качестве предпосылки понятие значения в предложении (*Satzbedeutung*), и отсюда — инвентарь значений единиц в поле принципиально должен быть богаче, чем инвентарь значений единиц в предложении» (K. Baumgartner. *Die Struktur des Bedeutungsfeldes*. «*Sprache der Gegenwart*», Bd. I. Düsseldorf, 1967, стр. 170, 177).

«Даже если бы мы отвлеклись на время от того факта, что значения слов определяются контекстом, мы все равно не смогли бы нарисовать такую картину поля, которая давала бы возможность охватить его все целиком одним взглядом. Изобразим слова в виде небольших кружков, которые для одного и того же слова будут разными по величине и расположению в зависимости от того, к сфере какого из наших пяти методов исследования (т. е. к анализу глубины чувства, его интенсивности, кинетического или статического характера, временной отнесенности и направленности—ненаправленности.— Ю. К.) они будут относиться. В каждом из субполей, соответствующих этим пяти методам, маленький кружок, представляющий некоторое слово, будет помещен внутри большого круга, который символизирует абстракцию, названную «полем приятных эмоций». Маленькие круги внутри субполя будут накладываться друг на друга и пересекаться самыми разнообразными способами. Однако и это необязательно: в каком-то конкретном субполе они могут не только не пересекаться, но даже не касаться друг друга; они могут также выходить частично за пределы большого круга... Общая структура субполей и аранжировка кругов в каждом из них, естественно, будет неодинаковой для английского и немецкого языков» (K. Reuning. *Joy and Freude. A comparative study of the linguistic field of pleasurable emotions in English and German*. Swarthmore, 1941, стр. 129).

«Заглавное слово поля определяется обычно членами не этого поля (иначе были бы получены тавтологические дефиниции типа: *bleiden – sich aufhalten; sich aufhalten – bleiben*), а другого, более высокого порядка (в нашем примере *bleiden* определим через *sich befinden: bleiben — sich für eine gewisse Zeit an einem Ort befinden*).

Чем больше в определении дополнительных (семантических и стилистических) характеристик, тем дальше располагается данное значение от ведущего слова поля. И таким образом обрисовывается контур поля: его ядро — заглавное слово — и ближе или дальше отстоящие от него члены поля, на периферию поля могут заходить в своих семантических вариантах также члены соседних полей. В то же время члены данного поля могут в своих вариантах входить в другие поля. Так, в нашем примере к полю *bleiben* подключаются глаголы *stehen, liegen, sitzen*, а глагол *stecken* обнаруживается на краю поля *sich befinden*. Выявление специфических свойств каждого члена лексико-семантического поля проводится, как указывалось, путем анализа семантико-синтаксических полей.

О структуре лексико-семантического поля можно утверждать следующее: в каждом лексико-семантическом поле выделимо ядро и расположенные вокруг него семантические и стилистические слои, однако каждое лексико-семантическое поле количественно и качественно индивидуально и своеобразно в заполнении сетки своих взаимоотношений» (Н. М. Минина. *Семантические поля в практике языка. Пособие по лексике немецкого языка*. М., 1973, стр. 36).

2.4. Основные свойства поля и проблематика теории

В приведенных определениях семантическое поле характеризуется с разных сторон, причем часть его характеристик совпадает у ряда авторов почти буквально, некоторые характеристики противоречат одна другой, некоторые оказываются уникальными. Если предположить, что во всех случаях в виду имелся один и тот же объект (что не вполне точно, но для этого этапа рассуждений допустимо) и что

определения его, таким образом, находятся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу, то совпадающие в разных определениях характеристики должны относиться к самым общим свойствам поля, а все прочие, отражая противоречия в его природе, служат основанием для постановки и рассмотрения соответствующих проблем.

В числе наиболее общих свойств поля следует назвать прежде всего связь его элементов, о которой в том или ином виде говорится во всех определениях. По поводу природы этой связи нет единого мнения: для одних она обусловлена семантическим сходством или близостью значений <Филин — 16>, разного рода семантическими корреляциями <Городецкий — 22>, для других — только единой точкой зрения на объект <Мейер — 1, Рупп — 19>, для третьих — наличием общего компонента у всех слов данного поля <Косериу — 6, Щур — 9, Апресян — 23>. От констатации связей между элементами поля в ряде определений сделан следующий шаг — к признанию системного характера этих связей, к тезису о специфичной структуре семантического поля. Причем внутренняя структура понимается по-разному: либо как парадигма <Косериу — 6, Медникова — 12>, либо как набор корреляций <Городецкий — 22>, либо как сеть понятийно-логических отношений (Кодохов — 5, Минина — 31, ср. также Кривченко — 13, Кандлер — 17, Духачек — 27). Следующим важным общепризнанным свойством поля, вытекающим из его внутренней упорядоченности, является «взаимоопределяемость» его элементов <Трип — 2, 25, Кандлер — 17, Ипсен — 24 и др.>, которая иногда выступает в виде их «взаимозаменимости» (Кривченко — 13, Порциг — 26). Указанные свойства поля — связь между элементами, их упорядоченность и взаимоопределяемость — подводят к одному из фундаментальных свойств комплексного характера — самостоятельности семантического поля <Ахманова — 7, Мутафчиев — 11, Цумтор — 20>, выражающейся в его целостности, а следовательно — принципиальной выделимости <Вайсгер-бер — 15, Кандлер — 17, Зайферт — 18>.

Другим комплексным свойством поля является подчеркиваемая во многих определениях специфичность его в разных языках <Ульман — 3, Апресян — 8, Мутафчиев — 11, Ройнинг — 30>. Это сложное свойство проявляется по крайней мере в двух характеристиках: во-первых, в исторической обусловленности его состава и структуры <Филин — 16, Зайферт — 18, Рупп — 19, Цумтор — 20>, во-вторых, в неповторимых национальных особенностях внешних связей полей друг с другом <Городецкий — 10, Кривченко — 13, Филин — 16>, которые были положены в основу гипотезы о несводимости «картины мира» в разных языках.

Проблематика теории поля включает много вопросов разной степени сложности, которые в собранных определениях либо сформулированы явно, либо содержатся в скрытом виде. Укажем здесь наиболее важные проблемы, которые можно даже назвать фундаментальными, потому что решение их позволило бы ответить также и на ряд других вопросов более частного порядка.

1) Является ли поле языковой единицей, «единицей смысла», как сформулировано в <13>, или природа его иная? С одной стороны, постулирование свойств однозначности границ <24>, автономности поля <7, 11>, его целостности <15>, непрерывности <18> должно свидетельствовать в пользу первого предположения. Но с другой стороны, подчеркивание относительного характера его самостоятельности <11>, свойства аттракции элементов <9> и широкого взаимодействия полей друг с другом <16> как будто бы лишает понятие поля той определенности, которая необходима для признания его единицей языка. Наконец, недвусмысленное утверждение о том, что «единственного разбиения словаря на семантические поля... не существует» <23>, характеризует поле как результат исследовательского произвола, детерминируемого лишь задачами описания.

2) Как соотносятся поле и полисемия? Входят ли многозначные слова в несколько полей <12, 16 и др.>, или одно слово может быть элементом лишь одного поля <4, 18>?

3) Как следует понимать «сплошность» поля (в нашей терминологии — «непрерывность»), отсутствие в нем пробелов (Lückenlosigkeit) и как в связи с этим свойством должна выглядеть его структура? Является ли она плоской, двухмерной и «мозаичной» <1, 15, 24> или сложной, многоуровневой, глубинной <13, 28, 30>?

4) Какова, наконец, психологическая реальность поля? Следует ли относить его исключительно к сфере опыта, к внеязыковой реальности <7, 9>, или к «промежуточному миру» <18, 24>; можно ли рассматривать поле как имманентно присущее языку свойство <16> или только как эвристический прием <19>?

Искать ответы на эти вопросы будем в соответствии с общей направленностью нашей работы — в практике, под знаком «как его сделать». Умея строить поле, мы сможем наблюдать его свойства, выяв-

лять его специфические особенности. Таким образом, ответы на сформулированные вопросы будут даны частично в ходе работы, частично — в самом ее результате.

С. 106 – 108.

Глава III. Построение словаря семантических полей (от списка слов — к словарю)

§ 7. Логическая структура семантического поля

7.0. Типы оппозиций между значениями слов

В семантическом поле в определенные отношения, связи друг с другом вступают не слова в целом, во всей совокупности их значений, а слова в своих отдельных значениях. Значение будем понимать здесь операционально и отдельным значением слова будем считать самостоятельную рубрику в статье толкового словаря (подробнее см. 13.0). Например, у слова *мечта*, согласно словарю Ожегова, два значения:

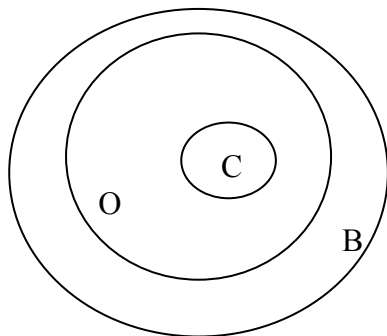
1. Нечто, созданное воображением, мысленно представляемое.

2. Предмет желаний, стремлений. Значение в принципе можно представить как некоторое множество дифференциальных семантических признаков, или компонентов значения. Пусть таким признаком будет отдельное слово в каждой самостоятельной рубрике словарной статьи. Тогда у слова *мечта* в первом значении пять компонентов, а во втором — три (подробнее см. ниже, § 13).

Любые два множества могут находиться в следующих отношениях (или оппозициях) друг с другом (предлагаемая ниже трактовка лексических оппозиций возникла в результате синтеза идей, содержащихся по этому вопросу в следующих работах: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960; R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — TCLP, 1936, № 6; J. Cantineau. Les oppositions significatives. «Cahiers F. de Saussure», 1952, № 10; J. Cantineau. Le classement logique des oppositions. «Word», v. 11, 1955, № 1; С. Маркус. Логический аспект лингвистических оппозиций. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963).

Нулевая оппозиция, или отношение равенства между множествами. Элементы таких множеств (основные содержательные компоненты значений сравниваемых слов) одинаковы. Если прибегнуть к схематической передаче этого соотношения, то на схеме следует изобразить две окружности, наложенные друг на друга и совпадающие в своих границах, т. е. сливающиеся в одной окружности: $O = A$, где O — исходное множество, т. е. в нашем случае значение, с которым сравнивается другое значение — A . Значит, лексической интерпретацией этой оппозиции будут синонимы и синонимические выражения, у которых тождественны основные компоненты и которые различаются «оттенками значения»: *лоб — чело* (поэт.), *говорить — басить* (жарг.), *покой — спокойствие*. (Разумеется, полного равенства в строго математическом смысле между компонентами синонимов быть не может, и, говоря о совпадении границ множеств, мы сознательно идем на упрощение картины, поскольку на этом этапе рассуждений некоторый «разброс» компонентов относительно значения, взятого за основу сравнения, для нас несуществен. Ниже в этом параграфе понятие синонима уточняется.)

Привативная оппозиция, или отношение строгого включения. В таком отношении находятся родовые и видовые наименования. Иногда это отношение называют также гипонимией. Здесь возможны два случая: а) оппозиция $O — B$ привативна в пользу B (как на схеме), т. е. множество O , или значение (или слово), с которым сравнивают, целиком включается в множество B , выступая по отношению к этому множеству компонентов как видовое наименование по отношению к родовому: *птица — живое существо*; *цветок — растение*; б) оппозиция $O — C$ привативна в пользу O , т. е. O (исходное множество, основание сравнения)

само включает в себя множество C , выступая по отношению к нему как род к виду: *птица — ворона*; *цветок — фиалка*. Вайсгербер для обозначения привативных отношений использует терминологию, не связанную с логическими понятиями рода и вида. Так, *тюльпан, фиалка, роза* — гипонимы по отно-

шению к *цветку*, согипонимы — по отношению друг к другу, а *цветок* по отношению к ним — суперордината (L. Weisgerber. Nennenswerte Sprachprobleme. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Tübingen, 1972, Bd. 94, стр. 236.— Наряду с этим термином иногда употребляется также гипероним).

Эквиполентная оппозиция: два множества O и B пересекаются друг с другом. Их пересечение составляет общую часть обоих множеств, а это значит, что O и $-O$ имеют одинаковые элементы. Но поскольку ни одно из них не включает другое, то помимо одинаковых компонентов у сравниваемых значений (слов) есть и неодинаковые. В то время как предыдущие оппозиции — нулевая и Привативная — устанавливаются между словами одной и той же части речи, эквиполентная оппозиция является самой широкой по охвату: она возможна между словами, принадлежащими как к одной, так и к разным частям речи, а также, правда, довольно редко, между отдельными значениями полисемантического слова. Например: *ум* — *умный*, *мысль* — *думать*, *мягкий (голос)* — *мягкий (климат)*. В последнем случае общий компонент у двух значений (по словарю Ожегова) — «приятный».

Дизъюнктивная оппозиция: у множеств нет общих элементов. Схематически она изображается в виде двух отдельно стоящих окружностей, которые не имеют точек соприкосновения. Подобное отношение существует между словами разных частей речи и одной части речи (в частности, между омонимами, если последние понимать традиционно, т. е. не по Карцевскому (См.: С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 85—90; см. также: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 104 и след.; Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 155—156)), а также значительно чаще, чем рассмотренная выше эквиполентная оппозиция, — между отдельными значениями полисемантического слова. Например: *слон* — *думать*, *слон* — *гвоздь*, *косить (траву)* — *косить (глазом)*, *косить (траву)* — *косить (людей)*.

Других оппозиций между множествами не бывает. (Градуальная оппозиция, включающая минимум три члена, соответствует отношению в ряду убывания или нарастания какого-либо признака, например: *хороший*—*недурной* — *средний* (т. е. «так себе») и т. д. Схематически такая оппозиция изображается в виде трех (или более) последовательно пересекающихся окружностей. Для нашей задачи она тривиальна, так как, если ее разбить на парные, то получим эквиполентные и дизъюнктивные оппозиции, уже рассмотренные выше.). Итак, решая в самом общем виде вопрос о семантической связи слов в поле (подробно этот вопрос рассматривается в 15.0), устанавливаем следующее. Два слова будем считать связанными друг с другом, если их значения имеют общие компоненты, т. е. если множества пересекаются (имеют общие элементы). В этом случае в семантическое поле должны входить значения (сложность в том, что и компоненты значений (т. е. элементы множеств), и собственно значения как множества компонентов, и сами слова как носители ряда значений (надмножества) обозначаются, в соответствии с принятой нами в 4.4 установкой, словами того же языка; поэтому важно всегда подчеркивать, о чем идет речь в каждом конкретном случае — о компонентах, значениях или словах (ср. ниже, 13.1)) с общими компонентами, т. е. значения, находящиеся в нулевых, эквиполентных и привативных оппозициях.

В. В. Морковкин «Опыт идеографического описания лексики». Изд-во Московского университета, 1977.

С. 5-17

Глава 1. Некоторые лексикологические проблемы идеографического словаря русского языка

Слово как объект лексикографического описания. Основным объектом лексикографического описания было и остается слово. Прежде чем перейти к анализу структуры слова, сделаем несколько замечаний общего характера.

Язык органически связан с мышлением. Мышление отражает процесс познания человеком действительности и формирует знание. Знание, таким образом, есть продукт осмысления людьми предметов, явлений и отношений действительности, законов природы и общества. Знание фиксируется в языке, образуя его содержательную сторону.

Являясь синтезом целого ряда систем (лексико-семантической, грамматической и фонетической), язык, с одной стороны, отражает опыт языкового коллектива, в течение тысячелетий рефлектирующего над устройством мира, а с другой — представляет собой чрезвычайно развитую динамичную структуру, в терминах которой мы осваиваем действительность. Языковое освоение фактов действительности состоит не только в наименовании, но и в оценке и классификации их. Наше познание действительности

опосредуется языком. При этом роль языка в познании столь велика, что знакомство с любым внеязыковым фактом нельзя считать состоявшимся до тех пор, пока человек не знает его наименования. Овладевая своим родным языком, мы овладеваем не просто словами и не просто грамматическими моделями. Одновременно с этим мы узнаем, как язык членит, классифицирует и оценивает явления и отношения действительности, т.е. мы познаем действительность такой, какой она представлена в языке. Именно здесь особенно наглядно выступает функция языка как своеобразного аккумулятора, который, сосредоточивая в себе результаты человеческого познания, закрепленные в словах, грамматических категориях и т. п., активно влияет на развитие каждого нового члена языковой общины. Когда мы говорим *камень твердый*, то удостовериться в истинности этого утверждения мы можем, как это ни парадоксально, лишь с помощью языка. Смысл выражения *камень твердый* таков: камень обладает определенным свойством, которое обозначается словом *твердый*, и это есть существенное свойство камня. Каждый новый член языкового коллектива, осязая камень, получает некоторые ощущения, а язык показывает, что такого рода ощущения являются не индивидуальными, а общими для всех членов языковой общины, колебания умственного здоровья которых не выходят за пределы нормы. Язык, по крайней мере в том виде, в котором он предстает перед нами сейчас, можно рассматривать как своеобразный ключ к миру, толкователь мира, классификатор мира.

Первым элементом языка, отдельность которого представляется вполне самоочевидной, является слово. Основные определяющие признаки слова как лингвистической единицы суть: 1) фонетическая оформленность, 2) семантическая ценность, 3) отнесенность к определенной части речи, 4) непроницаемость, 5) воспроизводимость. Признак фонетической оформленности следует понимать в том смысле, что в языке нет слов, которые бы не имели материальной или, как говорил А. А. Потебня, звуковой оболочки, т. е. любое слово обладает звучанием, причем в предельном случае это звучание состоит из одной фонемы (ср. некоторые частицы, предлоги, союзы и т. п.). Существенно важной особенностью фонетической оформленности русского слова является его недвуударность, т.е. способность употребляться либо как безударное, либо как имеющее одно основное ударение. Признак семантической – ценности означает, что в языке нет слов, лишенных значения. Подробный анализ значения слова будет дан ниже. Признак отнесенности к определенной части речи обозначает, что в русском языке нет слов, которые нельзя бы было отнести ни к одному из традиционно выделяемых лексико-грамматических классов, каковы существительные, прилагательные, глаголы и т.д. Говоря о непроницаемости слова, разумеется тот факт, что русское слово в исходной форме является целостной единицей, не допускающей никаких словесных вставок. Наконец, признак воспроизводимости принято понимать в том смысле, что слова не создаются в процессе коммуникации, но извлекаются из памяти или из контекста и воспроизводятся как готовые единицы.

Таким образом, слово в русском языке может быть определено как регулярно воспроизводимая, фонетически оформленная, непроницаемая лингвистическая единица, обладающая значением и отнесенностью к одному из лексико-грамматических классов.

Целью лексикографического описания чаще всего является семантизация слов. Семантизировать слово — значит правильно и идиоматично употреблять его в речи. Термин «информация» при этом в соответствии с теорией информации понимается как снятая неопределенность. Главным требованием, предъявляемым к семантизации, следует считать ее адекватность. Необходимым условием адекватной семантизации является четкое представление о семантической структуре, или значении слова. <...>

Слово — член парадигматических и синтагматических рядов и синтетический словарь как адекватное семантизирующее устройство. Среди понятий, используемых лингвистами при описании языка, весьма полезными для дальнейшего изложения являются понятия парадигматического и синтагматического рядов.

Парадигматические отношения определяют группировку слов безотносительно к их актуализации. В основе лексической парадигматики лежит явление соответствия некоторого набора слов некоторому широкому понятию и вытекающая отсюда возможность репрезентации понятия в речи одним из этих слов. Так, любое из слов *белый, голубой, синий, желтый, зеленый, коричневый, черный, пестрый* и т. п. может заместить позицию определения при существительном *цвет* в выражении *рубашка... цвета*. Главной операцией, которую предполагает парадигматическая группировка слов, является операция выбора подходящей лексико-семантической единицы для выполнения определенного речевого задания.

Основой синтагматики являются закономерности нормативной сочетаемости слов в речи. Синтагматические отношения определяют связь слов в пределах одного и того же речевого отрезка.

Различение парадигматических и синтагматических отношений между словами находит подтверждение в психологии и, в частности, в учении об ассоциациях.

Синтагматика имплицитно присутствует в языке и эксплицитно — в речи. Парадигматика имплицитно присутствует в речи и в явном виде — в языке.

Речевую актуализацию слова можно моделировать как состоящую из двух операций: а) выбора нужного слова из лексической парадигмы, б) употребления выбранного слова по законам данного языка. Значит, если мы можем (конечно, с определенными допущениями) предположить, что жизнь слова осуществляется на перекрестье двух планов — парадигматического и синтагматического, если употребление слова в речи предполагает знание лексических парадигм, в которые оно входит, и характера его сочетаемости с другими словами (его синтагматических свойств), то какой вывод для лексикографии вытекает отсюда? Вывод этот прост: необходимо построить словарь так, чтобы в нем нашли отражение, с одной стороны, парадигматическая группировка слов, а с другой — достаточно полная информация об их сочетательных свойствах.

Как указывалось, лексикографическое описание чаще всего служит для семантизации слов. Каким образом достигается эта цель в толковых словарях, т. е. таких, которые как раз и предназначены для раскрытия значений слов? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примеру. Возьмем любое слово, например, *магнитофон*. и посмотрим, как семантизируется оно в четырехтомном словаре русского языка АН СССР. На стр. 290 второго тома соответствующая статья выглядит так: **магнитофон**, -а, м. *Устройство для записи и воспроизведения звука электромагнитным путем*. Соотнесем теперь это определение с описанной выше схемой значения и посмотрим, отвечает ли оно требованию адекватной семантизации в том смысле, как это понимается в данной работе? Конечно, нет. Из трех установленных нами элементов качества, раскрытие которых обязательно для достижения адекватной семантизации, в приведенном примере раскрывается только первый. Что касается двух оставшихся элементов, то они остаются совершенно неопределенными. Положение не меняется и в том случае, если после словесного определения значения некоторого слова словарь дает один-два оправдательных примера, поскольку эти примеры никак не могут обеспечить, систематического раскрытия сочетательных потенций слова. Таким образом, толковые словари ограничиваются соотнесением графического образа слова с закрепленным за ним содержанием, и, следовательно, адекватной семантизации не обеспечивают. <...>

С. 18-27

Глава 2. Смысловое членение универсума и классификация лексики

Построение понятийной картины мира. Опыт создания идеографических словарей за рубежом показывает, что лексикографическая интерпретация первого положения должна основываться на создании единой схемы классификаций понятийного содержания лексики русского языка.

Несмотря на свою многоликость, многоплановость, реальный мир един. Все события, предметы, процессы могут рассматриваться как проявления движущейся материи. Их взаимосвязь подчеркивается наличием целого ряда объективных законов движения материи, имеющих универсальный характер. Коррелятом единого мира познания является единое знание, закрепленное в понятиях. Одной из форм фиксации понятий является лексика языка. Значит, содержательная, понятийная сторона лексики может быть систематизирована по типу и подобию систематизации событий, предметов и процессов реального мира. Результатом подобного рода систематизации должна стать определенная понятийная картина мира.

Ее построение достигается осуществлением двух взаимодополняющих операций: а) дедуктивного разбиения понятийного континуума, покрываемого лексикой данного (в нашем случае русского) языка; б) индуктивного «восхождения» от отдельных слов к выделенным дедуктивным методом рубрикам. Последнее осуществляется путем группировки слов, содержательная сторона которых допускает объединение их с другими словами на основании некоторого семантического признака (парадигматическая классификация лексики).

Для первой операции основанием служат, во-первых, мировоззренческие установки составителя, его «видение» мира, во-вторых, понятийные классификации, разработанные авторами наиболее значительных идеографических словарей (П. М. Роже, Ф. Дорнзайф, Х. Касарес и др.), в-третьих, наиболее значительные классификации знания (Ф. Энгельс, Ф. Бекон, О. Конт, Г. Спенсер, К. Пирсон и

др.), в-четвертых, библиотечные классификации (М. Дьюи, Ш. Р. Ранганатан др.). Для второй существенное значение имеют языковой опыт, лингвистическая компетенция и здравый смысл составителя, а также некоторый (по возможности простой) логический аппарат, при помощи которого анализируются слова и аргументируется их группировка.

Необходимо отметить, что для понятийной картины мира характерны отнюдь не только иерархические отношения. Понятийная картина является иерархической в том смысле, что основные понятийные области действительно соотносятся друг с другом как ниже и вышестоящие элементы. Кроме того, внутри этих областей встречаются группы понятий, образующие частные иерархические системы. Однако при существующем развитии науки вся содержательная сторона лексики не может быть представлена в виде жесткой всеобъемлющей иерархической классификации, и в этом смысле понятийная картина мира иерархической не является. Поэтому там, где невозможно установить иерархию, следует использовать другие виды группировки, например, задавать некоторую понятийную область списком. Во всяком случае, любая насильственная иерархизация ничего кроме вреда словарю, не принесет. Таким образом, везде, где действительность представляется нам иерархически организованной, это должно быть отражено при построении классификационной системы. Те же участки действительности, для которых в настоящее время установить иерархические отношения затруднительно, подключаются к системе на основании других критериев.

Дедуктивное разбиение понятийного континуума. Цель дедуктивного разбиения состоит в том, чтобы при помощи некоторой простой логической операции выделить наиболее очевидные целокупные понятийные области. Если при этом выделяются области, являющиеся предметом исследования отдельных наук, то дальнейшее их разбиение производится с учетом опыта классификаций, принятых в соответствующих науках на данном этапе их развития. Последнее положение следует подчеркнуть, поскольку идеографический словарь по своей сущности является не только справочной книгой, но и (что крайне важно) книгой, знакомящей читателя с точкой зрения современной науки на структуру той или иной понятийной области.

Ниже приводится эскиз понятийной картины мира, разработанный с учетом высказанных положений. На схеме изображено последовательное вычленение из совокупного целого, которым представляется нам вселенная, пяти обширных понятийных областей или классов. Первый класс, который в целях нашего анализа может быть противопоставлен всему остальному, есть класс понятий, обозначающих абстрактные отношения и формы существования материи. Дихотомично противопоставленный ему класс понятий, обозначающих собственно материальный, мир во всем его многообразии, может быть без остатка разделен на две понятийные области, одна из которых соотносится с неорганическим миром, а другая с органическим. Органический мир, в свою очередь, же разделяется на два огромных царства — царство растений и царство животных. И, наконец, из царства животных вычленяется человек как существо, наделенное разумом, в противоположность всем остальным животным, которые, как принято считать, разумом не обладают. <...>

Таким образом, пять основных понятийных классов суть: 1) абстрактные отношения и формы существования материи; 2) неорганический мир; 3) растения; 4) живые существа, лишённые разума; 5) человек. Эти классы, конечно, далеко не равноценны ни по своему объёму, по месту, занимаемому в картине мира. Но для нас важно то, что, во-первых, вместе они объёмлют без остатка смысловой континуум, покрываемый лексикой языка, во-вторых, все они осознаются действительно как отдельные целокупные понятийные области и, в-третьих, вычленение их производится вполне единообразно на основе дихотомического принципа деления объёма понятия. <...>

Парадигматическая классификация лексики. Целью идеографического описания является ориентированная на содержательную сторону систематизация слов. Понятийная классификация, которая обсуждалась выше, есть средство достижения этой цели. Потребность в понятийной классификации объясняется тем, что, во-первых, она в значительной мере облегчает создание классификации слов, а во-вторых, позволяет использовать частные таксономии, разработанные (на уровне понятий!) в различных науках.

Сама классификация слов производится методом фронтального анализа выбранного для этой цели лексического массива на основе логико-интуитивного метода. При этом существенным оказывается явление так называемой «условной омонимии», созвучное известным мыслям А. А. Потебни и Л. В. Щербы. Как известно, эти лингвисты, исходя, правда, из совершенно различных установок, выступали против точки зрения, допускающей существование многозначных слов. По их мнению, это «типографская точка зрения» на язык (Л. В. Щерба), а «на деле есть только однозвучность различных

слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» (А. А. Потебня). Оставляя в стороне вопрос о соотношении многозначности и омонимии (по этому вопросу существует большая литература), можно утверждать, что при идеографической классификации лексики многозначность в значительной степени сводится к «условной омонимии». При этом слово, традиционно считающееся многозначным, распадается на ряд однозначных слов, имеющих одинаковое звучание и написание, но различные значения. Так, разными словами признаются *подъем* (*крутой, подъем*) и *подъем* (*туфли жмут в подъеме*); *пропуск* (*предъявите пропуск*) и *пропуск* (*пропуск одного абзаца*); *полотно* (*полотно железной дороги*) и *полотно* (*рубашка из полотна*); *идти* (*он идет в школу*) и *идти* (*костюм идет ему*); *железный* (*железная крышка*) и *железный* (*железная воля*) и т. п. Следовательно, объектом классификации в идеографическом словаре является однозначное слово лексико-семантический вариант многозначного слова.

Однозначные слова группируются на основе определенного семантического признака, образуя так называемые лексико-семантические классы условной эквивалентности, соотносимые с определенными рубриками понятийной классификации. Лексико-семантические классы условной эквивалентности определяются как группы слов, несовпадающие семантические признаки которых в определенных позициях нейтрализуются. Лексико-семантические классы разных порядков отличаются один от другого числом общих семантических элементов. Чем больше это число, тем ближе друг другу понятия, репрезентируемые лексико-семантическими классами, тем теснее семантическая связь между словами, входящими в классы. Распределение слов по лексико-семантическим классам есть вид парадигматической группировки слов. Оно осуществляется на основе фронтального анализа значений слов, составляющих некоторый случайный лексический массив (например, алфавитный словарь). В основе такого анализа лежит представление о сигнификативном значении как некоторой сложной сущности, могущей быть представленной в виде цепочки сем. При идентификации сем удобно опираться на определения значения слов в толковых словарях, поскольку развернутые толкования слов в определенном смысле могут рассматриваться как семное описание их сигнификативного значения. Именами сем при этом можно считать названия семантических классов, к которым относятся полноточные слова, участвующие в толковании. В лексико-семантический класс условной эквивалентности включаются слова, которые имеют в своих значениях одни и те же опорные семы. Сама опорная сема при этом рассматривается как конституирующий признак данного класса. Целью парадигматической группировки является получение возможно более однородных (относительно сигнификативного значения) словесных групп. <...>

С. 49-56

Глава 4. Идеографическое описание лексико-семантического класса обозначения времени в русском языке

Концептуальная область, соотносимая с понятием времени, является одним из существеннейших компонентов понятийной картины мира. Вряд ли кто-нибудь решится оспаривать это утверждение, настолько очевидным оно кажется. А между тем попробуйте вдуматься в его смысл, и перед вами развернется бездна, глубину которой тщательно пытались измерить мыслители всех времен и народов.

Поскольку настоящая глава посвящена анализу русской лексики, отражающей категорию времени, естественным является вопрос, а что же такое время? И столь же естественным представляется обращение за ответом на этот вопрос к философии.

История философии знает множество научных трудов, посвященных проблеме времени. Знакомство с этими трудами показывает, каким непреодолимым магнетизмом обладает проблема времени для всех, кто когда-нибудь задумывался об устройстве мироздания. И вместе с тем оно делает очевидной обескураживающую тщетность всяких попыток получить достоверное и общезначимое знание о сущности времени путем традиционной дискуссии.

С. Т. Мелюхин так суммирует основные воззрения на категорию времени, зафиксированные в истории философии.

1. Время есть длительность существования и всеобщего изменения материи, неотделимая от изменений.

2. Время есть частная и конечная форма проявления абсолютной вечности, в которой пребывает бог или абсолютный дух, как преходящая длительность бытия материальных тел.

3. Время есть абсолютная, равномерная, всюду одинаковая, не зависящая от каких-либо воздействий термальных изменений длительность, однородная всей вселенной.

4. Время есть относительное свойство вещей, неотделимое от материи, порядок последовательности событий, совокупность отношений длительностей сменяющих друг друга состояний.

5. Время есть форма упорядочения комплексов ощущений и опытных данных; есть априорная форма чувственного созерцания; есть внутренняя основа субъективного существования, исчезающая вместе с исчезновением личного я.

6. Время есть важнейшая форма бытия материи, выражающая длительность и последовательность изменений материи.

Нетрудно видеть, что практически во всех приведенных определениях понятие времени объясняется через другие понятия, содержащие в явной или скрытой форме все то же понятие времени. Таковы участвующие в определениях понятия «движение», «изменение», «последовательность», «длительность», «вечность» и т. п., которые сами иначе, чем через понятие времени, определены быть не могут. Этот факт и вызывает сомнение в возможности дать корректное дискурсивное определение понятия времени.

Кроме того, обилие различных толкований, сопоставляемых слову *время* и отсутствие всякой надежды на достижение общезначимого понимания времени дают основание отнести само слово *время* к числу слов семасиологического типа, т. е. таких, относительно которых не можем утверждать, имеют они денотат в действительности или нет. Пренебрежение этим (или непонимание этого), выразившееся в стремлении во что бы то ни стало приписать слову *время* денотат, привело философов к моделированию самых различных концепций сущности времени, причем ни одна из них не может считаться не только доказанной, но и доказуемой. Другими словами, рассуждая о времени, мы не имеем возможности опереться на какое-либо убедительное логико-философское понимание этой категории.

В качестве паллиатива можно принять, что понятие времени принадлежит аксиоматическому уровню знания и в принципе не может иметь адекватного реального (в отличие от номинального) определения. Из чисто практических соображений в дальнейшем удобно ориентироваться на интуитивно достоверную и подтверждаемую практикой модель этого понятия, согласно которой время есть объективная сущность, обладающая количественными (метрическими) и качественными топологическими свойствами. Первые делают возможным счисление времени, т. е. позволяют его измерять. Вторые дают возможность рассуждать о времени как о некоей определенной сущности и двигаться к ее постижению. К количественным свойствам отнесем: а) делимость времени на отрезки; б) способность временных отрезков быть какой угодно длины; в) произвольность выбора точки отсчета времени. Среди качественных свойств времени подчеркнем прежде всего следующие: а) время движется от прошлого к будущему; б) момент «теперь» есть настоящее время, отделяющее прошлое от будущего; в) прошлое никогда не возвращается; г) мы не можем изменить прошлое, не можем изменить будущее; д) мы можем иметь протоколы прошлого, но не будущего; е) прошлое детерминировано, будущее недетерминировано.

Имея в виду таким образом определенную философскую модель понятия времени, попробуем теперь выяснить, какое содержание приписывает язык слову *время*. Рктер употребления слова *время* и анализируя его контекстуальные значения. При этом согласимся считать, что содержательная сторона слова *время* есть сумма *summagum* его контекстуальных значений.

Лингвистический анализ значения употребления слова *время*. Итак, мы исходим из того, что нам неизвестно, что значит слово *время* в русском языке. Чтобы установить это, обратимся к анализу его дистрибуции в текстах. Предметом анализа является употребление слова *время* в некотором рабочем массиве отмеченных фраз (около 700), взятых из произведений русских писателей из толковых словарей русского языка, из научной научно-популярной литературы, а также (редко) из периодической печати. Ни в одной из отобранных фраз окружение слова *время* не повторяется. Ближайшая цель анализа состоит в разбиении рабочего массива на такие серии фраз, в которых слово *время* употреблялось бы в одном и том же смысле. Критерием оценки являются данные толковых словарей русского языка, данные русско-иностранных словарей и языковой опыт автора. Конечная цель анализа состоит в классификации значений и оттенков значений слова *время* и, следовательно, в воссоздании его смыслового спектра.

Слово *время* как обозначение определенной философской категории. Обратимся к анализу следующих фраз. <...> «Борьба между акмеизмом и символизмом, если это борьба, а не занятие покинутой крепости, есть прежде всего борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и *время*, за нашу Планету Землю» (С. Городецкий. Некоторые течения в современной русской поэзии); «Да,

женщины значение огромно, Я в том согласен безусловно, Но мысль о *времени* сильнее женщин. Да! Споем песенку о *времени*, которую мы поем всегда» (Н. А. Заболоцкий. *Время*); «Пространство неотделимо для нас от *времени*» (В. И. Вернадский. *Проблемы биогеохимии*); «В геометрии, *конечно, время* может быть выражено вектором» (там же); «Сейчас становится ясным, что *время* есть чрезвычайно сложное проявление реальности» (там же); «Представление Минковского и его предшественников о *времени* как о четвертом измерении пространства есть математическое отвлечение» (там же); «В нашем обычном мировоззрении мы рассматриваем время как самостоятельный и совершенно независимый фактор природы» (А. Е. Ферсман. *Время*); «Таково определение времени в прошлом по документам истории природы» (там же); «Сущность времени (и пространства) есть движение» (М.Э. Омеляновский. *Послесловие к кн.: Г. Рейхенбах. Направление времени*); «В течение времени выражаются изменение и развитие материи» (там же); «Направленность – характерное свойство времени» (там же); «Время обладает направлением» (там же); «Присущность пространству порядка объединяет его с временем» (там же); «В древней Индии существовала особая философская система, которая называлась философией времени – калавада» (М.Д. Ахундов. *Идея непрерывности пространств и времени...*); «Физик умеет измерять только продолжительность времени, поэтому для него время – понятие совершенно пассивное» (Н.А. Козырев. *Причинная или несимметричная механика...*); «Что собой представляет время, до сих пор еще неизвестно» (там же); «Одномерность времени, по сути дела, рассматривалась как эквивалент его однонаправленности» (А.М. Мостепаненко. *Размерность времени и временной порядок*); «Провозглашение принципиальной возможности адекватного геометрического представления реального времени неоправдано» (там же); «Время предполагается непрерывным по аналогии с тем, как непрерывна эвклидова прямая линия» (Там же); «Связность времени означает, что его нельзя разбить на две топологически не связанные части» (там же); «Философское рассмотрение времени велось в нашей литературе главным образом на данных физической науки» (Я.Ф. Аскин. *Проблема времени*); «Однако следует считаться с тем, что время является всеобщей формой существования материи» (там же); «Признание времени атрибутом материи отнюдь не предполагает, что оно на всех уровнях материи проявляется одинаковым образом» (А.М. Жаров. *О зависимости свойств времени...*); «Физика не исследует некоторые аспекты временных отношений и описывает лишь метрические свойства времени» (В.П. Казарян. *Философские проблемы исследования свойств времени*); «Во дворе я увидел двух носатых старух, малограмотных, темных, но знающих, что такое время, лучше Эйнштейна» (Г. Гор. *Изваяние*); «Уж слишком изменилась Офелия, уж слишком она раздобрела, уж слишком омещанилась, чтобы играть с *временем* и пространством» (там же); «Да, современник, потому что речь идет скорее о *времени*, чем о том, что принято называть пространством» (там же); «Болезни это совсем другое дело, — сказал я. — Вот и боритесь с ними, Коля, изучая клетку и ее сложные механизмы. Но не замахивайтесь на *время* и не пытайтесь его отменить, заменив метафизической вечностью» (там же).

Нетрудно установить, что во всех приведенных примерах слово *время* употребляется в одном и том же смысле и является именем некоторой философской категории, обозначающей особую метафизическую сущность. В этом значении слово *время* употребляется преимущественно в научной, научно-популярной, научно-публицистической и научно-фантастической литературе, причем не во всякой, а такой, которая ставит своей задачей выяснение понятийного содержания указанной сущности. В художественной литературе и в устной речи слово *время* в отмеченном значении употребляется редко.

Характер сочетаемости слова *время* в значении «особая философская категория» весьма показателен с точки зрения иллюстрации зависимости ее (сочетаемости) от сигнификативного содержания слова *время*. Выше было установлено, что сочетаемость существительного как, впрочем, и других частей речи, может быть представлена в виде определенного набора синтаксических моделей. Посмотрим теперь, какие из этих моделей реализуются в данном случае и каков характер их реализации.

Модель АН. Анализ текстов показывает, что позицию согласованного определения в этой модели следует считать несущественной вследствие ее очень ограниченного заполнения. Последнее объясняется принадлежностью слова *время* в описываемом значении к метаязыковому уровню. Специфика этой позиции состоит в том, что она заполняется, главным образом, притяжательными прилагательными, образованными при помощи суффикса *-ов* от имен собственных и обозначающими принадлежность той или иной концепции времени тому или иному лицу, а также прилагательными указывающими на область знания, в рамках которой рассматриваемая категория имеет определенную специфику, например: *платоново, ньютоново, бергсоново, физическое, психологическое... время*. Соче-

тания с притяжательными прилагательными в настоящее время употребляются довольно редко, заменяясь, как правило, синонимичными сочетаниями, образованными по модели NN_g.

Модель NN. Применительно к слову *время* в анализируемом значении эта модель имеет вид NN_g, где N_g является позицией несогласованного определения в творительном падеже.

Она заполняется именем собственным, обозначающим лицо, которому принадлежит та или иная концепция времени. Например: *время кого*: ~ *Платона, Ньютона, Бергсона...* Сочетания, образованные по этой модели, являются предпочтительной альтернативой по сравнению с синонимичными сочетаниями, реализующими модель AN.

Модель N как N. Здесь позиция *как* N является позицией приложения вводимого присоединительным союзом *как*. Например: *время как свойство чего-либо, как форма чего-либо, как длительность...* Интересно, что для других значений слова *время* эта модель не характерна, что объясняется неясностью, неопределенностью, аморфностью его сигнификативного содержания и вытекающей отсюда возможностью различного его понимания.

Модель NN. Эта модель, реализуемая в форме NN_g и N_{prep}N является наиболее характерной для слова *время* в анализируемом значении. Позиция господствующего слова здесь заполняется главным образом именами предполагаемых (или действительных) свойств метафизической сущности in question, а также словами, характеризующими статус этой сущности или называющими интеллектуальные действия, направленные на нее. Например: *сущность, объективность, течение, направление... времени; понимание, проблема, концепция, категория... времени. Взгляд... на время. Учение... о времени.*

Модель VN. Она представлена вариантами VN_a и V_{prep}N. Позицию глагола (господствующего члена сочетания) заполняют слова, обозначающие интеллектуальные действия, направленные на мыслительный объект, именем которого является слово *время*. Например: *понимать как-либо, определять, характеризовать рассматривать, олицетворять... время. Размышлять ... о времени.*

Модель NV_{pers}. По этой модели образуются предикативные сочетания со словом *время* в качестве господствующего члена, т. е. сочетания слова *время* с глаголами в личной форме. Позицию зависимого члена заполняют глаголы, обозначающие некоторые качества, которые считаются релевантными для метафизической сущности, именем которой является слово *время* или вводящие какие-либо характеристики, выраженные словами других частей речи. Например: *время течет, движется, является чем-либо, есть что-либо...*

Все описанные модели реализуют подчинительную связь, т. е. такую, при которой один из членов сочетания является господствующим, а другой — зависимым. Кроме этого, отмеченный лексико-семантический вариант слова *время* может входить в сочетания слов, образованные на основе закрытой сочинительной связи, формальным выражением которой является союз *и*. Например: *время и пространство; пространство и время.* <...>

С. 115-118

Заключение

1. Вопрос о системности лексики языка, столь оживленно дискутируемый в лингвистической литературе, является, собственно говоря, вопросом не о системности к таковой, а скорее о том, можно ли, и если да, то каким образом, представить лексику как некую систему. Собственно системность лексического состава, т. е. земная обусловленность лексических единиц, наличие многообразных и регулярных связей между ними, реальное существование различных лексикологических материй (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия и др.) сомнений, как правило, не вызывает. Косвенным, но весьма сильным аргументом в пользу системности лексики является системный характер знания, одной из форм фиксации и передачи которого является язык и, в частности, его словарный состав. Но если лексика — система, лексикография должна сопоставить ей такой способ презентации, который позволил бы определенным образом эксплицировать эту систему.

2. Поскольку слово рассматривается как двусторонняя единица, состоящая из материальной или, как говорил А. А. Потенция, звуковой оболочки и значения, правомерно говорить о возможности систематизировать словарный состав, либо опираясь на внешнюю сторону слова, либо исходя из его внутренней стороны. Внешняя систематизация выполняется вполне строго и основывается на алфавите, который в определенном смысле может рассматриваться как «минимальный словарь» (термин Б. Рассела) звуковой системы языка (ср. алфавитные словари). Гораздо сложнее дело обстоит с систематизацией, основывающейся на внутренней стороне. Это объясняется, во-первых, трудностью выделения минимального словаря смыслов, и, во-вторых, гетерогенным характером значения, которое в настоящей

работе моделируется как единая сущность, состоящая из абсолютной ценности (сигнификата), относительной ценности (значимости) и сочетательной ценности (валентности) слова.

Однако принятая модель значения слова приводит к одному из возможных способов системной презентации лексики, исходя из ее внутренней, содержательной стороны. Этот способ, получивший у нас название синтетического (комплексного) описания лексики, состоит в идентификации и системном представлении лексических парадигм и в описании по определенным правилам сочетательных свойств слова.

Словарь, полученные в результате реализации указанных операций, мы называем синтетическим словарем поскольку он, с одной стороны, как бы синтезирует лексическую систему, устанавливая между словами парадигматические и синтагматические отношения, а с другой – обеспечивает комплексное (синтетическое) описание содержательной стороны слова.

Синтетический словарь причисляется нами к семейству идеографических словарей на том основании, что основной единицей описания в нем является лексический класс условной эквивалентности, а выделение и систематизация лексико-семантических классов условной эквивалентности есть вид идеографической (парадигматической) группировки слов.

3. Идеографическая группировка слов может осуществляться с помощью двух взаимодополняющих операций: а) дедуктивного разбиения понятийного континуума, покрываемого лексикой языка б) индуктивного «восхождения» от отдельных слов к выделенным дедуктивным путем понятийным рубрикам.

При разбиении понятийного континуума составитель, исходя из своих мировоззренческих установок имеет возможность опираться на: а) наиболее значительные классификации знания, б) понятийные классификации существующих идеографических словарей в) библиотечные классификации.

Вторая операция осуществляется на основе языкового опыта, лингвистической компетенции и здравого смысла составителя и использования некоторого логического аппарата, при помощи которого анализируются слова и аргументируется их группировка. Следует особо подчеркнуть, что группировка слов должна производиться по их опорным семам.

4. Однако парадигматическая группировка лексики – это только одна сторона ее систематизации. Другой, не менее важной стороной является ее синтагматическая группировка, т. е. сопоставление заголовочному слову других слов или классов слов, вступающих с ним в регулярные отношения при развертывании речевой цепи. Решение этой задачи есть раскрытие валентности слова. Оно подразумевает: а) установление факторов, определяющих валентность слова; б) установление процедуры идентификации имеющихся при слове синтаксических позиций; в) выработку критериев систематизации этих позиций; г) определение характера заполнения позиций; д) применение перечисленных положений к описанию сочетаемости существительных, прилагательных, глаголов, наречий и слов категории состояния, т. е. основных лексико-грамматических классов, обладающих нетривиальной сочетаемостью.

5. Комплексное описание лексико-семантического класса обозначений времени в русском языке, которое было произведено с целью проверить приложимость сформулированных выше положений к конкретному языковому материалу, показало их реальность и конструктивность. Поскольку «комплектование» лексико-семантического класса проводилось на основе данных толковых словарей русского языка, в качестве критерия для включения того или иного слова в искомый класс использовалось употребление слова время или его идеографических синонимов в толковании слов. При этом в список включались только те слова, в сигнификативном значении которых временная сема является опорной (доминирующей).

Разбиение полученного таким образом лексического класса условной эквивалентности на определенное число семантически однородных групп производилось при помощи модифицированного варианта дихотомического способа деления объема понятия. В результате применения указанного процедуры был получен упорядоченный список слов, имеющих в своем значении временной компонент.

6. Известный интерес представляет сопоставление семантического спектра анализируемого класса слов, как он вырисовывается в результате процедуры разбиения, с установленным в работе семантическим спектром слова время. Являясь опорным словом лексико-семантического класса, слово время употребляется так широко и разнообразно, что его семантический спектр покрывает значительную часть семантического спектра всего класса.

7. Сопоставление некоторых частей классификационной схемы понятийного содержания, покрываемого лексико-семантическим классом временных обозначений, с системой временных отношений, как она описывается в грамматиках, позволяет говорить о своего рода изоморфизме лексики и грамматики при отражении временных свойств мира.

8. В качестве примера раскрытия валентных свойств слов, сгруппированных по смысловой близости, была предпринята попытка описать сочетаемость слов, составляющих одну из конечных групп исследуемого лексико-семантического класса. Анализ полученных результатов показывает, что парадигматическая группировка лексики позволяет достичь значительной унификации в описании сочетаемости семантически близких слов и обеспечивает возможность весьма тонкого их разграничения. Этот анализ убеждает также в том, что одновременное, совмещенное описание парадигматических и синтагматических свойств лексики имеет своим следствием недостижимую в существующих словарях глубину семантизации слов.

9. Рассмотрение семантических связей анализируемого класса слов с другими классами не оставляет сомнения в том, что эти связи многообразны и прочны, что, в свою очередь, говорит о семантической целостности, недискретности лексической системы языка.

Шведова Н. Ю. Предисловие к Русскому семантическому словарю. М.: Азбуковник, 1998. С. XVII–XXIII

Теоретические основы словаря

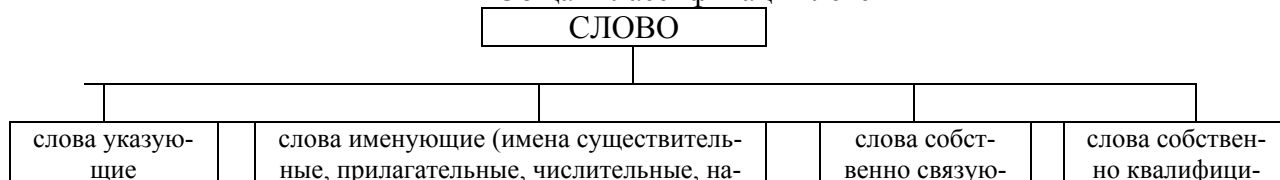
§ 1. Теоретической основой словаря является положение, согласно которому словесный состав современного русского литературного языка представляет собой исторически сложившуюся естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: это достаточно четко очерченная целостность, состоящая из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию, разную степень открытости для пополнений, по определенным законам взаимодействующих друг с другом и в то же время подчиняющихся системе в целом. Лексическая система живет по законам, общим для любой живой естественной системы: она активно функционирует и при этом находится в постоянном развитии, в конечном счете определяемом жизнью ее подсистем и их взаимодействием; изменения, происходящие в том или ином участке, его утраты и пополнения прямо или косвенно обязательно сказываются на всей организации и стимулируют происходящие в ней процессы. Лексическая система, как всякая исторически сложившаяся естественная целостность, обладает высокой степенью стабильности: те ее основные классы, которые выделяются для современного состояния языка, существовали издавна; на протяжении веков и десятилетий меняется не сама система, а определенные участки внутри нее и отношения между этими участками; именно таков характер пополнений и утрат, тенденций развития лексики, отмечаемых для отдельных периодов в жизни языка. Естественно, что протекая в лоне системы, такие процессы не оставляют ее безразличной: они обеспечивают ее существование как живого и развивающегося организма.

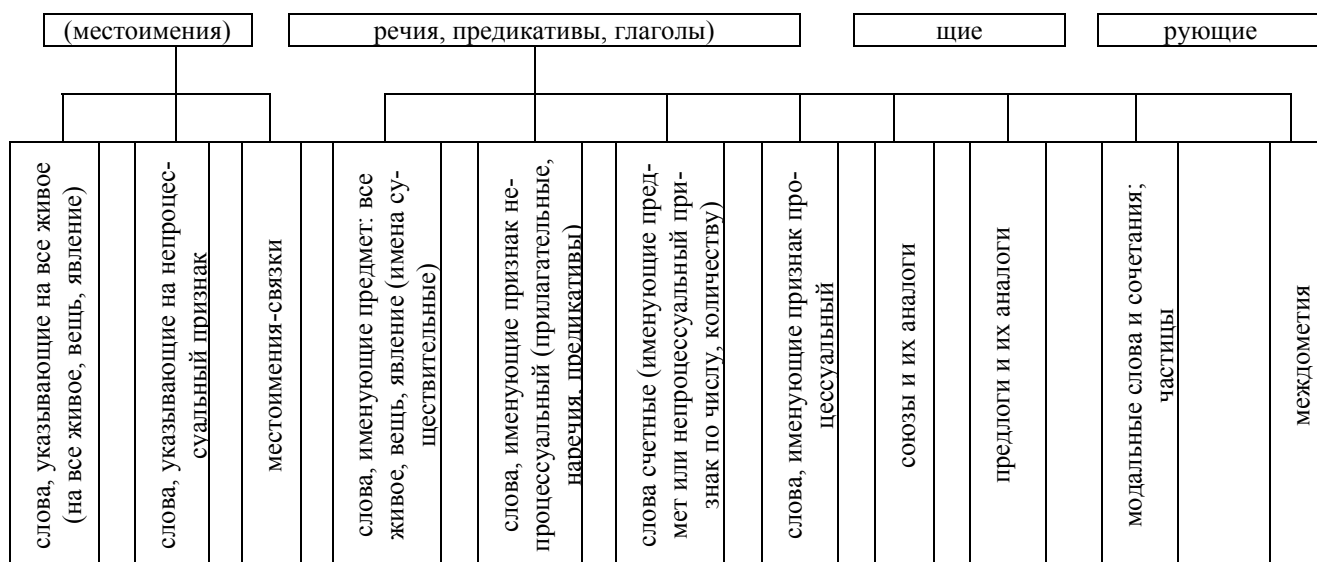
В основе концепции «Русского семантического словаря» лежит тезис, согласно которому данное самим языком деление всего словесного состава на части речи является исходным членением лексики: абстрактное значение части речи, выраженное в грамматических категориях и формах, представляет собой высшую ступень отвлечения от лексических значений всех тех слов, которые входят в данную часть речи и ее образуют. Все части речи русского языка (слова и равные им нецельнооформленные единицы) существуют в системе:

1) слова указующие (местоимения), 2) слова именующие, 3) слова собственно связующие — союзы, предлоги, связки и их аналоги, 4) слова собственно квалифицирующие — модальные слова и сочетания, частицы и их аналоги, междометия. К словам именующим, т. е. к таким, за лексическими значениями которых стоят понятия о предмете, признаке, состоянии или процессе, относятся имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия и предикативы, а также счетные слова. Слова указующие грамматически распределены по классам имен и наречий. См. схему № 1, стр. VIII.

Схема 1

Общая классификация лексики

Все вместе слова названных классов объединены общим признаком: каждая из единиц, входящих в любой из этих классов, является словом, т. е. материальным языковым знаком, служащим для обозначения реалий физического и ментального мира (отвлеченных представлений предметов, признаков, процессов), отношений между такими реалиями, а также для именованя самих таких реалий или для указания на них. Каждая часть речи образуется словами, сгруппированными в собственно лексические классы, предстающие в виде разветвленного дерева с ветвями, расходящимися от вершины к основанию.

Единицей, существующей в составе дерева как самая малая его частица, является значение слова (словозначение): для однозначного слова это собственно его значение, для многозначного слова — одно из его значений, каждое значение в отдельности. Лексическое дерево применительно к каждой части речи строится на основе исследования всего того массива слов, который представлен в современном толковом словаре среднего типа со значительными пополнениями из других толковых словарей и из разнообразных современных текстов; общее количество таких единиц в нашем словаре около 300.000 (трехсот тысяч).

§ 2. Строение лексического дерева всегда начинается с выделения того макрокласа (части речи), который в исходной схеме (см. § 1) представлен как один из классов именующих, либо как класс слов указующих, связующих или собственно квалифицирующих. Каждый из таких макрокласов описывается с точки зрения того, распределены ли именуемые в нем реалии (или их признаки, свойства) по неким понятийным сферам, каждая из которых охватывает лексические массивы, представляющие собственно лексико-семантическую организацию, или такого естественного распределения нет. Тот смысл, который возглавляет собою часть речи, не равен семантической доминанте, возглавляющей лексический класс. Так, например, макроклас «имена существительные» возглавляется понятием «предмет», в смысловом строении языка представленным смысловыми исходами (изначальными понятиями) *кто* и *что*. Эти исходы и служат основанием для первичного членения макрокласа. Однако такое членение еще не подводит непосредственно к выделению лексических классов: в смысловой сфере «кто» сочленены лексические классы, относящие именуемое к сферам человека (или олицетворяемого мифического существа) либо к сфере животного. Уже внутри этих сфер существуют классы, возглавляемые лексико-семантической доминантой ('человек', 'животное'). К смысловому исходу *что* обращены смысловые сферы, которые условно именуется как «конкретный предмет, реалья, воспринимаемая органами чувств» и «абстрактное, отвлеченное понятие». В этих сферах вычленяются более частные их составляющие («предмет неживой природы», «предмет — продукт деятельности человека», см. схему № 6, стр. 51), и уже внутри них выделяются объединяемые ими лексические множества с их собственным многоступенчатым членением, предстающим в виде лексического дерева. Аналогично в принципе устройство других макрокласов — глагольной лексики или лексики, именующей непроецессуальные признаки лица или предмета.

С другой стороны, есть макрокласы, которые непосредственно членятся на лексические классы слов. Таково, например, устройство класса предикативов — слов, объединяющихся вокруг исходного смысла *каково*, эта подсистема представлена непосредственно как организуемая несколькими соположенными (и далее иерархически ветвящимися) лексическими подмножествами.

Лексический класс, входящий в ту или иную часть речи, является одним из составляющих лексической системы языка в целом. Сам класс, как и все его подмножества, связан с другими лексическими классами словообразовательно, семантически, через идиоматику. К числу характеристик лексического класса относятся: его внутреннее устройство, т. е. количество и объем подмножеств и характер их связанности друг с другом; собственная (внутр-ричастеречная) грамматика; наличие собственного словообразовательного потенциала; наличие и характер того идиоматического «шлейфа», который тянется за теми или иными единицами данного класса; характер его открытости или закрытости, его отношения к новациям, переосмыслениям и утратам.

Таким образом, в «Русском семантическом словаре» строение лексической системы представлено в следующей иерархии понятий и терминов:

1) часть речи — макрокласс, каждый из которых в большинстве случаев членится на понятийные сферы, которые могут иметь свое собственное внутреннее деление;

2) лексический класс, располагающийся в пределах той или иной понятийной сферы рядом с другими подобными классами и имеющий вид дерева, расходящегося своими ветвями от вершины к основанию, и возглавляемый словом (словозначением), которое является семантической доминантой лексического класса;

3) лексические множества и подмножества — ветви дерева, организующие данный лексический класс и своим составом и расположением определяющие его строение;

4) лексико-семантический ряд — конечная единица лексического дерева, которое объединяет в себе словозначения, находящиеся в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности.

Такое строение лексики представлено в словаре в многоступенчатых классификациях (схемах), отражающих устройство части речи, принадлежащей ей понятийных (смысловых) сфер и входящих в эти сферы лексических классов. На страницах словаря членение класса доводится до лексико-семантического ряда; исключение в классификационном разбиении составляет представление таких конечных подмножеств, в которых с очевидностью присутствуют несколько таких рядов.

Конечное или предконечное подмножество не просто является подборкой близких по значениям слов: оно имеет глубокий познавательный смысл. Соединенные здесь слова открывают перед нами то, что можно назвать «картинкой жизни»: они именуют ее определенный, узкий участок, о нем информируют и его живописуют. Такие подборки по своему составу и по выполняемой ими функции в самом общем, предварительном виде существуют в четырех качествах: 1) «картинка жизни» информирующая, заключающая в себе собственно номинативную лексику; слова в ней никак не характеризуют называемое с точки зрения отношения к нему, его оценки (ср., например, название культовых реалий, деловых бумаг); 2) «картинка» ментальная, живописующая: она возглавляется нейтральным словом, к которому обращены единицы, заключающие в своем значении отношения к называемому, его оценку (ср., например, глаголы со значением предстояния или существительные, называющие уход из жизни, смерть); 3) «картинка» контаминированная, содержащая в себе ряд собственно именующих слов и обращенные к этому ряду слова оценочные или характеризующие (ср. самые общие названия человека, лица или названия населенных пунктов, человеческого жилья); 4) «картинка» диктующая, существующая и принимаемая как таковая данность, которая по самой своей природе не обсуждается и не оценивается: сюда относятся подмножества имен и глаголов с модальным и собственно дейктическим значением.

Благодаря существованию таких «картинок жизни» приобретает реальное очертание триада: 1) лексическая система — языковая картина мира, 2) конечное или предконечное подмножество лексического класса — реальное представление некоего участка бытия и 3) синонимический ряд как собственно языковое, семантическое отношение слов, ближайшим образом связанных друг с другом. Такие «картинки жизни», существующие в лоне класса (и подкласса, подчиненного неконечного подмножества) открывают перед читателем как саму жизнь во всех ее проявлениях, так и отношение к ней, ко всему тому, что существует и происходит в материальном мире и в духовном мире людей, в их отношениях к миру и друг к другу.

Важной и не решенной до конца проблемой является вопрос о «пересечении классов». Такие пересечения безусловно существуют. В то же время очевидно, что изучению разных видов семантических пересечений обязательно должно предшествовать установление самих лексических классов и их иерархической устроенности. В том случае, когда за единицу классификации берется не слово, а значение, проблема пересечения классов частично снимается самим материалом; тогда же, когда в языке действительно имеет место такое пересечение, отнесение лексической единицы к тому или иному лексическому

классу и его подмножеству опирается на анализ отношений друг к другу разных компонентов значения: приоритетная роль при решении вопроса о месте данного слова в конечном членении принадлежит центральной семе, ближайшим синонимическим отношениям и непосредственным семантическим противопоставлениям.

На страницах словаря лексические классы представлены в виде многоступенчатых классификаций, построенных на материалах, с достаточной полнотой извлеченных из тех источников, о которых сказано в § 7. Является ли лексический класс естественным образованием или это — плод умозрительных построений лексиколога? Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под естественным состоянием языка, в данном случае его лексики. Если понимать под естественным разбиением слов только те ассоциации, которые непосредственно и сразу возникают у носителя языка при необходимости соотнести называемое с чем-нибудь подобным или с его безусловными признаками, то такой элементарной и по существу неосознанной естественности лексические классы слов и их подмножества, так, как они представлены в «Русском семантическом словаре», до определенной степени лишены. Если же не отказывать языку в том, что созданные им абстракции, отвлечения от реальных связей и зависимостей естественны, если согласиться с тем, что такие абстракции принадлежат к числу «человеческих факторов» ничуть не меньше, чем все бесконечные единицы нашей речи, то вычленение лексических классов как конструкторов, созданных самим языком в ходе его истории, оказывается описанием его собственного строения, разграничением органических участков языковой системы.

§ 3. Как было сказано выше, предметом описания в «Русском семантическом словаре» является отдельное значение слова как единица, входящая в подмножество того или иного лексического класса. Однако слово в целом обычно имеет несколько значений: оно неоднозначно или потенциально неоднозначно. Существует глубинное сходство между строением лексического класса и семантической структурой многозначного слова: они сходны по своему устройству, по тенденциям развития, по своему отношению к языковым новациям и к разностилевым компонентам, тяготеющим к их составу. В слове, как в микромире, отражаются все основные свойства лексического класса как макромира. Это объяснимо, так как и то, и другое представляет собой сложившуюся организацию значимых единиц одной и той же природы: многозначное слово существует как иерархически организованная система словозначений, лексический класс — как многоступенчатая система множеств, объединяющих такие значения. Речь здесь идет о многозначном слове, однако существование однозначных слов не противоречит сказанному: любое слово всегда таит в себе готовность к семантическим модификациям, потенциал семантических сужений и расширений. Говоря об изоморфности слова и лексического класса следует помнить, что при этом сопоставляются не отдельное слово с отдельным лексическим классом, а общие для всех слов и для всех классов черты строения и закономерности развития. Эта общность не абсолютна, но характерно, что черты различия выступают на фоне сходства, и это сходство с очевидностью доминирует над различием двух основополагающих языковых систем — лексического класса как «большой» системы и слова как такой «малой» системы, общеязыковые свойства которой формируются путем отвлечения от индивидуальных черт отдельных единиц, присутствию которых лексический класс обязан самим своим существованием. Выявляется несколько безусловных черт сходства в строении слова и лексического класса.

1) Как многозначное слово, так и лексический класс представляют собой многоступенчатую целостность, объединяющую в своем составе такие участки, которые сочленены в определенную систему: в составе класса — это все его подмножества и подчиненные им конечные ветви, в слове — это все его отдельные значения и отходящие от них «оттенки», также тесно сплетенные в единство. И в том, и в другом случае составляющие находятся друг с другом в отношениях взаимной зависимости: это не простое соположение компонентов, а отношения порождающего и порождаемого. И в многозначном слове, и в лексическом классе присутствует возникающая в самом ходе развития связь между теми участками, которые являются компонентами их структуры.

2) Как многозначное слово, так и лексический класс представляют собой ступенчатую организацию: и в том, и в другом случае ступени нисходят от общего к частному, от производящего к производному. Для лексического класса такая черта является конструирующей, она обязательна и постоянна: это всегда сужение; для семантической структуры слова эта черта характерна, но не абсолютна; модификации значений разнообразны: это может быть как сужение, так и расширение производящего значения, однако и само расширение значения, по-видимому, может рассматриваться как один из видов семантического включения. В целом же картина достаточно очевидна: лексическое древо предстает как разветвление семантически дифференцируемых, сужающихся ветвей, многозначное слово — как семанти-

ческая структура, расчленяющаяся по направлению от общего к частному; даже в тех случаях, когда вычлняющееся значение оказывается более широким по сравнению с вычлняющим, отношения порождения всегда остаются одной из ступеней, идущих от смыслового исхода к завершающим ступеням всего построения.

3) Как многозначное слово, так и лексический класс являются открытой системой. Слово постоянно развивается, образует новые значения, всегда при этом сохраняя «спящие», но готовые по-разному напомнить о себе значения старые или устаревшие. Открытость слова состоит в его разнообразных взаимодействиях с другими лексическими единицами через словопроизводство, синонимику, омонимические отталкивания; практически ни одно слово не существует вне взаимодействий с другими словами или фразеологизмами. Та же черта характерна и для лексического класса: он открыт для образования (очень медленного, постепенного) новых единиц — конечных лексических рядов, образующихся в результате появления новых слов и значений, заимствований, экспансии интернационализмов. Однако ни в слове, ни в лексическом классе открытость не колеблет целого, а лишь обогащает его и стимулирует его естественное развитие.

4) Многозначное слово и лексический класс сходны по характеру происходящих в них и обусловленных развитием языка внутренних движений. В обоих случаях перед нами живая, движущаяся, самодостаточная и в то же время непрерывно развивающаяся целостность, в самой себе заключающая потенциал расчленения и обогащения: в границах многозначного слова формируются новые семантические единицы, порождаемые самим словом как знаком, обращенным вовне — к реалиям, требующим именованя, к другим словам и к связям между ними. В границах лексического класса формируются (но значительно более постепенное и незаметнее, чем в слове) новые обогащающие его компоненты — лексические ряды, в процессе развития словесного состава языка вычлняющиеся из конечных ветвей лексического древа.

5) Как многозначное слово, так и лексический класс обладают собственным производящим потенциалом. В слове — это способность каждого из его значений к словопроизводу, возможность образовать другие единицы, принадлежащие как к тому же самому, так и к другим классам и расходящиеся по самым разнообразным множествам. В лексическом классе — это его мощный потенциал взаимодействия с другими классами, осуществляющийся по общим законам словообразования и межклассных семантических связей.

6) Каждое слово и как совокупность внутренне связанных значений (при многозначности), и как отдельное словозначение (при однозначности) имеет свою грамматику — парадигму, предписанную ему языком (кстати, довольно часто им к себе приспособляемую), а также диктуемые ему языком синтаксические связи. Свою грамматику имеет и лексический класс: в круг его характеристик обязательно входят как общие для всего класса, так и для его подмножеств правила словоизменения и синтаксической сочетаемости, а также — ив первую очередь — те грамматические черты, из которых складывается индивидуальная характеристика того или иного множества внутри лексического класса. Грамматика слова — со многими условно допускаемыми ограничениями — показывается в словарной статье; грамматика лексического класса в лингвистических описаниях обычно ограничивается сообщением о ней в терминах и категориях частей речи и в соответствующих границах; грамматика отдельных подмножеств, отдельных ветвей лексического древа характеризуется очень бегло или вообще остается вне поля зрения исследователя. Между тем, наука о словесном составе языка, претендующая на всестороннее описание лексики как системы, обязательно должна иметь своим предметом все те как общие, так и частные грамматические характеристики, которые вместе с семантикой слов, образующих данное множество, составляют сущностную черту этого множества.

7) Как для лексического класса и любого из образующих его множеств, так и для многозначного слова характерно то, что можно назвать «стилистической всеядностью»: внутри словесной системы и ее подсистем сосуществуют единицы разной, очень часто противоположной стилистической значимости; это объясняется множественностью и разнообразием путей формирования и пополнения лексики, принципиальной открытостью ее состава. В многозначном слове свободно соседствуют значения, принадлежащие к самым разным языковым сферам: к нейтральной, книжной или высокой речи, к речи узкоспециальной или профессиональной, к просторечию, жаргонам, к диалектам, взаимодействующим с общенациональными нормами. Слово отличается высокой семантической активностью, оно стремится свободно действовать во всем языковом пространстве, которое для него всегда открыто. То же самое относится и к широте охвата в границах класса единиц, относящихся к разным моментам и периодам в истории языка: лексический класс свободно объединяет словесные массивы, складывающиеся на протяже-

нии нескольких эпох. Многозначное слово включает в свою семантическую структуру как живые, активные значения, так и значения устаревающие или старые; в зависимости от задач предпринимаемого лексикографического труда, в словарной статье описывается или весь исторически сложившийся состав значений слова со всеми связывающими их переходами, или показывается только тот или другой его синхронический «срез».

На фоне показанного сходства отчетливо выступают черты различия, обусловленные знаковой природой слова и природой лексического класса как языковой абстракции.

1) Слово есть знак: за ним стоит, с одной стороны, понятие, с другой — сама именуемая реалья; таким образом, в нем заключен потенциал неких взаимоотношений, связей как с понятием (сигнификатом), так и с конкретной жизненной данностью (денотатом). Лексический класс как целостная организация не обладает таким потенциалом: это конструкт, абстракция от отношений между словесными целостностями, именно благодаря этим отношениям организованными в систему. Здесь уместна аналогия между лексическим классом и грамматической категорией. В обоих случаях языком представлена высокая ступень абстракции: в грамматической категории это абстракция от значений словоформ, в лексическом классе — от семантических характеристик его подмножеств. Как грамматическая категория, отлившись в языковую абстракцию, существует уже над породившими ее и подчиняющимися ей единицами, так и лексический класс, сложившись в систему связей и отношений между словесными множествами, существует уже сам по себе и независимо от существования или несуществования какой-то отдельной единицы в составе того или иного такого множества.

2) Слово обращено к речи: речь — устная и письменная, социально нормированная или индивидуальная, отклоняющаяся от нормы — живая сфера его существования. Именно поэтому слово открыто для индивидуальных осмыслений и переосмыслений, для неожиданных столкновений; сама знаковая природа слова позволяет ему расширять круг именуемого, делает его предметом творчества, художественного мастерства. Лексический класс обращен непосредственно к тем связям и отношениям, которые формируют языковую систему. Никакая индивидуальная деятельность в границах класса или входящего в него множества невозможна — так же, как невозможна такая деятельность в сфере грамматики, ее категорий и форм: редкие попытки здесь выглядят странно и никогда не принимаются языком.

3) В слове переход от одного значения к другому происходит плавно и постепенно: будь то сужение или расширение значения, преобразование его в связанный компонент фразеологизма, — здесь всегда существуют промежуточные ступени, связующие звенья между наращиваниями или утратами. Между множествами и подмножествами лексического класса таких переходов нет. Связь между лексическими множествами — это сложившаяся вычлененность нисходящей ветви из той, которая ей непосредственно предшествует и, следовательно, обязательное вхождение нисходящей ветви в вышестоящую. Эти отношения между подмножествами закреплены структурно: ими создается лексический класс как конструкт, принадлежащий языковой системе в целом. В слове заложена постоянная и высокая семантическая продуктивность, обеспечивающая развитие разных видов семантической структуры слова. Продуктивность класса, т.е. способность порождать и вычленять новые ветви, не идет ни в какое сравнение с продуктивностью слова: если в слове ее можно наблюдать «невооруженным глазом», то в лексическом классе соответствующие процессы обнаруживаются лишь в результате специальных исторических разысканий.

§ 4. Элементарной единицей словарного описания в «Русском семантическом словаре» является лексическое значение слова. За значением стоит понятие: у именуемых слов — это понятие о предмете (о живом существе, вещественной реалии, явлении), о признаке, состоянии или процессе; у слов указующих — понятие о любых данностях физического или духовного мира (об отвлеченных сущностях, предметах, процессах, признаках) как о том, что может быть означено не содержательно, а по признаку вычлененности из бесконечного множества подобных; у слов связующих — это понятие о том или ином виде отношения, зависимости между кем-чем-либо; у слов квалифицирующих — понятие об оценке, возможности выразить субъективное отношение к кому-чему-либо. Очевидно, что самый характер этих понятий очень различен и со строго философской или логической точки зрения не каждое из них может быть названо понятием; однако сущностное различие между названными категориями слов состоит именно в различии их содержательного потенциала. Лексическое значение является языковой семантической категорией, материализованной в слове и его формах.

Значению именуемого слова присущ целый комплекс внутренних признаков, к которым относятся следующие. Во-первых, на значении слова лежит печать именуемой реалии:

это выражается в его синтаксико-семантической сочетаемости; так, например, если имя существительное называет конкретный предмет, то для него характерна сочетаемость с определяющими словами, называющими признаки, свойства, качества именно такого предмета;

если глагол называет физическое движение, то для него характерна сочетаемость с такими определителями, которые характеризуют именно это движение: сочетаемость предопределена самой именуемой реалией. Во-вторых, значение способно к расширению или сужению:

в первом случае оно, через ступень переноса или образования так называемых «оттенков», вычленяет из себя новую семантическую единицу — новое лексическое значение; во втором случае оно оказывается обращенным к более узкому кругу реалий и ограничивает возможности своей сочетаемости. В-третьих, значение способно к идентификации посредством другой единицы того же класса или фразеологизма: это те случаи, когда вместо дефиниции словари пишут «то же, что...»; однако следует иметь в виду, что при таком способе определения далеко не всегда учитывается то индивидуальное, что принадлежит именно и только данному значению. В-четвертых, значение в очень многих случаях стремится выйти за границы того лексического множества, к которому оно принадлежит, или, напротив, вобрать в себя компоненты других значений; при этом реализуются те свойства лексического значения, которые можно называть «центробежным и центростремительным потенциалом слова»: в первом случае при реализации центробежного потенциала имеет место проникновение значения в другие сферы — в значения других слов или, при продуктивном словообразовании, в слова других классов; во втором случае, при реализации центростремительного потенциала, осуществляется преобразование самого значения, развитие в нем новых компонентов. В-пятых, значение способно к интенсификации или ослаблению: это осуществляется средствами однокоренного словообразования или с участием определений, указывающих на полноту либо неполноту признака, силу или слабость процесса. Весь этот комплекс признаков принадлежит словам именуемым (так называемым «полнозначительным»); у слов в широком смысле дейктических (местоимений, счетных, служебных слов) могут присутствовать некоторые из этих признаков, но не их комплекс в целом.

Лексическое значение слова как объект словарного описания является той элементарной единицей, которая входит в конечный лексико-семантический ряд и — через его посредство — в общую лексическую систему класса, следовательно, в строение данной части речи в целом. Таким образом, в предлагаемом читателю словаре изучаются и описываются, во-первых, многозначное слово в его расчлененности на отдельные значения (в однозначном слове, следовательно, само его значение); во-вторых, само отдельно взятое лексическое значение; в-третьих, тот завершающий собою систему лексико-семантический ряд, который образуется входящими в него значениями и представляет конечную ветвь лексического древа; в-четвертых, само это древо во всей разветвленности его многоступенчатой организации.

§ 5. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и, внутри них, по множествам лексических значений, открывает перед читателями исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира. Эта картина оказывается трехсторонней. Во-первых, она открывает мир реалий, всего того, что познано и осмыслено носителями языка в пределах материального и духовного мира; такие реалии — всё живое, неживые предметы, всё принадлежащее к миру мыслей и чувств человека, качества и свойства, ситуации, разнообразные явления — предстают перед нами в тех естественных циклах и окружениях, в которых они существуют и соотносятся друг с другом. Во-вторых, картина мира открывается как сеть связей, отношений и зависимостей между всем существующим: эта сеть соткана из слов, именующих такие связи и отношения, а также из слов, специально предназначенных для обозначения разнообразных связей и зависимостей. В-третьих, это картина оценок, оценочных характеристик, разлитая по разным лексическим классам и открывающаяся через разнообразные словесные множества. Спецификой словаря как лексикографического произведения обусловлено то, что мир реалий в нем оказывается представленным также и специальной терминологией, которая, как правило, выходит за пределы наивного видения мира; однако в тех случаях, когда такая терминология входит в общее употребление, она естественно находит свое место в соответствующих лексических группах. Картина мира, представленная семантическим словарем, принципиально отличается от той, которую рисуют словари идеографические — идеологические, полевые, понятийные, ассоциативные. Такие словари строятся «от понятий», по-разному собранных и представленных лексикографом; этим всегда объясняется неполнота таких описаний и условность в самом упорядочении их материалов. Структура «Русского семантического словаря» опирается на саму природу языковых множеств, их строение: здесь осуществлена по-

пытка представить это строение с той полнотой, которая определяется избранным кругом лексикографических лингвистических источников (см. § 6).

Задачи словаря. Его источники

§ 6. «Русский семантический словарь» ставит перед собой несколько задач.

1. Основной задачей было представить современную русскую лексику как такой уровень языка, который имеет собственную организацию, созданную самим языком, и им самим регулирующую. Лексическая система русского языка в ее современном состоянии складывалась постепенно, и тот хронологический рубеж, к которому мы сейчас подошли, диктует необходимость обобщения и некоторый «взгляд назад». Лексическая система современного русского языка охватывает словесный состав языка XIX—XX столетий, естественно, в их живых связях с непосредственно предшествующей эпохой; в таких границах и представлена в словаре (конечно, далеко не полностью) лексика современного русского литературного языка. Задачей авторов было представить материал в соответствии с тем, как его расположение диктуется самим языком, теми лексическими классами и множествами, которые для слова являются его естественной средой.

2. Авторы стремились пополнить состав описываемой в словаре лексики новыми современными материалами, извлеченными из разнообразных источников: корпус словаря, составленный на основе толковых словарей середины и второй половины XX в., расширен за счет очень многих слов, отдельных значений и фразеологизмов, появившихся и закрепившихся в общем употреблении.

3. В качестве одной из главных была поставлена задача углубления словарной статьи, проверки и корректировки каждой ее зоны — в рамках той ее структуры, которая сложилась в современных русских толковых словарях среднего типа. С этой целью для лексикографического описания были привлечены многие специальные издания справочного характера (см. об этом в § 7). Одновременно осуществлено фронтальное соотнесение всех грамматических и орфоэпических характеристик слов с последними по времени нормативными академическими изданиями: двухтомной «Русской грамматикой» (тт. 1—2, М., Наука, 1980), и с «Орфоэпическим словарем русского языка» (М., Русский язык, 1989, изд. 5).

4. Вместе с систематизированным словарем и на его основе тем же авторским коллективом составляется новый алфавитный «Толковый словарь русского языка» в двух версиях — компьютерной и книжной; здесь словарные статьи расширены и углублены за счет иллюстративной, гнездовой и фразеологической зон, фразеологизмы во многих случаях снабжены краткими этимологическими сведениями. Одной из задач «Русского семантического словаря» была подготовка материалов для этого издания, новая обработка всех зон словарной статьи, проверка и углубленное представление самой семантической структуры слова, соотнесение и разграничение его значений.

§ 7. Основным источником словаря послужила картотека словозначений, составленная на основе полного извлечения материалов из однотомного «Словаря русского языка» С.И.Ожегова (изд. 1—23, 1949—1989) и из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (изд. 1—4, 1993—1997). Эта картотека регулярно пополнялась материалами из следующих источников: «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (3-е изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртэнэ, тт. 1—4, 1909—1909, переизд. 1995, 1998); «Словарь современного русского литературного языка» (тт. 1—17; 1948—1965, 2-е изд., перераб. и доп., тт. 1—7, 1991—1996), «Толковый словарь русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова; тт. 1—4, 1935—1940; переизд. 1994), «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой, тт. 1—4, 2-е изд., испр. и доп., 1981—1984); словари иностранных слов, общие энциклопедические словари XIX—XX вв., а также многочисленные специальные энциклопедии и справочники. Состав «Русского семантического словаря» регулярно пополнялся материалами из современной литературы — художественных произведений, публицистики, из теле- и радиовещательных программ, а также из живой разговорной речи и граничащего с ней просторечия. В результате словарь книги, предлагаемой читателям, по сравнению с современными однотомными словарями, а также с малым академическим словарем оказывается значительно пополненным.

Структура словарной статьи

§ 8. «Русский семантический словарь» (тт. 1—6) содержит около трехсот тысяч словарных статей, посвященных каждая отдельному словозначению и расположенных по классам, описанным в § 1. Книга открывается общим представлением (схемой) таких классов, объединенных своей обращенностью к единой вершине — слову (см. схему 1 на стр. VI). Далее следуют части, посвященные каждому из этих классов в отдельности. Каждая часть открывается схемой, представляющей лексическое древо данного

класса. Части объединяют в себе разделы и главы, содержащие слова того или иного лексического подмножества; каждому разделу предшествует классификация данного подмножества в его полном виде: она показывает членение лексики вплоть до последней ветви лексического дерева. Такой классификации предпослано краткое объяснение (легенда), поясняющее ее строение. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке и имеют общий заголовок, соответствующий тому разделу схемы, к которому данное подмножество относится. Внутри того или иного корпуса словарных статей, в конце его, в некоторых случаях под заголовком, выделенным курсивом, представляется небольшая частная группа слов, относящаяся к данному подмножеству, но не отраженная в схеме. Фразеологизмы и идиомы, извлеченные из словарных статей других классов, но относящиеся к данному подмножеству, располагаются в конце подборки под тремя ромбами.

§ 9. Словарная статья представляет собой описание одного отдельного слова (если это слово имеет только одно значение), или (если слово имеет несколько значений) описание отдельного значения, относящегося к данной лексической ветви; следовательно, разные значения многозначного слова в словаре располагаются в разных его разделах; исключение составляют те случаи, когда два значения (редко — более) относятся одновременно к одному и тому же подмножеству. Цифра, стоящая перед дефиницией, указывает на номер соответствующего значения в семантической структуре многозначного слова в алфавитном компьютерном словаре, создаваемом одновременно с «Русским семантическим словарем» и на его основе. Эти цифры во многих случаях не совпадают с рубрикацией, содержащейся в последнем одностомном словаре.

Словарная статья состоит из следующих зон: 1) толкуемое словозначение; 2) грамматические и, в необходимых случаях, орфоэпические сведения; 3) стилистическая и там, где это требуется, хронологическая помета; 4) определение значения (дефиниция); 5) иллюстративные речения; 6) фразеологические сочетания и идиомы; 7) ближайшее словообразовательное гнездо.

1) Толкуемое слово дается в исходной форме: **имя** — в форме именительного падежа единственного числа; глагол — в форме неопределенного наклонения (инфинитива), все неизменяемые слова — в своей единственной форме. Исключением являются те случаи, когда толкуемое значение существует в неисходной форме слова и ограничено в своей парадигме:

тогда вслед за номером, указывающим на место этого значения в семантической структуре многозначного слова (так, как оно будет представлено в алфавитном словаре), дается та форма или формы, которым присуще данное значение. Вслед за номером может идти также указание: «в некоторых сочетаниях»; это значит, что сочетаемость данного словозначения ограничена: она показывается в иллюстративной части.

2) Грамматические и орфоэпические характеристики в словаре даются по тем же правилам, которые приняты в современных русских толковых словарях среднего типа: у всех склоняемых и спрягаемых слов показываются флексии, указывающие на тип парадигмы, а также на варианты форм и индивидуальные случаи формоизменения, допускаемые современными языковыми нормами. Сильные синтаксические связи слова показываются при исходной форме: это связи, заполняющие позицию облигаторного распространителя, а также позицию формы с собственно объектным значением; другие (так называемые слабые) высокочастотные и семантически предсказуемые связи показываются речениями в иллюстративной части статьи. Слово и его формы снабжены знаком акцента ('), который показывает правильное ударение. В тех случаях, когда произношение слова может вызвать затруднение или при его произнесении в речи обычны ошибки, вслед за исходной формой дается указание на правильное произношение — орфоэпическая помета. Вся грамматическая зона словаря и орфоэпические сведения опираются на правила, изложенные в русских академических грамматиках 1980—1989 гг. и в последних изданиях академического «Орфоэпического словаря русского языка»; грамматические сведения, достаточные для пользования словарем, содержатся в четвертом издании «Толкового словаря русского языка» (М., 1997), во всех необходимых случаях при формах даются стилистические и хронологические пометы (см. п.3).

3) Стилистическая и хронологическая пометы даются или перед толкуемым словом, если слово однозначное, или, если слово многозначное, — вслед за толкованием значения. В «Русском семантическом словаре» сохранена система стилистических помет, принятая в названных выше одностомных словарях: книжное, высокое, народно-поэтическое, разговорное, просторечное, специальное, устарелое, старое, ласкательное, шутовое, ироническое, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, грубое, бранное. Функцию стилистических и хронологических помет во многих случаях выполняют так называемые «вводы», непосредственно предшествующие толкованию, например: «В

царской России», «В старину», «В СССР», «В нек-рых странах», «В нек-рых религиях», «В русской армии в такие-то годы», «Во флоте» и многие другие подобные.

4) Дефиниция (определение значения) слова является краткой, в ее составе отсутствуют какие-либо энциклопедические сведения. В то же время определение стремится быть точным и полным, представить значение во всем объеме его компонентов. Дефиниции, представленные в современных толковых словарях, были проверены и в большинстве случаев уточнены. Специфика толкования в ряде случаев определялась задачами семантического словаря: словозначение предстает в окружении других единиц, которые часто оказываются близкими или синонимическими. Такое окружение требовало точности и индивидуализации всех дефиниций; идентифицирующая дефиниция типа «то же, что...» сохранялась только в случаях действительного совпадения значений у разных слов, однако такие совпадения весьма немногочисленны. Уточнение, углубление и расширение толкований позволили наглядно показать расхождения словозначений, соседствующих внутри одного подмножества.

5) Иллюстрация значения осуществляется при помощи речений, показывающих как семантику слова, так и его семантическую и синтаксическую сочетаемость, а также вариативность связей, не противоречащую литературной норме. В состав иллюстративной части свободно вводятся также афоризмы, пословицы и поговорки; в необходимых случаях в скобках дается их толкование. Если толкуемое значение развивает в себе дополнительный смысловой оттенок, такая тенденция иллюстрируется примером, который снабжается пометой «пе-рен.»(переносное). В некоторых подмножествах, объединяющих названия конкретных реалий — предметных или исторически прикрепленных — читатель заметит стремление дать в статье некоторые энциклопедические сведения об именуемом предмете.

6) Та зона статьи, которая находится за знаком (•) (так называемая «заромбовая часть») включает в себе устойчивые фразеологические сочетания и идиомы, требующие собственного толкования и — в случае стилистического расхождения с заглавным словом — собственной стилистической характеристики. За ромбом помещаются только те фразеологизмы и идиомы, которые сохраняют в себе следы номинативного значения, открывающего словарную статью. Таким образом, полная картина того фразеологического окружения, которое принадлежит многозначному слову в целом, в словаре рассредоточена по словозначениям, относящимся к разным лексическим подмножествам; для однозначного слова относящаяся к нему фразеология и идиоматика представлена вся в его заромбовой части. Включенные в заромбовую часть идиомы, фразеологические сочетания, пословицы или афоризмы в ряде случаев снабжаются этимологической справкой, помогающей уяснить первичное значение толкуемого выражения. В каждом отдельном случае идиомы располагаются в порядке, удобном для их нахождения; алфавитный порядок их расположения принят в статьях с большим количеством таких единиц. Состав идиом и устойчивых выражений в настоящем словаре значительно богаче, чем в современных толковых словарях среднего типа: авторы стремились отразить современное состояние фразеологии, принадлежащей как к общему литературному языку, так и к граничащему с ним просторечию.

7) В словообразовательное гнездо включаются ближайшие производные слова, мотивированные данным словозначением; это такие отглагольные и отыменные слова, которые, образуясь от слова именно в данном его значении, облачают это значение в иную грамматическую — частеречную или словообразовательную — форму; слова, помещаемые в гнездо, показывают словообразовательный потенциал данного значения и своего собственного описания в отдельной словарной статье в «Русском семантическом словаре», как правило, уже не находят; исключение составляют те случаи, когда семантика гнездового слова подсказывает необходимость его самостоятельного описания в ряду ближайших к нему словесных единиц. Понятно, что словообразовательное гнездо может включать в себя как единицы, входящие в то же семантическое множество, что и породившее их словозначение, так и единицы, принадлежащие к другим лексическим классам и их подмножествам.

В целом словарная статья по своей структуре является простой и доступной для любого читателя, который привык пользоваться кратким толковым словарем среднего типа.

Научное и практическое значение словаря

§ 10. «Русский семантический словарь» имеет как научное, так и практическое значение. Его создание было подготовлено многолетней работой над однотомным толковым словарем. Именно эта работа убедила в необходимости систематизации словарного материала:

она показала, что каковы бы ни были старания лексикографа, описание лексики, ведущееся в алфавитном порядке («от абажура до яшура»), неизбежно сопряжено с непоследовательностями и неточностями, а иногда и с противоречиями. Однотомный словарь, уже в силу самого своего жанра требую-

ший четкости в разграничении значений и лаконизма в их определениях, дал в руки исследователей такой материал, который мог быть систематизирован. Большой академический семнадцатитомный словарь, в значительной своей части дублируемый малым (четырёхтомным) словарем, будучи ценнейшим лексикографическим источником для изучения русского языка XIX — первой половины XX в., свободно пользуется возможностями такого представления семантического строения слова, которое показывает тончайшие переходы от одного значения к другому, тенденции развития в слове новых оттенков, индивидуальные авторские употребления; этот словарь по своему жанру и составу является словарем историческим, хотя об этом и не говорится в его названии. Перед его авторами не стояла задача преодоления того лексикографического парадокса, при котором жизнь слова должна быть представлена как остановившаяся в своем движении и развитии. Однотомный словарь вынужден показывать слово как будто бы остановившееся в этом своем движении. Это компенсируется тем, что такой словарь оказывается способным охватить ограниченный массив лексики как материал, поддающийся относительно строгой систематизации. Такая систематизация была осуществлена; она явилась результатом работы коллектива лексикологов, построивших на основе материалов однотомного словаря многоступенчатые классификации и проверивших полученные результаты путем привлечения обильных дополнительных материалов: новаций современного языка, а также лексических единиц, извлеченных из других лексикографических источников, из живой письменной и звучащей речи. Эта проверка, почти удвоившая объем словника, дала вполне удовлетворительный результат: она показала, что каждое новое либо не зафиксированное в словарях слово или значение естественно находит свое место в тех множествах, которые вычленились в составе лексического древа применительно к каждой части речи. Осуществленные классификации, охватывающие сотни тысяч словесных значений, дают реальные, собственно языковые основания для утверждения тезиса о системной организации лексики. Семантический словарь, построенный в опоре на этот тезис, содержит материал для разнообразных обобщающих лексикологических исследований и сопоставлений, которые не могут быть осуществлены при выборочном описании отдельных лексических групп или синонимических рядов. Словарь предоставляет в распоряжение лексикологов исходный материал для углубленного изучения лексико-семантических классов и множеств как таких познавательно значимых языковых целостностей, которые имеют собственные семантические и грамматические характеристики, свое фразеологическое окружение и свой собственный словообразовательный потенциал.

§ 11. Практическое значение систематизированного словаря состоит прежде всего в том, что он является важным пособием для лексикографов, работающих как над одноязычными, так и над двуязычными словарями; словник, в зависимости от целей такой работы, может расширяться или ограничиваться, представленные в словаре словарные статьи — пополняться и уточняться. На основе систематизированного словаря могут быть составлены самые разнообразные лингвистические словари специального назначения: словари частеречные, синонимические, тематические. Фразеологическая и иллюстративная зоны словарных статей дают достаточные современные материалы для составления как словаря живой русской идиоматики, так и словаря сочетаемости слов. Важно также, что на основе словаря могут быть созданы разные учебные пособия, необходимые как для учащихся, так и для преподавателей.

Авторы не склонны думать, что избранный ими и подсказанный самим языком путь к систематизации лексики является единственно возможным. Пристальное внимание к тому пересечению лексических классов, о котором говорилось в § 2, может привести к другому аспекту их описания. Несомненно полезны также классификации, опирающиеся на идеографическое представление словесного состава языка, хотя сам идеографический принцип изначально исключает полноту вводимого в словарь материала. Тематические словари, полезные при обучении языку, показывают лексику в ином аспекте: они объединяют слова разных грамматических классов по собственно содержательным основаниям. Мы надеемся, что среди всех таких лексикографических трудов займет свое место и наш «Русский семантический словарь», поставивший своей задачей представить лексику русского языка в виде естественной многоуровневой системы.

В этом словаре не следует искать:

1) исчерпывающих материалов, относящихся к тому или иному его разделу: объем словника определяется теми источниками, о которых сказано в «Предисловии» (§§ 6—7);

2) словарных статей, специально посвященных тому или иному многозначному слову во всей совокупности его значений: такие значения в соответствии с задачами словаря здесь расходятся по разным лексико-семантическим множествам;

3) цитатного материала, подтверждающего определения значений слова; такие определения, так же как и синтаксическая и семантическая сочетаемость, иллюстрируются предложениями, во многих случаях также афоризмами, пословицами и поговорками;

4) сведений о широких связях слова с однокорневыми образованиями: такая информация дается только в ближайшем словопроизводном гнезде, которое представлено в конце словарной статьи;

5) сведений о происхождении слова: краткая этимологическая справка дается только при идиоме в тех случаях, когда этимология помогает ее пониманию;

6) дифференцированных стилистических характеристик слова или сведений об его употреблении в образной или индивидуальной речи; система стилистических помет здесь совпадает с той, которая принята в однотомном «Толковом словаре русского языка» 1949—1998 гг. (см. «Предисловие», § 9).

Словарь состоит из шести томов: т. 1 включает слова указующие (местоимения), конкретные имена существительные, именующие все живое, а также существительные, именующие те реалии, которые относятся к строению Земли и Вселенной; т. 2 — конкретные имена существительные, именующие материальные продукты деятельности человека. Последующие четыре тома содержат описание абстрактных имен существительных, имен прилагательных, наречий и предикативов, счетных слов, глаголов, предлогов и союзов.

Пользование словарем предполагает обязательное знакомство с предпосланными каждому отдельному разделу классификациями (схемами) и комментариями к ним. Каждый том словаря снабжен словоуказателем, в котором все слова, вошедшие в данный том, расположены в алфавитном порядке с указанием страниц, на которых они описываются.

1.5.2. Словесные парадигматические ряды и оппозиции

Лексические синонимы

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1.

с. 220-224

Лексические синонимы: анализ и определение

Первое условие лексической синонимии мы уже сформулировали: синонимы в узком смысле слова должны иметь в словаре одно и то же толкование, т.е. переводиться в одно и то же выражение семантического языка.

Однако одного этого условия недостаточно для признания двух лексических единиц синонимами. В известном смысле одно и то же лексическое значение имеют пары глаголов *строить* и *строиться*, *входить* и *вмещать* и тому подобные во фразах *Рабочие строят дом — Дом строится рабочими*, *В бутылку входит три литра — Бутылка вмещает три литра*. Действительно, предложения внутри каждой пары ситуативно равнозначны друг другу; очевидно далее, что все совпадающие слова каждой пары предложений (рабочие, дом, бутылка и т. д.) используются в одном и том же значении; из этого следует, что и те слова, которыми рассматриваемые предложения отличаются друг от друга (строить — строиться, входить — вмещать), по крайней мере денотативно, тоже равнозначны. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что формы страдательного залога никогда не толкуются в словарях самостоятельно: их значение раскрывается пометой «страд.» и отсылкой к форме действительного залога соответствующего глагола. Между тем никому не придет в голову квалифицировать *строить* — *строиться* и тому подобные пары слов как лексические синонимы.

Различие между парой *строить* — *строиться*, с одной стороны, и парой *сооружать* — *строить*, с другой, может быть описано двояко. Во-первых, *строить* и *сооружать* имеют одну и ту же «ролевую» структуру, а *строить* и *строиться* — разные: у *строить* и *сооружать* первая валентность — субъектная, а вторая — объектная, а у *строиться*, наоборот, первая валентность объектная, а вторая — субъектная. Чтобы исключить *строить* и *строиться* из числа лексических синонимов, достаточно ввести в определение условие, в силу которого ролевые структуры синонимов должны совпадать. Это определение будет вполне работоспособным, если мы примем два довольно естественных соглашения об описании ролевых структур предикатов типа *быть больше* — *быть меньше* (*быть выше* — *быть ниже*, *превосходить* — *уступать*), с одной стороны, и предикатов типа *покупать* — *продавать* (*снимать* — *сдавать*), с другой.

Предикаты первого типа, дающие «залоговые» синонимические перифразы (*Петр выше Ивана* — *Иван ниже Петра*, *Он всех превосходит в мастерстве* — *Все уступают ему в мастерстве*), суть пары

антонимов, а антонимы семантически неравноправны: один из них в некотором смысле семантически проще другого. <...> В частности, в парах параметрических прилагательных типа *большой* — *маленький*, *высокий* — *низкий* и т. п. семантически проще антоним, обозначающий большой полюс соответствующей шкалы. <...> По этой причине именно предикат *быть больше*, а не предикат *быть меньше* был отобран в качестве элементарного в словарь семантического языка. Если предикату *быть больше* приспана ролевая структура 'субъект — контрагент — количество' (X больше Y-а на Z), то у семантически производного от него предиката *быть меньше* естественно усматривать ролевую структуру 'контрагент — субъект — количество'. Тогда в парах *быть больше* — *быть меньше* имеет место различие ролевых структур, в принципе подобное тому, которое обнаруживается в парах *строить* — *строиться*, и они, таким образом, исключаются из числа лексических синонимов.

Перейдем к конверсным предикатам типа *покупать* — *продавать*. На первый взгляд, их ролевые структуры тождественны; 'субъект — первый объект (товар) — контрагент — второй объект (цена)'. Более внимательный анализ показывает, однако, что если для описания ситуации купли-продажи выбирается предикат *покупать*, то первый ее участник изображается как субъект и получатель, а третий — как контрагент и источник <...>; если же для описания ситуации купли-продажи выбирается предикат *продавать*, то первый ее участник изображается как субъект и источник, а третий — как контрагент и получатель. Таким образом, и в этом случае ролевая структура предикатов оказывается различной, и пары слов типа *покупать* — *продавать* тоже исключаются из числа лексических синонимов.

Перейдем к другой возможности. Различие между парами типа *строить* — *сооружать*, с одной стороны, и парами типа *строить* — *строиться*, с другой, могут быть описаны как различия не в ролевой, а в актантной структуре предикатов: у *строить* и *сооружать* места (валентности) с одним и тем же номером заняты именами одних и тех же актантов (реальных участников ситуации), а у *строить* и *строиться* места с одним и тем же номером заняты именами разных актантов:

строить, сооружать строиться

1=A	2=B
S _{им}	S _{вин}

1=B	2=A
S _{им}	S _{тв}

Как видим, у *строить* на первом месте стоит А, а на втором — В, а у *строиться*, наоборот, на первом месте стоит В, а на втором — А. С этой точки зрения второе условие синонимичности может быть сформулировано как условие совпадения актантных структур двух слов (или других лексических единиц).

Перейдем к последнему кругу фактов, та или иная интерпретация которых непосредственным образом сказывается на определении лексической синонимии. Условию совпадения толкований и тождества валентных структур отвечают не только слова типа *кидать* — *бросать*, но и пары чисто синтаксических производных, ср. *поддерживать* — *поддержка*, *равный* — *равенство*, *быстрый* — *быстро* и т. п. <...>. Кажется более или менее очевидным, что считать такие производные синонимами нецелесообразно. Синонимы — нерегулярная, чисто лексическая категория: в естественном языке они даны в готовом виде и не могут быть образованы по каким-либо продуктивным моделям. В противоположность этому дериваты — регулярная, в известном смысле грамматическая категория. Поскольку пары типа *равный* — *равенство* принципиально представимы как регулярные, их и надо описывать таким образом, несмотря на то что они отличаются от прочих типов производных тождеством лексического значения — свойством, которое действительно сближает их с лексическими синонимами.

Требуемый эффект — исключение синтаксических производных из числа лексических синонимов — достигается введением в определение последних условия, в силу которого они должны принадлежать к одной и той же части речи. Тогда пары типа *стоит* — *как только* (*Стоит ему войти* — *Как только он входит*), *сам* — *лично* (*Скажите это ему самому* — *Скажите это лично ему*), *один* — *только* (*Я скажу об этом ему одному* — *Я скажу об этом только ему*) должны трактоваться как супплетивные производные <...>.

Итак, для признания двух слов (или синтаксически неразложимых фразеологических единиц) А и В лексическими синонимами необходимо и достаточно, (1) чтобы они имели полностью совпадающее толкование, т. е. переводились в одно и то же выражение семантического языка, (2) чтобы они имели одинаковое число активных семантических валентностей, причем таких, что валентности с одним и тем же номером имеют одинаковые роли (или присоединяют к предикату имена одних и тех же актантов), (3) чтобы они принадлежали к одной и той же (глубинной) части речи.

Заметим, что это определение не требует от синонимов совпадения или хотя бы частичного сходства их сочетаемости или конструкций, в которых они употребляются, а также совпадения их стилистических свойств.

Существует и очень широко распространено мнение, что «абсолютных» синонимов в естественных языках нет. Мы не знаем, какое содержание вкладывается в этот термин, и поэтому не беремся оценить правильность приведенного суждения. Можно, однако, утверждать, что если понимать точные синонимы в определенном выше смысле, в естественных языках их не так уж мало <...>.

с. 224-225

Источники лексической синонимии

Для всякого литературного языка характерна тенденция к преодолению «нефункционального различия единиц» (Панов 1966: 55), крепнущая по мере его нормализации. Обычно отмечается, что в этом состоит одно из главных отличий литературного языка от диалектов, типичным для которых оказывается обилие семантически никак не дифференцированных способов выражения одной и той же мысли. К этому следует добавить, что и внутри самого литературного языка, особенно если включать в него просторечие, разные пласты лексики по-разному реагируют на эту тенденцию. В первую очередь она подчиняется своему влиянию устойчивые, т. е. издавна существующие в языке (исконные или вполне ассимилированные), стилистически нейтральные высоко употребительные деривационно простые или опрощенные (непроизводные) единицы в их основных значениях. Постоянно протекающие в этом слое лексики процессы семантической дифференциации приводят к тому, что господствующую роль приобретает квазисинонимия, а точная синонимия сокращается. Представление о точной синонимии таких единиц могут дать следующие достаточно редкие примеры: *бросать* – *кидать*, *гасить* — *тушить*, *глядеть* — *смотреть*, *зреть* — *спеть* (*фрукты*), *исчезать* — *пропадать* (*книга*), *кастрировать* – *оскотить*, *метить(ся)* – *целить(ся)*, *прекращаться* — *переставать*, *спешить* — *торопиться*, *супить* — *хмурить* (*брови*), *хвалиться* — *хващаться*; *забастовка* – *стачка*, *козявка* – *букашка*, *колонка* — *столбец* (*цифр*), *осьминог* – *спрут*, *подлинник* – *оригинал* (*картины*), *фига* — *кукиш*; *громадный* – *огромный*, *одинаковый* — *тождественный*, *сухощавый* – *худощавый*; *езде* – *всюду*, *впопыхах* — *второпях*, *едва* — *еле* (*дошел*), *едва* — *чуть* (*занялась заря*).

Итак, даже ядро словаря литературного языка может в принципе, хотя и очень слабо, противостоять тенденции к устранению семантически незначущего лексического разнообразия. Во всех других слоях лексики сопротивление материала этой тенденции, поддержанное различными противостоящими ей процессами инновации, значительно возрастает (ср. Шмелев 1968а: 121, 1968б). Экспрессивная лексика, слова в переносных и фразеологически связанных значениях, некоторые производные, недавние заимствования составляют в целом гораздо больший процент словаря, и каждая такая единица гораздо реже встречается в текстах. Поскольку на долю каждой из них приходится не слишком много употреблений, они оказываются менее подходящим объектом для действия семантической дифференциации, которой трудно проявить себя на таком относительно скудном материале.

Стремление языка к обновлению своих лексических средств, приводящее к возникновению точных синонимов, полнее и яснее всего проявляется в сфере экспрессивной лексики. На легкость установления синонимических отношений среди «аффективных» слов обратил внимание еще Ж. Вандриес (Вандриес 1937: 149 и сл.). Аналогичные наблюдения содержатся в работах Шапиро 1955: 75 и сл., Иванникова 1966: 93, с несколько другой точки зрения Ульман 1964: 138—139 и др. Примерами могут служить *брякнуть* – *ляпнуть* (*что-н. несусветное*), *вкатить* – *влепить* (*выговор кому-л.*), *вылупить* – *выпучить* – *выпялить* – *вытаращить* (*глаза*), *драпать* – *улепetyвать*, *заладить* – *зарядить* (*одно и то же*), *обстрелять* – *обтяпать* (*дельце*), *прошибить* – *пронять* (*страх*); *барахло* – *манатки*, *вздор* – *чушь*, *горлодер* – *горлопан*, *дьявольщина* – *чертовщина*, *каланча* – *верста*, *ободранец* – *оборванец*, *пролаза* – *проныра*, *пустомеля* – *пустозвон* – *пустобрех* – *пустослов*; *безголовый* – *безмозглый*, *мозглявый* – *тщедушный*; *крупница* – *капелька* (*ни крупницы таланта*), *пропасть тьма* (*мух*), *чуть-чуть* – *капля* (*жало-сти*). Любопытно, что именно в сфере экспрессивной лексики с наибольшей силой проявляется один из самых интересных семантических процессов – процесс синонимической аналогии, иначе называемый синонимической деривацией, или синонимической иррадиацией. <...>

с. 226-230

Развитие у слова переносных и фразеологически связанных значений — еще один процесс, порождающий семантически точную синонимию. Этому способствует прежде всего сам механизм метафори-

ческого переноса, ибо один из наиболее распространенных способов метафоризации значения состоит в снятии его дифференцирующих семантических компонентов <...>, например, *Часы убегают* <уходят> на пять минут; ср. прямые — не синонимичные — значения глаголов убежать — уходить.

Синонимизации переносных и фразеологически связанных значений способствует также то обстоятельство (тесно связанное с только что рассмотренным механизмом метафоризации), что в целом они беднее семантическим содержанием, чем прямые значения (ср. *всплыть* 1 ≈ 'плыть кверху, появиться на поверхности жидкости'; *всплыть* 2 (*Всплыли темные махинации*) ≈ 'обнаружить себя', *выходить* 1 из А ≈ 'идя, переставать находиться в А', *выходить* 2 из-под А (напр., *власти*) = 'переставать быть объектом А'). Это особенно характерно для фразеологически связанных значений, которые представляют собой конечный этап развития переносных значений.

Заметим, наконец, что и переносные и фразеологически связанные значения ограничены конструктивными условиями реализации гораздо жестче, чем свободные (ср. *выйти из комнаты*, *выйти из-под навеса*, *выйти на площадь*, *выйти в зал*, *выйти к реке*, *выйти за околицу*, *выйти пообедать* и т. п., но только *выйти из-под власти*); это также сковывает возможности семантической дифференциации синонимизирующихся значений.

Перейдем к материалу. Синонимии переносных значений можно иллюстрировать следующими примерами: *бежать* — *идти* (*Шоссе идет* <бежит> к Ленинграду), *влететь* — *достаться* — *нагореть* — *попасть* (от отца), *входить* — *влезать* (*Часть вещей не войдет* <не влезет> в чемодан), *всплыть* — *вскрыться* (недочеты), *выпадать* — *вылезать* (*Шерсть на спине выпадает* <вылезает>), *выпадать* — *выдаваться* (*Денек выпал* <выдался> великолепный), *высадиться* — *сойти* — *слезть* (в Одессе), *выходить* — *получаться* (*Из него выйдет* <получится> первоклассный спринтер; Он плохо вышел <получился> на фотографии), *гадить* — *накостить* (соседу), *ковыряться* — *копаться* (*Долго ты еще будешь ковыряться* <копаться>?), *нагнать* — *наверстать* (упущенное), *нестись* — *лететь* (по улице), *облечь* — *обложить* (*Тучи облегли* <обложили> небо), *обскакать* — *обставить* (кого-л.), *пилить* — *точить* (мужа), *прозевать* — *проморгать* (выгодный случай), *рвать* — *дергать* (зубы), *тащиться* — *плестись* (по улице), *усиливаться* — *усугубляться* (противоречия); *вандал* — *варвар* (фашистские вандалы <варвары>), *наука* — *урок* (мне на всю жизнь), *бесконечная* — *безмерная* (благодарность), *близкая* — *скорая* (разлука), *буквальный* — *прямой* (смысл слова), *кованый* — *литой* (стих), *полярные* — *противоположные* (мнения); *где* — *куда* (тебе с ним равняться), *зачем* — *куда* (тебе столько книг?), *гораздо* — *куда* (более достойный).

Представление о синонимии фразеологически связанных значений дают следующие примеры: *брать* — *забирать* (*Дорога берет* <забирает> круто в сторону), *брать* — *ставить* (кого-л. на учет, что-л. под контроль), *бросаться* — *ударять* (*Хмель бросается* <ударяет> в голову), *быть* — *находиться* — *стоять* (у власти), *взвинтить* — *вздувать* (цены), *выходить* (из терпения) — *терять* (терпение), *глодать* — *грызть* (тоска), *закатить* — *залепить* (пощечину), *затопить* — *захлестнуть* (*Волна забастовок затопила* <захлестнула> южные штаты), *испытывать* (влияние) — *подвергаться* (влиянию), *ложиться* — *падать* (*На него легло* <пало> подозрение. На него ложится <падает> тяжкая ответственность), *нести* — *терпеть* (потери), *отбить* — *отшибить* (память), *приблизиться* — *подходить* (к 5 кг; о весе), *снести* — *стерпеть* (обиду), *создаваться* — *складываться* (впечатление), *стихнуть* — *улечься* (ветер), *терять* — *утрачивать* (власть над чьм-л.); *безутешное* — *неутешное* (горе), *дословный* — *буквальный* (перевод), *заклятый* — *злейший* (враг), *избитый* — *заезженный* (острота), *напускной* — *деланный* (веселость), *невыносимый* — *нестерпимый* (боль), *несметные* — *несчетные* (полчища), *суций* — *чистый* (правда <наказание>), *беззастенчиво* — *бессовестно* (врать).

Недостижимыми для регламентирующего воздействия процессов семантической дифференциации являются и многие словообразовательные процессы, приводящие к возникновению в языке так называемых однокоренных, или однокорневых, синонимов. В русском языке наиболее богата однокорневыми синонимами глагольная лексика, причем охотнее и регулярнее всего они образуются с помощью приставок от основ глаголов, обозначающих изменение пространственного положения или состояния объекта или субъекта: *свергнуть* — *низвергнуть* (самодержавие), *отварить* — *сварить* (картофель), *обо-гнать* — *перегнать* (бегуна), *наилепать* — *отилепать* (ребенка за шалости), *обождать* — *подожждать* (друга), *закоченеть* — *окоченеть* (от холода), *перен.* *влезть* — *залезть* (кому-л. в душу), *замолкнуть* — *смолкнуть* — *умолкнуть*, *испугать* — *напугать* (кого-л.), *заснуть* — *уснуть*, *заточить* — *наточить* — *отточить* (нож), *похоронить* — *схоронить* (кого-л. на кладбище для бедных). Распространенная морфологическая разновидность этого типа представлена парами «бесприставочный глагол — «приставочный глагол, ср. *варить* — *отваривать* (картофель), *готовить* — *подготавливать* (почву

для сева), зреть — созреть (фрукты), кончать — оканчивать (институт), менять — обменивать (квартиру), мести — подметать (комнату), множить — умно- жать (пять на два), расти — нарастать (волна забастовок), рвать — взрывать (мост), слабеть — ослабевать (связи), считать — подсчитывать (деньги), точить — затачивать (нож), чистить очищать (апельсины) (о соотношениях в парах типа множить — умножить <...>).

Другой регулярный тип словообразовательной синонимии представлен префиксальными глаголами с синонимичными или квазисинонимичными основами, ср. взвывать — вздымать — взметать (пыль на дороге), выворачивать — выкручивать (лампочку), заглядеться — засмотреться, набрасываться — накидываться, оговориться — обмолвиться, одолеть осилить (врага), опростать — опорожнить (ведро), отвалить — отчалить, отковырять — отколупать, подбить — подшибить (глаз), подстеречь — подкараулить, препираться — пререкаться, прильнуть — приникнуть, приходиться — причитаться (На твою долю приходится <причитается> 100 рублей), пробрать — пронять (мороз, страх), промазать — промахнуться, прочитав — прочесть (книгу), сбить — шибить, совладать — справиться (с собой), сопроводать — сопутствовать (Жар сопровождает заболевание, Успех сопутствует каждому его выступлению), спарить — случить (животных).

Значительно менее регулярный характер имеет семантически очень неоднородный морфологический тип «невозвратный — возвратный глагол», ср. бить — биться (Сабля бьет по чепраку), метить — метиться (в цель), плескать — плескаться (вода), стучать — стучаться (в дверь); бодать — бодаться (корова), жечь — жечься (крапива), кусать — кусаться (собака); косить (глаза на кого-л.) — коситься (глазами на кого-л.), облокотить (руки на стол) — облокотиться (руками на стол), перец, обратить (мысли к прошлому) — обратиться (мыслями к прошлому), приложить (ухо к скважине) — приложиться (ухом к скважине), упереть (ногу в стену) — упереться (ногой в стену), уткнуть (голову в подушку) — уткнуться (головой в подушку); белеть — белеться, желтеть — желтеться, зеленеть — зеленеться, краснеть — краснеться, чернеть — чернеться: ср. также изолированные пары синонимов нахватать — нахвататься (сведений), обещать — обещаться (кому-л. приехать), сватать (дочь соседа) — свататься (к дочери соседа) (подробнее см. Разумникова 1966).

У существительных, прилагательных и наречий однокорневые синонимы возникают главным образом за счет синонимии словообразовательных суффиксов или вариантности основ, реже за счет префиксации или (при слово- сложении) синонимичности основ, и носят еще менее регулярный характер; ср. болезнь — заболевание, ветрогон — ветреник, заглавие — заголовок, закалка — закаливание (довольно регулярный тип), извиw — извилина (реки, пути), китаеведение — китаистика, молодец — молодчина, напластование — наслоение, наследие — наследство (прошлого), обмундировка — обмундирование, основа — основание, семья — семейство, беззаботный — беспечный, вареный — отварной (говядина), злополучный — злосчастный, колкий — колючий, крохотный — крошечный, огнестойкий — огнеупорный, оптимистический — оптимистичный, осовелый — осоловелый (вид), сходный — схожий, видимо — по- видимому, всюду — повсюду, ничуть — нисколько.

Вопрос о статусе таких единиц (синонимы или морфологические варианты слов?) долгое время был и до сих пор остается дискуссионным (см., например, Ахманова 1957, Филин 1963, Гречко 1966). С нашей точки зрения, варианты слова разумно усматривать в тех случаях, когда можно сформулировать достаточно простое и общее правило употребления того или другого варианта. В случаях, не описываемых простыми и общими правилами (а именно таковы все рассмотренные выше примеры) естественно видеть не варианты слова, а разные, но в точности синонимичные друг другу слова.

Заклучим этот перечень источников семантически точной синонимии заимствованиями. Те из них, которые пришли в язык недавно, или находятся на периферии словаря, или склонны к терминологизации, часто оказываются точными синонимами уже имеющихся в нем слов (исконных или заимствованных); ср. автономия — самоуправление, аккузатив — винительный падеж, акцент — ударение (как лингвистический термин), база — фундамент — основа (теории), дегенерация — вырождение, импорт — ввоз, каннибал — людоед, криптография — тайнопись, кугуар — пума, магометанин — мусульманин, макрель — скумбрия, моногамия — единобрачие, монотеизм — единобожие, окулист — глазник, плебисцит — референдум, полигамия — многобрачие, экспорт — вывоз; концентрировать — сосредоточивать, превалировать — преобладать, суммировать — складывать, транслировать — передавать (концерт по радио); абсолютный — неограниченный (власть), идентичный — тождественный, моральный — нравственный.

Лексические синонимы большинства перечисленных здесь разрядов лишь в самые последние годы становятся предметом детального лингвистического анализа. Только этим можно объяснить нежелание

многих лингвистов признать тот факт, что даже такие высокоформализованные и литературно хорошо обработанные языки, как русский, располагают большим числом семантически точных синонимов: господствующая теория синонимии сложилась на основе изучения такого лексического материала <...>, который не давал основания для иных заключений.

с. 230-231

Сочетаемость различия между синонимами

<...> Помимо типов сочетаемости лексические синонимы могут отличаться друг от друга по степени совпадения сочетаемости. В каждом из трех типов: возможно 1) полное совпадение сочетаемости (редкий и в дальнейшем подробно не рассматриваемый случай), 2) включение сочетаемости, 3) пересечение сочетаемости и 4) полное несовпадение сочетаемости. Всего имеется, таким образом, $3 \times 4 = 12$ типов элементарных различий между лексическими синонимами <...>

С вопросом о сочетаемостных различиях между точными синонимами тесно связана проблема их взаимозаменяемости. Из сделанных выше замечаний о типах и степенях сочетаемостных различий между лексическими синонимами следует, что взаимозаменяемость является частым, но не обязательным их свойством. Правило замены слова X его точным (по смыслу) синонимом Y в данном неметаязыковом тексте T при наличии словаря V, в котором для X-а и Y-а описаны все типы сочетаемости C, формулируется очень просто: X можно заменить на Y, если для любого вида сочетаемости имеет место $C_T(X) \subseteq C_V(Y)$ (т.к. если сочетаемость X-а в данном тексте уже или равна сочетаемости Y-а, как она описана в словаре). Очевидно, что в случае полного несовпадения хотя бы одного вида сочетаемости X и Y оказываются принципиально невзаимозаменяемыми <...>.

Полное совпадение семантической и морфо-синтаксической сочетаемости характерно для синонимии свободных прямых значений и может быть иллюстрировано парами *кидать* — *бросать*, *загнать в угол* — *припереть к стене*, *сходный* — *схожий*, *езде* — *всюду*, *едва* — *с трудом*. Полное совпадение лексической сочетаемости, характеризующее главным образом синонимию фразеологически связанных значений, явление несравненно более редкое, так как правила лексической сочетаемости, во всяком случае при синхронном описании языка, в значительной мере немотивированы. Одним из немногих примеров могут служить прилагательные *беспардонный*, *беззастенчивый* и *бессовестный*, которые в значении высокой степени сочетаются с существительными *ложь*, *обман*, *вранье* и соответствующими именами деятеля (*лжец*, *обманщик*, *врун*).

Что касается включения сочетаемости и, в особенности, пересечения и полного несовпадения сочетаемости, то они обычно встречаются в случае синонимии переносных, экспрессивных или фразеологически связанных значений.

Чаще всего такими значениями являются значения начинательности, финитности, каузации, ликвидации, высокой степени, полной степени и некоторые другие, т. е. значения, соответствующие лексическим параметрам, а также терминологизованные значения <...>

с. 232-233

Включение сочетаемости

1. Семантическая сочетаемость. M_2 (*достигать*) = 'величина' (точная или неточная), M_2 (*доходить до*) = 'точная величина': *достигать* или *доходить до 40°* (о морозе), *10 %*, *40 метров*, но *достигать* (не **доходить до*) *роста человека* (о пшенице), *высоты дома* (о дереве), M_1 (*прекращаться*) = 'выпадение осадков' или 'деятельность', M_1 (*переставать*) = 'выпадение осадков': *Дождь*, *ливень*, *снег прекращается* или *перестает*, но *Занятия*, *игры*, *сплетни прекращаются* (не **перестают*). M_2 (*ходить*) = 'фигура' или 'карта', M_2 (*делать ход*) = 'фигура': *ходить* или *делать ход ладьей*, *ферзем*, *дамкой*, но *ходить* (не **делать ход*) *тузом*, *семеркой*, *дамой*. G (*лакированный*) = 'обувь' или 'мебель', G (*лаковый*) = 'обувь': *лакированные* или *лаковые ботинки*, *сандалии*, *туфли*, но *лакированный* (не **лаковый*) *буфет*, *стол*, *стул*, *шкаф*.

2. Лексическая сочетаемость, G (*основа/основание*) *быть*, *служить* (*основой*) или *быть*, *лежать*, *иметь* (*в основе*) или *класть* (*в основу*); G (*база*, *фундамент*) = *быть*, *служить*: *быть*, *служить основой*, *основанием* или *базой*, *фундаментом гипотезы*, но *лежать*, *в основе*, *в основании гипотезы* (не **лежать в базе*, *в фундаменте гипотезы*), *класть факты в основу*, *в основание гипотезы* (не **класть факты в базу*, *в фундамент гипотезы*). Можно предположить, что слова *основа* и *основание* во фразеологически связанных словосочетаниях свободнее управляются предлогами, G (*большой 2*) = 'линейный

размер', G (высокий 2) = *рост: большого или высокого роста, но большая длина, ширина, глубина (не *высокая длина, ширина, глубина.<...>*

3. Морфо-синтаксическая сочетаемость, D₂ (казаться) = S_{тв}; А, союз + Предл., D₂ (сдаваться) = союз + Предл.: *Мне кажется или сдается, что вы ошиблись в счете <что я вас где-то видел>, но Он кажется (мне) добряком, Ты кажешься немного выше (не *Он сдается (мне) добряком и пр.).* Употребления типа *Так нередко случается на малознакомой дороге, что некоторые участки ее исчезают из памяти и весь путь тогда сдается короче, чем на самом деле (В. Быков), по-видимому, отклоняются от нормы.* D₂ (приниматься) = за S_{вин} или инфинитив, D₂ (браться) = за S_{вин}: *приниматься или братья за работу, за дело, за картину, но приниматься резать хлеб (браться резать хлеб либо неправильно, либо синонимично обязываться резать хлеб, т.е. реализует другое значение братья).* G (менее) — глагол со значением градуируемого состояния или качественное прилагательное, G (меньше) — глагол со значением градуируемого состояния: *менее или меньше любить, страдать, уважать, но менее (не *меньше) важный, интересный, привлекательный.* G (очень) = глагол со значением градуируемого свойства, качественное прилагательное или наречие степени, G (сильно) = глагол со значением градуируемого свойства: *очень или сильно картавит, смущается, устал, встревожен, обеспокоен, смущен, но очень молод(ой), очень мало (не *сильно молод(ой), *сильно мало).* G (только) = существительное или глагол, G (единственно) = существительное; *Только или Единственно Петру мы обязаны всем этим, Держался только или единственно силой духа, но Физики-теоретики только думают, а физики-практики только экспериментируют (не *Физики-теоретики единственно думают...)* <...>

с. 233-234

Пересечение сочетаемости

1. Семантическая сочетаемость. M₂ (приниматься) = 'деятельность' или 'типичный объект как символ рабочей деятельности', M₂ (браться) = 'рабочая деятельность', 'типичный объект как символ рабочей деятельности' или 'типичный инструмент как символ рабочей деятельности'; *приниматься или братья за работу <за учение, за чтение, за дело>; приниматься или братья за картину (объект живописи), за книгу (объект чтения или писания), за письмо (объект писания); но приниматься (не *браться) хохотать (нерабочая деятельность) и братья (не *приниматься) за весла <за иглу, за оружие, за перо, за руль> (инструмент как символ рабочей деятельности).* Отметим неправильность фраз типа **принялся забываться в тяжком сне <любить, отдыхать>:* в них речь идет не о деятельности (ср. начал или стал забываться <отдыхать>). Существенна также нетрансформируемость *приняться бегать <хохотать> ⇔ *приняться за бег <за хохот>* при трансформируемости *приняться читать (работать) ⇔ приняться за чтение <за работу>.*

2. Лексическая сочетаемость. M₂ (оказывать) = влияние, доверив, помощь, сопротивление, услуга или действие, M₂ (производить) = действие или атака, впечатление, обыск, расследование, эксперимент: *Капли оказали или произвели свое действие, но не *оказать впечатление, *произвести влияние.* G (полный) = 'свойство' или сирота, G (круглый) = сирота или дурак: *полный или круглый сирота, но полная (не *круглая) невозможность <праздность, свобода, темнота, тишина> и круглый (не *полный) дурак.* G (скорый) = время <свидание> или встреча <отъезд, разлука>. G (близкий) = отъезд <разлука> или будущее <день, ночь>; *скорая или близкая встреча <разлука>, но до скорого (не *близкого) свидания, в скором (не *близком) времени и близкое (не *скорое) будущее, близкий (не *скорый) день, хотя значение этих двух прилагательных во всех рассмотренных случаях одно и то же: 'такой, который должен начать иметь место через небольшой промежуток времени'.*

с. 234-235

Полное несовпадение сочетаемости

1. Семантическая сочетаемость. M₁ (G(во весь опор)) = 'живое существо', M₁(G(на всех парах)) = 'транспортное средство': *Лошадь <бегун> Мчится во весь опор (не на всех парах), но Судно <состав, поезд > мчится на всех парах (не во весь опор).* Аналогичные, но менее жесткие ограничения свойственны другим оборотам со значением полной степени скорости, ср. *во все лопатки* (преимущественно о беге человека), *на полном <на всем> скаку* (преимущественно о животном или всаднике).

2. Лексическая сочетаемость. Лос (наличие) = при, Лос (присутствие) = в: *При наличии или В присутствии газов взрыв производить нельзя, но не наоборот.*

3. Морфо-синтаксическая сочетаемость. D₁(недомогать) = S_{им}, D₁(нездоровиться) = S_{дат}: *Отец недомогает, но Отцу нездоровится.* D₂(победить) = S_{вин}, D₂(возобладать) = над S_{тв}: *Чувство долга по-*

бедило страх, Жалость победила неприязнь, но Чувство долга возобладало над страхом, Жалость возобладала над неприязнью. D₂(утрачивать) = S_{винн}, D₂ (лишиться) = S_{род}: утрачивать авторитет <влияние, прежние свойства>, но лишиться авторитета <влияния, прежних свойств>. D₂(вряд ли/едва ли) = Предложение, D₂(сомнительно) = чтобы + Предложение: Вряд ли или Едва ли он придет, но Сомнительно, чтобы он пришел.

с. 235

Квазисинонимы

Выше мы указали три признака лексических синонимов; квазисинонимы отличаются от точных синонимов по первому признаку (их толкования имеют большую — в терминологическом смысле — общую часть, но не совпадают полностью) и не отличаются по второму и третьему признакам,

При таком понимании квазисинонимов в их число попадают не только так называемые идеографические синонимы, но и те семантические типы слов, которые в словарях Вебстер 1968, Робер 1967 и некоторых других называются «аналогами». Мы допускаем, что при более детальном, чем наше, исследовании проблем квазисинонимии было бы полезно разделять эти две категории, считая квазисинонимами в собственном смысле слова лишь такие лексические единицы, семантические различия между которыми в ряде позиций нейтрализуются. Однако в данной работе это различие еще не проводится.

Два основных типа квазисинонимических различий — родо-видовые (включение значений, ср. *болеть* — *саднить*) и видо-видовые (пересечение значений, ср. *жечь* — *ломить* — *нуть* — *резать* — *саднить* — *свербеть* — *сверлить* — *стрелять*). При всей своей тривиальности это утверждение не излишне, так как разные семантические типы квазисинонимов образуют классы разной внутренней структуры и по-разному проявляют себя относительно нейтрализации. Нейтрализуются обычно оказываются родо-видовые различия; нейтрализация видо-видовых различий, теоретически вполне возможная, на практике оказывается достаточно редким явлением

В приводимых ниже толкованиях акцентируются лишь те элементы сравниваемых значений, которые составляют существо квазисинонимического различия; поэтому толкования в целом не претендуют на полноту.

С. Г. Бережан. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.

С. 7-13

Раздел 0.1. Об изученности явления синонимии

Синонимы, если под этим термином понимать эквивалентные по смыслу языковые единицы, не изобретенное лингвистами понятие, как склонны считать некоторые исследователи, а «неопровержимая лингвистическая (!) реальность», языковая сущность (entite), ибо использование различных по форме единиц для выражения одного и того же смысла — характерное свойство естественных языков, как специфических семиотических систем.

0.1.1. Синонимия — предмет лингвистических исследований. Как подчеркивал еще в 1929 г. С. И. Карцевский, синонимия, как и ономимия, представляет собой не просто лингвистическую номенклатуру, а реальное свойство всех языков, ибо каждое означающее (signifiant) может выполнять несколько функций, а каждое означаемое (signifie) может быть выражено несколькими звуковыми комплексами. И если с точки зрения общей теории языка ономимия представляется некоторым лингвистам мнимой проблемой, «поскольку она касается не тождества или различия самих языковых знаков (с которыми и имеет дело лингвист), а лишь тождества двух или более десигнаторов», то этого нельзя сказать о синонимии — явлении характеризующемся как раз тождеством двух или более собственно языковых знаков.

Поэтому синонимия всегда представляла интерес для науки о языке, хотя синонимы стали изучаться с собственно научных позиций лишь после оформления семасиологии в отдельную лингвистическую дисциплину, а произошло это в самом конце XIX в. До этого времени синонимы рассматривались в практическом плане, эмпирически, как выразительное средство, призванное разнообразить речь в процессе общения, и как таковые они отбирались и подавались в различного рода словарях.

Однако и после возникновения семасиологии требования практики (в частности все то же составление синонимических словарей) заслонили от исследователей истинно-лингвистическую природу этого характернейшего языкового явления, а в традиционное наименование стало вкладывать все более и более неопределенное содержание. В начале XX столетия, в связи с появлением сосюровской доктрины о языке, были предприняты отдельные попытки более глубокой интерпретации

синонимических отношений. Признавая значение проблемы синонимии для науки о языке, ее включили даже в повестку дня II Международного конгресса лингвистов (Женева, август 1931 г.). Этой проблеме был посвящен содержательный доклад Г.-И. Поса «La synonymie dans la langue et dans le langage». Затем активность языковедов в разработке теоретических аспектов проблемы заметно спала. За прошедшие с тех пор четыре десятилетия по общим теоретическим вопросам синонимии написано немало исследований, но без существенных сдвигов в научной интерпретации основ явления.

Определенное оживление в этой области вызвало в самое последнее время развитие структурной лингвистики и связанной с ней теории языковых (семантических) полей. Не вдаваясь в подробности, отметим только, что единства взглядов на языковые поля, а также общепризнанной методики их выделения в современном языкознании нет: почти каждый исследователь выдвигает по данному вопросу свою теорию.

Но так или иначе, сам факт признания того, что словарный состав языка распадается на некоторое число «полей», объединяющих слова по признаку их семантической общности, открыл новые перспективы для решения фундаментальных теоретических проблем явления синонимии.

Хотя изучение данного явления занимало и продолжает занимать особое место среди исследований по общей лексикологии и семасиологии, а в последнее время считается даже, что синонимические отношения являются тем звеном, которое может способствовать выявлению системного характера лексики в целом, кардинальные, принципиально важные вопросы, связанные с сущностью этого языкового явления еще не решены, они продолжают оставаться до сих пор на уровне догадок и предположений.

В различных исследованиях неоднократно отмечалось, что принципы и критерии синонимичности еще далеко не разработаны, принятые классификации синонимов условны, а само понятие «синоним» крайне расплывчато и что практически синонимические отношения между словами устанавливаются интуитивно, без учета четко выработанных научных положений.

Поэтому нельзя не согласиться с В. А. Звегинцевым, который вполне обоснованно утверждает, что синонимия, хотя и «является одной из традиционных категории языкознания, теоретическом она остается почти неизученной».

И действительно, до сих пор нет цельной и строгой концепции явления синонимии, основанной на вполне определенных понятиях и терминах, подобных тем, которыми оперируют в других науках или, по крайней мере, в фонетике или в морфологии. Существующие точки зрения на рассматриваемое явление чрезвычайно разнообразны и противоречивы: от универсализации синонимических отношений (С. Карцевский, В. Богря, Р. Уэллз) до их полного отрицания (Л. Блумфилд, Г. О. Винокур, А. И. Смирницкий, В. А. Звегинцев); кроме того, существует множество промежуточных мнений.

Таким образом, создалась своеобразная противоречивая ситуация. С одной стороны, немногие разделы лексикологии, да и языкознания вообще, удостоивались того внимания, какое всегда привлекала к себе проблема синонимов: почти нет исследователя-филолога, который не сталкивался бы с синонимией и не высказывался бы в том или ином аспекте по этому вопросу. Более того, благодаря широкому оперированию этим понятием и термином в лингвистической и языковой практике (ученой, редакционной, переводческой, писательской), а также наличию сотен синонимических словарей для десятков языков мира, проблема синонимов стала одной из наиболее популярных проблем языкознания, даже в широких кругах неспециалистов. А с другой стороны, и в кругу специалистов, у языковедов, сложилось весьма поверхностное, «житейское» представление об этом явлении: никто и никогда не говорил о фонемах, о морфемах, о фонологических отношениях или о морфологических категориях с такой легкостью, как о синонимах и синонимии. Всем это явление кажется предельно ясным и не требующим никаких дополнительных суждений.

Это результат того, что синонимы, получившие однажды (если еще не со времен древнегреческих и римских филологических учений, то, по крайней мере, начиная с известной работы аббата Жирара) свое традиционное определение как слов с близким (или тождественным) смыслом и различной формой, как бы перестали интересовать исследователей в теоретическом плане (за редкими исключениями). Приняв это определение в качестве неизменной и удовлетворительной данности, лингвисты, каждый для своего языка, прилагали усилия в основном к тому, чтобы расширить имеющиеся до них сведения о составе синонимических групп, раздвинуть рамки таких групп с целью более детального показа «лексического богатства» и «экспрессивных возможностей» языка. В связи с этим они начали издавать, во-первых, один за другим (для наиболее развитых языков) все более и более «полные» словари синонимов (во французском языкознании, например, такие словари стали регулярным явлением; на протяжении

последних 150 лет во Франции опубликовано более 20 словарей такого рода, то есть в среднем по одному словарю через каждые 7 лет), совершенно не заботясь о том, что без строгого лингвистического обоснования это ведет к явной гипертрофии так называемых синонимических рядов. Во-вторых, языковеды оказались занятыми выявлением эстетических функций синонимов, вследствие чего умножились исследования стилистического плана, в которых сквозь призму использования «синонимических» ресурсов рассматривался язык художественной литературы в целом, язык одного писателя или же язык отдельно взятого произведения — все это на той же весьма нетвердой с научной точки зрения исходной базе.

Сказанное дает основание утверждать, что теория синонимов значительно отстала от практического изучения конкретного материала по заранее заданным направлениям (в первую очередь составление синонимических словарей и анализ эстетико-экспрессивной роли синонимичных единиц).

Так на сегодняшний день обстоит дело с изучением явления синонимии в науке о языке.

Для целостности картины необходимо еще, однако, окинуть взором основные работы советских и зарубежных авторов, посвященные интересующей нас проблеме. Здесь, естественно, не будет излагаться вся история вопроса, ибо об этом уже много писалось: имеются специальные работы, обрисовывающие процесс изучения явления синонимии вообще, разработки данной тематики для отдельных языков, а также подробные обзоры справочно-библиографического характера.

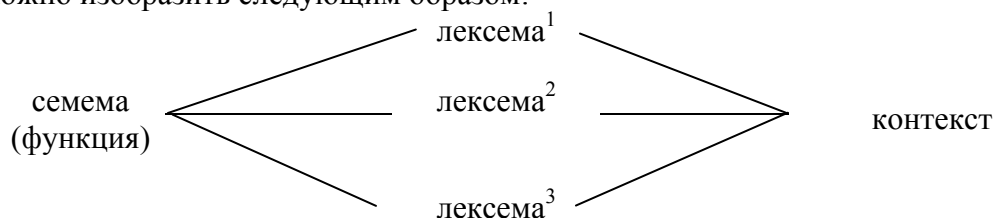
Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.

С. 122-132.

Глава VIII. Функциональная эквивалентность слов как проявление вариантных отношений в лексике

§ 1. Вторым видом вариантных отношений в лексике является функциональная эквивалентность слов, или синонимия в широком смысле слова. Как проявление вариантности в лексике функциональная эквивалентность в чем-то принципиально сходна с семантическим варьированием (многозначностью), в чем-то противоположна ему. Противоположность двух форм вариантных отношений связана с тем, что принимается за инвариант, относительно которого определяется вариантный характер других единиц.

К известно, две стороны слова-знака — лексема и семема — связаны между собой произвольно, и каждая из них может варьироваться автономно, не вызывая изменений в противоположном плане. Так, рассматривая многозначность, мы видели, как происходит семантическое варьирование слов при неизменности лексем, манифестирующих их разные значения. При синонимии роли инварианта и варианта распределяются противоположным образом: инвариантным является определенное значение, семема, единица плана содержания, а вариантами — лексемы, способные выразить это значение. Схематически эти отношения можно изобразить следующим образом:

Понятие функциональной эквивалентности гораздо шире категории абсолютных синонимов, которые представляют собой один из видов словесных оппозиций тождества на уровне слов-ономатем. Более широкое понимание синонимии как функциональной эквивалентности слов ориентировано на слова-синтагмы, функционирующие в предложениях. Инвариантным при таком подходе к синонимии является не просто значение слова, а его семантическая функция в предложении. Ф у н к ц и о н а л ь н ы м и эк в и в а л е н т а м и являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений. Адекватность функций может быть установлена

с помощью коммутационной проверки, которая осуществляется путем подстановки слов. Если смысл какого-либо предложения не изменяется при взаимозамене слов, то такие взаимозаменяемые слова можно считать лексическими вариантами, выполняющими в данном предложении одну и ту же семантическую функцию, т. е. функциональными эквивалентами.

Рассмотрим пример. В исходной фразе *На его долю выпали одни неприятности* попробуем заменить некоторые слова, сохранив общий смысл фразы: *На его долю достались одни неприятности; На его долю выпали одни огорчения; На его долю достались только неприятности*. Поскольку эти фразы передают одну и ту же информацию, слова *достались* — *выпали*, *огорчения* — *неприятности*, *одни* — *только* можно считать функционально эквивалентными. Другой пример: *Справа, в тени берез, шла (происходила, велась) погрузка имущества на грузовики (машины, автомашины)*. Здесь функциональными эквивалентами являются глаголы *идти* — *происходить* — *вестись* и существительные *грузовики* — *машины* — *автомашины*.

В функциональной эквивалентности слов на лексическом уровне находит свое воплощение общий для всей системы языка вид вариантных отношений, в основа которого — в качестве инварианта — лежит категория общей функции. Аналогом его на фонологическом уровне является фонемный ряд, который объединяет в себе внешне различные звуковые единицы (варианты морфемы), выполняющие одну и ту же функцию в составе одной и той же морфемы.

Функциональная эквивалентность слов сходна с многозначностью в том, что оба эти вида вариантных отношений в лексике полностью реализуются только на уровне слов-синтагм, связанных в рамках предложения с определенным контекстом. Но характер контекста, его роль в формировании многозначности и синонимии неодинаковы, даже противоположны. При семантическом варьировании слова контекст обязательно должен быть различным, и только при этом условии слово может выступать в разных значениях. При функциональной эквивалентности, напротив, контекст должен быть одинаковым. Сходство контекста снимает частично формальное несходство лексем, выполняющих одну и ту же функцию.

Общее соотношение лексем, семем и контекста, противопологающие условия реализации вариантов условиям инвариантности можно отразить в следующей таблице.

	Лексема	Семема	Контекст
Инвариант	две	две	один
	1) <i>закрывать</i> 2) <i>потерять</i>	'сложить' 'перестать иметь'	<i>книгу</i>
Синонимы	две	одна	один
	1) <i>опустить</i> 2) <i>потупить</i>	'наклонить вниз'	<i>голову</i>
ЛСВ	одна	две	два
	<i>учить</i>	1) 'передавать знания' 2) 'приобретать знания'	1) <i>ремеслу</i> кого-л. 2) <i>физику</i>

Если в одном и том же контексте две лексемы выражают два разных значения, перед нами самостоятельные и н в а р и а н т н ы е лексические единицы (*закрывать*, *потерять*). Если в одном и том же контексте одно и то же значение может быть выражено двумя разными словами, то такие слова являются лексемными (или лексическими) в а р и а н т а м и . Если одна и та же лексема в разных контекстах служит выражению разных значений, то такие значения представляют собой с е м а н т и ч е с к и е в а р и а н т ы .

§ 2. Функциональные эквиваленты, обладая одинаковой значимостью, способностью выполнять одну и ту же семантическую функцию в предложении, могут совпадать по своему собственному значению, а могут и не совпадать. В зависимости от того, одинаковы или только сходны собственные значения функционально эквивалентных слов, а также в зависимости от типа значений слов (основных и неосновных), целесообразно разграничить три вида функциональной эквивалентности, или синонимии в широком смысле слова.

1. Функциональные эквиваленты — а б с о л ю т н ы е синонимы. Такие слова связаны на уровне своих основных значений семантическими оппозициями тождества. Их функциональная адекватность предо-

пределена ономаемной тождественностью — тем, что лексические значения представляют собой комплексы одних и тех же семантических компонентов: *Ребята бросились тушить (гасить) огонь*. Слова, попарно связанные отношениями функциональной эквивалентности, проявляющейся во взаимозаменяемости, выступают в данной фразе в основном значении, содержательно адекватном. Контекст при таких словах не играет роли фактора, обуславливающего эквивалентность, напротив, за счет него синонимы могут утратить качество взаимозаменяемости <...>.

2. Функциональные эквиваленты — контекстные синонимы — это слова, которые способны замещать друг друга в одних и тех же фразах, реализуя при этом свои основные, не одинаковые, а только сходные по содержанию значения. Например: *Корзина была полна яблок. Плоды (яблоки) были свежие, крупные*. Лексема *плоды* во втором предложении является функциональным эквивалентом лексемы *яблоко*. Оба слова при этом выступают в основном значении, не совпадающем по содержанию, но по своей функциональной означимости слова адекватны. На ономаемном уровне слова *плод* и *яблоко* образуют привативную семантическую оппозицию: *плод* — 'часть растений, развивающаяся из цветка и содержащая семена', *яблоко* — 'шаровидный плод яблони'. Маркированным, более содержательным элементом оппозиции является слово *яблоко*, так как оно включает в себя все компоненты слова *плод* и сверх того семы 'шаровидный' и 'яблоня'. В условиях приведенной фразы оппозиция нейтрализуется благодаря наличию в контексте слова *яблоки*.

Функционально эквивалентными контекстными синонимами являются глаголы *достать* и *вынуть* во фразах *Она доставала посуду из шкафа* и *Она вынимала посуду из шкафа*. На ономаемном уровне глаголы образуют привативную семантическую оппозицию, в которой маркированный элемент, глагол *вынуть* ('достать откуда-либо изнутри') отличается от глагола *достать* ('взять откуда-либо') признаком 'изнутри'. Во фразах имеется предложно-падежная группа *из шкафа*, которая содержит в себе тот же различительный признак ('изнутри'). Глагол *достать*, присоединяя к себе этот признак, становится функционально эквивалентным глаголу *вынуть*. Оппозиция, таким образом, нейтрализуется за счет контекста, содержащего в себе признак, который является различительным в рамках привативной оппозиции, маркирует глагол *вынуть*. При этом следует отметить, что вторая фраза характеризуется большей избыточностью средств выражения, чем первая. В первой фразе сема 'изнутри' выражена только предложно-падежной группой *из шкафа*, во второй же эта сема манифестируется дважды: имплицитно в лексическом значении глагола *вынуть* и эксплицитно — в предложно-падежной группе *из шкафа*.

Обозначив сему 'взять' индексом «а», сему 'откуда-либо' — индексом «б», сему 'изнутри' — индексом «в», мы можем схематически представить себе механизм нейтрализации привативной оппозиции *достать* — *вынуть* в условиях данного контекста. <...>

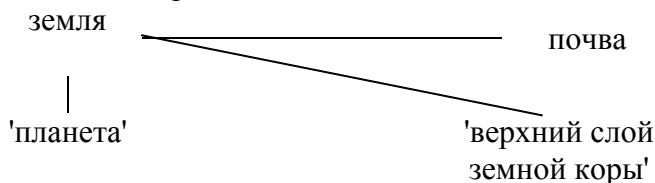
Взаимозаменяемыми могут быть и члены привативных оппозиций, связывающих стилистически маркированное слово с его нейтральным синонимом, ср.: *Вот высунулась из окна волосатая башка (голова) лодочника Ферманова* (М. Горький); *Она шагала величественно, за нею по паркету влачили (тянулись) траурные плерезы* (М. Горький). Общий смысл фраз при замене маркированных слов *башка* и *влачили* нейтральными синонимами *голова* и *тянулись* не изменяется, происходит лишь трансформация эмоциональной тональности фразы. В отличие от выше рассмотренных случаев здесь не наблюдается нейтрализации тех экспрессивных оттенков, которые лежат в основе противопоставления стилистически маркированного слова нейтральному синониму.

3. Функционально эквивалентные лексемы — вторичные синонимы. Этот вид синонимии органически связан с многозначностью, с так называемыми «пересекающимися» неосновными значениями, о которых говорилось выше. На уровне таких значений одно слово становится функциональным эквивалентом другого в условиях определенного контекста, обуславливающего данное неосновное, "вторичное" значение, ср.: "*Рядом шла (происходила) погрузка на машины*. Глагол *идти* выступает здесь в значении, которое является основным для глагола *происходить*. Между глаголами возникают отношения вторичной синонимии, поскольку один из них {*идти*} реализует свой неосновной семантический вариант. Такого рода синонимия может связывать два слова в значениях, которые для каждого из них являются вторичными. Например: *Мальчику крепко попало (досталось) за вчерашнюю историю*. Глаголы *попасть* и *достаться* выступают в этой фразе в неосновных значениях, пересекаясь друг с другом.

§ 3. Вторичная синонимия — это наиболее распространенный вид функциональной эквивалентности слов, органически связанный с многозначностью. Эта связь, сформулированная С. Карцевским как «закон ассиметричного дуализма языкового знака», составляет одну из характерных особенностей естественных языков, обеспечивающих им необходимую гибкость, способность быть экономичными и в меру

избыточными одновременно. Экономичность достигается, в частности, за счет развития многозначности слов, а необходимая и полезная избыточность — за счет развития синонимии, создающей в языке известный запас функционально эквивалентных средств, предоставляющая тем, кто пользуется языком, возможность выбора.

Развитие в словах некоторых вторичных значений сопровождается одновременным появлением новой синонимической пары. Например, у слова *земля* наряду с основным значением ('третья от Солнца, обитаемая нами планета') имеется несколько вторичных значений ('суша', 'почва', 'вещество', 'территория', 'страна'). Каждое из этих значений представляет собой вторичную функцию слова *земля*. Постольку поскольку в языке имеются слова, для которых эти значения являются основными, слово *земля* вступает с ними в отношения вторичной синонимии, в рамках которой оно функционирует в качестве вторичной формы выражения соответствующего значения. Так, слово *земля*, являясь в одном из своих значений ('верхний слой коры нашей планеты') синонимом слова *почва*, связано с ним как вторичная форма с первичной. Многозначность, таким образом, оборачивается синонимией, вторичная функция становится источником вторичной синонимии:

По отношению к слову *земля* значение 'верхний слой земной коры'—его вторичная функция. По отношению к слову *почва* слово *земля* в данном значении является вторичной формой выражения, вторичным синонимом.

Близость синонимии и многозначности не означает, однако, полного параллелизма. В семантической структуре многозначных слов имеются и непересекающиеся, уникальные значения, в противном случае язык развивался бы только «вовнутрь», обогащая ресурсы синонимов, но не расширяя состав семантических единиц. И потому явление многозначности шире, чем явление вторичной синонимии.

Сфера синонимии, как ни велика в ней роль вторичных синонимов, как известно, не ограничивается ею. В ней существуют вышерассмотренные явления абсолютной и контекстной синонимии, связывающей слова в основных значениях. За счет этих явлений сфера синонимии шире явления многозначности. Схематически это можно было бы изобразить так:

Область вторичных пересекающихся значений является в то же время областью явления вторичной синонимии. Это две стороны одного и того же явления варьирования лексических единиц.

§ 4. Функционально эквивалентные лексемы образуют синонимические пары и ряды слов, которые можно интерпретировать как парадигмы слов-вариантов, связанных единством семантических функций. Элементы этих рядов неравноправны. В них, как правило, имеются слова-доминанты, с которыми соотношены все другие члены ряда.

Роль доминантной лексики в чем-то аналогична роли основного значения во внутрисловной семантической парадигме многозначного слова. Доминантой является, как правило, наиболее употребительная и нейтральная лексема, выступающая в основном значении, наиболее приспособленная к выполнению семантической функции, которая объединяет слова-синонимы. "Роль этих признаков неодинакова в" разных видах функциональной синонимии. Применительно к явлениям абсолютной синонимии для выделения доминанты существенным является лишь первый признак — наибольшая употребительность

и нейтральность. Например, в паре *отнять* – *отобрать* доминантным¹ следует признать глагол *отнять*, он более употребителен и нейтрален; в паре *автомашина* — *автомобиль* — слово *автомашина*, так как слово *автомобиль* имеет в словаре помету «специальное», указывающую на ограничения в употреблении.

Для вторичной синонимии наиболее релевантным признаком доминантной лексемы является признак основного значения. Доминантным в соответствующих рядах и парах всегда является: слово, для которого данное значение является основным. Например, в паре *бежать* — *лететь* доминантным является *бежать*, так как соответствующее значение для него является основным, в паре *кинофильм* — *лента* — соответственно слово *кинофильм*.

В случаях контекстной синонимии, когда оба слова выступают в основных значениях, существенно важным оказывается степень приспособленности, предназначенности слова для выполнения семантической функции, на базе которой возникает контекстная синонимия. Так, в случае *доставить* — *вынуть* [*Она доставала (вынимала) посуду из шкафа*] наиболее приспособленным, основным средством следует признать глагол *вынуть*, так как он в своем лексическом значении содержит все необходимые для выражения данной ситуации ('доставание изнутри') семы. в то время как глагол *доставить* имеет возможность стать выразителем данной ситуации только при поддержке контекста.

§ 5. Объектом анализа отношений функциональной эквивалентности являются слова (синонимы в широком смысле), способные выполнять одну и ту же роль в рамках одной и той же фразы и в этом смысле функционально эквивалентные. Речь идет о словах-синтагмах, реализующих одно из своих значений, актуальное для общего смысла того или иного высказывания, поэтому исходным материалом могут быть только конкретные речевые материалы, фразы, в составе которых мы можем наблюдать поведение функционально эквивалентных слов.

Критерием функциональной эквивалентности слов, как известно, является взаимозаменяемость в конкретных фразах, не вызывающая изменений в общем содержании. Именно общий смысл фразы является семантическим инвариантом, на фоне которого взаимозаменяемые слова могут рассматриваться в качестве лексемных вариантов, объединенных общностью семантических функций.

Цель анализа функциональных эквивалентов — установление типа синонимии (абсолютная, контекстная и вторичная) и выявление доминантной лексемы. Такой анализ предполагает знание указанных типов синонимии, умение с помощью словарей осмысливать семную структуру значений слов и типы значений, а также достаточно развитую интуицию, помогающую установить факт неизменяемости общего смысла фразы при взаимозамене отдельных его элементов другими, функционально эквивалентными.

На исходном этапе используется метод коммутационной проверки. Он заключается в подборе слов, которыми можно было бы адекватно заменить отдельные элементы фраз, составляющих исходный материал. По правилам проверки слова, допускающие замену без изменения смысла фразы (план содержания), признаются-формальными вариантами (план выражения). Пары формально различных и функционально адекватных слов и становятся объектом дальнейшего анализа.

Проиллюстрируем выполнение исходного этапа на примере: *В голове у Антона шевельнулась мысль о возможности побега* (Г. Марков). Некоторые из слов фразы допускают замену другими словами без изменения общего смысла: *В голове (уме) Антона шевельнулась (появилась, возникла) мысль (идея) о возможности побега (бегства)*. Пары взаимозаменяемых слов *голова* — *ум*, *шевелинуться* — *появиться*, *шевелинуться* — *возникнуть*, *мысль* — *идея*, *побег* — *бегство* представляют собой непосредственные объекты дальнейшего анализа.

Поскольку выделенные нами типы функциональной эквивалентности слов обусловлены прежде всего типами значений слов, входящих в пару, необходимо установить, в каких значениях — основных или неосновных — выступают слова в данной фразе. При определении типов значений следует опираться на данные толковых словарей. Рассмотрим выявленные синонимические пары. Слова *голова* и *ум* являются функционально эквивалентными, так как служат средством передачи одного и того же значения 'сознание'. При этом слово *ум* выступает в основном значении — 1. 'Познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить' (МАС, 4, 488), а слово *голова* — в неосновном — 2. *перен.* 'Ум, сознание; рассудок' (МАС, 1, 325). Поскольку одно из слов пары реализует неосновное пересекающееся значение, перед нами вторичная синонимия. Слова *побег* и *бегство* связаны между собой отношениями такого же типа: слово *побег*¹ выступает в основном значении — 1. 'Самовольный, тайный уход из места заключения, из места вынужденного пребывания и т. п.' (МАС, 3, 151), а слово *бегство* — в неосновном — 2. 'Самовольный, тайный уход, отъезд; побег' (МАС, 1, 67). Аналогичные от-

ношения связывают глаголы *шевельнуться* и *возникнуть*. *Возникнуть* — 'Появиться, зародиться, получить начало' (МАС, 1, 202); *шевельнуться*—2. || 'Проявляться, не утрачиваться (о чувствах, мыслях и т. п.)' (МАС, 4, 707).

Во всех этих случаях мы имеем дело с наиболее распространенным видом функциональной эквивалентности — вторичной синонимией, которая возникает в связи с развитием у слова вторичных значений, по которым они пересекаются с основными значениями других слов. Доминантными единицами в таких парах являются слова, выступающие в основных значениях, в приведенных примерах соответственно — *ум*, *побег*, *возникнуть*.

В парах *шевельнуться* — *появиться*, *мысль* — *идея* мы встречаемся с вторичной синонимией иного порядка. Здесь оба слова выступают во вторичных значениях, ср.: *шевельнуться*— 2. || 'Возникать, появляться' (БАС, 17, 1327) и *появиться* — 2. 'Возникнув, образовавшись, стать заметным; выступить, просту- | пить' (МАС, 3,350); *мысль*—2. 'Результат процесса мышления | (в форме суждения или понятия); идея' (МАС, 2, 317) и *идея* — 3. 'Мысль, замысел, намерение, план' (МАС, 1, 631). В качестве доминант в этих парах можно выделить слова, вторичные значения которых являются более устойчивыми и широко употребительными, соответственно *появиться* и *мысль*.

Выявление вторичной синонимии, таким образом, состоит только из одного этапа: достаточно установить, что хотя бы одно из слов, связанных отношениями функциональной эквивалентности, выступает в неосновном значении.

Определение абсолютной и контекстной синонимии включает в себя два последовательных этапа. На первом этапе устанавливается, что оба слова, допускающие взаимозамену, выступают в основных значениях. По этому признаку пары слов отграничиваются от вторичных синонимов. Например, во фразе *В школе остался только учитель (преподаватель) физики* отношениями функциональной эквивалентности связаны слова *учитель* и *преподаватель*, которые выступают в основном значении. Во фразе *Она быстро кидала (бросала) камешки в воду* функционально эквивалентными являются глаголы *кидала* и *бросала*, также выступающие в основном значении. Возникает задача разграничения абсолютной и контекстной синонимии, т. е. двух видов функциональной эквивалентности, которые связаны с основным значением слов. Эта задача решается с помощью сопоставительного анализа компонентного состава значений слов, в проведении которого также необходимо опираться на данные словарей. При этом обнаруживаются два возможных вида соотношений слов, которые можно интерпретировать в качестве семантических оппозиций разного рода. Слова *учитель* и *преподаватель* представляют собой привативную семантическую оппозицию: значение *преподаватель* полностью входит в значение слова *учитель* ('преподаватель средней школы'), но в слове *учитель* имеется признак 'средняя школа', который делает слово маркированным элементом привативной оппозиции. В предложенной фразе эта оппозиция нейтрализуется благодаря присутствию слова *в школе*, и слова *учитель* и *преподаватель* могут употребляться в ней в качестве функциональных эквивалентов. Такой тип функциональной эквивалентности мы называем контекстной синонимией. Глаголы *кидать* и *бросать* составляют семантическую оппозицию тождества, так как их основные значения, представленные в данной фразе, являются одинаковыми. Таким образом, здесь мы имеем дело с функциональной эквивалентностью, основанной на абсолютной, системной синонимии слов-ономатем.

Итак, определение типов контекстной и абсолютной синонимии предполагает выполнение двух этапов: 1) установление того, что взаимозаменяемые слова выступают в основном значении, и 2) разграничение слов между собой в зависимости от совпадения или только близости основного значения.

При любом типе синонимии возможна дополнительная характеристика слов с точки зрения нейтральности — маркированности, различий происхождения, употребительности и т. п. Такого рода сведения мы также можем извлечь из словарей. Например, абсолютные синонимы *лингвистика* и *языкознание* отличаются друг от друга происхождением: *языкознание* — слово русское, *лингвистика* — заимствованное. Глаголы *слоняться* и *бродить*, совпадающие по понятийному содержанию, различаются тем, что *слоняться* является стилистически-маркированным, уместным лишь в разговорной речи. В паре слов *солдат* — *служивый*, связанных отношениями вторичной синонимии (данное значение для слова *служивый* является вторичным), следует отметить, что слово *служивый* является устаревшим. Наличие социолингвистической маркированности характерно, как правило, для таких слов, которые не являются доминантными в соответствующих парах и рядах синонимов.

Если рассматривать лексический состав языка на всем протяжении его исторического развития от древнейших памятников письменности до наших дней, а также включать в рассмотрение лексику всех областных говоров языка, лексику всех узкоспециальных областей науки и техники, ремесел и т. д., а также привлекать жаргонную лексику, то количество слов с тождественными и близкими значениями будет чрезвычайно велико. Однако слова этих категорий синонимами не являются.

Нельзя признать синонимами слова, относящиеся к различным историческим эпохам (например: заявление — прошение — челобитная, турист — паломник, землетрясение — трясина и т. д.), слова, принадлежащие различным областным говорам (например: брюква — бухва — калека, искать — сочить, желать — бажать и т. д.), а также различные жаргонизмы (идти — хрять, пить — бусать и т. д.). Нельзя рассматривать в качестве синонимов и те терминологические, узкоспециальные слова, которые употребляются только в какой-либо научной, технической, профессиональной области, не выходя за ее пределы (например: близорукость — миопия, двуязычие — билингвизм и т. д.).

Все перечисленные категории слов не входят в лексико-семантическую систему современного общенационального нормативного литературного языка и могут быть употреблены в нем только в определенных и особых случаях.

Синонимичными друг другу надо признать только те слова, которые представляют собой неотъемлемую часть словарного состава современного литературного языка, живой общенациональной разговорной речи. Поэтому первым и основным принципом выделения и отбора синонимов для описания в Словаре является их принадлежность к языку а) современному, б) общенациональному, в) литературному.

Определение синонимов как слов тождественных и близких по значению только в составе современного литературного языка снимает вопрос об архаической, областной, жаргонной, а также и узкоспециальной лексике и выводит такую лексику за пределы Словаря. Только при этом условии возможно раскрыть сущность синонимии как определенного явления языка и описать роль и функции синонимов.

Степень развития любого литературного языка определяется богатством его словарного состава, предоставляющего говорящим и пишущим возможность обозначать все разнообразие окружающего мира. Л. В. Щерба писал: «Достоинство литературного языка определяется степенью сложности системы его средств выражения..., т. е. богатством, готовых возможностей выразить разнообразные оттенки».

Лексические синонимы являются одной из важнейших в ряду таких «готовых возможностей». Тонкие оттенки значения, экспрессия, эмоциональная окраска находят свое выражение в слове, в особенностях его употребления, в особенностях сочетаемости его с другими словами.

Разновидности литературного языка, устного и письменного, разнообразные стили языка и речи, язык художественной литературы с его жанровыми подразделениями характеризуются прежде всего лексикой, причем лексика в большей степени, чем другие стороны языка, служит основой различий между ними.

Говоря о необходимости создания стилистики русского языка, Л. В. Щерба характеризовал ее так: «В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок. Из всего сказанного ясно, что развитый литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных, друг с другом».

Следовательно, вопросы синонимии языка имеют исключительное значение для стилистики, поскольку многообразие стилей языка и речи опирается на богатую синонимику языка.

Разнообразие жанров и стилей современной русской литературной речи, разнообразие экспрессивных, эмоциональных и иных характеристик и оценок, выражаемых в словах, обусловлены богатством и гибкостью лексики языка, богатством и разнообразием синонимов в его лексико-семантической системе.

С. 8-12

Чем сложнее и длительнее история народа в его языке, чем богаче его литературная традиция, тем более сложным, разнообразным и разнородным является состав лексики в целом и в особенности лексики, связанной между собой сходством и близостью значений.

Наличие в современном (для той или иной эпохи) литературном языке слов с тождественным и предельно близким значением всегда привлекало к себе внимание и занимало лингвистов с древнейшей поры.

Слова, предельно близкие, и слова, тождественные по значению, очень разнообразны и разнородны по характеру выражаемых ими смысловых оттенков, по экспрессии, до эмоциональной и стилистической окраске. Не менее разнородны они и по происхождению, по своим формальным признакам и т. д.

Проблема лексических синонимов русского языка находила себе место первоначально в «реториках», а позднее была одной из первых лексикологических проблем, а также одной из первых проблем стилистика речи (М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, П. Ф. Калайдович, А. И. Галич, И. И. Давыдов и др.).

Основным вопросом при рассмотрении синонимов, которому посвящаются многочисленные статьи начиная с конца XVIII в., является вопрос о возможности, о допустимости наличия в языке двух (и более) слов для обозначения одного и того же понятия. Рассматривая стилистическую, экспрессивную, эмоциональную разнородность синонимов, авторы (Н. М. Ибрагимов, С. Г. Саларев, П. С. Кондырев, Д. М. Княжевич, А. С. Шишков, а также названные выше П. Ф. Калайдович, А. И. Галич, И. И. Давыдов и др.) утверждали, что тождественных по значению («однозначных») слов в языке быть не может. Они характеризовали синонимы как слова «подобозначащие», «сродные по значению». «Ежели синонимы принимать в таком смысле, что они заключают в себе понятия различные, но имеют какую-нибудь связь между собою, то соименные слова существуют в каждом языке и могут выражать одно и то же понятие в разных его степенях и изменениях. Итак, *сообщник*, *соучастник* и *сотоварищ* в сем смысле будут синонимы; ибо все сии названия принадлежат человеку, занимающемуся делом, которым занят и другой. Но ежели разуметь синонимы как слова однозначные, имеющие сходство в знаменовании столь ограниченное, столь совершенное, что смысл синонимов во всей своей силе и во всех отношениях всегда и без перемены может быть один и тот же; что можно употреблять их без всякого различия во всех случаях; что нет ни малейшей нужды делать из них выбор, смотря до обширности знаменования, или по силе выражения, то соименных слов нет ей в одном языке», — писал во введении к своему словарю П. Ф. Калайдович.

Недопустимость наличия в литературном языке слов с тождественным значением постулировал А. И. Галич, автор другого словаря, который писал: «Синонимы некогда были определяемы по-латыне: *verba significantia*, т. е. слова тождезначащие; по-немецки: *Wörter gleichbedeutende, gleichbedeutige, sinnverwandte*, т. е. слова равнозначащие, сродные по своему знаменованию. Ни латинское определение, ни два первые немецкие не выражают существа вещи» и давал синонимам такое определение: «Синонимы, сословы суть такие Слова, которые и сходны между собою по своему значению в различны». И. И. Давыдов утверждал, что «названия видимых предметов не могут быть принимаемы одни вместо других», а если «встречаются различные названия для одного и того же предмета», то «это или областные речения, или заимствованные из соплеменных и других иностранных наречий, а отнюдь не синонимы. Таковы, например, слова; око и глаз, конь и лошадь, сабля и шашка, житие и жизнь, аромат и благовоние, адрес и надпись, плуг и соха, уста и губы, ичиги и сапоги, голомя и давно».

Таким образом, для филологов первой половины XIX в. определяющим моментом в характеристике синонимов были разного рода различия между ними, оправдывавшие их наличие в языке, потому что «если бы существовали синонимы однозначные, тогда бы язык, первое средство сообщать мысли другому, был затруднителен для памяти; ибо один только слух чувствовал бы разность в словах соименных, в разум не мог бы видеть ни силы выражения, ни связи многих знаменований, ни разнообразных степеней одного и того же понятия».

Вопрос о лексических синонимах, как и вообще проблемы лексикологии, в течение второй половины XIX в. и начала XX в. мало занимали русских лингвистов.

Практическая необходимость в словаре русских синонимов также не нашла достойного и нужного решения. Можно назвать лишь отдельные статьи, в которых затрагивались вопросы о лексических синонимах. Определяя самое понятие «синоним», А. Г. Горнфельд писал: «Синонимы— слова близкого, смежного, почти одного значения. Процессу создания новых форм, новых дифференцированных категорий в мысли соответствует в языке создание новых оттенков выражения — синонимов. Не всегда новый оттенок мысли получает и новое название; иногда он обозначается описательно или на чужом языке — и тогда синонима нет». «Теоретики расходятся по вопросу о том, возможны ли в языке слова совершенно тождественные по смыслу; но вопрос этот не существует для тех, кто знает, что слово в сло-

варе, вне живой речи, не имеет вполне определенного значения». Поэтому А. Г. Горнфельд считал, что лишь в обиходной речи в исключительных случаях синонимы могут быть употреблены «без разбора» по небрежности или потому, что «в чьем-либо неразвитом сознании» два слова обозначают одну и ту же вещь, но с этими случаями считаться не следует, так как даже при совпадении логического понятия «звуковая, ассоциативная, эмоциональная сторона [слова] действует различно в потому выражает различные оттенки значения».

Полностью совпадает с этой характеристикой та оценка, которую дает синонимам и Г. О. Винокур. Он пишет: «. . . так называемая синонимичность средств языка, если иметь дело не с лингвистической абстракцией, а с живым и реальным языком, с тем языком, который фактически существует в истории, является просто-напросто фикцией. Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: конь или лошадь, ребенок или дитя, дорога или путь и т. п.».

Как мы видим, с первых же наблюдений над синонимами русские филологи останавливаются на различиях между ними и отрицают возможность наличия в литературном языке двух полностью тождественных по значению и употреблению слов. Для этого П. Ф. Калайдович включает в «смысл слова» экспрессивные, эмоциональные его особенности, а для слов, обозначающих один и тот же «предмет» (око и глаз, глаголю и говорю) видит объяснение в принадлежности их к разным «слогам». А. Г. Горнфельд и Г. О. Винокур утверждают, что синонимы, определяемые как слова тождественные по значению, могут существовать только в полном отвлечении от контекста, потому что в живой речи «нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: конь или лошадь». Таким образом, все наблюдения сводятся к утверждению, что синонимы — это «слова близкого, смежного, почти одного значения», что именно различия между синонимами и обуславливают их жизнь в языке.

В последнее время некоторые исследователи предлагают рассматривать в качестве синонимов только слова, тождественные по значению и различающиеся (не всегда) по стилистическому употреблению: «. . . только смысловое тождество (а не близость значений, как допускают некоторые) позволяет рассматривать слова как синонимы», — пишет Л. Д. Григорьева.

Однако принципы разграничения тождества и предельной близости значения при установлении стилистических особенностей синонимов очень зыбки и крайне ненадежны, потому что подавляющая часть стилистических синонимов содержит экспрессивные, эмоциональные или оттеночные (т. е. смысловые) особенности, которые и определяют их стилистическое употребление.

Для правильного отбора тождественных и близких по значению слов гораздо важнее внести ясность в понимание «близости» значения.

Тождественными и близкими во значению следует считать только те слова, которые употребляются для обозначения одного и того же понятия и различаются между собой или оттенками значения в пределах данного понятия, или экспрессивной, эмоциональной окраской, или употреблением в определенных стилистических условиях, в определенных сочетаниях с теми или иными словами.

Значения слов описываются в толковых словарях. Толковые словари современного русского литературного языка содержат весьма значительное количество слов с тождественными и предельно близкими значениями. Тождество, предельная близость значения отмечаются в современных словарях и раскрываются в самих истолкованиях, значений. Это делается несколькими способами:

а) при помощи формулы «То же, что. . .», например:

Багровый. . . Густо-красный, пурпуровый.

Багряный. . . То же, что багровый.

Кушанье... 1. Определенным образом приготовленные для еды продукты питания.

Блюдо... 2. То же, что кушанье;

б) при помощи идентичных, полностью совпадающих толкований, которые даются обоим словам, например:

Возвратить. . . 1. Отдать обратно что-л. взятое; вернуть.

Вернуть... 1. Отдать обратно что-л. взятое; возвратить.

Гаснуть... 1. Переставать гореть, светить; тухнуть.

Тухнуть... 1. Переставать гореть, светить; гаснуть;

в) путем приведения синонима вместо истолкования значения, что указывает на тождество значений данных слов (стилистические различия указываются соответствующими пометами), например;

Безвозбранно. . . Книжн. Беспрепятственно.

Бить... 5. Стрелять. 6. Раздроблять, разбивать.

Отчизна... Устар. поэт. и высок. Отечество, родина,

Наличие в толковых словарях идентичных, совпадающих толкований у весьма значительного количества слов свидетельствует о том, что именно так воспринимается, осознается и употребляется то или иное слово (в словарях слову дается та смысловая характеристика, которую оно имеет в сознании носителей данного языка).

В качестве синонимов а нашем Словаре рассматриваются слова, которые в современном литературном языке употребляются для обозначения одного и того же понятия (следовательно, получившие в толковых словарях совпадающие или очень близкие толкования). Эти слова а) служат детализации и выделению того или иного признака понятия, существенного с точки зрения говорящего или пишущего (Загореться, заняться, вспыхнуть, запыхать), б) служат выражению степени и меры в проявлении признака (Громадный, огромный, колоссальный, гигантский, исполинский, грандиозный, циклопический; Боязнь, страх; ужас), в) выражают интенсивность обозначаемого действия (Бежать, мчаться, нестись, лететь), г) служат выражению субъективной оценки, отношения говорящего к обозначаемому (Глупый, неумный, безголовый, пустоголовый, безмозглый). Она, кроме этого, являются основным средством в создании стилей языка и речи.

Синонимом в полном смысле следует считать такое слово, которое определилось по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости, а следовательно занимает свое место в лексико-семантической системе литературного общенационального языка.

В лексическом составе языка, кроме слов, которые мы назвали синонимами, всегда имеется некоторое количество таких, значение и употребление которых не имеет различий, за исключением сферы их применения. В своем подавляющем большинстве это специальная или собственно терминологическая лексика. Характерной чертой этой лексики является то обстоятельство, что одно из слов обычно принадлежит к числу интернациональных или иноязычных и только в редких случаях оба являются русскими, например: видоискатель — визир, ватерпас — уровень, водолечение — гидротерапия, вертолет — автожир, вертолет и т. д. (особенно много случаев «дублетности» терминов в узких специальных областях, лексика которых не входит в нормативный общенациональный литературный язык).

Из подобных дублетов в Словарь синонимов включаются только те, которые стоят на грани между общелитературной и узкоспециальной речью, или такие, область применения которых занимает весьма существенное место в общенародной жизни и известна широким массам.

К числу дублетных слов, встречающихся в литературном языке, относятся также единичные областные слова, которые, несмотря на свою принадлежность к определенной территории и наличие в литературном языке другого слова с таким же значением, употребляются в нем наряду с этим словом (жнивье — стерня, бабки — козны).

Две функции — «уточнительная» (акцентирование того или иного оттенка понятия) и стилистическая — и являются основными, характеризующими и обуславливающими лексическую синонимику языка. Именно они определяют специфические связи и отношения между тождественными и близкими по значению словами в лексической системе языка (распределение употреблений слов). Все другие функции синонимов, которые часто указываются в качестве их характерных признаков (например, взаимозаменяемость, амплификация, противопоставленность и т. д.), являются производными от этих двух, развились на их основе и представляют собой различные виды осуществления, реализация «уточнительной», т. е. оттеночной, смысловой и стилистической функций.

В литературе неоднократно делались попытки разделить синонимы на стилистические а «идеографические».

Однако материал показывает, что невозможно провести границу между теми и другими, зачислив одни в стилистические, а другие только в идеографические. Основная, подавляющая масса синонимов служит и стилистическим и смысловым (оттеночным, уточнительным) целям, часто выполняя и ту и другую функции одновременно.

В синонимической группе Брести, плестись (разг.), тащиться (разг.), тянуться (разг.), ползти (разг.) слова отличаются друг от друга оттенками в характеристике действия, экспрессивностью и стилистическим употреблением.

Одним из важнейших свойств любого языка, определяющих возможность выразить одну и ту же мысль различными способами и при этом передать разнообразные индивидуальные оттенки, является его вариантность, понимаемая широко, т. е. а) возможность выбора слова или формы, или конструкции,

которая обусловлена наличием в языке нескольких параллельных форм (как в области лексики, так и в области синтаксиса, морфологии), различающихся по обозначаемому, а не по обозначаемому; б) возможность использовать для выражения мысли эти параллельные формы, беря их одновременно из различных областей языка. Говорящими отчетливо сознаются близкие и тождественные явления в разных областях языка, возможность их полного смыслового совпадения в определенных условиях (контекст, речь в целом и т. д.), с одной стороны, а с другой — возможность свободного выбора и употребления близких и тождественных форм для выражения тонких различий.

При рассмотрении синонимов необходимо исходить из тех общих особенностей и свойств языка, как средства общения, сообщения и воздействия, с которыми связано наличие синонимов и их использование в речи говорящих; необходимо также учитывать своеобразие, специфику лексического состава (о данном случае русского) языка и источники его синонимия.

С. 12-14

Состав лексических синонимов языка, их характер, особенности синонимических связей и отношений зависят в значительной степени от специфики всего лексического состава и способов выражения значения в слове в данном языке. Русский язык принадлежит к языкам с богатой в сложной морфологической структурой. Характерной особенностью ее является подвижность словообразующих морфем (имеем в виду ту свободу, с которой может быть образовано слово в двух, иногда даже в трех вариантах, совпадающих или очень близких по значению, например образование отглагольных существительных — имен действия типа: накал, закалка, закаливание от закалить — закаливать; относительных прилагательных типа: снеговой, снежный от снег; артистичный, артистический от артист; образование прилагательных типа: неумолчный, безумолчный, неустанней, безустанный и т. п.).

Богатая разветвленная система производных слов, группирующихся вокруг какого-либо корня (или основы), являющегося смысловым центром, образует тесно связанное между собой сложное целое, в котором обнаруживаются и синонимические, и вариантыные, и парадигматические отношения.

Эта структурная особенность в значительной степени определяет сложный и своеобразный характер лексической синонимии в русском языке. Она обуславливает обилие однокоренных синонимов с очень тонкими оттеночными (смысловыми) и тонкими стилистическими различиями.

Богатство разнообразных аффиксов и наличие среди них близких по своему значению и функции определяют неизбежность параллельных образований в различных категориях речи. Особенно показателен в этом отношении глагол (например: гаснуть — угаснуть, погаснуть, загаснуть — угасать, погасать, загасать; умолкнуть, смолкнуть, замолкнуть — умолкать, смолкать, замолкать), но и другие категории речи представляют большое количество разнообразных вариантов. Например, такие синонимические группы наречий, как: Вверх, кверху, наверх, ввысь или Вокруг, кругом, округ, окрест и другие подобные, в составе которых подавляющую часть синонимов с очень тонкими смысловыми оттенками представляют собой однокоренные слова, свидетельствуют об обилии и разнообразии параллельных образований от одной основы. Еще более разнообразны по смысловым и стилистическим оттенкам синонимические группы, в состав которых входят однокоренные синонимы, образованные от разных основ и разных категорий речи, например: Близко, вблизи, поблизости, недалеко, неподалеку, невдалеке.

Разнообразные возможности выражения очень тонких смысловых оттенков путем образования новых слов, которые дает богатая и сложная морфологическая структура русского языка, не ограничиваются только различными видами использования какой-либо основы или корня. Второй путь, по которому идет создание новых слов, близких и тождественных по значению, это путь, где объединяющим и организующим началом являются аффиксы (преимущественно префиксы), выражающие определенные смысловые отношения. Например, синонимические группы: Вдоволь, вволю, всласть, вдосталь, досыта или Безграничный, беспредельный, бесконечный, бескрайний, безбрежный и другие, подобные им, свидетельствуют об этом с достаточной очевидностью.

Роль префиксов особенно велика в образовании синонимичных глаголов с тонкими оттенками значения. Например, в группе глаголов-синонимов: Втыкать, вкалывать, вонзать, всаживать, вгонять (с значением: заставлять проникать что-л. тонкое и острое в глубь чего-л.) приставка в- играет организующую роль. Из глаголов, входящих в эту группу, только колоть и тыкать могут быть сближены по значению, различны по смысловому значению основы глаголов ссаживать и вгонять. В синонимических группах: 1. Восстанавливать, возрождать, воссоздавать, возобновлять (приводить в прежнее состояние что-л. разрушенное, утраченное, пришедшее в упадок в т. п.) и 2. Восстанавливать, воспроизводить, воссоздавать, возрождать, воскрешать, возобновлять (вызывать, оживлять в памяти, в сознании что-л.

прошедшее, забытое) «организующую» роль играет приставка воз-. Глаголы, входящие в эти синонимические группы, взятые без приставок, часто не являются синонимами и даже не обозначают близких или родственных понятий, не менее часто глаголы без приставок вообще не употребляются. Следовательно, эта группа приставочных глаголов-синонимов не повторяет синонимических отношений производных глаголов. Типизирующую, организующую роль здесь выполняет приставка.

Существенным является то обстоятельство, что лексикализованное выражение отношений, которые в других языках, например во французском, выражаются синтаксически, описательно, при помощи других дополнительных слов, в русском языке особенно богато синонимами. Синонимические группы бесприставочных глаголов в русском языке в большинстве своем (за исключением экспрессивных глаголов) значительно меньше по составу, чем синонимические группы приставочных глаголов. Эти последние иногда охватывают большое количество слов с очень тонкими смысловыми различиями (например: 3. Восстанавливать, воспроизводить, воссоздавать, возрождать, воскрешать, возобновлять (что-л. в памяти, в сознании)).

Эти два пути (образование, близкочуждых слов, когда организующим элементом является общая основа, корень и когда организующим являются аффиксы) часто перекрещиваются, обуславливая очень тонкие и разнообразные виды синонимических отношений, характерных для русского языка с его богатой и подвижной морфологической структурой.

Исключительная роль старославянского языка в русской письменности и формировании литературного языка (в особенности то обстоятельство, что старославянский письменный язык структурно был предельно близок древнерусскому языку), с одной стороны, создавала предпосылки для обилия и богатства вариантов словообразующих морфем, а с другой стороны, обуславливала наличие вариантов самих основ, причем вариантов различного типа и в разных категориях речи (берег — брег, страна — сторона, голова — глава, короткий — краткий, волочить — влачить, чужой — чуждый, одежда — одежда и т. Д.). Это, в свою очередь, в связи с различием сфер употребления и в связи с развитием литературного языка, определяло складывание и развитие разнообразных смысловых и стилистических отношений между ними. Сложность этих отношений особенно ярко проявляется в глаголах. Здесь во многих случаях синонимические отношения переплелись со словоизменительными парадигматическими отношениями, создались частичные отношения супплетивности для одних форм, а для других сохранились яркие синонимические отношения, синонимическое распределение их употребления.

Примером могут служить глаголы, образующие синонимическую группу; Волочить, волочь, влачить, влечь, тащить, тянуть в значении передвигать что-л., не поднимая (не отрывая от поверхности), а применяя силу тяги.

В этом конкретном значении глаголы волочить, влачить, влечь отличаются друг от друга тонкими смысловыми оттенками, стилистической окраской, сферой употребления. Глаголы волочить и волочь в современном языке воспринимаются как одно слово, хотя в употреблении некоторых форм этих глаголов отчетливо проявляются стилистические различия (см. указания на эти различия ниже, стр. 158—159). Глагол влачить, хотя и характеризуется в современных толковых словарях как «устарелое, книжное, поэтическое слово», продолжает употребляться в современном русском литературном языке и выполняет в нем свои стилистические и оттеночные функции. Он ограничен в своем употреблении преимущественно поэзией. Глагол влачить мы встречаем в стихах Блока, Маяковского, Антокольского, Заболоцкого в других поэтов. Вместе с этим глагол влачить употребляется и в прозе, где не только его стилистическая, но и оттеночная, смысловая сторона проявляется с особенной: отчетливостью. Более отвлеченный и приподнятый характер глагола влачить по сравнению с конкретным значением глаголов волочить, волочь обуславливает его употребление в тех случаях, когда обозначаемое глаголом действие не имеет той предельной конкретности, как в глаголах волочишь, волочь (можно волочить за собой спустившуюся одежду, но нельзя волочить свою тень).

В глаголе влечь смысловой акцент падает на то, что предмет передвигается (влечется) какой-либо силой, кем-, чем-либо, а не на то, что он передвигается волоком. Эта разница смысловых оттенков глаголов влечь и волочь раскрывается в их употреблении и сочетании их с другими Словами (см. ниже в Словаре цитаты с этими глаголами). Несмотря на различия оттеночного и стилистического характера между перечисленными глаголами, они во многих случаях могут быть совершенно тождественны друг другу, могут замещать друг друга в определенных условиях.

Кроме этого, глаголы волочить, волочь, влачить, влечь связаны между собой парадигматическими отношениями, которые в одинаковой степени охватывают и два других глагола тащить, тянуть, входящих в данную синонимическую группу. Так, причастие страдательного залога настоящего времени вле-

комый (от влечь) выполняет свои функции для всех глаголов этой группы, потому что от глагола тянуть причастие страдательного залога настоящего времени не образуется, а формально возможные причастия волочимый, влачимый, тащимый в современном литературном языке не употребляются (см. в Словаре цитаты с причастием влекомый при глаголах данного синонимического ряда). Деепричастия настоящего времени волоча к влача употребляются как формы для всех данных глаголов (с соответствующими стилистическими различиями), потому что от глагола тянуть деепричастие настоящего времени не образуется, а деепричастия таща и влача в современном литературном языке для данного значения не употребляются.

Тождественность и предельная близость значения рассматриваемых глаголов, обусловленная исторически, частичная супплетивность в парадигматических отношениях обусловили очень тонкие и своеобразные синонимические связи между ними.

Лексические антонимы и конверсивы

Л. А. Новиков. Антонимия в русском языке. Изд-во Московского университета, 1973.

с. 12 – 16

Антонимия – одно из проявлений системности лексики

Одним из важных проявлений системных отношений в языке является соотносительная противоположность его элементов. Антонимические отношения буквально пронизывают язык. Значение противоположности отмечается, например, в отношениях залоговых форм глагола: *строить—строиться* (*Рабочие строят дом—Дом строится рабочими*), *угнетающий — угнетаемый*, *покупать — продавать* и под. Противоположными по смыслу могут быть и целые предложения: *Все собравшиеся были спортсменами — Ни один из собравшихся не был спортсменом* (ср. *Некоторые из собравшихся (не) были спортсменами*). Логические формулы этих предложений (суждений) имеют следующий вид: «Все S суть P», «Ни одно S не есть P», «Некоторые S (не) суть P».

И все же антонимия — явление прежде всего лексическое. В этом нетрудно убедиться, обратившись, скажем, к только что приведенному примеру. Синтаксическая антонимия *Все собравшиеся были спортсменами — Ни один из собравшихся не был спортсменом* опирается прежде всего на лексическую противоположность компонентов конструкции: *все (были) — ни один (не был)* (ср. подчеркивание соотносительной противоположности самой терминологией: общеутвердительное — общеотрицательное суждение, высказывание).

Принципиальная важность классификации слов по противоположности их значений для осознания системности лексики отмечалась в лингвистике неоднократно. Так, например, акад. М. М. Покровский еще на заре развития науки о значении писал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [75, стр. 82]. Ш. Балли видел в антонимических противопоставлениях проявление природной склонности человеческого ума. Он указывал на легкость, с которой в сознании говорящего вызывается логический антоним (например *la chaleur* «тепло» — *le froid* «холод») или вообще «парное» слово (типа *droit* «правый» — *gauche* «левый»). «Это одно из проявлений той относительности,—писал Ш. Балли,—которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума. Таким образом, в нашем сознании абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов всегда так или иначе вызывает представление о другом» [8, стр. 139].

В докладе на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло (1958 г.) Л. Ельмслев подчеркнул, что структурное описание языка возможно лишь при условии, когда открытые классы удастся свести к замкнутым. «Замкнутые классы,—отметил он,—встречаются и в области лексики: так, среди производных прилагательных можно указать небольшие замкнутые классы, часто состоящие всего из двух членов (*большой : маленький, длинный : короткий, красивый : безобразный, горячий : холодный*)» [27, стр. 135]. Такие антонимические структуры представляют собой своеобразные семантические микро-системы (микроболя), имеющие важное значение как для изучения собственно внутрисистемных отношений в лексике (см., например, [117], [129]), так и для исследований культурно-исторического характера, например, восстановления древней «модели мира» у славян, т. е. древнеславянского представления о мире с точки зрения противопоставлений типа *счастье — несчастье, жизнь — смерть, правый — левый, небо — земля, сухой — мокрый* и др. [33].

Осознание разного рода соотносительной противоположности слов помогает лучше определить их значение, выявить их взаимные связи и место в системе.

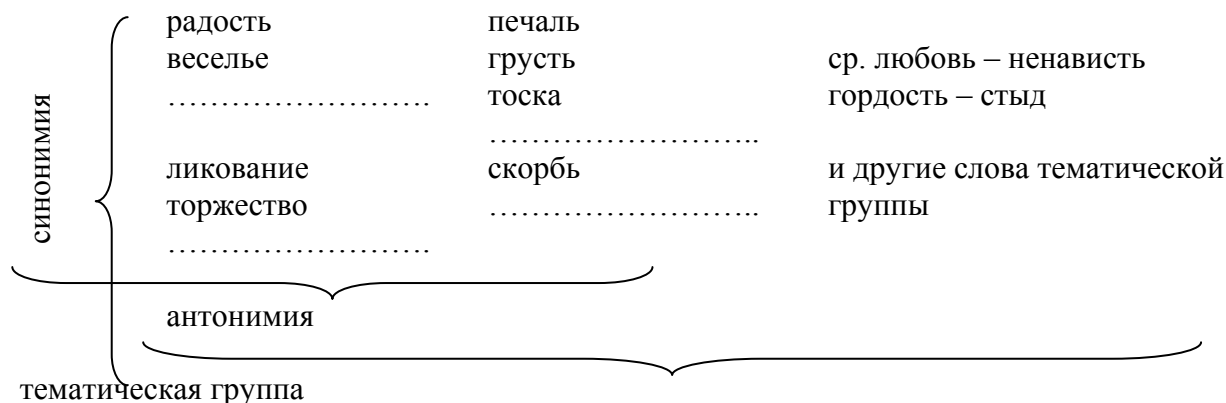
Располагая слова таким образом, чтобы их значения взаимно отрицали друг друга (*высокий—невысокий*) и, далее, противопоставлялись (*высокий—низкий*), мы получаем достаточно упорядоченный словарь, отражающий некоторые существенные структурно-семантические черты антонимии и лексической системы языка в целом.

<...>

Организуя и «оформляя» важнейшие фрагменты языковой системы, антонимы образуют целые парадигмы качественных слов (ср. *тощий, тщедушный, худой, сухопарый, нормальный, упитанный, полный, толстый, тучный, жирный...*) и используются как важнейшие координационные понятия при выражении пространственных и других отношении. Таковы, например, наречия типа *вперед—назад, влево—вправо, вверх—вниз*, обозначающие направление движения от определенной точки. <...>

Ср. соответственно *передний — задний, левый — правый, верхний — нижний; перед — зад, верх — низ* и др.

Антонимичные слова не только образуют «собственные» микросистемы, но и включаются в качестве одной из основных координат в общую схему тематической (понятийной) классификации лексики, вступая в тесную органическую связь с синонимами и другими словами той же тематической группы. См., например, фрагмент тематической группы «эмоции»:

Подобная схема используется **практически в** целом ряде словарей. Один из вариантов уже упомянутого словаря Роже так и называется «Синонимы и антонимы. (Тезаурус английских слов и выражений)» — «Roget's Synonyms and Antonyms. Thesaurus of English Words and Phrases». New York, 1911.

Вопросу о смысловой связи и взаимообусловленности антонимов и синонимов в пределах семантического поля посвящены специальные разделы книги И. Филипца «Чешские синонимы с точки зрения стилистики и лексикологии» [114, особенно стр. 215—223] и другие работы, например, [12], [13].

Литература об антонимии русского языка сравнительно невелика (см. [I], [3], [II], [12—15], [25], [35], [36], [40], [44], [45], [54], [57], [58], [59-60], [61-64], [69], [70-71], [80-81], [82], [100], [105] и др.). Тем не менее разработка важнейших проблем семантики, а также общих вопросов антонимии в других языках, предпринятая в последнее время (см., например, [2], [20], [28], [30], [37], [46-48], [68], [112], [116], [117], [121], [122—123], [127], [132] и др.), позволяет уже сейчас решать ряд принципиальных вопросов русской антонимии.

При изучении и описании антонимии русского языка необходимо поставить прежде всего две взаимосвязанные задачи: 1) исследование антонимии как системного явления и 2) определение места и роли антонимии в лексической системе языка в целом.

с. 33–37

Логическое отношение типа «белый» — «черный», «молодой» — «старый» и т. п. оказывается наиболее характерным для языковой антонимии, но далеко не исчерпывает всего этого явления. Мы уже говорили, что термин антонимия понимается здесь широко, как обозначение нескольких типов противоположности. В последнее время предприняты попытки наметить ряд разновидностей противоположности. А. А. Уфимцева, говоря об антонимических отношениях слов, выделяет два типа противопоставления: собственно антонимию и конверсию [95, стр. 192—193]. Дж. Лайонз в своем «Введении в

теоретическую лингвистику» наряду с собственно антонимией выделяет два других типа противоположности: дополнительность (комплементарность—англ. complementarity) и конверсию [123, стр. 460—470].

Различие этих типов может быть показано с помощью простейших логических операций.

При «антонимии» (или, точнее, качественной градуальной антонимии) сумма антонимов (крайних членов, элементов), например «молодой» и «старый», не равняется родовому понятию (всему множеству элементов): $p = q \neq U$, так как в родовое понятие (все множество) входят промежуточные члены «немолодой», «пожилой» и др., т. е. $p + \neg p + \neg q + q = U$. Поэтому отрицание одного из членов оппозиции («немолодой») здесь не равно по своему содержанию другому («старый»): $\neg p \rightarrow \forall \neg q$, т. е. предложения *Мой отец немолодой* не следует с необходимостью вывод *Мой отец старый*, так как логически возможно и высказывание *Мой отец нестарый (пожилой)*. Для этой разновидности противоположности характерна только односторонняя импликация: $p \rightarrow \neg q$, ср. *Мой отец молодой* → *Мой отец нестарый*, но не наоборот. Другая характерная ее особенность — широкая возможность сравнения: *Мой отец моложе (старше) твоего* и т. п.

При отношении дополнительности (комплементарности) члены оппозиции, например «женатый» и «холостой», покрывают в своей совокупности все родовое понятие (множество, состоящее из двух элементов): $p + q = U$. В отличие от предыдущего типа здесь возможна двусторонняя импликация: $p \rightarrow \neg q$ и $\neg p \rightarrow q$, например, *Ее брат женат* → *Ее брат нехолост* и *Ее брат неженат* → *Ее брат холост*. В логических отношениях этого вида между противоположностями нет никакого промежуточного «среднего» термина. Они не предполагают градуальности и сравнения той или иной степени проявления признака.

Важно подчеркнуть, что комплементарность существенным образом отличается от логического отношения противоречащих понятий типа «белый» — «небелый». Противоречащие понятия не являются возможными крайними членами противоположности; они представляют собой ослабленную противоположность, а одно из них определяется чисто негативно («небелый»). Что касается членов комплементарной оппозиции, то они, напротив, несмотря на отсутствие промежуточного члена, выступают как полярные понятия и характеризуются оба подобно противоположным понятиям «белый» — «черный» своим положительным содержанием: «женатый» — «холостой» (= «неженатый»).

Их отношения можно было бы условно представить так:

При конверсии имеет место перестановка элементов высказывания (предшествующего (антецедента) и последующего члена (консеквента) высказывания, в языке—грамматического субъекта и объекта), в результате чего то же самое отношение рассматривается с противоположных точек зрения [28, стр. 199]:

$$R(x,y) = R^{-1}(y,x),$$

где R и R^{-1} — символы обратных по направлению отношений, выражаемых с помощью конверсивов, например «продавать» (p) и «покупать» (q):

$xру = yqx$ —*Он продает ей картину* = *Она покупает у него картину*.

Особую и пока недостаточно изученную разновидность контрарности представляют понятия, лежащие в основе обозначений противоположно направленных действий (*поднимать* — *опускать*, *рас-*

ширять — сужать, надеть — снять и др.), взаимоисключающих свойств и признаков (типа *симпатичный* и *антипатичный*, *профашистский* и *антифашистский*) и др.

Таким образом, логическая основа антонимии — противоположность—имеет ряд разновидностей. Больше того, различные виды противоположности и определяют в значительной мере то, что называется основными типами языковой антонимии.

Говоря о противоположных понятиях (и в дальнейшем о противоположных значениях слов, антонимах), следует подчеркнуть одну их характернейшую особенность: с точки зрения семантики логические и языковые антонимы представляют по своей природе категории оценочные, исследуемые в логике оценок (или формальной аксиологии), под которой будем понимать, вслед за А. А. Ивиным [34, стр. 4], раздел логики, занимающийся анализом выводов, посылок и заключениями которых являются оценки. «Логические отношения таких оценочных понятий, как «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже», «безразлично», «более хорошо», «столь же плохо» и т. п., являются центральной проблемой логики оценок» [34, стр. 26]. Структура оценки складывается из ряда компонентов: 1) субъекта оценки, т. е. того, кто приписывает ценность определенному предмету путем выражения оценки, 2) предмета оценки, т. е. предмета, которому приписывается определенная ценность, 3) самих оценок: абсолютных («хороший», «плохой», «безразлично») и сравнительных («лучше», «хуже», «равноценно») и, наконец, 4) основания, т. е. того, с точки зрения чего производится оценивание [34, стр. 21 и след.]. Оценочный характер семантики качественных (и координационных) слов-антонимов определяет их относительный (релятивный) характер, что было подмечено еще древнегреческими философами (ср., например, замечания Демокрита об относительности понятий «бедность» и «богатство» на стр. 20). Отсюда весьма относительная семантика оценочных значений (если сравнивать их по единой шкале) : ср. «толстый» — «тонкий» (о слоях породы, угля, о талии, пальцах, об иголках и т. п.); заметим, что самая толстая игла окажется неизмеримо тоньше самой тонкой талии и т. п. Еще неопределеннее понятия «хороший» и «плохой». Например, хорошим может быть отец, футболист, химик, доклад, ужин, нож, вечер и т. п. Понятие «хороший», весьма различное здесь качественно, опирается на определенные стандарты, принятые в данном социально-языковом коллективе (например, хороший ужин — вкусный, сытный, хороший нож — острый, удобный в работе; ср. плохой ужин — невкусный, скудный, плохой нож — тупой и т. п.). Благодаря противопоставленности понятию «плохой» во всех этих случаях понятие «хороший» сохраняет свою определенность и инвариантность, несмотря на очень различные по своему характеру употребления. (О лингвистической относительности значений антонимов см. ниже.)

с. 45–49

Обычное понимание антонимии предполагает противопоставленность лишь одного из семантических компонентов содержания слов, обозначающих одну и ту же сущность. Так, *день* и *ночь* противопоставлены друг другу как обозначения светлого и темного времени одного и того же целого — суток. Однако в принципе возможно и более широкое понимание антонимии как противопоставления смысловых содержаний слов, обозначающих две разные сущности, не по одному, а по многим семантическим признакам. Важно, чтобы такая противопоставленность подчеркивалась в контексте. Эта мысль была высказана Г. П. Мельниковым в статье «О типах дуализмов языкового знака»: «Вечером в лесу путникам показалось, что между деревьями стоит медведь. Но потом наиболее зоркий заявляет: «Да не медведь это, а пень». В таком контексте *медведь* и *пень* должны расцениваться как ситуативные многоаспектные антонимы. Следовательно, «обычные» антонимы — это лишь одноаспектный вариант многоаспектных антонимов» [68, стр. 58]. Такое понимание антонимии близко к отмеченному выше второму виду противоположности типа *полюс* — *не-полюс*, т. е. к противоположности разных сущностей, но оно не представляет для изучения лексической системы языка такой ценности, как обычная (одноаспектная) антонимия.

Антонимы обычно определяются в курсах лексикологии как слова «разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [100, стр. 63] или как «слова с противоположным значением» [36, стр. 59].

Наиболее полное определение антонимов находим в «Очерках по семасиологии русского языка» Д. Н. Шмелева: «Антонимичными могут быть признаны слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» ([105, стр. 145]; разрядка моя.—Л. Н.). Далее указываются со ссылкой на статью В. Н. Комиссарова [46] другие критерии выделения антонимов: возможность употребления слов в одном высказывании при противопоставлении и одинаковая

сфера лексической сочетаемости таких слов. Ценным в этом определении является указание на существенность для антонимии признака, по которому противопоставляются слова с противоположными значениями, а также на важность учета самого характера парадигматических и синтагматических отношений таких слов. Попытка описательного определения антонимов через перечисление их различных свойств предпринята совсем недавно Л. А. Введенской во введении к ее «Словарю антонимов русского языка» [14, стр. 4—35].

Как видно из приведенных выше и других определений, центральным и ключевым понятием языковой антонимии является понятие противоположности. Однако само это понятие либо не раскрывается, либо толкается весьма различно. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой антонимы определяются не только как 1) слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению (*хороший — плохой, близкий — далекий, добро — зло, бедность — богатеть*), но и как 2) слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные (*брат — сестра*), как обозначающие противоположно направленные действия (*уходить — приходить*) и т. п. [7, стр. 50]. Иными словами, противоположность понимается и как качественная контрарность (*хороший — плохой*), и как «противонаправленность» действий (*уходить — приходить*) и др. Это определение закономерно отражает не только различные подходы к проблеме противоположности в языке, но и общую тенденцию развития понятий антонимии и противоположности.

Содержание понятия антонимии как выражения противоположности не оставалось все время одним и тем же. Напомним еще раз, что в «Большой советской энциклопедии» (изд. второе, т. 2, стр. 525) подчеркивалось: антонимы «бывают только в слов, содержащих в своем значении указание на качество», и являются «словами обязательно разных корней». Л. А. Булаховский в своем «Введении в языкознание» (1953) допускает, что антонимы относятся не только «к выражению качеств, но возможны также, например, при назывании действий и состояний отрицательного или отменяющего характера» [10, стр. 45], однако он считает, что под антонимией следует понимать лишь «противопоставление ...значений, выраженных различными корнями» типа *бедный, нищий — богатый, сухой — мокрый, черствый — свежий* и т. п. [10, стр. 45]. Своеобразной реакцией на такого рода ограничения в понимании и определении антонимов были статьи А. А. Киреева в 1954 г. [40] и В. П. Ключевой в 1956 г. [44].

В диссертации «Антонимия как один из показателей качества прилагательных» (1958) Л. Ю. Максимов на большом языковом материале убедительно показал, что в современном русском языке «среди способов образования качественных антонимов префиксальный способ (при помощи приставки *не-*) занимает ведущее место» [62, стр. 7], обратив внимание и на некоторые другие типы однокорневой антонимии. Противопоставления типа *интересный — неинтересный, культурный — некультурный, удачный — неудачный* были справедливо поставлены в семантическом плане в один ряд с разнокорневыми антонимами типа *горячий — холодный, умный — глупый, хороший — плохой* и т. п. В этой работе впервые и с наибольшей полнотой было исследовано «ядро» семантической противоположности лексики — качественная антонимия прилагательных, которая, по словам автора, имеет «наиболее ярко выраженный, если так можно сказать, идеальный характер» [63, стр. 17]. Вместе с тем постановка основного вопроса диссертации (антонимия — один из признаков качества прилагательных) и сам материал, естественно ограниченный преимущественно такими словами, хотя и давали более определенную картину, чем при недифференцированном подходе к этой проблеме [63, стр. 4, б], все же могли вести к сужению понимания противоположности, к значительным ограничениям понятия антонимии, к непременному нахождению у антонимов среднего, промежуточного члена: «Только качественные признаки могут противопоставляться как противоположные, потому что только качественные признаки могут быть мыслимы как переменные в количественном отношении, т. е. только между словами, обозначающими качественные признаки, противопоставляемые друг другу, возможен средний член или, лучше сказать, промежуточные члены» [63 стр. 16]. Правда, в другом месте своей работы Л. Ю. Максимов подчеркивает, что применительно к другим случаям (некачественным «антонимам») «лучше говорить о них, как о противопоставлениях, дифференцируя их виды. Можно и антонимию считать особым видом противопоставления» [63, стр. 4]. Однако за пределами такого понимания противоположности и антонимии оставалось большое количество слов, например, глаголов, определяемых в практике преподавания языка, в учебных пособиях и словарях (при толковании значений слов) как антонимы.

Изучение различных видов противопоставления слов в системе языка оказывается естественно и неизбежно связанным с исследованием типов самой противоположности, определяемых в свою очередь различным характером выражения отрицания в лексике. Этот вопрос ставит в своей статье, посвященной лексическому отрицанию в чешском языке, И. Немец [127]. Он рассматривает четыре различных типа семантического отношения положительной формы слова (*kladna forma*) и соответствующей отрицательной формы с *ne-* (не-) (*záporná forma*):

1. $A - \text{non } A$ – контрадикторная противоположность: отрицательная форма не содержит черт, свойственных положительной (*česky – nečesky* «чешский – нечешский»). Чего нет в одном из таких несовместимых понятий, то необходимо предполагается в другом: так, кто не есть *kuřák* «курящий», тот непременно *nekuřák* «некурящий», т. е. *nekuřák = nikoli kuřák*.

2. $A - (\text{non } A, \text{non } A) - A^1$ (или $A - A^1$) – контрарная противоположность: отрицательная форма, например, *není přítel* «не друг, не приятель» ($\text{non } A, \text{non } A^1, A^1$), с одной стороны, не содержит черт, обозначаемых положительной формой (*přítel* «друг, приятель»), а с другой – характеризуется чертами, поллярными по отношению к положительной форме. Отрицательная форма (*neřítel* «враг, противник, неприятель») обозначает самое сильное отрицание, будучи синонимически связанной с разнокорневым антонимом к положительной форме, т. е. *neřítel ⊂ nikoli přítel, neřítel = protivník*.

3. $A - (\text{non } A, \text{non } A^1)$, т. е. семантическое отношение положительной формы A к «остаточному» понятию: «(A минус $A^1 = \text{non } A \wedge \text{non } A^1$)». Здесь отрицательная форма *neláska* «нелюбовь, немилость» характеризуется, с одной стороны, отсутствием характерных черт, свойственных положительной форме *láska* «любовь», а с другой – наличием собственного признака, неконтрарного по отношению к содержанию исходной формы (*láska – neláska*, но не *nenávisť* «ненависть»). Это неконтрарная (несильная) противоположность, т. е. *neláska ⊂ nikoli láska, neláska ≠ nenávisť*.

4. Особый, редкий случай: $A = A$, когда отрицательная форма эквивалентна положительной, что можно проиллюстрировать существительными *stvůra – nestvůra*, имеющими одинаковое значение «урод, чудовище, страшилище».

Хотя статья и не посвящена специально проблеме антонимии, тем не менее общая типология лексических оппозиций, которую предлагает И. Немец, имеет несомненное значение для решения указанного вопроса.

Изучение различных типов семантических оппозиций, образующих основу лексической противоположности слов, должно в то же время связываться с поисками некоторого общего инварианта всех основных вариантов лексической противоположности. Значительный интерес с этой точки зрения представляют семантические исследования А. Вежбицкой, особенно ее трактовка отрицания и его места в глубинной структуре языка [132, стр. 84–112]. Исследователи антонимии отмечали весьма интересный факт, что один из членов антонимической пары выступает при анализе как позитивный (положительный) и немаркированный, а другой – как негативный (отрицательный) и маркированный. Дж. Лайонз отмечал, например, в «Структурной семантике», что оппозиции типа *big : small, good : bad, far : near* («большой» – «маленький», «хороший» – «плохой», «далекий» – «близкий») нейтрализуются в «немаркированных» вопросах в семантически более простом слове: *How (big, good...) is it?* [122, стр. 66]. А. Вежбицка показала, что предложения типа

Adam jest chory	–	Adam jest zdrowy
Адам болен	–	Адам здоров

только с точки зрения формы можно назвать утвердительными. Но с другой стороны, семантической, *bolny* (*chory*) значит «нездоровый», *bezbozba* (*chogoba*) – «нездоровье» (отсутствие здоровья) и т. д. Иными словами, эти предложения утвердительны по своему содержанию «сами в себе», но не в их отношении друг к другу. По-видимому, если есть пара предложений, из которых одно может быть перефразировано при помощи другого предложения и отрицания *nie* (включая модификации, связанные с грамматикой данного языка), то можно считать, что в глубинной структуре одного из этих предложений содержится семантический элемент отрицания: *Adam jest chory (Adam nie jest zdrowy) – Adam jest zdrowy* «Адам болен (= Адам нездоров)» – «Адам здоров». Отсюда следует, что в оппозиции антонимов один из них предстает при его семантической интерпретации как положительный (*здоровый*), другой – как отрицательный (*больной* = «не+здоровый»), а само антонимическое отношение слов – как отношение асимметричное. Негативный член оппозиции оказывается семантически более важным и более сложным.

Многозначность слова и антонимия.

Антонимия на уровне системы, нормы и индивидуальной речи.

Большинство слов обладает многозначностью (или полисемией), т. е. способностью употребляться в синхронном плане сразу в нескольких значениях, или, иными словами, способностью соотноситься с различными классами предметов. Так, существительное *день* имеет, по крайней мере, три основных значения, причем только в одном из них оно способно вступать в антонимические отношения:

*день*₁ «часть суток» — *ночь*

*день*₂ «сутки» — #

*день*₃ «дата» — #

В других случаях многозначное слово соотносится своими различными значениями сразу с несколькими антонимами. Это особенно характерно для прилагательных:

<i>легкий</i> ₁ (<i>чемодан</i>)	—	<i>тяжелый</i>
<i>легкая</i> ₂ (<i>походка</i>)	—	<i>тяжелая, грузная</i>
<i>легкий</i> ₃ (<i>ветер</i>)	—	<i>сильный</i>
<i>легкий</i> ₄ (<i>завтрак</i>)	—	<i>плотный</i>
<i>легкое</i> ₅ (<i>вино</i>)	—	<i>крепкое</i>
<i>легкое</i> ₆ (<i>наказание</i>)	—	<i>тяжелое, суровое</i>
<i>легкий</i> ₇ (<i>сон</i>)	—	<i>глубокий, крепкий</i>
<i>легкий</i> ₈ (<i>вопрос</i>)	—	<i>трудный</i> и др.

Говорить о каком-то «едином» антониме к прилагательному *легкий* не представляется возможным: оно входит разными своими значениями в различные семантические поля: в обозначения веса (*легкий чемодан*), силы (*легкий ветер*), интеллектуальной оценки (*легкий вопрос*) и др. Многозначное слово — при таком способе его рассмотрения — оказывается как бы «расщепленным» на ряд однозначных слов-значений или слов-понятий, употребляя термин акад. Л. В. Щербы [107, стр. 78].

При исследовании антонимии целесообразнее исходить из единиц, семантически более однородных, чем многозначное слово, распределяя слова теми или иными значениями по тематическим группам. Такие группы включают в себя слова-значения, объединенные общим понятийным содержанием.

Тематические группы представляют собой элементарные семантические поля, члены которых располагаются в зависимости от их смысловой близости. В тех группах, где существует противоположность значений, и реализуется антонимия. Простейшую антонимическую оппозицию представляют два крайних, полярных члена группы или, по терминологии А. Греймаса, одной и той же семантической оси (axe sémantique), например: *белый* — *черный* или *большой* (положительный) — *средний* (нейтральный) — *маленький* (отрицательный) и др. [117, стр. 20—25]. <...>

Тематическая классификация лексики языка позволяет с иной точки зрения подойти к определению антонимии и синонимии. Антонимия есть семантическое отношение возможных для каждого случая употребления крайних (полярных) членов тематической группы, синонимия (качественных слов) — отношение ближайших членов этой группы. При этом: 1) максимальная противоположность для каждого данного случая определяется характером семантики слов и их типовой сочетаемостью (см. об этом ниже), 2) члены антонимической пары выступают обычно как соразмерные, симметричные (общеупотребительные — *худой* и *полный* или индивидуальные — *толстый* и *тонкий* у А. П. Чехова), 3) противоположные члены выбираются из антонимического ряда как стилистически однородные: нейтральные или эвфемистические (*худой* — *полный*) и сниженно-неодобрительные (*тощий* — *жирный*) — об одном и том же.

Что же представляют собой по существу и применительно к антонимии эти тематические группы? По сравнению с чисто логической схемой антонимии, схемой, имеющей общечеловеческий, интернациональный характер, тематические группы представляют собой в каждом языке явление специфически национальное. Соотносительные тематические группы разных языков отличаются друг от друга как по количеству членов, так и по их смысловому объему. В этом причина несовпадения антонимических и синонимических рядов в разных языках.

Оппозиции противоположных значений в тексте

Понятие противопоставления, или оппозиции, значений слов чрезвычайно важно не только при установлении их сходства и различия в парадигматике, но и при изучении их наиболее характерных

«линейных» отношений в тексте, в синтагматике. Опираясь на положение о внутренней связи между парадигматическими и синтагматическими свойствами языковых единиц, можно предположить, что разные по форме и содержанию отношения различных типов антонимов в речи являются реализацией того содержания, которое выявляется при их анализе как членов семантической парадигмы.

Синтагматический анализ антонимов должен выявить закономерности их употребления в речи, наиболее характерные синтаксические контексты (формулы) и семантические отношения, т. е. все то, что является «линейной» характеристикой слов, семантически противоположных в системе языка по одному дифференциальному признаку.

Термин «оппозиция» употребляется обычно применительно к парадигматическим отношениям в языке (ср. *сильный—слабый*). Однако еще Ф. де Соссюр наряду с отношениями ассоциативными (парадигматическими), которые соединяют «элементы отсутствующие (in absentia) в потенциальный, мнемонический ряд», выделял противопоставления, которые «всегда налицо (in praesentia)»: такие отношения покоятся «на двух или нескольких элементах, в равной мере наличных в актуальной последовательности» [87, стр. 121]. Это дает основание говорить об оппозициях не только в парадигматике, но и в синтагматике. Например, Э. Хэмп приводит следующее определение оппозиции (по Соссюру): «Противопоставлений (оппозиции) знаков—это их отношения—синтагматические и ассоциативные—с другими знаками» [98, стр. 140]. Такие оппозиции будем называть синтагматическими оппозициями, контрастом или (более специально) антонимическими контекстами, употребляя их применительно к семантическому анализу противоположности в лексике как синонимы. Ср. оппозиции *сильный — слабый* в парадигматике и *не сильный, а слабый, сильный выигрывает — слабый проигрывает; и сильный, и слабый* и т. п. в синтагматике.

Все оппозиции антонимов могут быть разделены на а) оппозиции, не выраженные в (данном) тексте и выраженные в нем; последние в свою очередь подразделяются на б) оппозиции, структурно не выраженные, и в) оппозиции, структурно выраженные <...>

Оппозиции антонимов, не выраженные в данном тексте, по существу своему есть оппозиции только парадигматические, однако и они оказываются существенными для текста благодаря «вертикальному» соположению противоположных по смыслу слов, их взаимному притяжению и отталкиванию:

В Томске Спородолова иногда *встречала* [*проводжала*] *высокая* [*низкорослая*] [*маленькая*] седая женщина с *печальной* [*радостной*] *закрытой* [*открытой*] улыбкой... Она ему казалась *красивой*, [*некрасивой*] [*безобразной*] *несчастной* [*счастливой*] (В. В. Липатов. Стрежень).

Взаимосвязь между такого рода парадигматическими и синтагматическими оппозициями можно наблюдать в текстах, где сопологаемые «вертикально» слова развертываются в дальнейшем в «линейные» оппозиции:

«Не верит он любви .., говорит .., что есть просто жизнь, разделяющаяся на добро и зло, на *удовольствие*, [*неудовольствие*] *удачу*, [*неудачу*] *здоровье*, [*болезнь*] *покой*, [*беспокойство*] потом на *неудовольствие*, *неудачу*, *беспокойство*, *болезни...*» (И. А. Гончаров. Обыкновенная история).

Оппозиции антонимов, выраженные в данном тексте, могут быть с известной долей условности подразделены далее на структурно не выраженные, т. е. не обнаруживающие строго определенных и регулярно воспроизводимых синтаксических структур, и структурно выраженные. Первые могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

Но понимаешь ли, кричу ему, понимаешь ли ты, что человеку, кроме *счастья*, так же точно и совершенно во столько же, необходимо и *несчастье!* (Ф. М. Достоевский. Бесы); Другой голос..., .., особенно поражающий среди этих всех *пьяных* голосов своим *трезвым* выражением, закричал от окна: «иди сюда — разойми пари!» (Л. Н. Толстой. Война и мир); Когда *богатые* отдадут лишнее *бедным*, тогда воров не будет (А. П. Чехов. Записные книжки);

Я *сегодня* не помню, что было *вчера*.

По *утрам* забываю свои *вечера*,

В белый день забываю *огни*,

По *ночам* забываю *дни*. (А. А. Блок)

Увы, я мечтатель *прежний*,

За *правду* принявший *ложь*.

(И. Северянин. Поэза «невтерпеж»)

Говорят, человек перед *смертью* вспоминает всю свою *жизнь* (К. М. Симонов. Живые и мертвые); Избавиться от своих *старых* ошибок ему помогли *новые* (А. Семенов. «Крокодил», 1971, № 19).

В отличие от таких структурно «не отмеченных» и весьма разнородных по своему характеру синтагматических оппозиций вторые, структурно выраженные оппозиции антонимов представляют собой строго определенные и часто воспроизводимые конструкции (антонимические контексты) обычно с близким, контактным расположением противоположных по смыслу слов. Именно в таких оппозициях происходит наиболее массовое и регулярно повторяемое противопоставление и сближение антонимичных слов. Анализ речевой практики языкового коллектива, проводимый с точки зрения указанных конструкций, позволяет не только обнаружить «притертые» семантически противоположности, но и обратить внимание на случаи прагматического сближения слов, образующего своеобразную разновидность противоположности.

Структурные типы оппозиций противоположности

Исследователи антонимии неоднократно обращали внимание на то, что антонимы воспроизводятся чаще всего в определенных структурно оформленных синтагматических оппозициях, образуя различного рода контраст. «Каждый антоним,—отмечает В. Н. Комиссаров,—в определенных случаях воспроизводится в антонимических контекстах, где он употребляется вместе со своим антонимом, в непосредственном противопоставлении ему» [47, стр. 169]; см. также «Словарь антонимов русского языка» Л. А. Введенской [14, стр. 24 и след.]. И хотя сами по себе эти оппозиции (конструкции, контексты и т. п.) свойственны не только словам с противоположными значениями, но и другим категориям слов, анализ таких оппозиций (контекстов) дает важную информацию о закономерностях употребления антонимов в речи и наиболее общих классах этих слов.

Как уже отмечалось в предшествующей главе, анализ противоположности в лексике начинается с интуитивного отбора фраз, содержащих такие противоположности. Множество таких фраз сводится к ограниченному числу типовых предложений, которые и являются непосредственным предметом анализа в этой главе. Семантическая оппозиция (контраст, типовой контекст) антонимов анализируется сначала со стороны структуры (формы), а затем со стороны значения. Результаты этих анализов далее синтезируются.

Итак, какие же типы структурно выраженных оппозиций антонимов представляют собой наиболее характерную и регулярно реализуемую в речи противоположность?

Начнем с анализа синтагматических оппозиций антонимов (контрастов) со стороны их структуры.

* * *

Один из самых представительных структурных типов оппозиций противоположности выражается при помощи союза *и*. Приведем примеры таких типовых предложений:

(1.1.а) Зазеленела *старая и* вылезаящая иглами *молодая* трава (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). Эта страсть [к работе] горела в нем *дни и* *ночи* (М. Горький. Фома Гордеев).

(2.1.б). Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться, и ни в чем больше, как в том, что они считают *справедливым и* *несправедливым* (Л. Н. Толстой. Война и мир).

(3.1. с) Они совершили это чудо *малым* огнем *и* *большой* кровью (К. М. Симонов. Живые и мертвые).

(4.1. d) Кто сблизил нас? Весна, вино и юность,— Мои *друзья* и тайные *враги*... (И. Северянин. Тринадцатая встреча).

Рассматриваемые предложения (1—4) объединяются в структурном плане как варианты одной и той же конструкции (типового контекста, модели), которую можно представить в глубинной структуре в виде: *X и Y*. Эта формула в случае необходимости, разумеется, может быть конкретизирована, например, уточнена с точки зрения отношения признаков, свойств, действий и т. д., обозначаемых антонимами, к различным определяемым или действующим предметам (а, б, с...) или к одному и тому же предмету (например, а): *a(X) и b(Y)* — [зазеленела) *старая трава и молодая трава: a(X) и б(Y)* — (совершили это) *малым огнем и большой кровью; (а) (X и Y)* — «Все получая (X) от общества и ничего не отдавая (Y) ему, мы (а) получили богатство» (Л. Н. Толстой. Война и мир); (а) (X и Y)—*вино— мой друг и (тайный) враг* и т. п.

Противоположные по смыслу слова в этих фразах принадлежат, как мы увидим ниже, к одной типологической разновидности антонимов (I), в которой объединены качественные прилагательные, некоторые существительные и слова, обозначающие координационные понятия. Такие антонимы обнаруживают контрарную и координационную противоположность.

Что же касается семантических отношений антонимов в контекстах *X* и *Y*, то они, как можно видеть, различны. Наиболее характерные смысловые отношения представлены в (1.1.a): это значение соединения, конъюнкции, своеобразного сложения противоположностей (до общего, целого); ср. *старая и молодая (трава), дни и ночи*. Значение соединения является главным, первичным для конструкции *X* и *Y*: оно в наименьшей степени зависит от контекста. Здесь союз *и* выступает в своей основной функции. В других предложениях контекст привносит в семантику союза и всей конструкции дополнительные значения, что приводит ко вторичным значениям, отличным от значения соединения. В (2.1.b) реализуется значение типа сопоставления. Здесь нет конъюнкции, сложения; это значение напоминает дизъюнкцию, разделение: *одно считают справедливым, а другое несправедливым* → *что они считают справедливым и что несправедливым* и т. п. В (3.1. c) выступает значение противопоставления (противления) благодаря резкому контрасту частей предложения: *они совершили это малым огнем* (почти без применения оружия), *но (зато) большой кровью*, т. е. большими людскими потерями. Интересный тип отношений, близких к энантиосемии, представлен в (4.1.d): *друзья и враги* (одновременно), *друзья-враги*. Такое значение можно было бы определить как значение противоречия, т. е. совмещения противоположных начал.

(5.11.a) Она приподняла голову с его руки, и он, не просыпаясь, *согнул и разогнул* затекшую руку (К. М. Симонов. Живые и мертвые). Он не ответил, встал и в задумчивости начал ходить *взад и вперед* (Ф. М. Достоевский. Бесы).

(6.11.b) [Пьер], как говорится, не умел *войти* в салон *и* еще менее умел из него *выйти*, то есть перед выходом сказать что-нибудь особенно приятное (Л. Н. Толстой. Война и мир).

(7.11.c) Он уже два раза уезжал, но очень скоро возвращался обратно ... А на этот раз он *уехал и* больше не *приехал*. (Из разговора).

(8.11. d) Они стояли, припав друг к другу. Только тонкая кисточка ручки зонта была между ними. Она *соединяла их и*, быть может, *разъединяла* (С. А. Дангулов. Дипломаты).

Отличие типовых предложений (5—8) от рассмотренных выше (1—4) заключается прежде всего в категориальной принадлежности противоположных по семантике слов. Во фразах (1—4) мы имели дело с прилагательными (*молодой — старый, справедливый — несправедливый* и др.), существительными, семантика которых соотносительна с такими прилагательными (*дружеский/дружественный — вражеский/враждебный* ↔ *друг—враг*), и существительными со значением координационного типа (ср. *день — ночь*). Здесь же, в (5—8), членами синтагматических оппозиций оказываются глаголы и наречия, которые в отличие от противоположности качественно-координационного характера выражают прежде всего значение противоположно направленных действий, т. е. противоположность иной типологической разновидности—векторную. И здесь наиболее типичным и характерным оказывается значение конъюнкции (5. П. а): соединение, сложение разнонаправленных действий (образующее своеобразные циклы — *согнуть и разогнуть руку, ходить назад и вперед*), их чередование (ср. в «Записных книжках» А. П. Чехова: «Катя, кто там внизу *отворяет и затворяет* дверь?») и др. Отметим далее значение сопоставления (6.П.b), довольно редкое и контекстуально обусловленное значение противопоставления (7.П.c), а также значение противоречия (8.11.d; ср. также 4.1.d).

Анализ показывает, что значения, аналогичные тем, которые отмечались ранее в предложениях (1—4), свойственны и словам, образующим контрадикторную (комплементарную) противоположность. Это прежде всего значения соединения, сопоставления и противопоставления:

(9.П. а) Еще *снаружи и внутри*
Везде блистают фонари ...

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

(10.П.b) Разница между *мужчиной и женщиной*: женщина, старея, все более и более углубляется в бабьи дела, а мужчина, старея, все более и более уходит от бабьих дел. (А. П. Чехов. Записные книжки).

(11.П.c) Читатель мой, не скрою
Я, правду возлюбя,
Что я *живой* с тобою
Я *мертвый* — без тебя.

(А. Житницкий. Константин Симонов)

Значение совмещения противоположностей в одном и том же лице (предмете) здесь отмечается крайне редко, и поэтому соответствующие типовые предложения отсутствуют; ср. (4.1.d) и (8.11.d).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на сходство семантических отношений у данной категории слов со словами, выражающими контрарную противоположность, эти антонимы целесообразно рассматривать и в оппозиции *X* и *Y* отдельно ввиду их специфики, а также в связи с тем, что в других контекстах они могут быть структурно противопоставлены антонимам, которым свойственна контрарная противоположность (см. об этом ниже).

Наконец, укажем еще на одно типовое предложение, характеризующее в пределах модели *X* и *Y* своеобразную разновидность противоположности — конверсию:

(12.IV.a) ...Финальный свисток. Матч окончен. Итак, снова *выигрывают* киевляне, и опять *проигрывают* спартаковцы... (из спортивного репортажа).

Здесь мы имеем дело не с двумя разнонаправленными действиями, а с одним и тем же действием (состоянием, отношением), представленным «линейно» дважды, с разных сторон, с точки зрения одного и другого участника ситуации (футбольного матча): *выигрывают киевляне* и (=) *проигрывают спартаковцы*.

В индексе предложения (12)—показатель семантического отношения конъюнкции, соединения (а), что объясняется здесь наличием союза *и*. Однако это значение является лишь одним из возможных при конверсии. Ср., например, значение противопоставления в аналогичном предложении, но с другим союзом: «Итак, снова *выигрывают* киевляне, а спартаковцы опять *проигрывают*».

Таковы наиболее общие и характерные семантические отношения различных типов антонимичных слов в , синтагматической оппозиции *X* и *Y*.

с. 148–150

Как и другие семантические поля, поле основных пространственных координат (точнее, его ядро) тесно связано и взаимодействует со своей «периферией» и родственными, хотя и качественно иными, полями. Отметим прежде всего связи, основанные на функциональной зависимости лексических единиц: $f_{\text{верх/низ}}$ (конус) = *вершина—основание (конуса)*, $f_{\text{верх/низ}}$ (гора) = *вершина—подошва (горы)*, $f_{\text{верх/низ}}$ {комната} = *потолок—пол (комнаты)*, $f_{\text{верх/низ}}$ (река) = *верховье (исток) — низовье (устье) (реки)*, $f_{\text{верх/низ}}$ (общество) = *верхи—низы (общества)* и т. п. Можно указать и на другую функциональную связь, зависимость иного рода: координационное понятие—физический признак.(размер), этическая и другая оценка; ср. $f_{\text{физич. признак}}$ (башня) = *высокая₁—низкая₁ (башня)*, $f_{\text{этич. оценка}}$ (помыслы) = *высокие₂ — низкие₂ (помыслы)*. С другой стороны, употребление основных слов (членов) семантического поля во вторичных функциях как результат их транспозиции приводит к возникновению новых, генетически связанных с исходным семантических полей. Таковы слова *левый* и *правый*, входящие разными значениями (лексико-семантическими вариантами) в различные поля: *левый₁* «находящийся слева» ↔ *левый₂* «радикальный в политическом смысле (полит., первонач. сидящий в левой стороне парламентского зала, где обычно размещаются члены радикальных и революционных партий)», *правый₁* «находящийся справа» ↔ *правый₂* «реакционный, консервативный, враждебный передовым течениям в политической и общественной жизни (первонач. сидящий на правой стороне парламентского зала, где обычно размещаются члены консервативных партий; полит.)» (см. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, т. II, стлб. 32 (М., 1938) и т. III, стлб. 697 (М., 1939). На базе нового противопоставления развивается свое микрополе: *левый₂* — *правый₂*, *леветь* — *праветь*, *полеветь*—*поправеть* (о взглядах, партиях и др.), *левизна*, *левацкий*, фразеологизмы типа *левый уклон*, *правый уклон* и др. Интересно отметить, что антонимические отношения, заложенные в ядре поля, сохраняются на «периферии», в других (так или иначе связанных с данным, т. е. словообразовательно, функционально) полях, сохраняя и передавая его пропорции. В этом нельзя не видеть проявления той роли, которую антонимы играют в организации и цементировании семантических полей. Связанные различными отношениями с членами данного и других семантических полей, они образуют в лексике сложную и многоплановую систему противопоставлений, существенно упорядочивая тем самым словарь языка. В этом смысле антонимия не только организует семантические поля, но и способна в полной мере проявиться только в таких полях и их взаимосвязях.

Можно указать и на более сложные семантические поля, структура которых основывается на целом ряде оппозиций противоположности. Таково, например, семантическое поле эмоционального состояния человека, получающее благодаря основным противопоставлениям антонимов разнообразные и разноплановые измерения: *любовь* — *ненависть*, *радость* — *печаль*, *смех* — *слезы*, *гордость*—*стыд*, *надежда*—*отчаяние* и др.

Разумеется, для структуры семантических полей гораздо важнее (и конструктивно более существенно) понятие антонимической оппозиции, чем понятие собственно антонимов. Противопоставление типа *потолок* – *пол* в семантическом поле «жилище» (см. выше схему поля) не менее важно, чем классическое противопоставление основных пространственных понятий *верх*—*низ*, хотя первые едва ли образуют антонимическую пару в обычном ее понимании. «В общенациональном языке,— справедливо замечает Ю. Н. Караулов,— слова *рука* и *нога* не являются антонимами. В семантическом поле они ими становятся... В поле, построенном для слова *голова* (в значении «часть тела»), антонимом к этому слову будут *ноги*. Противопоставленность обусловлена общелексической антонимией компонентов: *голова*—то, что находится вверху, *ногу*—то, что находится внизу» [37, стр. 60].

Понятие семантического поля (в его парадигматическом аспекте) является как бы итогом анализа противоположных по смыслу лексических единиц, рассматриваемых как члены «вертикального» ряда: типовые конструкции (синтагматического аспекта) → парадигма антонима (набор лексико-семантических вариантов) → антонимическая парадигма слов (о типах таких парадигм см. ниже) → семантическое поле (в его взаимосвязях с родственными полями).

с. 154–155

Прагматическая противоположность слов

Анализ контекстов употребления противопоставляемых слов свидетельствует о том, что в ряде случаев такие слова становятся противоположными в силу указанных выше прагматических свойств языковых единиц. В большинстве своем это употребительные противопоставления образного характера. Это противоположность особого рода—прагматическая. Исследование предложений, содержащих такие слова, показывает, что последним свойственно отношение экспрессивного контраста, «поддерживаемого» другими средствами контекста. Некоторые из таких слов внешне кажутся далекими от антонимов и даже противопоставляются не во всей системе форм. Таково, например, противопоставление *отцы* и *дети* (во множественном числе) как обозначение разных по своим взглядам и убеждениям поколений—старшего и младшего (ср., с другой стороны, неупотребительность или малоупотребительность противоположения *отец*—*ребенок*). Ср. название романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Ср. еще:

Уж много лет без утомленья

Ведут войну два поколенья,

Кровавую войну;

И в наши дни в любой газете

Вступают в бой *Отцы* и *Дети*...

(Д. Д. Минаев. Отцы или дети?)

Кто нам милей—*отцы* иль *дети*?

Отцы, отцы, отцы!

(Д. Д. Минаев. Отцы или дети?)

«*Отцы* жертвовали на церкви, *дети* — на революцию. Прыжок — головоломный, но... что же, брат, делать?» (А. М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Таково же в принципе и прагматическое противопоставление *слово*—*дело* (ср. на *словах*—*на деле* и др.);

О, как люблю ее ворчанье;

На языке ее всегда

Отказ идет как обещанье -"

Нет на *словах*, на *деле да*.

(Д. В. Давыдов. Богомолка)

Страшись их участь разделить,

Богатых *словом*, *делом* бедных,

И не иди во стан безвредных,

Когда полезным можешь быть!

(Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин)

«Ты думаешь—в *слове* ум? Нет, ум в *деле* прячется, а больше нигде...» (А. М. Горький. Хозяин).

Регулярное контрастное противопоставление прагматического характера отмечается у таких слов, как *большинство—меньшинство, будни—праздники, взрослые—дети, гнев—милость* (ср. *сменить гнев на милость*), *добродетель—порок, дух—плоть, душа—тело, земля—небо, земной—небесный, правило—исключение, преступление—наказание, рай—ад, ум—сердце, чет—нечет* и др. Ср. некоторые примеры такого противопоставления «—Не про дивизию, а про знамя дивизии!—огрызнулся было Шмаков, но *сменил гнев на милость* и улыбнулся...» (К. М. Симонов. Живые и мертвые); «[Оленину] хотелось отдохнуть не *телом*, а *душой*, как это часто бывает с людьми, которые недовольны своим душевным положением, у которых есть в душе вопрос, на который нужно, но не хочется ответить» (Л. Н. Толстой. Казаки); «Я деликатно напомню, что они и я—это разница-с. *Земля и небо*» (Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот);

Хоть он людей, конечно, знал
И вообще их презирал,—
Но *правил* нет без *исключений*:
Иных он очень отличал
И вчуже чувство уважал.

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

Люблю, сказала *сердце*,—ум молчит.

(А. А. Блок. Люблю, сказала сердце...)

Слова, которым свойственна прагматическая противоположность, не одинаковы по своему характеру. В одних из этих слов она является единственным средством противоположения, в других выступает как сопутствующее обстоятельство. Так, в оппозиции *отец—сын/дочь* (т. е. *дети*) слова противостоят в своем компонентном составе по признаку «родитель—рожденный» [55, стр. 115], который с семантической точки зрения не является характерным для антонимических отношений. Противоположность выражается здесь не непосредственно семантически, а опосредованно—прагматически, путем частого образного противопоставления, к которому прибегают говорящие на русском языке с целью использовать особые коннотативные свойства слов. На семантические отношения наслаиваются прагматические, что приводит к образованию вторичного смысла, вскрываемого на фоне синонимичных противопоставлений: *отцы: дети=предки: потомки=старое поколение: молодое поколение*; ср. *проблема отцов и детей*: «Известно всем, что только в Советском Союзе не существует так называемая проблема «*отцов и детей*». У нас молодым не приходится силой вырывать у старших свое право на усовершенствование форм бытия» (Л. М. Леонов. В наши годы). В других случаях прагматическая противоположность лишь усиливает потенциальную семантическую, как в противопоставлении *небо—земля* (ср. *высокий—низкий* в параметрическом значении (*≈небо/небесный—земля/земной*), с одной стороны, и устойчивую, распространенную антитезу, восходящую к религиозным представлениям,—с другой); ср. *ад—(чистилище)—рай* и др.

Необходимо подчеркнуть, что рассматриваемая здесь противоположность прагматического плана охватывает, строго говоря, не всю смысловую структуру слов. В парах *небо—земля, небесный—земной* она выявляется только у вторых значений, связанных с религиозными и нравственно-эстетическими представлениями:

Знаю, сморщенный лик его стар
И бесстыден в *земной* наготе.
Но зловещий восходит угар —
К *небесам*, к высоте, к чистоте.

(А. А. Блок. Ты оденешь меня в серебро...)

Такого противопоставления нет у этих слов в первых значениях: «За два с половиной месяца он нагледелся и на *землю*, и на *небо*, и на сосны и березы...» (К. М. Симонов. Живые и мертвые). Эти разные осмысления слова сосуществуют у говорящих, входя в различные противопоставления и сталкиваясь друг с другом: «А все боишься,—продолжал первый знакомый голос.—Боишься неизвестности, вот чего. Как там ни говори, что душа на *небо* пойдет... ведь это мы знаем, что *неба* нет, а есть атмосфера одна» (Л. Н. Толстой. Война и мир), т. е. *небо* во втором значении и *небо*= «атмосфера».

Факторы прагматического характера оказали существенное влияние на развитие антонимии слов *мужской и женский, мужчина и женщина* <...>

С точки зрения структурной классификации выделяются следующие разновидности антонимов: 1) разно-корневые (лексические) антонимы [*веселый*— *грустный*], 2) однокорневые (грамматические) антонимы (*художественный* — *антихудожественный*) и 3) э н а н т и о с е м и я (т. е. противоположность значений внутри слова), выражаемая синтаксическими и лексическими средствами контекста (*одолжить деньги кому-нибудь* и *одолжить деньги у кого-нибудь*).

Антонимические пары (парадигмы), полученные в результате анализа предложений во второй части книги («Анализ»), в этой части выборочно иллюстрируются иным языковым материалом, извлеченным главным образом из словарей русского языка.

Разнокорневые (лексические) антонимы

Подавляющее большинство антонимов — слова разных корней. Это р а з н о к о р н е в ы е (или лексические) антонимы: *высокий* — *низкий*, *умный* — *глупый*, *веселый* — *грустный*, *левый* — *правый*, *летний* — *зимний*; *быстро* — *медленно*, *громко* — *тихо*, *рано* — *поздно*, *вперед* — *назад*; *правда* — *ложь*, *подъем* — *упадок*, *начало*—*конец*, *день*—*ночь*; *поднимать*—*опускать*, *перегонять* — *отставать*, *любить* — *ненавидеть*, *покупать* — *продавать*; *всё* — *ничто*, *все* — *никто*; *да* — *нет*, *вот* — *вон*; *в* — *из*, *к* — *от*, *над* — *под*, *до* — *после*; *марш!* — *стоп!* и т. п.

Разнокорневая антонимия пронизывает важнейшие лексико-грамматические классы слов (части речи), особенно прилагательные, наречия, существительные и глаголы.

Широкое распространение в языке этой разновидности антонимии и ее четкая формальная выраженность и определенность (смысловая противопоставленность слов разных корней) приводят некоторых лингвистов к мысли, что антонимами следует считать только разнокорневые слова с противоположными значениями. Так, Л. А. Булаховский, справедливо говоря, что под антонимией понимают не противопоставление типа *белый* — *небелый*, определяет эту категорию слишком узко, как «противопоставление... значений, выраженных различными корнями» [10, стр. 44—45]. Такое определение едва ли удовлетворительно. Оно не учитывает других возможностей выражения противоположности в лексике. Д. Н. Шмелев правильно замечает, что признание антонимами только разнокорневых слов по существу не отражает действительного положения вещей, в частности выражения антонимии при помощи префикса *не-* у качественных прилагательных [105, стр. 146]. Однокорневая антонимия, как мы увидим ниже, представляет собой достаточно представительную и разветвленную систему.

Различные виды разнокорневой антонимии будут более подробно охарактеризованы при рассмотрении основных классов антонимов, выделяемых в соответствии с основными типами противоположности.

Однокорневые (грамматические) антонимы

У однокорневых (или грамматических, аффиксальных) антонимов значение противоположности выражается не корнями слов, а аффиксальными морфемами. В русском языке основным средством выражения антонимии однокорневых слов являются приставки.

Значение антонимичности возникает либо как результат корреляции противоположных по смыслу приставок, присоединяемых к одному и тому же слову, либо как результат употребления приставки, придающей слову противоположный смысл:

- 1) *при* + *ходить* — *у* + *ходить* (*при* — *у*)
недо+*оценить* — *пере*+*оценить* (*недо* — *пере*)
- 2) *грамотный* — *не*+*грамотный* (# — *не*)
фашистский—*анти*-*фашистский* (# — *анти*).

Заметим, что если приставка оказывается в первом случае вне корреляции с противоположной ей по смыслу приставкой, то значения антонимичности не возникает (ср. *приходить* и *ходить*; *уходить* и *ходить* и т. п.). Совершенно по-иному, как видно, обстоит дело в примерах второго типа.

Структурная классификация грамматических (однокорневых) антонимов оказывается теснейшим образом связанной с классификацией слов по частям речи.

Способность слова иметь противоположные, антонимические значения получила название поляризация значений, или энантиносемии (нем. Enantiosemie, англ. enantiosemy).

Внешним, формальным выражением этой своеобразной «внутрисловной антонимии» (нем. *Gegensinn*) служат не корневые или аффиксальные морфемы, а сам контекст употреблений слова в полярных значениях, т. е. характер синтаксических и лексических связей слова в его противоположных смыслах с другими словами.

Антонимия разнокорневых и однокорневых слов	Энантисемиа («внутрисловная антонимия»)
<i>легкий — тяжелый</i> <i>рано — поздно</i> <i>справедливый — несправедливый</i> <i>приходить — уходить</i>	<i>одолжить кому-нибудь (денег)</i> «дать в долг» <i>одолжить у кого-нибудь (денег)</i> «взять в долг» <i>оговориться специально</i> «сделать оговорку» <i>оговориться нечаянно</i> «ошибиться»

Таким образом, противопоставление полярных значений слова возможно только в контексте путем выявления их контрарности синтаксическими или лексическими средствами языка (ср. в наших примерах оппозиции *кому-нибудь — у кого-нибудь*, *специально — нечаянно*), а не на уровне изолированных слов (ср., с другой стороны, очевидную семантическую противопоставленность слов *легкий — тяжелый* в их первичном, главном значении вне контекста). Поэтому простое сопоставление типа *одолжить — одолжить* лишено конкретного значения до тех пор, пока нет определенных контекстов, способных реализовать противоположные смыслы слова: *одолжить товарищу денег — одолжить у товарища деньги*.

В таких синтаксических и лексических контекстах энантисемиа и проявляется как особый структурный тип «внутрисловной антонимии».

Изучению антонимичных значений слова посвящен ряд работ. Таковы, прежде всего, исследования В. Шерцля об энантисемии [103] и К. Абея о противоположных значениях древнейших слов [НО], написанные на материале различных языков еще в прошлом веке и впервые ставящие вопрос о причинах и некоторых общих закономерностях развития этого явления. Несомненный интерес представляют и появившиеся сравнительно недавно работы, в которых поляризация значений рассматривается как особый вид полисемии [83], исследуется развитие энантисемии в русских говорах [77] и в отдельных языках, например в немецком [126], и др. В целом ряде главным образом лексикографических работ накоплен значительный материал по «межъязыковой антонимии» близкородственных языков, например, в словаре русско-чешской омонимии и паронимии И. Влчка [130] (ср. русск. *свежий* — чешек, *cerstvy* — о хлебе и др.). Однако явление энантисемии в русском языке еще не получило пока достаточно полного и удовлетворительного описания.

В 1883—1884 гг. в одном из выпусков «Филологических записок», ставшем теперь библиографической редкостью, было опубликовано исследование В. Шерцля «О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантисемии)». В. Шерцль отмечал, что это явление широко представлено в самых различных языках и их диалектах. Так, лат. *altus* значит не только «высокий» (*altus mons* — высокая гора, *alta arbor* — высокое дерево), но и «глубокий» (*altum flumen* — глубокая река, *altus putens* — глубокий колодец); в славянском корне *von'*- из первоначального значения «запах» развиваются два противоположных — «благоухание, аромат» (чешек, *vune* «благоухание, аромат, запах», польск. *won* «запах, аромат», русск. *благовоние*) и «дурной запах» (болг. *воня* «вонь», польск. *won* «зловоние», русск. *вонь, зловоние* и др.); глагол *жечь* употребляется не только в предложениях типа *Тропическое солнце сильно жжет кожу*, но и в предложениях вроде *Мороз жжет лицо*; в значении слова *погода* также отмечаются, особенно в диалектах, противоположные тенденции: «хорошая погода» (ср. «Дождь и холод — нет *погоды!* Выйти некуда — хоть брось!» (И. С. Никитин. *Дачная жизнь*) и «плохая погода, непогода», т. е. снег, дождь с сильным ветром (ср. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет *погода*, надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой» (М. Ю. Лермонтов. *Бэла*).

Основная причина энантисемии объясняется, по мнению В. Шерцля, тем, что корни и производные от них слова имели в древнюю эпоху общие, недостаточно дифференцированные значения: «Многознаменательность, составляющая несомненное и весьма характерное свойство древних корневых слов, оказывается таким образом одною из важнейших причин энантисемии» [103, стр. 3]. С развитием мышления и языка такие значения дифференцировались. Из общей сферы понятия постепенно выделялись более конкретные оттенки основного значения, переходящие в противоположности. Напри-

мер, из значения «идти, двигаться» образовались более конкретные «приходить» и «уходить»; из основного значения «нести» — «приносить» и «уносить»:

Таким образом из общего и неопределенного значения слова во вполне определенных контекстах развивались значения, противоположные по своему характеру. Подобные значения, дифференцируя и детализируя общее значение слова, как бы указывали на границы, предел его проявления («приносить» ← «нести» → «уносить» и др.). Такая поляризация значений характерна и для соответствующего русского слова: *нести*, (*сюда*) — «приносить», *нести* (*туда, отсюда*) — «уносить». В современном языке эти отношения выражаются с помощью приставочных глагольных антонимов *приносить* и *уносить*, т. е., иными словами, функция дифференциации противоположных значений слова переносится с различий в контекстах его употребления (*нести сюда* — *нести туда, отсюда*) на различия в словообразовательной структуре антонимичных слов, противоположность которых очевидна и без соответствующих контекстов (*приносить*—*уносить*). «Из общей сферы данного понятия, — отмечал В. Шерцль, — путем дальнейшего дифференцирования выделяются более конкретные оттенки основного значения, переходящие постепенно в область противоположных друг другу слов» [103, стр. 4]. Слово *победа* — «(боевой) успех», «поражение противника» — этимологически связано с существительным *беда*.

с. 197–198

Проведем последовательное дихотомическое деление указанных антонимических оппозиций по трем признакам:

1) соответствие одному и тому же денотату (в речи) / соответствие не одному и тому же денотату (в речи);

2) направленность / ненаправленность;

3) градуальность / неградуальность.

В соответствии с первым делением из группы слов вычлениются глагольные оппозиции *выигрывать* — *проигрывать*, *покупать* — *продавать* и наречия *больше* — *меньше* (сравнительная степень), которые, как видно из трансформации предложений, соответствуют одному и тому же денотату: «*Динамо*» *выигрывает* *ту* «*Спартак*» → «*Спартак*» *проигрывает* «*Динамо*» (т. е. победа динамовцев и поражение спартаковцев — в данном случае одно и то же); *Наш город больше* *вашего* → *Ваш город меньше* *нашего* и т. п. (Все остальные противопоставления соответствуют разным денотатам: ср., например, *Мой отец молодой*, а *твой совсем старый* и др.). Такие оппозиции представляют собой одну из типологических разновидностей антонимии — конверсию. Противоположность выступает здесь как различные, обратные по своему характеру и направленности обозначения одного и того же действия (отношения).

Антонимические оппозиции, соответствующие разным денотатам, делятся, далее, по второму признаку с точки зрения направленности / ненаправленности при обозначении противопоставления: на основании этого выделяются пары с «направленной» противоположностью — *приходить* — *уходить*, *ошибаться* — *поправляться*, *атака* — *контратака*, которые противопоставляются остальным оппозициям, где направленность не выражается {*молодой* — *старый*, *день* — *ночь*, *женатый* — *холостой* и др.). Ср. *Отразив атаку противника, полк перешел в контратаку*; *Умел ошибиться, умеи и поправиться*, с одной стороны, и *Один мой брат женат, а второй — холост* — с другой. Оппозиции этого типа образуют другую типологическую разновидность антонимии. Противоположность реализуется в этом случае в виде различных противоположно направленных действий, признаков и т. п. (антидействий, антипризнаков, антисущностей и т. п.; ср. еще *фашистский* — *антифашистский*, *циклон* — *антициклон*, *мир* — *антимир*). Отметим, что деление на «направленную» и «ненаправленную» противоположность оказывается не столь существенным для оппозиций, соответствующих одному денотату, так как конверсивам свойственна преимущественно направленная противоположность (исключение составляют лишь антонимичные формы сравнительных степеней прилагательных и наречий, а также некоторые предлоги).

Третье деление по признаку градуальности / неградуальности оказывается существенным только для антонимических оппозиций, не выражающих направленность, так как двум уже выделенным разновидностям антонимии (конверсивам и обозначениям противоположно направленных действий) градуальные оппозиции не свойственны. Это деление позволяет противопоставить градуальные оппозиции (*молодой* — ...*моложавый*..., ...*средних лет*..., *пожилой*... — *старый*, *подвижный* — ...*малоподвижный*... — *неподвижный*; *день*—*вечер*, *утро*—*ночь*) и неградуальные оппозиции, не выражающие направленности (*женатый*—*холостой*, *живой* — *мертвый*, *мужчина* — *женщина*). Градуальные оппозиции свойственны

венны третьей, наиболее важной и представительной типологической разновидности антонимии. Противоположность представлена здесь в ее наиболее «чистом виде» как качественная контрарность и противоположность основных координационных понятий.

Наконец, неградуальные антонимические оппозиции, не выражающие направленности, образуют последнюю разновидность антонимии (примеры см. выше), где противоположность реализуется прежде всего как ко мплементарность (дополнительность).

с. 201–208

Антонимы-конверсивы

Под конверсией в собственном смысле конверсивы слова понимается «обращение» высказывания, т. е. такая операция, когда в предложении меняются местами антецедент (предшествующий член) и консеквент (последующий член) [49, стр. 223]. Конверсированное суждение называет то же самое отношение (имеет тот же самый денотат), что и исходное, но взятое в ином направлении, так оказать, с перестановкой мест: $R(x, y) = R^{-1}(y, x)$. Сравним несколько высказываний:

- (1) Николай *дружит* с Игорем — Игорь *дружит* с Николаем.
- (2) Мы *истратили* все деньги — У нас *вышли* все деньги.
- (3) Она *приобретает* опыт работы — У нее *появляется* опыт работы.
- (4) *Победа* ЦСКА над «Зенитом» — *Поражение* «Зенита» от ЦСКА.
- (5) Студент *сдаёт* экзамен профессору — Профессор *принимает* экзамен у студента.

Обозначая одно и то же действие с точки зрения субъекта исходного предложения и субъекта «обращенного» предложения (=объекта необращенного высказывания), конверсивы, как отмечает Ю. Д. Апресян, передают «различия в логическом ударении», в членении «предложения на данное (тему) и новое (рему)» [2, стр. 9—10]; ср., например, сообщение о результате матча как о победе ЦСКА и, наоборот, как о поражении «Зенита».

Несмотря на то что во всех пяти высказываниях мы имеем дело с одним и тем же явлением конверсии, сами конверсивы никак нельзя считать семантически равноценными. В предложениях, аналогичных первому примеру, глаголы конверсивны самим себе, и поэтому между ними нет смыслового различия. Такое различие появляется в предложениях, аналогичных второму и третьему примерам, однако и здесь еще нет той «встречной направленности» или «направленной обращенности», которая характеризует определенную разновидность противоположности. Она появляется лишь в четвертом и пятом предложениях. В самом деле, если глагол *вышли* (*деньги*) во втором примере воспринимается как конверсив-синоним к *истратили* (*деньги*), то глаголы *сдаёт* (*экзамен*) и *принимает* (*экзамен*) выступают уже как направленные «встречные» конверсивы-антонимы. Значение синонимии здесь создается только всей фразой в целом, сами же конверсивы в этом случае противоположны по смыслу.

Таким образом, к разряду антонимов могут быть отнесены лишь те глаголы-конверсивы, которые обладают выраженной направленностью, что позволяет обозначать с их помощью одно и то же действие с противоположных точек зрения. Назовем их антонимами-конверсивами. Они образуют один из классов антонимов, выделяемый в соответствии с определенным типом их противоположности (конверсией). Одно и то же действие, например купля-продажа (ср. *покупать* — *продавать*), получает в языке возможность двоякого выражения с точки зрения двух основных участников ситуации — покупателя и продавца, противопоставленных друг другу.

$X \leftarrow \text{покупает} / \text{продает} \leftarrow Y$
(купля + продажа)

С грамматической точки зрения антонимы-конверсивы — это прежде всего глаголы конкретного значения, некоторые формы сравнительной степени качественных прилагательных и наречий, а также ряд предлогов, т. е. те категории слов, которые обладают свойствами, необходимыми для выражения конверсных отношений.

Круг глагольных антонимов-конверсивов достаточно четко очерчен тематически (семантически). Это в основном глаголы с общим значением приобретения — лишения чего-либо, зависимости, соположения и др. Употребление таких слов всегда предполагает «смыкание» участников действия (членов отношения), так что, например, лишение чего-либо для одного из них является вместе с тем приобретением того же самого для другого: *брать* — *давать* (*книгу*), *сдавать* (*город, крепость*), *забивать* — *про-*

пускать (гол), выигрывать—проигрывать (матч, партию в шахматы), занимать — одалживать (деньги), импортировать — экспортировать (товары), обгонять, опережать — отставать (соперника, от соперника), опираться — поддерживать (о фундаменте; о массах, активе), принимать — передавать (телеграмму, радиogramму), побеждать (одерживать победу) — терпеть поражение, получать — отпускать (товар), получать в подарок — дарить, превосходить — уступать (в технике), принимать — сдавать (белье, вещи, книги, дела; экзамены), снимать — сдавать (комнату) и др.

Он ставил карту за картой..., выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман (А. С. Пушкин. Пиковая дама) — Вообразил себя артистом на биллиарде, по пятисот рублей проигрывал (А. М. Горький. Жизнь Клима Самгина); Валентина оставляет эту дачу; вы можете сдать ее довольно выгодно (А. Н. Островский. Богатые невесты) — Летом она сняла дачу на Оке, под Рязанью, я часто ездил туда к ней (А. М. Горький. Рассказ о безответной любви). Ср. Он выигрывает у партнера— Партнер проигрывает ему; Она сдает дачу знакомым — Знакомые снимают у нее дачу.

Отметим, что регулярным способом образования конверсивов является страдательный залог (пассив):

Рабочие **строят** дом → Дом **строится** рабочими. Конверсивы типа *строить* — *строиться* представляют собой своего рода «грамматические антонимы», которые, однако, отличаются от рассмотренных выше лексических антонимов-конверсивов тем, что у них только одна форма, а именно форма действительного, нестрадательного залога (*строить*), обладает выраженной направленностью. Форма же страдательного залога (*строиться*) не выражает активно направленного действия (это обозначение действия «испытываемого»): здесь нет тех двух равно инициативных, активных деятелей, участвующих в ситуации, которые являются обязательным условием существования и употребления антонимов-конверсивов.

Гораздо ближе к выражению антонимии стоят некоторые пары глаголов, в которых противоплагаются невозвратные и соответствующие им возвратные глаголы типа *учить* — *учиться* (Его **учит** петь известный вокалист — Он **учится** петь у известного вокалиста), *влюбить* — *влюбиться* (Она **влюбила** его в себя — Он **влюбился** в нее) и т. п.

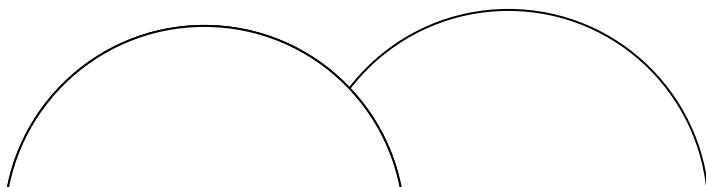
В существительных антонимы-конверсивы представлены почти исключительно отглагольными существительными или словами с глагольными корнями. Такие слова, как правило, соотносительны с соответствующими глагольными коверсивами: *взятие* — *сдача* (города войсками), *выигрыш* — *проигрыш*, *господство* — *подчинение*, *импорт* — *экспорт*, *победа* — *поражение*, *прием* — *передача* (радиogramмы), *причина* — *следствие*, *прием* — *сдача* (посуды) и т. п.

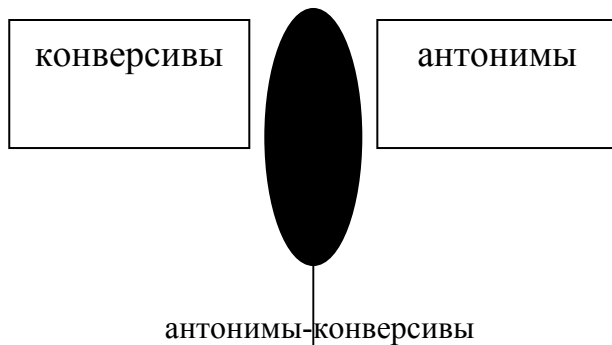
К победам на суше Россия привыкла, а победа на море, да еще такая, когда полностью уничтожен был флот противника, явилась совершенно исключительной (С. Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой) — Григорий на остановках внимательно прислушивался к разговорам, с каждым днем все больше убеждаясь в окончательном и неизбежном *поражении* белых (М. А. Шолохов. Тихий Дон); Мы слишком привыкли связывать *следствие* — взрыв — всегда с одной и той же *причиной* — с воздушным налетом (Л. С. Соболев. Моря и океаны). Ср. *Причиной заболевания была сильная простуда* — *Заболевание было следствием сильной простуды*; *крупная победа наших войск* — *крупное поражение войск неприятеля*. и т. п.

Большое количество антонимов-конверсивов представлено формами сравнительной степени прилагательных и наречий. Такие конверсивы регулярно образуются от слов с качественным и координационным значением (см. об этом ниже): *Останкинская телевизионная башня выше, чем телевизионная башня на Шаболовке*—*Телевизионная башня на Шаболовке ниже, чем Останкинская телевизионная башня*; *Этот поезд прибывает в Москву раньше* нашего — *Наш поезд прибывает в Москву позднее* этого поезда; ср. еще: *Сегодня он грустнее* обычного — *Обычно он веселее*, чем сегодня; *Они сидят в том же ряду, но значительно левее* нас — *Мы сидим в том же ряду, но значительно правее* их; *Мой соперник бежал быстрее* меня — *Я бежал медленнее* своего соперника и т. п.

<...>

Хотя конверсия и антонимия представляют собой в целом явления разноплановые, тем не менее их «пересечение» дает область взаимодействия этих явлений и вычленяет целые группы общих слов — антонимы-конверсивы:

Антонимы-конверсивы, выделяясь на основе ряда специфических признаков (способность к конверсности, т. е. к выражению двусторонних отношений, способность к обозначению одного и того же действия, отношения и др. в виде «обратных» по своему содержанию слов, соотносимых с двумя противопоставленными участниками ситуации, выраженная встречная направленность действия, отношения и др.), как видно, составляют лишь часть как конверсивов, так и антонимов и могут в силу этого рассматриваться не только как разновидность конверсии, но и как типологическая разновидность антонимии.

Необходимо только сделать существенную оговорку. Употребление антонимов-конверсивов предполагает одно неперемное условие: такие слова должны относиться к разным лицам (участникам ситуации), а не к одному и тому же лицу, так как в противном случае конверсивы типа *выигрывать* — *проигрывать* становятся обозначением не одного, а разных противоположных действий:

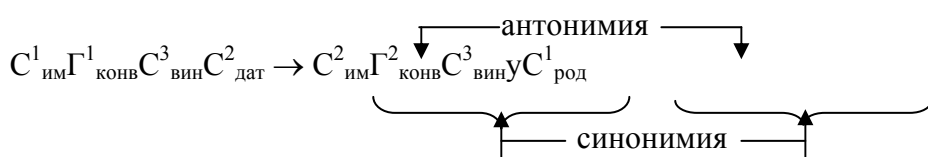
Первую партию в шахматы он проиграл → [*его партнер выиграл*],

а вторую почти, без труда выиграл → [*его партнер проиграл*]
 конверсия ←—————→

Иными словами, отношение *Он проиграл* — (*он*) *выиграл* конверсии не образует, хотя конверсные свойства этих глаголов имплицитно наличествуют и здесь. В этом их характерное отличие от антонимов следующего класса, которые обозначают в тексте разные противоположные действия, не могут соответствовать одному и тому же денотату и не обладают свойством «обращенности». Таким образом, рассматриваемые здесь антонимы, обладающие свойствами конверсивов, в иных условиях употребления «возвращаются» в класс слов другой типологической разновидности (см. ниже).

У антонимов-конверсивов оказывается возможной только одна форма оппозиции — антонимическая пара.

Внутренние семантические свойства слов, составляющие характерную особенность данного типа противоположности, находят строго определенную формулу их внешнего выражения (превращение объекта исходного предложения в субъект конверсированного предложения и замена данного глагола (существительного, формы прилагательного и др.) на соответствующий конверсив. Эта формула является характерной особенностью антонимической конверсии и противопоставляет ее всем остальным классам антонимов:

Перворазрядник проигрывает партию мастеру → *Мастер выигрывает партию у перворазрядника*.

Между исходным и конверсивным предложениями отношение типа импликации («если–то»): если А проигрывает В, то В выигрывает у А, и наоборот.

с. 232–238

Антонимы, выражающие комплементарность (дополнительность)

Этот основной класс антонимов представлен сравнительно небольшим количеством прилагательных, существительных, наречий, слов категории состояния и частиц. В общей схеме классификации та-

кие антонимы выделяются негативно: они не могут соответствовать одному и тому же денотату, не выражают направленность и не образуют градуальных оппозиций (см. стр. 200). Логическая природа антонимичных слов, выражающих комплементарность (дополнительность), и их отличие от градуальных (качественных) антонимов уже были неоднократно рассмотрены выше, поэтому ограничимся здесь лишь самыми общими соображениями.

Сущность комплементарности заключается в том, что два противоположных значения (в логике — видовых понятия, подмножества), характеризующиеся каждое своим положительным содержанием, до полня-то т друг друга до выражения пределов проявления того или иного свойства, состояния или отношения (родового понятия, всего множества). Между такими противоположностями нет ничего среднего, поэтому отрицание одного равносильно утверждению другого: *зрячий* — *не зрячий* = *слепой*, *незрячий* (обозначение пределов свойства «способность видеть»), *мужчина* — *не мужчина* (т. е. человек не мужского пола) = *женщина* (ср. *мужской* — *женский*; противоположные проявления свойства «пол, половые различия человека»), *можно* — *не можно* = *нельзя* (противоположные обозначения модального отношения «разрешение/запрещение чего-либо») и т. п.

Комплементарная противоположность может быть проиллюстрирована такими примерами, как *верный* — *неверный* (*ответ*, *супруг*), *ошибочный* (*вывод*), *верность* — *неверность* (*перевода*, *супружеская*), *измена*, *влажный* (ср. *мокрый*) — *сухой*, *вместе* — *врозь*, *порознь*, *отдельно* (*жить*), *внутри* — *снаружи*, *война* — *мир*, *да* — *нет* (как утвердительный и отрицательный ответ), *добровольный* — *принудительный*, *носильный*, *добровольно* — *принудительно*, *наильно*, *добровольность* — *принудительность*, *женатый* — *холостой*, *живой* — *мертвый* (= *неживой*), *жизнь* — *смерть*, *занятый* — *свободный* (о месте в автобусе), *здоровый* — *больной*, *зрячий* — *слепой*, *истинный* — *ложный*, *истинно* — *ложно*, *истина* (*правда*) — *ложь*, *конечный* — *бесконечный*, *кривой* — *прямой*, *логичный* — *алогичный*, *можно* — *нельзя*, *мужской* — *женский* (*мужчина* — *женщина*), *наличие* — *отсутствие*, *нечаянно* — *умышленно*, *нарочно* (*сделать что-нибудь*), *одинаковый* — *разный*, *различный*, *одинокий* — *семейный* (*мужчина*), *открыт* — *закрыт* (о магазине), *позитивный* — *негативный* (об изображении на фотопленке), *постоянный* — *временный* (например, о занятиях, увлечениях), *постоянно* — *временно*, *правильный* — *неправильный*, *ошибочный* (*ответ*), *правильно* — *неправильно*, *ошибочно*, *правильность* — *неправильность*, *ошибочность*, *свободный*, *независимый* — *зависимый*, *свободно*, *независимо* — *зависимо*, *свобода*, *независимость* — *зависимость*, *свой* — *чужой*, *совместный* — *раздельный*, *совместно* — *раздельно*, *сумасшедший* — *нормальный* (психически здоровый), *фиктивный* — *фактический*, *фронт* — *тыл*, *фронтной* — *тыловой*, *целый* — *разбитый* (*кувшин*), *худой* (*сапог*) и т. п.

Примечание: Весьма любопытным является вопрос о противоположности слов, обозначающих биологический пол. Анализ употреблений слов *мужчина* и *женщина*, *мужской* и *женский* наглядно показывает, что они употребляются в синтагматическом плане, как и другие антонимы, а в парадигматическом плане противопоставлены по одному существенному признаку: *мужской* — *немужской* (= *женский*) *пол*. Характерно, что сам контекст, его семантика в большинстве случаев бывают такими, что подчеркивают ярко выраженную противопоставленность, прагматическую противоположность слов.

<...>

Подытожим теперь результаты классификации и рассмотрим классы в ином порядке, начиная с более важных, представительных и самостоятельных.

I класс. Антонимы, выражающие градуальную качественную противоположность и противоположность координационных понятий (*горячий*, *теплый* — *холодный*, *полезный* — *вредный*, *польза* — *вред*, *молодой* — *старый*, *молодость* — *старость* и др.; *передний* — *задний* (ср. *средний*), *левый* — *правый*, *восток* — *запад*, *день* — *ночь* и др.), реализуют контрарную противоположность — (+) *горячий* — *холодный* (—) (при промежуточных членах *негорячий*, *нехолодный*, *прохладный* и др.). Это, как уже отмечалось, наиболее характерный, «классический» случай выражения противоположности. Назовем его Antii:

Anti₁ (*молодой*) = *старый*

Anti₁ (*левый*) = *правый*.

II класс. Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств (*входить* — *выходить*, *поднимать* — *опускать*, *закрывать* — *открывать*, *теплеть* — *холодать*, *народный* — *антинародный*, *атомный* — *противоатомный*, *атака* — *контратака* и

т. п.), представляют следующий тип противоположности — векторную противоположность и образуют второй класс антонимов. Этот тип антонимических отношений может быть назван $Anti_2$:

$Anti_2$ (*поднимать*) = *опускать*

$Anti_2$ (*атака*) == *контратака*.

III класс. Антонимы, выражающие неградуальную противоположность, комплементарность (дополнительность) (*женатый — холостой, живой — мертвый, влажный — сухой, зрячий — слепой, мужской — женский, муж — жена, истинный — ложный* и др.), формально совпадают не с контрарными понятиями, а с противоречащими (контрадикторными) вида $A — не-A$. Однако между обычными противоречащими, контрадикторными отношениями *молодой — немолодой* и контрадикторными отношениями типа *женатый — холостой*, как мы убедились, существует принципиальная разница: первые образуют ослабленное противопоставление (при неопределенном значении второго члена — *немолодой: средних лет, пожилой, преклонных лет. старый*), вторые — предельное, крайнее противопоставление (*не-}*-женатый = холостой), что является инвариантным значением антонимии. Такой тип противоположности называется контрадикторной. Назовем его $Anti_3$:

$Anti_3$ (*женатый*) = *холостой*

$Anti_3$ (*истинный*) = *ложный*.

М. Р. Львов Русская антонимия и ее лексикографическое описание // М. Р. Львов Словарь антонимов русского языка. М., 2001.

С. 6–12

Главным при определении антонимии является понятие противоположности, раскрытие ее философского, логического и лингвистического содержания.

Существенные с точки зрения человеческой практики различия в предметах и явлениях объективного мира отражаются в языке как противоположность <...> Противоположность существует отнологически в отражаемом нашим сознанием мире именно как существенное различие, которое может быть выражено в языке как средствами специальных номенклатур, так и особыми словами — антонимами. Так, например, различная температура человеческого тела может быть передана в градусах на шкале термометра: 35,4°—36,6°—39,8°. Но она может быть обозначена и качественными прилагательными: *низкая — нормальнее — высокая* (температура) или *холодный, чуть теплый — нормальный — горячий*. Такое обозначение с неизбежностью предполагает определенную оценку обозначаемого с точки зрения принятой нормы: температура до 36° — пониженная, в пределах 36°—37° — нормальная, свыше 37° — повышенная. Оценочная квалификация обозначаемого дает основание осознать слова *низкая — высокая* (температура) как противоположные по значению. В нашей повседневной жизни подобные оценки — привычные стандарты: *высокий — низкий* (рост), *дорогая — дешевая* (книга), *горячие — холодные* (пирожки), *свежий — черствый* (хлеб) и т. п.

Аналогичным образом замедление и ускорение есть по своей сути лишь различие в скорости, изменения в движении, которые выделяются и осмысляются как противоположности с определенной точки зрения.

<...>

Дифференцируя единую сущность, антонимы как знаки «раздвоенного» на противоположности единства одновременно и определяют предел проявления какого-нибудь качества, свойства, действия, и указывают на неразрывную связь противоположностей: *горячий и холодный* — границы качественной оценки температуры, взаимоотрицающие полярности и вместе с тем сопряженные взаимопроникающие компоненты целого и семантики таких промежуточных слов, как *теплый, прохладный* и др. «Действительных противоположностей не бывает вне единства и взаимопроникновения. Точно так же не бывает действительного конкретного единства без специфических противоположностей (например, нового и старого, традиционного и творческого и т. п.)» (Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 184).

Логическую основу антонимии образуют противоположные видовые понятия. Они входят в объем родового понятия, которое отражает единую и вместе с тем дифференцируемую, «раздвоенную» сущность: «белый» — «черный» [«цвет»], «легкий» — «тяжелый» [«вес»], «медленный» — «быстрый» [«скорость»], «подниматься» — «опускаться» [«вертикальное движение»], «истина» — «ложь» [«соответствие действительности»] и т. п.

Различаются два вида противоположности: контрарная (от лат. *contraries* — противоположный) и комплементарная (от лат. *complementum* — дополнение).

Контрарная противоположность выражается видовыми понятиями «X» и «Y», между которыми возможно третье, среднее «Z» и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим положительным содержанием: «молодой» — <«средних лет», «пожилой»> — «старый». Комплементарная противоположность представлена видовыми понятиями «X» и «V», дополняющими друг друга до родового так, что между ними невозможно никакое третье, среднее понятие: «истинный» — «ложный». Родовое понятие здесь исчерпывается двумя видовыми, поэтому отрицание одного из них дает содержание другого: «неистинный» значит «ложный», и наоборот. Каждое из таких понятий характеризуется также своим положительным содержанием в отличие от противоречащих понятий типа «молодой» — «немолодой» (т. е. «средних лет», «пожилой», «старый»), где второе видовое понятие негативно по своему характеру и неопределенно. В силу этого такое противопоставление не образует противоположности и не является логической основой антонимии. Чтобы выразить истинную противоположность, второй член противопоставления должен быть здесь конкретизирован, обозначен более определенно («немолодой» —> «старый») <...>.

Противоположные видовые понятия в отличие от противоречащих определяют предел проявления качества, свойства, действия, определяемых тем или иным родовым понятием. Они и образуют логическую модель истинной антонимии.

III

Логическая модель противоположности является необходимым, но недостаточным условием лексической антонимии: она становится в языке моделью антонимии только у слов, обозначающих качество (в широком смысле этого слова), выражающих противонаправленность действий, состояний, признаков, свойств, а также у некоторых других лексических единиц. Учет природы и особенностей семантики языковых единиц позволяет отграничить антонимы от других противопоставлений слов, не образующих антонимии.

Основной массив противопоставлений, представляющих ядро антонимии русского языка, образуют слова, значения которых воспринимаются как обозначения качества (*хороший — плохой, добрый — злой*) или направленности (*входить — выходить, светать — темнеть*). По своей форме эти слова могут быть как разнокоренными (*высокий — низкий, живой — мертвый*), так и однокоренными (*культурный — некультурный, прилетать — улетать*), а по характеру их семантических отношений — соразмерными (*легкий — тяжелый, разбирать — собирать*: модель X — (O) — Y; *действие — противодействие, удар — контрудар*: X —> <— V) и несоразмерными (*начинать — переставать, кончать, зажигать — гасить*: X —> |—Y, т. е. вызывать и ликвидировать что-то; ср. также *демократический — антидемократический, народный — антинародный, законный — противозаконный*).

В соответствии с этим выделяются шесть основных типов слов с противоположными значениями:

- 1) антонимы, обозначающие качество, разнокоренные и соразмерные;
- 2) антонимы, обозначающие качество, однокоренные и соразмерные;
- 3) антонимы, обозначающие направленность, разнокоренные и соразмерные;
- 4) антонимы, обозначающие направленность, однокоренные и соразмерные;
- 5) антонимы, обозначающие направленность, разнокоренные и несоразмерные;

6) антонимы, обозначающие направленность, однокоренные и несоразмерные. (У лексических единиц, обозначающих качество, несоразмерные отношения отсутствуют, поскольку антонимам — качественным словам, обнаруживающим градуальные оппозиции с постепенным изменением качества от одною полюса к другому, свойственны только соразмерные симметричные отношения; условно: -5-4-3-2-1 0+1+2+3+4+5.)

Первый тип антонимов — наиболее характерный и представительный. Качественные слова-антонимы соразмерны и симметричны относительно нормы, где они семантически нейтрализуются, уравновешиваются:

(+)		<i>легкий</i>	
(+/-)		<i>(средний, обычный)</i>	{норма}
(-)		<i>тяжелый</i>	

Такие антонимы с оценочным качественным значением противостоят сходным неантонимичным противопоставлениям: ср. *легкий — тяжелый, белый — черный* (цвет) как качественные слова с пере-

менным признаком (*легкий, легче; белый, белее* и т. п.), с одной стороны, и *легковой — грузовой* (об автомобиле, транспорте), *белый — черный* (уголь) — с другой, где значения качества нет или оно утрачено в результате переноса значения.

Второй тип антонимов представлен однокоренными соразмерно противопоставленными качественными словами. Симметричность проявляется здесь как своеобразная «отменяющая» определенное свойство противоположность: *культурный — некультурный*, т. е. 'лишенный культуры' ср. также *сильный — бессильный, друг — недруг* 'враг' и т. п. В противопоставлениях такого типа антонимов точкой отсчета (нормой) является исходное слово, а сами значения антонимов нейтрализуются в промежуточном слове:

(+)		<i>культурный</i>	{норма}
(+/-)		<i>(малокультурный)</i>	
(-)		<i>некультурный</i>	

Таким качественным словам-антонимам противостоят некачественные слова со значением отграничения, выделения, которые не являются антонимами; ср.: *культурный — некультурный, сильный — бессильный*, с одной стороны, и *совершенный — несовершенный* (вид), *наличный — безналичный* (о деньгах, расчете) — с другой.

Третий тип антонимов охватывает разнокоренные слова с соразмерным противопоставлением противоположно направленных действий (признаков, свойств и т. п.): *подниматься — опускаться, вставать — ложиться, полнеть — худеть, богатеть — беднеть* и т. п. Сходные слова, не выражающие направленность, к антонимам не относятся; ср.: *подниматься — опускаться, вставать — ложиться* (с земли на землю), с одной стороны, и *стоять — лежать* — с другой. Точка отсчета здесь часто не имеет специального обозначения и передается описательно: *полнеть — (оставаться в одном и том же весе) — худеть*.

Соразмерные отношения противоположно направленных действий, выраженных однокоренными словами, передаются в четвертом типе антонимов с помощью приставок: *входить — выходить, действие — противодействие*.

Пятый и шестой типы представлены соответственно разнокоренными и однокоренными словами с несоразмерной односторонней направленностью (*зажигать — /асить', думать — раздумать* (что-нибудь сделать) и т. п.).

Таким образом, многие внешне похожие на антонимы слова не обозначают действительной противоположности. Не выражают противоположности, а значит, не имеют антонимов слова конкретной неоценочной семантики: *карандаш, книга, телефон, часы, велосипед* и т. п.

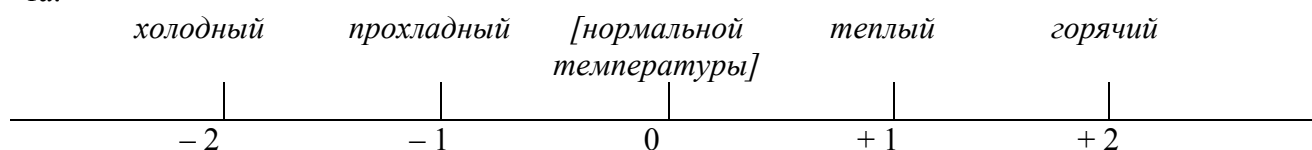
Для того чтобы при составлении словаря отнести то или иное слово к антонимам, а сами антонимы объединить в определенную категорию лексических единиц, необходимо найти у них общий интегрирующий признак. Исследователи антонимии обратили внимание на тот факт, что предложения типа *Ребенок здоров* и *Ребенок болен* только с формальной, внешней, стороны можно назвать утвердительными. С другой же, семантической, *больной* значит 'нездоровый'. Такие предложения утвердительны каждое само по себе, но своему собственному содержанию, но не по отношению друг к другу. В глубинной структуре одного из этих предложений содержится семантический элемент отрицания: *Ребенок здоров — Ребенок болен* (== *Ребенок нездоров*). Следовательно, при семантическом анализе антонимов один из них предстает как положительный (*здоровый*), а другой — как негативный, содержащий отрицание (*больной* = 'не + здоровый'). Однако не всякое отрицание, содержащееся в толковании понятийно, семантически однородных слов, является признаком антонимии. Это отрицание должно быть таким же предельным, как предельны по своему характеру противоположные видовые понятия, являющиеся основой антонимии.

Все лексические единицы, выражающие антонимию, обнаруживают общий (инвариантный) признак — наличие предельного отрицания в толковании одного из антонимов: *молодой — старый* (т. е. 'предельно не молодой'); *истинный — ложный* (т. е. 'неистинный', предельно отрицающий истину); *входить — выходить* (*входить* — 'идя, начинать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь', *выходить* — 'идя, переставать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь', но *начинать — переставать* можно представить как 'начинать — начинать не' например, *начинать петь — переставать петь* (= 'начинать не петь'); такое отрицание предельно по своему характеру так как глаголы обозначают диаметрально противоположные действия).

Семантическая классификация антонимов основывается на выражаемом ими типе противоположности. В зависимости от характера обозначаемой противоположности антонимы объединяются в соответствующие классы. Вот основные из них.

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность. Такие широко представленные в языке слова реализуют контрарную противоположность и обнаруживают градуальные (ступенчатые) оппозиции, дающие представление о постепенном изменении качества (свойства, признака): *легкий* (*простой, пустяковые—нетрудный—средней трудности—нелегкий—трудный* (*сложный*); *молодой* (*юный, юношеский*) — *средних лет* — *пожилой* — *старый* (*престарелый, дряхлый*); *талантливый* (*гениальный*) — *одаренный* (*незаурядный*) — *средних способностей* — *посредственный* (*заурядный*) — *бездарный*; *умный* — *способный* — *толковый* (*смекалистый, смысленный*) — *неглупый* — *средних способностей* — *неумный* — *ограниченный* (*недалекий*) — *бестолковый* — *глупый*.

Антонимичные слова, выражающие крайние проявления качества, обнаруживают симметричные отношения и отстоят друг от друга в парадигме на одинаковом семантическом расстоянии от точки отсчета:

Особого замечания требуют в этой связи прилагательные с приставкой *не-*, не выражающие действительной антонимии. Логически они основываются на отрицании исходного понятия: «трудный» — «нетрудный», «легкий» — «нелегкий». Благодаря тому что понятие «нетрудный» занимает в этом поле все семантическое пространство, за исключением зоны «трудный», соответствующее ему прилагательное *нетрудный* смещается в сторону и приближается к другому крайнему члену парадигмы — слову *легкий* (выражающему соответствующее понятие «легкий»). Наоборот, прилагательное *нелегкий* по тем же самым причинам тяготеет к лексической единице *трудный*:

<i>трудный</i>	<i>нетрудный</i>
	<i>нелегкий</i> <i>легкий</i>

Ср.: *Это задача нелегкая, трудная. Ее ответ был неумным, даже глупым.* Градуальная оппозиция может быть представлена всего тремя словами: *новый* — *поношенный* — *старый* (костюм), *грамотный* — *малограмотный* — *неграмотный*, *громкий* — *негромкий* — *тихий*. Наконец, в целом ряде градуальных противопоставлений средний член не имеет специального выражения, но всегда подразумевается как некоторая точка отсчета противоположности: *грубый* — (0) — *нежный* (голос), *передовой* — (0) — *отсталый*, *слава* — (0) — *позор* и т. п. Промежуточный член в таких противопоставлениях может быть выражен описательно, например: *не очень грубый*; *ни передовой, ни отсталый* и т. п.

Из приведенных выше примеров видно, что приставка *не-* выражает не только простое отрицание (*молодой* — *немолодой*, *высокий* — *невысокий*; ср. *старый*, *низкий*), но и противоположность: *удачный* — *неудачный*, *вкусный* — *невкусный* и т. п. То же самое касается и приставки *без-* (*бес-*): *полезный* — *бесполезный* (предельное отрицание: *вредный*), с одной стороны, и *славный* — *бесславный* 'позорный' — с другой. Качественные прилагательные с приставками *не-*, *без-* (*бес-*) являются антонимами к исходным словам в том случае, если они представляют собой предельные, крайние члены антонимической парадигмы: *выгодный* — *невыгодный*, *грамотный* — *неграмотный*, *безграмотный*, *убедительный* — *неубедительный*, *сильный* — *бессильный*, *содержательный* — *бессодержательный* и т. п. (промежуточными членами в таких парадигмах могут быть прилагательные типа *маловыгодный*, *малограмотный*, *малосодержательный*).

К этому классу слов с известной условностью можно отнести обозначения основных пространственных и временных координат, обнаруживающие ступенчатые оппозиции, хотя и не являющиеся качественными словами: *верхний* — *средний* — *нижний* (*верх* — *середина* — *низ*), *левый* — *средний* (*центральный*) — *правый*, *прошедшее* — *настоящее* — *будущее*, *позавчера* — *вчера* — *сегодня* — *завтра* — *после-*

завтра; ср.: север — юг, восток — запад; лето — зима, весна — осень в замкнутых циклах: восток, юг, запад, север; весна, лето, осень, зима и т. п.

Завершая рассмотрение градуальной антонимии качественных слов, необходимо подчеркнуть, что такие антонимы образуют в лексической системе целые семантические микрополя, в которых реализуется та или иная оценка, например эстетическая: *прекрасный — очаровательный — красивый — замечательный — хороший — (обычный) — посредственный — неприглядный — плохой — скверный — безобразный* и др. Такие семантические поля можно уподобить магнитному полю в том смысле, что способностью поляризоваться обладают не только полюса, но и любой участок этого поля, несущий элементы противоположных начал. Это континуум (непрерывная последовательность), в пределах которого то или иное качество (свойство) изменяется постепенно, без резких границ. Постепенность, непрерывность качества, его недискретность находится в противоречии с характером знаков, обозначающих различные градации качества. Языковые знаки дискретны, разделены. Стремясь «покрыть» семантическое поле, они притягиваются друг к другу; сохраняя свою самостоятельность, напротив, отталкиваются друг от друга. Причиной «напряжения» поля и пределом их отталкивания служат симметричные полюса — обозначения этого качества.

2. Антонимы, выражающие дополнительность (комплементарность). В этот класс антонимов объединяется сравнительно небольшое количество слов, обнаруживающих комплементарную противоположность. Шкала противопоставлений представлена здесь всего двумя противоположными членами (если не считать, конечно, их синонимов), дополняющими друг друга до целого. Отрицание одного из таких антонимов дает значение другого, т. к. между ними нет ничего среднего: *не + здоровый* значит 'больной'.

Этот тип семантического отношения обнаруживается в таких противопоставлениях, как *верный — неверный, влажный — сухой, внутри — снаружи, война — мир, добровольный — принудительный, женатый — холостой, живой — мертвый, жизнь — смерть, занятый — свободный, здоровый — больной, зрячий — слепой, истинный — ложный, конечный — бесконечный, логичный — нелогичный, можно — нельзя, намеренно — случайно, одинаковый — разный, постоянный — временный, соблюдать — нарушать* и др. (ср. также производные от указанных слов: *верность — неверность, истинность — ложность, конечность — бесконечность, постоянно — временно, соблюдение — нарушение* и т. п.).

Выражение комплементарности предполагает классифицирующий, отграничительный, дизъюнктивный характер семантики антонимов: *болен — здоров, истина (правда) — ложь (неправда), верный — неверный*. В обиходных выражениях типа *Он не совсем здоров, Это не совсем верно* мы имеем дело с эвфемистическим, «смягченным» употреблением слов, истинный смысл которых — 'болен', 'неверно'.

3. Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков. Это — векторная противоположность антонимов, основанная на логически противоположных понятиях.

Антонимы, обозначающие противоположную направленность лексических единиц, оставались долгое время за пределами лингвистического исследования. Все внимание лексикологов было сосредоточено на изучении противоположности качественных слов. Об этом свидетельствовали и сами определения антонимии: «Антонимы бывают только у слов, содержащих в своем значении указание на качество, и являются словами обязательно разных корней». Такое понимание антонимии приводило к необоснованному сужению объекта.

Векторная взаимоположная направленность слов — широко распространенное явление в лексике, охватывающее большое количество языковых единиц <...>.

Кроме глаголов, векторная противоположность представлена существительными, прилагательными, наречиями, предлогами: *в(о)сходить — заходить, светать — темнеть, теплеть — холодать; въезжать — выезжать, приближаться — удаляться, прилетать — улетать; завязывать — развязывать, замедлять — ускорять, исчезать — появляться, одеваться — раздеваться, увеличивать — уменьшать; бледнеть — краснеть, заболеть — выздоравливать, полнеть — худеть; полюбить — разлюбить, забывать — вспоминать, разрешать — запрещать; богатеть — беднеть, жениться (выходить замуж) — разводиться, обвинять — защищать, ругать — хвалить, производить — потреблять; восход — заход, заболевание — выздоровление, сборка — разборка, увеличение — уменьшение, сторонник — противник, фашист — антифашист, революция — контрреволюция; наступательный — оборонительный, государственный — антигосударственный, законный — противозаконный; вверх — вниз, вперед — назад, туда — оттуда, в — из, к — от, на — с и др.*

Возможна и другая семантическая систематизация антонимов — их распределение по основным темам (полям). С этой точки зрения можно выделить большие классы противоположных слов, которые

обозначают явления природы (подмораживать — оттаивать), физические качества и свойства предметов (легкий — тяжелый), количество, порядок, последовательность их расположения (много — мало, первый — последний), движение, перемещение, изменение положения в пространстве (подходить — отходить), различного рода конкретные действия (надевать — снимать), внешний вид и физические качества человека (широкоплечий — узкоплечий), изменение физического состояния (замерзать — согреваться), эмоции, чувства, волю, интеллект (радоваться — огорчаться, толковый — бестолковый), поведение и характер человека (замкнутый — общительный), явления социального порядка (коллективный — индивидуальный), этическую и эстетическую оценку (добро — зло, очаровательный — отвратительный) и мн. др.

Большой интерес представляет собой функционально-деривационная классификация антонимов. В отличие от словообразовательной эта систематизация основана на «глубинных» функциональных связях противоположных слов и не опирается на их формальное подобие. Такая классификация, разработка которой только начинается, даст возможность полнее представить систему антонимии, обратив внимание на такие связи противоположных слов, которые обычно остаются незамеченными.

Есть достаточное основание полагать, что большое разнообразие антонимических отношений можно свести к ограниченному числу исходных противопоставлений, таких, как *большой — маленький (малый)*, *хороший — плохой*, *начало — конец*, взаимная противопоставленность и взаимное дополнение противоположностей и некоторые другие. Так, нижеследующие пары антонимов (а это только отдельные иллюстрации!) объединяются тем, что являются различным языковым выражением одной и той же функции 'большой/маленький' (f 'большой/маленький'), примененной к различным словам-аргументам. (Функция — это соответствие $y = f(x)$ или $f(x) \Rightarrow y$ между переменными величинами. Каждому аргументу, т. е. независимому переменному x (словам *провод*, *мачта*), соответствует определенное значение зависимой переменной y — пары *длинный — короткий*, *высокий — низкий*, т. е. антонимы, которые употребляются в сочетании с этими словами.)

f 'большой / маленький'	(провод)	= длинный — короткий
	(мачта)	= высокая — низкая
	(скважина)	= глубокая — мелкая
	(проход)	= широкий — узкий
	(слой)	= толстый — тонкий
	(орех)	= крупный — мелкий
	(расстояние)	= далекое — близкое
	(срок)	= долгий — короткий
	(гиря)	= тяжелая — легкая
	(мороз)	= сильный — слабый

	(суп)	= густой — жидкий
	(бег)	= быстрый — медленный
	(голос)	= громкий — тихий
(товар)	= дорогой — дешевый	
(человек)	= богатый — бедный	
	и т. д.	

В каждом сочетании функция 'большой/маленький' конкретизируется в зависимости от того или иного слова-аргумента: {по протяженности вдоль} (*провод*) = *длинный* — *короткий*, {по протяженности вдоль снизу вверх} (*мачта*) = *высокая* — *низкая*, {по протяженности вдоль сверху вниз} (*сквалсиши*) = *глубокая-мелкая*, {по протяженности поперек} (*проход*) = *широкий* — *узкий*, {по протяженности в поперечнике в вертикальном направлении или снаружи — внутрь / изнутри — наружу} (*слой*) = *толстый* — *тонкий*, {по объему} (*орех*) = *крупный* — *мелкий*, {по отдаленности} (*расстояние*) = *далекое* — *близкое*, {по протяженности во времени} (*срок*) = *долгий* — *короткий*, {по весу} (*гиря*) = *тяжелая* — *легкая*, {по температуре} (*мороз*) = *сильный* — *слабый*; такая конкретизация становится особенно необходимой в последующих примерах: {по насыщенности чем-либо} (*суп*) = *густой* — *жидкий*, {по скорости} (*бег*) = *быстрый* — *медленный*, {по силе звучания} (*голос*) = *громкий* — *тихий*, {по цене} (*товар*) = *дорогой* — *дешевый*, {по имуществу, достатку} (*человек*) = *богатый* — *бедный* и т. д.

Подобным же образом в один ряд могут быть объединены такие разные противоположности, как *рождение* — *смерть*, *открытие* — *закрытие*, *старт* — *финиш*, *утро* — *вечер*, *исток* — *устье*, *увертюра* — *финал* и т. д. как различные обозначения начала и конца жизни, конференции, забега, дня, реки, музыкального произведения и т. п.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

С. 108–111.

7.1. Теорема об антонимии

Если отношения между множествами сводятся к оппозициям четырех типов, то оппозиции между элементами множеств могут быть только двух типов — нулевые или дизъюнктивные, так как элементы бывают или одинаковые или разные. Частным случаем разных элементов являются контрарные, или противоположные, элементы, когда один из них выступает как отрицание другого, например: *металлы* — *неметаллы*, *глухость* — *звонкость*. Назовем такое отношение между элементами антонимичной оппозицией. Таким образом, внутри дизъюнктивных отношений следует различать собственно дизъюнктивные и антонимичные, существующие лишь в определенных условиях, а именно, при наличии привативной оппозиции. К рассмотрению этих условий мы теперь и переходим.

Множество может быть задано либо перечислением элементов (например, «множество морфем 0-, -а, -у, -ом, -е»), либо описанием (например, «множество падежных окончаний существительного мужского рода с основой на твердый согласный в единственном числе»).

Аксиома. Если множество задано описанием, то среди элементов этого множества есть такие, которым можно приписать имя самого множества.

Так, используя приведенный выше пример, можно утверждать, что элемент *-ом* есть «падежное окончание существительного мужского рода с основой на твердый согласный в единственном числе».

Множество «глухих фонем» в русском языке состоит из следующих элементов: *к, т, п...* Элемент этого множества *к* — «глухая фонема».

В лексике частным случаем такой ситуации является употребление родового имени вместо видового, например: *яблоки, груши, айва* образуют множество *плоды*; *яблоки* — *плоды*.

Синонимический ряд есть множество элементов (в данном случае слов), которому приписывается имя лидирующего слова, или доминанты (см. любой синонимический словарь). Доминанта входит в число элементов этого множества.

Приведенные примеры представляют собой относительно простые случаи, когда любому элементу можно приписать имя множества. Более сложно обстоит дело с определением слова в словаре: в этом случае уже не каждому элементу, составляющему данное множество (т. е. само определение — как «перечисление» компонентов), можно приписать его имя (т. е. определяемое слово — как «описание» указанного «перечисления»). Так, для приводившегося выше (см. стр. 106) слова *мечта* допустимы равенства *воображение* = *мечта*; *желание, стремление* = *мечта*, но *предмет* ≠ *мечта*, *нечто* ≠ *мечта* и т. д. Другой пример: *ксендз* — польский католический священник; *священник* = *ксендз*, но компоненты *польский* и *католический* не могут быть приравнены к имени множества.

Теорема. Если два множества находятся в привативной оппозиции, то среди оппозиций, которые образуют их элементы, обязательно есть антонимичные, но обратное неверно.

Доказательство. Пусть оппозиция *О* — *В* привативна в пользу *О*: $O = \{o, 01\}$, $B = \{o, 01, b, \&1, bд\}$. Привативную оппозицию множеств можно разложить на следующие простые оппозиции со стороны множества *О*:

$O — O$ (множество O противопоставлено множеству O); это случай нулевой оппозиции, который был рассмотрен выше.

$O — (B — O) = O \sim O$ (множество b противопоставлено дополнению O до B). I

Дополнение множества всегда есть его отрицание, поскольку дополнение к O уже не есть O , т. е. $O = \text{не-}O$. Следовательно, $O \sim O = O \sim \text{не-}O$, $O = \{o, o_1\}$; соответственно $B — O = \{b, b_1, b_2\}$. Но $B — O = \text{не-}O$, значит $\text{не-}O = \{b, b_1, b_2\}$. Согласно аксиоме, $\text{не-}O = \{b, \text{не-}o, b_2\}$. Элементы множеств O и $B — O$ образуют следующие оппозиции: $o \sim b$, $o \sim \text{не-}o$, $o \sim b_2$, $o_1 \sim b$, $o_1 \sim \text{не-}o$, $o_1 \sim b_2$. Среди этих оппозиций есть антонимичная: $o — \text{не-}o$. Что и требовалось доказать.

Следствие 1. Согласно теореме, антонимичные отношения — это отношения зависимые, вторичные, индуцированные. Они появляются в условиях привативной оппозиции двух множеств.

Антонимичные отношения в поле по своей природе ближе к контрарным логическим отношениям, чем к собственно лексическим антонимам, но в основе их все же лежит общелексическая антонимия. Интерпретируем привативную оппозицию $O — B$ следующим образом. Пусть $B — \text{конечность}$ (человеческого тела), $O — \text{рука}$, $B — O = \text{не-}O — \text{нога}$. Рука и нога находятся в антонимичном отношении.

Следствие 2. Антонимичная оппозиция шире понятия антонимии.

В общенациональном языке слова *рука* и *нога* не являются антонимами. В семантическом поле они ими становятся, так как включаются в одно и то же множество, носящее родовое наименование (суперординату). Родовое имя в этом случае задает фон, или пределы, в которых сравниваются значения (или слова, или компоненты — в данном случае безразлично). То, что значения слов могут образовать антонимичную оппозицию на основе противопоставления своих компонентов, покажем на следующем примере. В поле, построенном для слова *голова* (в значении «часть тела»), антонимом к нему будет слово *ноги*. Противопоставленность обусловлена общелексической антонимией компонентов: *голова* — то, что находится сверху, *ноги* — то, что находится внизу.

Следствие 3. Поскольку антонимы в лексике находятся в отношении исключающей дизъюнкции (*свет* не может быть одновременно *тьмой*, а *хорошее* — в то же время *плохим*), то выявление антонимичных оппозиций в семантическом поле есть процесс превращения неисключающей дизъюнкции в исключающую. Этот процесс осуществляется путем включения двух (или больше) значений, при условии их противопоставленности имени поля, в одно родовое имя, путем установления границ самого противопоставления. Поэтому можно сказать, что поле индуцирует антонимы.

Так, если *свет* означает отсутствие *тьмы*, т. е. *свет* исключает *тьму* то слово *рука* не означает отсутствия *ноги*, т. е. *рука* не исключает *ногу*. Но когда мы строим поле для слова *рука* и при этом задана суперордината, ограничивающая пределы сравнения (в данном случае — *тело*), соотношение *рука* — *нога* становится исключающим.

Итак, антонимы в поле, так же как и общелексические антонимы, не просто отрицают друг друга, а предполагают нечто общее, на основании чего их можно сравнивать. В поле этим общим должно быть родовое по отношению к ядру наименование, суперордината. Это положение не следует понимать таким образом, будто все гипонимы, относящиеся к одной суперординате (виды внутри рода), находятся в антонимичном отношении друг к другу (ср. строку 10 в табл. 2, где антонимия гипонимов выступает как частный случай противопоставленности видов). На самом деле оппозиции гипонимов принадлежат потенциальной сфере антонимии (см. схему на стр. 112). Реальными антонимами они могут стать лишь в том случае, если один из них будет именем поля. Так, если бы мы строили поле *жилище*, то перед нами не должно возникать вопроса о том, что является антонимом *дома* в н у т р и этого поля. Антоним подбирается к имени поля, а не к каждому слову, входящему в его состав. Значит, в данном поле просто не будет антонимов, поскольку нет суперординаты к имени поля. Таким образом, проблема состоит не в выборе антонима, а в выборе самого имени поля.

В. А. Иванова. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.

С. 5-23

О критериях антонимичности

Вопрос о критериях антонимичности был поставлен уже в первых работах, посвященных антонимии. Исследователи пытались освободиться от чисто логического подхода к этому явлению и дать ему лингвистическое истолкование. Нужно было также отойти от мысли, что любое противопоставление является семантически релевантным для антонимов. Избранный путь оказался плодотворным, и к настоящему времени накоплен достаточно богатый материал, который позволяет охарактеризовать

парадигматические и синтагматические свойства антонимов. Так, бесспорными признаками слов-антонимов, образующих антонимический ряд (далее АР), являются: 1. лексико-семантические: а) отнесенность к одной лексико-семантической группе («принадлежность к одной и той же категории объективной действительности»); б) наличие противоположной семантики (признак, отраженный в большинстве определений антонимов); 2. грамматические: а) принадлежность к одной части речи; б) одинаковая лексическая сочетаемость; в) замкнутая структура; 3. функциональные: а) одинаковая стилистическая окраска; б) регулярная совместная воспроизводимость в речи.

Вскрытые особенности слов-антонимов не являются одно-порядковыми: одни из них представляют антонимы как классы слов, обладающих специфической семантикой и особым словоупотреблением (принадлежность к одной части речи, отнесенность к одной лексико-семантической группе, образование определенной структуры, способность совместной встречаемости), вторые — «аттестуют» антонимы как отдельные слова, наделенные индивидуальной семантикой, особой сочетаемостью, свойственной только этому слову стилистической окрашенностью, только ему присущей частотой употребления. А. А. Уфимцева вторые признаки называет эмпирическими, передающими конкретное лексическое значение словам.

В качестве основной единицы исследования в работе избирается АР, который, как уже отмечалось, характеризуется особыми признаками, отличающими эту единицу от отдельных слов-антонимов.

АР как языковая единица семасиологического уровня обладает свойствами парадигматического, синтагматического и функционального планов, и критерии антонимичности поэтому надлежит устанавливать, исходя из перечисленных характеристик АР.

Парадигматические свойства антонимов

В парадигматическом плане главным признаком антонимов является противоположность семантики. Этот признак всегда выступал как наиболее четко осознаваемый, наиболее очевидный, именно он являлся исходным при определении антонимов в учебной литературе 50-х гг.

В более поздних дефинициях заметна тенденция не ограничиваться только указанием на противоположность значения, а, как правило, отмечать и другие признаки антонимов. Вызвано это было тем, что возникли трудности в понимании и истолковании слов *противоположный*, *противоположность*, употребляемых в качестве терминов в логике.

Некоторые ученые пытались для определения антонимов использовать и другие семантически близкие слова: *противопоставленный*, *контрастный*, *контрастирующий*, *полярный*. Однако термин *противоположный* от этого не становился более понятным, поскольку семантика перечисленных слов в толковых словарях объяснялась в свою очередь через слово *противоположный*. Например, *полярный* — 'совершенно противоположный', (СРЯ, Ш), *контрастный* — 'составляющий контраст, являющийся контрастом, резко противоположный' (СРЯ, II). Само слово *противоположный* — 'совершенно несходный с другим, противоречащий другому' (СРЯ, III). Но именно в данном значении оно используется как термин, и поэтому требует отграничения от явлений противопоставления, несходства, контраста, полярности, отрицания.

Итак, чтобы понятия *противоположное значение*, *противоположность* адекватно отражали семантику антонимов и служили средством для их опознавания, необходимо вложить в них строго терминованный смысл, семантически ограничить.

Такое ограничение мы и наблюдаем в ряде определений антонимов, где содержится указание на соотносительные противоположные значения. <...>

Отношения комплементарности в приложении к антонимам следует понимать как взаимодополняемость, взаимозависимость, а также и взаимоисключаемость компонентов, образующих АР. Эти свойства очень ярко проявляются в семантике антонимов, которые противопоставлены друг другу «по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку». Именно такая противопоставленность семантики наделяет антонимы свойством взаимоисключаемости.

Задача исследователя состоит в том, чтобы обнаружить это «самый общий и существенный» для значения антонимов семантический признак, которым различаются слова, находящиеся в отношениях комплементарности. Единственным объективным свидетельством здесь выступают словарные формулировки значений слов, даваемые в толковых словарях. Сравнительное изучение словарных формулировок значений слова антонимов дает право с полной уверенностью говорить о

взаимозависимости и взаимодополняемости семантики антонимов. Как правило, словарные формулировки слов-антонимов симметричны, различаясь только одним компонентом, обозначенным либо антонимами, либо формальными средствами, создающими антонимию (главным образом приставками **не-** и **без-**).

Назовем наиболее типичные словарные формулировки, э плитивно представляющие антонимию.

По распространенности на первое место выдвигается тип, толкования, состоящий из отрицательной частицы **не-**, причастия и производящего или производного слова от описываемого антонима: *невнимательный* — 'не проявляющий внимания' (СРЯ, И) и *внимательный* — 'проявляющий внимание' (СРЯ, I); *выгодный* — 'содержащий в себе выгоду' (СРЯ, I) *невыгодный* — 'не содержащий в себе выгоды' (СРЯ, II); *терпеливый* — 'обладающий терпением' (СРЯ, IV) и *нетерпеливый* — 'не обладающий терпением' (СРЯ, II), *ласковый* — 'проявляющий ласку' (СРЯ, II) и *неласковый* — 'не проявляющий ласки' (СРЯ, II); *интересный* — 'возбуждающий интерес' (СРЯ I) и *неинтересный* — 'не возбуждающий интереса' (СРЯ, II).

Если один из антонимов — непроизводное слово, то он описывается через однокоренное слово последующей (т. е. высокой) ступени: *совершенный* — 'обладающий совершенством' (СРЯ, IV) и *несовершенный* — 'не достигший совершенства' (СРЯ, II); такой способ подачи значения слова характерен для негативных форм прилагательных, их же производящие основы толкуются через синонимы или через семантически близкие слова. Например, *благодарный* — 'чувству признательность' (СРЯ, I) и *неблагодарный* — 'не чув стий и не проявляющий благодарности' (СРЯ, II); *сходный* — 'имеющий общие или подобные черты' (СРЯ, IV) и *несходный* — 'не имеющий сходства с кем-, чем-л.' (СРЯ, II); *справедливый* — 'действующий беспристрастно, в соответствии с истиной' (СРЯ, IV) и *несправедливый* — 'поступающий вопреки справедливости' (СРЯ, II).

Симметричность словарных формулировок может нарушаться наличием семантической надбавки в толковании значения одного из АР. Например: *безгрешный* — 'не совершивший, греха, проступка' (СРЯ, I) и *грешный* — 'совершивший много грехов' (СРЯ, I); *опытный* — 'обладающий опытом, знаниями' (СРЯ, И) и *неопытный* — 'не обладающий достаточным опытом, знаниями' (СРЯ, II). Семантическая надбавка при этом не должна придавать слову усиленную степень качества, иначе произойдет утрата семантической соотносительности по противоположности.

Производные слова в толкованиях могут быть заменены семантически близкими словами или синонимами: *аккуратный*— 'соблюдающий порядок, точность' (СРЯ, I) и *неаккуратный* — 'не соблюдающий порядка, точности' (СРЯ, И); *богатый* — 'обладающий большим имуществом' (СРЯ, I) и *небогатый* — 'не обладающий большим богатством' (СРЯ, II); *верный* — 'соответствующий истине, действительности' (СРЯ, I) и *неверный* — 'не соответствующий истине, действительности' (СРЯ, II). Симметричность толкований здесь в целом соблюдена, что свидетельствует о семантической соотносительности.

Второй тип толкований характерен также преимущественно для однокорневых антонимов. Он содержит причастие *лишенный* для отрицательных прилагательных и *обладающий* для прилагательных без отрицательных префиксов плюс однокоренное существительное. Слово *лишенный* в этом случае эквивалентно оборотам «не имеющий чего-л.», «не обладающий чем-л.», участвовавшим в формировании словарных толкований первого типа. Примеры: *логичный* — 'согласующийся с законами логики' (СРЯ, II) и *нелогичный* — 'лишенный логики' (СРЯ, И); *правдоподобный* — 'похожий на правду' (СРЯ, III) и *неправдоподобный* — 'лишенный правдоподобия' (СРЯ, II); *благородный* — 'обладающий высокими нравственными качествами' (СРЯ, I), *неблагородный* — 'лишенный благородства' (СРЯ, II); *способный* — 'обладающий какой-л. способностью' (СРЯ, IV) и *неспособный* — 'лишенный способностей' (СРЯ, II). В последних двух примерах в качестве однокоренных слов выступают существительные более высокой ступени словообразования. Такой способ толкования особенно характерен для слов с приставкой **не-**.

Третий тип параллельных толкований (также преимущественно для однокорневых антонимов) представлен в следующих стереотипных формулировках: а) для слов с **не-**: 'такой, который нельзя (трудно, не может быть), + глагол (являющийся либо производящим для образуемого прилагательного, либо синонимом к нему, либо семантически близким); для слов без **не-** сохраняется та же формулировка, но с заменой *нельзя, трудно, не может быть* на антонимичные *можно, легко*: *незаметный* — 'такой, который трудно, невозможно заметить, увидеть' (СРЯ, II) и *заметный* — 'такой, который можно заметить, увидеть' (СРЯ, I); *ненадежный* — 'такой, на которого нельзя положиться, кому нельзя доверять' (СРЯ, II) и *надежный* — 'такой, на которого можно положиться, внушающий полное доверие' (СРЯ, II), *недоступный* — 'такой, к которому или по которому нельзя пройти, проехать'

(СРЯ, II) и *доступный* — 'такой, к которому или по которому можно пройти' (СРЯ, I); б) для слов с префиксом **не-**: 'такой, который **не-**' + глагол; для слов без префикса конструкция имеет утвердительный характер *неизвестный* — 'такой, о котором или которого не знают' (СРЯ II) и *известный* — 'такой, о котором или которого знают' (СРЯ, I).

Указанный тип толкования более свойствен словам с префиксом **не-**, их антонимы могут получать словарную формулировку значения не в идентичной форме, однако и в этом случае семантическая соотносительность не нарушается. Например: *негодный* — 'такой, который нельзя употребить на что-л.' (СРЯ, II) и *годный* — 'могущий быть употребленным на что-л.' (СРЯ, I); *незавидный* — 'такой, которому нельзя позавидовать' (СРЯ, II) и *завидный* — 'являющийся предметом зависти' (СРЯ, I).

Четвертый тип составят такие толкования, где в качестве семантической точки отсчета избирается один антоним (в однокоренных им будет слово без **не-** и **без-**), который и описывается через синонимы или семантически близкие слова, а противоположное ему слово (с отрицательными префиксами **не-** и **без-**) получает словарную формулировку, содержащую слово *отсутствие* + антоним. Например: *внимание* — 'забота; расположение, благосклонность' (СРЯ, I) и *невнимание* — 'отсутствие внимания' (СРЯ, II); *выгода* — 'польза, прибыль, доход' (СРЯ, I) и *невыгода* — 'отсутствие выгоды' (СРЯ, II); *дело* — 'труд, работа, занятие' (СРЯ, I) и *безделье* — 'отсутствие дел, занятия' (СРЯ, I); *нравственность* — 'моральные качества человека' (СРЯ, II) и *безнравственность* — 'отсутствие нравственных принципов' (СРЯ, I).

Семантический параллелизм словарных формулировок здесь реализуется: слово *наличие* (противоположное существительному *отсутствие*) имплицитно содержится в приводимых толкованиях, что подтверждается примерами употребления такого рода АР: «Никто не знал тогда и никто не поверил бы, что все невыгоды этой пагубной дружбы Чехов взвалил на себя, а все выгоды предоставил Суворину» (Чуковский. Чехов); «Видел богатство и нищету, болезнь и войну, и утрату близких, и тюрьму, и любовь, и падение, и веру, и безверие» (Куприн. Искушение). Здесь достаточно явно семантику данных противопоставлений можно объяснить через конструктивные компоненты содержания этих слов, обозначенных через *наличие* — *отсутствие* (наличие выгоды, веры и отсутствие выгоды, веры).

Гораздо труднее обнаружить «метаязык», используемый для толкования разнокорневых антонимов, однако и здесь имеет своя система словарных формулировок.

Первую группу соотносительных толкований разнокорневых антонимов образуют те, которые в своих словарных формулировках содержат антонимы. Например: *длинный* — 'имеющий большую длину' (СРЯ, I) и *короткий* — 'небольшой, малый по длине' (СРЯ, II); *высокий* — 'имеющий большое протяжение' (СРЯ, I) и *низкий* — 'имеющий небольшое протяжение снизу вверх' (СРЯ, II); *горячий* — 'имеющий высокую температуру' (СРЯ, I) и *холодный* — 'имеющий низкую температуру' (СРЯ, IV); *сильный* — 'отличающийся большой физической силой' (СРЯ, IV) и *слабый* — 'отличающийся малой физической силой' (СРЯ, IV).

Обычно так толкуются прилагательные, но и существительные тоже могут быть описаны с использованием антонимов. Например: *будни* — 'не праздничный, рабочий день' (СРЯ, I) и *праздники* — 'общий нерабочий день' (СРЯ, III); *добро* — 'все положительное, хорошее' (СРЯ, I) и *зло* — 'все дурное, плохое, вредное' (СРЯ, I).

Распространенным способом описания значения разнокорневых антонимов является такой (характерный и для однокорневых антонимов), при котором содержание слов-антонимов передается через однокоренные слова, тоже являющиеся между собой антонимами. По отношению к описываемому слову эти антонимы могут быть либо его производящим (наиболее удачный прием), либо словами более низкой или более высокой ступеней образования, либо параллельно образованными. Этот способ толкования свойствен для прилагательных и существительных, глаголов и наречий, для производных и непроизводных слов. Например: *правдивый* — 'любящий правду, склонный говорить правду' (СРЯ, III) и *лживый* — 'склонный ко лжи, говорящий ложь' (СРЯ, II); *веселый* — 'полный веселья, жизнерадостный' (СРЯ, I) и *грустный* — 'испытывающий чувство грусти; печальный, унылый' (СРЯ, I); *верхний* — 'находящийся, расположенный сверху, сверху' (СРЯ, I) и *нижний* — 'находящийся, расположенный внизу' (СРЯ, II); *верх* — 'верхняя часть' (СРЯ, I) и *низ* — 'нижняя часть чего-л.' (СРЯ, II); *враг* — 'тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л.' (СРЯ, I) и *друг* — 'тот, кто связан с кем-л. дружбой' (СРЯ, I); *вверх* — 'по направлению кверху' (СРЯ, I) и *вниз* — 'по направлению к низу' (СРЯ, I); *утром* — 'в утреннее время' (СРЯ, IV) и *вечером* — 'в вечернее время' (СРЯ, I).

Для толкования значений разнокорневых антонимов принят и такой способ (встречающийся и при истолковании однокорневых антонимов), когда один из членов АР выступает семантической точкой отсчета: этот член АР снабжается словарной формулировкой, а его антоним описывается через это слово или его производные. Так, например, значения антонимов, образующих АР *ум* — *глупость*, *умный* — *глупый*, *умный* — *неумный*, все описываются с участием слова *ум* и его производных, само же слово *ум* характеризуется через другие понятия. *ум* — 'познавательная и мыслительная способность человека' (СРЯ, IV); *глупость* — 'свойство по прил. *глупый*' (СРЯ, I); *умный* — 'обладающий здравым умом, выражающий ум, порожденный умом, свидетельствующий о рассудительности, разумности' (СРЯ, IV) и *глупый* — 'умственно ограниченный, тупой, неумный, выражающий умственную ограниченность, отсутствие ума, лишенный разумного содержания, не обнаруживающий ума' (СРЯ, I).

АР *талант* — *бездарность*, *талантливый* — *бездарный* состоят из антонимов, семантика которых описывается через слово *талант*: *бездарность* — 'отсутствие таланта, одаренности' (СРЯ, I), *бездарный* — 'лишенный таланта, одаренности' (СРЯ, I); *талантливый* — 'обладающий талантом, творчески одаренный; свойственный таланту' (СРЯ, IV)

Для АР *абсолютный* — *относительный* семантической точкой отсчета избирается прилагательное *относительный*, которое описывается как 'устанавливаемый в сравнении, в сопоставлении с чем-л.'. (СРЯ, II), а значение его антонима *абсолютный* раскрывается уже на базе этого слова — 'безотносительный, взятый вне связи, вне сравнения с чем-л.'. (СРЯ, I)

Для разнокорневых (и однокорневых) антонимов используется и синонимический способ их толкования, который тоже исходит из симметричности семантики слов-антонимов, что доказывается наличием антонимов в словарных формулировках. Так, слово *активный* объясняется через синонимы 'деятельный, энергичный' (СРЯ, I), а его антоним *пассивный* — через антонимы к прилагательным, описывающим семантику слова *активный* — 'бездеятельный, неэнергичный' (СРЯ, III), слово *бездеятельный* в свою очередь является и синонимом слова *пассивный* (СС, II). Прилагательное *деликатный* описывает как 'вежливый, предупредительный, мягкий в обращении' (СРЯ, I), где два первых слова являются синонимами (СС, I) антоним *неделикатный* имеет словарную формулировку 'невежливый, грубоватый в обращении, нетактичный' (СРЯ, II). Антонимичность слов *деликатный* и *неделикатный* подчеркивается наличием антонимов в их словарных формулировках. *Вежливый* толкуется как 'учтивый, предупредительный, обходительный' (СРЯ, I), а *невежливый* — 'нарушающий правила приличия, неуучивый, грубый' (СРЯ, II); в первом прилагательном толкуемое и толкующие слова являются синонимами (СС, I) а толкующие слова обоих прилагательных *учтивый* и *неуучивый* противоположны по значению.

Рассмотренные типы словарных формулировок антонимов наглядно показывают их симметричность, параллельность, что несомненно свидетельствует о их семантической соотносительности.

Однако было бы преждевременным делать вывод о том, что все антонимы имеют симметричные толкования и что установление этих толкований даст однозначный ответ об антонимичности/неантонимичности слов. Обнаруживается достаточное количество пар, которые «не вписываются» в систему симметричных толкований и для которых вопрос об антонимичности/неантонимичности решается в результате проведения ряда дополнительных операций семантического порядка.

Так, например, в предложении «Но милая эта особа не только не выказывала ни малейшего уныния, но, напротив, с беззаветной бодростью глядела в глаза опасности» (Салтыков-Щедрин. Современная идиллия) слова *бодрость* и *уныние* противопоставляются друг другу, но не являются антонимами, поскольку в их значениях отсутствует семантическая соотносительность. *Бодрость* — 'бодрое физическое и нравственное состояние' (СРЯ, I), а *уныние* — 'мрачное, подавленное состояние//гнетущая скука, тоска' (СРЯ, IV). Значения этих слов семантически несоотносительны, так как *бодрость*, кроме нравственного состояния, характеризует еще и физическое, чего нет в слове *уныние*, но последнее в свою очередь указывает на крайнюю степень упадка духа, тогда как *бодрость* представляет нравственное состояние без усиления качества. Следовательно, в строгом смысле слова семантика этих слов не может быть отнесена к противоположной.

Слово *товарищ* встречается в тексте в противопоставлении слову *враг*: «Все рабочие — наши товарищи, все богатые, все правительства — наши враги» (Горький. Мать). Но можно ли считать это противопоставление устойчивым и включать его в число антонимов? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно сравнить семантику слов и выяснить, соотносительна ли она. Такое сравнение показывает, что семантика слова *товарищ* сложнее, поскольку она указывает не только на отношения, построенные на

дружбе, но предполагает и 'общность взглядов, деятельности, условий жизни и т. п.'. Именно этих компонентов нет в семантике слова *друг* и в противоположном ему слове *враг*, поэтому *товарищ* и *враг* семантически несоотносительны и не находятся в отношениях комплементарности. То же можно сказать и о противопоставлении *приятель* — *враг* и др..

Сравнивая толкования слов *большой* — *маленький*, *громкий* — *тихий*, *ругать* — *хвалить*, *смеяться* — *плакать*, мы обнаружим соотносительность их семантики и тем самым констатируем антонимичность. Если же в этих парах один член заменить другим, усилив при этом степень его качества или действия, то сохранится ли антонимичность? В полученных рядах *маленький* — *огромный*, *тихий* — *оглушительный*, *хвалить* — *поносить*, *смеяться* — *рыдать*, *плакать* — *хохотать* противопоставленность значений есть (САЛ), но являются ли они антонимами? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сличить словарные дефиниции этих слов и установить, взаимозависимы ли они. *Маленький* — 'незначительный по величине, размерам' (СРЯ, П), *огромный* — 'очень большой по своим размерам, величине; громадный' (СРЯ, П) *тихий* — 'звучащий не сильно, еле слышный или неслышный, бесшумный' (СРЯ, IV), *оглушительный* — 'очень громкий, способный оглушить' (СРЯ, П); *хвалить* — 'высказывать одобрение кому-л., чему-л., чьим-л. достоинствам, заслугам и т. п.' (СРЯ, IV), *поносить* — 'сильно ругать, бранить' (СРЯ, Ш); *смеяться* — 'издавать смех' (СРЯ, IV) и *рыдать* — 'громко плакать, судорожно всхлипывая' (СРЯ, Ш). Вторые члены этих пар имеют дополнительный компонент, выраженный наречиями *очень*, *сильно*, *громко*, усиливающими степень качества или действия и тем самым нарушающими семантическую равновеликость ряда по противоположности. Лишенные семантической соотносительности, они не могут считаться антонимами.

Мы рассмотрели случаи, когда отсутствует соотносительность значений из-за наличия добавочных смысловых приращений в семантике одного из членов. Но сохранится ли антонимичность слов, если дополнительные семантические компоненты будут характерны для обоих членов противопоставлений. Речь идет о противопоставлениях типа *гигантский* — *крошечный*, *огромный* — *крошечный*, *великолепный* — *отвратительный*, *отличный* — *отвратительный*, *великан* — *лилипут*, *бессильный* — *всемогущий*, *допотопный* — *современный*, *вонючий* — *благоуханный*, *восхищение* — *отвращение* и т. п. Сопоставляя толкования приведенных пар слов, мы в ряде случаев можем констатировать симметричность противоположных смыслов. Например *гигантский* — 'необычайно больших размеров' (СРЯ, I), *крошечный* — 'совсем маленький, (СРЯ, П), *отличный* — 'очень хороший, превосходный' (СРЯ, П) и *отвратительный* 'очень плохой, скверный, гадкий' (СРЯ, П), *великан* — 'человек очень большого, превышающего обычную меру роста (СРЯ, I) и *лилипут* — 'человек ненормально маленького роста' (СРЯ, П) и т. п. В этих случаях говорить о соотносительности противоположных слов нельзя, так как они не отвечают принципу комплементарности, поскольку соотносятся не друг другом, не взаимозависимы, как того требует принцип комплиментарности, а каждое из них соотносится со своим нейтральным синонимом: *гигантский* соотносится с прилагательным *большой*, а *крошечный* с прилагательным *маленький*, *великолепный*, *отличный* зависимы от слова *хороший*, а *отвратительный* от *плохой*. Эта зависимость от нейтральных синонимов особенно рельефно выступает в толкованиях слов, которые состоят обычно из нейтрального слова + наречие степени (*очень*, *весьма*, *совершенно*, *необычайно* и др.).

Рассматриваемые слова иллюстрируют отношения детерминации, «при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот». Слова *гигантский*, *огромный*, *громадный* зависят от слова *большой*, а оно от них не зависит, наличие первых предполагает присутствие в языке слов *большой*, наличие же последнего не детерминировано.

К словам, характеризующимся односторонними зависимостями (отношениями детерминации), применимо правило соизмеримости Е. Куриловича: «...чтобы форма была правильно интерпретирована, чтобы воспринимались ее существенные (релевантные) черты, она должна быть отнесена к соизмеримому окружению». Соизмеримость предполагает необходимость соблюдения иерархии звуков, форм, слов.

Правило соизмеримости «подходит» и к словам с двусторонними зависимостями (отношениями комплементарности) слово *хороший* существует потому, что есть слово *плохой*, *плохой* — потому, что есть слово *хороший*; *близкий* соизмерим с *далеким*, *высокий* с *низким*, *широкий* с *узким* и наоборот *далеким* предполагает существование *близкий*, *низкий* — 'высокий' ит.д.

Соизмеримость в антонимии эксплицитно выступает там, где антонимы толкуются один через другой + отрицание, выражаемое обычно частицей *не*, предлогом *без* или словом *отсутствие*: *сухой* — 'не мокрый, не сырой' (СРЯ, IV); *молчать* — *ничего не говорить*' (СРЯ, П); *безопасность* — 'отсутствие

пасности' (СРЯ, I); *беспорядок* — 'отсутствие или нарушение. ордера' (СРЯ, I) *неравенство* — 'отсутствие равенства' (СРЯ, II).

Такой способ толкования совершенно исключается для слов отношениями детерминации, поскольку соизмеримость здесь действует» только в одну сторону — в сторону нейтрального синонима (см. толкования слов *гигантский*, *отличный*, *крошечный* и других, приведенные выше). <...>

Таким образом, парадигматическим показателем антонимичности следует считать соотносительность семантики слов, образующих АР, объективным свидетельством которой выступают словарные формулировки предметно-логической части значений слов-антонимов в толковых словарях. Поэтому в качестве критерия антонимичности на парадигматическом уровне выдвигается признак семантической соотносительности, взаимозависимости, основывающийся на отношениях комплементарности.

Синтагматические свойства антонимов

К синтагматическому уровню антонимов относится: 1) сочетаемость антонимов, 2) модели синтаксических конструкций, в которых употребляются антонимы.

Исследователи обращали внимание на одинаковую лексическую сочетаемость антонимов (САВ, с. 19) и этот признак включали в число обязательных показателей антонимичности. В. Н. Комиссаров, например, писал: «Слова-антонимы обладают в общем одинаковой сферой лексической сочетаемости, т.е. сочетаются с одним и тем же кругом слов».

Так, если в ряде своих значений (или во всех значениях) слово антонимично другому, то можно предполагать и общность их лексической сочетаемости. Например, АР *высокий*— *низкий* развивает антонимичность в пяти значениях, в которых констатируется и одинаковая лексическая сочетаемость: *высокий* — *низкий* (берег, лоб, дом, цена, температура, голос).

В тех же значениях, в которых эти прилагательные неантонимичны, они будут обладать и несовпадающей лексической сочетаемостью. Так, прилагательное *высокий* в смысле 'выдающийся по значению, почетный, важный' (СРЯ, I) не имеет соотносительного значения в слове *низкий*, и естественно, что в этом смысле слово *высокий* будет иметь индивидуальную сочетаемость (высокая честь, высокое звание, высокое назначение, высокий гость и т. п.); в свою очередь, у прилагательного *низкий* в значении 'бесчестный, подлый' (СРЯ, II) также нет соотносительного значения с прилагательным *высокий*, и в этом значении оно имеет особую сочетаемость (низкий обман, низкий поступок и т. п.).

Для подтверждения можно привести и мнение Л. А. Введенской, что «полное совпадение лексической сочетаемости характерно только для антонимов, не имеющих синонимичных пар и не являющихся многозначными».

Несовпадение лексической валентности многозначных антонимов — факт неоспоримый, ибо известно, что «каждое слово имеет свой, отличный от других единиц дистрибутивный рисунок, свою сферу «сочетательных» слов». Более того, противоположные слова даже в антонимичных значениях могут иметь свою индивидуальную сочетаемость, на что обращали внимание и другие исследователи.

Исходя из этого, можно предположить, что в АР как самостоятельной единице различные характеристики лексической сочетаемости его составных компонентов должны быть нейтрализованы, что достигается индифферентностью АР к лексической сочетаемости. Так, антонимы-существительные, члены АР весьма редко в текстах сопровождаются определениями; нет, как правило, качественных наречий при глаголах, образующих АР.

Более сложна картина лексической сочетаемости у антонимов-прилагательных. В «чистом» виде, являясь членами АР они должны определять одно имя существительное, относиться к одному денотату. В речи же мы встречаемся с большим разнообразием употребления антонимов-прилагательных, что и затрудняет решение вопроса о лексической сочетаемости АР.

К синтагматическому уровню относится и анализ моделей синтаксических конструкций, в которых реализуются АР в текстах. На связь АР с определенными синтаксическими конструкциями применительно к английскому языку впервые обратил внимание В. Н. Комиссаров, выделивший пять антонимичных контекстов. Л. А. Введенская для русского языка отметила три синтаксические конструкции типичные для АР, указав при этом, что они не являются специально предназначенными для антонимов, так как в них могут встречаться и неантонимы (САВ, с. 24).

Наиболее глубоко этот синтагматический уровень антонимов исследован Л. А. Новиковым. Он проанализировал структурные типы оппозиций противоположности в лексике на материале типовых предложений, в которых обычно встречаются антонимы. Анализ таких оппозиций (контекстов) дает

весьма важную информацию о закономерностях употребления антонимов в речи, поскольку «именно в них осуществляется регулярное противопоставление антонимичных слов».

Однако следует сказать, что наличие или отсутствие антонимов в этих оппозициях не может выступать в качестве критерия антонимичности, поскольку «...эти оппозиции (конструкции, контексты и т. п.) свойственны не только словам с противоположными значениями, но и другим категориям слов».

И тем не менее учет синтаксических конструкций, в которых регулярно противопоставляются антонимы, чрезвычайно существен, ибо и этот показатель может стать дифференцирующим, когда речь идет об установлении антонимичности. Так, экспрессивные синонимы не могут образовать синтаксическую конструкцию, где бы А1 и А2 были соединены союзом *и* и соотнесены с одним денотатом. Невозможны (или чрезвычайно редки) фразы: *знойный и студёный... привлекательный и отвратительный... гигантский и карликовый...* Невозможность эта объясняется разной сочетаемостью этих слов, в конечном счете отсутствием денотата, с которым могли бы быть соотнесены данные определения (но:: высокие и низкие цены, далекие и близкие расстояния, глупые и умные люди, горячая и холодная вода, веселые и грустные лица, слабый и сильный характер, правильное и неправильное решение и т. д.).

Стилистическая характеристика антонимов

АР, состоящий из двух словесных знаков, естественно, должен иметь единую стилистическую окраску для обоих членов ряда. Требование стилистической однолинейности для АР М. И. Сидоренко формулирует так: «Слова, выражающие конкретные понятия, не являются антонимами, если они принадлежат разным стилям или различаются эмоционально-экспрессивной окраской».

Если для синонимов стилистическая окраска выступает одним из основных дифференциальных признаков, то для антонимов это интегрирующий признак в силу того, что последние, как правило, употребляются совместно и поэтому должны принадлежать к одному стилистическому уровню, чтобы сохранить единую стилистическую тональность текста.

Противоположные слова, относящиеся к разным стилям речи, не образуют АР, так как не могут систематически встречаться в одних и тех же антонимичных контекстах. Противопоставления *умный — дурацкий, забывчивость — памятьливость, похвала — хула, левша — правша, наладить — разладить, досюда — отсюда, вранье — правда, порожний — полный, безмянный — именитый, поститься — скоромничать, досуг — недосуг, болеть — здороветь, неудачник — удачник* и другие не развиваются в АР из-за разной стилистической окраски их членов.

Иногда слово в процессе развития приобретает стилистическую окраску (устаревает, становится просторечным и т. п.), и это приводит к нарушению стилистической однолинейности и является причиной разрушения ряда. Таких случаев много. Например: ряд *ведро — ненастье* состоит из семантически соотносительных слов: *ведро* — 'ясная, солнечная, сухая погода' (СРЯ, I), *ненастье* — 'дождливая, пасмурная погода' (СРЯ II). Этот ряд может быть иллюстрирован примерами из «Пословиц русского народа» Даля, в которых данные слова противопоставляются как в прямом, так и переносном значении (счастье с несчастьем — ведро с ненастьем: сегодня ведро, завтра ненастье; после ненастья ведро; на сердце ненастье, так и в ведро дождь). Однако в современном русском языке этот ряд находится на периферии языка и в совместном употреблении воспроизводится очень редко. Вызвано это тем, что *ведро* перешло в разряд устаревшей и просторечной лексики. Приобретено словом стилистической окраски отражает его перемещение в другие слои лексики, в результате чего и происходит разрыв регулярных связей по противоположности.

Глаголы *дозволить* и *запретить* имеют противоположную семантику 'позволить, разрешить' (СРЯ, I) и 'не разрешить делать что-л., воспретить' (СРЯ, I) и в XIX в. встречались в совместном употреблении. Например: «Твой вид задумчивый важный, Твой сладострастный разговор и то, что дозволяешь нежно, И то, что запрещаешь мне, Все впечатлелось неизбежно В моей сердечной глубине» (Пушкин. Как наше сердце своенравно!). В современном литературном языке эти два слова стилистически разошлись, так как первое получило помету «устарелое и просторечное», и в совместном употреблении они перестали встречаться.

Разная стилистическая окраска явилась причиной нарушения регулярных связей по противоположности в таких семантически соотносительных парах как *милый — постылый, радость — кручина, живот — смерть, здраванье — прощанье, возлюбить — возненавидеть, добрый — худой, дурнота — красота, браниться — мириться, скупой — тороватый* и др. И этого можно сделать вывод, что антонимы — слова стилистически нейтральные, поскольку приобретение стилистической окраски

одним из членов ряда приведет к их стилистической разобщенности и создаст трудности на пути совместной встречаемости антонимов.

Проанализировав признаки антонимов на парадигматическом и синтагматическом уровнях (семантические, синтаксические и стилистические) с точки зрения их возможности/невозможности выступать в качестве критериев антонимичности, можно достаточно уверенно сказать, что сильным опознавательным свойством обладает лишь семантический критерий: соотносительность противоположной семантики является пер-вым показателем антонимичности на парадигматическом уровне.

Употребление антонимов в речи

Наличие семантической соотносительности слов — это лишь способность лексической единицы реализовать контакты по противоположности, заявка на допустимость развития антонимических отношений. Решающее слово остается за тем, как эта пара реализуется в речи, достаточно ли регулярно она воспроизводится в речевой практике носителей языка.

Создается своеобразный «эффект» антонимов: обозначая противоположные значения, они исключают, нейтрализуют друг друга семантически, но, будучи оформленными в особую структуру — АР, выстраиваются в такие модели (антонимичные контексты), которые обеспечивают им регулярное совместное употребление.

Требование регулярной воспроизводимости в речи В.Н.Комиссаров включил в число обязательных признаков антонимичности: «Регулярное противопоставление слов-антонимов в речи — обязательное условие, без которого слова не могут ни стать антонимами, ни оставаться ими». Это свойство антонимов подчеркивал Л. А. Новиков: «В синтагматическом аспекте антонимы — это слова, в высшей степени часто воспроизводимые в речи совместно».

Регулярная воспроизводимость ряда делает его нормативным. На употребление как показатель нормативности указывали многие исследователи.

Чтобы воспроизводимость носила регулярный характер, слова-антонимы должны входить в круг частотной лексики. Хотя совершенно одинаковая частотность у антонимов невозможна в силу действия закона асимметрии языкового знака, обусловленного в данном случае противоположностью смыслового содержания, тем не менее разница в частоте не должна быть такой, чтобы слово оказалось за пределами русского литературного языка, получив при этом стилистическую маркировку. Если одно слово употребляется часто, а другое редко, поскольку находится в периферийных слоях лексики, то вероятность совместной встречаемости таких слов очень низка, и в этом случае нельзя надеяться на регулярную воспроизводимость.

Регулярной воспроизводимостью обладают ряды, члены которых удовлетворяют требованию семантической соотносительности. Нарушение этого параметра тотчас же сказывается на частоте совместной встречаемости. В доказательство можно привести многочисленные примеры. Так, АР *большой — маленький* является центром микрополя, объединяющего АР и нерегулярные противопоставления с синонимами и семантически близкими им словами. Частота совместной встречаемости этих противопоставлений весьма показательна. На *n* текстов встретились *большой — маленький* — 91 раз, *большой — ма. лый* — 139, *великий — малый* — 36, *великий — маленький* — 5, *большой — крохотный* — 2, а *большой — крошечный, огромный — маленький, маленький — гигантский, огромный — крохотный* только по одному разу.

Группа АР, возглавляемая АР *хороший — плохой* со значением положительной или отрицательной качественной оценки, имеет следующие показатели по частоте встречаемости: *плохой — хороший* — 71, *дурной — хороший* — 65, *худой хороший* — 36 (из них 24 примера из «Пословиц русского народа» В. Даля), *добрый — худой* — 31 (22 примера из «Пословиц...»), *добрый — плохой* — 7, *добрый — дурной — хороший — нехороший* — 4.

Противопоставления, обозначающие наименования лиц, связанных отношениями вражды, неприязни и, напротив, дружбы, взаимной симпатии, по частоте встречаемости идут в такой последовательности: *враг — друг* — 86, *друг — недруг* — 3 (11 примеров из «Пословиц...»), *противник — сторонник — враг — союзник* — 7, *противник — союзник* — 6, *друг — противник* — 2 и только по одному разу встретились противопоставления *враг — сторонник, враг — соратник, враг — товарищ, враг — приятель, единомышленник — противник, противник — приверженец, противник — защитник, противник — поклонник*.

Использование статистических данных в качестве показателя семантических связей слов считается вполне оправданным на чем и основывается статистический критерий семантической близости слов.

В связи с требованием частоты регулярной воспроизводимости АР естествен вопрос: какое количество совместных употреблений должно свидетельствовать о норме, поскольку при охвате достаточно большого числа текстов не исключена вероятность появления в совместном употреблении и противопоставлений, не обладающих свойством нормативности? Так, уже приведенные примеры показывают ощутимую разность в количестве употреблений: есть АР, встретившиеся более 100 раз и, напротив, зафиксированные 1 — 2 раза.

Ряды с единичными показателями встречаемости на фоне высоких показателей употребления антонимов, относящихся к одной микрогруппе, могут свидетельствовать только о нерегулярности противопоставлений, о нестабильности их связей по противоположности. Среди редко употребляемых противопоставлений есть разные: угасающие АР (*великий — малый, добрый — худой, хороший — худой*), развивающиеся (*враг — союзник, сторонник — противник, союзник — противник*), стилистические антонимы (*большой — крохотный, большой — крошечный, огромный — крошечный, огромный — маленький*).

Угасающие ряды, как отмечалось выше, часто получают различную стилистическую окраску членов АР, что в конечном счете и приводит к утрате возможностей совместной встречаемости. Во вновь формирующихся рядах семантические связи только налаживаются, что тоже отражается на частоте совместных употреблений. Экспрессивно-стилистические антонимы характеризуются отсутствием соотносительной семантики: противоположные смыслы здесь так удалены друг от друга, что возможность их совместной встречаемости почти полностью исчезает. Таким образом, отсутствие (или потеря) семантической относительности, утрата стилистической однолинейности незамедлительно отражаются на функциональном уровне антонимии.

Ряды с высокими показателями частоты встречаемости также неоднородны по составу. Среди них бывают и не актуальные для современного русского языка, а большое количество примеров может возникать за счет источников. Из числа приведенных примеров комментариев требуют АР *дурной — хороший, худой — хороший* и *друг — недруг*. Примеры употребления АР *дурной — хороший* извлечены в основном из художественной литературы XIX в., в настоящее время отмечается доминирующее положение АР *плохой — хороший*. Высокие цифровые показатели об употреблении рядов *добрый — худой, худой — хороший, друг — недруг* также складываются из примеров, почерпнутых из произведений XIX в. и главным образом из «Пословиц русского народа» В. И. Даля, отражающих, как известно, еще более раннее состояние русского языка.

В итоге можно сказать, что в качестве критериев антонимичности выдвигаются: на парадигматическом уровне — семантический, опирающийся на соотносительность противоположных смыслов и включающий в себя тождественность стилистической окраски членов АР; на синтагматическом — функциональный, необходимость регулярной воспроизводимости АР в типовых синтаксических конструкциях. Первый представляет те значения слова, которые уже закрепились за ним в процессе языковой практики говорящих и нашли отражение в словарях в виде словарных дефиниций. Второй показывает, в какой мере значения АР оказываются актуальными на практике — в речи носителей данного языка.

Наличие соотносительной противоположной семантики это заявка на возможность вступления в антонимические отношения, оформляется же АР в речи, употребляясь в определенных синтаксических конструкциях, регулярно воспроизводимых.

Опираясь на критерии антонимичности, можно сформулировать правила опознавания антонимов:

1. Если два слова имеют соотносительную противоположную семантику (при замещении друг друга меняют значение слова на противоположное) и регулярно воспроизводятся в определенных синтаксических конструкциях, то они являются антони-мами, за ними закрепляется термин «регулярные антонимы»;

2. Если два слова не имеют соотносительной противоположной семантики и нерегулярно воспроизводятся в определенных синтаксических конструкциях, то они не являются антонимами, за ними закрепляется термин «нерегулярные антонимы»;

3. Если два слова имеют противоположную соотносительную семантику, но регулярно не встречаются в определенных синтаксических конструкциях, они являются потенциальными антонимами.<...>

Источники лексической конверсии Готовые конверсивы

Поскольку конверсивами могут быть только слова, имеющие не менее двух глубинных валентностей каждое, отношения конверсии оказываются характерными прежде всего для глаголов.

Помимо лексически однозначных конверсивов типа *покупать* — *продавать*, *опираться* — *поддерживать* глагольная лексика богата фразеологизированными в своих связях элементами, находящимися в конверсных отношениях. Мы имеем в виду полувспомогательные глаголы классов $Oper_i$, $Func_i$, $Labor_{ij}$ а также $IncerOper_i$, $IncerFunc_i$, $IncerLabor_{ij}$, $CausOper_i$, $CausFunc_i$ и т. п. (см. Жолковский и Мельчук 1967), ср. *брать* — *давать* (*деньги взаймы*), *брать* -- *сдавать* (*землю в аренду*), *брать* (*суп на пробу*) — *снимать* (*пробу с супа*), *видеть* (*сон*) — *сниться* (*Ему снится сон*), *впадать* (*в отчаяние*) — *овладевать*, *давать* (*кому-л. полномочия*) — *облекать* (*кого-л. полномочиями*), *давать* (*кому-л. поручение*) — *получать* (*от кого-л. поручение*), *иметь* (*в своем распоряжении ценные документы*) — *быть* (*У него в распоряжении есть тонные документы*), *наносить* — *получать* (*удар*), *наносить* — *терпеть* (*урон*), *нести* (*ответственность за детей*) — *лежать* (*На нем лежит ответственность за детей*), *носить* (*печать предательства*) — *лежать* (*На нем лежит печать предательства*), *оказывать* (*кому-л. прием*) — *встречать* (*прием у кого-л.*), *оказать* (*кому-л. поддержку*) — *получить* (*поддержку от кого-л.*), *отдавать* (*кому-л. приказ*) — *получать* (*от кого-л. приказ*), *подвергать* (*имуущество аресту*) — *накладывать* (*арест на имущество*), *проходить* (*у кого-л. испытание*) — *находиться* (*на испытании у кого-л.*), *получать* (*Комиссия получила заявление от NN*) — *поступать* (*От NN в комиссию поступило заявление*), *попадать* (*Под удар попала нога*) — *приходиться* (*Удар пришелся по ноге*), *претерпевать* (*изменения*) — *происходить* (*Изменения происходят во всем*), *принимать* (*экзамен у кого-л.*) ~ *сдавать* (*экзамен кому-л.*), *приносить* (*пользу кому-л.*) — *извлекать* (*пользу из чего-л.*), *приходить* (*в ужас*) — *овладевать* (*Им овладевает ужас*) — *охватывать* (*Его охватывает ужас*), *ставить* (*его деятельность под контроль*) — *устанавливать* (*контроль над его деятельностью*), *терять* (*Пароход теряет управление*) — *отказывать* (*У парохода отказывает управление*).

Итак, конверсные отношения характеризуют прежде всего глагольную лексику. Добавим к этому, что глагол выработал специальную грамматическую форму выражения конверсных отношений — форму действительного и страдательного залога.

Другая часть речи, по самой своей природе обладающая необходимыми свойствами для развития конверсных отношений, — это союзы, многие из которых имеют по две активные валентности. Таковы, например, причинные, уступительные и компаративные союзы, ср. *Режиссер заболел, и поэтому премьера не состоялась* — *Премьера не состоялась, потому что режиссер заболел; Премьера состоялась, несмотря на то (вопреки тому) что заболел режиссер* — *Заболел режиссер, и тем не менее (и все-таки) премьера состоялась; Он скорее прожектор, чем мечтатель* — *Он не столько мечтатель, сколько прожектор*.

Число существительных, имеющих не менее двух активных семантических валентностей, на несколько порядков меньше числа глаголов, причем большинство таких существительных являются отглагольными именами действия или состояния, ср. *победа варваров над Римом* — *поражение Рима от варваров*, *выигрыш Ивана у Петра* — *проигрыш Петра Ивану*, *замена X-а на У* — *подстановка У-а вместо X-а*, *власть земли над человеком* — *зависимость человека от земли*, *господство X-а над У-ом* — *подчинение У-а X-у*.

Конверсивами могут быть не только слова, но и слова и фразеологические единицы или пары фразеологических единиц. Примерами могут служить *Он вздумал палить из пушек* — *Ему взбрело в голову палить из пушек*, *Сын слушается отца беспрекословно* — *Слово отца* — *закон для сына*, *Он был на волосок от смерти* — *Смерть смотрела ему в лицо*, *Книга от этого только выиграла* — *Это пошло только на пользу книге*, *Работа захватила его целиком* — *Он с головой ушел в работу*, *Он заплатит за это* — *Это ему даром не пройдет*, *Мотор не выдержал такого напряжения* — *Такое напряжение оказалось не под силу мотору*, *Он нас донимает* — *Нам житья нет от него*, *Он заткнет за пояс Петра* — *Петр ему в подметки не годится*, *Я еле на ногах стою от усталости* — *У меня ноги подкашиваются от усталости*, *Он не справится с этой работой* — *Эта работа ему не по плечу*, *Его волнуют чужие беды* — *Он принимает чужие беды близко к сердцу*.

Регулярные способы образования конверсивов

Помимо готовых конверсивов (лексических пар, состоящих из двух слов, слова и фразеологической единицы, двух фразеологических единиц) всякий развитый язык располагает различными более или менее регулярными способами образования конверсивов. Один из них – страдательные формы глагола — мы уже упоминали. Назовем еще некоторые.

Регулярным и продуктивным источником лексических конверсивов являются производные отглагольные существительные со значением деятеля, объекта, инструмента, средства, места, результата действия и т. п. Любые два таких существительных, соединяясь с глаголом-связкой или другим полувспомогательным глаголом, в принципе способны образовать конверсную пару (если учитывать только внешние валентности сочетания «связка + существительное»), ср. *Он — автор этой картины — Эта картина — его создание, Он был защитником учителя — Учитель был его подзащитным. Он является владельцем этого дома — Этот дом является ею собственностью — В течение десяти лет он был моим учителем — В течение десяти лет я был ею учеником, Белл был изобретателем телефона — Телефон, был изобретением Белла, Народ — творец языка — Язык — творение народа.* В этих примерах конверсивы типа «быть + существительное» выражают субъектно-объектные отношения, ср. выражение других отношений в парах *быть аргументом — быть функцией, быть гостем — быть хозяином, быть духовником — быть исповедником, быть мужем — быть женой, быть предком — быть потомком, быть причиной — быть следствием, быть расстелем — быть ребенком.*

Другим регулярным и продуктивным источником лексических конверсивов являются антонимичные качественные прилагательные и наречия со значением размера, физического свойства, скорости, положения в пространстве и времени и некоторые другие. Для того чтобы превратить пару таких прилагательных или наречий в лексические конверсивы, достаточно взять их в сравнительной степени, прибавив к каждому глагол-связку *быть* (в случае прилагательных) или, с соблюдением некоторых условий, самостоятельный глагол (в случае наречий), ср. *Стол выше стула — Стул ниже стола, Петр бежал быстрее Меня — Я бежал медленнее Петра;* ср. также *длиннее — короче, тверже — мягче, тяжелее — легче, гуще — жиже, восточнее — западнее, труднее — легче, чаще — реже, раньше — позже* и т. п. Если в значение антонима входит семантический компонент 'больше' или 'меньше', то конверсивы образуются на основе синтетической сравнительной степени (см. примеры выше). Если же антоним имеет другую семантическую организацию, то конверсивы образуются на основе аналитической (со словом *менее*) сравнительной степени того же прилагательного: *Он веселее меня — Я менее весел, чем он (но не грустнее его). Он грустнее меня — Я менее грустен, чем он, Простыня суше наволочки — Наволочка менее сухая, чем простыня.*

Аналогичным образом могут быть использованы антонимичные предлоги, обозначающие положение в пространстве или времени. Они образуют конверсивы в соединении с каким-нибудь глаголом: *Он пришел до меня — Я пришел после него, Он был слева от меня — Я был справа от него.*

В дальнейшем мы сосредоточим внимание на «готовых» конверсивах, главным образом словесных (не фразеологических) и при этом полнозначных. Остальные типы конверсивов будут привлекаться к рассмотрению менее систематически.

с. 266-273

Основные типы конверсивов

Синтаксические типы

Пара конверсивов А и В может отличаться от другой пары конверсивов Х и У прежде всего числом семантических валентностей. Наиболее многочисленны двухвалентные, или двухместные, конверсивы; число трехместных конверсивов значительно меньше, а число четырехместных и пятиместных — ничтожно (ср. *Он продал мне кишу за два рубля — Я купил у него книгу за два рубля; Он лечит меня от туберкулеза иглоукалыванием — Я лечусь у него от туберкулеза иглоукалыванием; Крестьянин берет землю в аренду у помещика на год за 1000 рублей — Помещик сдает землю крестьянину в аренду на год за 1000 рублей).*

Помимо числа мест пары конверсивов могут отличаться друг от друга номерами мест, которые связаны отношением конверсии. Поскольку конверсия проявляет себя в перестановке аргументов (имен актантов), типы конверсивов, выделяемые по этому признаку, могут быть теоретически исчислены на основании элементарных комбинаторных соображений.

В паре элементов возможна ровно одна перестановка (не считая тождественной): 12—21. Поэтому среди двухместных конверсивов до рассматриваемому признаку выделяется только один тип конверсивов — $A = \text{Cопv}_{21}(B)$: элемент, замещающий вторую валентность B , переходит у A на первое место, и наоборот, ср. *Слово приобретает новое значение — У слова появляется новое значение*.

В тройке элементов число перестановок возрастает до пяти (не считая тождественной перестановки); 123-213, 123-132, 123-321, 123-312, 123-231. В соответствии с этим среди трехместных конверсивов по рассматриваемому признаку выделяется пять типов; 1) $A = \text{Cопv}_{213}(B)$ (конверсия первого и второго места), ср. *Советский Союз экспортирует тур- бобуры в Америку — Турбобуры экспортируются Советским Союзом в Америку* и другие пассивные трансформации трехвалентных глаголов; 2) $A = \text{Cопv}_{132}(B)$ (конверсия второго и третьего места); к этому типу принадлежат конверсивы со значением снабжения (*предпослать книге предисловие — предварить книгу предисловием*), сообщения (*сообщать кому-л. о последних событиях = информировать кого-л. о последних событиях*), положения тел на линии, плоскости и в пространстве (*заменять A на B — подставлять B вместо A*), покрытия поверхности или заполнения объема материалом (*мазать хлеб маслом — намазывать масло на хлеб*), освобождения (*убрать из комнаты лишнюю мебель — освободить комнату от лишней мебели*), превращения (*перерабатывать нефть в бензин — получать бензин из нефти*) и ряд других (см. ниже семантические типы конверсивов); 3) $A = \text{Cопv}_{321}(B)$ (конверсия первого и третьего мест); к этому типу принадлежат многие конверсивы со значением передачи (*Президент передал власть армии — Армия получила власть от президента*), сообщения (*Он говорил мне об этом — Я слышал об этом от него*), победы (*Он выиграл матч у чемпиона — Чемпион проиграл ему матч*) и ряд других; 4) $A = \text{Cопv}_{312}(B)$ (конверсия всех трех мест); этот класс конверсивов представлен единичными примерами типа *Он показался мне знакомым — Я принял его за знакомого*; 5) $A = \text{Cопv}_{231}(B)$ (конверсия всех трех мест); этот тип, как и предыдущий, представлен единичными примерами типа *Я считаю это мужеством — Это представляется мне мужеством, Я расквитаясь с тобой за это — Ты мне за это заплатишь*. Таким образом, все теоретически мыслимые классы трехместных конверсивов представлены в русском языке.

В четверке элементов число перестановок равно 23 (не считая тождественной перестановки); однако выписывать все теоретически мыслимые типы четырехместных конверсивов не имеет смысла, так как они в подавляющем большинстве случаев не встречаются в русском языке. Те же из них, которые реально представлены одним-двумя примерами, по существу совпадают с уже изученными типами трехместных конверсивов, ср. *Он лечит меня иглоукалыванием от туберкулеза — Я лечусь у него от туберкулеза иглоукалыванием* (конверсия первого и второго места), *Он одолжил мне пять рублей на месяц — Я занял у него пять рублей на месяц, Он продал мне книгу за два рубля — Я купил у него книгу за два рубля* (конверсия первого и третьего места) и т. д.

Семантические типы

Двухместные конверсивы

Основные типы значений, выражаемых двухместными конверсивами, следующие:

1. 'Состав': *15 республик образуют Советский Союз — Советский Союз состоит из 15 республик, Свиту генерала составляли молодые офицеры — Свита генерала состояла из молодых офицеров*.

2. 'Превращение': *Из этой материи выйдет два платья — Этой материи хватит на два платья, Из воды получился пар — Вода превратилась в пар, Из этих деталей сложилась ясная картина преступления — Эти детали сложились в ясную картину преступления*.

Как видно из приведенных примеров, некоторые конверсивы этого типа являются динамичными противочленами статичных конверсивов типа 1. Об их близости свидетельствует и тот факт, что одни и те же глаголы могут иметь и динамичное (процессуальное), и статичное (стативное) значение, ср. *15 республик образуют Советский Союз — Советский Союз состоит из 15 республик и Кружки образовали общество — Общество образовалось из кружков*. Аналогичные семантические отношения (статика — динамика, состояние — процесс) можно проследить и между другими типами конверсивов (ср. ниже 'наличие' — 'приобретение' — 'утрата', 'погруженность' — 'выделение' — 'поглощение' и нек. др.).

3. 'Наличие', 'владение': *Он имеет влиятельных 'друзей' — У него есть влиятельные друзья, Муравейник кишит муравьями — Муравьи кишат в муравейнике, Село насчитывает 1000 душ — В селе насчитывается 1000 душ, Он располагает любопытными фактами — У него имеются любопытные факты*.

4. 'Приобретение', 'накопление': *Мы накопили колоссальный материал — У нас накопился колоссальный материал, Слово приобретает новое значение — У слова появляется новое значение*.

5. 'Утрата', 'расходование': *Крепость истощила запасы продовольствия — В крепости иссякли запасы продовольствия, Мы истратили все деньги — У нас вышли все деньги. Он утратил мужество — Мужество покинуло его.*

6. 'Проявление (наличного) свойства': *Ее суждения блещут умом — Ум блещет в ее суждениях, Голос звучит тревогой — В голосе звучит тревога; Революция воплощает <отражает, выражает> волю класса — Воля класса воплощается <отражается, выражается> в революции. Это свидетельствует о его намерениях — В этом видны его намерения* (примеры сгруппированы по общности семантических, грамматических или лексических свойств).

Первая из приведенных здесь групп образует естественный переход к типу 7, а две последние — к типу 8.

7. 'Неконтролируемое движение': В нашем материале имеется всего один пример чистых конверсивов с указанным значением: *Он блуждает глазами — У него блуждают глаза.* Во всех остальных случаях ситуация сложнее.

Рассмотрим в качестве типового примера выражение *X вращает глазами — У X-а вращаются глаза.* Если X — нецелесообразный деятель, появляется соблазн трактовать глагол исходной фразы как некаузативный, и тогда *вращать* и *вращаться* — конверсивы, ср. *Куклы вращают глазами — У кукол вращаются глаза;* если же X — целесообразный деятель (лицо), то *вращать* как будто каузативный глагол со значением намеренной каузации движения, ср. *Налетчик свирепо вращал глазами — У налетчика свирепо вращались глаза;* тогда *вращать* и *вращаться* — квазиконверсивы. Это решение приводит нас, таким образом, к неправдоподобному представлению о том, что глагол *вращать* и другие ему подобные (ср. *вилять хвостом, скрипеть зубами, трепетать крыльями; бряцать шпорами, звенеть ключами; двигать бровями, дергать губами, трясти годовою, шевелить губами*) в конструкции $S_{им} + V + S_{тв}$ как минимум двузначны.

Альтернативой, которая, по нашему мнению, в большей мере отражает действительное положение вещей, является решение, при котором глаголы типа *вращать* в конструкции $S_{им} + V + S_{тв}$ и т. п. считаются каузативными. Каузация может быть намеренной или ненамеренной в зависимости от конкретных условий речи, но это обстоятельство ни в коей мере не затрагивает значения глагола как такового. Тогда *вращать* и *вращаться* — квазиконверсивы. В пользу данного решения свидетельствует и то обстоятельство, что глаголы типа *вращать* часто имеют при себе поясняющие слова, значение которых исключает возможность намеренной каузации движения и при вполне целесообразном деятеле; ср. *Больной во сне скрипит зубами <двигает бровями, дергает губами> — У больного во сне скрипят зубы <двигаются брови, дергаются губы>, Он трясет годовою от старости — У него трясется голова от старости, От страха он беззвучно шевелил губами — От страха у него беззвучно шевелились губы.*

8. 'Обозначение': *Цифры обозначают числа — Числа обозначаются через цифры, Фонетические символы передают звуки — Звуки передаются фонетическими символами.*

9. 'Относительное положение двух тел на линии, в пространстве или времени' (в прямом и переносном смысле): *А предшествует В—В следует за А, Он отстаёт от сверстников (в развитии) — Сверстники опережают его в развитии.* Частным случаем этого значения является значение опоры, ср. *Сваи держат крышу — Крыша держится на сваях. Колонны поддерживают свод — Свод опирается на колонны. Доверие к человеку лежит в основе любви — Любовь покоится на доверии к человеку.*

10. 'Покрытие (поверхности)' предмета': *Тучи заволокли <покрыли> небо — Небо заволоклось <покрылось> тучами, Туман окутал роцу — Роца окуталась туманом; Пелена тумана одевает окрестности — Окрестности одеваются в пелену тумана, Тина затянула пруд — Пруд заплыл тиной.* Группировка примеров позволяет увидеть и другие легко обобщимые семантические, лексические и грамматические свойства этих конверсивов, Конверсивы *Деревья сбросили листву — Листва опала с деревьев* имеют значение прекращения покрытия, а конверсивы *Он был в шапке — На нем была шапка* — стативное значение покрытости.

11. 'Погруженность' (статичное отношение между телом А и объемлющим его телом В); *Бутылка вмещает два литра — В бутылку входит два литра, Печь держит тепло — В печи держится тепло, перен. Письмо содержит намек — В письме содержится намек.*

12. 'Заполнение объемлющего тела' (в прямом и переносном смысле): *Нога не влезает <не входит> в сапог — Сапог не, лезет <не идет> на ногу. Крики огласили лес — Лес огласился криками, Работа заняла весь день — Весь день ушел на работу.*

13. 'Поглощение' — 'погружение' (в прямом и переносном смысле): *Губка впитывает <вбирает> воду — Вода впитывается губкой, Пучина поглощает судно — Судно погружается в пучину, Бумага*

пропускает чернила — Чернила проходят сквозь бумагу, Шум голосов покрыл его крик — Его крик потонул в шуме голосов.

14. 'Выделение' (процесс, в некотором смысле обратный поглощению): *Соединение выделяет серу — Из соединения выделяется сера, Небо свет мелкий дождь — Мелкий дождь сеется с неба, перен. Меня прогнали с работы — Я вылетел с работы.*

15. 'Излучение': *Растение издает <испускает> приторный запах — От растения исходит приторный запах. Лампа струит мягкий свет — От лампы струится мягкий свет.*

Трудно сказать, насколько точными являются конверсивы трех последних типов (13—15); не исключено, что левые члены некоторых пар содержат компонент 'каузировать', которого нет в правом члене; ср. пару *Вулкан изверг лаву — Лава изверглась из вулкана, относительно которой это предположение выглядит весьма правдоподобно.*

16. 'Зависимость': *Пожары вредят посадкам — Посадки страдают от пожаров, Конъюнктура определяет цены — Цены зависят от конъюнктуры, Глагол подчиняет наречие — Наречие подчиняется глаголу, Торопливость порождает ошибки — Ошибки происходят из-за торопливости, перен. Шпага слушается его — Он владеет шпагой.*

17. 'Информационные процессы': *Он вздумал палить из пушек — Ему вздумалось палить из пушек. Он воображает картину южной ночи — Ему представляется картина южной ночи. Он, наконец, постиг смысл сказанного — Смысл сказанного, наконец, дошел до него. Он считает решение неверным — Решение представляется ему неверным.*

18. 'Эмоциональные и другие внутренние состояния': *Крутизна обрыва пугает ее — Она пугается крутизны обрыва. Ответственность страшит его — Он страшится ответственности; Это событие всполошило всю деревню — Вся деревня всполошилась из-за этого события; Сметливость мальчика изумляет <поражает> его — Он изумляется <поражается> сметливости мальчика. Победы больше не радовали старого императора — Старый император больше не радовался победам; Он разорил <обидел, рассердил> друга -- Друг разозлился <обиделся, рассердился> на него; Незнакомые люди смущают ее — Она смущается перед неизвестными людьми. Здесь же следует назвать и другие разряды слов, обозначающих внутренние, хотя и не эмоциональные, состояния человека: *Работа утомляет его — Он устаёт от работы. Беготня и хлопоты совершенно его изнурили — Он совершенно изнемог от беготни и хлопот.**

Наше описание таких пар как чистых конверсивов опирается на ту трактовку слов со значением чувства-состояния, которую дала Л. Н. Иорданская. Она показала, что эмоции, называемые такими глаголами, как *беспокоиться, беситься, восторгаться, восхищаться, досадовать, изумляться, огорчаться, радоваться, сердиться, страшиться* и т. п., всегда трактуются языком как вызываемые в субъекте определенной оценкой некоторого события, а не как возникающие сами по себе (Иорданская 1970); каузатив, следовательно, входит и в каждый из этих глаголов, и в производные от них существительные. Таким образом, транзитивные глаголы типа *беспокоить, бесить, восхищать* и т. п. оказываются конверсивами, а не каузативами, соответствующих нетранзитивных глаголов (ср. на с. 277 примеры каузативных квазиконверсивов).

Трехместные конверсивы

Основные типы значений, выражаемых трехместными конверсивами, имеют параллели среди двухместных конверсивов, и поэтому везде, где это возможно, мы будем сохранять уже введенные наименования семантических классов.

1. 'Покрытие (поверхности) предмета': *мазать хлеб маслом — мазать <намазывать> масло на хлеб.* Здесь выделяется особый подтип — глаголы с приставкой о(б)-, управляющие винительным и творительным, и те же самые глаголы, но с управляемыми формами Свин вокруг Срод: *обвить голову косой — обвить косу вокруг головы, обмотать шею шарфом — обмотать шарф вокруг шеи.*

2. 'Снятие (прекращение покрытого состояния)': *стряхнуть снег с валенок — отряхнуть валенки от снега, очистить грязь с ракушки — очистить ракушку от грязи, убрать со стола лишние бумаги — освободить стол от лишних бумаг.* В примерах *смыть масло с рук — отмыть руки от масла, соскоблить жир со сковородки — отскоблить сковородку от жира, стереть грязь с рук — оттереть руки от грязи*, по-видимому, возможна смысловая дифференциация: вторые члены каждой пары предполагают как будто большую площадь загрязнения и, следовательно, распространение действия на большую часть поверхности предмета.

3. 'Заполнение объема': *одевать ребенка в пальто — надевать пальто на ребенка, перен. вливать новые кадры в промышленность — пополнять промышленность новыми кадрами, перен. Реклама занимает в журнале две страницы — Журнал заполняет рекламой две страницы.* Основная масса глаголов с рассматриваемым здесь значением дает квазиконверсивы (см. с. 279).

4. 'Передача' (в прямом и переносном смысле): *Он одалживает мне деньги—Я занимаю у него деньги. Отец передал сыну большое наследство — Сын получил от отца большое наследство, Она сдавала нам комнату — Мы снимали у нее комнату, Я заразил брата тифом — Брат заразился от меня тифом, Он сообщил мне новости — Я узнал от него новости.*

5. 'Снабжение' (в прямом и переносном смысле): *жаловать кого-л. шубой со своего плеча — жаловать кому-л. шубу со своего плеча, предварить книгу предисловием — предпослать книге предисловие, сопроводить заявление справкой — приложить справку к заявлению, воодушевить кого-л. верой в освобождение — вдохнуть в кого-л. веру в освобождение.*

6. 'Мнение': *Я вижу в этом мужество — Это представляется мне мужеством, Он принял мужчину за знакомого — Мужчина показался ему знакомым, Я вижу в этом мужество — Я считаю это мужеством. Муж наделяет жену всеми добродетелями — Муж приписывает жене все добродетели.*

Некоторые трехместные конверсивы не сводимы в сколько-нибудь хорошо представленные семантические классы, ср. *использовать* и *служить* (*Он использовал утюг для забивания гвоздей — Утюг служил ему для забивания гвоздей*), *прибавлять* и *увеличивать* (*прибавить два к полученному числу — увеличить полученное число на два*), *развернуть 1* и *развернуть 2* (*развернуть батальон в полк — развернуть полк из батальона*).

с. 275-281

Квазиконверсивы определение и основные типы

Будем говорить, что предикаты X и Y имеют частично обращенные ролевые, или актантные, структуры, если у них есть по крайней мере одна семантическая валентность, такая, что а) либо она имеет один и тот же номер, но выполняет разные роли (или присоединяет к X-у и Y-у имена разных актантов), либо б) она имеет разные номера, но выполняет одну и ту же роль (или Присоединяет к X-у и Y-у имя одного и того же актанта).

Назовем лексические единицы X и Y квазиконверсивами, если они удовлетворяют следующим условиям; (1) в толкованиях X-а и Y-а имеется большая общая часть (совпадающая часть значений не меньше, чем сумма их различий), но они не совпадают полностью; (2) X и Y имеют частично обращенные или обращенные ролевые (или актантные) структуры; (3) X и Y относятся к одной и той же (глубинной) части речи.

Примерами квазиконверсивов могут служить глаголы X *благоволит* к B (X манифестирует свое расположение) — B *нравится* <импонирует> X-у, *Он вернул стул в первоначальное положение* (снова) — *Он придал стулу первоначальное положение, Из поселка вырос город* (конечный предмет больше исходного) — *Поселок превратился в город, Он вырос из платья* (платье стало ему мало по той причине, что он стал больше) — *Платье стало ему мало* (причина не указана; в частности, платье могло сесть после стирки), *Автор дополнил книгу двумя главами* (книга стала полнее) — *Автор добавил к книге две главы, X драпирует стены коврами* (с целью украшения) — *X вешает ковры на стены* (цель не указана), *Он подарил ребенка игрушками* (сверх меры) — *Он надарил ребенку игрушек* (просто много), *Он заправил суп сметаной* (улучшил качество дополнительным компонентом) — *Он положил в суп сметану, Зима застала нас врасплох* (неожиданность зимы и неподготовленность к ней) — *Мы не успели подготовиться к зиме. Он на все наводит критику* (отрицательная оценка субъекта говорящим) — *Он все подвергает критике, Он находит оправдание своей лени в молодости* (считает, что молодость может служить оправданием) — *Молодость служит (для него) оправданием его лени, Враг подверг нас обстрелу* (намеренно) — *Мы попали под обстрел врага, разложить воду на кислород и водород* (всю воду) — *выделить <получить> кислород из воды, Аудитория раздражается смехом* (вся аудитория) — *В аудитории вспыхивает смех, Его поступок удивил меня* (эмоция, возникающая под действием неожиданного) — *Я не ожидал от него такую поступка. Он установил надзор за детьми* (начинательность) — *Дети находятся под его надзором* (видо-родовые различия); *вдалбливать сестре латынь* (сестра бестолкова) — *натаскивать сестру по латыни* (учить быстро и поверхностно), *вписывать квадрат в окружность* (окружность была раньше) — *описывать окружность вокруг квадрата* (раньше был квадрат), *Он дал мне книгу* (каузировал меня иметь) — *Мне досталась от него книга* (перешла в мое владение по какому-то правилу распределения, может быть, случайному), *набить трубку табаком* <погреб

снегом> (весь объем) — *набить табаку в трубку* <*снегу в погреб*> (много объекта), *Отец наказал мальчика* (с целью исправить, причем содержанием наказания может быть любое действие) — *Мальчику досталось* <*влетело, попало, нагорело*> *от отца* (значение цели не выражено, однако действие конкретизировано — обычно имеются в виду брань, выговор, побои), *NN позировал художнику* (являясь объектом изображения, сохранял требуемую позу) — *Художник ваял NN* (ничего не говорится о сохранении позы, но есть указание на способ изображения; ср. также указание на средство изображения в случае *писать* (маслом, акварелью), *рисовать* (карандашом, углем, цветными мелками), указание на инструмент в случае *вырезать* (резцом), *чеканить* (молоточком), и указание на материал в случае *лепить* (из глины, из гипса), *вырубать* (из мрамора, из дерева)). *Он преподает мне математику* (каузирует меня иметь теоретические знания) — *Он учит меня математике* (каузирует меня иметь практические знания или умения), *Я считаю это вероятным* (в результате обдумывания) — *Это кажется мне вероятным* (на основе первых впечатлений) (видо-видовые различия).

Ниже мы рассмотрим некоторые наиболее часто встречающиеся типы видо-родовых различий между квазиконверсивами. Главные из них группируются вокруг значений каузации и степени.

1. 'Каузатив неучастника ситуации' — 'Инцептив или результатив'. Здесь можно выделить два основных случая; 1) идея каузации принципиально выразима и при некаузативном глаголе, хотя и не в нем самом; для ее выражения используются вполне регулярные средства — предлоги и падежи с причинным значением, которыми управляет данный квазиконверсив. Вследствие этого такие квазиконверсивы могут участвовать не только в имплицативных (односторонних), но и в равнозначных (двусторонних) преобразованиях; 2) идея каузации при некаузативном квазиконверсиве регулярными средствами не выражается, и поэтому преобразования с такими квазиконверсивами никогда не могут быть равнозначными.

В первом случае естественной основой для дальнейшей систематизации материала являются предложно-падежные формы выражения каузативности при некаузативном глаголе. Ниже они упорядочиваются следующим образом: сначала — родительный падеж, потом — дательный и т. п.; внутри каждого падежа — сначала чисто падежные формы имени, затем — предложно-падежные формы в алфавитном порядке предлогов. Материал: *Поломки вызывают аварии* — *Аварии происходят из-за поломок*. *Дожди задерживают сев* — *Сев задерживается из-за дождей*; *Ветер валит деревья* — *Деревья валятся от ветра*, *Боль в животе не давала ему уснуть* — *Он не мог уснуть от боли в животе*; *Ненависть исказила его лицо* — *Его лицо исказилось ненавистью*, *Детская радость осветила его черты* — *Его черты осветились детской радостью*; *Трудности не сломили нас* — *Мы выстояли перед трудностями*; *Непосильное бремя свалило его* — *Ом свалился под непосильным бременем*, *Снег провалил соломенную крышу* — *Соломенная крыша провалилась под снегом*; *Призма преломила луч* — *Луч преломился в призме*; *Очки придают ей глуповатый вид* ~ *Она кажется глуповатой в очках*; *Ветер качает ветку* — *Ветка качается на ветру*, *Ветер колышет знамена* — *Знамена колышутся на ветру*.

Имеются и менее регулярные, иногда чисто лексические средства выражения тех же отношений: *Мороз жжет лицо* — *Лицо горит от мороза*. *Письмо напоминает ему о прошлом* — *Он вспоминает о прошлом по письму*, *Солнце растопило снег* — *Снег растаял на солнце*, *Резкий толчок свалил меня на землю* — *Я упал на землю от резкого толчка*, *Это увеличило его мужество* — *Его мужество возросло от этого*.

Второй тип (значение каузации при некаузативном квазиконверсиве не выражается) охватывает очень значительную часть глагольной лексики, а именно основные четырех-, трех- и двух-валентные каузативные глаголы и соответствующие им трех-, двух- и одновалентные результативы. Их основные семантические разновидности: 'физическое воздействие с помощью орудия или средства' — 'воздействие орудия или средства', 'помещение' — 'положение в пространстве', 'перемещение' — 'автоперемещение' (т.е. изменение положения в пространстве), 'каузация состояния' — 'состояние', 'каузация процесса' — 'процесс' (т.е. изменение состояния), 'передача' — 'владение' (и антонимичные значения), 'каузация восприятия' — 'восприятие'. Как показывают сами эти рубрики, дать сколько-нибудь полную сводку соответствующего материала можно только в словаре, и ниже мы ограничимся выборочными иллюстрациями: *бросать (камень)* — *лететь*, *бросать в дрожь* <*в пот*> — *дрожать* <*потеть*>, *вводить* — *входить*, *везти* — *ехать*, *вертеть* — *вертеться*, *вешать* — *висеть*, *вовлекать* — *участвовать*, *впускать* — *входить*, *вызывать (подчиненного)* — *являться*, *выкачивать (воду из бассейна)* — *убывать*, *выливать <высыпать>* (*содержимое из ведра*) — *опорожняться*, *гасить* — *гаснуть*, *греть* — *греться*, *давать* — *иметь*, *женить* — *жениться*, *зажигать* — *гореть*, *звонить (в звонок)* — *звенеть*, *класть* — *лежать*, *метать* — *лететь*, *накачивать (воду в бассейн)* — *прибывать*, *научить* —

уметь, обязывать — должен, оставлять — оставаться, показывать — видеть, попадать (пулей) — Пуля попала, посылать (письмо) — идти, пропускать — проходить, разрешать — мочь, резать (ножом) — Нож режет, сообщать — знать, ставить — стоять, студить — стынуть, сыпать — наполняться, улучшать — улучшаться.

Более интересна та разновидность рассматриваемого типа квазиконверсивов, которая представлена парами глаголов со значениями '(контролируемое) воздействие на часть субъекта' — 'неконтролируемое движение этой части', например, *Он сжимает зубы — У него сжимаются зубы, Он качает ногами — У него качаются ноги*. Две основные группы таких квазиконверсивов — глаголы, управляющие винительным падежом (они обозначают непрерывные движения или действия), и глаголы, управляющие творительным падежом (они обозначают прерывные, квантованные движения и действия). Примеры: *Он скосил глаза — У него скосились глаза, Больной стиснул зубы — У больного стиснулись зубы. Он нахмурил брови — У него нахмурились брови; Собака виляет хвостом — У собаки виляет хвост. Он скрипнул зубами — У него скрипнули зубы, Птица трепещет крыльями — У птицы трепещут крылья; Он болтает руками — У него болтаются руки, Он двигает бровями <дергает губами> — У него двигаются брови <двигаются губы>, Он трясет головой — У него трясется голова.*

2. 'Каузатив участника ситуации' — 'инцептив или результатив'. Напомним, что в этом случае, в отличие от случая 1, каузатором ситуации является один из ее непосредственных участников; каузация рефлексивна, т. е. замыкается на самого каузатора ситуации, ср. *Он вернул себе силы — Силы вернулись к нему, Нянька привязала мальчика (к себе) — Мальчик привязался к няньке, Магнит притягивает булавку — Булавка притягивается к магниту*; возможно выражение тех же отношений чисто лексическими средствами или с помощью полувспомогательных глаголов: *Он навлек (на себя) подозрения — Подозрения пали на него. Он освободился от сомнений — Сомнения оставили <покинули> его.*

3. 'Преобразование' (изменение одной готовой вещи в другую) — 'создание'; *переделать патрон в зажигалку — сделать зажигалку из патрона, перелить колокола в пушки — отлить пушки из колоколов, переформировать полк в дивизию — сформировать дивизию из полка, преобразовать комитет в министерство — образовать министерство из комитета.*

4. 'Полнота охвата объекта действием' — 'распространение действия на объект'. Наиболее многочисленна здесь группа трехместных квазиконверсивов со следующими синтаксико-морфологическими свойствами: квазиконверсив с видовым значением управляет винительным и творительным падежом и имеет в своем составе префиксы за-, на-, о(б)- или у- (реже — вы-, из-), а квазиконверсив с родовым значением управляет формами Свин+ указание конечной точки (в/на Свин) или Свин+ указание места (у Спрод, в/на Спр и др.) и представляет собой либо тот же самый глагол, либо глагол с префиксом на-, либо бесприставочный глагол, имеющий в совершенном виде приставку по-. Основные значения — 'покрытие всей поверхности объекта или заполнение всего его объема физическим телом' — 'помещение физического тела на поверхность или в объем объекта' (и соответствующие переносные значения), например, *завешать стену картинами* (покрыть всю поверхность стены) — *повесить картины на стену* (степень покрытия стены не указана), *забить чемодан книгами* (заполнить книгами весь объем чемодана) — *набить книг в чемодан* (степень заполнения чемодана книгами не указана). Материал: *выложить <выстлать> пол изразцами — положить <настлать> изразцы на пол; забивать щели паклей — забивать паклю в щели, забрызгать пол краской — набрызгать краску на пол, завалить кого-л. работой — навалить работу на кого-л., загромоздить выход ящиками — нагромоздить ящиков у выхода, загрузить трюмы орудиями — погрузить орудия в трюмы, заклеить доску объявлениями — наклеить объявления на доску, закрутить палку шпагатом — накрутить шпагат на палку, заложить дымоходы кирпичом — заложить кирпич в дымоходы, замазать рану жиром — намазать жир на рану, замотать руку бинтом — намотать бинт на руку, засадить клумбу гнетами — посадить цветы на клумбе, заселить дом жильцами — поселить жильцов в доме, засеять поле овсом — посеять овес на поле, заставить комнату мебелью — поставить мебель в комнате, застлать пол ковром — постлать ковер на полу, засыпать ясли пшеницей — насыпать пшеницу в ясли, заткнуть уши ватой — заткнуть вату в уши, зачертить лист каракулями — начертить каракули на листе; исписать лист каракулями — написать каракули на листе, набить стол бумагами — набить бумаг в стол, накачать камеру воздухом — накачать воздух в камеру. налить бак водой — налить воды в бак, напихать шкаф бельем — напихать белья в шкаф, насыпать мешок крупой — насыпать крупы в мешок, натискать шкаф вещами — натискать вещей в шкаф; обвешать стену портретами — навешать портретов на стену, обвязать шею шарфом — повязать шарф на шею, оклеить стену обоями — наклеить обои на стену, облепить стену объявлениями — налепить объявления на стену, обложить клумбу дерном — положить дерн вокруг клумбы,*

обсыпать пирог сахарной пудрой — насыпать сахарной пудры на пирог; уложить стол книгами — положить книги на стол, усадить клумбу цветами — посадить цветы на клумбе, уставить полку образцами минералов — поставить образцы минералов на полке, устлать пол коврами — постлать ковры на полу, усыпать дорожки песком — насыпать песок на дорожки, утыкать подушку иголками — натыкать иголок в подушку, ушить пояс бисером — нашить бисер на пояс.

В ряде случаев аналогичные семантические отношения выражаются нерегулярными, чисто лексическими средствами: заполнить бак водой — налить воду в бак, обнести <огородить> сад забором — поставить забор вокруг сада, покрыть холст красками — нанести краски на холст и т. п.

По существу, тот же тип семантических отношений представлен в парах двухместных конверсивов *Пень зарос <оброс> мхом — На пне вырос мох, Колеса облипли глиной — Глина налипла на колеса, Поле поросло травой — Трава выросла на поле.*

5. 'Высокая — невысокая степень свойства' — 'свойство'. Первое значение часто выражается фразеологической единицей, в состав которой входит название части тела: *У него винтиков в голове не хватает — Он глуп, У него сосет под ложечкой — Он голоден, У него молоко на губах не обсохло — Он зелен, У него мурашки ползут по спине — Он испуган, У него отлегло от сердца <камень с души свалился, гора с плеч> — Он почувствовал облегчение, У него на сердце камень — Он опечален. Работа так и горит у него в руках — Он быстро работает, У него сердце прыгает от радости — Он рад, У него рука не дрогнет подписать приговор — Он решится подписать приговор, У него скулы сводит от скуки — Он скучает, У него скребет на сердце — Он тревожится, У него глаза на лоб лезут от удивления — Он удивляется, У него волосы встают дыбом на голове — Он ужасается, У него ноги подкашиваются от усталости — Он устал, У него руки чешутся <зудят> побить негодника — Он хочет побить негодника.*

Мы рассмотрели наиболее хорошо представленные семантические различия между квазиконверсивами. Ими, разумеется, не исчерпываются все принципиально возможные различия, номенклатура которых, по всей видимости, ничем не ограничена и совпадает с инвентарем значений, выражаемых в данном языке.

Лексические омонимы

В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

С. 13-32

О грамматической омонимии в современном русском языке

§ 1. Важность вопроса об омонимии для учения о слове.

Вопрос об омонимии (т.е. о совпадении разных слов или разных форм по своему внешнему звуковому облику) в русском языкознании почти вовсе не разработан. Между тем он имеет очень большое значение для грамматики, лексикологии и семантики. Семантической границей слова очень часто является его омоним. Традиционные этимологии в значительной своей части основаны на каламбурном сближении омонимических «корней».

Толковые словари русского языка сплошь и рядом вместо системы значений одного слова предлагают произвольный набор омонимов. Например, в «Толковом словаре русского языка» (т. I) под редакцией Д. Н. Ушакова под словом *баба* с его привычными значениями объединено техническое значение: 'подвесной молот, тяжелая чугунная гиря для забивания свай'. Между тем *ромовая баба* выделена в особое слово — омоним. Внутренние мотивы такой группировки остаются неясными. Понятно, что до тех пор, пока вопрос об омонимах не подвергнется углубленному исследованию и не будет составлен словарь омонимов русского языка, границы многих слов будут зыбкими, неопределенными. Например, в «Толковом словаре русского языка» (т. II, 1938) в слове *отстоять* (совершенный вид к *отстаивать*) объединены такие значения:

1. *что*. Защитить от нападения, сохранить, удержать в своей власти. *Войска отстояли крепость. // что*. Защитить свои права на что-нибудь. *Отстоять свое имущество. // что*. Добиться признания, опровергнув возражения. *Отстоять свою точку зрения. // кого — что*. Защитить чьи-нибудь интересы. *Отстоять на выборах своего кандидата*. 2. *что*. Присутствуя где-нибудь, простоять до конца (разговорн.). *Отстоять на ногах весь спектакль*. 3. *что*. Утомить долгим стоянием (разговорн.). *Отстоять ноги*.

Последние два значения, как всякий легко может заметить, не вяжутся с первым. Поэтому параллельные ряды значений в глаголе *настоять* в том же словаре правильно разбиты на два омонима:

*Настоять*¹, совершенный (к *настаивать*) на чем. Добиться исполнения чего-нибудь. *Приятели сперва не соглашались, но Владимир Петрович настоял на своем* (Тургенев).

*Настоять*², совершенный (к *настаивать*), что на чем. Приготовить какую-нибудь настойку из чего-нибудь. *Кухарка вынесла графин водки, настоенной на рябине* (М. Горький).

Этой крайней непоследовательности в описании семантической системы слова можно избежать, лишь углубив учение о слове и — прежде всего — выяснив типы словарной омонимии и причины ее развития.

В исторической лексикологии омонимия играет еще большую роль, как это уже давно подчеркивалось разными лингвистами (например, французским ученым Жильероном и его последователями). Не менее важно изучение омонимии в области грамматики.

§ 2. Вопрос о грамматической омонимии в русской лингвистической традиции.

Вопрос о морфологических омонимах в современном русском языке не раз поднимался в лингвистике. Этому вопросу посвящена специальная статья проф. Л. А. Булаховского. Основные ее положения можно формулировать так:

1. Судьба морфологических омонимов («омоморфем») вроде *пути* род.; дат. и предл. ед. и, имен., вин. мн., *живой* им. пад. ед. ч. муж. р. и род., дат., тв. и предл. ед. ч. женск. р. отлична от жизни лексических омонимов (типа: *ключ* и *ключ*; *жать*, *жну* и *жать*, *жму*).

2. В словарных омонимах следует различать омонимы простые, натуральные, целостные, не распадающиеся на словопроизводственные (*пост* и *паст*) и омонимы производные (вроде: 1) *засаливать* от *засалить* и 2) *засаливать* от *засолить*); 1) *засыпать* от *заснуть*, 2) *засыпать* от *заспать*, 3) *засыпать* от *засыпать*). Простых омонимов в русском языке сравнительно немного, и наблюдается тенденция к их сокращению.

3. Омонимы, относящиеся к разным частям речи, легко уживаются и «воспринимаются без всякого сопротивления со стороны говорящих и слушающих». Например: 1) *стекло* — существительное и 2) *стекло* — форма прошедшего времени ср. р. от глагола *стечь*; 1) *коса* — существительное и 2) *коса* — краткая форма женск. р. от *косой*; 1) *пять* — число и 2) *пять* — форма повелительного наклонения от *пятить*. Однако, ср.: *читать* вместо старинного *честь* для избежания омонимии с существительным *честь*; *бежал* — *бежать* вместо бег — *бечь*; *почем* (купил? — по рублю), но *почему*; устранение именительного пад. мн. ч. от *зло*: *зла*, ср. *зол*; — при *зол*, *зла*; неупотребительность *зло* от краткого прилагательного *зол*, *зла*; родительный пад. *семян*, во избежание омонимии с *Семен* и др. под.

4. Лексические омонимы, принадлежащие к одной и той же грамматической категории, избегаются. Происходит или полное исчезновение одного из членов омонимической группы (например, *ехать*, *еду*, вместо *есть*, *еду*; ср. *есть* — 'вкушать пищу', ср. также *есть* от *быть*), или же вытеснение омонима «формой, близкой к нему, но уже не тождественной той, которая создавала омонимность». (Например, *стлать* в силу потенциальной звуковой омонимичности с *стлать* начинает вытесняться формой *стелить*, образованной по аналогии к *стелю*, *стелешь*; ср. *постлать* и *постелить*). Однако эта различительная тенденция не препятствует широкому развитию значений слова и в некоторых случаях последующему распаду его на омонимы.

5. При наличии различий в формах омонимы из одной и той же грамматической категории легко уживаются (например, *чара* — 'кубок' и *plurale tantum чары* — 'волшебство, обаяние').

6. Производные слова — омонимы (например, форма несовершенного вида — *спаивать* — от *спаять* и *спаивать* от *споить*; *подводная лодка* и *подводная* — от *подвода* — *повинность*) обладают большей способностью выживания, чем простые, непродуцированные омонимы. Причины этого явления кроются, с одной стороны, в многозначности самих словопроизводственных аффиксов (особенно префиксов, ср., например, значения глаголов: *подбирать* или *разогнать*); с другой стороны, в творческой тенденции к семантическим новообразованиям.

7. Омонимность, возникающая в морфологическом процессе, дает устойчивость и жизненную силу созвучным формам (например, *сглажу* от *сглазить* и *сгладить*). Но и здесь при образовании новых форм проявляется принцип «отталкивания» от вполне омонимических или даже сходно звучащих слов с несоответствующим или контрастирующим значением (ср. невозможность образований: *послица* от *посол* или *сопляжник* в значении: 'сосед по пляжу, купающийся рядом на пляже')

8. Омонимность в морфологических элементах, преимущественно во флексиях, — явление исключительно широкое в русском языке (например, *мази* — род., дат. и предл. ед. ч. и им.-вин. мн. ч.). Однако и тут действуют различительные тенденции (ср. разницу ударения в род. ед. ч. *города* и им. пад. мн. ч. *города*; *поля* — *поля*; *стороны* — *стороны* и др. под.).

9. «В падежах, постоянно сопровождающихся предлогами, т. е. имеющих различительный признак, язык к омонимии падежей достаточно терпим» (ср. одинаковые флексии дат. и предл. в именах существительных женск. р. на *-а*, *-я*; окончания род., дат. и предл. в существительных женск. р. на мягкий согласный и т. п.).

10. Омоморфемы в падежных формах слова чаще всего не обнаруживают тяготения к звуковой дифференциации, не проявляют различительных тенденций (например, *тучи* — род. ед. и им.-вин. мн. ч. и т. п.). <...>

§ 3. Формы флексийной омонимии в системе имен (существительных, прилагательных, числительных).

В современном русском языке омонимична сама природа падежных окончаний, особенно у имен существительных. В самом деле, значения косвенных падежей имен существительных как в сочетаниях с предлогами, так и в беспредложном употреблении настолько разнообразны и далеки, что приходится традиционные обозначения: родительный, творительный и предложный падежи считать условными именами групп морфологических омонимов. Между тем дифференциация флексий, например родительного падежа, наблюдается лишь в некоторых формах имен существительных мужск. р. (*вида* — *виду*, *сахара* — *сахару* и т. п.). Все другие разряды существительных имеют каждый только одну флексию для всех значений, условно объединяемых под названием родительного падежа (единственное или множественное число). Таким образом, некоторые падежи существительных представляют собой систему омонимов, т. е. разнородных значений, омонимически прикрепленных к одной и той же флексии (например, *говорить о воде* и *сидеть в воде*). На этом фоне приобретает глубокий смысл обобщившаяся в русском языке тенденция к различению (по ударению) форм творительного падежа на *-ом* от омонимичных наречий (*верхом*, *кругом*, *бегом*). <...>

Функциональный вес морфологической омонимности зависит от синтаксического значения и употребления аффикса (флексии) в разных падежах, от характера его связи с основой и суффиксом в структуре слова и от степени спаянности форм одного слова. Совершенно правильно указывает чешский лингвист В. Трнка, что окончание *a* может свободно функционировать в формах род. пад. у слов мужск. и средн. рода, в формах им. пад. ед. ч. у слов женск. р. и у некоторых обозначений лиц мужск. р., в формах им.-вин. пад. слов средн. р. (ср. однородные явления в других славянских языках), так как тесные связи между формами падежей одного слова, различия основ и синтаксическая дифференцированность всех этих форм делают такую омонимию безопасной. Но выставлять в качестве аксиомы то положение, что количество морфологических омонимов, степень флексийной омонимности прямо пропорциональны тесноте и крепости синтаксических связей слов, в словосочетании и предложении, было бы преждевременно. В живом языке грамматические связи и взаимодействия сложны и разносторонни. Отмирание флексий в одном ряду нередко сопровождается обособлением и, следовательно, выживанием их омонимов в параллельных грамматических рядах. Ярким примером вымирания «омоморфем» может служить в русском языке развивающийся процесс падения склонения в категории имен числительных. Прежде всего утрачиваются формы косвенных падежей в морфологически изолированных системах склонения числительных — *сто*, *девяносто* и *сорок*. Однако этой утрате предшествует или сопутствует освобождение числительных от категории рода, т. е. устранение соотносительности с параллельными формами склонения имен существительных. *Сто* перестало быть параллелью к *сито*, и *сорок* уже не было связано с склонением слов типа — *порох* (ср.: «*сорок сороков*»). Таким образом, падение форм склонения у *сто* и *сорок* устраняло морфологическую омонимию систем склонения имен существительных и имен числительных (*сито*, *ситу* и т. п. и *сто*, *сту* и т. п.; но ср.: *двести*, *триста*, *двухсот*, *трехсот* и т. п.; *сорок*, *сорока*, *сороку* и т. п.). Ср. в XVII — XVIII вв. форму *сорокью* по аналогии с *тридцатью* и т. п. <...>

§ 4. Слабое развитие омонимии окончаний в системе глагола.

Русский глагол отличается бедностью конечной флексии. В нем морфологический центр переместился от конца слова к началу, от конечных флексий к префиксальным. На почве этого флексийного однообразия системы спряжения у некоторых русских грамматистов сложилось ложное убеждение, что русское спряжение исчерпывается изменениями флексии лица (*вижу*, *видишь* и т. п.). Однако и при таком ограничении обнаруживается резкое различие между омонимическими личными флексиями настоящего времени и императива (*-ем*, *-им*, *-те* и др.). В повелительном наклонении личные флексии присоединяются к основе по принципу агглютинации: они, приклеиваются к основной

форме императива (*ответить, ответь-те, ответ-им-те*). Между тем в настоящем времени тип «словоизменения» — фузионный, т.е. основанный на спайке морфологических элементов, на внедрении одного в другой (ср. *хвал-ю, хвали-шь, хвал-и-те, хвал-ят; пек-у, пе-ч-е-шь, пек-ут* и т. п.; особенно резко в атематическом спряжении: *дам, дашь, даст, дадим* и т. п.; *ем, ешь, 'ест, едим* и т. п.). По отношению к формам настоящего времени можно говорить и о намечающейся в разговорном языке омонимии типов спряжения (первого и второго) — при безударности окончания (ср. *летаешь* и *видют, смотрют* и т. п.). Этот процесс представляется естественным на фоне ярко обнаруживавшейся в продуктивных, классах глагола тенденции к уравниванию, к унификации морфологического строя во всей системе спряжения (ср. непродуктивность формы прошедшего времени без *-л* в мужск. роде, т. е. в образованиях типа: *пек, греб, стриг, мог* и т. п.; непродуктивность инфинитива на *-чь* и *-сть, -ти* и т. п.).

Другие виды морфологической омонимии в системе глагола еще менее выразительны. Так, омонимия основной формы императива совершенного вида и формы прошедшего времени мгновенно-произвольного действия (*пойди и скажи ему* и: *а он пойд и скажи ему*) парализуется интонационными отличиями форм и резкой разницей в их синтаксическом употреблении. Применение основной формы императива несовершенного вида для обозначения непроизвольного, вынужденного, наказанного действия с оттенком долженствования (*вы уйдете в театр, а м сиди-и работай*) еще не привело в русском языке и образованию особого, самостоятельного наклонения. Поэтому здесь можно говорить лишь о тенденции к распадению формы на два омонима. <...>

§ 5. Суффиксальная омонимия в классе имен существительных и тенденции к морфологической дифференциации омонимов.

От флексийной омонимии следует отличать омонимию суффиксальную. Широкому развитию омонимии окончаний в системе имен существительных противостоит тенденция к устранению омонимичных суффиксов, к их семантическому слиянию или к их решительному словообразовательному разъединению. Если в именном суффиксе развиваются далеко расходящиеся значения, способные привести к распадению суффикса на два омонима, то обычно одно из этих значений вымирает, становится непродуктивным. Выживают лишь те суффиксальные омонимы, которые резко различаются или кругом употребления, или способом словопроизводства, или экспрессивной окраской.

Например, суффикс *-ец* является в современном языке продуктивным способом пополнения категории лица (не только от глагольных, но и от именных основ. Таковы, например, обозначения лиц: *храбрец, удалец, молодец, глупец, хитрец, скупец, мертвец, жилец, беглец, пришелец, ленивец, красавец, любимец, ловец, делец, боец, борец, гонец, гребец, владелец, кормилец, книгопродавец, земледелец; партиец, комсомолец, ленинец, вузовец, беженец, невозвращенец* и т.п.).

В сфере категории лица суффикс *-ец* обрастает «потомством» производных вариантов: *-алец, -илец, -елец; -овец; -енец*. Образуя слова со значением лица, этот суффикс постепенно теряет свое вещественное или чисто предметное значение. Поэтому становится непродуктивным суффикс *-ец* для обозначения предмета, по его качеству, по отношению к действию, материалу и т. п. (ср. слова: *корец, багрец, шелк-сырец, конец, рубец, резец, румянец, гостинец, трезубец, варенец* и т. п.).

От этого суффикса *-ец* очень далек по способу словопроизводства, по характеру морфологических связей и по значению его омоним-суффикс субъективной оценки *-ец*, присоединяющийся к словам мужского рода (преимущественно в разговорной речи: *закатец, хлебец, журналец, доходец, уродец* и т. д.). Но характерно, что и этот уменьшительно-ласкательный суффикс разговорной речи приобретает все более и более фамильярно-ироническую, уничижительную окраску и, выходя за пределы литературного языка, даже теряет свое значение суффикса мужского рода (ср. вульгаризмы: *бабеч, рыбеч* и др. под.).

Интересно указание Я. К. Грота, что в двухсложных словах уменьшительные формы отличаются от обозначений лиц (и предметов) на *-ец* своим ударением — всегда на предшествующем суффиксу слоге, например, *хлебец, шкапец* и т. д. (но: *жилец, наглец, самец* и др. под.).

Исключением являются лишь заимствованные слова и единичные названия лиц по «происхождению»: *немец, горец*.

Не менее характерны приемы акцентологического обособления уменьшительного суффикса *-ик* от его омонима *-ик*, который производил от основ прилагательных имена лиц и предметов, а от числительных — названия мер.

Уменьшительный суффикс *-ик* никогда не принимает на себя ударения: *ротик, домик, прутик, столик, мостик, кустик, топорик, гвоздик, халатик, карапузик* и т. п. Ср. уменьшительно-ласкательную

окраску даже таких слов, как *рыжик*, *пыжик* и т. п. Напротив, его омоним — суффикс *-ик* в обозначениях лиц и предметов без субъективной оценки — обычно имеет ударение на себе: *старик*, *тупик*, *четверок*, *шестерик* и т. п. Впрочем, этот суффикс теперь вообще непроемкителен. Он уступил место производному суффиксу *-ник* (*беспризорник*, *отличка*, *ударник*, *декадник*, *субботник* и т. п.).

Еще более интересна дифференциация омонимических суффиксов *-ок* (с «беглым» о). Живой суффикс *-ок* с уменьшительно-ласкательным значением постоянно имеет ударение на себе (в косвенных падежах ударение переходит на флексию): *глазок*, *домок*, *сучок*, *кружок*, *узелок*, *волосок*, *ветерок*, *островок*, *вечерок*, *стебелек*, *флигелек*, *пирожок*, *дурачок*, *старичок*, *петушок*, *погребок* и т. п. <...>

§ 6. Приемы устранения суффиксальной омонимии в системе имен прилагательных.

Суффиксы имен прилагательных резко отличаются от суффиксов имен существительных своим семантическим объемом. В большей части их значения унифицированы, сведены к единству. Только немногие из суффиксов прилагательных содержат несколько значений (например, *-тельный*, *-истый* и некот. др.). Кроме того, суффиксы переходного, *качественно-относительного* типа (*-ский*, *-ный*, *-овый*, *-евый*) имеют ярко выраженную тенденцию к «генерализации», к абстрактному обобщению значения, которое расширяется до общего указания на качественное отношение к предмету (ср. *первомайский*, *машинный*, *трудовой* и др. под.). Понятно, что в такой смысловой атмосфере не может быть развитой омонимии. Не подлежит сомнению, что в процессе своего исторического самоопределения — на основе различения понятий предмета — субстанции и качественного признака — категория имен прилагательных освобождалась от суффиксов, общих с именами существительными (ср., например, омертвление суффикса *-р* в *старый*, *добрый*, *бодрый* и т. п.; ср. *жир*, *дар*, *мир* и т. п.; ср. суффикс *-атый* и существительное на *-ат*: *ушат* и др. под.).

Суффиксальная омонимия в системе прилагательных развивается только на почве заимствования интернациональных суффиксов или на почве морфологического «переразложения» русских составных суффиксов. Но и в этих случаях она обычно устраняется путем семантического слияния омонимов, или путем омертвления одного из них, или же путем резкой словообразовательной дифференциации их. <...>

§ 7. Суффиксальная и префиксальная омонимия в системе глагола. Разные типы префиксальной омонимии.

Система русского глагола избегает суффиксальной омонимии в той же мере, как и флексийной. Разные суффиксы служат средством дифференциации продуктивных классов глагола". Поэтому омонимия могла бы сложиться лишь внутри какого-нибудь одного глагольного класса. Однако большая часть глагольных классов оформляется при посредстве только одного продуктивного суффикса. Даже те классы, которые характеризуются целой серией суффиксов, на самом деле имеют только одну глагольную форманту данного класса, но сросшуюся с разными именными или глагольными морфемами (например, среди суффиксов первого класса: *-нич-а*: *сапожничать*, *бездельничать*: в имитативных глаголах: *-к-а*: *шикать*, *баюкать* и т. п.; в образованиях несовершенного вида: *-ыв-а*, *-ив-а-*, *-в-а-*, *-а'-*: *выспрашивать*, *устраивать*, *скрывать*, *пускать* и т. п.).

В системе глагольного словообразования наиболее весома историческая омонимия суффиксов *-овать*. Один из них заимствован в конце XVII — начале XVIII в. из польского языка и стал продуктивной словообразовательной формой освоения иностранных слов, например: *ревизовать*, *арестовать* и др. Но в русском языке был свой глагольный суффикс *-овать*, *-овать* (*-евать*, *евать*), в котором объединились церковнославянские и русские формы (*именовать*, *требовать*, *сетовать*, *пользоваться*, *советовать*, *горевать*, *межевать*, *колесовать*, *торговать* и т. п.). Различие между русскими и церковнославянскими формами здесь выражалось отчасти в ударении (у большей части церковнославянизмов этого типа ударение остается на основе), отчасти в соотносительности русского суффикса *-овать* (*-овать*) с суффиксом несовершенного вида *-овывать*, при невозможности образовать форму на *-овывать* от глаголов с неударяемым *-овать* (например, *выторговать* — *выторговывать*, *размежевать* — *размежевывать* и т. п.; но ср.: *беседовать*, *сетовать*" и т. п.). <...>

§ 8. Грамматическая омонимия в группах слов, одновременно принадлежащих к разным категориям.

Взаимодействие и взаимопереход «частей» и «частиц» речи, преобразование частей речи в модальные слова и междометия — все это создает почву для омонимии морфологических типов, относящихся к разным грамматическим категориям.

Так, уже на почве субстантивации прилагательных возникают омонимы имен существительных и прилагательных. В них, несмотря на резкие семантические и грамматические различия, вся система флексий (в пределах данного рода) совпадает. Например, *белый* (прилагательное) и *белый* (в значении 'белогвардеец'), *дежурный* (прилагательное, например, *дежурный миноносец*) и *дежурный* (существительное), *часовой* (*часовой мастер*) и *часовой* (существительное), *встречный* (*встречный иск*, *встречный промфинплан*) и *первый встречный* ср.: *встречный* и *поперечный*), *мировая* (*мировая сделка*) и *пойти на мировую*; *мостовой*, *мостовая*, *мостовое* (прилагательное) и *мостовая*; *парикмахерский*, *-ая*, *-ое* и *парикмахерская*; *второе* (*место*) и *второе* (*что сегодня на второе?*).

Любопытно, что в современном языке даже имена существительные Типа *зло*, *добро*, *благо* и др. под. воспринимаются как производные от прилагательных (ср.: *втора* — 'второй голос в музыкальной партии').

В этих соотносительных омонимических парах флексия имени прилагательного становится гибридной суффиксально-флексионной приметой имени существительного (ср. *вожатый*, *проводжательный*). Ведь в именах существительных *-ый* (-ой), *-ая*, *-ое* уже не являются формами согласования. Они тут не только обозначают род, число и падеж имени существительного (*столовая*, *жаркое* и т.п.), но и выполняют функции предметного или личного суффикса. Однако характерно, что старая именная суффиксальная омонимия между существительными и прилагательными исторически устранена. Суффиксальные омонимы вроде — *бородат*, *пузат* и т. н. (имя прилагательное) и *ушат*; *лукав* и *рукав*; *неустрашим* и *нелюдим* и др. под. единичны (особенно, если соответствующий суффикс закреплен за категорией имен прилагательных).

Бросается в глаза резкое различие в структуре омонимов из сферы «изменяемых», т.е. флексирующих частей речи, от омонимов между классами «неизменяемых» слов. Если переход слова с развитой системой «форм словоизменения» из одной категории в другую социально утвердился, синтаксически освоен и канонизован общим употреблением, то возникают два разных слова — омонима. Таковы, например, *рядовой* (ученик, писатель и т. п.) и *рядовой* (устаревшее, в значении 'солдат'), *служащий* (прилагательное) и *служащий* (существительное), *уборная* (например, *уборная наколка на волосах*) и *уборная* и т. п.

Естественна тенденция укрепить это противопоставление слов акцентологически: *жаркое* и *жаркое лето*; *домовый трест* и *домовой* и т. п. <...>

§ 9. Нейтрализация грамматической омонимии лексической однородностью слов.

Грамматическая омонимия, находящая себе внешнее выражение только в различиях синтаксических функций, очень часто не приводит к распаду слова на омонимы, на разные слова, иначе говоря: в лексической системе одного слова у так называемых «неизменяемых» слов возможно омонимическое совмещение грамматически разнородных форм и категорий. Одно и то же слово иногда выступает в таких грамматических функциях, которые настолько далеки, что должны быть признаны по существу своему омонимичными. Таково, например, применение одной и той же лексемы в функции категории состояния и модального слова (ср.: *слышно*, *видно*, *известно* и т. п.— *он, слышно, в гору пошел* и *слышно песню* и др. под.).

Правда, тут все зависит от характера сочетания или столкновения лексических значений с грамматическими, от согласия их или полного распада, разъединения. Например, *прямо* — наречие (*идти, ехать прямо; поступать прямо* и т. п.; ср.: *отправился домой прямо в свой номер* (Гоголь) и *прямо* — усилительная частица (*прямо беда, прямо невозможно, прямо прелесть*); *просто* — наречие (*просто вести себя, говорить просто* и т. п.; ср.— *просто* — средн. р. краткого прилагательного: *дело просто*) " и *просто* — частица с модальным оттенком (*просто беда, это просто негодяй; Я Пушкин просто, не Мусин; Это непростительно глупое слово просто сорвалось у меня с языка* (Тургенев); ср.: *просто деваться некуда*) и др. под. являются разными словами, а не разными формами и значениями одного слова. <...>

О. С. Ахманова Словарь омонимов русского языка. М., 1974.

<...> Как известно, внимание к проблемам омонимии было привлечено еще в 20-х годах широко известными работами Л. А. Булаховского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, причем уже в 1940 г. В. В. Виноградов поставил со всей ясностью вопрос об омонимии не просто в общетеоретическом плане, но и применительно к лексикографии. В статье «О грамматической омонимии в современном русском языке» В. В. Виноградов на конкретных примерах показал недостатки толковых словарей русского языка,

бессистемно трактовавших аналогичные случаи то как разные значения одного и того же слова, то как разные слова — омонимы. <...>

Что же такое омоним и как следует вообще подходить к вопросу об омонимии? Прежде всего необходимо ещё раз обратить внимание на то, что *омонимы* и *омонимия* относятся к тем лингвистическим понятиям, которые конституируются наличием определённого *отношения*. Иными словами, нельзя говорить об *омониме*, т.е. характеризовать то или другое слово в отдельности как омоним. Можно только говорить об *омонимах* как о разных словах, совпавших по своему внешнему облику. Точно так же, уточняя дефиницию, можно определять *омонимы* как два (или более) слова, состоящие из тождественных фонемных рядов и различающиеся только семантически или грамматически, или и семантически и грамматически одновременно.

Понятно, что такие определения будут иметь смысл только если считать, что само понятие «слова» является в достаточной степени ясным и определённым.

Не имея возможности подробнее остановиться здесь на этом вопросе, следует тем не менее сказать, что одним из крупнейших достижений советского языкознания, нашедшим отражение и в советской лексикографии, является то, что у нас преодолено свойственное многим языковедческим направлениям неразличение слова – с одной стороны, и его лексического или грамматического варианта, или формы, или разновидности – с другой.

Слова, как наиболее полноценные языковые единицы, в результате общественного применения языка с объективной необходимостью оказываются связанными с определёнными «единицами внешней оболочки». Материальная языковая оболочка постольку и является языковой оболочкой, поскольку она наполнена определённым смысловым содержанием. Поэтому наиболее естественным было бы такое положение, при котором каждой единице языкового смысла соответствовала бы отдельная и строго закреплённая за ней единица внешней оболочки. Однако этого положения, которое, отвлеченно рассуждая, и могло бы казаться желательным, удобным и т.п., на самом деле не существует. Обычно единицы внешней оболочки оказываются как бы растяжимыми, легко допускающими соотношение их со всеми новыми и новыми разновидностями и оттенками языкового содержания или значения. Отсюда обычное сосуществование в границах одного слова весьма разнообразных лексико-семантических его вариантов («разных значений»), не разрушающих, однако, его тождества.

От этого положения, представляющего общее правило, общий закон функционирования и развития языковых единиц, принципиально отличаются те случаи, когда единицы внешней оболочки оказываются как бы сдублированными, а иногда и утроенными, учетверёнными. Это происходит тогда, когда они оказываются связанными [или соотносёнными] с настолько разными единицами смысла, что наличие для каждой в отдельности одной и той же внешней оболочки выступает уже как возникшее в результате какого-то особого стечения обстоятельств. Поскольку общим правилом функционирования языковых единиц является закреплённость данной внешней оболочки за определёнными единицами значения, факт объединения в одной и той же единице внешней оболочки совершенно различных значений требует особого изучения. Следует заметить, что «бремя доказательств» (*onus probandi*) в таких случаях падает на того, кто рассматривает данное семантическое расщепление звукового комплекса как омонимию, а не как разветвлённую полисемию, т. е. разросшуюся, расширившуюся совокупность лексико-семантических вариантов *одного и того же* слова.

Как же, на основании каких правил и критериев можно отграничивать разные значения одного и того же слова от разных слов-омонимов? Думается, что совершенно правы те авторы, которые объясняют неупорядоченность в существующих общих словарях...отсутствием достаточно строгой методики, достаточно определённой общеметодической и общетеоретической основы для того, чтобы можно было принимать однозначные решения в бесконечном количестве разнообразнейших конкретных случаев. Как показывает материал, основным критерием и должен явиться *системный характер* представляемых лексико-семантических отношений: тот или иной индивидуальный случай должен трактоваться как представитель того или другого типа. Важно отметить, в связи со сказанным, что разные типы составляют по отношению друг к другу сложную иерархию: степень «омонимизации» или «омонимности», того или другого лексико-семантического отношения может быть далеко не одинаковой.

Высказанные соображения и исследованный материал заставляют нас коснуться вопроса о тех разнообразных случаях несовместимости звучания и значения, которые акад. В. В. Виноградов назвал «омоформией», т. е. случаев «одинакового звучания» при «несовместимости значений» не в слове в целом (как совокупности всех его грамматических форм), а лишь в какой-то части его форм. Однако полное описание всех случаев и типов в этом аспекте вряд ли возможно при современном состоянии иссле-

дования. По-видимому, пока целесообразно сосредоточиться на омонимии *словарных форм*, т.е. тех форм слов, которые традиционно выступают как их представители в словарях, при изучении языков и вообще во всех тех случаях, когда слова становятся не орудиями, а *предметом* речи. <...>

1. *Слова с выраженной морфологической структурой*. Омонимия их обуславливается семантической несовместимостью либо основной, либо формальной части или даже несовместимостью как основной, так и формальной частей. Невозможность объединения единиц этого рода в системе значений одного слова может определяться также такими особенностями их строения, которые более или менее регулярно воспроизводятся, имеют *системный характер*, т.е. такими их свойствами, которые раскрываются только в системе структурно-семантических оппозиций данного языка.

Этот важнейший тип подразделяется на 5 подтипов.

1. Омонимия основ. К этому подтипу относятся такие производные слова, которые оказываются семантически несовместимыми потому, что они образованы от разных производящих основ. Так, например, *колкий I* (колкая трава, колкая насмешка) и *колкий II* (колкий сахар, колкие дрова) произведены соответственно от *колоть I* (колоть иглой) и *колоть II* (колоть дрова); *перетопить I, II и III* произведены соответственно от *топить I* (топить печь), *топить II* (топить сало) и *топить III* (топить человека); *многозначный I и II* — соответственно от *значение* и *знак* и т.д.

Таким образом закономерно омонимируются целые лексико-грамматические классы слов. Так, например, при омонимии исходных глаголов автоматически омонимируются отглагольные существительные (*визирование I, II* при наличии *визировать I, II*; *баловство I, II* от *баловать I, II*; *уравнение I, II* от *уравнивать I, II* и мн. др.), при омонимии основ существительных — соответствующие относительные прилагательные *гранатовый I, II* от *гранат I, II*; *базисный I, II* от *базис I, II*; *угарный I, II* от *угар I, II* и др.

2. Омонимия аффиксов. Сказанное выше об омонимии основ *mutatis mutandis* относится и к этому подтипу. Семантический анализ приставок даёт основание для вывода о наличии 6 омонимичных приставок *пере* <...>, 2 омонимичных приставок *за...*, *до...*, 5 приставок *о (об, обо, обь)* <...>. Поэтому глаголы, образованные с этими приставками, являются омонимами.

Аналогичный анализ проделан и для суффиксальных образований. Такие суффиксы, как <...> *ник I, II*, <...> *тель I, II*, также порождают производную омонимию. См., например, *ночник I, II*, *держатель I, II* и др.

В связи с этим следует заметить, что в исследованиях по омонимии наиболее спорными представляются случаи типа *финка, полька*, однако поскольку основным критерием является именно тот или иной характер системных отношений, *финка I* (соотносимая с *финн*) и *полька I* (соотносимая с *поляк*) не могут объединиться в семантической структуре одного и того же слова с *финка II* (нож) и *полька II* (танец). <...>

3. Разная степень членимости, т.е. неодинаковая морфологическая мотивированность построения омонимически противопоставляемых слов. Хотя оба омонима в таких случаях восходят к одной и той же словопроизводственной модели, семантическая и морфологическая их связь с производящей основой разная; ср., например, *выправить* гранки (*править* гранки) и *выправить* паспорт. Такое же отношение наблюдается в *выглядеть I, II*, *донести I, II*, *отбывать I, II*, *плестись I, II* и т.д.

4. Различие внутренней структуры, не имеющее открытого выражения в словарной форме. Хотя определение этого подтипа и противоречит как будто бы определению данного типа в целом, он включается именно сюда, так как в конечном счёте этот вид омонимии всё же определяется морфологическими особенностями, хотя и неявного свойства. Так, например, *самострел I* — это то, что само стреляет (вид оружия), тогда как *самострел II* — это стреляние в себя или тот, кто сам в себя стреляет, *газоход I* — то, по чему идёт газ, то, что является ходом для газа, а *газоход II* — то, что ходит газом, при помощи газа, см. также другие примеры (*привод. порыв, припёк*). Эти сравнительно немногочисленные случаи представляют тем не менее большой интерес, так как здесь проявляются те особенности морфологической структуры, которые носят название криптотипических (*covert, cryptotype*) и особенно важны для исследования причин и типов полного совпадения звучания при явной несовместимости значения.

5. Несовпадение (различие) по принадлежности к частям речи, т.е. лексико-грамматическая несовместимость, например, *печь I, II*, *часть I, II*, *знать I, II, III*. <...>

Объединённые в типе I со всеми его подразделениями разнообразные виды отношений представляют наибольший интерес. Входящие сюда омонимы являются структурно сложными и их выделение основывается на изучении их морфологического строения. Поскольку слово — это единство лексического и грамматического, вещественного и формального, вполне обоснованным представляется сле-

дующий постулат: если несовместимым оказывается значение хотя бы в одной морфологической части сравниваемых единиц, их следует считать омонимами, поэтому в эту категорию включаются многочисленные и разнообразные приставочные глаголы, прилагательное и существительное, склоняющееся как прилагательное, и т.п. Из аналогичных соображений в эту категорию входят также многочисленные и разнообразные слова с десемантизированным уменьшительным суффиксом, потому что они, в отличие от своих омонимов, несоотносимы с основными словами, и многие другие.

II. *Исконно разные слова.* В эту группу входят такие случаи, в которых семантическая несовместимость определяется характером их прототипов, т.е. семантическими отношениями, установившимися за пределами данной синхронической системы и, поэтому, необъяснимыми в рамках этой последней, например, *брак I, II, кран I, II, рейд I, II, лук I, II, такса I, II, топить I, II, III*. Вполне понятно, что объяснение здесь может быть только диахроническим, т.е. в терминах уже прежде осуществлявшихся фонетических процессов.

Как видно из приведённых примеров, слова, относимые к этому типу, далеко не однородны: наряду с такими словами, как *кран I, II* или *рейд I, II*, которые генетически различны, т.е. восходят к совершенно разным словам и даже из разных языков, сюда включаются омонимы *лук I, II, топить I, II, III*, где все слова являются исконно разными словами и относятся к данному типу только потому, что несовместимость их значений восходит к ранним периодам развития русского языка и таким образом тоже выводится за пределы данной синхронической системы. Ср. также *лебёдка I, II*.

III. *Разошедшаяся полисемия.* Как явствует из сказанного в начале настоящего предисловия и из литературы вопроса, именно этот тип омонимии вызывает наибольшие сомнения и трудности. В большом числе случаев омонимия здесь находится *in statu nascendi* и даже в тех случаях, когда процесс можно считать завершившимся, объективным критерием оказываются такие факторы, как различие словообразовательных рядов, характер словосочетаний и т.п. <...>

Как показывает языковой материал, между типами II и III нет неподвижной — постоянной и неизменной границы, поскольку именно такова природа соотношения синхронии и диахронии вообще. См., например, *палата I, II, белый I, II, красный I, II, кулак I, II, пионер I, II, парк I, II*. <...>

<...>

Функциональная омонимия

Функциональная омонимия противопоставляется морфематической: в этом случае состав морфем в *словарных* формах сопоставляемых слов остается одним и тем же. Тем не менее, такие пары, как наречие и краткое прилагательное, наречие и предикативное слово, прилагательное и отадъективное существительное, являются *разными* словами, различающимися вполне отчётливо в плане словоизменения (как известно, отсутствие у слов выраженного, или маркированного, словоизменения отнюдь не лишает их грамматической формы, без которой слово вообще немислимо).

Функционально-синтаксический характер выраженной омонимии у прилагательных в отличие от морфематического у существительных и глаголов сближает этот класс слов с такими словами, как наречие, предикативное слово, слова категории состояния и т.п. Во всех этих случаях состав *словообразовательных* морфем остаётся одним и тем же. К этой категории явлений вполне определённо относятся следующие: 1) омонимия краткой формы прилагательного среднего рода и наречия на -о; <...> 2) омонимия наречия и предикативного слова. <...>

«Функционально выраженная» омонимия принципиально отличается от тех функционально-синтаксических отношений, которые связывают полнозначную и служебную функцию таких слов, как *когда* (наречие и союз), *кругом* (наречие и предлог), *лишь* (наречие и союз), *позади* (наречие и предлог), *накануне* (наречие и предлог), *подобно* (наречие и предлог), *пока* (наречие и союз) и т.п. Дело в том, что соотношение прилагательных и существительных, прилагательных и наречий, наречий и предикативных слов и т.п. есть соотношение *разных частей речи*, т.е. устойчивых языковых образований с определёнными лексико-грамматическими свойствами, обозначающих разные стороны действительности — предметы, процессы, качества и т.п. Такие явления, как, например, употребление наречий *накануне, напротив, кругом* в служебной функции как предлогов дают соотношение, качественно отличное от первого: полнозначное и служебное *употребления* одного и того же слова как бы накладываются на существующую систему частей речи, пересекают её.

Из сказанного следует, что в отличие от морфематической, функциональная омонимия вполне раскрывается только во вполне определённо противопоставляемых синтаксических позициях — например, «слова на -о» являются прилагательными в сочетании с существительными, но наречиями в со-

четании с глаголами и т.п. Поэтому перевод их на другие языки оказывается в известной мере условным — далеко не во всех случаях можно дать при вокабуле эквивалент, который подходил бы для данных иллюстративных фраз. <...>

<...>

Омографы

В русском языке имеется значительное количество слов, существующих в виде двух фонетических вариантов, причём нередко различия их фонемного состава определяются разным местом ударения. В качестве примера можно привести такие слова, как *договор* — *договор*, *творог* — *творог*; *тотчас* — *тотчас*; *подвижный* — *подвижной*, *поисковый* — *поисковый*; *прикус* — *прикус*; *просып* — *просып* и мн. др.

То, что во всех этих случаях мы имеет не разные слова, а именно фонетические варианты одного и того же слова, не вызывает никаких сомнений, потому что между ними невозможно обнаружить никакого различия ни в значении, ни в употреблении, ни в стилистических коннотациях.

От явлений этого ряда принципиально отличаются такие пары, где, казалось бы, то же самое фонетическое соотношение сопровождается полной несовместимостью значений, а также различием словообразовательных связей, словоупотребления, лексико-фразеологических зависимостей и т.п. В этом случае мы безусловно можем и должны говорить об *омографах*, т.е. о разных словах, лишь более или менее случайно совпавших по написанию в традиционной русской орфографии. <...> Следует прежде всего еще раз напомнить, что омографы могут возникнуть в результате семантического расщепления вариантов одного и того же слова. Очень яркими примерами такого случая являются следующие: *хаос* — в древнегреческой мифологии и философии — беспредельное пространство, представляющее собой беспорядочную смесь материальных элементов мира, из которого произошло все существующее, и *хаос* — крайний беспорядок, неразбериха, беспорядочное смешение чего-н., отсутствие системы, устроенности в чём-н.; *характерный* — обладающий резко выраженными своеобразными чертами, являющимися отличительной особенностью кого-н., и *характерный* — обладающий твёрдой, сильной волей, упорством в достижении чего-н., или даже обладающий сердитым вспыльчивым и упрямым характером; *шабаш* — субботний отдых, предписываемый еврейской религией; в средневековых поверьях — ночное сборище ведьм и *шабаш* — окончание работы, перерыв для отдыха и в значении сказуемого: кончено довольно, баста, конец и т.п. <...> В области омонимии регулярно фиксируются лексикализованные формы множественного числа, некоторые формы 3-го лица единственного числа в некоторых из наиболее часто воспроизводимых своих значениях и т.п. Здесь же, в области омографии, по-видимому, столь же регулярно будут фигурировать омографические видовые пары, такие как, например: *врѣзатъ(ся)* — *врѣзатъ(ся)*, *досыпатъ* — *досыпатъ*, *накликать* — *накликать* и т.п. Следует отметить, что, хотя члены видовых пар не только «совместимы», но и могут прямо совпадать по лексическому значению [обычно, действительно, совпадают], особенности в их грамматических значениях оказываются совершенно различными, причём различие это оказывается вполне отчётливо выраженным.

Омография вообще и омонимия — явления, теснейшим образом связанные. <...>

Лексические паронимы

О.В. Вишнякова Паронимия в русском языке. М., 1984.

С. 4-15

ПАРОНИМЫ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Явление паронимии отмечено во многих языках. В современном русском литературном языке паронимы представляют собой особый пласт лексики, характеризующийся созвучностью слов, родственных по корню, но различающихся семантически, т. е. не способных заменять друг друга в предложении без изменения его смысла. Паронимы — это близкие по звучанию однокорневые слова с ударением на одном и том же слоге, относящиеся к одной части речи, одному роду или виду, но выражающие разные смысловые понятия. Ср.: *абстрактность*//*абстракция*, *здравица*//*здравица*, *экономика*//*экономия*, *гримёрный*//*гримёрский*, *избирательный*//*избирательский*, *рыбий*//*рыбный*, *валить*//*взвалить*, *опечатать*//*отпечатать*, *раздеть*//*разодеть*, *зло*//*злостно*, *ныне*//*нынче*, *опасливо*//*опасно*. Паронимия как явление языка до сих пор исследована недостаточно полно. В лингвистике нет доказательного мнения о сущности паронимов, по-разному интерпретируются лексико-семантические контакты в группах

созвучных слов, отсутствует полный словарь паронимов русского языка. Некоторые ученые относят к паронимам все созвучные слова, признавая единственным критерием их объединения возможность окказионального смещения в речи. Так, в «Словаре лингвистических терминов» (1966) О. С. Ахмановой паронимы определяются как слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи, а в «Словаре лингвистических терминов» (1960) Ж. Марузо — как слова близкие другим словам своей внешней формой. Эти определения не очерчивают ни границ звукового сходства, ни вытекающей из этого степени тождественности морфемного состава, а потому создают предпосылку для включения в число паронимов не только однокорневых слов различных частей речи (*бродить* — *бродяга*), но и разнокорневых слов одной части речи (*бродить* — *бурлить*). К числу таких же широких определений относим и определение Ю. С. Степанова: «...паронимия есть частичное совпадение двух фонетических слов, не сводимое к омонимии и к совпадению каких-либо самостоятельных частей этих слов (корней, приставок, суффиксов, окончаний), при одновременном совпадении значений такого характера, что оно практически не может быть определено квалифицировано либо как синонимия, либо как вариантность» [43, 35].

Точка зрения на паронимы как на близкие по звучанию слова с ударением на одном и том же слоге, относящиеся к одному логико-грамматическому ряду, но выражающие различные смысловые понятия, находит много сторонников. Все чаще исследователи подтверждают однокорневую, а не разнокорневую основу паронимии. Случаи же смещения разнокорневых созвучных слов, а также случаи окказионального смещения созвучных слов, опирающиеся на индивидуальные вербальные ассоциации, эти исследователи относят к параномазии,

До 60-х годов XX в. паронимию изучали мало. Кроме определений в энциклопедиях, справочниках и словарях следует отметить отдельные важные и интересные замечания в трудах А. А. Потебни, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, М. М. Покровского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Н. М. Шанского и др. И только сравнительно недавно лингвисты стали специально изучать паронимы.

Впервые определение паронимов встречаем в «Объяснительном словаре 30 000 иностранных слов» (1871) И. Я. Бурдона [16, 414]. В середине XIX в. В. Я. Стоюнии, указывая на необходимость при обучении языку «занимать начинающего ученика выяснением слов, выражающих разные признаки и понятия их» [44, 377], в качестве примеров приводил лексические пары *рыбий//рыбный*, *зубастый//зубатый* (полные паронимы). Однако это было еще только упоминание паронимов. В 80-е годы Н. В. Крушевский отмечал наличие в языке слов, похожих друг на друга, но различающихся фонетически и морфологически [24, 97]. А. А. Потебня, говоря об образовании созвучных слов, обращал внимание на такие пары, как *статькь//станькь*, *рыби//рыбной* [36]. Позднее В. К. Поржезинский присоединился к точке зрения Н. В. Крушевского и отметил, что наличные звуковые варианты одного и того же слова могут дифференцироваться по значению» [35, 179].

В 30-е годы XX в. А. М. Пешковский назвал паронимы словами, сходными по звукам, но не тождественными (*предвидеть//провидеть*, *интеллигентный // интеллигентский*, *смешение // смещение*) [33, 59]. А. А. Реформатский определял паронимы как слова с подобным значением [38, 33]. В. В. Виноградов также не раз отмечал наличие в языке «параллельных образований» [7, 41]. Он утверждал, что «с омонимией в собственном смысле, этого слова нельзя смешивать и даже сблизать разнообразие типы, подобозвучий слов, возникающие в речи или даже встречающиеся в системе языка» [8, 6]. Ф. П. Филин неоднократно говорил о создании новых лексико-семантических единиц с разным лексическим значением путем словообразовательных морфем [46, 110]. А. Н. Гвоздев определял паронимы как «разные по значению слова со сходным, хотя и не тождественным, произношением» (*вакансия//вакация*, *адресанта//адресат*, *командированный//командировочный*) [14, 59].

Частичными омонимами (слова, не имеющие полного совпадения в звучании, но на слух весьма похожие) называли паронимы В. А. Мамонов и Д. Э Розенталь [28, 16]. А. Л. Шумилина вслед за А. А. Реформатским отмечает, что иногда «паронимы, благодаря некоторым особенностям значения и употребления, могут походить на синонимы», но тем не менее «синонимы необходимо отличать от паронимов» [57, 278]. В 60-е годы разделы о паронимах включаются во многие работы по лексике и стилистике современного русского языка [54, 63].

В 1966 г. в Праге вышла книга И. Влчека «*Uskali ruske slovní Zisoby*», посвященная явлениям русско-чешской паронимии и омонимии, правда, в большой степени: эта книга явилась первым словарем, отражающим явления интерференции. В 1980 г. С. М. Грабчиков в книге «Межъязыковые омонимы и

паронимы» также сделал попытку краткого описания близости двух языков и взаимопроникновения их элементов в области лексики [16].

В конце 60-х годов появляются справочные издания, в которых хотя еще и недостаточно, но все-таки уделено внимание паронимам: «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка» Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой (1968) и «Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика"» (1969) В. В. Акуленко.

В 1971 г. издан «Словарь паронимов русского языка» Н. П. Колесникова. В нем собрано 3000 созвучных слов. В этом словаре впервые дифференцируется семантика сходно звучащих слов, независимо от того, являются они или нет этимологически родственными. Однако в нем в основном уточняются всевозможные случаи смешения нерусскими созвучных русских слов.

Особые разделы посвящены паронимам в книгах М. И. Фоминой «Лексика современного русского языка» (1973) и «Современный русский язык. Лексикология» (2-е изд., 1983). Фомина определяет паронимы как «разные по значению слова, сходные по произношению, лексико-грамматической принадлежности и, как правило, родству корней» [50, 103]. В книге О. В. Вишняковой «Паронимы в русском языке» (1974) наряду с теоретическим обоснованием проблемы паронимии систематизированы лексикографические материалы и даны упражнения.

Краткий обзор работ о паронимах позволяет свести все существующие определения паронимов к двум основным: 1) паронимы — любые созвучные слова, имеющие разное значение и ошибочно употребляющиеся одно вместо другого; это понимание паронимии исходит из речевой нормы (эту трактовку Д. Э. Розенталь назвал расширительным пониманием паронимии); 2) паронимы — созвучные однокорневые слова с разным значением, принадлежащие к одному логико-грамматическому ряду; это определение паронимов учитывает и функциональный, и особенно семантический признаки.

Итак, лексические паронимы — это однокорневые слова, имеющие лексико-семантическую близость и принадлежащие одному семантическому полю. Паронимия — самостоятельное языковое явление, отличное от таких явлений, как омонимия, синонимия, антонимия, слова народной этимологии, варианты слова, слова с общей понятийно-логической соотнесенностью. Анализ толковых и этимологических словарей русского языка, словарей неправильностей, словарей паронимов, научной и учебно-методической литературы, пособий по вопросам культуры речи позволяет раскрыть закономерности выделения паронимов.

В состав толковых словарей русского языка вошло значительное количество паронимов. Наиболее полно паронимы представлены в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17-ти томах, 1950 — 1965). Включаются паронимы и в словари-справочники трудных случаев словоупотребления. В последние годы неоднократно указывалось на необходимость создания самостоятельного аспектного словаря паронимов. Словарь должен отразить запас паронимов русского языка, иметь нормативный характер. Наличие словаря паронимов особенно важно еще и потому, что в настоящее время русский язык как иностранный изучают во всех странах мира. Можно считать, что начало составлению словаря паронимов русского языка положил словарь-справочник Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка». Однако это словарь, как и «Словарь паронимов русского языка» Н. П. Колесникова, нельзя считать собственно словарем паронимов, поскольку однокорневые лексические единицы в них не являются преобладающими.

Сопоставление характерных признаков паронимов признаками синонимов, омонимов и антонимов убеждает в том, что паронимия — это область взаимоотношения созвучных однокорневых слов, поскольку компоненты каждой паронимической пары соотнесены между собой как параллельные единицы, т. е. созвучные морфологические образования, различающиеся как выражаемым или содержанием, так и формой (*восход//всход, советник//советчик, безответный//безответственный, хвостистский//хвостастый*). Отнесение признака параллельности к паронимии логично с точки зрения единых принципов подхода к характеристике различий в соотношении формы и содержания лексических единиц: значения паронимов совпадают (не пересекаются, как у синонимов), не противоплагаются (как у антонимов), их внешний вид не одинаков (как у омонимов) — паронимы существуют рядом, параллельно один другому.

Каждый из паронимов обладает функциональной самостоятельностью, может иметь синонимы и антонимы, потому не может быть заменен в речи другим компонентом паронимической пары. Сущность явления паронимии может быть сведена к функционально-звуковой параллельности лексических единиц. Это связано также с функционально-стилистической ролью паронимов: смысловозначительной, идеографической, или уточнительной.

Безусловно, паронимия — явление прежде всего лексико-морфологическое. Подтверждается это и наличием лексических паронимов в говорах. В словнике «Словаря современного русского народного говора» (под ред. И. А. Оссовета, 1969) зафиксированы паронимы, которые могут быть объединены в пары: *бойкий* (скользящий)//*бойный* (торный); *жниво* (стебли злаковых растений)//*жнитво* (жатва); *квелеть* (становиться хилым, больным) // *квелить* (доводить до слез); *овчарка* (женщина, ухаживающая за овцами) // *овчарница* (помещение для овец, выгороженное в общем дворе) и др. Эти примеры подтверждают, что диалектные паронимы, как и паронимы литературного языка, различаются и семантикой, и лексико-фразеологическими связями.

Наряду с лексической наблюдается также и синтаксическая паронимия. Синтаксические паронимы отличаются и от поэтических паронимов, и от контекстных паронимов, в которых только «ищутся семантические ассоциации» [59]: *нашла коза на камень//нашла коса на камень; Тяжелы на подъём, легки на подъемные*. Отметим наиболее характерные черты синтаксической паронимии. Прежде всего, определяющим признаком синтаксических паронимов выступает порядок приблизительно одинакового набора слов в паронимических единицах: *это не совсем так//это совсем не так; жена бывшего посла//бывшая жена посла; в каждой личности студента//в личности каждого студента; проза быта//бытие прозы*.

Изменение порядка слов в ряде случаев приводит к изменению синтаксических и семантических отношений; ср.: *состояние невесомости//невесомое состояние; мелодии осени//осенние мелодии; жжение этих писем//писем этих жжение*. Как видим, приведенные примеры не являются инверсией, усиливающей выразительность речи [ср. *Досадно было, боя ждали* (Л)]. Данные словосочетания — семантически самостоятельные синтаксические единицы, образующие паронимические пары.

Таким образом, 1) различный порядок слов отражает различную функцию; 2) различная функция влияет на порядок слов; 3) порядок слов в паронимичных словосочетаниях предполагает пристальное внимание к образующим их лексическим единицам; 4) каждая из созвучных синтаксических структур, построенных на соотношении словосочетаний, обладающих общим семантическим ядром, но различающихся либо категориальными характеристиками компонентов, либо порядком их следования, отражает самостоятельную мысль.

Синтаксические паронимы не взаимозаменяемы, как и фразеологические паронимы; ср.: *приложить руку* (подписать что-л.) // *приложить руки* (быть причастным к чему-л.); *в сторону* (на некоторое расстояние) // *на сторону* (работать на чужих). Различные образы, лежащие в основе созвучных фразеологизмов, не позволяют этим паронимическим парам быть взаимозаменяемыми. И это одна из основных особенностей фразеологических паронимов, отличающая их от фразеологических синонимов и фразеологических вариантов, характеризующихся способностью выражать один и тот же образ различными языковыми средствами, сопоставлять фразеологизмы с отдельными словами, вступающими с ними в стилистическую синонимию; ср.: *благим матом =громко; одна нога здесь, другая там =быстро* (фразеологизмы отличаются от стилистически нейтральных слов только просторечно" окраской и степенью признака).

Принципиальное отличие фразеологических паронимов от фразеологических вариантов состоит в том, что фразеологические варианты — это единицы с переменным составом компонентов при одном и том же значении и одинаковой степени семантической слитности; ср.: *взяться за ум — схватиться за ум; еле дышать — чуть дышать; заснуть вечным сном — заснуть последним сном; смотреть в могилу — глядеть в могилу*. Фразеологические паронимы при своем «внешнем» сходстве характеризуются тем, что не являются разновидностью одной и той же единиц в семантическом отношении: *в голос//в один голос; стать в сторону//стать на сторону*.

Специфика функционирования двух параллельных фразеологизмов обнаруживается в речи. Неправильно употребление фразеологических паронимов приводит к самому неожиданному, подчас комическому эффекту, поэтому в словарях при фразеологических паронимах должны быть особенно четкие толкования. Критерием признания фразеологизмов паронимичными надо считать полную невозможность взаимозаменяемости фразеологических единиц, составляющих созвучную двучленную группировку с резко дифференцированной семантикой [*язык проглотил* (молчать) // *язык проглотил* (вкусно)], а не наличие того или иного лексического паронима (например, *проглотить* из *поглотить* // *проглотить*). Для фразеологической паронимии, как и для лексической, характерна семантическая параллельность компонентов двучленной группировки. Она заключается в семантической самостоятельности каждого из компонентов паронимической пары при наличии сходных лексем, этимологически унаследованных от общих корней, или одного и того же семантического ядра [ср.: *со-*

ветник//советчик (совет), скотный//скотский (скот)], почему фразеологизмы и оказываются созвучными: *с маху//с одного маху; знать, где раки зимуют//узнать, где раки зимуют; брать в руки//брать в свои руки; стоять на месте//стоять на своём месте; в самом деле//на самом деле*.

Принцип параллелизма предполагает семантическую расчлененность лексических паронимов. При этом компоненты в паронимических парах предстают неравнозначными самостоятельными образованиями. Между компонентами паронимической пары нет ничего среднего, как, например, у антонимов: *молодой — (немолодой, нестарый) — старый* или синонимов: *нетолстый, тощий, худой*. Значения паронимов параллельны одно другому: *скрытный//скрытый, сытный//сытый*.

В некоторых случаях «расстояние» между параллельными понятиями, выраженными паронимами, так велико, что эти паронимы называют контрарными (противоположными): *адресант//адресат, оклик//отклик, сталагмит//сталактит, обделить//оделить, раздеть//разодеть*.

Сходное явление наблюдается и при фразеологической паронимии; ср.: *стать на путь* (присоединиться к мнению, точке зрения кого-л.) // *стать на пути* (помешать кому-л., препятствовать осуществлению чего-л.). То же наблюдается в фразеологизмах с отрицанием при глаголах, в одном из которых есть модальное слово (*надо, невозможно, нельзя, необходимо, нужно*). Конструкция является, действительно, отрицательной, а параллельная ей конструкция, имея отрицательную частицу непосредственно при глаголе, имеет утвердительное значение; ср.: *не надо жалеть человека, потому что его надо уважать; не жалеть — уважать человека надо* (не к жалости надо обращаться, а к уважению). Следовательно, если выражение *не надо жалеть* носит констатирующий характер, то выражение *не жалеть — уважать...* обладает наряду с этим экспрессивностью и подчеркивает, что не просто не надо что-либо делать, но надо делать что-то другое, более важное и значительное.

В сфере фразеологии паронимия — явление, закрепленное общепринятым употреблением, хотя и менее часто представленное, чем в лексике. Паронимичные фразеологизмы являются неотъемлемой частью художественного текста, иллюстрируя живое функционирование фразеологизмов. Паронимичные фразеологизмы, как и лексические, не взаимозаменяемы. Ср.: *знать, где раки зимуют* (знать, как поступить наилучшим образом, наиболее удачно, выгодно) // *узнать, где раки зимуют* (узнать, что значит настоящие трудности) [*Может, и новый адмирал когда был капитаном, знал где раки зимуют* (Ст.) *Вот перейдёшь в четвёртый класс, тогда узнаешь, где раки зимуют* (Нос.)].

Параллельность значений паронимичных фразеологизмов заключается в семантической самостоятельности каждого из компонентов пары при наличии сходных черт, т.е. в приблизительно одинаковом наборе слов, входящих в паронимичные фразеологизмы, в совпадении фразового ударения в них. Ср.: *в самом деле* (действительно, правда) // *на самом деле* (фактически); *приложить рук* (расписаться, быть причастным) // *приложить руки* (основательно поработать, постараться); *девать некуда* (очень много) // *деваться некуда* (негде провести время нечем его заполнить).

Исследование общих свойств паронимичных фразеологизмов затрагивает проблему соотношения синтаксической сочетаемости слов: фразеологизмы строятся на основе словосочетаний (а также сочетаний слов и предложений). С синтаксисом связаны порядок и способ соединения слов. Семантика фразеологизма всегда независима от значений составляющих его компонентов. Однако любое изменение порядка следования компонентов, замена предлога или числительного, смена видо-временных форм, смена грамматических форм существительного приводит к возникновению паронимов: *в стороне//на стороне; в голос//в один голос; махать рукой//махнуть рукой; язык проглотил//язык проглотишь; лицо//в лице*.

Анализ паронимичных фразеологизмов показывает не только семантическую, но и стилистическую и структурную неоднородность компонентов и пар. С точки зрения структуры можно выделить десять типов паронимичных фразеологизмов.

1. Модели, где смыслообразующие и смыслоразличительные функции компонентов паронимичных фразеологизмов переданы только грамматическим формам существительного. При этом в паронимичных фразеологизмах одинаковы и порядок слов, и предлоги: *в голос//в голос в корень//в корне; в кулак//в кулаке; в лице//в лице*.

2. Паронимичные фразеологизмы, образованные моделям «предлог + существительное» и «предлог + числительное или местоимение (аналогичные прилагательные по формам словоизменения) + существительное»: *в голос//в один голос; в лице//в одном лице; на деле//на самом деле; на месте//на своём месте; с маху//с одного маху*.

3. Паронимичные фразеологизмы, образованные по модели «глагол + существительное с предлогом». Глагол в них выступает опорным словом, однако смыслообразующие и смыслоразличитель-

тельные функции переданы предлогу или грамматическим формам существительного: *брать за душу//брать на душу; быть в руках//быть на руках; стать в стороне//стать на стороне; стать в сторону//стать на сторону.*

4. Паронимичные фразеологизмы, в которых смыслообразующие и смысловозначительные функции переданы предлогам при полном совпадении форм существительных: *в душе//на душе; в корню//на корню; в минуту//на минуту; в руках//на руках; в руку//на руку; в случае//при случае; в хвосте//на хвосте.*

5. Паронимичные фразеологизмы, образованные по моделям «глагол + существительное с предлогом» и «глагол + предлог + числительное или местоимение (аналогичные прилагательным по формам словоизменения) + существительное»: *брать в руки//брать в свои руки (взять в руки//взять в свои руки); стоять на месте//стоять на своём месте.*

6. Паронимичные фразеологизмы, в которых смысловозначительные функции переданы глаголу: *валить с ног//валиться с ног; девать некуда//деваться некуда; знать, где раки зимуют//узнать, где раки зимуют; как ни верти//как ни вертись; махать рукой//махнуть рукой; язык проглотил//язык проглотишь.*

7. Паронимичные фразеологизмы, в которых компоненты представлены тавтологическими сочетаниями: *из рук в руки//с рук на руки; изо дня в день//со дня на день; лицо в лицо//лицом к лицу; минута в минуту//с минуты на минуту; один в один//один на один; от слова до слова/от слова к слову; слово в слово//слово за слово.*

8. Паронимичные фразеологизмы, в которых смысловозначительные функции выполняют формы единственного и множественного числа: *в лицах//в лице, до чёрта//до чёртиков, злой язык//злые языки, по рукам//по руке, приложить руки//приложить руку.*

9. Паронимичные фразеологизмы, образованные по моделям «глагол + существительное» и «глагол + существительное с предлогом»: *выдать головой//выдать с головой; закрыть глаза//закрыть глаза на...; принести жертву//принести в жертву.*

10. Паронимичные фразеологизмы, образованные по моделям «глагол + существительное с предлогом» и «глагол + то же существительное с предлогом, но в другом падеже»: *повиснуть на шее//повиснуть на шею; стать на пути//стать на путь.*

Кроме отмеченных, наиболее регулярных типов, в русском языке имеются нерегулярные модели паронимичных фразеологизмов. И хотя они численно ограничены и малопродуктивны, знать их необходимо как для составления словаря (одноязычного или двуязычного), так и для обучения русскому языку нерусских: *в минуту// минута в минуту; в самом деле//на самом деле; к лицу//лицом к лицу; не в себе//не по себе; ни за грош//ни на грош; сам собой//само собой; скор на руку//на скорую руку; смотреть глазами (кого)//смотреть другими глазами.*

Следовательно, паронимичными в русском языке называют созвучные фразеологизмы с разным значением. Сходное звучание объясняется рядом причин: сменой порядка одних и тех же слов, сменой предлогов, сменой форм существительных или изменением одного и того же глагола в созвучных фразеологизмах, наличием или отсутствием числительного (или местоимения) в одном из паронимичных фразеологизмов, наличием тавтологических сочетаний одного и того же слова с разными предлогами в этих конструкциях.

Таким образом, говоря о паронимии как о явлении языка, следует отметить, что она характеризуется: созвучностью компонентов пары; резкой, доходящей до противоположности дифференцированностью значения компонентов; моносемией каждого компонента пары; н возможностью взаимозаменяемости компонентов, в силу качественной самостоятельности каждого из них. Ср.: *двуручный* (предназначенный для работы двумя руками снабженный двумя ручками) // *двурушный* (стремящийся одновременно действовать в пользу двух противоположных сторон путем обмана каждой из них, двуличный) *фотография девочки* (фотография, на которой изображена девочка) // *девочкина фотография* (фотография принадлежащая девочке); *держат в руках* (кого?) (держат в строгости, сдерживать чьи-л. порывы, подчинять своей воле) // *держат в своих руках* (что?) (имел во владении, в распоряжении); *Эти банки занимаются предоставлением* // *представлением всевозможных финансовых услуг*; *Теперь этот район стал экономическим* // *экономичным центром*; *Сейчас эти монополии представлены* // *предоставлены акциями в экономике* // *экономии страны.*

<...>

Наиболее надежным критерием выделения паронимов является их реальная сочетаемость. Каждый из паронимов входит в несколько определенных словосочетаний; например: *дипломатический* ('относящийся к дипломатии') — *работник, корпус, де>марш, протокол, неприкосновенность* // *дипломатичный* ('уклончивый, ловкий') — *человек; дипломатичный* ('тонко рассчитанный') — *ответ, поступок, речь, выступление*. Для паронимов характерно почти полное несовпадение сфер лексической сочетаемости, что исключает возможность употребления одного паронима вместо другого в одном контексте; ср.: *стары абонемент* ('использованный абонемент; абонемент, срок действия которого уже истек')//*старый абонент* ('давно пользующийся абонементом'). При неточном словоупотреблении возникает каламбур: *На вопрос дирижера была ли уже хоровая репетиция, отвечал возникший парень на все руки: «Вчера была генеральская! Один из приехавших пошутил: «Ну, а сегодня, значит будет графская!»* (Хес.) — в данном случае неправильное использование слов повлекло за собой смешение паронимов *генеральный*//*генеральский*. Следовательно, паронимы имеют ряд особенностей как в самой структуре значения, так и в характере их лексической сочетаемости и употребления.

Язык становится все более терминологичным, требуя предельной точности в использовании его средств; поэтому для нормирования речевых правил необходимо не только исследовать речевой акт, но и четко определить весь комплекс норм словоупотребления.

Паронимы следует рассматривать главным образом как двучленную группировку с разной валентностью компонентов. Семантическая структура паронима часто соотносится со стилистической. Это подтверждается наблюдением использования паронимичных архаизмов или просторечных слов, когда в современном литературном языке имеются их синонимы. Например: *И в Сибири люди живут. Может, я там-то и найду свой талант* (Гл.) *Приезжая в Пунгареху на в а к а ц и и, Эрнест ещё с дальних холмов различал среди зарослей папоротников белый дом с обширной террасой* (Дан.). Нарочитое использование слов *талант* и *вакации* вместо их синонимов *удача* и *каникулы* — характерный пример того, почему при рассмотрении паронимов целесообразно обращать внимание на стилистические ограничения, которые определяют сферу функционирования паронимов.

В языке художественных произведений использование слов определяется тем, насколько они свойственны речи того или иного периода и социальному положению персонажей. Высказывания персонажа художественного произведения нередко являются формой самовыражения героя. В этом случае речь персонажа помогает писателю создать художественный образ [10]. Например, для речевой характеристики персонажа Г. Николаева в романе «Жатва» использует неверное употребление одного из паронимов (*командированный*//*командировочный*): *В доме колхозника быстрый, по-городскому одетый человек посмотрел на ее удостоверение и сказал миловидной девушке: «Надя, проводите командировочную»* (ср. далее в авторском тексте: *Командированные курсанты обеспечиваются общежитием*)

Нередко употребление паронимичных архаизмов, просторечных слов или терминов вызывается желанием художника слова точно указать, какими словами в изображаемой им среде пользуются персонажи. Это объясняется стилистической дифференциацией речи, ограниченностью употребления слов определенными (например, профессиональными) сферами: *Переводный вексель есть документ, которым векселедатель — т р а с с а н т — поручает другому лицу — т р а с с а т у — уплатить определённую сумму (вексельная сумма)* (Кат.).

В лингвистической литературе неоднократно высказывалось мнение, что паронимами следует считать слова близкие по звучанию, но разные по значению. Но в таком определении, слишком широком, смешивается паронимия с паронимазией. Для решения вопроса, являются ли рассматриваемые слова паронимами, необходимо установить, отвечают ли они всем условиям определения паронимов, и выяснить отношения между компонентами рассматриваемой пары. Определяя паронимы, необходимо учитывать семантические, фонетические и грамматические признаки слов. Нельзя за признак паронимии принимать только фонетическую гармонию рифмуемых слов.

Поэтому, например, слова *временник*//*временичик* в первую очередь следует рассматривать как находящиеся в отношении морфологической производности, так как они содержат один семантический множитель — *время*. А так как понятие морфологической производности шире понятия синтаксической производности, то любое словосочетание, содержащее одно слово паронимической пары, не всегда может быть соотнесено со словосочетанием, содержащим второе слово: ср. *старый временник*//*старый временичик*.

Сочетаясь с одним и тем же словом, полные паронимы создают абсолютно самостоятельные, не совпадающие по смыслу выражения: *зрительное восприятие* ('восприятие, получаемое с помощью зрения как ощущения') // *зрительское восприятие* ('восприятие, получаемое зрителем'). Если каждый из паронимов сочетается с одним и тем же словом, это еще не значит, что рассматриваемые созвучие слова взаимозаменяемы. Семантические объемы паронимов — разные, и одинаково суффиксально образованные словосочетания (например, *дипломатический отказ* // *дипломатичный отказ*) выражают не идентичные понятия.

Основной критерий выделения паронимов — семантический (выражение разной мысли каждым компонентом паронимической пары), хотя паронимы — это однокорневые слова. Поэтому для признания двух слов паронимами необходимо и достаточно решить, какие семантические особенности делают эти созвучные слова паронимами: наличие различного толкования или наличие разных синтаксических связей.

Сравнивая паронимию и парономазию, необходимо рассмотреть причины, порождающие паронимические и парономатические явления. О природе парономазии лингвистов нет единого мнения. Одни считают, что это индивидуальный стилистический прием, другие — что это стилистическая фигура. Французский стилист П. Гиро замечает, что паронимические коллизии есть основа парономазии, так что это не случайное явление [61, 269]. Немецкий литературовед Э. Эльстер сущность парономазии истолковывает как сопоставление одинаково или сходно звучащих слов совсем различных корней [62, 203]. Английский лексикограф Ч. Онионс объясняет это явление как игру слов [63, 653]. Отличие паронимии от парономазии как одной из фигур речи состоит в том, что для парономазии (как для тавтологии, каламбура, аллитерации, антитезы) характерна орфоэпическая близость разнокорневых слов: *бурить, бурлить; контакт, контракт, отдалить, отделить; плотный, плотский; подлинный, подлый; ревизировать, резервировать; феска, фреска*.

Парономазия возникает при столкновении простых и сложных слов с созвучными корнями: *бурный, бурый; делегат, депутат; постель, постель; плавный, плавный; полный, полый; равнодушный, радушный; самомнение, сомнение; раунд, раут; спорный, спорый; туристы, юристы*. К подобному случайному сближению слов чаще всего приводит омофофония. С точки зрения функциональной значимости паронимия, являясь результатом языкового развития, результатом нормального функционирования языка, способствует устранению смысловой перегрузки отдельных его элементов.

Рассматривая словоупотребление, словотворчество связанные с фонетическим сближением семантически разнородных слов, обнаруживаем три парономатические разновидности: 1) явление парономазии: *антипатия, апатия; ветер, вечер; зреть, зрить; ланцет, пинцет; мания, мантия (величия); мухи, мухи (сомнений); фарс, фарш; экскаватор, эскалатор*; 2) слова с общей понятийно-логической соотнесенностью, или частичные паронимы: *вкусный, вкусовой, плодovitый, плодородный; смертельный, смертный*; 3) явления уподобления или выравнивания по звучанию морфологических компонентов: *Однажды пришли в команду снайперов два дружка — Киселёв и Михайлов из морской пехоты, двое анархических и дерзких лихачей-кудрявичей (Лавр.); Этот раскольничий пастор действует на душу мужиков неотразимо и словом, и делом: загоняет в свой рай и мистикой, и логистикой, и рублём, и дубьём (Гл.)*.

1.6. Лексическая синтагматика и функциональная семантика слова

В.Г. Гак «К проблеме семантической синтагматики» // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.

Применение методов структурного анализа к изучению различных аспектов языка обнаруживает одну характерную особенность. В области синтаксиса структурализм обратился прежде всего к методам, отражавшим с и н т а г м а т и ч е с к и е отношения элементов синтаксической структуры. Таковы анализ по непосредственно составляющим, дистрибутивный метод и другие. Лишь только обращение к трансформационному анализу подготовило почву для исследования парадигматических связей между синтаксическими структурами. В области лексики структурализм, напротив, занялся прежде всего анализом парадигматических отношений. Таково было изучение семантических полей, стремление определить лексический состав языка как систему лексико-семантических групп. Подобное направление структурных методов при анализе синтаксиса и лексики следует признать неслучайным, если в семантике видеть прежде всего отношение символов к внешним объектам, а в синтаксисе — от-

ношение между символами в высказывании. Однако такое определение семантики и синтаксиса, уместное для общей семиотики, не является, как верно отмечает У. Вейнрейх, вполне подходящим для естественных языков. В естественных языках **синтаксис семантичен**, то есть его категории и элементы соотносятся определенным образом внешними объектами, а **семиотика синтаксична**, то есть отражает отношения между символами-обозначениями. В связи с этим на втором этапе развития структурных методов в языкознании наблюдается стремление исследовать отражение парадигматических отношений в синтаксисе и синтагматических отношений в семантике. Именно последний аспект будет интересовать нас в этой главе. <...>

Правильная организация высказывания предполагает, следовательно, соблюдение законов сочетания слов.

Закономерности сочетания слов на уровне лексем стали предметом подробнейших исследований в советской лингвистике и породили целую отрасль языкознания — фразеологию.

Однако разработка проблем семантического синтеза ставит вопрос об изучении законов сочетаемости слов не только на лексическом, но и на семантическом уровне. А это сводится к изучению законов зависимости номинации от других номинаций окружения.

Можно отметить три типа зависимости номинации на семантическом уровне от окружения:

А. Синтагматически обусловленная номинация (то есть номинация, зависящая от окружающих номинаций высказывания);

Б. Ситуационно обусловленная номинация (то есть номинация, зависящая от знания данной ситуации собеседниками);

В. Повторная номинация (то есть номинация, зависящая от предшествовавшего наименования того же элемента ситуации).

В настоящей статье мы рассмотрим закономерности синтагматически обусловленной номинации.

Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему. Такую общую сему французские авторы (Б. Потье, А. Греймас и др.) называют *к л а с с е м о й*. <...>

Например, если слово *простуженный* может характеризовать одушевленные лица, то сочетание *простуженная женщина* следует формуле... Сочетание же *простуженный стул* не является правильным, поскольку во второй семанте отсутствует классема «одушевленность». Общий список «классем» не составлен, но к ним обычно относят семантические компоненты общего значения, представленные в словах различных лексико-семантических групп, такие как одушевленность/неодушевленность; человеческое существо/животное; мужской пол/женский пол; взрослая особь/молодая особь; материальность/ нематериальность; счисляемость/ несчисляемость; действие/ состояние; переходность/непереходность действия и т. п. Нетрудно заметить, что эти классемы соответствуют преимущественно крупным группировкам внутри частей речи, так называемым «подклассам» слов, специфика которых проявляется в определенных морфологических, синтаксических и словообразовательных особенностях. Такие абстрагированные классемы выполняют важную роль в семантической структуре слова, они шире конкретных сем, составляющих его собственное значение, и даже во многих словарных определениях предшествуют последним. <...>

В реальной речи в роли связующего семантического компонента, может выступать не только категориальный компонент вроде тех, что перечислены выше, но любая архисема, всякий компонент, общий по меньшей мере двум семантемам. Классификационная функция подобного рода сем отходит на второй план, иногда оказывается незначительной, и термин «классема» в этих условиях себя не оправдывает. В такой итеративной функции может оказаться любая сема; мы будем называть ее не «классема», а «связующий семантический компонент» («с и н т а г м е м а»). Связующая роль такого компонента проявляется и в том, что он обнаруживается в синтаксических группах: субъект — глагол; глагол — объект; определяемое — определение. При этом слова-акциденции (глаголы, прилагательные) подбираются к словам-субстанциям (существительные), даже если это противоречит формальным грамматическим отношениям зависимости (например, в группе «глагол + дополнение»).

Наряду с общими синтагмемами (классемами), охватывающими ряд ЛСГ, в роли синтагмемы могут выступать категориальные архисемы, ограничивающиеся одной ЛСГ. Например, в ЛСГ «движение» выделяется ряд синтагмем, связанных с характером и способом передвижения, которые вступают в действие всякий раз, в зависимости от характера субъекта. Здесь уже сами одушевленные субъекты проявляют неоднородность. Например:

лететь + существо, передвигающееся по воздуху;

ползти + существо, передвигающееся на земле без участия ног.

Если нужно обозначить ситуацию: «Змея приблизилась к норе», «Птица приблизилась к своему гнезду», то синтагмемы в семантемах «змея» (передвигается ползком) и «птица» (передвигается летя) предопределяют соответствующие синтагмемы в глаголах: *Змея подползла к норе, Птица прилетела к гнезду*.

Синтагмемы могут иметь ограниченное употребление и проявляться только в одном сочетании. Примером может являться выражение интенсивности. Например, интенсивность цвета может обозначиться при помощи эксплицитного или имплицитного сравнения с предметом, принимаемым в данном обществе за эталон этого цвета:

Красный цвет — предмет красного цвета (*кровь*)

Голубой цвет — предмет голубого цвета (*небо*)

Белый цвет — предмет белого цвета (*снег*)

Рыжий цвет — предмет рыжего цвета (*огонь*)

Желтый цвет — предмет желтого цвета (*лимон*),

откуда обозначения: *кроваво-красный, небесно-голубой, белоснежный, , огненно-рыжий, лимонно-желтый*. Сема «такой-то цвет» присутствует в обеих частях сложного обозначения.

Итеративность обозначения подтверждает, что перед нами синтагмемы. Это становится особенно ясно при сравнении с синонимичными высказываниями: *темно-красный, ярко-голубой, ярко-рыжий, светло-желтый*, где определяющая часть сложного обозначения не имеет частной синтагмемы цвета, в связи с чем одно и то же обозначение интенсивности может присоединиться к совершенно различным цветам. Во многих случаях компоненты устойчивых словосочетаний связаны синтагмами. Например, словосочетание *сенсационная статья* является устойчивым, привычным, в то время как, например, сочетание *сенсационный закон* — таковым не является. Семический анализ дает объяснение этому обстоятельству. *Статья* — часть газеты и, следовательно, согласно общему семиотическому закону *pars pro toto*, может вбирать в себя те же компоненты, что и семантема «газета». На основании определений «Словаря русского языка» и словаря *Le Petit Larousse*, *газета* может интерпретироваться как объединение сем: «периодическое издание» (а) + «сообщать» (б) + «новости» (в). *Статья*, определяемая как «небольшое газетное сочинение» (г) включает компоненты (б) и (в). *Сенсация* в «Словаре русского языка» определяется как «сообщение (известие) (б), производящее ошеломляющее впечатление (д)». Таким образом, все словосочетание *сенсационная статья* содержит следующие семы: [сообщение (б) + ошеломляющее впечатление (д)] + [небольшое сочинение (г) + сообщать (б) + новости (в)]. В обеих частях словосочетания имеется общий компонент «сообщать» (б), который и выступает здесь в качестве синтагмемы.

В функционировании синтагмем проявляются как вневелингвистические, так и внутриязыковые факторы.

Зависимость синтагмем от внутриязыковых факторов состоит в том, что их проявление связано в конечном счете со способом членения данного внеязыкового континуума формами языка. Эти формы подтверждают зависимость синтагматических отношений от парадигматических.

Громкий звук, издаваемый гнущейся мачтой, физически отличается от звука, издаваемого человеком или животным. В русском языке это различие выражено в противопоставлении глаголов *скрипеть* и *кричать*. Последний содержит сему «отношение к одушевленному существу» и употребляется (в прямом значении) исключительно с соответствующим подлежащим: *птицы кричат, человек кричит* и т. п. Во французском языке указанное различие осталось невыраженным, в связи с чем глагол *crier* сему одушевленности не содержит и может сочетаться как с одушевленными, так и с неодушевленными субъектами: *le mât crie* «мачта скрипит», *les gonds de la porte crient* «скрипят дверные петли» и т. п. Причем в этом случае речь не идет о переносном значении (в словаре Робера, например, такой пометы нет, хотя он обычно отмечает расширительные и метафорические употребления).

Что касается вневелингвистических факторов, то закономерности синтагматически обусловленной номинации во многом зависят от характера отношений и свойств описываемых предметов. <...>

Устойчивые свойства объектов могут быть подведены под разрабатываемое в современной логике понятие **диспозиционального предиката**, который отражает предрасположенность вещи проявлять себя определенным образом в определенных условиях. Так, в ситуации «движение» рыба *плывет*, змея *ползет*, птица *летает*; в ситуации «занимать положение» дом обычно *стоит* (вертикальная позиция), книга — на столе — *лежит*, картина — на стене — *висит*. <...>

Наличие одной и той же семы в двух членах синтагмы выступает как своеобразное **семантическое согласование** — семантически зависимого и семантически господствующего членов, причем синтагма является формальным средством этого согласования на семантическом уровне (в плане содержания). Подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации. <...>

Опущение общего компонента в одном из слагаемых означает **семантическое несогласование**. Например: *Змея приближается к норе, Птица приближается к гнезду* (вместо: *Змея ползет... Птица летит...*). Здесь мы встречаемся с явлением семантической экономии. Отметим, что опущение синтагмемы и не согласование возможно лишь в случае устойчивых предметных отношений. Так, шкаф обычно занимает вертикальное положение. В предложении *Возле стены стоял шкаф* следует видеть семантическое согласование, так как семантема глагола выражает то, что говорящим заранее известно об обычном положении данного предмета. Они одну и ту же информацию получают дважды. В предложении *Возле стены находился шкаф* согласования нет, что никак не отражается на значении высказывания. Однако, если речь идет о таком положении предмета, которое заранее предвидеть невозможно (то есть о необычном положении какого-либо предмета, либо о предмете, который по природе может занимать разные положения), то в высказывании нет семантического согласования и устранение семы ведет к обобщению описания, то есть к изменению содержания высказывания. Например, фразы *Старый шкаф лежал у стены* или *Девушка стояла на берегу реки* не могут быть преобразованы в высказывания *Старый шкаф находился у стены* или *Девушка была на берегу реки* без искажения содержания. Таким образом, следует различать обобщение способа описания в плане выражения (несогласование) и обобщение этого описания в плане содержания (то есть устранение из описания некоторой информации). <...>

Наличие в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений, означает рассогласование. Если повтор семы (согласование) и ее отсутствие (несогласование) не отражаются на значениях сочетающихся слов, то комбинация противоположных (или ненужных) компонентов приводит к тому, что либо у слова 1 возникает сема (а), либо у слова 2 угасает сема (а). В обоих случаях постепенно восстанавливается совместимость семантем, рассогласование переходит в согласование либо в несогласование. С точки зрения компонента «протяженность во времени» (а), существительные можно разделить на две группы: обладающие таким компонентом (*путешествие, война, урон*) и не обладающие им (*дом, стол, Пушкин*). Первые могут сочетаться с другими словами, содержащими (а): *во время путешествия (войны, урока), путешествие (урок) затягивается* и т. п. Вторые не сочетаются с компонентом (а): *во время дома, стол затягивается* не соответствуют нормам русского языка. <...>

Изложенное выше показывает, что возможность выбора слова в зависимости от семантического окружения в процессе номинации подчиняется одному из трех условий:

- а) наличие общей семы (синтагмемы) в обоих членах словосочетания;
- б) отсутствие в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена;
- в) погашение в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена, либо перенос из одной семантемы в другую недостающих сем. <...>

Итак, изучение синтагматики на семантическом уровне сводится к выявлению итеративных сем (синтагмам) и определению их функции в организации высказывания. Повторение сем (семантическое согласование) во многих случаях оказывается обязательным для правильного кодирования и декодирования сообщения. Принадлежит вместе с тем к внешним формальным приемам языка, повтор сем, при робозначении неальтернативных ситуаций, выступает как важное конструктивное средство построения речи, подобное по функции другим синтагматическим средствам языка. Анализ семантической синтагматики раскрывает закономерности организации речи в их отношении к закономерностям объективного мира.

Ю.Д.Апресян Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1995.

Глава 2. Семантический язык как средство толкования лексических значений

<...> Вопрос о синтактике слова в интересующем нас аспекте сводится к одному из центральных в современной семантике вопросов о различии между лексическим значением слова и его сочетаемостью.

Не предлагая логически полной классификации типов сочетаемости слова по совокупности семантических, лексических, синтаксических, морфологических, стилистических и других признаков, выделим лишь те типы, с которыми мы в дальнейшем будем иметь дело.

Пусть слово *A* синтаксически непосредственно или опосредованно связано со словом (словосочетанием, предложением) *B*. Информация о части речи или синтаксическом статусе *B* и о грамматической (в частности, предложно-падежной) форме, в которой *B* должно стоять, составляет морфо-синтаксическую сочетаемость *A*, или морфо-синтаксические ограничения на сочетаемость *A*; ср. разные морфо-синтаксические ограничения у неточных синонимов *сопутствовать* (чему-л.) — *сопровождать* (что-л.), *ошибаться* (адресом) — *перепутать* (адрес), *желание* (чего-л.) или *делать* (что-л.) — *охота* (делать что-л.), *считать* (работу законченной или что работа закончена) — *рассматривать* (работу как законченную).

Информация о том, каким должно быть само слово *B* или класс слов $V_1, V_2, V_3 \dots V_n$, с которым(и) синтаксически связано слово *A*, составляет лексическую сочетаемость *A*, или лексические ограничения на сочетаемость *A*. Глагол *ошибаться* в рассмотренном выше значении употребляется с небольшой группой существительных типа *адрес, дом, дверь, окно, номер, этаж, телефон* (*ошибаться дверью* и т. д.). Все они должны быть выписаны при *ошибаться* «поименно»: в их значениях нельзя усмотреть никакого общего семантического признака, руководствуясь которым можно было бы всякий раз безошибочно употреблять рассматриваемый глагол (хотя на первый взгляд кажется, что такой признак есть и что это нечто вроде «способности быть частью чьего-л. опознавательного индекса»). Заметим, что *перепутать* не подчиняется этому лексическому сочетаемостному ограничению: *перепутать* можно не только *адрес, дверь, телефон* и т.д., но и *зонтик, книгу, дату, ключ, должность, название* и очень многое другое. Равным образом *уменьшать* можно все, что имеет линейные размеры, количество или интенсивность, а разг. *сбрасывать* (в почти синонимичном значении «резко уменьшать») — только *давление, газ, скорость, температуру* и, может быть, *вес*. Все эти существительные должны быть заданы при *сбрасывать* списком (или *сбрасывать* должно быть дано при каждом из них), ибо другие существительные того же класса (*расходы, количество продуктов, накал, ширина*) с ним не сочетаются.

Наконец, информация о том, какими семантическими признаками должно обладать слово *B*, синтаксически связанное с *A*, составляет семантическую сочетаемость *A*, или семантические ограничения на сочетаемость *A*. О семантических, а не о лексических ограничениях на сочетаемость *A* разумно говорить лишь в тех случаях, когда любое слово *B*, имеющее требуемый семантический признак, способно сочетаться с *A*. Так, дополнением при *арендовать* могут быть и имена угодий (*арендовать земельный участок, лес с пашней, озеро*), и имена (крупных) помещений (*арендовать зал, клуб, заводское общежитие*), в то время как при квазисинонимичном ему глаголе *снимать* ту же роль выполняют обычно имена помещений (*снимать дачу, спортзал, угол*), но не угодий (*плохо снимать лес с пашней*). *Ухудшаться* и *улучшаться* могут только состояния, способности, процессы (*Погода ухудшилась <улучшилась>*, *Зрение <поведение> ухудшилось <улучшилось>*), но не конкретные вещи или лица (нельзя **Ручка ухудшилась (улучшилась)*, **Петр ухудшился (улучшился)*), хотя этот семантический сочетаемостный запрет никак не связан с лексическим значением рассматриваемых глаголов: *ухудшаться (улучшаться)* = «становиться хуже (лучше)», а словосочетания *становиться хуже* и *становиться лучше* свободно сочетаются с именами вещей и лиц в роли субъекта: *Ручка стала хуже (лучше)*, *Петр стал хуже (лучше)*. Заметим, что глаголы *портиться* и *исправляться*, квазисинонимичные рассматриваемым глаголам, не подчиняются этому семантическому сочетаемостному запрету: *Ручка испортилась <исправилась>*, *Петр испортился <исправился>*.

Особенности морфо-синтаксической, лексической и семантической сочетаемости часто трактуются в словарях как особенности лексического значения слова. Так, МАС выделяет у прилагательного *женатый* в значении «имеющий жену, состоящий в браке» (ср. *Он уже женат*) новый оттенок значения «состоящий в браке с кем-л.» для конструкции *женатый на ком*. Между тем очевидно, что *женатый* в любых употреблениях, даже с опущенным контрагентом (вторым субъектом), значит «состоящий в браке с кем-л.», потому что в браке непременно участвуют двое. Когда поверхностно факультативная (но семантически обязательная) форма *на ком* опускается, утрачивается лишь возможность конкретизировать, кто именно является вторым участником брака, но лексическое значение слова *женатый* сохраняется полностью. <...>

Семантические валентности слова

Интересные для теоретической семантики и лексикографии синтаксические свойства слова – это, в первую очередь, его активные семантические валентности, т. е. те валентности слова, которые присоединяют к нему синтаксически зависимые слова и каждой из которых соответствует переменная в толковании его значения. Говоря менее формально, можно заметить, что семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу. Приписываемые им содержания, или «роли», если пользоваться термином Ч. Филмора (субъект, объект, инструмент, средство, место и т. п., см. ниже), суть части этого лексического значения.

Поясним понятие семантических валентностей разбором ситуации аренды. *А арендует С* значит, в первом приближении, что за какое-то вознаграждение D лицо А приобретает у другого лица В право на эксплуатацию недвижимой собственности С в течение времени T. Следовательно, существенными для ситуации аренды являются следующие «участники», или семантические актаны: субъект аренды (тот, кто арендует), первый объект аренды (то, что арендуют), контрагент (тот, у кого арендуют), второй объект (то, за что арендуют — плата) и срок (то, на сколько арендуют). Эти актаны достаточны и необходимы, т. е. полностью определяют именно ситуацию аренды; любые изменения в их составе или числе привели бы к ее трансформации в какуюто другую ситуацию. Например, устранение представления о сроке, при сохранении всех других элементов, трансформирует аренду в родственные, но не тождественные ей ситуации купли-продажи; устранение представления о первом объекте дает, с необходимыми изменениями, ситуацию займа; если исключены срок и второй объект, то получается ситуация передачи и т. п. Валентности, которые присоединяют к глаголу *арендовать* названия пяти перечисленных актантов, и будут семантическими для этого слова: они вытекают непосредственно из его лексического значения.

С другой стороны, ничто в ситуации аренды не требует указания того, по какой причине, где, когда, с какой целью она осуществлялась, хотя в принципе словоформы с причинным, местным, временным и целевым значениями к глаголу *арендовать* вполне присоединимы: *арендовать из-за безземелья охотничьи угодья, арендовать прошлым летом под Москвой садовый участок, арендовать клуб для проведения собрания*. В этих и им подобных сочетаниях реализуются, следовательно, не семантические валентности глагола *арендовать*, а его чисто грамматическая способность подчинять другие формы, характерная для него не в большей мере, чем для любого другого слова со значением действия, т. е. свойственная ему не как лексеме, а как представителю определенного грамматического класса.

Это существенное различие между семантическими валентностями и другими типами зависимостей выражается еще и в том, что валентностей у большинства слов немного (обычно — от одной до трех, реже — четыре и больше), и их морфологическое выражение часто идиоматично, т. е. зависит не только от содержания валентности, но и от того слова, к которому она принадлежит (ср. выражение объектной валентности в случаях *наказывать кого* и *взыскивать с кого*, *продавать товар* и *торговать товаром*, *надругаться над кем* и *расправиться с кем*, *влиять на что* и *сказываться (отражаться) на чем*, *касаться чего*, *дотрагиваться до чего* и *задевать (за) что*, *заниматься чем* и *работать над чем*, *реформа экономики* и *экономическая реформа* и т. д.). Напротив, чисто грамматически данное слово способно подчинять себе много других слов, морфологическое оформление которых неидиоматично, более или менее стандартно, т. е. диктуется главным образом содержанием соответствующей подчинительной связи, а не значением подчиняющего слова. Существенно следующее обстоятельство: зависимость с одним и тем же содержанием может быть выражена идиоматично при слове, для которого она является семантической валентностью, и неидиоматично — при другом слове, для которого она не является таковой. Так, причинная зависимость для большинства русских слов является чисто грамматической и выражается формами *из-за* спод *из-за того, что...*, *потому что...*, *по той причине, что...* и рядом других столь же мало идиоматичных. Имеется, однако, класс слов, а именно глаголов и существительных, обозначающих внутренние эмоциональные состояния человека, для которых она является семантической валентностью: в русском языке такие состояния трактуются не как возникающие сами по себе, а как каузируемые той или иной оценкой события со стороны субъекта <...>. При таких словах значение причины выражается в высшей степени идиоматично, ср. *бояться простуды*, *радоваться приезду сына*, *досадовать* или *сердиться на чьи-л. слова* и т. д. <...>

Из сказанного следует, что синтаксическая зона словарной статьи должна быть посвящена описанию семантических валентностей слова: они немногочисленны, и поэтому их можно описать непосредственно в словарной статье; они могут выражаться идиоматично, и поэтому их нужно

описывать именно при данном слове. С другой стороны, неидиоматичность морфологического выражения других типов зависимостей делает ненужным их описание в словарных статьях отдельных слов, а их многочисленность делает это практически невозможным. <...>

Модель управления слова

В связи с вопросом о составе валентностей слова полезно разобрать две семантико-синтаксические идеи, широко признаваемые в специальной литературе, хотя и не подтверждаемые в достаточной мере фактическим материалом.

Первая из них сводится к тому, что максимальное число валентностей предиката не превышает трех-четырёх. Теоретически этот тезис вызывает сомнения: при некоторых видах суперпозиции нескольких двух-, трех- или четырехвалентных предикатов в один более сложный предикат каждая из их валентностей, за исключением совпадающих, может отражаться в виде отдельной валентности этого более сложного предиката. Ясно, что возможна ситуация, когда теоретико-множественная сумма валентностей сложного предиката превысит четыре. Следовательно, единственным средством обоснования рассматриваемого тезиса могла бы быть только эмпирическая ссылка на то, что таково фактическое положение дел в языке, и здесь мы должны обратиться к фактам.

Прежде всего следует отметить, что, по-видимому, разные языки существенно отличаются друг от друга в этом отношении. Французский язык, например, в связи с абстрактным характером своей лексики, обилием в ней родовых слов, действительно почти не знает пятивалентных предикатов; между тем в русском языке возможны не только пятивалентные, но и шестивалентные предикаты.

К числу пятивалентных относятся, например, глаголы и производные от них имена действия типа *арендовать*, *аренда*, *снимать*, уже упоминавшиеся выше. К ним примыкают глаголы и отглагольные существительные *ссужать*, *ссуда*, *закладывать* с семантически обязательными валентностями субъекта, первого объекта (*что/сколько* ссужает, *что* закладывает), контрагента или получателя (*кому* ссужает, *кому* или *во что* закладывает), срока (*на сколько* ссужает <закладывает>) и второго объекта (*под какие проценты* ссужает <закладывает>). <...>

Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.

С. 17–26

Контекст есть свойство этой системы [языка] и форма ее существования. В этом смысле контекст не может выступать в роли, отличающейся от роли самой языковой системы, и не может находиться поэтому вне самой системы. Фактором, который может рассматриваться как то порождающее начало для любого текста в глобальном аспекте, является поэтому не контекст, а сама система. Нельзя говорить о том, что контекст порождает некоторое содержание в определенном речевом отрезке, так же как нельзя говорить и о том, что этот отрезок формирует сам контекст, ибо в такой интерпретации контекста кроется опасность того, что контекст может быть превращен в имманентное начало языка, граничащее с таким же явлением, которое не поддается рациональному управлению, другими словами, превращается в «вещь в себе». Единственно возможным объяснением истинной роли и сущности контекста может быть только указание на его диалектический характер, имеющий две взаимосвязанные стороны: существование его как свойства всей системы языка и реализация его в конкретном речевом фрагменте, в котором проявляется одно из звеньев этой системы; другими словами, само построение какого-либо высказывания одновременно реализует и общесистемные связи, и конкретные связи наличествующих в этом высказывании единиц и форм. Именно эта вторая сторона и представляет интерес прежде всего для лингвистических исследований, поскольку анализ контекста всегда имеет определенные границы и привязан к конкретным коммуникативным актам — от единичного высказывания до целого текста.

Реализация тех или иных значений отдельных единиц в рамках относительно законченных коммуникативных актов есть, следовательно, одно из звеньев реализации всей языковой системы, а специально для состава данного акта — материальный минимум контекстуальных связей, строго фиксирующих семантику единиц и создающих необходимую однозначность речевого акта. В конечном итоге контекстуальные реализации суть лишь те действительные реальные связи, которые отображаются в том или ином высказывании. Только в этом смысле контекст детерминирован, но уже не языковой системой, а, как и все познавательное содержание человеческого мышления, объективным миром. При всей свободе и «фантазии» контекста он всегда удерживается в границах, доступных пониманию здравого смысла, другими словами, определенной «разумностью» реального мира.

Одной из задач лингвистики и является поэтому возможно полное представление семантики любой языковой единицы — от слова до высказывания — во всех их семантических контекстуальных связях, обнимающих в итоге весь объем так называемой многозначности языковых явлений как обобщенной категории реальных контекстуальных проявлений. В итоге лингвистика может получить определенный набор типизированных контекстов, встречающихся в речевом употреблении, и определить даже те довольно свободные границы контекста, которые выходят за рамки типовых и становятся индивидуальными. Типизированные контексты могут быть увязаны с типизированными номинативными ситуациями для слова и высказывания и могут быть вследствие этого даже нормированы, а индивидуальные контексты могут быть описаны как пример использования многозначных ситуаций в авторской речи. Если первый вид контекстов окажется свойственным так называемому общему языку, то второй вид может оказаться лишь характеристикой языка художественной литературы. Понятия жесткости контекста и свободы вряд ли могут быть строго ограничены одной линией, так как переход из контекста одного типа в другой может иметь тончайшие связи и их сканирование для языкознания практически невозможно, однако эта трудность не снимает действительности общего тезиса о том, что контекст, реализующий всю семантическую систему языка в ее конкретных фрагментах, может быть в определенной степени типизирован в категориальном и индивидуальном плане. Например, для обычных слов типа *конъюнктура*, *положение* всегда возможно определение через типичный контекст, как *экономическая конъюнктура*, *международное*, *внутреннее положение* и т. д. В принципе вопрос о типовых номинативных ситуациях решается выбором словосочетаний как минимального звена контекста, что отражается, как правило, в толковых словарях и в специальных словарях словосочетаний. К сожалению, типовые контексты при статистическом или словарном обследовании весьма ограничены, так как распространяются максимум на высказывание, а главным — на словосочетание и не выходят в микро- и макроконтекст. Однако даже фиксация в пределах предложения дает большой материал как грамматического, так и лексического порядка, поскольку этот способ представляет по меньшей мере словарный состав языка не как элементарную совокупность, а как закономерную систему связей слов, имеющих коммуникативную значимость. Это обстоятельство особенно важно для практического использования типовых контекстов (ситуаций) в учебных материалах при преподавании родного и иностранных языков. <...>

Все значимые единицы языка, начиная от слова и кончая группой предложений, входят как составные элементы в ту или иную структуру высказывания, определяемую коммуникативным заданием, в котором место и смысл единицы заранее предопределены общим замыслом сообщения. Контекст поэтому необходимо рассматривать как реальный языковой статус вербального общения людей, без которого немислима однозначная коммуникация как предпосылка прагматического эффекта словесного высказывания. В этом плане правомерно говорить не только о коммуникативной грамматике, но и о коммуникативной лексике, поскольку все единицы этих уровней подчинены законам образования словесных единиц, формируемых не на основе линейного сцепления слов и предложений, а на основе выбора единиц, значение которых задается не реестровым местом в системе языка, а каждый раз семантическими параметрами конкретного коммуникативного отрезка. Именно эта существенная особенность естественного языка как четко организованной системы и обуславливает контекстное функционирование языковых единиц. <...>

Контекстная семантика и есть та категория, которая связывает воедино все поля и сферы различных уровней языка и должна рассматриваться как предварительное условие содержательной интерпретации коммуникативных единиц. Связь каждой единицы с целым текстом по иерархии, от первой ступени до целой семантической системы представляет собой закон семантической организации языка, который можно назвать законом семантической комплементарности системы языка.

Понятие коммуникации как общения, использующего не только чисто вербальные, но и те подсобные средства, которые подключаются в реальном общении людей к чисто языковым факторам (так называемые паралингвистические средства), логически требует включения в контекстную семантику всех условий коммуникации и интерпретации, таким образом, контекста как глобального явления, другими словами, как комплекса языковых и неязыковых знаний, получающих свое выражение на вербальном и невербальном уровнях. Адекватное описание языка в силу этого может быть достигнуто при условии, когда учитывается не только языковой закон семантической комплементарности, но и существо глобального контекста, сопровождающего коммуникативный акт. <...>

На первый взгляд само понятие контекста как бы предполагает признание в качестве предварительного условия правильного восприятия значений той или единицы фактора необходимости

развертывания фразы в конкретном окружении, снимающего многозначность целого высказывания или его части. Но, отмечая неоспоримый факт линейного построения высказывания нельзя одновременно говорить о том, что контекст неизбежнопредопределяет значение языковых единиц, по той причине, что контекст не рождается до формирования высказывания, а, наоборот, он является производным от линейной организации коммуникации.

Контекстуальная реализация смысла фразы начинается не с момента завершения фразы, в которой значение каждой единицы входит в общую структуру фразы и тем самым в этом микроконтексте осуществляет свое то или иное смысловое задание. Контекст появляется на самом деле в момент формирования фразы, ибо выбор той или иной лексемы или грамматической формы на каждом этапе формирования фразы должен быть задан всем контекстом будущей фразы. На этом основании можно утверждать, что контекст участвует в порождении фразы как равноправная семантическая единица наряду со значениями лексем и грамматических форм. Порождение фразы не есть процесс развертывания какой-либо ядерной структуры или процесс перевода семантического категориального смысла в разряд конкретного поверхностного смысла.

Порождение фразы есть осуществление всех семантических условий реализации значений отдельных словоформ и смысла фразы в целом. Вот поэтому надо считать, что контекст предопределяет вместе со смысловой установкой, или, другими словами, коммуникативным заданием, всю смысловую структуру высказывания. Возьмем предложение: *Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона (Л. Толстой).* После слов *сейчас* и далее *меня* в принципе никакие правила развертывания ядра не могут предписать постановку словосочетания *облаком радости* после *меня*, а конструкция *меня охватила мысль* как грамматический стержень всего высказывания, расположенный в середине фразы, не может непосредственно диктовать дальнейший набор — *писать психологическую историю*. Если даже и признать, что данная фраза была построена на основе первоначального ядра *меня охватила мысль*, то развертывание этого ядра имеет тысячу вариантов, выбор которых определен не конструкцией — *написать нечто*, — а семантическим правилом формирования данного сообщения, рождаемого соответствующим контекстуальным окружением всего отрезка (рассуждения Л. Толстого о плане романа «Война и мир»). Часть фразы *меня охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона* имеет своим основанием, следовательно, не заполнение элементов структуры некоторыми единицами, а контекстуально обусловленное значение этого отрывка с соответствующим выбором необходимых лексем и форм. <...>

Контекст в этом смысле есть некоторое ситуационное значение текста или его фрагмента, его глубинное значение, стоящее за языковой формой. Контекст в этом смысле есть, таким образом, как бы второй уровень знания языка, ориентированный на знание внеязыковых фактов, реалий и т. д., компетенция второго уровня. <...>

С. 48–49.

Одним из аспектов анализа контекста как фактора, играющего решающую роль в определении многозначного слова или многозначной конструкции, лексической и грамматической омонимии, надо рассматривать так называемые функциональные варианты значения лексем и грамматических конструкций. Предполагается, что любое языковое явление имеет свое стандартное и постоянное содержание независимо от окружения, а в речевом употреблении этот стандарт приобретает тот или иной вариант, нюанс, стилистический оттенок. Этот контекстуально обусловленный вариант значения языковой единицы не является как бы строго фиксированным, а факультативным и привязанным лишь к определенному окружению. Контекст в этом случае наделяется ролью преобразователя некоего стандарта в его разновидности, благодаря чему каждый конкретный речевой отрезок получает, так сказать, свое звучание в новом стилистическом ракурсе.

Здесь необходимо заметить, что в принципе, как было сказано выше, любая языковая единица имеет свое действительное существование только в реальной коммуникации, поэтому расчленение ее значения на компоненты, один из которых как бы независим от контекста, а другие — второстепенные, определяемые конкретным контекстом, смещает представление о действительной сущности как самого значения, так и роли контекста. Больше оснований полагать, что категория нюанса, или стилистического варианта, есть не что иное, как ординарный случай реализации конкретного значения языковой единицы, получающей затем свое обобщение, абстрагированное описание на основе всех случаев реального конкретного употребления в языковой системе.

3. Понятие актуального смысла слова и описание функционирующего значения

Описание значения в коммуникативном акте предполагает использование понятия, которое обозначало бы значение в актуализованном виде в противопоставлении значению-компетенции, взятому вне коммуникативного акта. Этим понятием в нашей работе является понятие актуального смысла слова.

Под актуальным смыслом слова понимается совокупность коммуникативно релевантных сем в конкретном акте речи. Термин «смысл» широко используется в гуманитарных науках — логике, философии, литературоведении, лингвистике, психологии, причем он употребляется в самых различных значениях. В связи с этим нами используется атрибут «актуальный» для ограничения значения термина. Такое понимание термина «смысл» является собственно лингвистическим. <...>

Термин «актуальный смысл», используемый нами для обозначения коммуникативно релевантных компонентов значения слова, удобен так как достаточно прозрачен и мотивирован бытовым употреблением слова «смысл» (ср.: В каком смысле ты это сказал? — т. е. уточни аспект, поворот своей мысли, свое коммуникативное намерение).

Актуальный смысл слова всегда представляет одну из возможных актуализаций значения в конкретном коммуникативном акте, которая подчинена конкретной коммуникативной задаче. <...>

Важным для описания процессов актуализации значения в речи является выяснение соотношения понятий «актуализация» и «семантическое варьирование». Всякая актуализация значения, в соответствии со сказанным выше, будет представлять собой коммуникативное варьирование значения — его семантическое варьирование по составу компонентов. Любой актуальный смысл слова есть семный вариант его системное значения, один из возможных вариантов значения в коммуникативном акте. Семантическое варьирование слова является проявлением общей тенденции к варьированию, действующей в языке. Проблема варьирования в языке уже давно привлекает внимание лингвистов. Так, она была одной из центральных в работах Пражского лингвистического кружка, в особенности при разработке фонологии (фонема — аллофон), в трудах дескриптивистов (морфема — морф), во многих других лингвистических направлениях. Описано варьирование основных языковых единиц на всех структурных уровнях — фонематическом, морфемматическом, лексическом, синтаксическом; понятие варьирования применяется к языку в целом, к различным формам его существования — устной и письменной, кодифицированной и диалектной, литературному языку, территориальным и социальным подъязыкам, ареальным и региональным разновидностям языка (Степанов, 1979; Общее языкознание, 1970). Накопленный теоретический и фактический материал позволяет говорить об известной универсальности явления варьирования для языка, о его сквозном для языка характере. <...>

Слово как единица лексико-семантической системы языка может быть как однозначным, так и многозначным; в последнем случае речевое семантическое варьирование слова заключается как в выборе актуализируемой семемы, так и в выборе того или иного набора сем этой семемы для актуализации. При актуализации однозначного слова осуществляется лишь актуализация определенного набора сем из состава значения. В любом случае актуализация обусловлена коммуникативной задачей говорящего. Указанные виды актуализации представляют собой два вида варьирования слова. Варьирование слова, заключающееся в коммуникативно обусловленном выборе одного из его значений, является лексико-семантическим варьированием слова, которое осуществляется при помощи определенного набора системно-языковых средств, включающих: лексическую и синтаксическую дистрибуцию, морфологическую разнооформленность, тематическую закреплённость. Эти факторы могут выступать как по отдельности, так и в сочетании друг с другом, но каждая семема обладает свойственным только ей набором конкретных средств разграничения значений, по которым однозначно диагностируется в речи. К средствам примыкает также ситуативная закреплённость семемы и жестовая разнооформленность семем — факторы экстралингвистические, но также «надындивидуальные», обеспечивающие в ряде случаев актуализацию отдельных семем <...>

Лексико-семантическое варьирование слова уже достаточно хорошо изучено, описаны как механизмы лексико-семантических вариантов слова, так и механизмы, обуславливающие их реализацию в речи. Однако это не единственный вид семантического варьирования лексической единицы: отдельное значение варьирует в речи по семному составу. Такой вид семантического варьирования назовем семным.

Термин «семантическое варьирование» будет общим для обоих видов варьирования и его можно употреблять в тех случаях, когда различие двух видов варьирования является нерелевантным. Подчеркнем, что два вида семантического варьирования представляют собой два этапа варьирования: сначала осуществляется выбор семемы, а затем выбор коммуникативно релевантных сем для актуализации, однако эти два этапа различимы лишь теоретически, так как слово, в зависимости от конкретной коммуникативной задачи, практически одновременно актуализируется и в одном из своих значений, и в соответствующем наборе сем. Это объясняется тем, что актуализация значения без актуализации тех или иных семантических компонентов невозможна, а актуализация семантических компонентов есть уже семное варьирование значения.

Однозначные слова демонстрируют только семное варьирование, в то время как многозначные слова — как лексико-семантическое, так и семное. Таким образом, актуальный смысл слова возникает как результат семного варьирования значения в коммуникативном акте. <...>

Контекст, активно влияя на семантическую реализацию единицы, сам при этом выступает как своеобразная семантическая единица: «контекст не рождается до формирования высказывания, а, наоборот, он является производным от линейной организации коммуникации... Контекст появляется на самом деле в момент формирования фразы, ибо выбор той или иной лексемы или грамматической формы на каждом этапе формирования фразы должен быть задан всем контекстом будущей фразы. На этом основании можно утверждать, что контекст участвует в порождении фразы как равноправная семантическая единица наряду со значением лексем и грамматических форм. ...Порождение фразы есть осуществление всех семантических условий реализации значений отдельных форм и смысла фразы в целом» (Колшанский 1980, с. 24). <...>

Как видим, образование актуального смысла слова представляет собой контекстуально обусловленное семное варьирование значения, которое заключается в актуализации коммуникативно релевантных компонентов системного значения слова.

4. Семантические процессы при семном варьировании значения

Семное варьирование значения представляет собой приспособление значения-компетенции к коммуникативным условиям конкретного речевого акта, выражающееся в образовании тех или иных актуальных смыслов. Коммуникативная задача конкретного речевого акта определяет набор сем, подлежащих актуализации, т. е. «избирательную актуализацию семантических признаков значения» <...>

Семное варьирование осуществляется на уровне отдельного значения (семемы), связано с выбором семантических компонентов, подлежащих актуализации в связи с определенной коммуникативной задачей и осуществляется посредством ряда семантических процессов, действующих в семеме на уровне отдельных сем. Рассмотрим эти процессы.

Актуализация семы есть коммуникативно обусловленное выделение семы в структуре значения, приводящее к восприятию ее участниками акта общения как коммуникативно релевантной, входящей в актуальный смысл слова. Актуализироваться может любая сема из структуры значения, как ядерная, так и периферийная. Те семы, которые не вошли в актуальный смысл слова, остаются неактуализованными. Иногда в таком случае говорят о погашении семы. Представляется, однако, что с точки зрения коммуникативного анализа значения особого процесса погашения сем выделить нельзя — коммуникативно нерелевантная сема просто «игнорируется» в речевом акте, т. е. не актуализируется. В значении-компетенции (вне речевого акта) все семы не актуализованы, т. е. все они в равной мере погашены, и поэтому при актуализации одних семантических компонентов другие, коммуникативно нерелевантные, не нуждаются в каком-либо особом механизме погашения сем. Психофизиологической основой актуализации семы является возбуждение тех нейронных ансамблей коры головного мозга, которые кодируют информацию, отражаемую данной семой. Соответствующая сема не актуализируется, если не возбужден соответствующий нейронный участок. Проиллюстрируем актуализацию разных сем в составе значения на примере употребления слова *иголка*.

Дай мне *иголку*, мне надо пришить пуговицу. Актуализируются семы «заостренный металлический стержень с ушком для вдевания «нити, употребляемый для шитья».

Черный металл — это *иголка* и сковородка, плуг и локомотив (В. Чивилихин. Память). Актуализированы семы «предмет быта, первой необходимости».

Ночная молния вспыхнет, и все как на ладони. *Иголку*, и ту видно (Г. Марков. Моя военная пора). Актуализованы семы «небольшой предмет».

Смотрите, ваш ребенок схватил *иголку*! Актуальный смысл — «предмет, представляющий опасность, способный причинить боль».

В этот зазор даже *иголка* не пройдет. Актуализованы семы «тонкий, заостренный предмет».

Актуализация семы может быть осложнена одновременной актуализацией одноименной переносной семемы. Это явление мы обозначаем как процесс двойной актуализации семемы, заключающийся в том, что сема, которая в языке одновременно выступает и как самостоятельная семема, может при своей актуализации повлечь за собой актуализацию переносной семемы, сохраняющей с ней живую связь. Например, в значении слова *бритва* содержится яркая сильновероятностная сема «острая». В предложении «Не девка, а форменная *бритва*» (Ю. Семенов. ТАСС уполномочен заявить) — об острой на язык, язвительной девушке — актуализируется сема «острая», которая в свою очередь актуализирует переносное значение прилагательного «острый» — «остроумная, язвительная», что и составляет актуальный смысл слова *бритва* в данном коммуникативном акте. Таким образом, актуализованная сема одновременно осознается и как компонент значения коммуникативно реализуемого слова, и как переносное значение другой, не присутствующей в коммуникативном акте единицы.

Приведем еще примеры двойной актуализации сем: кремень-человек — актуализируется сема «твердый» и переносная семема «сильный, решительный»; аналогично — гранит, а не человек; воск, а не хорунжий — актуализована сема «мягкий» и переносная семема «кроткий, уступчивый, поддающийся воздействию»; скала-вратарь — актуализована сема «твердый» и переносное значение «надежный, устойчивый»; облачко грусти — актуализована сема «легкий» и переносная семема «слабый, незначительный, небольшой»; ты льдина, сосулька — актуализована сема «холодный» и переносная семема «равнодушный, бесстрастный» и т. д.

Иногда наблюдается двойная актуализация семы и содержания устойчивого словосочетания или фразеологизма; Например, Ну, ты снайпер! (о быстро догадавшемся человеке): актуализируется сема «точность попадания», которая актуализирует значение фразеологизма «попасть в точку. Слова некоторых тематических групп имеют тенденцию двойной актуализации определенных сем. Так, наименования сладостей (пирожное, бисквит, конфета, персик и др.) часто используются в актуальном смысле «сладкий», актуализирующем переносную семему «приятный; доставляющий удовольствие» или семеме «приторно-нежный, умильный»; наименования твердых предметов (камень, кремень, скала, металл в др.) часто актуализируют сему «твердый» и переносные семемы «надежный» или «решительный» и др.

Усиление семы представляет собой изменение яркости семы в сторону ее повышения. Оно приводит к тому, что та или иная сема в структуре актуализованного значения оказывается ярче по сравнению с другими семами, чем по отношению к ним же в структуре значения-компетенции. Ослабление семы представляет собой изменение яркости семы в сторону ее уменьшения. При формировании актуального смысла в коммуникативном акте усиление яркости одних сем автоматически ведет к ослаблению других, тоже актуализованных, так как на фоне более ярких сем они проигрывают, становятся менее заметными. <...>

Приведем ... пример коммуникативного изменения яркости сем. Значение слова *штукатур* — «рабочий, специалист по штукатурке».

Штукатуры приступили к отделке помещения. В актуальном смысле слова *штукатур* сема «специалист по штукатурке» выступает как наиболее яркая, а сема «рабочий» как более слабая.

Придет, поработает, допустим, *штукатуром*, короткое время пройдет, смотришь, а он уже сидит в кабинете с вывеской (В. Кожевников. Там, где нет ни пыли, ни мух). В данном предложении сема «рабочий» усилена, сема «специалист по штукатурке» ослаблена; актуализована также периферийная сема «рядовая должность».

Могут быть ослаблены все яркие семы значения, как ядерные, так и периферийные, что приводит к образованию нечеткого актуального смысла. В этих случаях все актуализованные семы выступают одинаково неяркими, что и создает нечеткость актуального смысла, например слово *инженер* в конструкции типа «*Инженер* — не чиновник». Отметим, что само явление актуализации предполагает, что актуализованная сема обладает известной яркостью, в этом — сущность явления актуализации. Однако яркость актуализованных сем, как правило, различна, и в рамках актуального смысла слова всегда можно выделить более и менее яркие семантические компоненты.

Еще одним семным процессом при коммуникативации значения является расщепление сем, под которым понимается неполная актуализация семы, т. е. актуализация в коммуникативном акте лишь части семы. Расщепляются эксплицитные семы; при этом часть эксплицитной семы, актуализирующаяся в коммуникативном акте, оказывается одной из скрытых сем данной эксплицитной семы. Это означает,

что расщепление эксплицитной семы фактически представляет собой актуализацию одной из скрытых в ней сем. Но так как при коммуникативном описании значения мы всегда имеем дело с уровнем рассмотрения семемы, на котором семантические компоненты представлены как эксплицитные, мы и говорим о расщеплении сем.

Расщепление сем — семантический процесс, характерный для переносного употребления слова и не встречающийся при прямом употреблении. Наиболее часто расщепляются семы, содержащие в качестве скрытых компоненты, выражающие количественную и качественную оценку какого-либо объекта, при этом редуцируется компонент, указывающий на объект. Например (в скобках приводятся редуцированные, т.е. не актуализованные компоненты расщепленной эксплицитной семы): лавина мероприятий — обилие (снега), с бороной ребятишек — многочисленность (зубьев), муравейник эфира — многочисленность (муравьев), половодье зелени — обилие (воды), табун, стая, стадо — многочисленность (животных), дрожжи — вызывают увеличение, рост (теста), спринтер — быстрота (бега) и др. Нередко расщепляются семы, содержащие скрытую сему «часть», «элемент», «компонент» и др.: кирпичики памяти — элемент (здания), головной мозг корабля — основная часть управления (человеком), тылы книгохранилища — участок (расположения войск), гарнир — дополнительная часть (обеда) и др. Расщепляются семы, содержащие скрытый фазисный компонент: обрыв знаний — конец (ровной поверхности), финиш жизни — этап (соревнований) и др. При расщеплении эксплицитной семы всегда актуализируется та ее часть, которая имеет более обобщенный характер, семантический же объект чаще всего подвергается редукции.

Следующим семантическим процессом является модификация сем, которая заключается в контекстуальном переосмыслении содержания семного конкретизатора в рамках того или иного семантического признака. Как отмечал В. Скаличка, «любую или почти любую сему можно употребить в различном смысле» (1967, с. 143). Модификация семы бывает двух видов — смысловая, представляющая собой изменение содержания семы в коммуникативном акте, и модальная — придание семе модальной окраски. Рассмотрим сначала смысловую модификацию.

Семный конкретизатор, уточняющий тот или иной семантический признак в определенной семе, парадигматически противостоит другим семным конкретизаторам с этим же семантическим признаком. Например, семные конкретизаторы «большой», «маленький», «огромный» противостоят друг другу в рамках семантического признака «размер», семные конкретизаторы «юный», «взрослый», «молодой», «старый» противопоставлены друг другу по семантическому признаку «возраст» и т. д. Разумеется, противопоставленность сем осуществляется через противопоставленность слов, содержащих эти семы в системе языка. Каждый семный конкретизатор в подобной парадигме несет свой собственный семантический груз, очерчивает свою денотативную область. В определенных коммуникативных условиях та или иная сема, а точнее, тот или иной семный конкретизатор, может подвергнуться речевой модификации, т. е. переосмыслению. Сравним два примера:

А колхозное дело такое молодое, и страшно необходимое. Все должны быть за нас. И *старушки*, в *женщины* (М.Шолохов. Поднятая целина); Из темноты проступали лица *девушек* и *женщин* (Там же).

Семантический признак «возраст» в значении слова *женщина* представлен семой «взрослая», однако в первом примере эта сема осмысляется как «не старая», а во втором — как «не очень молодая». Следовательно, сема «взрослая» модифицируется в данных контекстах. Подчеркнем, что сама сема «взрослая» в значении слова *женщина* ни в первом, ни во втором случае не исчезает, а лишь выступает в модифицированном виде, приспособленном к условиям коммуникативного акта.

Как указывалось выше, семные конкретизаторы нечетких сем обладают абсолютным содержанием и значимостью. Необходимо разграничивать модификацию значимости семы в акте речи и актуализацию системных значимостей таких сем.

Семные конкретизаторы нечетких сем могут иметь как абсолютное содержание, так и значимость, или обладать только значимостью и не иметь абсолютного содержания. Значимость семного конкретизатора, как отмечалось, возникает как следствие системной парадигматической ранжировки семных конкретизаторов по тому или иному семантическому признаку. К примеру, семантический признак «возраст» в значении слова *женщина* представлен семой «взрослая», содержащей полный семный конкретизатор: абсолютное содержание — «взрослая», значимость — «старше девочки, девушки, ребенка, младше старика, старухи и т. д.». А вот семантический признак «вес» в значении слова *мальчик* представлен семой с неполным семным конкретизатором: кроме самого семантического признака «вес», эта сема содержит только значимость по данному признаку — «больше младенца, портфеля, рыбы, книги, меньше мужчины, машины и т. д.»; абсолютного содержания семный конкретизатор в данном значении

не имеет, нет компонента типа «тяжелый» или «легкий». При отсутствии как абсолютного содержания, так и значимости мы имеем дело с автономным семантическим признаком, например признак «возраст» в значении слова *человек*.

Абсолютное содержание конкретизатора нечеткой семы определяется только в рамках его собственной тематической группы, к примеру, размер или вес животного определяется только относительно других животных, возраст людей — относительно других людей, эффективность инструментов — относительно инструментов и т. д. Относительная же значимость семных конкретизаторов определяется в пределах всей парадигмы слова по данному семантическому признаку, включающей слова всех тематических групп, для единиц которых характерен данный семантический признак. Например, относительная значимость семного конкретизатора «дорогостоящий» в значении слова «Жигули» будет включать характеристику дороговизны «Жигулей» как по отношению к другим личным транспортным средствам («дешевле «Волги», дороже мотоцикла, «Запорожца» и др.»), так и относительно других предметов потребления («дороже пальто, книг, обуви, радиоприемника, дешевле бриллиантов, дома и др.»). При наличии в семе полного семного конкретизатора возможна актуализация его абсолютного содержания и значимости по отдельности. В следующем примере актуализовано абсолютное содержание семы «дорогостоящий»:

Материально живем неплохо. Купили «Запорожец». Дочкой в школе довольны (Известия, 1981, 7 июля); Мать с отцом, всю жизнь проработавшие в поле, на ферме, в состоянии не только прокормить дитё, но и купить ему «Жигули» (Коммуна, 1981, 26 дек.).

Если же в коммуникативном акте возникает необходимость противопоставить значения по значимостям в рамках одного и того же семантического признака, то возможна актуализация только значимости:

Тут ни одной не было «Волги», но и ни одного «Москвича» или «Запорожца», тут царили только «Жигули». ...Деньги были, да, деньги у них были, но положение обязывало их не прыгать выше «Жигулей». Это все были торговые боссы из небольших магазинов, умный все народ, не вылезавший и не бахвалившийся тем, что имел (Л. Карелин. Змеелов). В данном примере в наименованиях автомобилей актуализованы значимости семы «дорогостоящий», а абсолютное содержание семного конкретизатора не актуализовано.

При актуализации сем с неполным семным конкретизатором обязательно необходим дифференцирующий контекст, как правило — вербальное противопоставление слов, обеспечивающих актуализацию конкретной значимости семы. Например: Тут не то что технике—*бойцу* не укрыться. В значении слова *боец* семный конкретизатор семантического признака «габариты» является неполным: абсолютная значимость отсутствует (боец — и не крупный, и не маленький, но значимость есть: «больше автомата, вещмешка и т. д., меньше пушки, танка, дзота и т. д.»). Конкретный дифференцирующий контекст обеспечил актуализацию именно данного компонента значимости — «меньше военной техники».

Наличие в семных конкретизаторах сем относительной значимости как реального семантического явления и возможность актуализации этой значимости в коммуникативном акте позволяют адекватно понимать многочисленные выражения типа *Карась величиной с лопату* (т. е. большой), *Карась величиной с полтинник* (т. е. маленький): в этих случаях актуализируется значимость семы с семантическим признаком «размер»; аналогично: кулаки с пудовые гири, кулаки как чайники, снежинка с ладонь, собака размеров с кошку и др.

Значимости сем отражают реальные отношения предметом внешнего мира по определенным признакам и входят в языковую компетенцию носителей языка, отражаясь в семантике слов. Значимость несет дифференциальную информацию, но она содержательна, представляет собой реальный семантический компонент, хотя и выделяющийся в структуре значения только в пределах той или иной семы.

Дифференцирующий контекст, где эксплицитно выражены единицы, оппозиция которых создает ту или иную значимость, является обязательным условием актуализации данной значимости в коммуникативном акте и может служить формальным показателем актуализации значимости в том или ином контексте. При этом дифференцирующий контекст является необходимым независимо от того, актуализируется значимость неполного или полного семного конкретизатора. Разграничение модификации сем и актуализации значимости семы должно проводиться с учетом того, есть ли в данной семе абсолютное содержание у конкретизатора или только значимость. Модификации могут подвергаться только семы с полным семным конкретизатором, так как модифицируется всегда некоторое конкретное абсолютное содержание; если же абсолютное содержание у семного конкретизатора отсутствует, то о его модификации не может быть и речи — возможна только актуализация значимости. Если же актуализируется

сема с полным семным конкретизатором, то абсолютное содержание может быть актуализовано в двух вариантах — с модификацией и без модификации.

При модификации конкретное содержание модифицированной семы описывается или допускает описание при помощи таких единиц метаязыка, как: «слишком, достаточно, недостаточно, очень, не очень, сравнительно, относительно и т. д. ... в данной ситуации» (в других ситуациях будет возможна другая оценка, другое осмысление данного признака).

Выше речь шла о смысловой модификации сем, заключающейся в изменении ее содержания. Второй тип модификации — модальная модификация, которая заключается в том, что в коммуникативном акте определенные семы приобретают модальную окраску, передаваемую в описании такими единицами метаязыка, как: должен, может, обязан, возможно и др. Например:

Как ты можешь так равнодушно относиться к сыну? Ты же *отец!* Сема «проявление заботы» модифицируется в должен, обязан заботиться».

Маша заболела. — Ну, это не страшно, она ведь живет с *матерью*. Сема «забота о детях» модифицируется в «может позаботиться».

Модальной модификации подвергаются преимущественно лиспозициональные, вероятностные семы.

Следующий рассматриваемый семантический процесс — конкретизация семы. Сема всегда представляет собой определенную абстракцию. Семы достаточно высокой степени абстракции представлены в коммуникативных актах в виде семных вариаций. По аналогии с фонетикой семные вариации можно назвать аллосемами. Аллосемы — это конкретные вариации семы, обусловленные коммуникативным намерением говорящего и воплощенные в конкретном лексическом значении. Они представлены в коммуникативном акте в семантике конкретных лексических единиц, и выбор той или иной единицы, содержащей аллосему, относится к сфере конкретизации коммуникативного намерения говорящего. Одна и та же сема может быть представлена в речевом акте разными аллосемами. Так, сема «препятствие для деятельности людей» в разных коммуникативных ситуациях может выявиться в аллосемах «препятствует жизни, работе» (ремонт), «препятствует полетам самолетов» (туман), «препятствует обработке почвы» (ямы, кусты, овраги), «препятствует перемещению» (болота, джунгли) и т. д.

Сема «способность к перенесению трудностей» реализуется в виде аллосем «перенесение тяжелого физического труда», «способность к длительной изнурительной работе», «приспособленность к тяжелым климатическим условиям «физическая сила», «способность нести большой груз» и др. Сема «наличие технических знаний» может выступать в виде аллосем «способность починить технику», «умение завести мотор», «умение обращаться с бытовыми приборами» и т.д. Семы низкой степени абстракции выступают, как правило, только в виде одной вариации (ср.: «одноместность», «четырёхколёсность», «наличие спинки» и др.).

Описание сем, имеющих единственную аллосему, не вызывает трудности, так как не содержит альтернативы. При наличии у семы нескольких аллосем встает вопрос о том, описывать ли непосредственно аллосему или ту сему, вариацией которой данная сема выступает. Описание значения как факта языковой компетенции диктует выбор в пользу семы, потому что этим достигается более высокий уровень обобщения, что необходимо для описания системного значения слова.

Конкретизация семы в коммуникативном акте, таким образом, заключается в обусловленном коммуникативной задачей говорящего переходе от абстрактной семы к конкретной аллосеме в составе значения слова, т. е. в коммуникативном воплощении абстрактной семы в конкретной аллосеме. Конкретизация семы — процесс, сопровождающий ее актуализацию, но происходит он только с теми семами, которые имеют достаточно высокий уровень абстрактности, так как конкретные семы в конкретизации не нуждаются.

Поддержание семы — процесс, выражающийся в вербальной экспликации актуализируемой семы в коммуникативном акте. Эта экспликация выступает как средство контекстуального усиления семы и заключается в использовании в коммуникативном акте слова или словосочетания, эквивалентного отдельной актуализируемой семе или всему актуальному смыслу слова в целом. Экспликация может осуществляться как в микроконтексте (предложении), так и в макроконтексте (тексте в целом). В структурном отношении экспликация может быть как препозитивной, так и постпозитивной, в содержательном отношении — буквально эквивалентной актуальному смыслу слова или требовать перифраза. Например:

Хотелось мне быть *храбрым, хладнокровным*, одним словом, *мужчиной* (А. Генатулин. Атака). Поддерживаются семы «храбрый», «хладнокровный», экспликация носит буквальный характер.

— Мама всегда говорила, что ты трудный мальчишка.

— Мальчишка! Я мужик теперь! Понимаешь, мужик! Я видел столько за эти месяцы, чего за сто лет не увидишь! (В. Кондратьев. Отпуск по ранению). Поддерживается сема «зрелый», «опытный», экспликация требует перифраза.

Взяли-таки с собой и *дегтярева*», и *автоматы*. У меня и даже у всех ездовых новенькие *ППШ* и *ППС*. В случае чего море огня (А. Щербань. Варшавское шоссе). Поддерживается сема «большая огневая мощь», экспликация требует перифраза.

Начальник охраны заповедника не пропускает с ружьем через территорию заповедника] — Так *соболь* же, *валюта*, — тянул начальник охраны. — С нас тоже требуют... (В. Чивилихин. Серебряные рельсы). Поддерживает семы «высокая ценность», экспликация буквальна («валюта»).<...>

Категоризация значения заключается в коммуникативно обусловленном выборе архисемы для актуализованного значения. В коммуникативном акте осуществляется категоризация предмета, которая отражается в выборе лексической единицы как средства номинации, а также в выборе архисемы в ее значении. Архисема выделяется как результат мыслительной операции категоризации, в результате чего значение относится к определенному классу. Архисема выбирается из открытого ряда архисем, отложившихся в значении в результате прошлого опыта категоризаций. Эти семы отражают различные уровни абстракции, на которых может осуществляться категоризация и выбор уровня (а, соответственно, и архисемы для значения) обусловлен коммуникативной ситуацией. Архисема выбирается в акте речи, но это не значит, что она наводится контекстом: архисема является внутренне присущим семантическим компонентом слова, выводимым из других компонентов в результате мыслительной операции, а не приводимым в значение со стороны.

Наведение семы — процесс коммуникативного внесения семы в значение. Наводятся семы, отсутствующие в системном значении слова. Наведенные семы относятся к разряду окказиональных. <...>

Денотативные семы наводятся в следующих примерах:

Наконец, к ночи определили в поездку по обмену опытом *животноводов* Кукушкина Л. Д. и Кулешова А. В. При Кукушкине и Кулешове послали непьющего агронома Василькову (В. Орлов. Альтист Данилов). Наводится сема “пьющие”.

— Как же так? От воспаления легких [умерла]? — Скрытое было На рентгене не видно. — Да, я знаю. Как же ее просветили? Есть же *техника*! Алена стукнула кулачком по парте. (Э. Пашнев. Белая ворона). Наводится сема “совершенная, эффективная”.

А у твоего Салтыкова самое красное слово — дело. Он *работник* (В. Еременко. Слепой дождь). Наводится сема “надежный, ответственный”.

Я научу вас мыслить, лентяи! — кричала она. Лицо ее становилось малиновым. — Я сделаю из вас *математиков*! (О. Астахова. Испанец Иванов). Наводится сема “знающий, квалифицированный”.

Примеры наведения коннотативных сем:

— Быстрой, мужики! — Забегали! — обернулся Гуцких. — У него кто хошь забегает, — отозвался Родион. — *Агитатор*! Старшой из него получится (В. Чивилихин. Елки-моталки). Наводится положительно-оценочная сема.

Сильва. ...Сердечно поздравляю, мы опоздали на электричку. Брр! *Джентльмены*! Провожание устроили! обормоты! (А. Вампилов. Старший сын). Наведены презрительно-эмоциональная и неодобрительно-оценочная семы.

Наведение коннотативных сем происходит в тех случаях, когда в структуре значения присутствуют автономные семантические признаки “эмоция” и “оценка”; поскольку данные признаки присутствуют в семантике всех неценочных полнозначных слов (в оценочных словах есмть соответствующие оценочные семы), то коннотативные семы могут быть факультативно наведены в значение любого такого слова — *река*, *стол*, *дерево*, *шофер* и т.д.

Существует разряд слов, в которых автономный признак “оценка” или “эмоция” предполагает обязательную контекстуальную конкретизацию, т.е. наведение того или иного конкретизатора в обязательном порядке. <...>

Денотативные и коннотативные семы могут наводиться в значении одновременно. Например:

[Речь идет о мертвом немецком генерале] Чего он приволокся, этот чужеземный генерал, в заснеженную Россию? Почему он не принял капитуляцию? *Стратег*! (В. Астафьев. Где-то гремит война). Наводится денотативная сема “негодный, неумелый” и коннотативные неодобрительные семы.

[Прокурор осматривает место побега уголовников] Прокурор... осмотрел колючую проволоку на заборе, оставшуюся почти нетронутой, произнес в заключение только одно слово: “*Специалисты!*” — и

пошел со двора (П. Нилин. Жестокость). Наведена денотативная сема «квалифицированные, умелые» и неодобрительная оценочная сема. <...>

Укажем, что иногда нельзя провести четкой грани между наведением семы и актуализацией слабых периферийных сем значения. Возможно, что в области слабых периферийных сем мы имеем дело с пограничными между наведением и актуализацией сем случаями.

Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

С. 38–49

Глава I. Общие проблемы варьирования глагольной семантики

§ 4. Варьирование глагольной семантики и контекст

<...>

Рассмотрим наиболее типичные случаи соотношения глагольной семантики и лексико-грамматических свойств контекстных слов, способствующих правильному пониманию адресатом актуальных смыслов глаголов, повышению яркости каких-либо компонентов значения, реализации потенциальных возможностей предикатов.

1. Вербальная экспликация актуализируемой семы. В таких контекстах есть слово (или конструкция), которое прямо указывает на специфику словоупотребления, на акцентируемый компонент глагольной семантики. Например, в следующем отрывке глагол *доит* дважды использован в актуальном смысле «работать дояркой»: Двадцать три года дою уже без перерыва. Есть и подольше меня работают. Серафима Бокова, вон она, Лет сорок, Сима, доишь? (Фраюк В. Конец календарного года). Акцентируемый признак «работать» поддерживается здесь специальным глаголом. Ср. также: Числиться будешь балериной, а работать репетитором. — Нет уж, спасибо. Я еще хочу потанцевать (Ласкари К. Двадцать третий пируэт). Обобщая подобные случаи, можно заметить, что вербальный экспликатор может быть постпозитивным (находиться после глагола) и препозитивным, находиться в пределах данного предложения и за его границей. <...>

2. Семантическое согласование акцентируемой семы. В названных конструкциях выделяемый компонент глагольной семантики дублируется в других лексических единицах. Ср.: От мыслей про дочь Васе стало муторно, голова кружилась, как с похмелья. Пошел, лег диван. А что такого? — Больной — лежи (Катерли Н. Между весной и летом) . У глагола *лежать* здесь акцентирован признак «отсутствие физического напряжения». Этот признак частично дублируется в слове *больной*, с которым связаны представления об упадке физических сил, невозможности значительного физического напряжения. Еще пример: Соседка, небось, еще спит. Чего не спать — пенсионерка (Катерли Н. Между весной и летом). У глагола *спать* здесь акцентирован признак «отдыхать», который поддерживается существительным *пенсионерка*, в семантике которого есть тот же признак (пенсионерка — человек, который не работает, находится отдыхе). Как видно из приведенных примеров, семантическое согласование при речевом варьировании не требует обязательной конструктивной связи слов с однотипными компонентами значения, хотя такая связь вполне возможна.

3. Семантическое противопоставление. В этих условиях акцентируемый компонент глагольной семантики воспринимается как более яркий за счет того, что ему противопоставлена антонимичная сема в другом слове. Ср.: Со временем будут созданы институты, формирующие элиту по классовому признаку! — Ну, во-первых, кинутся все тогда в эту самую твою элиту и некому будет картошку убирать (Ларин В. Затяжной прыжок) . У глагола *убирать* здесь акцентирован признак «непрестижность», который оттеняется противоположным признаком, имеющимся у слова «элита». Ср. также противопоставление глаголов в следующем контексте: Ты должен руководить, а не за плугом ходить (Шолохов М. Поднятая целина). У глагола *руководить* здесь акцентируются признаки «необходимость значительных интеллектуальных усилий», «сложность» и, возможно, «престижность», тогда как с хождением за плугом у говорящего связаны совсем иные представления. Нетрудно заметить, что поддержка акцентируемой семы за счет противопоставил вовсе не обязательно связана с противительными конструкциями.

4. Ослабление конструктивных связей. Акцентирование каких-либо признаков самого действия (например, «трудоемкость», «длительность», «сложность» и т. п.) нередко создает возможность для употребления глагола вне подчинительных и даже предикативных связей. Ср.: Мать, как всегда, застряла на пороге с последними указаниями. Постирать, погладить, починить, прокипятить, подмести. Ужас, сколько всего она придумывала каждый раз, когда уходила на работу (Васильев В. Завтра была война) . Вербальный экспликатор «Ужас, сколько всего она придумывала...» свидетельствует, что здесь акцентированы признаки «трудоемкость», «длительность». Соответственно оказывается не так уж важно, что

именно надо «погладить, починить, прокипятить...»<...> и поэтому переходные глаголы употреблены здесь без зависимых существительных. <...> Нет в рассматриваемом контексте и акцентирования признаков, характеризующих не столько само действие, сколько осуществляющий его субъект («престижность», «способность субъекта к совершению данного действия» и т. п.). Это и создает возможность использования неопределенной формы. В тех случаях, когда глагол используется с акцентированием признаков, характеризующих свойства субъекта, глагол употребляется в личной форме, но вполне может быть без зависимых существительных. Ср.: Санечка ведь привык, что все его оберегают. Здоровьем слаб и такой разносторонний: рисует, играет, поет (Кожевников Н. Домашние задания) .

5. Модификация конструктивных связей. Конструктивные связи глагола (зависимые от него существительные, инфинитивы и наречия, предикативно связанные с глаголом слова и т. п.) при речевом варьировании в меньшей степени могут играть роль ключевых слов, чем при многозначности, где уже сама отнесенность такого существительного к определенной семантической группе может служить ключом для понимания образного смысла слова (ср.: рождать надежды, взять идею, автомобиль летит к финишу). Для исследования контекстуальных условий речевого варьирования семантики более значим оказывается не отнесенность существительного к той или иной тематической группе, а другие его семантические свойства. Например, если глагол употреблен для обозначения способности субъекта к действию, то зависимое существительное обычно называет не конкретный предмет с его специфическими свойствами, а предмет как представитель класса однородных предметов. Ср.: Не было на свете ничего такого, чего бы он не умел. Он чинил часы, шил обувь, стирал, гладил, столярничал, рисовал (Михальский В. Тайные милости). В данном контексте существительное *часы* обозначает именно класс однородных предметов, а не конкретный часовой механизм. Обобщенный смысл здесь имеет и слово *обувь*: показательно, что использовано именно родовое обозначение *обувь*, а не видовое — ботинки, сапоги, туфли и т. п.

Обобщенный характер может иметь семантика зависимых слов при варьировании глаголов по некоторым другим моделям. Ср: Скажи спасибо своему Князеву, что хоть такую работу нашел. Ведь последние ботинки донашиваешь. А это все-таки по специальности. — Полагаешь, по специальности? Ну, спасибо. А может, все-таки лучше наняться бочки грузить? (Катерли Н. Полина) . Речевой смысл слова *бочки* в соответствии с общей закономерностью здесь обобщен, поскольку глагол *грузить* использован с акцентированием признака «тяжелый физический труд» (согласование со словом *бочки* по семе «тяжелые предметы»).

6. Фразеологизированная структура предложений. В ряде публикаций по речевой семантике существительных называются особые синтаксические конструкции (а зачастую и их лексическое наполнение), свидетельствующие об актуализации определенных компонентов семантики. Так, Е. В. Падучева отмечает, что в высказываниях типа *Закон есть закон, Женщина есть женщина* тавтологичность прямого смысла «заставляет слушающего считать, что их подлинный смысл — в ассоциациях, связанных с понятиями закона и женщины» (Падучева Е. В., 1985, с. 42). <...> Конструкции, способствующие усилению отдельных компонентов лексической семантики, есть и в глагольной лексике: Отдыхать — не работать, Реанимировать — дело не женское; Тоже мне мужчина, даже вколотить гвоздь не может. Особенно часто усилением ассоциативных связей характеризуется инфинитив как форма глагола с наиболее ослабленными конструктивными связями (Панченко, В., 1979, с. 107).

7. Внешний алогизм высказывания. В художественном тексте алогизм высказывания всегда заставляет искать скрытый смысл, который нередко связан с актуализацией каких-то особых компонентов лексического значения. Ср.: Он *постарел* однажды, постарел враз, будучи еще молодым. В свое время удар, тупой и мощный, обрушившийся на генетику, сшиб с ног молодого ученого Василия Дмитриевича (Кожевникова Н. Домашние задания) . Старение — длительный процесс, с которым ассоциативно связаны изменения характера, внешности, вкусов, привычек и т. п. В данном контексте наиболее важным оказывается преждевременное появление излишней осторожности, расчетливости, отход человека от юношеских идеалов.

8. Интонационное выделение в тексте. В устной речи акцентирование актуального смысла слова может осуществляться при помощи повышения тона, замедления темпа, увеличения пауз и т. п. В письменной речи «интонация может передаваться вербально: ...презрительно сказал он, с восхищением протянула она и др. (обычно такие случаи свидетельствуют о наведении сем) или графическими средствами» (Стернин И. А., 1985, с.125). К числу графических средств выделения слов со специфическими актуальными смыслами относятся разрядка, курсив, кавычки. Ср.: Все стали пить за моих родителей, именно *п и т ь* (разрядка автора. — А. Ч.), потому что тосты были краткими, мимоходными, а рюмки и

бокалы осушали до дна (Алексин А. Раздел имущества). Разрядка вместе с последующим разъяснением показывает, что в данном случае яркая сема «употреблять спиртные напитки», а семы «проявлять уважение», «высказывать человеку пожелание» отступают на задний план. Ср. также выделение при помощи кавычек глагола, использованного для обозначения асситивной каузации, при которой субъект не производит действие, а лишь способствует его осуществлению: Кравцова выбивает для института новейшее оборудование, ассигнования на строительство, «построила» (здесь так и говорят, «построила») новый корпус (Графова Л. Подозрение). Однако следует подчеркнуть, что специфическое словоупотребление (в том числе акцентирование признаков «ассистивность», «Намеренность») графически выделяется в тексте лишь эпизодически, по-видимому, пишущие считают, что для адекватного понимания смысла вполне достаточно иных средств контекста.

9. Средства микроконтекста. Адекватное понимание специфики конкретного словоупотребления нередко возможно лишь при учете целостного смысла произведения; ближайший контекст не всегда способен в полной мере показать особенности словоупотребления. Ср.: Балтийский климат, как всегда, действовал целительно; я дышал ровно и глубоко, давление пришло в норму, и в конце нашего пребывания я даже достал ракетку и немного играл в теннис (Трифонов Ю. Предварительные итоги). В заключительной фразе повести глагол *играть* использован для того, чтобы показать, что герой в состоянии переносить определенные физические нагрузки: в первой части предложения сообщается об изменениях в состоянии здоровья. Однако в полной мере осознать значение фразы в целом и актуальный смысл каждого слова в отдельности можно лишь с учетом всего текста повести, содержание которой в значительной мере связано с описанием тяжелого физического и морального состояния героя.

Завершая рассмотрение специфической роли контекста при речевом варьировании глагольной семантики, следует еще раз отметить, что «ключом» для правильного понимания здесь чаще всего является не одно какое-то слово (или словосочетание), а совокупность целого ряда факторов. Ср. средства акцентирования признаков «малая трудоемкость» и «приятность для субъекта» у глагола *читать* в следующем контексте: Оказалось, что у Лазаря есть порок, совершенно необычный в семье Рахленков. Этот порок — лень. Родная мать колет дрова, а он сидит и читает газету. (Рыбаков А. Тяжелый песок). Ключевыми словами, выдвигающими эти признаки на первый план, являются существительные *порок* и *лень*, которые по своей функции очень близки к лексическим экспликаторам. Важную роль играет здесь противопоставление предикатов в структурах «Родная мать колет дрова» — «Лазарь читает газету». Первый предикат обозначает тяжелое (к тому же далеко не женское) занятие, а это оттеняет противоположный ассоциативный признак глагола *читать*. Не случайно в этом контексте и употребление глагола *сидеть*, который имеет более яркие, чем глагол *читать*, ассоциативные признаки: «малая трудоемкость», «приятность для субъекта», «отдых». Поскольку использование глаголов в ряду однородных членов всегда оттеняет их семантическую близость <...> то названные выше признаки по правилу семантического согласования акцентируются и у глагола *читать*. Наконец, нельзя не заметить и особую роль в контексте слова *мать*, имеющего яркие производные признаки «физически более слабая, чем мужчина», «Нуждающаяся в помощи», «наиболее близкий и любимый человек» (последний признак дополнительно усиливается прилагательным *родная*). Таким образом, оказывается, что едва ли не каждое слово в рассмотренном отрезке в той или иной степени способствует более полному раскрытию речевой семантики анализируемого глагола.

В целом можно заметить, что характер ключевых и опорных слов, способствующих правильному восприятию речевого смысла слова, во многом определяется конкретным типом речевого варьирования. Далекое не случайно актуальный смысл «профессионально заниматься соответствующей деятельностью» рассматривался в связи с лексической экспликацией (она часто встречается также при характеристике способности субъекта к определенному действию), семантическое согласование описывалось на материале ассоциативного признака «отдыхать», актуальный смысл «престижность действия» анализировался в связи с семантическим противопоставлением, а при характеристике ослабления конструктивных связей говорилось, что это особенно часто происходит при акцентировании признаков действия как такового, а не его субъектно-объектной локализации.

Отчетливой связи между актуальным смыслом слова и способом его подчеркивания нет лишь при интонационном (графическом) выделении слова и воздействии макроконтекста. Вместе с тем следует подчеркнуть, что один и тот же признак может акцентироваться различными способами. Ср., в частности, усиление семы «приятное времяпрепровождение» при семантическом согласовании и семантическом противопоставлении: Он *спит* в твиндеке, а Дуська за него *работу исполняет*, капитанствует (Михальский В. Тайны милости). Майя не норовила при первом удобном случае улечься на подстилку,

заклеить нос листом и загорать (Катерли Н. Полина). В каждом предложении существуют и дополнительные средства акцентирования рассматриваемого признака. В первом случае — это подчеркнутая несвоевременность отдыха («Дуська за него работу исполняет»), а также неоправданность возложения «мужских» обязанностей капитана судна на жену. Во втором предложении важны релятивные распространители (тошно улечься, при первом удобном случае), яркость ассоциативного признака «отдых» у глаголов *улечься* и *загорать*, подчеркнутая забота о собственной внешности (заклеить нос листом), употребление стилистически окрашенного глагола (норовить). Таким образом, акцентирование актуального смысла глагола возможно различными средствами контекста, которые постоянно взаимодействуют между собой, дополняя и поддерживая друг друга. Это положение относится к самым различным разновидностям речевого варьирования глагольной семантики.

Сопоставляя закономерности взаимодействия глагольной семантики с контекстом при многозначности и речевом варьировании, можно заметить, что при многозначности ключевыми чаще всего являются слова, находящиеся в предикативной или подчинительной связи с данным глаголом. Признаком многозначности, как правило, является и изменение синтаксической сочетаемости глагола. Сочинительные связи могут быть очень показательными и при многозначности, и при речевом варьировании. Лексическая экспликация и, в несколько меньшей степени, ослабление конструктивных связей — признак речевого варьирования. В целом проявляется следующая закономерность: в связи с относительно небольшой ролью предикативных и подчинительных связей при речевом варьировании глагольной семантики объем минимального контекста, необходимого для правильного понимания смысла слова, в последнем случае несколько больше, чем при многозначности, и его границы обычно выходят за рамки простого предложения, которого, как правило, вполне достаточно для понимания метафоры или метонимического переноса. Вместе с тем нечасто встречаются и случаи, когда адекватное замыслу автора осознание актуального смысла глагола требует максимального контекста, простирающегося до границ большого текста в целом.

* * *

Рассмотренные в настоящей главе общие проблемы глагольной семантики позволяют уточнить принципы и приемы исследования моделей регулярного семантического варьирования, составляющего основную часть последующего текста. Прежде всего имеются в виду следующие принципиальные положения:

1. Регулярное варьирование семантики глаголов имеет две важнейшие разновидности: при **регулярной многозначности** происходит изменение состава компонентов лексического значения, а при **регулярном речевом варьировании** акцентируются уже имеющиеся семы, реализуются потенциальные возможности семантики, не связанные с изменением значения. В качестве основного критерия разграничения полисемии и речевых модификаций принята последовательная фиксированность соответствующих словоупотреблений в лексических источниках.

2. Анализ существенных свойств компонентов лексического значения позволяет выделить наиболее важные с точки зрения регулярного семантического варьирования противопоставления дифференциальных, интегральных, категориальных и ассоциативных признаков, а также сем ярких и слабых, системных и личностных, обязательных и факультативных.

3. Обзор существующих семантических объединений в глагольной лексике позволяет выделить четыре их типа, наиболее значимых с точки зрения способности входящих в них глаголов к регулярному семантическому варьированию: лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы, объединения слов с однотипной субъектно-объектной специализацией и группы слов, имеющих сопоставимые периферийные семы.

4. Изучение контекстуальных условий варьирования глагольной семантики создает возможности для выделения типовых случаев соотношения семантики глагола и лексико-грамматических свойств окружающих слов, обеспечивающих правильное понимание адресатом актуального смысла глаголов и способствующих повышению яркости каких-либо компонентов значения, реализации семантической потенции глаголов. При речевом варьировании роль конструктивных связей глагола для понимания смысла адекватно замыслу говорящего оказывается менее значимой, чем при многозначности, а объем требуемого для этого контекста, наоборот, увеличивается.

II. РУССКАЯ ЛЕКСИКА В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

2.1. Русская лексика в историко-хронологическом аспекте

Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1959

При изучении словарного состава современного русского литературного языка обычно уделяется очень большое внимание славянизмам. Но при этом часто упускается из виду, что самое понятие «славянизм» может иметь два различных значения: одно — генетическое, другое стилистическое.

В генетическом смысле наименование славянизмов приложим о ко всем тем явлениям современной русской речи, которые имеют не русское, а церковнославянское происхождение. В этом смысле славянизмами признаем так называемые неполногласные слова вроде *нрав*, *враг* (при русских *норов*, *ворог*), слова, в которых вместо звуков *ч* и *ж*, ожидаемых по фонетическим законам истории русской речи, находим соответственно *щ* и *жд*, как, например, *освещать* (ср. *свеча*), *невежда* (ср. *невежа*), слова, начинающиеся звуком *е* вместо предполагаемого фонетическими соответствиями *о*, как, например, *единственный* (при *один*) и т.д., хотя бы все это были совершенно обычные слова современного русского языка, всякому понятные, общеупотребительные в письменной, а также и в устной речи лиц, получивших хоть некоторое образование. С этой точки зрения к славянизмам можно причислить и такие слова, которые заключают в себе хотя бы один какой-нибудь элемент, восходящий к церковнославянскому источнику, как, например, наши действительные причастия настоящего времени, в суффиксе которых согласный *ш* есть церковнославянская параллель русского *ч*, например: *горящий* (при *горячий*), *текущий* (при *текучий*) и даже *телефонирующий*, *транслирующий* и т.д., то есть причастия от глаголов новейшего западноевропейского происхождения. Слова эти, именно как слова, разумеется, без явной бессмыслицы, не могут именоваться славянизмами. Но звук *щ* в их суффиксе восходит к церковнославянскому морфологическому образцу, и в этом смысле и они должны быть признаны славянизмами. Иными словами, все то в современном русском языке, что перешло в него из церковнославянского источника и связано с этим источником по своему происхождению, есть славянизм.

Совсем другое дело славянизм в стилистическом смысле. Это есть славянизм не по происхождению, а по употреблению. С первых же дней его существования в русском письменном языке стало обнаруживаться присутствие двух начал: народного русского и церковнославянского книжного. Так, например, тексты древнейших летописных списков изобилуют параллельными словарными средствами, вроде *борода* — *брада*, *голова* — *глава*, *перед* — *пред*, *волоку* — *влеку*, *ночь* — *нощь*, *один* — *един* и т.д. Однако с течением времени в силу разнообразных причин, на которых здесь останавливаться невозможно, значительное число таких словарных дублетов устранилось из употребления. Одним из средств устранения таких дублетов было вытеснение из употребления русского варианта, так что употребительным остался только церковнославянский вариант. Например, древние памятники дают многочисленные примеры употребления слов *храбрый* и *хоробрый* в одном и том же значении. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Наплънився ратного духа, наведе своя *храбрыя* плъкы на землю Полове(ять)цкую», а в другом месте: «Дремлетъ в поле(ять) Ольгово *хороброе* гне(ять)здо». Однако в литературном языке нового времени слово *хоробрый* уже не употребляется. Это слово полностью вытеснено из употребления церковнославянской параллелью *храбрый*, которая из письменной речи перешла в устную речь, сначала, вероятно, только книжных людей, а потом и всего народа. До тех пор пока в употреблении находились оба варианта, церковнославянское слово *храбрый* на фоне народного русского слова *хоробрый* должно было восприниматься как нечто стилистически инородное, как особая принадлежность именно письменной или поэтической речи. Но с того момента, как слово *хоробрый* окончательно вышло из употребления, оставшееся в употреблении слово *храбрый* неминуемо должно было утратить эту особую стилистическую окраску и войти в общий фонд русского словаря, превратиться в обычное русское слово, каким оно и является в современном русском языке. Иначе говоря, слово *храбрый* перестало быть славянизмом в стилистическом смысле этого термина, хотя генетически оно, конечно, остается славянизмом.

Был также другой путь устранения тех дублетов, о которых здесь идет речь. Именно, нередко наблюдаем, что русское и параллельное ему церковнославянское слово, означавшие сначала одно и то же, постепенно начинают дифференцироваться по значению, то есть обозначать разные предметы мысли. Например, в современном русском языке значения слов *сторона* и *страна* не совпадают, т.е. это действительно разные слова. Сейчас нельзя ходить «по правой *стране*», как нельзя путешествовать «по европейским *сторонам*». Но иначе обстояло дело раньше. Например, в Лаврентьевской летописи читаем: «Слышавъ же князь великий ре(ять)чь их буюю и повеле(ять) приступит ко *граду* со все(ять) *страны*»

(то есть со всех сторон). В одной из редакций «Сказания о Борисе и Глебе» находим: «Бяше поставлена (храмина) над землею на десне(ять)и стране(ять)» (то есть на правой стороне). Особенно интересны случаи вроде следующего, заимствуемого из 1 Новгородской летописи по так называемому Синодальному списку, где в пределах одного предложения сразу встречаем и тот и другой вариант слова в совершенно одинаковом значении: «И отъ часа нача злоба множитя: прибе(ять)гше они на свою Торговую *сторону* и ре(ять)ша (сказали), яко Софе(ять)йская *страна* хоцеть на насъ вѣоружатися». В этом примере слова *сторона* и *страна* означают: «часть города, расположенная по один берег реки». Слово *страна* в значении нашего *сторона* нередко встречается еще в языке XVIII—XIX вв., в литературных произведениях высокого стиля, как например в «Оде на взятие Хотина» Ломоносова:

И дух свой к тем *странам* вперн,
Где всходит день по темной ночи... <...>

Остатком этого словоупотребления в современном языке является географическое понятие *страны* света, то есть север, юг, запад и восток. Ср., с другой стороны, в современном народном языке и фольклоре слово *сторона* в таких выражениях, как «на чужой *стороне*», «из далекой *стороны*» и т.д. В общем, аналогично тому, что сказано выше о слове *храбрый*, можем заключить, что пока слово *страна* могло означать то же самое понятие, что и слово *сторона*, оно было стилистическим славянизмом. Но оно перестало им быть, как только получило значение, обособленное от значения слова *сторона*. В современном языке слово *страна* уже не славянизм в стилистическом смысле, хотя остается словом церковнославянского происхождения.

Наконец, в тех (также немалочисленных) случаях, когда параллелизм русского и церковнославянского вариантов того же слова устранялся тем, что церковнославянский вариант вытеснялся русским, церковнославянское слово в той мере, в какой еще сохранялась известная возможность его употребления, оставалось не только генетическим, но и стилистическим славянизмом. Так, слова *глад*, *гладный* уже очень давно вышли из общего употребления, уступив свои права русским вариантам *голод*, *голодный*. Тем не менее возможность употребить их в отдельном случае для какой-нибудь специальной стилистической цели (для важности слога, для шутки, для имитации библейской речи и т.п.) все же оставалась, да и сейчас остается. Так, в поэме Валерия Брюсова «Конь блед» встречаем следующую стилизацию на библейский лад:

Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, *глады* и меча!

И вот именно потому, что *глад* для нас слово неупотребительное, что в обычной речи в этом значении употребляется только русский вариант *голод*, церковнославянский вариант этого слова в наших условиях есть славянизм и в стилистическом смысле.

Надо теперь сказать, что в таком качестве стилистического славянизма могут иногда выступать и такие элементы речи, которые по своему происхождению вовсе не принадлежат к числу исключительных особенностей именно церковнославянского языка и свойственны не в меньшей мере определенным стадиям развития самой русской речи. Один из случаев этого рода — широко распространенное еще в первой половине XIX в. в стихотворной речи произношение звука *e* вместо *ѣ* в словах вроде *слез*, как, например, у Батюшкова:

Зачем он шел долиной чудной *слез*,
Страдал, рыдал, терпел, исчез... <...>

Или в слове *еще* в известном месте «Евгения Онегина» у Пушкина:

Ничтожный призрак, иль *еще*
Москвич в гарольдовом плаще... <...>

рифма указывает на произношение *e*, а не *ѣ*. <...> Наши предки, в своей бытовой речи произносившие *слез*, *ещѣ*, старательно выговаривали *слез*, *еще*, когда читали книгу. Подобное двойное произношение с течением времени должно было получить стилистическое значение. Буквенное произношение вошло в систему средств церковнославянского языка и стало признаком произношения высокого, учёного, как об этом, между прочим, свидетельствует Ломоносов, который в своей «Российской грамматике» писал, что «в чтении книг и в предложении речей изустных» произношение «к точному выговору букв склоняется». Таким путём произношение *e* вместо *ѣ* стало церковнославянским, то есть стилистически окрасилось совершенно так, как действительные славянизмы. <...> Церковнославянский язык, состав-

вивший один из основных элементов русской письменной речи, имел в России свою историю. В своем первоначальном виде церковнославянский язык есть язык, созданный деятельностью Кирилла и Мефодия в IX в. Но в русском употреблении состав этого языка изменялся. Некоторые его элементы входили в общее русское употребление, не только письменное, но и устное, и тем самым переставали быть принадлежностью церковнославянского языка в отличие от русского. С другой стороны, состав церковнославянского языка пополнялся разного рода явлениями, отмиравшими в общем русском употреблении. Очень долгое время, вплоть до Петровской эпохи, церковнославянский язык в России был не что иное, как русский книжный язык в отличие от обиходного. Но вслед за тем он обособился от общего русского языка на правах именно *церковного* языка, в каком качестве сохранился до наших дней в употреблении верующих (православных). Все то, что в каждую данную эпоху для говорящих и пишущих есть специальная принадлежность церковнославянского языка своего времени и в этом качестве способно функционировать как наделённый определёнными стилистическими свойствами церковнославянский вариант общеупотребительного средства русской речи, и есть славянизм в стилистическом смысле слова.

Всё сказанное далее обнаруживает известную общую закономерность в истории славянизмов в русском литературном языке. Эта история в своих подробностях, можно сказать, почти совсем не изучена, и не она составляет предмет данной статьи. То, что сказано до сих пор, должно служить только объясняющим кратким введением к нижеследующему, где будет идти речь уже исключительно о славянизмах в современном русском языке (под современным языком я здесь подразумеваю языковое употребление XX в.). Присматриваясь к тем элементам современной речи, которые генетически могут быть возведены к церковнославянскому источнику, мы обнаруживаем, что все они в их отношении к их русским вариантам могут быть сгруппированы в три следующих разряда.

I. Славянизмы, русский вариант которых сейчас неупотребителен, хотя и известен во многих случаях по старым памятникам или произведениям фольклора, а также может встретиться в диалектах. Примером может служить соотношение *храбрый* — *хоробрый*.

II. Славянизмы, русские варианты которых также употребительны в современном языке, причем церковнославянский и русский варианты соответствующих слов различаются своими значениями, составляя сейчас два разных слова. Примером служит параллель: *страна* — *сторона*.

III. Славянизмы, не встречающиеся в настоящее время в общем употреблении, хотя и известные по письменным памятникам старших эпох истории русского языка, в то время как русский вариант соответствующих слов принадлежит сейчас общему употреблению. Этого рода славянизмы сейчас пригодны только для целей стилизации. Примером может служить параллель: *глад* — *голод*.

Из предыдущего ясно, что только в третьем из этих случаев мы имеем дело в современном русском языке со стилистическими славянизмами, а в *первых* двух случаях речь идет ^ словах утративших свою стилистическую обособленность и в ^щедщ^ ц общий фонд литературной русской лексики. <...>

Надо, далее, указать, что славянизмы могут быть «^ только лексические, но также и морфологические. Сюда относятся, например, многочисленные устарелые окончания в формат склонения и спряжения, долгое время употреблявшиеся в русском письменном языке на правах стилистических славянизмов и в послепетровское время постепенно вышедшие из литературного употребления вроде **руце**(ять) (дат. ед.), **на крыле**(ять)хь (предл. мн.), форма аориста и имперфекта, форма причастий, вроде *создавший* (то есть Создавший) и многие другие. Всё это формы в современном литературном языке невозможные. <...> Только изредка некоторые из подобных явлений могут быть употреблены теперь с какой-нибудь нарочитой стилистической целью (ср. ироническое *телеса*, *словеса* вместо *тела*, *слова*). С другой стороны, слова *небеса*, *чудеса* представляют собой морфологические славянизмы. <...> Ср. ещё такое соотношение глагольных основ, как *стражду* — *страдаю*, *внемлю* — *внимаю*, *движу* — *двигаю* и т.п. Сюда можно отнести еще слова вроде *боже* (по происхождению — звательный падеж *вкуатце* (предлог *в* с предложным падежом от слова *кратко*), *воочию* (предлог *во* с предложным падежом двойственного числа от слова *око*) и некоторые другие. <...>

Остаётся добавить, что только при одном условии Охраняются в современном употреблении славянизмы <...> как лексические, так и морфологические, именно — в поговорках, цитатных выражениях, фразеологических сращениях. Так, мы и сейчас говорим: «устаи младенцев *глаголет* истина», «беречь что-нибудь как *зеницу* ока», «*глас* вопиющего в пустыне», «*денно* у *ночно*» несмотря на то, что слов *глаголет*, *зеница*, *око*, *глас*, *ночно* в отдельном употреблении у нас давно не существует, точно так же мы говорим: «работать в *поте* лица своего», «*сыны* родины» «темна вода во *облацах*», хотя вне подобных закрепленных выражений можно сказать только в *поту*, *сыновья*, в *облаках* и пр. Но указанный случай употребления славянизмов только подтверждает всё предыдущее. В данных случаях речь идёт о

явлениях как бы вынутых из общей системы современного языка и существующих в языковом употреблении только на правах извлечений (хотя бы и ставших привычными) из иной языковой системы, принадлежащей иной обстановке речи.

Самый важный вывод из всего указанного до сих пор заключается в том, что в современном русском литературном языке славянизмы не составляют уже живой и действенной стилистической категории. В этом, между прочим, очень важное различие между языком современной художественной литературы и языком художественной литературы начала и середины XIX в., особенно литературы стихотворной. В стихах Пушкина, его предшественников, сверстников, ближайших преемников славянизмы <...> представлены очень обильно. Наконец, в том же факте почти полного отсутствия в современном языке стилистических славянизмов находит себе прекрасную и исчерпывающую иллюстрацию старая мысль, что в составе современного русского литературного языка вошедшие в него книжные и живые элементы русской речи слились в одно неразличимое целое.

Брагина А. А. Устойчивые и временные заимствования // Неологизмы в русском языке. м., 1976.

Развитие международных отношений, общение — экономическое, политическое или культурное — между разными народами отражается в лексике языков этих народов. <...>

Постараемся на отдельных примерах раскрыть функциональную роль заимствованных слов, очертить круг употребления, а следовательно, определить значение иностранного слова и степень его ассимиляции русским языком. <...>

2

Сравнительно новые в русском языке слова *турне* и *круиз* вступают в разнообразные отношения с рядом слов *путешествие* — *поездка* — *вояж*, давно известных литературному языку. Интересно, что и старое заимствование *вояж* в современном русском подверглось переосмыслению.

Вокруг древнерусского существительного *путешествие* постепенно стало группироваться все больше и больше слов: *путешествие* — *странствие* — *поездка* — *вояж* — *турне* — *круиз*. И. И. Срезневский поясняет *путешествие* (птошьстви — птьшьстви — птшьствовани) словом *странствие*. Словарь современного русского литературного языка толкует его как «поездка или передвижение пешком, обычно далеко от постоянного местопребывания». <...> Прежде всего, отметим, что значение существительного *путешествие* не совсем адекватно *поездка* или *передвижение пешком*. *Путешествие* и его производные имеют свои достаточно яркие семантические признаки, особенно ощутимые в разговорном стиле речи. Вот какое толкование даёт словам *путешествие*, *путешественники*, *путешествовать* В. А. Сологуб в своей повести «Тарантас»:

«Когда *путешественники* выехали на заставу, между ними завязался разговор:

— Василий Иванович!

— Что, батюшка?

— Знаете ли. о чём я думаю?

— Нет, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что так как мы теперь собираемся *путешествовать*...

— Что, что, батюшка... Какое *путешествие*?

— Да ведь мы теперь *путешествуем*.

— Нет, Иван Васильевич, совсем нет. Мы просто едем из Москвы в Мордасы, через Казань.

— Ну, да ведь это тоже *путешествие*.

— Какое, батюшка, *путешествие*. *Путешествуют* там, за границей, в неметчине; а мы что за *путешественники*? Просто — дворяне, едем себе в деревню.

— Ну, да все равно. Так как мы *отправляемся* в дорогу...

— А, вот это, пожалуй».

Интересно, что автор называет Василия Ивановича и Ивана Васильевича *путешественниками*. Иван Васильевич, долго живший за границей, не чувствует поначалу разницы между словами *путешествовать* — *ехать домой* или *отправляться в дорогу*. Только для Василия Ивановича это слова различные, нетождественные, неравные; *путешествие* — это не простая поездка из Москвы к себе домой. *Путешествие* имеет определённую цель — развлекательную, деловую, познавательную. Именно на этом оттенке значения выросло второе осмысление слова *путешествие* — жанр художественной или научной ли-

тературы, содержащей географические и этнографические сведения, описание впечатлений и размышлений автора и т.п., произведение этого жанра (см. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева).

Уже в допушкинские времена стиливым синонимом *путешествия* стало заимствованное из французского языка *вояж*. Это слово отметил Н. М. Яновский в своём «Новом толкователе» 1803 г.: «*Вояж* — фр. Путешествие, дорога, путь, предприемлемый с одного в другое отдалённое какое-либо место сухим путём или морем от праздности, по собственным делам или для приобретения полезных сведений».

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля не даёт никаких специальных осмыслений слову *вояж*. *Вояж* у Даля — это просто 'путь, путешествие, путничанье, путина, перепутье, подорожье, дорога, езда, странствие, поездка, разъезды, отъзд' ...

Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова отмечает (1934) только иронично-шутливое значение *вояж*: (шутл. ирон.) 'Путешествие, поездка'. Но, заметим, иллюстративный материал, раскрывающий употребление и значение слова в тексте, взят из литературы XIX в. (Козьма Прутков и Мятлев).

Четырёхтомный Словарь русского языка (1957) снабжает *вояж* пометой «устарелое». Такой же пометой сопровождается *вояж* и Словарь иностранных слов (1964): «*вояж*, фр. voyage — уст. 1) путешествие; 2) деловая поездка коммивояжера».

Словарь современного русского литературного языка, подготовленный к печати более чем через 20 лет после Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н.Ушакова, опускает к слову *вояж* и помету «иронично-шутливое», и помету «устарелое»: «*вояж*, а, м. Путешествие, поездка».

Между тем заимствованное существительное *вояж* сохраняется в современном русском языке в ироничном, иногда шутливом значении. Если обратиться к современной литературе, и в первую очередь к публицистике, то *вояж* употребляется в текстах ироничного, критического, «осуждающего» содержания. Ср., например: «Провокационный *вояж*». <...>

Вояж — слово стилистически окрашенное, в современном русском языке круг его употреблений очерчен острокритическими, ироническими текстами, чаще всего на политические темы. Но возможно и шутливое осмысление, без уничижительного оттенка. В таких случаях *вояж* синонимично нейтральным *поездка*, *путешествие*, возможно, *визит*. В этом синонимическом ряду (*поездка* — *путешествие* — *визит* — *вояж*) дифференцирующим признаком слова *вояж* является шутливая окраска. <...> «Учителя и врачи из Москвы, рабочие «Уралмаша», ленинградцы спрашивают: можно ли совершить туристическую *поездку* по Лене? Ведь это значит, что наш далёкий край стал близким, это значит, что люди у нас стали богатыми — им «по карману» такой *вояж!*» <...> *Круиз* — морское путешествие (англ. cruise) <...> нельзя назвать синонимом *вояж*, хотя в некоторых случаях они и могут быть взаимозаменяемыми. Существительное *круиз* вошло в русский язык с точным и узким значением — морское путешествие, обычно по определённом замкнутому маршруту: «*Морское путешествие* только что началось. Впереди плавание по Средиземному морю, заходы в Грецию, Италию, посещение шести стран Африки. Закончится *круиз* в столице Гвинеи Конакри. <...> За три недели *круиза* наш теплоход побывал почти в десяти портах — в Дании и Касабланке, в мавританском Порт-Этьене и в портах Мадейры... Туристские компании, организовавшие *круиз*, провели анкету среди пассажиров. ... Она показала, что туристам понравилась *поездка*». <...>

Итак, *круиз* — 'морское путешествие по определённому маршруту'. Если мы проанализируем приведённые примеры, то увидим, что *круиз* неоднократно заменяется словами *путешествие*, *поездка*. Но слова эти не синонимичны, так как *круиз* и *путешествие*, *поездка* соотносятся как видовые и родовые понятия. Их взаимозамена и синонимичное употребление возможны только в определённых контекстах, когда нет необходимости в уточнении понятия или когда это уточнение поддерживается всем контекстом, как в приведённых примерах.

Существительное *круиз* уже ассимилировалось в русском языке, подчинилось правилам 2-го склонения (мужской род, окончание на твёрдый согласный). Ср.: «Старт *круизов*». <...>

Иностранное по происхождению слово *круиз* не только усвоило парадигму словоизменения, но уже имеет производную форму, возникшую по одному из образцов русских относительных прилагательных, *круиз* — *круизный*: «В *круизном* сезоне этого года стартовала «Армения»...» «Теплоход «Латвия» вышел из Сочи в *круизный* рейс по Чёрному морю. На борту судна — школьники, которые во время каникул совершат увлекательное *морское путешествие*: побывают в городах-героях Одессе и Севастополе». <...>

Интересно, что в производном прилагательном яснее проступают значения, развившиеся на русской почве. *Круизный* — это не только принадлежащий морскому путешествию (*круизный* сезон), но и 'определённый, замкнутый, круговой' (маршрут, рейс), 'туристский' (сезон, маршрут).

Круиз может быть синонимично в некоторых употреблениях другому видовому обозначению специальных путешествий — *турне*. <...> Существительное *турне* было впервые зафиксировано нашими словарями в 1937 г., и это было сделано в Словаре иностранных слов. Но употреблялось это слово в русской речи в XIX в., о чём свидетельствуют литературные иллюстрации из произведений А.П.Чехова и А.И.Куприна в Словаре современного русского литературного языка.

Турне — заимствование из французского языка (*tournee*). В русском языке имеет два значения: 1) 'путешествие-поездка по круговому маршруту' — *кругосветное турне*, 2) 'поездка артистов или спортсменов куда-либо для гастрольных выступлений' — *гастрольное турне*. Словари иностранных слов отмечают только первое значение, но русские толковые словари — Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова и Словарь современного русского литературного языка — отмечают оба значения.

В современном русском языке наблюдается развитие иронического оттенка в первом значении слова *турне*, которое ранее только намечалось, ср.: <...> «Выражаясь высоким штилем, вижу, что моё *турне* окончено» (Куприн). <...>

Существительное *турне* во втором значении — 'поездка артистов или спортсменов куда-либо для гастрольных выступлений' очень распространено в газетном языке наших дней: «Триумфальное *турне*» — о поездке балета Большого театра по Мексике. <...> «В *турне* по Канаде хоккеисты второй сборной СССР после трёх поражений одержали победу...». <...>

Несклоняемое слово *турне* в значительной степени сохраняет своё «иностранное» произношение. В словаре под ред. Д.Н.Ушакова специально отмечен твёрдый *н* — *турне* (нэ), а С.И.Ожегов в первом издании Словаря русского языка (1949) отразил особое произношение орфографически — *турнэ*; Словарь современного русского литературного языка (1963) фиксирует *турнэ*, но с отметкой «см. *турне*». Тем самым утверждается свойственное русскому языку общее написание иностранного слова на *э* (открытое и закрытое): *бебе, безе, купе, кашне, плиссе*.

Можно заключить, что все слова ряда *путешествие* — *поездка* — *вояж* — *круиз* — *турне* являются фактом русского языка, но используются они в современном русском языке различно, в соответствии с особой семантикой каждого слова.

Путешествие — *поездка* — *вояж* можно рассматривать как синонимический ряд, в котором каждое слово имеет свою дифференцирующую функцию. Устаревшее слово *вояж* приобрело иронично-шутливую окраску значения и обеспечило себе определённое место в синонимическом ряду. В современном языке *вояж* покидает высокий стиль и получает дифференцирующий признак — «стилистически сниженное».

Круиз и *турне*, являясь видовыми обозначениями специальных путешествий, относятся к ряду *путешествие* — *поездка* — *вояж* как к родовым обозначениям. Но взаимоотношения между этими словами сложны. Несинонимичные значения переплетаются с синонимичными употреблениями: *вояж* — *круиз*, *круиз* — *турне*, *вояж* — *турне*. Синонимичное употребление позволяет ярче выделить дифференциальный признак слова, например, *круиз* — *турне*; в этом случае подчёркивается — гастрольная поездка совершена морем, 'морская гастрольная поездка'.

Сложные переплетения сходных по своему значению слов, взаимоотношения которых ещё находятся в становлении, требуют особого внимания. Сходство анализируемых слов иногда заслоняет различие и ведёт к ошибочному употреблению: <...> «Морские *круизы* становятся всё популярнее среди любителей путешествовать» <...> Если *путешествие* может быть и морским и сухопутным, то *круиз* — специальное обозначение морского путешествия и определение *морской* в этом случае тавтологично.

Вояж и *турне* иногда употребляются как абсолютные синонимы. Различие этих иностранных заимствований кажется неясным, и общее в их значении ('путешествие, поездка' — 'кругосветное путешествие, поездка или поездка по круговому маршруту') сближает и синонимизирует на русской почве два французских по происхождению слова.

В анализируемом ряду каждое из слов имеет достаточно яркие специфические (дифференциальные) признаки. Это обуславливает жизнеспособность всего ряда.

Ряд русских слов *путешествие* — *поездка* первоначально обогатился французскими *вояж*, позднее *турне* и, наконец, английским *круиз*. Тем самым родовые наименования старого ряда *путешествие* — *поездка* — *вояж* уточняются видовым: *турне* — *круиз*. Одновременно возникают стилистические ограничения и переосмысления слов *вояж* (полностью) и *турне* (в определённых контекстах).

Развитие международного туризма внесло в русский язык существительное *кемпинг* — 'лагерь автотуристов, лагерь отдыха'. Английское *a camp* — *to camp* этимологически связано с латинским *campus* —

'лагерь'. В том или ином варианте это слово бытует почти во всех европейских языках. Ср. французское *champ* — 'поле', итальянское и испанское *campo* — *поле, лагерь* и т.д. В английском языке *a camp* — *camp* означают 'лагерь, временное пристанище путешественников' и 'располагаться лагерем, временно жить'; *a camp out, camping-out, persons camping-out* — 'ночевать под открытым небом, временно жить без особых удобств'; 'ночующие под открытым небом'.

Английские *кемп* — *кемпинг* в значении 'лагерь для автотуристов' проникли во многие языки мира. <...> В русском языке распространилась форма *кемпинг*. Сначала слово это употреблялось как иностранное вкрапление в английской орфографии (*camping*), но с непременным русским пояснением: «Останкино, *кемпинг*». — Появился указатель с надписью на английском языке 'Кемпинг'. Вторая строка уже по-русски гласит: «Лагерь для автотуристов». <...> Газетные и журнальные публикации закрепили в русском языке за словом *кемпинг* русскую транслитерацию и сделали ненужными описательные пояснения к этому слову: «*Кемпинг у Минского шоссе*»; <...> «Своеобразна архитектура деревянных павильонов *кемпинга*»; <...> *Кемпинг* принимает падежные окончания 2-го склонения; «В Исполкоме Моссовета согласовано проектное задание на строительство *кемпинга*; <...> Предусмотрено сооружение при *кемпинге* жилых домиков...».

Существительным *кемпинг* усвоено не только русское словоизменение, но и русское образование относительных прилагательных — *кемпинг* — *кемпинговый*: «В Европе тесно, и всё популярнее там становятся *кемпинговые* домики на воде...» <...> Вместе с производным значением 'лагерь для автотуристов' *кемпинг* имеет и расширенное значение 'лагерь, временное передвижное жилище' — яхта, лодка, автомобиль и т.п.

Итак, можно заключить, что функция существительного *кемпинг* в русском языке номинативная, понятийно-дифференцирующая. В этой функции заимствованное слово вошло в активный словарь русского языка. <...>

11

<...> Слова заимствованные, чужие ассимилируются заимствующим языком. В чужом слове меняются не только звуковой облик (в результате подчинения иной фонетической системе), грамматическая форма (например, русское склонение имён существительных), но возникают и новые переносные значения и употребления, новые стилистические оттенки.

Казалось бы, слово *детектив* заимствовано из английского языка и поэтому чужое. Но возможно ли *детектив* в значении 'роман особого жанра', 'кинопроизведение' назвать в полном смысле заимствованием? Проследим сложный путь формальных и смысловых трансформаций слова *детектив*.

Детектив производно от латинских *detegere* — 'раскрывать, обнаруживать' и *detectia* — 'раскрытие'. Отсюда французское *detective* — 'сыщик', заимствованное многими языками: английское *detective*, немецкое — *Detektiv*, а также и русское — *детектив*; основное значение слова 'сыщик, тайный агент полиции'.

В русском языке *детектив* впервые попадает в словарь в 1935 г. (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова). Связывалось значение слова *детектив* в первую очередь с жизнью и бытом Англии и Америки.

В английском языке имя существительное *detective* вошло как определение в функции прилагательного в словосочетание *a detective story* — 'детективное произведение, роман, кинофильм'. На русском языке возникли грамматически точные соответствия: *детективные произведения, детективные фильмы*. Но одновременно в этом значении стало функционировать сокращение — *детектив*. Такое сокращение типично для русского языка, особенно для определений иноязычного происхождения. Ср.: *рентгеновский аппарат* → *рентген*; *оперативный уполномоченный* → *опер*. Сокращённое определение-прилагательное *детектив* субстанцируется со значением 'детективное произведение — роман, фильм' и т.п.

В начале века существовало сочетание *салонный детектив*. <...>

Научный детектив — это книга о поисках учёного. <...> Здесь определение *научный* подчёркивает характерный для данного употребления слова *детектив* оттенок, выделяет возможное, но не обычное понимание этого существительного.

Во второй половине XX в. возникает ещё одно сочетание — *песенный детектив*: «... итальянские поэты и композиторы создали также немало прекрасных песен..., но это не ультраритмы, не *песенный детектив*, а маленькие новеллы, полные весёлого задора, страсти и огня».

Всякий раз определение (*научный, салонный, песенный*) придаёт слову *детектив* иную окраску, позволяет ввести его в новую, дотоле неизвестную сферу употребления. *Детектив* во втором значении

('роман, фильм' и т.п.), следовательно, не является прямым заимствованием. Оно возникло как бы параллельно заимствованному *детектив* — 'сыщик' и имеет свою жизнь в русском языке. <...>

Место заимствованного слова в активном или пассивном словаре заимствующего языка детерминруется функцией самого заимствования. Заимствования первой группы входят в активный словарь, второй — могут «задержаться» на грани активного и пассивного словаря. Третья группа, как правило, относится к пассивному словарю определённой эпохи. Во всех случаях следует отметить активную роль заимствующего языка (осмысление чужого слова и приспособление его к своей лексико-грамматической системе).

Обычно заимствования идут по пути от слова-«ярлыка», отмечающего новое, ещё чужое явление (ср.: *кемпинг* в первый период его функционирования в русском языке), к слову-наименованию, ассимилированному русским языком: *кемпинг* (без пояснений) — *кемпинговый* (производное от *кемпинг*).

В дальнейшем, уже в системе заимствующего языка, усвоенное слово может приобрести функцию характеристики-оценки (сравнения). В этом случае заимствованный неологизм становится мотивированным знаком: он раскрывает свою внутреннюю форму или получает определённое осмысление, не всегда абсолютно совпадающее со значением в языке-источнике (ср.: *путешествие, вояж, турне...*) <...>

2.2. Русская лексика в социально-динамическом аспекте

Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование): Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968. С. 50-55
ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Глава первая

Вступление. *Системный характер лексики. Значение слова как диалектическое единство языкового (определяемого системой) и неязыкового содержания. Две важные тенденции, действующие в лексике: устремление к однотипности (регулярности) и устремление к экспрессивности единиц. Проявление этих тенденций в советскую эпоху. Стилистические сдвиги в современной лексике. Новшества в лексике и языковая норма.*

1. Лексика справедливо считается той областью языка, в которой наиболее наглядно и непосредственно отражаются разнообразные изменения, происходящие в общественной жизни. «Проницаемость» лексики для внеязыковых, социальных воздействий обусловлена самим характером составляющих ее единиц, их основной функцией — служить обозначениями предметов и явлений действительности. Появление чего-то нового в жизни общества точно так же, как и познание новых предметов и явлений вызывает необходимость номинации, что влечет за собой образование в языке новых слов и выражений или образование новых значений у ранее существовавших единиц лексики.

Лексико-семантические новообразования, вызванные потребностями номинации новых предметов и явлений действительности, достаточно ярко характеризуют изменения, которые происходят в жизни общества. Обычно именно такие новообразования прежде всего останавливают на себе внимание как исследователей, так и самих говорящих. Между тем воздействие социальных факторов на лексику не ограничивается внешним пополнением словаря.

Естественно предположить, что и самые способы создания новых наименований, действующие на том или ином этапе развития языка, также зависят от социальных условий, а любое, хотя бы и внешнее, пополнение словаря новыми единицами неизбежно должно как-то сказаться на соотношениях и связях, существующих между другими единицами лексики. Если бы это предположение оказалось необоснованным, следовало бы пересмотреть ставшее традиционным к настоящему времени понимание языка как системы.

Однако, как показывают наблюдения многих исследователей над процессами, происходящими в лексике различных языков в разные периоды их развития, между единицами лексики существует сложное взаимодействие, не являющееся прямым отражением отношений между соответствующими реалиями. Поэтому тот факт, что развитие лексики предопределено во многом внеязыковыми факторами, не делает это развитие независимым от собственно языковых моментов. «Смысловые контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строем языка... Различия в синтаксических свойствах слова, в особенностях его фразового употребления находятся в живой связи с различиями значений слов».

Значение слова представляет собой диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания. Каждое слово является отражением какого-то отрезка действительности — реальной или мнимой, — но вместе с тем и единицей языка, связанной фонетически, грамматически и семантически с другими единицами. Способы выражения лексического значения в слове создаются длительной речевой практикой людей и становятся элементами языковой системы. Они определяют и характер отражения в языке вновь познаваемых отрезков действительности.

Однако именно тот факт, что развитие лексики в значительной мере определяется внутриязыковыми факторами, связанными с системным характером языка, обуславливает, как это ни парадоксально с первого взгляда, и более глубинное, чем обычно представляется, воздействие на лексику внеязыковых факторов. Для того, чтобы отдельные части языкового механизма пришли в движение, нужен внешний толчок, но самый характер этого движения в значительной степени обусловлен особенностями самого механизма. Внешние факторы, затрагивая те или иные языковые звенья, благодаря системным отношениям внутри лексики оказывают косвенное влияние и на другие звенья.

2. Основные способы создания новых наименований (способы номинации) остались в русском литературном языке послереволюционной эпохи теми же, какими они были и прежде: аффиксальное словообразование, словосложение (основосложение), образование составных наименований, заимствование (из других языков, а также территориальных и профессиональных диалектов) и семантические переносы. Все эти способы активно использовались при назывании новых реалий. Однако на различных этапах развития русского языка за это время соотношение и роль данных способов номинации заметно менялись. Существенным фактором, влияющим на образование лексических неологизмов, становятся, в частности, все более расширяющиеся международные связи нашего государства, способствующие увеличению фонда интернациональной лексики как в словаре русского языка, так и в словарях других языков Советского Союза.

3. К числу внешних факторов, воздействовавших на лексику русского языка после Октябрьской революции, относится, конечно, не только появление многочисленных новых реалий, требовавших непосредственного отражения в словаре (в чем и состоит отличие лексики от других «уровней» языка), но и другие более общие внеязыковые, социальные факторы, так или иначе воздействовавшие на язык в целом.

Изменение функций русского литературного языка в послеоктябрьскую эпоху, так же как и резкие сдвиги в составе его носителей, безусловно, оказывало влияние на конкретное проявление в лексике тех общих тенденций, которыми определялось ее развитие и в предшествующие периоды. Это, с одной стороны, тенденция к однотипности (регулярности), с другой — тенденция к экспрессивности единиц.

Процессы, связанные с каждой из этих тенденций, идут по нескольким линиям. Во-первых, они касаются формы наименования, во-вторых, семантической структуры наименования. И в том, и в другом случае эти тенденции затрагивают парадигматические отношения данного наименования с другими наименованиями.

Относительно формы наименования — тенденция к регулярности проявляется в том, что составные наименования постоянно заменяются нерасчлененными, однословными наименованиями. В этом отношении характерны случаи лексико-семантического стяжения. Однако та же тенденция к однотипности или регулярности может обуславливать в лексике и обратный процесс (расчленение наименования) в тех случаях, когда этого требует парадигматическая соотносительность лексических единиц, то есть когда расчлененное наименование оказывается более «регулярным» в парадигматическом плане. Ср. *ботинки, туфли, сандалии, валенки* — и *обувь*; *шляпа, кепка, шапка* — и *головной убор*. Именно таким стремлением к регулярности обусловлено известное усиление аналитизма в лексике современного русского языка, тяготение к расчлененным неоднословным наименованиям — процесс, затрагивающий различные речевые стили.

Другая тенденция — тенденция к экспрессивности — приводит также к постоянному расчленению наименований, выражающемуся в создании устойчивых перифраз, фразеологических наименований, существующих наряду с нерасчлененными.

Относительно семантической структуры лексических единиц — тенденция к экспрессивности выражается в появлении новых переносных значений у различных групп слов. Естественно, что этот процесс, как и ряд других, может вызывать нарушения парадигматической регулярности внутри лексико-семантических групп лексики.

4. Все эти тенденции могут быть свойственны самым различным языкам, развивающимся в разных социальных условиях. Эти же явления обнаруживаются и при изучении развития русской лексики в

прошлом. Однако в наше время можно отметить определенное усиление тенденции к регулярности в области парадигматических отношений внутри лексики. Этому соответствует и возрастающая роль терминов в современной речи, и появление новых однозначных обозначений (часто полутерминологического характера) для разного рода общественных, бытовых и т.п. явлений. Создание планового хозяйства, единой системы государственных институтов, централизованной торговли и т.д., так же как распространение новых идеологических понятий, охватывающих все сферы общественной жизни, неизбежно приводит к выработке более или менее единой системы соответствующих обозначений. Таким образом, в данном случае можно отметить «однонаправленность» одной из тенденций языкового развития и социальных потребностей. Следовательно, именно данная языковая линия развития получает наиболее устойчивую внеязыковую поддержку.

Существует лексическая область, где тенденция к парадигматической регулярности принципиально является главной, конституирующей тенденцией: это терминология. Влияние терминологической лексики на лексику общеупотребительную в русском языке послеоктябрьской эпохи исключительно сильно; это обусловлено внеязыковыми причинами: бурным развитием науки и техники в Советском Союзе, быстрым распространением знаний в самых широких кругах населения. Вместе с тем усиление воздействия терминологии на общеупотребительную лексику идет, как это ясно из сказанного выше, и в общем русле внутриязыковых тенденций.

Поэтому при изучении развития современной русской лексики проблема влияния на нее терминологических систем неизбежно оказывается одной из важнейших проблем.

5. Воздействие внешних факторов на послереволюционное развитие русской лексики сказывается и на направлении самих семантических изменений. Характерно в этом отношении появление новых значений у различных групп слов, связанное с их вовлечением в сферу общественно-политической лексики. Типичен и обратный процесс — экспансия слов определенной тематической группы, обозначающих актуальные в данный момент для значительной части общества явления. Ср. такую экспансию в различные периоды, например, военной лексики, спортивной номенклатуры, «полярной» и «космической» лексики и т.п.

Появление у слов новых значений вызвано не только потребностью наименовать новые предметы и явления, но и социально значимой переоценкой уже известных предметов и явлений.

Механизм переноса наименований, или семантической деривации, т.е. появление у слов новых значений, может быть описан на основании тех семантических признаков слова, которые делают возможным его применение к новым явлениям и предметам. При этом выясняется, что переносы типа метонимических осуществляются в современном русском языке главным образом в соответствии с уже существующими «моделями», формулами, поэтому говорить в данном случае о новых значениях тех или иных слов не совсем целесообразно. Правильнее говорить о вовлечении новых единиц лексики в данную лексико-семантическую формулу.

Область метафорических и функциональных переносов наименований не дает возможности наметить какие-либо общие «формулы» таких переносов. Здесь представляется существенным обнаружить основные социальные мотивы таких переносов и их главную направленность. Например, переосмысление ряда слов, связанных со старым социальным строем, заключалось в приобретении ими оценочных значений. Семантическое развитие многих слов определялось потребностью уточнения родо-видовых, т.е. парадигматических, отношений (ср. применение таких слов, как *точка*, *мощность*, *единица* и т.п.) и шло параллельно с созданием составных наименований.

6. Лексико-семантические изменения неразрывно связаны со стилистическими сдвигами в словаре. Резкое расширение состава носителей литературного языка, эмоциональная напряженность социальной жизни явились причиной изменения экспрессивно-стилистической окраски целого ряда слов.

Стихийное расшатывание литературных норм словоупотребления в 20-е годы в общем не поколебало их основ, но, несомненно, способствовало заметным семантическим и стилистическим сдвигам в лексике русского языка.

Акад С. Ф. Ольденбург писал в конце 20-х годов: «Язык наш кипит в котле нашей жизни, и трудно предсказать, каким он выйдет из этого кипения. Одно только можно уже сказать и теперь: он выйдет богаче и тверже». Если иметь в виду увеличение стилистических возможностей литературного словоупотребления, их варьирование в разных жанрах современной речи, то можно считать, что это предсказание оправдалось.

Более или менее сознательное противодействие расшатыванию литературных норм, наметившееся к середине 30-х годов и особенно активно поддержанное «редакторским» пуризмом в 40-е годы, по существу не могло затормозить начавшегося ранее процесса стилистического перераспределения внутри различных групп лексики.

Всякое изменение нормы словоупотребления всегда воспринимается некоторой частью носителей литературного языка, особенно теми из них кто принадлежит к старому поколению, как искажение, как «неправильность». Становление новой нормы в языке с богатой литературной традицией подчас идет сложным и извилистым путем. Естественно, что далеко не все речевые, в том числе лексические, новшества закрепляются в нормированном литературном языке в качестве его стилистически нейтральных элементов. Однако в целом язык всегда отвечает потребностям пользующегося им коллектива, и в этом смысл обогащения языка и идет параллельно с общественным прогрессом.

Колоссальные изменения, происшедшие в общественно-политической жизни нашей страны после Октябрьской революции, не только многообразно отразились в языке, в его лексике но и повлияли на его дальнейшую эволюцию, в частности на эволюцию его лексической системы.

О. П. Ермакова Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000. С. 32–42

Бурно происходящие социально-политические процессы последних лет обусловили изменения в разных сферах русского литературного языка. Язык переживает почти революционные потрясения, которые, естественно, больше всего затронули лексику. Новые формы общественных отношений нашли отражение в словообразовательных неологизмах, в освоении большого количества заимствованных слов, в стилистическом транспонировании, в процессах деархаизации, в разнообразных семантических изменениях разных групп лексики русского языка. <...>

<...> Особенности русского языка 90-х годов не могут быть отождествлены с особенностями языка публицистики, но именно в этой сфере наиболее ярко проявляются семантические процессы, обусловленные процессами общественно-политическими. Не случайно многие современные исследователи, обратившиеся к разноаспектному изучению языка перестройки <...>, анализируют в первую очередь (или исключительно) газетный материал. Заметим, что все изменения в семантике слов, связанные с идеологической переориентацией, касаются употребления разных групп лексики в официальной печати. Хорошо известно, что и до перестройки в России всегда существовала антикоммунистическая идеология, которая находила отражение в языке «самиздата», в зарубежных публикациях наших диссидентов, в «кухонных» разговорах интеллигенции, в языке советской тюрьмы. В этом втором, неофициальном языке советской страны слова употреблялись в их истинном значении без идеологических смысловых приращений.

Но антикоммунистическая идеология в настоящее время, обретя официальный статус и, соответственно, возможность выражения в печати, имеет противостояние. И опять наблюдается сосуществование двух «языков». Поэтому в прессе антидемократического направления многие слова из сферы политики и идеологии могут сохранять свое прежнее советское звучание, а слова, называющие перестроечные концепты, употребляются только пейоративно.

<...> Сейчас чаще можно говорить о процессах, о движении в семантике и не всегда о явных результатах. В настоящее время в русском языке изменения происходят почти так же стремительно, как и в политике. Много смешалось, перегруппировалось, размылось, но еще не вполне определилось. Возможно, что некоторые (или многие) наблюдаемые сейчас явления в области значений слов окажутся недолговечными, не закрепятся в качестве нормы, но и в этом случае зафиксировать их на определенном этапе развития языка интересно и важно, поскольку каждый этап в развитии языка заслуживает внимания и изучения.

Основные семантические изменения в лексике, так или иначе обусловленные изменениями в общественно-политической жизни, можно определить так:

1. Деактуализация значений, отражающих советские реалии.
2. Деидеологизация лексики.
3. Политизация некоторых групп лексики.
4. Деполитизация некоторых политических терминов.
5. Активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления.
6. Метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации.
7. Разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой.

Деактуализация значений, отражающих советские реалии

Изменения социально-политического устройства общества вызвали деактуализацию многих значений слов, отражавших чисто советские реалии. Приведу лишь отдельные слова, значения которых перестали быть актуальными и уходят в разряд семантических архаизмов.

В связи с концом однопартийности в нашей стране слово *партия* утратило компонент «коммунистическая». Это слово употреблялось без семантического приращения только по отношению к зарубежной действительности. Ср., например, прежние контексты: Он *член партии* (теперь обязательно — какой); Он *вступил в партию* и т. п. Соответственно изменилась семантическая структура слов *партийный*, *беспартийный*. У слова *беспартийный* актуализируется значение «не состоящий ни в одной из политических партий» и деактуализируется — «не состоящий в партии коммунистов». Разговорное слово *первичка* также освободилось от семантического приращения и стало называть первичную организацию любой партии, ср.: *Создана первичка национал-патриотов* (НГ, 12.03.92). Слово *треугольник* утратило значение «комиссия из главного администратора учреждения, секретаря партийной организации и председателя профсоюзной организации»: *Характеристика должна быть подписана треугольником*. Реже в этом значении употреблялось слово *тройка*. Сейчас оно уже встречается в переносном значении (с явным пейоративным компонентом). Ср.: И тогда Е. Яковлев затевает кампанию ликвидации ЦТ. Им и особо приближенными к нему назначаются «тройки», которые составляют списки угодных и негодных (День, 1992, № 49 (77)). Еще примеры: *выездной (невыездной)* — «о человеке, которому разрешается (не разрешается) выезд за границу». Ср.: Он был негласно приговорен к иной судьбе — объявлен *невыездным* за то, что во время войны его отец был в плену (Ог., 1991, № 33); Ашкенази был, что называется, *выездным* (С. Довлатов, Не только Бродский); Но достигнув вершины славы, Жан Татлян по-прежнему оставался *невыездным* (КП, 01.10.93); *Невыездные* профессора стали *выездными* (КП, 05.06.93); На Западе уникальный хирург стал бы миллиардером. Но причастность Филькштейна к целому ряду «дворцовых тайн» сделала его *невыездным* (Ог., 1993, №№ 14—15); Не дергайте Рубцову — будете *невыездная* навсегда; ...я взяла две по ноль семьдесят пять... вроде сувенира, как мне советовали наши *выездные* (А. Галин, Группа).

Аналогично *невыездному* по отношению к произведениям художественной литературы и публицистики употреблялось до 1986 года слово *непроходной* («такой, который не проходит по условиям цензуры»); ср.: Я отнес роман... в журнал «Молодая гвардия» — отказали. Тогда я ринулся в «Юность» — сказали, что *непроходной* (КП, 04.05.90). *Интернационалист* (воин-интернационалист) — «солдат, офицер, сражающийся на чужой территории как бы для выполнения интернационального долга». Сейчас это употребление вытеснено словом *афганец* («тот, кто воевал в Афганистане»). С 1995 г. так начали употреблять слово *чеченец*.

Призывы — «обращения, в краткой форме выражающие руководящую идею, политическое требование; лозунг» (как особый жанр): *Первомайские призывы ЦК*.

Соревноваться — «участвовать в социалистическом соревновании».

Характеристика — «официальный документ, содержащий отзыв, заключение о чьей-либо трудовой и общественной деятельности». *Характеристика с места работы*.

Установка — «принципы, директива, руководящее указание» (в Сл. Ушакова отмечено как новое). Центр дал новые установки для составления плана. Ср.: Я боюсь совершенно дискредитированного слова «установка», но все же хочу спросить, получили вы что-то подобное от президента... (НГ, 03.03.92).

Очевидно, уходит из употребления глагол *сигнализировать* в значении «доносить». Обычно он употреблялся без адресата или с локальным неопределенным дескриптором — *куда следует*. Реально это значило — в обком или горком, в партком, в органы безопасности. В словарях это значение толковалось как «предупредить», «сообщить о чем-либо нежелательном, что совершилось или может совершиться» (МАС). Соответственно употреблялось и слово *сигнал*: *К нам поступил сигнал*. Ср.: Если еще будут *сигналы* о твоём поведении, поставлю вопрос на бюро (С. Антонов, Новый сотрудник).

В слове *ответственный* «погашено» фразеологически связанное значение, реализовавшееся в сочетаниях — *ответственная работа* (иногда *должность*), *ответственный пост* — «относящийся к высокому уровню руководства» (партийного или правительственного).

В разговорной речи и просторечии мы можем наблюдать прямое воздействие экономики на жизнь слов. За последние 6—7 лет стали исчезать из употребления советизмы, связанные с особенностями советской жизни и торговли. В магазинах появились продукты — и перестают употребляться в просторечии некоторые глаголы со специфически советскими значениями, в частности, глагол *давать* (в формах

дают, давали, будут давать) в значении «продавать в магазине то, что является дефицитом». Например: *Вчера в нашем магазине мясо давали. Через дорогу масло дают, и народу немного.*

— **Вы не видели, там капусту привезли?**

— Нет, там за апельсинами очередь, а капусты нет.

— Так она плохая еще, се брать смысла нет.

— На Ленинградском давали молодую, вполне хорошую (В. Сорокин, Очередь).

Перестали встречаться и глаголы *выбросить*, *выкинуть* (*выбрасывать*, *выкидывать*) со значением 'пустить в продажу'. *Мясо на складе залежалось, так его в магазины выбросили. Очередь была большая. У нас в гастрономе иногда колбасу выкидывают, к празднику бывает* (формы только множественного числа у прошедшего совершенного вида или у настоящего несовершенного).

Но еще продолжают употребляться глаголы *достать* и *стоять* в значениях, порожденных отсутствием необходимых вещей: так, пытаются (кто может) достать лекарства и т. д. Ср. замечание по поводу слова достать: Мнимые ценности породили больной «как бы русский» язык, где глагол «достать» означает «приобрести», а не «дотянуться» (ЛГ, 06.03.91). Ср. также: *Я вчера целый час за колбасой стояла* (разговорное семантическое стяжение выражения стоять в очереди за чем-то, породившее употребление стоять за...). Начало «стояния» обозначается глаголом встать: *Иду с работы, смотрю огурцы хорошие и недорогие. Я встала.*

Разумеется, этим не исчерпывается список слов, некоторые значения которых, наряду с лексическими архаизмами типа *субботник*, *воскресник* составляют группу архаизмов-советизмов.

Деидеологизация лексики

В связи с происходящей в стране идеологической переориентацией наблюдается преобразование смысловой структуры слов, так или иначе отражавших прежнюю, «доперестроечную» идеологическую ориентацию. Процесс деидеологизации лексики проявляется в освобождении значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений, в частности, в снятии пейоративной окраски, которая была обусловлена восприятием денотата сквозь призму коммунистической идеологии, или, напротив, в появлении неодобрительной или иронической окраски в связи с идеологическими коннотациями. Так, деидеологизируется семантика слова *советолог*. В доперестроечный период оно употреблялось со значением «так называемый специалист по Советскому Союзу, ставивший целью дискредитацию советского строя». В толковых словарях этого слова вообще не было, хотя в прессе оно употреблялось с яркой пейоративной окраской. Ср.: Известно, что и сегодня в идеологической борьбе против советского образа жизни наши противники широко пользуются демагогией о правах личности и ее свободе, якобы попираемых социалистическим строем. Но что предлагают нам *господа советологи?* (Москва, 1976, № 2); «*Советологи*», как их здесь называют, ...давали советы американским политическим лидерам <...> Оказывается, все *советологи* советуют американским бизнесменам... нести капитализм в сердце коммунизма (Москва, 1976, № 2); Стремясь дискредитировать нашу литературу, *советологи* сосредоточивают основные удары на ее герое, в котором особенно полно выражен жизнеутверждающий характер коммунистической идеологии (НМ, 1976, № 7); *Хитрые авгуры от советологии* плодят ложь в невиданных размерах (ИМ, 1981, № 9); Л. Беляев выходит на поединок сразу с тремя вооруженными до зубов *советологами* (ИМ, 1981, № 9). Ср. современный контекст: Разрешите спросить вас как *советолога*: не ожидаете ли вы, что процесс дезинтеграции... по остановится на «достигнутом»? (АиФ, 1992 № 4); Стивен Кoen, известный американский *советолог*,... в одной из своих книг бросил такую реплику... (Театр, 1990, № 2).

В официальной печати без идеологического приращения стали употребляться слова *бизнес*, *бизнесмен*, *конкуренция*, *миллионер*, *коммерсант*, *диссидент*, *собственник*, *частник*, *предприниматель*, *буржуа* и многие другие. Ср.: ...у «Пролога» есть еще сверхзадача — сформировать слой *собственников*, *опору стабилизации* (ИМ, 1993, № 3); И это, кстати, одна из сильнейших позиций, где госпредприятия всегда будут проигрывать *частнику* (ММ, 1993, № 12); Только в первый день *частники* — *первое поколение нижегородских буржуа* — закупили самосвалов, бензовозов и бортовых машин на 17 миллионов рублей (НМ, 1993, № 3); Кстати, у судостроителей «Оки»... 85% прибыли съедает жилье. Каким же *буржуям* нужны такие самоеды (ИМ, 1993, № 3); Так что терпят наши *буржуи* наравне с госсектором, только без анестезии дотации (НМ, 1993, № 12).

Некоторые из этих слов, в частности, слово *диссидент*, поменяли (в официальной печати) пейоративную окраску на явно положительную. Ср.: *Мы должны благодарно склонить головы перед миллионами замученных в лагерях диссидентов, гражданское мужество которых приблизило наступление объективно неизбежного периода перестройки* (Рос. газета, 24.01.91).

В то же время однозначно этот процесс определить нельзя. Расслоение в нашем обществе очень велико. В связи с различным отношением к денотатам в прессе разного толка и особенно в бытовой речи перечисленные слова могут содержать отрицательный оценочный компонент. Так, слово *миллионер* у некоторой части населения может звучать как бранное — «человек, наживающий деньги нечестным трудом», почти как *жулик*.

Освобождение слова от идеологических компонентов, превращение его из советизма в обычное слово приводит в определенных случаях к дефразеологизации слов производных, в них актуализируется значение, представляющее собой чистую реализацию словообразовательной модели. В числе прочих такие изменения происходят в словах *выдвиженец* и *ликвидатор*. Так, в слове *выдвиженец* деактуализируется значение «передовой работник (рабочий, колхозник, строитель), выдвинутый на ответственную работу» [МЛС, 1982].

Это значение в антикоммунистических кругах еще до перестройки включало компонент негативной оценки. Ср., например: Каким-то чудом он почти с рождения был антисоветчиком и конформистом. Своих родителей называл «*выдвиженцы*»... оба [отец и мать. — О. Е.] в партии с тридцать шестого года. Оба — *выдвиженцы*, слуги режима (С. Довлатов, Компромисс).

В последнее десятилетие в слове *выдвиженец* начинает актуализироваться значение, представляющее собой чистую реализацию словообразовательной структуры: «тот, кого куда-то кто-то выдвинул» («предложил в качестве кандидата к избранию»). Так, во время первых выборов народных депутатов в период перестройки довольно активно было употребление: «*Он чей-то выдвиженец*». Ср. также о прошлом: *Они* [Ягода и его люди. — О. Е.] никогда не были *выдвиженцами* Сталина, а были *выдвиженцами* Троцкого... (М. Гв., 1992, № 9).

Слово *ликвидатор* в XIX веке употреблялось со значением «тот, кто что-то ликвидирует», но в советское время, в связи с использованием его в работах Ленина для заклеивания политических противников в РСДРП, это значение не было актуальным. Актуализация нефразеологичного исконного значения наблюдается в современных употреблениях — *ликвидаторы последствий Чернобыля*. В то же время в прокоммунистической прессе встречаются случаи актуализации устаревшего ленинского употребления. Ср.: Вообще-то сюжет с *ликвидацией*, а теперь и судом над партией напоминает не такую уж и давнюю охоту... Вот так-то, золотые мои *ликвидаторы*, за которых пали на полях сражений миллионы коммунистов... (М. Гв., 1993, № 7).

Так как наряду с официальной идеологией в определенных кругах всегда существовала и другая, то это не могло не отразиться на языке. Об этом свидетельствуют употребления таких слов, как *авангард* (ироническое обозначение членов КПСС) (разг.), *аппаратчик* со значением «работник партийного аппарата» (пейоративно), *функционер* (отмечено в Сл. Уш. с пометой — нов. загр. — «лицо, выполняющее какие-нибудь определенные функции в общественной организации, аппарате»; в более поздних словарях его нет), *номенклатура*, *ответ*, *работник* и др. Ср.: *Он так весомо говорит, с такой значительностью, физиономия типичного функционера, сразу видно — обкомовец. Она, может быть, даже и интересная женщина, но на ней печать функционерки; Шаблинский давно уже работал в партийной газете. Положение функционера не слишком его тяготило. В нем даже сохранилось какое-то обаяние* (С. Довлатов, Компромисс).

Пейоративная окраска у слова *функционер* наблюдается и в употреблении на страницах газет и журналов национал-патриотического направления. Ср.: Так в поисках врагов проходят дни и годы *тогдашних революционных и теперешних, перестроечных функционеров* (М. Гв., 1992, № 11—12); ...Те же самые *функционеры мирового сионизма*, которые пустили кровь России в 1917 году, теперь выступают в качестве лекарей (там же); В настоящее время ничто не изменилось в издательствах и журналах, правда, руководители первыми кричат, что они за перестройку. Но аппаратчики всегда первыми кричали: «Дашь БАМ!», «Дашь целину!», «Расстрелять Петрова-Иванова-Сидорова» — это в тридцатых годах. Так было всегда (КО, 04.05.90). Слово гегемон использовалось как ироническое обозначение рабочего класса. Последнее не было связано с пренебрежением интеллигенции к рабочим, по выражало иронию по отношению к тенденции противопоставления интеллигенции и рабочих (гегемон — так определил Ленин роль рабочего класса в революции). Появилось даже слово негегемон («интеллигент»). <...> Такой под настроение может и дать с легкостью по морде — просто для удовольствия. Тем более — явному негегемону, тщедушному интеллигенту.

Приобрело ироническую окраску слово *передовик* (еще раньше это произошло с его синонимом *маяк* — *маяк производства*) и одно из значений слова *вахта* — «исполненная энтузиазма работа в ознамено-

вание чего-либо». Ср. частые еще недавно контексты: *Рабочие турбинного завода встали на вахту в честь 70-й годовщины Октября*.

Само содержание слова передовик не содержит в себе ничего достойного иронии и не отражает ничего специфически советского («тот, кто опережает других в работе, добивается наилучших результатов»), но оно обросло социалистическими коннотациями — «план», «показатели», «проценты» (часто липовые) и т. п.

Политизация некоторых групп лексики

Одни и те же изменения в общественной жизни нередко могут вызвать разнонаправленные процессы в языке.

Последние десятилетия в русском языке под воздействием заметно возросшей политизации общества происходит политизация некоторых групп лексики. В сферу политических контекстов втягиваются слова, изначально не имевшие отношения к политике — *разрядка, застой, перестройка, плюрализм, демонтаж, диалог, раунд* и др. Ср.: *период застоя, брежневский застой, время разрядки международной напряженности, демонтаж административно-командной системы, демонтаж тоталитарных структур, московский раунд конференции по Ближнему Востоку, третий раунд переговоров* и т. п. Слово *демонтаж* (а также *демонтировать, демонтаж*) приобрело в таких контекстах значение «разрушение», «ликвидация», «устранение». Ср.: Метафорой состояния общественного мнения стало исполненное затаенной иронии, кочующее по страницам печатных изданий словечко «*демонтаж*». *Демонтируется политическая и экономическая система, демонтируется идеология* (Зн., 1990, № 9); А вот теперь после того как уцелевшие литературные шестидесятники заслуженно взошли на всесоюзный Олимп вместо находившихся там монстров соцреализма и буквально через несколько минут этот Олимп покинули ввиду его *демонтажа* вместе с Союзом... (НГ, 23.05.92); Идея верховенства законов РСФСР над законами СССР по сути означала *демонтаж* и русской истории и Российского государства (КП, 14.01.92); Третий (президент), требуя освобождения «законно избранного», освободив, тотчас его *политически демонтировал* (КП, 14.01.92); Интересные советы даст Президенту Социалистического государства его бывший советник: *демонтаж социализма и перейти к капитализму* (Сов. Рос., 31.01.91).

В настоящее время переговоры, судебные процессы, встречи делегаций измеряются *раундами*: *В Вашингтоне начинается новый раунд переговоров между делегациями Палестины и Израиля...* (КП, 25.08.92); Хотя *очередной раунд* процесса века по бывшей даче Брежнева окончился вничью, на скамейку штрафников все же нашли кандидата — Михаила Горбачева (КП, 05.06.93); Мы вчера провели *очередной раунд* нашей работы (ТВ, 02.10.92); Первые два *раунда* судебных заседаний не оставляют сомнений, что посредник будет разоблачен (КП, 07.07.93). В этих контекстах слово *раунд* употребляется со значением «этап», «фаза», но не лишено ассоциативных связей с боем боксеров.

Из военной сферы перенесено в сферу политики и уже снова выходит в другие сферы слово *заложник*, в котором возрождается и расширяется употребление пушкинского времени — *заложник чего* — «находящийся в зависимости от чего-то» (предположительно — в 80—90-е годы XX века, но, возможно, и гораздо раньше. Толковые словари это употребление не отмечают. Оно зафиксировано только в «Словаре языка Пушкина»). Ср.: При собственной нищете и государственной слабости, вузы становятся *заложниками беспредела* (КП, 02.03.93, Хасбулатов, подписавший документ, по сути стал *заложником сменившейся ситуации* (КП, 06.03.93); Конечно же *не хочется быть заложником страха*. Допускаешь, успокаивая себя и близких, что это всего лишь провокация, но все же... (КП, 04.05.90); Многие стали *заложниками идеи*, которая упорно не желает становиться реальностью (КП, 15.03.94); Вот Пушкин, будучи *человеком высочайшей книжной культуры* и, более того, *человеком света, то есть невольником чести, заложником приличий*, он в печать ничего предосудительного не предлагал (Стол., 1993, № 14); Спорт *оказался заложником* у всемогущей идеологии (КП, 02.08.94).

В качестве одного семантического этюда рассмотрим употребление слова *диалог* в политических контекстах 90-х годов. В НС-83 <Словарных материалах «Новое в русской лексике» (1983)> оно отмечено с новым значением «неофициальные переговоры». В настоящее время, сохраняя значение «переговоры» (необязательно неофициальные), в контексте отношений между странами, республиками, партиями, властью и оппозицией слово *диалог* становится антонимом слова *конфронтация*. *Диалог* — «мирное урегулирование конфликтов» (переговоры могут быть и не на фоне конфликтов). Ср.: *Как развивается диалог с оппозицией?; Мы стремимся к диалогу; Используются не все аргументы в политическом диалоге! Пора переходить от конфронтации к диалогу* и т. п.

Кроме того, слово *диалог* отмечено нами в значениях:

1. «Дискуссия», ср.: Именно поэтому ...я и счел необходимым предложить начать *серьезный диалог* о том, что именно мы видим по-разному в нас самих и в подаренном нам мире (НГ, 05.03.92); Не указывает ли такая *манера диалога* на то, что диакону Андрею Кураеву либерализм неприятен из-за слова «свобода» в названии? (НГ, 03.04.92);

2. «Договоренность»: У нас уже есть диалог с руководством завода, но пока все остается по-прежнему (КП, 05.06.92);

3. «Общение»: По мере развития нашего диалога с внешним миром демонстрация мод будет все более развиваться (ТВ, 29.06.92).

Не в политических контекстах встречается это слово со значением «спор», «борьба»: Это был *безмолвный диалог двух соперников* (ТВ, 1992; о марафоне во время летней Олимпиады).

В деловых кругах это слово употребляется со значением «сотрудничество»: С этой фирмой у нас диалога не получилось. Расширение сферы использования слова диалог приводит к размытости семантики, о чем свидетельствует, например, употребление его в одном из интервью с Горбачевым: Я у него [Крючкова] видел большой запас эрудиции, диалога (ТВ, 22.08.91).

В меньшей степени о размытости первоначального значения слова *диалог* свидетельствует современное употребление (пока не отмечено в печати) — *двусторонний диалог*, ср.: Назарбаев считает, что только политическим путем, только в *двустороннем диалоге* можно решить проблему Карабаха (ТВ, Новости, 24.02.93).

Деполитизация некоторых политических терминов

Не менее заметно выражен процесс политизации общества в деполитизации лексики. При этом нередко бывает, что лексика, недавно вошедшая в политические контексты, уже используется в разговорной речи в контекстах, далеких от политики. Так, слово *консенсус* употребляется со значением «согласие» (в семье, в коллективе, в очереди и т. п.). *Плюрализм* может обозначать множественность мнений по любому вопросу, *конфронтация* — «раздоры», «ссоры» и т. п., *диктатура* употребляется со значением «насилие, подавление чужой воли», *гласность* — «откровенность», *хунта* — «банда», *раскулачивание* — «грабеж». Ср.: У нас с мужем по этому вопросу консенсус; У них в доме диктатура жены; У нас всюду теперь конфронтация; Евтушенко и его хунта. Слово *приватизация* стало употребляться в шутку со значением «незаконное присвоение», «ограбление». Ср.: Муж Елены Петровны... *сторожит квартиру — нельзя оставить, иначе мигом «приватизируют»* (КП, 03.08.93); ...*двое воспитанников не выдержали искушение: «приватизировали» непосредственно из экспедиции знак об окончании корпуса — Мальтийский крест из белой эмали* (НМ, 1993, № 12); *Похоже, окончательно решили «приватизировать» память людскую* (День, 1—07.03.92).

Интересно, что в 60-х годах слово, обозначавшее в свое время социальное явление с противоположной приватизации направленностью — *раскулачить* — употреблялось в значении «растить», «разворовать». Ср.: *Автобусы, как нынче принято изъясняться, «раскулачены» на запчасти...* (Пр., 18.07.68). Со значением «отнять», «присвоить» слово *раскулачить* употребляется и в наше время. Ср.: За несколько дней до этого они [омоновцы. — О. Е.] повязали сбытчиков «наркоты» с братской Украины, но отпустили тех с богом, не забыв *«раскулачить»* (КП, 25.05.94).

Таким образом, буквально на наших глазах слова из разных сфер языка вошли в состав политических терминов и опустились на уровень бытовой речи, изменив при этом свою смысловую структуру.

Брагина А. А. Новые явления – новые слова // Неологизмы в русском языке. М., 1973.

Состояние лексики, как известно, отражает уровень развития общества. Находит яркое выражение в языке различные социальные факторы и в эпоху атома, телевидения, космоса. Все новое, что происходит в нашей жизни, запечатлевается в слове. Яркий тому пример – завоевания в космосе и растущее число «космических» слов.

Слово *космос* не только становится более употребительным, но и расширяет свою словообразовательную систему. Возникает целый ряд новых слов: *космодром, космонавт, космовидение*, которые построены по аналогии с уже существовавшими наименованиями, сходными по значению или по функции.

Проведём анализ неологизмов, подтверждающий данное положение.

Аэродром — 'естественная или искусственная площадка для стоянки, подъема и спуска летательных машин'. *Космодром* — 'площадка для запуска космических аппаратов— ракет, спутников — кораблей'. *Лунодром* — 'специально построенные для испытания лунных аппаратов площадки, рельеф и грунт которых повторяли возможные препятствия, ожидающие лабораторию на поверхности Луны'. <...>

Аэро-, космо-, луно- воспринимаются как определение к *-дром*, заимствованному из греческого языка (*δρόμος* — 'место для бега, бег') и имеющему в русском языке давно установившееся значение 'место'; ср.: *ипподром* — 'место скачек', *велодром* — 'место велосипедных состязаний', <...> и уже проанализированные *аэродром* и *космодром*.

Аргонавт — *аэроавт* — *космонавт*. В этом словообразовательном ряду также действует закон аналогии. Казалось бы, *арго*; *аэро-, космо-* можно рассматривать как различные определения к повторяющемуся во всех словах *-навт*. Но вторая часть этих сложных слов *-навт* (ср. греч. *ναυτης* — 'мореплаватель') в новых образованиях *аэроавт*, а позже *космонавт* как бы представляет значение первого — *аргонавт*;

аргонавты — легендарные герои, отправившиеся в неизвестные страны... В существительных *аэроавт*, *космонавт* русифицированная морфема *-навт* означает 'мореплаватель, плаватель', но с оттенком 'первооткрыватель, плывущий или идущий неизведанными путями'. Этот оттенок значения сделал морфеме *-навт* продуктивной в космической терминологии.

Космонавт — образование чисто русское. В английском языке для наименования американских космонавтов было создано слово *астронавт*, но в информации — переводах на русский язык оно часто заменяется русским *космонавт*: «Космический корабль «Аполлон-11» приближается к Земле. Когда читатели «Известий» возьмут в руки этот номер, возможно, отважные *астронавты* — Армстронг, Олдрин и Коллинз — уже вернутся на нашу планету... Самочувствие *космонавтов* хорошее... *Космонавты* время от времени чистят кабину с помощью пылесоса... Сейчас *астронавты* заняты последними приготовлениями перед финишем». <...> *Космонавт* и *астронавт* воспринимаются как синонимы, различающиеся только национально-локальной окраской. <...>

И совсем недавно ряд слов с элементом *-навт* пополнился образованием *акванавт* — 'первооткрыватель, первый исследователь морских глубин'. «Подводный дом на морской глубине... А можно ли изготовить надувное подводное жилище?.. *Акванавты* морского клуба «Дельфин» задались именно такой целью». <...> «Женщины-*акванавты* начали работы под водой». <...>

Сходство рабочего оснащения натолкнуло на сравнение спелеологов с космонавтами и привело к образованию экспрессивного наименования: *спелеолог* — *геонавт* — 'открыватель тайн земли'. «За последние пять лет специальные экспедиции спелеологов — «*геонавтов*» (для путешествия под землю нужен специальный костюм и автономный кислородный прибор) обследовали также крупнейшие пещерные системы мира...» <...>

Не менее примечательно и другое словесное перемещение, произошедшее в результате развития нашей техники и науки. Разошедшиеся сейчас слова *ракетчик* — *космонавт* могли быть синонимами. В 30-е годы существительное *ракетчик* связывалось с космосом и космическими реактивными кораблями, о которых мечтали учёные, писатели-фантасты, кинематографисты.

В 1935 г. на «Мосфильме» была снята кинокартина «Космический рейс». Научным консультантом был К.Э. Циолковский, и вот какие любопытные строки сохранились в архиве учёного:

«26-го октября 1933 года в Советском Союзе на орбиту спутника Земли мощной ракетой-носителем был выведен космический корабль, пилотируемый экипажем, который впервые осуществил выход человека в космическое пространство. *Ракетчик* (так тогда называли *космонавтов*) рассказал о необычайном чувстве отсутствия тяжести...» <...>

Существительное *ракетчик* — производное от *ракета*. Слово *ракета* в значении 'потешные огни' встречается в бумагах и письмах Петра I, датированных 1696 г. <...> Но слово и понятие *ракета*, а также прилагательное *ракетный* были известны русскому языку много раньше, так как уже в 1680 г. в Москве было основано «Ракетное заведение», положившее начало производству и освоению ракетной техники.

Ракета в значении 'фейерверочный, потешный огонь' в петровскую эпоху приобрела довольно широкое распространение. Такое предположение позволяет сделать текст указа, обращённого ко всему населению. Этот указ о праздновании Нового года ... яркое свидетельство эпохи. <...> «Ведено было царским указом: «... считать новый год не с первого сентября, а с первого января 1700 года, и в знак того доброго начинания и нового столетия века в веселии друг друга поздравлять с новым годом... По дворам палатных, воинских и купеческих людей чинить стрельбу из небольших пушек, ружей, пускать *ракеты*...»»

И всё же впервые слово *ракета* зафиксировано только в словаре Н.Яновского в 1806 г. «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту», ч. III. СПб. Составитель к существительному *ракета* делает помету — «речение артиллерийское», но в самой словарной статье описывает употребление *ракет*

и как потешных огней. Производных слов от *ракета* словарь не отмечает, хотя прилагательное *ракетный*, как мы уже знаем, известно с XVII в. Документы пиротехнической лаборатории ... (1814) сохраняют ещё одно производное слово — *ракетчик*: «Всюду, где проходит одиночный пехотинец, там пройдет и там может действовать русский *ракетчик*».

Так закрепляются два «земных» значения слова *ракета* — 'потешный огонь' и 'военный снаряд' и производные слова — *ракетный* и *ракетчик*.

Впоследствии, с развитием идей воздухоплавания и космонавтики, *ракета* получает новое осмысление. Но ещё К.Э.Циолковский колебался в выборе названия для новых летательных аппаратов. Так, одну из своих статей, опубликованную в 1911 г. в журнале «Вестник воздухоплавания», учёный называет: «Исследование мировых пространств реактивными приборами. Реактивный прибор «Ракета» К.Циолковского». Слово *ракета* выступает здесь как маркировочный, номенклатурный знак. А в 1926 г. в работе «Исследование мировых пространств» К.Э.Циолковский замечает: «Для путешествия вне атмосферы и всякой другой материальной среды на высоте 300 км, а также ещё дальше, между планетами и солнцами, нужен специальный прибор, который мы только для краткости будем называть *ракетой*». <...>

В 20-30-е годы слово *ракета* благодаря фантастическим рассказам, повестям, фильмам имело распространённое значение 'межпланетный аппарат', поэтому производное *ракетчик* было достаточно «космическим». Одновременно словом *ракета* стали называть все летательные аппараты, работавшие на реактивном топливе. Первая такая *ракета* была запущена 17 августа 1933 г. Учёных, занимавшихся проблемами и техникой ракетного дела, в ту пору объединяли под именем *ракетчики*. <...>

В наши дни существительное *ракета* более «земное». Значение 'летательный аппарат с реактивным двигателем' обусловило ряд модификаций: *межконтинентальная ракета*; 'боевой снаряд, приводимый в движение силой реакции выбрасываемой струи газа', — *фугасная ракета*. Эти значения существительного *ракета* обусловили новые наименования: *ракетные войска* — 'войска, вооружённые ракетным оружием', *ракетчик* — 'солдат ракетных войск или ракетостроитель'. <...> Теперь слово *ракетчик* не так легко связывается с космосом. *Космонавт* оказался более выразительным, передающим не только связь с космосом, но значение 'первый плаватель в космосе, открыватель неизведанных пространств'. Нет сомнения — вытеснение наименования *ракетчик* из «космического» обихода обусловлено движением в ряду названий летательных аппаратов. В трудах К.Э.Циолковского мы сталкиваемся с поисками нужных слов-имён: *звёздный домик* — *спутник* — *ракета* — *звездолёт* — *космический корабль* — *космические ракетные поезда*. На современном этапе дифференциация и точность космических наименований присуща не только научным текстам, но и публицистике и художественной литературе. Каждое название закрепляет своё особое значение, уже оправданное определёнными реалиями (*спутник* — *ракета* — *носитель* — *космический корабль*). <...>

Ещё в 1960 г., когда 15 мая стартовал первый космический корабль-спутник, остро встал вопрос о наименовании этого вида летательных аппаратов. *Звездолет? Космолёт? Спутник?* — Проблема наименования очень сложна. В своё время слова *паровоз*, *пароход*, *самолёт* стали символами определённого технического прогресса. *Звездолёт* — *звездолётчик*, *звёздоплаватель*, *космолёт* — *космолётчик*, *планетолёт* — *планетолётчик* «...содержали в себе как бы осуществлённую возможность совершать межпланетные перелёты и даже полёты к звёздам. У нас же задача была куда скромнее. Поэтому появилось название *космический корабль*». <...>

Выдвижение в «космической» терминологии на первый план слов *спутник*, *космический корабль* оттесняет на второй план наименование *ракета*. Такое передвижение в ряду наименований летательных аппаратов в связи с их усовершенствованием поддержало новообразование *космонавт* и одновременно лишило прежний термин *ракетчик* былых космических ассоциаций. Продуктивным оказывается ряд новообразований, объединённых элементом *косм-* (*космо-*): *космодром* — *космонавт* — *космический корабль*.

Интересно, что для наименования «земной» специальности — физиков, изучающих космос и космические лучи, возникает особое наименование — *космики*. Пока оно бытует в разговорном стиле речи, но уже встречается и в языке художественной литературы.

«*Космики*» — так озаглавил свою документальную повесть о жизни людей новой специальности А.В.Афиногенов. <...> Суффикс *-ик-* ... привычно входит в слова, обозначающие смежные специальности: *физик*, *химик*, *математик*, *медик*. Образование специального *космик* со значением 'специалист в определённой области*' закономерно и общепонятно.

Непосредственная работа в космосе, хотя и с помощью автоматических аппаратов (например, управление *луноходом*), обусловила сочетание *земной космонавт*. <...> Язык как бы стремится, с одной стороны, объединить общее: *космонавт* — это тот, кто работает в космосе, но *космонавт* — это и тот, кто находится на земле, но ведёт работу с аппаратурой, предназначенной для исследования космоса. С другой стороны — с помощью определения в общем выделено частное: *космонавт — земной космонавт*.

Словообразовательный ряд от слова *космос* имеет и довольно неожиданное продолжение: «*Космонята* — так зовут мальчишек и девчонок из клуба юных космонавтов...» <...> Новое слово по аналогии с существительным *ребята* получает особое значение 'юные космонавты'.

Морфемы *-навт, -ик, -(н)ята* несут более или менее обобщённые значения. Их выбор в образовании новых слов определён и всякий раз подсказан смысловой аналогией: аргонавт — аэронавт — космонавт, физик — химик — математик — космик; ребята — космонята.

Как видим, «космическая» терминология находится на стадии становления. Движение в «космических» рядах — образование неологизмов, новые осмысления и переосмысления старых слов — не представляет автономного явления, а находится в русле общенародного языка.

Изучение космоса, запуск спутников, как и следовало ожидать, отражается в семантических движениях прилагательного *космический*.

С помощью определения *космический* возникают обозначения новых понятий — *космический корабль, ... космические трассы, ...* В этих случаях прилагательное выступает в своём обычном значении 'относящийся к космосу'.

Но вот возникают сочетания: *космический мост, космический радиомост, ... космические телеграммы*. <...> Здесь происходит расширение значения: *космический мост — радиомост* — 'образованный с помощью спутника связи'; *космические телеграммы* — 'полученные через спутник связи'. Метафора *космический мост* образно передаёт значение 'радиотелефонная связь через космос'. Метафорические употребления *космический* достаточно разнообразны: «Разговор на *космическом уровне*». <...>

В выражении *на космическом уровне* определение *космический* означает и 'происходящий в космосе', и 'очень высокий'. Второе, контекстное значение появляется благодаря легко возникающей соотнесённости с постоянными выражениями *на высоком уровне, на уровне послов* и т.п., а также *быть (становиться, идти и т.п.) в уровень, быть на уровне*.

Метафорическое употребление *космический* развивает оценочно-качественное значение: «Мы хорошо знаем..., что победы в космосе куются в труде каждым из нас... Именно поэтому коллектив нашего участка сборки электроаппаратуры первым стал на ударную *космическую вахту*». <...> «Затем мы видели планку, установленную на отметке 2 метра 26 сантиметров. Поистине *космическая высота*. <...> ...*космические килограммы* (о рекордах тяжелоатлетов)». <...>

Разнообразные употребления закрепляют переносное значение этого слова — 'высокого качества, быстрый, скоростной, рекордный', а также 'отличный, лучший, самый большой'. <...> «— Что пожелаете своим друзьям в день их бракосочетания? — спрашиваем мы у космонавтов. — Конечно, счастья... *Космического* <...> — Я имею в виду по величине» <...>

Семантическое движение в значении *космический* идёт не просто по пути увеличения, расширения полисемии.

Обратимся к словарям. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова отметил у прилагательного *космический* переносное значение 'громадный, колоссальных масштабов': «Это движение возросло до *космических* размеров». Словарь современного русского литературного языка никаких переносных значений не отмечает. К 50-м годам нашего века это переносное значение, по-видимому, переходит в разряд употреблений. Прилагательное *космический* возвращается к однозначности. Оживление основного значения к концу тех же 50-х годов обуславливает новые возможности переносных оценочно-качественных значений.

Выход человека в космос заставил по-новому посмотреть на планету Земля, а её обитателей воспринимать как жителей одной из планет. Именно в это время появилось на страницах газет и журналов, зазвучало в эфире слово *земляне*. <...> «Всякая новая встреча с природой не может пройти бесследно для искусства. Но вряд ли стоит забывать, что для нас, *землян*, «системой отсчёта» остаётся Земля, её уже раскрытая и ещё не раскрытая красота» («Литературная газета», 1965). <...>

А ведь существительное *землянин* (*землянинъ*, а также *земянинъ*) принадлежало древнерусскому языку. *Землянинъ* — *земляне* означало 'человек — народ, имеющий и обрабатывающий землю'. <...>

В новом значении слово *землянин* ещё до полета человека в космос вошло в словарь фантастической литературы, посвящённой покорению космического пространства. <...>

Возникает новое словосочетание — *патриотизм землянина*. «Что ж, не будем бояться этого слова. Да, в человеческом обществе начало нарождаться это высокое, объединяющее людей чувство. И недаром всё чаще и чаще на страницах газет встречается старое, но получившее новый глубокий смысл имя — *земляне*», — заключает своё рассуждение известный учёный. <...>

В современной словообразовательной системе за продуктивным суффиксом *-анин* (*-янин*) закрепилось определённое значение. С помощью этого суффикса «от основ имён существительных, обозначающих город, местность, страну, редко — какое-нибудь общественное явление», образуются названия лиц по признаку, выраженному основой: *южанин*, *горожанин*, *египтянин*, *марсианин*.

Слово *землянин* обновляется, хотя и осталось неизменным по форме, как бы заново рождается в значении 'обитатель планеты Земля'. В данном случае сила аналогии *марсианин* — *землянин* обусловила второе рождение и новое осмысление этого забытого слова.

Следовательно, неологизм — это не только слово, ранее не существовавшее, родившееся вместе с новым явлением. Чаще мы наблюдаем **новые осмысления старых слов, обогащение их новыми значениями** (*земляне*). Многие слова были ограничены сферой специальной терминологии. События в науке, жизни выносят их в широкий обиход (*ракета*, *космонавт*). Те же новые слова, которые действительно ранее не существовали, строятся из известного языкового материала и по известному образцу-модели. В новом мы угадываем старую форму и части уже известных слов. Это помогает понять неологизм, осмыслить его и ввести в речевой обиход (*космодром*, *космонавт*, *космик*, *звездолётчик*, *планетолётчик* и т.п.).

2

Отмирание одних и рождение других слов происходит в языке незаметно. Но наблюдается и такой языковой факт, когда новое слово или новое значение уже существующего слова имеет «день рождения», связано с определённой датой. 4 октября 1957 г. Советским Союзом был произведён запуск первого искусственного спутника Земли. С этого дня слово *спутник* в значении 'искусственный спутник' становится международным и в различных транскрипциях входит в разные языки мира.

Словари современного русского языка регистрируют следующие значения слова *спутник*'. 1. Человек, который вместе с кем-н. совершает путь. Мои *спутники* в вагоне оказались очень приятными собеседниками. 2. перен. То, что сопутствует чему-н., появляется с чем-н. Тиф — постоянный *спутник* голода. 3. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты (астр.). Луна — *спутник* Земли. *Спутники* Юпитера. 4. Название некоторых справочных книг, руководящих журналов и т.п. Журнал «*Спутник агитатора*». Справочная книга «*Спутник электротехника*».

В «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды (1627) слово *спутник* однозначно — 'товарищ в дороге'. Но «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И.Срезневского свидетельствуют, что уже в XI-XIII вв. слово *спутник* имело два значения:

1) «товарищ в пути, попутчик», 2) «сопутствующий в жизни». Эти значения отмечают и различные словари XVIII в. С начала XIX в. словари, как правило, отмечают и третье значение слова *спутник*'. «В астрономии. Так называется каждая из малых планет, обращающихся около главной своей планеты. *Спутники Юпитеровы, Сатурновы*». По тем же словарям можно установить, что у слова *спутник* в этом значении есть два синонима — *сателлит* и *луна*. Впоследствии (XX в.) оба синонима стали употребляться реже. Слово *сателлит* как специальный астрономический термин суживало круг употреблений, а слово *луна* ограничивалось значением 'спутник Земли', превращаясь в имя собственное *Луна*, в наименование единичного предмета. <...> Но ни *сателлит*, ни *луна* всё же не потеряли окончательно синонимических связей со словом *спутник*.

В 1960 г. С. И. Ожегов в 4-м издании своего «Словаря русского языка» выделил в слове *спутник* новое значение: «Прибор, запускаемый с помощью ракетных устройств в космическое пространство и имеющий подобно небесным телам определённую орбиту. *Советские спутники Земли*». А в вышедшем в 1961 г. IV томе «Словаря русского языка» отмечено только постоянное сочетание *искусственный спутник*.

В 1963 г. «Словарь современного русского литературного языка» также отметил в многозначном слове *спутник* особые употребления, см. во втором значении: «Город-спутник. Город, расположенный в пригородной зоне большого города и имеющий с ним непосредственные производственно-

экономические и культурно-бытовые связи»; и в третьем значении: «*Искусственный спутник*. Искусственно созданное небесное тело, движущееся вокруг естественных небесных тел солнечной системы. *Запуск искусственного спутника Земли*». Оба сочетания идут под рубриками «в образной речи», «в сравнении», «в устойчивых сочетаниях, фразеологических оборотах и т.п.».

Какой же словарь наиболее точно отразил новое в значении и употреблении слова *спутник*. Для ответа на этот вопрос проследим, как развивалось у слова *спутник* значение 'искусственный спутник'.

«Рождение» слова *спутник* в значении 'искусственный спутник' было обусловлено великим научным открытием. Многозначность же существительного *спутник* помогла найти наименование новому явлению: полисом античное слово приобрело ещё одно значение. До запуска спутников оно лишь намечалось. Так, научно-популярные работы К.Э.Циолковского как бы подготовили появление у слова *спутник* нового значения. В 1894 г. Циолковский ищет нужное слово, называя особое сооружение для космических полётов *звёздным домиком*. Но уже в 1895 г. у него употреблён термин *спутник*: «Воображаемый *спутник* Земли, вроде Луны, но произвольно близкий к нашей планете, лишь вне пределов её атмосферы». <...>

Новое употребление слова *спутник* возможно как образное сравнение в художественной литературе XIX в. В романе «Братья Карамазовы» (1879-1880) Ф.М.Достоевского чёрт, преследующий Ивана, пускается в такое рассуждение: что случилось бы с топором, если бы он попал в пространство? «Quelle idée! — восклицает чёрт, — я думаю, что будет летать вокруг земли... в виде *спутника*. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора...»

С появлением новой реалии — искусственного спутника — значение слова *спутник* как астрономического термина расширяется и используется сначала для обозначения двух понятий — *естественный, природный спутник* (спутник Юпитера, спутник Земли — Луна) и *искусственный спутник* — с обязательным определением, т.е. в устойчивых словосочетаниях. <...>

Но в дальнейшем употребление слова *спутник* в сочетании *искусственный спутник* становится настолько частым, что оно само приобретает новое значение 'искусственный спутник' и не требует более уточняющих определений. Например: «Более трёхсот проектов памятника *Спутнику* было подано на конкурс». <...>

Конечно, новое значение слова *спутник* — 'искусственный спутник' опирается на контекст, ситуацию, но уже само словосочетание *памятник Спутнику* <...> не вызывает разночтений. <...>

Легко входит слово *спутник* в своём новом значении и в повседневную речь. Ср. рассказ одного из героев «Сибирских повестей» Владимира Чивилихина: <...> «Мы боимся, главное, что когда со *спутников* начнут на телевизоры передавать, то не будет ничего видно. А мы ждём не дождёмся этого дела.» <...>

Новое значение как бы подавляет другие значения многозначного слова *спутник*, становится теперь не просто одним из многих, но центральным. <...> Становятся обычными, повседневными сочетания и выражения типа: *запуск спутника, автоматический спутник — автоматические спутники, парные спутники, управляемые спутники, действующие спутники, научные спутники, выход спутника на орбиту, спутники метеорологической службы, метеорологические спутники, наблюдения со спутника, летит спутник, летают спутники*.

Теперь без уточняющего определения становится неясным старое значение 'небесное тело, обращающееся вокруг планеты'. Именно в этом значении слово *спутник* требует постоянных определений. См. примеры: «Здесь была только одна станция на небольшом, лишённом атмосферы *природном спутнике*...»; «К сожалению, мы ещё очень многого не знаем о нашем *естественном спутнике* — Луне, хотя она и является ближайшей небесной соседкой Земли».

Большая Советская Энциклопедия, напечатав статью «*Спутник Земли искусственный*», одновременно ввела для обозначения естественных спутников сочетание *спутники планет*, вместо существовавшего прежнего наименования *спутники* с пометой «в астрономии». Необходимость дифференциации значений чувствовал К.Э.Циолковский и проводил её, подыскивая определения и к старому значению слова: «Прибор делается *спутником* Земли, *маленькой луной*, и устойчивость его такая, как и какого-нибудь *планетного спутника*».

По мере того как новое значение слова *спутник* — 'искусственный спутник' закреплялось в языке, разрушались некоторые, ранее постоянные синонимические связи его: *месяц — луна — спутник Земли*. Выражение *спутник Земли* теперь является постоянным синонимом к словам *месяц — луна*. Как мы видели, *спутник* в астрономической терминологии — это прежде всего 'искусственный спутник', а старое *спутник* — Луна уже часто требует определения. Двухзначность сочетания *спутник Земли* (ис-

кусственный и естественный) лишает это выражение прежней образности: *Луна — спутник Земли*. Поиски нового образного сравнения приводят к воскрешению архаичного названия, к оживлению забытых синонимических связей: *Луна — Селена* «Пепельный свет *Селены*» — название газетного сообщения об уникальной фотографии неосвещённой стороны Луны. <...>

Но забытое слово *Селена* обретает новую жизнь не только как поэтический синоним к *Луна*. Оно служит основой для новых словообразований. Ср. ряд: *аргонавт — космонавт — селенавт — селенит*. <...> И всё же старое сравнение *Луна — спутник* живет в языке, но возможна модификация формы сравнения: *Луна — спутница*. <...> Это позволяет разграничить ряд *искусственный спутник — естественный спутник=спутник — спутница*. Происходит и как бы обратное движение в семантике слов *луна — спутник*. Забытое значение *луна — 'спутник'* (у Юпитера собственные *луны — 4 спутника*) пробуждается в образных употреблениях слова *луна*: «У *Луны* появилась своя маленькая *луна*» <...> (информация о запуске спутника-лунника). Слово *спутник* теперь как бы окружено особым «космическим» ореолом, связано с выдающимися достижениями науки и техники, становится одним из символов нашей эры. <...>

Под влиянием нового широко распространенного значения *спутник — 'искусственный спутник'* расширяется и общая употребительность и сочетаемость этого многозначного слова. Возьмём ряд заглавий <...> «Туризм — *спутник* мира»; <...> «Наши *спутники* быта — пылесосы, холодильники и т.п.»; <...> «Верные *спутники* — радио и телевидение». <...>

Как известно, слово *спутник* вошло в различные языки мира именно в новом значении 'искусственный спутник'. В русском языке это многозначное слово, оно имеет широкий круг употреблений, сочетаний. В языках, заимствовавших слово *спутник*, оно ограничено одним значением 'советский искусственный спутник'. <...>

Так складывается история многозначного слова *спутник*: расширяется круг употреблений русского слова *спутник*, его сочетаемость, стилистические возможности. Новое значение — 'искусственный спутник', по-видимому, нельзя считать только возможным употреблением в постоянном словосочетании *искусственный спутник*. Это новое значение, как показывают многочисленные примеры, закрепилось в самом слове, стало одним из его значений, ввело слово *спутник* во многие языки мира. Поэтому совершенно справедливо С. И. Ожегов в Словаре русского языка <...> выделил в слове *спутник* новое значение 'искусственный спутник'.

Новое осмысление слова *спутник* возникло как бы через промежуточное звено — словосочетание *искусственный спутник*, чтобы в свою очередь оживило употребление антонимичного *естественный спутник*. Потребности в языковой дифференциации создают синонимический ряд, опирающийся на грамматическую аналогию: *Луна — спутница* (не *спутник*). *Спутник* в значении 'искусственный спутник' разрушает постоянный для поэтической речи образ: *Луна — Селена — спутник*. Новое значение существительного *спутник* явилось не только фактом лексики, но, как мы видели, вторглось в сферу словообразования. Продуктивность суффикса *-ник* обусловлена широким распространением слова *спутник*, вошедшего во многие языки мира.

3

Продолжим наблюдения над лексикой, связанной с освоением космического пространства, изучением Луны.

Мы <...> знаем, что терминологическое значение существительного *луна — 'спутник планет'* было обычным в прошедшую эпоху: «У Юпитера четыре *луны*», «Девять *лун* Сатурна». Но обычно слово *луна* воспринималось как собственное имя или наименование ближайшего к Земле небесного тела, спутника Земли. В этом первом и основном значении *луна* фразеологизируется и получает особое осмысление: (*быть*) *под луною* — 'жить на Земле, в мире', отсюда *подлунный мир* и метафоричное значение определения *подлунный* — 'земной'. Слова *луна* и *лунный* очень часто поэтизируются. <...>

Пришло время — и Луну облетают лунники; <...> совершают посадку на её поверхность; <...> на Луне побывали люди; <...> работают автоматические аппараты, исследующие Луну; <...> Как же отразились все эти события на «лунных» словах?

В сообщениях об изучении нашего естественного спутника Луны говорилось о запусках <...> *искусственных спутников Луны — автоматических лунных станций — лунных аппаратов*. Но параллельно формируется и другое название — *лунник*. <...> «Репортаж о полёте советского *лунника* <...>»; «Комплекс научных и технических задач, решение которых возлагалось на отечественные *лунные аппараты*... В дальнейшем стал применяться иной способ запуска *лунных автоматических аппаратов*... А

сейчас просторы космоса бороздит новый лунник...» <...>; «Зарубежная печать о советском луннике». <...>

Конечно, формирование слова *лунник* шло под структурным влиянием модели *спутник*: *спут-ник* — *лун-ник*. Новое слово вслед за существительным *спутник* усваивается многими языками. Интересно, что в заимствующих языках происходит как бы сращение и переразложение слов о образующих морфем. Ср., например, немецкое *Lunik* (так назван отель в Айзенхюттенштадте, ГДР). Корневой *n* слова *лунник* сливается с суффиксальным *n*. Тем самым возникает иное структурное образование *lun-* (корень) + *-ik* (суффикс). <...>

Полёты в космос и на Луну своеобразно «подействовали» и на глаголы *приземляться* — *приземлиться* и на отглагольное существительное *приземление*. В русском языке эти слова приобрели обобщенное значение 'спуститься, спускаться, сесть' и 'посадка*'. Конкретное значение, связанное с корнем *земл-*, как бы выветрилось, стёрлось, чему способствовало отсутствие дифференцирующих названий для посадки на землю и на воду, как, например, во французском языке: посадка самолёта на землю — *atterrissage* (от *terre* — 'земля') и посадка самолёта на воду — *merissage* (от *mer* — 'море').

С началом космических полётов возникает целый ряд глаголов, аналогичных *приземлиться* — *приземляться*. Семантически они могут быть самыми разнообразными, ср.: *приводниться* — *приводняться*, *прилуниться* — *прилуняться*, *примарситься*, *прильдиниться*, *приледниться*.

Судьба этих глаголов, их стилистическая окраска, условия возникновения различны. Глаголы *примарситься*, *прильдиниться*, *приледниться* возникают в определённых условиях по образцу продуктивной модели. Словообразовательный ряд *приземлиться* — *приземляться* не замкнут и может быть продолжен в зависимости от изменений условий посадки. Вместе с тем здесь существенно и стилистическое задание. Глаголы эти, как и производные существительные, имеют контекстное употребление и шутливую, подчёркнуто образную окраску. Ср.: «Прыжок с парашютом. — «Приледнение» на высотной отметке 6100. Отсюда новый прыжок на сам пик — высшую точку Заалайского хребта». <...>

Глаголы *прилуниться* — *прилуняться* и *приводниться* — *приводняться*, хотя структурно и аналогичные *приземлиться* — *приземляться*, как и *примарситься*, *прильдиниться*, были вызваны к жизни иными причинами и имеют иную функцию в языке.

Глагол *прилуниться* нельзя назвать «несерьёзным», шутливым. Он обусловлен, конечно, стремлением как можно точнее охарактеризовать новое явление. Например: «... *прилуниться*, стартуя с Земли, легче, чем *приземлиться*, стартуя с Луны». <...> Но употребление глагола не определяется контекстным заданием, характеристикой какого-то нового, единичного явления. Глаголы *прилуниться* — *прилуняться* получили общеязыковое значение и типичные лексико-грамматические категории — видовые. Благодаря категории вида глаголы *прилуниться* — *прилуняться* могут обозначать разные действия — как совершившиеся (совершенный вид), так и совершающиеся (несовершенный вид).

Что же касается глаголов *приводниться* — *приводняться*, то здесь толчком для образования нового слова послужила необходимость точной характеристики-обозначения. Дело в том, что американские спутники совершали посадку только на воду. Эту особенность американских спутников (космических кораблей) необходимо было подчеркнуть. В русском языке возникает глагол *привод-н-иться*, структурно аналогичный модели *при-земл-иться* — *при-лун-иться*. Новый глагол в силу характера своего значения и употребления уже получил видовую категорию: *приводниться* — *приводняться*. «В связи с приближением тропического шторма «Бетси» к району, первоначально намеченному для *приводнения* космического корабля после 121-го оборота, руководители полёта решили осуществить посадку «Джеминай-5» после 120 витков... Американские космонавты... благополучно *приводнились* в Атлантическом океане, в 655 милях к востоку от мыса Кеннеди...» <...>

От глаголов *прилуниться* — *прилуняться*, *приводниться* — *приводняться* образуются отглагольные существительные *прилунение*, *приводнение* (аналогично *приземлиться* — *приземляться* — *приземление*):

Звучат во всех краях планеты
Без перевода, как Москва, <...>
Мир, спутник — русские слова.
И это слово — прилуненье. <...>

(А. Твардовский)

Существительное *прилунение* стало обычным в газетных ин-формациях и публикациях: «*Прилунение* было осуществлено в восточной части Океана Бурь вблизи экватора». <...>

Следовательно, *прилуниться* — *прилуняться*, *приводниться* — *приводняться* и их производные не относятся к словам стилистически ограниченным, имеют общезыковое распространение, а не контекстное употребление, подобно *примарситься*, *приледниться*.

Обратим внимание на следующий факт. Первый термин, связанный с изучением Луны — лунник, был «построен» по аналогии со словом *спутник*. *Прилунение*, *прилуниться* — *прилуняться* тоже аналогичны «земным» терминам. Но сама популяризация словообразовательной модели *прилунение*, *прилуняться* — *прилуниться* стала возможна благодаря собственно «лунному» употреблению. Отталкивание в словотворчестве — *примарситься*, *приледниться* — шло не от обычных нейтральных *приземление*, *приземляться* — *приземлиться*, а от «лунных» слов. Новое в изучении Луны дало толчок языковым процессам — новым аналогичным образованиям. <...>

В. Д. Черняк Зоны выбора и зоны риска в лексиконе современной языковой личности // Аспекты речевой конфликтологии: Сб. ст. под. ред. чл-корр. Российской Академии образования, проф. С. Г. Ильенко. – СПб., 1996. С. 45–53

Характеризуя онтологические особенности современной русистики, Ю. Н. Караулов выделяет резко возросший интерес к актуальному состоянию русского языка, к происходящим в нем изменениям. Очевидное для всех явное снижение уровня речевой культуры с неизбежностью вызывает разного рода коммуникативные неудачи, под которыми понимается неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего (полное или частичное непонимание), нежелательный эмоциональный эффект.

Говоря о принципиально важной в современной концепции речевой культуры «реабилитации адресата», А. К. Михальская подчеркивает, что «успешность деятельности самого говорящего стала определяться тем, насколько полно и беспрепятственно ему удастся свое сообщение донести до слушающего, то есть по минимальному уровню помех при передаче».

Коммуникативные сбои, естественно, могут быть связаны с использованием языковых единиц разных уровней. На лексическом уровне, единицы которого будут предметом нашего рассмотрения, наблюдается и то, что традиционно квалифицируется как лексические ошибки, и то, что расценивается как неудачный лексический или стилистический выбор. Вопрос о лексико-семантических истоках коммуникативных неудач до сих пор почти не исследовался, в тех же немногих случаях, когда предлагается характеристика так называемых лексических ошибок, она дается без учета естественной системности, наблюдаемой в лексиконе человека. Между тем современные исследования речевой способности, ассоциативно-вербального уровня языковой личности в сочетании с лексико-системными исследованиями дают основания для лексической интерпретации весьма пестрого «отрицательного» материала, извлеченного из разнообразных речевых произведений наших современников. Анализ этого материала, попытка классифицировать разнообразные коммуникативные неудачи, возникающие как в устной речи, так и в письменных речевых произведениях (газетные и журнальные публикации, реклама, переводы массовой литературы, письменные работы школьников и студентов), позволяют предположить, что в лексиконе человека имеются «зоны» свободного выбора «зоны» риска. Если, оперируя лексическими средствами зон свободного выбора, говорящий может выразить свои речевые предпочтения, воплотить в речи параметры своей личности (возраст, пол, профессия, социальный статус и т.п.), то использование лексических средств «зоны риска» предполагает языковую и общекультурную компетентность говорящего, его умение включать механизмы речевого контроля.

Социальную и эстетическую значимость осуществленного в речи выбора хорошо иллюстрирует фрагмент из «Воспоминаний» Д. С. Лихачева:

Появились профессора «красные» и просто профессора. Впрочем, профессоров вообще не было — звание это, как и ученые степени, было отменено. Защиты докторских диссертаций совершались условно. Оппоненты заключали свое выступление так: «Если бы это была защита, я бы голосовал за присуждение...» Защита называлась диспутом. <...> Так же условно было деление «условной профессуры» на «красных» и «старых» по признаку — кто как к нам обращался, «товарищи» или «коллеги». «Красные» звали меньше, но обращались к студентам «товарищи»: старые профессора знали больше, но говорили студентам «коллеги»

Хотя современная лексикография весьма демократична в характеристике вариантов, говорящий нередко больше доверяет своему языковому чутью и отвергает даже допускаемые словарями варианты, считая их для себя неприемлемыми. При использовании отвергаемого варианта в форме питания автор подчеркивает свои языковые предпочтения, интуитивно исходя из того, что речевое поведение пред-

стает как визитная карточка человека в обществе, отражающая регулярное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов. Показателен в этом отношении следующий фрагмент из политического комментария В. Углanova:

Висты и падения подстерегают людей на каждом шагу. Но мышление, как говорил Горбачев, у многих осталось застойным. Получив какую-то должность в правительстве, став депутатом или чиновником госаппарата, человек начинает хапать" (АиФ, 1996, № 5).

Употребление выделенного автором грубо-просторечного *хапать* в известной степени задается намеренным указанием на выбор одного из двух допустимых акцентных вариантов слова *мышление* как примету определенного, по мнению автора, речевого и социального типа.

Чрезвычайно ценный материал для изучения лексикона современной языковой личности дает «Русский ассоциативный словарь», отразивший результаты широкого ассоциативного эксперимента и являющийся «моделью речевых знаний носителей русского языка, представленных в виде ассоциативно-вербальной сети, позволяющей объяснить феномен владения языком». В послесловии к Словарю Ю. Н. Караулов отмечает, что отклонения от нормы в индивидуальной речевой деятельности связаны с автоматизированным воспроизведением узуальных ненормативных моделей словоупотребления. «Ассоциативно-вербальная сеть, отражающая предречевую готовность усредненной языковой личности, естественным образом вбирает в себя также и ненормативные образования, ускользающие от контроля языкового сознания испытуемых».

Обратившись к ассоциативным полям слов-стимулов, можно «в зародыше» увидеть будущие речевые ошибки, как правило, достаточно характерные для усредненной языковой личности. Наряду с незнанием точных форм слов, неправильным словообразованием в реакциях (главным образом синтагматического типа) зафиксированы нарушения лексической сочетаемости:

преследовать — свои планы, застенчивый — поступок, стеснительный — бюстгальтер, становиться — в амбицию, зеркало — сломанное, повод — предоставился, предоставлять — себе что-л., труд — благотворительный, принимать — купаться в ванной, земля — заляпана дождем, долг — заплачен, сжатый — шелк, поднять — тост.

Во многих случаях отраженное в реакциях нарушение лексической сочетаемости связано с неправильным выбором из группы паронимов. Потенциальная ошибка паронимического типа кроется в реакциях *снять — одет, будничный — воскресный.*

Вообще те участки лексикона, где представлены паронимы и паронимазы, являются зоной особого риска для говорящего и пишущего, требуют особого контроля, который нередко и наблюдается в устной речи в виде самокоррекции. Отсутствие контроля и недостаточная языковая компетентность вызывают многочисленные ошибки:

— Надеюсь, что в следующий раз вы будете более удачны: — Мы должны уметь говорить на уроке. Язык — наше оружие: — Я тебя запекла на пятнадцать суток за разговорчики: — Сколько I нужно карточек на стилистические пометки?

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь Совдепии. — СПб, 1998. С. 5–21.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Уважаемый читатель!

Вы открыли словарь, который на время вернет Вас в наше недавнее языковое прошлое — советское социалистическое.

Тогда этот 70-летний социоллингвистический феномен именовался языком советской эпохи. Лексические единицы, отражавшие советские реалии, получили название советизмов и активно изучались в семантико-парадигматическом и словообразовательном плане, в тесной связи с историей советского общества рассматривалась динамика их семантической структуры. Проникновением советизмов в различные языки мира подтверждалось всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Иностранцам, изучавшим русский язык, предназначалась лингвострановедческая интерпретация советизмов, в том числе в идеологизированных лингво-страноведческих словарях, переводчикам предлагались способы адекватной передачи безэквивалентной советской лексики средствами других языков. Считалось, что эти лексические единицы представляют собою своеобразную летопись новой жизни, в них запечатлены новые общественные отношения, этапы нашей борьбы, созидательного труда и побед советских людей.

Перестроечный «ветер перемен» не только динамизировал словарный состав языка и пошатнул нормы большинства языковых уровней, он разрушил и традиционную интерпретацию истории развития русского языка после октября 1917 года.

Новое время принесло новые определения для «новояза», политизированного советского языка. Современные исследователи называют его языком тоталитаризма, рассматривают как форму отражения «идейного мифотворчества», развенчивая при этом личностные и общественные мифы, догмы и отражавшие их «мифологемы», бытовавшие в советской печати.

Такого рода ретроспективные оценки советизмов во многом соответствуют их доперестроечной квалификации западными лингвистами и лексикографами.

Говоря о впечатляющих масштабах речевого воздействия тоталитарной системы на языковую личность, лингвисты постсоветского времени видят в «новоязе» тоталитаризма средство подавления духовности, индивидуальности, свободы мысли. В работах последних лет подробно описаны такие характерные черты языка советской эпохи, как минимизация активного словарного запаса, тяга к сокращению слов с целью отсека нежелательных с идеологической точки зрения ассоциаций (**агитпроп**, **шкраб**), создание эвфемизмов, перифраз для «словесного камуфляжа» антинародной сути коммунизма (**сексот**, **секретный сотрудник** — осведомитель КГБ, **высшая мера социальной защиты** — смертная казнь), идеологизация, политизация нейтральной лексики (**партия**, **свобода**), превращение фразеологии из устного народного творчества в творчество партийно-административного аппарата, трансформация фразеологии в «лозунгологию». Во всей красе представлены читателям чудовищные, абсурдные мотивировки советизмов, в том числе топонимов, используемые «партийными горе-лингвистами» (**Ивано-Франковск**, **Сталиногорск**, **Ежово-Черкесск**, ул. **Тулинская** — от псевдонима В. И. Ленина — К. Тулин), уродливые словообразовательные модели (**человеко-день**, **скважино-час**, **свино-место** и даже орфографические казусы советской номинации — **ИльичЕвск**). Яркие, свежие, эмоциональные описания языка тоталитаризма в монографиях, научных и научно-популярных статьях называют у определенной части «лингвистов-пассионариев» страстное желание бороться (опять!), обличать, громить остатки ненавистной социальной системы и ее языка.

А что же наш постсоветский народ? — Он давно не вспоминает о «беззаветно преданных делу революции пламенных борцах за светлое будущее рабочего класса», а памятники им иронично окрестил **чучелами**, **головами** (бюсты) или добродушно — **Вовчиками** (памятники В. И. Ленину), деидеологизировал их назначение: «Ну, чао, завтра у чучела в девять»; «Встречаемся у головы»; «Забил стрелку в шесть часов у Вовчика». **Мавзолеем** в разговорной речи шуточно называется «место, на входе которое обычно стоит большая очередь, например, винный магазин». **Профсоюзом** именуют свое сообщество гомосексуалисты. Сюда хорошо вписалось и слово **активист** — активный гомосексуалист (Я — молодой!, 1995, № 8). По звуковому облику совпадает с советизмом сленговое **нарком** /от **наркоман**/ (Моск. коме., 20.12.91.). В ряду жаргонизмов **политура** (алкоголик), **политуризм** (пьянство, алкоголизм) появилось шуточное **политрук** — опустившийся алкоголик (Я — молодой, 1995, № 15). Интересны примеры словообразования на базе советизмов: **посельсоветоваться** — *шутл.* посоветоваться, **откоммуниздить** — избить кого-л., **скоммуниздить** — украсть что-л., **Кирзавод**, **Кирной завод** — *шутл.* завод им. Кирова в Санкт-Петербурге /ср.: **кир** — пьянство; вечеринка со спиртным; спиртное, алкогольные напитки/.

Советские микротопонимы и другие имена-названия в соответствующей речевой обработке полюбили молодежь и продолжают свою сленговую жизнь после их официальной отмены, переименования или даже полного исчезновения обозначаемых ими объектов. Такие слова, как и приведенные выше шуточные переосмысления, наряду с традиционными советизмами (**субботник**, **ударник**) включены в наш словарь: **ЯШКА**. 1. *Бывшая площадь Свердлова в Москве.* 2. *Место, где раньше стоял памятник Я. М. Свердлову.* — Находим приемщика у «Яшки». Так именуется место, где стоял памятник Свердлову. Здесь, у «Яшки» Кристина отдала долг. **БОНЧ**. *Ленинградский (СПб) электротехнический институт им. Бонч-Бруевича.* — В вузах же под видом танцевальных вечеров и проходили концерты... Университет, «Бонч», военмех — надо бы там вывесить мемориальные доски. **НОГА**. *Бывшая площадь Ногина в Москве.* — Нога — до недавнего времени — место сбора панков.

На основе самых разных ассоциаций шуточно переосмысляются советизмы — устойчивые словосочетания различных типов: **Красный богатырь** — мужской половой член (Я — молодой, 1995, № 15). **Труба зовет!** — призыв собраться на Трубной площади, излюбленном месте тусовок хиппи в Москве. «Пиплы! Труба зовет! Все на тусовку». Особенно экспрессивны трансформации идиом и «крылатых слов», когда советской символикой наполняется та или иная фразеологическая модель типа серпом по

молоту (ср.: мордой об лавку) или в выражения-советизмы включаются современные реалии: **Queen и теперь живет всех живых** (Я — молодой, 1996, № 36); **Гайдар — матерый человечик** (Коме. пр., 05.11.94); **Жизнь дается один раз, и прожить ее надо в Крыму** (СПб вед., 23.07.94); **Власть и деньги — близнецы-братья** (Пр., 13.08.92); **Говорим «МММ», подразумеваем — Ленин** (Комс. пр., 05.08.92); **Леня — это звучит гордо** (Комс. пр., 14.04.94).

Далеко не всем советизмам таким счастливым образом удалось пережить свое время. Некоторые из них устарели еще при советской власти: **безлошадник, волисполком, бригадмил, синеблуз, совслуж** и т.п. Уже в доперестроечных толковых словарях они употребляются с пометой *устар.* Основная же масса этой лексики переходит в разряд историзмов со скоростью, прямо пропорциональной скорости экономических и социальных реформ. Некоторая иллюзия живого функционирования советизмов поддерживается частотностью их бывшего употребления на страницах советской периодической печати, общественно-политической и художественной литературы, еще не утратившей своей актуальности. Поскольку потенциально вся советская лексика относится к разряду устаревшей, но передвижение ее из активного словарного состава в пассивный еще далеко не завершено, разработка принципов использования пометы *устар.* в словаре языка Совдепии могла бы оказаться наиболее серьезной из всего комплекса проблем стилистической параметризации материала.

Считая, что квалификация советизмов по данному параметру была бы весьма условной и субъективной, авторы сочли возможным отказаться от пометы *устар.* Тем не менее, в рамках словарной статьи читатель получит информацию о возрасте советизма — времени его возникновения, наиболее активного функционирования, перехода в «языковой пассив». Эти сведения в той или иной форме вводятся в толкование: **АВТОДОР**, а, м. *Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог (1927-1935 гг.)*. АГС, 18. **ПРОДНАЛОГ**, а, м. *Продовольственный налог (натуральный налог с крестьянского хозяйства, введенный в Советском государстве в 1921 г. взамен продразверстки и взимающийся до 1923 г.)*. МАС, т. 3, 480. **ВЗАИМОКОНТРОЛЬ**, я, м. *Массовый пролетарский взаимоконтроль. Вид рабочего контроля в первые годы советской власти*. Шкаратан, Ваксер, 113.

Советская художественная литература, газетные и журнальные публикации общественно-политического характера являются источником иллюстраций, также включающих датировку: **ГУБНАРОБРАЗ**, а, м. *Губернский отдел народного образования*. В сентябре 1920 года заведующий губнаробразом вызвал меня к себе. Макаренко, 1973, 3. **ПОДРУГА**, и, ж. ****Сто тысяч подруг — на трактор!** *Призыв к женщинам осваивать профессию механизатора*. На клич, брошенный в 1938 году, «Сто тысяч подруг — на трактор!» — откликнулись двести тысяч советских женщин. Календарь, 1983, 12 янв. **ВОЛЫНКА**, и, ж. Разг. *Одна из форм саботажа — затягивание и остановка производственного процесса*. В феврале-марте 1922 г. им удалось организовать «волынки» на целом ряде предприятий Петрограда. Шкаратан, Ваксер, 125.

Приводимые в словарной статье библиографические сведения об источнике, в частности год его издания, также могут быть весьма полезными при установлении времени возникновения и активного употребления советизма: **ПРАВДИСТ**, а, м. ... 2. *Сторонник газеты «Правда» и ее политического курса*. Во многих городах при партийках организуются кружки «Правдистов». Задача этих кружков — рядовых членов партии и беспартийных рабочих и крестьян научить читать «Правду». РКК, 1925, № 1, 79.

Иллюстрации из лингвистической литературы советского периода непосредственно передают компетентное мнение специалистов об актуальности описываемых лексических единиц для определенного времени: **ПЕРЕКОВКА**, и, ж. *Моральное и политическое перевоспитание*. Такова судьба послеоктябрьского слова *перековка*, очень распространенного в 20-30 годы, когда во весь рост поднимался вопрос о моральном и политическом перевоспитании «бывших» людей и деклассированных элементов. Когда проблема «перековки» была решена, новое слово перековка перешло в пассивный запас слов современного русского языка. Ильенко, Максимова, 263. **ВОЛСЕКРЕТАРИАТ**, а, м. *Волостной секретариат*. Стали историзмами: *волсекретариат, культячейка, совработник*. Ильенко, Максимова, 270.

Художественная и общественно-политическая литература, в том числе периодические издания доперестроечного периода, соответствующим образом отразившие советскую действительность и ее советское восприятие, как и толковые словари того времени, стали базовыми при отборе материала для словаря советизмов.

Директивы партии касались в то время многих далеких от политики сфер жизни человека. Элементы политизированного языка Совдепии проникали в книги о судовых двигателях внутреннего сгорания, справочники машиностроителя, токаря, учебники типа «Материаловедение для столяров и плотников»,

«Основы вокальной методики», «Современная русская пунктуация». Адаптированные советские тексты были широко представлены в букварях, книгах для чтения (1-2 класс), календарях школьника и т.п. Они также включены в список источников нашего словаря.

Неофициальную точку зрения на Совдеп и соответствующее употребление советизмов читатель увидит в цитатах из произведений Б. Окуджавы, В. Войновича, С. Довлатова, М. Веллера, написанных в советский и постсоветский период. Частушки и анекдоты, отражающие советские реалии (записи 1980—1998 гг.), также использованы в качестве иллюстраций.

Таким образом, по замыслу авторов, Словарь языка Совдепии, с одной стороны, должен всесторонне представить советскую эпоху в лексическом отображении, а с другой — раскрыть особенности «двойной жизни» советизмов при Советах, показать их постсоветскую судьбу, функционирование в новом качестве, с изменившимися коннотациями, всевозможными структурно-семантическими трансформациями, переходом в разряд жаргонной лексики и т. п.

<...>

Излагая концепцию словника, воспользуемся традиционной терминологией, выделяя в качестве объекта лексикографического описания, во-первых, семантические советизмы — новые общественно-политические значения и оттенки значений изначально нейтральных, неидеологизированных слов. При таком подходе семантическая структура многозначного слова будет представлена в словаре лишь политизированными, «советскими» лексико-семантическими вариантами (**Белый** — 1. *Действовавший против советской власти в годы гражданской войны*; 2. в знач. сущ. *То же, что белогвардеец*), а в большинстве случаев редуцируется до одного значения:

БЕСЕДА, ы, ж. *Собеседование на политические темы*. В гулкой тишине цеха отчетливо звучали увлеченные, перебивающие друг друга голоса. — *Беседа проводится, — догадался Полозов*. ССРЛЯ, т. 1, 501.

БОЛТУН, а, м. *Тот, кто разглашает тайну, секретные сведения*. Откуда Олег Андреевич узнал про письмо из Румынии? Завелся, видимо, болтун в канцелярии. ССРЛЯ, т. 1, 693. Болтун — находка для шпиона (лозунг времен сталинских репрессий).

ВОЖАК, а, м. *Руководитель, организатор масс*. Комсомольский вожак. Подлинный вожак аула. Молодой народный вожак. ССРЛЯ, т. 2, 365.

Иногда возможно и расширение семантической структуры советизма за счет появления разговорных, жаргонных лексико-семантических вариантов:

ПИОНЕР¹, а, м. 1. *Член добровольной детской (от 9 до 14 лет) коммунистической организации*. Верещагин, Костомаров, 1976, 91. Отряд пионеров. Стать пионером. КТСРЯ, 131.

2. *Человек, первым начавший какое-л. дело*. = **Пионеры коммунистического строительства**. *Патет. О коммунистах Советского Союза, советском народе*. На долю советского народа, партии коммунистов Советского Союза выпала великая миссия — быть пионерами коммунистического строительства. М-лы XXII съезда КПСС, 4.

3. Жарг. мол. *Новичок в какой-л. молодежной группировке*. Люди в «системе» очень разные. Есть *олдовые* и *пионеры* — новички. Запесоцкий, Фаин, 100. Пионер — это человек, только въезжающий в тяжелую музыку и не успевший отрастить лохмы. Я — молодой, 1993, № 8.

4. *Мужское имя (1920-1930 гг.)*. Имена неологизмы. У алтайцев зафиксированы: Комсомол, Пионер, Товарищ. Бондалетов, 132.

Лексико-словообразовательные советизмы — новые слова, созданные различными способами для обозначения советских реалий (**аулсовет, воскресник, бамовчата**) или советской интерпретации «новой жизни» с монументализацией, возвеличиванием, героизацией «социалистического труда», «социалистического образа жизни»: **новостройка, автогигант, новояз, ословодство, верблюдосовхоз** и т. п.

У словообразовательных советизмов с течением времени тоже развиваются коннотации с противоположным знаком, появляются новые самостоятельные значения, отражающие неофициальный взгляд на советскую систему:

СОВДЕП, а, м. 1. *Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (в первые годы советской власти)*. АГС, 336. Обращаюсь к материалам Совдепа. Так сокращенно называли Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. СиШ, 1985, № 4, 18. Концерты, игры и танцы с раздачей угощения. Такие развлечения были организованы, например, в Петергофском районе по инициативе местного совдепа. Монжале, 209.

2. Разг. Пренебр. *Советская власть; советская государственная система*. После двух пол-литровых бокалов, выпитых до дна, к жене вернулся дар речи. «Сранный совдеп, — тихо произнесла, — и здесь достал». МК, 25.02.92.

3. Разг. Пренебр. *Советская действительность*. «Совдеп сделал меня такой», — плачется московская пункерша Тонька. Запесоцкий, Фаин, 171.

Новые лексико-семантические варианты советизмов в качестве производящей базы включаются в процессы словообразования, результаты которых также отражены в словаре:

СОВДЕПИЯ, ни, ж. 1. *Советская страна*. Они живописуют ненавистную им рабоче-крестьянскую «Совдепию». На посту, 1923, № 1, 151.

2. Разг. Пренебр. *То же, что совдеп 2*. Здесь [в неформальных молодежных группировках] с презрением относятся к совдепии. Ненашев, Пилатов, 72.

СОВДЕПОВСКИЙ, ая, ое. Разг. Пренебр. 1. *Советского производства*. Ты что, сходишь с ума от всего иностранного, как многие молодые, презирая все «совдеповское». СтМ, 1991, № 3, 80.

2. *Свойственный советским людям*. Тут еще примешивалось совдеповское умение прятать кукиш в кармане. Пульс, 1991, № 11, 30.

СОВОК, вка, м. Разг. 1. *Советский Союз*. Никто не трогал обычный бюст Ленина, которых миллионы по всему совку. Моск. коме., 11.09.91. Вырученные динары обмениваешь на марки, марки везешь в Совок. СтМ, 1991, № 3.

2. Ирон. или пренебр. *Советский человек, житель СССР*. Это советские люди, совки. Мы, 1990, № 2, 12. Апология совка (название статьи). Любимо блюдо совка — это колбаса. Совок исповедует самое передовое в мире, единственно верное и всепобеждающее учение — марксизм-колбасизм. Апология — ^тор и сам не знает, что это такое. Автор, знаете ли, и сам совок. Моск. коме., ^0.07.92. Он учил ее русскому. «Ту» — это «два» — two. «Тусовка» — это Значит «два совка». Юность, 1991, № 10, 15.

3. Неодобр, или пренебр. *Что-л. пронизанное советской идеологией*. Этот фильм — такой совок. Сегодня существует реальная опасность, что «совок» с его худсоветами может вернуться на эстраду. Я — молодой, 1994, № 9.

4. Неодобр, или пренебр. *Ярый сторонник коммунистов (в постсоветский период)*. У него предки — крутые совки. Рожанский, 1992, 45.

5. Жарг. студ. *Советская литература (учебный предмет)*. Когда совок сдаем? Какой по совку учебник взять? Никитина, 1996, 194.

Все производные от основы **совок-**, дающие представление о степени ее словообразовательной активности (**совковый, совково, совковость, совочек** и др.) нашли отражение в словаре, в соответствии с нашей концепцией расширения словника за счет лексики, отражающей негативное отношение к светлым идеалам».

Специфическую группу советизмов, согласно этой концепции, составят лексические единицы разговорной сферы, отражающие прозаические реалии «нового» социалистического быта. Среди семантических и словообразовательных советизмов таких слов немало:

БЛАТНИК, а, м. Разг. *Человек, пользующийся связями, знакомством для получения, достижения чего-л. незаконным способом*. В этом взоре Рудина прочла нечто более серьезное, чем недовольство присутствием в отделе блатников (Штенлер). СМ-82, 30.

ВЫБРОСИТЬ, шу, сит, сов. что. Разг. *Пустить в продажу (о партии дефицитного товара)*. Подбжавшая Демьянова шепнула, что в универмаге выбросили платки и носки. ССРЛЯ, т. 2, 662.

Третью группу условно назовем стилистическими советизмами. Сюда вошли те самые стереотипные номинации, которые передают идеологические мифологемы (**вождь мирового пролетариата** — о В. И. Ленине, **гениальный вождь и учитель** — о В. И. Сталине) и используются с определенным стилистическим заданием, например, подчеркнуть официальность или торжественность сообщения.

Помимо подобных перифраз, которых в языке совдепа было великое множество (**отец народов, Кремлевский горец, стройка века, внучата Ильича** и т. п.), в словарь Совдепии включены и специфические примеры использования «несоветской» лексики, обычно снабжаемой в словарях пометами «высок.», «книжн.», «патет.» Сочетаясь с определенным кругом лексем в «советском контексте», они создают особый пафос повествования о социалистической действительности и коммунистическом завтра: **БЕЗГРАНИЧНЫЙ**: безграничное доверие народа, безграничная вера в дело коммунизма; **БЕЗЗАВЕТНЫЙ**: беззаветный борец за дело социализма, беззаветная преданность делу революции; **БЕССМЕРТНЫЙ**: бессмертное имя (дело) Ленина (Сталина); **ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ**: под водительством [мудрой] партии Ленина и т. п.

Одной из основных задач словаря была попытка как можно более полно отразить сочетаемость слов-символов советского времени. Особо важным это является для традиционного лексикона, обросшего идеологическими коннотациями:

ДОЛГ, а, м. Обязанность перед кем-л. = = **Священный (почетный) долг**. Высок. *О несении воинской службы*. Честно выполнять свой священный долг — несение воинской службы в вооруженных силах Советского государства. ИКПСС, 445. Защита Отечества есть почетный долг каждого гражданина СССР. ИКПСС, 445. = = **Люди высокого долга**. Патет. Рассказы о людях высокого долга (Назв. рубрики). Правда, 1969. = = **С сознанием выполненного долга**. Уезжал из Запорожья с сознанием выполненного долга. Брежнев, 1978, 39. ***Патриотический долг**. Патет. Обязанности по отношению к родине, отечеству выражает понятие «патриотический долг». Ребрин, 33. ***Моральный долг [строителя коммунизма]**. Патет. Понятие морального долга строителя коммунизма рассматривалось в ряде специальных статей советских философов. Моральный долг — это этическая категория, которая выражает обязанности человека по отношению к обществу, коллективу и отдельным людям. Ребрин, 94. ***Общественный долг**. Патет. Понятие общественного долга выражает обязанности перед обществом в целом. Ребрин, 33. ***Классовый долг**. Патет. Классовый долг — обязанности по отношению к классу. Ребрин, 33. ***Партийный долг**. Патет. Партийный долг — обязанности по отношению к партии. Ребрин, 33. ***Гражданский долг**. Патет. Гражданский долг может быть трудовым, воинским и т. п. Ребрин, 35. ***Трудовой долг**. Патет. Трудовой долг можно подразделить еще на трудовой долг рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции или в зависимости от принадлежности к профессии — трудовой долг химиков, машиностроителей, строителей, горняков и т.п. Ребрин, 35. ***Профсоюзный долг**. Патет. ***Комсомольский долг**. Патет. Существуют еще понятия «профсоюзный долг», «комсомольский долг». Ребрин, 33. ***Интернациональный долг**. Патет. Поддержку мирового освободительного движения народы братских стран социализма рассматривают как свой интернациональный долг. Глезерман, 1974, 75. СССР по просьбе правительства Венгрии, выполнял свой интернациональный долг, оказал действенную помощь братскому венгерскому народу в ликвидации контрреволюционного мятежа. ИКПСС, 562. Поддержка Вьетнама — это наш интернациональный долг. Брежнев, т. 4, 109.

Таким образом, мы подошли к проблеме отражения в словаре устойчивости неоднословных советизмов. Эти единицы различаются степенью идиоматичности, наиболее яркие показатели которой — уровень экспрессивности, воспроизводимость, целостность значения.

Идиомы, перифразы и «крылатые слова» со всеми их трансформациями объединяются в словаре под знаком ** (**степной богатырь** — трактор; **старший брат** — о русском народе по отношению к другим народам СССР; **светлое будущее** — коммунизм; **светлое капиталистическое будущее**; **владыкой мира будет труд**; **есть, к сожалению, и такая партия**; **в буднях великих строек**), составные наименования нефразеологического характера — под знаком * (**безлошадное хозяйство**, **комсомольский билет**, **бригада рабочей гарантии**, **вечер интернациональной дружбы**, **общественный долг**). Эти единицы располагаются в словарных статьях либо по компоненту-советизму, либо традиционно — по первому компоненту-существительному, а при его отсутствии — по первому компоненту-прилагательному, -числительному, -местоимению, -глаголу, -наречию с соответствующими отсылками и в том, и в другом случае. Традиционная сочетаемость (поступь развитого социализма, исполнинский план, с сознанием выполненного долга) отмечена знаком = = .

Для составных общественно-политических терминов иногда сохраняются идеологизированные дефиниции из политических и философских словарей советского времени. Заголовочное слово статьи при этом, как правило, не толкуется:

АТЕИЗМ, а, м. ***Научный атеизм**. *Одна из философских дисциплин, изучающая источники и причины появления религии, ее живучести, существования в конкретных условиях; дает научную (с позиций марксизма-ленинизма) критику всех вероучений*. КПСП, 18.

В других случаях, когда официальное толкование составного наименования особенно громоздко, но логически выводимо из значений компонентов, семантизацию получает лишь заголовочное слово статьи:

БАЗА, ы, ж. *Основа чего-л.* ***Материально-техническая база коммунизма**. Главная задача партии и народа — создание материально-технической базы коммунизма. ИКПСС, 616. Важным этапом в создании материально-технической базы коммунизма является принятый XXI съездом семилетний план развития народного хозяйства. М-лы XXII съезда КПСС, 46.

<...>

С особой последовательностью авторы старались проработать систему грамматических помет, которые помогли бы донести до читателя особенности словоизменения малоупотребительных и устаревших советизмов. Для передачи звукового облика аббревиатур первых лет советской власти использовались элементы фонетической транскрипции.

Так называемые стилистические пометы передают принадлежность советизма к определенному функциональному стилю (*книжн., офиц.-дел., проф., разг., прост.*) или еще более конкретизируют сферу употребления: **народный доход** (*полит.-экон.*), **подив** (*воен.*), **стахановский (ударный) паёк** (*лаг.*), **коммунизм** — это **молодость мира** (*поэт.*), **совок 4**. (*жарг. студ.*), **красная тачка** (*жарг. компьют.*), **нарком 2**. (*жарг. парк.*).

Сохранены и пометы *высок., патет., сниж., груб.* и т. п., отражающие характеристику, традиционно называемую «стилистической окраской». Прагматические аспекты этого параметра передаются пометами *назидат.* — **пионер** — **всем ребятам пример**, *порицат.* — **поджигатель войны**, **расхититель**, *осуд.* — **вещепоклонство**, **пережитки прошлого**, **оторваться от масс**, *эвфем.* — **ограниченный контингент**, **высшая мера соцзащиты**, **отряд плодородия**.

Шкала эмоционально-оценочных помет выглядит следующим образом: *шутл.* (завпишмашинка), *ласк.* (коммунушка), *одобр.* (честный труженик), *неодобр.* (тюрьма народов), *ирон.* (битие определяет сознание), *пренебр.* (коммуняка) *презр.* (соглашатель). Используются и комбинированные пометы: *шутл.-ирон.* (курица не птица, Болгария не заграница), *шутл.-пренебр.* (кулёк — культпросвет училище), *разг.-пренебр.* (левацкий), а также комбинации помет: **солнце Октября** (*Патет. Поэт.*), **по ленинским местам** /об ударе и т. п./ (*Шутл. Эвфем.*), **скоммуниздить** (*Шутл.-ирон. Эвфем.*), **диссидент** (*Неодобр. или бран.*).

Особо следует сказать о зыбкости границ между сферами действия отдельных стилистических помет: *высок.* и *патет.*; *осуд.* и *порицат.*, а также о нейтрализации некоторых стилистических противопоставлений в языке советского периода. Поскольку советизмы создавались в основном официальной пропагандой и внедрялись, «раскручивались» именно через публицистику, их официально-публицистический фон должен был восприниматься как норма языка, а героика и монументализм как норма жизни. Таким образом, понятие нейтрального в языке Совдепии несколько сместилось. С учетом этого мы были вынуждены снять пометы *публ.* и *офиц.* при стилистической квалификации материала.

<...>

Словарь советизмов должен по возможности полно отразить и советскую ономастику. <...>

Среди антропонимов резко выделяются личные имена — неологизмы советского периода: *Марлен* (от *Маркс, Ленин*), *Ор* (от *Октябрьская революция*), *Аагюмивар* (*Лагерь Шмидта в Арктике*), *Оюшминальд* (*Отто Юльевич Шмидт на льдине*), *Красарма* (*Красная Армия*), *Даздраперма* (*Да здравствует Первое мая*) и др. Они получают в словаре толкования и/или иллюстрации, раскрывающие их мотивировку: **НИНЭЛЬ**, и, ж. *Женское имя (обратное прочтение слова «Ленин»)*. Бондалетов, 1983, 132. **РИКС**, а, м. *Мужское имя (из сочетания «рабочих и крестьян союз»)*. Бондалетов, 1983, 132. **ТРАКТОРИНА**, ы, ж. *Женское имя. Совпало это с выпуском первого трактора. Приехал отец, пошли в сельсовет и нарекли девочку Тракториной. Работница*, 1984, № 7, 15.

Семантической антропонимизацией называет В. Д. Бондалетов возникновение имен собственных на базе слов идеологической семантики: *Атеист, Декабрист, Товарищ, Танкист* (мужские имена), *Свобода, Воля, Идея, Заря, Плаката* (женские имена). Эти антропонимические значения включены в семантическую структуру многозначных слов как отдельные лексико-семантические варианты, не утратившие связь с исходным значением.

Аналогичный семантический статус и соответствующее лексикографическое отображение получают зоонимы-советизмы:

КОММУНАРКА, и, ж. 1. Женск, к **коммунар 1**. Ушаков., т. 4, 1424; БАС. т. 5, 124.

2. *Кожаная фуражка*. Стройный и гибкий, с коммунаркой на голове, в истертой коричневой шинелишке — это Андреев! Фурманов, 1979, 18.

3. *Кличка коровы*. Сталтмане, 1989, 92.

Среди русских фамилий советизмов с точки зрения мотивировки намин не обнаружено. <...> В наши задачи входило показать вторичные функции антропонимов — использование их в составе пословиц, крылатых слов и идиом (*Маркс твою Энгельс! Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия*), а также их вторичную онимизацию — превращение в топонимы (географические названия), эргонимы (собственные имена деловых объединений людей, в т. ч. учреждений, предприятий, колхозов) или их компоненты — г. Дзержинский, фабрика «Знамя Ленина», колхоз «Память Кирова».

В таких случаях антропоним-вокабула снабжается краткой энциклопедической справкой, а статья строится следующим образом:

СТАЛИН¹, а, м. /И. В. Сталин, советский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС с 1922 по 1953 г./ = = **Гениальный (мудрый, гуманный) Сталин**. Патет. Некоторые из официальных эпитетов: гениальный Сталин, мудрый Сталин, гуманный Сталин. Росси, т. 2, 390. ****Сталин — это Ленин сегодня**. Патет. *Один из лозунгов сталинского периода*. Купина, 47; Росси, т. 2, 390. ****Сталин — лучший друг артиллеристов (горняков, детей, колхозников, летчиков, писателей, танкистов, угнетенных народов** (смотря по обстоятельствам). Патет. или ирон. Росси, т. 2, 390. ****Сталин без слуг, как без рук** (Посл.). Щит и меч, 24.03.95.

Случаи топонимизации антропонимов-фамилий, когда речь идет об образовании названий городов, крупных поселков, островов, т.е. о проявлении дифференцирующей (индивидуализирующей) функции имен собственных в самой высшей степени, отражаются в словаре как омонимия:

СТАЛИН², а, м. *Название г. Кучова в Албании в 50-е гг.* Город в Албании б. Кучова), переименован в честь И. В. Сталина. МСЭ, т. 3, 313.

СТАЛИН³, а, м. *Название г. Брагиова в Румынии в 50-е гг.* Город в Румынии б. Брашов), переименован в честь И. В. Сталина. МСЭ, т. 3, 313.

СТАЛИН⁴, а, м. *Бывшее (50-е гг.) название города Варна в Болгарии*. Варна — город в Болгарии, переименованный по просьбе трудящихся в 1949 году в город Сталин. МСЭ, т. 3, 260.

Среди русских отчеств колоссальным «советским культурным фоном» обладает слово *Ильич*, которое требовало особо тщательной лексикографической обработки, в т. ч. во вторичных онимических функциях:

ИЛЬИЧ, а, м. Ласк. В. И. Ленин. Ильич стал рваться в Россию, вспоминала Н. К. Крупская. Куликовская, 9. Это была целая программа действий, с которой Ильич выступил в Таврическом дворце на собрании большевиков. Филиппов, 46. Путиловцы заверили Ильича, что его наказ они выполнят. Левитан, 54. А он в синей рабочей блузе садится за том Ильича (Н. Кузнецов). Комс. поэты, 221. Но кто ж удержится, чтоб славу нашему не воспеть Ильичу? Маяковский, 1982, т. 1, 25. Мне дал задание Ильич. Мне дал особое задание: за кирпичом кладу кирпич в коммунистическое здание. Аверкин, 19. А родом я из скромного поселка, где нас учили жить по Ильичу (Из песни М.Распутиной). = = **Дорогой (родной) [наш] Ильич**. Ласк. Дорогой наш Ильич. Шкаратан, Ваксер, 132. К славному юроду Туле она [улица Тулинская] отношения не имеет, а поименована по одному из многочисленных псевдонимов «дорогого Ильича» — К. Тулин. Горбаневский, 76. Теперь бы наш родной Ильич порадовался с нами. Кн. для чтения, 258.

// в назв. колхозов, заводов. Л. Д. Брызга, оператор машинного доения колхоза-комбината «Память Ильича». Пион. пр., 21.04.89. На заводе Ильича мой станок, ровесник деда (А. Богучаров). Огонек, 1972, № 37, 17.

// в сост. внутригородских топонимов. Еще в 1919 году взамен старинной московской Рогожской заставы на карте столицы была учреждена застава Ильича. Горбаневский, 75. В доме восемь дробь один у заставы Ильича жил высокий гражданин по прозванию «Каланча». Михалков, 1960, 113. Сад «Память Ильичу» займет площадь до 6000 га. Кал.-81, 1 авг.

Помимо этого всемирно известного отчества в словарь включены псевдонимы — партийные клички В. И. Ленина и его соратников, а также прозвища, данные народом своим партийным вождям и даже их воплощениям в городской скульптуре:

СТАРИК, а, м. *Конспиративное прозвище В. И. Ленина*. Партийная кличка Ульянова — Старик. Подольская, 1988, 65.

УС, а, м. Лаг. В. И. Сталин. Росси, 1991, т. 2, 391, 428.

ВОВЧИК, а, м. Жарг. Шутл.-ирон. В. И. Ленин (чаще — о бюсте, памятнике В. И. Ленину). Забили стрелку в шесть часов у Вовчика. Никитина, 29. Тебе еще припомнят, как ты студентов напрягла Вовчика из вестибюля вынести. Никитина, 29.

ЯШКА, и, ж. Жарг. мол. Шутл.-ирон. *Площадь Свердлова (бывшая) в Москве, а также место, где раньше стоял памятник Якову Свердлову*. Мазурова, 138. Находим приемщика у «Яшки». Так именуют место, где раньше стоял памятник Свердлову. Здесь, у «Яшки» Кристина отдала долг. Комс. пр., 20.10.91.

<...> В словарь языка Совдепии вошли отантропонимические дериваты с богатейшим «советским культурным фоном» — наименования людей — членов каких-л. общественных группировок и участников патриотических кампаний, движений. В основе мотивировки таких номинаций — фамилии руково-

дителей, зачинателей движений, починов: **БУСЫГИНЕЦ**, нца, м. *Участник движения ударников в автомобильной промышленности /по имени зачинателя движения А. Х. Бусыгина/*. **КРИВОНОСОВЕЦ**, вца, м. *Машинист-передовик, последователь П. Ф. Кривоноса, новатора на транспорте, который выступил инициатором повышения вдвое скорости грузовых поездов.*

Специфические отантропонимические (от фамилий первых лиц государства) дериваты, близкие к сортовым названиям и обозначающие исключительно советские реалии, также получают лексикографическое отображение с соответствующим этимологическим комментарием: **АНДРОПОВКА**, и, ж. *Разг. Водка «Московская», цена на которую была снижена во время пребывания Ю. В. Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.* **ХРУЩОБА**, ы, ж. *Разг. утл.-ирон. То же, что хрущовка.* **ХРУЩОВКА**, ы, ж. *Разг. Малогабаритная квартира (обычно — в типовом пятиэтажном доме, которые в большом количестве строились в 50—60-х гг.).*

Советское ономастическое пространство заполняют преимущественно топонимы и антропонимы, а также эргонимы: завод «Красный Октябрь», швейная фабрика «Большевичка», колхоз «Путь к коммунизму», совхоз «Красный богатырь», Волжская ГЭС им. XXII партсъезда. Некоторое количество советизмов зафиксировано среди зоонимов — это патриотические клички коров, лошадей: *Пионерка, Ударник, Патриот* и т. п. Хремотонимы — имена уникальных предметов материальной культуры — единичны: ледокол «Ленин», броневик «Враг капитала». Сортные наименования и товарные знаки, относящиеся к коммерческой номенклатуре советского периода, были включены в словарь в большом количестве: бензопила «Дружба», велосипед «Орленок», Первомайская (порода кур), Герой (сорт картофеля) и т.п. Идеонимы-советизмы представлены здесь многочисленными названиями периодических изданий («Советский патриот», «Заря Востока», «Красный пролетарий» и пр.), названиями праздников (*Первомай, Октябрьские, День советской науки*) и документонимами — *Декрет о земле, Моральный кодекс строителя коммунизма.*

<...>

Задача словаря — дать читателю возможность на какое-то время снова почувствовать себя «колесиком и винтиком одного-единого великого социал-демократического механизма», а затем с позиций современности во всех деталях объективно оценить идеологизированную социалистическую картину мира и еще раз сделать «соответствующие выводы». Ведь, говоря словами известного советского поэта, если словарь составляется, «значит, это кому-то нужно».

2.3. Русская лексика в социально-функциональном аспекте

Щерба Л. В. *Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 113–129*

<...> Оставив для простоты устный литературный язык в стороне, перейдем к разным формам письменного языка. Здесь найдем прежде всего две большие группы его разновидностей: разные формы языка художественной литературы и разные формы делового языка. Обращаясь к последним, мы видим тут канцелярский язык, или стиль, язык законов, научный язык, эпистолярный стиль, переходящий в том смысле, как обыкновенно употребляют этот термин, в форму художественного языка, и другие. Я назвал разновидности, наиболее осознанные среди лингвистов; на самом деле их очень много — достаточно указать на медицинскую разновидность, которую все легко могут себе представить и которая имеет даже свой разговорный язык.

Можно сказать — и многие лингвисты так и думают, — что все эти разновидности в сущности не нужны и что лучше было бы, если бы всё писалось на некотором общем языке. Особенно склонны люди это думать о канцелярском стиле — термин, который приобрёл даже некоторое неодобрительное значение. Конечно, во всех этих разновидностях существуют бесполезные пережитки вроде, например, архаического *оний* канцелярского стиля, но в основном каждая разновидность вызывается к жизни функциональной целесообразностью. Так, основная разновидность канцелярского стиля имеет своей задачей представить все обстоятельства дела во всех их логических взаимоотношениях вместе с выводом из них в одном целом. Отсюда вытекает культура сложных предложений по способу подчинения в канцелярском стиле. И в самом деле, подобным образом хорошо построенные предложения дают возможность читателю всё сразу понять и сразу же принять соответствующее решение. Если изложить содержание такого сложного предложения в виде независимых друг от друга элементов, то читателю потребуется

значительное количество времени и энергии на то, чтобы свести эти элементы в единое логическое целое и сделать соответствующие выводы.

Язык законов требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков; быстрота понимания не является уже в таком случае исключительно важной, так как заинтересованный человек безо всякого понукания прочтёт всякую статью закона и два и три раза.

Зато язык прокламаций, имеющий в виду широкие народные массы, должен схватывать на лету, должен бить в одну точку и не размениваться на мелочи и оговорки — всё это тоже находит своё языковое выражение.

Научный язык имеет свою специфику: строгость в выборе терминов, которые не должны допускать никаких двусмысленностей.

Эпистолярный стиль имеет множество вариантов в зависимости от социальных взаимоотношений корреспондентов. Эти разновидности были всегда так очевидны, что в прежние времена составлялись особые руководства для писания писем, называвшиеся «письмовниками».

Язык художественной литературы имеет, конечно, гораздо больше вариаций, чем деловой язык, но они не так очевидны и во всяком случае не так легко классифицируются. Но главное, что они имеют совершенно иную направленность: они должны рисовать всё то разнообразие разговорных, социальных и отчасти географических диалектов, которые объединяет данный литературный язык. Через язык рисуется та социальная среда, к которой принадлежат действующие лица. При этом всё дело в том, что диалекты вводятся в ткань литературных произведений, конечно, не полностью, а лишь в очень немногих элементах, являющихся как бы условными намёками на данные диалекты. Эти элементы должны быть общепонятны, но входят в литературный язык как особый слой, характеризующий тот или другой диалект или даже язык. Украинские *батько* в смысле отец, *жинка* в смысле жена и многое другое входят в русский литературный язык как украинизмы, но *выдання* — издание, *хвильна* — минута, *пыка* — рожа, морда, *рожа* — роза не войдут в русский литературный язык, пока тем или другим способом не станут общепонятны.

Если начать со способов изображения географически разной среды, то можно вспомнить, что мы говорим, например, о *деревнях* у русских, о *хуторах* на Украине, об *аулах* на Кавказе, о *кишлаках* в Средней Азии, о *заимках* в Сибири. <...>

Любопытно <...> отметить, что в литературном языке почти что нет способов локализовать точнее русские крестьянские диалекты: по-видимому, здесь превалирует социальная точка зрения. Так называемые областные слова, в значительном количестве вошедшие в русский литературный язык, имеют целью характеризовать действующих лиц как крестьян: таковы *зипун* в смысле кафтан, пальто, *панёва* в смысле юбка, *рушник* (ручное полотенце), *зимник* в смысле санный путь, *избоина* в смысле жмыхи, *редина*, *реднина* в смысле редкая ткань, *рядно* в смысле грубый холст и т.д. Сюда же, может быть, относятся и такие слова, как *баловать*, *пошаливать* в смысле грабить, *играть свадьбу* в смысле справлять свадьбу и т.п. Такие слова являются переходными между словами специфически крестьянскими и словами, которые получили в нашей лексикографии название просторечных, т.е. характеризующих людей, не вполне овладевших литературным языком. Надо, впрочем, отметить, что элементы просторечия часто в большом ходу в разговорном языке людей и владеющих литературной речью. Таковы: *авось*, *небось*, *кажись*, *бордовый* (цвет бордо), *боязно*, *ржа* (*ржавчина*) и др.

В таком же плане можно говорить о слое фабричных слов в литературном языке, о слое школьных слов и о многих, многих других слоях.

Особо стоят три, если не четыре соотносительных слоя слов — торжественный, нейтральный и фамильярный, к которым можно прибавить и четвёртый — вульгарный. Их иллюстрировать можно, например, следующими: *лик*, *лицо*, *морда*, *рожа*; *вкушать*, *есть*, *уплетать*, *лопать* или *жрать*.

Совершенно особо стоит стихотворный язык, не с точки зрения его собственно поэтической функции, а с узколингвистической: он традиционно допускает такие слова, которые вовсе невозможны в обыкновенной речи, как, например, *хладный* вместо *холодный*, *пламень* вместо *пламя* и многое другое.

Ещё более особо стоит язык драмы — своеобразный продукт контаминации разговорного и литературного языков.

В заключение этого отдела я должен сказать, что, к нашему великому стыду, многое здесь для нас ещё неясно. Русским филологам предстоит ещё большая работа по созданию настоящей полной стилистики русского литературного языка. В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключить в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном

круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок.

Из всего сказанного ясно, что развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесённых друг с другом.

<...> Разнородность элементов дала основу нашей стилистике; старые книжные элементы продолжают своё бытие в торжественной, возвышенной речи, народные элементы образуют обыденную речь, утончённую зачастую совершенно незаметным для невооружённого глаза французским влиянием, а интернациональная терминология составляет ткань научного языка.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977. С. 107-120

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА

А. Лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная

В русском языке имеется немалый фонд слов с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Оттенки этой окраски чрезвычайно многообразны и обусловлены тем или иным отношением к называемому явлению: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Характер окраски может видоизменяться в зависимости от контекста и речевой ситуации. Например, ласкательная лексика выражает неодобрение: *Что же это ты, батенька, промолчал?! Однако важно то, что та или иная эмоционально-экспрессивная окрашенность у слова при этом остается; за исключением, может быть, очень редких случаев — специальных контекстов нейтрализации окраски. Выразительные же качества слова позволяют зачислять его в языковой фонд стилистических средств.*

Что создает эту окрашенность и почему она так устойчива? Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а следовательно, экспрессивностью (обычно через эмоциональность). Такие слова, как *зубошлеп, разгильдяй, горлодер, заваль, брюзга, пустомеля, мазила, кликуша, властелин, дар, всемогущий* и т.п., уже сами по себе, в своей семантике несут экспрессивно-эмоциональный заряд и потому являются стилистически окрашенными. Слова этой группы обычно однозначны; заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях.

Эта лексика используется преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи: *лентяй, беспардонный* и т.п. — *либо*, напротив, в книжно-торжественной: *дерзновенный, стяг, всемогущий* (последние слова иногда употребляются иронически).

Вторая группа — это многозначные слова, которые в своем прямом значении обычно стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой оценочностью и экспрессивной стилистической окраской. Эти слова можно условно назвать с и т у а т и в н о с т и л и с т и ч е с к и окрашенными. Ср., например: *дуб* (о человеке), *тряпка* (о мужчине), *болото* (об общественной группе), *баба* (о мужчине); о человеке: *слон, медведь, орел, ворона* и т.п.

Третью группу составляют слова, в которых эмоциональность, экспрессивность и вообще стилистическая окрашенность достигаются аффиксацией, большей частью суффиксами: *мамочка, грязнулька, бабуля, солнышко, цветочек* и т.п. Однако это явление не столько собственно лексическое, сколько словообразовательное.

Выделяется и четвертая группа, точнее, подгруппа в первом из указанных разряде слов. Она состоит из таких лексических единиц, в которых оценочность и экспрессия не столько заключены в значении слова (во всяком случае, изначально), сколько связаны с традицией употребления и сопутствуют ей. Именно последнее видоизменяет значение слова или отражается на нем: *вития* (оратор), *вещать* (говорить, провозглашать), *взывать* (обращаться), *предвосхитить, благой* (хороший, заслуживающий одобрения), *Терзать* (стремиться), *глашатай, провозвестник*. Семантический сдвиг по сравнению с нейтральным синонимом незначителен, порой еле уловим. Стилистическая высота, торжественность, риторичность таких слов обусловлена традицией их употребления в соответствующих сферах, преимущественно письменной речи. В связи с этим им присуща и некоторая оценочность: обычно значение интенсивности положительного качества. Иногда же семантического преобразования

не происходит вовсе, и лишь традиция употребления наделяет слово определенной экспрессивной стилистической окраской: *оратай* (пахарь), *баян* (певец, поэт), *воинство*, *когорта* и т.п.

Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной окраски принято делить на два больших разряда: с положительной и с отрицательной (негативной) оценкой.

Среди положительных оттенков выделяются, например, торжественный, возвышенный (*воздвигать*, *восхотеть*, *водрузить*, *изведать*, *чаяния*, *грядущий*, *дерзновенный*, *нерушимый*, *воистину*) и близкий к ним риторический (*вопять*, *возвещать*, *кара*, *держава*, *властелин*, *зизждитель*) и возвышенно-поэтический (*лучезарный*, *блистательный*, *горделивый*) — это оценки общие и собственно экспрессивные. В следующих случаях преобладает эмоциональная оценка: это слова одобрительные (*прекрасный*, *изумительный*, *благородный*, *грандиозный*), ласкательные (*заинька*, *мамочка*, *весточка*, *куколка*, *мой ангелочек*, *золотце мое*); отчасти примыкают сюда слова шуточные (*ерундистика*, *запузыривать*, *жеребятина*).

Негативные оттенки еще более разнообразны: неодобрительный (*критикан*, *выродок*, *брюзга*, *картежник*, *гулена*, *измыслить*); презрительный (*зубрила*, *щейка* — о человеке, *балаболка*, *балбес*); укоризненные (*бесстыдник*, *бедокурит*); иронические (*вздыхатель*, *великовозрастный*, *благодравие*, *выдворить*, *инакомыслящий*); пренебрежительно-фамильярные (*белобрысый*, *выскачка*, *злыхатель*, *иностранщина*, *заваль*); бранные (*безмозглый*, *гад*, *выдра* — о женщине, *барахло* — о человеке) и др.

Эти нюансы нередко с трудом уловимы, к тому же изменчивы: и исторически, и в зависимости от контекста. Однако при возможном изменении оттенка общая эмоционально-экспрессивная окраска у этих слов, как правило, всегда присутствует.

Б. Лексика функционально-стилистически окрашенная

К функционально-стилистически окрашенной лексике относятся прежде всего слова, наиболее или исключительно употребительные в той или иной речевой сфере, соответствующей одному из функций и стилистических. Традиция употребления, прикрепленность к определенной речевой сфере приводят к появлению у этих слов функционально-стилистической окраски.

1. Лексика научного стиля. Прежде всего окраской этого функционального стиля обладают узкоспециальные термины и общенаучная терминология. С точки зрения эмоционально-экспрессивной эта лексика нейтральна; ее иногда называют «сухой». Отчасти это происходит потому, что слова-термины, как правило, не имеют синонимов и выражают по возможности точно и однозначно понятия. В силу этого и главным образом по причине такой экстралингвистической основы научного стиля, как его общая отвлеченность и обобщенность (т.е. в известном смысле та же понятийность), терминологическая лексика необразна и безэмоциональна. Но, разумеется, было бы неверно утверждать, будто научная терминология вообще лишена какой бы то ни было стилистической окраски. Эта лексика ограничена сферой своего употребления; таким образом, она не нейтральна с точки зрения функциональной. Терминология чрезвычайно типична как раз для научной сферы общения и широко употребительна, высокочастотна именно в ней. При использовании в других сферах (например, художественной, публицистической) она, как правило, изменяет свою функцию, а нередко и семантику, т.е. переосмысливается и получает различные эмоционально-экспрессивные оттенки, что генетически ей не свойственно. Если, например, устно-разговорная речь, даже при специальной теме разговора, неумеренно насыщается терминологией, то такая речь сейчас же начинает квалифицироваться как неестественная, книжно-научная, наукообразная. В этом случае говорящие чувствуют ее стилистический (именно стилистический!) сдвиг, и как раз в сторону научного стиля, а не какого-либо другого. Терминология как бы вносит в речь оттенок научности.

Заметим, что слова с функциональной стилистической окраской (в особенности представляющие такие стили, как научный и официально-деловой) по сравнению с эмоционально-экспрессивно окрашенными отличаются строгой системностью, устойчивостью их «частной» стилистической окраски, более четкой ограниченностью сферы их употребления. Ограничительные требования нормативно-стилистического характера здесь весьма жестки: несоблюдение их ведет к болезням речи: «канцелярит», «наукообразность» и т.п.

Системность научной терминологии очевидна: термин может быть понят и определен именно в системе данной терминологии. Отсюда — функциональные ограничения при его употреблении. Помимо общей научной терминологии (используемой в ряде наук, группе наук, всех науках), которая проникает в другие функциональные стили, существует и узкоспециальная терминология отдельных наук: термины химии, физики, математики, языкознания и т.д. Если первая, несколько менее ярко

функционально-стилистически окрашена, то узкоспециальная терминология обладает более сильной функциональной стилистической окраской: использование ее в непривычной сфере не только затрудняет понимание, но и с очевидностью приводит к неприятию самого факта ее употребления в данной сфере.

Примеры научной лексики. *Общенаучная*: дифференцировать, классификация, функция, синхронный, диалектика, аномалия, дискуссионный, апробация, аргумент, интерпретация, дефиниция, монография. *Узкоспециальная*, термины химии — *фильтрат, окись, молекула, полиэтилен, полимер, гидрат, кальций, температура кипения, реторта, колба, раствор, хлорметилен, окисление, концентрация*; математики — *дифференциал, интегрирование, вектор, гипотенуза, уравнение, катет, логарифм, многочлен, вычисление, теорема, делитель*; *языкознания* — *диалектология, этимология, орфоэпия, синоним, омоним, суффикс, аффиксация, аббревиатура, фонема, лабиализованный*.

II. Лексика официально-делового стиля отличается с точки зрения экспрессивно-эмоциональной особенной официальностью и «сухостью», которые и привносит в речь. В отличие от научной лексики она обладает не только функционально-стилистической, но и сопутствующей ей своего рода квазиэмоционально-экспрессивной окраской, точнее, значительной долей антиэмоциональности, недопустимости даже намека на эмоцию и присутствием оттенка официальности.

Лексика с этой окраской ярко системна, как и научная терминологическая, она четко нормативно ограничена сферой своего применения. Использование именно этой лексики (канцелярской, как ее называют) не только нежелательно, но и недопустимо в разговорной речи без особой стилистической мотивировки. Весьма ограниченным должно быть ее использование и в публицистической речи, а в художественной она может быть употреблена лишь в качестве средства стилизации и в других эстетических целях.

Официально-деловая лексика, очевидно, обладает неодинаковой силой функционально-стилистической окраски и в связи с этим разной степенью допустимости в речи. Вопрос этот, к сожалению, пока не разработан. Самый приблизительный и общий анализ официально-деловой лексики позволяет выделить следующие ее разновидности. Прежде всего, *официально-деловая терминология*, не имеющая синонимов в общеупотребительной лексике. Этот пласт слов содержит, с одной стороны, широко известную и употребительную лексику, необходимую для разговора или письма на соответствующие темы: *закон, конституция, паспорт, декрет, юрисконсульт, следователь, прокурор, постановление, заявление, протокол, свидетель* и т.д. Эти слова-термины в силу широкой употребительности несколько детерминологизировались, приобрели всеобщий характер. В отношении собственно стилистическом они, хотя и сохраняют оттенок официальности и указание на определенную сферу общения, однако заметно обнаруживаемой стилистической окраски и отрицательного нормативно-стилистического тона почти не имеют. С другой стороны, выделяется группа *узкоспециальной юридической терминологии*: *санкция, правопорядок, истец, ответчик, кодификация, расследование*. Эти термины, как и узконаучные, имеют яркую функционально-стилистическую окраску и узкое применение — лишь в специальной сфере.

Кроме терминов, выделяются слова, которые обычно именуется *канцеляризмами*. Это общеизвестная лексика (обычно нетерминологическая), которая обладает, помимо функционально-стилистической окраски, своего рода экспрессивной окрашенностью. Такие слова как будто даже получают эмоциональный «призвук»: архаичная официальная торжественность некоторых из них вызывает к себе то или иное отношение, оценку. Именно этих слов следует избегать, особенно не в деловой речи. При обучении же языку нужно указывать на нежелательность и большей частью недопустимость этих слов в речи. Примеры: *нижеподписавшийся, вышеозначенный, нижегозначенный, поименованный, взимать, возыметь действие, податель сего, запротоколировать, наличествовать, истребовать, удостоверить* и т.п. Строго мотивировано содержанием и сферой речи должно быть употребление слов *клиент, пациент, наниматель, владелец, доверитель, лицо, получатель, отправитель, накладная, вакантный, конфискация, потерпевший, форма №, повестка* и т.п. Одно из ярких стилистических средств официально-деловой речи — особые служебные слова. Это сложные позднего происхождения отименные предлоги (*согласно постановлению, в соответствии с уставом, касательно состояния дел, вследствие невыполнения, по линии месткома, в случае несвоевременной оплаты, в деле реорганизации, в результате осмотра, по вопросу хранения, ввиду неявки*) и союзы (*а равно руководящие лица, а также прокуроры республик; в силу того что условия не выполнены; поскольку*). Употребление их вне текстов законодательных актов и деловых бумаг весьма нежелательно. Лишь

отчасти эти единицы допустимы в научной речи (которой они, так же как и деловой, обязаны своим происхождением).

III. Лексика публицистического стиля. В многочисленных стилистических исследованиях, основанных на анализе конкретного материала, а также в словарях обычно выделяется специальная публицистическая лексика и фразеология. Однако некоторыми учеными высказывается мнение об отсутствии таковой. Действительно, в связи со значительно возросшей в последние десятилетия ролью таких видов массовой коммуникации, как газета, радио, телевидение, они оказывают все большее влияние на язык других сфер общения. Происходит некоторое стирание граней между стилями, и публицистическая лексика в известной степени утрачивает стилевую специфичность. Тем не менее язык публицистики сохраняет определенные отличия: в нем выделяется особая публицистическая лексика, стилистическая окраска которой ощущается говорящими. Эта лексика формируется в политической сфере общения и имеет в ней высокую частоту употребления.

Традиционно публицистическими словами, например, считаются: *нигилист, Достоевщина, маниловщина, обломовщина, групповщина, двурушник, соглашатель, капитулянт, администрирование* и др. Все это слова, сопровождающиеся в то же время экспрессивно-эмоциональной окраской.

К публицистической лексике, как лексике особым образом функционально-стилистически окрашенной, относятся две группы слов. В первую входят *спецальная публицистическая терминология*, в том числе газетная: *интервью, репортаж, информировать, хроника, корреспонденция, заметка, комментатор, обозреватель* и т.п. — и общественно-политические термины, широко употребительные в газете: *дискриминация, сегрегация, геноцид, неокOLONиализм, антагонизм, неофашист, агрессия, акция, ратификация* и т.п. (первый разряд слов этой группы не обладает дополнительной экспрессивно-эмоциональной окраской, второму она отчасти свойственна).

Вторую группу составляют ярко оценочные и потому эмоционально окрашенные слова — не термины: *захватнический, обуржуазиться, плутократия, пресловутый* и т.п. Есть здесь слова и без особо ярко выраженной соответствующей эмоциональной окраски: *климат* (обстановка), *микроклимат, потепление* (в отношениях государств), *натовский, проатлантический, ультра* и т.п. Для всех этих слов характерно то, что они обладают высокой частотой повторяемости в публицистической литературе, а употребление их в других сферах придает речи публицистичность.

IV. Вопрос о функционально-стилистической окраске лексики, представляющей художественную речь, сложен, потому что художественная литература, в особенности современная (в том числе поэзия), отражает во многообразии жизни человека. В художественных текстах используются самые разнообразные пласты словаря, и определить специально узкохудожественный разряд слов не так-то просто. Для литературы XIX в. это были так называемые поэтизмы, слова с особым стилистико-поэтическим ореолом, наиболее часто встречающиеся именно в художественной (уже — стихотворно-поэтической) речи как ее неизменные приметы. Применительно к современной литературе о такой лексике говорить затруднительно. Вместе с тем необходимо учесть, во-первых, то, что лексика, типичная для иных функциональных стилей (разного рода терминологическая), нехарактерна для художественной речи и используется в ней в измененной стилистической функции (именно как неспецифическая для художественной речи); во-вторых, что существует лексика, наиболее употребительная именно в художественной сфере общения и неупотребительная или чрезвычайно редко употребляемая в других функциональных стилях (и опять-таки в измененной функции). В связи с этим появляется возможность определить круг художественно-поэтической лексики, которая обладает функционально-стилистической окраской. Правда, численно это небольшой фонд слов. Сердцевину его составляет традиционный пласт лексики поэтической, отмечаемой в словарях пометами «поэтическое», «народно-поэтическое», кроме того, отчасти «высокое», «торжественное», «риторическое», «книжное», а также «архаическое», «старославянское».

По традиции названия определенного круга предметов и явлений считались в XIX в. и сейчас еще считаются поэтическими. До настоящего времени сохраняют колорит поэтичности слова, не характерные для других стилей, кроме художественного:

существительные — *лира, венец, муза, очи, ланиты* (щеки), *уста, чело, стан* (девичий), *десница* (правая рука), *мурава, чертог, зов, горнило, нектар, пенаты, бездна, чары, нива, светило, воинство, воитель, воин, певец* (в смысле «поэт»), *соплеменник, кудесник, изгнанник, дева, искупитель, упование, гордыня, гонение, низложение, воображение, благо, бессмертие, вакханалия* и многие другие, в том

числе названия некоторых растений и животных, употребляемые нередко метафорически: *нарцисс, кипарис, пальма, тополь, кедр, роза, лебедь, голубь, сокол* и др.;

прилагательные — *дивный, чудный, божественный, прелестный, безмятежный, благодатный, живительный, неизгладимый, вдохновенный, дерзновенный, нерукотворный, безбрежный, заоблачный, дубравный, немолчный, неумолчный, благовонный, безуханный, багряный, лазурный, алый, лучезарный, златокудрый, черноокий, былой, безвозвратный, безысходныи, отчий* и т.п.;

глаголы — *владить, вещать* (с оттенком иронии и высоким), *гласить, восклицать, зардеть, возлежать* (нередко сейчас с ироническим и юмористическим оттенком), *лелеять, возыметь, воспрянуть, возложить, сразить, ввергнуть, ниспадать, пламенеть, нисходить, мниться, ответственать, разверзнуться* и т.п.;

наречия — *пояныне, воистину, навеки, во славу* и др.

Особый круг составляет народно-поэтическая лексика, пришедшая в литературное употребление из языка устной народной поэзии: *горюшко, буйная головушка, лебедушка, голубушка, красная девица, добрый молодец, зелье, кручина, пригожий, родимый, лазоревый, бесталаный, погожий* и др.

Те или иные из названных слов, конечно, могут употребляться и в других сферах общения, особенно в публицистике и отчасти в разговорной речи. Однако и там они несут на себе окраску поэтичности, т.е. выступают как примета художественного стиля. Использование их в этих сферах без особой стилистической мотивировки ощущается как нарушение единства стиля. Кстати, последнее подтверждает, что отмеченная лексика для современного лингвистического сознания говорящих является функционально-стилистически окрашенной.

В. Лексика книжная и разговорная

По лингвистической традиции на фоне нейтральной лексики выделяется лексика 1) книжно-письменной речи и 2) устно-разговорной речи. В словарях первая отмечается пометой «книжное», вторая — «разговорное».

Книжной лексикой называются такие слова, которые употребительны исключительно или преимущественно в письменно-книжной сфере; введение их в разговорную речь придает ей оттенок книжности. Собственно, все разряды слов с функционально-стилистической окраской, приведенные в предыдущем разделе, включаются в книжную лексику, хотя последняя отмеченными рядами слов не ограничивается. Иначе говоря, функционально-стилистически окрашенную лексику можно разделить на книжную и разговорную. Причем в книжной, имеющей распространение в разных сферах книжно-письменной речи, выделяются и пласты словаря с дополнительной стилевой окраской в соответствии с тем функциональным стилем, в котором они преимущественно или исключительно используются. В связи с этим можно говорить, что в книжной лексике имеется пласт слов с окраской «книжное» и пласты слов с двойной окраской: «книжное и официально-деловое», «книжное и научное», «книжное и публицистическое», «книжное и поэтическое». В то же время книжная лексика может обладать и различными видами экспрессивно-эмоциональной окраски.

Примеры книжной лексики: *аналогия, аномальный, антипод, апологет, апофеоз, априори, аспект, ассоциация, вандализм, вассал, вариация, вотум, гонение, государственность, дезориентация, декартификация, декларативный единомыслие, ибо, изоляция, импульс, квинтэссенция* и др. Отчасти этот разряд слов близок лексике общенаучной, а отчасти — общеупотребительной.

Разговорная лексика — это такие слова, являясь литературными, придают речи разговорный характер. Будучи введенными в книжно-письменную речь, они нарушают единство стиля. Примеры: *ахнуть, балагурить, баламутить, вдогонку, вдребезги, вертлявый, воркотня, вразвалку, всплакнуть, вырядиться, головотяп, гуляка, дешевка, ехидный, жадничать, заминка, молокосос, напраказить, нарасхват, нежничать, обляпать, прихворнуть, протолкаться* и др.

Лексика разговорной стилевой окраски (свойственная в то же время преимущественно устной форме бытовой сферы общения) соотносительна с разговорно-бытовым функциональным стилем и обладает его окраской. В этом смысле, характеризуя лексику с разговорной окраской, мы продолжаем в то же время характеристику лексики в собственно функционально-стилистическом аспекте.

Вместе с тем лексика устно-разговорной бытовой речи включает в себя не только слова собственно разговорные (сопровождающиеся в словарях пометой «разговорное»), но и просторечные и иного рода нелитературные. В связи с этим лексика устно-разговорной речи в целом может быть

дифференцирована по «степени литературности». Судя по названию, это аспект нормативный, а не стилистический. Однако пласты словаря, составляющие устно-разговорную лексику, по-разному стилистически окрашены и различаются сферами применения. Поэтому данный аспект может рассматриваться и как функционально-стилистический (в широком смысле слова).

По «степени литературности» и по сопровождающей ту или иную «степень» стилистической окраске лексика устно-разговорной речи представлена следующими разновидностями: 1) лексика собственно разговорная (о которой уже шла речь), нередко с оттенком фамильярности; 2) лексика просторечная. Собственно разговорные слова не нарушают норм литературного языка и ограничены лишь сферой употребления (устно-бытовой), а просторечные как бы стоят на грани литературного употребления и даже обычно выходят за пределы литературного языка. Просторечие обычно делится на грубое (в то же время нелитературное) и негрубое (допустимое в устной речи).

Примеры негрубого просторечия: *белиберда, кормежка, проныра, пустомеля, скупердяй; большущий, одурелый, трусоватый, хлипкий; взъерепениться, врать, горланить, зажимать, застудиться, корить, ляпнуть, орать, тренькать, шпынять* и др.

Грубо-просторечная лексика (вульгаризмы): *брехня, брандахлыст, пентюх, пузо, рыло, стерва, харя, хахаль, шваль, шпана; жрать, шамать, трескать (есть), зашиваться (перен.), задраться (с кем-либо), лаяться, лизаться (целоваться)* и др. Как видим, сюда относятся и бранные слова.

Среди внелитературной лексики устно-разговорной речи следует назвать еще и диалектизмы. Однако эти слова в отличие от подавляющего большинства просторечных не имеют сами по себе стилистической окраски. Они выступают в номинативной функции, называют предметы, явления. Конечно, среди диалектизмов есть и экспрессивно окрашенные слова, но таковыми они выступают в системе диалектной, а не литературной речи. Итак, диалектизмы — это не стилистический (или, по крайней мере, не специально стилистический) пласт словаря общенародного языка, к тому же языка нелитературного. Поэтому мы здесь их специально рассматривать не будем.

Однако в связи с процессом взаимодействия литературного языка и диалектов, постепенного вовлечения некоторых диалектизмов в литературный словарь, а также в связи с традицией употребления диалектизмов в художественной литературе появляется основание для рассмотрения этого пласта нелитературной лексики в нашей классификации. С точки зрения функциональной (т.е. по своим функциональным возможностям и традиции употребления) диалектная лексика обладает стилистической потенцией и может с известной оговоркой выступать как один из стилистических резервов словаря.

Как вытекает из сказанного, в лексической системе нередки случаи, когда одно и то же слово одновременно обладает несколькими стилистическими окрасками (с точки зрения разных стилистических аспектов). Например: *инакомыслящий* (книжн., публ., иронич.); *испить* (книжн., риторич.); *зизждитель* (книжн., риторич.); *двурушник* (книжн., публ., презрит.); *кликуша* (книжн., публ., презрит.); *намалеванный* (разг., пренебр.), *балбес* (простореч., презрит.) и т.п.

Кроме того, имеются случаи, когда то или иное экспрессивно-эмоционально окрашенное слово в зависимости от контекста может видоизменять оттенок своего стилистического значения, т.е. обладает своеобразной многозначностью оттенков. Например, в разных контекстных условиях следующие слова могут приобретать различные, порой даже противоположные стилистические оттенки — от неодобрительного или иронического до ласкательного (однако они не способны нейтрализоваться): *врушка, голубушка, весточка, братец, дуралей, вздыхатель, воротила, вприглядку* и т.д.

Эти стилистические вариации имеют определенные пределы как в амплитуде окрасок, так и исторически. Вообще следует помнить, что стилистические окраски лексики — явление историческое, изменяющееся. Изменения охватывают круг и эмоционально-экспрессивных, и функционально-стилистических окрасок. Среди последних устойчивее по характеру окраски термины (особенно научные и деловые). Отчасти это обусловлено более тесными системными связями, свойственными этой лексике.

Примеры изменения эмоционально экспрессивной окраски: *баталия, сеча* (из ранее нейтральных и даже высоких они превращаются в шуточные и иронические); *изволить* (ранее почтительное — теперь шуточное); *вопрошатель* (книжное, торжественное — ироническое); *возлежать* (то же) и т.п.

Пример изменения окраски функционально-стилистической: *всенижайший* (ранее книжно-официальное, теперь ироническое). Ср. также изменение эмоциональной окраски слов в советский период: *барин, барыня, бюрократ, чиновник*.

Все отмеченные оттенки стилистически окрашенной лексики выявляются, как указывалось, на фоне лексики стилистически нейтральной и в связи с условиями контекста и стилистическими приемами. Нейтральной в этом отношении оказывается лексика, употребительная во всех сферах общения и жанрах, которая не привносит в них стилистических оттенков и не обладает эмоционально-экспрессивной оценочностью, например: *дом, стол, отец, мать, гора, сильный, синий, водный, читать, шить, делать, через, справа, седьмой* и т.д. Нейтральная лексика, составляющая огромный фонд словаря, осмысливается, однако, как таковая; обычно в своих основных значениях и типичных (общепринятых и общеупотребительных) условиях использования. Нейтральной она является в словаре и в наиболее обычном своем функционировании. Вместе с тем в живом употреблении, особенно в речи устно-разговорной, в художественной и публицистической, так называемые нейтральные слова способны приобретать самые разнообразные и неожиданные эмоционально-экспрессивные и даже функциональные стилистические окраски. Таким образом, в этих случаях слова из нейтральных превращаются в стилистически окрашенные (контекстуально).

Применительно к художественной речи термин «нейтральная лексика» оказывается условным и даже просто несостоятельным. Ведь эта лексика составляет подавляющее большинство слов в прозаических художественных произведениях (особенно в авторской речи). Причем с помощью этих средств (хотя и не только этих, то есть не только лексических) истинный художник слова достигает необыкновенно яркой впечатляющей образности. Задача исследователя-стилиста заключается как раз в том, чтобы определить стилистическую значимость этой нейтральной в общезыковом смысле лексики.

К другим лексическим пластам, составляющим потенциальные лексические ресурсы языка, можно отнести группы слов, выделяемые в зависимости от происхождения, социальной сферы употребления, степени новизны или архаичности. Эти пласты словаря используются в определенных контекстных условиях со стилистическими целями. Таковы славянизмы, иноязычные заимствования, архаизмы, авторские неологизмы и другие средства.

Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Формы существования языка

Общие принципы выделения форм существования языка

Форма существования языка – это одна из конкретных форм его структурной организации и функционирования в человеческом коллективе.

Форм проявления языком своего социального назначения – быть средством общения – в языках мира много. Множество форм существования языка обусловлено разнообразием исторических, социальных, культурных и других жизненных условий и потребностей социумов, неповторимостью конкретных обстоятельств, в которых складывается, развивается и функционирует тот или иной язык, удовлетворяя коммуникативные запросы общества в целом и его отдельных социальных, сословных, профессиональных, возрастных, половых групп. <...>

Сходство функционально-типологических черт многих языков позволяет выделить главнейшие формы существования языка. <...>

Что же такое «форма существования языка»? В. А. Аврорин предложил следующее определение этого понятия социолингвистики: «Это самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по признаку общности исходного материала и потому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования» (Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. Л., 1975. С.53.).

В этом определении обращено внимание на четыре признака, свойственных форме существования языка: 1) материальная общность «исходного материала», т.е. звукового строя, грамматического строя (морфологии, синтаксиса) и значительной доли словаря, чтобы быть понятным «в пределах одного народа»; 2) определенная системность и самостоятельность структуры каждой из форм существования или каждой группы <...> форм существования (например, всех территориальных диалектов); 3) несовпадения, даже принципиальное разделение сфер их использования; 4) различие в уровне совершенства, в коммуникативных возможностях, вызванное преимущественным использованием их в разных по сложности сферах общения. <...>

К основным формам существования языка относим: 1) литературный язык; 2) народно-разговорный язык; 3) койне (наддиалектное образование, интердиалект); 4) просторечие; 5) язык-пиджин; 6) креольский язык; 7) территориальные диалекты; 8) некоторые типы социальных диалектов. <...>

«Формы существования одного языка, — справедливо подчеркивает В.А.Аврорин, — иерархически связаны между собой или как целое и его часть, или как универсальное и ситуативное, или как более совершенное и менее совершенное». (Аврорин В.А. Указ. соч. С. 65.) ... Если признавать разный уровень (более высокий, промежуточный и предельно низкий) организации языковой структуры различных форм существования языка, то придется признать <...> и <...> взаимную зависимость структуры и функции. Более совершенная и богатая структура литературного языка, естественно, будет способна выполнять больший объем функций.

Литературный язык

В статье, написанной для популярного издания, акад. В. В. Виноградов, один из авторитетнейших специалистов по литературному языку, вынужден был признать: «Трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык». Различное понимание литературного языка обусловлено исключительным разнообразием его конкретных национальных форм в синхронном плане и еще большим разнообразием исторических форм литературного языка.

Ф. П. Филин, обобщая опыт советских лингвистов в изучении литературных языков, преимущественно национального периода, назвал семь признаков, сочетание которых дает определение литературного языка, приложимое к современному русскому, польскому, английскому, немецкому, французскому, испанскому и многим другим национальным языкам. Эти признаки следующие:

1) обработанность; 2) нормированность; 3) стабильность; 4) обязательность для всех членов общества, владеющих им, ведущая роль в системе разновидностей национального языка; 5) стилистическая дифференцированность; 6) универсальность, т.е. обслуживание всех сфер общения (производства, общественно-политической и культурной жизни, науки, быта и т.п.); 7) наличие устной и письменной разновидностей. (Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 176.) ... Полную социолингвистическую характеристику литературного языка дал В. В. Виноградов: «Литературный язык — общий язык письменности того или иного народа, а иногда и нескольких народов — язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающейся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и устной. Вот почему различаются письменно-книжная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействие которых подчинены определенным историческим закономерностям». (Виноградов В. В. Литературный язык // Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978. С.288.)

Итак, литературный язык — это главная форма существования национального языка, а также языка народности, обслуживающая самые разнообразные сферы жизни общества, превосходящая все другие разновидности богатством, полифункциональностью, обработанностью и строгостью норм.

Народно-разговорный язык

Народно-разговорную форму существования языка нередко называют обиходно-разговорной. Это второе название указывает на преимущественную сферу ее использования — каждодневная жизнь, быт, речевой обиход. В принципе народно-разговорная форма противопоставлена, с одной стороны, литературной форме, а с другой, — всем иным формам существования языка, в частности, диалектной.

В. А. Аврорин, выделив эту форму существования языка в качестве самостоятельной, показал зыбкость, неопределенность ее границ: «Под народно-разговорной, или обиходно-разговорной, формой понимается любая альтернатива литературной форме, кроме разве что тайных языков как средства ситуативного общения». (Аврорин В.А. Указ. соч., с.56.) Принимая во внимание такой параметр, как степень распространенности, разговорную речь (разговорный язык) подразделяют на: а) общенародно-разговорную и б) локализованно-разговорную, или диалектную.

Несмотря на то, что в разговорную речь, если иметь в виду структурный ее тип, а именно: диалогичность, спонтанность проявления, можно включать и территориальные диалекты, в социолингвистическом плане диалекты следует вынести за пределы народно-разговорной формы и считать особой, самостоятельной формой существования языка.

Не вполне ясно отношение народно-разговорного языка к так называемой «разговорной речи» (РР), выделяемой в самостоятельную систему (в частности, в коллективной монографии «Разговорная речь» под ред. Е.А. Земской) и противопоставляемой кодифицированной разновидности литературного языка — «кодифицированному литературному языку» (КЛЯ). ... По-видимому, отождествлять народно-разговорную и разговорную речь (РР) носителей литературного языка нельзя. Вместе с тем нет достаточных оснований для резкого их противопоставления.

Койне

Койне — греческое слово (koine, от koinos — общий), служившее названием общей для носителей разных диалектов древнегреческой речи, сложившейся на территории Аттики с центром в Афинах (примерно в IV в. до н.э.). В настоящее время это слово — широко распространенный в лингвистике термин, обозначающий обобщенный тип устной речи — одну из форм существования языка. ... В качестве рабочего определения воспользуемся характеристикой койне, предложенной В. А. Аврориным: «Койне можно определить как средство междиалектного, а иногда и межнационального общения, возникающее первоначально в торговых, военных или культурных целях на базе одного из группы близких диалектов, постепенно впитывающее в себя также и некоторые специфические особенности других диалектов (иногда языков)». <...>

Социальной предпосылкой появления междиалектного средства общения служит смешанный состав населения, проживающего в городе или в том или ином регионе страны. Различают койне городские и областные (сельские). ... Городские койне благодаря влиянию городов на экономическую, культурную и языковую жизнь прилегающих и более отдаленных территорий превращались в региональные койне.

Исторически койне может предшествовать возникновению письменного языка. Нередко оно становится базой литературного языка. Лондонское койне послужило базой английского литературного языка, пекинское — основой китайского литературного языка, койне города Эдо — основой японского литературного языка. ... Таким образом, роль городских койне как формы существования языка и основы литературного языка исключительно велика.

Просторечие

Просторечие — компонент языка, противопоставленный, с одной стороны, литературной разговорной речи, с другой, — территориальным диалектам. ... «Три сферы современной устной речи — диалект, просторечие, литературная разговорная речь — различны между собой прежде всего по составу носителей». (Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984. С. 11.)

Подобно другим языковым явлениям, просторечие — категория историческая. Оно неодинаково в разные периоды своего развития как в структурно-лингвистическом, так и в функциональном плане. Не остается постоянным и социальный состав его носителей.

Просторечие обычно не называют в числе форм существования языка, хотя в реальности его присутствия в языке сомневаться не приходится. <...>

Не признают просторечия особой формой существования языка, по всей вероятности, потому, что современное просторечие не представляет собой единой системы. <...>

Термин **просторечие** многозначен даже применительно к объектам современного синхронного уровня. Им обозначаются:

1) «общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся вне литературного языка» (это в не-литературное просторечие). 2) «сниженные, грубоватые элементы в составе самого литературного языка» (литературное просторечие). Для наших целей интерес представляет внелитературное просторечие. Именно ему посвящен сборник «Городское просторечие» (М., 1984), где «просторечие понимается как не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не вполне владеющих нормами литературного языка». (Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984. С. 11.)

Признаками просторечия (точнее: современного русского городского просторечия) признаются: 1) ненормированность речи; 2) стилистическая недифференцированность; 3) факультативность употребления, «необязательность для членов данного социума»; 4) бесписьменность; 5) функциональная «монотонность» единиц, распространенность полных синонимов (дублетов).

<...> Есть основания относить его (просторечие) к формам существования, причем к важнейшим, и изучать в социолингвистике в качестве одного из важных компонентов национального языка.

В XIX в. русское просторечие было языком городских масс, находившихся во взаимодействии с крестьянским языком, в наше время это язык необразованных слоев города, а значит, — прежде всего язык старшего поколения. На наших глазах формируется новое просторечие под воздействием в основном городских социальных диалектов.

Просторечие имеет отличия от литературного нормированного языка на всех уровнях. Приведем примеры.

Лексика и фразеология: хворать, хворый, шибко (очень), акурат (точно), сперва (сначала), слова-обращения: мамаша, папаша, батя; уважать (любить: я уважаю борщ), благим матом (орет), кишка тонка, лезть в бутылку, на фиг, ни бельмеса (не знает) и др.

Морфология: волосья, -ев, шофер'а, токар'я, брать'я, раз'ов, крас'ивше, ш'ирше; ихний дом, в каком доме, маво, тваво (вместо моего, твоего); пекеш, хотит (хочет), хочим (хотим), покласть, дожить, несть, везть, привезть; положь, ляжь, не боись (не бойся), раздевши, разувши, обумши, откудова, опосля и др.

Фонетика: произношение /з'д'ес'/, ко/т'л'/ета, /з'д'/адей (с дядей), /д'в'/ерь, /т'в'/ердый; /в'м'/есте, грибы, принцесса, очен; вставка согласных между гласными в иноязычных словах: радиво, какава; постановка ударения на другом слоге по сравнению с литературной нормой: инструмент, километр, портфель, шофер, ... загн'ала, зв'онишь, позв'оним, предл'ожил, пон'ял (а, и), нач'ал (начала, начали), свекл'а, средств'а и др.

Итак, просторечие как форма существования языка, контрастирующая и тем самым оттеняющая нормы литературного языка, — один из существенных компонентов языка национального этапа его развития.

Социальные диалекты

В научной и учебной литературе термин «социальные диалекты» (социодиалекты) употребляют то в очень широком, то в очень узком смысле. При широком понимании содержания термина в категорию социальных диалектов включают все или почти все социально обусловленные разновидности языка, независимо от их структурно-языковых и функциональных особенностей. <...>

Предельно узкое наполнение термина «социальные диалекты» видим в учебном пособии Ю. С. Степанова «Основы общего языкознания»: «К местным крестьянским диалектам, — пишет автор, — близки социальные диалекты одного языка... иначе их называют «условными языками» (далее приводится характеристика арго бродячих торговцев и ремесленников). (См. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. 2-е изд. М., 1975. С.198.) <...>

Общей чертой всех языковых образований, включаемых в категорию социальных диалектов, является ограниченность их социальной основы: они выступают средством общения, причем, как правило, дополнительным, отдельных социально-сословных, производственно-профессиональных, групповых и возрастных коллективов, а не всего народа (как литературный язык) и не всего населения региона (как территориальные диалекты). <...>

Назначение социальных диалектов — служить средством связи для лиц, входящих в определенную социальную или профессиональную группировку, объединять членов в одну корпорацию, имеющую свои интересы — профессиональные, социально-сословные, возрастные, культурно-эстетические и т.п. Возникая в ответ на различные профессиональные и групповые потребности отдельных коллективов, социальные диалекты в речевой практике говорящих всегда сосуществуют с другими формами существования языка, которые всегда выступают как первичные, опорные, основные (литературный язык, территориальные диалекты, городское койне, просторечие), а социальные диалекты — как дополнение к ним (иногда профессионально необходимое, а иногда и явно факультативное, например, жаргон).

К социальным диалектам относим: 1) собственно профессиональные «языки» (точнее — лексические системы), например, рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, а также других промыслов и занятий; 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных коллективов; 3) условные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; 4) жаргон (арго) деклассированных. <...>

1. Профессиональные «языки» — это дополнительные к основной форме существования языка (литературному языку, территориальному диалекту) лексические системы, свойственные представителям определенного занятия, промысла, а также профессии или отрасли производства: кок (повар) в речи моряков, на-гора — у шахтеров, правило (хвост лисицы) — у охотников, полено (хвост вол-

ка) — у охотников, матка, трутень, рабочая пчела — у пчеловодов. Насчитывают десятки тысяч профессий, и у каждой свой «язык», точнее, лексическая система. <...>

Профессиональные «языки», разумеется, не являются языками в полном смысле этого слова. Их собственно языковая часть ограничивается специализированной лексикой, частично словообразованием и не распространяется на звуковой и грамматический строй. <...>

2. **Групповые жаргоны** в отличие от профессиональных социолектов порождены не потребностью в названии новых, сверх обычных, «общенародных», профессиональных понятий, а стремлением дать общеизвестным понятиям свое обозначение, отличающееся новизной и экспрессией. Лексика жаргона — это параллельный ряд слов и выражений, синонимичных первичному, нежаргонному ряду. ... Здесь мы имеем дело с синонимами не понятийными, а почти исключительно экспрессивно-оценочными, чаще всего стилистически сниженными. Например, «голова» — в жаргоне: котёл, котелок, черепок, корзина, тыква, арбуз, кастрюля, коробочка и др.; «отлично, прекрасно» — законно, шикарно, шик-модерн, клево, кайф, лафа и др.

Жаргон порождается социально-психологической общностью его носителей — обычно молодых людей, которым свойственны «эмоциональная избыточность», максимализм, свое представление о жизненных ценностях, норме поведения, свой особый стиль и манеры (внешний вид, одежда, жесты), чувство солидарности и «группового духа». Жаргон — и символ принадлежности к данной социальной группе, и показатель ее своеобразного языкового существования, и лингвистическое проявление ее субкультуры. Как разновидность формы существования языка жаргон всегда вторичен, его использование факультативно.

3. **Условные языки (арго)** — лексические системы, предназначенные для выполнения преимущественно конспиративной функции. Потребность в пользовании тайным, непонятным для непосвященных языком... возникает у социальных групп, стремящихся сознательно изолировать себя от «других», от основной части общества. ... Цели засекречивания содержания речи могут быть самыми разными — и сохранение «тайн» своего ремесла, и защита в условиях бродячей жизни, и свободная беседа о своих делах в присутствии хозяина дома, и желание показать свое языковое превосходство перед незнающими их «языка», и соображения эвфемистического порядка. <...>

4. **Жаргон деклассированных** — это совокупность слов и фразеологических оборотов, служащих для группового общения деклассированных элементов. Нередко основной функцией воровского жаргона (арго) считают конспиративную. ... Но это не единственная его функция. Жаргон служит и своеобразным паролем, средством опознания «своего» человека в отличие от остальных («врагов», жертв). Наличие в составе словаря арго до 70% экспрессивно-эмоциональных слов наводит на мысль о том, что одной из его функций, причем не второстепенной, а основной, является экспрессивно-выразительная. Стилистически сниженная, грубая, вульгарная речь деклассированных, изобилующая словами и выражениями с резко отрицательными коннотациями, ... отражает мораль деклассированного, его презрение к обществу, к труду, к людям труда, к женщине, к общепринятым нормам поведения (например: балд'а – ночной сторож, укр'оп, л'апоть – крестьянин, ляг'авый – предатель и т.п.).

Л.П. Крысин «Социальная маркированность языковых единиц» // Вопросы языкознания, № 4, 2000.

<...> объектом нашего внимания будут субстанции, которые материализуются не в виде тех или иных внешних признаков слова или предложения, а в виде лексических значений (или фрагментов значений), которым в соответствие ставятся толкования (или соответствующие их части), описывающие эти значения. Тем не менее и в этом случае мы должны говорить о социальной маркированности языковых единиц, поскольку определенные значения слов или компоненты значений обнаруживают свою социальную (а не какую-либо иную) природу.

6.1. Тривиальной разновидностью социально маркированных лексических значений являются **метафорические переосмысления** общеупотребительных слов, происходящие в среде говорящих, ограниченной по профессиональному или социальному признаку.

Ср., например: *коза* 'вагонетка для перевозки людей в шахте', *баран* 'машина для сверления шнуров', *чайник* 'пневматический насос' — в профессиональном языке горняков [Краснова, Марченко 1981: 338 — 339], *брюхо* 'нижняя часть фюзеляжа', *морда* 'лобовая часть самолета', *нога* 'опора шасси' — в языке летчиков; *меняла* 'сменщик', *пиджак* 'пассажир провинциального вида', ехать *конем*, то есть порожняком, без пассажиров — в языке таксистов (подробнее см. в [Крысин 1989: 68 — 69]); *балерина*

'отмычка', *крыса* 'тот, кто ворует у своих', *кувалда* 'умственно отсталый человек', *ротонда* 'тюрьма' — в жаргоне уголовников (см. [Балдаев и др. 1992]), *колёса* 'наркотик в виде таблеток', *косяк* 'папироса с марихуаной или другим наркотиком', *торчат* 'употреблять наркотики', *трава* 'марихуана' — в жаргоне наркоманов и хиппи (см. [Рожанский 1992; Юганов, Юганова 1997]) и мн. др. Во всех подобных случаях слово с данным значением является социальным маркером определенной профессиональной или социальной среды. <...>

6.2. Меньше изучено принципиально иное явление, также имеющее отношение к проблеме социальной маркированности языковых единиц, — отражение в лексическом значении слова социальных отношений между участниками ситуации, обозначаемой этим словом. <...>

В каждом языке имеется лексика, обозначающая различные отношения между людьми — межличностные и институциональные (то есть реализующиеся в некоей иерархической социальной структуре — семье, производственной группе, спортивной команде, воинском подразделении и т.п.), а также отношения между личностью и обществом. Лексические значения таких слов содержат в себе указания на характер подобных отношений, которые в самом грубом виде можно разделить на отношения подчинения (или зависимости) и отношения равенства.

Рассмотрим это явление на двух группах примеров — предикатах, обозначающих асимметричные отношения, или отношения подчинения (зависимости):

(1) *арестовать, аудиенция, благоволить, велеть, верховодить, взыскание, властвовать, власть, вменить, возглавить, воспретить, выговор, выселить, выслать, гневаться, головомойка, даровать, диктат, диктатура, жучить, закатать (под арест), зыкнуть, изгнать, инспектировать, кара, карать, кассация, кассировать, командировать, командовать, коноводить, консультировать, контролировать, конфисковать, мирволить, надзирать, надлежать, назначить, нахлобучка, нотация, обязать, окрик, опека, опекать, отозвать (посла), отстранить (от работы), подчинить, позволить, покровительство, покровительствовать, помилование, помиловать, разрешить, распекать, ревизовать, руководить, сместить, сослать, тиранить, экзаменовать* и под.; эти слова обозначают ситуации, в которых социальная роль первого участника (семантического субъекта, или агенса) "выше" социальной роли второго участника (адресата или контрагента); схематически: $P(X) > P(Y)$;

(2) *апеллировать, апелляция, вымолить, выплакать (себе прощение), выхлопотать, гневить, грубить, дерзить, докладывать* (в контекстах типа: *докладывать по начальству*), *испросить, исхлопотать, консультироваться, молить, непочтение, послушаться, отпроситься, повинование, повиноваться, подпевала, подчиняться, прекословить, пререкаться, рапорт, рапортовать, резать (правду в глаза), слушаться, экзаменоваться* и под.; социальная роль первого участника ситуации "ниже" социальной роли второго; схематически: $P(X) < P(Y)$.

Значения слов, называющих асимметричные ролевые отношения, назовем социально ориентированными. <...>

Семантическая структура слов, обозначающих социально ориентированные отношения, содержит не менее двух актантов — субъекта и адресата; кто *командует* кем, кто *высылает* кого, кто *апеллирует* к кому, кто *выслуживается* перед кем и т.д. <...>

<...> глагол *благоволить* означает не просто 'проявлять расположение к кому-н.' или 'испытывать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение', как истолковано это слово в словаре под ред. Д.Н. Ушакова и в Малом академическом словаре. В этих толкованиях упущено существенное условие: статус того, кто выказывает благоволение, выше статуса того, кому благоволение адресовано. Если этим условием пренебречь, то, следуя приведенным толкованиям, мы должны допустить к употреблению, в частности, фразы типа: **Учитель математики благоволит к своим коллегам* (ситуация равных статусов субъекта и адресата) или **Ученик благоволит к директору школы* (ситуация, "обратная" нормальной: статус объекта благоволения ниже статуса адресата).

В ситуации, описываемой глаголом *гневаться*, субъект мыслится как лицо почитаемое, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью. Сравните:

И увидев то, *царь* Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные...
(М.Ю. Лермонтов).

Невозможно употребление глагола *гневаться* в ситуациях с равным и в особенности с "обратным" статусом субъекта и адресата: *"Товарищи на меня гnevаются; *Лакей разгневался на барина за выговор, который тот ему устроил.*

Рассмотрение этих двух явно устаревших глаголов — *благоволить* и *гневаться*, — может навести на мысль, что социальный компонент лексического значения, указывающий на неравенство статусов субъекта и адресата действия (или отношения), характерен лишь для книжных и устаревших слов. Но это не так.

Например, вполне современный и даже разговорный по своей стилистической окраске глагол *распекать* — *распечь* нормально употребляется при обозначении отношений, в которых субъект обладает более высоким статусом, чем адресат. Можно

сказать: *Мать распекала сына за двойки*, но нельзя: **Сын-школьник распекал мать за то, что она поздно пришла с работы* или **Подчиненные распекали начальника за грубость.*

Глагол *принимать* — *принять* в одном из своих значений описывает ситуацию, в которой принимающее лицо обладает более высоким статусом, чем принимаемое:

Вчера президент Франции принял посла США и имел с ним продолжительную беседу; Сегодня мэр не принимает посетителей.

Некорректно употребление этого глагола, если условие об асимметрии социальных статусов нарушено:

**Посол Франции принял президента США; *Директор завода не принял министра.*

Глаголы *грубить* и *дерзить*, близкие друг другу по смыслу, обозначают отношения, в которых субъект находится в более низком статусе, чем адресат. <...>

<Но> глагол *дерзить* в большей степени, чем *грубить*, ориентирован на выражение асимметричных отношений между участниками обозначаемой им ситуации: дерзят обычно младшие по возрасту старшим (часто на это различие накладывается и разница в социальном статусе или в социальных ролях). Фразы типа: *Коля, почему ты дерзишь учительнице? Мальчик надерзил отцу и даже не извинился*, — нормальны, правильны, а фразы типа: *'Учительница постоянно дерзила своим ученикам* (статус субъекта выше статуса адресата) или **Мальчик дерзит своим товарищам* (статусы субъекта и адресата равны) — воспринимаются как аномальные, неправильные.

На этих примерах мы убеждаемся, что при описании семантики (толковании) слов, обозначающих асимметричные отношения между людьми, необходимо включать в это описание социальный компонент, который указывает на неравенство статусов (или асимметрию социальных ролей) участников называемой словом ситуации. <...>

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. 2000. С. 391–398

Цели эвфемизации речи

<...>Верна ли традиционная интерпретация эвфемизма как смягчающего средства, как слова или выражения, заменяющего то, что кажется говорящему грубым или неприличным? Понимание эвфемизма только как смягчающего средства или как способа избежать грубости более или менее удовлетворительно в отношении личных сфер эвфемизации. Но как только мы начинаем касаться социальных сфер и разнообразных случаев эвфемизации той речи, которая обслуживает эти сферы, становится очевидной недостаточность представления об эвфемизме как о простой замене грубого или неприличного слова более приемлемым (и для говорящего, и для адресата).

1. Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, — стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта.

В эвфемизмах этого рода иначе, в более вежливой форме — по сравнению с иными способами номинации — называют объект, действие, свойство. Ср., например, употребляющиеся в функции своеобразных терминов слова *слабослышащий* (вместо глухой), *незрячий* (вместо слепой), а также высказывания типа *Она недослышит. Он прихрамывает* (о сильно хромящем человеке). Да что-то я *приболел* — *температура под сорок*, и т. п.

Канцелярский штамп *заслуженный отдых* (покой) в сочетаниях *уйти (проводить) на заслуженный отдых (покой)* ощущается многими говорящими как более вежливое выражение, чем слово *пенсия*, в особенности если оно употребляется в присутствии лица, о котором идет речь (по-видимому, потому, что слово *пенсия* может вызывать у адресата нежелательные ассоциации с социальной ущербностью).

Ср. также случаи более индивидуальных эвфемизмов подобного рода:

Присядьте, прошу вас, *присядьте* — вот те, на балконе, гости! (председательствующий на съезде народных депутатов, апрель 1992 г.) — здесь словоформа *сядьте* расценивается говорящим, видимо, как недостаточно вежливая;

— Это платье вас... э-э... *взрослит* (говорящий избежал слова *старит*);

— Ты стал какой-то... — *Взрослый* — так сейчас говорят, чтобы не сказать: старый. — (Смех) Да-да (Записи устной речи, 90-е годы).

2. Более специфической — в социальном смысле — является другая цель эвфемизации: в у а л и р о в а н и е , к а м у ф л я ж с у щ е с т в а д е л а .

Эвфемистические средства, используемые для этой цели, весьма разнообразны и характерны, как кажется, именно для нашей языковой действительности. Причина этого — в общей лживости системы и обслуживающего ее идеологического аппарата, в боязни огласки неблагоприятной или антигуманной деятельности. Недаром камуфлирующие наименования наиболее частотны при описании того, что надо скрывать: жизни лагеря или тюрьмы, работы оборонных предприятий, скрытой деятельности верхушки коммунистической партии, госаппарата, работы ЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ — ФСК, которые получили эвфемистическое наименование *компетентные органы*.

Например, лагерь или тюрьма в административно-деловом жаргоне называется *учреждение* (В это время в *учреждение* поступило много новых людей. — Телевидение, 27.08.91, интервью с работником МВД); сочетанием *отдельно стоящее помещение* обозначается штрафной изолятор в лагере (см. в повести Л. Разгона «Непридуманное»); слово *надзиратель* в последнее время вытеснено более туманным и не столь одиозным *контролер*, вместо слова *агент* или пейоративного *стукач* говорят *информатор* или *доброжелатель* (ср. в речи бывшего охранника И. В. Сталина — Рыбина: *Агент* неудобно говорить, ну, *доброжелатель* можно сказать, *доброжелатель*. — Телевидение, 12.09.91); ср.: также: В *обслуживание* (так на гэбистском жаргоне звали оперуполномоченные свою работу) дали огромную территорию (КП, 29.06.91).

Весьма показательны также в качестве «камуфлирующих» многочисленные наименования с первой частью *спец-*: *спецконтингент* (о заключенных или ссыльных), спецотдел (а также особый отдел в воинских подразделениях, в гражданских — первый отдел, что также является эвфемистическим обозначением службы сыска и цензуры)» *спецраспределение*, *спецсектор*, *спецадание*, *спецоликлиника*, *спецхран* — как сокращенное название отдела специального хранения книг в библиотеке, т. е. книг, не выдаваемых читателям без особого на то разрешения, и т. п. <...>

Спецакция и просто *акция* на этом жаргоне — «расстрел, приведение в исполнение смертного приговора», а словосочетание *высшая мера* (из высшей меры наказания) эвфемистически обозначающее приговор к смертной казни, стало официальным юридически термином (который в просторечном и арготическом употреблении стянулся до *вышка* и *вышак*).

Сюда же примыкает вуалирующее употребление глаголов *нейтрализовать* и *обезвредить* в контекстах типа: *Надо было нейтрализовать охрану* (= ‘перебить, уничтожить’), *После того, как часовой был обезврежен...* (= убит или приведен в состояние, когда он не может действовать), *физическое устранение* — вместо *убийство* (В «Вечерней Москве» появилась провокационная статья о якобы готовящемся физическом *устранении* президента. — Телевидение, 20.04.93) и нек. др.

В военном языке с давних пор употребляются обозначения, с помощью которых от противника скрывается подлинный смысл передаваемых сообщений: *хозяйство* в значении «воинская часть», *огурцы* в значении «снаряды» и т. п. Эта традиция была воспринята и при описании деятельности оборонных и всяких иных «закрытых» предприятий: ящик в значении ‘завод, институт’ (*Работаю в ящике*; *Их распределили по ящикам* — о выпускниках института) — из сочетания *почтовый ящик номер такой-то*; *объект* — и значении ‘военный объект’ или ‘промышленный объект оборонного характера’: ...выбрали место, где и появился «совершенно секретный» ядерный центр. Во всех документах он теперь именовался «Объектом». И только в наше время мы знаем его «научное» название — Лрзамас-16 (Рос. газ., 26.02.94; ср. также многочисленные примеры употребления слова *объект* в таком смысле в «Воспоминаниях» А. Д. Сахарова), *изделие* — о бомбе, ракете и тому подобной продукции военного назначения: Приехав на полигон для ядерных испытаний, мы узнали о неожиданно возникшей очень сложной ситуации. Испытание было намечено в наземном варианте. *Изделие* в момент взрыва должно было находиться на специальной башне, построенной в центре испытательного поля (А. Д. Сахаров. Воспоминания); *продукт*: *Продуктом* называли начинку для атомных бомб (Телевидение. 18.10.91).

Камуфлирующими являются эвфемизмы, которые в недавнем прошлом использовались для обозначения действий и свойств представителей партийного и советского аппарата (любого уровня). Жизнь внутри партийной верхушки, внутри структур власти должна была скрываться от непосвященных, и поэтому сообщения о тех или иных событиях в этих сферах изобиловали весьма расплывчатыми оборотами типа: *для служебного пользования* — о секретных документах, рассмотрен организационный вопрос (это означало, что какой-либо партийный или советский начальник выведен из состава руководящего органа, понижен в должности и т. п.), *были сделаны оргвыводы* (обозначение репрессивных мер, примененных к какому-нибудь функционеру или вообще работнику), *вести себя нескромно* (о партийном хатуге, коррупционере и т. п.); ср. также полушутливое — но от этого не меняющее своей эвфемистической сути — *жизнелюб* применительно к какому-нибудь чиновному пьянице или развратнику. Кое в чем такое словоупотребление сохраняется и в наши дни; ср.: Была отмечена *нескромность* главы администрации, который использовал свое служебное положение в корыстных целях [то есть брал взятки, торговал государственным имуществом и т. п.] (Радио, 15.03.93); Руководители Белоруссии не приняли необходимых мер для борьбы с коррупцией и сами проявили *личную нескромность* (Телевидение, 26.01.94).

Камуфлирующие слова и обороты весьма распространены и вне той специфической среды, которая связана с репрессивной системой, военно-промышленным комплексом или с отношениями внутри партийных и властных структур. К ним прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение и т. п.

Таковы, например, словосочетания *либерализация цен, освобождение цен, упорядочение цен, свободные цены* в языке современной прессы, в речевой практике экономистов, представителей власти и др. В буквальных своих значениях эти сочетания могут прилагаться к любым ценам и любым процессам, происходящим с ценами, — понижению, повышению, сохранению на том же уровне, приведению их в порядок, как это следует из смысла слов *освобождение, либерализация, свободный, упорядочение*. Однако в действительности они обозначают рост цен, более высокие, чем прежде, цены, но обозначают, так сказать, не впрямую, а вуалируя малоприятное для большинства людей явление.

Ср.: Последствия реформы обнаруживаются в виде инициируемой сверху гиперинфляции и беспрецедентного взвинчивания цен на продовольственные и промышленные товары первой необходимости, почему-то нежно названного здесь благозвучным именем «*либерализация*» (МК, 02.02.92, интервью с экономистом Л. И. Пияшевой); Под благозвучным названием *упорядочения* цен повышены цены на ряд товаров повседневного спроса (Радио, 16.10.91); Указ, который кокетливо называется «*О регулировании цен на некоторые виды энергопродуктов*», на самом деле значительно повышает цены на все нефтепродукты и большую часть других видов топлива (Телевидение, 20.09.92).

Власть стремится смягчить удары, наносимые населению реформами в области экономики. Так, в конце 80-х годов талоны на получение сахара, мыла и других товаров первой необходимости, ставших дефицитными (по торговой терминологии такие товары называются эвфемистично *товарами повышенного спроса*), снабжались лицемерной надписью «*Приглашение*». Действия правительства, направленные на повышение цен, увеличение налогов и т. п., само же правительство называют весьма аморфным по смыслу и эвфемистическим по существу словосочетанием *непопулярные меры*.

Стремление скрыть истинный смысл явления просматривается и в таких обозначениях, как *воины-интернационалисты* (о советских солдатах в Афганистане в 1979—1990 гг.), *дружеская помощь* братскому афганскому народу, *ограниченный контингент войск* на территории того же Афганистана (ср. использование более прямых номинаций *агрессия, оккупация, оккупанты* — в радиопередачах Би-Би-Си, «Голоса Америки», радиостанции «Свобода»). Тенденция к использованию «камуфлирующих» выражений наблюдается и при официальном освещении событий в Чечне после ввода туда российских войск в декабре 1994 года; ср.: Первоначальные ежедневные попытки властей «успокаивать» общество с помощью обмана сменились пристрастием к эвфемизмам. Говорят, мы там не стреляем по чеченцам — мы «даем адекватный ответ». Говорят, это не война — это «*военная операция по разоружению*» (Изв., 20.12.94).

В связи с распадом Советского Союза и усилением вражды между некоторыми, прежде «братскими», его народами сообщения о кровавых событиях в тех или иных районах Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Молдавии и др. также нередко подаются в «вуалирующем», смягчающем тоне, для чего используются эвфемизмы типа: *сохраняется напряженность* (В Нагорном Карабахе *сохраняется напряженность* ... имеются убитые и раненые. — Радио, 1991), *пострадать* (В боях *пострадало* свыше со-

рока человек, из них восемь убиты. — Телевидение, 1991), *пойти на крайние меры* (В этой обстановке нежелательно было бы *пойти на крайние меры* и ввести туда войска. — Телевидение, 1991), *непредсказуемые последствия* (Этот шаг азербайджанского правительства может иметь *непредсказуемые последствия*: обозреватели сходятся во мнении, что военных действий в Нагорном Карабахе избежать не удастся. — Радио, 1990) и т. п.

Напряженность отношений между различными народами и национальными группами рождает у людей, выступающих публично (у журналистов, комментаторов, депутатов, политических деятелей и др.), боязнь неточным словом, неловким выражением усилить эту напряженность, невольно способствовать межэтническим раздорам. Отсюда — шаг к ложной интерпретации смысла некоторых единиц как слишком прямого, грубого, а самих этих единиц — как могущих нанести моральный ущерб адресату или тем, о ком идет речь.

Так, с недавних пор вместо однословного обозначения представителей народов Кавказа, Средней Азии и некоторых других регионов в прессе, по радио и телевидению стали употреблять описательные обороты: *лица армянской национальности* (вместо армяне), *лицо узбекской национальности* (вместо узбек) и даже *лица кавказской национальности*, хотя такой национальности, как кавказец, не существует (ср. следующее официальное уведомление: Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ рекомендовала признать некорректным и неэтичным употребление в газетах терминов типа «лица кавказской национальности». — ВМ, 15.07.94). В некоторых случаях такого рода описательными оборотами стремятся скрыть более узкий смысл, более конкретный объект, прямое название которого представляется говорящему не совсем удобным, потому что раскрывает его подлинные взгляды, намерения или цели. Так, представители националистически настроенных литературных кругов под словосочетанием *русскоязычные писатели* иногда имеют в виду писателей-евреев; участники летних (1992 года) митингов у здания Останкинского телецентра вначале выдвигали требование — оно было начертано на плакатах — «Долой нерусское телевидение!», но вскоре перешли к более ясным лозунгам: «Еврейское телевидение — Израилю!», «Долой сионизм в эфире!» и т. п.

3. Третья цель, преследуемая говорящими при употреблении эвфемизмов, заключается в стремлении сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему. Разумеется, такого рода зашифрованность относительна, и очень скоро она становится мнимой, если подобные сообщения содержатся не в частной переписке, а публикуются и тем самым делаются доступными для интерпретации каждому читающему или слушающему.

С этой точки зрения весьма характерны разного рода объявления, публикуемые в печати или вывешиваемые, так сказать, в самодеятельном порядке на остановках, у станций метро, на заборах и столбах и т. д. «Меняю трехкомнатную квартиру на четырехкомнатную *по солидной договоренности*» — здесь за словами «солидная договоренность» скрыто обещание хорошо оплатить разницу в площади обмениваемых квартир. Ср. также еще более характерное: «Меняю однокомнатную квартиру на двухкомнатную *по очень хорошей договоренности*» и даже «Меняю Луганск на Москву *за очень хорошую договоренность*», где в типе управления проглядывает модель управления того предиката, который заменен эвфемизмом: ср. *платить, плата за что-нибудь*.

В сфере, которая связана с обменом и получением жилья, немало и других эвфемизмов. Каждому, кто вплотную сталкивался с этой вызывающей тягостные ощущения сферой, хорошо известно, что, например, *перспективная семья* — это семья, в которой родители находятся в так называемом репродуктивном возрасте, то есть, проще говоря, семья, в которой могут родиться дети. А *перспективная квартира* — это нечто почти противоположное по смыслу и даже зловеще-бесчеловечное по сути: квартира, в которой живет престарелый (и, стало быть, неперспективный в только что рассмотренном смысле) человек и которая, следовательно, скоро освободится.

С вуалированием, сокрытием сути даваемого сообщения связан и еще один тип объявлений — касающийся отношений между мужчинами и женщинами. Ср. следующие примеры: Молодая женщина *окажет услуги* состоятельному мужчине; Стройная, умная, молодая женщина *ищет личного спонсора*; Хочу *наказывать непослушную даму*, Юноша 20 лет *ищет наставницу* (объявления в газете «Частная жизнь», 1992). Выделенные слова и обороты — явные эвфемизмы: они употреблены не в их словарных значениях, а тех, которые хочет выразить адресант; при этом, правда, эти эвфемизмы плохо выполняют свое камуфлирующее предназначение, так как их «тайный» смысл прочитывается достаточно легко (ясно, о какого рода услугах идет речь, с какой целью ведутся поиски личного спонсора, чему именно должна обучать юношу 20 лет его наставница и чем вызвано желание наказывать непослушную даму).оборот *интимные услуги* употребляется как эвфемистическое обозначение профессиональной деятель-

ности проституток или вообще продажи женщинами своего тела, ср.: Сотрудниками отдела по борьбе с притоносодержанием и вовлечением в проституцию несовершеннолетних были задержаны 16 человек, подозреваемых в оказании *интимных услуг* за вознаграждение (Ссг., 21.12.93). Ср. также специфическое понимание и употребление слова *комплексы* в таком объявлении: На высокооплачиваемую работу требуются *девушки без комплексов* (имеются в виду потенциальные проститутки), а также весьма конкретное осмысление слова *привычки* (точнее — словосочетания *вредные привычки*) в объявлении о найме на работу: Предприятию требуются водители и экспедиторы. *Лиц с вредными привычками* и старше 35 лет просим не обращаться (под лицами с вредными привычками подразумеваются любители выпить).

О.П. Ермакова «ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЖАРГОНА» // Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1999.

с. IX-XI

Источники пополнения жаргона

Заглядывая в словарь, читатель обнаружит, что источниками общего жаргона являются, с одной стороны, жаргоны разных социальных групп, а с другой — различные тематические группы слов русского литературного языка и других языков.

Долгое время основу общего жаргона составлял студенческий жаргон. Но в настоящее время это далеко не так. В последние десятилетия XX века основным источником пополнения жаргона стал **арго** (блатной язык). В значительной степени это объясняется тем, что язык советской тюрьмы стал достоянием гласности: было снято табу на лагерно-тюремные темы в литературе и кино, а это немедленно нашло отражение в прессе. К сожалению, не приходится отрицать и фактор заметной криминализации общества. Многие слова пришли в общий жаргон из воровского арго. Приведем некоторые примеры: *бабки* 'деньги', *мочить* 'убивать', *мент*, *мусор* 'милиционер', *щипач* 'мелкий жулик', *малина* 'воровской притон', *вышка* 'высшая мера наказания — расстрел', *стрелка* 'встреча воров', *братва* 'воровское сообщество', *обуть* 'огрбить, обобрать', *важняк* 'следователь по особо важным делам'.

Не избежал общий жаргон и влияния **жаргона наркоманов**, но эта лексика в общем жаргоне немногочисленна: жаргон наркоманов сохраняет определенную кастовость, он ограничен узким кругом носителей, и лишь отдельные слова выходят за пределы этой сферы. Это такие слова и выражения, как: *ширяться* 'колоть наркотики', *дурь*, *травка* 'марихуана', *сесть на иглу*, *косяк* 'папироса с анашой', *глюки* 'галлюцинации'.

Некоторые слова общего жаргона по своему происхождению — профессиональные выражения, например: **милиейские** (они часто очень похожи на арготизмы, а отдельные из них, возможно, первоначально и были таковыми) — *бытовуха* 'преступление, совершенное на бытовой почве', *групповуха* 'групповое изнасилование', *расчленёнка* 'расчлененный труп', *подснежник* 'труп, обнаруженный под снегом'; **армейские** — *деды*, *дембель*, *косить* (от армии); названия, заимствованные из жаргона **спецслужб**, — *деза* 'дезинформация', и бизнесменов — *нал* 'наличные деньги', *безнал* 'безналичный расчет'.

Конечно, определенную часть лексики общий жаргон по-прежнему усваивает из **жаргона студентов и школьников**, например: *возникать* 'высказываться', *блин* (эвфемизм известного нецензурного слова), *страшилка* 'нарочито пугающие рассказы или анекдоты с черным юмором', *въехать* 'понять', *ботан*, *ботаник* 'старательный ученик'.

На всем протяжении своего существования общий жаргон активно взаимодействует с **просторечием** (языком необразованной части общества, недостаточно владеющей нормами литературного языка). Во многих случаях можно говорить о зоне лексики жаргонно-просторечной: по происхождению она просторечная (а иногда — диалектная) и продолжает употребляться в просторечии, но в то же время прочно "осела" в жаргоне. Это преимущественно стилистически сниженная лексика с окраской грубости или фамильярности, например: *надраться*, *набраться*, *налимониться*, *насвистаться* 'напиться' (об алкоголе), *с бодуна* 'с похмелья', *вмазать*, *врезать* 'ударить', *давать* 'позволять вступать в сексуальные контакты' (о женщине), *кумпол* 'голова'. Нейтральные просторечные номинации типа *хозяин* 'муж', *играться* 'предаваться игре', *ложить* (вместо лит. *класть*) и под. в жаргоне не употребляются.

Таким образом, в настоящее время происходит очень активный процесс интеграции общего жаргона со всеми сферами ненормативной лексики русского языка.

Общий жаргон постоянно испытывает влияние других языков.

И в прежние годы более других обогащал жаргоны английский язык. В настоящее время в связи с облегчением контактов с США заметно активизировался и приток американизмов в общий жаргон. Приведем примеры английских (точнее, американских) заимствований, попавших в общий жаргон в разное время: *гей* 'гомосексуалист', *герла* 'девушка', *попса* 'поп-музыка', *фейс* 'лицо', *креза* 'сумасшествие', *коп* (название полицейского в Америке, применяется по отношению к милиционеру).

Значительно меньше в общем жаргоне заимствований из других языков. Ср.: *ксива* 'паспорт' (идиш), *кайф* 'удовольствие' (арабское или турецкое), *фазенда* 'загородный дом', 'дачный участок с домом' (испанское), *путана* 'проститутка' (итальянское).

Пополнение жаргона постоянно происходит и в результате семантических и словообразовательных процессов.

Е. А. Земская. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ // Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1999.

с. XVII

В чем состоит специфика жаргонного словообразования, его отличие от словообразования литературного языка? В словообразовании жаргона ярче, чем в других сферах языка, проявляется игровая, экспрессивная функция. Словообразование в жаргоне служит не только и не столько для того, чтобы создавать новые номинации, сколько для того, чтобы порождать яркие, образные, несущие заряд выразительности слова, многие из которых являются экспрессивными модификациями нейтрально-литературных, просторечных или разговорных слов.

Наиболее развито в жаргоне словообразование имен существительных. И это вполне естественно. Во всех сферах русского языка словообразование существительных является наиболее богатым: в нем действует наибольшее число словообразовательных средств и способов словообразования, оно обслуживает все имеющиеся в языке функции словообразования. Словообразование существительных порождает разветвленную сеть наименований лиц, предметов и явлений. Глагол привязан к процессуальной семантике, он занимает в жаргоне второе место по количеству слов. Имя прилагательное находится на третьем месте по числу слов, и его словообразование наиболее бедно. В словообразовании наречий действуют некоторые специфические жаргонные суффиксы.

с. XXVI-XXVII

Отличительная особенность жаргонного словообразования — высокая образность, нацеленность на передачу разного рода оценок. Это приводит к доминированию экспрессивной функции словообразования над номинативной. Компрессивное словообразование представлено в жаргоне преимущественно способом усечения и шутливыми аббревиатурами. Конструктивная функция (т.е. свертывание пропозиции в словосочетание) для жаргонного словообразования малохарактерна.

Сравнение общего жаргона со специальными показывает, что в общем жаргоне словообразование более “сдержанно”, чем во многих специальных. И это вполне естественно. В обив жаргон попадает то, что не противоречит слишком резко явлениям литературного языка.

Большой контраст общему жаргону представляют, в частности, молодежными, а также жаргон неформальной группы митьков (см. Словарь). В общем жаргоне отсутствует свойственное молодежному жаргону производство глаголов на *-ать* от заимствованных основ типа *аскать* — 'просить' (от англ. to ask), или *шпрехать* — 'говорить' (от нем. sprechen), не используются типичные для молодежного жаргона искусственные суффиксы *-фан* (*корешфан* — *кореш*, *куртофан* -- *куртка*), *-ба* (*тройбаиш* — *оценка “3”*), *-бан* (*дружбан* — *друг*), *-дель* (*черепушдель* — *голова*) и под., нет обилия уменьшительно-ласкательных форм, создаваемых не только от имен, но и от глаголов, что свойственно жаргону митьков. Напомню знаменитую фразу Митьков *"И кораблюшечки плыветушечки"* — перефразировка названия фильма Феллини «И корабль плывет».

Несмотря на указанную сдержанность словообразования общего жаргона, сделаем такой вывод. “Эмоционально-экспрессивная насыщенность жаргонного слова”, которую отмечают исследователи, в высокой степени присуща как непрямому, так и прямому словам общего жаргона, для чего и служат те особенности жаргонного словообразования, которые были рассмотрены выше.

Семантический перенос

Не менее трети жаргонизмов возникает как производные переносные значения слов, основные значения которых являются литературными, например:

свалить (лит.) 'обрушить вниз' — (жарг.) 'уйти';

челнок (лит.) 'деталь ткацкого станка, перемещающаяся взад и вперед' — (жарг.) 'частный торговец, который ездит куда-либо и возвращается обратно' и т.п.

Главный механизм образования переносных жаргонных значений — метафора (метонимия) используется лишь в единичных случаях).

Наиболее общее направление метафорического переноса — с нечеловека на человека, например:

чайник (лит.) 'сосуд для кипячения воды' — (жарг.) 'непрофессионал';

жук (лит.) 'вид насекомых' — (жарг.) 'спекулянт';

ночная бабочка (лит.) 'вид насекомых' — (жарг.) 'проститутка';

крыша (лит.) 'часть дома' — (жарг.) 'голова' и т.п.

Обратнонаправленная модель метафорического переноса с человека на нечеловека, часто встречающаяся в рамках литературного языка, ср.:

нос 'часть лица человека — передняя часть корабля';

подошва 'нижняя часть стопы / нижняя часть обуви' — 'нижняя часть чего-либо' (*подошва горы*)

почти никогда не используется при образовании жаргона.

Модель переноса 'от нечеловека к человеку' может получать различные модификации. Наиболее распространенная из них — перенос от естественного процесса или действия, направленного на предмет или животное, — на социальное действия ср.:

возникать (лит.) 'появляться' — (жарг.) 'высказываться';

засветиться (лит.) 'начать излучать свет' — (жарг.) 'быть замеченным';

подставить (лит.) 'поставить что-то под что-либо' — (жарг.) 'поставить кого-то в неприятное или опасное положение, подвести';

пасти (лит.) 'следить за пасущимися домашними животными' — (жарг.) 'следить за кем-то' и т.п.

и от действия с предметом — к психической области: эмоциональной, например:

дотать (лит.) 'дотянуться до чего-то, находящегося на расстоянии' — (жарг.) 'вывести кого-либо из терпения';

оторваться (лит.) 'в результате резкого движения перестать быть частью чего-либо' — (жарг.) 'развлечься, получить удовольствие';

или интеллектуальной, например:

въехать (лит.) 'переместиться внутрь какого-либо пространства на транспорте' — (жарг.) 'понять что-либо';

врубиться (лит.) 'проникнуть внутрь чего-либо твердого с помощью инструмента' — (жарг.) 'понять суть проблемы'.

Еще одна модификация модели 'от нечеловека — к человеку' — перенос типа 'естественное — сделанное руками человека', например:

жучок (лит.) 'насекомое' — (жарг.) 'подслушивающее устройство'.

Смысл использования модели переноса 'нечеловек — человек' при образовании жаргона — снижение статуса того, о чем идет речь. Называя человека именем предмета, сложное электронное устройство — именем примитивного вместилища и т.п., говорящий тем самым выражает их более низкую оценку.

Цели снижения служит и использование ряда других моделей переноса, не укладывающихся в формулу 'нечеловек — человек'. Это модель 'физическое воздействие — психическое воздействие', например:

наехать (лит.) 'натолкнуться на кого-что-то во время езды' — (жарг.) 'напасть с угрозами';

модель 'примитивное — сложное устройство', в частности 'немеханизм — механизм', например:

ящик (лит.) 'вместилище для чего-н., обычно четырехугольной формы' — (жарг.) 1.'телевизор' 2.'компьютер';

тачка (лит.) 'ручная тележка' — (жарг.) 'автомашина'.

мельница (лит.) 'вместилище для мыла, обычно пластмассовое' — (жарг.) 'дешевый фотоаппарат'.

Не всегда, когда лексема общего жаргона представляет собой переносное значение слова, в своем основном значении являющегося литературным, перенос имеет место при ее образовании. Иногда он происходит раньше — в одном из специальных жаргонов, из которого впоследствии жаргонизм был заимствован в общий жаргон. Легкость заимствования обеспечивается тем, что модели переноса, используемые при образовании специальных жаргонов и общего жаргона, совпадают. Например, слово *шестёрка* 'человек, выполняющий мелкие поручения' заимствовано в общий жаргон из воровского арго, и перенос по модели 'нечеловек — человек', в данном случае 'карта — человек' произошел в воровском арго. Другие примеры переносов, имевших место при образовании специальных жаргонов, представлены словами *расколоться* 'признаться в чем-либо', *накрыть* 'застать на месте преступления', *кинуть* 'обмануть' (из уголовного); *колеса* 'таблетки, оказывающие наркотическое действие' из жаргона наркоманов и др. Единственное изменение поэтому, которое может иметь место в случаях заимствования из специального жаргона в общий, — деспециализация переносного значения: например, *шестерка* в воронском арго значило 'человек, прислуживающий *ворам*', а не 'помощник' вообще.

Экспансия переноса

Перенос — настолько универсальный способ образования жаргона, что он имеет тенденцию вторгаться и в область действия других способов, например, словообразования. В целом ряде случаев образованию нового жаргонного слова с помощью суффикса сопутствует метафорический перенос по уже известным нам моделям. Например, слова *топтун* и *несун* образованы от лит. глаголов *топтаться* и *нести* с помощью суффикса *-ун*, однако в отличие от существительных литературного языка, образованных по той же словообразовательной модели (*говорун, болтун, молчун* и т.п.), они не имеют значения 'человек, который любит делать и много делает действие, обозначенное соответствующим глаголом'. *Топтун* — это соглядатай, человек, который занимается слежкой, и прямое значение слова *топтун* 'тот, кто много топает', полученное в результате применения суффикса, послужило лишь основой для метафорического переноса по модели 'человек, выполняющий физическое действие — человек, выполняющий социальное действие' на основе ассоциации 'соглядатаи топчутся под окнами'.

Точно так же *несун* — 'тот, кто крадет с места работы, постоянно унося что-то с собой', а не 'тот, кто любит носить'; последнее значение используется лишь в качестве основы для метафорического переноса по той же модели.

Осложненный перенос

Метонимический перенос может иметь место при образовании жаргонного слова, но за редкими исключениями не используется как таковой, а дополняется метафорическим переносом. В качестве примеров такого способа образования жаргонных слов можно привести *сачок* и *коричневые*. Внешне и то, и другое слово — результат метонимического переноса по модели 'деталь внешности человека — человек': *человек с сачком* — *сачок*, *человек в коричневой форме* — *коричневый*. Однако слово *сачок* имеет в общем жаргоне другое значение — 'прогульщик, бездельник', которое возникает как результат метафорического переноса на основе ассоциации 'тот, у кого в руках сачок, ничего не делает', а слово *коричневый* — метафорическое значение 'фашист' на основе ассоциации цвета формы и принадлежности к фашистским организациям. Сходная цепь переносов имела место при образовании жаргонного слова *ботаник* — 'тот, кто учит ботанику' — 'зубрила' — 'тот, кто ни к чему не способен, кроме зубрежки'.

Лжепереносы

Высокая продуктивность метафорического переноса как способа образования жаргона приводит к тому, что некоторые другие, менее продуктивные способы, маскируются под него. Жаргонные слова, возникшие в результате действия этих механизмов, внешне уподобляются уже существующим словам литературного языка — и начинают восприниматься как образованные от них с помощью семантического переноса; между литературным и жаргонным значениями устанавливается семантическая связь, что приводит к появлению у жаргонного значения исходно несвойственных ему коннотаций. Приведем различные примеры такой маскировки.

Слово *фанера* 'фонограмма' было образовано с помощью продуктивного в жаргоне суффикса *-яр(а)* от усечения слова *фонограмма*. Доказательство этого — существование написания *фоняра*, в

котором это слово первоначально употреблялось в текстах. Существенно, что жаргонизмы существуют главным образом в устной речи, и поэтому их письменная форма неустойчива. Слово *фоняра* было соотнесено с очень похожим словом литературного языка *фанера*, легко отождествило с ним свою форму и было переосмыслено как ем метафорическое значение. Вначале слово *фоняра* отличалось от лит. *фонограмма* только отрицательной оценкой, которую внес в него суффикс *-яр(а)*; когда же оно стало восприниматься как результат метафорического переноса от осадного значения фанеры, оно приобрело коннотации 'дешевый материал, имитирующий настоящее дерево'. Эти коннотации очень хорошо сочетаются с представлением о пении под фонограмму, и поэтому можно сразу предположить, что и в этом, и в других случаях маскировка под перенос осуществляется только тогда, когда находится подходящая «маска». Подобные явления наблюдаются и в рамках специальных жаргонов: например, слово *шпора* 'шпаргалка', заимствованное в общий жаргон из школьного, получено сходным образом. Исходно *шпора* — усечение слова *шпаргалка*: *шпара*, которое с помощью фонетического изменения *a>o* уподобляется лит. *шпора* и начинает восприниматься как результат семантического переноса, в основе которого лежит представление о приспособлении, которое помогает справиться с чем-то, как *шпора* — с конем.

Иногда маскировка под перенос с приобретением коннотации достигается сразу, без дополнительного шага по уподоблению формы жаргонного слова существующей литературной. Например, слово *совок* по своему происхождению — суффиксальное образование от усечения словосочетания *Советский Союз*: *сов-ок*. Однако результат этого образования есфпадает по форме со словом *совок* 'лопата с загнутыми краями, используемая в частности для уборки мусора'. Благодаря этому *совок* обрастает массой коннотаций: это нечто грязное, в *совке* неудобно жить, из него трудно выбраться и т.п.

Под перенос могут маскироваться и эвфемизмы. Слово *абзац* в значении 'провал, конец вообще' появилось в жаргоне как эвфемистическая замена созвучного нецензурного слова с тем же значением. В то же время у лит. *абзац* 'переход на новую строку' есть компоненты значения, позволяющие переосмыслить жаргонное значение как производное от него.

Как кажется, тенденция к маскировке под перенос может быть объяснена двумя причинами. Во-первых, когда слово совпадает по форме с уже известным существующим, оно более устойчиво — а это существенно для жаргонизмов, которые, как мы уже указывали, существуют в основном в устной форме. Во-вторых, значение слова, благодаря тому, что оно наполняется коннотациями, становится более богатым; а иногда слово, бывшее пустым или непонятным знаком, просто приобретает значение, как это происходит в следующем случае.

Слово *мусор* 'милиционер' по своему происхождению — заимствование из иврита через идиш: ивр. *миштар* 'значит полиция'. Форма *миштар* была соотнесена с формами русских слов на *-а*, ср. *доктора*, *профессора* и т.п. и переосмыслена как множественное число близкого по форме слова *мусор*; при этом значение 'полицейский', а затем 'милиционер' стало восприниматься как производное от основного значения слова *мусор* 'отбросы, что-то, что валяется под ногами'. Естественно, что при этом слово *мусор* в значении 'полицейский' приобрело дополнительную коннотацию 'что-то отвратительное, презираемое', а отрицательная оценка, которую включало значение этого слова просто в силу реалии, которую оно обозначает, стала более мотивированной.

Иногда маскировка под перенос дает каламбурный эффект, как это происходит со словом *памятник* 'член общества "Память"'.
Лжепереносы распространены и в жаргонах других языков; возможно, что это универсальный механизм образования жаргона. Например, в американском сленге одно из обозначений героина *horse*, возникло на основе сокращения слова *heroin* до *h*. Из множества слов, начинающихся на *h*, слово *horse* было выбрано, по-видимому, потому, что представление о сильном, способном возить груз на большие расстояния хорошо согласуется с представлениями об одном из самых мощных наркотиков.

Переносное значение и поведение слова

Обычно с по жаргона связывают представление о словах или значениях, отличных ст литературных, считая, что грамматика жаргона не отлжается от литературной. Тем не менее можно говорить если не об особой грамматике жаргона, то, во всяком случае, с некоторых характерных особенностях поведения жаргонных лексем. Одна из таких особенностей — изменение модели управления жаргонных глаголов.

Характерная особенность производного жаргонного значения глагола — потеря, по сравнению с исходным литературным, ряда периферийных синтаксических актантов. Например, глагол *грузить* в его основам литературном значении — трехместный предикат (**кто, кого, чем грузит**, ср. *Иван грузит машину углем*). В переносном жаргонном значении 'читать нотации' *грузить* имеет только два синтаксических актанта — **кто кого грузит** (*Ну что ты меня грузишь!*), хотя если эта метафора вызывает представление о том, что человека грузят нотациями или упреками так же, как какой-либо транспорт грузом, в ситуации, которую описывает жаргонный глагол, по-прежнему три участника.

Другая иллюстрация этого же явления может быть дана с помощью глагола *оторваться*. В своем литературном значении он тоже представляет собой двухместный предикат (**кто оторвался от чего**, ср. *Лист оторвался от ветки, Пуговица оторвалась от пальто* и т.п.). В производном жаргонном значении *оторваться* становится одноместным предикатом (*кто оторвался*, ср. *вчера мы хорошо оторвались*), при том что метафора должна, без всяких сомнений, вызывать образ отрыва от реальности, и таким образом здесь тоже присутствует второй участник ситуации. Как кажется, таким изменениям поведения слов в их жаргонных значениях можно найти объяснение. Оно заключается в том, что у литературных значений данные актанты были переменными: соответствующие им конкретные участники ситуации, описываемой глаголом, были различными (например, можно *грузить* что-то *кирпичами, углем, чугунными чушками* и т.д.; пуговица может *оторваться от пиджака, рукава, кармана пальто* и т.д.) и поэтому требовали обязательного выражения в предложении. В метафорическом жаргонном значении эти участники стали постоянными (*грузить* кого-то можно только нотациями, а *оторваться* можно только от реальности) и инкорпорировались в значение глагола. Другие примеры инкорпорации периферийных актантов в метафорические значения представлены жаргонными глаголами *въехать* 'понять', *завязать* 'бросить делать что-то', *накрыть* 'застать кого-то на месте преступления', *поддать* 'выпить', *обломить* 'подвести', *отвалить* 'уйти' и др. При этом в жаргонных значениях у слова могут появляться новые переменные, например *свалить* 'уехать' инкорпорирует актант 'откуда', но приобретает валентность на направление: **куда свалить**, ср. *Он боялся, что Вы свалили за границу и поэтому не хотел дать Вам ставки* (разг. речь, ноябрь 1997).

Параллельно этому имеет место инкорпорация актантов непереносных значений других жаргонных слов, образованных путем сокращения словосочетаний, например *обложить* — из *обложить матом*, *послать* — из *послать на три буквы* и др. Мотивом ее может быть эвфемизация словосочетания, ср. *дать*, где зависимое слово просто опущено.

Вторая тенденция, связанная с первой — это смена принадлежности глагола к классу переходных на класс непереходных. Инкорпорировав прямое дополнение, переходный глагол начинает обозначать поведение или состояние, ср. лит. *Он обломил ветку* и жарг. *Он обломал* 'подвел' или лит. *Он завязал мешок* и С *курением он завязал* 'покончил'.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб, 2000.

с. 4 – 8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новые явления в русском языке справедливо оцениваются и говорящими, и лингвистами либо как языковая революция, либо как мощная динамизация языковой системы со всеми разрушительными и одновременно обновляющими эту систему последствиями. «Ускорение языковой эволюции приводит к тому, — подчеркивают авторы «Толкового словаря русского языка конца XX века», — что на единицу времени приходится большое количество языковых изменений, они нагромождаются, не успевая адаптироваться в лексической системе, отчего создается впечатление хаоса и нестабильности».

И лексикографы, и исследователи в неологике зачисляли и зачисляют, кроме наименований новых понятий современной действительности, также многие элементы просторечия, диалектов, аргоса, жаргона, сленга и т.п., давно активно употребляемых носителями языка. И если просторечие и диалект еще получили хоть какое-то отражение в советской литературе и публицистике, то жаргон с большим трудом и напряжением прорывался сквозь кордоны цензуры и словесной полиции нравов, неусыпно следившей, «правильно ли мы говорим».

Сейчас же он не только прорвался, но и произвел мощный лексико-семантический взрыв: вредком современном публицистическом тексте, от выступлений наших руководителей и депутатов парламента до кратких реклам и объявлений, нет вставленного для красного словца жаргонизма или даже

непристойности. Поэтому в «Толковом словаре общего жаргона» читатель найдет немало жаргонизмов, звучащих и на заседаниях Думы, и в речи пожилых профессоров, и в официальных теле- и радиопередачах, и присутствующих на необъятном пространстве обесценуренных (во всяком случае в языковом отношении) печатных СМИ.

Жаргон действительно стал общим, и в новейших словарях неологии многие слова и фразеологизмы, ранее квалифицировавшиеся как жаргонизмы, уже уверенно зачисляются в разряд просторечных или разговорных единиц. В словарь «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов вошли, например, такие слова и выражения:

АФГАН 'война в Афганистане с участием войск Советского Союза (1979—1989)';

АФГАНЕЦ 'советский военнослужащий, проходивший службу в Афганистане (1979—1989)';

КАССЕТНИК 'кассетный магнитофон';

НАМАЗКА 'деньги, выплачиваемые, получаемые сверх заработанных';

НАПЕРСТОЧНИК 'тот, кто промышляет игрой в наперстки';

САМОПАЛ 'изделие, изготовленное самодельным способом; самоделка';

Лапшу на уши вешать 'вводить в заблуждение; отвлекать разговорами от того, что важно, нужно собеседнику' и др.;

Ложиться на дно 'затаиваться, не обнаруживая, скрывая свои истинные чувства, мысли, намерения'.

Констатация смены функционально-стилистических регистров русского жаргона академической лексикографией весьма симптоматична. Она подтверждает общее ощущение, что процесс внедрения жаргона в наш литературный язык уже не только стремительно «пошел», но и дошел до запредельной точки. Как бы ни оценивать этот процесс (а в названных выше монографиях отражены крайние и диалектические взгляды на него), он все-таки закономерен для развития многих языковых систем. «Историческая эволюция любого литературного языка, — подчеркивал в статье “О лингвистическом изучении города” Б. А. Ларин, — может быть представлена как ряд последовательных “снижений”, варваризаций, но лучше сказать — как ряд «концентрических развертываний». Это написано в 1928 г., когда лингвисты подводили итоги одного из мощных «концентрических развертываний», вызванных революцией и постреволюционными политическими событиями.

Процесс, собственно, шел и раньше, хотя более латентно. Он отразился и в дневниках и некоторых произведениях Ф. Достоевского, Н. Помяловского, Н. Лескова, Вс. Крестовского, П. Боборыкина, М. Горького, В. Гиляровского, А. Куприна. Его щюдолжили и советские писатели: в книгах Л. Леонова, Н. Островского, Д. Фурманова, М. Шолохова, А. Макаренко, В. Каверина, Б. Лавренина, А. Фадеева, Л. Никулина, В. Ажаева, А. Первенцева встречается немало жаргонизмов, хотя эти тексты пропускались через строгое редакторское сито «культуры речи».

Гонения на «политических» (декабристов, народников, социал-демократов, троцкистов, кулаков и подкулачников, диссидентов и прочих «врагов народа»), гражданская война, пересылка миллионов людей по этапам и лагерям, перетасовка их в лагерях и ссылке с уголовными преступниками во многом интенсифицировали этот процесс и подготовили вхождение жаргонизмов в литературу и публицистику. Распространению и поэтизации их в новейшее время способствовали стихи и песни А. Галича, В. Высоцкого, А. Городницкого и других бардов 50-70-х гг.

Жаргонная стихия захватила значительные пласты речи молодежи, особенно «неформалов», чему способствовала «хиппизация» и «афганизация» их среды в годы застоя.

Наконец, накатившая мощная волна сам- и тамиздата отразила жаргон во всем его неприкрытом пестроцветии. В. Аксёнов, Г. Александров, Ю. Алешковский, И. Бродский, М. Бойков, М. Дёмин, С. Довлатов, Э. Кузнецов, Э. Лимонов, В. Максимов, Ю. Марголин, А. Синявский, А. Солженицын, В. Шаламов и многие другие, издаваемые ныне и на родине писатели, проббили брешь и для языкового потока «жаргонизаторов», не покидавших Россию: В. Ерофеева, Л. Габышева, А. Леви, И. Митрофанова, Ю. Пересунько, В. Пьецуха, Ф. Светова и др. Целая плеяда представительниц женской литературы мастерски инкрустирует жаргон в свою прозу. Произведения В. Токаревой, А. Марининой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой, Г. Щербаковой и др., так же как и публицистический взрыв с начала перестройки и до наших дней, делают нас свидетелями нового мощного притока сниженной лексики в литературный язык.

Разумеется, в употреблении жаргона в течение столь протяженного периода наблюдались резкие количественные и качественные колебания. Специальный анализ показывает, что русские авторы, принадлежащие к первой волне эмиграции, практически не используют слов и фразеологизмов,

«активных в ассоциативно-вертикальной сети современного носителя», в то время как авторы из второй и третьей волны эмиграции, наоборот, тяготеют к активному употреблению такого набора. Общая тенденция к «варваризации» (снижению), отмеченная Б.А. Лариным, при этом, однако, прослеживается довольно определенно.

Общие закономерности, периодизация, тенденции функционирования и стратификация русской сниженной лексики (т.е. арго, жаргона, сленга и мата) уже достаточно всесторонне изучены, прежде всего социолингвистами. После длительного молчания, к которому вынудили русских лингвистов запреты на эту проблематику в период «борьбы за марксистское языкознание», она с 60-х гг. набрала второе дыхание как в России, так и за рубежом.

Многие аспекты русского жаргона изучены с достаточной полнотой, в чем можно убедиться, обратившись к новейшим попыткам синтезировать опыт соответствующих исследований в России и за рубежом. Таковы, в частности, тематические и идеографические классификации жаргонизмов либо распределение соответствующего материала по лингвосоциальной иерархии или языковому источнику, паспортизация и специализированное описание жаргонизмов по «среде обитания» — это офенский жаргон, жаргоны хиппи и панков, наркоманов, школьный, солдатский ит.д.

Особое внимание начала привлекать жаргонная. Новые возможности открываются в исследовании словообразовательных потенций. Продолжается анализ роли субстандартных элементов в художественном тексте.

Дезидератом остается изучение межславянских и трансевропейских связей русской жаргонной системы, глубинное ее историко-этимологическое исследование, комплексное социолингвистическое и региональное описание и др.

С конца 80-х гг. и в России наконец начинают составляться и издаваться словари и словарики русского жаргона, бранной лексики и «энциклопедии тусовки» — публикации совершенно разного качества, но с массой свежего материала. Число такого рода изданий росло в геометрической прогрессии и уже перевалило за сотню (см. список литературы). Составители данного Словаря по возможности попытались использовать практически все эти источники, с особым тщанием воспроизводя зарегистрированные в них лексемы и фраземы и стремясь как можно точнее систематизировать их.

Даже самый белый анализ вышедших за целое столетие словарей жаргона показывает их исключительную разнородность практически по всем лексикографическим параметрам: объему, составу и характеру словника, структуре словарных статей, типам дефиниции и эквивалентности, функционально-стилистическим характеристикам, обработке грамматического значения и словообразовательных потенций, учету частотности и региональной приуроченности, наличию и подаче иллюстраций, историко-этимологическим экскурсам и др. Есть все основания констатировать, что ни один словарный жанр (кроме, пожалуй, словарей бранной лексики, довольно часто перекликающихся со словарями жаргона) русистики не отличается таким «разбросом» принципов лексикографирования, как интересующий нас тип словаря.

Многие из этих словарей и словариков не выдержали бы критики с позиций теории и практики классической лексикографии. Но нельзя не видеть, что эта многовариантность вызвана и объективной причиной — «разбросанностью» самого объекта описания. Не случайно в средствах массовой информации жаргонную речь нередко характеризуют как некую разнородную смесь: «Хороший, не бьющий по ушам эксклюзивный язык (если хотите — жаргон) похож на показательный коктейль дипломированного бармена — в нем десятки ингредиентов, но они настолько виртуозно смешаны, что не разберешь, где заканчивается одно и начинается другое». Важнее поэтому постараться внимательно изучить опыт составления словарей, отразивших этот «принцип коктейля» и на основании такого опыта выработать целесообразные модели описания для различных адресатов.

Проблема отбора словника и определения объема словаря жаргона — не формальная и не чисто «статистическая». Это проблема лексикографической интерпретации самых разных языковых единиц, которые разными составителями подводятся под понятие жаргонного слова или фразеологизма. Известно при этом, сколь ожесточенные споры вызывают у исследователей живой русской речи и определение *жаргонизма*, и попытки отделить этот термин от терминов *арго*, *сленг*, *субстандарт*, *нон-стандарт* и др.

Будучи последователями лексикографической и социолингвистической школы Б.А. Ларина, мы решали эти спорные проблемы диалектически и прагматически. Ведь уже в своем февральском докладе 1930 года Б.А. Ларин, со знанием дела проанализировав многовековой опыт исследования аргю в Европе, имел смелость с присущей ему решительностью нейтрализовать ведущиеся современными

жаргонологами споры. В печатном тексте доклада он утверждает «Ясно, что... на протяжении своей изученной истории европейские арго много менялись, что нельзя строить ни определения, ни общей теории арго на основе изучения лишь современных жаргонов (читатель уже заметил, что я употребляю термины “арго” и “жаргон” как синонимы)...» Такую же терминологическую синонимию в определении русского жаргона — арго — сленга констатируют для советской и русской традиции также современные обозреватели проблемы. Понятно, что эта терминологическая неопределенность — как и зыбкость границ между современным жаргоном, просторечием и разговорной речью (о чем выше уже упоминалось) — делает жаргон весьма субъективизированным и лабильным материалом лексикографирования, что очень усложняет не только отбор жаргонных лексем и фразем, но и их комплексную словарную обработку в целом.

Традиционная отечественная интерпретация терминов жаргон—арго—сленг дает тем не менее возможность принять чисто прагматическое определение первого термина как доминантного. Не претендуя на оригинальность и понимая, что без такого определения невозможно очертить рамки словника, составители данного Словаря предлагают читателю в качестве «пароля» (по анекдоту: « — Скажи пароль! — Пароль! — Проходи!») устоявшуюся энциклопедическую дефиницию: «Жаргон — социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т.п. (например, жаргон моряков, летчиков, спортсменов, учащихся, актеров). В нестрого терминологическом смысле “жаргон” употребляется для обозначения искаженной, вульгарной, неправильной речи (то же, что арго), но с пейоративной, уничижительной, оценкой».

Эта дефиниция, как представляется, довольно точно очерчивает круг лексем и фразем, оставшихся за пределами литературного языка и региональных диалектов и являющихся объектом жаргонографии. Оговорка о «нестрого терминологическом смысле» употребления термина жаргон и для арготической лексики снимается для нас как вышеприведенным замечанием Б.А. Ларина, так и многими работами (например, В.Б. Быкова, М.А. Грачева, В.С. Елистратова), где в понятие арго инкорпорируется и жаргон или наоборот. Термин сленг обычно характеризует “слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек”, что, как видим, практически соотносит его с двумя названными выше терминами. Кроме того, современная речевая стихия и средства массовой информации активно разрушают и без того шаткие перегородки между речью “профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения” и тех, кого раньше называли “асоциальными или деклассированными элементами».

Структура словарной статьи в словарях жаргона также отличается большей размытостью описываемых параметров, чем в большинстве «классических» типов словарей. На первый, внешний взгляд в ней могут присутствовать (и, как читатель нашего Словаря может убедиться, присутствуют) практически все компоненты словарных статей общих словарей: словоформа, стилистические маркеры, данные о сфере употребления, толкование, контекстные иллюстрации, историко-этимологическая справка, указание на системные отношения (например, синонимию). Но как внимательное изучение словарей, в которых сделана попытка эти компоненты отразить, так и наш собственный опыт показывают, что на каждый из этих компонентов налагается «специфика жанра», во многом разрушающая традиционные лексикографические приемы описания.

Стилистическое маркирование и обозначение сферы употребления жаргонной лексики и фразеологии в словарном преломлении также не могут полностью преодолеть субъективности оценки, вытекающей не только из устной формы функционирования этих единиц, но и из их мощной экспрессивности. Именно этим объясняется большой разницей в квалификации этого рода в разных словарях. Многие лексикографы, устранившись неминуемости такого разнобоя, вообще отказываются от любых стилистических маркеров, полностью оголяя эту часть словарной статьи. В предлагаемом читателю Словаре, наоборот, была сделана попытка более детальной стилистической маркировки. При всей ее относительности и, возможно, субъективности, она, как хочется надеяться, отражает экспрессивный и функциональный потенциал жаргонной лексики и фразеологии.

Еще более сложная лексикографическая задача — толкование описываемых лексем и фразем. Как уже говорилось, накал экспрессивности делает семантику некоторых жаргонизмов синкретичной и диффузной, порождает мощные синонимические ряды и тематические группы с тождественными

значениями. Это во многом заставляет авторов словарей давать однообразные и трафаретные, без нюансирования толкования. В нашем Словаре это компенсируется, как уже говорилось, стилистической дифференциацией, благодаря чему даже самые синонимичные на первый взгляд слова при более тонком рассмотрении обнаруживают семантическую дифференциацию, учет которой был также одной из задач Словаря.

Адекватное толкование жаргонизмов осложняется и многими другими факторами. К ним относится сильно развитая многозначность, делающая границы между собственно жаргонным и общеупотребительным значением весьма зыбкими. Во многих случаях жаргонная лексика представляет собою специальную терминсистему (в том числе и криптологического типа), семантизация которой потребовала от авторов большой осторожности и консультаций со многими специалистами или носителями жаргона (например, наркологами и наркоманами, курсантами военных училищ, моряками, летчиками и т.п.).

III. Русская фразеология

В. В. Виноградов Основные типы фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

С. 23-29

<...> Необходимо пристальней взглянуть в структуру фразеологических групп, более четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы, их отношение к слову.

Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно и независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака.

Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями. Они не мотивированы и произвольны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то это их соотношение — чисто омонимическое.

Примером фразеологического сращения является разговорное выражение собаку съел (в чем-нибудь). Он собаку съел на это или на этом, в этом, т.е., занимаясь таким-то делом, он мастер на это, или он искусился, приобрел опытность, искусство. В южновеликорусских или украинских местностях, где собака мужского рода прибавляют: сучкой закусил (с комическим оттенком). А. А. Поттебня считал это выражение по происхождению народным, крестьянским, связанным с земледельческой работой. Только "тот, кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел". Этимология Поттебни несколько не уясняет современного значения этой идиомы и очень похожа на так называемую «народную этимологию». неделимость выражения съел собаку (в чем-нибудь), его лексическая непроизводность ярко отражается в его значении и употреблении, в его синтаксических связях. Например, у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» читаем:

Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.

Здесь инфинитив драть выступает в роли объектного пояснения к целостной идиоме собаку съели в значении: мастера (что-нибудь делать). Такое резкое изменение грамматической структуры фразеологического сращения обычно связано с утратой смысловой делимости. Так, выражение как нив чем не бывало в современном языке имеет значение наречия.

Между тем еще в русском литературном языке первой трети XIX в. в этом словосочетании выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования формы бывало с субъектом действия.

Например, у Лермонтова в повести "Бэла": "За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что а была доверху накладена"; у Д. Н. Бегичева в "Семействе Холмских": «Князь Фольгин, как будто ни в чем не бывал, также шутил». <...>

<...> Чисто внешний, формальный, хотя бы и лексикологический подход к фразеологическим сращениям не достигает цели. Изолированное, единичное слово, известное только в составе идиомы и потому лишенное номинативной функции, не всегда является признаком полной смысловой неразложимости.

мости выражения. Например: дело не терпит отлагательства; совесть зазрила; мозолить глаза; мертвецки пьян и т. п.

Точно так же грамматический архаизм может быть легко осмыслен при наличии соответствующей категории или соотносительных форм в современном языке; например: положи руку на сердце; сидеть сложа руки; середь бела дня, на босу ногу и т.п.

Грамматические архаизмы чаще всего лишь поддерживают идиоматичность выражения, но не создают его. Ср. (пуститьсь) во все тяжкие и т. п.

Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Она не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.

При этом семантической неразложимости целого иногда сопутствует хранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания.

Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: так себе; куда ни шло; была не была; то и дело; хоть куда; труса праздновать; диву даваться; выжить из ума; как пить дать (ср. у Чехова в рассказе "Бабник "Дело было ясное, как пить дать"); мало ли какой; из рук вон (плохо); так и быть; шутка сказать; себе на уме (у Чехова в «Скучной истории»: "Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать как хочется, а стало быть, нет и творчества").

Таким образом, фразеологические сращения являются только эквивалентами, они образуют своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений. Поэтому они подводятся под грамматические категории как целостные единицы. Но полного параллелизма между грамматическими и лексическими изменениями их состава нет. Однако сохранение грамматических отношений между членами фразеологического сращения — лишь уступка языковой традиции, лишь пережиток прошлого. В фразеологических сращениях кристаллизуется новый тип составных лексических и синтаксических единств.

Если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно. Например, в таких разговорно-фамильярных выражениях, как держать камень за пазухой, выносить сор из избы, (у кого-нибудь) семь пятниц на неделе, стреляный воробей, мелко плавать, кровь с молоком, последняя спица в колеснице, плясать под чужую дудку, без ножа зарезать, язык чесать или языком чесать, из пальца высосать, первый блин комом — или в таких литературно-книжных и интеллигентски-разговорных фразах, как плыть по течению, плыть против течения, всплыть на поверхность и т. п. — значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства. Таким образом, многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как образные выражения. Они обладают свойством потенциальной образности. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их фактической этимологии. По большей части, это — выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, положить, класть зубы на полку — в значении: голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности. <...>

<...> Понимание производности, мотивированности значения такого фразеологического единства связано с сознанием его лексического состава, с сознанием отношения значения целого к значениям составных частей.

Однако в тех сложных единствах возможны и такие элементы, которые являются упаковочным материалом. Они заменимы, тем более что фразеологические единства не всегда образуют застывшую массу неотделимых элементов. Иногда части фразеологического единства отделяются друг от друга вставкой иных слов.

Таким образом, от фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь произведением, возникающим из слияния значений лексических компонентов.

В таком фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа, единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения или образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно неразложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов, и в этом отношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по внешней, звуковой форме могут совпадать с свободными сочетаниями слов. Ср. устно-фамильярные выражения: вымыть голову, намылить голову (кому-нибудь) в значении: сильно побранить, пожурить, сделать строгий выговор — и омонимические словосочетания в их прямом значении: вымыть голову, намылить голову. <...>

<...> Фразеологическое единство часто создается не столько образным значением словесного ряда, сколько синтаксической специализацией фразы, употреблением ее в строго фиксированной грамматической форме.

Например, шутливо-фамильярное, носящее отпечаток школьного жаргона выражение ноль внимания обычно употребляется в функции сказуемого. Ср. у Чехова в рассказе "Красавица": "Медик пьян как сапожник. На сцену — ноль внимания. Знай себе дремлет да носом клюет". Нередко внутренняя замкнутость фразеологического единства создается специализацией экспрессивного значения.

К числу фразеологических единств, обособлению и замкнутости которых содействуют экспрессивные оттенки значения, относятся, например, такие разговорно-фамильярные выражения: ему и горяшка мало!; плакали наши денежки!; держи карман или держи карман шире!; что ему делается?; чего изволили?; час от часу не легче!; хорошенького понемножку (ирон.); туда ему и дорога! Ср.: жирно будет! ("Нет, жирно будет вас этаким вином поить. Атанде-с!" — Островский, "Утро молодого человека"); чем черт не шутит?; и пошел и пошел!; наша взяла! ума не приложу!; над нами не каплет!; и дешево и сердито! (первоначально — о водке). Ср. у Салтыкова-Щедрина в "Помпадурах": "Над дверьми нахально красуется вывеска: «И дешево и сердито». <...>

Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия. <...>

В той мере, в какой фразеологические группы этого типа являются семантически неделимыми единицами, приходится считать их и синтаксически несвободными, хотя и разложимыми, слитными словосочетаниями. <...>

Таковы, например, союзные предложения, чаще всего образующиеся из непроизводного союза, предложной формы имени существительного со значением времени, места или причины и указательного местоимения или из указательного местоимения с подходящим по значению предлогом: до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, с того времени как, ввиду того что, по мере того как, между тем как, после того как, потому что, до того что, несмотря на то что, вместо того чтобы и т.п. Сюда же примыкают союзы, включающие в себя наречия образа действия, сравнения или сравнительной степени: подобно тому как, прежде чем, так что, так чтобы, даром что и другие подобные. Наконец, можно отметить составные союзы из модальных частиц: едва только, лишь только, чуть лишь. Ср.: не то чтобы, добро бы, как будто бы и т. п.

Все эти служебные слова семантически неразрывны, функционально неделимы, хотя с этимологической точки зрения производны. Эта аналогия бросает свет на синтаксическую природу фразеологических единств (ср. фразеологическое сращение так как).

<...> большая часть слов и значений слов ограничена, в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово брать в значении: овладевать, подвергать своему влиянию; и в применении к чувствам, настроениям не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота берет и некоторые др. Но нельзя сказать: радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет и т. п..

Фразеологически связанное значение трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании.

Едва ли нужно еще раз добавлять, что многие слова вообще не имеют свободных значений. Они лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе фразеологических групп — их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов. Можно сказать, что лексическое значение таких слов определяется местом их в лексической системе данного языка, их отношением к синонимическим рядам слов и словесных групп, их положением в родственном лексическом или грамматическом гнезде слов и форм. Таково, например, в современном языке слово потупить. Оно выделяется из устойчивых словесных групп: потупить взор, взгляд, глаза; потупить голлову. Оно подтверждается наличием слова потупиться, которое обозначает то же, что потупить глаза, голову. Оно, наконец, воспринимается на фоне синонимических фраз: опустить глаза, опустить голову.

<...> Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слова с несвободным значением допускают синонимическую подстановку и замену, идентификацию. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах.

Например, разговорное слово беспробудный употребляется лишь в сочетании со словом пьянство; также возможно словосочетание беспробудно пьянствовать. Синоним этого слова беспробудный, нося отпечаток книжного стиля имеет более широкие фразовые связи: спать беспробудным сном; беспробудное пьянство. В этих примерах прозрачность морфологического состава слов беспробудный и беспробудный, связь их с многочисленными морфологическими гнездами поддерживает их лексические значения, и некоторую самостоятельность.

Отличие синтетической группы или фразеологического единства от фразеологического сочетания состоит в следующем. В фразеологическом сочетании сочетающихся слов в известной степени равноправны и расположены. Даже несвободное значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимов. Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно свойство отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова. например: затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость и т.п. (Ср.: задеть чувство чести; задеть гордость и т.п.).

Среди тесных фразеологических групп, образуемых реализацией так называемых «несвободных» значений слов, выделяются два типа фраз: аналитический, расчлененный, допускающий подстановку синонимов под отдельные члены выражения, и более синтетический, близкий к фразеологическому единству. <...>

<...> В фразеологических сочетаниях синтаксические связи слов вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы, воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Следовательно, грамматическое расчленение ведет к познанию лишь этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических форм и функций в современном языке.

Таким образом, с учением о слове органически связаны наблюдения над сращениями слов, над фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Эти наблюдения приводят к выводу, что в русском языке широко распространяются синтаксически составные слова («речения», фразеологические сращения) и разнообразные типы устойчивых фразеологических единиц, которые обособляются от свободных словосочетаний и примыкают к лексическим единицам.

<...> Фразеология как лингвистическая дисциплина находится ещё в стадии «скрытого развития». Она интересует многих, над нею задумываются, экспериментируют — и стар, и млад. В этих опытах она приобретает традицию и характерные черты, но она ещё не сложилась, не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов.

Поэтому и самый термин «фразеология», означающий своим содержанием и составом науку о фразе, употребляется чаще для обозначения материала этой науки. <...>

Что же является объектом фразеологии? Каково место и отношение её к другим лингвистическим дисциплинам?

Простое слово — одно слово, как бы оно ни было сложно по семантической структуре, как бы оно ни было идиоматично, непереводаемо на другой язык, не относится к области фразеологии, — это объект лексикографии и лексикологии.

Только словосочетания входят в круг наблюдений и становятся предметом исследования фразеологии. Однако не все, не всякие словосочетания. По мнению некоторых лингвистов, например проф. М.Н.Петерсона, свято блюдуемого в этом вопросе заветы фортунатовской школы, предложение — один из видов словосочетания. Я же следую за сторонниками того взгляда, что предложение, как выражение завершённой мысли, — более сложная форма языкового единства, качественно отличимая от словосочетания, являющегося элементом предложения, выражающим неполную мысль, звено мысли. Поэтому синтаксис предложения и синтаксис словосочетания — самостоятельные и отдельные части синтаксиса всякого языка. Словосочетание, как языковое единство, стоит между словом (более элементарной единицей речи) и предложением. Словосочетания, как и слова, представляют материал для построения предложений. Как простейший вид выражения синтезирующей мысли, словосочетания являются расчленёнными единствами речи, относящимися к синтаксису. Но те словосочетания, в которых внутренняя спайка составляющих слов обусловлена семантическим единством, смысловой целостностью, не могут быть объектом синтаксического изучения, — они настолько приближаются к лексике как составные лексемы, что их надо рассматривать либо вполне самостоятельно — во фразеологии, либо в плане лексикологии, лексикографии, как это и делалось до недавнего времени. Словосочетание как особый и своеобразный вид речевого единства относительно недавно замечено и выделено лингвистами. Далее, стало очевидным, что богатейший фонд словосочетаний любого языка неоднороден, что одна часть его тяготеет к предложению и относится к синтаксису, другая приближается к слову — это «неразложимые словосочетания» (акад. А.А.Шахматов), «устойчивые сочетания» (С.И.Абакумов), т.е. тесные единства из нескольких слов, выражающие целостное представление. Они разложимы лишь этимологически, т.е. вне системы современного языка, в историческом плане. Эта часть словосочетаний должна быть выделена из синтаксиса, но не может быть передана в ведение лексикологии, — именно она и составляет предмет фразеологии. <...>

Граница, отделяющая фразеологию от лексикологии, на первый взгляд очевидна: в одном случае изучаются простые слова, в другом — словосочетания. Однако идиомы, слитные речения можно бы и не противопоставлять простым словам, а считать их только разновидностью слова — «составными словами» и рассматривать их в особом разделе лексикологии.

Если бы, кроме неоспоримо расчленимых синтаксических сочетаний, существовали только идиомы, «составные слова», то, пожалуй, и не было бы нужды создавать новую дисциплину — фразеологию. Но наряду с идиомами, вполне слитными, семантически целостными существует ещё несколько разновидностей несвободных словосочетаний. Обилие, разнородность и своеобразие этого фразеологического материала не позволяют включать его целиком в лексикологию, а раз так, то и наиболее близкие к простому слову — идиоматические речения должны быть выделены из лексикологии и отнесены к фразеологии.

Не сразу можно найти и границу, отделяющую фразеологию от синтаксиса. Та часть словосочетаний, которой не свойственна заметная интеграция, спаянность компонентов, называется обычно «свободными словосочетаниями». Однако последние работы в этой области (акад. В.В.Виноградов) выяснили, что свобода и в этой категории словосочетаний относительна, далеко не безгранична. Она ограничивается и природой реального значения слова (например, *лазурь, ивняк, диатез*), и грамматическим значением (например, *бочковатый, юркнуть, слезиночка*), и принадлежностью к определённому кругу стилистических форм языка (например, *поведать, околеть*), и, наконец, традицией словоупотребления, для

некоторых слов очень бедной (например, *несуветный*: в литературном языке — *несуветный вздор, несуветная глупость, несуветная чепуха, чушь*; в диалектах же ещё — *несуветная боль, несуветное чудо*). Эти «относительно свободные сочетания» отчётливо разложимы и подлежат изучению в синтаксисе, кроме наиболее ограниченных. Если мы имеем лишь два-три варианта сочетаний с каким-нибудь словом, надо относить их к фразеологии, так как в таких случаях обычно нет чёткой членимости, нет полной ясности значения слова. Несвободные словосочетания, в разной степени слитные по значению, относятся к ведению фразеологии. <...>

Однако, обособляясь от лексикологии и синтаксиса по основному материалу изучения, фразеология не расходится с ними по первоначальному направлению исследования. Раскрытие лексико-семантического состава фразеологического словосочетания и определение его синтаксической структуры, если оно до известной степени расчленимо, — это первые операции фразеолога, предпосылка всякого истолкования, всякой систематизации. <...>

Предпосылки фразеологии подготовлены были в лексикографии и стилистике. В практике словарного дела уже давно (в России более трёх столетий тому назад) приводятся и поясняются словосочетания с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов.

Уже в «Азбуковниках ... неудобь познаваемых речей» и «Алфавитах, сказующих толкование иностранных речей» XVII в. собраны из библейских текстов и переводных книг многие тёмные выражения и пояснены переводом на общепонятный язык. <...>

Громадное количество фразеологического материала собрано и объяснено в двух словарях Академии Российской и в Словаре церковнославянского и русского языка, сост. II отд. Академии наук, 1847 г., в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля и позднейших больших словарях русского языка. Однако эта вековая работа по накоплению фразеологического материала только в начале XX в. получила теоретическое обоснование.

Русские лингвисты первые продвинули разработку вопроса о словосочетаниях в синтаксическом плане (акад. Фортунатов, акад. Шахматов, проф. Поржезинский, проф. Абакумов, в последнее время акад. Виноградов).

В стилистике-семантическом плане много сделала для выяснения типов фразеологических сочетаний «швейцарская школа» Ф. де Соссюра — Альбер Сеше и Шарль Балли. В книге Ш. Балли «*Traité de stylistique française*» (1921, р.66-92) была дана первая развёрнутая классификация фразеологических речений. <...>

Полярными разновидностями Ш. Балли считает: а) неразложимые единства <...> и б) переменные словосочетания. <...>

Между ними можно наметить, по его словам, сколько угодно промежуточных разновидностей словосочетаний, обладающих убывающей степенью слитности. Но конкретизирует он лишь одну промежуточную категорию «стереотипных оборотов речи» — с четырьмя подвидами.

1. Фразеологические речения, в которых связь элементов настолько тесна, что они по значению почти неразграничимы, хотя синтаксическая членораздельность налицо: <...> *чёртова кукла, из-под палки, дать осечку*. <...>

2. Устойчивые словосочетания, в которых определительный элемент имеет лишь усилительное значение, а его собственно-первоначальное значение ослаблено: <...> *страшно молод, миллион терзаний*. <...>

3. Определительный элемент стереотипного словосочетания полнозначен и составляет сильнейшую по смыслу часть его, но всё-таки он сливается со своим определяемым в некоторое относительное единство: <...> *светлая голова, нечаянная радость*.

4. Составные части речения относительно самостоятельны и находятся как бы в равновесии, но значение его так целостно, что вполне синонимично одному слову и, во всяком случае, соответствует единому понятию. К этой категории, переходной от стереотипных словосочетаний к свободным словосочетаниям, Ш. Балли относит все сложные термины <...>: *воспаление лёгких* (= пневмония), *повивальная бабка* (= акушерка), *сестра милосердия*. <...>

Ш. Балли уделил много внимания установлению критерия для чёткого выделения «неразложимых единств». Эти критерии подразделены у него на внешние и внутренние. Решающими он считает только внутренние критерии: 1) возможность подыскать равнозначное выражение того же значения одним словом; 2) забвение значения составляющих слов. Это отличие идиоматических оборотов речи особенно отчётливо выступает в тех случаях, когда они содержат архаизмы, неупотребительные вне данной

идиомы, иногда совсем непонятные. Наличие грамматических архаизмов тоже делает очевидной неразложимость идиомы.

Внешних критериев два: 1) неизменность порядка слов; 2) незаменимость компонентов словосочетания.

Однако Ш. Балли показал на ряде французских примеров, а позже В.В.Виноградов на русских примерах, что эти критерии ненадёжны и могут быть приняты только как вспомогательные. Неразложимые сочетания нередко допускают и частичную замену слов и их перестановку: *выставить* (или *пригвоздить*) *к позорному столбу*, *мелким бесом вьётся* (или *вьётся мелким бесом*) и т.д.

Те из несвободных речений, какие наиболее приближаются к неразложимым единствам, естественно, могут определяться и выделяться с помощью этих же внутренних и внешних критериев.

В плане стилистического исследования фразеологического материала Ш. Балли показал и большое значение эмоционально-экспрессивного содержания речений для создания фразеологических единств.

Итак, в классификации Ш. Балли остро и разносторонне охарактеризованы полярно противоположные типы словосочетаний, но довольно расплывчато или уклончиво намечены промежуточные категории. Он выделил шесть групп словосочетаний, сводящихся к трём основным: неразложимые, стереотипные и переменные. <...>

Акад. Виноградов дал яркие примеры важности и законности исторических справок и сопоставлений во фразеологии, но он не перешёл от разрозненных наблюдений исторического порядка к перестройке всей системы классификации; его схема так же синхронистична, как и схема Ш. Балли. Мы видим теперь необходимость такой перестройки. Признавая вполне целесообразным сохранить синхронистическую ограниченность изучения фразеологии в литературной стилистике (например, в языке того или другого писателя), мы вполне осознали насущную необходимость исторической разработки фразеологических материалов по всем доступным источникам: памятникам письменности с X в., фольклорным текстам и диалектальным данным. В этом мы видим теперь основную, решающую задачу. <...> Несомненно, что происхождение, пути и закономерности образования фразеологических сочетаний могут быть выяснены только при историческом построении фразеологии, при разработке всех богатств средневековой и древнейшей идиоматики, устойчивых словосочетаний как русского, так и других языков. А пока этим не занимались, вопрос об их происхождении и закономерностях исторического развития остаётся без ответа.

Большое значение для фразеологии как лингвистической дисциплины будет иметь и широкое применение сопоставлений, сравнительного метода. Не только громадное количество уже известных соответствий во фразеологии различных языков, но и общие закономерности их истории будут раскрыты этим путём наряду со специфическими закономерностями конкретной истории отдельных идиом в том или другом языке.

Едва ли можно оспаривать тезис, что все «неразложимые словосочетания» (идиомы, фразеологические сращения) явились в результате ряда деформаций словесного выражения мысли, когда-то вполне ясного, недвусмысленного и конкретного, отвечавшего нормам живого языка и по грамматическому строению, и по лексическому составу, и по семантическому содержанию. Семантическая слитность, целостность образуется раньше, скорее. Для «созревания» грамматической неразложимости нужны века.

Рассмотрим ряд примеров исторической эволюции фразеологических словосочетаний.

В рукописном сборнике пословиц XVII в. изданном П. К. Симони (1899 г.), мы находим богатый материал для истории русской фразеологии. Большинство пословиц содержит в себе фразеологические словосочетания разных степеней слитности. Только немногие пословицы совпадают в этом сборнике с современными (<...> «Что с везу упало, то пропало»); чаще соответствующие пословицы нашего времени отличаются в одной-двух деталях (<...> «Шила в меху не утаить»), но значительная часть пословиц этого сборника вышла из обихода, поэтому фразеологичность их вскрывается только при историко-сравнительном анализе. Подбор вариантов пословиц, включённых в этот сборник (а также и по другим источникам), выстраивание их в исторический ряд на основании исторической грамматики, исторической лексикологии и исторической семасиологии позволяет раскрыть их смысл, идиоматичность некоторых элементов их состава и проследить эволюцию этой идиоматичности. <...>

В литературном языке XIX в. употребительно было фразеологическое сращение *разузнать всю подноготную*. Оно восходит к средневековью, к эпохе жестоких пыток в застенках Московской Руси. До XVIII в., пока забивание спиц, раскалённых иголок под ногти было хорошо и широко известно как обычная пытка при допросе, — формула того времени: *вызвать всю подноготную (правду)* была полностью разложима и конкретна по значению. Она становится идиоматичной, семантически неразложимой

с того момента, когда утрачивает реальное значение и приобретает метафорическое. Меняется несколько и словесный состав формулы; *узнать всю подноготную* теперь значит: 'разузнать все интимные подробности, все личные тайны'.

<...> До сих пор не вышло из употребления метафорическое словосочетание: «Не до жиру — быть бы живу!». Теперь оно понимается так: 'Где уж нам (ему) благоденствовать, только бы выжить!', или ещё более иносказательно: 'Всем можно пожертвовать, чтоб не пропасть'. Мы осмысляем этот фразеологический оборот, исходя из современного значения составляющих слов, хотя и догадываемся, что не всё тут укладывается в нормы современного языка. Древность этого речения заставляет искать исторически углублённого толкования исходного значения этого словосочетания, отправляясь от древнерусского значения слова *жир* — 'добыча, достаток, богатство'.

В «Слове о полку Игореве»: «...Кають Князя Игоря, иже погрузи *жир* во дне(ять) Каялы ре(ять)кы Половецкiя», далее в текст включена маргинальная глосса: «русского злата насыпаша», позднейшая и ошибочная, так как Игорева дружина разметала и потопила на переправе при отступлении не русское золото, а «злато и узорочья половецкие». Основной текст вполне ясен: '...порицают и бранят князя Игоря за то, что утопил в Каяле реке половецкую добычу'.

На этом основании древнейшее значение нашей идиомы можно восстановить в таком виде: 'Коли не удалось нам вернуться с добычей (победой), так хоть бы живыми уйти!'. В пору такого понимания начальная часть этого речения *не до жиру* уже была идиоматична, так как смысл её выходил за пределы прямого значения. <...>

В русской идиоматике <...> нередки случаи разрыва старой живописующей поговорки и превращения пережиточного фрагмента её в «неразложимое словосочетание». Говорят: «Голод не тётка» — мало понятно, как это сложилось; почему не «Голод не родной отец», например? Старая полная форма поговорки вполне объясняет это: «Голод не тиотка, пирожка не подсунет» (Сборник XVII в., изд. П. Симони ...). Говорим: «Как с гуся вода» по самым разнообразным поводам, и значит это: (Его, её, их) это ничуть не огорчило (не смутило), а старая формула была значительно конкретней и не допускала такого широкого и вольного применения: «Што с гуся вода — небыльные слова» (П.Симони <...>), т.е. «Несправедливые упрёки, обвинения (небылицы) легко опровергнуть». <...>

Весь приведённый мною выше материал показывает, как кристаллизуется идиоматика языка. Исходными оказываются свободные обороты речи, полные по составу, нормальные по грамматическому строю, прямые по значению.

Семантическое обновление наступает обычно в силу всё более вольного, переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению. Новое метафорическое значение имеет тенденцию к слитности, к некоторому упрощению. Параллельно этим семантическим процессам происходит обычно утрата некоторых звеньев фразы, тех слов, например, которые более всего относились к конкретному частному значению первоначальной фразы; далее меняется и грамматическая структура, а по мере общего переформирования системы языка старые устойчивые формулы всё более и более становятся неразложимыми семантически, лексически и грамматически. До наших дней доходят нередко только более или менее загадочные фрагменты древних речевых стереотипов.

Понятно, что до нашего времени сохранился далеко не весь запас фразеологических сочетаний прошлых эпох, утраты в этой области гораздо значительнее, чем в словарном составе языка. Ведь далеко не полностью наш старый фразеологический запас отражался в памятниках письменности, <...> большинство документированных фразеологических словосочетаний древней поры исчезло из употребления, стало нам неизвестным. Доказательством того, что в общем разговорном обиходе находится большое количество идиоматизмов, не принятых, не фиксируемых в литературном языке, может служить хотя бы наличие в Толковом словаре Даля множества фразеологических словосочетаний, остающихся и до сих пор за пределами литературного языка. В феодальную эпоху различие и дистанция между разговорной речью и книжным языком, как известно, были гораздо больше, поэтому и не книжных, а исключительно разговорных идиом, не оставивших следов в литературном языке, должно было быть ещё больше, чем теперь. <...>

Подводя итоги сделанных выше наблюдений, мы можем наметить формулировку тех условий, какими определяется закономерность развития фразеологических стереотипов из переменных («свободных») словосочетаний.

1. Первым условием образования идиоматических оборотов речи является **утрата реалии**, того жизненного опыта, явления, которому соответствует словосочетание в своей номинативной функции. Реалия отходит в историческое прошлое или существенно меняется, а это обуславливает потерю прямо-

го значения соответствовавшим ей речевым выражением, невозможность непосредственного применения словосочетания. Утрату верования, смену воззрений, изменение социальных отношений, как это понятно, мы тоже относим к категории «исторической потери реалии». <...>

2. Самым существенным и решающим условием преобразования простого предложения в идиоматическое было **семантическое обогащение**, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении значения в сторону образной типичности. <...>

3. В долгом речевом обиходе излюбленные выражения утрачивают подробности, укорачиваются, сохраняя лишь самые необходимые элементы, часто — только начало формулы. Привычное, давно известное, всем памятное понимается с полуслова, с полунамёка. Первоначальный, нормальный состав предложения деформируется, от него остаётся сигнальный фрагмент, который скоро превращается в идиому, неразложимое словосочетание, так как полная и ясная — исходная формула забывается. Таково третье условие.

В сборнике XVII в. сохранилась полная форма предложения: «Хлопот полон рот, а перекусить нечево». <...> Теперь говорится только начало: *Хлопот полон рот*, что и обусловило превращение этого предложения в идиому.

4. С этим умолчанием и последующим забвением части словосочетания может быть связано и нарушение первичной грамматической структуры, но и помимо того изменение грамматической формы предложения, сохраняющегося в обиходе веками, происходит в связи с общей эволюцией грамматической системы языка. Знакомые нам, ещё живые фразеологические словосочетания в сборнике пословиц XVII в. сплошь и рядом имеют те или другие отличия чисто грамматического свойства: «Волки бы сыты, а овцы бы целы». <...>

Раньше, ещё в XVII и XIX вв., говорили: «Трусу праздновать», т.е. 'справлять праздник (святому) Трусу (иронически)', а теперь: «Труса праздновать».

Предложенный мною перечень условий закономерного образования фразеологических стереотипов может вызвать такой вопрос: а могут ли образоваться, образуются ли идиомы в современном языке? Или это характерно только для пройденных этапов истории языка, и новых идиом не будет?

Для того чтобы идиома как фрагмент забытого предложения, которому свойственна полная спайка компонентов (семантическая, а часто и грамматическая неразложимость), могла вполне созреть, нужны века. Но фразеологические словосочетания включают не только идиомы, а и единства разной степени слитности. Следовательно, в современном языке могут зарождаться такие целостные словосочетания. На протяжении XIX-XX вв. можно наблюдать переход текучих («свободных») к устойчивым словосочетаниям, часть которых, возможно, превратится со временем в идиомы. Переходные типы от простых выражений с прямым и конкретным значением к фразеологическим стереотипам возникают и сейчас. Нет никаких оснований отрицать дальнейшее обогащение языка фразеологическими средствами на современном этапе его развития. Путь мысли от частного к общему, от конкретно-единичного к типично-обобщённому отражается в языке созданием метафорических, образно-иносказательных выражений, а дальше — отвлечённо-точных формул и условно-символических обозначений. Иными словами, создание фразеологических словосочетаний неотъемлемо присуще историческому развитию, обогащению и совершенствованию языка.

Поэты и писатели нередко находят применение ходовым метафорическим словосочетаниям и идиомам не в их традиционном составе, а в обновлённом виде, для полной ясности их применения к частному случаю или для нового их понимания. Ср.: «рыцари безнаказанной оплеухи» (вместо *рыцарь печального образа*) или «пустоцветы красноречия» (вместо *цветы красноречия*) у Салтыкова-Щедрина; «любви во все лопатки» (вместо *беги во все лопатки*) у Чехова.

Примеры «идиом в зародыше» могут послужить проверкой правильности предложенного выше определения условий образования идиоматических сравнений.

На экзамене я услышал от студентки, смущённой вопросом, на который она не рассчитывала, такой ответ: «Это для меня потёмкинская деревня!»

Фразеологическое сочетание *потёмкинские деревни* употребляется уже давно, по крайней мере с начала XIX в. Первоначально конкретное наименование тех эфемерных деревень, которыми обставил «светлейший князь» Потёмкин-Таврический путь следования в Крым царицы Екатерины II с иностранными послами, скоро стало иносказательным обозначением показного, мнимого благополучия, затем всякого вообще очковтирательства. Так было до сих пор для тех, кто знал историю и верно представлял себе происхождение выражения «потёмкинские деревни». Но некоторые представители нового поколения, недостаточно осведомлённые в русской истории XVIII в., переосмысливают этот ходячий оборот ре-

чи. Они ассоциируют его уже не с именем Потёмкина-Таврического, а с «потёмками» или «тёмной деревней». Поэтому стало возможным и заменить форму множественного числа формой единственного: «Это для меня — потёмкинская деревня!». <...>

Дальнейшим итогом этой работы должна явиться такая классификация фразеологического материала, которая отвечала бы нуждам исторической фразеологии. Если в основу классификации, как показано, необходимо положить исторический принцип становления идиом, постепенного накопления идиоматичности в развитии от текучих словосочетаний к неразложимым, то и разряды в классификационной схеме должны отражать отдельные, ясно различимые этапы развития и перестройки исходных словосочетаний.

1. Итак, первый разряд — это **переменные словосочетания**, господствующие в каждом языке на любом этапе развития.

По ступеням восхождения к неразложимым сочетаниям (идиомам) ближайшей категорией в имеющихся классификациях должны быть переходные от свободных к устойчивым, стереотипным словосочетаниям. В схеме Ш. Балли — это терминологические сочетания. <...> Я исключаю такую группу по приведённым выше соображениям: новые научные сложные термины вовсе не относятся к фразеологическим словосочетаниям, а традиционные, средневековые или античные сложные термины надо распределить между группами метафорических и неразложимых, смотря по их составу. Но не вижу надобности и в сохранении третьей группы в схеме акад. Виноградова (фразеологические сочетания), так как сюда попадают выражения с минимальной степенью идиоматичности, находящиеся как бы на периферии подлинно фразеологических соединений, не имеющие своих характерных и показательных примет. Это преходящий, кратковременный эпизод в истории образования идиоматики языка. В классификации, прежде всего, должны быть чёткими границы разрядов; так и было бы, если бы деление имело историческую базу, если бы группировались достаточно оформившиеся, определившиеся разновидности, а не зыбкие «проходные» явления.

2. Второй разряд словосочетаний отчётливо выделяется наличием стереотипности, традиционности и метафорического переосмысления, отхода от первоначального значения, иноказательным применением. Мы назовём эту группу **метафорическими словосочетаниями** — по главному, определяющему их признаку. Это соответствует «фразеологическим единствам» в схеме акад. Виноградова.

3. Третий и последний разряд — **идиомы** («фразеологические сращения» акад. Виноградова и «неразложимые речения» Ш. Балли). От метафорических словосочетаний идиомы отличаются более деформированным, сокращённым, далёким от первоначального составом (лексическим и грамматическим) и заметным ослаблением той семантической членораздельности, которая и обуславливает метафоричность, т.е. смысловую двуплановость. Идиомы, как было сказано, образуются в итоге длительного развития и формы и значения словосочетаний; это последний этап, так как в дальнейшем они могут только выпадать из фразеологического запаса, либо превращаясь в служебные элементы речи, либо вовсе исчезая из обихода.

Предложенная трёхчленная схема отражает основные этапы истории словосочетания — от «свободного» к неразложимому. Сперва наименование реалии — прямое выражение восприятия какого-нибудь явления действительности, затем переносно-образное выражение обобщающей мысли, наконец, условный символ, в котором образность, семантическая двуплановость затемняется. Чем дальше зашла внутренняя и внешняя деформация или перестройка первичного выражения, тем меньше образности, тем бледнее и отвлечённее его значение. <...>

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.

С. 48-57

Фразеологические обороты с точки зрения Их лексического состава

§19. Классификация фразеологизмов русского языка по их лексическому составу

Фразеология современного русского языка, как и всякого другого, представляет собой глубоко своеобразное явление, имеет яркий национально-русский характер. Составляющие ее фразеологические обороты в своем большинстве дословно не переводятся на другие языки (даже близко родственные — славянские) и при переводе должны заменяться однозначными выражениями, имеющими ту же сферу употребления и стилистическую окраску.

При изучении фразеологической системы современного литературного языка следует учитывать характер лексического состава фразеологических оборотов, т. е. специфические особенности слов, образующих фразеологические обороты как определенные языковые единицы.

В этом отношении все устойчивые сочетания слов русского языка распадаются на две большие группы, различные по своему объему и продуктивности.

Одну группу фразеологизмов образуют обороты, которые состоят целиком из слов, обладающих свободным употреблением и принадлежащих к активной лексике со-временной речи (например, как снег на голову — "внезапно", через час по чайной ложке — "медленно", бросить взгляд — "взглянуть", подруга жизни — "жена" и т. д.). Слова в этих оборотах за редким исключением (ср. будь друг — вместо будь другом; шутка сказать — вместо шутку сказать; врачу, исцелился сам — вместо врач, исцелись сам и т. п.) связаны между собой в соответствии с нормами современной грамматики.

Другую группу фразеологизмов составляют обороты, в которых имеются слова с закрепленным употреблением или устаревшие лексико-семантические факты (например, мурашки бегают — "знобит", оторопь нашла — "в замешательстве", елико возможно — "насколько возможно", и стар и млад — "все" и т. д.). Слова в этих оборотах могут иногда выступать в архаических для современного языка формах (погибоша аки обри — буквально "погибли как авары", сим победиши — буквально "этим победишь", притча во языцех — буквально "притча в народах" и т. д.).

Первая из названных групп включает подавляющее большинство существующих сейчас фразеологических оборотов и являешься такой, которая постоянно и интенсивно увеличивается. Вторая — объединяет сравнительно небольшую часть употребляющихся сейчас фразеологических оборотов и является такой, которая пополняется новыми образованиями очень нерегулярно и медленно. Так как по целому ряду причин эта группа вызывает больше методических затруднений, чем первая, то ниже мы остановимся более подробно именно на ней.

§ 20. Фразеологические обороты из слов свободного употребления

Обороты первой группы состоят целиком из слов, известных как внутри, так и вне фразеологизма. В них нет ни одного слова, которое бы не могло быть употреблено <...> отдельно, в составе свободных сочетаний слов. Поэтому эти фразеологизмы внешне не содержат в своем составе ничего отличающего их от свободных сочетаний слов. Слова в них те же, связаны они между собой так же. Отличает их от свободных, сочетаний слов не эта материальная, внешняя, "лицевая" сторона, а внутренняя. От последних их отграничивает свойство воспроизводимости.

Свободные сочетания слов большой шаг вперед, поднять бокал (ср. Она сделала большой шаг вперед и нагнулась, чтобы поднять бокал) создаются с помощью грамматики из отдельных слов в процессе общения.

Омонимичные же им фразеологические обороты большой шаг вперед ("прогресс, успех а чем-либо"), поднялся бокал ("варить за чье-нибудь здоровье") воспроизводятся, т. е. извлекаются из памяти как готовые языковые единицы, целостные по значению и устойчивые в составе и структуре.

Правда, будучи образованными из слов, известных как внутри, так и вне фразеологического оборота, фразеологизмы этой группы не представляют собой единства в лексико-синтаксическом отношении.

Среди них имеются, такие выражения, которые обращают на себя внимание (в отличие от большинства фразеологических оборотов этой группы, вроде вариться в собственном соку, как в аптеке, взять за горло, елки зеленые, поднять голову, куда глаза глядят и т. д.) тем, что в составе их сочетались друг с другом слова (в ряде случаев имеющие не прямые, а переносные значения), которые предметно-логически, казалось бы, никаких связей между собой иметь не должны. Такими являются, например, выражения тоска зеленая, флексия основы, горькая истина, взрослые дети, дело горит, время терпит, реветь белугой. <Это выражение является переделкой оборота реветь белухой, в котором белуха — полярный дельфин (способный реветь!)> ходячая газета, стоять грудью, золотой дождь, соломенная вдова (калька нем. Strohwitwe), жгучая брюнетка, бросать слова на ветер, полтора человека, бешеные деньги, ветер в голове, дырявая память и т. п. Они состоят из таких слов, которые выражают не соотносительные друг с другом, а иногда просто противоположные понятия и носят нередко алогичный и каламбурный характер.

Так, разве может в действительности белуга реветь, а время терпеть, разве может быть какого-либо цвета (например, зеленого) тоска, существовать, у основы окончание, т. е. флексия, и т. д.?!

В ряде случаев такого рода фразеологические обороты объясняются полным или частичным калькированием иноязычных оборотов (ср. желтая пресса, англ. yellow press; земляное яблоко — "картофель", франц. pomme de terre; строить куры — "ухаживать за женщиной", франц. faire la cour и т. п.)

Однако несмотря на определенное лексико-синтаксическое различие, которое существует между оборотами типа поднять знамя, елки зеленые, с одной стороны, и поднять голос, тоска зеленая, с другой, со стороны лексического состава они друг от друга не отличаются: все слова, имеющиеся в них, представляют собой реальные языковые единицы активной лексики современной литературной речи, живущие как в фразеологических оборотах, так и вне их (пусть иногда с иным, прямым или переносным значением).

§ 21. Фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями

Резко противоположной этой группе является вторая группа фразеологизмов, в лексическом составе которых наблюдаются как бы особые словесные инкрустации, вкрапления, известные лишь в качестве компонентов этих оборотов. Такие фразеологические обороты имеют внешние — приметы, сразу отличающие их от свободных сочетаний слов, — всякого рода устаревшие лексико-семантические факты и слова с закрепленным употреблением.

Специфические слова этих фразеологизмов для говорящих на современном русском литературном языке выступают как неотъемлемая часть таких оборотов, в качестве самостоятельных словесных единиц, осознаваемые нередко очень слабо.

Именно поэтому фразеологические обороты этой группы представляют особый интерес: изучая такие фразеологизмы, мы должны объяснить не только обороты в целом, но и отдельные входящие в него слом или их старые (по крайней мере, для современного русского языка) значения.

Все устойчивые сочетания слов разбираемой группы распадаются на два разряда: 1) фразеологические обороты, в лексическом составе которых имеются слова, не известные вне фразеологизмов, и 2) фразеологические обороты, включающие в свой лексический состав слова с устаревшими или диалектными значениями.

§ 22. Фразеологические обороты со словами, известными лишь в их составе

Фразеологические обороты со словами, живущими в настоящее время как лексические единицы только в пределах устойчивых сочетаний слов, могут быть двух типов: одни содержат в своем составе такие слова закрепленного употребления, которые явного оттенка устарелости на себе не несут (скалить зубы — "смеяться", распускать нюни — "хныкать", потупить глаза — «опустить глаза», задавать храповицкого — "спать", мозолить глаза — "надоедать" и т. д.), другие — такие слова, которые определенно являются сейчас устаревшими, т. е. архаизмами или историзмами (как зеницу ока — "заботливо, тщательно", буквально — "как зрачок глаза"; бразды правления — "власть", буквально — "вожжи правления"; прописать ижицу — "высечь", где ижица — название ныне не существующей в русской азбуке буквы; мал золотник, да дорог — о небольшом, но важном, где золотник — название старой русской меры веса, и т. п.).

Однако все эти фразеологические обороты выделяются среди остальных словами фразеологически связанного характера: их нет без этих слов так же, как не существует подобных слов за их пределами.

Укажем некоторые, в том или ином отношении останавливающие внимание (естественно, с необходимыми разъяснениями).

Оборот точь-в-точь — "совершенно точно" имеет в своем составе самостоятельно неизвестное существительное точь — "счет", давшее прилагательное точный.

В выражении камень преткновения — "затруднение, помеха" имеется архаизм преткновение, представляющий производное с помощью суффикса -ение от глагола преткнуться — "споткнуться" и входящий в словообразовательный ряд столкновение (от столкнуть), вдохновение (от вдохнуть), возникновение (от возникнуть), дуновение (от дунуть) и т. п.

Фразеологический оборот задать стрекача — "убежать" содержит в литературной речи отсутствующее вне его существительное стрекач — "бегство", в диалектах еще понимаемое как суффиксальное образование от стрекать — "бежать, прыгать, прыгать".

Устойчивое сочетание слов разводить антимонию или разводить антимонии — "вести пустые разговоры, отвлекающие от серьезного дела", включает в свой состав только ему свойственное слово антимония, представляющее собой метатезную форму (пережившую перестановку звуков м и н) латинского

слова антиномия (лат. *antinomia* — "противоречие"). Пришло это выражение в литературную фразеологию русского языка из аргументов семинаристов.

Поэтическое выражение в объятиях Морфея — "во сне" строится на утраченном из активной лексики современной литературной речи существительном Морфей, представляющем собой название греческого бога сна (ср. общеупотребительные родственные слова морфий).

В фразеологизме трен жизни — "образ жизни", возникшем в русском языке как полукалька французского оборота *train de vie* (первое слово было заимствовано, два других переведены), мы находим нигде не известное более слово трен, буквально обозначающее "шлейф".

Историзм сокол, обозначающий старое стенобитное орудие, большой таран, можно выделить в поговорке гол, как сокол.

Старославянское по своему происхождению выражение, во время оно — «некогда, когда-то очень давно» в качестве одного из компонентов включает в себя устаревшее указательное местоимение краткой формы оно — "то".

В фразеологизме ни зги не видно выделяется только в нем известное слово зга — "дорога" (из древнерусского *стыга*, после выпадения редуцированного *ь*, упрощения *стг* в *сг* и озвончение звука *с* перед *г* в *з*), однокоренное с просторечным словом *стежка* — "тропинка", — книжным *стежа* — "путь", поэтическим *стогна* — "площадь" и др.

Обороты *тьма кромешная* — "беспросветная тьма", *ад кромешный* — "сутолока, шум, ссора" содержат в своем составе фразеологически связанное в своем употреблении прилагательное *кромешный*, обозначающее ранее "внешний, находящийся по ту сторону" и образованное с помощью суффикса *шьн'(>шн')* от *кромп* в значении "вне" по типу *домашний, внешний, вчерашний* и т. д. Само *кроме* по происхождению является формой местного падежа существительного *крома* — "граница, край" (ср. современное *кромка*).

В выражении *за тридевять земель* — "очень далеко", вошедшем в литературный обиход из сказок, имеется исчезнувшее в самостоятельном употреблении числительное *тридевять* — "27", которое указывает на существование в прежнее время девятнадцатой системы исчисления, когда считали не десятками, а девятками (так, в одной грамоте XVI в. встречается *тридевять кречетов* — "27 кречетов", в диалектах говорят о привередливой невесте: Она только за тридевятого жениха пойдет).

Только во фразеологических оборотах *застать врасплох, застигнуть врасплох, напасть врасплох* проявляет себя как слово наречия *врасплох*, возникшее в результате слияния предлога *в* и формы винительного падежа единственного числа устаревшего и диалектного существительного *расплох* — "замешательство, отсутствие готовности", родственного, вероятно, словам *оплошность, сплеховать* и т. д.

Фразеологизм *млечный путь*, представляющий собой кальку с лат. *via lactea*, включает в свой состав архаизм старославянского происхождения *млечный* — "молочный".

Сразу два устаревших слова содержат в себе выражение *сема* и *ома* — "туда и сюда, по ту сторону и другую сторону", в котором общеупотребительным словом активной лексики современного литературного языка является лишь соединительный союз *и*. Архаические наречия *сема* и *ома* (ср. также одноструктурные древнерусские *камо* — "куда", современное *там* из *тамо* и др.) представляют собой производные посредством суффикса *-мо* от указательных местоимений *сь* — "этот" (с указанием на ближний предмет) и *овь* — "тот" (с указанием на дальний предмет), в древнерусском языке и диалектах еще известных.

Фразеологизмами со словами закрепленного употребления являются также обороты *вверх тормашками* (*тормашка* — от *тормозить*), *души не чаёт* (*чаять* — "ждать"), *паче чаяния* (*паче* — "сверх", *чаяние* — "ожидание"), *разводить сентименты* (франц. *sentiment* — "чувство"), *таращить глаза* (*таращить* — "широко раскрывать"), *чреватое последствиями* (*чреватое* — «способно породить», от *чрево* — "живот"), как *кур во щи* (вероятно, из *как кур в ошип*, *кур* — «петух», ср. *курица*), *разбить вдребезги* (ср. диал. *дребезги* — «осколки», родственное словам *дробь, раздробить* и др.).

§ 23. Фразеологические обороты со словами устаревшей или диалектной семантики

Кроме устойчивых сочетаний слов с только им "принадлежащими" словами, есть фразеологические обороты, специфичность которых проявляется в наличии у них слов с особым (архаическим или нелитературным сейчас) значениями. В ряде случаев особенности семантики входящих во фразеологизм слов ощущаются ясно и определенно (ср. остальное от лукавого, где *лукавый* — "черт"; на худой конец, где *худой* — "плохой"; пропасть даром, где *даром* — "напрасно"; красная девица, где *красная* — "красивая", ср. *прекрасная*; вульгарная латынь, где *вульгарная* — "народная", ср. лат. *vulgaris*; *Фома невер-*

ный, где неверный — "неверящий"; всякой твари по паре, где тварь — "живое существо"; в мгновение ока, где мгновение — "мигание"; страна света, где страна — "сторона"; не на живот, а на смерть; не щадя живота, где живот — "жизнь" и т. д.).

Однако иногда указанные смысловые особенности архаического и диалектного характера осознаются только после специального разбора фразеологического оборота в целом с этимологической точки зрения (об этимологии фразеологических оборотов см. § 60).

Изучение происхождения выражения зарыть талант в землю показывает, что в этом изречении слово талант было употреблено в значении "крупная серебряная монета".

Подобное изучение также говорит о том, что в оборотах иметь сердце (на кого-нибудь) — "сердиться, быть недовольным", сорвать сердце (на ком-либо) — "излить злобу" слово сердце имеет иное значение, чем во фразеологизмах от сердца отлегло — "стало легче", положи руку на сердце — "откровенно", близко принять к сердцу (что-либо) — "отнестись к чему-нибудь с большой заинтересованностью" и т. д., именно старое (известное сейчас лишь в диалектах) значение — "гнев, злоба" (ср. сердать — от сердце, сердитый с суф. -ит- от срьдь без уменьшительно-ласкательного суффикса -ыце и т. д.). Архаическое для литературного языка значение "гнев, злоба" у слова сердце (от срьдь, ср. предсердие) является вторичным и возникло в результате переноса по смежности (сердце считалось вместилищем гнева, злобы, но и любви, ср. сердечный разговор и др.).

Во фразеологизме ни кола, ни двора — "ничего" слово кол употребляется в старом значении — "небольшой участок земли" в выражении с грехом пополам — "кое-как" слово грех имеет архаическое нерелигиозное значение- "ошибка" (ср. огрех), в обороте собак вешать (на кого-нибудь) — "обвинять, бранить" слову собака свойственно значение "репей", в диалектах еще употребляющееся.

Среди фразеологических оборотов встречаются, естественно, и такие, в которых архаичными или диалектными могут быть как слова, так и значения. Например, разбор лексико-семантического характера выражения благим матом — «изо всех сил, громко» показывает, что в нем имеется как устаревшее, исчезнувшее сейчас слово мат- "голос" (ср. белор. мат с тем же значением), так и архаическое значение в слове благой — "сильный" (ср. диалектное благо — "сильно, много").

§ 24. Соотношение семантической слитности фразеологического оборота и его лексического состава

Между намеченными группами фразеологических оборотов с точки зрения лексического состава и их делением на группы с точки зрения семантической слитности (т. е. на фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения) существует известная связь и соотнесенность. Фразеологические выражения по лексическому составу могут быть только оборотами первой группы, целиком состоящими из свободных по употреблению слов активной лексики нашей речи (например, ужасные части; проверка исполнения; числом поболее, ценою подешевле (Грибоедов); Судьба играет человеком (Н. С. Соколов); Пусть сильнее грянет буря (Горький) и др.).

Фразеологические единства могут содержать в своем составе, кроме слов свободного употребления, только не осознаваемые говорящими семантические архаизмы (например, семь пятниц на неделе, спустя рукава, остаться с носом, зарыть талант в землю и пр.). Фразеологические сочетания, как правило, включают в свой состав слова закрепленного употребления (ср. закадычный друг, скоропостижная смерть, кромешный ад и т. п.), в том же случае, если они состоят целиком из слов, изустных в свободном употреблении, то одно из них обязательно выступает как слово с переносным, фразеологически связанным значением (ср. щекотливое полагание, злость берет, принять решение и т. д.), как бы омонимичное тому же слову вне фразеологизма (ср. щекотливая девушка, Дима берет с полки книгу, принять товар и пр.).

Что касается фразеологических сращений, то лексически они могут быть самого разнообразного характера (ср. собаку съел, как пить дать, проходить красной нитью, тихой сапой, за тридевять земель, семя и овамо, благим матом, прописать ижицу, собак вешать и т. д.), но именно среди них больше всех оборотов, содержащих устаревшие лексико-семантические факты.

с. 37-47

§ 12. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности

<...> Предлагаемая классификация фразеологических оборотов представляет собой разработку и уточнение классификации соответствующих языковых единиц, принадлежащей В. В. Виноградову, творчески переработавшему — учетом специфических особенностей фразеологии русского языка — фразеологическую схему Ш. Салли <...>

<...> Дальнейшее изучение русской фразеологии, помимо трех намеченных В. В. Виноградовым типов фразеологических оборотов (сращений, единств и сочетаний), выявило наличие среди них еще одной группы — фразеологических выражений.

Последний термин <...> используется здесь не для обозначения (как это иногда бывает) фразеологического оборота вообще, а для обозначения фразеологического оборота определенного типа.

Таким образом, термин "фразеологический оборот" выражает понятие значительно шире по своему объему, нежели то, которое выражается термином «фразеологическое выражение» <...>

§ 13. Фразеологические сращения

Фразеологическими сращениями называются такие семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с производной основой.

Например, фразеологические обороты бить баклуши, – "бездельничать" и очертя голову, – "безрассудно" являются такими же немотивированными и условными обозначениями явлений объективной действительности, какими являются составные по образованию слова типа подражать, стремглав и т. д., где производность совершенно не чувствуется и значение слова абсолютно несоотносительно со значениями составляющих их частей. В самом деле, так же, как значение слова стремглав не выводится из значения частей стрем — вниз (ср.: стремнина, стремительный и т. д.) и глав (ср.: главный, голова и др.), так и значение фразеологизма очертя голову не выводится из значения слов очертя и голову.

Таким образом, фразеологические сращения — это такие обозначения тех или иных явлений действительности, которые аналогичны тому, что мы наблюдаем в словах с не- производной основой, в словах, в которых уже не чувствуется признак, положенный в основу названия. Признак, положенный в основу названия, как в производных словах, так и во фразеологических сращениях может быть вскрыт лишь с этимологической точки зрения.

В фразеологических сращениях слов с их самостоятельными значениями по существу нет. <...>

<...> Выражение неровен час, представляющее собой фразеологическое сращение, равно по смыслу "а вдруг" (например, неровен час, он заметит это). По своей семантике оно совершенно несоотносительно с теми значениями, которые свойственны словам неровен и час.

<...> Если элементы, составляющие фразеологическое сращение, и имеют одинаково звучащие с ними слова, то это соотношение является, чисто омонимическим.

Так, например, сочетание слов перемывать косточки, с одной стороны, может выступать перед нами как фразеологическое сращение, значение которого не вытекает из реальных значений отдельно взятых слов перемывать и кос- точки ("сплетничать"), а, с другой стороны, может быть свободным употреблением этих слов в их прямом, номина- тивном, значении (косточки ископаемой птицы пришлось перемывать несколько раз).

<...> Наивысшая степень семантической слитности, которая характерна для этих фразеологических оборотов, может закрепляться и поддерживаться, а иногда и возникать благодаря следующим фактам.

Во-первых, благодаря наличию в пределах фразеологического сращения устаревших и в силу этого непонятных слов. В качестве примеров можно привести такие фразеологические сращения, как попасть впросак, точить балясы, бить баклуши, где имеются устаревшие, вышедшие из употребления слова: просак (станок для кручения веревок), балясы (точеные столбики перил), баклуши (чурки для выделки мелких щепных изделий).

Во-вторых, благодаря наличию в пределах фразеологического сращения грамматических архаизмов. В качестве примеров можно указать фразеологические сращения спустя рукава, сломя голову, в которых архаической формой будут деепричастия спустя, сломя (в современном русском языке деепричастия совершенного вида образуются при помощи суффиксов -в и -вши, поэтому должно было бы быть спустив, сломив, а не спустя, сломя) оборот ныне отпускаеши (ср. отпускаешь), темна вода во облацех (ср. в облаках) и др.

В-третьих, благодаря отсутствию в пределах фразеологического сращения живой синтаксической связи между составляющими его словами, наличию синтаксической неупорядоченности и нерасчлененности. Ср., например, фразеологические сращения чем свет, как пить дать, шутка сказать, была не была, хоть куда, себе на уме, в которых ясных и четких синтаксических связей между словами, мотивированных с точки зрения современных грамматических правил, не существует.

§ 14. Фразеологические единства

Вторую группу фразеологических оборотов составляют фразеологические единства. Это такие фразеологические единицы, которые, как и фразеологические сращения, являются семантически неделимыми и целостными, однако в них, в отличие от фразеологических сращений, их целостная семантика является уже мотивированной отдельными значениями составляющих их слов. Неразложимое значение фразеологических единств возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого.

Семантическая неделимость такого рода фразеологических оборотов сближает их с фразеологическими сращениями, а их семантическая производность, обусловленность их значения смыслами отдельных слов отличает их от фразеологических сращений.

Если мы возьмем в качестве примеров фразеологические единства *закинуть удочку*, *тянуть ляжку*, *зарыть талант в землю*, *семь пятниц на неделе*, *мелко плавать*, *из пальца высосать*, *первый блин комом*, *положить зубы на полку* и т. д., то их значения, в отличие от фразеологических сращений, являются производными, мотивированными и вытекающими из семантики образующих их слов. В этом отношении они аналогичны словам с производной основой, т. е. основой, делимой на морфологические части. Однако необходимо отметить, что эта мотивированность, производность значений рассматриваемых фразеологических оборотов не прямая, а опосредованная. Все весьма многочисленные в русском языке фразеологические единства являются образными выражениями, составными единицами, понимание которых обязательно связано с пониманием того внутреннего образного стержня, на котором они строятся.

<...> Именно это отличает их от омонимических свободных сочетаний слов.

Такие сочетания слов, как *намылить голову*, *брать в свои руки*, *заткнуть за пояс*, *прокатить на вороньи* и т. д., одинаково возможны и как фразеологические единства (тогда это будут образные выражения), и как обычные свободные сочетания слов (тогда эти слова будут употреблены в своих прямых, номинативных, значениях).

В отличие от фразеологических сращений, фразеологические единства не представляют собой совершенно застывшую массу: составляющие их части могут отделяться друг от друга вставками других слов. Это свойство фразеологических единств резко отделяет их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и фразеологических выражений.

Фразеологические сращения и фразеологические единства как эквиваленты слов нередко объединяются в одну группу. В таких случаях их называют обычно идиомами, или идиоматическими выражениями.

§ 16. Фразеологические сочетания

Фразеологические сочетания — это такие обороты, в которых имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением.

Рассмотрим оборот *закадычный друг*. Перед нами фразеологическое сочетание, составленное из двух слов. Из них слово *друг* имеет свободное употребление. Оно может считаться не только со словом *закадычный*. Но и с целым рядом других слов, самых различных по своему лексическому значению, экспрессивно-стилистической окраске и т. д. Что же касается слова *закадычный*², то оно как бы прикреплено к слову *друг* и может употребляться только с ним.

То же самое будет наблюдаться и в фразеологическом сочетании *заклятый враг*, в котором прилагательное *заклятый*, в отличие от слова *закадычный*, является напротив "вечным спутником" существительного *враг*.

<...> В индивидуально-авторском употреблении в целях большей выразительности и изобразительности словесные связи слов связанного употребления могут быть значительно шире.

Ср., например, "антонимичное" использование прилагательных *заклятый* и *закадычный* у поэта Филлипова:

Это ты ругаешь то, что свято,
И возводишь в общее пустяк.
Это ты пока мой **друг закл**ятый-
Самый главный, **закадычный враг**.

² Образовано суффиксальным способом словообразования на базе фразеологического оборота *залить за кадык* – «выпить»

Еще пример: фразеологические сочетания щекотливый вопрос, щекотливое положение — сочетания слова щекотливый со словами вопрос и положение.

Слово щекотливый в соответствующем значении выступает только в сочетании с этими двумя словами, т. е. имеет связанное употребление. Что же касается слова вопрос и положение, то они имеют свободное употребление не могут сочетаться с самыми различными словами.

Приведем некоторые другие примеры фразеологических сочетаний: расквасить нос, утлый челн, кромешный ад, кромешная тьма, скоропостижная смерть, скалить зубы, трескучий мороз, насупить брови и т. д.

Следовательно, фразеологическими сочетаниями называются такого рода устойчивые в своем составе обороты, которые образуются из слов со свободным и фразеологически связанным значением.

Фразеологические сочетания почти не имеют омонимических им свободных словосочетаний. Особенностью их является то, что входящие в их состав слова с фразеологически связанными значениями могут заменяться синонимическими (скоропостижная смерть — внезапная смерть, расквасить нос — разбить нос и т. д.).

§ 16 Фразеологические выражения

Фразеологическими выражениями следует назвать такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями (Любви все возрасты покорны; оптом и в розницу; всерьез и надолго; Волков бояться — в лес не ходить; социалистическое соревнование; Не все то золото, что блестит и т. д.).

От фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен, которые возможны для слов с несвободным значением в группе фразеологических сочетаний (например, разинуть рот — раскрыть рот).

По характеру связей слов, составляющих их, и общему значению фразеологические выражения ничем не отличаются от свободных словосочетаний.

Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не образуются говорящим, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением.

Употребление фразеологического выражения Любви все возрасты покорны отличается от употребления, например, предложения Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью тем, что оно извлекается говорящим из памяти целиком, так же как отдельное слово или фразеологические обороты, равнозначные слову, в то время как предложение Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью создается говорящим по законам русской грамматики из отдельных слов в самом процессе общения. Фразеологическое выражение партийный билет характеризуется прежде всего тем, что оно не образуется говорящими заново, всякий раз, как только им случается об этом говорить, а воспроизводится так же, как, например, слово партбилет.

Что касается сочетаний партийное отношение, партийная прослойка, партийный стаж и т. д., равно как и сочетаний билет в кино, хороший билет, железнодорожный билет и др., то все они создаются в соответствующей речевой ситуации.

Среди фразеологических выражений следует различать две группы: фразеологические выражения коммуникативного характера и фразеологические выражения номинативного характера.

Фразеологические выражения первого типа представляют собой предикативные словосочетания, равные предложению. Они всегда являются целым высказыванием, выражают то или иное суждение: Человек — это звучит гордо; Хрен редьки не слаще; Без труда — не вытащишь и рыбку из пруда; Суждены нам благие порывы и т. д.

Фразеологические выражения второго типа являются сочетаниями слов, идентичными лишь определенной части предложения. Они всегда выступают в качестве словесной формы того или иного понятия и, подобно словам, выполняют в языке номинативную (т. е. назывную) функцию: трудовые успехи, на данном этапе, поджигатели войны, высшее учебное заведение и т. д.

§ 17. Определение степени семантической слитности фразеологического оборота

<...> Наибольшие трудности в определении степени семантической слитности фразеологических оборотов могут возникать и обычно возникают в дифференциации фразеологических сращений и фразеологических единств.

Что касается фразеологических сочетаний и выражений, то установление их специфики оказывается в подавляющем большинстве случаев простым и бесспорным. Сомнения и ошибки здесь чаще всего имеют иной характер: нередко фразеологические обороты этих типов смешивают со свободными сочетаниями слова.

Основным критерием, которым следует руководствоваться при определении того, что представляет собой данный оборот — сращение или единство, является наличие или отсутствие в нем образности и мотивированности.

Если фразеологический оборот является единицей немотивированной, образностью не обладает, перед нами — фразеологическое сращение (ср. железная дорога, чем свет, собак съел и т. д.). Если фразеологический оборот выступает как единица мотивированная, обладающая определенным образным стержнем, перед нами фразеологическое единство (уйти в свою скорлупу, кровь с молоком, держать камень за пазухой, играть в прятки, ноль внимания, довести до белого каления и др.).

§ 18. Вопрос о месте фразеологизмов терминологического характера

Ученые, совершенно правильно включающие лексикализованные словосочетания терминологического характера в состав фразеологии (см. § 1), разбирают их в аспекте семантической слитности пока что по-разному.

В частности, довольно распространенным является выделение их в особую группу.

Однако такое выделение составных терминов как одной из групп фразеологических оборотов возможно лишь с точки зрения экспрессивно-стилистической, но ни в коем случае не с точки зрения их семантической слитности. Это неправомерно именно потому, что в ряде случаев составные термины становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами, почему среди них наблюдаются самые различные с точки зрения мотивированности и слияния обороты. Так, если мы возьмем в качестве примеров фразеологические обороты кесарево сечение, железная дорога, белый гриб, слепая кишка, фрикативные звуки, вопросительный знак, политическая экономия, социалистическое соревнование, то все они с экспрессивно-стилистической точки зрения будут составными терминами, однако по степени семантической слитности различными: составные термины кесарево сечение, железная дорога являются (как совершенно немотивированные и безобразные) фразеологическими сращениями, составные термины белый гриб, слепая кишка, обладающие образным стержнем, являются фразеологическими единствами, лексикализованные сочетания фрикативные звуки, вопросительный знак, включающие в свой состав слова со связанным употреблением, будут уже фразеологическими сочетаниями, а обороты политическая экономия, социалистическое соревнование, но семантике целиком соответствующие сумме значений образующих их, свободных по своему употреблению слов, — фразеологическими выражениями.

Таким образом, в постановке в один ряд таких понятий, как сращения, единства, сочетания, выражения и составные термины, наблюдается нарушение единого принципа классификации.

Составные термины можно было особую группу выделять лишь тогда, когда фразеологические обороты рассматриваются с экспрессивно-стилистической точки зрения.

В таком случае они могут быть противопоставлены общеупотребительной и разговорно-бытовой фразеологии, фразеологизмами арготического характера, поэтической фразеологии и т. д.

**Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977.
С. 200-206**

Ошибки в употреблении фразеологизмов

Понятие фразеологической ошибки равнозначно понятию языковой ошибки, так как всякая речевая ошибка обусловлена незнанием или плохим знанием говорящим нормы. Практическая трудность определения фразеологической ошибки объясняется объективными факторами – сложностью фразеологизма как единицы языка (по форме и по содержанию) и недостаточной изученностью ее в разных аспектах, прежде всего, конечно, со стороны нормативного и ненормативного функционирования в речи. Если авторские изменения фразеологизма являются результатом преднамеренных действий писателя и соз-

даются на основе нормативного употребления, то фразеологические ошибки совсем выпадают из нормативного понимания, находятся в полном противоречии с нормативностью.

Понятие фразеологической ошибки распространяется на самые разные стороны категориальной сущности единицы. Ошибочно могут быть выражены ее отношения и связи со словами в предложении, неправильно определены границы компонентного состава, искажена грамматическая сущность ее, придано несвойственное ей лексическое значение, изменена ее структурная организация и т.д.

Так, например, к числу ошибок следует, видимо, отнести сочетание фразеологизма как из пушки 'точно в срок' (приходить, являться, быть готовым, сделанным и т.д.) со словами «жрать хочется» <например:> «Но, кроме окунька и задиристых ершей, опять долго ничего не было, и Чикун уже решил сматывать лески. – Нема дурных, — сказал он, хватит! Жрать хочется, как из пушки. А там, наверно, картошка уже остыла» (П. Сажин, Сирень).

<Ошибочным является> употребление адъективного фразеологизма лыка не вяжет 'так пьян, что не в состоянии связно говорить', во-первых, как глагольного, во-вторых, в значении, условно определяемом как 'ничего не знали' или 'ничего не могли сказать', выводимом из сочетания его со словом «порусски»; <например:> «- А кто же были слушатели [К. Чуковского]? – Вот то-то и оно. Сбежались [в Оксфорде] на него не только студенты-филологи, русисты, но и математики и физики. Были и такие, что лыка не вязали по-русски – кажется, так у вас [русских] говорят?» (С. Машинский, Доктор Оксфордского университета).

<Ошибочным является и> подмена компонента переливать во фразеологизме переливать из пустого в порожнее словом перебирать, <например:> «Нашла ей жениха Мотья Толстая. Он был щупленький, стеснительный и неразговорчивый. И Мотья Черненькая тоже не умела поговорить как следует... Во всем спасала находчивая сватья Мотья Толстая. Посидели, поперебирали из пустого в порожнее, потом извинились, что не вовремя, помешали. Мотья Толстая намекающе пошутила с порога и ушла с Устенькой. А они опять молчали.» (В. Лихоносов. Домохозяйки)

Ошибками также будут всякие нарушения грамматических связей фразеологизма со словами, например, подмена нормативного управления фразеологизма неправильным, ошибочным, заимствованным или от фразеологизма-синонима, или от синонимического ему по значению слова: Не горит над кем, над чем *вм.* у кого 'нет причины спешить, торопиться; успеется': «И то правда, что еще не горит над нашими головами! – промолвила Рясничка. – Не завтра вам дочку отдавать, не завтра мне своего сына женить» (М. Вовчок, Пройди свет). Такое необычное управление у этого фразеологизма взято, видим, от его синонима не каплет над кем.

Погреть руки от кого *вм.* на чем. Фразеологизм греть руки на чем, погреть [нагреть] руки на чем употребляется в значении 'нечестно, незаконными путями наживаться, богатеть': «Было бы большой ошибкой утверждать, что все в Ленинграде выдержали испытание войной. Нашлись эгоисты и лихоимцы, пытавшиеся погреть руки на народном несчастье» (И. Соловьев. Будни милиции). Исторически возможный вариант иного управления у этого фразеологизма был представлен формой греть [нагревать] руки около чего: «- Не люблю путаться в чужие дела, говорил он, не хочу, чтобы твои родные сказали, что я нагреваю руки около твоих тысячи душ» (С. Аксаков. Семейная хроника). Употребление этого фразеологизма по современным нормам с иным управлением, чем погреть руки на чем, будет речевой ошибкой, в том числе и погреть руки от кого: «господи, она [зав. пекарней] с ума сходила из-за этих пяти тысяч, ночей не спала, чуть ли не а прорубь нырнуть хотела. А он, ирод проклятый, вишь, молодую бухгалтершу проучить решил. Чтобы нос не задирала. А заодно чтобы и хлеб даровой с пекарни получать, Да, да, хлеб! Погрел он руки от нее» (Ф. Абрамов. Пелагея).

Наклеивать ярлыки кому *вм.* на кого, на что — 'давать кому-либо или чему-либо поверхностную, одностороннюю характеристику; необоснованно приписывая кому-либо или чему-либо свойства, качества и т. п., формально, шаблонно оценивать, характеризовать'. Ср. нормативное: "[Женя] заявила, что Ася вообще любит наклеивать на всех ярлыки: антиобщественный, индивидуалист и т. д." (А. Володин, Твердый характер). И ненормативное, ошибочное: "Так они долго расхваливали друг друга. Оба отменные пройдохи, они тем временем ошупывали один другого и старались оценить... Затем стали перебирать обитателей тоннеля, слегка злословить и наклеивать им ярлыки" (В. Дмитриевский, Б. Четвериков. Мы мирные люди). Ломать [ломить] шапку кому *вм.* перед кем 'унижаться, заискивать'. Ср.: "[Микитушка] пьяных не терпел, с богатыми не znalся, перед помещиком и полицией шапки не ломал и шеи не гнул" (Гладков. Повесть о детстве). "Был он [Лаптев] крепкий, упорный человек. Дальние деревни и хутора давил и разорял безжалостно, а прилегающим и землю отдавал дешевле..., и они горой стояли за

него, был он обеспечен от поджогов, краж и нападений, и мужики ломали ему шавку" (Серафимович, Жизнь).

К типовым ошибкам, которые часто отмечаются как в устной речи говорящих на русском языке, так и в письменной речи, в языке художественной и публицистической литературы, относятся контаминированные образования. Контаминация фразеологизмов, т. е. смешение в одном выражении особенностей двух или нескольких фразеологизмов, имеет своим результатом гибридное выражение, которое не является новой фразеологической единицей.

Нет никаких оснований причислять к новым фразеологическим единицам выражения типа "жди ветра в поле" (из жди у моря погоды и ищи ветра в поле), "кошки рвут сердце на части" (из кошки скребут на сердце и сердце рвется на части), "язык ушел в пятки" (из душа ушла в пятки и язык прилип к гортани), "влачить лямку" (из тянуть лямку и влачить жалкое существование), "припереть к горлу" (из припереть к стенке и подступить к горлу), "остаться с пиковым носом" (из остаться с носом и остаться при пиковом интересе) <...> Отрицать сами факты таких окказиональных образований нельзя. Но <...> состав фразеологических единиц языка не обогащается за счет таких образований.

Они выпадают из состава фразеологических единиц языка, ибо по природе своей суть речевые не-правильности, объяснимые, как и всякие ошибки, плохим знанием говорящим фразеологии русского языка.

Писатель, естественно, может прибегать к контаминированным образованиям для характеристики неправильной речи героя, но это не характеризует прямолинейно язык самого писателя и не меняет существа языковой природы этого явления речи.

Контаминация фразеологизмов отмечается как в произведениях писателей прошлого, так и у наших современников. «Влипнуть в переplet» в значении 'оказаться в сложном, затруднительном или опасном положении': «Ну и влипли же мы в переplet под станцией Уманской. От нашего Варнавского полка пух остался» (А.Н. Толстой, Хождение по мукам). Контаминация из очень близких по форме и по значению фразеологизмов: попадать [попасться] в историю, попасть [попасться, влипнуть] в историю – 'оказываться замешанным в каком-л. неприятном деле, быть причастным к каком-л. неприятному происшествию' и попадать в переplet, попасть в переplet – 'оказываться в сложном, затруднительном или опасном положении'.

«По гроб доски» в значении 'до самой смерти'. «Свет ты наш надежда, доверь наш уважаемый Степан Антонович, не пускай ты меня, горькую солдатку, по миру... я одна-одинешенька с ног сбилась, ночей не сплю, из головы не идет прокормиться бы чем, а придет с войны, дай бог, братец твой, муженек наш ясный Илья Антоныч, обо всем как есть с тобой обговорит и деньги платить будет хоть по гроб доски» (Федин, Костер). Здесь контаминация двух фразеологизмов-синонимов: по гроб жизни и до гробовой доски в значении 'до самой смерти'.

«Обводить за нос» кого в значении 'ловко, хитро обманывать'. «Товарищи судьи, был у меня опыт, я и раньше вином промышляла, и обводить за нос умела милицию и сторожей завода» (Н. Кочин, Парни). Здесь контаминация фразеологизма водить за нос кого – 'обманывать, вводить в заблуждение, обещая что-л. и не выполняя обещанного' и фразеологизма обводить вокруг пальца кого – 'ловко, хитро обманывать'.

«Лыком шиты» в значении 'неловко, неискусно скрыты'. «И все ты форсишь, и все ты политикой занимаешься... Картины нужно хорошие писать, а твои махинации лыком шиты» (А.Н. Толстой, Егор Абазов). Контаминация фразеологизма не лыком шит – 'не хуже других в каком-л. отношении; не лишен знаний, способностей' и фразеологизма белыми нитками шито – 'неловко, неумело, неискусно скрыто что-л.'.

Контаминация фразеологизмов наиболее типичный и распространенный тип речевых ошибок. Для современного нам языка надо квалифицировать как речевые ошибки такие выражения: «прибрать в свои руки» кого (из прибрать к рукам кого и брать в свои руки что), «развесить слюни» (из развесить уши и распустить слюни), «появляться в свет» о книге (из выходить в свет и появляться на свет), «разводить лясы» (из точить лясы и бобы разводить или антиномии разводить), «прийтись не по шерсти» (из прийтись не по вкусу и гладить против шерсти), «отправить в расход» (из отправить на тот свет или отправить к праотцам и пустить в расход) и т.д.

Не следует смешивать с фактами контаминации фразеологизмов исторически обусловленные и, соответственно, объяснимые формы фразеологизма, которые лишь по нормам современного языка выглядят речевыми ошибками.

Так, например, в тексте «[Устинья Наумовна:] Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь?» (А. Островский. Свои люди – сочтемся) употреблен фразеологизм пялить горло в значении 'громко говорить, смеяться', который выглядит, на первый взгляд, в соответствии с нормами современного употребления фразеологизмов как контаминация фразеологизма драть горло – 'очень громко говорить, кричать и т.п.' и фразеологизма пялить глаза на кого, на что – 'пристально смотреть, всматриваться в кого-л. или во что-л.'. Так, вероятно, и следовало бы квалифицировать эту форму, если бы в народных говорах не было фразеологизма пялить горло в этом же значении. А.Н. Островский, по всей вероятности, употребил известный ему диалектный фразеологизм, никак не соотнося его с фразеологизмами драть горло и пялить глаза.

Воспринимается сейчас как контаминация и выражение превозносить до седьмого неба кого, что в значении 'непомерно восхвалять'. «На этот раз он [критик] без боя превознес своих любимых артистов до седьмого неба и выразил свое к ним удивление множеством точек после каждого периода и каждой фразы» (Белинский. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»). Однако можно думать, что здесь соединение двух фразеологизмов возносить [превозносить] до небес кого, что- 'непомерно восхвалять' и быть, чувствовать себя на седьмом небе — безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным'. Ср.: "Дядюшка был в восторге от учтивости молодого графа и превозносил до небес молодое поколение офицеров» (Л. Толстой. Два гусара). "Саньке достался самый краешек скамейки, но все равно он был на седьмом небе, ведь рядом, тесно прижавшись сидела Сима" (В. Петров, Верь в свои крылья).

Вне всякого сомнения, воспринимается сейчас также как контаминация фразеологизмов выражение на живую руку, которое объединило в себе два фразеологизма синонимичных в одном из значений: на живую нитку и на скорую руку — 'наспех, наскоро, кое-как' (делать что-либо). Ср.: "Позавчера я уже слышал об этом: здесь будет парковая зона. Но так как кольцо новых окраин завершат только через два года, решили пока отремонтировать на живую нитку аварийные дома, чтобы люди могли в человеческих условиях встретить зиму" (В. Виткович, Дороги, встречи, рассказы). "С Григорием Андреевичем я познакомился в Сталинграде, вскоре после окончания войны, когда ходил по развалинам города и в уцелевших подвалах и во вновь построенных на скорую руку домишках разыскивал оставшихся здесь в дни уличных боев жителей, чтобы записать их воспоминания" (Е. Герасимов, Дикие берега). Хотя нельзя игнорировать и того факта, что на живую руку очень широко употреблялось в языке прошлого века: "Нельзя сказать, чтобы товар его был хорош и отличался доброкачеством; все делалось спешно ... на живую руку: говядина была тощая, яблоки снимались незрелыми... кирпичи были недопечены" (Григоревич, Пахатник и бархатник). "Из разного никуда негодного хлама сколотили на живую руку два больших балагана, чтобы жить в них рабочим до осени" (Мельников-Печерский, На горах). "Сколоченные на живую руку подмости едва освещались двумя-тремя дрянными, лампами" (Мамин-Сибиряк, Горное гнездо). "На нем [на загоне] налаживалась ярмарка. Ужо кое-где торчали остовы палаток..., дымила смазанная на живую руку печь, пахло оладьями" (Бунин, Деревня).

В. Н. Телия Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М., 1996.

С. 56-83

Часть I

Глава вторая ОБЪЕМ ФРАЗЕОЛОГИИ И ТИПЫ ЕЕ ЕДИНИЦ

Начать эту тему, предваряющую наш собственный взгляд на объем, предмет и задачи фразеологии можно было бы с обзора проблемы. Однако это увлекло бы нас в болезненно дискуссионную атмосферу фразеологии 60 — 70 гг., когда именно вокруг этой проблемы "ломались копыя", поскольку от постулируемых признаков объекта зависела и разработка методов, универсальных для всего корпуса фразеологических единиц или характерных для тех или иных их классов. Но поскольку разными учеными в зависимости от типа языка и от избранного критерия фразеологичности выделяется то или иное количество <...> классов <фразеологизмов> а в соответствии с этим — и объем фразеологии, мы попытаемся выделить наиболее универсальные их типы, свойственные любому языку, для которого характерна категория слова и сочетания слов.

К базовым классам фразеологизмов в русском языке (как и в других языках аналитического или синтетического типа) можно отнести все сочетания слов, для которых характерны три основные параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматич-

ности, а также свойство устойчивости, в той или иной степени ее варибельности, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов "в готовом виде". Как бы ни определялись границы каждого из класса в соответствии с той или иной характерологией признаков, каждый из них представляет собой "размытое множество" по периферии с типовым "ядром": в языке как исторически развивающейся системе не может быть четко очерченных границ его подсистем.

Категориальное содержание этих признаков-параметров, небесспорное для всех ученых-фразеологов и, всего вероятнее, далекое от совершенства, но являющееся своего рода итогом контент анализа всех из местных нам фразеологических концепций (как отечественных, т. зарубежных), сводимо к предлагаемому ниже.

Под номинативным составом языка принято понимать всю совокупность его единиц, обладающих номинативной функцией, т.е. служащих для названия вычлененных языковым сознанием из внеязыкового континуума отдельных его фрагментов, соответствующих "видению мира" данной лингвокультурной общностью. Номинативные единицы — это тот инвентарь языка, который служит средством построения высказываний: последние состоят из таких единиц в то же время приспособляющих их к общему смыслу — как семантически и прагматически, так и за счет грамматических форм.

Классическим типом номинативных единиц являются полнозначные, или знаменательные, слова — первообразные или производные номинативным единицам относятся и слова служебные, обозначающие пространственно-временные, причинные и т.п. отношения (той или иной степени их абстракции от собственно названий пространства, времени, причин и под.). Как известно, собственные имена обладают целым рядом особенностей, но тем не менее они также называют внеязыковой объект. К неклассическим типам номинативных единиц относятся комбинации слов (полнозначных или служебных), выполняющих номинативную функцию, т.е. называющих и обозначающих фрагменты действительности как целостные внеязыковые объекты.

Очевидно, что, следуя этому критерию, к фразеологизмам можно отнести лишь те сочетания, которые не характеризуются функцией высказывания, т.е. не обладают вне текста так называемой объемной модальностью, равно как и конкретной референцией. Это не означает, что к фразеологизмам не относятся те из них, которые изменяют структуру предложения и формально вычленяемые в этой конструкции его "члены": форма предложения сама по себе, без ее модальной актуализации — это еще не высказывание. Например, фразеологизмы, представляющие собой лексически незамкнутые структуры, типа куры не клюют чего-л. (денег, продуктов и под.), Веревка плачет по кому-л. равно как и лексически замкнутые "устойчивые фразы" (по терминологии В.Л. Архангельского [1964]) типа Наша взяла!), выступают готовые "блоки" в составе высказывания или текста, где они и образуют не только "завершенность мысли", но и модально-референтную актуализацию. Вне высказывания они обозначают и называют ценный внеязыковой объект. Например, в наших примерах Курье не клюют чего-л. — 'ничтожно малое количество' чего-л., а ограниченный набор слов, способных заполнить синтаксическую валентность, свидетельствует лишь об объеме признаков, выделенных в акте номинации, поэтому такое ограничение не является синтаксическим, а семантико-лексическим, когда самим значением "блокируется" выбор тех или иных слов из числа синтаксически возможных. Во фразеологии для так ограниченного набора "внешнего окружения" принят термин слова-сопроводителя. Такого рода ограничение в выборе слов-сопроводителей характерно не только для "незамкнутых фраз", но и для других лексико-грамматических типов, например: без задних ног — только спать, обвести вокруг пальца — только имя, обозначающее лицо, а вешать лапшу на уши — валентность кому может быть заполнена не только именем лица, но какого-л. коллектива (вплоть до всего народа) и т.п.

Безусловно, само понятие "целостный объект" расплывчато, но интуитивно противопоставлено представлению комбинации объектов. В частности, Курье не клюют — обозначает не поименованные объекты, а ситуацию в целом, обретающую смысл только в данном сочетании слов. Номинативный критерий позволяет не только классифицировать фразеологизмы, но и служить мерой адекватности для классификаций, построенных на других основаниях (например, на статистических и т.п.).

В настоящее время во фразеологии как бы сосуществуют по крайней мере шесть классов фразеологизмов, каждый из которых включает в себя либо только "ядро" фразеологического состава — идиомы (1), либо фразеологизмы с аналитическим типом значения — фразеологические сочетания, которые непосредственно взаимодействуют по своей структуре с единицами лексико-семантической системы языка (2), ло паремии (пословицы и поговорки), обладающие одновременно и «прямым» иносказательным значением (3). Некоторые авторы включают в объем фразеологии только два класса – идиомы и фразеологические сочетания (1, 2), другие – еще и пословицы и поговорки (1,2,3). К этому добавляют иногда

речевые штампы (4) и различного рода клише (5), а также крылатые выражения (6). Все эти типы единиц объединяются по двум признакам: несколькословность (следовательно – раздельнооформленность) и воспроизводимость.

Иными словами, широкий объем фразеологии можно определить как все то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом. Сразу видно, что это критерий не структурно-семантический, а чисто узуальный: все сочетания слов (непредикативные и предикативные), которые воспроизводятся в речи в соответствии с узусом употребления – фразологизмы. Иными словами, все устойчивые сочетания слов, независимо от их характерологических признаков, – предмет фразеологии.

Нет смысла обсуждать правомерность или неправомерность выделения такого объема фразеологии (как известно, он был намечен в трудах В. В. Виноградова). Однако ясно, что на базе этого «широкого объема» фразеологии невозможно построить универсальные для всего этого корпуса методы: они могут быть адекватными только для каждого из упомянутых выше классов (1-6). Возможность же существования «общих» для всего фразеологического состава языка методов означает возможность построения единой «грамматики» для всех этих типов. Но пока такой грамматики, идущей от смысла к форме (или наоборот), не существует, и мы сомневаемся в плодотворность самой этой затеи: ничего, кроме исчисления нарушения регулярных прагматических и синтагматических отношений, а также «особых» прагматик создать, как нам кажется, невозможно.

Таким образом, говоря об объеме фразеологии, мы имеем в виду все типы узуально воспроизводимых сочетаний, которые группируются в сильно размытые множества признаков и отношении между ними. В соответствии с этим ниже и пойдет речь о разных «фразеологиях».

Фразеология-1, или учение о полностью идиоматичных сочетаниях слов, – это лексическая идиоматика. Этот раздел можно было бы «окрестить» фразематикой, поскольку идиомы выступают как целостные по номинативной и структурно-семантической организации знаки и могут быть названы в соответствии со стилем структурализма фраземами (ср. фонема, лексема, синтаксема и под.). <...> Однако этот термин в отечественной традиции не прижился. <...> Но в конечном счете дело не в терминологии, поэтому мы предпочитаем в соответствии со сложившейся традицией называть сочетания с полностью переосмысленным значением фразеологизмами-идиомами, или просто идиомами <...>

Идиоматика – бесспорное "ядро" фразеологии, можно даже сказать «собственно фразеология», поскольку только идиомы эквивалентны словам по выполняемой теме и другими целостной номинативной функции. Под последней понимается способность имени, выраженного сочетанием слов указывать на объект, соотносимый с одним денотатом (классов реалий, свойств, событий, явлений, фактов и т.п.), ни один из признаков которого не соотносится с отдельным именем, входящим в сочетание слов. <...>

Именно номинативный, а не семасиологический критерий позволяет установить различие между типами единиц, входящих в «широкий объем» фразеологии. Само идиообразование — это всегда спонтанный процесс, не ориентированный ни на какие регулярные семантические правила выбора и комбинации слов. <...> Процесс идиообразования — это вовлечение сочетания слов в метафору (или другой троп) на основе подобия того смысла который лежит в основе номинативного замысла, и того, что обозначается сочетанием в его «буквальном» значении, и что, к тому же, включено в определенную структуру знания о мире — некоторый "сценарий" или "фрейм". <...> Например, исконно русское сочетание лезть на рожон входит в сценарий фрагмента охоты на медведя: охотник выставлял рогатину с прикрепленным на нее поперек заостренным лезвием, а медведь, напорвшись на нее, захватывал его в пасть и, разъярившись, как бы сам шел на свою смерть. Отсюда и аналогия, лежащая в основе метафоры: X ведет себя подобно тому, как медведь, который лезет (или прет) на рожон, следовательно — X ведет себя совершенно неосмотрительно, не сообразуясь с опасностью. На основании этого можно предположить, что не значение сочетания переосмысляется, а извлекаются черты подобия из обозначаемого им фрагмента действительности, всегда мыслимого вместе с его "фреймом", т.е. структурированным в форме эпизода сцены, более крупного фрагмента сценария или всего сценария в целом.

В подтверждение этого предположения приведем пример из современных процессов идиообразования: выйти из окопов вписывается во фрейм "военные действия — начало наступления на противника". Номинативный замысел, принадлежавший "творцу" этой популярной в конце 80-х годов идиомы М.С. Горбачеву, был всем понятен: 'начать активные наступательные действия членов КПСС против демократической оппозиции, а значение — 'прекратить бездействовать начать активную борьбу с кем-л.' Ни один из компонентов сочетания в его «прямом значении» здесь не переосмыслен ни по отдельности, ни в целом, поскольку призыв выйти из окопов понимался однозначно: следовательно, прекратить обороняться и т.д. в том сценарии, который имел в виду автор метафоры. Но вот пример ее применения

к армии, что означает, что она уже получила собственную референцию, не связанную со значением слова окопы: "Если эта националистическая паранойя не кончится, то армия, которую просто рвутся расчленить на куски, в конце концов выйдет из окопов. А это уж не янаевы..." (Куранты, 1991).

Со временем изначальный фрейм может забыться, перестает узнаваться — тогда мотивировка утрачивается, как, например, в бить баклуши (поскольку забылась роль этой операции в изготовлении ложек и других деревянных поделок). В это случае возникает тот тип значения, который В. В. Виноградов называл "сращением" (ср. также собаку съел, точить лясы и т.п.). Но пока осознается хоть какая-либо связь с исконным сценарием либо же сходным с ним, идиомы воспринимаются как мотивированные (как "единства"). Так, хотя идиома выносить сор из избы исконно связана с поверьем о том, что вынести сор из избы значит открыть злой силе тайны семьи и тем самым навлечь на нее порчу (что зафиксировано в пословице: Сору из избы не выноси, а печи топи), эта ситуация вписывается в представление о том, что вынести сор — это вынести "грязь" из дома (семьи). Думается, что эта структура знания, сформировавшаяся и не без собственно языкового воздействия (ср. вторичное значение слова грязь — сплетни, порочащие слухи), обеспечивает прозрачность мотивировки: выносить сор из избы — следовательно, 'разглашать не предназначенные для посторонних тайны, порочащие кого-л. или какую-л. группу лиц, объединенных общими интересами'.

И еще одна особенность идиом: <...> большинство идиом — знаки экспрессивно окрашенные. Эта номинативная интенция не считается с тем, полностью или частично вошло в метафору сочетание слов. Так, возникают идиомы-кентавры, в которых какая-то часть переосмыслена, а какая-то выступает в своем "прямом значении", как, например, в на скорую (быструю) руку, где, строго говоря, идиоматично только сочетание на руку, ср. также жить на широкую (барскую) ногу или сойти с ума, где переосмыслено слово сойти и синтаксическая конструкция (ср. ее основное значение в сойти с крыльца и под.).

В последние годы такого рода случаи привлекают самое пристальное внимание фразеологов. Их предлагается объединить в особую категорию "фразеологической переходности", которая отражает "ядерно-периферийные" отношения в идиоматике. <...>

К таким явлениям относятся идиомы типа на скорую руку, положи руку на сердце, между двух огней, не от мира сего, смотреть сквозь пальцы, шутить с огнем, в которых выделенные компоненты выступают в своих обычных значениях. Возможны случаи так называемого синкретизма, когда исконное слово переосмысляемого сочетания совпадает с его употреблением в современном языке: биться как рыба об лед, схватывать на лету и под. Многочисленны случаи, когда переходность — явление вторичное для изначальной идиомы. Она может быть результатом варьирования (облупить <ободрать~ как липку) или обретения аспектных значений глаголом (заварить — расхлебывать кашу, приходиться в голову — выскочить из головы) и под. <...>

Идиомы, будучи сочетаниями слов-компонентов, еще в большей степени чем слова включены в динамические процессы языкового существования. А это значит, что их (как, впрочем, и фразеологизмы других типов) необходимо рассматривать не только и не столько в статике (что, в принципе, уже пройденный — классификационный этап фразеологии), сколько в динамике, что приближает описание идиом к отражению живого их функционирования в языке.

В свете сказанного "фразеологическая переходность" — не особая категория, а факт динамического состояния корпуса идиом, существующего в условиях различных внутриязыковых и внеязыковых процессов и тенденций развития языка: процесса номинации, сразу включающей слово в его "обычном значении" (как в петь с чужого голоса) процесса формирования разноаспектных номинаций (типа вылететь — выпустить в трубу), которые связаны с тенденцией к мотивации, регулярности форм, или же к ~выравниванию по аналогии с грамматическими значениями. Во всяком случае, это достаточно закономерные для естественного языка тенденции, и наличие переходных случаев столь же закономерно. Поэтому идиомы могут оказаться образованиями, частично разделяющими свойства свободных сочетаний слов и идиоматичности, фразеологических сочетаний слов и сочетаний, полностью идиоматичных и т.д.

От фразеологических сочетаний идиомы отличаются тем, что первые именуют аналитически, т.е. одно из имен в них всегда обладает состоятельной денотативной соотнесенностью, а другое — указывает на свой денотат через посредство этого имени (подробнее см. ниже). От пословиц, крылатых выражений и т.п. идиомы отличаются тем, что первые несут в себе сигналы, свидетельствующие об объективно-модальной их готовности, а от штампов и клише — использованием имени во вторичной для него функции. Таков "крупный план".

Конечно же, провести четкие границы между идиоматикой и другими типами фразеологических единиц так же невозможно, как установить, где та, к примеру, грань, которая проходит между морской

водой и водой речной, вливающейся в море, особенно — во время шторма. Это же сравнение можно использовать и для разграничения идиом и "ходовых" метафор. Известно, что во время перестройки пошли: ход метафоры типа раскачивать лодку, загребать влево и под., которые повторялись как в прессе, так и в других видах "масс медиа". С концом перестройки эти идиомы вышли из активного употребления. вместе с теми ситуациями, которые они обозначали. Идиомы-временки — это тоже "размытый" слов.

Таким образом, конечно же существует некое статическое «ядро» идиоматики и его размытая периферия, которую образуют сочетания частично идиоматичные по тому или иному признаку — лексико-семантическому, синтаксическому, морфологическому или всем вместе. И в этом нет ничего удивительного, поскольку в идиообразовании действуют не регулярные законы языка, а факторы смысловой аналогии. <...>

Фразеология-2 обычно понимается как учение о таких воспроизводимых сочетаниях слов, которые были названы В.В. Виноградовым фразеологическими сочетаниями <...> возникает вопрос <...> семантически свободно или семантически принудительно воспроизводятся такие, например, сочетания слов, как щурить глаза, каурая лошадь — с одной стороны, а с другой — завоевать, потерять авторитет, дутый авторитет и т.п. Для сочетания типа железная дорога, утечка мозгов а т.а. характерно и идиоматичное включение: дорога здесь — рельсовые пути, а железная — рельсовая колея (повтор в толковании элемента "рельсовый" свидетельствует о том, что ни одно из слов-компонентов не обладает самостоятельно выделяемым значением, ср. недостаточную информативность высказывания На дороге случилась авария или Эта дорога — железная).

Примеров подобного рода можно привести сколь угодно много. Все это обусловило "разброд и шатания" как в выделении этого объема фразеологии, так и определения функционально-семантического статуса фразеологических сочетаний. <...> Ряд <...> фразеологов называет такие сочетания фразеологизированными, имея в виду их "неполную" идиоматичность и тенденцию к устойчивости воспроизведения. <...>

Для того, чтобы внести характерологическое основание в этот корпус необходимо уточнить прежде всего причину их воспроизводимости. Эту причину мы усматриваем прежде всего в том, что: (1) Хотя бы один из компонентов в таких сочетаний выступает в "свободном" значении (первичном или вторичном) и при этом он выполняет роль семантически ключевого, т.е. предопределяет семантическое прочтение связанного с ним по смыслу и по форме другого компонента (или компонентов), ср., например: бурный восторг — 'общий и интенсивный' восторг, а телячий восторг — 'интенсивный и проявляющийся в подпрыгивании, подсакивании', т. д. и т.п., восторг, приходить в восторг — 'начинать испытывать восторг' и т.п. Нельзя не заметить, что семантически реализуемые слова допускают (хотя бы по остаточному принципу) достаточно завершённое толкование (ср. железная дорога, где это невозможно) (2). Это толкование возможно для семантически реализуемого слова только при комбинации с данным (одним или рядом) семантически ключевым словом: возможны случаи "связанной омонимии" когда одно и то же семантически реализуемое слово при разных семантически опорных словах реализует разные значения: ср.: глубокое горе — 'сильное горе', глубокая зима — 'достигшая своего "апогея" зима', глубокая мысль — 'существенная по содержанию мысль' и т.п.

Думается, что эти два признака достаточно четко отличают лексические коллокации <т.е. фразеологические сочетания> с аналитическим типом значения (АЛК) от идиом и от свободных сочетаний слов. <...>

Как и в идиоматике, в этом корпусе АЛК можно выделить "ядро", периферию и динамический «ареал». Очевидно, что "ядро" должно обладать типичными признаками, т.е. (1), (2) и еще каким-то характерным именно для аналитизма признаками. К этим последним мы относим их номинативную регулярность при нерегулярности способов выполнения номинативного задания. Под номинативной регулярностью понимается способность АЛК за счет "связанного" по значению слова-компонента обозначать смыслы, которые обладают общекатегориальным содержанием, характерным для видо-временных и аспектуальных значений, для значений, соотносимых с глубинно-семантическими "падажами", т.е. с различного рода семантическими актантами типа агенс, пациенс, инструмент, локатив, а также совокупность, часть и т.п. <...>

Нерегулярность выражения номинативно заданных смыслов обусловлена использованием лексических средств, не принадлежащих к служебным словам, образующим аналитические формы, а также к "прямым" способам выражения оценочных или актантных значений. Эта нерегулярность обусловлена прежде всего сохранением именно лексического (а не только категориально-грамматического) значения

в слоях-параметрах. Ср., например: быть в доме, где глагол-связка реализует свое локативное значение и быть во гневе, не в настроении, где реализуется экзистенциональное значение связки быть, но приходить гнев, терять настроение и т.п., где глагол сохраняет связь с "переводом", с обладанием и т.д., ср. также луч света и луч надежды, кормило корабля и кормило власти и т.д.; бурное море и бурное негодование, крепкое рукопожатие и крепкая дружба и т.д.

При номинативном подходе к АЛК следует отнести аналитические названия элементов "предметного ряда", такие, как грудная клетка, белый гриб, белое вино и т.п. Их отличительный признак — родовидовые и парциальные обозначения уже существующих объектов, называемых по видовым (вино — белое, красное; чай — черный, байховый, беленый и т.п.) признакам или же по соотношению части и целого коленная чашечка, носик чайника и под.).

Поскольку язык как естественно развивающаяся знаковая система не подчиняется строгой таксономии, во множестве АЛК можно выделить и периферию и динамический ареал.

К периферии следует отнести по крайней мере три случая: (1) АЛК, "тяготеющие к собственно аналитическим формам значения ключевого слова. <Например> сделать замечание, предложение оказать помощь, внимание; иметь терпение, мужество и под., а также капля сострадания, мужества; сфера интересов, деятельности и т.п. огромный, большой успех, скандал. Во всех такого рода сочетании номинативно зависимое слово десемантизируется или расширяет свое значение (т.е. утрачивает денотативно-идентифицирующие семы), а потому его принудительная сочетаемость с опорным наименованием контролируется узусом. Ср. оказать помощь, содействие и т.п., но прийти на выручку, а не оказать выручку; капля надежды, но *капля упования; большое уважение: но *большое почитание и т.п. <...>

(2) АЛК, в которых связанные значения имеют тенденцию к обретению собственной денотации, т.е. в силу узуса они еще "прикреплены" к семантически ключевому слову, но уже обрели номинативную «специализацию». <Например> сочетания типа приходить к решению, к заключению; выходить из положения; поле деятельности (ср. *поле интересов); глубокое впечатление, чувство (ср. глубокое горе, относимое нами к основному множеству на том основании, что глубокое здесь — не только 'сильное', но еще и характеризующее нечто важное для субъекта, ср. невозможность сказать о пропаже даже крупной вещи или суммы денег, что это — глубокое горе, но пропажа собаки может обернуться глубоким горем и т.п.).

<...> (3) аналитические по значению сочетания слов, в вторых в качестве опорного наименования выступает слово в переосмысленном значении (обычно — метонимическом) или же — идиома.

<Например> сочетания, "промежуточные" между идиомами и АЛК, типа приходить в голову — вбивать в голову — сидеть в голове — выскочить из головы — выбить из головы (обычно мысль или ее содержание); быть под башмаком — держать под башмаком; вылететь в трубу — выпустить в трубу и т.д.

Промежуточный статус этих сочетаний состоит в том, что они разделяют свойства идиом, так как все их компоненты полностью переосмыслены, но вместе с тем осознается главенство именного компонента, который одновременно является и "признаковым" членом фразообразовательной парадигмы, т.е. выступает в роли, аналогичной "производящей основе".

Динамический ареал этого класса может быть продемонстрирован, например, появлением в период перестройки огромного количества сочетаний, которые полностью включаются в регулярную номинативную парадигму, но нерегулярную по способу лексического выражения заданных в номинативной "матрице" смыслов. Именно такого рода номинативную парадигму мы называем фразообразовательной <...> К этим сочетаниям принадлежат так называемые "метафоры перестройки" <...> типа пирог власти: Складывается впечатление, что молодые депутаты обижены тем, что им мало досталось от пирога власти (Куранты, 1992); дитя застоя: Вся моя сознательная жизнь, лучшие ее годы прошли при Брежнев. Вот и получается, что я и есть дитя застоя (Огонек, 1991); инъекция, паутина лжи: "Революция продолжается!" Кто не помнит этот фальшивоплакатный лозунг времен застоя, эту инъекцию лжи, помутившую сознание общественного организма; Сейчас, после высылки Солженицына, эта поддержка незаменима. Мы все задыхаемся в паутине лжи (Огонек, 1988)" <...>

Наиболее активными в динамической зоне являются те АЛК, которые формируются как генитивная метафора. В этой связи уместно напомнить ставшие уже устаревшими сочетания типа акулы империализма, болезнь роста, слуги народа, перешедшие в "цитации", или сочетания, которые свидетельствуют о страшной трагедии сталинщины: враг народа, прихвостень оппозиции и под. <...>

Вполне естественно, что АЛК-временки выйдут из игры, но какая-то часть скорее всего войдет в узус употребления (коридоры, верхние эшелоны власти, промывание мозгов и т.п., как вошли сочетания

железный занавес, холодная война и под.). Считать ли такие сочетания фразеологизмами? Безусловно, да: они проявляют все признаки фразеологичности, свойственной АЛК: им присуща воспроизводимость и наличие связанного значения одного из компонентов. Но то, что они служат для наименования "тонкостей" и "деталей" современной политической жизни страны как бы обрекает их на историческое забвение. <...>

Итак, в корпусе традиционно определяемых фразеологических сочетаний необходимо выделить, следуя за закономерностями формирования этих сущностей в процессах номинации и тем самым — с учетом номинативного аспекта значения, в качестве особого множества аналитически и лексически коллокации — АЛК. У этого множества есть свое "ядро", которое образуют АЛК, сохраняющие связанность значения одного из компонентов при свободном значении другого (типа зло берет, телячий восторг, завязать дружбу, сын народа) и периферия. Последняя может быть представлена тремя сферами: собственно переходные случаи, когда компонент АЛК переходит в область служебных слов — это процессы десемантизации или тенденции к расширению сочетаемости на основе перехода коннотативных сем в семы денотативные — это процессы автономизации связанного значения; наконец — процессы "парадигматизации" идиом, когда один из компонентов начинает выполнять роль базового члена номинации, т.е. выражать какие-либо категориально-грамматические значения, объединенные в номинативную парадигму. Помимо того корпуса, который включает АЛК, к фразеологическим сочетаниям в концепции акад. В.В. Виноградова, а затем — во многих трудах по фразеологии <...>

были отнесены сочетания типа щурить глаза, спертый воздух, беспропудное пьянство, трескучий мороз, курить взятку и под., в которых нет идиоматичности: их воспроизводимость обусловлена узко референтным значением одного из компонентов, которое согласуется: своему собственному смыслу и форме со своим партнером. Так, щурить — 'прикрывать веки, сморщив их', отсюда щурить — только глаза, веки; ржать — 'издавать звук, характерный для лошади', отсюда — лошадь ржет (ср. камыш шуршит и под.), скорлупа 'верхний жесткий покров плодов ореха или яйца', отсюда — скорлупа ореха, личная скорлупа (но "скорлупа картофеля, у картофеля — кожура и т.п.) <...> Тем самым воспроизводимое здесь — свойство регулярно семантическое, что и позволяет считать такие словосочетания свободными, хотя лексически «избирательными».

Более условную для Фразеологии-2 проблему представляет собой решение вопроса о том, являются ли фразеологизмами такие сочетания, как Совет Министров (где на самом деле не реализуется "обычное" значение слова совет, а оно выступает как обозначение организации, в которой сотрудничают министры), ср. также Верховный совет, члены которого принимают решения, в итоге обсуждения какого-л. закона и под., т.е. как бы посоветовавшись, Министерство оборон которое занято не только обороной) и т.д. и т.п. Думается, что эти номенклатурные названия подчинены не законам естественного языка, а языка официально-делового — терминологической сферы, а поэтому и должны изучаться как специальные термин), т.е. скорее в прикладной лингвистике, нежели в "общем" языкознании. Уместно отметить и стандартизованность подобных составных терминов, ср., например: совет народных депутатов (ветеранов, независимых государств и т.п.).

По признаку стандартизованности к сочетаниям такого рода близки различного рода "речевые заготовки", или клише <которые следует относить к Фразеологии-3>.

<...> с "собственно" фразеологией, которая занимается все же аномалиями, Фразеология-3 не имеет ничего общего, кроме того, что в клише могут входить и семантически переосмысленные компоненты. Так, если формула Не могли бы вы передать мне соль содержит смысл 'передайте, пожалуйста мне соль, где условно-сослагательный модус и выражает "неприказную" форму просьбы, то в Я не могу не попросить у вас извинения за слишком резкое выступление содержится АЛК просить извинения, а формула несогласия Боже упаси — идиома (ср. также формулы утешения, соболезнования: Держи себя в руках, Не падай духом и т.д.). Что же должна исследовать фразеология в этом материале? Условия воспроизводимости? Но они заданы узусом общения в определенных ситуациях, а не структурно-семантическими свойствами слов-компонентов. Последние здесь — только средство, а не способ клиширования.

Столь же "внефразеологична" по своей сути и штампованность речи, хотя именно эта ее характеристика лежит в нетерминологическом для лингвистики таком понимании фразеологии, в котором отражаются типичные для какого-либо литературно-публицистического направления, стиля автора способы отбора языковых средств. В таком случае (назовем его Фразеология-4) говорят о фразеологии декабристов, фразеологии романтизма, публицистической фразеологии, о фразеологии Пушкина, Гоголя, Достоевского и т.п. В этом терминопотреблении сведены те характерологические черты стилистиче-

ских приемов, которые так или иначе связаны с установкой речи (или произведения). Приведем примеры, свидетельствующие о том, что может пониматься под Фразеологией-4: Вчера на пресс-конференции блока Фракции "Российское единство" "непримиримые" вновь потребовали отставки правительства. Готовятся митинги протеста, свой конгресс намерен про вести так называемый Фронт национального спасения, на улицах "доброхоты" малюют прокоммунистические лозунги. Похоже, чтобы задушить реформы для оппозиции все средства хороши! (Куранты, 1992); За год зарплата, как сообщил вчера Госкомстат России, поднялась в раз. Но в два раза быстрее росли цены. Кстати, в сентябре средняя заработная плата составила 7,2 тысячи рублей. Почти треть населения довольствуется среднедушевым доходом в две тысячи рублей. Всю эту статистику мы каждодневно ощущаем, как говорится, на собственной пиле. Становится все очевидней, что социальный щит у реформ ненадежен (Куранты, 1992). Комментарии, как представляется излишни. И все же можно кое-что отметить в связи с темой объема фразеологии.

В приведенных текстах <...> имеются: фразеологические сочетания (потребность отставки, провести конгресс; задушить реформы, растут цены и т.п.), элементы финансовой деловой речи, политические термины, которые и обеспечивают информационный "срез" текста, экспрессивно окрашенная лексика (малевать, доброхоты и т. п.) и идиомы, которые вкупе со сменой синтаксического ритма придают эмоционально-прагматический эффект «сухим цифрам» и общеизвестным фактам. Именно "смесь" общественно-политических (правовых, финансовых и т.п.), общеразговорных "экспрессивно окрашенных средств и создает штампы "газетной полосе". В числе этих штампов и фразеологизмы, но сами по себе они штампами не являются — заштампована речь: нагнетание "объективной» информации темы средствами, которые связаны с этой предмета областью, сталкивание нейтрально-официальных и разговорно-обиходных средств выражения и наконец — образный финал, воздействующий на эмоциональную сферу читателя.

Таким образом, мы считаем, что Фразеология-4 — это скорее область семантики и прагматики лингвистики текста, а не фразеологии к учения о номинативном инвентаре языка, сформированном на базе полностью или частично идиоматичных сочетаний слов.

Столь же сомнителен собственно языковой статус пословиц и поговорок, которые можно было бы очень условно отнести к Фразеологии-5. Эта условность связана с тем, что по своему жанру пословицы и поговорки — произведения народного творчества, запечатлевшего мудрость народа его ценностную картину мира.

Пословицы и поговорки — это часто парадоксальные сентенции, выражающие ценностные суждения и прескрипции как образного, так безобразного характера. Ср.: Стреляного воробья на мякине не проведешь, Цыплят по осени считают; На чужой каравай рот не разевай: Ешь пироги с грибами, а язык держи за зубами или Мужик да собаки всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе; Не то плохо, что жени мужа бьет, а то, что муж плачет и т.п. Поговорки отличаются от пословиц (по общераспространенному мнению) тем, что содержат простое предложение типа Хороша ложка к обеду; Дорого яичко к красному дню и т.д. Но по существу поговорки, как и пословицы, — кодекс морально-нравственных правил, оценок бытия.

Фразеологичность этих единиц — в их воспроизводимости, а их "двуплановость" — это идиоматичность относительно того "прямого" значения, которое выражено в буквальном смысле таких выражений. Но с таким же успехом можно говорить об идиоматичности загадок, заклинаний, ритуальных формул, обычаев и других единиц фольклора.

Авторы приводили разные аргументы для правомерности включения пословиц и поговорок в объем фразеологии. <...>

Так Н. М. Шанский, который называет этот материал "фразеологическими выражениями", пишет, что к этому разряду относятся такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями... От фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением" <...> Какова же в таком случае основная специфическая черта этих выражений? И автор констатирует (и совершенно справедливо), что "...в процессе общения они не образуются говорящим, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением <...>

Все это абсолютно верно, но воспроизводятся такие выражения не как единицы языка: и их значение формируется именно в фольклорно-оценочной сфере, так как их денотация — не денотация к миру, а повод для отнесения к системе ценностей. Не случайно же пословицы и поговорки — предмет паремиологии как особого раздела фольклора <...>

Дело, конечно, не в "чистоте" фразеологии как раздела науки о языке. А в том, что фольклорист оперирует знанием о ценностях, характерных для "народного духа", а фразеология — знанием о единицах языка как знаковой системы, способной обеспечить сообщения о мире. В принципе с таким же успехом можно было бы объявить, что фразеологизмы — единицы фольклора. Но так не делается по одной простой причине: фразеологизмы не укладываются в понятие о "жанре". <...> крылатые выражения попадают в работы Н. М. Шанского в тот же разряд, что и пословицы и поговорки, а именно — отнесены к "фразеологическим выражениям" <...>, хотя строго говоря, этот материал можно выделить во Фразеологию-6. Но <...> "цитации" — это "чужая речь", приводимая по памяти (или подлиннику), а не извлекаемая из общенародного тезауруса (или лексикона данной языковой личности). <...> Поэтому если и выделять Фразеологию-6, только с той целью, чтобы коллекционировать и описывать крылатые выражения, коль скоро ни одна другая лингвистическая и шире — филологическая дисциплина этим не занимается. Но придавать статус единиц языка всем тем выражениям, которые воспроизводятся в готовом виде — это, если быть последовательными, включить в лексико-фразеологический состав языка и такие "цитации", как общеизвестные стихотворения, анекдоты, даже молитвы (ведь и крылатые выражения знают и воспроизводят далеко не все говорящие на данном языке, а только "книжные" люди).

Итак, проблема объема фразеологии может решаться на разных основаниях. Очевидно, что признаки идиоматичности и воспроизводимости сами по себе и даже в комбинации не могут служить гарантиями принадлежности выражений к единицам номинативного инвентаря языка. А с нашей точки зрения, предметом, фразеологии должны быть такие единицы языка, которые входят в его номинативный инвентарь. Что касается остальных выражений, то они также должны найти свое место в науке о языке.

Можно предложить даже условные названия для всех выделенных выше типов: Фразеология-1 это раздел лингвистики, исследующий идиоматичность сочетаний слов и их знаковые функции; Фразеология-2- раздел лингвистики, изучающий категорию связанности значения (в ее лексических и семантических, а также лексико-грамматических аспектах) и знаковые функции связанного значения слова; Фразеология-3 раздел лингвистики, изучающий клишированность речи (скорее всего во взаимодействии с теорией речевых актов и культурной речи); Фразеология-4 — раздел лингвостилистики, исследующий характерные для того или иного направления, стиля или отдельного автора способы номинации; Фразеология-5 — раздел паремиологии; Фразеология-6 скорее всего прикладная область лингвистики, коллекционирующая афоризмы, сентенции или слова, воспринимаемые как "цитации", с целью создания энциклопедических словарей крылатых слов и выражений.

Таким образом, к собственно лингвистическим разделам можно отнести Фразеологию-1 — Фразеологию-4, выполняющих разные задачи. <...> Если фразеология — лингвистическая дисциплина то она должна выделять свой предмет относительно знаковых функций единиц этого инвентаря или Правил их употребления.

<...> Изложенное выше "исчисление" множеств воспроизводимых сочетаний слов, в основании которого лежит критерий наличия — отсутствия номинативной функции, дополняет все существующие принципы классификации, приведенные выше. Думается, что классификационно-разграничительная "обработка" фразеологического состава языка (любого, где имеется категория сочетания слов и идиоматичности) уже исчерпала свои ресурсы, и наша таксономия — это своего рода "завершительный аккорд" к ней. Об этом говорит отсутствие новых идей в этой области знания, и об этом же свидетельствует то, что прекратилось выделение новых типов фразеологизмов: практически речь идет об отнесении уже выделенных к тому или иному «объему». <...>

Если исходить из особенностей значения фразеологизмов разных типов, а не из их структурно-семантической организации, т.е. из особенностей отличия их строения от свободных сочетаний слов, то напрашивается вывод о том, что специфика фразеологизмов и всего фразеологического состава языка состоит в том, что они не столько называют обозначаемое, сколько характеризуют его. И в этом (как и в оценочно-экспрессивном пласте лексики, представленного образно мотивированными словами типа осел — о человеке, тащиться, балаболить "т.п.) — основная функциональная нагрузка фразеологизмов-идиом и связанных значений фразеологических сочетаний, сохраняющих образную мотивированность.

<...> Поэтому фразеологизмы дополняют и обогащают номинативный инвентарь языка недостающими в нем оценочно-экспрессивными средствами, а кроме того — еще и средствами, способными описать такие «подробности» обозначаемого, которые "не укладываются" в рамки лексической номинации.

Примерами собственно экспрессивной дополнительности могут служить <...> практически любое соотношение слова и фразеологизма-идиомы. Так, в основных глаголах речевой деятельности говорить и молчать, которые обозначают не что иное, как процесс вербализации мысли, т.е. "преобразование"

мысли в звуковую форму (слово, высказывание), по существу не выражен признак действия, но эти признаки дополняются идиомами, в которых главным "героем" является инструментальный акт — компонент языка, а также другие средства артикуляции — зубы, рот и др.: срывать с языка (признак не-намеренности действия), язык не отсохнет, язык без костей, (признак естественности усилий), язык сломаешь (признак сложности артикуляции), длинный язык, язык как помело, (инструментальная "избыточность"), язык чешется (желание) ср. также распустить язык, давать волю языку, или тянуть за язык и т.п., или же придержать язык (за зубами), прикусить язык, язык не поворачивается (сдерживать инструментальную активность), держать язык за зубами (контролировать речевое "производство"), ср. также укоротить язык, заткнуть рот, говорить сквозь зубы и т.д. Поражает детальность разработки самого действия "оязыковления" мысли <...> Аналогичным образом дополняют, к примеру, смысл физического наказания ("общее" имя которого отсутствует в русском языке): намылить (намять) шею <голову>, свернуть голову (шею). скрутить в бараний рог, задать жару (перцу), показать, где раки зимуют и т.д. Не все из приведенных идиом являются синонимами — они объединены идеографически. И только на идеографических массивах можно проследить эту дополнительную, т.е. номинацию всех мыслимых признаков того или иного лексически категориального значения.

Из всего сказанного следует, что фразеологизмы — характерная часть номинативного состава языка, главное в них — не структурно-семантическое отличие от слов или сочетаний слов, а тот способ, каким они выполняют то или иное номинативное "предназначение". Однако именно эта дополнительность выходила из поля зрения фразеологов в постклассический период, основной задачей которого было выделить фразеологию в какую-то особую страту языка, поскольку она была объявлена особой лингвистической дисциплиной, и найти предмет специального для нее исследования, разработать для него специальные методы. Этим и можно объяснить стремление придать фразеологическому составу языка статус особого уровня или особой подсистемы, хотя не было найдено никаких других критериев, кроме отличий в структурно-семантической организации фразеологизмов, проявляющейся в их устойчивости, или в ограничениях в выборе переменных элементов структуры, или в наличии более многомерного, чем у слов, осложненного образными уело образными ассоциациями, или «компликативного» <...> значения найдено не было.

Подводя итоги изложенному, можно сделать некоторые выводы.

1. Разграничение типов фразеологизмов зависит от того, в каком теоретическом пространстве моделируется сам объект, какими свойствами насыщаются критерии идиоматичности и воспроизводимости, поскольку от этого зависит принцип выделения объема фразеологии и тех признаков, на основе которых определяются свойства фразеологичности. <...>

2. Корпус фразеологии — это не "данные" в языке единицы, а выделенные исследователями в соответствии с теми или иными критериями — с одной стороны, а с другой — фразеологизмы всегда представляют собой аномалии по сравнению со свободными сочетаниями слов. И аномальность может "проникать" не только в лексико-семантический "срез" фразеологизмов, но и в грамматику — морфологию и синтаксис (вплоть до звукового состава). Если при этом еще учесть и то, что образность может быть результатом взаимодействия не одного тропа (как правило — метафоры), а ряда тропов (метонимия, "остатки" сравнения, гипербола или литота и т.п.), то становится очевидна, что такие базовые отличительные признаки, как идиоматичность или связанность значения могут оказаться размытыми, как размытыми являются и все множества, объединяемые по тому или иному признаку.

Фразеология исследует несвободные сочетания слов в "многоярусной" и размытой системой отличительных свойств, а потому и ее границы — условны и подвижны.

3. Без исследования взаимодействия и взаимопроникновения различных страт корпуса фразеологии невозможно создать сколько-нибудь полное впечатление о структурно-семантической разнообразии фразеологизмов. Но для исследования этих процессов необходимы данные исторической фразеологии, которая, по всей вероятности, имеет для общей теории фразеологии более существенное значение, нежели для других дисциплин: фразеология — дисциплина историческая прежде всего.

История фразеологического состава языка — это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление — это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним — ценностное или эмоционально значимое.

4. Предложенная стратификация, как уже отмечалось выше, — это результат рассмотрения корпуса фразеологии через призму номинативных их свойств, которые мы считаем в такой же степени "основополагающими" для лексикона, как коммуникативные — для выполнения языком своей основной функ-

ции — быть средством общения. Все, что вовлекается в процесс коммуникации, должно быть способно эту функцию выполнить, поэтому акты номинации подчинены прежде всего этой необходимости. Следовательно, номинативный аспект классификации может служить и целям онтологизации объекта в то время как другие — служить только средством для его анализа на разных уровнях структуры. В этом несомненное преимущество предлагаемой классификации фразеологизмов, которая мыслится как базовая, но, конечно же, не единственная. <...>

5. Корпус фразеологии, характеризующийся четкой номинативной направленностью его единиц, а таковым следует отнести фразеологизмы-идиомы и фразеологизмы-АЛК, выполняет не только роль «расширения» номинативного инвентаря языка, но и дополняет лексический состав. Эта дополнительность прослеживается в обозначении тех признаков, которые оказались не «втянутыми» в денотативное пространство значения, хотя прототипические его модели имплицитно предполагают наличие таких свойств. <...>

6. Эта дополнительность проявляется и в создании прагматически ориентированных знаковых фразеологизмов, способных обеспечить за счет образной мотивации эмотивность, т.е. отображение в знаке эмоционального отношения субъекта к обозначаемому, и тем самым — создать экспрессивный эффект. Последний, как общее правило, воздействует и на употребление фразеологизма в том или ином стилистическом регистре. Можно утверждать, что фразеологизмы (особенно — идиомы) — более мощное средство выражения эмотивности, чем слова, поскольку фразеологизмы, отражая образ-ситуацию, выступают как микротекст в тексте.

7. Образы, лежащие в основе фразеологизмов-идиом и связанных значений слова в основной своей массе прозрачны для данной лингво-культурной общности, так как отражают характерное для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка, проявляющейся более ярко, чем в его словарном запасе. И в этом отношении фразеологический фонд языка дополняет фонд словарный.

IV. РУССКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ

Как В. Г. Русская динамическая языковая картина мира³ // Русский язык сегодня. М., 2000.

Обычно под языковой картиной мира понимается отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц. В целом представление о языковой картине мира носит статический характер: изучаются значения слов и грамматических форм в языковой системе так, как они представлены в словаре и грамматическом описании языка. Между тем такой подход недостаточен для того, чтобы вскрыть специфическую реакцию носителей языка на внеязыковую действительность, поскольку языковое видение мира проявляется и при формировании высказывания, то есть, в конечном счете, в способе построения актуального (речевого) языкового знака.

«Статическое» языковое членение следует дополнить динамическим подходом, изучающим, какие стороны объективной действительности имеет тенденцию отмечать в первую очередь говорящий на данном языке при формировании высказывания.

В структуре высказывания различаются два основных аспекта: отражение предметной ситуации («диктум») и отражение речевой ситуации («модус»).

Что касается предметной ситуации, то построение высказывания начинается с отбора элементов данного фрагмента ситуации, идентифицирующих признаков этих элементов и характера отношения между этими элементами. Говорящие на разных языках в силу лингвопсихологических установок обращают внимание на различные элементы действительности, в связи с чем при формировании каждого высказывания формируется специфическая языковая картина мира. Можно отметить, в качестве примера, следующие характерные для русского языка черты в сравнении, в частности, с французским.

При обозначении движения русский язык в большей степени фиксирует способ передвижения, чем французский, который ограничивается указанием на направление движения. Например:

Листницкий *пошел* на второй этаж (*Шолохов*). *Listnitski monta au premier*.

Субъект совершил движение обычным темпом (пешком) и вместе с тем в направлении вверх (на второй этаж). В русском высказывании глагол отмечает только первый аспект движения (второй выражен предлогом), во французском — только второй («поднялся»). Таким образом, говорящие на разных

³ Некоторые примеры взяты из опубликованных работ автора. Переводы цитатных примеров даны по опубликованным переводам.

языках фиксируют в предикате различные признаки, объективно присущие действию. Другой признак выражен вне глагола либо остается совсем невыраженным и подсказывается самой ситуацией.

Значительно чаще, ввиду наличия в русском языке разветвленной системы приставочных глаголов, где основа показывает характер действия, а префикс — направление или дополнительную характеристику, в русском высказывании выражаются одновременно два значения (направление и способ движения), тогда как во французском — только одно из них.

Je vois venir à moi une femme (Mérimée). Ко мне *подходит* какая-то женщина.

Во французском глаголе отражено только одно свойство действия (направление), в русском — два (направление и способ движения). <...>

Сравнение номинаций действия в предыдущих предложениях: *venir* — *прийти* (а также *приехать* и т. п.) <...> показывает, что русский язык чаще использует гипонимические номинации там, где французский удовлетворится гиперонимическими. Это касается слов разных частей речи. Например:

Nous fimes un bon repas (Mérimée). Мы плотно *пообедали*.

Во французской фразе (букв. «Мы сделали хорошую еду») принятие пищи обозначается родовым термином, который указывает на любой прием пищи, независимо от времени дня (завтрак, обед, ужин), в то время как в русской оно конкретизировано (*пообедали*). Во французском варианте еда характеризуется самым общим определением (*bon* — *хороший*), в русском специфическим определением, относящимся к еде — *плотно*). <...>

В сфере метонимических отношений (т. е. отношений целого и его частей) говорящий по-русски использует обозначение целого во многих случаях, когда говорящий по-французски указывает на часть этого целого.

Русский язык чаще и с большей детализацией фиксирует звуковые ощущения, в то время как во французском чаще используются при номинации цветовые впечатления. Французский писатель Луи Арагон в своем романе «Бланш, или Забвение», касаясь языковых проблем, писал: «...Французский язык — язык без слуха [...]; какая бедность средств для всего, что касается звука..., шума, пения, мелодии или неблагозвучия. В этой области рядом с английским или русским языком он выглядит как бедный родственник».

В речи при обозначении лиц русский язык относительно чаще пользуется прямыми номинациями (имя собственное, например), тогда как, к примеру, французский шире прибегает к косвенным обозначениям (родственные и иные отношения, демографические признаки лица), даже если имя собственное известно. Например:

Павел Петрович строго нахмурил брови, а *Николай Петрович* смутился (*Тургенев*). *Paul Pétrovitch* fronça sévèrement les sourcils; son frère troubla.

Второй персонаж обозначен по его родственному отношению с первым (*его брат*) не только потому, что ввиду отсутствия отчества во французском узусе русское имя для французского читателя кажется непривычным и громоздким, но также вследствие того, что косвенные обозначения, указывающие на родственные отношения или социальные роли, во французской речи отмечаются намного чаще. <...>

Специфические особенности функционирования языка проявляются не только в отборе элементов при обозначении ситуации, но и в выборе типа отношений между элементами ситуации, который определяет используемую общую модель предложения.

Так, отношение включения между обозначаемыми объектами в русской речи часто представлено как отношение местоположения, а во французской — как отношение обладания.

Кроме лесов в Ревнах *было* еще одно таинственное место — река (*Паустовский*). *Outre la forêt, le ravin possédait un autre objet de fascination, sa rivière.* <...>

И в области использования частей речи, и в сфере членов предложения <...> в русском языке формы более точно соответствуют содержанию, в то время как французскому свойственен больший грамматический метафоризм.

Что касается отражения речевой ситуации («модус»), то оно проявляется прежде всего в использовании категорий предикативности, что также отражает «видение мира», особенно в социальном плане. Рассмотрим кратко особенности употребления в русском языке <...> коммуникативной целеустановки, ассертивности, <...> выявляемые в сопоставлении с французским. <...>

При выражении косвенной коммуникативной целеустановки (вопроса или приказа) русский язык сравнительно чаще использует прямые формы (вопросительную и повелительную), тогда как французский прибегает к повествовательной форме, что выступает в данном случае как непрямой способ выражения. Например:

— *Tu seras prudent, il y a du verglas* (букв. «Ты будешь осторожен»). — Будь осторожен, на улице гололеда. Чтобы употребить будущее время в русском высказывании, предпочтительно поставить его в вопросительную форму: «*Ты будешь осторожен, да?*»

Категория асертивности включает две субкатегории: утверждение и отрицание. В ряде случаев говорящий может сделать между ними выбор, особенно, если отрицание используется для выражения смягченной просьбы. Такое смягчение иллокутивной силы высказывания по-русски может передаваться вопросительно-отрицательной формой, тогда как во французском — утвердительной. Например:

— *Tu me prêtés ta voiture?* (букв. «Ты мне одалживаешь твою машину?») — Ты *не* одолжишь мне свою машину?

В косвенных высказываниях подобного рода французский язык шире использует, чем русский, немаркированную утвердительную форму, которой в русском языке может соответствовать отрицательная. <...>

В целом, формируя высказывание, говорящий по-русски проявляет особое специфическое «видение мира». То, как люди видят мир, проявляется не только в формах языка, но и в языковом поведении.

Для объяснения различий в языковой картине мира выдвигалось два фактора: внешнеязыковой (эта специфика объяснялась особенностями культуры, истории, характера соответствующего народа) и внутриязыковой (особенности устройства и внутренние тенденции самого языка). Еще в начале 30-х годов известный ученый В. И. Абаев говорил о языке как идеологии и языке как технике, подчеркивая, что «идеология» часто переходит в «технику»: прежние смысловые культурно-значимые оппозиции превращаются в формальные.

Внеязыковой фактор — внешний по отношению к языку и даже по отношению к говорящим. Внутриязыковой — определяется свойствами языка и произвольным коллективным выбором говорящих. Язык не может отображать все возможные противоположения и отличия объектов действительности. Говорящие могут (по сути дела произвольно, как коллективный носитель языка) фиксировать одни различия и игнорировать другие. В ряде африканских языков нет лексического различия типа русского *идти / ехать*. Это объясняется культурно-историческим фактором. Вследствие особенностей почвы народы соответствующих регионов не знали тяглогового скота и колесного транспорта. Напротив, в этих языках детально дифференцируется способ переноски тяжестей («носить на спине, на руке, на голове, на плече» и т. п., поскольку это были основные способы транспортировки). Различие глаголов *идти / ехать* было в латинском (*ire / vehere*), но оно исчезло в романских языках (хотя может быть передано иными способами). Отсутствие четкой лексической оппозиции здесь не может быть объяснено историко-культурными причинами (колесный транспорт все время существовал и продолжал развиваться). Можно предположить, что глаголы *ехать, везти* перестали быть необходимыми именно в силу развития колесного и вытеснения конного транспорта (мы не будем останавливаться здесь на обосновании такой точки зрения), но тогда почему оппозиция сохранилась в славянских и немецком языке, но исчезла в английском? Видимо, здесь мы имеем дело с произвольной языковой избирательностью.

Имеется соблазн дать фактам расхождения внешнеязыковое, культурное истолкование. Но сами носители языка предостерегают от этого. Например, Арагон в приведенной выше цитате говорит о «глухоте» французского языка, а не его носителей. Французский народ обладает богатой музыкальной культурой, народной и профессиональной. Но многие звуковые впечатления не получили в языке дифференцирующих обозначений, например, «звук» и «звон», действие со звуком и без звука (ср. русское *стук и удар*). С другой стороны, в этом языке сравнительно чаще как средство дифференциации, да и в переносном смысле, используются слова, обозначающие цветовые впечатления.

«Идеологические» истолкования языковой специфики, тем более, если они увязываются с «национальным характером», нередко рискованны. В русском языке часто используются разные типы предложений без глагола. Один зарубежный лингвист в шутку назвал это явление «языковой обломовщиной», видя в нем нежелание говорящих утруждать себя подбором глагола с соответствующими грамматическими показателями, когда смысл и так ясен (— *Ты куда?* — *Я в институт*, вместо: — *Ты куда идешь?* — *Я иду в институт*, во французском языке, например, пропуск глагола в этих случаях невозможен). Но дело здесь, конечно, не в «обломовщине», а в языковой экономии, которая имеет место во всех языках, но в каждом проявляется по-своему и на разных уровнях. Так, по-немецки можно сказать *j-m in der Mantel (auf die Beine) helfen* (букв. «помочь кому-л. в пальто, на ноги» *помочь кому-л. надеть пальто (встать на ноги)*). Пропуск глагола в русской фразе невозможен.

Языковая экономия может быть структурной, когда опускается слово, как в приведенных русских и немецких фразах, и семантической, когда употребляется немаркированная языковая форма с более про-

стой семантической структурой. Во многих рассмотренных выше случаях французский язык проявляет тенденцию к употреблению немаркированных, более широких по значению форм: настоящего времени вместо прошедшего или будущего, повествовательного предложения вместо вопросительного или побудительного, утвердительного вместо отрицательного. Русский язык относительно чаще использует маркированные формы. Отбор маркированных форм с их дополнительными семами требует, по-видимому, большего мыслительного усилия, чем немаркированных. Поэтому, если следовать метафоре зарубежного русиста, можно сказать, что в этих случаях французский язык проявляет «языковую обломовщину», пользуясь в разных ситуациях языковыми формами максимально простого семантического состава.

Разумеется, можно попытаться объяснить склонность франкофонов к употреблению форм настоящего времени особенностями французского национального характера. И. Эренбург, хорошо знавший Францию и ее народ, пишет в посвященной этой стране статье «О свойствах умеренного климата»: «Я преклоняюсь перед [французской] преданностью каждому часу, каждой минуте, которую можно определить и как беспечность, и как настоящую мудрость». Можно заключить, француз психологически живет преимущественно в настоящем. В России же люди больше думают, по-видимому, о прошлом и будущем, и даже из двух считающихся традиционно российскими вопросов один относится к прошлому (*Кто виноват?*), другой — к будущему (*Что делать?*).

Но можно расхождения в употреблении временных планов объяснить и чисто грамматически. В специфике использования языковых форм можно усматривать воздействие двух факторов, из которых один принадлежит русскому языку, другой — французскому. <...>

Национальная специфика языковой картины мира и языкового поведения может объясняться особенностями культуры народа, но также и структурными особенностями языка. «Идеологические» факторы могут постепенно преобразовываться в «технические».

Колесов В. В. Тезисы о русской ментальности // Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» СПб., 1999.

Определение ментальности затруднительно по причине слабой разработанности самой проблемы. Как обычно бывает, новый термин вызывает смутные представления и субъективно осознаваемые образы, которые сразу же становятся символом для определенной точки зрения или известной научной школы. И только со временем они могут получить характер понятия, которое требует логического определения. Понятное определение становится заключительным моментом развития научного представления, которое адекватно сущности вполне осязаемого явления.

В настоящее время до такого состояния еще очень далеко.

Ученые, изучающие ментальность, обычно сторонятся уже наработанных предшественниками объемов понятия и особенностей его содержания. Они представляют дело так, словно именно они впервые ставят проблему и решают ее — в удобном для них направлении. Забывают, например, и о В. фон Гумбольдте, и о А. А. Потебне, и забывают главным образом потому, что полностью исключают из рассмотрения ментальности проблему языка <...>

Понятно, что трудно судить о чужой ментальности, не укореняясь в духовном пространстве выражающего ее языка. Складывается впечатление, что громче всех о ментальности говорят люди, утратившие — при незнании родного своего языка — национальную идентичность. Между тем вот и определение ментальности:

Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры.

Однако ошибочным было бы сводить ментальность только к совокупности устойчивых символов данной культуры. Словесный знак скрывает в себе самые различные оттенки выражения мысли (в значении *mens, mentis*), и не только символы, но также образы, понятия, мифы и пр.

Таким образом определяется основная единица ментальности — *концепт данной культуры*, который в границах словесного знака и языка в целом предстает (является) в своих содержательных формах как образ, как понятие как символ. В этом случае под концептом следует понимать не *conceptus* (условно передается термином «понятие»), а *conceptum* — «зародыш, зернышко» первосмысла (*сперма* у Аристо-

теля), из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности.

Практические и политические деятели также используют термин *менталитет*. Например, московский мэр Лужков (1998) говорит о «русской национальной идее», что сразу же свидетельствует об эклектизме всех его суждений, связанных с темой. Идеи могут быть «русскими» (о «русской идее» говорил уже Достоевский), но не существует «русской идеи», как нет и «русской нации» или «русского языка», поскольку понятие «нации» и «языка» включает этнический признак также.

В числе признаков «русского менталитета» упоминается клич «стать богатым!» — но «русская ментальность» исходит не из богатства или роскоши, а из *достатка и обеспеченности семьи* (*быть достаточным, обеспеченным* — и довольно). Лужков утверждает, что «собственник» — соль земли, а наша страна почти тысячу лет была собственностью фактически одного человека. Это также сомнительное утверждение. Само понятие *собственности* в русской ментальности выражает «совместность владения многих» (тут корень *свой, свои, свое*), и в русской истории всегда соблюдается иерархия форм собственности, но так, что самый верховный «собственник», который чаще всего был как раз не «свой», владея всем, не обладал ничем. И действительным русским идеалом является убеждение, что средства производства принадлежат производителю, что земля есть всеобщее достояние, хотя и пользуются ею по доверенности только те, кто ее обрабатывает, что не должно быть никаких посредников в сложной иерархии собственных собственников и что личная безопасность возможна только как *свобода* (тот же корень *свой*) в кругу «своих», а личная *воля* непременно должна быть направлена на дело, вовне.

Уже на одном этом концепте *svoj-/*svob- и на цепочке словесных образов, из него извлеченных, мы видим настойчивое желание навязать реальной ментальности несвойственные ей черты. А уж об утверждениях типа «русский народ — нация обломовых, нация рабов, с рабским прошлым, народ-растяпа с присущей ему азиатской ленью» и говорить не приходится. Все это пропагандистский штамп, основанный на мифах враждебной стороны. <...>

Отражение русской ментальности в слове

<...> 22. Добро в русском менталитете выражено степенями (благо, добро и проч.), но зло — однозначно, термин «зло» не варьируется. «Зло создается человеком», и потому предельно, это всего лишь отсутствие добра, и уже средневековый писатель понимает это: мрак там, где свет отступает, и Зло тоже там. «Нужно быть в добре и излучать добро» [Бердяев] — такова единственная возможность искоренить зло.

23. Особое место занимает в русском сознании категория «соборность». Это органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа. Поскольку ум эгоцентричен, а душа соборна, постольку именно душа объединяет, а не разъединяет, и делает всех участников действия равноправными. В терминах семиотики — эта равнозначность эквивалентности, а не взаимное отторжение (отчуждение) элементов привативной оппозиции. «Я» соединяется с «ты» через посредство «мы» — только такое понимание оправдано нравственно. История русских слов максимально полно отражает представление о соборности в противопоставлении к личной отчужденности: *думать, веселиться, дивиться*, а также *срам, беда* и проч. отражают соборное действие, тогда как соответствующие им слова *мыслить, радоваться, чудиться, стыд, горе* и проч. выражают индивидуальное. <...> Соборность — вовсе не «сборность элементов», а именно та целостность, которая и определяет все особенности русского менталитета. «Это есть таинственная жизнь Духа. «Мы» в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность. Он носит механистический рациональный характер» [Бердяев].

24. Из многих значений, связанных с понятием «любовь», для русского менталитета, по-видимому, более характерно понимание любви как отношения, а не как связи. Русские философы единогласно подтверждают это идущее с древности представление о любви как цементирующей силе соборности. Влияние христианских воззрений тут налицо. Сегодня мы и любовь представляем в искаженном понятийном пространстве. Отсюда наблюдаются попытки внедрить в подсознание новые представления об этом отношении: любовь как секс, например. Мы предпочитаем заимствовать английское слово, а не вводить его смысл в значение славянского *любовь*.

25. Существует множество более частных ментальных характеристик, которые интересны сами по себе. Они также восходят к далекому прошлому. Добрый человек, например, по-прежнему в нашем представлении — *удалой*, а не смелый или отважный, т. е. не расчетливо решающийся на смелый поступок, а тот, кто личным выбором решается на рискованный шаг. *Милосердие* никогда не понималось как простое бескорыстие; милосердие не может быть «общественным», поскольку это — личное

стремление человека очиститься путем помощи слабейшему. Честь русскому человеку всегда дороже славы (в современных терминах — рекламы). Мир как спокойствие приходит не извне, им нельзя одарить. Мир — внутри человека. Собственно, на достижение такого мира и направлены все описанные здесь категории русского менталитета. Невозможно жить счастливо, видя несчастье других.

Хоть и неполно здесь изложение русского менталитета по данным истории русского языка, однако и оно показывает всю важность проблемы. Не мы живем в языке, как думают многие, а язык живет в нас. Он хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение. К сожалению, сегодня во многом наше мыслительное пространство искривлено неорганическим вторжением чужеродных ментальных категорий. Возможно, в будущем и они войдут в общую систему наших понятий, пополняя и развивая менталитет и язык. Однако рачительное и критическое отношение к этому процессу требует компетентности и осторожности.

В. Н. Телия Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М., 1996.

С. 238-269

Часть III

Глава вторая. Русская фразеология в зеркале национального менталитета (от мировидения к миропониманию)

<...> "язык культуры" воплощается в разными семиотических системах. В естественном языке ее реалии и установки рассеяны в содержании наименований культурных "вещей" и концептов, явлены в прескрипциях народной мудрости — в пословицах, поговорках, в различного рода языковых стереотипах, эталонах, символах, а также в прецедентных текстах — в крылатых выражениях, сентенциях и т.п. Наряду с этим существует настоятельная необходимость при описании содержания культурно-национальной коннотации оперировать этими проявлениями языка культуры как источником интерпретации.

Упомянутый выше постулат о мотивированности культурной коннотации также может показаться неочевидным, если иметь в виду, что "буквальное" прочтение образного основания фразеологизмов, как показывают экспериментальные данные, далеко не всегда культурно отразилось в «личностном (по Выготскому) смысле», безотносительно к тому, идет ли речь о «сращениях» или "единствах", в которых для носителя языка затемнена связь с прототипом. <...> А между тем оперирование источниками интерпретации, равно как и ее образными основаниями как фрагментами мировидения — это те "банки данных", на основе которых выполняется лингвокультурологический анализ.

Неразработанность самого понятия "язык культуры", а следовательно — и его таксономического инвентаря, а также неизученность тех механизмов культурно-языковой компетенции, в соответствии с которыми происходит осознание образа в контексте культуры <...> обязывает сформулировать два постулата, в соответствии с которыми в данной работе и осуществлен лингвокультурологический анализ некоторых фрагментов обыденного менталитета русского народа, отраженных в зеркале фразеологии, а именно — безделья, "чужого" пространства, а также некоторых ипостасей такого базового для культуры концепта, как "женщина".

Первый постулат состоит в допущении о том, что носители языка владеют — более или менее осознанно — знанием прецедентных относительно культурно значимой информации текстов или языковых сущностей, которые и могут служить источниками культурно-национальной интерпретации фразеологизмов. Второй постулат: соотносительность фразеологизмов с "языком культуры" в лингвокультурологическом анализе, может быть выявлена, как общее правило, только достаточно представительных массивах идеографических полей (типа «свойства лица», "чувства", "интеллектуальные способности и состояния", "поведение", "пространство" и т.п.).

В соответствии с этими постулатами и предлагается исследовать взаимодействие языка и культуры, столь характерное для фразеологизмов различных типов.

Источники культурно значимой интерпретации фразеологизмов

К этим источникам относятся выраженные в языковой форме «вещные» или эталонизированные либо обретшие символическую функцию реалии, прескрипции и установки культуры, зафиксированные в фольклоре или в других типах дискурсов, особенно — в религиозных.

Эти воспроизводимые из поколения в поколения источники, являющие собой семиотические системы, моделирующие результаты собственно человеческого самосознания — архетипического и прототипического, т.е. возводимого к образцам или нормам, не составляют «ребуса» для носителей языка при расшифровке если не точного, то, по крайней мере, приблизительного их смысла благодаря традиционной их преемственности в самосознании народа — носителя языка. По этой причине они и выступают как своего рода шаблоны культурно-национального миропонимания, как достояние группового сознания. Осознание смысла этих шаблонов на уровне архетипического или прототипического их представления и служит тем информационным фоном, на котором воспринимается культурное содержание фразеологизмов.

В порядке первого приближения можно выделить по крайней мере восемь типов такого рода источников культурной интерпретации фразеологизмов (думается, что не только фразеологизмов, но и всех культурно значимых языковых сущностей). Не исключено, что таких источников интерпретации может быть выделено больше, что внутри них следует выделить подтипы, что таксоны ("единицы") этих источников могут принадлежать одновременно нескольким семиотическим системам (так, стереотип ритуала или гадания может войти в поговорку, а эта последняя, в свою очередь, обретая функцию фразеологической единицы языка, становится стереотипом некоторой ситуации, как, например, в выражениях типа от ворот поворот, писать на воде вилами и т.п.).

(1) Одним из источников культурно значимой интерпретации являются ритуальные формы народной культуры, такие, как сватовство поминки и т.п., поверья, мифы, заклинания и т.п. Например, фразеологизм от ворот поворот означает решительный отказ от кем-то сделанного какого-то предложения, но его культурно значимый смысл несет информацию об от-«чужд»-ении, о непризнании агенса "своим"; миф о том, что черти живут на болотах, из-за чего болото считается "нечистым", потому "чужим", враждебным человеку местом, отражена и значении, а в культурной коннотации фразеологизма у черта на куличках, который, обозначая очень отдаленное месторасположение чего-л. или кого-л., коннотирует идею "чужого" пространства, что проявляется в неодобрительном отношении к обозначаемому, ср. также фразеологизмы – речевые формулы, восходящие к заклинаниям-проклятиям: Чтоб тебя черт побрал! Чтоб тебе пусто было! и под.

В связи с этим важно подчеркнуть различие между этимологическим анализом, раскрывающим изначальный смысл образа, и анализом лингвокультурологическим, нацеленным на раскрытие культурно значимого смысла, коннотируемого образом, что не одно и то же. Этим логический анализ, если угодно, "обращен вспять". Как правило знание этимонов "скрыто" от обычных носителей языка. Лингвокультурологический же анализ заключен в извлечении из образа его действительной культурной значимости: он имитирует вычитывание культурного смысла языковой сущности носителями языка, аналогично тому, как современные активно ориентированные синхронные описания языка имитируют закономерности владения языком.

(2) К источникам интерпретации, безусловно, относится паремиологический фонд, поскольку большинство пословиц – это прескрипции-стереотипы народного самосознания, дающие достаточно широкий простор для выбора с целью самоидентификации – иногда из прямо противоположных максимум (ср. Бабий век – сорок лет и Сорок пять – баба ягодка опять и т.п.). Это и различного рода словесные формулы и клише (типа за тридевять земель, хлеб-соль и под.). Например, на фоне последней пословицы, а также ряда других (типа Красота приглядится, а щи не прихлебаются; Чужая жена лебедушка, а своя – полынь горькая и т.п.) достаточно определенно подтверждается действительность в мужской ментальности "гастрономической" метафоры, согласно которой женщина как сексуальный партнер — это лакомый кусок, ср. также аппетитная, сладкая, ядреная баба и т.п. <...>

(3) Источником культурно-национальной интерпретации является а характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов, запечатленных в ходячих устойчивых сравнениях глуп как баран (ср. совр. глуп, как пробка), стройная, как березка; носится, как угорелый, как с гуся вода и т.п. <...>

Эти традиционные, т.е. воспроизводимые из поколения в поколения, эталонные сравнения также не только отражают мировидения но — что более важно — они связаны и с миропониманием, поскольку являются результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с "нечеловеческими" свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека. Эталоны становятся тем, в чем образно "измеряют" свойства человека (ср. в этой связи сюжет из известного мультфильма, где звери решают мерить удава «в попугаях» и где попугай выполняет функцию не эталона, но обычного масштаба измерения).

Эталон — это характерологически образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реальией — персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства. Как пишет В. Топоров, "не только "человек — мера всех вещей", но в известном отношении и обратно: "вещь — мера всех людей" [Топоров 1995]. Реалия, выступающая в функции эталона, становится таксоном культуры, поскольку она говорит не о мире, но об "окультуренном" мировидении. <...>

(4) Еще одним источником культурно-национальной интерпретации фразеологизмов, достаточно разнообразным по происхождению и по использованию в различных типах дискурса, являются слова-символы или слова и словосочетания, получающие символическое прочтение. <...> в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Слово-значение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно "замещает" некоторую идею. Важно отметить, что материальным экспонентом этого замещения является не реалия как таковая, а имя. Например, не реалии сердце, рука, крест являются символическими носителями в идиомах типа сердце кровью обливается, держать в руках, нести свой крест, но имена, собственные значения которых замещены символическим прочтением: сердце — это орган чувств, рука — это власть, крест — это горькая судьба. <...> Применительно к таким случаям, когда не реалия (как в случаях типа луна — символ ночи, солнце — символ дня, крест — символ искупительной жертвы Христа), а имя реалии обретает символическое прочтение, мы употребляем термин квази-символ с целью разграничить символическую функцию реалии и символическую функцию имени языкового знака, <...> культурно-национальные символы, воплощенные в языковое "тело", это всегда слово-значение, выполняющее функцию си языковая единица награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не являющийся ее собственным языковым значением. Так, в идиомах типа душа не на месте, душа кровью обливается или в сочетаниях типа душа болит значение слова душа не переосмысливается метафорически, но сохраняет свое символическое прочтение 'орган чувств', а в идиоме душа ушла в пятки — 'орган жизнедеятельности' и т.п. <...>

(5) Мощным культурноносным источником для русского миропонимания послужило христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами. <...> фразеологизмы, вышедшие из религиозных дискурсов, могут представлять собой разные виды цитации: прямую цитацию (типа сосуд скудельный, соль земли), аллюзию к религиозным текстам через включенность во фразеологизм одного-двух слов (типа тьма кромешная [и скрежет зубов]), "сжатие сюжета" (типа валаамова осла или лепта вдовицы) и под. Однако каждому, как представляется, и понятен общий смысл таких выражений (ср. также нести свой крест, трудиться в поте лица, испить горькую чашу, чаша терпения, страдания и т.п.). Например, идиома пить горькую чашу или фразеологические сочетания чаша терпения, страдания и под. легко ассоциируются знающими Евангелие с "Молением о чаше" (ср. пастернаковское "Если только можешь, авве Отче, чашу эту мимо пронеси"), а для не знающих — с "горькими" испытаниями. В любом случае "смутного"; или более или менее четкого знания этого эпизода из Евангелия идиомы интерпретируются не "буквальными" отрывками текста, а соотносятся с этим эпизодом как фреймом, структурирующим знание о наивысшей полноте страдания. По существу носители языка выполняют в такого рода случаях герменевтический анализ — каждый в меру своих способностей. <...>

(6) Еще один источник культурной интерпретации — интеллектуальное достояние нации и человечества в целом: философия мироздания, ее осмысление истории, литературы и т.п. Мы обобщаем эти колоссальные объемы знаний лишь постольку, поскольку здесь важно указать на тип источника, а не охарактеризовать его продуктивность. <...>

Обычно этот совокупный источник представлен в сборниках, выполненных в жанре "крылатые слова и выражения", «в мире мудрых мыслей» и под. Но надо заметить непродуктивность этого источника для интерпретации фразеологизмов. Что вполне понятно: фразеологизмы возникают и обретают статус воспроизводимых единиц народной среде, для которой ближе и понятнее народная мудрость, «предания старины глубокой», отраженные и в народном творчестве, религиозные установки, в том числе — и языческие и под. Что не исключает, конечно, проникновения во фразеологический состав языка цитации из других дискурсов (типа слон у и в посудной лавке, дым отечества и под.).

(7) К источникам культурно-национальной информации следует отнести явно выраженные в словах-компонентах фразеологизма сведения о таких реалиях, которые служат предметом описания в страноведчески ориентированных словарях. Речь идет о словах типа сокол (гол как сокол), баня (задавать ба-

ню), о словосочетаниях типа медный грош (гроша медного не стоит), ср. также отражение во фразеологизмах исторических событий типа погиб <пропал> как швед под Полтавой, погибоша аки обре и т.п.

Кроме того, в область страноведчески маркированных источников попадают крылатые выражения — цитации из русской классики (типа дым отечества, человек в футляре и под.), а также так называемые "советизмы", источником которых обычно служит политически-лозунговый дискурс, использующий метафоры из спортивной жизни, и языка техники, производства и т.п.: передавать эстафету, поднимать планку; спускать на тормозах, стартовая площадка, выводить на орбиту; трудовая вахта, ср. также такие газетно-публицистические штампы, как путевка в жизнь, борьба <битва> за урожай <хлеб> и т.п. <...>

(8) Выше были упомянуты те источники интерпретации, которые принадлежат внешним по отношению к языку семиотическим кодам культуры. Ниже речь пойдет о внутриязыковых ресурсах культуры интерпретации — об отраженной в тропеических основаниях фразеологизмах "наивной картины мира" как результате его картирования, концептуализации фразеологическими средствами на основе тех выделенных в мировидении народа стереотипных для его жизни обихода бытовых ситуаций, которые послужили образными прототипами для фразеологизмов, а также об эталонизированных или обретших символический смысл "вещах" и свойствах, вошедших в образное содержание в качестве слов-компонентов.

<...> само образное содержание фразеологизмов может служить "подсказкой" для культурно-национальной интерпретации, если оно отображает характерные черты мировидения.

Существенное отличие этого внутриязыкового ресурса культурно-национальной интерпретации содержания фразеологизмов от приведенных выше (1) — (7) заключается в том, что сами фразеологизмы, осознаваемые как культурно значимые тропеические "образцы" свойств, событий, фактов, не являются знаками культуры как таковыми, не образуют ее собственных таксонов, но способны, если они воплощают в своем образном содержании культурно значимые черты мировидения, выполнять роль культурных знаков при условии их интерпретации в том или ином коде культуры.

Чтобы пояснить эту мысль, лучше всего обратиться к примерам из фразеологической ноологии. Наше, как принято говорить, бурное и беспокойное время наводит на аналогию с плаванием по бушующим волнам "моря житейского" с его политическими катаклизмами и раскачиванием общества то влево, то вправо (заметим, кстати, что сама эта аналогия с "морем житейским" имеет библейские аллюзии со всемирным потопом). Именно такое мировосприятие социальных процессов вызвало к жизни такие "метафоры перестройки", как корабль перестройки, штурманы перестройки и под. <...> ср. также идиомы раскачивать лодку, загребать влево-вправо и т.п.

<...> Эти образы легко интерпретируются, благодаря знанию об имевших место перестроечных процессах, в которых отчаливание от старого берега и опасность не доплыть до нового были реальностью, поскольку противники перестройки стремились потопить корабль перестройки, раскачивали его в разные стороны и т.д.

Именно эта метафорическая аналогия и лежит в основе концептуализации приведенных выше фразеологизмов, как бы активирующих своими образами разные слоты фрейма «перестройка». Поэтому метафора движения корабля <лодки> оказалась легко распознаваемой, она "подсказывала" на основе группового опыта интерпретацию образного содержания фразеологизмов на том социально-культурном фоне, который был характерен для политического дискурса периода перестройки. По этой причине сами фразеологизмы стали восприниматься как стереотипы этого дискурса.

<...> метафора живет во фразеологизмах, <на это> указывает то, что в экспериментальных условиях носители языка стремятся найти связь между буквальным прочтением идиом и их смыслом, если образ "прозрачен" для них полностью или даже частично. Собственно русские идиомы типа выносить сор из избы, сдвинуться по фазе, крыша поехала или даже ни бельмеса не смыслит, где компонент ни бельмеса воспринимается как 'ничего, ни самой малости' фоне окружения не смыслит). <...> носители языка отказываются искать эту связь только в том случае, если буквальное прочтение полностью нерелевантно, т.е. не может быть соотнесено ни с каким фрагментом реальности из-за наличия в идиоме непонятных по значению слов <...> обычно это слова-некротизмы, как, например, русск. обре в погибоша, аки обре, турысы в турысы на колеса и т.п.

Именно это «посредническое» участие метафоры в когнитивном распознавании значения идиом, основанное на ее связи с мировидением народа — носителя языка, обеспечивает и ее связь с когнитивными структурами культуры — с ее микро- и макрофреймами. Фразеологизмы не составляют в этом исключения, а скорее даже демонстрируют эту закономерность. Здесь достаточно отметить, что идиомы

душа ушла в пятки, кровь стынет в жилах и под., фокусирующие слот "предельные психофизиологические реакции" фреймов "страх" или "ужас", осознаются как таковые благодаря осознанию связи слов-компонентов душа и кровь с культурным фреймом "душа (или кровь) — символы физической жизнедеятельности".

Типичность обиходно-бытовых ситуаций или выделенных в обыденном сознании «вещей» и свойств как символов или эталонов мировосприятия и лежит в основе стереотипности того "стиля", который характерен для "присвоения" миропонимания через мировидение. Иными словами: типичность образов, лежащих в основе значения фразеологизмов, а также включенность в них символов или эталонов миропонимания — это плод коллективного представления (по терминологии К. Леви-Брюля) лингвокультурной общности о некотором групповом опыте. Последний может интерпретироваться в концептах культуры, обретая во фразеологизмах стереотипное, символическое или эталонное его выражение.

Например, идиомы, обозначающие пространственную ориентацию, типа под носом, под рукой, под боком, бок о бок и т.п., а также такие идиомы, как (сыт) во горло, (занят или влюблен) по уши и т.п., отображают эмпирические эталоны очень близкого, "соматически" достижимого пространства или же некоторого физического предела для состояния субъекта. При этом сами имена нос, горло и под. не являются такими эталонами: нос, рука, бок — не мера очень близкого расстояния, а уши или горло — не мера физического предела, но в сочетании с пространственными предлогами они обретают свойство эталонности. <...>

Итак, фразеологизмы, отображающие типовые представления (в терминах когнитивной психологии их принято называть, прототипами) могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения или указывать на их символический характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты культурных знаков.

Однако не все фразеологизмы обретают роль культурных знаков. Как правило, такие единицы связаны с универсальным знанием о свойствах реалий, ушедших в образное основание. Например, сидеть на двух стульях или между двух стульев при всей стереотипности ситуации не ассоциируется с особенностями русской национальной культуры (ср. также сесть на мель, сматывать удочки, протянуть ноги и т.п.). В этом случае можно проследить скорее ареальные черты культуры: можно предположить, например, что в "сухопутных" странах не продуктивна морская метафора, что для обозначения смерти могут быть отобраны в зависимости от этнической культуры и религии разные образы и т.п.

Таким образом, фразеологизмы, образные основания которых как бы "подсказывают" ход к их культурной интерпретации, обнаруживают двойную соотнесенность с культурой: сама их внешняя форма — это уже язык культуры, поскольку "буквальное" ее прочтение соотносит образ со стереотипным, эталонным или символично значимым для данной лингвокультурной общности мировидением, в котором отобразилось какое-либо свойство, случай, явление или ситуация — с одной стороны, а с другой — этот образ осознается и интерпретируется носителями данного языка в соответствии с их культурной компетенцией.

Именно в этой двойной соотнесенности, наряду с собственно номинативной функцией, и заключена, как представляется, одна из причин существования и воспроизведения в языке таких аномальных для него знаков как идиомы, равно как и фразеологических сочетаний (или лексических коллокаций, по западной терминологии), "нарушающих" правила свободного выбора и комбинации слов, что является нормой для "регулярного" функционирования языка. Выполняя роль культурно-национальных "конденсатов", такого рода аномалии не только обозначают мир "Действительное", но и транслируют из поколения в поколение характерный для народа стиль мировидения и передают культурно-национальные его традиции, выражая тем самым и характерологические особенности его менталитета, принадлежащего миру "Идеальное".

<...> Знание культурных знаков, или "культурем", принадлежащих этим указанным выше разным источникам, входит в собственно культурную компетенцию народа. И хотя это вербализованное знание, оно, с нашей точки зрения, должно рассматриваться как принадлежащее миру материальной и духовной культуры, нашедших в процессе семиозиса свое знаковое выражение в языковой форме. Поэтому интерпретация собственно языковых знаков (в частности — фразеологизмов) в содержательном пространстве этих культурных знаков — это процедура соотнесения единиц системы языка с таксонами культуры. Результатом такого соотнесения и является содержание культурной коннотации, в такой же степени национально окрашенной, какой идиоматично содержание культурных знаков.

культурной специфики фразеологизмов

Как уже отмечалось выше, эти принципы основаны на постулате о том, что вплетение культурно значимой информации в план содержания фразеологизмов и, соответственно, обретение ими роли знака языка культуры, могут быть выявлены в лингвокультурологическом анализе, как общее правило, только на достаточно представительных массивах идеографических полей, таких, как "свойства лица" (а точнее — такого концепта культуры, как личность), "поведение", а так «чувства», "интеллектуальные способности и состояния", «пространство» и т.п.). <...> культурно-национальная коннотация прямо или косвенно соотносит образ идиомы (независимо от ее "родословной" — древней или новой) с базовой метафорой, а эта последняя интерпретируется "коллективным бессознательным" в пространстве категорий или установок культуры — неписаных законов собственно человеческого бытия в "море житейском".

<...>Ниже <...> приводятся фрагменты лингвокультурологического анализа "фразеологического языка" такого базового концепта культуры, как "женщина". Однако перед изложением его результатов представляется необходимым вкратце описать сам метод анализа, поскольку он применим (с теми или иными модификациями) и к описанию "языка" других культурных концептов, выступая, как представляется, универсальным способом для выявления культурно-национальной специфики концепта, извлекаемой не только из материала фразеологии, но и из образно мотивированных слов и т.п.

Прежде всего уместно еще и еще раз напоминать о том, что содержание таких базовых концептов культуры всегда объемнее, нежели концептуальное же содержание одноименной языковой сущности: их осознание как бы "растягивается" по всему идеографическому (или тематическому) полю, создаваемому разноименными первичными или вторичными (в том числе — и фразеологическими) обозначениями "родового понятия". Именно по этой причине рефлексия «народного духа» выражаемая в культурно-национальной коннотации, в крайне редких случаях может быть выявлена на примере собственно языковых значений наименований. Эти коннотации могут быть выявлены только на массиве данных, образующих в своей совокупности идеографический фрейм, который и соотносится в языковом сознании и культурном самосознании субъекта с концептуальным содержанием "одноименной" с этим массивом категории культуры.

Само идеографическое поле "женщина" складывается из всех на именовании, обозначающих «Евино племя», из которых родовыми являются женщина, а также баба (коль скоро речь идет об обыденном менталитете), а видовыми — все остальные обозначения, характеризующие их по возрасту (типа девочка, старуха и т.п.), по сексуальному аспекту (где основным именем выступает слово баба и его «сниженные» дериваты типа бабец, бабища и их синонимы), по семейному статусу (жена, невестка, теща и под.), по типу родственных отношений (мать, дочь, бабушка, внучка и т.д.), по статусу социально-семейному (хозяйка, вдова, докторша 'жена доктора' и под.), по принадлежности к социальным ролям (типа: кухарка; здесь особенно красноречивы варианты типа доктор / докторша 'женщина-врач'), по принадлежности сферам трансцендентно-мистическим (типа колдунья) или же к «чужому» миру (типа ведьма, русалка) и т.д. и т.п. Безусловно интересны сами женские имена.

В этой же связи необходимо упомянуть об особом статусе наименования баба, являющегося во всех производных значениях культурно маркированными. Суммируя данные словарей, первичным значением этого слова можно считать уже устаревшее 'замужняя крестьянка (жена крестьянина)'. На основе фокусировки свойств 'здоровая, работающая', 'здоровая, обладающая сексуальной привлекательностью' (это свойство релятивизировано преимущественно к мужской точке зрения), 'простая, необразованная', 'простая, свойская', 'грубая, имеющая плохие манеры' сформировались вторично-номинативные значения этого слова, в которых преобладает функция идиоэтнической характеристики женщины по указанным свойствам. По этой причине во фразеологических связях слова баба ярче проявляется и культурно-национальная специфика концепта «женщина». Ср., например, неприложимость к номинации баба таких заимствований из книжно-романтического дискурса как *Бабы — слабый пол, лучшая половина человечества, ср. также разбитная, шальная, базарная баба, но *разбитная, шальная, базарная женщина или ядреная баба, но *ядреная женщина и т.д.

Одной из базовых процедур лингвокультурологического анализа является предварительная идеографическая параметризация самого концепта по его частям, отражающим все ипостаси женщины: природно-физические, физиологические, психологические и интеллектуальные (такие, например, как возраст, внешность, сексуальность, черты характера, связанные с принадлежностью именно к этому «роду человеческому», особенности ума и т.п.), социально-статусные, ролевые и т.д.

Для построения на этой основе концептуального каркаса, на который и «накладываются» способы номинации тех или иных свойств женщины, важно выделить и таксономические сетки внутри каждого

из параметров. Речь идет, например, о выделении таких "натуральных" признаков, как возраст, рост, вес, цвет лица и т.п. внутри параметра "внешность" или таких признаков (обычно данных в оппозиции), как трудолюбие/леность внутри параметра «отношение к труду», правдивость/лживость, честность/бесчестие в рамках параметра "морально-нравственные свойства" и т.д.

Эта параметризация (осуществленная нами исходя из "здорового смысла" за отсутствием каких бы то ни было разработок "языка" этого культурного термина — как в культурной, так и социальной антрепологий, а также, насколько нам известно, и в этнолингвистике) и позволяет создать своего рода «концептуальную анкету», которая и заполняется для описания того, как отражается этот культурный концепт в зеркале фразеологии, т.е. фразеологическими способами выражения данного параметра, в том числе — и узуально устойчивыми сочетаниями, если они оказываются культурно значимыми на фоне противопоставления концептов «женщина»/ «мужчина». Например, к такому параметру, как "поведение", отнесены фразеологические сочетания, обозначающие конфликтное поведение: базарная, вздорная, баба (ср. *базарная женщина, или *базарный, вздорный мужчина), к параметру "речевые характеристики" отнесено и свободное сочетание болтливая баба, поскольку оно выступает в роли эталонной характеристики (ср. болтливый мужик, старик, но *болтливый мужчина).

Полученные таким образом параметрически выделенные идеографические массивы данных дают возможность выявить базовую для них метафору, которая, в свою очередь, служит мотивирующим основанием для соотнесения с той или иной категорией культуры. Например приведенные выше примеры могут служить свидетельством о наличии в языковой компетенции носителей русского языка такой базовой метафоры, как "женщина — существо скандальное" (ср. в этой связи "обычность" таких сочетаний, как скандальная женщина, баба, женские скандалы, ссоры и необычность — скандальный мужчина, мужские скандалы, ссоры). Идеалом же для женского поведения в русской культуре (впрочем, не только в ней) является кротость. Соотнесенность этой базовой метафоры с культурным стереотипом, восходящим к установкам христианства, и придает культурно-национальную коннотацию этим выражениям, а именно — восприятие образно мотивированных в них свойств как сугубо женских "грехов".

Полное и подробное описание "фразеологического языка" концепта "женщина" — предмет специальной работы. Здесь же выделим ряд отраженных в зеркале фразеологии характерных для обыденного русского менталитета воззрений на женщину, преимущественно тех, которые связаны с физиологическими и интеллектуальными ее свойствами, поскольку в них как бы запрограммированы характерологические основания культурно-национальной интерпретации и для других параметрических признаков этого концепта.

Для русского обыденного самосознания нехарактерно восприятие женщины как "слабого пола" и противопоставления ее "сильному полу": эти сочетания, вышедшие из книжно-романтического дискурса, не стали принадлежностью обиходно-бытового употребления языка. Цитацией из этого же дискурса является и сочетание лучшая или прекрасная половина человечества, употребляющееся преимущественно в "мужском языке" как средство для выражения "высокой" галантности, граничащей с иронией. Роль расхожего "культурного знака", выражающего коллективное представление о физическом и поведенческом идеале русской женщины, выполняют строки из поэмы Некрасова "Русские женщины" ставшие уже поговоркой: "...Коня на скаку остановит, в горящую изб войдет". С этим богатырским идеалом перекликается и сочетание мужественная женщина, атрибутирующее ей не столько храбрость, сколько стойкость, решительность и выносливость как эталонные для мужчины свойства (ср. в этой связи *мужественный мужчина, но мужественный юноша, где выделяется не столько возмужание, сколько указанные выше атрибуты).

Этот "богатырский" идеал, сложившийся в Древней Руси, был сменен <...> на другой вместе с принятием христианства: женщина — стала восприниматься как существо зависимое от мужчины, подневольное — и не только потому, что по своим физиологическим особенностям она не могла приравняться ему по силе, выполняя функции не воительницы, но матери, но потому еще, что она стала восприниматься как вышедшая из ребра Адамова его "часть", его неотъемлемая принадлежность. <...>

И тем не менее этот богатырский идеал продолжает доминировать в физическом идеале молодой или зрелой женщины: русская красавица — женщина статная, в теле, в соку или в прыску (ср. эталонные антиидеалы, выраженные в устойчивых сравнениях: толстая, как бочка, плоская, как доска, сухая, как жердь и т.п.), лицо румяное — как маков цвет или кровь с молоком (ср. также Коса — девичья краса). Существенна и плавность походки (напомним из Пушкина: "...А сама-то величава, выступает, словно пава"). О том, что этот идеал сохраняется в коллективном представлении русского народа веками и не только в фольклоре, свидетельствуют выполненные в конце прошлого в портреты женщин кисти

Кустодиева. Конечно же такого рода "образец" женской красоты не всегда соответствовал меняющейся в послепетровские времена моде, но его укорененность в русском менталитете, особенно — в мужском, подтверждается и другой темой, отраженной в образах, характеризующих женщину как сексуального партнера.

Небезынтересно отметить, что разработка этой темы характерна преимущественно для "мужского языка": женщина как предмет вождления — это аппетитная, пышная, сбитая, ядерная (обычно — баба), та, которая в соку, в прысну, пальчики оближешь. О мужчине так не говорят, а в "женском языке" такие выражения могут употребляться скорее как цитации (типа Она женщина <баба> аппетитная — мимо нее редкий мужчина пройдет равнодушно и т.п.).

Базовой для всех этих фразеологизмов является гастрономическая метафора "женщина — это лакомый кусок". Культурно-национальная коннотация приведенных сочетаний, содержание которой может быть извлечено из их соотнесения с этой базовой метафорой, придает им статус культурных знаков, говорящих о том, что для русского мужского менталитета характерен взгляд на женщину как нечто соблазнительное чисто физически.

Такой "гастрономический" подход, для которого как бы и несущественны эстетические признаки, связан, как представляется, с тем, что в русской культуре — в обыденном для нее менталитете не укоренился культ "дамы сердца", получивший распространение в Европе в рыцарскую еще эпоху, когда в ее честь слагались баллады, устраивались рыцарские поединки и т.п.

В христианизированной русской культуре утвердился стереотип женщины-домоседки. Это связывают с перенесением на Русь из Византии "теремной культуры": появление терема было воплощением благочестивых воззрений на женскую личность как на соблазн мира. Эта культура отстраняла женскую личность от мира-общества, делала не принадлежностью домашнего только мира, во главе которого стоял муж — глава семейства, что было узаконено "Домостроем" <...> и нашло свое выражение в ряде русских пословиц типа Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка — в избе.

Эти традиционные установки культуры пустили глубокие корни в русском менталитете: "вольное" (и не только сексуальное) поведение женщины продолжает восприниматься как нарушающее нравственно-поведенческие каноны (не столь жесткие для мужчин), о чем свидетельствуют "живые" и для нашего времени идиомы, характеризующие именно женское поведение: ходить по рукам, трепать юбки и другие просторечно-грубые выражения (типа шляться под заборами, шлюха подзаборная), ср. в этой связи и сочетания типа гулящая, распутная баба или женщина, а также распутница (но гулящий, распутный скорее мужик, реже — мужчина). Во всех этих фразеологизмах просматривается "сквозная" для них метафора "гулящая" (изначально это слово связано с идеей "вольных", т.е. ушедших от своих господ людей). Своего рода эталонами "распутного" поведения являются идиомы драная или угорелая кошка, образы которых также вписывают базовую метафору "гулящая".

К этой же теме близка также исключительно "женская" идиома вешаться на шею, характеризующая женщину как инициатора сексуальных отношений, что не соответствует установке обыденного сознания на то, что скромность в этих отношениях — "украшение женщины", а ее нарушение вызывает осуждение: Есть такие бесстыдницы, что сами на шею будут вешаться... (Н. Гончаров); Имей в виду, мужчины не уважают тех, кто вешается им на шею (Д. Гранин).

Приведенные примеры показывают, что в зеркале фразеологии выражаются черты, традиционные для обыденного русского менталитета, в котором вольное сексуальное поведение женщины — это "бесстыжее" нарушение нравственного канона, согласно которому ей отводится участь сначала честной девушки, а затем — верной жены-домохозяйки (заметим, что муж-домосед — это не столько образец, сколько женский идеал).

Столь же укоренены в обыденном сознании и воззрения на жену как на полный грехов "сосуд скудельный", что проявляется в разнообразной палитре атрибутируемых ей свойств далеко не крот (что является идеалом женского характера), конфликтного, вздорного, скандального нрава. Обычно о женщине говорят разбитная, шальная, шалая баба, бой-баба — чаще употребляется в мужском языке выражения пренебрежения к референту, реже — в женском для чтобы выразить одобрение и даже восхищение. Характерным для мужского аспекта женского поведения является сочетание базарная баба (ср. *базарный мужик).

Небезынтересно отметить, что на базе этого фразеологического сочетания сформировалась в процессе вторичной номинации идиома базарная баба, обозначающая скандального, крикливого и т.п. мужчину, мужское поведение интерпретируется здесь в атрибутах "бабского базарного поведения". И это дает основание считать, что фразеологическое сочетание базарная баба, в котором соединились два

культурно маркированных концепта "базар" как символ шума, беспорядка и т.д., "баба", является стереотипом конфликтного поведения, что и обусловило возможность его употребления применительно и к мужчине.

Оба эти фразеологизма обладают тем самым культурологической функцией и выступают как таксоны языка культуры, о чем свидетельствует и выражаемое ими пренебрежительное отношение к обозначаемому: это отношение связано с тем, что обозначаемые этих выражений — женщина или мужчина — обладают свойствами, нарушающими каноны пристойного речевого поведения.

Обычность употребления того или иного атрибута — один из признаков его эталонности. Обычно о женщине говорят хитрая, коварная (ср. «необычность» сочетаний хитрый, коварный мужчина), чему соответствуют и устойчивые эталонные сравнения хитрая, как лиса, коварная, как змея (в последнем нельзя не усмотреть связанную с библейской символикой рефлексию на то, что женщина — причина "грехопадения" мужчины).

Столь же типичны для характеристики женщины такие атрибуты, как злая, болтливая, жадная, скупая (ср. опять же не совсем "обычные" сочетания злой, болтливый, жадный, скупой мужчина).

В приведенных выше сочетаниях прилагательные не являются семантически связанными, но то, что они чаще употребляются со словами баба или женщина, дает основание для их интерпретации в контексте мировидения как культурно связанных (в противном случае пришлось бы признать такого рода атрибуты в качестве существенных для женщины *suī generis* признаки, а именно — истинности суждения: Все женщины — существа злые, болтливые и т.п.).

Такие положительные атрибуты, как добрая, приветливая, рачительная и т.п., относятся скорее к той ипостаси женщины, когда она выступает как хозяйка, ласковая, нежная — как мать (последние, кстати говоря, являются эталонным обозначением материнского отношения к детям, в отличие от ласковой или нежной жены — как идеальных черт подруги жизни). Как показывают ограничения в сочетаемости слова мужчина с приведенными выше атрибутами (типа добрый, ласковый, нежный мужчина) культурный концепт "мужчина" как бы выведен из этого эталонного пространства.

Следует заметить, что отрицательные черты в "первенце творенья" проявляются, как общее правило, актуально, в то время как в культурном концепте "женщина" они выполняют роль культурно маркированных эталонов. Как уже отмечалось выше, это обусловлено и воспроизведением в образном содержании фразеологизмов доминирующего в русском обыденном менталитете и традиционного для него коллективного представления о женщине как о "сосуде скудельном". Следует отметить также, что антигероиней нравственно-этических поступков является баба, т.е. риторически сниженная по культурно-нравственному статусу номинация. И не случайно многие из приведенных выше атрибутов можно считать эталонными и для номинации мужик поскольку для нее характерна та же культурная коннотация, что в номинации баба (см. выше), как бы нивелирующая у мужика с "мужа достойна". Однако это эталонное пересечение ограничено преимущественно сферой прагматической деятельности — поведенческой и хозяйственной.

Концепт "женщина" <...> противопоставлен не своему контрагенту — концепту «мужчина» оказывается контрадикторным по многим концептуальным основаниям человеку как таковому (ср. в этой связи пословицу Курица не птица, баба — не человек).

Эта контрадикторность ярче всего проявляется в культурно-национальных коннотациях, характерных для образных оснований фразеологических средств обозначения интеллектуальных способностей женщины.

Уже отмечалось выше, что в обыденном сознании женский ум противопоставлен мужскому как ум "недочеловеческий". Эталонным обозначением такого ума является фразеологизм куриные мозги, который приложим, однако, не к любому "недо-уму", а обычно к уму незрелому, неглубокому, каковым и считается женский ум.

Уже упоминалось о том, что сочетание бабья политика, чающее глупую, непродуманную, недалекую политическую тактику, воспринимается как таковое на фоне эталонного для женского ума сочетания глупая баба. Это последнее корреспондирует с рядом пословиц, как бы утверждающих, что это свойство — для женщины (У бабы волос долог, да ум короток и т.п.). О старости женщины (мудрая женщина, баба) говорят скорее как о практическом уме, ориентирующемся на здравый смысл (мудрая жена- проверенная опытом замужней жизни; мудрая мать — это прежде хорошая воспитательница).

Если же речь идет об умной женщине, то говорят, что у нее мужской ум. Женский же или бабий ум — это ум как бы «второсортный», неспособный подняться до глубоких обобщений. Такое восприятие женского ума отобразено и в сочетании женская логика, которое воспринимается как эталон нелогич-

ности мышления. В качестве эталоны забывчивости выступает сочетание девичья память. Эти сочетания употребляются для характеристики "неполноценности" как женской и мужского интеллекта.

Приведенные выше примеры дают основание считать, что в русском обыденном сознании женский интеллект служит своего рода образцом ума неразвитого, необъемного. На этом фоне явно просматривается культурно-национальная коннотация всех этих выражений: 'женский ум — ум инфантильный'.

Думается, что такое групповое, характерное в основном для мужского самосознания, представление и лежит в основании мужского "интеллектуального шовинизма" (свои умственные способности женщины идентифицируют с этими эталонами скорее как цитации из мужского языка, ср. Что с меня взять — я баба глупая). Этот комплекс интеллектуального превосходства воспроизводится из века в век в русском менталитете благодаря в том числе и межпоколенной трансляции воплощенных в языковых формах эталонов инфантильности, а потому и "второсортности" женского ума, о чем свидетельствуют и такие современные нам характеристики интеллектуальной продукции, как женский роман, женские стихи, женский фильм, женская статья, и т.п., явно выражающие уничижительное или пренебрежительное отношение к художественному или интеллектуальному творчеству женщин.

Безусловно, культурно-национальные установки в восприятии женского интеллекта, как, впрочем, и других ипостасей женщины, в межличностных отношениях могут обретать столь же личностное, а не традиционное для группового самосознания содержание. Но это последнее, являясь стержнем обыденного менталитета, впитывается с молоком матери вместе с усвоением языка и живет в самосознании народа — носителя языка и культуры как доминанта национальной самоидентификации.

Конечно же, культурно-национальная палитра, используемая при отображении концепта "женщина" в зеркале русской фразеологии, отражает и ее положительно-идеальные черты, которые преимущественно связаны с такими ипостасями женщины, как невеста, "верная супруга и добродетельная мать". Но полное описание культурного концепта "женщина" не входило, как отмечалось выше, в задачи данной работы, поскольку такое описание предполагает не только максимально полное сопоставление с концептом "мужчина", но и лингвокультурологическую же разработку всех наименований, образующих идеографическое поле "женщина", в их сопоставлении с контрагентами, входящими в поле "мужчина". А это — задача для отдельного моно-графического труда.

Итак, выше были изложены результаты лингвокультурологического анализа некоторых параметров концепта "женщина", в которых нашли концептуально-культурное отражение, с нашей точки зрения, наиболее характерологические для русского обыденного менталитета его культурно-национальной специфики черты русской женщины. Эти черты, воплотившись в языковые формы, обрели свое знаковое выражение в семиотическом коде культуры. Тем самым языковые единицы, выступая в функции культурных знаков — эталонов или стереотипов культурно-национального миропонимания, участвуют не только воспроизведению и межпоколенной трансляции установок национальной культуры, но и формируют ее вместе с усвоением и употреблением языка.

Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. С. 283–315

ГЛАВА 3 .

АБСТРАКТНОЕ ИМЯ КАК ОБЪЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Мифологема есть самый что ни на есть подлинный язык психических процессов, и никакая рассудочная формулировка даже и приблизительно не в состоянии достичь полноты и выразительной силы мифического образа.

К.Г. Юнг

§ 1. КОНЦЕПТ И ЕГО СТРУКТУРА

Главная особенность абстрактного имени, заключающего в себе невидимый, умопостигаемый, интеллигибельный мир, состоит, как уже отмечалось, в том, что инвариантное, общее для всех носителей русского языка содержание значительно меньше его вариативной части, производной от опыта личности. В лексикографической практике эта особенность проявляется в разнообразии дефиниций. В дискурсе — в самом факте их существования.

Как писал Р.Якобсон, "семантический анализ может многое почерпнуть из исследований метаязыковых сообщений, которым до последнего времени практически не уделялось внимания" (Якобсон Р. Из-

бренные работы. С.412). Во второй главе первой части был предложен анализ связи такой синтаксической формы представления абстрактного имени, Как "уравновешивающая пропозиция"(Р.Якобсон) или в "интерпретирующих речевых актах" (И.М.Кобозева, Н.И.Лауфер), с его глубинными семантическими особенностями, а также с отношением к АИ рациональной (логической) сферы сознания. "Уравновешивающие пропозиции" возникают в результате реакции говорящих на свой собственный язык и являются формой выражения "метаязыковых операций" (Р.Якобсон). "Такие пропозиции применяются всякий раз, когда возникает сомнение том, что оба собеседника используют один и тот же языковой код (Якобсон Р. Указ. соч. С. 236).

Абстрактное имя, будучи понимаемым и интерпретируемым оказывается неиссякаемым источником таких сомнений как в обыденном сознании, так и в научном. Метатекстовые определения, вводящие абстрактное имя в текст, свидетельствуют, во-первых, о том, что говорящий исходит из пресуппозиции нетождественности своего видения данной абстрактной сущности семантическому инварианту, во-вторых, — о рациональной ориентированности сознания. Но рациональный подход к абстрактному имени, явленный в словарных и текстовых дефинициях, не может опираться на эмпирическое знание, проверяемое логическим соотношением выявленных семантических показателей с объективно существующими свойствами вещей. Он опирается на интуицию носителей языка.

В данной главе нас интересуют те содержательные фрагменты абстрактного имени, о которых знает интуиция и которые она выводит на поверхность сознания через языковое знание, то есть через сочетаемость имени.

Имена, вызванные к жизни потребностями разума, оказываются знаками интуитивного знания. Говорящий владеет этими знаками бессознательно, в силу своей причастности к определенному языковому коллективу. Для него значение слова не что иное, как его употребление. Однако когнитивный подход к языку предопределен направленностью сознания (его интенциональностью) на те фрагменты действительности, которые стоят за именами и специфика которых обуславливает функционирование имен.

В основе отношения носителя языка к абстрактному имени лежат те представления о стоящей за ним абстрактной сущности, которые сложились в данной культуре и переданы традицией, в частности и через язык. Поэтому дискурсивное мышление отступает в этом случае перед мышлением недискурсивным — образным, чувственным. Ко всем без исключения абстрактным субстантивам применимо рассуждение Аврелия Августина о времени: "Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю" (Августин А. Исповедь. С.292).

Как отмечает Ю.Н.Караулов, "абсолютно все исследовать нельзя, и в наше время...зачастую более нужным и важным бывает ответ на вопрос "для чего это?" (Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С.7). Концептуальный анализ ставит вопрос по-иному: "Каково представление носителей языка о стоящем за абстрактным именем идеальном объекте (артефакте)?" В любой категории, писал А.Ф.Лосев, можно видеть "только то, как она применяется для обыденной или научной практики мысли, и больше ничего. И можно задаваться вопросом о самой этой категории, вникая в ее смысл и анализируя ту ее собственную жизнь, которая не видна при утилитарных подходах" (Лосев А.Ф. Миф — Число — Сущность. С. 498–499). Представляется, что концептуальный анализ как менее утилитарный позволяет осуществиться более филологическому подходу к анализу абстрактных имен-интуиций, так как преследует герменевтическую цель: познание и понимание стоящего за абстрактным именем фрагмента идеальной действительности и в конечном счете — самого языкового сознания. Ср.: "Концепт — термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека" (Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С.90).

"Языковое знание", как было показано в соответствующей главе, раскрывает те представления о времени, судьбе, совести, власти, свободе, мысли и подобном, которые сложились в культуре и отражены в языке в первую очередь через несвободную сочетаемость имен *время, судьба, совесть, власть, свобода, мысль*. Частеречная принадлежность этих слов, как мы уже говорили, свидетельствует, что явления, стоящие за ними, имеют " " характер субстанции, то есть того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия.

Рассуждая о различиях существительного и прилагательного, А. М. Пешковский писал, что "в слове *снег* выражена определенная сумма признаков, из которых ни один не назван" (Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. С.66). Но семантические признаки слова *снег* отражают чувственно постигаемые (верифицируемые) свойства предмета видимого мира, тогда как за собственно абст-

рактными субстантивами стоит мир метафизический, а за всеми абстрактными именами — мир невидимый. А поскольку явления этого мира постигаются интуицией и интеллектом, постольку "сумма признаков", составляющих содержание абстрактного имени, в каждом случае уникальна. При этом сами признаки не являются компонентами привычного для науки абстрактного метаязыка, подводящими вид под род. В подобных случаях традиционный метод "препарирования" семантики слова — компонентный анализ, инструмент *ratio* — уступает место концептуальному анализу, формализующему то, что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается языком в действии (речью). Как писал П.Валери, "речь заставит мол тянуться, гору — возноситься и статую — выситься" (Валери П. Об искусстве. М., 1993. С.35). Именно так и происходит в действительном функционировании языка: *Промелькнуло лето, протащилась скучная осень* (А.Гончаров. Обыкновенная история).

Термин "концепт" в лингвистике старый и в то же время новый. Ещё недавно он воспринимался как абсолютно эквивалентный термину "понятие" (См.: Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978. С.295). В последние годы наметилось сущно-стное размежевание этих терминов (См.: Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991) на фоне их не исчезающей дублетности (См.: Лингвистический энциклопедический словарь. Словарная статья "Понятие". М., 1990; Понятие судьбы в контексте разных культур (под ред. КДАрутюновой). М., 1993). Поиски за термином "концепт" зоны особой референции, отличной от других зон, приводят к закреплению за ним и совершенно особого содержания. Р.М.Фрумкина считает первой на этом пути А.Вежбицкую, определившую "концепт" как "объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» (См.: Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М., 1992).

Представления культуры выражаются в первую очередь языком, воплотившим в себе опыт поколений. Как отмечает В.Н.Телия, "номинативная парадигма изучения связанного значения обусловлена непосредственным обращением к знанию свойств объекта, обозначаемого опорным наименованием" (Телия В.Н. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. С.32). Это русский язык знает, что *обстоятельства складываются, события разворачиваются, а фактами располагают*, что *ссора и конфликт вспыхивают, а угроза нарастает и нависает*. И то, что объяснялось узусом, составляет теперь материал, осмысление которого позволяет моделировать фрагменты картины мира, запечатлевшей его чувственное, образное восприятие совокупным носителем языка.

Концепт имени охватывает языковое преломление всех видов знания о явлении, стоящем за ним, — знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере, то есть всё то, что "подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры" (Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 85), а также составляет объем и содержание языкового знания.

Основа понятия — логическая, рациональная и в том случае, если оно научное, и в том случае, если оно наивное. При этом содержание научного понятия расширяется за счёт включения тех свойств явления, которые открылись научному знанию. Содержание наивного понятия (языкового) более константно, чем содержание понятия научного, и может быть определено как сумма лингвистически релевантных признаков, способных дифференцировать имена и соответственно классы явлений, стоящих за именами. Основа концепта — сублогическая. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает всё множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. А сочетаемость имени отражает и логические, рациональные связи его десигната (денотата) с другими, и алогичные, иррациональные, отражающие эмоционально-оценочное восприятие мира человеком.

Абстрактные имена, заключающие в себе метафизические понятия, относятся к мифологемам — представлениям воображения, ассоциативным по своей природе. При этом не ассоциации слова возникают на основе его сочетаемости (это вторичные ассоциации), а несвободная сочетаемость слова обусловлена его ассоциативным потенциалом. Именно она и есть внешнее, поверхностное проявление глубинных ассоциативных контуров имени. Через сочетаемость осуществляется символизация умопостигаемой (абстрактной, отвлеченной) сущности, стоящей за абстрактным именем: *проблему ставят, а приговор выносят; интриги плетут, а козни строят; события разворачиваются, а обстоятельства складываются*. Концепт имени может быть не тождественен не только в разных языках, но и у разных носителей одного языка, поскольку зависит от мировидения говорящих. Одна и та же область представлений "по-иному" членится холодным аналитическим рассудком, нежели творческой фантазией соз-

дателей языка" (Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С.364). Такие феномены, как свобода, вера, власть, судьба, предстают перед нами в самых разнообразных обликах, выявить которые оказывается возможным лишь исходя из анализа предикативной сочетаемости имени.

Задолго до Дж.Лакоффа (См.: Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980) и В.А.Успенского (См.: Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных//Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979) А.М.Пешковский обратил внимание на персонафикацию отвлеченных понятий, невидимых предметов, состоящую в том, что их имена ведут себя в тексте как имена живых существ: болезнь можно *вознать* и *выгнать*, ее можно *напустить*; совесть *задает* человека, а беда ходит (См.: Пешковский А.М. Указ. соч. С.60). Еще раньше, в работе 1877 года, Вл.Соловьев такие слова, как *мысль*, *ощущение*, назвал "образами бытия личности", "предикатами", которые только грамматически суть субъекты (см.: Соловьев Вл. Сочинения. В двух томах. М., 1990. Т. 2. С.219). "Вербальные представления непосредственно не наблюдаемой деятельности ума или "души", этических и моральных канонов, социальных акций... — все виды деятельности языковое сознание стремится запечатлеть как своего рода константы» (Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение. М., 1981. С.143).

Оторвавшись от своего истинного хозяина ("Я", личности), умопостигаемые сущности, экзистенциально значимые смыслы, облаченные в абстрактные имена, обрастают, подобно носу майора Ковалева, знаками собственной независимости и самостоятельности (субстанциональности) — предикатами. Эти вторичные предикаты (предикаты предикатов (ср.: "Позицию семантически ключевого для них (вторичных предикатов — Л.Ч.) слова всегда занимает существительное с предикатным типом значения" (Телия В.Н. Связанное значение. С.141). Это замечание можно сравнить с тем, что писал о таком тропе, как олицетворение, Ф.Р. де Шатобриан: "Олицетворять можно лишь свойство или чувство живого существа, но не само существо, иначе мы не получим подлинного олицетворения, а лишь изменим имя предмета" (Шатобриан Ф.Р. Гений христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982. С. 159))), сочетаясь в связанном значении с ключевым абстрактным именем, раскрывают представления сознания о стоящей за ним сущности через ее воплощения, опредмечивания. Именно "предикаты сущего", отражающие модусы его бытия, позволяют извлечь информацию о том, как проявляет себя сущее, и на основе анализа этих проявлений попытаться ответить на самый сложный гносеологический вопрос "Что оно такое?".

Концептуальный анализ З.Вендлер связывал с "дескриптивной метафизикой" (Вендлер З. Факты в языке//Философия, логика, язык. М., 1987. С.299), то есть с описанием умопостигаемого мира, невидимого, но нареченного. Предлагаемый метод концептуального анализа абстрактного имени базируется на буквальном прочтении в первую очередь узуально сочетающихся с ним глаголов физического действия, несущих информацию о классе явлений, которым этот акциональный признак присущ (сравни: перемещаться — *ковылять*, *порхать*; подниматься — *карабкаться*, *вспорхнуть*). Подобные глаголы являются лексическими функциями определённых аргументов и именно по этой причине передают информацию об их именах. Такие глаголы присоединяются к именам "физических предметов, которые обычно (usual) принимают участие в данной ситуации на правах ее i-го актанта" (Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С.49). По терминологии Ю.Д.Апресяна, эти имена являются "субстантивными лексическими параметрами" (Там же. С.48) — типовыми названиями главного участника ситуации, инструмента, места и т.д. В сочетаниях абстрактного имени с вторичными предикатами они представлены имплицитно.

В качестве наглядной иллюстрации применения метода концептуального анализа может послужить окказиональная сочетаемость глагола *вспорхнуть*, содержащего в себе информацию о типовом названии агенса действия (гезр. типовом носителе данного акционального признака — прототипическом агенсе). В контексте *Мой голос вспорхнул* (Б.Ахмадулина) эта информация не исчезает, не зачеркивается. Происходит уподобление эксплицитного субъекта действия (агенса "голос") имплицитному ("птица"). Процедура уподобления совершается слушающим, интерпретатором контекста (текста). Для говорящего глубинная, бессознательная проекция голоса на птицу (бабочку) обуславливает выбор глагола *вспорхнуть* в качестве его предиката. Совпадение ассоциаций, выводимых слушающим из контекста (текста), с глубинными ассоциациями говорящего, порождающего текст, обуславливает их взаимопонимание.

Выстраиваемая говорящим сочетаемость имени предопределяется его глубинным ассоциативным потенциалом, который и раскрывается исследователем, моделирующим внерациональную, сублогическую основу языкового сознания. Через сочетания абстрактного имени с вторичными предикатами умопостигаемая сущность обнаруживает присущие ей ассоциативные связи со стандартными, эталонными прото-

типами имен субъектов этих предикатов. Но эти связи представлены имплицитно, а потому выводятся, восстанавливаются исследователем. Утверждение, что "ассоциации возникают на основе сочетаемости слова" (Перцова Н.Н. К понятию "вещной коннотации" // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С.97), представляется односторонним, поскольку отражает позицию слушающего, тогда как началом всех начал в языковой деятельности является говорящий, порождающий сочетания слов на основе ассоциаций.

Проекции умопостигаемой (абстрактной) сущности на эмпирически постигаемые (видимые) явления раскрываются через глагольную сочетаемость абстрактного имени, а на эмпирически постигаемые свойства — через атрибутивную. Так, из контекста *Вкушая минуту радости, он знал, что ее надо выкупить страданием* (А.Гончаров. Обыкновенная история) выводится представление повествователя о том, что радость как возможное состояние человека наполняет минуту, "порцию" этого вещества, что это товар, а страдания — плата за него, денежный эквивалент. "Гастрономический" код передачи информации о невидимых вещах, процессах и свойствах очень древний: *И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед* (Откровение Иоанна Богослова. X, 9). "Глощают" обиду, слова, власть. Что касается феномена власти, то в ставшем привычным сочетании *узурпация власти* проглядывает через этимологию отглагольного субстантива тот же код: латинское слово *usurpatio* — дериват глагола *utor, usus, uti*, одно из значений которого — 'потреблять, питаться'. Свободу *вкушают*. Время же, напротив, само обладает способностью *пожирать*'. *Жуковский, время все проглотит, тебя, меня и славы дым* (К.Батюшков).

Абстрактные имена через сочетаемость представляют стоящую за ними сущность и как активный субъект действия (агенса) чаще всего в акте персонификации (олицетворения), и как объект воздействия в акте реификации (овеществления).

Концепт имени *свобода* еще более сложен и противоречив (см.: Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта "свобода" // Культурные концепты. М., 1991), чем понятие, составляющее его логическое ядро. Философское определение свободы как способности человека к активной деятельности в соответствии со своими интересами для достижения поставленных целей сводимо к простой модели: *свобода от* и *свобода для* (Э.Фромм (Fromm E. Escape from freedom. N. Y. 1941)), энантиосемичной для русскоязычного сознания. Именно *свобода от* представлена в уже приводившихся контекстах *Мы оказались раздавлены обрушившейся на нас свободой* и *Люди на свалке свободы*. Эти контексты раскрывают и гештальты концепта (*свобода — катастрофа; организм, отходы жизнедеятельности которого — люди*), и негативное отношение говорящего к тем социальным отношениям, которые стоят за именем *свобода*: *цена свободы, крайности свободы, свобода безысходности, на него возложена свобода* (Л.Баткин), *вчерашний раб, уставший от свободы* (М.Волошин). Все эти контексты имплицитно гештальты концепта СВОБОДА — *товар, мировоззрение, тупик, обязан» ность, труд*. Контекст *дышать воздухом свободы* позволяет вывести гештальт *атмосфера*.

Совершенно иной контур имеет концепт *власть*. Рассмотрим контекст, где *власть* — агент действия: *Как уродует, корезит власть людей* (М.Плисецкая), откуда следует, что *власть* меняет человека, но подобно хирургу-злодею. Контексты, где *власть* — объект: *Разборки происходят наверху, где делят власть и деньги* (АиФ № 52 1994); *...традиция пренебрежения к власти предыдущей: ее сдувают, как пушинку с рукава* (МН № 24 1993). Другие сочетания, извлеченные из контекстов, дают следующие гештальты: *власть — игра (играют во власть — НГ 26.11.94), веревка (связанные властью — НГ 30.12.94), еда (вкусить власти, они пробуют власть — ТВ 14.10.94, взять власти столько, сколько можно проглотить)*. Сочетания *путаться с властью* и *вляпаться во власть* (Е.Евтушенко) эксплицитно негативное отношение к власти через стилистически маркированные глаголы, а последнее недвусмысленно представляет легко раскрываемый гештальт, знак

случайно возникших обстоятельств, жертвой которых стал человек.

Пространственное представление о власти дает сочетание имени с предлогами *у, при, вокруг*, различие между которыми состоит в степени близости кого-либо к власти, а ландшафтное — сочетание *Олимп власти*. Интересно сочетание *мираж власти: Власть тоже не более чем мираж* (НГ 20.08.94). В.В.Виноградов, рассматривая сочетание *мираж славы*, писал, что "слово "мираж", превращаясь из термина известного оптического явления в метафорическое обозначение обманчивого призрака, иллюзии, ... теряет абсолютное употребление, ... становится качественным определением" (Виноградов В.В. Русский язык. С.156).

Некоторые из рассмотренных контекстов сочетания имени *власть* реализуют метонимическое значение имени: 'власти, люди, наделенные определенными полномочиями, определяющими широкую свободу их действий'. Это значение реализовано в таком, например, сочетании, как *зыбкость власти*, откуда следует, что конкретные носители власти не вечны. В сочетании *кормушка власти* выражено негативное отношение языкового сознания к привилегиям, которые имеют люди, находящиеся у власти. Сама же власть как существующая в обществе форма отношений мыслится непреходящей, что раскрывает сочетание *незыблемость власти*.

Абстрактная сущность (*власть* и другие, например, смерть, любовь) обрастает предикатами в результате эллипсиса конструкций, через концентрацию содержания, поскольку "образ дает нам возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами" (Потебня А.А. Эстетика и поэтика. С.520). Из стяжения содержания вырастают многие сочетания абстрактного имени с вторичными предикатами. Например, из контекста *Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в бою. Вот и сейчас надо мною она кружится* (Песня) выводится вторичный предикат *кружится* имени *смерть*. Однако речь идет о пулях, которые носятся повсюду вокруг наблюдателя. Но пули и смерть связаны между собою причинно-следственными отношениями, то есть метонимически. Мифологизация смерти в этом контексте осуществляется за счет семантического стяжения. Образы как результат сгущения содержания подтверждают высказанную Р.Якобсоном мысль о том, что "поэзия налагает сходство на смежность" (Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.. 1983. С.467). Ср. также: *Три одиночества тянутся друг к другу* (НГ 24.07.96). В этом контексте целое (человек как носитель состояния и социальных отношений) обозначено именем части — состояния.

Логический предикат *мысль*, став грамматическим субъектом высказывания, принимает грамматические предикаты, выраженные глаголами, имплицитными различными гештальты, наиболее частотным из которых является гештальт мысли — *живое существо, человек: Мысль нельзя подумать, она рождается из душевного потрясения* (М.Мамардашвили. Беседы о мышлении); *Между прочими, вскакивавшими в его голову мыслями, И хоть за многое цеплялась его беспокойная мысль. Мысли толпились* (Ф.Достоевский. Вечный муж); *Мысль засела на одном месте* (А.Чехов. Хорошие люди). Из следующих контекстов и отдельных сочетаний выводятся другие гештальты:

Могучая мысль, проникающая общественное явление до дна (А.Платонов. Размышления читателя) мысль — *луч*; *Мысль намывала себе опору* (Л.Баткин. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности) мысль — *вода* (тот же гештальт в сочетаниях *поток мыслей, мысли хлынули*); *В уме его наклеивалась одна милая мысль* (Ф.Достоевский. Вечный муж) мысль — *насыщающаяся птица*. Сочетания *мысль точит* (ЛГ № 23 1986), *кружево мыслительных конструкций, нить мысли* (НГ 1994), *попасть на мысль, мысль обрастает корой* (Н.Бердяев. Самопознание) позволяют вывести следующий ряд гештальтов: *мысль — точильный камень, ткань, место в пространстве, дерево* (ср. полученные аналогичным способом гештальты АИ *мысль и идея* в: Кобозева И.М. *Мысль и идея* на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.. 1993).

В. фон Гумбольдт писал, что "невозможно представить подлинный смысл, совокупность всех объединенных признаков слова (обозначающего внефизические предметы — Л.Ч.) как определенную и завершенную величину" (Гумбольдт В. Указ. соч. С.365). Концепт проницаем, поскольку проницаемо ассоциативное поле и поскольку нет пределов познанию мира. А познание мира и понимание текста ассоциативны по своей природе. "То, что ни на что не похоже, не существует", — писал П.Валери (Валери П. Указ. соч. С.151). Ему же принадлежит термин "чувство аналогии", расширяющий перечень уже известных науке чувств.

Сочетаемость имени, таким образом, есть внешнее, поверхностное проявление его глубинных ассоциативных контуров, складывающихся из имплицитных субстантивных лексических параметров. Такие параметры могут быть названы гештальтами абстрактного имени. Выявление гештальтов — тактика концептуального анализа абстрактного имени. Стратегия его — в описании структуры языкового знания, то есть представлений носителей языка, скрытых в имени и раскрывающихся в его сочетаемости, в обнаружении "образов содержания знака" (Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память. С.89).

Термин "гештальт", заимствованный из немецкого языка (Gestalt), так же многозначен, как и его русский эквивалент — термин "образ". Использование обоих терминов целесообразно только в случае их семантического размежевания, а оно представляется оправданным, если сузить значение термина "гештальт" до требуемого: имплицитной предикативно-атрибутивной сочетаемости абстрактного имени как пребывающие в сознании (скрытые) проекции абстрактной сущности на конкретное явление.

Гештальт выводится из буквального прочтения глагола (или имени), употребленного в сочетании с абстрактным именем в / переносном значении, и связывает два явления (конкретное и абстрактное) по одному основанию, эксплицированному акциональному признаку. Основание вербализованных ассоциаций и есть основание смысла словосочетания. Существенное отличие образа от гештальта состоит в следующем.

Языковой образ возникает при одновременном видении двух явлений, которое может создаваться как соединением двух имен в одной номинации, например *кружево листьев, стена равнодушия*, так и соединением имени с глаголом в переносном значении, то есть в предикации, например: *В траве змеил-ся шланг*. В обоих случаях сопряженные имена соотнесены с видимой частью внеязыковой действительности. Иное дело соединение субстантива и глагола в таком предложении, как *Клевета к нему не прилипает*, где одновременное видение двух явлений опосредуется предикатом, который мыслится как общий им. Фокус метафоры скрыт в глаголе. Это и есть гештальт.

При соединении двух имен и в генитивной метафоре (*кружево листьев*), и в метафорической дефиниции (*луна — одуванчик*) одно из них употреблено референтно, а второе — нереферентно. Однако если в синтетическом суждении (а именно оно синтаксическая база метафорической дефиниции) нереферентное употребление имени явно обусловлено его позицией в предложении, позицией предиката (по В.В.Виноградову, имя выполняет в этом случае вторичную функцию характеристики в отличие от первичной для него функции номинации), то в генитивной метафоре дело осложняется тем, что функция словосочетания (и в частности генитивного) номинативная: *лист бумаги. листья деревьев*. В метафорическом субстантивном сочетании собственно номинативную (референтную) функцию выполняет основной субъект метафоры — имя *листья*, тогда как имя *кружево* вводит свойство (гезр. свойства) референта имени *листья*, что и служит логическим основанием видеть в генитивной метафоре и номинацию, и предикацию. Однако свойство это, будучи основанием метафоры как манифестации воспринятого сознанием "сходства несходного", "общего в частном", представлено имплицитно. Поэтому предикат подобного рода и был назван "скрытым".

В сочетании абстрактного имени с глаголом физического действия (или любым другим, обозначающим эмпирически воспринимаемое действие) предикат открыт, эксплицирован, тогда как скрыт гештальт — имя того явления мира, лик (или личину, маску) которого приняла абстрактная сущность, в которое она воплотилась. В генитивной метафоре эксплицитный гештальт вводит имплицитно представленное основание метафорической номинации — общее свойство двух явлений, открывшееся сознанию. В глагольной метафоре эксплицирован предикат, обозначающий то свойство по действию, которое видится общим двум явлениям: конкретному и, коннотативно, умопостигаемому, или абстрактному. Гештальт в этом случае "скрытый", он имплицитно глагольной сочетаемости имени: *клевета — грязь*, поскольку клевета как вербализованный продукт социальных отношений по представлению носителей русского языка обладает той же способностью, что и весьма осязаемая субстанция под именем *грязь*, — прилипнуть. *Судьба обокрала*: прототипический агент глагола *обокрасть* — *вор*. В этом сочетании он представлен имплицитно и выводится как гештальт имени *судьба*.

В сочетании *ухабы судьбы* есть имплицитная сема 'дорога'. Статус этой семы по отношению к именам *ухабы* и *судьба* различен: для первого — она семантическая, поскольку отражает естественные связи реальных объектов действительности и репрезентирует партономические отношения (части и целого, целого и его формы), а для второго — коннотативная, прагматическая, поскольку отражает представления носителей языка об одной из форм существования судьбы в мире действительном, но идеальном — "ирреальной реальности". Такой компонент содержания абстрактного имени мифологичен, но именно он обеспечивает семантическое согласование двух имен в словосочетании *ухабы судьбы* — реалии русского дискурса и именно он является основанием смысла словосочетания, на которое наслаиваются другие смыслы, в частности коннотативная сема имени *ухабы* — 'трудность преодоления дороги'.

Смысл анализируемого метафорического сочетания выводится из гештальта метафоризируемого имени (основного субъекта метафоры — *судьба*) и метафоризатора (*ухабы*) и может быть проинтерпретирован как 'трудность преодоления объективно возникающих в жизни человека препятствий'. Совсем иной смысл выводится из сочетания *повороты судьбы*, имеющего в основании ту же имплицитную сему 'дорога', а именно: 'резкое изменение жизненных обстоятельств'. И в том и в другом случае судьба принимает "обличье" дороги, а имена *ухаб* и *поворот*, выполняющие в именном метафорическом сочетании функцию вспомогательного субъекта, фокуса метафоры (см.: Лингвистический энциклопедический словарь), его варьируют.

Как пишет В.Н.Телия, "связанное значение основано на имплицативно-выводном знании, извлекаемом из структуры фрейма опорного наименования" (Телия В.Н. К проблеме связанного значения слова. С.33). Из ее примера следует, что связанное значение ('суть') конкретного имени *зерно* в сочетании *зерно истины* основано на знании, извлекаемом из имени *истина*. Это верно. Но, во-первых, следует уточнить, что переносное значение имени *зерно* обусловлено нашим рациональным представлением об истине как об адекватном отражении действительности в сознании человека, но это представление не единственное. Так что связанное значение одного из элементов сочетания основано на представлении о фрагменте действительности, стоящем за абстрактным именем (опорным наименованием). Во-вторых, из этого же сочетания можно извлечь и другую информацию, а именно представление русскоязычного сознания, обусловившее прагматическое согласование этих имен в одной номинации. Это мифологическое представление об истине как о возделываемой культуре, злаке, а не диком растении. В одной номинации конкретное имя в связанном переносном значении одухотворяется, а абстрактное имя, не меняя значения, опредмечивается. Но вряд ли такая вещная коннотация возможна в другом сочетании абстрактного имени *истина*. Трудно поэтому согласиться с утверждением В.Н.Телии, что у связанного значения слова *зерно* в этом сочетании "свободный по значению партнер" (там же. С.28). Все вещные коннотации абстрактного имени контекстно зависимы. Поэтому можно говорить о семантически свободном, но прагматически зависимом модусе значения абстрактного слова. Если справедливо, что коннотативные признаки способны "регламентировать сочетаемость слов" (Телия В.Н. Связанное значение слова в языке. С.247), то справедливо и то, что вещные коннотации абстрактного имени могут реализоваться только в разных контекстах, но в определенных, а не любых.

Сочетания типа *вести борьбу, дружбу* В. Г. Гак определил как "фиксированные" (см.: Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С.207), а сочетаемость компонентов в них — как "прихотливую", но характеризующуюся взаимозависимостью. Можно сказать, что синтагмой (см.: Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики-1971. М., 1972. С.376) (связующим компонентом) фиксированных сочетаний является прагматическая взаимозависимость его компонентов. Более точным представляется определение опорного абстрактного имени и его "сателлитов" термином В.Г.Гака "фразеологическая парадигма" (Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дис. М., 1968. С.495) (*tomber dans le desespoir* — *впасть в отчаяние*).

В сочетании типа *завязать дружбу* глагол-сателлит выполняет, как полагает В.Г.Гак, роль аффикса, подобно функции словообразовательного компонента в словообразовательной парадигме. Но если глагол — аффикс, а имя — корень, то во фразеологической парадигме, аналоге производного слова, это корень скорее связанный, чем свободный. Следует еще раз подчеркнуть, что вещные коннотации абстрактного имени предопределяют его сочетаемость и выводятся из нее. Через несвободную (фиксированную) сочетаемость абстрактного имени, через фразеологическую парадигму и, в частности, через "аффиксы" (слова с дескриптивным типом семантики в переносных значениях) абстрактного имени сознание мыслит умопостижимое (возможное) в его разных конкретных проявлениях, обличьях как действительное, с которым можно вести ментальные действия.

Л.В.Щерба писал: "Формами следует почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, то есть в которых непременная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в свободном значении" (Щерба Л.В. Избранные труды. Т. 1. С.35). Применяя это положение к квалификации фразеологической парадигмы абстрактного имени, мы можем констатировать, что эта парадигма объединяет формы самого себя — абстрактного имени, которое при этом остается семантически свободным, но прагматически зависимым и оттенки которого выражают слова в несвободных значениях. Чем лучше будут изучены эти формы, тем глубже сознание проникнет само в себя, тем точнее будет представлена языковая картина данного мира.

"Термин "гештальт", как следует из сказанного, не дублет термина "образ". Из предлагаемых Дж.Лакоффом определений лингвистических гештальтов наиболее удачным представляется следующее: "способ соотнесения значений с поверхностными формами" (Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981). Это не что иное, как способ оязыковления смысла (спонтанно — для говорящего) и способ осмысления языковой формы (интуитивно-рационально — для слушающего). Предложенное Дж.Лакоффом понимание гештальта корреспондирует с внутренней формой языковых выражений (но не эксплицитной, а имплицитной), с мотивацией (в широком смысле слова).

Анализ гештальта позволяет выявить его существенные особенности:

1. Гештальт — импликатура глагольной (или именной) сочетаемости имени (*Прочитать свою судьбу: СУДЬБА — Текст*), в отличие от образа, который эксплицирован. Образ — сопряжение двух имен,

представляющих основной и вспомогательный субъекты генитивной метафоры (*стена дождя*), что и обуславливает возможность видения одного явления через призму другого.

2. Гештальт — имплицитный вспомогательный субъект метафоры, выводимый из буквального прочтения глагола (или имени), сочетающегося с эксплицитным основным субъектом метафоры. В *Прочитать свою судьбу* судьба проецируется на текст, книгу, но выражается это не прямо, а опосредованно — через глагол *прочитать* (Ср.: *Судьба — это книга, которую не всем дано прочитать*). В сочетании *зерно истины* истина проецируется на культурное растение (злак), что выражается через партонимические отношения, в соответствии с которыми зерно — часть растения.

3. Гештальт — результат глубинного сопряжения гетерогенных сущностей — абстрактной и конкретной. Поэтому гештальт предопределяет сочетаемость абстрактного имени. Так как абстрактная сущность — конструкт невидимый, идеальный, она, принимая лики видимого, реально воспринимаемого, отождествляется с ним. При том эксплицированное общее свойство абстрактного и конкретного — основание имплицитной метафоры (*Их судьбы переплелись, спутались*, где СУДЬБА — *Нить*). Но абстрактному это свойство приписано языком, оно по отношению к абстрактному мифологично, тогда как для конкретного оно семантически, поскольку является реально существующим, постигаемым эмпирически. Что же касается сопряжения двух конкретных имен в одной номинации (*паутина струн, кружево листьев*), создающих образную метафору, образ, то основание его представлено имплицитно. При этом актуализованы не все свойства метафоризатора (*паутина, кружево*), а лишь те, которые пропущены таксономическими признаками денотата метафоризируемого имени (основного субъекта метафоры).

4. Гештальт целостен как импликатура, поскольку только одно из свойств объекта, стоящего за ним, эксплицировано в акциональном признаке — основании имплицитной метафоры.

Если о гештальте говорить метафорически, то он та маска, которую язык надевает на абстрактное понятие. Маска может меняться. Но она предопределяет сочетаемость имени, соотносимого с этим абстрактным метафоризируемым именем (основного субъекта метафоры) и метафоризатора.

Итак, гештальты, составляющие концепт абстрактного имени, (суть импликатуры его предикативной сочетаемости (включая и "скрытые предикаты"). Отдельное слово вне направляющего контекста может быть легко воспринято слушающим, поскольку он вложит в него какой угодно из присущих ему в языке смыслов (или моментально ассоциированных). Но смысл целого словосочетания не складывается, если слушающий не нашел основания связи слов ("синтагемы"), не обнаружив основания связи явлений. Концептуальный анализ, охватывающий сочетаемость имени в качестве исходного объекта, результатом имеет его гештальтную структуру, корреспондирующую, как показывают исследования (Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Вестник МГУ. Сер. Филология № 6 1996), со структурой ассоциативного поля. Реконструируемый концепт абстрактного имени в более широком контексте может рассматриваться как одно из средств формализации его ассоциативного поля, а гештальтная структура — как аналог иерархии ассоциатов.

Перспективой анализа фразеологических парадигм абстрактных имен может быть установление их гештальтов и образов, которые послужат инструментом измерения абстрактных сущностей и обеспечат возможность их внутри- и межъязыкового сопоставления. Опыта составления такого словаря нет, хотя есть некоторые аналоги. В словаре U. Lacroix (Lacroix U. Dictionnaire des mots et des idées. Paris, 1967) абстрактные субстантивы, например, имя *la conscience* (совесть, сознание) дано в окружении глаголов в фигуративном значении, о чем заявлено в предисловии, а также прилагательных. Среди этого окружения обращают на себя внимание следующие слова: *soulager* (прямое значение: освободить от лишнего груза, разгрузить), *libérer* (отпускать на свободу), *troubler* (мутить, ср. рус.: *незамутненное сознание, но чистая совесть*), *écouter* (слушать, ср. рус.: *прислушиваться к голосу совести, но не сознания*), *détruire* (уничтожить, упразднить), *transiger* (договариваться, ср. рус.: *делка с собственной совестью*). Во французском дискурсе возможны контексты: *La conscience résiste / capitule* (Совесть/сознание сопротивляется, обороняется/сдается, капитулирует), из которых выводится такой гештальт имени *conscience*, как *крепость*. Как видно из приведенных примеров, гештальты совести (сознания) в разных культурах больше расходятся, чем совпадают. Такой анализ абстрактного имени, но не просто по сочетаемости, а по результатам ее препарирования — гештальтам, то есть по "предметным, вещным" составляющим открывает новые горизонты в изучении глубин национального сознания и особенностей менталитета.

§ 2. Имя СУДЬБА как объект концептуального анализа

По данным частотного словаря под редакцией Л.Н.Засориной, из четырех интересующих нас в данном разделе субстантивов *свобода, власть, мысль, судьба* последний является наименее частотным (индекс

181), а наиболее частотный в этом ряду — *мысль*. Хотя мы и не ставили перед собой статистических задач, совершенно очевидно, что за те двадцать лет, что прошли с момента выхода словаря в свет, многие субстантивы поменяли индекс частотности. Наблюдения в течение последних шести лет за функционированием абстрактных имен в газетах и журналах, отводящих большое место материалам публицистического характера, философским размышлениям, статьям о культуре и искусстве (НГ, ЛГ, Н, НМ, Ю), свидетельствуют о возросшей частотности имени *судьба*, что является знаком повышения интереса к самой идеи судьбы. При этом для когнитивной лингвистики важны и новые "знания" о старом объекте, которые высветил луч внимания современных носителей русского языка и которые отражены в окказионально принимаемых именем предикатах, и старые, закодированные в узуальной сочетаемости, то есть языковые знания в максимально полном объеме.

Понимание судьбы как высшей силы, предопределяющей жизнь человека и человечества, инвариантно лексикографическим интерпретациям слова *судьба*. Словарь В.И.Даля, помещая имя *судьба* в гнездо глагола *судить*, определяет судьбу как "неминуемость в быту земном".

Словарные дефиниции имени *судьба* показывают неоднозначность его понимания составителями словарей при попытке формализации обыденных представлений носителей русского языка. Причина — в самом объекте, стоящем за словом *судьба*, понимание которого не опирается на эмпирическое знание. Признаки, составляющие сигнификат понятия (интенционал), производны от традиционных представлений, сложившихся в русской культуре. "Ничто и никогда для него (индивида) не проходит даром: ни согласие с историей, ни сопротивление ей, ни активность, ни бездействие, ни желание "просто" остаться собой. Срабатывает обратная связь. В старину это называлось судьбой" (Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С.170).

Прототип имени *судьба* существует в действительности так, как существует "черный монах" А.Чехова (Уже приводившийся контекст: Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую в природе), то есть как объект идеального, а не материального мира. Словом *судьба* человек оформил идею, воплотившую его реальную зависимость от внешних обстоятельств, и наделил ее сверхъестественной силой. В обыденном сознании эта идея обретает вид мифа, того, что принимается на веру, не требуя доказательств истинности.

Идея судьбы привлекала и продолжает привлекать к себе внимание представителей различных областей знания. Появление в последнее время ряда фундаментальных трудов, посвященных СУДЬБЕ (мифологеме, понятию, имени) (см.: Вежбицка А. Судьба и предопределение / Путь № 5 1994; Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990; Понятие судьбы в контексте разных культур (под ред. Н.Д.Арутюновой). М., 1993), высветило проблемы не только лингвистические, но и культурологические. Однако специфика ментального объекта, стоящего за именем *судьба*, состоит в том, что информация о нем не верифицируема, сам он исходно многомерен и допускает множество интерпретаций. Поэтому появляющиеся исследования оставляют свободным то пространство, в рамках которого могут ставиться новые вопросы и пересматриваться старые ответы.

Частеречная принадлежность слова *судьба* показывает, что явление, стоящее за ним, имеет характер субстанции, того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия.

Множество "признаков" концепта СУДЬБА выявляется в его узуальной метафорической сочетаемости с предикатами. Вл.Соловьев писал, что "настоящий предмет философии есть сущее в его предикатах" (Соловьев В.С. Сочинения. В двух томах. Т. 2. М., 1990. С.219). Но это — и предмет лингвистики, в частности, концептуального анализа абстрактного имени.

Методика гештальтного анализа уже была выше нами изложена. Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что подобно тому, как из поверхностной сочетаемости лексических единиц обыденного языка выводятся их глубинные лексические функции — параметры (см.: Мельчук И.А. и Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена, 1984. С. 77), становящиеся новым инструментом описания языка, из сочетаемости имени *судьба* ("языка судьбы") могут быть выведены глубинные проекции абстракции судьба на чувственно постигаемые элементы мира, то есть выявлена иррациональная, чувственная основа абстрактного имени, обеспечивающая ему место в языке-*langue* и жизнь в языке-*parole*. Как отмечают Дж.Лакофф и М.Джонсон, "коль скоро мы можем представить данные нашего опыта в виде предметов или веществ, мы можем сослаться на них, объединять их в категории, классифицировать их и определять их количество, тем самым мы можем рассуждать о них" (Лакофф Дж., Джонсон М. Указ. соч. С. 407).

Смысл метафорического словосочетания, порожденного абстрактным и конкретным именами, выводится из сложного семантического взаимодействия гештальтов метафоризируемого имени и метафоризатора. Прежде чем перейти к обобщению результатов анализа сочетаний имени судьба, еще раз обратимся к методике выделения гештальтов и установления смысла сочетания. Как мы уже говорили, сочетание *ухабы судьбы* имплицитно гештальт СУДЬБА — ... *Дорога*. Из взаимодействия коннотативных сем имени *ухабы* с гештальтом СУДЬБА — *Дорога* выявляется то основание, по которому имена *ухабы* и *судьба* оказались связаны в языковом сознании, что и породило генитивную метафору. Семантическое основание для сведения говорящим двух разных по типу слов в одной номинации раскрывается слушающим как ее смысл. Словосочетание *ухабы судьбы* можно уточнить, в сравнении с тем, что было предложено в предыдущем параграфе: 'неожиданные трудности, препятствия, возникшие в жизни человека по воле высшей силы'. Основание вербализованных ассоциаций соотносимо со смыслом языкового выражения.

Гештальт СУДЬБА — *Хозяйка* выводится из сочетания *раб судьбы*. Основываясь на классификации типов лексико-семантических структур Ч.Филлмора, члены пары "раб-хозяин" можно отнести к конверсивам, семантическую основу которых составляют отношения противоположности двух единиц "в предикативной функции, принадлежащих к одному и тому же фрейму" (См.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1981. С.115). В словах *раб* и *хозяин* эти отношения раскрываются как 'Необходимость покоряться' и 'возможность (свобода) покорять'. Противоположное отношение к покорности составляет базу ассоциации имен *раб* и *судьба* и их линейзации в сочетании *раб судьбы*. Антонимичный гештальт СУДЬБА — *Раба* выводится из сочетания *господин своей судьбы*. Оба гештальта демонстрируют две способности судьбы, которые человек за нею признает: способность покорять человека (судьба как необходимость) и способность покоряться человеку (судьба как свобода). Однако первую способность судьба проявляет чаще, что служит основой для противопоставления судьбы и жизни: *Или отказаться от жизни совсем, послушно принять судьбу, как она есть, раз и навсегда, задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить* (Ф.Достоевский. Преступление и наказание); *Судьба, которая не подвластна разуму и чувству древнего человека, придает окончательный рисунок жизни каждому человеку* (А.А.Тахо-Годи. Судьба как эстетическая категория); *Здесь хозяйка — судьба. А жизнь — раба* (Из разговора).

Инвариант двух гештальтов — языковой архетип. Концепт имени может быть представлен как в гештальтах (более наглядно), так и в архетипах (более абстрактно). Подобно тому, как компонентный анализ выделяет минимальные семантические составляющие имени, концептуальный анализ выявляет прагматические составляющие (прагматические множители) — гештальты, повторяющиеся в концептах разных имен и обуславливающие прагматическую форму абстрактного имени. Именно они могут служить средством описания абстрактных имен и их сопоставления между собой как в одном языке, так и в разных языках.

Исчислить все гештальты имени, свойственные языковому сознанию в целом, — вряд ли выполнимая задача. Она становится вполне реальной, если очертить некоторый массив культурно значимых текстов, где обнаруживаются как обыденные представления носителей языка о том или ином явлении, так и научные. Очевидно, что концепт имени должен структурироваться, моделироваться с опорой на обыденные представления носителей языка. В таком случае полученная модель концепта сможет служить фоном для анализа представлений научного, философского и поэтического (художественного) сознания, отражающих нетривиальный взгляд на вещи.

Обыденные представления носителей языка можно обнаружить не только в диалогах драматургических произведений или бытовых разговорах, но и в некоторых публицистических текстах (в частности в газетных интервью и на телевидении, а также в статьях на "жизненно важные" темы). Предикаты (и атрибуты) имени *судьба* выбраны в основном из материалов "Независимой газеты", "Недели", "Собеседника", "Литературной газеты", "Комсомольской правды", "Правды", "Известий", "Огонька" за 1988 — 1995 гг. и из телевизионных передач и кинофильмов. Контексты употребления имени *судьба*, взятые из указанных источников, приведены в скобках. Они подтверждают правомерность выделения тех гештальтов, которые вынесены за скобку.

1. Персонификация судьбы

Личность со своими особенностями (*Старушка-судьба. Прихоти судьбы. Гневить судьбу*); социальные отношения и социальный статус: "сверху" — **Хозяйка** (*Судьба ее выбрала*). **Царица** (*Предсказатель служит у Ее Величества Судьбы. Дар судьбы. Раб судьбы*), **Начальник** (*Отчёт перед судьбой*), **Режиссер** (*Судьбой навязана роль*), **Покровитель** (*Судьба берегла его от тюрьмы. Да хранит его судьба*).

Благодарить судьбу), Суд (Судьба вынесла ему приговор). **Власти** (Произвол судьбы. Роптать на судьбу), **Родитель** (Баловень судьбы); "снизу" — **Раба** (Стать господином своей судьбы. Хозяин своей судьбы), **Жертва** (Совпадения хватали судьбу и разворачивали ее в другую сторону. Искалечить судьбу); "противостояние" — **Недоброжелатель** (Судьба сыграла с ним злую шутку). **Противник** (Удары судьбы. Борьба с судьбой), **Вор** (Обкраденные судьбой), **Преступник** (Судьба подстерегает, сталкивает, преследует. От судьбы не уйти. Жертва судьбы), **Враг** (Проклинать судьбу); "паритет" — **Партнер** в игре (Судьба сделала новый ход в игре со своим избранником.. Переживания Германа в процессе его игры с судьбой).

2. Судьба как источник информации

Текст (В имени любого поэта как бы закодирована его поэтическая программа — судьба. Все, что у меня на судьбе написано, я должна пройти. Прочитать свою судьбу ему было не дано. Разгадать судьбу. Решить судьбу. Спорить с судьбой. Верить судьбе. Подтвердить своей судьбой. Повторить судьбу своих великих современников. Знак судьбы. Судьба ворожит).

3. Формы существования судьбы

Высшая сила (Предопределен судьбой. Обездолен судьбой. Обделён судьбой. Смиряются с обстоятельствами своей судьбы);

Время (Важная эпоха в судьбе. Последний этап судьбы человечества); **Стихия** (Куда занесет судьба);

Смертное существо (Поставить крест на своей артистической судьбе); Материальный предмет как объект манипуляций (Вручить свою судьбу. Сломать судьбу. Висящая в неизвестности судьба. Играть судьбой. Испытать судьбу. Мужество управления личной судьбой. Переменить судьбу. Распоряжаться судьбой. Выбирать судьбу. Поправить судьбу), материальный предмет как **артефакт** – художественное произведение (Лепить свою судьбу. Творец своей судьбы), материальный предмет как ценность (Дети доверили нам свою судьбу. Располагать судьбой).

4. Геометрические формы судьбы

Точка (Координаты, в которых движется судьба); **Круг** (Замыкается круг человеческой судьбы); **Линия** (Загаданная линия своей судьбы. Эта ломаная, несуразная, но прочная линия); **Целое / часть** (Сложить свою судьбу. Этот фильм об уделе и доле, о жребии, словом, о том, из чего складывается судьба человека. Смиряются с обстоятельствами своей судьбы. Перст судьбы. Он понимал, что его судьба – только часть креста России).

5. Овеществление (реификация) судьбы

Нить (Шаг одного человека переплетается с судьбой всей демократии. Все судьбы наши давно переплелись, спутались); **Дорога** (Если выбрал судьбу – путь, который проходит непременно через тюремные застенки. Поворот судьбы. Ухабы судьбы. Лабиринты судьбы); **Почва** (Война перепахала судьбы многих людей); **Ветка** (Переломить судьбу, как хворостину); **Животное – Бык** (Взять за рога судьбу), **Собака** (Судьба, как собака, – кого оближет, а кого укусит); **Помещение** (Они врывались в судьбы моих подруг), **Жилище** (Они помогут нам навести порядок в нашей судьбе. Обитатель этой судьбы); **Оболочка** (Я, как улитка, оголяюсь, я снимаю свою судьбу, я не люблю судьбу); **Клетка** (Судьба – это моя клетка); **Часы** (Маятник судьбы); **Судно** (Шхуна под черным флагом, спросите себя. Какого флага своей судьбе желаете вы); **Причал** (От чьих-то судеб, как от тирса, отошли); **Деньги** (Он видел, как растрчивает на праздность, на водку, на глупости свою судьбу его поколение. За это мы расплачиваемся своей судьбой).

Проанализированный материал поддается схематизации. В схему, приведенную ниже (Таблица 3), он вошел не полностью, а только своей частью: схематизирована часть 1 – Персонификация судьбы.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ	ГЕШТАЛЬТ	АРХЕТИП
С выбрал Ее величество С дар С раб С С бережет С хранит благодарить С произвол С роптать на С приговор С отчет перед С С навязала роль	хозяйка царица покровитель власти суд шеф режиссер	сила, которой покоряются (<u>власть</u>)
бороться с С удар С С обокрала С подстерегает С преследует жертва С	противник вор преступник (источник насилия)	сила, которой не покоряются (противник, <u>враг</u>)
господин С хозяин С искалечил С схватил С	раб жертва (объект насилия)	сила, которую покоряют (<u>раб</u>)

Во всех приведенных контекстах имя *судьба* выступает и как агенс, и как пациенс при глаголах, позволяющих восстановить свойственный русскому языковому сознанию совокупный интерсубъективный ассоциативный образ, который обусловил глагольную сочетаемость этого имени. Естественно, что в персонификациях *судьба* — агенс, а в овеществлении — чаще пациенс. Для восстановления гештальтов, из которых складывается концепт имени, разделение актантов при глаголе существенной роли не играет, поскольку важен имплицитный вспомогательный субъект метафоры, выводимый из буквального прочтения глагола. В центре семантического метафорического поля может стоять и конкретное имя (например, *вода*) (см.: Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб. 1993. С.135), выступающее активным метафоризатором других имен. Однако активность конкретного имени как метафоризатора оборачивается его слабой метафоризируемостью. Чем ниже стоит имя на шкале "конкретность/абстрактность", тем меньше оно подвержено метафоризации, но тем больше его метафоризирующая сила.

Рассмотренные контексты отражают те "знания" (представления) о судьбе, которыми располагает обыденное сознание. Художественное сознание вскрывает либо новые свойства, признаки объекта, проявляющиеся только под пристальным взглядом художника, либо даёт новые проекции уже известных. Через нетипичную для обыденного языка, уникальную сочетаемость имени *судьба* раскрываются свойства его прототипа: неожиданные, непривычные, но принимаемые русскоязычным сознанием как соответствующие духу языка. Как отмечает В.Н.Телия, "факты авторского словоупотребления столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов" (Телия В.Н. Связанное значение слова в языке. С.12).

У А.Пушкина СУДЬБА — **Рулевой** (*Судьба на руль уже склонилась, спокойно светят небеса, ладья крылатая пустилась...*).

В текстах А.Фета часто встречаются такие характеристики судьбы, как: всеобъемлющая (*Быть мне судьбою дано всеобъемлющей*); горькая, скупая, грозная; терзает, томит, травит, подчиняет (*Судьба тебя тоской несправдливой истерзала; Судьбою горькою истомленный; Скупой отравлен был судьбою; Судьбе я покоряюсь грозной*), откуда выводимы такие гештальты, как СУДЬБА — **Высшая сила. Хозяин, Зверь, Яд.**

У А. Блока СУДЬБА — **Злой волшебник** (*Сама судьба превратила этот неизбывный восторг, эту ясную совесть — в ничто*), СУДЬБА — **Суд** (*Влачим мы дни свои без веры, судьба устала нас карать*).

В поэзии Ф.Сологуба СУДЬБА — **Злая старуха** (стихотворение "Судьба").

У Б.Пастернака СУДЬБА — Скопидомка; СУДЬБА — Текст (*Оставлять пробелы в судьбе, а не среди бумаг*), СУДЬБА — **Вздыбленная лошадь** (*Лошадь взвил я на дыбы, чтоб тебя, военный лагерь, увидеть с высот судьбы*), СУДЬБА — **Скульптура** (*Лепка судеб*).

В языковой стихии А.Введенского СУДЬБА — **Ручей** (*В моей судьбе бессонная вода/Куда журчишь ручей воды*); СУДЬБА — **Время** (*И час не есть подробность места/Час есть судьба*).

В поэзии Н.Заболоцкого СУДЬБА — **Тайный владыка** (*И в ней написана рукой судеб могучей вся правда сокровенная земли; Тот же самый поток неизменный движет тайная воля судьбы*); СУДЬБА — **Разлучница** (*Я разыщу, судьбе наперекор, своих отцов, и братьев, и сестер; Иль оторван от дома судьбою, пропадает в далеком краю*).

У И.Губермана гештальт СУДЬБА — **Река** выводится из контекста: *Судьбы моей причудливое устье внезапно пролегло через тюрьму*, а СУДЬБА — **Могильщик** — из контекста: *Судьба мне явно что-то роет*.

Сложен концепт СУДЬБЫ в поэзии И.Бродского. Его составляют следующие гештальты персонификации: СУДЬБА — **Преступник** (*Кладя предел покушеньям судьбы на беззащитность тел*), СУДЬБА — **Нарушитель** (*И судьба нарушителем пятится прочь*); СУДЬБА — **Полиглот** (*На то она судьба, чтоб понимать на всяком наречье*); СУДЬБА — **Бестолковая стенографистка** (*Муза объясняет судьбе то, что надик'товала*). Гештальты овеществления: **Разрушающийся предмет — сгоревший** (*От судьбы, от жилья после тебя — зола, тусклые уголья*), **дробящийся** (*Все откололось... И время. И судьба*), **Книга** (*Раскаяться? Переверстать судьбу*); **Игра** (*Я всегда твердил, что судьба-игра. Но запишем судьбе очко*). Кроме того, у И.Бродского есть аналитические описания судьбы, своего рода формулы: *И географии примесь к времени есть судьба; Ускоренье общей судьбы вещей Р Свободного падения простого тела в вакууме?*

В научном стиле речи прослеживается та же тенденция к изображению судьбы, что обусловлено, с одной стороны, объективной невозможностью представить умопостигаемое, метафизическое вне проекции его на видимое, а с другой, — "стремлением человека к наглядности" (Раушенбах Б.В. О логике триединости / ВФ № 11 1990. С. 169), то есть волевым актом. Однако сочетаемость имени *судьба* в этом случае не выходит за рамки нормативной, например: *То, что внезапно бросает судьба, я ловлю* (В.Бибихин. Язык философии); *Один безумец, ныне станет утверждать, что человек не имеет свободной воли и что все его действия суть действия слепой неизменной судьбы* (В.Одоевский. Русские ночи).

Рефлексивное сознание пытается сформулировать (в философии, науке) то, что стоит за именем *судьба*, то есть раскрыть сигнификат понятия, выявив его существенные признаки. Но поскольку прототип имени, занимая большое место в обыденном сознании, рациональному постижению не доступен в силу своей природной иррациональности, то сведения о том, что знает о нём разум, невелики. Так, С.Аверинцев в обширной словарной статье дает следующее определение вокабулы *судьба*: "В мифологии, в иррационалистических философских системах, а также в обывательском сознании — неразумная и непостижимая предопределённость событий и поступков человека" (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989). Идею судьбы С.Аверинцев противопоставляет и научному (рационалистическому) представлению о причинности, и религиозному представлению о телеологической детерминации — предопределению.

Рационалистическое мировоззрение отвергает идею судьбы, полагая ее беспредметной, а теологическое сознание не склонно противопоставлять судьбу предопределению. Алексей II утверждает, что судьба связана со случайностью только в неокрепшем религиозном сознании: "Прозревшее" религиозное сознание знает (верит), что "судьба — это не более, чем псевдоним Бога", под которым "не Бог скрывается от человека, а человек прячет свою веру в Бога от самого себя" (Интервью газете МН № 43 1991. С. 3). Очевидно, ядро концепта СУДЬБА соединяет и Нечто, и Бога, а периферия конкретизирует их, включая множество промежуточных представлений, наделяющих судьбу самостоятельным бытийным началом.

Научное сознание с его ориентацией на логическое описание мира считает (знает?), что объект, именуемый *судьбой*, в реальности отсутствует. Обыденное сознание верит, что судьба есть, что она вполне реальна, зрима, и знает его свойства, проявления. Обыденное сознание, соединившее рациональный и внерациональный (мистический, мифологический) взгляды на мир, располагает сложной картиной (или картой) судьбы. По сложности эта картина может конкурировать с тем, что отражено в легендах, преданиях, других фольклорных формах, то есть с тем, что дают философия, мифология в широком смысле слова. Не менее широко, чем в мифах и сказках, коллективное бессознательное явлено в самом языке.

Из сочетаемости слов синонимического ряда имени *судьба* можно вывести знание тех объектов, которыми не интересуется наука о природе, но занимается гуманитарное знание, в частности философская парадигма, ориентированная на толкование текстов и языковых единиц, — герменевтика. С точки зрения лингвистики эти знания важны, поскольку именно они обеспечивают семантическую дифференциацию синонимов, различение межъязыковых (межкультурных) соответствий, плохо или вовсе не разграниченных в словарях. Употребительность слов ряда СУДЬБА в русском речевом обиходе крайне неравномерна. По данным частотного словаря на миллионной выборке (Частотный словарь русского языка (под ред. Л. Н. Засориной). М., 1977), частота слова *судьба* — 181, *доля* — 85 (из которых 43 приходится на научные тексты и представляет главным образом значения специальные), *участь* — 11, *удел* — 5, *жребий* — 4, *рок* — 2 (по сравнению с 1977 годом — время выхода словаря — употребительность этого слова в сегодняшних русских текстах явно выше, главным образом за счет его иноплеменного омонима, обрусевшего за последние 5-10 лет).

Большой материал для прояснения смысловых разграничений дают пословицы и поговорки, афоризмы народной мудрости, отражающие наивную философию. В словаре В.И. Даля *судьба* и рок противопоставлены друг другу, поскольку по-разному персонифицированы: СУДЬБА — тот, кто преследует, арестовывает, выносит приговор, то есть **Власти, Суд**, а РОК — исполнитель приговора, **Палач**. Рок ничего не решает, не взвешивает "за" и "против", а только механически исполняет и потому неотвратим: *От судьбы не уйдешь. Судьба руки свяжет. — Рок головы ищет. Рок виноватого найдет. Угнетен, убит роком*. Противопоставления СУДЬБА — УЧАСТЬ, СУДЬБА — УДЕЛ, СУДЬБА — ДОЛЯ очевидны в контекстах, подобных следующему: *Режиссер — это судьба, а применительно к театру "Современник" — доля* (Г. Горин).

Задача исследователя, как определил ее И.А. Бодуэн де Куртенэ. "состоит только в том, чтобы прочесть в душах человеческих, то есть озарить светом научного сознания то, что в объективном психическом мире сложилось и существует помимо всякой науки" (Бодуэн де Куртенэ И.А. Указ. соч. С. 260). В психике оусской языковой личности сложилась своя картина идеи СУДЬБА, отличная от того, что есть в сознании носителей других языков (см. содержательную статью А. Вежбицкой "Судьба и предопределение" (Вежбицка А. Судьба и предопределение / Путь № 5 1994)). Овеществление идеальных сущностей, метафизических объектов, их онтологизирование создают концепт имени, уникальный не только для семантически сопоставимых имен разных языков, но и для сопоставимых имён одного языка (синонимов, гипонимов). Потому так важен поиск концепта, стоящего за именем, что предмет семантики не сам мир, а по-разному членимая область представлений сознания.

Особый вопрос — это отношение сознания к той силе, что скрывается за именем *судьба* (и за его эквивалентами в других языках). Разные ученые, представители разных культур отмечали общее в отношении человека к судьбе: судьба оценивается с позиций пессимизма. А. Камю писал, что "человеческое сердце обладает досадной склонностью именовать судьбой только то, что его сокрушает" (Камю А. Миф о Сизифе // Сумерки богов. М., 1989. С. 311). Русский естествоиспытатель — философ И.И. Мечников отмечал у испытуемых переживание судьбы со знаком "минус" и связывал это с пессимизмом их мировоззрения. "Судьбу, отмечал он, представляют себе в виде злобного существа, несправедливо посылающего людям всякие бедствия" (Мечников И.И. Этюды оптимизма. М., 1987. С. 209).

Подведем некоторые итоги. Концепт — это конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не равный ему. Концепт — это парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую. Эти структуры выводятся соответственно и из свободной сочетаемости имени, и из несвободной, то есть из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте. Такая парадигматическая модель отражает нелинейность содержания сложного абстрактного имени и представляет собой структурированный фрагмент ассоциативного поля, эксплицирующего все системные и "несистемные" связи слов между собой и отношения слов и явлений.

В. фон Гумбольдт писал, что "как бы ни был богат и плодотворен язык, никогда не возможно представить подлинный смысл, совокупность всех объединенных признаков подобного слова (обозначения внефизических предметов) как определенную и завершенную величину" (Гумбольдт В. Указ. соч. С. 364–365). "Когда мы говорим, — писал В.Одоевский, — мы каждым словом вздымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову и веками, и различными странами, и даже отдельными людьми" (Одоевский В.Ф. Русские ночи. С.142).

Незамкнутость ассоциативного поля имени отражает беспредельность и континуальность идеальной действительности. Слово — единица дискретная. Совокупность дискретных единиц языка (лексикон У способна соотноситься с идеальной действительностью (континуумом коллективного сознания) только

через континуум субъективной реальности — логического и сублогического содержания слов в индивидуальном сознании. Сублогическое соткано из ассоциаций. Самые невероятные индивидуальные ассоциации корреспондируют с логикой непрерывности субстанционального мира — как материального, так и идеального. Метаязык описания "нервной системы языков" (там же. С. 93) (структуры ассоциативных полей) еще не создан, а создание его может способствовать "абстрактному освоению бессознательных процессов, залегающих в основе праобразов» (Юнг К.Г. Архетип и символ. М.. 1991. С. 283) Узлами этой системы являются, очевидно, гештальты, а крупными блоками — концепты.

Концептуальный анализ имени дополняет ассоциативный эксперимент и дополняется им. Два подхода к одному объекту (например, к фрагменту идеальной действительности, стоящему за именем *судьба*) дают в "герменевтическом диалоге" более объемное и глубокое представление о способе его существования в языковом сознании социума, если бессознательное считать основной и неотъемлемой частью этого сознания.

V. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Л. В. Щерба Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958

ЭТЮД 1. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СЛОВАРЕЙ

Одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение и эмпирически всегда как-то решался и решается. Между тем в основе его лежит ряд теоретических противоположений, которые и необходимо вскрыть.

1. Противоположение первое:

словарь академического типа — словарь-справочник

Прежде всего надо обратить внимание на противоположение академического, или нормативного, словаря и словаря-справочника. <...>

К словарю-справочнику обращаются прежде всего, читая тексты на не вполне знакомых языках или тексты о незнакомых предметах и специально трудные тексты на иностранных языках (или, что в сущности то же самое, древние тексты на родном языке), особенно с непривычным содержанием. К нормативному (или академическому) словарю обращаются для самопроверки, а иногда и для нахождения нужного в данном контексте слова. <...>

На первый взгляд может показаться, что различие этих двух типов словарей покоится исключительно на их разном практическом назначении. Однако это было бы слишком одностороннее суждение. В основе словарей первого типа лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени; в основе словарей второго рода вовсе не лежит какого-либо единого языкового сознания: слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы. Все это легко можно иллюстрировать на двояком значении термина «русский язык»: с одной стороны, он обозначает современный русский литературный язык, который, хотя и имеет весьма сложную структуру, однако все же является вполне единым (всякое ограничение последнего положения повело бы к нелепому выводу, что можно по-разному понимать Горького, Маяковского, Шолохова и других современных писателей), а с другой — всю совокупность русских говоров не только в их настоящем, но и в их прошлом (я не хочу здесь останавливаться на трудности определения того, что следует подразумевать под словами «русские говоры»).

Чаще всего в основе словарей-справочников нашего времени лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая как географически, так и исторически. <...>

В конце концов возможны и другие принципы, по которым бы объединялись слова в словаре-справочнике. Так, к типу словарей-справочников надо отнести всевозможные технические словари, где объединены слова разных специальностей, представители которых зачастую друг друга не понимают. Наоборот, словари какой-нибудь одной определенной специальности, например медицинский словарь, словарь водников, военный словарь и т.п., могут быть словарями академического типа, если туда не собраны слова разных эпох или слова местного употребления, неизвестные всем специалистам: внутри системы такой лексики и происходит словотворчество в области данной специальности.

Энциклопедические словари являются по существу словарями-справочниками, так как, подобно общим техническим словарям, не имеют установки на лингвистическое единство своего словника.

Областные словари, если в них собраны просто слова данного языка, не употребляющиеся в литературном языке, конечно относятся к типу словарей-справочников. <...>

Само собой разумеется, что словарь определенного говора, если он не дифференциальный (т.е. не регистрирует только отличия от литературного языка), будет принадлежать к нормативному, или академическому, типу.

Может показаться, что словарь языка того или другого писателя должен быть словарем академического тала. Действительно, надо думать, что действенный словарь того или другого писателя, вообще или в определенный период его творческой деятельности, представляет собою систему (хотя это как раз то, что показать и является очередной научной проблемой); но нельзя быть уверенным, что образующая систему лексика встречается в произведениях писателя. Как раз то, от чего писатель отталкивается и без чего нельзя понять смысла его творчества, могло и не попасть в его писания. Кое-что могло не попасть и совершенно случайно. Кроме того, во всяком произведении всегда много безразличного материала (который я назвал когда-то «упаковочным»), который, конечно, никак не входит в индивидуальную систему (в стиль) данного писателя. Таким образом, словарь языка писателя — который обязательно должен быть исчерпывающим — является принципиально словарем-справочником (между прочим, настолько важным для построения общего словаря, что многим филологам казалось невозможным построение этого последнего без предварительного создания исчерпывающих словарей к писателям) и лишь может послужить материалом для выяснения «индивидуального словаря» данного писателя. <...> Словарь-справочник характеризуется тем, что его слова не образуют цельной единой выразительной системы, или принадлежат к разным — хронологически или географически — человеческим коллективам, или представляя собой лишь часть слов, образующих эту систему. Слова в академическом, или нормативном, словаре, наоборот, служа для взаимопонимания членов определенного человеческого коллектива, составляют единую сложную ткань, единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях этого типа. <...>

Обратим теперь внимание на некоторые затруднения при определении социальной основы в словарях академического типа. Они проистекают из того, что в понятие литературного языка входит не только разговорный язык, но прежде всего письменный. <...> Безусловно, единым является разговорный язык, определяемый исключительно единством коллектива в определенный момент времени. С письменным языком дело обстоит сложнее. Мы читаем и понимаем литературные произведения и предшествующих эпох. Однако многое из того, что мы прекрасно понимаем и что мы даже не воспринимаем как архаизм, мы уже не только не скажем, но даже и не напишем. Так, фраза из «Капитанской дочки»: *Все мои братья и сестры умерли во младенчестве* — никого, конечно, не шокирует, а между тем никто так не напишет: напишут попросту — *умерли еще маленькими* или немного в более строгом стиле *умерли в раннем возрасте* (все это применительно к данному контексту: вне его могло бы быть множество и других способов выражения). Эти различия покрываются понятиями активного и пассивного запаса слов данного литературного языка (различение, которое, к сожалению, не делается ни в каких словарях). Чем же определяется пассивный словарный запас данного литературного языка? — Начитанностью соответственного человеческого коллектива, тем кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе. <...> Дело не исчерпывается одним различием активного и пассивного запаса слов в литературном языке (которое, конечно, обязательно должно быть отражено в словаре академического типа): в актуальной литературе встречаются слова со значениями, вовсе не свойственными современному литературному языку, а иногда и просто противоречащими современному употреблению. <...> Как поступать в этих случаях в словарях академического типа? <...> В словаре академического, нормативного типа <...> нельзя давать, например, всего Пушкина, а только то из Пушкина, что не противоречит сегодняшнему употреблению. <...>

<...> Должно быть учитываемо при построении академического, нормативного словаря: в него не следует брать фактов хотя бы и актуальной литературы, но противоречащих современному употреблению. Однако последовательное проведение этого принципа приводит к тому, что при посредстве такого нормативного словаря нельзя будет понимать не только старой литературы, но зачастую даже и актуальной. Это затруднение всегда существовало и как-то смутно ощущалось лексикографами. Но принципиальное противоречие, лежащее в основе всего дела, никем, кажется, не было еще вскрыто с полной четкостью. <...>

В заключение этого раздела хотелось бы подчеркнуть, что с чисто лингвистической точки зрения «научным» надо считать словарь академического, или нормативного, типа, ибо такой словарь имеет

своим предметом реальную лингвистическую действительность — единую лексическую систему данного языка. Словарь-справочник в конечном счете всегда будет собранием слов, так или иначе отобранных, которое само по себе никогда не является каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности, а лишь более или менее произвольным вырезом из нее.

На практике мы видим как раз обратное: в большинстве случаев словари, составленные по типу академических, не стоят на большой высоте (прежде всего уже потому, что не дают никакого представления о той системе, которая лежит в их основе). Между тем среди словарей-справочников есть много таких, которые надо считать совершенными, как в смысле научном, так и в смысле практическом.

Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму иногда трудно подметить, но это уже несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела.

Здесь следует заметить, что очень часто, говоря о нормах, люди забывают о стилистических нормах, которые не менее, если не более, важны, чем всякие другие, и которые по существу вещей меньше всего зависят от произвола писателя, если только этот последний желает быть правильно понятым. Игорь Северянин вполне мог употребить в своих стихах такие выдуманные им слова и словосочетания, как *каблучком молоточить паркет, сенокосить твой спелый июль* и т.п. Это может нравиться или не нравиться, но никого не будет особенно шокировать как неуместное — в лирике допустимы неологизмы и вообще разные непривычные вещи. Но если какой-нибудь директор кино, желая обновить русский язык, сделает аншлаги на дверях своего театра: *мостов на сегодня больше нет*, то реакция на это будет одна: «Как это вы позволяете неграмотным людям писать аншлаги в вашем театре?» И это несмотря на то, что формы *местов, Белов* имеют, по всей вероятности, шансы на успех в будущем.

Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора: не надо забывать, что синонимика является богатством языка, которое позволяет ему развиваться, предоставляя говорящему и пишущему широкие возможности для более тонкой нюансировки их мыслей (то же относится, конечно, и к складывающимся литературным языкам, где, на первый взгляд, иногда даже кажется, что нормы вовсе нет, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что она просто очень широка).

Не менее нужно опасаться и произвольной дифференциации синонимических форм: на этих путях легко можно сделать литературный язык без надобности затрудненным. <...>

В чем же должна состоять нормализаторская роль нормативного словаря? В поддержании всех живых норм языка, особенно стилистических (без этих последних литературный язык становится шарманкой, неспособной выражать какие-либо оттенки мысли); далее, в ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии; далее, в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность. Все это происходит помимо всяких нормативных словарей; однако эти последние могут помогать естественному ходу вещей, а могут и мешать ему, направляя развитие языка по ложным путям.

2. Противоположение второе: энциклопедический словарь — общий словарь

Противоположение это, на первый взгляд вполне очевидное и не требующее особых пояснений, на самом деле скрывает в себе довольно большие трудности.

Прежде всего, вопрос о собственных именах в самом широком смысле этого слова. Многим кажется, что собственным именам нет места в общем словаре, что они составляют основное содержание только энциклопедического словаря. С последним положением, конечно, надо согласиться, но с первым, как будто, можно и должно спорить. Поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя бы и глубоко отличными от имен нарицательных; поскольку же они являются словами, постольку нет никаких оснований исключать их из словаря. Весь вопрос состоит в определении того, что в языке является «значением» собственных имен.

Оставляя в стороне философию собственного имени вообще, можно все же констатировать, что те сведения, которые даются в энциклопедиях, никоим образом не входят в это «значение»: эти сведения по существу вещей вовсе не должны быть общеизвестны (иначе не надо было бы и энциклопедий!).

Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный. <...> Вот несколько примеров определений собственных имен для общего словаря: *Австралия* — одна из стран света; *Людовик XIV* — один из французских королей; *Хлестаков* — один из персонажей комедии Гоголя «Ревизор». Однако некоторые характерные черты того или иного предмета могут иногда входить в значение соответственного собственного имени, приближая его к нарицательному. Так, *Хлестаков* со своими чертами беспардонного вруна и хлыща становится нарицательным и дает производное *хлестаковица*. Слово *Австралия* едва ли способно приобретать какие-либо характерные признаки (нельзя, конечно, считать таковыми кенгуру и не дающие тени эвкалипты); но слово *Европа*, несомненно, имеет в нашем языке (совершенно независимо от того, насколько или в каком отношении это соответствует действительности) характерный признак — 'страна передовой цивилизации', отсюда возможность таких словосочетаний, как *европейские манеры*, *европейская вежливость* и т.п. Дело хорошего общего словаря определить вторые «нарицательные» значения собственных имен, и надо сказать, что дело это очень деликатное.

Самым трудным делом для лексикографии будет выбор такого понятия, под которое следует подводить то или другое собственное имя. Само собой разумеется, что это не может быть делом личного усмотрения или вкуса: надо подметить, как дело обстоит в языке данного общества, и в этом-то и заключается трудность. В самом деле, как определяется *Ньютон* для русского литературного языка? 'Ученый', 'ученый мыслитель', 'английский ученый', 'основоположник современной механики' и т.д. Вот провизорное определение, которое требует еще, конечно, проверки: 'один из гениальнейших умов человечества, заложивший основы современного знания в области точных наук'.

Само собой разумеется, что не все собственные имена должны входить в общий словарь, если он относится к академическому типу, а лишь те, которые общеизвестны в данном языковом коллективе.

Совершенно особую группу собственных имен составляют личные имена и клички, которые, конечно, не могут иметь иного определения, кроме того, что это 'одно из личных имен' или 'одна из кличек'. Но и они являются факультативными словами, поскольку они постоянно входят в ткань речи с очевидным в каждой определенной среде смыслом. Некоторые из них делаются даже нарицательными именами в том или другом отношении, хотя в общем это бывает довольно редко.

Другую трудность в плане противопоставления «энциклопедический словарь — общий словарь» представляют собой термины. Очень многие специальные термины вовсе не входят в общелитературный язык и относятся к специальным жаргонам. Они подробно объясняются или в общей, или в разных технических энциклопедиях, где даваемые о них сведения можно сильно варьировать по объему. Но много есть и таких терминов, которые входят и в литературный язык. Однако очень часто они будут иметь разные значения в общелитературном и в специальных языках. <...> *Прямая* (линия) определяется в геометрии как 'кратчайшее расстояние между двумя точками'. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что *прямой* мы называем в быту 'линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)'. В ботанике разные растения определяются по установленной системе (то же относится и к зоологии, и к минералогии, и к другим отделам природы). В быту, а следовательно, и в литературном языке они определяются совершенно иначе, и зачастую очень трудно отыскать те признаки, которые заставляют нас узнавать то или другое растение. Я не говорю уже о тех случаях, когда про тот или другой предмет приходится говорить, что это 'род кустарника' или что это 'один из видов небольших лесных птиц' и т.п. Во всяком случае нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения.

3. Противоположение третье: (thesaurus — обычный (толковый или переводный) словарь

Следующим капитальным противопоставлением в области лексикографии надо считать противопоставление словарей типа Шезаигиз и обычных толковых или переводных словарей. <...>

Характерная особенность этого типа словарей состоит в том, что в них приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке, хотя бы один раз (т.е. и все так называемые *hарах'ы*), и что под каждым словом приводятся все решительно цитаты из имеющихся на данном языке текстов. <...> В ос-

нове ... противоположения лежит противоположение «языкового материала» и «языковой системы».
<...>

В основе всякого языка лежит все сказанное, услышанное и понятое на этом языке. Для простоты в дальнейшем будем говорить о письменном языке, так как в устном языке процессы представляются более сложными. Тогда можно сказать, что в основе всякого письменного языка лежат опубликованные на этом языке тексты, которые и представляют собой то, что я называю «языковым материалом». Для того чтобы понимать тексты и создавать новые, надо владеть всем «языковым материалом», т.е. знать все наличные тексты этого языка, но не в сыром, а в синтезированном, обобщенном виде. Синтез языкового материала я и называю «языковой системой», которая раскрывается в правилах грамматики и в правилах словаря, иначе — в правилах применения слов-понятий к реальной действительности. Правила словаря даются обыкновенно в виде «значений слов». Всем, однако, известно, как трудно сформулировать эти значения в толковых словарях: это издавна составляло самое слабое их место, и издавна ведутся споры о наилучших методах определения значений. <...>

На почве этих затруднений и вырастает противоположение словаря, дающего весь «языковой материал» к каждому слову и до известной степени предоставляющего читателю самому выводить из него значения, и словаря, так или иначе — путем толкования или путем перевода — пытающегося дать все значения каждого слова и приводящего примеры лишь для иллюстрации своих определений.

Но, конечно, дело не только в трудности формулировать определения значений, а больше всего и прежде всего в исключительной трудности отыскания всех отдельных значений слова. Сравнительно легко наметить основные группы значений; но установление так называемых оттенков представляет уже большие трудности и иным кажется неважным, а иным субъективным. Не может быть сомнения в том, что такие ведущие к своего рода словарному агностицизму суждения глубоко неверны: трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого. Словарь все же является не простым, хотя бы и полным собранием примеров на отдельные фонетические слова, а собранием сгруппированных под отдельными словами общих понятий, под которые подводятся в данном языке единичные явления действительности. Поэтому в словаре под каждым фонетическим словом обязательно должен быть дан исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним соединенных. Однако вполне справедливо, что дело это весьма деликатное и требует исключительно обостренного языкового восприятия. Проанализируем для примера такое простое на первый взгляд слово, как *игла*. Совершенно очевидные понятия, выражаемые этим словом, будут, во-первых 'швейная игла', во-вторых 'вязальная игла или спица', в-третьих, 'филейная игла', в-четвертых, 'лист хвойного дерева', в-пятых, 'колючка растения', в-шестых, 'колючка животного', в-седьмых 'граммофонная игла' (хотя в сущности в этом смысле употребляется скорее слово *иголка*, а не *игла*). Однако и здесь можно спорить, насколько отдифференцировались пятое и шестое значения. Во фразе *Я с трудом прокладывал себе дорогу сквозь густую заросль неведомых мне растений: иглы колючих кустарников то и дело впивались в меня...* слово *игла* с современной точки зрения мне кажется скорее употребленным хоть и метафорически, но в своем обычном значении. Однако в литературе есть ряд примеров, как будто противоречащих такому утверждению; например, у Вяземского <...>: *В саду редкое дерево: род акации с острыми и твердыми иглами*. Я склонен думать, что это устаревшее значение слова *игла*, которое, по-видимому, заменяется словом *колючка* (слову *шип* несколько мешает, по-видимому, плотницкое его значение, тем более, что в смысле 'колючка' он является скорее возвышенным словом). Что касается значения 'колючка животного', то тоже предполагаю, что оно мертвое и осталось лишь пережиточно в таких сочетаниях (однако не в «речениях», т.е. не в застывших выражениях, как *иглы ежа*, *иглы дикобраза*. Нормальным словом здесь было бы тоже *колючка*. Предполагаю, что первоначальное значение славянской *иглы* вовсе не 'швейная игла' (ср. словарь Даля) и что вышеприведенные 5-е и 6-е значения слова *игла* являются пережитками прежнего более широкого значения (впрочем, в развитии значений слова *игла* несомненно большую роль играли кальки).

<...> Но есть мотивы, которые в известных случаях делают тип thesaurus в чистом виде идеалом словаря вообще. Значения слов эмпирически выводятся из языкового материала (об этом «выведении» будет сказано в особом этюде, посвященном значению и употреблению слов). Но в живых языках этот материал может быть множим без конца, и в идеале значения определяются с абсолютной достоверностью; в мертвых же языках он ограничен наличной традицией. При этом для одних значений его более чем достаточно, для других его мало, и каждый случай употребления данного слова может оказаться в той или другой степени ценным для разных выводов. И далее, в живых языках каждый, произвольно множа случаи употребления данного слова, может проверить выводы составителя словаря относительно значения данного слова; в мертвых языках для проверки нужно знать все наличные случаи употребле-

ния. Вывод отсюда тот, что всякий научный словарь мертвого языка в принципе должен быть *thesaurus*'ом, т.е. давать весь наличный языковой материал данного языка. Практически от этого могут быть, конечно, те или другие отступления: нет надобности, например, приводить повторяющиеся случаи, а также случаи, очень близкие по контексту и т.п.; но это не нарушает основного принципа.

Другой мотив, приводящий составителя словаря к типу *thesaurus*'а, лежит в чисто научно-лингвистических интересах. В обычных словарях отражается только «языковая система» данного языка. Но эта система целиком покоится, как было сказано выше, на «языковом материале», а «языковой материал» есть не что иное, как объективированная «речевая деятельность» данного коллектива. <...> Несомненно, что в задачи лингвистики входит изучение процессов речетворчества вообще и, в частности, в области словоупотребления. И многим представляется (полагаю, не вполне основательно), что материалы для этого должны найти себе место в полном научном словаре, — отсюда необходимость опять-таки приведения под каждым словом всего языкового материала, относящегося к данному слову. <...>

Однако само собой разумеется, что для богатого живого литературного языка принцип *thesaurus*'а практически не может быть проведен до конца: нельзя перепечатать в словаре всю библиотеку актуальных авторов (если говорить о нормативном словаре). Нелепость такого предприятия становится сразу очевидной, если мы будем иметь в виду не только письменный, но и устный, хотя бы и не областной язык.

Здесь обнаруживаются, однако, не только практические, но и теоретические противоречия в самом принципе *thesaurus*'а. В самом деле, наше устное речетворчество очень и очень часто нарушает в том или другом отношении, в той или другой мере существующие языковые нормы. Это хорошо известно всякому вдумчивому лингвисту. <...> Не подлежит сомнению, что с точки зрения речетворческих процессов (т.е. нашей речевой деятельности), ошибки речи особенно показательны: они-то и раскрывают механизм этих процессов. <...> В словарях живого языка даже и ненормативного типа, особенно в словарях с малочисленными примерами, они безусловно недопустимы. Зато в словарях писателей ошибки могут быть очень интересны и с разных точек зрения показательны.

Тут возникает вопрос о том, почему ошибки речи, являясь по существу тоже «языковым материалом», участвуя в формировании «языковой системы» данного языка <...> и будучи таким образом «неопасными» в жизни, оказываются опасными в словаре. Ответ на это простой: поскольку эти ошибки сознаются как таковые, постольку они не опасны, образуя то, что я называю «отрицательным языковым материалом», — это языковой материал как бы с особой пометкой «так не говорят», которая реализуется в замечаниях старших для ребенка, в насмешках среды для взрослых. В подлинной языковой жизни он не только не опасен, но играет огромную роль в выработке «языковой системы» у членов данного языкового коллектива.

«Отрицательный языковой материал», искусно подобранный и снабженный соответствующим знаком, мог бы быть очень полезен в нормативном словаре (особенно для борьбы с естественными, но не употребительными словосочетаниями).

В плане противопоставления *thesaurus*'а и обычного словаря надо затронуть один практический вопрос, очень волнующий словарные издательства, — это вопрос словника, т.е. вопрос о том, какие слова надо брать в словарь того и другого типа, а какие — нет. Как было сказано в начале этого раздела, *thesaurus* характеризуется именно тем, что в его словник включаются все слова, какие только кем-либо были употреблены, хотя бы это и имело место всего один раз (*hapax legomena*). В словарях иного типа возможны бесконечные вариации: в последовательном полном нормативном словаре того или иного литературного языка, конечно, должны быть даны все слова, имеющие безусловное хождение в данном языке. И это не представляет собой никаких особых затруднений в смысле объема: большинство специальных терминов ведь не входит в литературный язык <...>; что касается разных новообразований, то их возможность должна быть безусловно предусмотрена, но попасть в словарь должны лишь те, которые приобрели, так сказать, некоторую индивидуальность. <...> Конечно, провести правильную демаркационную линию и в первом и во втором случае дело исключительной трудности; но вообще словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является активным, а дарование словарника — пассивным и обязательно сознательным).

Что касается разных типов словарей-справочников (я имею в виду в первую голову иностранные словари, в том числе и русские для нерусских), то словник их зависит от того потребителя, для которого словарь предназначен: одно дело, если этот потребитель хочет читать книги по технике; другое дело,

если он хочет читать стихи, и опять-таки другое дело, если он просто турист, и так далее до бесконечности. Число типов неограниченно, и устанавливаются они чисто эмпирически. <...>

В заключение хочу сказать, что один небольшой по словнику словарь мне кажется все же совершенно необходимым для каждого иностранного языка: это учебный словарь для начинающих. Он должен объединить все те основные слова, без знания которых нельзя делать быстрых успехов в свободном чтении текстов на данном иностранном языке, и представить их как элементы некой единой системы. Однако тип такого словаря надо еще выработать, и весь вопрос является прежде всего методическим. <...>

Ожегов С.И. О ТРЕХ ТИПАХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., «Высшая школа», 1974. С. 158 – 182.

<...> Следует признать, что в области общих словарей языка русская советская лексикография, используя богатый опыт дореволюционной лексикографии, достигла известных положительных результатов. Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: большой, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; средний, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи.

К разграничению трех типов общих словарей русского языка советская лексикография пришла в процессе практической работы, в процессе выполнения насущных требований советской общественности. Советские лексикографы творчески использовали классическое наследие русской лексикографии в новых общественных условиях, когда лексикография стала одной из форм пропаганды культуры речи, пропаганды норм общерусского литературного языка. Жизнь показала практическую рациональность этих типов словарей, удовлетворяющих различным запросам.

Основным вопросом при методологическом обосновании типов словарей современного языка и тесно связанных с этим принципов лексического отбора является вопрос о границах современного литературного русского языка. Что следует понимать под «современным» языком? Практика нашей лексикографии связывала границы современного языка с именем Пушкина, но обычно легко переступала эти границы, если находила за их пределами явления, встречающиеся доньше. Большинство работ, относящихся к исследованию или описанию норм современного языка, весьма показательны по отсутствию надежных методологических установок. Явления русского языка от Пушкина до наших дней рассматривались как бы существующими в одной плоскости, без учета своеобразия исторического развития. Так, современные колебания в произношении оценивались в сопоставлении с чистотой идеальных норм так называемого московского произношения, хотя последнее являлось исторической категорией, развивавшейся и изменявшейся на всем протяжении XIX в. вплоть до наших дней.

<...>

Общенациональный русский язык, являющийся продуктом ряда эпох, оформляясь и развиваясь, в пушкинскую эпоху пришел в отношении структуры языка — его активного лексического запаса и грамматического строя,—а также в отношении многих пластов словарного состава к такому качеству, которое делает его близким к языку наших дней. Структура пушкинского языка сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Положения эти предохраняют нас от механистического понимания современного языка. Действительно, пушкинский язык—основа современного языка, основа, продолжавшая в течение XIX и XX вв. совершенствоваться, обогащаться, шлифоваться. Каждый новый этап в развитии общественной жизни накладывал свой отпечаток на словарный состав языка. С каждым новым этапом развития появлялись новые слова и выражения, изменялись значения, выпадали из словарного состава устаревающие слова. Следовательно, на каждом новом этапе развития общественной жизни происходили изменения в соотношении лексических элементов, нарождались новые черты лексической системы. Поворот в развитии общественной жизни, связанный с ростом революционно-демократического движения, принес, как известно, новые, своеобразные черты в развитие словарного состава русского литературного языка не только в отношении роста лексики, но и в отношении семантических изменений. <...> На всем протяжении своего развития словарный состав прошел ряд этапов, и трудно отрицать, что словарный состав

советской эпохи также отличается такими чертами своеобразия, которые выделяют его как новый этап в развитии лексики. Сопутствующие изменения в стилистической системе языка, а также протекающие крайне медленно процессы неравномерного совершенствования отдельных элементов грамматического строя, акцентологической и произносительной системы еще отчетливее подчеркивают своеобразие этапов развития русского литературного языка от Пушкина до наших дней. Так, например, развитие словарного состава литературного русского языка, отражавшее становление буржуазных отношений и рост революционно-демократического движения во второй половине XIX в., значительно обогатившее словарный состав и знаменовавшее новый этап в развитии языка, сопровождалось такими процессами в области произношения, которые укрепили московское произношение как единую национальную литературную произносительную норму.

Правильное разрешение вопроса о границах современного русского литературного языка и об этапах развития русского литературного языка от Пушкина до современности обуславливает правильное решение проблемы языковой нормы. Действительно, что такое объективное развитие языка как становление его норм? Если язык развивается в обществе, обслуживает нужды общества, если люди, социальные группы, классы не безразличны к языку, не безразличны в оценке явлений языка, то это значит, что норма есть система наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, система, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов.

В свете такого понимания норм современного языка яснее очерчивается внутреннее содержание и состав разных типов словарей современного языка, а сама классификация словарей может получить методологическое оправдание.

Действительно, с этой точки зрения четко определяется состав большого словаря современного русского языка. Это должен быть словарь современного языка с исторической перспективой, раскрывающей динамику исторического развития современного языка от пушкинской эпохи до наших дней. В связи с таким пониманием задач большого словаря уточняются задачи наметившихся в советское время типов среднего и краткого словарей: они раскрывают с большей или меньшей полнотой актуальный словарный состав нашей эпохи в его стилистическом многообразии.

Задачи, которые стоят перед словарями разных типов, определяют их структурные различия. Прежде всего это касается принципов отбора слов. Большой словарь с возможной полнотой включает лексику художественных и общественно-публицистических произведений XIX—XX вв., широко отраженную (систематически употребляемую) в художественной и отчасти в публицистической литературе, областную речь и просторечие разных типов, как выразительные средства литературного языка, терминологию и разговорную речь с ее типичными фразеологическими штампами, характерными для разных периодов развития литературного языка Средний, а тем более краткий словаря включают из этих разрядов в свой состав только актуальную для современности лексику, практически возможную в тех или иных стилях современного употребления, необходимую для языкового обслуживания многообразных нужд современной общественности

Основой для всех типов словарей должна являться богатая, разносторонняя картотека произведений художественной и не художественной литературы. Только хорошо продуманная картотека, учитывающая всех безусловно значительных по своему общественному влиянию авторов, может служить прочной базой для отбора слов в разные типы словарей. Действительно, такая картотека, отражающая характер движения словарного состава, может служить надежным критерием для определения употребительности или изолированности слов, общности или единичности значения. С другой стороны, индивидуальное лексическое словоупотребление и словотворчество, если оно отвечает тем или иным лексическим потребностям общества и в особенности, если оно исходит от авторитетного или популярного мастера слова, может переходить в широкую обиходную речь. Не только общественная терминология, как, например, слова *нигилизм*, *нигилист*, испытывает эту судьбу. Любые лексические средства, отвечающие общим потребностям выразительной речи, могут попадать в общее употребление. <...>

К числу подсобных, но важных источников для изучения движения словарного состава относятся (для времени с 40-х гг. XIX до начала XX в.) разного рода справочные и терминологические словари, энциклопедии, словари иностранных слов, словари неправильностей и орфографические, недостаточно оцененные в нашей лексикографической практике. Как правило, лексикографическая практика для определения наличия слова следовала по таким вехам, как словарь Даля в первом и втором изданиях и в

издании под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, пропуская промежуточные звенья. И потому, вследствие плохой изученности лексикографических и справочных источников, в новейших словарных работах оказываются пропущенными, незафиксированными словарные явления, существенные и важные для понимания движения словарного состава. Так, слово *листва*, давно вошедшее в состав общенародного языка, впервые было зафиксировано только «Толковым словарем» Д. Н. Ушакова, а слово *государственность* не попало даже в последний по времени однотомный «Словарь русского языка» 1949 г.

Богатство и разносторонность словарного состава русского языка общепризнанны. Тем труднее и сложнее проблема отбора слов для словарей разных типов. Особенно это касается некоторых разрядов производных слов. Богатейшие словообразовательные возможности русского языка, о которых так верно говорил Н. Г. Чернышевский, создали необыкновенную выразительность и вместе с тем пестроту в обозначении одинаковых, однородных или сходных понятий. Если для среднего и краткого словарей (чисто нормативных), отражающих сравнительно ограниченный этап развития словарного состава, дело отбора словообразовательно параллельной лексики представляется более или менее ясным, то для отбора в словарь, рисующий историческую перспективу развития лексики, лексикографическая практика встречается с рядом трудностей.

Еще в конце XVIII—начале XIX в люди старшего поколения становились в тупик перед лавиной новых образуемых слов. <...>

На разных этапах развития литературного языка по-разному складывались продуктивные и непродуктивные типы суффиксации. Многие из них лишь позднее установились как продуктивные или непродуктивные и легко использовались в параллельных образованиях, из которых одни выживали, иные впоследствии отпадали, хотя для своего времени могли быть в разряде активных. <...>

Подход к отбору этих разрядов лексики в разных типах словарей не может быть одинаков. Ясно, что краткий словарь нормативного типа включает только одну, активную форму параллели, сообразуясь вообще с лексической значимостью параллельных образований. Нормативный словарь среднего типа может расширить круг параллелей включением стилистически отличающихся форм. Большой словарь с исторической перспективой не может пройти мимо лексики этих разрядов без тщательной оценки исторической роли параллельных форм на разных этапах развития языка. Основным критерием оценки являются прочное наличие тех или иных параллелей в письменных источниках и сравнительная устойчивость той или иной словообразовательной параллели в зависимости от характера основы и суффиксации.

Ясно, конечно, что при наличии семантической дифференциации в параллельных словообразовательных разрядах, углубленной и стилистическими различиями, как, например, *принесение—принос—приношение*, вопросы отбора для всех типов словарей разрешаются по общему принципу лексической значимости.

Отбор словообразовательно параллельных разрядов лексики облегчается тем, что он тесно связан с грамматическим критерием оценки. Значительно труднее и обычно субъективнее бывает отбор тех слов, употребление которых связано с лингвистическими вкусами общества на разных этапах его развития, с обозначением переходящих явлений общественной жизни, с необходимостью подчеркнуть индивидуальную, своеобразную суть явления. Слои эти чрезвычайно многообразны и требуют специального изучения.

К ним можно отнести прежде всего разряд слов-подёнок, возникающих обычно в разговорной или публицистической речи для обозначения случайных, несущественных явлений быта. Они могут быть очень активны в течение короткого времени; но, представляя собой обычно название по случайному признаку, понятному только в обстановке данного времени, они быстро уходят со сцены. Среди них выделяются, например, названия предметов обихода: *румынки*, (название высоких дамских ботинок, существовавшее в первые годы революции), *татьянка* (название дамской шляпы с широкими полями особого фасона, существовавшее в предреволюционные годы и в первые годы революции), *профитка* (род экономичной свечи; название, существовавшее в середине XIX в.). <...> Ясно, конечно, что элементы лексики, характеризующиеся как слова-подёнки, не могут иметь места в составе даже словаря большого типа, ибо они — далекая периферия словарного состава. Однако это не значит, что они должны остаться вне лексикологического изучения. Они дают интересный материал для изучения закономерностей развития словарного состава. Собираание их может войти в задачу особого словаря с историко-бытовыми комментариями.

К словам-подёнкам примыкают слова, возникающие в узких общественных кругах и представляющие собой специфические обозначения тех или иных явлений жизни. Это слова жаргонного типа. Но они могут выходить за пределы узкого круга и на известное время становиться достоянием более широкого употребления. И если они по своим словообразовательным основам имеют тесные и понятные связи с основами словарного состава общенародного языка, то относительная устойчивость их увеличивается. Сюда относятся такие слова дворянско-интеллигентского употребления, как <...> *клубничник* (ср. у Ф. М. Достоевского: *ненавижу клубничку и клубничников*). К этой группе жаргонных по происхождению слов принадлежат и многие заимствованные слова, как, например, *пиют, вояж, франпировать, антураж* и т. п. Словарь большого типа должен с особой внимательностью отнестись к отбору этих слов Свидетельства современников и правильная оценка общественной значимости слова могут служить критерием отбора. <...>

Такого же внимания в большом словаре заслуживают слова или отдельные значения, которые в последующем развитии словарного состава были по разным причинам вытеснены синонимами. Ср., например, такие пары: *скрепился — сдержался: Почти все рассмеялись. Я кое-как скрепился; накидка — набросок: Любил делать первые накидки своих басен на лоскутках; усилился — усовершенствовался: Первого (французского языка) он не любил, а в последнем (в немецком языке) усилился чтением; язык усилился, разнообразился.*

Одним из сложных вопросов лексического состава словарей является вопрос о месте специальной терминологии в общих словарях языка. Речь идет главным образом о терминах — отдельных словах, так как составные термины (словосочетания), за исключением вошедших в общее употребление (типа *железная дорога, политическая экономия* и т. п.), обычно относятся к сфере узко специального употребления и, как правило, не принимаются в расчет при обсуждении терминологических вопросов в словарях. Ясно, конечно, что словарь большого типа должен с возможной полнотой отражать терминологическую лексику. Однако отсюда не следует, что он должен без разбора включать в себя любую терминологию энциклопедических словарей XIX и XX вв., словарей иностранных слов, часто насчитывавших свыше сотни тысяч заимствованных слов в русском языке. Из терминологии, бытовавшей в словарном составе русского языка с XIX в. и затем отпавшей, в большой словарь должна включаться только та, которая отражала существенные явления в развитии науки, техники, искусств. Таковы, например, старые физические термины *теплород, магнетизм*, военные *люнет, флеш* или еще памятные, но теперь отпавшие общественно-политические термины *дауэсизация, оптант* и т. п. Вряд ли необходим подобный разряд терминологии в общих словарях среднего и краткого типов.

При отборе терминов одного круга понятий обычно стремятся представить в исчерпывающей полноте видовую терминологию данного рода, считая это наиболее обоснованным решением вопроса. Так, если даются слова *квадрат, конус*, то должны быть даны все названия геометрических фигур; если есть *сталактит*, то должен быть *сталагмит*; то же относится, скажем, к названиям геологических эр, семейств растений или животных и т. п. Однако вряд ли это можно считать правильным. В действительности не наблюдается совпадения по значимости круга терминов основных и частных понятий науки и техники и круга терминов общего, общенародного употребления, которые только и могут иметь место в общих словарях языка, являясь средством общения вне данной научной или технической сферы. Так, для химии одинаково важна вся терминология периодической системы элементов. Однако с точки зрения лексического обихода общенародного языка, не следует включать даже в большой словарь такие названия элементов, как *актиний, ксенон, гафний, индий* и т. п. Вместе с тем мы знаем, что состав общеизвестных названий элементов расширяется, и при этом расширяется тогда, когда термин выходит за пределы только химической терминологии и становится достоянием таких отраслей техники, знание которых необходимо всем говорящим. Такова судьба таких терминов, как *висмут* и *радий* (применение в медицине), *уран* (в связи с открытием атомной энергии), *неон* (ср. особые осветительные неоновые лампы). Для краткого и даже среднего типа словаря вряд ли необходимо включение термина *недокись* и даже *закись* при наличии *перекиси* и *окиси*. Следовательно, решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль.

Таков далеко не исчерпывающий круг вопросов, связанных с отбором лексики в разные типы словарей. В общем задачи формирования словника разных типов ныне существующих словарей сводятся к следующему. Большой словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики современного общенародного литературного языка и вышедшую из употребления, но характерную для развития словарного состава лексику. Средний словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики совре-

менного языка. Краткий словарь обнимает активный запас современной лексики с привлечением той лексики пассивного запаса, которая необходима с той или иной точки зрения для характеристики современного языка

Один из серьезных и сложных вопросов словарной практики — это вопрос об омонимах. Как бы ни подходить к определению омонима, ясно, что за исключением традиционных омонимов (*ключ, печь, кося, брак* и т. п.) выделение омонимов не может быть одинаковым в разных типах словарей. Словарь, раскрывающий исторические перспективы развития слова, к проблеме омонимов должен подойти иначе, чем словарь живой структуры современного языка. С ростом производных слов, с дифференциацией словоупотребления происходит нарушение былых грамматико-семантических связей, облегчается вычленение омонимов. Для современного языка слово *жалование* явно распалось на омонимы: с одной стороны это действие по глаголу *жаловать* (слово устарелое), с другой — это синоним слова *зарплата*. Разделение этого слова на омонимы в большом словаре было бы известного рода модернизацией, разрушающей живые семантические связи, ибо в XIX в., судя по употреблению этого слова, в нем сохранялись отпавшие теперь звенья семантического развития слова: от значения действия до глаголу через значение вообще результата действия к узкому значению предметности (деньги за работу). Аналогична судьба отглагольного существительного *образование*, у которого в современном языке нарушились былые грамматико-семантические связи с глаголом и которое уже в новом, омонимическом значении обросло производными. <...>

Особый случай представляют слова, образованные от одной основы, но в разное время и независимо друг от друга и лишенные внутренних семантических связей: *ночник* — ночной извозчик в середине XIX в. и новое *ночник* — летчик, специалист по ночным полетам; *ударник* — солдат ударных батальонов времен Февральской революции и *ударник* — член ударной бригады на предприятии; *западники* — название представителей одного из общественных направлений XIX в. и *западники* — недавно появившееся слово для обозначения представителей западных империалистических стран. Подобного рода слова в любых типах словарей, по-видимому, должны быть представлены как омонимы.

Классификация и определения значений в словарях разных типов также не могут не иметь серьезных различий. Они достаточно ясны на примере только одной стороны семантической структуры словарей. Активный лексический состав языка, как известно, не остается неподвижным. Он изменяется, развивается. В словах активного словарного состава могут утрачиваться некоторые значения, иногда, может быть, и основные, и на месте основного значения могут выступать новые, образовавшиеся в порядке так называемого сужения значений. Так, в слове *спица* отпало общее значение — заостренная короткая палочка, тычинка и сохранились как основные только значения спицы у колеса и спицы вязальной. Только словарь большого типа должен включить отпавшее ныне значение, тем более, что именно с ним связано уменьшительное *спички*, из которого в процессе распада сочетания *зажигательная (серная, фосфорная) спичка* образовался впоследствии омоним.

Вопрос о порядке значений — один из важных в словарной практике. Тенденции приблизить словарь к современности путем выдвижения более актуальных значений на первое место проводится иногда механически. Между тем разные типы значений слов и особенно из активного запаса лексики требуют дифференцированного подхода. В словах, значения которых развились в процессе сужения или расширения значений, легко допустимо выдвижение более актуальных значений. Так, в слове *вера* значение «убежденность» и в XIX в., несмотря на показания словарей того времени, выдвигалось как общее, а значение «религия» как специализированное, суженное. Иное дело в словах, новые значения которых возникали в процессе метафорического, переносного применения основного значения. Нарушение исторического порядка значений в таких словах, как, например, *жертва* ведет к искажению семантической перспективы и разрушает очевидные семантические связи с фразеологическими выражениями и производными словами. Эти соображения особенно существенны в словаре большого типа.

Новые в системе литературного языка слова, с XIX в. входившие в активный запас лексики, имеют свою семантическую историю. Следует ли в большом словаре давать в исторической последовательности значения таких слов, как *быт, класс, пролетариат, нация*? Ведь современное значение слова *быт* оформилось в первой четверти XIX в., современные значения слов *класс, пролетариат* оформились окончательно в марксистской литературе, хотя и применялись значительно раньше в русском языке. Современное значение слов *нация, народность* оформилось в процессе разработки большевистской партией национального вопроса. А для времени Даля, да и позднее, слово *нация* лишь входило в общий синонимический ряд со словами *народ, народность, национальность*. В период своей «предыстории» слова этого типа не имели четких семантических границ. Поэтому наиболее целесообразным было бы в

качестве основного значения выдвигать то, которое оформилось как значение общенародного языка, а те оттенки или значения, которые предшествовали этому, должны оговариваться особо.

Требуют дальнейшего уточнения и исследования вопросы стилистической классификации слов. По-видимому, в большом словаре, отражающем историческое развитие современной лексики, следует отказаться от оценочной стилистической характеристики. Она очень изменчива и неоднородна для разных этапов исторической действительности, и существующая стилистическая номенклатура, приноровленная к живой структуре языка нашего времени, приводит нередко к искажению в перспективе стилистического развития.

Уточнения требуют и вопросы грамматической, произносительной и акцентологической характеристики слова. Показ грамматического и звукового оформления слова и синтаксических возможностей его приобретает огромное значение для словаря. Чем точнее указания словаря в этом отношении, тем лучше он выполняет свою роль. Особенно важен для словаря показ лексических и фразеологических единиц, представляющих собой материал для несвободных, принудительных лексических связей. Сюда относятся, например, слова с ограниченной сочетаемостью или лексически застывшие синтаксические связи (*с тем, чтобы; так что* и т. п.), слова с индивидуальной морфологической и акцентной характеристикой, не учитываемой грамматиками (например, *прошел одну версту* и *прошел с вёрсту, сёстрам, но всем сестрам по серьгам, судьбы народа, но какими судьбами* и т. д.). Словарь, рисуя историческую перспективу, должен с возможной полнотой показать развитие лексики в этом отношении, тем более, что в процессе роста несвободных или «индивидуальных» сочетаний в последующие эпохи выкристаллизовываются новые значения слов.

Для характеристики оформления разных типов словарей в акцентологическом отношении можно указать такой пример. В большом словаре для форм настоящего времени от глагола *варить* (*варíшь* — *váришь*) должна быть отмечена историческая последовательность в произношении их от Пушкина до наших дней. В словаре, учитывающем стилистическое многообразие литературной речи, должна быть указана форма *варíшь* как устарелая. В строго нормативном кратком словаре эта устарелая форма может отсутствовать.

Лексикографическая кодификация словарного состава современного русского языка, осуществленная в разных типах словарей с различными структурами, основанными на изучении исторической динамики развития современного литературного языка, открывает широкие перспективы. Подобные словари, прежде всего, явятся мощным средством распространения углубленных знаний о русском языке, о его богатстве и выразительности, средством, облегчающим непосредственное общение между братскими народами Советского Союза, мощным средством для повышения культуры речи. С другой стороны, словари современного языка, построенные на правильных методологических основах, создадут надежную материальную базу для исследования закономерностей развития словарного состава. Доведение до конца словаря древнерусского языка и создание словаря литературного языка XVIII в. позволят поставить на твердую почву историческое изучение русской лексики.

Ю. Н. Караулов СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ // Советская лексикография: Сб. ст. (Редкол.: Караулов Ю.Н. и др.) – М., «Русский язык», 1988. – 271 с. – С. 5 – 18.

Состояние русской лексикографии характеризуется видами словарей, над которыми ведется в настоящее время работа, и продвинутой теоретической лексикографической мысли. Находящиеся сейчас в работе (в процессе подготовки и издания) словари можно рассмотреть под несколькими углами зрения. Прежде всего есть внешние законы лексикографии, управляющие ходом ее развития, определяющие связи данной отрасли науки с обществом, ее ответы на общественные нужды и запросы и ее ответственность перед обществом. В таком экстерналистском освещении русская лексикография с равным успехом выступает в обеих своих ипостасях: и как прескриптивная, нормализующая деятельность языковедов, и как дескриптивная, фиксирующая, описательная.

В первом своем качестве словари решают задачи обеспечения успешности коммуникации в обществе и используются как эффективный инструмент кодификации, нормирования литературного языка. Свою важную культурно-речевую функцию выполняют словари ударения, произношения, правописания (орфографический), синонимов, антонимов, различные словари трудностей и, естественно, терминологические, двуязычные и толковые словари. Но не менее существенную общественно-культурную роль играет и дескриптивная лексикография, охватывающая разные типы диалектных, исторических и

этимологических словарей и своим содержанием обогащая национальный, духовный потенциал, общий культурный фонд народа.

Говоря об ответственности лексикографов и лексикографии в целом перед обществом, нужно иметь в виду не только необходимость чутко реагировать на новые потребности развития, но и то обстоятельство, что лексикография оказывается каналом лингвистической науки, русистики, дающим непосредственный выход на каждого члена общества. И в этом отношении лексикография несет ответственность за всю лингвистику, она оказывается лицом науки, по ней, по ее состоянию, способности обеспечить успешную коммуникацию, влиять на речевую практику, повышать культуру языка — судят о русистике в целом, т. е. лексикография обладает «эффектом представительства» в языкознании. Недаром в широкой печати критике чаще всего подвергаются именно словари; недаром поэтому, с другой стороны, и высокую общественную оценку — в виде Государственных и Ленинских премии — получают опять же словари.

Довольно часто можно услышать, как при характеристике состояния русской лексикографии говорят о «системе» словарей русского языка. Что при этом имеется в виду? Во-первых, хронологический и территориальный охват:

этимологические словари: до индоевропейской эпохи (Фасмер); до праславянского периода (Трубачев); до древнерусской поры (Шанский);

исторические словари: 11—14 вв.; 11—17 вв.; 18 в.

Сюда же входят и Словарь Даля, БАС, Словарь Ушакова, МАС, Словарь Ожегова, «Словарь русских народных говоров», «Псковский областной словарь», «Архангельский областной словарь», «Словарь русских говоров Сибири», словари Забайкалья, Приамурья, донских говоров и др.

Во-вторых, имеют в виду широту отражения в словарях лексико-семантической системы, а шире — языковой структуры в целом: словари толковые, словари лексических категорий (антонимов, омонимов, синонимов...), лексико-грамматических категорий (управление глаголов, падежно-предложные сочетания), лексических пластов (иностранные словари, словарь лакун, новых слов, фразеологизмов, иноязычных нетранслитерированных слов и выражений), отдельных уровней (фонетический, словообразовательный) и т. п.

Можно говорить о системе словарей в таком плане? Наверное, можно. Система как будто есть, хотя, строго говоря, ее нет. Это чисто экстерналистский подход, и система получается экстерналистская, внешняя. Она есть в том смысле, что имеющиеся русские словари можно упорядочить и интерпретировать их отношения как системные в территориальном, хронологическом и содержательно-структурном плане. Но системы нет в таком ее понимании, как она предстает, например, в серии словарей «Большой Дуден», т. е. системы нет в том смысле, что появление словарей и их взаимоотношения определяются не какими-то системными, взаимообусловленными факторами, а чисто внешними, экстралингвистическими и, в общем, случайными причинами. Целенаправленного, строго ориентированного, идущего от авторов или издателей планомерного формирования системы в истории русской лексикографии не было. О такой тенденции можно говорить в наши дни, когда, оценивая в хронологическом ли, в структурно-содержательном ли плане взаимоотношения между словарями, мы выделяем белые пятна, намечаем пути пополнения, достраивания такой системы: нет исторического словаря 19 века, и работа над проектом такого словаря начинает разворачиваться в словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде; нет полного, отвечающего современному состоянию науки и доступного для широкого читателя этимологического словаря — и принципы его построения обсуждаются в Институте русского языка, где создается коллектив для работы над таким словарем; нет нормативно-стилистического словаря — и два варианта подобного словаря активно обсуждаются на лексикографических конференциях и начинается вестись их подготовка.

В этом отношении такого рода экстерналистскую систему словарей, конечно, тоже полезно выделять. Подобный подход позволяет ставить задачи равным образом и перед лексикографами, и перед издателями, причем последним приходится руководствоваться не только научными соображениями, но и преследовать при этом лингво-социальные, просветительские, т. е. собственно издательские цели: распространение словарей в обществе, увеличение возможностей обращения человека к словарю и повышение культуры работы со словарем. Коротко я бы сформулировал цель издателя так: довести каждого человека до словаря, приблизить человека к словарю.

Лексикограф в наше время не существует без издателя, и решают-то они как будто одну и ту же задачу. Однако позиция лексикографа определяется не столько экстерналистским, сколько интерналистским, внутренним взглядом на состояние и развитие словарного дела, и поэтому его работа проходит

под знаком довести словарь до человека, приблизить его структуру, содержание, механизм функционирования к тем потребностям, с которыми к словарю обращается носитель языка или человек, изучающий язык как неродной.

Таким образом, мы переходим к интерналистской характеристике состояния и движения русской лексикографии. Интерналистский подход, взгляд изнутри, позволяет выделить несколько тенденций. Прежде всего внутри общей направленности к лексикографической параметризации языка очень четко противопоставляются центробежная и центростремительная тенденции. Я напомним, что под лексикографической параметризацией понимается стремление современной науки о языке представить в форме словаря самые различные, а в идеале — все результаты лингвистических штудий, т. е. ословаривание лингвистических описаний. Лексикографическая параметризация языка — это внутренний, сущностный коррелят того явления, о котором говорилось вначале и согласно которому по словарям, их качеству и количеству судят о лингвистике вообще («эффект представительства»). Так вот, центробежная тенденция к лексикографической параметризации языка проявляется в постоянном расширении круга словарей однопараметровых, узкофункциональных: ударений, омонимов, паронимов, слитно или отдельно и т. д. Дифференциация по структурным параметрам идет очень глубокая и узкая: словарь служебных морфем (приставки, суффиксы, инфиксы), словарь переносных значений (в поэзии — звезда, тьма, фонтан), прописная или строчная и т. п. Противоположная ей тенденция заключается в стремлении соединить максимум параметров в одном словаре, а в идеале — создать универсальный словарь, позволяющий воспроизвести всю картину литературного языка в целом. Казалось бы, вот здесь-то, на этом пути и возможно полисистемное построение нормативного словаря, который найдет универсальное применение, исчерпывающим и адекватным образом отразит структуру языка и законов его функционирования с учетом последних достижений лексикографической науки. Однако ни мировая, ни русская лексикография такого словаря не знают. Сама идея универсальности не соединяется с идеей системности, взрывает ее изнутри, поскольку в противоречие при этом приходят синхрония и диахрония, статика и реальное употребление, норма и случаи нарушения нормы, энциклопедическая и коннотативная информация.

Обе тенденции — и к созданию узкоспециальных одноаспектных, однопараметровых словарей, и к построению комплексного, универсального словаря, хотя и имеют место, в крайнем их выражении, очевидно, не определяют магистрального пути развития русской лексикографии. И те и другие словари, конечно, нужны, но предназначение их узко — для определенных специалистов: «слитно или отдельно?» главным образом для редакторов, словарь ударений для дикторов и т. п., а универсальный, скорее всего, для филологов. Массовому читателю нужен иной словарь, содержащий оптимальное сочетание параметров. Что такое оптимальное сочетание, каково оно? Оно определяется эмпирически, прежде всего на экстралингвистической основе, хотя есть и теоретические принципы соединимости или несоединимости разного рода лингвистических параметров в одном словаре.

Из общего числа 70 лексикографических параметров (их может быть, вероятно, и больше) сейчас наши словари могут включать (одновременно) чуть больше 30 (да и то часть из них в неполном объеме, например, сведения о парадигме словоизменения, словообразовательные сведения, сочетаемостные и др.). В русской лексикографии так сложилось, что оптимальное сочетание параметров достигается на базе толковых словарей — Словаря Ушакова, БАС, МАС, Словаря Ожегова. Но в принципе это путь не единственный. Теоретически такого сочетания можно достичь и на основе иных типов словарей (где толкование как специальный параметр будет присутствовать в том или ином виде, но основа словаря будет несколько другой). Это может быть нормативно-стилистическая основа. Такое направление получает сейчас теоретическую разработку, как упоминалось выше, в словарном секторе в Ленинграде.

Но прежде чем охарактеризовать комплекс общетеоретических и собственно лексикографических проблем, которые предстоит решить при подготовке такого словаря, необходимо остановиться на разном понимании самого термина «нормативно-стилистический» словарь.

Я бы сказал, что есть две взаимоисключающие трактовки этого понятия. Первая, которую условно можно назвать «бескомпромиссной», предполагает такой словарь чисто синхронным (насколько это вообще возможно), т. е. фиксирующим состояние языка на хронологическом расстоянии в пределах двух поколений (включение третьего поколения, строго говоря, означает переход к новому качеству, т. е. появление исторического аспекта), отражающим кодифицированное литературной нормой словопользование и по возможности подробно характеризующим условия этого употребления: как надо выразиться точно, правильно и хорошо — без колебаний, без вариантности, «бескомпромиссно». Наоборот, при ином понимании задач нормативно-стилистического словаря в качестве основной его единицы

выступает вариант, и тогда сама норма предстает как некий компромисс между предпочтительным по тем или иным соображениям вариантом и узусом употребления. Главное при таком подходе — в фиксации максимально широкой вариативности в способах выражения, что предполагает методологически иное представление о синхронии, при котором сама вариативность выступает как коррелят эволюционного (диахронического) изменения. Практически такой словарь отталкивается от типологии ошибок в употреблении и тяготеет по своей структуре к словарю трудностей. Поэтому он является в известном смысле дифференциальным, а не полным.

Дальше речь пойдет о словаре первого типа, поскольку понимаемый во втором смысле нормативно-стилистический словарь уже составлен в Институте русского языка в Москве. Итак, в идеале обсуждаемый словарь, ориентированный на русский язык конца 20 в., должен отражать состояние языка, особенности его бытования и функционирования в этот период и фиксировать результаты его эволюции в предшествующую эпоху (т. е. в советское время главным образом). Во второй половине 20 в. существенно изменились факторы, которые оказывают решающее влияние на функционирование и развитие языка. Эти факторы стали в основном определяться условиями научно-технического прогресса, в эпоху которого вступило наше общество в 50-х гг. Положительная их роль хорошо известна и поэтому хотелось бы отметить четыре негативных фактора.

Прежде всего, это экспансия научно-технического языка, резкое увеличение его доли в повседневном языковом балансе каждого человека за счет сокращения других сфер — языка художественной литературы, быденного языка, языка прочих областей гуманитарного знания. Тексты научно-технического и управленческо-организационного содержания (деловая проза) по своему объему теперь существенно превысили тексты общественно-политического, философско-этического, эстетического и бытового содержания. Кроме того, изменилось само качество языка художественной литературы, в котором выросла доля научно-фантастической и производственной тематики, расширились границы использования публицистического стиля.

Во-вторых, произошел скачкообразный рост роли массовых коммуникаций, усилилось их влияние на формирование языкового облика среднего носителя языка. Распространение средств массовых коммуникаций, при всей положительной роли этого процесса, приводит к двум негативным языковым последствиям — к внедрению в языковую практику большого числа шаблонов, штампов или, как говорят психологи, «речевых паттернов» и к пассивизации языковой индивидуальности, сдерживанию языково-творческого начала личности, поскольку массовая коммуникация — явление однонаправленное по своей природе.

В-третьих, научно-технический прогресс не мог не коснуться и непосредственных человеческих контактов, приведя к дальнейшей регламентации и стандартизации профессионального общения подчинению его законам документного, технократического языка и одновременно к сокращению сферы неформального общения людей (т. е. непосредственного живого диалога, не осложненного техническими средствами, переписки, языковой игры и т. п.).

Наконец, четвертым фактором, влияющим на развитие языка во второй половине 20 в., следует считать, вместе с содержательным изменением литературных норм, изменение и их регламентирующего статуса по отношению к реальному речепотреблению. Нормы литературного языка утрачивают жесткий характер, становятся все более размытыми и неопределенными, растет амплитуда допустимого варьирования, увеличивается взаимопроницаемость разных функциональных стилей.

В этой ситуации перед нормативно-стилистическим словарем встают принципиально новые задачи, у него появляются не свойственные ему ранее функции. Он должен в новых условиях не просто описывать и фиксировать состояние языка, не только предписывать, рекомендовать, кодифицировать предпочтительные особенности его употребления, но корректировать сложившуюся в обществе речевую практику, воспитывать носителя языка, эстетически и этически обогащать языковую индивидуальность. А это означает, что новый словарь будет отличаться от традиционных двумя чертами: 1) он не должен быть пассивным отражением изменившегося к концу века состояния языка с превалированием научно-технической лексики, широко распространенного стиля массовых коммуникаций, стандартов, деловой прозы, а должен представлять собой идеализированную модель, предназначенную для активного воздействия на общество; 2) он должен быть ориентирован не на систему языка, а на языковую индивидуальность, на человека — носителя языка, выполняя эстетически-воспитательную и духовно-преобразующую роль. Для успешного движения по этому пути лексикографам нужно решить и ряд традиционных проблем.

Прежде всего требует методологической разработки и практического определения понятие синхронного состояния русского языка. Хронологическое, а значит и содержательное наполнение понятия современного языка колеблется от охвата двухвекового отрезка времени (ср. БАС, французский «Trésor») до ограничения периода современности шестьюдесятью — семьюдесятью годами 20 в. Обе экстремальные позиции опираются на достаточно убедительную аргументацию. Пропоненты первой выдвигают на первый план диахронический аспект, справедливо указывая на решающую роль старшего поколения в формировании состояния языка каждой эпохи (в индивидуально-речевом плане) и подчеркивая идею преемственности и опоры на предшествующие литературные тексты (в общественно-языковом плане). В то же время их противники ратуют за ограничение понятия «современный» за счет отражения в словаре усложнившихся функций литературного языка, изменения роли различных функциональных стилей в формировании нормы. От решения этого вопроса — о границах современного литературного языка — зависит отбор источников для выборок лексико-фразеологического материала будущего словаря, зависит и историческая глубина семантизации отдельного слова.

Другая проблема, решение которой не может не оказать влияния на характер словаря, — изменение социальных функций русского языка наших дней. Русский стал языком межнационального и интернационального общения. В национальных республиках издается огромное количество художественной литературы на русском языке, он широко и активно функционирует в сфере массовых коммуникаций, т. е. резко расширился инонациональный контекст его использования, возросли масштабы его локального и регионального варьирования. В этих условиях и увеличивается жесткость нормативных требований, роль фактора «бескомпромиссности», которые должны способствовать росту культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия.

Далее необходимо решить вопрос об оптимальном наборе лексикографических параметров в будущем словаре, которые будут определять объем и структуру информации об отдельном слове. При этом среди всего числа параметров целесообразно, вероятно, выделить доминирующие, обязательные и факультативные. Наряду с тремя охарактеризованными теоретическими проблемами при разработке проекта словаря обсуждаются и его конкретные характеристики: объем, иллюстративный материал, справочный аппарат и т. п.

Другую базу оптимального сочетания лексикографических параметров, помимо нормативно-стилистического, может составить словарь идеографического типа. Интересный опыт составления такого типа словаря представлен в «Лексической основе русского языка» (далее ЛОРЯ).

Объем параметров в этом словаре достаточно широк. За счет существенного сжатия словника (2,5 тыс. слов), исключения собственно толкований и иллюстраций (первые компенсируются указанием типовых сочетаний, смысловых групп, синонимов и антонимов) введены все лексические категории (синонимы, антонимы, паронимы, омонимы), дана этимология, отмечены трудности словоупотребления, составлен обратный словарь, дается список антропонимов, указано морфемное членение слов, введен лингвострановедческий комментарий. В некотором смысле ЛОРЯ можно расценивать как попытку разделения, разъятия привычной словарной статьи толкового словаря на отдельные параметры, углубленную проработку каждого из выделенных параметров и их соединение в одном словаре на идеографической основе. Таким приемом достигается, на мой взгляд, компромисс между универсальным и аспектно ориентированным характером словаря, а этот опыт в целом можно квалифицировать как образец «лексикологической лексикографии». С другой стороны, полный перечень связей каждого слова – морфологических, синтаксических (сочетаемых), идеографических, связей по лексическим категориям, по вхождению в идиоматику, по эмоциональной нагруженности и лингвострановедческим особенностям, нашедших отражение в ЛОРЯ, делает каждую его единицу «узлом» в сети многопризнаковых отношений, т. е. воссоздает структуру, близкую к структуре индивидуального лексикона носителя языка или пользователя языком. И невольно задаешься вопросом: а не так ли на самом деле, как показано в словаре, хранятся слова в кладовых памяти языковой личности, и не похожим ли на поиск в этом словаре образом они извлекаются по мере необходимости из той ассоциативно-вербальной сети, которая моделирует лексикон? Во всяком случае, приближение к антропоморфному способу организации языкового материала здесь налицо.

На этой же идеографической базе можно представить себе и иную версию словаря на примере программы, реализуемой под руководством Н. Ю. Шведовой.

В этой программе в центре внимания составителей-исследователей находится как раз то, что опущено в ЛОРЯ — толкование. Основной задачей является эксплицитное воплощение системности лексико-семантического уровня языка, той самой системности, которая в традиционных толковых словарях

отражается обычно в перекрестных отсылках, родо-видовых определениях, в указании синонимических, антонимических и словообразовательных связей. В «Голковом словаре русского языка, систематизированном по лексико-семантическим группам слов» (так он называется условно) Н. Ю. Шведовой воплощение системности достигается путем унификации дефиниций в рамках лексико-семантических групп (далее ЛСГ) с дефиницией лексем внутри одной группы. При этом под унификацией толкований понимается одновременно и выработка единой структуры, формальной основы объяснительного текста, и стремление к единообразию словесного состава дефиниции и последовательности подачи ее компонентов в статье. Что касается лексического единообразия толкований, то это вопрос в сильной степени дискуссионный, и его решение будет зависеть скорее от адресата словаря (если для носителя или изучающего язык, то выгоднее разнообразие; если для лингвистов-словарников, лексикологов, то выгоднее монотонность). Целесообразность же выработки обобщенной формулы толкования для цельной ЛСГ или единого словообразовательного типа не вызывает сомнений. Например, класс названий лиц в русском языке. Его разработка представлена в кандидатской диссертации А. С. Белоусовой «Русские имена существительные со значением лица (лексический класс и его словарное описание)» (М; 1986). Она позволяет строить такие формулы, представляющие собой комбинации четырех функциональных компонентов:

1) классифицирующего — с использованием либо общих слов (человек; лицо; тот, кто), либо названий группировок внутри класса (должностное лицо, специалист, работник, последователь, участник);

2) конкретизирующего, способ выражения которого зависит от индивидуального значения слова и его стилистической окраски; например, компонент «направленности совершаемого лицом результативного действия» может выражаться глаголом (оскорбитель — тот, кто оскорбил, оскорбляет кого-нибудь) или глагольным словосочетанием (убийца — тот, кто совершил, совершает убийство);

3) оценивающего, который передается обычно качественно-характеризующими словами (напр., выдающийся, отличный, нерадивый, плохой) или словосочетаниями (негодник — человек недостойного поведения);

4) фонового, для выражения которого служат специальные сочетания типа: в старину, при крепостном праве, в Русском государстве 16—17 вв., в годы гражданской войны, в капиталистических странах, у верующих, в славянской мифологии, в мусульманстве.

Использование общих схем, формул толкования позволяет устранить существующие расхождения в толкованиях ЛСГ, сделать в этом отношении словарь «системнее». Но и такая версия словаря не исчерпывает всех возможностей в этой области. Кроме толковой, нормативно-стилистической и идеографической в качестве основы оптимального словаря может использоваться словообразовательная. Естественно, в таком случае мы будем иметь дело не с обычным словообразовательным словарем (гнездовым ли, цепочным или каким-то еще), а со своеобразным словообразовательным тезаурусом. Основной единицей такого словаря становится мотивационное поле, которое образуется наиболее активной морфемой, пересечение мотивационных полей дает лексическое ядро, единицы которого могут получать самую разнообразную характеристику.

<...>

Следующая коллизия в интерналистском подходе возникает из двух разнонаправленных тенденций: тенденции к созданию системно-ориентированных словарей и тенденции к созданию антропоориентированных словарей. Первые нацелены на адекватное отражение в лексикографической форме целиком лексико-семантической системы языка, а в идеале — всей языковой структуры. Вторые — на отражение усредненного словарного запаса и правил его использования отдельной языковой личностью, средним носителем языка. Ясно, что первые имеют справочно-просветительское предназначение (ведь слово, которое хорошо знают, не ищут в словаре), а вторые — установку на обучение, активное овладение языком и поддержание знаний о нем, его эффективное использование. В крайних своих выражениях эти тенденции не воплощаются ни в каком словаре. Можно сказать, что к первой тенденции тяготеют, например, большие толковые словари, а ко второй — словари учебные. Само название *учебный* еще ничего не говорит об активном характере словаря. Например, словарь под ред. В. В. Розановой — учебный, а сделан системно-ориентированным и потому не может в полной мере выполнять основное назначение — быть инструментом активного овладения языком. То же — школьный словарь русского языка, полученный простым усечением, сокращением большого словаря.

Создание активного словаря связано с большими трудностями теоретического и практического характера. Дело в том, что этот тип словаря является принципиально новым для русской лексикографии, и постановка такой задачи продиктована одновременно и внутринаучными причинами. К внешним следу-

ет отнести возрастание роли русского языка в межнациональном и международном общении, которое требует от лингвистики создания условий для быстрого и эффективного овладения русским языком все увеличивающимся кругом лиц других национальностей. Внутринаучные причины связаны с перестройкой самой парадигмы современной науки о языке, с выдвиганием на первый план человеческого фактора, с разработкой теории носителя языка, субъекта, пользующегося языком, языковой личности в широком смысле слова. Лидерами здесь, надо сказать, выступают грамматисты, разрабатывающие выдвигавшиеся еще в двадцатые годы идеи активной грамматики, которая ныне известна как функциональная (иногда — «идеографическая») грамматика и которая организует материал «от значения — к форме». Соответствующий такой грамматике активный словарь призван облегчить обучающемуся процесс продуцирования речевых произведений. Проект учебного словаря активного типа, подготавливаемого в Институте русского языка АН СССР, предусматривает решение именно такой задачи. Но уже предварительные обсуждения его принципов показывают, какие сложности возникают на пути составителей. По сути дела такой словарь должен отражать в идеале механизм владения языком, который для науки в целом пока остается загадкой. Можно надеяться только, что эмпирическим путем, с опорой на лексикографическую практику и традиции, удастся найти приемлемое решение трудных вопросов, но даже сейчас, когда контуры словаря активного типа далеко не ясны, есть основания утверждать, что установка на активное овладение языком, на активный словарь несовместима с установкой на системный и, тем более, полный словарь. Это звучит парадоксально, а может быть, даже кощунственно, но, вероятно, это так. Впервые такая несводимость одного к другому — системного словаря к антропному — выявилась в писательской лексикографии, где парадокс части и целого, универсального (общезыкового) словника и идиолексикона (индивидуального словника) виден особенно отчетливо, но виден все же на фоне коммуникативной равноправности того и другого.

Итак, если мы в нашей науке неплохо представляем себе соотношения в парах «лексикография (словарь) и система языка», «лексикография (словарь) и общество», то проблема «лексикография (словарь) и человек» ждет своего исследования.

Ф. П. Сороколетов О СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА // Советская лексикография: Сб. ст. (Редкол.: Караулов Ю.Н. и др.) – М., «Русский язык», 1988. – 271 с. – С. 33 – 45.

В последние два десятилетия в нашей стране велась интенсивная работа по составлению словарей русского языка и выработке принципов лексикографии. Русской лексикографией советского времени накоплен значительный опыт в составлении словарей различных типов и назначений и прежде всего — дифференциальных толковых словарей, отражающих литературные нормы, с определенными принципами отбора материала и его интерпретации. Лексический состав русского языка, его семантическая структура представлены в толковых словарях с достаточной полнотой и объективностью (в них отражены по существу все уровни языковой структуры). Толковые словари явились также базой и основанием для создания серии отраслевых (одноаспектных) словарей (словари синонимов, антонимов, фразеологии, сочетаемости и т. п.); они обеспечили возможность развития особой отрасли — учебной лексикографии; заметно повлияли на оживление работы по созданию исторических, диалектных, этимологических словарей, словарей языка писателей и т. п.

Сейчас четко выделяются две тенденции в практике составления словарей русского языка: 1) работа над словарями, описывающими отдельные аспекты или фрагменты словарного состава; 2) создание «универсального» (многоаспектного) словаря. Но, как правильно отмечает Ю. Н. Караулов, эти тенденции в своем оптимальном выражении пересекаются во многих отношениях и в значительной мере совпадают. Наличие достаточно полных и хороших толковых словарей обеспечило возможность развития специализированных (одноаспектных) словарей, а развитие и совершенствование последних не замедлило сказаться на повышении требований к толковым словарям. Одноаспектные словари, глубже и всесторонне отражая определенные ярусы языковой системы, оказывают влияние на развитие более совершенной разработки лексических единиц в общих толковых словарях (здесь наблюдается взаимовлияние и взаимозависимость общего и частного).

Русская лексикография нашего времени отличается не только разнообразием типов и видов словарей, но и заметным усилением теоретических разработок лексикографических проблем, которые тесно увязываются с теоретическими проблемами лексикологии, семасиологии, грамматики, стилистики, фразеологии и др. отделов языкознания. Происходит, по словам В. Дорошевского, «интеграция языкозна-

ния как теоретической науки о языке, лексикологии как науки о словах, лексикографии как науки о способах классификации словесного материала и его представления в словарях».

В работах по теории и практике лексикографии исследованию и описанию подвергались также типы лексических значений, связь и соотношение грамматических форм и дополнительных лексических значений, проблемы синонимии, омонимии, антонимии, соотношений и связей слов на всех уровнях, исследованы многие лексико-семантические группы слов, словообразовательные гнезда, поднимались вопросы толкования значений и цитирования, нормативности и способов ее представления в словаре, изучались закономерности употребления слова в его синтагматических и парадигматических связях как элемента системы.

Это позволяет во многом по-новому подойти к решению лексикографических проблем, встающих перед современной филологией. А этот новый подход совершенно необходим, ибо, как справедливо отмечал В. В. Виноградов, «та громадная работа по лексикографии, по составлению словаря русского языка, которая проведена в советскую эпоху, нас уже не может удовлетворить, несмотря на свои очень большие достижения».

Пути дальнейшего развития русской лексикографии открывают довольно широкие перспективы для дискуссии по вопросам теории и практики словарного дела. Эти вопросы, естественно, должны быть увязаны с некоторыми проблемами общей лингвистики. Говоря о задачах лексикографии, необходимо учитывать целый ряд аспектов: традиции лексикографии, наличие словарей, их типы, назначение, запросы общества, степень разработки теоретических вопросов языкознания, сугубо практические стороны словарной работы (состояние картотечных фондов, возможности издания и т. д. и т. п.). Нелишне вспомнить и слова Л. В. Щербы о чрезвычайной нужде в хороших и целесообразно составленных словарях — подчеркнем — хороших и целесообразно составленных.

Если говорить о ближайших задачах, которые стоят перед русской лексикографией, то следует указать, прежде всего, на необходимость скорейшего завершения тех больших лексикографических предприятий, которые были начаты в предшествующие годы. Это переиздание БАС, окончание работы по составлению «Словаря новых слов советской эпохи», «Словаря русского языка 18 в.», «Словаря русских народных говоров», издание «Словаря русской фразеологии», «Словаря русского языка 11—17 вв.», «Словаря русского языка 11—14 вв.» и др.

Следует, однако, отметить, что при всей важности этих работ не они определяют перспективы лексикографического описания лексики русского языка.

В системе русских словарей, по-разному и с разных сторон описывающих словарный состав русского национального языка, некоторые звенья этой системы пока отсутствуют: это словарь лексической сочетаемости, словарь синтаксических конструкций (управлений), идеографический словарь, исторический словарь русского языка 19 в. Все более отчетливо ощущается необходимость создания словаря (или серии словарей) разговорного языка. Перечень недостающих словарей русского языка легко может быть продолжен. Однако здесь необходимо подчеркнуть другое — в русской лексикографии пока не создано основное звено системы словарей — нормативно-стилистический словарь современного русского литературного языка.

Создание такого словаря является первоочередной задачей в области практической лексикографии и представляет большие трудности, но именно в таком словаре в настоящее время ощущается наиболее острая нужда. <...>

Переиздание четырехтомного (МАС) и семнадцатитомного (БАС) академических словарей русского языка не снимает проблемы создания нормативного словаря, в котором современное словоупотребление было бы представлено в более строгих границах. В идеале этот словарь должен представлять собой тип функционально-стилистического словаря, в котором, по мысли В. В. Виноградова, все многообразие значений и смысловых нюансов слова, его возможных применений, его отношений к другим словам и группам слов сосредоточивается и объединяется в его функционально-стилистической характеристике [Виноградов, 1966]. Л. В. Щерба, как известно, высказывал мнение о том, что нормативно-стилистический словарь академического типа должен адекватно отразить лексико-семантическую систему современного литературного языка. <...>

Проблематика нормативного словаря современного языка связана с очень широким кругом вопросов структуры, объема, содержания и границ системы литературного языка. Известно, что эти вопросы у нас обсуждались, особенно в последние десятилетия, но пока нельзя еще говорить о принципах их описания в словаре как устоявшихся.

Самым трудным в создании нормативно-стилистического словаря является определение конкретных форм развития и совершенствования общенародного языка, пополнения словарного состава, выпадения отживающих элементов. Живые лексико-семантические процессы создают новое взаимоотношение активного и пассивного лексического фонда, новые стилистические и эмоциональные оттенки. Сложность и противоречивость лексической системы литературного языка с богатой и длительной исторической традицией затрудняет определение границ этой системы и выделение ее составляющих. <...>

А сейчас мне хотелось бы остановиться на некоторых проблемах, связанных с созданием такого словаря.

I. Одной из важнейших проблем, от решения которой зависит состав словаря и характер интерпретации фактов, является проблема, связанная с пониманием термина «современный язык». Известно, что для разных языков временные границы допустимого синхронного изучения будут различными. Бесспорно, что нормативный словарь должен отразить словоупотребление нашей эпохи и оценить разнообразный лексический материал с точки зрения действующих ныне норм, с учетом возможных их колебаний. Решение «нормализаторских» задач в словаре связано с рядом трудностей, объясняемых изменчивостью, динамичностью литературного языка и его норм. Живые нормы литературного языка складываются исторически, непрерывно и постоянно. Одни из них вполне совпадают с исторической традицией, другие изменились, противоречат ей. Следует подчеркнуть, что в нормативном словаре нужно показать не историю сдвигов и изменений, не историю формирования этих норм, а то, что является нормой теперь. Точность и доказательность показа и квалификации этих норм зависит от правильной точки отсчета для привлекаемых фактов (источников). Представляется, что для этого словаря, с одной стороны, необходимо сузить хронологические рамки понятия «современный русский литературный язык» (как это уже предлагалось многими исследователями), ограничив их советской эпохой, вернее — второй половиной двадцатого века. С другой стороны, понятие «современный литературный язык» должно быть несколько расширено, так как в наше время необычайно расширились и усложнились функции литературного языка, изменилась роль различных функциональных стилей в формировании норм. Так, в отличие от 19 в., когда русский литературный язык и язык русской художественной литературы во многом совпадали, когда язык художественной литературы играл решающую роль в формировании норм литературного языка, русский литературный язык наших дней, его нормы формируются в значительной мере под воздействием языка научных, научно-популярных, публицистических произведений, языка прессы, научно-деловой и разговорно-литературной речи. Наука в наши дни стала решающей силой и поэтому естественно, что та система средств выражения, которой она пользуется, все шире, свободнее и прочнее входит в жизнь. Вместе с тем, все заметнее становится «возмущающее» устоявшиеся нормы влияние внелитературного просторечия и даже жаргонов. Об этом с полным основанием можно судить по серии словарей «Новые слова и значения» и словарных материалов «Новое в русской лексике», выпускаемых словарным сектором Института русского языка АН СССР.

II. Изменились и социальные и общественные функции русского языка наших дней. Русский язык стал языком межнационального и интернационального общения. <...> Это обстоятельство также определяющим образом должно влиять на характер будущего словаря, его цели и задачи.

III. Мне представляется, что характер будущего словаря должно определять усиление его активного аспекта. Это требование все более утверждается в практике не только советской, но и мировой лексикографии.

Наши толковые словари при всех их различиях отличает одно общее качество — они показывали, что то или иное слово значит, но не указывали, как это слово употреблять. Это обстоятельство было отмечено еще в начале 19 в. и до сих пор не потеряло своей актуальности <...>.

Новый словарь должен быть словарем активного типа. Это принципиально определяет все аспекты и стороны словаря. Создание такого словаря связано с большими трудностями теоретического и практического характера. Дело в том, что тип такого словаря является новым и для нашей и для мировой лексикографии, ибо последовательно, до конца активного словаря не знает еще ни одна лексикография (так же как нет «чистого» пассивного словаря). Впрочем, вероятно, последовательно ни один принцип и не может быть проведен — здесь важна основная направленность.

Все наши толковые словари являются пассивными, хотя они содержат в себе и элементы активного словаря. Если же говорить о приоритете, то вопрос об активном и пассивном описании языка, задолго до западной филологии, был поставлен у нас акад. Л. В. Щербой, который показал на материале синтак-

сиса, что если мы идем от форм к значениям, то это пассивное описание синтаксиса, а если мы идем от содержания, от мысли к формам, то это активный синтаксис.

Активный словарь призван облегчить читателю непосредственное воспроизведение речи, выбор нужного слова и правильное его употребление. Поэтому такой словарь должен содержать сведения о формально-грамматических, словообразовательных, семантических, стилистических, сочетаемостных свойствах слова, об особенностях его употребления в речи.

<...>

IV. Если говорить о создании словаря нового типа, то эта новизна должна коснуться прежде всего такого структурного компонента словаря, как словарная статья, ее объем информации о слове.

Толковые словари русского языка включают в себя достаточно обширную, комплексную характеристику слова: определение лексического значения, грамматическую характеристику, сведения о парадигме, орфографической норме, ударении, стилистической характеристике, управлении и т. д. По подсчетам Ю. Н. Караулова, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова получили последовательное отражение 38 параметров, и 6 параметров отражены частично из общего числа лексикографируемых в русском языке около 70 параметров. Таким образом, в Словаре Ушакова отражены две трети структурных черт русской лексики. Это же можно сказать и о БАС, и о МАС. Следовательно, в существующих толковых словарях русского языка слова получают достаточно полную и всестороннюю характеристику.

Если говорить о создании нового словаря с учетом необходимости придания ему активного и «универсального» характера, необходимо соблюдать два условия: а) расширить объем информации о слове (увеличить число лексикографируемых параметров) и б) стремиться к последовательному проведению заданной программы отражения структурных особенностей лексического состава (наши словари не отличаются такой последовательностью).

В современных словарях заметно стремление к всеобъемлющей статье, статье, в которой раскрывались бы все аспекты слова, давалась бы его полная характеристика. В результате словарная статья увеличивается в своем знаковом объеме, что вовсе нежелательно.

<...>

Количество параметров, которые могут быть «лексикографированы», трудно исчислить (во всяком случае, их число может простираться далеко за пределы 70). Их количество может быть регламентировано задачами словаря, его адресатом, степенью изученности структурных черт словарного состава, объемом словаря и т. п. Среди известной совокупности таких параметров целесообразно выделять обязательные и факультативные. К обязательным параметрам современного толкового словаря необходимо отнести: орфографический, акцентологический, орфоэпический (для определенных категорий слов), грамматический (часть речи, категориальные характеристики слова как части речи и др.), семантический, стилистический, ареальный, фразеологический, синтагматический, иллюстративный, нормативный, синонимы, антонимы, словообразовательный.

К факультативным относятся следующие сведения (параметры): этимология, ассоциативы, паронимы, гиперонимы, тематические соответствия, лингвострановедческий аспект, статистические сведения, библиографические сведения, лексикографические сведения, рифма, картинный параметр и др.

Одним из важнейших условий активного владения языком является умение «связывать» слова друг с другом для выражения тех или иных мыслей. Этому способствует показ в словаре сочетаний слов, отражающих действующие в языке лексические и грамматические нормы. Речь идет о показе не фразеологии в собственном смысле, а наиболее употребительных свободных сочетаний, важнейших регулярно воспроизводимых сочетаний, которые позволяют экономно и, вместе с тем, достаточно полно описать употребление слова в определенных ситуациях. Вспомним, что, как справедливо отмечает Н. Ю. Шведова, сочетаемость не безразлична к значению слова, она прямо с ним соотносена. Семантические связи слова проявляются и на парадигматической оси языка: это традиционно выделяемые синонимы, антонимы, синтаксические дериваты, лексические конверсивы, гипонимы и др. разряды слов.

Показ особенностей употребления слова в его синтагматических и парадигматических связях как элемента системы приведет к установлению наиболее типичных реализации значения.

Необходимо поэтому ввести в словарь элементы словаря синонимического, антонимического, паронимического, орфоэпического, словаря сочетаний слов, словаря трудностей (ортологического). В настоящее время это вполне возможно.

Необходимо отразить лексико-семантические и тематические группы, насколько это позволит изученность распределения словарного состава русского языка по этим категориям.

Словарь используется самыми широкими слоями читателей как справочник. Он тем лучше выполнит свое назначение, чем больше информации о слове будет заключать в себе. В этом отношении следует подчеркнуть необходимость отражения в словаре правописания, произношения и форм изменения слова. Если орфографическая форма слова хорошо представлена во всех русских словарях, то сведения о произношении даются крайне непоследовательно или совсем не даются (как, например, в БАС, в МАС). Между тем читатель вправе получить ответ, как правильно произносить: темп или тэмп, тенденция или тэндэнция, агрессор или агрэссор, молочница или молошница и т. д. Хотя русская орфография довольно адекватно отражает произношение, однако случаев колебаний, вариантов достаточно и в русском языке.

Естественно, что многие аспекты содержащейся в словаре информации неизбежно должны претерпеть известную трансформацию, для них нужно выработать новую форму презентации, определить глубину отражения в словаре. Так, например, известно, что цитаты должны иллюстрировать сочетаемость слов, следовательно, желательнее было бы представить в словаре как можно больше цитат, но сразу же встает вопрос об объеме издания. Вот почему увеличивая число составительских цитат, следует приводить их не целиком, а только сочетания с указанием автора (западные словари этим широко пользуются). Это позволит шире показать сочетаемость слов, которая в русском языке чрезвычайно разнообразна, прихотлива и вызывает затруднения даже для русского, не говоря уже о тех, для кого русский язык является иностранным. <...>

Итак, необходимо отчетливо уяснить: 1) объем словаря; 2) источники; 3) принципы описания основной словарной единицы, характер ее подачи и упорядочения: отношение к орфографическим и орфоэпическим вариантам, к значению (проблема семантики), к значению многозначных слов (проблемы семантической деривации); к функционально-стилистической дифференциации лексики (стилистические и др. пометы), к цитатному материалу, к справочному аппарату (этимология, картинки, таблицы, грамматическое и фонетическое приложения, списки антропонимов, топонимов, гидронимов и т. п.). Огромную роль играет организационно-техническая сторона.

Пути развития русской лексикографии могут быть правильно осознаны лишь в свете общих задач развития советской науки в целом и прежде всего в свете перспектив дальнейшего развития исследований в области языкознания, литературы, материальной культуры, истории и искусства народов нашей страны. Лексикография, затрагивающая вопросы о национальном литературном языке, о его формировании, развитии и функционировании — это та область изучения речевой культуры народа, в которой объединяются задачи и достижения всех лингвистических дисциплин.

Одной из важнейших задач советской лексикографии, решение которых должно обеспечить новый подъем лексикографической теории и практики, должно быть дальнейшее и все более глубокое проникновение общезыковедческих исследований в лексикографию. Прививка достижений языкознания лексикографии совершенно необходима в силу больших успехов науки о языке. Впрочем, не менее необходима и прививка лексикографических достижений теории языкознания. Без этих условий будет страдать и теоретическое языкознание, и лексикографическая практика. Без соблюдения этих условий трудно рассчитывать на полное и адекватное научное раскрытие существа языковых явлений и в лексикографии, и в теоретическом языкознании.

Б.Ю. Городецкий ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М., «Прогресс», 1983. С. 5 – 22.

1. СЛОВАРЬ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Не будет преувеличением сказать, что словари являются древнейшим видом лингвистической продукции. Достаточно вспомнить глоссы Шумера и Китая, глоссарии к ведам в Древней Индии, хеттские таблички и т. д. По крылатому выражению Сэмьюэла Джонсона, словари подобны часам: обладать худшими из них лучше, чем не иметь никаких; но и о лучших из них мы не можем утверждать, что они абсолютно точны. Современный размах словарной индустрии характеризуется как количественным, так и качественным ростом. Значительных успехов добилась в последние годы советская практическая лексикография.

Каково же состояние «научного обеспечения» словарного дела? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен. словарь является одновременно и объектом лексикографической деятельности, и предметом изучения в лексикографической теории. Если осмысление его свойств в историческом плане и продвинулось до определенного уровня обобщения, то этого нельзя сказать о разработке оптимальной стратегии создания новых словарей, отвечающих требованиям современной научно-технической революции. Главная проблема такой стратегии — это проблема обоснованности словарей как с точки зрения их состава, так и в плане адекватности подаваемой в них информации.

<...>

Прежде чем определить методологический статус лексикографии как научной дисциплины, укажем границы ее объектной области. Типология словарей, начиная с классической работы Л. В. Щербы, неоднократно служила предметом рассмотрения лексикографов. Ниже приводятся типологические признаки, характеризующие состав отражаемой в словарях информации и непосредственно подводящие тем самым к проблеме ее обоснованности:

- 1) Отражается ли в словаре только формальная или также семантическая информация о единице описания?
- 2) Какой аспект семантической инвентаризации языка отражает словарь? (Главное подразделение здесь касается инвентаризации лексико-семантического или морфо-семантического уровня и, далее, каждого из них — либо в парадигматическом, либо в синтагматическом аспекте.)
- 3) Является ли словарь нормативным или описательным?
- 4) Какой хронологический период он охватывает?
- 5) Стремится ли он отразить язык «в целом» или определенные подъязыки (социально-территориального характера)?
- 6) Какова степень охвата лексики языка (подъязыка)?
- 7) Какая грамматическая информация дается об описываемых единицах?
- 8) Какие используются стилистические пометы?
- 9) Какой тип толкования (определения, дефиниции) используется в словаре?
- 10) Включается ли энциклопедическая информация?
- 11) Объясняется ли мотивированность описываемой единицы?
- 12) В какой мере учитываются семантические отношения?
- 13) Показывается ли реализация единиц в контексте?
- 14) Указывается ли происхождение (история) единиц?
- 15) Привлекаются ли количественные характеристики единиц и их значений?
- 16) Каков порядок расположения единиц в словаре (в частности, по формальному или семантическому принципу)?
- 17) Имеются ли в словаре указатели?
- 18) Даются ли металингвистические сведения (история изучения, разные трактовки и т. п.)?
- 19) Производится ли генетическое сопоставление единиц и их значений с родственными языками?
- 20) Производится ли типологическое сопоставление материала неродственных языков?

С помощью этих признаков можно дать многостороннюю характеристику любому словарю: частотному, обратному, синонимическому, словообразовательному, этимологическому, фразеологическому и т. д.

Таким образом, лексикография в широком смысле охватывает все множество инвентарей языковых единиц с приписанной им информацией того или иного рода. Конечно, наиболее богата и сложна для отражения семантическая информация. Встает вопрос: можно ли мыслить создание глобального словаря, описывающего все смысловые свойства единиц языка (пусть хотя бы лексических)? <...>

2. ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Лексикография как научная дисциплина носит, несомненно, комплексный характер: ее историко-филологический аспект проявляется в постоянном интересе к типологии словарей и их связи с культурой, ее гносеологический аспект обусловлен сущностью словарей как способа организации и представления знаний, накопленных обществом, ее семантико-лексикологический аспект связан с обобщением словарных данных в русле моделирования плана содержания языка. Но все же определяющей чертой лексикографии является ее прикладная направленность, ибо все многообразие упомянутых выше типов словарей получает необходимую практическую ориентацию лишь в случае наложения на него функ-

циональной типологии семантических инвентарей, то есть типологии, исходящей из целеустановки, предназначения словаря.

Будучи прикладной дисциплиной, лексикография разрабатывает оптимальные средства для выявления и фиксации семантических фактов в определенных практических целях. Центральным понятием этой дисциплины становится представление о лексикографической деятельности, центральной проблемой — обоснование различных этапов такой деятельности. Словари используются как для собственно лингвистических, так и для экстралингвистических целей. Задачи, решаемые с помощью словарей, охватывают сегодня самые разнообразные области науки и практики: преподавание родного и иностранных языков, перевод, теория и практика научно-технической информации, теория массовой коммуникации, проблемы искусственного интеллекта, проблемы управления, социология, этнография, поэтика и многие другие. Соответственно складываются особые типы словарей, среди которых наиболее известны нормативные, учебные, переводные, терминологические, ономастические, этимологические и т. д. К недавно возникшим, но составляющим уже огромное, множество хранящихся в машинной памяти инвентарей относятся словари машинного перевода, информационно-поисковых систем, интеллектуальных роботов. Все они различны по составу информации и по точности ее представления. В лексикографии не может быть универсальных решений традиционных лексикографических проблем (омонимия и полисемия, значение и понятие, значение и суждение, словарь и речевая деятельность, семантические поля и тезаурусы). Эти проблемы должны решаться в рамках различных задач по-разному.

Сказанное не означает приуменьшения роли теории. Наоборот, эффективность приложений определяется адекватностью наших знаний о природе объекта. <...>

3. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Итак, среди разнообразных проблем лексикографии сегодня на передний план выдвигаются вопросы, связанные с организацией самой лексикографической деятельности. Все эти вопросы подчинены одной сверхзадаче — повышению уровня обоснованности создаваемых словарей. Следовательно, внимательному рассмотрению должны быть подвергнуты все операции (процедуры) лексикографической работы. <...> Сегодня уже недостаточно сделать *какой-нибудь* словарь — необходимо обосновать его адекватность; нужно показать, *как* ее добиться. Тем самым первостепенную важность приобретает разработка методов лексикографической деятельности. <...>

Лексикографическая деятельность распадается на ряд этапов. Их примерная последовательность такова:

- I. Разработка системы требований, касающихся внешних параметров словаря (его назначения, круга потребителей, способов использования, информационной области и т. п.).
- II. Разработка системы требований, касающихся внутренних параметров словаря (единиц описания, основных свойств метаязыка, объема, структуры, видов словарной информации и т. п.).
- III. Формальная инвентаризация выбранных подязыков (отбор текстов, характеристика грамматических форм, составление предварительных словников, расписывание контекстов и т. д.).
- IV. Экспериментальное исследование семантики описываемых единиц (дистрибутивный анализ текстов, проведение тестов с носителями языка и т. д.).
- V. Обобщение экспериментальных данных.
- VI. Построение дефиниций на соответствующем метаязыке и их проверка в ходе новых экспериментов.
- VII. Сбор и систематизация дополнительной информации о каждой словарной единице.
- VIII. Оформление словарных статей.
- IX. Системный анализ и упорядочение словарных статей.
- X. Оформление словаря в целом, включая вспомогательные указатели (или машинная реализация словаря).

Если обратить внимание на относительную важность этих этапов, то, разумеется, на первое место мы должны будем поставить экспериментальное исследование семантики и связанное с ним построение дефиниций. Затем нужно назвать этап выявления дополнительной информации о слове. Наконец, немаловажен и плане обоснованности словаря этап обоснования его состава (словника), начиная с разработки систем требований и кончая формальной инвентаризацией текстовых массивов. Приведенная оценка относительной важности этапов условна. Все названные задачи в конечном итоге связаны с повышением уровня объективности словаря как результата лексикографической деятельности.

<...>

Как указывалось выше, лексикографическая деятельность по своей сущности может быть определена как семантическая инвентаризация языка (или подязыка). Раскроем эту сущность более подробно.

Дать абсолютно полное описание семантической структуры языка можно только в идеале: имеющиеся трудности связаны как с глубиной, так и с шириной описания. Поэтому реальные описания являются ограниченными.

На пути к полному и адекватному описанию первым шагом является инвентаризация семантических фактов. Она не всегда делается в явном виде. Но для многих задач такой шаг необходим именно в явном виде. Инвентаризация семантики — это составление определенного набора семантических инвентарей (словарей).

Семантический инвентарь (СИ) — это определенным образом упорядоченный перечень всех семантических объектов определенного класса, зафиксированных с помощью некоторого метаязыка с заданной точностью и эксплицитностью. Виды семантических инвентарей могут различаться в зависимости от того, какие семантические объекты фиксируются, на каком метаязыке они описываются, какова степень точности и эксплицитности описания, каков порядок расположения объектов в инвентаре. Как подсказывает практика, в инвентарях могут фиксироваться семантические единицы и их классы, семантические отношения, семантические комплексы и последовательности семантических комплексов.

В чем же состоит разница между полным описанием семантики и ее инвентаризацией? Прежде всего в степени факультативности. Если в первом случае она минимальна, то во втором она может сильно колебаться в зависимости от целей инвентаризации, которые определяют набор составляемых инвентарей. Хотя каждый данный СИ и включает все объекты определенного класса, набор инвентарей может быть более или менее далек от охвата всех вообще семантических объектов. Для каждой данной инвентаризации характерна целенаправленная выборочность инвентаризируемых аспектов семантической структуры. Этим и оправдывается роль инвентаризации как первой (для некоторых целей — и последней) ступени в последовательном описании семантики: отвлекаясь от полноты общей картины (особенно от взаимосвязей ее частей), она дает исчерпывающий состав отдельных фрагментов.

Далее, отмеченная факультативность касается и степени подробности (глубины) описания семантических объектов. При разных целях инвентаризации может фиксироваться разная степень подробности.

Другая существенная черта: при инвентаризации часто оказывается естественным и удобным уделять сравнительно мало внимания семантическим отношениям как таковым, составляя лишь инвентари семантических единиц и комплексов, с тем чтобы на более высоких этапах семантического описания выявить и описать все отношения в зафиксированном множестве единиц и комплексов.

Еще одна черта инвентаризации — ограниченная обобщающая сила; ведь перечень элементов (пусть даже заданный в виде исчисления) — далеко не самый объяснительный способ описания. Однако разумно организованный инвентарь может сильно облегчить и ускорить обобщение зафиксированных данных.

Выделение этапа инвентаризации в семантическом описании позволяет тем самым выделить этап частично алгоритмизуемой работы, не требующей во всех вопросах высокой лингвистической квалификации. Такое разделение труда удобно в лабораторных коллективах, особенно в прикладных областях, и способствует применению ЭВМ.

Каждый СИ задается определенным идентификатором, описывающим совокупность признаков, с помощью которых о любом семантическом объекте можно сказать, входит он в данный СИ или нет. В инвентарь должны входить те, и только те, объекты, которые удовлетворяют его идентификатору.

На СИ естественно наложить следующие интуитивные общие требования: 1) однородность (в нем должны фиксироваться однородные объекты); 2) полнота (он должен полно охватывать какой-либо класс объектов); 3) равномерность (семантические объекты в нем должны быть описаны равномерно, с одинаковой степенью подробности, расчлененности); 4) различительная сила (все фиксируемые объекты должны быть различимы с помощью применяемого метаязыка). Разумеется, частные виды СИ подчиняются своим системам требований.

Выбор системы требований, предъявляемых к конкретному словарю в соответствии с его целевой направленностью, во многом определяет его состав, строение и форму представления. Важно подходить к созданию словаря с самых общих позиций, чтобы с самого начала выбирать оптимальные решения из принципиально возможных.

Поэтому необходимо знать, какие вообще требования могут предъявляться к словарю, как они связаны между собой, какова их относительная важность, какие из них зависят от специального исследования в каждом конкретном случае. Иначе говоря, желательно иметь полную систему возможных частных требований, т. е. исчисление требований. Наряду с их теоретической разработкой необходимо экспериментально изучить их влияние на структуру словаря. Исчисление требований может служить основой для классификации словарей, а также для выработки критериев оценки различных словарей с точки зрения степени соответствия тем или иным требованиям.

Тщательная лексикографическая деятельность предполагает детализацию процедур, осуществляемых составителем словаря. В отличие от основных этапов, число процедур велико. Укажем для примера некоторые их классы.

- Процедуры отбора исходных объектов лексикографического описания. Они имеют ту или иную специфику в зависимости от того, берется материал одного языка (диалекта) или группы языков (диалектов), отбираются лишь лексемы или также и фразеологизмы, включается ли терминологическая лексика и т. д.

- Процедуры предварительной фиксации анализируемых значений и употреблений. Эти процедуры варьируются по характеру учитываемой информации (понятийной, эмоциональной, денотативной, оценочной и т. д.), по степени формализации первичного метаязыка, по способам обработки энциклопедической информации.

- Процедуры выявления объективных семантических свойств описываемых единиц. Здесь встают такие вопросы, как характер используемых эмпирических данных (словари, полевые эксперименты и т. д.); тип подструктуры, в рамках которой ведется анализ; пути использования дистрибуции и синтагматических связей единиц; использование перифразирования, логических приемов; критерий необходимости и достаточности.

- Процедуры описания системных свойств словаря (примыкающая сюда обширная теория тезаурусов в данном сборнике не затрагивается).

4. ОБОСНОВАНИЕ ДЕФИНИЦИЙ

Итак, обратимся к центральному этапу лексикографической деятельности — обоснованию дефиниций. Как отмечал В. В. Виноградов, «самая методика выделения значений слов и их определения остается малоразработанной». Как показывает опыт последних десятилетий, такого рода методика должна прежде всего опираться на «оценочное чувство правильности или неправильности того или иного речевого высказывания». Эксперименты с участием информанта при исследовании значений позволяют сделать «несомненные выводы об этих значениях и даже об их относительной яркости» (он же). По мысли Л. В. Щербы, немаловажными являются и отрицательные результаты экспериментов: «Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании...».

<...> В экспериментальных работах получает новый импульс к своему развитию ставший уже традиционным в лексикологии метод компонентного анализа.

<...> Обоснование дефиниций связано, с одной стороны, с адекватностью компонентного метаязыка, а с другой — с адекватностью процедур полевого исследования семантики, использующих знания носителей языка.

Компонентный метаязык, служащий для толкования значения слов, имеет много модификаций. Прежде всего интерес представляет вопрос о статусе семантических компонентов. Общеизвестно, что в генеративистской концепции признается универсальность компонентов, то есть их надъязыковой, ментальный характер (что как раз и является обоснованием вообще возможности компонентного подхода к универсальной грамматике). Наряду с принципом универсальности иногда провозглашается принцип полного разложения значения слова. Данному подходу противостоит «прагматическая» точка зрения большинства лексикологов и лексикографов; последние понимают компоненты как лингвистические конструкты, соответствующие критерию удобства при отражении семантики слова.

Рассматривая формальные особенности компонентного метаязыка, нетрудно заметить, что в нем могут использоваться как двоичные признаки, так и признаки континуального характера (с постепенной градацией); часто различаются простые и производные компоненты. У некоторых авторов компоненты отождествляются со словами и выражениями естественного языка, которые встречаются в дефинициях толковых словарей. Однако стремление к эксплицитности описания значения слова заставило исследователей обратиться к описанию компонентов с помощью предикатных форм.

Синтаксис компонентного метаязыка характеризуется разной степенью связанности компонентных представлений. Компоненты в компонентном представлении различаются по их синтаксическим функциям; имеются специальные правила объединения комплексов в более крупные семантические представления; при этом, как правило, порядок компонентов в комплексе оказывается значимым. <...>

Полевая семантика направлена на совершенствование лексикографических работ, а также процессов, связанных с другими аспектами практических задач по описанию плана содержания языка. Особенно актуальны сегодня проблемы лексикографии малоописанных языков, требующих для своего решения эффективных методов полевого семантического исследования.

<...>

5. ДИАПАЗОН СЛОВАРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

При всей важности дефиниции как ядра словарной информации необходимо признать, что другие виды сведений, выходящие за рамки собственно дефиниции, составляют неотъемлемую часть многих типов словарей. Разнообразие такого рода сведений столь велико, что невозможно перечислить их здесь даже в конспективном виде. Говоря совсем обобщенно, мы можем свести эти сведения к системно-языковым, понятийно-логическим и сопоставительно-типологическим связям слова. Последствия игнорирования таких связей образно обрисованы Х. Касаресом: «Как только мы вырвем слово, изолируем его из предложения, в котором оно было употреблено, и положим на анатомический стол, мы убедимся, что слово утратило жизненную силу, превратившись в объект анатомического исследования, столь же инертный, как отделанный от тела орган».

<...>

6. ОБОСНОВАНИЕ СЛОВНИКА

Проблема формирования словника волновала ученых на всем протяжении истории лексикографии. Эта проблема теснейшим образом связана с понятием нормы, с границами литературного языка, с описанием диалектов и профессиональных языков. Глубокий и сложный научный вопрос, лежащий в основе дискуссии на эту тему, сводится к следующему: какая языковая система отражается в каждом данном словаре? Ответ на этот вопрос должен вытекать из объективного обследования условий существования языка. <...> Диалектика языкового существования (и ее отражение в словаре) получает научное освещение, во-первых, на основе исследования социально-стилевых типов речи и, во-вторых, на базе широких эмпирических обобщений, производимых с применением современной вычислительной техники. <...>

<...>

Дальнейшие перспективы лексикографии включают теоретическое уточнение ее понятий, совершенствование методик, расширение экспериментальных исследований.

А.С. Герд К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СЛОВАРЬ» // Проблемы лексикографии: Сборник ст. / Под ред. А.С. Герда и В.Н. Сергеева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1997. – 204 с. стр. 191-203.

Настоящая статья посвящена не спорам о типологии словарей, а только одному общему вопросу «Что такое словарь как тип книги, как полиграфическое произведение?» Примем в качестве общих исходных и недискутируемых ниже следующие положения. **1. Словари бывают филологические и энциклопедические. Первые описывают слова и другие единицы языка как элементы конкретной языковой системы. Вторые — через слово характеризуют понятия и предметы, стоящие за ними. 2. В качестве единицы описания в словаре могут выступать отдельные слова, слова-морфемы, словосочетания, предложения, сокращения слов и словосочетаний. 3. Словари могут быть организованы, построены по алфавитному, гнездовому, идеографическому, тематическому принципам или путем комбинации этих способов. 4. Обычно единицы словаря снабжены той или иной семантической информацией. Она может быть задана эксплицитно в виде определений, описаний, но может быть представлена и имплицитно (семантика термина в информационных тезаурусах; слова, расчлененные на морфемы в словаре морфем; характер цитат в словаре-конкордансе) или в на-**

звании словаря (орфографический словарь, словообразовательный словарь, словарь рифм, словарь ударений).

Исключение одного из этих положений механически приводит к исключению из разряда словарей тех или иных конкретных филологических или энциклопедических словарей.

Однако принятие этих положений все же не отвечает на вопрос «Что такое словарь? В чем его специфика?»

По-видимому, ни материал, ни факты, ни предмет описания не составляют специфики словаря. История любого понятия или слова типа «торговля», «время», «движение» гораздо более полно, чем в словаре, может быть описана в жанре монографии или статьи. Таким образом, предмет описания словаря, его содержание как раз и не составляют специфики словаря и также не дают ответа на поставленный выше вопрос.

С одной стороны, традиционный тип словарей представлен классическими филологическими толковыми и переводными словарями. Во всех таких словарях достаточно четко выделяется левая и правая часть. В левой части, на входе — анализируемое слово или словосочетание, и справа от него следует та или иная информация об этом слове. В максимальном виде — это произношение, как в большинстве английских и американских словарей, грамматические формы, общая грамматическая характеристика, значение слова, его стилистические параметры, иллюстрации, нередко этимология или справки по истории слова. <...>

С другой стороны, современная лексикография знает большое количество разных видов энциклопедических словарей от больших многотомных, национальных и международных, энциклопедий до отраслевых и тематических энциклопедических словарей, словарей географических названий, <...>.

Камнем концептуального преткновения оказываются объекты научно-технической лексикографии.

Сегодня вряд ли кто будет отрицать исключительное значение терминологических словарей. Без них невозможно ни развитие разных отраслей знания, ни современное международное общение в самых разных областях. В любом хорошем толковом словаре современного языка мы находим немало терминов. Разница только в том, что в толковом словаре таких слов немного, а в специальных отраслевых словарях их большинство.

В то же время уже терминологические словари обычно включают в себя не только термины-слова, но и такие типы единиц, как словосочетания разных типов, условные символы, формулы, сочетания символов и слова. Но если традиционная лексикология и постулирует факт существования терминов, то она обычно имеет в виду под термином только особые слова, уже реже словосочетания и закрывает глаза на другие типы единиц, описываемых в терминологических словарях.

Для лексикографии, однако, сложность вопроса в том, что бок о бок с терминологическими и энциклопедическими словарями существует огромный фонд справочников, в которых основным объектом описания выступают как раз не типичные термины, а множество различных по характеру единиц, активно функционирующих в современном внутриязыковом и межъязыковом общении.

Мы любим повторять тезис о том, что язык — это сложная семиотическая система, что слово является типичным знаком и тут же умалчиваем или не обращаем внимания и закрываем глаза на то, что именно как в семиотической системе в современном языке функционируют самые разные знаки. К таким знакам относятся и собственные имена, но также и все бесконечное многообразие номенов (идентификаторов). Это, например, названия машин, приборов: тракторы — К-700, ДТ-20, борона — БНВ-3, Лазер-315, названия журналов, издательств, сортов культурных растений — Орион-350, ВИР-25 (сорт кукурузы), это и профессионализмы, пришедшие в язык из профессиональной разговорной речи специалистов *драконова кровь* 'красная смола', *пьяное зерно* 'фузарионное зерно'

(примеры З.И. Комаровой), *ляп* 'опечатка', *бронза* 'бронзовый век', условные символы в биологии, ботанике, математике, физике, химии, в метеорологии, геологии, знаки на разных типах карт в картографии, товарные знаки, символы, сокращения на товарах, этикетках, упаковках, это множество условных знаков в официальных общественных местах. <...>

В языке науки — это также многочисленные иноязычные выражения, клише латинских и греческих слов. Многие из таких сокращений, знаков, символов гораздо более устойчивы, чем отдельные номены. По-видимому, не случайно многие словари общего типа последних лет включают такие знаки в виде приложений к тексту.

Различные типы современной устно-речевой, письменной коммуникации постоянно требуют новых компрессированных форм передачи информации. Новые виды общения, новые и, как правило, дорогие технические каналы связи (радио, ТУ, телефон, факсы, e-mail, Интернет и др.) диктуют появление новых типов текстов, текстов, насыщенных терминами, аббревиацией, символикой, языковыми штампами. Именно эти знаки в сложном сочетании с единицами основного словарного фонда естественных языков и составляют сегодня специфику коммуникации в современном мире, и в особенности — информационных коммуникаций в специальных сферах (наука, техника, бизнес).

Именно практика, потребности делового общения вызвали к жизни различные справочники, где в большом количестве представлены такие единицы. Специфика и парадокс этих справочников заключается в том, что структурно, внутренне они строятся чаще всего в словарной форме — либо по алфавиту, либо на идеографической основе. <...>

Словник этих справочников чаще всего составляют упорядоченные по алфавиту и тематически названия изданий, международных организаций, стран, компаний, фирм, отраслей промышленности. Бесспорно к идеографическим словарям смешанного типа относятся классификаторы, которые содержат как нарицательные наименования объектов, так и номенклатуру.

Итак, по всем параметрам такие справочники ничем не отличаются от некоторых филологических и энциклопедических словарей. В качестве основных единиц описания в них выступают слова, чаще словосочетания, аббревиатуры, реже предложения, обычно это собственные имена, номенклатура, единицы, стоящие на грани имен собственных и нарицательных, условные знаки.

В качестве семантической характеристики в них редки развернутые определения, толкования, но широко представлена семантизация информационно-дейктического характера (адреса, телефоны, фамилии, описания функций, статистические показатели, характеристики объекта). По структуре такие справочники представляют собой обычно сочетание идеографического (тематического) принципа и алфавитного, приближаясь в этом отношении к словарям смешанного типа.

Из всего сказанного логически вытекает, что различные виды информационных справочников, построенных по алфавитному, идеографическому или смешанному принципам, следует отнести к словарям. Такие словари составляют предмет научно-технической лексикографии, а их материал — терминоведения как части прикладного языкознания.

Для того чтобы более полно ответить на вопрос «Что такое словарь и в чем его специфика?», задумаемся над другим вопросом «Почему, действительно, сегодня именно словарь, словарная форма как тип издания все чаще привлекают самых различных специалистов?»

Как форма представления данных словарь насквозь системен. Он системен изнутри, так как строится по определенным заранее заданным принципам, которые уже сами по себе образуют чисто лексикографическую систему. Система словаря проявляется как в его макроструктуре, так и в микроструктуре отдельных фрагментов, в строгости и однотипности построения словарных статей, частей словаря, помет, отсылок. В разных формах своей реализации словарь отража-

ет и представляет систему языка, а через нее и систему объектов. Для того чтобы извлечь те или иные сведения из словаря, читатель, пользователь не обязан даже просматривать весь словарь, все его тома. Благодаря самой внутренней структуре такой книги, как словарь, он достаточно легко и быстро находит для себя те или иные данные, наводит какую-то справку. При этом тут же проявляется и свойство обратимости словаря, в особенности, если он имеет ряд дополнительных входов. Например, в идеографическом словаре читатель сначала находит все слова, обозначающие то или иное понятие, а при необходимости, через дополнительный индекс всех слов — и все понятия, связанные с данным словом.

Во фразеологическом словаре мы по форме находим крылатое выражение, фразеологизм, а через дополнительные индексы и все выражения, в которые входит то или иное слово.

В частотном словаре — по частоте находим слово с частотой N, а по алфавитному индексу слов с их частотами — какие слова какими частотами обладают. Обратимы и все машинные компьютерные словари.

В современной жизни очень часто знания бывают нужны не в полной развернутой форме, а в их компрессированном обобщенном виде. Например, мне нужны самые общие сведения о каких-то языках, народах или о том, что такое биоэнергетика или иммобилизация клеток; у кого-то нет времени разыскивать специальные исследования по этому вопросу, кому-то они трудны. Именно здесь и приходят на помощь сокращенные формы представления информации в словарях.

В то же время по полноте, содержательности, точности и достоверности информации словари бесспорно занимают первое место среди других форм, представляющих данные в сжатом виде (реферат, аннотация). Словари отличаются тем, что в компрессированной форме они обычно содержат информацию энциклопедического типа, информацию об основных существенных признаках понятия.

При всей строгости своей структуры в то же время словари выделяются достаточно широкой свободой варьирования внутренней микроструктуры. Так, в ряде типов словарей, помимо левой и правой части, выделяется небольшое вертикальное подполе, где приводятся те или иные дополнительные сведения.<...>

Иногда словарь может быть разделен на две части; в первой части приводятся слова по алфавиту, а вторая содержит только сводные схемы, рисунки, на которых цифрами указывается анализируемые объекты, и тут же еще раз под этими цифрами приводятся все синонимы, обозначающие этот объект. <...>

В текст словарной статьи может включаться особая графическая рамка, в которой приводятся дополнительные сведения. В такой рамке под словарной статьей указывается, например, история слова, его этимология. <...>

В идеографических словарях слова обычно размещаются по семантическим и тематическим группам, а внутри них по слову-доминанте.

Весьма удобен для пользования метод вырезанных букв, когда каждая буква вырезана в обрете словаря отдельно.

На входе в словник словаря может стоять слово, словосочетание (фразеологизм, крылатые слова, типовые грамматические словосочетания), пословица, поговорка, морфема, части сложного слова, аббревиатура, номер, код и слово, ряд слов вместе (синонимы), частота, номер слова в частотном списке, символ, формула, рисунок, код группы слов, условное название семантической группы. <...>

Во многих словарях анализируемое слово или группа слов, как и в словарях идеографических, сопровождается на входе номерами. Единицей описания все чаще становятся не только слово, но словосочетания, выражения, пословицы, крылатые слова. Почти все такие словари имеют дополнительные входы — индексы отдельных слов.

В новых словарях и вся словарная статья может иметь вид таблицы. Такое положение чаще всего встречаем в переводных многоязычных словарях. На входе стоит номер сло-

ва, в качестве ключа выбирается слово одного языка, а далее по горизонтали в таблице приводятся все переводные эквиваленты.

В ряде случаев входом в словарную статью является рисунок. Такое расположение чаще всего находим в идеографических словарях. Например, в учебном словаре для студентов (*A Foreign Student's Guide to dangerous English. New York, 1983*) рисунок «человек и части его тела» занимает половину страницы, все объекты описания пронумерованы, и слева под этими номерами идет список слов-терминов (синонимов). Отдельно в виде таблицы по рубрикам приводится стандартное научное название, обычное употребление, эвфемизмы, детские слова, слова из сленга, вульгарные слова и все синонимы отдельно по рубрикам.

Здесь важно отметить, что таким образом меняется само представление о входе в словарь. Им может быть и слово, и схема, и рисунок, и таблица на слово-доминанту.

В правой части словаря, даже по материалам только толковых словарей, могут стоять вербальные определения значения, дополнительное описание (энциклопедическая характеристика), переводные эквиваленты на других языках, типовые словосочетания, синонимы, рисунок, частота слова, иллюстрации. Правая часть, описывающая слово, в словарях научно-популярного типа может представлять собой свободный обычный текст во всю страницу достаточно крупного кегля со свободными широкими интервалами между строками.

С каждым годом растет число словарей, содержащих в правой части рисунки. Иногда такие рисунки приводятся отдельно к каждой словарной статье, иногда они имеют групповой характер. Иллюстрированными могут быть и филологические словари. <...>

В абсолютном большинстве современных словарей семантизация входной единицы содержит не только определение значения, но и дополнительное описание, схемы, рисунки, фотографии, указание на географию слова, понятия, условные символы. Все это дополняется использованием рамок и других графических знаков выделения. И вероятно, еще более важно то, что во многих словарях разные приемы используются одновременно.

В то же время многие словари вообще не имеют правой части (орфоэпические, орфографические, обратные и др.). Некоторые виды словарей по самому своему типу представляют модель человеческих знаний о понятиях как лексическую систему. Это словари идеографические, ассоциативные, информационно-поисковые тезаурусы. Систему языка, знаний о языке представляют также словари синонимические, антонимические.

В последние годы особую популярность приобретают словари смешанного (филолого-энциклопедического) типа. Приведем примеры: *Oxford Illustrated Dictionary* (Oxford; London, 1965) содержит не только слова, фразеологизмы, рисунки и фотографии, но и перечни имен римских императоров, президентов США, премьер-министров Англии, названия штатов США. *Webster's New Encyclopedic Dictionary* (New York, 1994), содержит слова по алфавиту, ключ к их произношению, списки морфем, символов отдельных наук, условных знаков, основные даты мировой истории, сокращения, список языков мира. В каждом разделе весь материал расположен по алфавиту или тематически. *Petit Larousse illustre 1991* (Paris) включает в себе алфавит слов; схемы, рисунки, фотографии в рамках, пословицы, латинские и греческие крылатые выражения, отдельно собственно энциклопедические части — географическую, историко-художественную, схему условных знаков, рисунки флагов государств мира. Таким образом, многоаспектность разнообразие, полипараметричность словаря как по типам данных, так и по его структуре — основные черты новейших современных словарей. Словарь, стремящийся к моноаспектности, все более отдаляется от семейства словарей и приближается тем самым к разряду монографии.

Именно полиаспектность и энциклопедизм являются основными тенденциями современной лексикографии.

Итак, чем же привлекает словарь как книга, как издание представителей самых разных наук, отраслей знания и сфер деятельности? Такими чертами словаря являются:

1) достаточно простая и четкая, наглядная, обозримая общая структура, строгость подачи разных признаков, параметров, аспектов описания параметризации;

2) потенциальная обратимость данных даже в книжной форме: наличие ряда входов в текст словаря;

3) структура словарных статей, многообразие форм и видов подачи данных о слове (объекте); лаконизм метаязыка;

4) возможность оперировать одновременно разными данными в рамках одной книги;

5) возможность избирательного обращения к отдельным параметрам без детального вхождения в весь текст словаря;

6) высокая степень формализации всей структуры, что облегчает перенос словаря на ЭВМ;

7) системность, тип классификации материала; словарь — это сочетание макросистемы и микросистемы;

8) обилие энциклопедической информации в компрессированной форме;

9) многообразие самих параметров описания;

10) возможность показа разных типов связей между фактами, объектами;

11) свобода словника.

Специфика словаря не в том, что в нем представлена или не представлена энциклопедическая характеристика слова, грамматическая или стилистическая характеристика, синонимы, антонимы или этимология, а только в том, *как* все это подается в такой книге, как словарь, в разных типах словарей. Специфику словаря как типа представления данных, фактов составляют только его структура и метаязык.

С этой точки зрения, словарь — это собрание единиц естественного или искусственного языка, обычно снабженных той или иной семантической информацией и расположенных в определенном порядке (чаще в алфавитном или идеографическом).

Вопрос о типах таких единиц в различных словарях, о характере их семантизации и внутренней организации и составляет предмет различных отраслей лексикографии. <...>

Ответ на вопрос о том, что такое словарь, в значительной степени сегодня затруднен тем, что любой книжный словарь может быть преобразован в словарь машинный, компьютерный. Компьютерный словарь может быть организован так, что потребитель в любой момент может получить ответ по любому из параметров, признаков, заложенных в словарь, и, более того, сам словарь может быть преобразован из алфавитного на входе по любому из параметров. По характеру данных автоматизированные словари, исключая некоторые машинные словари основ и морфем, ничем не отличаются от книжных. Основное их отличие от книжных, бумажных словарей состоит во внутреннем представлении данных и в наличии большого числа входов в словарь, что и обеспечивает многоаспектность поиска и высокие сервисные возможности таких информационных лексикографических систем.

Таким образом, основной единицей общей теории лексикографии является словарь, но, в свою очередь, и сама теория должна рассматривать любой тип организации данных, соответствующих определению понятия «Словарь».

АПРЕСЯН Ю. Д. ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА И ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ // Вопросы языкознания. № 2. 1986. С. 57 – 70.

Интегральным, или единым, мы будем называть такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи. Этот тип описания, сложившийся первоначально в лингвистическом моделировании, представляет, как нам кажется, и общетеоретический интерес. Очевидно, что всякое научное описание языка должно в идеале стремиться к интегральности, т. е. к такой картине языка, в которой грамматические правила и словарные статьи настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию.

В настоящей работе делается попытка извлечь некоторые лексикографические следствия из концепции интегрального описания языка. Более конкретно, задача состоит в исследовании тех требований, которые грамматика и другие лингвистические правила, включая семантические, прагматические и коммуникативные, предъявляют к описанию лексики в силу принципа интегральности; вопрос об обратном воздействии лексикографического описания на грамматику (в указанном выше широком смысле), сам по себе исключительно интересный, в данной работе будет занимать нас в меньшей степени. Выяснив эти требования, мы попытаемся представить в общих чертах структуру и состав словарной статьи толкового словаря, мыслимого как компонент интегрального лингвистического описания.

1. Об интегральном описании языка

Выше мы сказали, что свойством интегральности обладает такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию. Это, в частности, значит, что словарная статья каждой лексемы должна в явном виде содержать всю лингвистическую информацию, обращения к которой могут требовать правила грамматики. Рассмотрим три примера.

Известно, что грамматики русского языка оперируют синтаксическим признаком исчисляемости — неисчисляемости существительных. Исчисляемыми обычно называются имена таких объектов, которые можно считать. Таковы, например, существительные ДЕРЕВО, ДОМ, КНИГА, РУКА, СЛОВО (исчисляемые) в противоположность существительным БЕДНОСТЬ, ДАВЛЕНИЕ, КАРТОФЕЛЬ, НЕВЗГОДА, ТИШИНА (неисчисляемым). Синтаксически исчисляемые существительные отличаются от неисчисляемых тем, что могут употребляться в количественной конструкции, т. е. в сочетании с числительным в качестве зависимого; ср.: *две руки (книги), пять деревьев (домов, слов), но не *две бедности (невзгоды), *пять картофелей (тишин).*

Заметим, что наличие у какого-то существительного форм множественного числа еще не делает его синтаксически исчисляемым. Так, большинство лексем, обозначающих физические параметры предметов или процессов, формально имеют множественное число, но счету не поддаются. Ср.: *высокие (низкие) температуры (скорости), большие глубины (давления, напряжения), но не *четыре температуры (скорости)* (в том значении, которое здесь имеется в виду), **пять глубин (давлений, напряжений).*

Признак исчисляемости не всегда мотивирован семантически. Весьма показательны в этом отношении пары (квази)синонимов, один из которых является бесспорно исчисляемым существительным, а другой — бесспорно неисчисляемым. Таковы, например, существительные СМЕРТЬ (ср. поговорку *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*, рассказ Л. Толстого «Три смерти») и ГИБЕЛЬ (ср. **две (три) гибели*).

Поскольку синтаксические признаки исчисляемости — неисчисляемости в общем случае не могут быть автоматически выведены из каких-либо других свойств соответствующих существительных, они должны фиксироваться в словаре. В противном случае словарь не сможет взаимодействовать с грамматикой, во всяком случае, с тем ее синтаксическим правилом, на основе которого распознаются и формируются количественные конструкции.

Рассмотрим теперь более сложный и интересный признак ряда глагольных лексем, замеченный довольно давно, но введенный в активный научный оборот в последние 10 — 15 лет, — семантический признак стативности. Нет нужды говорить, что признак стативности не регистрируется ни в одном словаре. Между тем он имеет интересные морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические проявления, так что ссылка на него должна быть предусмотрена в самых разных типах правил.

К стативным можно отнести глаголы, обозначающие: а) существование, ср.: БЫТЬ, ИМЕТЬСЯ, СУЩЕСТВОВАТЬ; б) наличие свойства, ср.: БЕЛЕТЬ, ВИДНЕТЬСЯ, ВЫДЕЛЯТЬСЯ, ОТЛИЧАТЬСЯ (ср.: *Он отличается независимостью*), в) равенство, идентичность, ср.: ВЕСИТЬ (*два фунта*), НАСЧИТЫВАТЬ (*Деревня насчитывает сто домов*), РАВНЯТЬСЯ, СОСТОЯТЬ (*из восьми блоков*), СТОИТЬ (*два рубля*); г) различные пространственные, временные и «отображательные» взаимоотношения между двумя (или более) предметами, ср.: ВКЛЮЧАТЬ (*Список включает тридцать имен*), ВРЕЗАТЬСЯ

(Отмель врезается глубоко в воду), ИЗОБРАЖАТЬ (Что изображает эта картина?), НАВИСАТЬ (Скалы нависают над морем), СОДЕРЖАТЬ, СОПРОВОЖДАТЬ (Бред сопровождает лихорадку), СОТВЕТСТВОВАТЬ; д) владение, принадлежность, ср.: ВЛАДЕТЬ, ИМЕТЬ, ОБЛАДАТЬ, ПРИНАДЛЕЖАТЬ; е) восприятие, ср.: ВИДЕТЬ, ОБОНЯТЬ, ОСЯЗАТЬ, СЛЫШАТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ; ж) волевые состояния, ср.: ЖАЖДАТЬ; ЖЕЛАТЬ, ХОТЕТЬ; з) эмоциональные состояния и отношения, ср.: БОЯТЬСЯ, ГОРДИТЬСЯ, НАДЕЯТЬСЯ, СТЫДИТЬСЯ; ЛЮБИТЬ, НЕНАВИДЕТЬ, НРАВИТЬСЯ, УВАЖАТЬ; и) интеллектуальные состояния, ср.: ВЕРИТЬ, ДУМАТЬ (что, в противоположность думать о чем), ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ, СЧИТАТЬ.

Иногда к числу стативных относят и глаголы, обозначающие положение в пространстве,— ВИСЕТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ. В более проницательных семантических классификациях они выделяются в особый класс «стативных» глаголов.

В значениях девяти перечисленных выше классов стативных глаголов трудно найти какой-либо общий смысловой компонент. В каждом или почти в каждом классе стативность предстает в каком-то новом семантическом обличье. Однако, несмотря на отсутствие постоянного семантического коррелята в значениях всех стативных глаголов, они имеют ряд общих морфологических, словообразовательных, синтаксических и семантических проявлений. Точнее, чем «стативнее» глагол, тем в большей мере ему присущи перечисляемые ниже свойства. Проблематично существование такого канонического статива, который обладал бы ими всеми. Поэтому почти на каждое свойство можно подобрать контрпримеры. И все же они не разрушают общего понятия стативности, хотя могут потребовать его расщепления.

(1) Для многих стативов ограниченно возможны или вовсе невозможны формы императива в его основном значении, ср.: *Смотри на картину*, но не **Видь картину*, *Изучай математику*, но не **Знай математику*.

(2) Стативы, за немногими исключениями (преимущественно из групп г), е), з), и)), не имеют форм СОВ(ершенного вида); ср.: *Поэт изображает (изобразил) своего героя этаким Дон-Жуаном*, *Автор сопровождает (сопроводил) текст примечаниями* (значение действия, обе формы) и *Картина изображала горное озеро, увиденное сквозь заросли мощных ядовито-зеленых растений* (Ф. Искандер), *Бред сопровождал лихорадку* (стативное значение, только НЕСОВ; ср. невозможность **Картина изобразила горное озеро*, **Бред сопроводил лихорадку*).

(3) Стативы не образуют делимитативов и пердуративов, т. е. не имеют способов действия (производных) типа **познать (что-л. некоторое время)*, **прознать (математику три года)*.

(4) Стативы не сочетаются с наречиями образа действия типа ЛОВКО, МАСТЕРСКИ, НЕБРЕЖНО, ОСТОРОЖНО, С ЭНТУЗИАЗМОМ, ТЩАТЕЛЬНО, ЭНЕРГИЧНО и с наречиями скорости и градualityности типа БЫСТРО, МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО; ср.: *Он осторожно смотрел на пациента*, но не **Он осторожно видел пациента*, *Он быстро выучивает физику*, но не **Он быстро знает физику*.

(5) Стативы не сочетаются с так называемыми «инклюзивными» обстоятельствами времени типа *за (в) два часа*, *за (в) три года* (отличающимися от обычных обстоятельств длительности типа *три часа*, *два года* значением законченности действия); ср.: *Джон выучивает географию за (в) два часа*, но не **Джон знает географию за (в) два часа*.

(6) Стативы не употребляются в возвратно-пассивной конструкции; ср. неправильность **Он любит (ненавидится, уважается) всеми, кто его знает, ?Теорема Бернулли плохо вами понимается, *А что считается по этому поводу тобой?* Даже конструкция со страдательным причастием для них невозможна или сильно затруднена, а сами формы, являющиеся по происхождению причастными, во многих случаях обнаруживают отчетливую тенденцию к превращению в прилагательные; ср.: ВИДИМЫЙ, ЛЮБИМЫЙ, ОСЯЗАЕМЫЙ, УВАЖАЕМЫЙ.

(7) Стативы не могут находиться в области действия предикатов типа ДЕЛАТЬ, ЗАНИМАТЬСЯ; ср. *Он занимается (занят) тем, что смотрит на картину*, но не **Он занимается (занят) тем, что видит картину*. По-видимому, похожий фактор препятствует сочетанию стативов с модальными глаголами типа ПОЗВОЛЯТЬ, РАЗРЕШАТЬ, ВЕЛЕТЬ, ПРИНУЖДАТЬ, ПРИКАЗЫВАТЬ и т. п., ср.: *Он не позволил (не велел) мне изучать математику*, но не **Он не позволил (не велел) мне знать математику*.

(8) В случае сочинения стативов они не могут обозначать следующих друг за другом событий. Высказывания типа *Он хорошо знает и понимает музыку*, в отличие от высказываний типа *Он открывает и закрывает дверь*, всегда обозначают только одновременные состояния.

(9) В форме НЕСОВ стативы не имеют актуально-длительного и предстоящего (профетического) значений; ср.: *Когда он вошел, я учил физику*, но не **Когда он вошел, я понимал (знал) физику*; *Завтра все студенты нашей группы занимаются теоремой Бернулли*, но не **Завтра все студенты нашей*

группы знают (понимают) теорему Бернулли. Добавим, что, поскольку у стативов нет актуально-длительного значения, они не могут употребляться в псевдосочинительных конструкциях с повторением глагола. Ср.: *Сапожник бился, бился и наконец за ум хватился* (Крылов), *Пули летели и летели* (Гаршин) при сомнительности или невозможности **Он знал, знал математику, и все без толку*, **Он знал и знал математику*. Такие конструкции имеют значение длительности и постоянства предикативного признака, «сплошь» заполняющего собой значительный промежуток времени.

(10) В форме СОВ, если номинально она у них есть, стативы имеют не каноническое «точечное», а начинательное (ингрессивное) значение; ср.: *Он думает (подумал), что дома никого нет. Его сын любит (полюбил) музыку. Скалы нависают (нависли) над морем.*

(11) Формально у некоторых стативов имеется многократный способ действия, ср.: ЗНАВАТЬ, ВИДЫВАТЬ, СЛЫХИВАТЬ. Однако, в отличие от подлинно многократных глаголов типа СИЖИВАТЬ, ХАЖИВАТЬ, они не обозначают повторяющихся событий.

(11) У некоторых стативных глаголов, первым актантом которых является живое существо, оно обозначает не субъект действия, а его объект, в частности, объект восприятия; ср.: *Мальчик видит лису* — с лисой ничего не происходит, а состояние мальчика (точнее, состояние сетчатки глаз мальчика) меняется. Если в таких ситуациях и есть субъект действия, то это скорее второй актант глагола (в нашем примере — лиса). Таким образом, семантика подлежащего и дополнения стативных глаголов может диаметрально отличаться от семантики подлежащего и дополнения активных глаголов. В этом отношении они сближаются с пассивной формой активных глаголов.

Вне всяких сомнений, перечисленные свойства допускают обобщение. Ясно, однако, что как бы мало обобщенных свойств у нас ни осталось, в полном лингвистическом описании русского языка они должны быть явно зафиксированы в виде правил или условий к правилам. Правила или условия к ним должны блокировать распознавание или построение невозможных для стативов морфологических форм, дериватов, синтаксических конструкций или семантических структур.

Ввиду многочисленности стативов их невозможно перечислять во всех подобных правилах. С другой стороны, в значениях (толкованиях) стативных глаголов нет никакого общего смыслового компонента, из которого признак стативности можно было бы выводить автоматически. Следовательно, правила должны апеллировать непосредственно к признаку СТАТИВН(ости). Лексикографически это значит, что признак СТАТИВН (или серия таких признаков) должен быть приписан всем стативным лексемам в словаре. В противном случае правила не смогут с ними взаимодействовать.

Рассмотренные примеры иллюстрируют проблему односторонней подстройки словаря к грамматике: взаимодействие словаря с грамматикой на этом участке описания языковой системы будет обеспечено, если в словарные статьи лексем будут явным образом включены требуемые синтаксические или семантические признаки или если они окажутся автоматически выводимыми из других явно упоминаемых в словаре свойств лексем.

<...>

2. Классификационная и операционная лексикографическая информация

Толковый словарь как компонент интегрального лингвистического описания должен включать два логически различных типа лексикографической информации — классификационную и операционную.

Классификационная информация — это информация о различных свойствах лексем, на основе которых они становятся объектами правил. Такова информация о части речи, синтаксических признаках типа исчисляемости — неисчисляемости, моделях управления, семантических и прагматических признаках типа стативности, перформативности и т. п.

Операционная информация — это информация о самих правилах, т. е. предписаниях о том, в какой другой объект должен быть переработан данный объект при той или иной совокупности условий. В контексте нашей работы речь идет, разумеется, не об общих правилах грамматики, а лишь о тех правилах, которые охватывают небольшие группы лексем или даже отдельные лексемы и которые поэтому естественнее всего отражать именно в словаре.

В действующих лингвистических моделях различаются два типа лексикографически релевантных правил — трафаретные (частные) и словарные. Трафаретные правила касаются ограниченных групп лексем с отчетливо выделяемыми общими свойствами, например, совпадающими синтаксическими, семантическими или прагматическими признаками, совпадающими конструкциями и т.

п. Они записываются в специальном компоненте модели, который было бы уместно назвать грамматикой словаря, или малой морфологией и малым синтаксисом. В словарную статью каждой лексемы, для которой релевантно такое правило, помещается ссылка на него, например, в виде его имени. Она-то и активирует правило. Словарные правила касаются одной лексемы или очень узкой группы лексем, не имеющих интересных общих свойств, и включаются целиком в словарную статью каждой такой лексемы.

С другой точки зрения, правила делятся на конструктивные и контрольные. Конструктивные правила — это правила анализа и синтеза определенных лингвистических объектов. Так, правила семантического анализа вырабатывают семантические представления предложений по их синтаксическим представлениям. Контрольные правила — это правила-фильтры, которые позволяют на основании универсальных или характерных для данного языка ограничений отсеивать неудачно проанализированные или синтезированные лингвистические объекты как неправильные. Они имитируют способность говорящих отличать правильное от неправильного в языке.

Поскольку операционная информация обычно не включается в толковые словари, имеет смысл показать на конкретном материале, какого рода сведения имеются в виду.

<...> Описаны конструкции типа *сидела шила, ходит ворчит, лежит думает, стоит киснет, идем дремлем* и параллельные конструкции с союзами И, ДА, ср.: *сидит и (да) слушает, лежит и не спит, стою и плачу, ходишь (идеешь) да смотришь*. Они обозначают «конкретное действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии». При этом позиция действия относительно свободна (ср.: ВОРЧАТЬ, ДРЕМАТЬ, ДУМАТЬ, КИСНУТЬ, ПЛАКАТЬ, СЛУШАТЬ, СМОТРЕТЬ, СПАТЬ, ШИТЬ и т. п.), а позиция «состояния» связана, т. е. заполняется очень немногими глаголами. Н. Ю. Шведова упоминает только пять таких глаголов: ИДТИ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ и ХОДИТЬ. Менее обычны, но все же не исключены в этой позиции и некоторые другие глаголы перемещения и положения в пространстве, ср.: ВИСЕТЬ, ЕЗДИТЬ, ЕХАТЬ, ЛЕТАТЬ, ЛЕТЕТЬ и т. п. Хотя на первый взгляд предложения типа *Вишу (и) думаю, Лечу (летаю) (и) смотрю* могут показаться экзотичными, легко представить реальные ситуации (скалолаз на страховке, летчик в полете), когда они оказываются вполне уместными.

Внешние синтаксические связи конструкции определяются ее свободным элементом в большей мере, чем связанным. Именно он обычно распространяется за счет второстепенных членов предложения; ср.: *Народ на нас стоит смотрит* (Лесков), *А я все это сижу да слушаю* (Лесков), где дополнения *на нас* и *все это*, несмотря на свою контактность со «связанным» глаголом, подчинены «свободному» глаголу.

Достоинно внимания еще одно свойство этой конструкции. В ней выполняется условие полного согласования обеих глагольных форм по репрезентации (либо личные формы, либо инфинитивы, ср.: *Так и будешь сидеть смотреть*), виду, времени, залогу, числу и лицу/роду. Подчеркнем, что для данной конструкции исключены причастная и деепричастная формы обоих глаголов и пассивная форма «свободного» глагола.

Итак, способностью формировать эту конструкцию обладают две группы глаголов: основные глаголы перемещения (ЕЗДИТЬ, ЕХАТЬ, ИДТИ, ХОДИТЬ, ЛЕТАТЬ, ЛЕТЕТЬ и т. п.) и глаголы положения в пространстве (ВИСЕТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ). Семантическая неоднородность класса глаголов, формирующих конструкцию, может привести к мысли, что соответствующие синтаксические правила должны быть включены непосредственно в словарные статьи перечисленных выше глаголов. Такое решение, однако, не содержит никакого обобщения и, в сущности, игнорирует интересное явление малого синтаксиса русского языка. Поэтому предпочтительнее описывать эту конструкцию не несколькими словарными правилами, а одним трафаретным. Словарная статья каждой лексемы, способной ее формировать, должна содержать ссылку на это правило малого синтаксиса.

Рассмотрим теперь пример словарного правила. При путативных глаголах СЧИТАТЬ, ДУМАТЬ, ПОЛАГАТЬ валентность содержания мнения (что субъект считает) может выражаться пропозициональными местоименными наречиями ИНАЧЕ, КАК, ТАК: *А как вы считаете (думаете, полагаете)?, Я считаю (думаю) так (иначе)*. Тот факт, что наречия КАК, ТАК, ИНАЧЕ заполняют именно валентность содержания, подтверждается возможностью их замены пропозициональными местоименными существительными типа НИЧТО, ОДНО, СЛЕДУЮЩЕЕ, ЧТО, ЭТО; ср.: *А что вы считаете (думаете, полагаете), Я этого не считаю (не думаю)*. Последним свойством, т. е. свойством управлять пропозициональным местоименным существительным, обладают и многие другие путативные и сходные с ними глаголы, ср.: *Я допускаю (признаю, подозреваю) следующее (вот что)*. Однако нам неизвес-

тен ни один путативный глагол, кроме СЧИТАТЬ, ДУМАТЬ и ПОЛАГАТЬ, который обладал бы способностью канонически управлять пропозициональными наречиями КАК, ТАК, ИНАЧЕ. Это их сугубо индивидуальное свойство должно описываться соответствующим словарным правилом, распознающим конструкцию «глагол + его первое дополнение» в контексте названных наречий.

И трафаретное, и словарное правила являются конструктивными: они строят определенный фрагмент синтаксической структуры предложения в указанных выше условиях. Теперь рассмотрим не конструктивное, а контрольное правило, правило-фильтр, которое позволяет браковать синтаксические структуры с неправильными синтаксическими связями между словами. Речь пойдет о сочетаемостных ограничениях, регламентирующих возможность связи между некоторыми путативными глаголами и некоторыми оценочными наречиями.

Применительно к интересующему нас материалу в множестве оценочных наречий русского языка можно выделить по крайней мере три разряда, каждый из которых маркируется своим синтаксическим признаком или признаками. В первый входят наречия типа УДАЧНО, УМЕЛО, УСПЕШНО, которые характеризуют только действия, ср: *Он удачно (умело, успешно) прооперировал больного*. Они, естественно, не сочетаются с путативами, поскольку путативы не обозначают действий (ср. неправильность **Он удачно (умело, успешно) считает вашу работу интересной*). Во второй разряд входят наречия типа ПОЛОЖИТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО, ПОЗИТИВНО, НЕГАТИВНО, которые характеризуют, как правило, субъект оценки (ср. *положительно (отрицательно) охарактеризовать что-л. (отозваться о чём-л.)*), но не **положительно (отрицательно) прооперировать больного*). Такие наречия должны были бы сочетаться с путативными глаголами. Наконец, в третий разряд входят наречия типа ХОРОШО, ПЛОХО, НЕПЛОХО, которые обладают обоими названными свойствами, т. е. характеризуют и действия, и объекты оценок; ср. *хорошо (плохо) убирать квартиру* (хорошее <плохое> мнение об уборке квартиры, а не о квартире) — *хорошо (плохо) отозваться о своем сотруднике* (хорошее <плохое> мнение о сотруднике, а не об отзыве). Благодаря последнему свойству они тоже должны были бы сочетаться со всеми путативами.

Фактически, однако, большинство путативов, за исключением ДУМАТЬ, СУДИТЬ и, может быть, РАССМАТРИВАТЬ, РАСЦЕНИВАТЬ, СМОТРЕТЬ, не сочетаются ни с какими из этих оценочных наречий. Можно сказать *Он очень хорошо (плохо) думает о вас*, но не **Он очень хорошо (плохо) считает вас*, *Мы положительно рассматриваем (расцениваем) новые тенденции в мировой торговле*, но не **Мы положительно находим (полагаем) новые тенденции в мировой торговле*.

Еще более поразительным является тот факт, что слово МНЕНИЕ, семантически производное от глагола СЧИТАТЬ (МНЕНИЕ = «то, что мы считаем»), совершенно свободно сочетается со словами ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, НЕПЛОХОЙ, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ; ср. хорошее (плохое, положительное, отрицательное) мнение о ком-чем-л. Мы вынуждены, таким образом, заключить, что несочетаемость многих путативных глаголов с оценочными наречиями типа ХОРОШО, ПЛОХО, ПОЛОЖИТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО является их личным и семантически немотивированным свойством. Оно должно описываться в словарных статьях соответствующих путативов контрольным правилом, отсеивающим те синтаксические структуры, в которых установилась (ложная) синтаксическая связь между данным путативом и оценочным наречием указанного выше типа.

Мы предвидим, что далеко не все лингвисты согласятся с нашей интерпретацией описанных выше правил как лексикографических фактов. Многие сочтут, что словарь неоправданно расширяется за счет грамматики или что в нем дублируются по существу грамматические сведения. Поэтому мы считаем необходимым подчеркнуть, что ни в коем случае не стремились к погружению грамматики в словарь. В основе нашего лингвистического описания лежит представление о принципиальном паритете словаря и грамматики. Все действительно общие, лексически не ограниченные или не слишком ограниченные закономерности мы бы хотели описывать именно грамматическими правилами. Включение в словарь операционной информации допускается только тогда, когда всякое иное решение делает описание более громоздким и лингвистически менее пронизательным. Что касается лексикографического дублирования ряда грамматических сведений, то оно действительно имеет место. Необходимо, однако, иметь в виду, что словарь в большей мере, чем любой другой компонент лингвистического описания, совмещает теоретическое знание и практические сведения справочного характера. В силу последнего свойства он не только допускает лексикографическое дублирование некоторых грамматических правил, но и прямо требует его. Такое дублирование экономит усилия тех, кто обращается к словарю за справками. Хорошо известно, например, что информация о грамматическом роде существительных во мно-

гих случаях выводима из их внешней формы. Соответствующие правила сообщаются в грамматиках русского языка. Это отнюдь не делает излишней помету о роде в словарных статьях существительных.

Итак, толковый словарь должен содержать два основных типа информации о лексемах — классификационную и операционную.

Теперь необходимо выяснить, какие свойства лексем могут оказаться существенными для собственно грамматических или других лингвистических правил. Проведенное нами исследование показывает, что правила могут требовать обращения к любым семиотически значимым аспектам лексемы и что, следовательно, все такие аспекты должны стать предметом лексикографирования в рамках интегрального описания языка.

3. Стрoение языкового знака и типы лексикографической информации

В данной работе языковой знак рассматривается как многосторонняя сущность, у которой выделяются по крайней мере следующие семиотически значимые аспекты: 1) означающее, 2) морфология, 3) семантика, 4) прагматика, 5) коммуникативные свойства, 6) синтактика.

Стилистический аспект знака не был здесь упомянут не по недосмотру, а совершенно сознательно. О нем пока нельзя говорить с достаточной степенью определенности, потому что в лексикографической стилистике, как и в стилистике вообще, есть еще много неясного. Номенклатура стилистических помет, разработанная в практической лексикографии с исключительной тщательностью, складывалась, тем не менее, по большей части стихийно. Поэтому в теоретическом отношении она гораздо менее обоснована, чем, скажем, системы морфологических и синтаксических помет. Этим, в частности, объясняется то, что стилистическая информация в толковых словарях не отделяется в достаточной мере от семантической, коммуникативной и прагматической и не интерпретируется с этих точек зрения. А такая интерпретация необходима.

Мы уже обращали внимание на то, что многие стилистические пометы имеют глубокое семантическое содержание. В ряду квазисинонимов ГЛАЗА, ОЧИ, ЗЕНКИ, например, лишь стилистически нейтральное слово ГЛАЗА обозначает орган зрения любого живого существа и применимо к описанию любых глаз, независимо от их размера, выражения, красоты и т. п. Книжное слово ОЧИ и просторечное пейоративное ЗЕНКИ отличаются от своего нейтрального квазисинонима ГЛАЗА не чисто стилистически, как принято думать, но и семантически. ОЧИ обозначают большие, выразительные, красивые глаза, притом обычно глаза человека. ЗЕНКИ тоже обозначают только глаза человека, но маленькие, некрасивые, неприятные.

Пометы типа «усилительное» и «эмоционально-усилительное» имеют очевидную коммуникативную подоплеку. Они маркируют лексемы, акцентирующие определенные части высказывания как коммуникативно более важные, чем другие.

Еще более значительно прагматическое содержание стилистических помет. За такими привычными стилистическими пометами, как «вежливое», «вульгарное», «грубое», «ироническое», «ласкательное», «неодобрительное», «презрительное», «пренебрежительное», «шутливое», «эвфемистическое», стоят сложные и интересные ситуации общения, требующие серьезной прагматической экспликации.

В тех случаях, когда определенная стилистическая помета имеет несомненно семантическое, коммуникативное или прагматическое содержание, она, как нам кажется, должна помещаться в подзону стилистических помет соответствующей зоны словарной статьи. Ясно, однако, что до тех пор, пока нет надежной содержательной интерпретации всех типов стилистических помет, преждевременно выделять стилистический аспект знака на паритетных началах с другими его аспектами.

Итак, в дальнейшем мы будем иметь дело только с шестью типами информации, которые были упомянуты выше, — означающим, морфологией, семантикой, прагматикой, коммуникативными свойствами и синтактикой. И классификационная, и операционная информация может быть систематизирована по этим шести рубрикам, так что всего получается 12 типов лексикографически релевантной информации. Не только изложить, но хотя бы представить все эти типы в короткой статье невозможно. Поэтому мы ограничимся тем, что, не различая в дальнейшем классификационную и операционную информацию, назовем основные подтипы каждого из шести семиотических типов лексикографической информации, сопровождая их, в случае необходимости, минимальными пояснениями и полунамеками на примеры. В системе нумерации различных рубрик мы попытаемся показать, как мыслится иерархия уровней представления лексикографической информации в структуре словарной статьи.

1. Означающее: 1.1. Орфография; 1.2. Фонетическая транскрипция; 1.3. Слоговая структура; 1.4. Просодические сведения: 1.4.1. Словесное ударение; 1.4.2. Фразовое ударение; ср. вводный оборот ДОЛЖНО БЫТЬ, отличающийся от омонимичного ему словосочетания должно быть тем, что никогда не несет главного фразового ударения.

2. Морфология: 2.1. Морфологическая структура; 2.2. Деривационная структура; 2.3. Часть речи; 2.4. Типы словоизменения (в частном, но самом важном случае — ссылка на стандартную парадигму); 2.5. Формальная неполнота парадигмы: 2.5.1. Характеризующая слово в целом, ср.: ДОЛЖЕН, РАД и т. п.; 2.5.2. Характеризующая лексему, т. е. слово в определенном значении; ср. НАСТУПАТЬ в «военном» значении — без формы СОВ, хотя в других значениях она у НАСТУПАТЬ есть; ср. также антонимичный глагол ОТСТУПАТЬ с обеими видовыми формами во всех значениях, включая «военное»; 2.5.3. Характеризующая лексему в определенной конструкции или в определенном словосочетании; ср. глаголы ЕСТЬ, ПИТЬ, ПИСАТЬ, ЧИТАТЬ, имеющие соотносительные формы СОВ СЪЕСТЬ, ВЫПИТЬ, НАПИСАТЬ, ПРОЧИТАТЬ только в конструкции с реализованным прямым дополнением, но не в абсолютивной конструкции *Он ест (пьет, пишет...)*.

3. Семантика: 3.1. Семантические стилистические пометы (типа «книжное»); 3.2. Сведения о семантической неполноте словоизменительной парадигмы; ср. лексему ГЛАВНЫЙ, которая в суперлативе имеет только значение высшей степени признака (главнейшая задача), но не значение очень высокой степени признака, и лексему ВАЖНЫЙ, которая имеет оба эти значения (важнейшая задача дня «самая важная», важнейшая деталь «очень важная»); 3.3. Толкование; 3.4. Правила взаимодействия значений: 3.4.1. Правила зачеркивания; 3.4.2. Правила модификации; 3.4.3. Правила области действия; 3.5. Нетривиальные семантические признаки (типа стативности у глаголов); 3.6. Референционные и анафорические сведения (ср. различия между дейктическими и анафорическими значениями лексем ЭТОТ - ТОТ, ЗДЕСЬ - ТАМ, СЮДА - ТУДА и т. п.); 3.7. Энциклопедические сведения (объем энциклопедической информации в толковых словарях неуклонно растет); 3.8. Конситуативная информация, включая типичные следствия и выводы; 3.9. Сведения о семантической производности; ср. МНЕНИЕ — имя содержания по путативу СЧИТАТЬ, ВРАЧ — имя субъекта по действию ЛЕЧИТЬ; 3.10. Перечень единиц, связанных с данной единицей парадигматическими семантическими отношениями: 3.10.1. Синонимы; 3.10.2. Аналоги; 3.10.3. Конверсивы; 3.10.4. Антонимы; 3.10.5. Гиперонимы; 3.10.6. Гипонимы; 3.10.7. Семантические производные: 3.10.7.1. Имя действия; 3.10.7.2. Имя субъекта действия; 3.10.7.3. Имя объекта действия; 3.10.7.4. Имя инструмента действия; 3.10.7.5. Имя места действия и т. п.

4. Прагматика: 4.1. Прагматические стилистические пометы; 4.2. Прагматические признаки, например перформативность; 4.3. Коннотации, культурный и образный мир лексемы; ср. коннотации цветообозначений; 4.4. Указание социальных статусов говорящего и слушающего (ср. нюансы употребления местоимений ТЫ и ВЫ вежливого); 4.5. Иллокутивные функции лексемы; ср. набор типичных иллокутивных функций императива — приказ, требование, инструкцию, рекомендацию, совет, предостережение, предложение, приглашение, просьбу и т. п. — и тот факт, что некоторые лексемы имеют не эти стандартные, а весьма идиосинкратичные иллокутивные функции в императиве; так, фактивный глагол ЗНАТЬ в повелительном наклонении имеет уникальную иллокутивную функцию сообщения адресату собственного знания; ср.: *Знай, что он тебя обманул (что она тебя любит)*.

5. Коммуникативные свойства: 5.1. Коммуникативные стилистические пометы; 5.2. Закрепление в функции темы; 5.3. Закрепление в функции ремы; ср. предикативные существительные, наречия, наречные обороты и застывшие глагольные формы типа ГИБЕЛЬ, БЕЗ СЧЕТА, ДО ЧЕРТА, ЗАВАЛИСЬ, ПРУД ПРУДИ и т. п., обозначающие чрезмерное отклонение чего-л. от нормы величины, интенсивности или количества, — они всегда образуют рему высказывания; 5.4. Закрепление в функции данного; 5.5. Закрепление в функции нового.

6. Синтактика: 6.1. Модель управления; 6.2. Синтаксические признаки (например, исчисляемость — неисчисляемость); 6.3. Стандартные лексические функции-параметры; 6.4. Сочетаемостные ограничения: 6.4.1. Коммуникативные: 6.4.1.1. Функция маркировки темы; ср. частицы А, ЖЕ, -ТО; 6.4.1.2. Функция маркировки ремы; ср. частицы ДАЖЕ, ИМЕННО, ЛИШЬ, ТОЛЬКО; 6.4.1.3. Функция маркировки данного; 6.4.1.4. Функция маркировки нового; 6.4.2. Прагматические, например, ограничения на тип речевого акта, в котором может участвовать данная лексема; ср. фразу ОЧЕНЬ НУЖНО, которая в значении иронического отрицания отличается от свободного словосочетания очень нужно тем, что употребляется только в авторской и прямой речи и не употребляется в косвенных речевых актах: *Очень нужно ему советовать с вами, но не *Я считаю, что очень нужно ему советовать с вами, при абсолютной правильности Я считаю, что ему очень нужно посоветоваться с вами*, 6.4.3. Референцион-

ные сочетаемостные ограничения: 6.4.3.1. Сведения о кореферентности — некорреферентности актантов данной лексемы с актантами других лексем; ср. требование кореферентности семантического субъекта наречий типа МОЛЧА, ВЕСЕЛО, УГРЮМО с подлежащим глагола, от которого они зависят: *Грузчики молча переносили ящики на баржу*, но не **Ящики молча переносились грузчиками на баржу*; 6.4.3.2. Сведения о денотативных статусах именных групп — актантов данной лексемы; ср. конкретно-референтный статус группы подлежащего при глаголе РАСТВОРИТЬСЯ в актуально-длительном значении и родовой статус — в потенциальном: *Сахар растворяется в воде*; 6.4.4. Семантические сочетаемостные ограничения; 6.4.5. Лексические сочетаемостные ограничения; 6.4.6. Синтаксические сочетаемостные ограничения, например, ограничения, налагаемые на порядок слов при данной лексеме; ср. целевое ЧТОБЫ, которое может находиться и в пре-, и в постпозиции к главному предложению, и нецелевое ЧТОБЫ, которое может находиться только в постпозиции к главному: *Ветер затихает, чтобы через мгновение задуть с новой силой*, но не **Чтобы через мгновение задуть с новой силой, ветер затихает*; 6.4.7. Морфологические сочетаемостные ограничения; ср. глагол СТОИТЬ в значении условного или временного союза, который требует от подчиненного ему инфинитива формы совершенного вида: *Стоит ему выйти, как все начинают галдеть*, но не **Стоит ему выходить, как все начинают галдеть*; 6.4.8. Просодические сочетаемостные ограничения.

В связи с установкой на содержательное обсуждение типов лексикографической информации мы не будем рассматривать в данной работе технически очень важного вопроса о форме подачи соответствующих сведений в словаре. Приведенная выше типовая схема в достаточной мере показывает, что структура словарной статьи мыслится как упорядоченное множество зон, каждая из которых вводится своей меткой и допускает глубокое иерархическое дробление на все более мелкие подзоны.

В.В. Дубичинский. Теоретическая и практическая лексикография. Вена – Харьков, 1996. – 160 с. – С. 29 – 64.

ГЛАВА 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. Основные принципы лексикографирования.

Принципами словарного описания языковых единиц считаются критерии научно-аналитических действий, методологические основы, на которых зиждется работа лексикографов.

Опыт теоретической и практической лексикографии показывает, что таких критериев по различным дифференцирующим признакам и на основе различных подходов можно выделить достаточное количество. Однако представляется вполне возможным выделить **пять основных**, общих для исследования любого словарного произведения, **принципов лексикографирования**.

1. Преэссенциальность лексикографических произведений.

Любые словари при описании определённого словарного материала всегда опираются на существующие лексикографические традиции. Кроме того, нередки случаи, когда словарь, по различным причинам не удовлетворяющий первоначальному замыслу создателей, в дальнейшем оказывается полезным источником при создании других словарей.

2. Значительная роль субъективного фактора при создании словарей.

<...> Немаловажен, к примеру, субъективный фактор в процессе подачи значений в словарной статье многозначных лексем; лишь лексикограф может решить – принять ли *исторический метод*, когда расположение значений основано на этимологическом описании развития значений, а современные и наиболее употребительные значения оказываются последними в семантической структуре, или *эмпирический метод*, базирующийся на современном понимании актуальности того или иного значения слова (что, естественно, каждый лингвист и даже обычный носитель языка видит со своей точки зрения).

3. Обусловленность жёстким прагматизмом.

Каждый словарь ориентирован на определённого читателя, учитывает особенности языков, потребность данных лексикографических трудов в данное время, создаётся иногда из чисто утилитарных соображений.

По мнению одного из великих лексикографов, Сэмюэла Джонсона, в лексикографии чистая наука слишком тонка для решения жизненных задач. Словари оцениваются по приносимой ими пользе. Для словаря недостаточно умиления тонких критиков, если он не может научить ничему ученика. Мало

проку в том, если механизм восхищает инженера тонкостью своего устройства, но требует таких больших познаний для своего применения, что совершенно бесполезен для простого рабочего.

4. Нормативность в отборе и подаче лексики.

Исходя из нормативно-стилистических задач словаря, нельзя разрешить неограниченный доступ к нему ненормативных средств речи, даже широко представленных в различных сферах словоупотребления. Нельзя забывать, что словарь напрямую связан с выработкой литературной нормы языка в каждую эпоху.

<...>

Вместе с тем следует учитывать, что богатство языка выражается прежде всего в том, что он состоит не только из нейтральных, стилистически не маркированных средств. Диалектически понимаемый принцип нормативности не должен привести к отсечению различных элементов, ограниченных в функциональном плане в том или ином отношении.

«Лингвисту не только ведомы пути развития языка, он сам - носитель языка коллектива. Поэтому он не только регистрирует и объясняет факты языка, но, как проницательный участник языкового коллектива, сам становится законодателем норм. Поэтому так важно лингвисту, создателю нормативного словаря, проникнуть в языковой дух эпохи» [Ожегов].

Еще Ф. де Соссюром, а затем Э. Косериу и их последователями замечено, что норма занимает промежуточное место между живой стихией речи и строго фиксированными системными законами языка.

Поэтому нормативному словарю, призванному показать современные (действующие) нормы словоупотребления, необходимо отразить также и всё многообразие лексической системы. В сущности, полностью в классическом понимании нормативных словарей не существует, что вполне сообразуется с диалектикой развития как языков, так и лингвистики – науки о языке.

5. Теоретическая и практическая многоплановость лексикографических произведений.

При любом научном анализе словарного состава языка всегда остаются неотражёнными какие-то аспекты, которые могли бы представить данное явление в другом виде, с иной точки зрения.

Философски-диалектическая относительность лексикографического описания языковых единиц влечёт за собой допущение множественности словарных произведений <...>.

2. Универсальный словарь.

Идеалом теории лексикографии является универсальный словарь. Многие лингвисты мечтают об идеальном научном словаре, который в точности мог бы отразить речевую стихию, все разряды единиц лексикона со всеми их свойствами.

Но есть ли решение проблемы универсального словаря? Любой словарь способен решать лишь определённые частные задачи. А интегративные лексикографические вопросы, пожалуй, в полной мере могут решить комплексные словари различных типов и наполняемости описываемыми языковыми единицами. Однако комплексные словари тоже ограничены; они выполняют в совокупности несколько задач, но далеко не все.

Всё же «для теории лексикографии необходимо понятие максимальной лексической системы и понятие универсального словаря, в котором зафиксирована максимальная лексическая система. Пользуясь таким словарём, можно общаться на этом языке во всех ситуациях, говорить на любую тему с любым носителем этого языка. Легко понять, что это – сознательная идеализация, теоретический мир лексикографии» [Денисов].

Универсальный словарь должен существовать в качестве лексикографического идеала в умах составителей словарей. Это цель, достижимая лишь в абстракции.

<...>

Следует также отметить, что универсализация словаря может идти не только в лингвистическом аспекте. Она может состоять в сочетании различных видов словарей, например, толкового и энциклопедического.

На мой взгляд, всё же практически невозможно реализовать словарный проект, который удовлетворял бы всем критериям всех адресатов. Лексикографическое комплексное описание, рассчитанное на всех, не будет нужно никому.

Пожалуй, единственное, что можно в данном контексте осуществить для приближения к этой недостижимой цели – это выделить некоторые бесспорные **лексикографические универсалии** – универсальные составляющие словаря любого типа:

- 1) словник (так называемая левая часть словаря);
- 2) заголовочная единица;
- 3) толкование, дефиниция, переводной эквивалент и т. п. (так называемая правая часть словаря);
- 4) системность языкового материала, описываемого в словаре;
- 5) нормативность – допустимая ненормативность языковых единиц;
- 6) определённый порядок подачи словарного материала.

3. Лексикографическая параметризация.

Целевая установка на создание универсального словаря обычно представляется характеристикой **центростремительной линии** в лексикографической науке. **Центробежная линия**, напротив, связана с построением однопараметровых словарей.

«Под **лексикографической параметризацией** понимается стремление современной науки о языке представить в форме словаря различные, а в идеале – все результаты лингвистических штудий, т. е. ословаривание лингвистических описаний» [Караулов].

Лексикографический параметр в самом общем виде можно представить как способ лексикографической интерпретации того или иного структурного элемента или функционального явления языка и их экстралингвистических соответствий.

<...>

Нетрудно заметить, что проблема лексикографических параметров, комплекс которых олицетворяет в определённой мере универсальный способ описания языковых единиц в словаре, непосредственно связана с вопросом о лексикографических универсалиях.

Представляется целесообразным и методически оправданным подразделять словарные параметры на теоретические (или концептуальные) и эмпирические (или прагматические) [Скляревская].

Теоретические параметры, к которым относятся объект описания, типологические признаки словаря и его место в системе словарей, отражают концепцию словаря – его дух. Эмпирические параметры (адресат, хронологические рамки текстов, обоснование словника, нормирование эмпирической базы, источники, структура, объём семантической информации, функциональные и стилистические квалификации, принципы иллюстрирования и т. п.) являются реализацией теоретических параметров, обуславливаются ими и формируют текст словаря – его плоть.

Наиболее полный перечень лексикографических параметров впервые приводится в статье Ю.Н.Караулова «Об одной тенденции в современной лексикографической практике». Например, выделяются в качестве лексикографических параметров язык(и), вход в словарь, хронологический параметр, количественный, орфографический, длина слова, ударение, род, число, вид глагола, переходность, спряжение, время, морфологическое членение слова, словообразовательный параметр, ареальный, синтагматический, иллюстративный, стилистический, параметр заимствования, синонимический, ассоциативный, библиографический и др.

<...>

Далее речь пойдёт о микро- и макроструктуре лексикографических произведений. По сути, в следующих разделах затрагиваются вопросы **метаязыка словаря** – системы понятий и называющих их терминов, с помощью которых описывается, анализируется словарь, его структура и содержание.

4. Микроструктура словаря.

К микроструктуре следует отнести проблемы построения словарной статьи как отдельной разноплановой системы внутри сложной самостоятельной системы, какой является в общем и целом словарь. Сюда включаются вопросы формата, объёма, состава словарной статьи, презентации различного рода информации о языковой единице, описываемой в словаре (этимологической, энциклопедической,

семантической, грамматической, словообразовательной, стилистической, иллюстративной и др. информации).

Словарная статья – основная структурная единица словаря, состоящая из заголовочной единицы и её описания. Если представить себе словарную статью так называемого инвариантного словаря, то она может включать:

- 1) заголовочную единицу;
- 2) её фонетическую характеристику;
- 3) её грамматическую характеристику;
- 4) семантизацию заголовочной единицы (толкование, дефиниция, переводной эквивалент и т. п.);
- 5) сочетаемостную характеристику заголовочной единицы;
- 6) словообразовательные возможности заголовочной единицы;
- 7) этимологические справки;
- 8) иллюстративные примеры;
- 9) лексикографические пометы;
- 10) отсылки, примечания.

Заголовочной единицей называется языковая единица (слово, словосочетание, морфема и т. п.), вводящая словарную статью в соответствии с принятой в словаре схемой расположения. Она выступает объектом словарного описания и приводится обычно в канонической (исходной) форме: для существительных – это форма именительного падежа единственного числа, для прилагательных – форма мужского рода именительного падежа единственного числа, для глаголов – форма инфинитива.

Фонетическая характеристика заголовочной единицы включает в себя указание на произношение языковой единицы (транскрипцию, знак ударения и т. п.).

Грамматическая характеристика представляет собой информацию об основных морфологических свойствах заголовочной единицы. Краткая грамматическая характеристика состоит в приведении только канонической и показательной (показательных) словоформ заголовочной единицы. Показательной словоформой называется словоформа, которая вместе с исходной позволяет при необходимости восстановить соответствующую словоизменительную парадигму. Для существительных это форма родительного падежа единственного числа, для прилагательных – формы женского, среднего рода именительного падежа единственного числа и форма именительного падежа множественного числа, для глаголов – формы первого, второго лица единственного числа и третьего лица множественного числа. Полная грамматическая характеристика состоит в приведении всех без исключения словоформ заголовочной единицы. (Примеры канонических форм и грамматических характеристик заголовочных единиц приводятся в рамках лексикографических традиций русского языка).

Под **семантизацией заголовочной единицы** в теоретической лексикографии обычно понимают, во-первых, устранение неопределённости относительно значения слова, во-вторых, результат этой процедуры, т. е. текст, устраняющий указанную неопределённость [Морковкин]. В качестве терминов, называющих операцию и результат семантизации, используются термины «толкование», «дефиниция» и «переводной эквивалент».

Толкование раскрывает значение языковой единицы с точки зрения наивной картины мира и обычно характерно для филологических словарей. **Дефиниция** – логическое определение понятия, установление его содержания и отличительных признаков. Как правило, дефиниция – это логико-понятийная категория, характерная для энциклопедических, терминологических словарей и ориентированная на строго научное видение действительности. **Переводным эквивалентом** называется языковая единица, используемая в качестве толкования или дефиниции определенной языковой единицы (заголовочной единицы, вокабулы и т. п.) в дву- и многоязычных словарях.

Под **сочетаемостью** понимается набор словосочетаний в словарной статье, в которых заголовочная единица выступает в качестве опорного или зависимого компонента словосочетания. Сочетаемость, предоставляя сведения об употреблении заголовочной единицы, наряду с толкованием и дефиницией, полноправно участвует в процессе семантизации описываемого в словаре языкового материала. Иногда лишь в контексте, в сочетании с другими словами, языковая единица раскрывает свои семантические глубины.

«Как только мы вырвем слово, изолируем его из предложения, в котором оно было употреблено, и положим на анатомический стол, мы убедимся, что слово утратило жизненную силу, превратившись в объект анатомического исследования, столь же инертный, как отдельный от тела орган» [Касарес].

Указание на словообразовательные возможности заголовочных единиц расширяет информационный потенциал словаря. Часть словарной статьи, в которой расположена группа однокоренных лексических единиц, находящихся в непосредственной словообразовательной связи с заголовочной единицей, называется **словообразовательным гнездом**. Гнездо обычно демонстрирует деривационные потенции заголовочной единицы, которые являются объектом самостоятельного исследования в словообразовательных словарях.

Этимологические справки обычно включаются в словарь для того, чтобы проследить исторические истоки заголовочной единицы, как внешнее, формальное, так и семантическое происхождение.

Необходимость **лексикографических иллюстраций** уже неоднократно показана многими словарными произведениями. Иллюстративные примеры (словосочетания, предложения и т. п.) представляют собой отрывок текста, демонстрирующий заголовочную единицу в конкретном словесном окружении, и выполняют две основные функции: 1) уточняют, выделяют значения заголовочной единицы; 2) приводят иллюстрирующие доказательства, дополняющие семантизацию языковой единицы. Главными требованиями, предъявляемыми к лексикографическим иллюстрациям, зачастую выдвигаются их краткость и точность.

Существенную роль в описании заголовочных единиц играют лексикографические (словарные) пометы. **Помета** – это эксплицированное во вводной части словаря собственно лексикографическое средство (обычно в форме сокращённого слова или словосочетания), с помощью которого читателю сообщается, что соответствующая языковая единица (или языковое явление) относится к определенной совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений [Морковкин].

Каждая лексикографическая помета может быть оправдана в том случае, если она ограничивает сферу употребления и лингвистические особенности того или иного круга лексики, противопоставленного другому. Среди используемых в лексикографии помет выделяются грамматические (*несов., прош., перех., кратк. ф.* и т. п.), лексические (*о человеке, о транспорте* и т. п.), семантические (*перен.* и т. п.), функционально-стилевые, в том числе и терминологические (*газетн., офиц., спец., хим., физ.* и т. п.), стилистические (*разг., прост., высок.* и т. п.), эмоционально-экспрессивные (*ирон., шутл., неодобрит., презр., почтит.* и т. п.), хронологические (*устар., истор., нов.* и т. п.), статистические (*редко, реже, обычно, малоупотр.* и т. п.), запретительные (*не употр.* и т. п.), ограничительные (*только несов.* и т. п.) и некоторые другие.

Под **отсылкой** в лексикографии понимается слово или словосочетание (*напр.; см.; то же, что* и т. п.) в полной или сокращённой форме, с помощью которых устанавливается определённая связь между элементами словаря, обычно между заголовочными единицами. Словарная статья, снабжённая отсылкой, называется отсылочной.

Таким образом, краткая характеристика элементов словарной статьи показывает их взаимосвязь и взаимозависимость, что подтверждает утверждение о микроструктуре словаря как об отдельной системе в более сложной и масштабной системе – макроструктуре словаря.

5. Макроструктура словаря.

К макроструктуре следует отнести общие проблемы словаря как самостоятельной системы с её внутренними связями и многоплановой организацией. Макроструктуру словаря образуют общие принципы структуры лексикографического произведения, синонимические, антонимические, омонимические, паронимические, гипо-гиперонимические отношения словарных единиц, внешние связи семантических полей, тематических и лексико-семантических групп, принципы расположения языковых единиц в словаре и т.п.

Как правило, словарь предваряется вводной статьей – **предисловием**. В предисловии приводятся общие принципы построения словаря и конкретные указания по его использованию.

В теоретической лексикографии диалектически закономерно возникает противоречие словаря: систематизированный подход к описанию различных языковых единиц и их группировок versus традиционная подача языкового материала в алфавитном порядке.

«Косвенным, но весьма сильным аргументом в пользу системности лексики является системный характер знания, одной из форм фиксации и передачи которого является язык и, в частности, его словарный состав. Поскольку слово рассматривается как двусторонняя единица, состоящая из материальной оболочки и значения, правомерно говорить о возможности систематизировать словарный состав, либо опираясь на внешнюю сторону, либо исходя из его внутренней стороны» [Морковкин].

На внешнюю сторону опираются алфавитные словари. Однако при алфавитном расположении слов «самые близкие и сродные речения, – писал В.И.Даль, – разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет; одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил, на десятом слове ум притупеет и голова вскружится, потому что ум наш требует во всём какой-нибудь разумной связи, постепенности и последовательности».

Конечно же, учёные давно пришли к выводу: для того, чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определёнными их группировками. Исходя из внутренней стороны словарного состава создаются **идеографические словари**, построенные на базе строгой научной классификации понятий.

Подача лексических единиц по алфавиту может быть лишь конечным этапом их лексикографического отражения, поскольку в определённых случаях она рассчитана на практическое удобство пользования словарём.

В любом объяснительном словаре, а также в некоторых демонстрирующих словарях различаются левая и правая части. **Левая часть словаря** – это его словник. **Правую часть** составляют либо описание единиц словника (в том случае, если цель словаря – семантизация этих единиц, как, например, в толковом словаре или русско-иноязычном словаре для иноязычных читателей), либо совокупность языковых единиц, являющихся переводными эквивалентами элементов словника (если цель словаря – указать читателю, с помощью каких именно языковых средств изучаемого языка передаются смысловые единицы, обозначающие в родном языке читателей определённые элементы словника, как например, в иноязычно-русском словаре для иноязычных читателей). **Словником** называется, во-первых, расположенный по определённой системе (прежде всего по алфавиту) перечень языковых единиц (слов, фразеологизмов, морфем и т.п.), подлежащих лексикографической интерпретации, во-вторых, совокупность всех заголовочных единиц языка.

Реализация любого словарного проекта предполагает поиск и сбор громадной, постоянно увеличивающейся массы материала. **Сбор материала** – одна из основных задач лексикографа. Она заключается в строгом выполнении избранных методов исследования и ограничении необходимой для словаря информации.

Следует откровенно признать, что объективных критериев отбора слов для словаря пока не существует. Основное правило для лексикографа в данном контексте – прежде всего руководствоваться функциональной ролью лексемы в данном языковом коллективе. Словник может быть ограничен кругом текстов. Критерием может стать также частотность употребления языковой единицы. Ограничения накладывает также тематический принцип отбора слова.

На этапе отбора материала для анализа лексикограф должен определить, какие источники он будет использовать. Источниками обычно становятся письменные тексты, устные высказывания носителей языка или диалекта, различного рода справочники и словари и т.п.

Принципы отбора материала для словаря могут быть хронологическими (с исторической точки зрения); нормативными (с точки зрения нормы литературного языка); дифференцирующими по смыслу; функционально-стилистическими; переводческими (с точки зрения контрастивной ценности лексики).

Фундаментальной проблемой теоретической лексикографии представляется вопрос о **разграничении в словаре полисемии (лексической многозначности) и омонимии (несходства значений внешне сходных лексических единиц)**. По поводу сложностей решения данного вопроса написано довольно много убедительного. Заметим лишь, что проблема «полисемия / омонимия» может решаться в теории лексикографии комплексно, на основе нескольких критериев – семантических, этимологических, сочетаемостных, формальных и т.п.

Если на основании этих критериев лексикограф принимает решение, что анализируемые словоупотребления являются различными значениями одной лексемы, значит, речь идёт о многозначности. Отдельные значения (лексико-семантические варианты) с лексикографической точки зрения образуют семантическую структуру лексемы и являются объектом микроструктуры словаря. Омонимия представляет собой объект макроструктуры и включается в проблему отбора словника.

Характеристика макроструктуры словаря была бы неполной без упоминания об **индексах** – алфавитных указателях, содержащихся в словаре языковых единиц. Алфавитные указатели выполняют различные справочные и отсылочные функции, и их необходимость сегодня очевидна. Они расширяют функциональные потенции словарей, способствуют удобству их использования.

Обобщающая типология словарей.

Суммируя известные классификации, я попытался разработать **типологию существующих словарей**, по которой можно было бы анализировать и классифицировать лексикографические произведения в учебных и других практических целях.

Многоплановость и многообразие словарей предполагают разветвлённость и множество дифференцирующих оснований:

I. В зависимости от количества описываемых языков

- *одноязычные словари:*

а) поясняющие или объяснительные (энциклопедические, толковые, терминологические, этимологические, ономастические, учебные, лингвострановедческие, словари иностранных слов и т. п.);

б) фиксирующие, представляющие собой обычно списки слов без пояснений (орфографические, частотные, обратные, лексические минимумы, идеографические и т. п.);

- *двухязычные и многоязычные, или переводные.*

II. По охвату лексики

- *словари, включающие лексику «без ограничений»* (энциклопедические, толковые, орфографические, орфоэпические, тезаурусы и т. п.);

- *словари, описывающие только определённые лексические пласты*, отобранные:

1) по хронологическому принципу (этимологические, исторические, словари новых слов – неологизмов и т. п.);

2) согласно «стилистическим» пластам лексики (словари литературного, разговорного, просторечного языков, жаргонизмов, диалектизмов и т. п.);

3) по авторской лексике (словари языка писателей, поэтов, философов, конкордансы и т. п.);

4) по территориальным особенностям лексики (словари диалектизмов, регионализмов, американизмов и т. п.);

5) по внутрilingвистической градации слов (словари синонимов, антонимов, паронимов, омонимов, «ложных друзей переводчика», фразеологические словари и т. п.);

6) по отношению к адресату (школьные, словари для иностранцев, бизнесменов и т. п.);

7) по профессиональному отбору лексики (терминологические, отраслевые, классификаторы, терминологические тезаурусы, терминологические минимумы и т. п.).

III. По объёму

- *большие, или "полные";*

- *краткие;*

- *лексические (терминологические) минимумы.*

IV. По оформлению и детализации информации

- *компьютерные;*

- *книгопечатные:*

а) многотомные, однетомные словари;

б) карманные;

в) иллюстративные (картинные, словари с иллюстрациями, словари жестов и мимики и т. п.).

V. В зависимости от функциональной направленности

- *функционально-отраслевые* (терминологические, узкоспециальные, многоотраслевые, тематические словари, тезаурусы и т. п.);

- *функционально-языковые* (словари сочетаемости слов, словари глагольного управления и т. п.);

- *функционально-образные* (фразеологические, словари крылатых слов и выражений и т. п.).

VI. Согласно порядку подачи лексического материала

- *семасиологические, алфавитные* (толковые, орфографические, переводные и т. п.);

- *ономастиологические* (тезаурусы, идеографические словари, гнездовые терминологические и т. п.);
- *алфавитные обратные* (словообразовательные, грамматические и т. п.).

VII. С культурологической точки зрения

- *ономастические* (топонимов, словари имён и фамилий, ойконимов и т. п.);
- *"страноведческие"* (словари безэквивалентной лексики, «ложных друзей переводчика» и т. п.);
- *словари по культуре речи и литературной норме* (орфографические, орфоэпические, словари ударений, трудностей употребления слов и т. п.).

VIII. Смешанные, или комплексные, словари (толково-сочетаемостные, толково-переводные, переводно-синонимические, алфавитно-гнездовые, этимолого-фразеологические, толково-переводно-сочетаемостные и т. п.).

IX. Учебные словари (страноведческие, фразеологические, терминологические, сочетаемостные, комплексные, идеографические, иллюстративные и т. п.).

Толковый словарь языка *versus* энциклопедия *versus* энциклопедический словарь.

Вершиной лексикографического искусства по праву считается важнейший вид одноязычной лексикографии – **толковый словарь**.

Толковые словари наиболее систематически и последовательно отражают словарный состав языка. По толковому словарю можно судить о степени развития лексического состава. Как отмечал В. Г. Гак, создание толкового словаря – свидетельство «совершеннолетия» данного языка и лингвистической зрелости общества.

Человек пользуется толковым словарём родного языка в подтверждение себя носителем своего языка и национальной культуры своего народа.

Для построения словарной статьи в толковом словаре необходимо с помощью лексикографических средств отразить **семантическую структуру слова**, понимая под этим систему его значений. Но для того, чтобы сконструировать семантическую структуру, сначала нужно выделить отдельные значения данного слова. Для этого обычно анализируется ряд конкретных предложений, т. е. ряд словоупотреблений.

<...>

Перед толковой лексикографией стоят следующие проблемы:

1. Охват (отбор) лексики.
2. Степень учёта семантических отношений лексем.
3. Словообразовательные, этимологические справки, описание мотивированности лексем.
4. Сочетаемостная характеристика заголовочных единиц.
5. Грамматическая и акцентологическая характеристика заголовочных единиц, **«грамматика» толкового словаря.**
6. Производность лексем.
7. Расположение значений лексемы (порядок подачи главных, второстепенных, переносных значений).
8. **«Тезаурусность» толкового словаря.**
9. Стилистическая дифференциация слов и значений.
10. Проблема омонимии и полисемии.
11. Место специальной, устаревшей, иноязычной, диалектной, ономастической лексики в толковом словаре.
12. Иллюстративные предложения, (не)фразеологические словосочетания, **«синтаксис» толкового словаря.**
13. Степень присутствия экстралингвистической информации в словаре, **«лингвострановедение» толкового словаря.**
14. Система условных обозначений и помет.
15. Компьютеризация одноязычной лексикографии. Различие между языковыми (толковыми) и энциклопедическими словарями наметилось ещё в древности, когда составлялись а) глоссарии латин-

ских слов для того, чтобы читать и понимать античные тексты, и б) так называемые сумматоры, в которых собирались знания об окружающем мире и реальных вещах.

Традиционно считается, что языковой словарь описывает слова и их употребление, энциклопедия объясняет явления, процессы, предметы, которые обозначаются словами.

«К словарям обращаются, чтобы получить справку о языке и правильно пользоваться им, к энциклопедиям – чтобы получить справку о действительности и расширить круг знаний о ней» [Котелова].

Заслуживает внимания также точка зрения Хеймана, который вопреки традиционному мнению считает, что в принципе словарь – это и есть энциклопедия. И в самом деле нелегко четко определить границу между словом и обозначаемым объектом.

На практике всё же **различия между языковыми словарями и энциклопедиями** существуют, и основой этих различий можно считать тот факт, что в лингвистическом словаре семантизация единиц лежит в плоскости «преднаучной», наивной картины мира, тогда как энциклопедии оперируют строго научными дефинициями.

Кроме того, следует учесть также ещё несколько частных различий языковых словарей и энциклопедий:

1. В словнике толкового словаря определённую часть составляют местоимения, предлоги, союзы, междометия и др., которые энциклопедии, как правило, не рассматривают; основным предметом описания энциклопедий являются имена собственные, явления, процессы.

2. В толковом словаре немаловажную роль играет грамматическая, акцентологическая, этимологическая и др. языковая информация о слове, которую энциклопедии в принципе опускают.

3. Лингвистический словарь учитывает прагматический уровень употребления языковых единиц: приводятся стилистические, социальные (жаргон и т. п.), географические (диалект и т. п.) характеристики, Энциклопедии, как правило, такой информации не предоставляют.

4. В лингвистическом словаре порой используются графические иллюстрации или рисунки намекающего характера. Совершенно иного рода иллюстрации щедро представлены в энциклопедиях – это диаграммы, схемы, карты, фотографии и т. п.

Следует сказать также ещё об одном критерии различия – о переводимости этих произведений. Вполне возможны переводы энциклопедий на различные языки. <...> Однако толковые словари языка принципиально непереводаемы (речь в данном случае идёт исключительно об одноязычных объяснительных словарях).

Однако нет необходимости прибегать к крайней точке зрения: «Энциклопедия – не словарь и не имеет отношения к лексикографии. Единственный повод считать её словарём – расположение обозначений описываемых реалий в алфавитном порядке» [Котелова].

И хотя в своей деятельности лексикограф, как правило, опирается на описание языка, языковых единиц, всё же многие толковые словари оперируют зачастую обширной энциклопедической (логико-понятийной, экстралингвистической) информацией. Бывает, что научная информация как бы растворена в «наивном» толковании той или иной лексемы. Иногда (в европейской традиции) энциклопедические данные приводятся внутри словарной статьи после языковой характеристики заголовочной единицы. Комплексное лексикографическое произведение, которое включает в себя черты как лингвистического словаря, так и энциклопедии, называется **энциклопедическим** словарём.

Лексикографическая традиция одноязычных словарей последних лет показывает, что энциклопедичность многих лингвистических словарей увеличивается, а энциклопедии всё больше внимания уделяют языковой информации. Но принципиальные различия описания слов и реалий остаются всё же предметом различного рода исследований.

П.Н. Денисов.

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ОПИСАНИЯ. – М., «Русский язык», 1993. – 248 с. – С. 209 – 217.

ТИПОЛОГИЯ СЛОВАРЕЙ

Основным вопросом теории лексикографии является типология словарей, оперирующая понятием типа и типов словарей, которые понимаются в ней абстрактно, как модели, образцы (инварианты). Четыре основные координаты определяют типологию словарей: 1) лингвистическая, 2) психологическая, 3) семиотическая, 4) социологическая. Каждая из этих координат име-

ет две области приложения: а) применительно к данному типу словаря, б) применительно к любому типу словаря. В этом отношении теорию лексикографии иногда делят на типологию (классификацию) словарей и структуру, или элементы словаря.

Типология словарей — это их научная классификация, основанная на понятии идеального словаря как образца, как типа, и учитывающая все вышеуказанные координаты. Классификация словарей — практическое систематизированное описание словарей и их жанров, исторически сложившихся в той или иной национальной лексикографической традиции, в том или ином культурном ареале.

Классификация словарей «раскладывает по полочкам» исторически сложившиеся жанры словарей: толковые; грамматические; орфографические; орфоэпические; трудностей; правильности; фонетических, морфологических и синтаксических вариантов слов, бытующих в речевом обиходе; словообразовательные; сокращений; названий жителей и т. п. Эти словари делают акцент на формальных и частично семантических моментах.

Семантические моменты акцентируются в толковых словарях, а также в словарях синонимов, антонимов, омонимов, трудностей и правильности, идеографических, тематических, ситуативных, коммуникативных («разговорниках»), речевого этикета, лексико-семантических групп, ассоциативных, функционально-стилистических (терминологических, общественно-политической лексики, спорта, международного туризма и т. п.) и экспрессивно-стилистических (просторечно-разговорной лексики, архаизмов, объяснительных к текстам) и др.

Словари фиксируют только нарицательные слова и избегают собственных имен: антропонимов, топонимов, гидронимов и т. п. Они раскрывают значения своих единиц до границ ближайших значений, т. е. все эти исторически сложившиеся жанры словарей суть филологические словари.

Отдельно стоит упомянуть жанр словарей сочетаемости слов, выступающий в виде связующего звена между словарем семантической деривации (эпидигматики, полисемии), т. е. толковым словарем, и словарем узуса (трудностей и правильности речи), а также вариантов (фонетических, морфологических, синтаксических и др.).

Отдельную ветвь составляет энциклопедическая лексикография, в которой связующим звеном между филологическими словарями и энциклопедиями выступают толково-энциклопедические словари, а в учебном плане — лингвострановедческие словари. Идея большой всеобъемлющей энциклопедии по-прежнему жива, но велико число и значительна роль отраслевых энциклопедий: исторических, философских, сельскохозяйственных, медицинских и т. п. В русле учебных лингвострановедческих словарей развиваются этнокультуроведческие словари, комментарии реального и культурно-исторического характера по языку художественной литературы XIX в., по специальным языкам (словари лингвистической, литературоведческой и иной терминологии), а также по профессиональным языкам и жаргонам, особенно XIX — начала XX в.

Очень обобщенно теоретически выделяемые абстрактные типы словарей можно представить следующим образом. Основа, центр типологии — абстрактный тип универсального словаря. Исходя из его лексикографических универсалий делаются общие предположения о строении левой части любого словаря (теории словников, теории компрессии и минимизации словарного состава, теории системных выборок из потенциально осуществимой синхронной максимальной лексической системы систем).

По правилам теории преобразований словарного состава языка словарем считается лишь такое произведение, словник которого представляет собой лексическую систему или микросистему, а не произвольный и случайный набор слов. Несмотря на существование в практической лексикографии словарей трудностей на несколько сот слов и переводных учебных словарей на несколько тысяч, в соответствии с теорией преобразований словарного состава языка они теоретически несостоятельны. Это — словарные этюды на случайных коллекциях слов, не являющихся представительными по отношению ко всему словарному составу современного русского литературного языка, т. е. к его максимальной лексической системе.

С учетом вышесказанного теория системных выборок из словарного состава языка делится на теорию составления словников больших общих (академических толковых) словарей (120 000, 80 000, 50 000 слов) и больших аспектных словарей, в которых делается попытка свести вместе все синонимы, антонимы, омонимы и т. д., и на более тонкую и сложную теорию компрессии и минимизации словарного состава языка, стремящуюся создать минимальные системы слов: системные лексические минимумы, речевые лексические минимумы («разговорники», пособия по развитию устной речи), системные терминологические минимумы, коммуникативные лексические минимумы (словари учебников) и т. д.

<...>

Научная типология словарей не может строиться в отрыве от сложившихся жанров словарей. Она просто вносит в них порядок и четкость в соответствии с уже упоминавшимися четырьмя системами координат: лингвистической, психологической, семиотической и социологической.

Лингвистическая координата типологии словарей представляет собой целый пучок координат. Основной принцип их выделения — анализ различных аспектов лексической системы языка, групп и рядов слов, а также объединяющих их формальных признаков и семантических категорий <...>.

С этой точки зрения само устройство словарного состава «подсказывает» главные типы словарей. В толковом словаре дается описание полисемии. Подтипом (пока что не существующим как жанр) толкового словаря мог бы быть словарь, включающий в себя только многозначные слова (с числом значений от трех и выше) и систематизированно описывающий все виды регулярной и аномальной многозначности (семантической деривации, или эпидигматики слова). У нас имеются жанры аспектных словарей синонимов, антонимов, омонимов, которые также заслуживают теоретического признания как особые типы словарей. Хуже обстоит дело с практической работой в области составления академического или учебного идеографического словаря. Идеографические, тематические, ситуативные и подобные словари образуют единый тип, но очень широкое семейство, так как групповые объединения слов весьма многообразны.

Положено начало изданию лингвострановедческих словарей, которые кроме филологической информации содержат элементы энциклопедизма. В наши задачи входит лишь проиллюстрировать сложности и тонкости лингвистической системы координат в типологии словарей, но не вводить тесной регламентации всех типов.

Психологическая координата типологии словарей напоминает о том, что словарное описание не может не учитывать свойств и особенностей человека, для которого оно, собственно, в первую очередь и предназначается. Человек имеет определенные ограничения в своем сенсорном аппарате, в устройстве своей памяти, что не может игнорировать ни один словарь. В современную эпоху кибернетического моделирования, инженерной лингвистики и инженерной психологии возникла необходимость создания словарей для машины, для системы «человек – машина» и т. п. Именно в этом противопоставлении ярко выявляется человеческая природа психологической координаты типологии словарей. Особой «разновидностью адресата» являются иностранцы, т. е. люди, не обладающие тем свойством, которое по отношению к родному языку называют языковым чутьем. Таким образом, одна эта координата выделяет три типа словарей: 1) для носителей языка, 2) для иностранцев, 3) для ЭВМ. По возрастным особенностям своей психики, например, дети дошкольного и школьного возраста также нуждаются в особых словарях. И такие словари как жанр существуют, конечно, представляя собой скорее словари картинок, чем слов.

Психологическая координата связана с лингвистической не только в том отношении, что объект словарного описания — язык человека, но и в том, что применительно к любой разновидности лингвистических координат можно предъявить требование ее «психологической реальности».

Семиотическая координата типологии словарей задает всю знаковую проблематику словаря, проблематику метаязыка, способов фиксации и презентации словарной информации. Именно семиотическая координата определяет виды шрифтов, выделений, цвета, таблиц, символов, графических изображений, применяемых в словарной практике. Весь знаковый, метаязыковой и символический аппарат словаря должен быть подчинен решению поставленной лингвистической задачи с учетом особенностей человеческого восприятия, памяти и т. п. (т. е. с учетом психологической координаты словаря).

Социологическая координата словаря служит для соотнесения всех предыдущих координат с конкретной исторической обстановкой. Именно в этом плане лексикография описывает язык как важнейшее средство человеческого общения. При взаимодействии с психологической социологическая координата придает ей конкретность, т. е. заставляет лексикографа учитывать психологические особенности не только абстрактного человека, но и конкретного, и прежде всего человека социального, представителя данной культуры, данного общества, носителя данного языка.

Именно в социологическом плане, в плане контакта культур представляет большой интерес работа группы методистов по составлению словарей к классическим произведениям русской литературы XIX в.. Такой этнокультуроведческий подход дает типы лексических минимумов и словарных материалов, не подводимые «без остатка» под лингвистическую систему координат, но и не совпадает по своим характеристикам с лингвострановедением, так как содержит, удерживает в себе значительные элементы лингвостилистики, связанные со спецификой языка художественной литературы.

Взаимодействие социологической координаты с семиотической проявляется в ограничении свободы средств знакового представления словарной информации, в предпочтении таких средств метаязыковой символизации, которые доступны, понятны, широко распространены и не поставят в тупик читателей словаря. Социологическая координата определяет также социальный заказ, организацию лексикографической работы и издательское дело.

Теория лексикографии как историко-теоретическая дисциплина обобщает и систематизирует результаты практической работы по составлению словарей. С этой точки зрения, сразу же можно отделить историю лексикографии от собственно теории. История лексикографии занимается выявлением, регистрацией и филологическим анализом словарей разных стран и эпох. Собственно теория лексикографии обобщает и систематизирует всю словарную практику, она устанавливает теоретические возможности и практические пределы совершенствования словарей сложившихся жанров. На основе теории разрабатываются словари новых типов. В идеале именно теория лексикографии должна предлагать программу минимального и оптимального лексикографического обслуживания какой-либо области науки и культуры определенной страны или социально-экономического международного комплекса (ООН, ЮНЕСКО).

Теория лексикографии прежде всего заставляет задуматься над вопросом о теории лингвистического описания вообще, т. е. о форме представления установленных наукой о языке фактов, о языке изложения этих фактов (о специальном языке лингвистики, или о метаязыке описания), о характере хранения и поиска заключенной в лингвистических описаниях данных о языке и т. д. При дальнейшем расширении этой проблемы теория лексикографии заставляет задуматься над вопросом о теории научного описания любых фактов, о роли языка и других семиотических систем, искусственно создаваемых в отдельных науках по образу и подобию естественного языка, о систематическом изложении и представлении результатов научных исследований в такой форме, чтобы она способствовала удобному хранению, поиску и дальнейшей обработке (рекомбинации) научных фактов.

Среди всех наук только четыре — логика, математика, лингвистика и семиотика — выделяются специфическим абстрактным характером объектов исследования и существенностью для всех этих описаний используемых знаков, знаковых систем. Все другие науки черпают их ресурсы для своих описаний. Поэтому сами описания логических, математических, лингвистических и семиотических объектов являются описаниями знаков при помощи знаков, т. е. метаописаниями. Для них необходимы понятия метаязыка и метаречи.

ФУНКЦИИ И ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ

На основе исторических фактов установлено, что самыми древними были учебные словари тематические и трудностей. Это позволило нам прийти к выводу, что функции обучения, систематизации и справки, т. е. **учебная, систематизирующая и справочная**, являются универсальными функциями лингвистических описаний (не только словарей, но и грамматик). К этим трем универсальным функциям лингвистических описаний следует добавить четвертую — **нормативную**, функцию «правильности».

Названные универсальные функции всякого лингвистического описания надо понимать как некоторое структурное подобие, различимое в древних и новых словарях, в древних и новых грамматиках, в древних и новых учебниках, тогда как вся сила ума педагогов и лингвистов в разных странах и в разные эпохи использовалась для оптимизации указанных функций.

Самое важное — что такое норматив, т. е. чему учить, как отобрать правильные употребления слов, их форм и их соединений в предложения и суждения, как отделить истинные понятия от ложных, достоверные знания от ошибочных, основательные суждения от поверхностных.

Таким образом, мы можем сказать, что лингвистическое описание подчиняется принципу **относительности**, или **ориентированности** на адресата. Каждая грамматика, каждый словарь, каждый учебник по математике или логике предполагает в читателе (ученике) определенный исходный минимум знаний, на котором надстраивается новое знание, извлекаемое непосредственно из данной книги. В основе указанных выше наук — лингвистики, семиотики, логики и математики — лежат не только реальные знания, но и знания знаковых систем, хотя бы родного языка.

Прогресс в лингвистике или в методике был бы невозможен, если бы для каждого круга явлений языка или речи существовало одно-единственное, всегда истинное описание. Принцип относительности лингвистических описаний подразумевает как следствие принцип **множественности** описаний одного и того же круга явлений языка или речи.

Теоретическая грамматика и теоретический словарь как абстрактные объекты лингвистической теории имеют право на существование лишь в той мере, в какой они дают общие решения для построения лингвистических описаний конкретной ориентации.

Казалось бы, наиболее безотносительны, универсальны и абсолютно надежны математические описания. Однако это не так. Сами математики говорят о множественности математических описаний одного и того же явления и «диалектном дроблении математического языка».

Попытки формализованного аксиоматического описания лексики в ее полном объеме должны быть признаны принципиально ненаучными, противоречащими стандартам и канонам даже самой математики, из которой они заимствуются.

Кроме принципа относительности лексикографических описаний и вытекающих из него принципов ориентированности и множественности лексикографических описаний, а также принципа **традиционности** или лексикографического историзма имеется еще несколько принципов описания. Это принципы стандартности, экономности, простоты, полноты, эффективности и семантической ступенчатости описания.

Согласно принципу **стандартности**, лексикографическое описание одинаковых явлений должно быть одинаково на всем протяжении словаря. Синтаксис и слова, применяемые для толкований, помет, пояснений и т. д., должны по возможности не варьироваться, хотя полностью избежать синонимии в лексикографическом метаязыке, по-видимому, нельзя.

Экономность описания означает предпочтение краткого описания более длинному.

Простота описания связана с принципом ориентированности описания, но имеет особый оттенок предпочтительного использования предельно ясных синтаксических конструкций и слов, в лексическом значении которых нет излишней расплывчатости.

Полнота описания означает стремление исчерпать все существенные признаки значения и правила употребления слова в словарной статье.

Эффективность описания связана со стремлением к построению словарной статьи в алгоритмической форме с тем, чтобы в словаре активного типа (в словаре для синтеза речи) прочтение словарной статьи приводило в правильному употреблению описываемого слова в речи, в высказывании, а в словаре пассивного типа (в словаре для анализа речи) давало возможность точного понимания слова в контексте на фоне всех его парадигматических, синтагматических, деривационных и иных свойств.

Принцип **семантической ступенчатости** описания означает, что слова, выполняющие метаязыковую функцию в словарной статье, могут быть всего лишь на один-два семантических признака проще описываемого слова. Иначе говоря, описание некоторого слова цепочкой предельно простых в семантическом отношении слов («элементарных смыслов») или слов «лексической аксиоматики» не является насущной необходимостью, поскольку приводит к длиннотам, тогда как описание словами, которые проще описываемого слова на один-два семантических признака, будет гораздо короче, обозримее и доступнее. Если словарь замкнут в себе, т. е. семантически автономен, то все слова левой и правой частей толкуются и, следовательно, семантически самые простые слова будут использоваться для толкования ближайших по сложности слов и так, со ступеньки на ступеньку, будет реализовываться принцип семантической ступенчатости словарного описания.

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Та часть теории лексикографии, которую мы называем учением о структуре, или элементах словаря, занимается проблемами формирования словника, структуры словарной статьи как основного «канала связи» между автором и читателем словаря, проблемами семантизации в широком смысле этого слова.

В любом словаре, как уже говорилось, различаются левая и правая части. Левая часть — это то, о чем говорится в словаре. Правая — то, что говорится. Левая часть — подлежащее. Правая — сказуемое. Словарная статья как сложный предикат метаречи, как то, что говорится авторами словаря о предмете речи, т. е. о заглавном слове, может быть рассмотрена в трех различных аспектах, а именно: 1) словарная статья (и словарь в целом) как жанр справочной литературы; 2) словарная статья как особый язык и способ коммуникации с характерным совмещением различных семиотических средств; 3) словарная статья (и словарь в целом) как особое функционально-стилистическое и индивидуально-стилистическое единство.

При рассмотрении словарной статьи как функционально-стилистического единства на первое место выдвигаются проблемы, общие для функциональной стилистики: принципы коммуникативной и функциональной оправданности, целенаправленного отбора тех или иных языковых и речевых средств,

принцип конструктивной «идеи» (коммуникативной задачи) данного функционально-стилистического единства и его расшифровка в некоторой совокупности «стилеобразующих» факторов.

Нельзя, по-видимому, полностью исключить из лексикографии и индивидуально-стилистический фактор. Талант выдающихся лексикографов разных стран отразился, в частности, и в том, что созданные ими словари несут на себе отпечаток их личного творчества, новаторства, неповторимой индивидуальности стиля.

Другими словами, если словарная статья в своих разных аспектах демонстрирует жанр справочной литературы, функционально-стилистическую разновидность научной речи (метаречи), индивидуальный стиль автора, то в структурном рассмотрении она представляется как цепь предикатов с определенным синтаксическим и композиционным рисунком. Выделив и наложив друг на друга эти рисунки (модели) синтаксиса и композиции словарных статей из словарей основных типов, получим универсальную синтаксическую и композиционную схему словарной статьи.

Слова, как правило, неполны по своей формальной и смысловой структуре. Предельным случаем будет изолированное слово с одним значением, с одной стороны, а с другой — многозначное слово с полной семантической парадигмой, со сложными связями с другими словами по всем осям семантического пространства языка.

Если ограничиться общеупотребительной лексикой современного русского литературного языка, то для «краткой энциклопедии языка» будет достаточно написать 100 000 словарных статей. (Здесь «краткий» относится к академической, а не к учебной лексикографии.) Вообще для теории лексикографии важно разработать общий критерий выбора оптимального описания для каждого слова. Но всегда число структур словарных статей будет на много порядков меньше числа слов в языке. Сведя воедино все лингвистически, психологически, социологически, семиотически и стилистически релевантные свойства различных возможных структур словарных статей, можно получить идеальную универсальную структуру словарной статьи как полную «развертку» всех возможных для данного лексического массива формальных и семантических признаков слова.

Как в теории лексикографии, так и в некоторых конкретных словарях английского, французского, немецкого, русского и других языков уже найдены подходы к искомой идеальной структуре словарной статьи.

Идеальная универсальная словарная статья должна иметь, по меньшей мере, следующие компоненты: 1) заглавное слово; 2) его формальные характеристики (грамматические, орфоэпические, орфографические и т. д.); 3) его семантизацию; 4) извлечения из текстов, иллюстрирующие ту или иную формальную или семантическую особенность заглавного слова; 5) указания на «соседей» заглавного слова в лексической системе языка по разным осям семантического пространства языка; 6) отсылки и справки разного характера и назначения. Каждый из этих пунктов имеет свой характер развертывания.

ЦЫВИН А. М. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ СЛОВАРЕЙ // Вопросы языкознания. № 1. 1978. С. 100 – 108.

Объекты какой-либо области знаний невозможно систематизировать, сопоставить и охарактеризовать без построения универсальной, глубинной и перспективной классификационной системы. При этом под универсальностью понимается способность охватывать все объекты данной области; под глубинностью — многоуровневость классификаций; под перспективностью — способность гибко реагировать на появление принципиально новых объектов. Классификации лингвистических словарей разработаны весьма слабо. Такие классификации строятся обычно на основе гетерогенных признаков, причем каждый словарь обычно характеризуется одним единственным признаком. С помощью подобных классификаций невозможно достаточно полно описать конкретный словарь, наметить тенденции развития лексикографии. В рамках этой классификации также возникает бесконечное количество вопросов, практически неразрешимых. Например, к какому классу отнести обратные исторические словари — к классу обратных или к классу исторических словарей, куда отнести словарь собственных имен и т. п. Первая теоретическая классификация в русской лексикографии принадлежит Л. В. Щербе. Он построил ее на шести антиномиях и предназначил для описания толковых и отчасти переводных словарей. Однако все остальные типы словарей остались вне рамок классификации Щербы, и это обстоятельство особенно заметно в наше время, когда не только поразительно растет разнообразие лексикографического реестра, но и регулярно появляются принципиально новые типы глоссариев.

Ниже сделана попытка на основе общих принципов Л. В. Щербы построить одну возможную систему классификации словарей.

1. Предлагаемая классификационная система состоит из восьми классификационных схем. Следовательно, каждый объект классификации (словарь) определяется восемью признаками.

2. В каждой классификационной схеме вся область объектов — класс словарей — дифференцируется на основании одного дифференциального признака (ДП) на подклассы 1-го яруса. Подклассы 1-го яруса на основании одного из вариантов того же ДП делятся на подклассы 2-го яруса и т. д.

3. Набор восьми ДП отвечает требованиям полноты, независимости, непротиворечивости, т. е. основным требованиям, предъявляемым аксиоматическим дедуктивным системам.

4. Каждым двум узлам яруса n должен предшествовать один и только один узел яруса $n-1$ (принцип дихотомии).

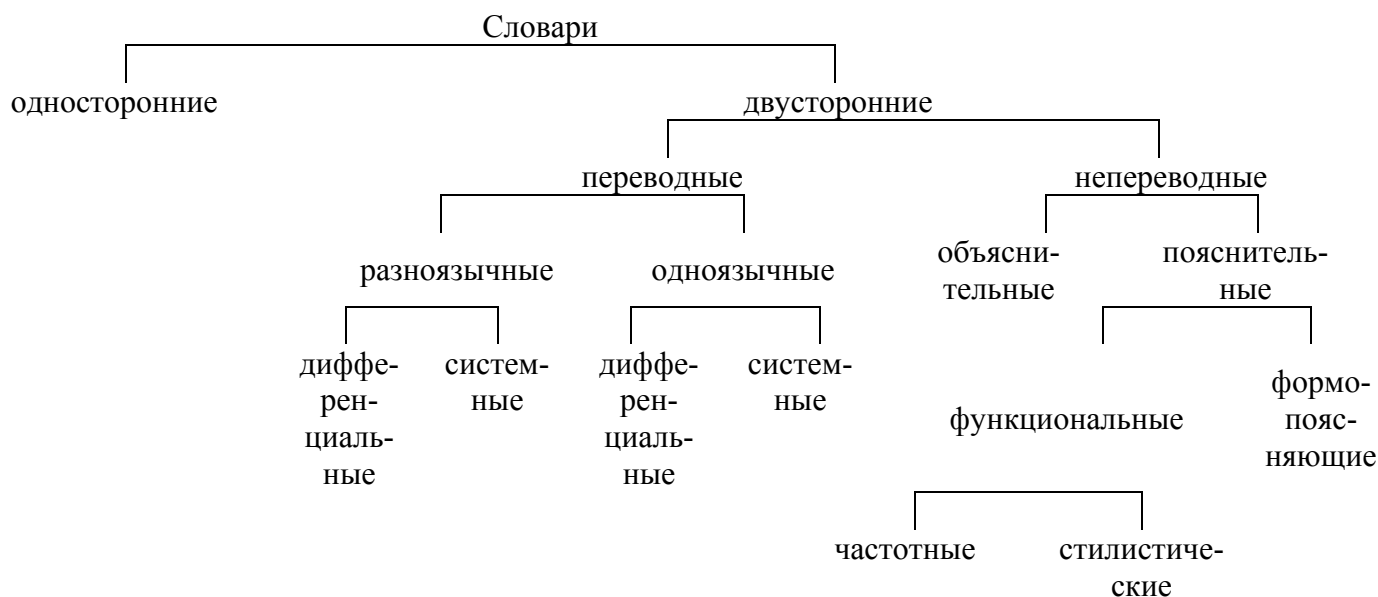
5. Два подкласса яруса n , получившиеся путем дробления одного подкласса яруса $n-1$, должны быть контрарконтракторны. Объем двух членов деления должен равняться объему делимого подкласса (принцип соразмерности).

6. По объему подклассы могут быть конечными, сингулярными (единичными) и пустыми (заполняемыми в перспективе).

7. Деление должно быть непрерывным (члены деления должны быть непосредственно низшими по отношению к родовому понятию).

8. В качестве необъясняемых элементарных единиц, на основе которых строятся все восемь ДП, вводим следующие: заглавный словарный блок (ЗСБ); разработка заглавного словарного блока (РАЗ); словарная статья (ЗСБ + РАЗ). Для простоты далее систему ЗСБ определенного словаря будем называть левой стороной словаря, а систему РАЗ — правой стороной.

**Первая классификационная схема
(ДП—соотношение правой и левой сторон словаря)**

I. Словари:

1. Односторонние.

1'. Двусторонние:

2. Переводные:

3. Разноязычные:

4. Дифференциальные.

4'. Системные.

3'. Одноязычные:

4. Дифференциальные.

4'. Системные.

2'. Непереводные:

3. Объяснительные (толковые).

3'. Пояснительные:

4. Функциональные:
 5. Частотные.
 - 5'. Стилистические.
- 4'. Формопоясняющие.

Примечания к первой схеме. Односторонние словари имеют только левую сторону (Орфографический словарь, Обратный словарь). Двусторонние словари имеют левую и правую стороны. В двусторонних переводных словарях левая и правая сторона выполнена на разных языках. В двусторонних переводных одноязычных или, в традиционной терминологии, толково-переводных словарях левая и правая часть выполнена на одном и том же языке, но разных модификаций, т. е. разных синхронных срезов или разной географической характеристики, причем две эти модификации достаточно резко отличаются друг от друга (Словарь русских народных говоров; Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.).

В двусторонних переводных разноязычных словарях левая и правая часть выполнены на разных языках. Один и тот же ЗСБ может быть в левой части представлен на одном языке, а в правой разработан на другом, может быть в левой части представлен на нескольких языках, а в правой части разработан на одном языке.

Дифференциальные переводные словари нами понимаются вполне традиционно. Им в качестве контрадикторного класса противостоят системные словари.

Двусторонние непереводные словари или объясняют значение слова, или поясняют его форму и функцию, причем левая и правая стороны этих словарей выполнены на одном языке. Двусторонние непереводные объяснительные (толковые) словари понимаются вполне традиционно (Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, Фразеологический словарь русского языка, под ред. А. И. Молоткова). Двусторонние непереводные пояснительные функциональные словари раскрывают функциональные характеристики слова — частотность слова (Э. А. Штейнфельдт, Частотный словарь современного русского литературного языка) или стилистическую функцию (А. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, Грамматическая правильность русской речи.; Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник).

Двусторонние формопоясняющие словари должны давать полную грамматическую характеристику слова или объяснять его форму, орфографическую и произносительную (Зализняк). Чисто объяснительных (толковых) словарей не существует. Наиболее близок к этому типу словарь Даля. Обычно же толковый словарь снабжен достаточно подробными сведениями о произношении, стилистическом употреблении, грамматических характеристиках ЗСБ.

Словари языка писателя обычно представляют собой, с точки зрения соотношения правой и левой сторон, очень сложное явление — здесь имеются функционально-частотные, функционально-стилистические и толковые элементы.

Вторая классификационная схема **(ДП — способ расположения ЗСБ)**

II. Словари:

1. Алфавитные:
 2. Строгоалфавитные:
 3. Прямые.
 - 3'. Обратные.
 - 2'. Гнездовые:
 3. Гнездокорневые:
 4. Слабогнездовые.
 - 4'. Сильногнездовые.
 - 3'. Аналогические.

1'. Неалфавитные:

2. Тематические.
- 2'. Статистические:
 3. Прямые.
 - 3'. Обратные.

Примечания ко второй схеме. Обычно в лексикографии алфавитному способу расположения слова противопоставляют гнездовое. Однако в гнездовых словарях ЗСБ также располагаются в алфавитном порядке. Поэтому правильнее, как это сделано в предисловии к первому тому БАСа, гнездовой способ противопоставить строго алфавитному. Существуют два вида гнездового способа подачи слов. В одном случае гнездо составляет группа однокоренных слов, в другом — группа семантически родственных слов (безразлично — однокоренных или разнокоренных, но обозначающих близкие понятия и предметы), объединенных в классы эквивалентности. Первый вид гнездового способа будем называть гнездохорневым, второй обычно называют аналогическим. В словарях, построенных по аналогическому методу, гнездо обычно содержит синонимы, вышестоящие, нижестоящие и ассоциированные дескрипторы. Наиболее важным классом аналогических словарей следует считать словари дескрипторов отдельных научных и технических дисциплин, которые представляют собой «нормативные словари ключевых слов» по данной тематике.

По объему корневое гнездование может быть слабым или частичным (Ожегов) и сильным (Даль). Вероятно, эти виды могут относиться и к аналогическому гнездованию, но проблема эта еще не изучена.

От аналогического способа расположения слов следует отличать тематический. Тематический способ расположения — это расположение слов по понятийным группам, в каждую из которых входят слова, обозначающие те или иные фрагменты лингвистической картины мира (космос, недра, флора, фауна и т. п.). От аналогического способа тематический отличается полным или почти полным отсутствием алфавитного порядка в расположении слов, большей наглядностью в отражении иерархии понятий.

Следует различать частотный словарь и статистический способ расположения слов в словаре. Частотный словарь содержит алфавитный список слов с указанием их частоты (алфавитный способ расположения ЗСБ) и список слов, расположенных по убывающей или возрастающей частоте (статистический способ расположения ЗСБ). Расположение слов по убывающей частоте можно назвать прямым порядком, а по возрастающей частоте — обратным.

Примеры различных, с точки зрения расположения ЗСБ, словарей: П.1.2.3 — Ушаков; П.1.2.3' — Обратный сл.; П.1.2'.3.4 — Ожегов; П.1.2'.3.4' — Даль; П.1.2'.3' — Дескрипторные словари; П.Г.2 — Даль. Пословицы; П.1'.2'.3 и 3' — Штейнфельдт.

Третья классификационная схема (ДП — состав ЗСБ)

III. Словари:

1. Лексикон:
 2. Глоссарий:
 3. Обычный.
 - 3'. Цепной.
 - 2'. Морфемарий.
- 1'. Фразарий:
 2. Словосочетаний:
 3. Идиом.
 - 3'. Неидиоматических словосочетаний.
 - 2'. Предложений.

Примечания к третьей схеме. В лексиконе ЗСБ равен слову или части слова. В связи с этим лексиконы дифференцируются на глоссарии (ЗСБ = слову) и морфемарии (ЗСБ = морфеме). В глоссарии могут быть представлены отдельные слова (обычные глоссарии) и синонимические, антонимические, омонимические, паронимические и т. п. цепочки слов (цепные глоссарии). Цепными могут быть морфемарии и фразарии, но эта возможность еще по-настоящему не реализована.

Во фразарии ЗСБ равен словосочетанию (фразарии словосочетаний) или предложению (фразарии предложений). Фразарии словосочетаний дифференцируются на фразарии идиом и неидиоматических словосочетаний.

Примеры различных, с точки зрения состава ЗСБ, словарей: III.1.2.3 — Ушаков; III.1.2.3' — Л. А. Введенская, Словарь антонимов русского языка; Э. Е. Александрова, Словарь синонимов русского языка; III.1.2' — З. А. Потиха, Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем;

III.1'.2.3 — Молотков; III.1'.2.3' — Словарь глагольно-именных словосочетаний общенаучной речи; III.1'.2'. — Даль. Пословицы.

Четвертая классификационная схема

(ДП – характер отбора ЗСБ)

IV. Словари:

1. Тезаурусы:

2. Общие.

2'. Отраслевые.

1'. Атезаурусы.

Примечания к четвертой схеме. Под тезаурусами мы, несколько расширяя этот термин (но зато и примиряя его классическое значение с современным), понимаем словарь, отражающий лексику определенного объекта без всякого отбора. Общие тезаурусы регистрируют вообще все слова данного языка, отраслевые тезаурусы регистрируют без отбора слова данного языка, составляющие определенную объективно существующую систему (отдельный диалект, систему всех диалектных слов данного национального языка, терминологическую систему отдельной науки или отрасли производства, всю терминологическую систему литературного языка и т. п.) Атезаурусы — словари, основанные на определенной последовательной системе отбора. Строго говоря, класс IV.1.2 — пустой класс. Из русских словарей к нему с большими оговорками можно отнести словари Даля и Шахматова.

Примеры отраслевых тезаурусов и атезаурусов: IV.1.2' — Дескрипторные словари; Словарь Пушкина; IV.1' — Ожегов; Штейнфельдт.

Пятая классификационная схема

(ДП — объект отображения)

V. Словари:

1. Общие:

2. Национального языка.

2'. Литературного языка.

1'. Частные:

2. Книжного языка:

3. Языка отдельных жанров.

3'. Языка художественной литературы:

4. Язык отдельных писателей.

4'. Язык отдельных произведений.

2'. Некнижного языка:

3. Разговорной речи; просторечия.

3'. Диалектизмов:

4. Областных.

4'. Социальных.

Примечания к пятой схеме. Термины «словарь национального языка» и «словарь литературного языка» не нуждаются в особом объяснении. Заметим лишь, что в истории русской лексикографии нет четко разграниченных словарей этого типа. Словарь Ушакова мог бы быть почти идеальным примером V.1.2', словарь Даля и словарь Шахматова приближаются к типу V.1.2. Впрочем, вопрос о соотношении литературного и национального языка до такой степени слабо разработан, что деление V.1 на V.1.2 и V.1.2' очень условно.

Примеры частных словарей: V.1'.2.3 — Словарь глаг.-им. словосоч.; Частотн. сл. яз. газеты; V.1'.2.3'.4 — Словарь Пушкина; V.1'.2.3'.4' — Словарь «Слова»; V.1'.2'.3 — пустой класс; V.1'.2'.3'.4 — Филин; V.1'.2'.3'.4' — Жаргон преступников.

Шестая классификационная схема

(ДП — отражение исторических процессов)

VI. Словари:

1. Синхронные.

1'. Диахронные:

2. Перспективные.

2'. Ретроспективные:

3. Этимологические.

3'. Исторические:

4. Историко-динамические.

4'. Историко-регистрационные.

Примечания к шестой схеме. В синхронных словарях лексика определенных отрезков времени рассматривается вне временной координаты, вне движения словарного состава. Первая фиксация слова, история его возникновения в данном языке, этапы изменения семантической структуры, формы, функциональных характеристик таким словарем не отмечаются, во всяком случае последовательно (Даль; Филин; Ушаков; Тагиев). Диахронный словарь отражает динамику лексики определенного временного среза, рассматривая полностью или частично вопросы развития семантической структуры слов, появление и отмирание новых слов и значений, изменение формы и функции слова. Диахронный словарь, отмечающий новые слова и значения, назовем перспективным (Новые слова...). Ретроспективный историко-регистрационный словарь статически регистрирует все слова памятников большого временного среза, выявляет все зарегистрированные в памятниках выбранной эпохи значения этих слов: Сл. др. р. я. XI — XIV; Сл. р. яз. XI — XVII. Ретроспективный историко-динамический словарь — это тот «исторический в полном смысле» словарь, о котором писал Л. В. Щерба и который пока является пустым классом. Таким словарем должен стать «Словарь русского языка XVIII века».

Ретроспективный этимологический словарь понимается нами в традиционном смысле: Фасмер, Трубачев.

Седьмая классификационная схема (ДП — цель и назначение)

VII. Словари:

1. Учебные.

1'. Словари-справочники:

2. Нормативные:

3. Общеперспективные.

3'. Научно-нормативные.

2'. Описательные:

3. Общеперспективные.

3'. Научно-описательные.

Примечания к седьмой схеме. Обычно академический (нормативный) словарь противопоставляют словарю-справочнику. Мы будем считать словарь-справочник таким типом словаря, где читатель может найти справку о любых словах, значение или употребление которых ему неясно. Словари-справочники дифференцируются на нормативные и описательные словари. Нормативные словари дают семантическую, грамматическую, акцентологическую, экспрессивно-стилистическую и валентностную характеристику слов в соответствии с действующей нормой, определяющей образцовое употребление языковых средств и упорядочивающих речевую деятельность носителей данного языка. Характерная особенность нормативного словаря — развитая система предписывающих помет и отбор слов на основании строгого критерия.

Описательные словари должны по возможности полно описать существующее словоупотребление всего языка или его фрагмента.

Словарь может быть оснащен научным аппаратом (Шахматов; БАС; Филин; Словарь Пушкина) и не оснащен таковым (Ожегов; Орф. сл.; Даль).

Учебные словари — одноязычные и многоязычные — предназначены для лиц, изучающих данный язык. Такие словари характеризуются очень жестким отбором лексики и наличием (при каждом слове)

минимально необходимой лексикографической информации. Примеры: Словарь глаг.-им. словосоч.; Уст. словосоч. р. я.

Переводные двуязычные словари могут быть и описательными и нормативными. Обычно это зависит от того, на основании какого непереводного одноязычного словаря создан данный переводной словарь. Чаще всего переводные двуязычные словари — нормативного типа, так как они устанавливают норму эквивалентов единиц двух литературных языков. Пример переводных описательных словарей: Дворецкий. Примеры переводных нормативных словарей: Бернштейн; Тагиев.

Восьмая классификационная схема (ДП — проприативность / нарицательность ЗСБ)

VIII. Словари:

1. Ономастиконы:

2. Антропонимические:

3. Этнонимов.

3'. Собственных имен.

2'. Неантропонимические.

1'. Апеллятивы.

Примечание к восьмой схеме. Ономастиконы нами понимаются вполне традиционно. Конtradикторный класс — апеллятивы. Примеры ономастиконов: VIII.1.2.3 — Сл. названий жителей; VIII.1.2' — Кратк. топоним. сл.; VIII.2.3' — Сл. русск. имен.

Предлагаемая лексикографическая классификация, относя словарь к какому-либо типу, призвана очертить его общие контуры, выявить все типологические и дифференциальные признаки. Она необходима и достаточна для дифференциации любых неидентичных словарей, и в то же время не обладает избыточностью (не имеет избыточных для дифференцирования признаков). Достаточно элиминировать хотя бы одну классификационную схему, и в координатах предлагаемой системы нельзя будет дифференцировать целую группу словарей.

Для регистрации принципиально новых типов словарей, которые будут появляться в будущем, в системе каждой классификационной схемы нетрудно построить новый класс без изменения каких-либо других элементов схемы. Например, если аналогические словари резко дифференцируются на словари с частичным и сильным гнездованием, достаточно расщепить класс II.1.2'.3' на два конtradикторных подкласса, чтобы зарегистрировать этот процесс. Более того, предлагаемые схемы могут использоваться в качестве вспомогательного материала для прогнозирования развития лексикографии.

В системе данной классификации практически все русские словари могут быть охарактеризованы однотипными ДП и, следовательно, типологически сопоставлены. Общую характеристику любого словаря можно записать символически, что бесполезно при создании ИПС. Так, словарь Ушакова может быть охарактеризован как объяснительный прямой строго алфавитный обычный глоссарий — атезаурус литературного языка синхронного типа и научно-нормативный словарь-справочник (апеллятив).

Некоторые словари по одной или двум классификационным схемам описываются двумя конtradикторными признаками. Так, «Немецко-русский фразеологический словарь» Л. Э. Биновича и Н. Н. Гришина может быть охарактеризован и как словарь словосочетаний (идиом) и как словарь предложений. Такое «поведение» реальных объектов классификации закономерно и не отрицает само ее существо.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова — Э. Е. Александрова, Словарь синонимов русского языка, М., 1968; БАС — «Словарь современного русского литературного языка». 1—17, М., 1950—1965; Бернштейн — С. Б. Бернштейн, Болгарско-русский словарь, М., 1966; Введенская — Л. А. Введенская, Словарь антонимов русского языка, Ростов-на-Дону, 1971; Грамматич. правильность — А. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря - вариантов, М., 1976; Дворецкий — И. Х. Дворецкий, Латинско-русский словарь, М., 1976; Даль. Пословицы — «Пословицы русского народа. Сборник... В. Даля», М., 1862; Даль — «Толковый словарь живого великорусского языка», 1—4, СПб., 1863—1866; Дескрипторные словари — «Словарь дескрипторов по химии и химической промышленности», М., 1966; Жаргон преступников — «Жаргон преступников. Пособие для оперативных и следственных работников милиции», М., 1952; Зализняк — А. А. Зализняк, Грамматический словарь, М., 1977; Кратк. Топоним. сл. — В. А. Никонов. Краткий топонимический

словарь, М., 1966; Молотков — «Фразеологический словарь русского языка», под ред. А. И. Молоткова, М., 1967; Новые слова... — «Новые слова и значения», под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, Л., 1971; Обратн. сл. — «Обратный словарь русского языка», М., 1974; Ожегов — «Словарь русского языка», сост. С. И. Ожегов, 2-е изд., М., 1952; Орф. сл. — «Орфографический словарь русского языка», под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро, М., 1965; Потиха — 3. А. Потиха, Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем, Л., 1974; Самойлов — К. И. Самойлов, Морской словарь, 1—2, М.—Л., 1939—1941; Сл. др. р. я. XI—XIV — «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» Введение, инструкция, список источников, пробные статьи, под ред. Р. И. Аванесова, М., 1961; Сл. названий жителей — «Словарь названий жителей РСФСР», под ред. А. М. Бабкина, Л., 1964; «Словарь названий жителей СССР», под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова, Л., 1975; Словарь Пушкина — «Словарь языка Пушкина», отв. ред. В. В. Виноградов, 1—4, М., 1956—1961; Сл. р. я. XI — XVII — «Словарь русского языка XI — XVII вв.» под ред. С. Г. Бархударова, 1—4, М., 1975—1977 (продолж.); Сл. русск. имен — Н. А. Петровский, «Словарь русских личных имен», М., 1966; Словарь «Слова» — «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», сост. В. Л. Виноградова, 1—4, Л., 1965—1973; Словарь глаг.-им. словосоч. — «Словарь глагольно-именных словосочетаний общенаучной речи», М., 1973; Словарь неправильных ...слов — И. П. Огиенко, Словарь неправильных и сомнительных слов и выражений в русской речи, Киев, 1914; Тагиев — М. Т. Тагиев, Русско-азербайджанский фразеологический словарь, Баку, 1974; Тихонов — А. Н. Тихонов и др., Русско-узбекский тематический словарь, Ташкент, 1975; Трубочев — «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», под ред. О. Н. Трубочева, 1—4, М., 1974—1977 (продолж.); Трудности — «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник», под ред. Е. С. Горбачевича, Л., 1973; Уст. словосоч. р. я. — К. В. Регина, Г. П. Тюрина, Л. И. Широкова, Устойчивые словосочетания русского языка, М., 1976; Ушаков — «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, 1—4, М., 1935—1940; Фасмер — «Этимологический словарь русского языка», 1—4, М., 1964—1973; Филин — «Словарь русских народных говоров», под ред. Ф. П. Филина, I — II, Л., 1965—1976 (продолж.); Частотн. сл. яз. газеты — Г. Я. Полякова, Г. Я. Солганик, Частотный словарь языка газеты, М., 1971; Шахматов — «Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Академии наук», 2, 1897—1907 (9 вып., вышедших под ред. А. А. Шахматова); Шанский Эт. сл. — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей, под ред. С. Г. Бархударова, М., 1961; Штейнфельдт — Э. А. Штейнфельдт, Частотный словарь современного русского литературного языка, Таллин, 1963.

Апресян Ю.Д. ХОТЕТЬ И ЕГО СИНОНИМЫ; ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с. стр. 434-436.

1. О понятии системной лексикографии

Системной лексикографией я называю теорию и практику составления словарей, трактующих лексику языка как достаточно хорошо организованную систему, т. е. как множество классов единиц с определенными для каждого класса операциями, или правилами.

Ключевым понятием системной лексикографии является понятие лексикографического типа. Лексикографический тип — это группа лексем, имеющих такие общие свойства, к которым обращаются определенные правила построения или понимания высказываний и фрагментов высказываний (правила грамматики данного языка в широком смысле слова) и которые требуют поэтому единообразного описания в словаре. Простейшим семантическим лексикографическим типом является синонимический ряд.

Понятие лексикографического типа в трех отношениях отличается от более традиционных понятий семантического поля, семантического класса, лексико-семантической группы слов и т. п.

1) Основанием для выделения лексикографического типа являются любые общие свойства лексем, а не только семантические. К числу таких свойств относятся морфологические, синтаксические, сочетаемостные, просодические, коммуникативные, семантические, прагматические и, может быть, некоторые другие свойства.

2) Понятие лексикографического типа, как следует из его определения, имеет смысл только в рамках интегрального описания языка, т. е. согласованного описания грамматики и словаря. В "интегральном" словаре лексемам приписываются те свойства, обращения к которым требуют правила грам-

матики в широком смысле (т. е. морфологические, синтаксические, сочетаемостные, просодические, коммуникативные, семантические, прагматические и другие правила построения или понимания высказываний и их фрагментов). Между тем в понятие семантического класса представление о каких-либо правилах никак не входит.

3) Лексикографические типы образуют не строгую иерархию классов, а многократно пересекающиеся классы, поскольку одна и та же лексема может попадать в разные классы по каждому из своих свойств, а также по любой лексикографически интересной совокупности свойств.

Системность синонимических рядов проявляется в двух отношениях.

Во-первых, значительная часть тех семантических признаков, по которым сходятся и различаются элементы данного ряда, оказывается общей для многих других рядов, для других типов семантических отношений между словами (антонимии, конверсивности и т. п.), для противопоставления значений в семантической структуре многозначных слов, а за пределами лексики — для морфологических, словообразовательных и синтаксических оппозиций, т. е. для языка в целом.

Во-вторых, благодаря существенной семантической близости элементы синонимического ряда одинаковым или сходным образом реагируют на грамматику языка в широком смысле (см. выше).

Помимо таких общих свойств, определяемых принадлежностью синонимов к одному и тому же лексикографическому типу, для объяснительного синонимического словаря первостепенную важность представляют и их личные свойства, все то, что составляет неповторимое своеобразие каждой лексемы. Важен не только лексикографический тип, но и лексикографический портрет.

П. Н. Денисов СЛОВАРЬ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ // Советская лексикография: Сб. ст. (Редкол.: Караулов Ю.Н. и др.) – М., «Русский язык», 1988. – 271 с. – С. 19 – 32.

Теория лексикографии обобщает словарную практику на всем протяжении ее исторического развития. Будучи тесно связанной с лексикологией, она достаточно самостоятельна по своему предмету, методам и концептуальному аппарату. Теория лексикографии — это теория адекватного истолкования, эксплицитного описания и конструктивного представления всего словарного состава языка или его репрезентативной части. Теория лексикографии состоит из типологии словарей (и словников) и теории семантизации (интерпретации и демонстрации значений).

Теория истолкования тесно связана с семантикой как частью лексикологии, но она ставит вопросы, остающиеся в тени в лексической семантике как части лексикологии, а именно: вопросы адекватного метаязыка лексикографических описаний, разновидностей и систем лексикографических дефиниций, функций рисунков (остенсивных определений), лексических рядов (сочетаемости слов), оправдательных примеров и т. д. Конструктивное представление результатов лексикографических интерпретаций и описаний подразумевает разработку структуры (формата) словарной статьи, ее разделов, рубрик и позиций, семиотического оформления (цифры, шрифты, абзацы, схемы, условные знаки, ремарки, пометы и т. д.).

Теория лексикографии имеет свои идеализированные абстрактные объекты, которые позволяют показать ее логические пределы и экстралингвистические ограничения. Она имеет свою аксиоматику.

Важнейшим идеализированным абстрактным объектом (конструктом) теории лексикографии должен быть признан мысленный образ универсального словаря как лексического свода, венчающего типологию словарей.левой частью такого всеобщего лексического свода должен быть теоретически мыслимый универсальный словник, правой — исчерпывающее, адекватное универсальное толкование каждой единицы словника, а также всех их связей между собой и с культурно-историческим фоном.

Универсальный словник подразумевает конструктивную возможность документирования всего словарного состава языка: а) в одном синхронном срезе, б) во всем историческом объеме. Универсальное адекватное толкование разворачивается в универсальный формат словарной статьи. В этом формате должны быть предусмотрены конструктивные способы интерпретации, демонстрации, описания и представления всех релевантных признаков лексических единиц. Основной единицей является слово, но универсальный словник берет на учет системно значимые обозначения реалий и понятий, идиоматичные по общему смыслу и не сводимые к отдельным словам. Кроме того, в универсальной словарной статье должны быть предусмотрены конструктивные способы описания и представления всех релевант-

ных связей между единицами. Наконец, не может игнорироваться и весь диапазон связей лексических единиц с культурно-историческим фоном, с историей народа – носителя языка.

При конструктивном подходе к идеальным объектам, т. е. к универсальному словарю, словнику и толкованию, нельзя абстрагироваться от трех неперемных условий: существует ли конструктивная возможность 1) записать и объяснить весь универсальный словник, 2) исчислить все отсылки от единицы к единице, т. е. зафиксировать все внутренние и внешние связи единиц, 3) обеспечить быстрое действующую и однозначную систему поиска требуемой информации.

Введение в теорию лексикографии идеальных объектов, т. е. логически мыслимых предельно обобщенных лексикографических объектов, должно опираться на реальные психологические, социальные, семиотические, логические и лингвистические законы функционирования словарного состава языка как в синхронии, так и в диахронии. Опираясь на эти законы, отправляясь от них, отвлеченный анализ идеальных лексикографических объектов помогает воочию увидеть предельные точки лексических описаний, вскрыть их конструктивную природу.

Реальным психологическим прообразом, прототипом универсального словаря является пока в деталях не известный науке способ хранения и извлечения лексической информации из памяти индивида – носителя языка. Словарный запас индивида меньше универсального синхронного словника. Но у каждого коренного носителя языка есть твердая субъективная уверенность в полном и свободном владении словарным составом своего родного языка. Так обнаруживаем и принципиально акцентируем логическую антиномию части и целого в синхронном состоянии словарного состава языка. Коммуникативная полноценность индивида обеспечивается частью словарного состава языка. Эта индивидуальная часть общего словаря по своим коммуникативным возможностям равносильна (равнозначна) всему словарному составу. Из этого логически следует, что словарный состав языка коммуникативно неоднороден. В нем есть коммуникативно ценное лексическое ядро и факультативная периферия.

В количественном отношении словарный запас индивида как психологическая реальность не приводит нас к универсальному словнику. Количественные границы универсального словника обусловлены исторически и лежат в области социологии и социальной лингвистики. Зато индивидуальный словарь как психологическая реальность служит конструктивным доказательством того, что в принципе можно смоделировать запись всех внутренних и внешних связей лексических единиц, можно смоделировать (например, в искусственном интеллекте) такую систему поиска необходимой лексической информации, которая сможет работать в реальном масштабе времени, т. е. со скоростью, задаваемой естественным темпом речи.

Разграничение на основе психологических, нейрофизиологических данных порождения и восприятия речи готовых (актуальных) и потенциальных (готовых к актуализации *ad hoc*) единиц заставляет нас выводиться из этих фактов все логические следствия, основные из которых можно сформулировать так.

Противопоставленность и соотносительность речевого кодирования и декодирования подразумевает принципиальную обратимость единиц и матриц языка, их функционирование «туда и обратно». При порождении речи интенция и мысль способны «уложиться» в допустимые системой цепочки актуальных и потенциальных (актуализированных *ad hoc* по матрицам) единиц, а при восприятии речи обратный процесс возможен в пределах, удовлетворяющих «уровень притязаний» членов общества на взаимопонимание.

Существенным в этом же семантическом плане является также то, что при амнестической афазии больной забывает названия предметов и пытается заменить забытое название предмета его описанием. Забыв первичные имена предметов, больной прибегает к эквивалентным описательным заменам, т. е. к вторичным, составным именам. Эти экспериментально установленные факты вооружают теорию лексикографии доказательством психологической реальности ее самых высоких абстракций. Особенно важно то, что эти факты служат экспериментальным доказательством психологической достоверности первой и единственной аксиомы теории лексикографии. Единственной аксиомой лексикографии является вера в способность человека понять смысловую эквивалентность слова и поставленного ему в соответствие описательного выражения (лексикографической дефиниции). Без этой аксиомы словари были бы невразумительны. Человек интуитивно обязан понимать равенство смыслов (эквиваленцию, семическое уравнение). Это — аксиома синонимии, или абстракция отождествления. Из нее вытекает теорема: для каждого ЛСВ найдется описательное выражение, верно отражающее его релевантные семантические признаки. Знание языка (в известных пределах) предполагается. Словарь комплементарен к знаниям языка своих читателей. Он дополняет, уточняет, систематизирует, т. е. эксплицирует их интуитивные пред-

ставления. Несмотря на единственность аксиомы синонимии, она подразумевает постулат о наличии универсального лингвистического, логического и реального знания, служащего фоном восприятия словарной информации. Фигура смыслового тождества воспринимается только на фоне вышеприведенного постулата.

Из исследований детской речи известно, что прямые (вещественные) значения слов также опираются на видимый, воспринимаемый мир. Перенос значения, метафора — качественно новая ступень семантического видения мира. Когда малые дети всходят на эту ступень, перед ними открывается новый мир, в котором дожди идут, ручьи бегут, а буря — та вообще: «то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя». «Транспозиция (перенос значения) есть основной факт всей языковой системы» [Карцевский].

Кроме прямых (вещественных) и переносных (образных) значений, имеющих отчетливую соотнесенность с внешним миром, внеязыковой реальностью, имеются языковые значения, формирующиеся под давлением системы языка, под влиянием узуса и исторической инерции словоупотребления.

Понятия универсальных словаря, словника, словарной статьи, равносильность части и целого в словарном составе языка, обеспечивающая коммуникативную полноценность индивида перед лицом всего общества, различение актуального и потенциального статусов лексических единиц, их обратимость в процессах производства и восприятия речи, находящая отражение в эквивалентности разных номинаций одного и того же денотата, разграничение прямых и переносных, свободных (невыводимых, произвольных, немотивированных) и связанных (выводимых, мотивированных, образуемых по матрицам) вторичных значений, понятия всеобъемлющего отсылочного аппарата, отражающего связи между единицами, и безотказно и быстро действующей системы поиска, — все эти абстрактные объекты, конструкции, категории, универсалии теории лексикографии находят себе приложение и специфически преломляются в принципиально новом типе словаря, каковым должен стать Словарь языка В. И. Ленина.

Ларин Б. А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 675–682.

Традиция выборочных (дифференциальных) словарей к произведениям великих писателей восходит еще к филологии античной Греции, Рима. Средневековые словотолкователи к «Священному писанию» и отдельным, допущенным к распространению авторам тоже были дифференциальными. Современные издания памятников старой письменности и некоторых писателей нового времени также включают пояснительные выборочные словарики. Их назначение — помочь неосведомленному читателю понять неизвестные слова в тексте. А зачем же объяснять слова общеизвестные? Отсюда и представление о дифференциальности словаря писателя как неоспоримой норме.

Задача создания полного, исчерпывающего словаря впервые была поставлена и принята филологами для мертвых классических языков (латинского и греческого) на том основании, что 1) там любое слово требует объяснения; 2) нет роста, дальнейшего обогащения латинского и греческого языков античной поры, а следовательно, ни искать предела, ни спорить о пределе отбора слов не приходится. Сейчас коллективными усилиями ученых подобный тезаурус (Тпеааигиа) составляется в Чехии по памятникам старославянского языка.

Однако еще в первой половине XIX в. идея полного словаря стала вдохновлять и лексикографов живых языков. Немецкие филологи недавно закончили великое словарное начинание братьев Гримм.

Англичане создали словарь-тезаурус английского языка, выпустив большой Оксфордский словарь (на свой лад делают это американцы в непрерывно повторяющихся изданиях большого словаря Вебстера). Наконец, и академический семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка относится к тому же типу.

Но если можно составить относительно полный словарь живого языка, то тем более осуществимой задачей является полный словарь писателя, завершившего свой жизненный путь, или полный словарь одного значительного произведения писателя.

Как в словаре-тезаурусе национального языка, так и в полном словаре писателя основная задача не в объяснении непонятного слова или его необычного употребления, а в систематизации и истолковании всего лексического богатства национального языка или сочинений писателя как внутренне целостного (отражающего сложившуюся идеологию), эпохального (четко ограниченного во времени и характеризующего свою эпоху) и вполне объективного, исключая произвол отбора, оценочный или предвзятый подход (ибо всякий пробел, всякое упущение лишают возможности составлять точные, достоверные суждения о данной лексической системе).

Итак, наиболее простым и исторически оправданным представляется деление всех разновидностей словаря писателя (как и национальных и областных словарей) на два типа: а) дифференциальные, б) полные. В древнерусской лексикографии создан был термин «произвольники» для словариков, в которых предлагались на выбор толкователям «Священного писания» синонимы, проясняющие устаревшие, забытые слова отдельных темных мест текста церковных книг. Вот этим термином «произвольники» я бы и определил самую суть составляемых теперь дифференциальных словарей писателей. Но в этом случае, конечно, ощущался бы новый план значения этого слова: выборка слов писателя по произволу составителя словаря. А в этом главный недостаток дифференциальных словарей.

Научно ценными могут быть только полные словари литературного памятника или избранного писателя. Существенно, что они отвечают любым запросам, любому способу пользования, удовлетворяют любые нужды исследовательского и справочного порядка. Но еще важнее то, что только полный словарь писателя или памятника системен, эпохален и документально достоверен (как уже сказано выше).

Уточняя, добавим, что и дифференциальность, и полнота словаря определяются по четырем измерениям: 1) по словнику (составу заглавных слов); 2) по разработке значений и употреблений слов; 3) по цитации (исчерпывающему или выборному указанию, в каких местах текста встречается слово); 4) по грамматической и стилистической квалификации.

Большинство дифференциальных словарей по всем четырем измерениям дает произвольно-выборочные сведения.

Первый полный словарь писателя — Словарь языка Пушкина⁴ — в некоторых своих измерениях оказывается дифференциальным⁵. Он полон по реестру слов (словнику), по грамматическим сведениям, по цитации (за несущественными и оговоренными исключениями, в нем учтены и указаны все случаи употребления каждого слова у Пушкина), но он дифференциален в описании значений и дефектен по стилистическим сведениям. Семантические определения не даются при однозначных словах, а при словах многозначных намечены только те значения, каких нет у данного слова в современном литературном языке; неописанные значения показываются (иллюстрируются) цитатами и некоторыми другими приемами (указаниями, к чему слово относится, от чего произведено, с каким еще словом сопоставимо и т. д.). От стилистической квалификации слов составители Пушкинского словаря совсем отказались. В этом очевидное отклонение словаря от модели избранного составителями жанра.

Спор с составителями Пушкинского словаря — дело будущего. Сейчас я хочу лишь отвести некоторые соображения, высказывавшиеся лексикологами (сторонниками «ограниченной полноты» словаря писателя), что имеет значение и безотносительно к Словарю языка Пушкина.

1. Надо ли пояснять то, что само по себе ясно?

Не все, что ясно пушкинисту с двадцати — тридцатилетним стажем или образованному человеку преклонных лет, воспитанному чуть ли не на русской литературе пушкинского периода, достаточно полно или верно понимается нашей молодежью и еще трудней и превратней будет восприниматься нашими внуками, когда они захотят понять Пушкина. Словарь должен все пояснить и дать возможность точно судить о доле и степени общепонятного, не уходящего за рубеж современности в лексике Пушкина, а спустя пятьдесят лет и в лексике Горького или Маяковского.

2. Сами по себе цитаты из сочинений писателя все объясняют лучше, чем это может сделать лексикограф.

В очень редких случаях подбор цитат делает вполне ясным для опытного филолога (но не для любого читателя) смысл слова, но в подавляющем большинстве случаев этот подбор наводит на догадки, но не дает знания и уверенности в точном понимании значения слова. Семантические определения подводят к точному пониманию гораздо ближе. Конечно, даже самые квалифицированные лексикографы иногда дают неудачные (трудные, нескладные, тусклые) семантические определения (в этом можно убедиться, читая любой словарь), но это не снимает необходимости искать всех возможных путей к верному, ясному и достойному писательского словаря определению значений.

3. Зачем пытаться объяснить то, что недостаточно понятно самим составителям словаря?

У Пушкина сейчас, а у современных писателей через несколько десятилетий, найдется ряд выражений и слов, понимаемых приблизительно, наугад. Немало слов вышло и что ни день выходит из обихода, немало значений и употреблений слова забылось. Если составителю словаря они не вполне ясны, он

⁴ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956-1961.

⁵ См: Там же. Т. 1. С. 10 (Предисловие).

должен применить все способы исследования, чтобы осветить темные места текста. Мы добиваемся полной ясности, работая над текстами, написанными тысячелетия назад, как же можно отступать перед трудностями истолкования слов у Пушкина или у М. Горького? И то, что уже не всем понятно, и то, что еще не вполне разъяснено пушкинистами (или специалистами по другому избранному писателю), должно быть просветлено, истолковано в словаре писателя.

<...>

Полный алфавитный словарь писателя-классика — только первый этап работы как дань лексикографической традиции. За ним должен последовать второй, завершающий этап — идеологический словарь писателя. Здесь будет уместен дифференциальный принцип, но легко понять, что эта дифференциальность уже не наивная, не произвольная, а точно отработанная, необходимая. Это задача гораздо более сложная, поэтому она отодвигается и нами до второго тура горьковской лексикографии.

В этом словаре не должно быть места ни первым незрелым литературным опытам писателя, ни вариантам и черновикам, ни случайным «бытовым» рукописям избранного автора. Идеологический словарь писателя включает только канонические тексты, лишь то, что вошло в вековой фонд русской и мировой литературы. При тематическом подборе материала само собой отсеивается все, что можно назвать «породой», в которой таились крупинки и слитки драгоценного металла: словесных образов, словесных идеограмм, символов, носящих неповторимые качества творческой индивидуальности писателя.

В таком словаре будут представлены циклы такого, например, рода, как слова, определяющие социальные характеры, социальные оценки, социальные идеалы; слова, применяемые для создания зрительного образа людей, образов природы; слова слуховых образов; прямое изображение и символика птиц, растений; лексические средства иронии и юмора; цикл лексики труда, профессий; народнопоэтические реминисценции в лексике писателя; религиозная лексика; философская лексика и т. д.

В этом перечне, конечно, нет еще плана идеологического словаря писателя, а только иллюстрация замысла, пока почти абстрактного. Первыми опытами подготовки материала для второго этапа, для идеологического словаря, являются статьи Г. А. Лилич о слове *серый* и С. В. Трифионовой о слове *голубой*⁶.

Идеологический словарь писателя не могут составлять узко замыкающиеся в своей специальности лингвисты, для этой задачи необходима широкая подготовка и литературоведческая, и в области истории общественной мысли, политической истории. В этих словарях должно быть показано творческое преломление традиций жанра и общих традиций литературного языка — именно как сферы мастерства, а не общенародной стихии; творческая разработка живой народной речи — в свете идеологии писателя, его этических устремлений, его противоборства с враждебными литературными (идеологическими) направлениями.

Идеологические словари не только по содержанию, но и по форме, по стилю и структуре будут отличны от академических и от алфавитных писательских словарей. Это будут не словари-справочники, а словари-монографии о творческом стиле писателя, соревнующиеся с «эссеистскими» монографиями литературоведов.

Едва ли надо добавлять, что для идеологических словарей не может быть предложен единый композиционный план. Круг тематических циклов и их распорядок для каждого писателя должен быть найден свой, наиболее целесообразный, не повторяющий даже удачного образца — какого-нибудь другого писательского словаря. И способ толкований, лексикографический стиль не должен утверждаться как неизменный для этого нового жанра. Словарь А. Блока и по объему, и по композиции, и по манере изложения должен отличаться от словаря Гоголя или Чехова, — это всякому ясно. <...>

Лексикографический портрет глагола выйти // **Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография.** — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.

стр. 485-493

1. Понятие лексикографического портрета

⁶ См.: Лилич Г. А. О слове *серый* в творчестве М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 120-135; Трифионова С. В. О прямом и образном употреблении слова *голубой* у М. Горького // Там же. С. 136-147.

Под лексикографическим портретом лексемы понимается ее словарная статья, выполненная в рамках единого, или интегрального, описания языка.

Принцип интегральности требует, чтобы словарь и грамматика были согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по способам ее записи. Только в этом случае словарь и грамматика способны взаимодействовать друг с другом в рамках целостной лингвистической модели. Практически это означает две вещи.

С одной стороны, каждой лексеме в ее словарной статье должны быть в явном виде приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать правила грамматики (настройка словаря на грамматику). Под правилами грамматики понимаются при этом достаточно общие лингвистические правила, включая, например, просодические, семантические, прагматические, коммуникативные и сочетаемостные.

С другой стороны, каждое правило грамматики должно быть построено с учетом того, какая информация приписана лексемам, составляющим его область действия (настройка грамматики на словарь).

Лексикографический портрет как элемент словаря, мыслимого в рамках интегрального лингвистического описания, существенно отличается от обычного словарного описания.

1) В него включаются некоторые принципиально новые типы информации о лексеме, раньше никогда не входившие в словарь. Такова, например, информация о нетривиальных просодических, коммуникативных и прагматических свойствах лексемы.

2) Традиционные типы информации существенно расширяются. Так, прежде единое однослойное толкование теперь расчленяется и подается как совокупность ряда отдельных семантических структур (ассерции, пресуппозиции, модальная рамка, рамка наблюдения). Сами семантические компоненты внутри толкования делятся на сильные (сохраняющиеся в любых условиях употребления лексемы) и слабые (снимаемые, вычеркиваемые более сильными элементами контекста). Серьезно расширяется и объем сочетаемостной информации. Раньше сочетаемость рассматривалась по преимуществу в лексическом плане. Между тем у лексемы есть еще интересные просодические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические и коммуникативные сочетаемостные свойства и ограничения.

3) Вся лингвистическая информация в словаре записывается на том же самом формальном языке, что и в грамматике.

К этим трем пунктам сводятся собственно лингвистические отличия лексикографического портрета от обычного словарного описания. Есть, однако, между этими двумя объектами и металингвистические различия. Они вызваны тем, что словарь лексикографических портретов решает некую сверхзадачу, в общем чуждую толковому словарю обычного типа. Сверхзадача словаря лексикографических портретов состоит в том, чтобы представить лексику языка как систему. Это определяет еще два отличия лексикографического портрета от обычного словарного описания.

4) Делается попытка продемонстрировать мотивированные связи между различными свойствами лексемы, например, связь между ее значением, с одной стороны, и ее просодическими особенностями и моделью управления, с другой.

5) Лексикографический портрет лексемы пишется на фоне определенного лексикографического типа. Лексикографическим типом мы предлагаем называть более или менее компактную группу лексем, имеющих общие свойства (просодические, синтаксические, семантические, коммуникативные и т. п.) и требующих поэтому единообразного словарного описания. Лексикографический тип тем интереснее, чем больше число таких свойств и число лингвистических правил, требующих обращения к ним.

Сказанное значит, что в каждой словарной статье должны быть отражены как те свойства лексемы, которые она делит с другими лексемами языка (проблема унификации, или лексикографических типов), так и то, что отличает ее от других лексем (проблема индивидуализации, или лексикографических портретов).

В настоящее время автор работает над словарем управлений и сочетаемости русского глагола, в основу которого положена составленная им русская часть двуязычного словаря. Новая работа задумана как словарь лексикографических портретов, с одной существенной оговоркой.

Определенные ограничения на полноту характеристики лексемы накладывает то обстоятельство, что обсуждаемый словарь является именно словарем управления и сочетаемости. Поэтому некоторые важные типы информации, например информация о синтаксических и семантических производных глагола (ср. лечить — лечение, врач, пациент, болезнь, лекарство, больница и т. п.), в нем отсутствуют. Однако в пределах фиксированного объекта мы стремились дать максимально полную, интегральную и систе-

матическую картину глагольной лексики, т. е. удовлетворить все требования жанра лексикографических портретов.

Помимо уже отмеченных выше особенностей этот жанр обладает еще и тем достоинством, что способен аккумулировать многие существенные достижения современной теоретической лингвистики.

К 60-м годам нынешнего столетия стало совершенно очевидно, что получать принципиально новые лингвистические знания, работая с такими традиционными объектами, как классы слов, невозможно. В результате осознания этого факта произошел прорыв в две совершенно новые области: на одном направлении — в макромир, или лингвистику текста, на другом — в микромир, или лингвистическое портретирование.

В рамках последнего направления предметом скрупулезных лингвистических исследований сделались отдельные слова или даже отдельные значения слов. Они стали описываться с небывалой прежде детальностью и полнотой. Впервые за долгую историю своего существования теоретическая лингвистика начала производить по крайней мере полуфабрикат для лексикографии. Не воспользоваться этой возможностью лексикографически воплотить находки теоретиков значит упустить шанс коренным образом обновить все словарное дело.

Чтобы дать более полное представление о задуманном словаре лексикографических портретов, рассмотрим общую схему его словарной статьи и включаемые в него типы информации о глагольной лексеме.

2. Схема словарной статьи и типы лексикографической информации.

В общем случае словарная статья (лексикографический портрет) глагольной лексемы состоит из следующих восьми зон, по числу ее лексикографируемых свойств: 1. морфологической, 2. стилистической, 3. семантической, 4. прагматической, 5. просодической и коммуникативной, 6. синтаксической (в нынешнем варианте словаря в ней помещаются только модели управления, но, например, не синтаксические признаки лексем), 7. сочетаемостной, 8. фразеологической. Ниже содержание каждой из этих зон, за исключением последней, будет рассмотрено несколько более подробно и, в случае необходимости, коротко проиллюстрировано; в качестве иллюстраций могут использоваться любые факты русского языка, а не только глагольная лексика.

1. Морфологическая информация: 1.1. тип парадигмы (указывается с помощью ряда ключевых форм); 1.2. аспектуальный коррелят и ограничения на формы вида, времени, наклонения, лица, числа и т. п. (ср. указание, что в значениях 'оказываться, выясняться' и 'быть обращенным в какую-либо сторону' глагол выйти употребляется только в форме НЕСОВ: Вы, выходит, мой дядя при невозможности "Вы, вышло, мой дядя и Окна кухни выходят во двор при невозможности *Окна кухни вышли во двор); 1.3. варианты морф одной и той же граммемы (ср. глаголы завернуть, заготовить, осмыслить, срезать, подсеять, каждый из которых имеет по две формы НЕСОВ: заворачивать и завертывать, заготовливать и заготавливать, осмыслять и осмысливать, срезать и срезывать, подсеивать и подсеивать); 1.4. способность быть частью аналитической формы (ср. быть в будет читать <работать,...>).

2. Стилистическая информация в разрабатываемой версии словаря дается с помощью традиционной системы стилистических помет. Существенное отличие принятой в словаре стилистической классификации лежит не в области ее оснований (стилистических признаков), а в области объектов классификации: предметом стилистической классификации могут быть не только словесные значения и слова, но и синтаксические конструкции или даже свободные словосочетания, реализующие данное значение.

3. Семантическая информация: 3.1. аналитическое толкование данного лексического значения, с выделением в толковании асертивной части (лично-глагольная форма в синтаксически главном предложении толкования), пресуппозиций (деепричастные или причастные обороты или придаточные предложения в тексте толкований) и модальных рамок; 3.2. различные употребления в рамках одного и того же лексического значения (ср., для связочного значения быть, употребления с подлежащим в форме ИМ, с подлежащим в форме РОД в количественной конструкции, с инфинитивным или пропозициональным подлежащим и т. п.; ср. Парень был слегка навеселе. Людей было много, Ждать было некогда, Жаль, что он уехал); 3.3. комментарии о допустимых комбинациях лексических и грамматических значений в разных контекстуальных условиях (ср. ограничения на реализацию аспектуальных значений локативного быть в отрицательных предложениях с подлежащим в форме ИМ или РОД: Отец не был на море [общефактическое значение НЕСОВ, но не актуально-длительное] — Отца не было на море [актуально-длительное значение НЕСОВ, но не общефактическое]); 3.4. возможность семантического проти-

вопоставления между двумя разными формами выражения одной и той же граммеы (ср. противопоставление нулевой формы и формы есть глагола быть в (квази) посессивном значении: Мальчику три года = 'ровно три' — Мальчику есть три года = 'не меньше трех'); 3.5. семантические связи данной лексемы с другими лексемами на парадигматической оси языка, т. е. в словаре (точные и неточные синонимы, аналоги, точные и неточные конверсивы, точные и неточные антонимы).

4. Прагматическая информация: 4.1. прагматические признаки, такие, как способность употребляться перформативно или неспособность цитироваться (ср. фразему как быть?, допускающую использование в косвенной речи, и фразему так и быть, употребляющуюся только перформативно в прямой речи); 4.2. нетривиальные иллокутивные функции лексемы (ср. высказывания с глаголом знать в императиве в контексте придаточных предложений, вводимых союзом что, не имеющие иллокутивной функции побуждения: Знай, что она тебя любит); 4.3. статусы говорящего и слушающего в социальной, возрастной, образовательной или иной иерархии (ср. употребление личных местоимений ты и вы); 4.4. лексические коннотации или вещные ассоциации, отличные от компонентов значения в собственном смысле (ср. коннотацию монотонности у глагола пилить, коннотацию резкости у глагола рубить, коннотацию быстроты у глагола стрелять).

5. Просодическая и коммуникативная информация: 5.1. обязательность — возможность — невозможность выделения данной лексемы главным фразовым ударением; 5.2. способность — неспособность данной лексемы служить в качестве темы или ремы высказывания (ср. внутренне релативный характер фактивных глаголов, таких, как понимать, знать, видеть, особенно рельефно проявляющийся при их сопоставлении с преимущественно тематическими путативными глаголами типа считать, полагать, находить: первые могут, а иногда и должны стоять под главным фразовым ударением, в то время как вторые никогда не несут главного фразового ударения, хотя могут иметь контрастное или логическое, ударение: Вы понимаете, что вам ничего не угрожает? - Вы считаете, что вам ничего не угрожает?).

6. Информация о моделях управления: 6.1. семантические валентности лексемы, указываемые в виде переменных в пропозициональной форме, образующей вход толкования (ср. А вербует В из X-а для У-а в/на С на Т, где Л — вербующий, В — вербуемый, X — множество людей, из числа которых вербуется В, У — деятельность, для которой вербуется В, С — место, куда В должен выехать для работы, а Г — время, на которое В нанимается); 6.2. поверхностно-синтаксические (падежные, предложно-падежные и иные) способы оформления семантических валентностей; 6.3. синтаксическая факультативность/обязательность валентностей; 6.4. синтаксическая соподчинимость/несоподчинимость валентностей; 6.5. трансформируемость моделей управления в рамках одного и того же лексического значения (фразы типа Он был в меховой шапке — На нем была меховая шапка, несмотря на синонимичность, не считаются трансформами, поскольку в них реализуются разные лексические значения глагола *быть*).

7. Информация о сочетаемости, или сочетаемостных ограничениях: 7.1. морфологическая (ср. сочетание Вы вежливого с прилагательным в единственном числе в полной форме и во множественном числе в краткой форме: Вы недостаточно самостоятельная — Вы недостаточно самостоятельны при невозможности (в литературном языке) *Вы недостаточно самостоятельные и *Вы недостаточно самостоятельна); 7.2. стилистическая (глагол быть в значении 'прибывать, приезжать' употребляется в стилистически нейтральной конструкции типа Ивана сегодня не будет и в устаревшей конструкции типа Вы будете к нам завтра?); 7.3. семантическая (глагол выйти в значении 'быть израсходованным' сочетается с предложно-падежной формой за + Нвин, где позицию N заполняет любое существительное со значением отрезка времени: За день <за неделю, за месяц, за год, ...> выходит около семидесяти рублей); 7.4. лексическая (глагол выйти в значении 'перестать быть в каком-либо состоянии' сочетается с предложно-падежной группой с предл. за, где позицию N может занимать существительное из лексически замкнутого списка: Ваша статья вышла за рамки <за пределы, за границы> установленного объема); 7.5. прагматическая (Вы вежливое сочетается, за пределами литературной нормы, с полной формой прилагательного не только в единственном, но и во множественном числе, однако тогда говорящий демаскирует свой низкий образовательный уровень: Уж больно вы обидчивые); 7.6. просодическая (у глагола быть в форме ПРОШ главное фразовое ударение в отрицательном предложении перетягивается на отрицательную частицу не во всех формах, за исключением ЖЕН: не был, не было, не были); 7.7. коммуникативная (глагол быть в значении 'существовать' обычно выносится в препозицию к подлежащему и образует тему высказывания: Есть люди, которые не любят музыку); 7.8. синтаксическая (ср. обязательность зависимого при атрибуте — параметрическом существительном: опухоль величиной с яйцо).

8. Фразеологическая информация.

В.П. Берков.

О словарях XXI века (из лингвистической футурологии)

// Мир русского слова. № 3. 2000. С. 65 – 69.

У этой статьи в принципе простая цель: сформулировать, почему нас во многом не удовлетворяют словари конца XX века и **чего мы хотим и имеем основания ждать от лексикографии в ближайшие десятилетия.**

Говорить о словарях будущего можно только в абстрактном плане, поскольку никто, даже специалисты, не представляют себе уровень электронно-вычислительной техники XXI века. Правда, можно с уверенностью предполагать, что прогресс в этой области будет значительным.

В целом критика современных словарей одноязычных и, в еще большей степени, двуязычных во многом обоснованна. Словари зачастую не дают ответа на многие закономерные вопросы, грешат неточностями и пропусками. Дефиниции в толковых словарях порой неполны и допускают разные интерпретации, эквиваленты в двуязычных словарях не всегда адекватны и т. д. <...>

Недостатки современных словарей могут быть разделены на две основные группы — антропогенные и имманентные.

Антропогенные недостатки словарей, т. е. недостатки, обусловленные, как сейчас говорят, человеческим фактором, в большей или меньшей мере, конечно, неизбежны, но, в принципе, преодолимы. К таким недостаткам можно отнести выбор не всегда оптимальных эквивалентов в переводных словарях, не вполне точные дефиниции в словарях толковых, пропуски и т. д. В конце концов, словари делаются людьми, а люди есть люди, и порой просто им не хватает подготовки или способностей (о последнем как-то не принято говорить). Впрочем, все эти ошибки малоинтересны, и они не фатальны. Досадно лишь то, что по такого рода вполне преодолимым ошибкам судят о словарях вообще.

Нас сейчас занимают **имманентные недостатки** словарей. Под ними подразумеваются те недостатки, которые свойственны как словарям вообще, так и словарям XX века как сложившемуся типу справочных пособий.

Из имманентных недостатков словарей вообще прежде всего надо назвать следующий: *словари описывают язык, а пользователь имеет дело, как, правило, с речью.* Язык в принципе конечен, речь в принципе бесконечна. Даже самый полный словарь не сможет отразить и тем более предвидеть индивидуальные речевые особенности.

Однако ограниченность словарей XX века во многом задана параметрами данного типа справочников. Из-за ограниченности места будет говориться преимущественно об одном из их видов — о словарях двуязычных.

На первое место среди таких параметров надо поставить **объем.** Оставим в стороне особые случаи типа 11-томного русско-словацкого словаря. Из переводных словарей, изданных в России, самый обширный — 3-томный англо-русский (560 авторских листов). Но реально ли в наше время выпустить, скажем, русско-португальский словарь такого объема? Или шведско-русский? Или, скажем, китайско-финский?

Причины, по которым пока нереально выпускать такие словари, прежде всего экономического характера, и этот прозаический фактор весьма существен. Сколько человек в мире приобрело бы, к примеру, датско-русский словарь в трех томах стоимостью, скажем, 300 долларов? А исландско-русский? (Всех исландцев сейчас менее 280 тысяч, а количество людей в России, изучающих исландский серьезно, измеряется единицами.)

Однако дело не только в финансовой стороне. Начинающему пользователю большой словарь не нужен: он в нем «тонет». Ему нужен небольшой словарь, не пугающий его обилием значений и длинным рядом эквивалентов, т. е. словарик попроще, маленький, который может дать четкий ответ на несложный конкретный вопрос.

Таким образом, один полюс пользователей словарей составляют люди, которым нужна весьма элементарная информация. Другой полюс составляют те, кто ищет в словаре ответы на весьма сложные вопросы. В принципе, всем категориям пользователей нужны свои словари, т. е. словари, различающиеся

степенью разработки слова и, следовательно, объемом. Такие серии словарей разного объема для конкретных пар языков существуют, правда, для «больших» языков (английский, немецкий, французский). <...>

Остановимся на переводных словарях большого объема, которые, повторимся, пока остаются для подавляющего большинства пар языков недостижимой мечтой. Несложно показать, что даже нынешние словари большого объема (начиная от 150—200 а. л.) не могут включить в себя значительного объема необходимой информации.

Рассмотрим для иллюстрации этого тезиса простой на первый взгляд пример. Как хорошо известно, широко употребляемой в германских языках конструкции «существительное / местоимение + глагол со значением 'иметь' (have, haben, ha, hebben и т. д.)» в русском языке соответствуют две конструкции, которые условно можно назвать «у него...» и «у него есть...». Для иностранцев освоение этих конструкций сопряжено с немалыми трудностями, например, норвежец может сказать по-русски *у меня есть грипп* и *я не тороплюсь, у меня есть время*. Внимательный анализ показывает, что дистрибуция этих конструкций описывается целым рядом правил, в которых должны учитываться довольно тонкие нюансы. Мы хорошо чувствуем разницу между *у меня есть машина* (т. е. 'я владею машиной') и *у меня машина* (т. е. 'я сегодня на машине, в моем распоряжении есть машина'). Ср. также *у меня есть семья* и *у меня семья* с иными нюансами. В разговорной речи широко употребительны предложения типа *у нее почки / нервы / желудок*. Ср. далее варианты реплик на собрании *у меня есть предложение* и *у меня предложение*. Об этом можно писать довольно долго, но детали или точность формулировок правил для нас сейчас не важны. нас в данной связи интересует чисто лексикографическая сторона вопроса — как дать эту безусловно нужную информацию в словаре, прежде всего двуязычном? Правила получаются достаточно громоздкие, и их изложение требует много места. В 3-томном немецко-русском словаре под ред. Р. Лёча в переводах примеров с *haben* просто дано *есть* в скобках.

Словари во многих случаях дают значительную информацию подобного рода в виде примеров. Молчаливо предполагается, что пользователь либо сам индуктивным методом сформулирует для себя правила, либо бессознательно усвоит правильное употребление. Опыт показывает, что эти предположения иллюзорны.

Но если мы решим дать пользователю такие правила, проблема будет заключаться не только в месте. Для того чтобы формулировки этих правил были строгими и точными, приходится оперировать довольно сложными абстрактными понятиями, так что правила могут оказаться слишком трудными для филологически неподготовленных пользователей, которых большинство.

Можно возразить, что такая информация — компетенция не словаря, а грамматики. На самом же деле в грамматиках такие вопросы затрагиваются далеко не всегда. Вообще — и это очень важно для двуязычной лексикографии — существуют многочисленные и обширные «зоны ничьей земли», «мертвые зоны», т. е. области, считаемые грамматистами сферой лексикологии («лексиконом») или узуса / прагматики (а где эти узус / прагматика описываются достаточно полно?), а лексикологами (лексикографами) — сферой грамматики. Три из многих имеющихся примеров (пара «русский — норвежский»).

Норвежскому *du* в русском соответствуют и *ты* и *вы*. Как точно сообщить пользователю, в каких ситуациях следует употреблять *вы*? (В Норвегии на *ты* обращаются друг к другу незнакомые люди на улице, продавец и покупатель, профессор и студент и т. д.)

Русскому суффиксу *-ск-* в именах королей, царей, князей и т. п. (Александр Македонский, Маргарита Наваррская) в норвежском соответствует предлог *av* (+ соответствующий топоним). Знать это пользователю нужно, поскольку обычный двуязычный словарь не может включить в себя все такие имена.

Более сложный пример. При обозначении нахождения в общественном транспорте и перемещения в нем в норвежском используется предлог *pa*, основное русское соответствие которого *на*, например (для краткости дается только буквальный русский перевод) *я читаю газету на автобусе, я встретил его на трамвае, на самолете нам дали завтрак (но я подожду тебя в машине)*. При этом различается 'нахождение при использовании' (как в примерах выше) и 'конкретное обозначение пространства внутри транспортного средства', например *в автобусе жарко*. Приведенные только что формулировки правил показывают сложность проблемы. Кстати, сходные правила действуют при обозначении учреждений (опять буквальный русский перевод): *каждый день он бывает на университете / в университете длинные коридоры*.

Вообще, отметим попутно, формулировки правил употребления предлогов — весьма непростая задача. Порой отношения, ими выражаемые, носят настолько абстрактный характер, что их трудно (а иногда и просто невозможно) точно передать словами естественного языка.

Сказанное имело целью показать, что даже в больших двуязычных словарях XX века не находится места для очень важной грамматической / семантической информации.

Другой крупнейший имманентный недостаток словарей (как двуязычных, так и одноязычных) нашего времени — это «атомизация» информации. Имеется в виду следующее. В лексике языка есть системно организованные области, например, синонимические ряды, семантические поля и т. д. Далее, есть ряды лексем, отражающие связанные между собою понятия (например, обозначения мер, званий, разных ступеней образования и т. п.). При презентации материала исключительно в алфавитном порядке эти весьма важные связи слов не отражаются. Кроме того, при нынешнем стремлении дать в двуязычном словаре побольше переводных эквивалентов или в толковом словаре побольше синонимов в дефиниции, отношения между членами синонимического ряда скорее затушевываются, нежели проясняются. Если слово во входном языке словаря обозначает 'смелый', то переводной словарь обычно предлагает пользователю ряд *смелый, храбрый, бесстрашный, отважный, мужественный* и т. д.

Впрочем, в отношении разграничения синонимов в переводной лексикографии произошел отрядный сдвиг. В 1979 г. был издан превосходный «Англо-русский синонимический словарь», созданный под руководством А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна. Показательно, что этот словарь объемом 58 а. л. описывает 350 синонимических рядов. Вместе с тем не менее показательно, что точные и тонкие формулировки, содержащиеся в этом словаре, лишь в малой степени отражены в упомянутом выше 3-томном англо-русском словаре под редакцией того же Ю. Д. Апресяна. А уж про русско-английские словари и говорить не приходится. Под редакцией Ю. Д. Апресяна в 1997 г. вышел также очень интересный словарь русских синонимов. Очень интересен и полезен «Русский семантический словарь» под ред. Н. Ю. Шведовой.

Стало общим местом делить словари на языковые и энциклопедические. Тут есть ряд спорных моментов, но сейчас об этом говорить не будет. Существенно, что по мнению многих серьезных лексикографов хороший двуязычный словарь должен, в частности, быть и культурологической (страноведческой) энциклопедией в самом широком смысле этого слова. Тема «словарь и культура» сама по себе весьма обширна, здесь же я на нескольких элементарных примерах постараюсь показать, как отсутствие культурологической информации в двуязычных словарях не позволяет читателю понять текст.

Предложения *Присели* (= присядем перед дорогой), *Мне сегодня черная кошка перебежала дорогу*, *Дороги не будет* непонятны нерусскому, а русско-иноязычные словари, как правило, о приметах и т. п. ничего не сообщают.

Реалии описываются обычно (и в толковых словарях) только с материальной стороны, без описания символического значения или их функции. Правда, есть исключения. В очень хорошем словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова дается совершенно необходимая информация о березе: *«Берёза — один из символов России, русской природы <...>. Ветви берёзы — атрибут праздника Троицы: ими украшают жилище, их возлагают на могилы усопших и т. п. Верхний слой коры этого дерева широко используется в народных промыслах»*. В толковом словаре Ожегова / Шведовой в статье *берёза* такой информации нет. Правда, и в словаре под ред. С. А. Кузнецова *валенки* определяются как *"мягкая зимняя обувь, с высоким голенищем, сваленная из шерсти"*, т. е. отсутствует важный элемент информации: эта обувь в настоящее время в городах, кроме особых случаев, вышла из употребления. Предложение *Доцент Н. ходил в университет в ватнике и валенках* едва ли будет правильно понято иностранцем, пользующимся только толковыми словарями русского языка.

Далее. Даже при пространной и адекватной дефиниции далеко не обо всех реалиях пользователь словаря может получить правильное представление по чисто вербальной (словесной) дефиниции, см. статью *городки* в словаре под ред. С. А. Кузнецова. В определенных случаях необходимы графические иллюстрации.

Графические иллюстрации — особая проблема. В ряде стран они довольно широко вводятся в толковые словари, значительно реже — в переводные. Между тем они просто необходимы во многих случаях, не только, разумеется, для реалий. С помощью графических иллюстраций в ряде случаев можно, в частности, преодолеть и «атомизм» словарей, о котором упоминалось выше. Особенно это важно для переводных словарей.

Двуязычный словарь — основной учебник иностранного языка. Между тем эта его **педагогическая направленность** учитывается скорее как исключение, нежели как правило.

Одна из проблем — **лемматизация**. Предположим, иностранцу, пользующемуся каким-либо русско-иноязычным словарем, встретились в тексте формы *сомнут, разошьёт*. Чтобы найти «словарные формы» (т. е. инфинитивы *смять* и *расшить*), или лемматизировать эти словоформы, он должен знать ряд частных правил. Статьи типа *сомн-, разошь-* встречаются в современных словарях крайне редко.

О произношении. Как известно, даже самая точная транскрипция дает лишь приблизительное представление о произношении. Вместе с тем уже появились фонетические словари, которые дают возможность услышать реальное произношение.

Не имея возможности остановиться на многих других минусах словарей нашего времени, затрону напоследок еще два. Первая проблема — **имена собственные**. Из обширного ряда вопросов назову небольшую их часть. Пользователю надо знать не только названия стран и их столиц — это во множестве словарей единственный список имен собственных (в нем непременно будет страна Кот-д'Ивуар, ее столица Ямусукро), но и как, к примеру, на выходном языке звучат такие собственные имена, как Наполеон, Иоанн Павел I, «Преступление и наказание», «Ночной дозор» и т. д. Все время появляются актуальные собственные имена, передача которых пользователю неизвестна.

Вторая проблема. В переводные словари не принято включать самостоятельными статьями **аффиксы** — префиксы, суффиксы (для некоторых языков трансфиксы и циркумфиксы). А они важны и для переводов слов, по тем или иным причинам не включенных в словарь, для новых и авторских слов и т. п. Статьи о них, где описываются их значения и указываются их соответствия на выходном языке, существенно повышают ценность словаря.

Подведем некоторые итоги. Был назван ряд недостатков, присущих словарям нашего времени. Некоторые из них коренятся в сложившейся традиции. Большая часть недочетов, которые были названы имманентными, вполне преодолима, если будет снята проблема объема словаря. Она решается при компьютеризации лексикографии.

Итак, каким в общих чертах может выглядеть двуязычный словарь XXI века?

1. Он может быть **колоссальным по своему объему**.

Будет ли он на компакт-дисках, или на каких-либо других носителях, гадать не стоит, да это и не имеет принципиального значения. Можно упомянуть, что, например, в маленькой Норвегии еще в середине 90-х годов появились компакт-диски, на одном из которых умещается 25 переводных словарей, а на другом — однотомная энциклопедия, большой орфографический словарь (в Норвегии это совсем особый тип справочника, прежде всего грамматического) и еще три словаря — крылатых слов, иностранных слов и синонимов. Существенно, что уже на этих CD возможен поиск не только лемм (заглавных слов), но и слов в статьях. Особая программа позволяет приводить текстовые формы слов к «словарному виду» (лемматизировать их).

2. Такой огромный словарь целесообразно **структурировать концентрически**. Имеется в виду следующее. Материал статьи будет во многих случаях состоять из нескольких блоков информации, начиная от блока минимальной информации, требующейся, скажем, начинающему пользователю, до блока максимальной информации, нужной специалистам. Иными словами, такой словарь будет допускать поступенчатое извлечение информации — в зависимости от потребности пользователя. Кстати, таким же образом может быть решена проблема разделения вынужденно бидирекциональных словарей нашего времени на активные и пассивные.

3. В одной единице можно будет **объединить ряд словарей** (возможно, впрочем, что они будут сведены в один). При необходимости пользователь сможет выходить, скажем, из переводного словаря в толковый, в отраслевой, энциклопедический и т. д. Уже сейчас техника позволяет осуществлять быстрый поиск слова по множеству документов, через какое-то время это будет делаться легко и очень быстро.

4. Словари смогут быть **звуковыми**, т. е. пользователь всегда сможет при желании услышать, как звучит то или иное слово, или словосочетание, или вся статья.

5. Словарь будет давать **полную грамматическую информацию** о словах входного и выходного языков. Он сможет по запросу конструировать любую форму слова, например, для русского языка предложный падеж мн. ч. (*друг — о друзьях*), 2 лицо будущего времени (*сжать I — сожмёшь, сжать II — сожнёшь*). И, естественно, сможет осуществлять лемматизацию иноязычного слова.

6. Хорошо известно, что наши словари пока не могут достаточно полно показывать **сочетаемость** слова. Словари будущего, надеемся, смогут преодолеть этот недостаток.

7. В словаре будет содержаться **информация о системных связях слова**: синонимические ряды с четким описанием смысловых, стилистических, оценочных, сочетаемостных и др. параметров лексемы. Он даст возможность получить информацию об антонимах, семантических полях и пр.

8. В словари будет во всех нужных случаях включен **графический иллюстративный материал** (цветной).

9. В словари будет включен обширный материал по **именам собственным**. Кроме того, будут иметься программы (они, кстати, несложны) по транскрибированию новых или периферийных имен.

10. Будет организована постоянно работающая **«служба обновления»**, оперативно и регулярно сообщающая пользователям все *addenda & corrigenda*. Особенно требует такого непрерывного «освежения» информация, связанная с культурой (в самом широком смысле) языкового коллектива, и научно-техническая терминология. Через сеть типа Интернет или того, что может прийти ей на смену, пользователи легко будут дополнять свои словари новой информацией.

Сохранятся ли в XXI веке «бумажные» словари? Это будет зависеть от того, сохранятся ли «бумажные» книги. Скорее всего, да. Но точно этого никто не знает.

Из сказанного вытекает, что перед лексикографами будущего стоят сложнейшие задачи и им предстоит колоссальная работа. Нет нужды говорить о том, насколько компьютеры уже эффективизировали ее. Но, вопреки мнению поборников машинной лексикографии, компьютеры никогда не заменят думающего человека. Напротив, роль лексикографов должна будет возрасти, но вместе возрастут и требования к ним. Для этого важно **целенаправленно готовить такие кадры**, чего пока, к сожалению, не делается. Стоит начать думать об этом уже сейчас.

В заключение несколько слов о **стандартизации** словарей. Огромный практический опыт, накопленный человечеством в области лексикографии, еще ждет своего обобщения. Пока же многие удачные решения, найденные словарниками в одних странах или работающими с одними языками, остаются неизвестными лексикографам других стран или работающим с другими языками. Продолжается «изобретение новых велосипедов», порой значительно уступающих уже изобретенным и требующих от пользователя освоения все новых систем подачи материала. Между тем выработка **эталонных** словарей позволила бы как эффективизировать словарную работу, так и облегчить пользователям работу с ними. Хочется надеяться, что со временем человечество начнет учить детей в школе пользованию словарями разных типов.

Думается, есть основания с оптимизмом смотреть в будущее лексикографии — этого нужнейшего, древнейшего, не стареющего и всегда актуального вида лингвистической деятельности человека.